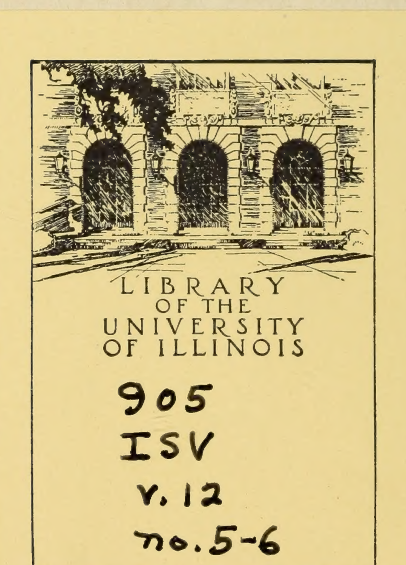

1153

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
905
ISV
v. 12
no. 5-6

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

МАЙ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1891 г.

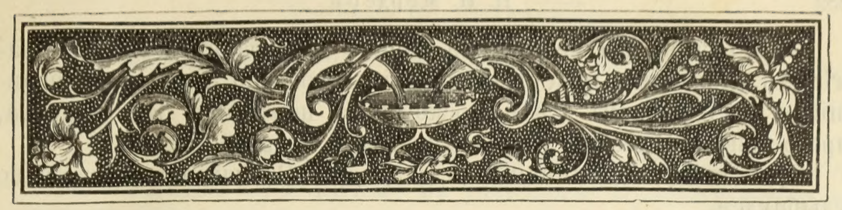
См. слѣд. стр

ГРАФЪ АРСЕНІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЗАКРЕВСКІЙ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 апрѣля 1891 г.

ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

О ПРИЧИНАХЪ побудившихъ ротмистра Воротынцева, одного изъ самыхъ блестящихъ кавалеровъ и выгодныхъ жениховъ столицы, взять одиннадцати-мѣсячный отпускъ и уѣхать въ глубь Россіи, въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ шли самые разнообразные толки.

Родственникамъ своимъ и начальству онъ объявилъ, что желаетъ привести въ порядокъ родовое имѣніе, доставшееся ему послѣ прабабки, и гдѣ онъ ни разу не былъ послѣ ея смерти. Ростовщиковъ, считавшихъ за нимъ болѣе ста тысячъ долгу, (послѣднее время онъ шибко игралъ), Александръ Васильевичъ увѣрилъ, что онъ ѣдетъ въ деревню за деньгами, чтобъ расплатиться съ ними, а пріятелямъ своимъ вралъ всякій вздоръ о пресыщеніи столичными удовольствіями, клялся, что его тянетъ на лоно природы и что онъ желаетъ вкусить наконецъ отъ тѣхъ идиллическихъ наслажденій, о которыхъ такъ много говорятъ добродѣтельные люди и такъ краснорѣчиво описываютъ въ назидательныхъ книжкахъ, и которыхъ ему ни разу еще не удавалось ни испытать, ни видѣть.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIV, стр. 5.

— Но развѣ вы не провели вашего дѣтства въ деревнѣ? — замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ, вѣроятно кое-что слышавшій о скандальномъ дѣлѣ московскаго помѣщика Воротынцева, прогремѣвшаго десять лѣтъ тому назадъ по всей Россіи.

При этомъ напоминаніи Александръ Васильевичъ загадочно улыбнулся.

— Ну, въ той деревнѣ, гдѣ я провелъ мое дѣтство, идиллическаго было мало,—уклончиво отвѣчалъ онъ.

И свернулъ разговоръ на другой предметъ.

Слишкомъ дорожилъ онъ фамильною честью, чтобъ потѣшать публику разсказами о томъ, что происходило въ подмосковномъ селѣ Яблочки, во время его дѣтства. Но самъ-то онъ отлично все помнилъ, и подлую жонку Дарьку, и безшабашную ватагу ея вѣчно пьяныхъ приспѣшниковъ и любовниковъ. Помнилъ, какъ эти мерзавцы крали женъ и дочерей у мелкопомѣстныхъ сосѣдей, какъ расправлялись съ чиновниками, являвшимися изъ Москвы производить надъ ними слѣдствіе, какъ они развратничали съ крестьянскими и дворовыми бабами и дѣвками и какъ истязали тѣхъ, которыя осмѣливались имъ противиться. Помнилъ онъ дикій разгулъ пьяной толпы подъ звуки домашняго оркестра, безобразныя оргіи, длившіяся до разсвѣта и нерѣдко кончавшіяся такими драками, послѣдствіемъ которыхъ являлись тяжкія и даже иногда смертельныя увѣчья.

Сюда съѣзжались изъ Москвы, для расправы между собою, заклятые враги; сюда заманивали обманнымъ образомъ должники своихъ заимодавцевъ и расплачивались съ ними на вѣки ударомъ ножа въ бокъ изъ-за угла въ тѣнистомъ паркѣ и тому подобными способами.

Сюда пріѣзжали вѣнчаться на похищенныхъ дѣвицахъ, наслаждаться преступною любовью съ чужими женами, тутъ происходили такія насилія, такъ попирались человѣческія права и законы, что когда, благодаря письму Марѳы Григорьевны государю, наряжено было надъ выжившимъ изъ ума старикомъ Воротынцевымъ слѣдствіе и всплыла наружу, далеко не вся, а только часть дѣяній, за которыя жонка Дарька поплатилась ссылкой въ Сибирь, въ Петербургѣ пришли въ негодованіе и ужасъ. Подмосковное село Яблочки оказалось, въ полномъ смыслѣ этого слова, ничто иное какъ притонъ злодѣевъ, гдѣ по мѣсяцамъ и годамъ находили себѣ надежнѣйшій пріютъ такіе мошенники и разбойники, которымъ давнымъ давно слѣдовало быть на каторгѣ.

Александръ Васильевичъ выѣхалъ семнадцатилѣтнимъ юношей изъ этого разбойничьяго гнѣзда и, надо ему отдать справедливость, безъ чувства брезгливости и отвращенія вспоминать о немъ не могъ; хотя, надо и то сказать, что возмущался онъ не столько фактами, сколько той грубостью и цинизмомъ, которыми они сопровождались.

По природѣ своей онъ былъ жестокъ и порывистъ, способенъ на самые высокіе подвиги, какъ и на самыя ужасныя преступленія.

Съ большимъ умомъ, разносторонне развитымъ, онъ все понималъ, все допускалъ и ничему не удивлялся. Преобладающею чертою его характера было любопытство. Жизнь представлялась ему интереснѣйшей штукой, которую непремѣнно слѣдуетъ во всѣхъ подробностяхъ изучить и испытать, все видѣть, все испробовать, всѣмъ насладиться.

Религіи у него не было никакой.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ походилъ на большую часть людей его круга и воспитанія.

Юношей, когда еще маркизъ былъ при немъ, онъ увлекался вмѣстѣ съ нимъ энциклопедистами, но впослѣдствіи и къ философамъ восемнадцатаго столѣтія сталъ относиться критически, и когда у него спрашивали во что̀ онъ вѣритъ, онъ, не задумываясь, отвѣчалъ, что вѣритъ въ одинъ только умъ и ни во что̀ больше.

Въ то время, когда онъ собрался ѣхать въ Воротыновку, ему было двадцать пять лѣтъ, онъ былъ на отличной дорогѣ, замѣчательно красивъ собой, самоувѣренъ до нахальства и смѣлъ до дерзости. Съ холоднымъ сердцемъ, капризный, мстительный, онъ слылъ однимъ изъ опаснѣйшихъ селадоновъ столицы.

Любовницъ во всѣхъ слояхъ общества у него было столько, что онъ давно имъ счетъ потерялъ, но любви онъ еще не испыталъ и отвергалъ самое существованіе этого чувства.

Какъ прабабка его, Марѳа Григорьевна, утверждала, что хворають одни только дураки, такъ правнукъ ея говорилъ, что одни только идіоты страдаютъ отъ любви.

Женщины ему были нужны только для наслажденія, и онъ хвастался тѣмъ, что всякую изъ нихъ можетъ покорить, ничѣмъ особеннымъ для этого не поступаясь, не обременяя себя даже обѣщаніями и клятвами, какъ другіе.

Послѣднее время онъ сталъ говорить о женитьбѣ, какъ объ обрядѣ, который каждому порядочному человѣку обязательно надъ собой совершить не позже тридцати лѣтъ. И рѣчи эти, интересовавшіеся имъ люди, невольно сопоставляли съ частыми его посѣщеніями дома князя Молдавскаго, одного изъ вліятельнѣйшихъ и богатѣйшихъ сановниковъ Петербурга и выводили изъ этого обстоятельства, что онъ хочетъ жениться на княжнѣ Мари, единственной дочери князя.

Это была набалованная, экцентричная дѣвушка двадцати лѣтъ, красивая, большая кокетка, выросшая безъ матери, (князь былъ въ разводѣ съ женой), подъ надзоромъ гувернантокъ, которыхъ она въ грошъ не ставила, и у которыхъ одна только и была цѣль въ жизни—льстить ей и угождать.

1*

Княжна стала отличать Воротынцева съ перваго дня ихъ знакомства, но когда у нея спрашивали, вышла ли бы она за него замужъ, она со смѣхомъ отвѣчала, что не рѣшила еще.

Онъ казался ей слишкомъ значительнымъ для мужа. Съ нимъ весело и занятно, ни минуты нельзя соскучиться, постоянно будешь испытывать сильныя ощущенія, — а княжна Мари ничего такъ не обожала какъ сильныя ощущенія — но нужно ли все это въ мужѣ?

Она въ этомъ сомнѣвалась.

Однако, это не мѣшало ей кататься съ нимъ верхомъ, танцовать на балахъ больше чѣмъ съ другими и проводить съ нимъ вечера и у себя, и у общихъ знакомыхъ, настолько часто, на сколько это было возможно при той свѣтской, разсѣянной жизни, которую они оба вели.

Къ веснѣ они сошлись еще ближе и строгія маменьки съ ужасомъ передавали другъ другу, будто ихъ видѣли гуляющими вдвоемъ рано утромъ по отдаленнымъ аллеямъ Лѣтняго сада: «Non, c'est trop fort! Elle se compromet horriblement, c'est une folle!» — утверждали всѣ. И со вздохами лицемѣрнаго соболѣзнованія жалѣли ее и приписывали ея conduite légére тому печальному обстоятельству, что у нея матери нѣтъ. Другіе же замѣчали, что все это непремѣнно должно кончиться свадьбой и что, по всей вѣроятности, они ужъ и теперь женихъ и невѣста, только не желаютъ этого объявлять.

И вдругъ, Александръ Васильевичъ взялъ отпускъ и уѣзжаетъ изъ Петербурга надолго, можетъ быть, навсегда.

— Je me fais planteur de choux,—повторялъ онъ съ афектаціей всѣмъ, кто у него спрашивалъ, почему онъ бросаетъ службу.

Такое рѣшеніе можно было бы объяснить неудачнымъ сватовствомъ, еслибъ ему не удалось такъ влюбить въ себя княжну, что она блѣднѣла, краснѣла и терялась при его появленіи, слѣдила за нимъ всюду глазами, не понимала о чемъ съ нею говорятъ въ его присутствіи и такъ вся преображалась отъ одного его взгляда или слова, что сомнѣваться въ томъ, что она къ нему неравнодушна, было невозможно.

Можетъ быть, отецъ ея не желаетъ имѣть Воротынцева зятемъ? Но тогда какъ объяснить то обстоятельство, что онъ принятъ у нихъ какъ свой человѣкъ?

Всѣ терялись въ догадкахъ.

Маленькая баронесса Лиди, кузина Воротынцева, которая и сама была влюблена въ него года три тому назадъ, а теперь играла съ нимъ очень усердно въ дружбу, заболѣла отъ любопытства на этотъ счетъ. Она ему такъ и сказала, когда онъ пріѣхалъ съ нею проститься.

— Dites moi ce qu'il y a eu entre vous et Marie Moldavsky? J'ai

tellement envie de le savoir, que j'en mourrai si vous ne me le dites pas!

Она ждала услышать въ отвѣтъ дерзость, но онъ только засмѣялся и посовѣтывалъ ей подождать умирать.

— Vous le saurez un jour,—прибавилъ онъ, цѣлуя ея руку нѣжнѣе обыкновеннаго, какъ-будто для того, чтобъ поблагодарить ее за участіе.

Это ободрило ее.

— Vous l'aimez?—тихо прошептала она, заглядывая ему пытливо въ глаза.

— Je pars,—отвѣчалъ онъ, все съ той же загадочной улыбкой.

Такъ маленькая баронесса ничего и не узнала.

II.

Происходило это всего только три недѣли тому назадъ.

Но Петербургъ былъ отъ него теперь такъ далекъ и между тамошними впечатлѣніями и здѣшними лежала такая глубокая пропасть, что ему казалось, что прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ оттуда выѣхалъ.

Не успѣлъ онъ еще здѣсь порядкомъ осмотрѣться, а ужъ начиналъ испытывать засасывающее вліяніе здѣшней атмосферы.

Этотъ просторъ безграничный во всемъ, раздолье раскинутыхъ на необозримое пространство лѣсовъ и полей, гдѣ все, до послѣдней травки, принадлежало ему, гдѣ не только земля, но и люди составляли его неотъемлемую собственность, сознаніе силы и власти, все это наполняло ему душу какимъ-то особеннымъ, ни разу еще не испытаннымъ до сихъ поръ наслажденіемъ и довольствомъ.

Всѣхъ онъ здѣсь выше, никого надъ нимъ нѣтъ. Чтобы онъ не сдѣлалъ, никто не осмѣлится осудить его, онъ здѣсь все можетъ, все.

Инстинкты деспота, подавленные воспитаніемъ, общеніемъ съ людьми ему равными, условіями свѣтской жизни и дисциплиной военной службы, начали пробуждаться въ немъ едва только онъ переступилъ порогъ прародительскаго дома.

Гости, пріѣхавшіе съ нимъ и которыхъ онъ самъ пригласилъ отдохнуть у него подольше въ Воротыновкѣ, прежде чѣмъ продолжать путь дальше, теперь стѣсняли его, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ отъѣзда.

Не хотѣлось ему, при постороннихъ, вступать въ свою роль барина.

Одинъ изъ пріѣхавшихъ съ нимъ молодыхъ людей, сынъ богатаго екатеринославскаго помѣщика, встрѣтивъ какъ-то Мароиньку рано утромъ въ паркѣ, вздумалъ было любопытничать на ея счетъ и, восхищаясь ея красотой, выразилъ желаніе съ нею познакомиться.

Александръ Васильевичъ не могъ сдержать порывъ гнѣва и отвѣчалъ ему такъ дерзко, что гость на другой день уѣхалъ.

Но это не помѣшало молодому барину сказать мимоходомъ Ѳедосьѣ Ивановнѣ, что ему непріятно встрѣчать рано утромъ женщинъ въ паркѣ.

Съ этого дня, не только Марѳинька не ходила больше гулять въ тѣ мѣста, гдѣ можно было встрѣтить властелина Воротыновки, но также и всѣ прочія обитательницы усадьбы дѣлали большой крюкъ, чтобъ не попасться ему на глаза.

На Марѳиньку онъ тоже смотрѣлъ какъ на свою собственность, какъ на существо, вполнѣ отъ него зависящее.

Не заинтересоваться ею онъ не могъ. Она была такъ хороша собой, что послѣ того, какъ ему удалось увидать ее въ окнѣ, онъ долго не могъ придти въ себя отъ пріятнаго изумленія и, мысленно повторяя про себя съ восхищеніемъ: délicieuse! délicieuse!—рѣшилъ, что дѣвочка эта доставитъ ему много пріятныхъ минутъ во время его добровольной ссылки.

Онъ совсѣмъ забылъ про ея существованіе тамъ, въ Петербургѣ, а между тѣмъ изъ нея вышла, за эти десять лѣтъ, такая красавица, что стоило пріѣхать сюда для того только, чтобъ съ нею познакомиться, честное слово!

Какой кокетливо-обдуманный костюмъ на ней былъ, чортъ побери!

И отъ кого выучилась она такъ граціозно откидывать назадъ гибкій станъ, выставляя на показъ всю красоту бюста? Когда она подняла кверху руки, чтобы заколоть гребенкой массу волосъ, съ трудомъ обхваченныхъ маленькими, бѣлыми пальчиками, онъ залюбовался этимъ бюстомъ. Хороши были также и руки. Широкіе рукава пудермантля соскользнули, обнаживъ ихъ по самыя плечи, когда она подняла ихъ, чтобъ подколоть волосы.

Видѣніе продолжалось не болѣе трехъ-четырехъ минутъ, но оно крѣпко запечатлѣлось въ его мозґу.

Надо сознаться, что если Марѳинька дѣйствовала съ умысломъ, то она тонкая кокетка. Сначала она лежала въ своемъ креслѣ у окна, совершенно неподвижно и съ закрытыми глазами, можно было думать, что она спитъ, и только тогда, когда онъ успѣлъ налюбоваться ея пурпуровыми губами, длинными рѣсницами, тонкими темными бровями, прямымъ съ горбинкой носомъ и нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, показала она ему вдругъ то, чтò у нея было всего лучше—глаза, глубокіе, темные, такіе выразительные, что увидѣвъ ихъ разъ, никогда нельзя было забыть.

Да онъ и не желалъ ихъ забывать. Ему доставляло большое наслажденіе думать, что глазки эти тутъ, близко, подъ одной съ нимъ кровлей, и что ему стоитъ только захотѣть, чтобы смотрѣть въ нихъ сколько ему будетъ угодно.

Да, преинтересный и преоригинальный романъ разыграется у него здѣсь съ этой деревенской ingénue.

И какъ тонкій аматеръ, знающій толкъ въ наслажденіяхъ и умѣющій ими пользоваться, онъ не торопился, не накидывался на кушанье, какъ голодный обжора, рискующій испортить себѣ желудокъ, а предвкушалъ удовольствіе сначала воображеніемъ.

Онъ былъ убѣжденъ также и въ томъ, что чѣмъ дольше заставитъ онъ Маѳиньку ждать знакомства съ нимъ, тѣмъ нетерпѣливѣе и страстнѣе будетъ она ждать этого знакомства.

Она должно быть не глупа. Сама избѣгаетъ съ нимъ встрѣчъ. Зановѣска у окна, передъ которымъ онъ ее видѣлъ, ни разу не отдергивалась съ тѣхъ поръ. Но, разумѣется, она откудова-нибудь да смотритъ на него, когда онъ прогуливается по саду или сидитъ съ своими гостями на террасѣ и куритъ изъ трубки, съ длиннымъ чубукомъ въ бисерномъ чехлѣ.

Спровадивъ одного изъ своихъ пріятелей, онъ сталъ спроваживать и другого. Придумалъ для этого какую-то поѣздку въ дальній хуторъ и такъ часто говорилъ про эту поѣздку, что гость, наконецъ, догадался, что онъ здѣсь лишній и объявилъ, что ему пора домой.

Его не удерживали.

Двѣ недѣли прошло съ того дня, какъ Александръ Васильевичъ пріѣхалъ въ Воротыновку, и до сихъ поръ онъ еще и за хозяйство, какъ слѣдуетъ, не принимался, и съ хорошенькой обитательницей восточной башни не нашелъ удобной минуты познакомиться.

Минута эта настала, наконецъ.

III.

— Должно быть письмо читаетъ, — таинственнымъ шопотомъ объявилъ Мишка Ѳедосьѣ Ивановнѣ, съ часъ времени послѣ того, какъ проводили послѣдняго гостя изъ Воротыновки.—Ушли внизъ и заперлись тамъ въ кабинетѣ.

Ѳедосья Ивановна перекрестилась и со вздохомъ вымолвила:

— Что̀-то будетъ!

Мишка угадалъ вѣрно. Александръ Васильевичъ вынулъ, наконецъ, изъ чернаго, дубоваго бюро большой конвертъ съ надписью: «Правнуку моему, Александру Воротынцеву», сломилъ большую гербовую печать и сталъ читать бабушкино предсмертное посланіе.

Послѣдніе дни мысль о Маѳинькѣ такъ неотвязно преслѣдовала его, что даже въ эту торжественную минуту, онъ не могъ о ней не вспомнить и съ улыбкой подумалъ, что навѣрное бабушка поручаетъ ему свою любимицу въ этомъ письмѣ. Проситъ не оставить ее, пристроить, дать ей, можетъ быть, приданое...

Но онъ нашелъ тутъ совсѣмъ не то, что̀ ожидалъ.

Письмо, съ начала до конца, состояло не изъ просьбъ, а изъ приказаній, выраженныхъ въ такой рѣзкой и строгой формѣ, обставленныхъ такъ для него невыгодно, что не выполнить этихъ приказаній оказывалось невозможнымъ.

За каждымъ параграфомъ слѣдовала угроза, начинавшаяся словами:

«А буде правнукъ мой, Александръ Воротынцевъ, этой моей воли не исполнитъ, имѣетъ Петръ Бутягинъ понудить его къ тому жалобой на него въ судъ, съ предъявленіемъ копіи съ сего документа за моею подписью».

Петръ Бутягинъ долженъ былъ соблюдать интересы всѣхъ, которыхъ Марѳа Григорьевна возлюбила до конца: Ѳедосьи Ивановны, Митиньки, Самсоныча, Марѳиньки.

Особенно Марѳиньки.

Объ ней въ письмѣ Марѳы Григорьевны, было очень много. Ей завѣщано было крупное состояніе: капиталъ въ сто тысячъ рублей, положенный въ опекунскій совѣтъ со дня ея рожденія, домъ купленный въ Москвѣ на ея имя, другой домъ въ губернскомъ городѣ, на который Александръ Васильевичъ съ тѣхъ поръ какъ себя помнилъ, привыкъ смотрѣть какъ на свою собственность.

Изъ драгоцѣнностей своихъ Марѳа Григорьевна жаловала Марѳинькѣ такія вещи, которыя наслѣднику ея не стыдно было бы поднести даже своей будущей женѣ въ видѣ свадебнаго подарка.

А кромѣ того, когда Марѳинька будетъ выходить замужъ, онъ долженъ былъ уступить ей деревню Дубки съ пятьюстами душъ, да дворовыхъ изъ воротыновскихъ, кого пожелаетъ взять.

«И выйти ей непремѣнно за дворянина, чтобъ фамилію себѣ настоящую получить и крѣпостными владѣть,—писала Марѳа Григорьевна.—Буде же пойдетъ замужъ за купца или иного какого человѣка подлаго сословія, ничѣмъ за Дубки ее не удовлетворять. А въ дѣвицахъ если дастъ обѣтъ остаться, восемьдесятъ тысячъ ей выдать».

— Excusez du peu!—процѣдилъ сквозь зубы, съ гримасой, молодой баринъ.

Его разбирала досада. Онъ поднялся съ мѣста и сталъ большими шагами прохаживаться по комнатѣ, обдумывая положеніе.

Онъ былъ не жаденъ къ деньгамъ и скорѣе щедръ, чѣмъ скупъ отъ природы, но тѣмъ не менѣе тароватость, съ которой его прабабка награждала тѣхъ, кого возлюбила до конца, а въ особенности Марѳиньку, раздражала его.

Исполнять всѣ предписанія покойницы онъ, во всякомъ случаѣ, торопиться не станетъ. Довольно и того, если онъ немедленно раздастъ суммы, завѣщанныя старшимъ слугамъ, приживальщику и приживалкѣ, что̀ же касается до Марѳиньки, можно и подождать.

Ему не жаль было для нея ни денегъ, ни брильянтовъ, ему жаль было отказаться отъ мысли, что красавица эта находится въ полнѣйшей отъ него зависимости.

Дорого бы онъ далъ, чтобъ завѣщанiе прабабки было написано въ другой, болѣе удобной для него формѣ.

Да, онъ по-царски наградилъ бы того, кто помогъ бы ему въ этомъ...

Само собою разумѣется, что онъ не поступился бы для этого своею дворянскою честью и не скормпрометировалъ бы себя скандаломъ, но...

Чѣмъ больше думалъ онъ, тѣмъ назойливѣе всплывали ему на память эпизоды изъ того, что происходило у него на глазахъ въ подмосковной, когда онъ былъ еще ребенкомъ, и которые онъ еще такъ недавно, съ отвращенiемъ, отгонялъ отъ себя.

Помимо воли и безсознательно, конечно, лѣзли ему на умъ эти воспоминанiя. Не станетъ же онъ поступать какъ Дарька и ея приспѣшники, чтобъ удержать за собой какiе-нибудь пятьсотъ душъ, домъ и брильянты, о, нѣтъ, ни за что̀ не станетъ! Но все-таки не мѣшаетъ узнать, что̀ за человѣкъ этотъ Бутягинъ, подъ контроль котораго вздумалось покойной прабабкѣ его поставить.

Онъ позвонилъ и, усѣвшись на прежнее мѣсто передъ бюро, приказалъ позвать Ѳедосью Ивановну.

IV.

Когда старуха вошла и затворила за собою дверь, баринъ прочелъ ей тотъ параграфъ, который до нея касался въ завѣщанiи и присовокупилъ къ этому отъ себя, что деньги, завѣщанныя ей, она можетъ получить изъ конторы, когда захочетъ. Сегодня же будетъ сдѣлано объ этомъ распоряженiе, а также насчетъ Самсоныча, Митиньки и Варвары Петровны.

А затѣмъ, послѣ того какъ растроганная старуха, которой пока онъ читалъ, казалось, что сама барыня съ нею говоритъ, поцѣловала со слезами его руку, онъ довольно небрежно и повидимому не придавая особеннаго значенiя ожидаемому отвѣту, спросилъ:

— Кто этотъ Бутягинъ, про котораго упоминается въ бабушкиномъ письмѣ?

— Отпущеннаго на волю ѣздоваго, Никанора Лексѣева, сынъ, сударь,—отвѣчала старуха.—Въ большомъ былъ онъ довѣрiи у покойницы барыни. Письмо-то, что вашей милости про всѣхъ про насъ написано, онъ имъ писалъ, а не Митинька. Нарочно для этого въ городъ за нимъ посылали.

Для чего она ему это говоритъ? Спроста, безъ умысла? Или чтобъ намекнуть ему на невозможность уклониться отъ исполненiя завѣщанiя?

Пристально глянувъ на старуху, смиренно отошедшую къ двери и ничего, кромѣ тупой покорности не прочитавъ на ея морщинистомъ, съ выцвѣтшими глазами, лицѣ, Александръ Васильевичъ погрузился въ перечитываніе лежавшей передъ нимъ бумаги и въ комнатѣ воцарилась такая глубокая тишина, что слышенъ былъ пискъ мухи, попавшей въ паутину въ одномъ изъ угловъ, надъ высокимъ шкапомъ съ планами и книгами.

День былъ солнечный и жаркій, но здѣсь окна и стеклянная дверь отворены были въ тѣнистый садъ и было прохладно.

Это былъ тотъ самый кабинетъ, въ которомъ десять лѣтъ тому назадъ, происходила бурная сцена между правнукомъ и прабабкой по поводу безобразій, происходившихъ въ подмосковной.

Съ тѣхъ поръ все здѣсь осталось въ томъ же видѣ.

За послѣдніе два съ половиной года сюда входили только для того, чтобъ провѣтрить покой, смести паутину, да наблюсти, чтобъ мыши не завелись.

Молодой баринъ сидѣлъ на томъ самомъ креслѣ и передъ тѣмъ самымъ чернымъ бюро съ мѣдными украшеніями, на которомъ, десять лѣтъ назадъ, сидѣла прабабка его Марѳа Григорьевна, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ самъ тогда стоялъ, трепеща всѣмъ тѣломъ подъ ея грознымъ взглядомъ, стояла теперь, сложивъ на груди руки и устремивъ на него задумчивый взглядъ, Ѳедосья Ивановна.

Облокотившись надъ развернутымъ листомъ толстой, шероховатой бумаги, исписаннымъ со всѣхъ сторонъ убористымъ, четкимъ почеркомъ съ завитушками, и съ хорошо знакомой ему подписью твердыми каракулями «Марѳа Григорьева Воротынцева», Александръ Васильевичъ, сдвинувъ брови и стиснувъ судорожно губы, нервно ерошилъ густыя, черныя кудри, долго о чемъ-то раздумывалъ.

Такъ долго, что можно было подумать, что онъ забылъ о присутствіи старухи.

Но онъ объ ней не забылъ, онъ только колебался съ чего начать, чтобъ узнать отъ нея то, что̀ ему хотѣлось знать.

Наконецъ, не поднимая на нее глазъ, онъ спросилъ, съ разстановками между каждой фразой:

— Чтожъ эта... барышня ваша... знаетъ чья она дочь?

— Знаетъ, сударь,—сдержанно отвѣчала Ѳедосья Ивановна.

— И про отца знаетъ?

— Нѣтъ, сударь, про то, кто ея отецъ, она не знаетъ.

— Это хорошо, что вы ей этого не сказали.

— Да мы, сударь, и про мать бы ей не сказали, она сама додумалась и пожелала на могилѣ ея помолиться.

Эти простыя слова тронули Воротынцева.

Ему вспомнилась поѣздка съ прабабкой въ Гнѣздо, трагическая судьба несчастной дѣвушки, похороненной подъ каменнымъ кре-

стомъ, у котораго Марѳа Григорьевна остановилась, чтобъ разсказать ему ея исторію.

Все это потомъ, въ вихрѣ жизни, онъ забылъ. Разъ только, встрѣтившись въ обществѣ съ тѣмъ человѣкомъ, котораго прабабка его иначе, какъ мерзавцемъ не называла, вспомнилъ онъ про гнусную роль, которую человѣкъ этотъ розыгралъ въ семьѣ его дяди, Дмитрія Ратморцева, и съ трудомъ подавилъ улыбку при видѣ почестей и уваженія, воздаваемыхъ ему.

Человѣкъ этотъ теперь какъ живой предсталъ передъ нимъ.

А рядомъ съ нимъ Марѳинька. У нея были его глаза и продолговатый овалъ лица. Въ профилѣ она, должно быть, поразительно на него похожа.

Можно себѣ представить какъ смутился и испугался бы этотъ господинъ, теперь одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, отецъ взрослыхъ сыновей и дочерей, еслибъ ему, вдругъ, сказали, что его ребенокъ отъ опозоренной имъ сестры Ратморцевыхъ живъ и находится въ родовомъ домѣ этихъ самыхъ Ратморцевыхъ!

— И что жъ, она ѣздила въ Гнѣздо? — спросилъ молодой баринъ, ужъ совсѣмъ другимъ тономъ, съ оттѣнкомъ добродушнаго участія.

— Ѣздила, сударь. Два раза я ее туда возила.

— Я до сихъ поръ не успѣлъ еще съ нею познакомиться, съ... вашей барышней, — началъ, помолчавъ немного и запнувшись передъ послѣдними словами, Александръ Васильевичъ.

— Гости у васъ были, сударь, ей, какъ молодой дѣвицѣ, было конфузно при чужихъ, не извольте гнѣваться, это я ей посовѣтывала подождать пока вы сами...

— Да я и не гнѣваюсь вовсе, — прервалъ онъ ее съ усмѣшкой,—мнѣ только хотѣлось бы знать...

— Что такое, сударь?

Онъ нѣсколько мгновеній колебался, а затѣмъ, вскидывая на нее пытливый взглядъ, надменно прищурился.

— Что она изъ себя представляетъ эта дѣвица?—спросилъ онъ, откидываясь на спинку кресла и небрежно играя кистями своего халата.

Его не поняли.

— Что̀ вы изволите спрашивать, сударь? — переспросила въ недоумѣніи старуха.

Онъ нетерпѣливо передернулъ плечами и щелкнулъ пальцемъ по бумагѣ, развернутой передъ нимъ на столѣ.

— Бабушкино желаніе такое, чтобъ выдать ее замужъ за дворянина.

— Такъ точно, сударь. Завсегда покойница Марѳа Григорьевна, дай имъ Богъ царство небесное...

Ей не дали договорить.

— Ну-да, чтобъ у нея имя было, у нея теперь имени нѣтъ, она, какъ рожденная отъ дѣвицы, къ мѣщанству приписана и крестьянами владѣть не можетъ,—отрывисто объяснилъ баринъ.—Состояніе ей завѣщано большое...

Ѳедосья Ивановна молча кивнула, въ знакъ того, что и это тоже ей очень хорошо извѣстно, а молодой баринъ продолжалъ:

— Но этого еще мало, для того, чтобъ ей сдѣлать хорошую партію, надо быть воспитанной...

Тутъ ужъ Ѳедосья Ивановна не вытерпѣла и прервала барина на полусловѣ, чтобъ объявить ему, что барышня, Марѳа Дмитревна, отлично воспитана. И по-французски умѣетъ говорить и на клавикордахъ играетъ. Какого еще воспитанія?

— Это вы ее по какой же причинѣ Дмитріевной величаете?—усмѣхнулся баринъ.

Старуха сердито насупилась.

— По дѣду, сударь, по Дмитрію Сергѣичу, по сынку старшему нашей барышни Лизаветы Григорьевны, —наставительнымъ тономъ вымолвила старуха.

Александръ Васильевичъ промолчалъ. Каждымъ своимъ словомъ эта простая женщина, хранительница всѣхъ тайнъ Воротынцевскаго рода и самый близкій человѣкъ къ прабабкѣ его Марѳѣ Григорьевнѣ, импонировала ему.

При воспоминаніи о скандальномъ эпизодѣ съ его теткой, Софьей Дмитріевной, ему ужъ не хотѣлось улыбаться, какъ въ Петербургѣ при встрѣчѣ съ погубившимъ ее негодяемъ и смутное чувство, не то негодованія, не то стыда за то, что такое преступленіе могло безнаказанно свершиться въ родственной ему семьѣ, зашевелилось въ его душѣ.

Но онъ подавилъ въ себѣ это чувство. Или, лучше сказать, оно само въ немъ смолкло подъ наплывомъ ощущеній совсѣмъ иного рода.

— А никто ей здѣсь еще не приглянулся, вашей барышнѣ?—спросилъ онъ, съ насмѣшливой улыбкой.

— Кому же ей здѣсь приглянуться, сударь? Здѣсь одни только мужики. Господъ у насъ, съ тѣхъ поръ какъ покойница барыня скончалась, не бываетъ. Присылала звать ее въ гости Рябиновская барыня съ дочкой, познакомиться съ нею хотѣли, не поѣхала.

— Гм!.. Ужъ будто здѣсь одни только мужики?—продолжалъ ухмыляться баринъ.—Пріѣзжаютъ сюда и купцы за пшеницей и за сукнами. Наконецъ, сколько мнѣ извѣстно, и у попа, и у завѣдующаго фабрикой есть племянники и сыновья.

— Она за такихъ не пойдетъ, сударь.

— Не пойдетъ?—переспросилъ онъ со смѣхомъ.—За дворянина хочетъ?

Ѳедосья Ивановна, поджавъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства губы, молча потупилась.

Онъ снова пригнулся къ письму, а она, постоявъ еще минуть пять, и не получая приказанія удалиться, рѣшила воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ узнать какъ отнесутся къ ея намѣренію навсегда покинуть Воротыновку.

Послѣ того, что она слышала отъ молодого барина, ей ужъ вполнѣ было ясно, что близкимъ къ покойницѣ Марѳѣ Григорьевнѣ людямъ здѣсь больше дѣлать нечего. Чѣмъ скорѣе скроются они всѣ у него изъ глазъ, она, Марѳинька, Самсонычъ, и прочіе, тѣмъ лучше будетъ.

При немъ пойдутъ въ ходъ новые люди и заведутся новые порядки. Да и самъ-то онъ, молодой баринъ, чудно̀й какой-то, новый для нихъ для всѣхъ.

— Не извольте гнѣваться, сударь, на мою смѣлость, если я васъ объ одной милости буду просить, — вымолвила она, послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Что̀ такое?

— Отпустите меня въ Кіевъ, будьте на столько милостивы. Служба моя вамъ не нужна, а я бы тамъ гдѣ-нибудь, поблизости монастыря, приткнулась бы, келійку бы себѣ поставила, да за упокой души благодѣтельницы нашей, Марѳы Григорьевны, молилась.

При послѣднихъ словахъ, она медленно опустилась на колѣни и поклонилась барину до земли.

Александръ Васильевичъ поморщился.

— Встань, старуха, что это ты... зачѣмъ... Я тебя не держу. Ты мнѣ здѣсь не нужна,—поспѣшилъ онъ ей объявить.

Точно также равнодушно отнесся онъ и къ просьбѣ Самсоныча отпустить его къ внучкѣ за городъ.

Варварѣ Петровнѣ съ Митинькой проситься у него не для чего было, они и сами были дворяне, имъ никто не могъ запретить жить, гдѣ имъ угодно.

Покончивъ съ ними со всѣми, молодой баринъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и уѣхалъ кататься.

Вернулся онъ часа черезъ два. Конь былъ въ мылѣ, но ѣздока должно быть прогулка не утомила; чѣмъ бы растянуться на диванѣ въ верхнемъ кабинетѣ, какъ онъ всегда дѣлалъ, Александръ Васильевичъ переодѣлся и вышелъ въ садъ.

Тамъ онъ прогуливался взадъ и впередъ по тѣнистой липовой аллеѣ до тѣхъ поръ, пока казачокъ не прибѣжалъ къ нему за приказаніями—подавать ли кушать?

— Гдѣ накрыли?—спросилъ баринъ.

— Въ маленькой столовой-съ.

— На сколько приборовъ?

— На одинъ-съ.

— Поставь другой,—приказалъ баринъ.

А когда мальчикъ, торопясь исполнить приказаніе, добѣжалъ до конца аллеи, онъ закричалъ ему вслѣдъ:

— Да скажи барышнѣ, что я прошу ее сойти внизъ со мной кушать.

Казачокъ, повторивъ свое «слушаю-съ», скрылся у него изъ виду, а баринъ еще минутъ десять походилъ по саду, и не торопясь сталъ подниматься по парадной лѣстницѣ въ верхній этажъ дома.

V.

За послѣдніе дни Маѳинька пережила столько сильныхъ ощущеній, столько узнала новаго, интереснаго и непонятнаго, столько испытала волненій, страха, любопытства и недоумѣнія передъ неизвѣстною жизнью, ожидавшей ее въ самомъ скоромъ будущемъ, что относиться безпристрастно къ виновнику кутерьмы, нарушившей монотонное спокойствіе всего дома, она никакъ не могла.

Слушая увѣщанія окружающихъ, она повторяла себѣ, что бояться ей нечего, для нея молодой баринъ совершенно посторонній человѣкъ, съ которымъ у нея ничего не можетъ быть общаго, и она должна объ одномъ только думать, какъ и съ кѣмъ ей устроиться, жить получше и поудобнѣе. А гдѣ именно—по сосѣдству ли съ Воротыновкой или далеко отсюда, не все ли равно?

Вѣдь здѣсь, у нея, теперь никого близкихъ не останется, всѣ разъѣдутся. Но сердце твердило другое.

Не вѣрилось ей, не могла она примириться съ мыслью, что хозяинъ Воротыновки для нея совсѣмъ чужой человѣкъ, что она отъ него не зависитъ. Хотѣлось ей непремѣнно чувствовать къ нему что-нибудь такое, чего она никогда еще не чувствовала—ненависть, страхъ или любовь, а вѣрнѣе сказать и то, и другое, и третье вмѣстѣ. То она безъ негодованія вспоминать про него не могла, то сердце ея сладко замирало, когда она слышала его голосъ или шаги, то дрожала она отъ страха при мысли, что можетъ нечаянно встрѣтиться съ нимъ и почувствовать на себѣ его холодный, надменный взглядъ, а то всѣмъ сердцемъ жаждала этой встрѣчи.

Про него шопотомъ разсказывали въ домѣ такія странныя вещи. По словамъ его приближенныхъ, лакея Мишки и другихъ, барину ничѣмъ нельзя было угодить, сегодня ему нравится что-нибудь, а завтра онъ отъ этого самаго съ отвращеніемъ отвертывается. Сегодня онъ любитъ человѣка, довѣряетъ ему, а завтра, видѣть его равнодушно не можетъ, преслѣдуетъ, покоя себѣ не находитъ, пока на всю жизнь несчастнымъ его не сдѣлаетъ. Все это подтверждалось примѣрами.

И не съ одними крѣпостными онъ такъ поступалъ, а ломался также и надъ тѣми изъ господъ, которые, такъ или иначе, попадали ему подъ власть, особенно надъ женщинами.

— Но тебѣ-то что̀ до этого, сударыня, тебѣ онъ не баринъ, ты вольная и сама себѣ барышня. Жила здѣсь по тѣхъ поръ, пока было хорошо, а худо стало, снялась съ мѣста, да и укатила, куда вздумала,—успокоивала Ѳедосья Ивановна Марѳиньку, замѣчая съ какимъ волненіемъ и ужасомъ прислушивается она къ этимъ разсказамъ.

Бесѣды эти всегда кончались совѣтомъ, какъ можно скорѣе переѣхать въ городъ, къ тому самому Петру Никанорычу Бутягину, которому бабушка завѣщала охранять ея интересы.

Марѳинька хорошо знала Бутягина. Онъ каждый годъ по нѣскольку разъ пріѣзжалъ ее навѣщать и привозилъ ей все, что̀ она приказывала ему для себя купить. Сколько, бывало, чего не пожелаетъ, всего привезетъ, до послѣдней ниточки, и платьице модное, и шляпку, какія носятъ, ленточки, косыночки, помаду, духи, мыла разнаго, все, что̀ надо ей, однимъ словомъ.

Если чего въ ихъ городѣ нельзя достать, изъ Москвы выпишетъ, а ужъ непремѣнно къ назначенному сроку предоставитъ.

— Домъ у него отличный,—разсказывала Ѳедосья Ивановна.— Можешь у нихъ жить, сколько пожелаешь, до тѣхъ поръ, пока въ своихъ хоромахъ не устроишься. Они рады будутъ. Жена у него добрая-предобрая и степенная такая женщина, хорошая. Онъ ее себѣ въ супруги у князей Голицыныхъ откупилъ. Она ко многимъ господамъ въ городѣ вхожа, и у губернаторши бываетъ. Найдутъ тамъ тебѣ какую-нибудь почтенную старушку, изъ бѣдныхъ дворянокъ, которая съ радостью согласится при тебѣ жить, и устроишься ты разчудесно. Свой домъ, свои лошади и экипажи. Знакомство съ хорошими господами заведешь. Разговоры ты по-французски вести умѣешь, а также на клавикордахъ играть, а тамъ, Богъ дастъ, судьбу тебѣ Господь пошлетъ.

А Марѳинька, разсѣянно слушая эти рѣчи, думала:

«Неужели же я такъ-таки никогда не познакомлюсь съ нимъ? Неужели ему совсѣмъ не хочется посмотрѣть на меня поближе, поговорить со мною?..»

Ей казалось, что она имѣетъ ему столько сказать и узнать отъ него, что равнодушіе, съ которымъ онъ къ ней относился, игнорируя такъ упорно ея присутствіе въ домѣ, въ одно и то же время и оскорбляло ее, и удивляло, и раздражало до чрезвычайности.

Впрочемъ, не ее одну изумляло пренебреженіе молодого барина къ барышнѣ.

— Что̀жъ это онъ какъ съ нашей барышней-то, точно забылъ, что она въ домѣ,—недоумѣвала дворня.

— Дайте срокъ, вспомнитъ, — замѣчали съ знаменательными улыбочками пріѣхавшіе съ нимъ люди.

А Мишка, тотъ по секрету сообщилъ Өедосьѣ Ивановнѣ, что баринъ, когда некому за нимъ подсмотрѣть, частехонько заглядывается на окно барышниной комнаты.

— Да вотъ бѣда, завѣшано оно у ней завсегда таперьча, сколько не гляди, ничего не увидишь,—прибавлялъ онъ съ лукавой усмѣшкой.—Постоитъ, постоитъ, пожметъ плечами, да и отойдетъ съ носомъ.

Слушая эти росказни, Өедосья Ивановна хмурилась и съ каждымъ днемъ все настойчивѣе уговаривала барышню скорѣе покинуть Воротыновку.

— Хочешь, я ему скажу, чтобы Малашку съ тобой отпустилъ? Онъ отпуститъ, вотъ увидишь, что отпуститъ, — говорила она ей послѣ вышеописаннаго разговора съ бариномъ въ нижнемъ кабинетѣ.

— Хорошо, скажи,—отвѣчала Марөинька, чтобъ отдѣлаться.

— Такъ собирайся, въ субботу выѣдемъ.

— Въ субботу?—съ испугомъ вскричала барышня.

— Ну да, въ субботу. Въ три дня уложиться успѣемъ. Чего намъ тутъ съ тобой дольше валандаться-то? Меня онъ отпустилъ. Ступай, говоритъ, старуха, на всѣ четыре стороны, ты мнѣ не нужна. Мнѣ, значитъ, сдать только ключи, кому онъ прикажетъ, да и дѣло съ концомъ, а тебѣ и сдавать нечего. Тутъ ли ты, нѣтъ ли тебя—ему все единственно. Скоро двѣ недѣли, какъ пріѣхалъ, а ни разу даже не спросилъ, жива ли ты, вотъ какой онъ до тебя ласковый братецъ-то,—прибавила она съ усмѣшкой.—И зачѣмъ тебѣ чужому обязываться, когда у тебя свой домъ есть? Ты сирота и дѣвица, ты сама себя блюсти должна, чтобы не сказали, что ты его хлѣбъ-соль ѣшь, а онъ тебя презираетъ.

— Я уѣду,—сказала Марөинька.

— Ну вотъ и отлично. Завтра пораньше въ Гнѣздо поѣдемъ, панихидку тамъ по родительницѣ твоей справимъ, а вернувшись, укладаться зачнемъ. Можешь что̀ и изъ мебели себѣ отобрать, я ему скажу, онъ не разсердится. Скупости въ немъ нѣтъ, что̀ говорить, что правда, то правда.

— Онъ теперь тамъ одинъ? — указала Марөинька въ сторону западной башни.

— Одинъ. Небось, не соскучится! Одни гости уѣхали, другіе понаѣдутъ, безъ удовольствій не останется... Тебѣ что̀?—обратилась она къ вбѣжавшему казачку.

— Баринъ приказали просить барышню съ ними кушать! — отрапортовалъ скороговоркой запыхавшійся мальчикъ.

Өедосья Ивановна руками развела отъ изумленія, а Марөинька вспыхнула до ушей.

— Ну и выдумщикъ только! — съ досадой покачивая головой, проговорила старуха. — И съ чего это ему, вдругъ, вздумалось, чтобы ты съ нимъ кушала, удивительное дѣло! Чтожъ, надо идти, коли зоветъ, дѣлать нечего, — продолжала она, отвѣчая на недоумѣвающій взглядъ, которымъ уставилась на нее растерявшаяся барышня.—Да не забудь ему сказать, что мы съ тобой въ воскресенье совсѣмъ отсюда уѣзжаемъ, слышишь? Не забудь, — повторила она, оправляя ленту у пояса барышни и густыя гроздья мелкихъ кудерокъ, пышно взбитыхъ по обѣимъ сторонамъ ея высокаго, бѣлаго лба.

Мареинькѣ пришлось такъ долго ждать въ столовой, что она успѣла успокоиться, но сердце у нея снова заколотилось въ груди и лицо ея залилось густой краской, когда по сосѣдней комнатѣ раздался звонъ шпоръ и мужскіе шаги.

Однако, не взирая на то, что отъ смущенія у нея закружилась голова, при появленіи Александра Васильевича, она не забыла сдѣлать ему реверансъ, по всѣмъ правиламъ искусства, какъ училъ ее маркизъ, прищипывая двумя пальчиками слегка юбку и опустивъ глаза.

Онъ остановился на порогѣ въ нерѣшительности. Но колебаніе его длилось не долго. Мареинька была такая хорошенькая, свѣженькая, отъ всей ея граціозной фигуры вѣяло такой наивностью и чистотой, что вопросъ о томъ, какъ съ ней обойтись: какъ съ ровней себѣ дѣвицей и родственницей, или свысока и давая ей понять разстояніе существующее между ними, вопросъ этотъ разрѣшился самъ собой. Иначе какъ съ веселой улыбкой и цвѣтистымъ комплиментомъ на устахъ, онъ не могъ къ ней подойти, такъ она показалась ему очаровательно мила въ эту минуту. Не могъ онъ также отказать себѣ въ удовольствіи поцѣловать ея руку и, ни на минуту не переставая пріятно улыбаться и говорить, повелъ ее къ столу.

Что именно онъ ей говорилъ, отъ смятенія чувствъ, она въ первую минуту понять не могла, но онъ звалъ ее кузиной и такъ ласково на нее смотрѣлъ, что къ концу обѣда она не только ужъ отвѣчала впопадъ, но даже расхрабрилась до того, что сама стала предлагать ему вопросы.

Неужели она боялась его когда-нибудь? Онъ добрый, милый, веселый и совсѣмъ, совсѣмъ простой. Такой же простой, какъ и сама Мареинька. Съ нимъ ей такъ весело и ловко, какъ никогда ни съ кѣмъ ни бывало. Точно она съ нимъ прожила всю свою жизнь. Онъ такъ хорошо ее понимаетъ, что по глазамъ угадываетъ ея мысли и желанія. Никогда еще Мареинька не испытывала такого блаженства.

Послѣ обѣда онъ предложилъ ей прогулку въ лѣсъ. Пробираясь съ нимъ подъ руку по узкимъ тропинкамъ подъ тѣнистыми сво-

дами, слушая его рѣчи и чувствуя на себѣ нѣжный взглядъ его добрыхъ, смѣющихся глазъ, Мароинька была въ такомъ упоеніи, что не узнавала стараго лѣса. Ей казалось, что ее водятъ по какому-то заколдованному саду, гдѣ цвѣты поютъ, какъ птицы, а птицы говорятъ, какъ люди, и вся природа ликуетъ вмѣстѣ съ нею, радуясь ея радости и счастью.

Онъ ужъ нашептывалъ ей такія слова, которыя никто ей еще не говорилъ, увѣрялъ, что прелестнѣе существа чѣмъ она, ему не случалось видѣть, и что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ всю жизнь провести такъ, какъ этотъ день.

И говорилъ онъ все это въ такихъ выраженіяхъ, что ни къ одному слову нельзя было придраться, чтобы обидѣться или разсердиться, можно было только смѣяться и обращать въ шутку его признанія, хотя и чувствовалось еще что-то такое, глубокое, страстное и серьезное подъ этимъ наружнымъ легкомысліемъ.

Вечеръ они провели вмѣстѣ. Онъ заставилъ ее пѣть и играть, самъ спѣлъ ей нѣсколько модныхъ въ то время арій, пристально смотря ей при этомъ въ глаза съ такимъ выраженіемъ, точно слова поэта, положенныя на музыку относились исключительно къ ней и точно онъ никогда во всю свою жизнь не пѣлъ другой женщинѣ этихъ словъ.

Когда барышня вернулась въ свою комнату и стала раздѣваться, чтобы ложиться спать, Өедосья Ивановна спросила у нея: сказала ли она барину про то, что въ субботу онѣ навсегда покидаютъ Воротыновку?

Но ей ничего не отвѣтили. Мароинька сдѣлала видъ, что не поняла ея вопроса. Да она и въ самомъ дѣлѣ не понимала теперь, зачѣмъ ей уѣзжать отсюда? Куда? Для чего? Развѣ ей гдѣ-нибудь можетъ быть такъ хорошо, какъ здѣсь?

VI.

Прошло такимъ образомъ недѣли двѣ. Наступили знойные дни, когда работа валится изъ рукъ, тянетъ въ рѣку купаться, да по лѣсу бродить подъ тѣнистыми сводами, безъ цѣли, безъ думъ.

Мароинька не замѣчала, какъ летѣло время. Ей иногда казалось, что она не живетъ, а грезитъ, и мысль проснуться къ дѣйствительности была такъ ужасна, что она тотчасъ отгоняла ее прочь отъ себя. Было ли что-нибудь раньше, будетъ ли что-нибудь послѣ, этого она не знала и знать не хотѣла. Ни для чего, кромѣ испытываемаго блаженства, не было мѣста въ ея душѣ. Да и въ самомъ этомъ блаженствѣ, изъ чего именно оно состоитъ, она не отдавала себѣ отчета, она только жила имъ всецѣло, всѣмъ своимъ существомъ, вотъ и все.

Засыпая вечеромъ, она мысленно повторяла то, что̀ братецъ Лексаша сказалъ, припоминая при этомъ выраженіе его лица, взглядъ, движенія, и душа ея такъ переполнялась умиленіемъ и нѣжностью, что она принималась плакать. И плакала до тѣхъ поръ, пока не засыпала. А утромъ просыпалась съ мыслью, что сейчасъ его увидитъ, что онъ ужъ ждетъ ее на условленномъ мѣстѣ въ паркѣ, въ лѣсу, или подъ горой, въ яблоновомъ саду, у ручейка, и сердце ея радостно билось, а по тѣлу разливалась сладостная нѣга.

Чай пили они вмѣстѣ и обѣдали тоже. Разставались только на то время, которое онъ посвящалъ хозяйству съ черноватымъ человѣкомъ, привезеннымъ изъ Петербурга.

Человѣка этого звали Николаемъ, онъ былъ изъ крѣпостныхъ, сынъ бурмистра въ подмосковной Яблочки, грамотный, смышленный малый.

Въ Петербургѣ онъ заправлялъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ у молодого барина, здѣсь же его сдѣлали управителемъ имѣнія и Александръ Васильевичъ самъ вводилъ его въ новую должность. Для этого они разъѣзжали по полямъ и лѣсамъ на бѣговыхъ дрожкахъ, проводили много времени на суконной фабрикѣ и въ нижнемъ кабинетѣ, гдѣ хранились планы, счетныя книги и тому подобные документы, касающіеся Воротыновки и прилегающихъ къ ней имѣній, хуторовъ и деревень.

Все это отнимало у барина не мало времени, но ужъ послѣ обѣда, чтобы ни случилось, никто не смѣлъ его безпокоить и весь вечеръ посвященъ былъ Мареинькѣ.

Онъ заставлялъ ее разсказывать, какъ она жила при бабушкѣ, про маркиза, про то, что̀ она вычитала въ книгахъ, оставленныхъ ей этимъ послѣднимъ, про ея мечты и грезы. Она посвятила его въ свои чувства къ покойной матери, созналась ему въ какомъ она была ужасѣ, изумленіи и печали, когда узнала грустную тайну своего рожденія и все, что̀ она перечувствовала и передумала на одинокой могилѣ въ Гнѣздѣ, во всемъ она ему открылась. Въ душѣ ея не осталось ни одного уголка, въ который онъ не заглянулъ бы, а ему все было мало, онъ все продолжалъ ее разспрашивать, все казалось, что онъ недостаточно изучилъ ея внутренній міръ; все чаще и чаще предлагалъ онъ ей такіе вопросы, которыхъ она не понимала и невинность ея приводила его въ неописанный восторгъ.

Еслибъ его петербургскіе друзья знали, что за сокровище красоты и невинности онъ нашелъ въ деревнѣ, какъ они позавидовали бы ему!

И къ тому же умна, изящна, образована. И сама того не замѣчая, страстно, безъ ума влюблена въ него. И ужъ давно, раньше чѣмъ онъ пріѣхалъ. Ему стоитъ только захотѣть и она—его.

Можетъ быть, поэтому-то онъ и медлилъ воспользоваться счастьемъ, что былъ увѣренъ, что уйти отъ него оно не можетъ?

Да и въ самомъ предвкушеніи этого счастья было такое наслажденіе, какого онъ никогда, во всю свою жизнь, еще не испытывалъ.

Ему казалось, что онъ любитъ въ первый разъ, такъ непохоже было его чувство къ Марѳинькѣ на то, что̀ онъ испытывалъ къ другимъ женщинамъ.

Они переживали тотъ прелестный фазисъ въ любви, когда страсть еще не прорвалась наружу словами, а просвѣчиваетъ только во взглядахъ, въ улыбкахъ, въ краснорѣчивомъ молчаніи, въ робкихъ намекахъ, подавленныхъ вздохахъ.

Онъ съ восхищеніемъ замѣчалъ, какъ холодѣетъ и дрожитъ ея рука, когда онъ подноситъ ее къ своимъ губамъ и какъ лицо ея вспыхиваетъ подъ его взглядомъ. Румянецъ, постепенно сгущаясь, разливается все дальше и дальше, отъ щекъ переходитъ на нѣжную бѣлую шейку и вся она розовая, трепещущая, съ подернутыми томной влагой глазами, въ наивномъ недоумѣніи передъ наплывомъ счастья, въ которомъ тонетъ ея душа, спрашиваетъ у него взглядомъ: что̀ съ нею дѣлается?

О, за такія минуты полжизни не жалко отдать!

Марѳинька была въ какомъ-то чаду.

Приходили съ нею прощаться люди, съ которыми прошла вся ея жизнь, Варвара Петровна, Самсонычъ, Митинька. Первая уѣзжала съ попутчикомъ въ Воронежъ къ племянницѣ, за вторымъ пріѣхала внучка изъ ихъ губернскаго города; Митинька отправился въ свою деревню за десять верстъ отъ Воротыновки.

Марѳинька разсѣянно протягивала имъ свою руку для поцѣлуя и сама обнимала ихъ, съ пожеланіями всего лучшаго и съ просьбой не забывать ее; но слова, произносимыя ею, шли не отъ сердца; ея душа и мысли были далеко.

— Что это съ барышней?—Чудна̀я она какая-то,—толковала про нее дворня.—Говоришь съ нею—не слышитъ, два-три раза надо повторить, чтобъ добиться отвѣта.

— А намеднись вошла я къ ней, чтобъ узоръ для юбки выбрала, а она стоитъ одна передъ окошкомъ и смѣется.

— Да, можетъ, она изъ окошка-то на что̀ смѣшное глядѣла?

— Да нѣтъ же. Я нарочно черезъ ихъ плечико въ садъ заглянула, все тамъ какъ всегда и ни души не видать.

— А вчера утромъ видѣли вы, дѣвушки, какъ у нихъ глазки то, точно заплаканы были?

— Какъ не быть заплаканнымъ, когда всю ночь проплакала,—сказала Малашка.

— А ты не спросила о чемъ?

— Спросила, да и спокаялась. «Прошу за мной не присматривать, говеритъ, я этого терпѣть не могу». Строго такъ сказала, я инда испугалась, ей-Богу!

— Дѣла!—покачивали головой ея подруги.

— А намеднись, — начала было одна изъ бѣлошвеекъ, но Малашка на полусловѣ остановила ее:

— Нишкните, тетенька!

При появленіи Ѳедосьи Ивановны всѣ смолкали.

Объ отъѣздѣ своемъ изъ Воротыновки она съ нѣкоторыхъ поръ совсѣмъ перестала говорить, ходила мрачная, молчаливая и такая сердитая, что приступу къ ней не было.

Н. Мердеръ (Северинъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ „СВАДЬБЫ КРЕЧИНСКАГО“.

(Изъ воспоминаній артиста императорскихъ театровъ [1]).

(Посвящается С. Н. Худекову).

ЗИМОЙ 1855 года, А. М. Максимовъ получилъ отъ г. Сухово-Кобылина пьесу «Свадьба Кречинскаго», съ предложеніемъ, взять ее въ свой бенефисъ и играть въ ней главную роль. Прочитавъ пьесу, Максимовъ объявилъ, что не только не возьметъ ее въ свой бенефисъ, но ни подъ какимъ видомъ не станетъ играть главной роли, говоря:

— Грязная пьеса, выведены какіе-то каторжники, на которыхъ нельзя смотрѣть безъ отвращенія и я вовсе не желаю быть ошиканнымъ.

Онъ далъ прочесть пьесу Мартынову, который совершенно съ нимъ согласился и тоже отказался взять ее въ свой бенефисъ и играть въ ней.

Максимовъ, съ которымъ я находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, передалъ рукопись мнѣ, сообщивъ откровенно свое мнѣніе о ней и отзывъ Мартынова. Прочитавъ пьесу, я чрезвычайно удивился сужденію Максимова и Мартынова. По моему,

---

[1]) Извѣстный въ свое время артистъ Александринскаго театра, Ѳ. А. Бурдинъ, подарилъ этотъ отрывокъ изъ своихъ воспоминаній издателю «Петербургской Газеты», С. Н. Худекову, сдѣлавъ на рукописи слѣдующую приписку:— «Прошу дорогого Сергѣя Николаевича сохранить эти воспоминанія въ своемъ портфелѣ до моей смерти. Ѳ. Бурдинъ. 23-го апрѣля 1883 г.». Благодаря любезности С. Н. Худекова, этотъ интересный отрывокъ изъ воспоминаній Бурдина появляется на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

пьеса была написана мастерски, съ прекрасными ролями и чрезвычайно удачными сценическими положеніями. Я предсказалъ ей большой успѣхъ.

— Ну да вѣдь вы, нынѣшняя молодежь, поклонники реализма, вы въ восторгѣ отъ всякой грязи; по вашему это натура, а вотъ я тебѣ ручаюсь, что вамъ такъ шикнутъ, что вы не будете знать, какъ уйти со сцены,—сказалъ Максимовъ.

Въ это время, въ Москвѣ, праздновали 50-ти-лѣтній юбилей М. С. Щепкина, на который я поѣхалъ депутатомъ отъ петербургскихъ артистовъ.

Юбилей Щепкина какъ-разъ совпалъ съ первымъ представленіемъ «Свадьбы Кречинскаго» въ Москвѣ, даннымъ въ бенефисъ Шумскаго. Такимъ образомъ, мнѣ удалось въ первый разъ увидѣть на сценѣ пьесу, возбудившую столько ожесточенныхъ споровъ. Пьеса произвела фуроръ какъ содержаніемъ, такъ и прекраснымъ исполненіемъ. Шумскій, Садовскій и Щепкинъ имѣли громадный успѣхъ. Первый вопросъ, который мнѣ сдѣлалъ по возвращеніи Максимовъ, былъ:

— Ну что̀ «Свадьба Кречинскаго»?

— А то̀, что вы съ Мартыновымъ опростоволосились совсѣмъ! Правъ-то я, пьеса имѣла громадный успѣхъ.

— Это ничего не доказываетъ, — возразилъ Максимовъ, — въ Москвѣ можетъ нравиться всякая галиматья, мало ли было примѣровъ—тамъ имѣетъ успѣхъ, а здѣсь проваливается.

— Эта пьеса будетъ имѣть большой успѣхъ вездѣ!

— Можетъ быть, а я все-таки ее въ бенефисъ не возьму и какой бы съ меня штрафъ не взяли, играть въ ней не буду!

А. М. Гедеоновъ, бывшій въ то время директоромъ, узнавъ о большомъ успѣхѣ пьесы въ Москвѣ, пожелалъ поставить ее немедленно въ Петербургѣ. Такъ какъ это было въ концѣ сезона и въ казенный спектакль поставить не было времени, то онъ и предложилъ Мартынову взять ее въ бенефисъ; но тотъ рѣшительно отказался. Взбѣшенный Гедеоновъ сказалъ, что ни Мартынову, ни Максимову, онъ не дастъ роли въ этой пьесѣ.

— Я только этого и хотѣлъ,—радовался Максимовъ.

Кончился сезонъ. Наступилъ великій постъ. А. М. Гедеоновъ очень желалъ поставить пьесу весной. Мой бенефисъ, по обыкновенію, былъ назначенъ осенью. Собираясь тогда въ первый разъ ѣхать за границу, я просилъ директора перемѣнить время моего бенефиса на весну, дозволить дать «Свадьбу Кречинскаго» и играть въ ней роль Расплюева. Директоръ согласился. За отказомъ Максимова, Кречинскаго могъ играть только Самойловъ, съ которымъ мы были въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ. Въ высшей степени самолюбивый, дерзкій, эгоистъ, не признающій ничего, кромѣ своихъ интересовъ, онъ былъ самымъ дурнымъ товарищемъ; для него

имѣли цѣну только богатые и знатные; въ труппѣ не было ни одного человѣка, который бы ему симпатизировалъ, со всѣми у него были столкновенія и за кулисами его называли не иначе, какъ Васька. Въ особенности я не дозволялъ ему становиться себѣ на ногу и на одну его дерзость отвѣчалъ десятью—онъ меня не могъ видѣть равнодушно.

Тѣмъ не менѣе, я долженъ былъ пригласить его играть Кречинскаго. Узнавъ объ огромномъ успѣхѣ пьесы въ Москвѣ, видя блестящую роль, вполнѣ по его средствамъ, Самойловъ былъ поставленъ между двумя чувствами: ненавистью ко мнѣ и желаніемъ сыграть блестящую роль. Сначала онъ заявилъ, что остается мало времени для приготовленія роли.

— Напротивъ,—говорю я,—времени болѣе двухъ мѣсяцевъ.

— Да, конечно; если такъ, то я успѣю, но я съ вами не могу играть, я васъ по пьесѣ долженъ трепать, какъ мокрую курицу, а гдѣ же мнѣ съ вами справиться, вы здоровѣе и крѣпче меня.

— Таковъ по пьесѣ я долженъ и быть, потому-что Расплюевъ самъ говоритъ, что народись онъ худенькій, хиленькій, ему бы не жить послѣ всѣхъ трепокъ.

— Развѣ Расплюевъ говоритъ это?

— Прочтите внимательнѣе пьесу и вы увидите.

Не находя возраженій, Самойловъ согласился играть.

Казалось, всѣ затрудненія были устранены, — напротивъ, онѣ только начинались.

Передъ Пасхой, Сухово-Кобылинъ, узнавъ, что его пьеса ставится послѣ Святой недѣли, пріѣхалъ въ Петербургъ. Посѣтивъ меня, онъ заявилъ, что желаетъ для перваго представленія отдать роль Расплюева Мартынову, съ тѣмъ, однако, чтобъ пьеса шла все-таки въ мой бенефисъ. Я рѣшительно отказалъ ему.

— Въ моемъ бенефисѣ мнѣ, какъ молодому артисту, нужна хорошая роль, стало быть, если вы не желаете, чтобы я ее игралъ, то я не могу взять вашей пьесы, тѣмъ болѣе, вы сами знаете, что Мартыновъ не хочетъ играть этой роли.

— Я упрошу его,—сказалъ Сухово-Кобылинъ.

— Это дѣло ваше.

Сухово-Кобылинъ поѣхалъ къ Мартынову, а я къ директору.

— Что̀ тебѣ?—спрашиваетъ Гедеоновъ.

— Ваше превосходительство, я не могу въ бенефисъ взять «Кречинскаго».

— Отчего?

— Авторъ желаетъ, чтобы мою роль игралъ Мартыновъ.

— Мартыновъ самъ не хочетъ играть этой роли,—сказалъ директоръ, — а авторъ, когда уже пьеса его сыграна, по закону не имѣетъ права распоряжаться ею, пьеса уже сдѣлалась собственностью дирекціи.

— Совершенно справедливо, ваше превосходительство, но я не желаю стать съ авторомъ въ непріязненныя отношенія, тѣмъ болѣе, что признаю его нравственныя права надъ пьесой.

— Что же ты хочешь дать?

— «Бѣдность не порокъ» Островскаго, и играть Любима Торцева.

— Ну вотъ, тогда вы подеретесь съ Самойловымъ.

— Въ такомъ случаѣ, я, ваше превосходительство, отказываюсь теперь отъ бенефиса.

— Вздоръ, вздоръ, бери «Кречинскаго» и играй Расплюева.

— А авторъ?

— Я твой начальникъ, а не авторъ, — ты обязанъ исполнять мои приказанія.

На этомъ остановилось дѣло.

Поѣздка Сухово-Кобылина къ Мартынову кончилась неудачей. Мартыновъ играть рѣшительно отказался. Онъ сказалъ Сухово-Кобылину, что роль Расплюева не находитъ по своимъ средствамъ и откровенно выразилъ, что не симпатизируетъ героямъ его пьесы, что онъ и прежде не желалъ играть эту роль, а теперь находитъ даже неприличнымъ отнимать ее у молодого артиста. Но Сухово-Кобылинъ, подбиваемый Самойловымъ, этимъ не удовлетворился. Онъ поѣхалъ къ директору, который съ сожалѣніемъ ему сказалъ, что не можетъ исполнить его желаніе по двумъ причинамъ: первая, что роль отдана мнѣ, а вторая, что не можетъ заставить насильно играть Мартынова.

— Какой же вы директоръ, если не можете заставить вашихъ подчиненныхъ исполнять ихъ обязанности!—вспылилъ Сухово-Кобылинъ.

Это было искрой, брошенной въ порохъ. Гедеоновъ вышелъ изъ себя и отвѣчалъ очень рѣзко, Сухово-Кобылинъ тоже, и сцена взаимныхъ дерзостей дошла до того, что Гедеоновъ, окончательно взбѣшенный, закричалъ:

— Да что вы, милостивый государь, считаете меня за такого старика, который вамъ не можетъ дать удовлетворенія на чемъ вы хотите?

Сухово-Кобылинъ, увидавъ, что зашелъ слишкомъ далеко, поспѣшилъ попросить извиненія.

Убѣдившись, что черезъ директора ничего не добьешься, Сухово-Кобылинъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ угрозой сдѣлать скандалъ въ мой бенефисъ, если я не откажусь отъ роли.

— Милостивый государь,—сказалъ я ему,—я исполнилъ ваше желаніе, отъ роли отказывался, Мартыновъ ее играть не хочетъ и не будетъ, теперь я играю по приказанію начальства, угрозъ вашихъ не боюсь нисколько, роль Расплюева не сыграю такъ плохо,

чтобъ возбудить неудовольствіе публики, а изъ вашего обѣщанія, сдѣлать мнѣ скандалъ, только извлеку пользу,—назначу за мѣста цѣну вдвое дороже, зная, что публика съ жадностью бросится на такой интересный спектакль.

Видя, что и со мной ничего сдѣлать нельзя, Сухово-Кобылинъ угомонился и сталъ ѣздить на репетиціи.

До моего бенефиса оставалось всего пять дней; въ Большомъ театрѣ давался какой-то балетъ и я, желая посмотрѣть его, пришелъ за кулисы; въ антрактѣ явился на сцену одинъ изъ моихъ друзей-товарищей и шепнулъ:

— Ѳедя! дѣло не ладно, Самойловъ у тебя играть не будетъ, онъ скажется больнымъ наканунѣ бенефиса; онъ объ этомъ заявилъ Мартынову, отъ котораго я это и знаю.

Понятно, какъ убійственно мнѣ было узнать такую новость въ то время, когда, казалось, все уже было слажено. Да и какія мѣры могъ я принять въ такое короткое время, когда бенефисъ на носу. Расчитывая на дружеское расположеніе ко мнѣ Максимова, я рѣшился просить его выручить меня. Тотчасъ же, изъ театра, я поѣхалъ къ нему; онъ уже ложился спать.

— Чтò это значитъ, Ѳедоръ? Чтò ты такъ поздно? Да на тебѣ лица нѣтъ!—изумился Максимовъ, увидя меня.

— Выручай, Алексѣй Михайловичъ, я безъ ножа зарѣзанъ.

— Чтò съ тобой?

— Ты знаешь, чего мнѣ стоитъ бенефисъ и чтò я вытерпѣлъ, а теперь, когда все улажено, когда осталось нѣсколько дней, Самойловъ сказалъ, что наканунѣ бенефиса захвораетъ и не будетъ играть.

— Скверно и подло.

— Выручи, другъ, сыграй Кречинскаго, разрушь эту гнусную интригу.

Максимовъ задумался.

— Слушай, Ѳедоръ,—сказалъ онъ,—ты знаешь, какъ мнѣ противна эта роль, знаешь, что я рѣшилъ ни за какія блага въ мірѣ не играть ее, но чтобы спасти товарища и не допустить такой подлости, я у тебя играть буду! Завтра на репетиціи прямо спроси у Самойлова станетъ ли онъ играть, а въ противномъ случаѣ, скажи ему, что я сыграю! Поѣзжай съ Богомъ и спи спокойно.

Я горячо обнялъ Максимова и съ спокойнымъ духомъ уѣхалъ домой. На другой день, когда всѣ собрались на репетицію, я подошелъ къ Самойлову и сказалъ ему:

— Василій Васильевичъ, я слышалъ, что вы нездоровы и говорите, что едва ли можете участвовать въ моемъ бенефисѣ, такъ пожалуйста, прошу васъ, прямо заявить теперь, будете вы играть или нѣтъ? Если здоровье ваше такъ плохо, такъ за васъ берется играть Алексѣй Михайловичъ.

Самойловъ, никакъ не ожидая этого, совершенно растерялся. Онъ какъ-то сконфуженно посмотрѣлъ на меня и проговорилъ:

— Я дѣйствительно не совсѣмъ здоровъ, но до бенефиса еще нѣсколько дней, я вѣроятно поправлюсь... и во всякомъ случаѣ, играть буду.

— Благодарю васъ,—сказалъ я ему.

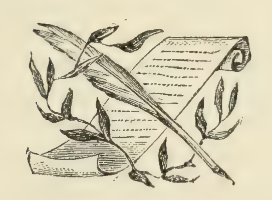
Впослѣдствіи, Самойловъ со злостью выговаривалъ Мартынову, зачѣмъ тотъ разболталъ о его предполагавшейся болѣзни.

— Ты мнѣ не говорилъ, что это секретъ, — отвѣчалъ Мартыновъ.

Наконецъ, наступилъ день моего бенефиса. Театръ былъ совершенно полонъ. Пьеса имѣла громадный успѣхъ. Самойловъ былъ превосходенъ въ роли Кречинскаго, меня принимали прекрасно въ роли Расплюева.

Вскорѣ послѣ этого, я уѣхалъ на полгода за границу. Въ мое отсутствіе Сухово-Кобылинъ упросилъ Мартынова сыграть Расплюева, но великому артисту эта роль не удалась и, сыгравъ ее нѣсколько разъ, онъ отъ нея окончательно отказался.

Ѳ. Бурдинъ.

КТО УБИЛЪ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ?

Въ НАСТОЯЩЕМЪ ГОДУ, 15-го мая, исполнится ровно 300 лѣтъ со времени убіенія царевича Димитрія, убіенія, которое имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи и до сихъ поръ еще представляется большой загадкой. Немногочисленныя, дошедшія до насъ, данныя объ этомъ трагическомъ событіи настолько противорѣчивы, что, не смотря на большой промежутокъ времени, не позволяютъ придти къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ. Пересматривая ихъ, мы пришли къ новому, неожиданному для насъ выводу, впрочемъ, по недостатку документальныхъ данныхъ, мало обоснованному и потому не рѣшающему вопроса окончательно. Высказываемъ же мы его въ надеждѣ, что со временемъ, быть можетъ, кто-нибудь, работая въ этомъ направленіи, найдетъ и болѣе точныя подтвержденія. Въ данномъ случаѣ, насъ поддерживалъ примѣръ Арцыбышева, Погодина, Аксакова и др. Они выступили защитниками Бориса Годунова, не имѣя никакихъ документальныхъ данныхъ для этой защиты, и впослѣдствіи нашлись люди, которые болѣе обосновали ихъ взгляды, можно сказать, даже окончательно рѣшили этотъ вопросъ. Наконецъ «кто три или даже тринадцать разъ не ошибется,—говоритъ Достоевскій,—тотъ не найдетъ истины».

I.

14-го марта 1584 года, Иванъ Грозный, передъ которымъ трепетала вся Россія «впаде въ недугъ тяжекъ... и отдаде душу свою к Богу» [1]). На престолъ вступилъ сынъ его, Өедоръ Ивановичъ, по

[1]) Ник. Лѣт., VIII, стр. 5.

выраженію Карамзина, «болѣе для келліи, чѣмъ для власти державныя рожденный». Неуклюжій, низкаго роста, съ опухлымъ лицомъ, нетвердой походкой, онъ постоянно улыбался. Улыбка эта производила впечатлѣніе полнаго слабоумія. Кромѣ того, онъ былъ до крайности суевѣренъ и, по словамъ Флетчера, «мало способенъ къ дѣламъ политическимъ» [1]). Любимымъ занятіемъ его было «трезвонить на колокольнѣ», за что нерѣдко самъ Грозный называлъ его звонаремъ и пономаремъ. Польскій посолъ Сапѣга, представшійся Ѳедору, высказался о немъ такимъ образомъ: «хотя про него говорили,—сказалъ Сапѣга,—что у него ума немного, но я увидѣлъ, какъ изъ собственнаго опыта, такъ и изъ словъ другихъ, что у него ума нѣтъ» [2]). Понятно, чего можно было ждать отъ такого правителя, понятно, въ какомъ настроеніи должно было находиться русское общество. И это настроеніе не замедлило обнаружить себя сейчасъ же послѣ смерти Ивана IV. Вступленіе на престолъ Ѳедора Ивановича ознаменовалось мятежемъ, настоящія причины котораго намъ не извѣстны. Предполагаютъ, и не безъ основанія, что причиной возмущенія была борьба двухъ партій: партіи слабоумнаго Ѳедора, отстаивавшей его интересы ради своихъ личныхъ, и партіи, старавшейся доставить престолъ послѣднему сыну Грознаго, рожденному въ седьмомъ или даже восьмомъ бракѣ съ Марьей Нагой, бывшему въ это время еще ребенкомъ (род. 1582 году). Кончился мятежъ этотъ воцареніемъ Ѳедора, для чего, кажется, былъ созванъ земскій соборъ, и удаленіемъ Димитрія съ его родственниками Нагими въ Угличъ, городъ, назначенный самимъ Грознымъ при смерти въ удѣлъ Димитрію [3]). Эта политическая, если можно такъ выразиться, ссылка озлобила Нагихъ противъ всѣхъ бояръ и въ частности противъ Бориса Годунова, занимавшаго видное положеніе, какъ при Иванѣ IV, такъ и при его сынѣ Ѳедорѣ, женатомъ на сестрѣ Бориса Иринѣ.

Враждебное отношеніе Нагихъ къ Москвѣ сказывалось прежде всего въ постоянныхъ столкновеніяхъ между ними и приставленнымъ къ Углицкому двору штатомъ, во главѣ котораго стоялъ дьякъ Михайло Битяговскій. Мальчикъ Димитрій, съ пеленокъ поставленный въ такія условія, приглядывался къ окружающей средѣ, проникался нерасположеніемъ къ Москвѣ и, мало-по-малу, по примѣру своихъ родныхъ, сталъ выражать это нерасположеніе къ боярамъ, которыхъ онъ считалъ уже своими личными врагами. Въ

---

[1]) Russia at the close of the sixteenth Century ed. Edward A. Bond. 2. Of the Russe Common Wealth or, Manner of Governement by the Russe Emperour urth the mannersand fashions of the people of that Country. By Giles Fletcher. p. 144.

[2]) «...Rationis vel parum vel, ut ex aliorum sermone diligenti que etiam mea psius animadver sione cognovi, prorsus nihil habet». Hist. Rossiae Monum., t. II, p. 3.

[3]) Ник. Лѣт., VIII, стр. 5. Объ этомъ же пишетъ папскій легатъ Болоньетаи. Histor. Rossime Monum. t. II, стр. 1.

Москву начали доходить слухи о задаткахъ царевича, обѣщавшихъ въ будущемъ второго Грознаго. Говорили, какъ передаетъ между прочимъ Флетчеръ, что «онъ находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы смотрѣть, какъ убиваютъ овецъ и вообще домашній скотъ, видѣть перерѣзанное горло, когда течетъ изъ него кровь (тогда какъ дѣти обыкновенно боятся этого) и бить палкой гусей и куръ до тѣхъ поръ, пока они не издохнутъ» [1]. Другой иностранецъ, Мартинъ Бэръ, разсказываетъ, конечно, по слухамъ, ходившимъ въ Москвѣ, что царевичъ велѣлъ однажды своимъ сверстникамъ сдѣлать изъ снѣгу нѣсколько изображеній, назвалъ ихъ именами извѣстныхъ бояръ, поставилъ рядомъ и началъ рубить: «одному отсѣкъ голову, другому отбилъ руку, третьяго прокололъ, приговаривая: «это такой-то бояринъ, такой-то князь, такъ имъ будетъ въ мое царствованіе» [2]. Понятно, какое впечатлѣніе производили такого рода слухи на московское общество, и особенно на бояръ. Вполнѣ, поэтому, естественно, если, какъ говоритъ Мартинъ Бэръ, «многіе бояре, тѣмъ устрашенные, видѣли въ Димитріи подобіе Іоанна Васильевича и весьма желали, чтобы сынъ отправился за отцомъ» [3]. Что подобнаго рода желанія слышались не разъ въ Москвѣ, что московскіе люди строили на осуществленіи этихъ желаній нѣкоторые личные планы, наконецъ, что даже подготовлялся какой-то государственный переворотъ, это помимо приведенныхъ словъ М. Бэра, доказывается также еще свидѣтельствомъ лица, не меньше заслуживающаго довѣрія, именно Флетчера. Послѣдній, за нѣсколько лѣтъ до событій, предсказалъ эти событія. Въ своихъ запискахъ онъ писалъ, что «царскій родъ въ Россіи скоро пресѣчется, со смертью особъ, нынѣ живущихъ», что «это произведетъ переполохъ въ русскомъ обществѣ», что, наконецъ, жизнь царевича Димитрія «находится въ опасности отъ покушеній тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя» [4]. И вотъ въ это время 15-го мая 1591 г., сначала въ Угличѣ, а затѣмъ, спустя нѣсколько дней и въ Москвѣ, узнаютъ, что царевича не стало. Одни говорили, что онъ зарѣзался

---

[1]) Fletcher, l. c. p. 22.

[2]) Сказанія современ. о Дмитріи Самозв., ч. I, изд. 3-е 1859 г., стр. 12 сл. Тоже находимъ и у Петрея «Исторія о велик. кн. Московск.» Петрея, перев. Шемякина, 1867 г., стр. 170.

[3]) Ibidem.

[4]) L. c. p. 23. ... the hause of Beala, which is like to determine in those that now are, and to make a conversion of the Russe estate. p. 21, 22: The emperours younger brother of six or seven years old (as was said before) is Kept in a remote place from the Mosco, under the tuiton of his mother and hir Kindred of the house of the Nagaies: yet not safe (as I have heard) from attempti of making away by practise of some that aspire to the succession, if this emperour die without any issue. The nurse that tasted before him of certaine meat (as I have heard) died presently.

самъ, нечаянно, въ припадкѣ эпилепсіи, другіе настойчиво твердили, что онъ зарѣзанъ вслѣдствіе интригъ Годунова [1]).

Въ чьемъ показаніи правда? Вотъ вопросъ, положительное рѣшеніе котораго объяснило бы многое, и многихъ представило бы въ совершенно новомъ свѣтѣ. Попытаемся разобрать этотъ вопросъ, на сколько это позволятъ намъ немногочисленныя данныя о смутной эпохѣ и прежде всего остановимся на первомъ слухѣ.

II.

Ѳедоръ Ивановичъ, узнавъ о смерти брата, расплакался, хотѣлъ ѣхать въ Угличъ, но удержанный, по однимъ извѣстіямъ, Борисомъ Годуновымъ, по другимъ, пожаромъ Москвы, а вѣроятнѣе всего собственной своей немощью, не поѣхалъ и для производства слѣдствія въ Угличъ отправились: князь Василій Ивановичъ Шуйскій, врагъ Годунова, дьякъ Андрей Клешнинъ, дьякъ Елизарій Вылузгинъ и митрополитъ Геласій. Пріѣхавъ на мѣсто преступленія, въ Угличъ, «мая въ ѳі день ввечеру», они немедленно приступили къ допросу свидѣтелей. Михаилъ Нагой на вопросъ, «которымъ обычаемъ царевича Димитрія не стало, и что его болѣзнь была», отвѣтилъ прямо, что царевича зарѣзали и какъ на убійцъ указалъ на Осипа Волохова, Никиту Качалова и Данилу Битяговскаго. Показаніе Михаила Нагого потвердилъ отчасти Андрей Нагой, говоря, что «сказываютъ, будьто царевича зарѣзали». Показанія другихъ свидѣтелей совершенно противоположны этимъ двумъ. Всѣ они говорятъ, что царевичъ, играя въ тычку, «самъ накололся», «самъ набрушился», зарѣзалъ самого себя въ припадкѣ падучей болѣзни. Показанія эти, записанныя

[1]) Позже, появленіе Самозванца вызвало новые слухи. Такъ, напр., Геркманъ передаетъ слухъ, что царевичъ Димитрій не былъ убитъ, а что былъ убитъ поповскій сынъ нѣсколько похожій на Димитрія. Сказ. Массы и Геркмана, стр. 264. Тотъ же слухъ записанъ и Маржеретомъ. Сказ. совр. о Димитріи Самозванцѣ, ч. I, стр. 256. Въ одной пѣснѣ Саратовской губ. приводится еще слѣдующее «мнѣніе», доказывающее намъ, что народъ скорѣе допускалъ убійство и что не вездѣ убійцей считали Годунова. Вотъ эта пѣсня:

«Въ шестымъ году, въ восьмой тысящѣ
«Въ нонѣшнемъ народѣ правда вывелась,
«Вселилось въ народѣ лукавство великое.
«Не лютая змѣя возвивалася,
«Возвивалось лукавство великое;
«Упало лукавство не на воду и не на землю,
«Упало лукавство царю Дмитрію на бѣлу грудь—
«Убили же царя Дмитрія въ гуляньѣ, на игрищахъ;
«Убилъ же его Гришка Разстриженный,
«Убимши его—самъ на царство сѣлъ,
«И не сколько царилъ—только семь годовъ».

(«Русск. Стар.» 1874 г., т. IX, № 1, стр. 200).

слѣдователями и скрѣпленныя подписями, изображаютъ угличское событіе въ слѣдующемъ видѣ [1]).

15-го мая 1591 года, часовъ въ двѣнадцать дня, когда угличане, вышедши изъ церкви по окончаніи служенія, сѣли обѣдать, «въ городе у Спаса зазвонилъ Максимко Дмитріевъ сынъ Кузнецовъ». На звонъ прибѣжалъ къ церкви пономарь, вдовый попъ, Огурецъ. Сюда же прибѣжалъ стряпчій Суббота Протопоповъ, «ударилъ Огурца въ шею и велѣлъ ему сильно звонити». Раздался набатъ. Испуганные жители, думая, что гдѣ-нибудь пожаръ, съ топорами и рогатинами выскочили изъ домовъ и прибѣжали на царицынъ дворъ. Здѣсь ихъ глазамъ представилась слѣдующая сцена. Кормилица, Орина Жданова, держала на рукахъ трупъ ребенка Димитрія, а царица Марья Нагая неистово била полѣномъ мамку Василису Волохову, крича, что царевича зарѣзали и какъ на убійцъ указывала на сына мамки—Осипа Волохова, Битяговскаго, Качалова и др. Видъ крови, слезы, мольбы и подстреканія царицы разъярили толпу. Она бросилась за названными убійцами, поймала ихъ въ разрядной избѣ и избила. Началась страшная свалка, убивали уже безъ разбору. Михаилъ Битяговскій, обѣдавшій въ это время, услышалъ набатъ и шумъ, прибѣжалъ на подворье.

Увѣщанія, которыми пытался было Битяговскій успокоить толпу, прекратить кровопролитіе, довели до того, что толпа, еще больше раздраженная, бросилась за нимъ, выломала дверь избы, куда онъ скрылся, выволокла на дворъ и убила вмѣстѣ съ Данилкой Третьяковымъ за то, какъ показалъ подконюшникъ Ортемей Ларивоновъ, что «имъ Михаилъ Битяговскій разговаривалъ». Долго не могли найти только Осипа Волохова.

Наконецъ, когда тѣло зарѣзаннаго царевича было уже въ церкви, къ Марьѣ Нагой, находившейся здѣсь же, привели еле живого Осипа Волохова и на ея глазахъ избили до смерти. Сюда же привели жену Михайлы Битяговскаго съ двумя дочерьми и только заступничество духовенства спасло несчастныхъ отъ смерти. Василиса Волохова, сильно избитая самой царицей, была посажена «въ палату за сторожи».

Собравъ такія свѣдѣнія, слѣдователи уѣхали въ Москву и представили свой обыскъ на разсмотрѣніе Θедора Ивановича, «і велѣлъ государь перед патріархомъ, на соборе тотъ обыскъ прочесть».

Соборъ, во главѣ съ патріархомъ Іовомъ, выслушавъ слѣдственное дѣло и заявленіе митрополита Сарскаго, что царица Марья сознавалась, будто убійство Битяговскаго и другихъ—дѣло грѣшное и убиты они невинно, соборъ разсудилъ, что Михайло и Григорій Нагіе и углицкіе посадскіе люди виновны въ измѣнѣ про-

---

[1]) Собраніе Госуд. Грамотъ и Дог., т. II, № 60.

тивъ царскаго величества, что царевичу Димитрію «смерть учинилась Божьимъ судомъ», что убитые на царицыномъ подворьи въ Угличѣ убиты невинно, какъ стоявшіе за правду, что наконецъ, Нагіе и «мужики угличане, по своимъ винамъ, дошли до

Убіеніе царевича Димитрія.
Картина проф. Венига.

всякаго наказанія». Отказываясь произнести приговоръ на томъ основаніи, что это дѣло земское градское, а не церковное, соборъ передалъ его на усмотрѣніе государя, въ царской рукѣ котораго «и казнь, и опала, и милость».

Приговоръ скоро послѣдовалъ и былъ исполненъ. Царицу Марью сослали въ Судинъ монастырь на Выксѣ (въ 20-ти верстахъ отъ Череповца) и постригли, Нагихъ разослали по городамъ въ ссылку; казнили угличанъ, которые оказывались виновными въ мятежѣ: инымъ рубили головы, другихъ утопили, инымъ рѣзали языки и, наконецъ, всѣхъ жителей Углича перевели въ Сибирь и населили ими г. Пелымъ. Даже колоколъ, въ который звонилъ Максимко Кузнецовъ, сослали въ Сибирь [1]).

Въ такомъ видѣ представляетъ намъ этотъ фактъ слѣдственное дѣло. Дѣло это, произведенное на мѣстѣ преступленія, должно было бы имѣть рѣшающее значеніе — это понятно. Чѣмъ же, однако, объяснить тотъ фактъ, что нѣкоторые историки, занимавшіеся исторіей смутнаго времени, не только не повѣрили ему, но даже не обратили на него вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, Костомаровъ, напримѣръ, посвятившій смутной эпохѣ отдѣльную большую монографію, не счелъ нужнымъ, обязательнымъ для себя долго останавливаться на этомъ документѣ, какъ на документѣ ничтожномъ, ограничился передачей его содержанія и предпочелъ ему лѣтописныя извѣстія, имѣвшія за собой менѣе достовѣрности, отвергнувъ только нѣкоторыя подробности этихъ извѣстій [2]). С. М. Соловьевъ, хотя и остановился на немъ нѣсколько дольше, хотя и посвятилъ разбору его нѣсколько страницъ, однако, въ концѣ-концовъ, пришелъ къ тѣмъ же результатамъ, что и Костомаровъ, т. е. не призналъ за слѣдственнымъ дѣломъ значенія историческаго документа и предпочелъ лѣтописныя извѣстія [3]). Въ защиту его выступилъ г. Бѣловъ. Въ статьѣ, посвященной этому вопросу [4]), г. Бѣловъ довольно остроумнымъ анализомъ всего дѣла, рядомъ соображеній, старался доказать *самоубійство* царевича, но только *старался*. Старанія его такъ и остались стараніями, не болѣе. Статья его врядъ ли убѣдитъ человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ слѣдственнымъ

---

[1]) Ник. Лѣт. VII, стр. 19.—Нов. Лѣт. 35.—При воеводѣ князѣ Лобановѣ-Ростовскомъ въ Тобольскъ былъ сосланъ съ отсѣченіемъ уха первый ссыльный въ Сибирь—угличскій колоколъ, вѣсомъ 19 п. 20 ф. съ слѣдующей надписью: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи царевича Димитрія, въ 1593 году присланъ изъ г. Углича въ Сибирь, въ ссылку, во градъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, а послѣ на Софійской колокольнѣ былъ часобительный».—Исторія Сибири, В. К. Андріевича, ч. I, стр. 20. Рисунокъ см. «Историч. Вѣстн.» 1890 г., октябрь, стр. 198.

[2]) Смутное время Московск. Госуд. въ началѣ XVII в., Н. И. Костомаровъ, 1868 г., т. I, стр. 18—21.

[3]) Соловьевъ, т. VII, стр. 444.

[4]) «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.» 1873 г., ч. CLXVIII, т. 7 и 8: «О смерти царевица Димитрія».— Раньше г. Бѣлова высказалъ мысль о самоубійствѣ царевича Константинъ Аксаковъ въ своей рецензіи на VII т. «Исторіи Россіи» Соловьева, но настаивать на ней не рѣшался. Его побудило только желаніе оправдать «величавое лицо Бориса, которому такое злодѣйство не свойственно»... «Русская Бесѣда», 1858 г., т. II, стр. 24.

дѣломъ и несомнѣнными обстоятельствами, сопровождавшими преступленіе.

Костомаровъ, прочитавъ статью г. Бѣлова, остался при прежнемъ мнѣніи и сказалъ, что, если слѣдственное дѣло можетъ возбуждать любопытство историческаго изслѣдователя, то развѣ только съ той стороны, какимъ образомъ оно было въ свое время составлено: «какія изъ показаній были отобраны Шуйскимъ съ товарищами въ самомъ Угличѣ, какія, быть можетъ, послѣ того въ Москвѣ; какія изъ нихъ вынуждены были страхомъ, пыткой или лаской, какія даны добровольно смекнувшими заранѣе, какъ имъ слѣдуетъ говорить, и какія, наконецъ, могли быть написаны слѣдователями отъ лица тѣхъ, которые и не говорили того, что писалось отъ ихъ имени» [1]. Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ объясняется такое недовѣріе къ офиціальному документу, подлинность котораго, какъ это можно судить по тону и характеру показаній, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія?

Тѣмъ же, конечно, почему не повѣрили ему и современники, т. е. физической невозможностью, неестественностью самого факта самоубійства. Намъ кажется, что самъ г. Бѣловъ сильно сомнѣвается въ томъ, что онъ доказываетъ въ своей статьѣ, т. е. чтобы девятилѣтній мальчикъ былъ въ силахъ, хотя бы даже въ припадкѣ эпилепсіи, перерѣзать себѣ горло.

Наконецъ, что такое представлялъ собою ножъ, которымъ, по увѣренію г. Бѣлова, зарѣзался царевичъ? Это былъ ножъ, которымъ царевичъ игралъ въ тычку, т. е. ни больше, ни меньше, какъ подобіе ножа; простая игрушка. Что это была игрушка — это несомнѣнно. Остраго, настоящаго ножа, которымъ дѣйствительно можно было бы зарѣзаться или даже обрѣзать палецъ, Димитрію, какъ ребенку, притомъ ребенку подверженному падучей болѣзни, никто, конечно, не далъ бы. Утверждать же, что царевичъ зарѣзался игрушечнымъ ножемъ также смѣшно и нелѣпо, какъ, если бы кто-нибудь доказывалъ, что какой-нибудь мальчикъ зарѣзался своей игрушечной саблей [2]. Помимо всего этого, царевичъ былъ не одинъ: при немъ находились — мамка Василиса Волохова, Орина Жданова, постельница Марья Самойлова, да «маленькие робятка жилцы» [3]. Неужели же всѣ они, видя, что съ царевичемъ начинается припадокъ, видя въ рукѣ его ножъ, не бросились къ нему, не вырвали

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1873 г., т. V, № 9, стр. 174.

[2]) Замѣтимъ кстати, что этотъ ножъ не сохранился. По всей вѣроятности его унесъ съ собой убійца. Въ противномъ случаѣ онъ находился бы при мощахъ, при которыхъ находятся только орѣхи, бывшіе въ рукѣ царевича въ моментъ его смерти.

[3]) О своемъ присутствіи во время убійства царевича, мамка Василиса Волохова говоритъ сама только. Жильцы «робята», бывшіе здѣсь, объ этомъ не говорятъ ничего. «Собр. Госуд. Грам. и Дог.», т. II, № 60, стр. 108.

этого ножа? «Да подобное равнодушіе, говоритъ Костомаровъ, почти равняется убійству. И какъ слыша эти показанія, слѣдователи не сказали дававшимъ ихъ: «Вы видѣли, какъ съ царевичемъ сдѣлался припадокъ, почему не бросились къ нему и не отняли ножа?»[1]).

Уже одни эти соображенія положительно не позволяютъ намъ признать фактъ самоубійства. Но при чтеніи слѣдственнаго дѣла невольно возникаютъ и другіе вопросы. Такъ, напримѣръ, прежде всего, бросается въ глаза каждому вопросъ, предложенный Шуйскимъ Михаилу Нагому въ началѣ слѣдствія: «которымъ обычаемъ царевича Дмитрея не стало и что его болѣзнь была». Вопросъ этотъ даже не предубѣжденнаго человѣка заставляетъ заподозрить Шуйскаго, не велъ ли онъ дѣло въ извѣстномъ направленіи, не требовалъ ли, чтобы показанія давались такъ, а не иначе. Г. Бѣловъ оправдываетъ этотъ вопросъ тѣмъ, что слѣдователи могли и должны были собрать свѣдѣнія раньше, до начатія слѣдствія. Хотя начальныя строки слѣдственнаго дѣла до насъ и не дошли, однако, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы склонны думать, что такихъ свѣдѣній собрать Шуйскій не могъ и, если задалъ подобный вопросъ, то задалъ по тому, что заготовилъ его еще въ Москвѣ.

Нашъ документъ начинается такими словами: «...и товожъ дни маия въ ѳі день въ вечеру пріѣхали на Углечь князь Василей и Ондрей и Елизарей и р..прашивали Михаила Нагого»[2]). Эти слова ясно показываютъ намъ, что комиссія, присланная изъ Москвы, сейчасъ же по прибытіи своемъ, безъ всякихъ предварительныхъ разспросовъ и справокъ, для которыхъ у нея не было ни времени, ни нужды, не смотря на позднее время, приступила къ производству слѣдствія. Это также подрываетъ значительно авторитетъ слѣдственнаго дѣла.

Затѣмъ, зная изъ того же дѣла, кто находился при царевичѣ въ минуту его смерти, нельзя не изумиться, читая показанія другихъ свидѣтелей, которые даютъ показанія, какъ очевидцы, лично присутствовавшіе при смерти. Всѣ они въ высшей степени единогласно и однообразно, — что тоже нѣсколько обращаетъ на себя вниманіе, — заявляютъ, что «царевичъ набрушился самъ», «накололся самъ», особенно напирая на это «самъ». Самое показаніе мамки Василисы, всей важности котораго она, какъ женщина XVI в., по мнѣнію г. Бѣлова, сообразить не могла, заставляетъ заподозрить и показаніе и саму Василису Волохову. Она не могла сообразить важности своихъ показаній, а между тѣмъ почему-то приводитъ ихъ, ссылается на нихъ, начинаетъ свою рѣчь издалека, тогда какъ ей нужно было разсказать лишь фактъ. Невольно подумаешь, не была ли сама Василиса Волохова орудіемъ, ко-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1873 г., т. V, № 9, стр. 177.

[2]) «Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ», т. II, № 60, стр. 103.

торымъ воспользовался тотъ, для кого нужна была смерть царевича.

Да и сами припадки, въ которыхъ выражалась болѣзнь царевича, которые служатъ такимъ вѣскимъ аргументомъ г. Бѣлову для доказательства его мысли, не такъ ужъ удачно подобраны, чтобы могли что-нибудь доказать. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, они проявлялись? Какая-то злость, бѣшенство, мальчикъ бросается на людей, кусается, мальчикъ сваей пырнулъ мать... Судя поэтому можно было бы ожидать, что онъ и въ данномъ случаѣ скорѣе пырнетъ мамку или кого-нибудь изъ «робятъ», но не самаго себя. Кромѣ всѣхъ этихъ соображеній, мѣшаетъ также вѣрить слѣдственному дѣлу личность главнаго слѣдователя Василія Ивановича Шуйскаго, оказавшагося впослѣдствіи такимъ низкимъ человѣкомъ.

Наконецъ, возможно ли признать простой случайностью, какою было бы самоубійство царевича, смерть, предсказанную за нѣсколько лѣтъ раньше Флетчеромъ и другими иностранцами? Не вправѣ ли мы заключить, что царевичъ былъ убитъ, и убитъ, какъ предсказывалъ Флетчеръ, тѣми, которые расчитывали, по прекращеніи династіи, овладѣть престоломъ? Здѣсь является вопросъ, кому мѣшалъ этотъ ребенокъ, кто его убилъ? Обвиняютъ Бориса Годунова.

III.

На долю Бориса Годунова, благодаря тому высокому положенію, которое онъ, по своимъ личнымъ достоинствамъ, занималъ при Грозномъ и особенно при его сынѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, пришлось не мало разнаго рода обвиненій самого разнообразнаго свойства, обвиненій голословныхъ, указывающихъ лишь намъ на безсильную зависть и ненависть небольшой кучки бояръ. Его обвиняли и въ хитрости, и въ коварствѣ, говорили, что онъ подмѣнилъ родившагося у Ѳедора Ивановича наслѣдника престола Петра—дѣвочкой Ѳеодосьей, что онъ поджигалъ Москву, отравилъ Ѳедора Ивановича, пытался отравить царевича Димитрія, чуть ли не былъ причиной бывшаго въ то время голода. Среди этихъ обвиненій мы встрѣчаемъ также и обвиненіе въ убійствѣ царевича. Обвиненія голословны. Чѣмъ же однако объяснить ихъ живучесть, пятнающую одну изъ симпатичнѣйшихъ личностей, когда-либо занимавшихъ московскій престолъ?

Еще до событія 15-го мая, враги Бориса распускали слухи, что онъ стремится къ престолу, что онъ задумываетъ такъ или иначе извести царевича. Въ самый моментъ убійства, царица Марья Нагая, враждебно настроенная противъ Бориса Годунова, думая, что онъ главная причина всѣхъ бѣдъ постигшихъ ее, назвала народу убійцей Годунова. Такимъ образомъ, въ обществѣ началъ распространяться слухъ, будто царевичъ Димитрій убитъ въ Угличѣ по

порученію Бориса. Слухъ этотъ былъ записанъ нѣкоторыми иностранцами, находившимися въ это время въ Москвѣ и, спустя нѣкоторое время, началъ пріобрѣтать все больше и больше значеніе дѣйствительнаго факта. Когда Василій Ивановичъ Шуйскій, по своемъ вступленіи на престолъ, отказавшись отъ своихъ прежнихъ клятвъ и увѣреній, сталъ офиціально заявлять самъ, а по его приказанію также и инокиня Мароа, плясавшая подъ дудку Шуйскаго, что Димитрій убитъ Борисомъ Годуновымъ и для того, чтобы больше подтвердить свои слова, перенесъ мощи царевича изъ Углича въ Москву, когда была совершена канонизація Димитрія, въ нашей письмениости начинаютъ появляться особыя сказанія и повѣсти о событіяхъ въ Угличѣ.

Сказанія эти можно раздѣлить, какъ это дѣлаетъ проф. С. Ѳ. Платоновъ, на четыре редакціи, четыре вида. Первый видъ сказаній, самый распространенный, внесенный и въ настоящее время вносимый во всѣ учебники, мы находимъ въ Никоновской лѣтописи [1]). Борису, разсказывается въ лѣтописи «вложи дияволъ в мысль извести праведнаго своего государя царевича Дмитрея». Ядъ, которымъ Борисъ хотѣлъ сначала совершить убійство и который по его распоряженію давали царевичу «овогда въ есътвѣ овогда въ питьѣ» не дѣйствовалъ. Это побудило Годунова принять болѣе рѣшительныя мѣры. Онъ задумалъ зарѣзать царевича. Загряжскій и Чепчуговъ, которымъ довѣрился Борисъ и на которыхъ расчитывалъ, какъ на средство для исполненія своихъ замысловъ, отказываются. Совѣтникъ его Андрей Клешнинъ утѣшаетъ его и находитъ другихъ убійцъ, которые соглашаются исполнить волю правителя. Убійцами этими были Данилко Битяговскій и Никита Качаловъ.

Прибывъ въ Угличъ, они входятъ въ соглашеніе съ мамкой царевича Василисой Волоховой. Условившись съ убійцами, мамка вывела царевича на дворъ, гдѣ «злодѣй Данилко Волоховъ пріятъ его праведнаго за руку и рече ему: сие у тебя государь новое ожерельецо? Онъ же ему отвѣща и глаголя тихимъ гласомъ и поднемъ ему выю свою и рече ему, сие есть старое ожерелье; онѣ же окаяннии аки змѣя ужали жаломъ, ножемъ праведнаго по шее и не захвати его гортани». Увидя это, кормилица, преданная царевичу, начала кричать и бросилась защищать ребенка, но Битяговскій и Качаловъ прибили ее почти до смерти, «едва живу оставиша», а ребенка отняли и окончательно дорѣзали.

Вторая редакція, помѣщенная въ Четьяхъ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго подъ 3-е іюня, передаетъ фактъ такимъ же образомъ, какъ и сейчасъ приведенная. Единственная разница заключается въ томъ, что первая редакція смотритъ на пожаръ, случившійся

---

[1]) Ник. Лѣт., VIII, стр. 16 сл.

въ это время въ Москвѣ, какъ на Божье наказаніе за грѣхи [1]), а вторая редакція приписываетъ его Борису, желавшему этимъ помѣшать Ѳедору самому съѣздить въ Угличъ [2]).

Третья редакція гораздо обстоятельнѣе двухъ первыхъ. Она шагъ за шагомъ слѣдитъ за царевичемъ, подробно передаетъ всѣ событія, предшествовавшія роковой минутѣ. Въ этотъ день,—говоритъ сказаніе, — «царевичъ по утру восталъ дряхлъ съ постели своей и глава оу него государя царевича съ плечь покатилася». Въ четвертомъ часу дня (т. е. въ десятомъ утра) ходилъ онъ къ обѣднѣ и послѣ обѣдни приложился къ образамъ. Пришедши въ хоромы, царевичъ перемѣнилъ платьице; на ту пору вошли съ кушаньемъ и священникъ принесъ царевичу просфору, которую царевичъ ѣлъ каждый день; послѣ онъ попросилъ напиться и пошелъ гулять съ кормилицей. Когда они подошли къ церкви царя Константина, подошли къ нимъ убійцы Битяговскій и Качаловъ и ударили кормилицу палкой такъ, что она упала на землю «обмертвѣвъ». Тогда они бросились на царевича, перерѣзали ему горло, а сами стали кричать. На крикъ выбѣжала царица Марья и приказала ударить въ колокола. Народъ, услышавъ набатный звонъ, сбѣжался. Царица отнесла уже тѣло царевича въ церковь Преображенія и говорила народу, чтобы убили злодѣевъ. Народъ побилъ ихъ камнями» [3]).

Четвертая редакція составляетъ часть «Сказанія о царствѣ государя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича», названнаго проф. С. Ѳ. Платоновымъ «легендарнымъ произведеніемъ о смутѣ». Въ цѣломъ видѣ сказаніе это встрѣчается во многихъ рукописяхъ, но до сихъ поръ еще не напечатано. Здѣсь рисуется совершенно новая картина убійства, которая, по словамъ проф. С. Ѳ. Платонова, «получила бы значительный историческій интересъ, если бы находилась въ другомъ, менѣе легендарномъ памятникѣ. Въ баснословномъ же памятникѣ и она кажется баснословіемъ» [4]). По словамъ сказанія, кормилица (Дарья), условившись съ убійцами вывела царевича на дворъ. «Пойдемъ, государь,—сказала она,—и погуляемъ на дворѣ! и дастъ на потѣшеніе орѣховъ... Они же въ то время окаянные и злые кровопійцы и святоубійцы схорони-

[1]) Ник. Лѣт., VIII, 20.

[2]) Иностранецъ Де-Ту говоритъ, что Борисъ воспользовался пожаромъ для убіенія царевича. «Въ Россіи, — говоритъ онъ, — часто случаются пожары, отъ того, что всѣ строенія тамъ деревянныя: какъ скоро покажется огонь, звонятъ въ большой колоколъ и народъ спѣшитъ загасить пламя. Въ такихъ случаяхъ царевичъ обыкновенно выходилъ изъ своихъ покоевъ, Борисъ принялъ мѣры, разставилъ убійцъ; Димитрія подстерегли, когда онъ сходилъ съ крыльца и закололи». «Сказ. совр. о Дм. Самозв.», ч. I. стр. 328. Тоже и у Петрея.

[3]) Чтенія въ «Общ. Исторіи и Древн.» 1864 г., кн. IV (смѣсь).

[4]) «Древнерусскія сказ. и повѣсти о смутномъ времени XVII в.», С. Ѳ. Платонова, 1888 г., стр. 330.

шася на дворѣ подъ лѣстницу, на которой поиде царевичъ гулять, и они изостри неподобные свои руки на убивство неповиннаго младенца и государя царевича Дмитрія Ивановича, аки звѣріе. И какъ царевичъ пошелъ по лѣстницѣ и будетъ посреде лѣстницы, и діякъ Мишка Битяговскій скоро вскочилъ, аки ехидный злой (т. е. змій) и ухватилъ его, незлобиваго младенца государя царевича за ношки, сынъ же его Данилка за честную главу его, аки злодѣи и душегубцы. Племянникъ же его Никита Качаловъ, вынявъ ножъ, и закололъ его, аки агнца непорочна и незлобиваго сущаго младенца. И напившеся окаянные крови его, царевича Дмитрея Ивановича, и пресече царскую младость, и повергоша его на землю мертва, а сами окоянные побѣжали кои куда и не увидѣли пути себѣ и дороги. И въ той часъ ослѣпи ихъ неповинная кровь непорочнаго агнца, не потерпѣла беззаконію ихъ. И нѣкая богоизбранная жена возвѣстила царицѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ о такомъ нелѣпомъ дѣлѣ. Она же государыня царица скоро исъ хоромъ побѣжала и увидѣла свое милое чадо на земли лежаща мертва...» [1])

Сказанія эти, часто перерабатывавшіяся позднѣйшими компиляторами, и послужили основаніемъ для того взгляда на Бориса Годунова, который мы находимъ въ трудахъ нашихъ историковъ Щербатова, Карамзина, Костомарова, Соловьева и др. Но можемъ ли мы такъ полагаться на приведенныя сказанія, вѣрить сообщаемымъ въ нихъ фактамъ, въ какой степени могутъ они служить историческимъ источникомъ? Вопросъ этотъ, какъ нельзя лучше, путемъ въ высшей степени внимательнаго анализа, разрѣшилъ въ своей книгѣ «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка», проф. С. Ѳ. Платоновъ. Не вдаваясь въ частности, приведемъ лишь главнѣйшіе выводы этого труда.

Прежде всего г. Платоновъ выяснилъ, что всѣ эти сказанія составлены лѣтъ 15—20 спустя послѣ смерти Димитрія, когда слухи о томъ, что убійство совершено по проискамъ Бориса Годунова, получили оффиціальное подтвержденіе со стороны Шуйскаго. Такимъ образомъ, сказанія представляютъ собой не безхитростныя записки очевидцевъ, а составлены по наслышкѣ. Этимъ легко объясняются тѣ историческія неточности, несообразности, а часто даже исключающія другъ друга противорѣчивыя подробности, которыя составляютъ отличительную черту всѣхъ этихъ сказаній.

Наконецъ, всѣ сказанія о смутѣ, какъ ихъ ни много, сводятся къ небольшому числу самостоятельныхъ редакцій. Самой важной изъ этихъ редакцій, по своему вліянію на другія компиляціи, была повѣсть, извѣстная подъ названіемъ «Иного сказанія». Надъ этой повѣстью, вслѣдствіе важности ея, проф. С. Ѳ. Платоновъ остановился прежде всего и дольше всего. Оказы-

---

[1]) Ibid.

вается, что повѣсть цѣликомъ вышла изъ лагеря враговъ Бориса Годунова—Шуйскихъ. «Мы должны,—говоритъ изслѣдователь,—и не обвиняя автора въ намѣренномъ искаженіи истины, признать повѣсть пристрастнымъ голосомъ одной политической партіи, полнымъ отраженіемъ взглядовъ, симпатій и антипатій царя Шуйскаго съ его правительствомъ» [1]). Повѣсть эта «какъ бы приходитъ на помощь официальному документу, пуская въ ходъ для достиженія общей цѣли—укрѣпленія на престолѣ В. И. Шуйскаго такія средства, какія неумѣстны въ документѣ» [2]).

Послѣ этого понятно, какъ мы должны относиться къ этимъ сказаніямъ, къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя мы находимъ въ нихъ противъ Бориса Годунова и, которыя, быть можетъ, были написаны подъ диктовку В. И. Шуйскаго. Нужно также замѣтить, что далеко не всѣ сказанія враждебно относятся къ Борису Годунову. Многіе хвалятъ его и, если обвиняютъ, то сознаются, что пишутъ по слухамъ [3]).

Такимъ образомъ, главныя основанія, на которыя опирались враждебные Борису историки, въ настоящее время, можно сказать, не существуютъ. Впрочемъ, симпатичная личность Бориса Годунова даже въ то время, когда сказанія пользовались полнымъ довѣріемъ со стороны историковъ, находила людей, которые склонны были скорѣе оправдывать его, нежели обвинять. И это вполнѣ естественно.

Убійство, приписываемое Борису Годунову, является единственнымъ пятномъ бросающимъ тѣнь на эту личность, на всю его полезную дѣятельность. Подозрѣніе это было причиной того, что всякій поступокъ Бориса, всѣ его дѣйствія, какъ бы они хороши ни были сами по себѣ, его широкая благотворительность или, выражаясь языкомъ того времени,—«защита вдовъ и сиротъ», забота о «нищихъ»,—все это толковалось въ дурную сторону.

Сгорѣла Москва. Масса людей осталась безъ крова, безъ пищи, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Борисъ помогаетъ имъ, возвращаетъ имъ потерянное, быть можетъ, въ бо̀льшихъ даже размѣрахъ. Трудно видѣть что-нибудь дурное здѣсь, а между тѣмъ

---

1) С. Ѳ. Платоновъ, стр. 18.

2) С. Ѳ. Платоновъ, стр. 14.

3) Тимоѳеевъ, напримѣръ, авторъ «Временника», характеризуетъ Бориса, перечисливъ дурныя черты его, вытекающія изъ предполагаемаго убійства, такими словами: «Первое его и добро творивъ и начальнѣйшее къ Богу, нежели къ людямъ, се еже о благочестіи всяцѣмъ ревнитель усерденъ по древнихъ о церквахъ чинми тоя бысть попеченми прилеженъ. Требующимъ-даватель неоскуденъ; въ мірови въ молбахъ о всяцей вещи-преклонитель кротостенъ; во отвѣтѣхъ-всѣмъ сладокъ; на обидящихъ молящимся, беспомощнымъ и вдовицамъ-отмститель скоръ; о земли правленіяхъ-прилежаніемъ премногъ; правосудства любленіе имѣ безмездно; неправдѣ всяцей-изиматель не лестенъ»... С. Ѳ. Платоновъ, стр. 151, прим. 2.

эту помощь погорѣльцамъ, вытекающую прямо изъ чувства гуманности, которое было въ высшей степени присуще Борису, приписываютъ ничему иному, какъ только коварству Бориса, желавшаго такимъ образомъ добиться народнаго расположенія. Само собой понятно, что человѣкъ безпристрастный, непредубѣжденный, разобравъ массу такого рода обвиненій, безъ сомнѣнія, станетъ на сторону Годунова, будетъ его оправдывать.

Къ числу такихъ защитниковъ нужно отнести прежде всего М. П. Погодина, который, разбирая вопросъ, въ какой степени Борисъ Годуновъ могъ принимать участіе въ убіеніи царевича Димитрія, пришелъ къ заключенію, что даже наша уголовная палата, на основаніи извѣстныхъ намъ данныхъ объ этомъ дѣлѣ, «должна оставить Бориса въ подозрѣніи и подозрѣніи слабомъ» [1]). Затѣмъ, г. Бѣловъ въ своей статьѣ, посвященной разбору слѣдственнаго дѣла, если не доказалъ несомнѣнности самоубійства, то зато выставилъ много очень вѣскихъ доказательствъ въ пользу невинности Бориса Годунова. Это избавляетъ насъ отъ необходимости останавливаться долго на этомъ вопросѣ и мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими общими замѣчаніями.

Прежде всего является вопросъ, могъ ли Борисъ разсчитывать на то, что его выберутъ на престолъ московскій, могъ ли думать объ этомъ онъ, homo novus, выдвинувшійся сравнительно очень недавно, въ то время, когда такую громадную роль играла знатность и древность происхожденія, когда мѣстничество было въ полной силѣ? [2]). Всѣмъ извѣстно было, что родъ Годуновыхъ былъ не изъ особенно «честныхъ» родовъ и выдвинулся не родовой честью, а случайно только въ XVI вѣкѣ, хотя и восходилъ къ XIV вѣку. Предокъ Годуновыхъ татаринъ Мурза-Гетъ пріѣхалъ въ XIV вѣкѣ на службу къ московскому князю. Какъ его потомки успѣли выдвинуться изъ массы подобной имъ, второстепенной знати — неизвѣстно [3]). А въ это время были роды гораздо болѣе древніе и знатные, какъ, напримѣръ, родъ князей Шуйскихъ, происходившихъ отъ Александра Невскаго и потому имѣвшихъ болѣе основанія разсчитывать на престолъ, чѣмъ какой-то не знатный выскочка.

Могъ ли Борисъ знать, что Ѳедоръ Ивановичъ умретъ раньше его и умретъ бездѣтнымъ? Вѣдь спустя два года по смерти Димитрія родилась у него дочка Ѳеодосія [4]). Наконецъ, въ то время

---

[1]) Погодинъ, Историко-критич. отрывки, 1846 г., т. I, стр. 364.

[2]) Самъ Борисъ говорилъ, что «въ Россіи много князей и бояръ, коимъ онъ уступая въ знатности, уступаетъ и въ личныхъ достоинствахъ». Карамзинъ, т. X, стр. 130, прим. 381.

[3]) Родословная Бориса Годунова, см. Арцыбышевъ, т. III, кн. V, прим. 11 и «Родословную книгу», стр. 93, въ Временникѣ, кн. IX.

[4]) Карамзинъ, X, 160.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 25.

еще никто не зналъ, къ чему приведетъ случай, когда царь умретъ бездѣтнымъ, и самъ Θедоръ не разрѣшилъ этого вопроса, когда передъ смертью бояре съ патріархомъ спросили: «кому царство, насъ сиротъ и царицу приказываешь?» — «Во всемъ царствѣ,—отвѣтилъ Θедоръ,—и въ васъ воленъ Богъ: какъ ему угодно, такъ и будетъ» [1]). Если бы въ самомъ дѣлѣ Борисъ Годуновъ такъ стремился къ царскому вѣнцу, то неужели же онъ не могъ бы обойтись и безъ убійства царевича, котораго и духовенство, и народъ считали незаконорожденнымъ, а слѣдовательно неимѣющимъ права на престолъ, неужели бы онъ, пользуясь такимъ не только расположеніемъ царя Θедора, но кромѣ того и громаднымъ на него вліяніемъ, не съумѣлъ бы добиться отъ этого слабоумнаго отшельника назначенія законнымъ наслѣдникомъ себя, особенно при томъ коварствѣ и хитрости, которыя приписываютъ Борису его враги.

Отсутствіе такого стремленія доказывается также поведеніемъ Бориса послѣ смерти царя Θедора. Онъ передаетъ всѣ дѣла патріарху Іову, самъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ сестрой въ монастырь и упорно отказывается отъ престола. Говорятъ, что онъ хотѣлъ порисоваться, «не забылся въ радости сердца», хотѣлъ болѣе упрочить свое будущее, довольно шаткое положеніе. Пусть все такъ, но могъ ли онъ быть настолько увѣреннымъ во всеобщемъ къ себѣ расположеніи и безсиліи своихъ враговъ, чтобы самому настоятельно требовать созванія земскаго собора для выбора царя [2]).

Не имѣя никакихъ правъ на престолъ, запятнанный кровью царевича, могъ ли онъ такъ легко поставить на карту и свою завѣтную мечту, такъ долго лелѣянную, ради которой совершалъ преступленія, наконецъ, быть можетъ, даже свою собственную жизнь? Могъ ли онъ, если въ самомъ дѣлѣ стремился къ престолу и чувствовалъ себя виновнымъ во взводимыхъ на него преступленіяхъ, быть увѣреннымъ, что среди его враговъ, въ массѣ народа, собравшагося въ Москву, не найдется ни одного человѣка, который его не изобличитъ, тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ проф. В. О. Ключевскій, въ составѣ этого собора, «нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-нибудь подтасовки членовъ» [3]). Думаемъ, что нѣтъ. И если онъ все это дѣлалъ, то дѣлалъ, сознавая свою правоту.

---

[1]) Соловьевъ, VIII, стр. 2.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 34.

[2]) По поводу земскаго собора ученые говорятъ различно. Карамзинъ считаетъ, что было не менѣе 500 чиновниковъ и выборныхъ изъ всѣхъ областей (X, 213) Соловьевъ (VIII, 5) и Павловъ («Отеч. Зап.» 1859 г., т. CXXII, 166) предполагаютъ 474, Бѣляевъ (Рѣчи и отчетъ Моск. унив. 1867 г., стр. 21)—456 и Загоскинъ («Ист. Права Моск. Госуд.», т. I, стр. 228) — 457, Латкинъ — 457 («Земскіе соборы древней Руси», стр. 86 и слѣд.), В. О. Ключевскій—512 («Русск. Мысль» 1891 г., кн. I, стр. 135).

[3]) «Составъ представит. на земск. соборахъ». («Русск. Мысль» 1891 г., кн. I, стр. 146).

Какъ на доказательство того, что Борисъ Годуновъ именно и не сознавалъ этой правоты, указываютъ на его подозрительность, развившуюся въ послѣдніе годы его царствованія. По нашему мнѣнію, она ровно ничего не доказываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, Борисъ—царь. Въ его владѣніяхъ появляется самозванецъ, разоряетъ страну, пріобрѣтаетъ сторонниковъ, угрожаетъ, наконецъ, его собственной жизни. Невольно станешь подозрительнымъ и осторожнымъ. Наконецъ, развѣ Грозный, имѣвшій совершенно законныя права на престолъ, считавшійся и считавшій себя вполнѣ законнымъ государемъ, не былъ подозрителенъ?

Невозможно поэтому, ни считать Бориса виновникомъ драмы, разыгравшейся въ Угличѣ, ни подозрѣвать его въ стремленіи къ престолу тѣмъ болѣе, что съ гораздо большимъ основаніемъ могли и добивались, какъ это видно изъ записокъ иностранцевъ, также и другіе.

IV.

Итакъ, кто же убійца? Для рѣшенія этого вопроса необходимо бросить хоть бѣглый взглядъ на состояніе московскаго боярства того времени, какъ сословія болѣе всего заинтересованнаго судьбами русскаго престола.

Московское боярство къ концу XVI вѣка рѣзко раздѣлилось на двѣ части, относившіяся одна къ другой очень враждебно. Съ одной стороны стоялъ классъ древней аристократіи, въ который вошли не только удѣльные бояре, но и удѣльные князья. Классъ этотъ давно уже незамѣтно для самаго себя началъ утрачивать свои права, уступая шагъ за шагомъ все больше и больше развивавшемуся стремленію великокняжеской власти къ абсолютизму. То время, когда бояре обязательно должны были знать всѣ думы государя, были его непремѣнными совѣтниками, какъ бы раздѣляли съ нимъ власть, когда, въ случаѣ неудовольствій они могли отъѣзжать на службу въ другіе края на основаніи правила: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля», — въ XVI вѣкѣ было лишь мечтой. Еще на Ивана III жаловались, что онъ «нынѣча и здѣ силу чинитъ, кто отъѣдетъ отъ него тѣхъ безсудно емлетъ, уже не за бояры почелъ братью свою» [1]); къ концу XVI вѣка, когда Грозный принялъ царскій титулъ уже перестали и жаловаться: лица, заподозрѣнныя въ намѣреніи отъѣхать, предавались страшнымъ казнямъ, какъ измѣнники. О древнемъ правѣ свободнаго отъѣзда не было уже и помину. Начиная съ XV вѣка, политическіе интересы великаго князя и бояръ пошли врозь: первый началъ тяготиться слишкомъ близкими отношеніями къ послѣд-

[1]) «Власть Московскихъ государей». М. Дьяконова. Спб. 1889 г., стр. 183. Вся шестая глава этого изслѣдованія посвящена разбору отношеній между московскими государями и ихъ слугами, стр. 165—217.

нимъ, старался выбиться изъ-подъ опеки совѣтниковъ, стремился къ абсолютизму, и такимъ образомъ вводилъ новшества; послѣдніе же, не имѣя никакихъ политическихъ плановъ, не обладая особенной прозорливостью, стояли на старинѣ, представляя собой оппозицію новымъ стремленіямъ государя. Иванъ III не рѣшался еще открыто порвать съ боярами, еще совѣщался съ ними, допускалъ возраженія себѣ, не опалялся, когда ему говорили «встрѣчю» и, какъ говоритъ Курбскій, еще «ничтоже починаше безъ глубочайшаго и многаго совѣта». Василій Ивановичъ относился къ боярамъ уже совершенно иначе. Берсень-Беклемишевъ жаловался на него Максиму Греку, что онъ «людей мало жалуетъ», «старыхъ не почитаетъ», что «нынѣ государь нашъ запершыся самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ» [1]), что «государь упрямъ и въстрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему въстрѣчю говоритъ и онъ на того опаляется» [2]), что его, Берсеня, когда онъ вздумалъ говорить въстрѣчю, «князь великій того не полюбилъ» и выгналъ изъ думы, сказавъ: «пойди, смердъ, прочь, не надобенъ ми еси» [3]). Трудно, конечно, сказать, насколько все это вытекало изъ политической тенденціи московскаго князя и насколько находилось въ зависимости отъ отдѣльныхъ личностей. Очень можетъ быть, что такой крутой поворотъ, какой мы видимъ въ отношеніяхъ Василія Ивановича къ боярству, былъ, какъ говоритъ профессоръ Ключевскій, «естественнымъ чувствомъ государя къ людямъ, которые не желали видѣть его на престолѣ и неохотно терпѣли на немъ» [4]). Это обстоятельство, конечно, могло повліять, но лишь на рѣзкость поворота, который былъ подготовленъ цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ причинъ. Какъ бы тамъ ни было, но такія отношенія вооружили противъ великаго князя и старыхъ московскихъ бояръ и удѣльныхъ князей, переѣхавшихъ въ Москву, заставили ихъ забыть свои личныя недоразумѣнія и сомкнуться для общаго дѣла, борьбы за старину.

Въ это же время произошла другая, не менѣе важная, перемѣна въ экономической жизни высшаго боярства. Въ XVI вѣкѣ,—говоритъ профессоръ В. О. Ключевскій,—классъ этотъ «былъ на дѣлѣ политической силой, не будучи властью, права которой были бы пріобрѣтены оружіемъ, или ограждены закономъ... державъ въ рукахъ огромную массу земледѣльческаго населенія и труда», стоялъ во главѣ общества не въ качествѣ правителей, а въ качествѣ круп-

---

[1]) «Акты Арх. Эксп.», т. I, № 172, стр. 142.

[2]) Ibid., стр. 144.

[3]) Ibid., стр. 143.

[4]) «Боярская дума», стр. 355. Когда великій князь Иванъ III развѣнчалъ своего внука и назначилъ наслѣдникомъ своего сына Василія III, первостепенное боярство стояло за перваго, и его противодѣйствіе въ этомъ дѣлѣ сопровождалось казнями и насильственными постриженіями.

ныхъ землевладѣльцевъ [1]). Съ половины XVI вѣка этотъ трудъ начинаетъ все чаще и чаще ускользать изъ рукъ родовитаго боярства, давая этимъ самимъ возможность подниматься другому классу, классу «худыхъ людей, мужиковъ торговыхъ и молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ», возвышавшихся и пріобрѣтавшихъ извѣстныя права, благодаря личной службѣ, опиравшихся главнымъ образомъ на тотъ принципъ, что «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ». Этотъ-то второй классъ, на который родовитая знать смотрѣла сначала свысока, къ концу XVI вѣка сдѣлался очень опаснымъ соперникомъ ея, а скоро и совершенно оттѣснилъ ее на заднiй планъ. Такъ что въ XVII вѣкѣ, по словамъ профессора В. О. Ключевскаго,—иностранецъ по дорогѣ къ Москвѣ «встрѣчалъ князей, которыхъ по бѣдности обстановки не могъ отличить отъ крестьянъ, а люди, не принадлежавшіе ни къ княжескимъ, ни къ старымъ боярскимъ родамъ, пріобрѣтали тысячи крестьянъ» [2]). Московское боярство, видя въ объединеніи Руси лишь рядъ насилій «издавна кровопійственнаго рода», смотрѣло, по сравненію проф. Ключевскаго, на своихъ государей, какъ смотрятъ «разорившіеся капиталисты на сыновей счастливаго богача, къ которому перешли ихъ отцовскіе капиталы и къ которымъ сами они должны были идти въ приказчики» [3]).

Такое генеалогическое разрушеніе прежняго правительственнаго класса совершенно ясно стало обнаружиться уже въ концѣ XVI вѣка. Боярская аристократія, раньше не воспользовавшаяся возможностью укрѣпить свое политическое положеніе въ государствѣ, несмотря на полное отсутствіе какихъ бы то ни было обезпеченій своего положенія, даже не требовавшая этихъ обезпеченій, теперь всѣми силами старается удержать старину, удержать за собой прежнее значеніе. Дѣтство Ивана Грознаго дало надежду и возможность боярству стать на прежнее мѣсто, возвратить прежнее значеніе, но вслѣдствіе своихъ же внутреннихъ несогласій, всплывшихъ снова, лишь только была устранена сдерживавшая ихъ причина, оно не только не съумѣло добиться какихъ-нибудь опредѣленныхъ результатовъ, не только не успѣло закрѣпить за собой юридическаго положенія, но въ своемъ питомцѣ подготовило себѣ такого врага, который затмилъ своихъ предшественниковъ и окончательно подавилъ своихъ воспитателей. Вскорѣ, впрочемъ, представился другой случай, за который ухватились бояре.

Въ мартѣ 1553 года, Иванъ Грозный, возвратившись изъ похода подъ Казань «аки по двухъ мѣсяцахъ или по трехъ разболѣлся зѣло тяжкимъ огненнымъ недугомъ такъ, иже никто же уже

---

1) «Боярская дума», стр. 394.
2) Ibid., стр. 396.
3) Ibid., стр. 294.

ему жити надѣялся» [1]). Бояре, дѣйствительно, не надѣясь на жизнь царя, рѣшили воспользоваться этимъ случаемъ для исполненія своихъ мечтаній и, когда царь предложилъ имъ присягнуть его новорожденному сыну Димитрію, большинство бояръ отказалось и предложило столъ двоюродному брату Грознаго Владиміру Андреевичу Старицкому, человѣку съ традиціями удѣльнаго князя, при томъ такому, котораго можно было бы связать договоромъ. Тотъ, конечно, ничего не имѣлъ противъ такого избранія и даже вмѣстѣ съ матерью «собралъ своихъ дѣтей боярскихъ, да учалъ имъ давати жалованье—деньги» [2]). Однако Грозный оправился, попытка бояръ возвести на престолъ своего сторонника не привела ни къ чему и боярство очутилось въ положеніи несравненно худшемъ, чѣмъ до этого времени. Воображеніе, всегда господствовавшее надъ нервнымъ царемъ и теперь еще усиленное болѣзнью, нарисовало ему всѣ ужасы, ожидающіе его семью въ случаѣ смерти. «Не дайте жены моей на поруганіе боярамъ,—говорилъ онъ Захарьинымъ и другимъ вѣрнымъ своимъ совѣтникамъ,—не дайте боярамъ извести моего сына, возьмите его и бѣгите съ нимъ въ чужую землю» [3]). Съ этого времени и началась его борьба съ «измѣнническимъ» боярствомъ. «Воеводъ своихъ,—пишетъ онъ Курбскому,—различными смертями расторгали есмя: а Божіею помощью имѣемъ у себя воеводъ множество и опричь васъ измѣнниковъ. А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя» [4]). Съ этого времени новые воеводы начинають пріобрѣтать все большее и большее значеніе, старые же измѣнники, кто могъ убѣжалъ въ Литву, а большинство осталось на мѣстѣ и volens nolens должно было мириться съ новыми выходцами. Само собой понятно, что миръ этотъ былъ чисто внѣшнимъ и «сѣмена гражданской войны между вельможами разныхъ партій, о которыхъ писалъ папскій легатъ въ Польшѣ Болоньетти были уже брошены [5]). Эта «гражданская война» и выразилась сначала въ небольшомъ мятежѣ послѣ смерти Грознаго, а затѣмъ въ смутѣ, измѣнившей весь строй русскаго государства, которой ознаменовались конецъ XVI-го и начало XVII-го вѣковъ. Какъ та, такъ и другая,

---

[1]) Сказ. кн. Курбскаго 1833 г., т. I, стр. 48.—Царств. книга, стр. 336—346.

[2]) Царств. кн., стр. 342.

[3]) Боярская дума, стр. 356.

[4]) Сказ. кн. Курбск., т. II, стр. 44.

[5]) Кардиналъ Болоньетти писалъ 16-го мая 1584 г. кардиналу Камскому: «... Sono venute poi lettero lungamente aspettate dal Sapia (Сапѣга) Ambasciatore di questa Maesta in Moscovia, nelle quali avvisa esser gia sparsi i semi di una guerra civile fra li grandi di quelle parti. E nuovamente in una certe sedizione, ove restarono morti da venti persone, e feriti intorno a cento, manco poco che non si passasse a combattere il castello ducale...» Histor. Rossiae Monum., t. II, p. 1.

впрочемъ, не измѣнили положенія бояръ въ желательномъ для нихъ смыслѣ.

Послѣ Ивана IV вступилъ на престолъ слабоумный сынъ его Ѳедоръ Ивановичъ; служилая знать съ Борисомъ во главѣ получила еще большее значеніе и положительно подавляла собой родовитое боярство, которое теперь уже не играло почти никакой роли. Недовольная партія послѣднихъ, не надѣясь на улучшеніе своего положенія въ будущемъ, такъ какъ ходили упорные слухи, что въ Угличѣ воспитывается второй Грозный, уже теперь враждебно настроенный противъ бояръ, съ своей стороны также питала вражду къ будущему царю и «желала,—какъ говоритъ Петрей,—чтобы онъ во время еще отправился въ могилу» [1]). Но такъ какъ желаніе само по себѣ могло и не осуществиться, то нужно было его осуществить, и въ средѣ боярской возникъ замыселъ—погубить царевича; этотъ замыселъ имѣлъ ввиду Флетчеръ, говоря, что «жизнь царевича Димитрія находится въ опасности отъ покушеній тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя». Задумавъ низвергнуть старую династію, съ которой теперь было такъ легко раздѣлаться, бояре задумали вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинуть изъ своей среды человѣка, который, будучи такъ или иначе связанъ съ ними, осуществилъ бы общія стремленія. Это было сдѣлать тѣмъ легче, что среди нихъ находился подходящій человѣкъ. Это былъ Василій Ивановичъ Шуйскій.

Безъ сомнѣнія, Шуйскіе были самыми родовитыми изъ всѣхъ бояръ того времени. Въ окружной грамотѣ, разосланной Шуйскимъ, послѣ своего воцаренія «ко всѣмъ воеводамъ россійскихъ городовъ», онъ пишетъ: «Учинился есьма на отчинѣ прародителей нашихъ, на россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ, егожъ дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго кесаря, и потомъ многими мѣры и до прародителя нашего великаго князя Александра Яросл. Невскаго на семъ Россійскомъ государствѣ быша прародители мои, и по семъ на суздальской удѣлъ раздѣлишась, не отнятіемъ и не отъ неволи, но по родству, якожъ обыкли большая братія на большая мѣста сѣдати» [2]). Шуйскій, ведшій свой родъ отъ старшаго сына Невскаго—Андрея, послѣдними словами не только хотѣлъ доказать свои права на престолъ, но также и то, что предшествовавшая ему династія, происходившая отъ младшаго сына Невскаго—Даніила, какъ младшая, незаконно занимала престолъ, который принадлежалъ ему, потомку старшей линіи. И эта мысль пришла въ голову не первому Василію Ивановичу; Шуйскіе давно смотрѣли на себя такимъ об-

---

[1]) «Исторія о велик. кн. Моск.», стр. 170.

[2]) Собр. Г. Гр. и Дог., т. II, № 141, стр. 299. — Акты Арх. Эксп., т. II, № 44, стр. 102.

разомъ; этимъ объясняется ихъ постоянное стремленіе забрать въ свои руки власть и казнь Андрея Шуйскаго, отданнаго Грознымъ псарямъ, которые послѣ разныхъ терзаній умертвили его [1]).

Имѣя въ своей средѣ человѣка съ такими несомнѣнными правами на престолъ, признававшимися также и другими, бояре не сомнѣвались въ успѣхѣ и, руководимые Шуйскимъ, устранили послѣдняго представителя династіи, убили царевича Димитрія. Мы говоримъ, руководимые Шуйскимъ, такъ какъ очевидно, что въ смерти этого ребенка больше всего былъ заинтересованъ онъ, это доказывается и его позднѣйшимъ воцареніемъ и той ролью которую онъ игралъ въ смутное время. Мы позволимъ себѣ въ общихъ, конечно, чертахъ, указать для поясненія своей мысли нѣсколько фактовъ изъ этой роли.

Человѣкъ въ высшей степени низкій, безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, онъ былъ готовъ на все, ни передъ чѣмъ не останавливался, лишь бы это соотвѣтствовало его выгодамъ. У него не было ничего святого. Кому не извѣстно, какъ онъ всенародно, съ лобнаго мѣста, клялся сначала въ томъ, что царевичъ зарѣзался самъ, затѣмъ, что онъ спасся и, наконецъ, что его зарѣзалъ Борисъ Годуновъ. Если такой поступокъ представляется безнравственнымъ, въ высшей степени низкимъ, въ наше время, то что̀ же о немъ думали въ XVI вѣкѣ, когда одно нарушеніе клятвы считалось величайшимъ преступленіемъ, которое влекло за собой Божье наказаніе. Нужно было слишкомъ низко пасть, чтобы сдѣлать что-нибудь подобное въ то время. Грубое отношеніе къ святынѣ, нигдѣ и никогда не пользовавшейся такимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ, какъ въ древней Руси, выказалъ онъ также въ перенесеніи мощей царевича Димитрія, которыя безъ всякаго стѣсненія сначала открылъ, а затѣмъ перенесъ въ Москву, когда они понадобились ему для доказательства истинности смерти царевича, сверженія самозванца и своего воцаренія. До чего низокъ былъ нравственный кредитъ этой личности уже въ то время, какъ смотрѣли на него русскіе люди — его современники, показываютъ слухи, ходившіе въ Москвѣ по поводу открытія мощей и записанные иностранцемъ Массой.

Прежде чѣмъ открывать мощи, «въ могилѣ царевича, — говоритъ Масса, — зарыли другого ребенка», такъ какъ знали, что «тѣло убитаго Димитрія, нѣсколько лѣтъ лежавшее въ землѣ, сгнило... Вновь похороненнаго ребенка велѣно было вырыть изъ могилы и

[1]) Е. Бѣловъ, «О знач. Русск. боярствадо конца XVII в.», «Журн. М. Н. Пр.», ч. CCXLIII, отд. 2, стр. 244. Въ малолѣтство Грознаго Шуйскіе играли уже очень видную роль и вели себя вполнѣ независимо. Такъ, напримѣръ, «князь Иванъ Шуйской митрополита свелъ, что безъ его велѣнія давали боярство и велѣли его сослати въ его постриженіе въ Іосифовъ монастырь». Царств. кн., стр. 76.

объявить народу, что тѣло убитаго Димитрія осталось нетлѣннымъ, дабы всѣ повѣрили, что разсказы о двукратномъ спасеніи ложь» [1]). Насколько вѣрны эти слухи—вопросъ другой. Они намъ только доказываютъ, какъ низко Шуйскій стоялъ въ глазахъ общества, если находили возможнымъ обвинять его въ такомъ страшномъ дѣлѣ. Затѣмъ, когда Шуйскому понадобилось доказать, что второй самозванецъ не только не настоящій царевичъ, но даже не первый самозванецъ, онъ не постѣснился вырыть изъ могилы тѣла Бориса Годунова, жены его и сына, съ царскимъ великолѣпіемъ перенесъ ихъ въ Троицкій монастырь, причемъ шествіе сопровождала Ксенія, испускавшая, по словамъ Бэра, жалобные крики: «Горе мнѣ злосчастной сиротѣ, злодѣй погубилъ весь родъ мой, отца, мать и брата, самъ онъ въ могилѣ, но и мертвый онъ терзаетъ царство русское. Суди его, Боже!» (Устряловъ, т. I, стр. 80 и сл.). Василію Ивановичу также приписываютъ отравленіе Михаила Скопина-Шуйскаго (Histor. Ross. Monum., t. II, p. 199. Ник. Лѣт. VIII, 132), существуетъ извѣстіе, что онъ подсылалъ нѣмца Фидлера отравить Болотникова [2]).

Поперекъ дороги такому человѣку становится девятилѣтній ребенокъ, мѣшаетъ ему достигнуть цѣли. Задумался ли онъ хоть минуту надъ средствами? Конечно, нѣтъ и со свойственнымъ ему спокойствіемъ не только перешагнулъ черезъ трупъ царевича Димитрія, но съумѣлъ еще скрыть свое преступленіе, а спустя нѣкоторое время даже свалить его на другого. Это такъ похоже на Шуйскаго, такъ согласно съ его характеромъ и мнѣніемъ о немъ большинства современниковъ, что мы кажется, врядъ ли ошибемся, если припишемъ этотъ фактъ Василію Ивановичу Шуйскому, если скажемъ, что онъ убилъ царевича Димитрія. Какъ это произошло, кто былъ его орудіемъ—мамка ли Василиса Волохова, или

---

[1]) Сказанія Массы и Геркмана, стр. 229 сл. Бэръ говоритъ, что «Шуйскій спѣшилъ убѣдить народъ какъ въ самозванствѣ своего предшественника, такъ и въ неосновательности новыхъ толковъ; для того 30-го іюня послалъ въ Угличъ за прахомъ царевича, а между тѣмъ велѣлъ тамъ умертвить десятилѣтняго поповскаго сына, положить его въ гробъ и привезти въ Москву... Между тѣмъ нѣсколько здоровыхъ людей, подкупленныхъ Шуйскимъ, притворяясь хромыми, слѣпыми, ковыляли и приползали къ тѣлу Димитрія съ мольбою послать имъ исцѣленіе—и, о чудо! безногіе вдругъ пошли, слѣпые прозрѣли». Сказ. Соврем. о Дмитріи Самозв., т. I, стр. 78. Тоже и въ дневникѣ Марины, ibid. т. II, стр. 170. Паэрлэ, кромѣ того, говоритъ, что въ это время въ Москвѣ «было страшное волненіе, народъ возсталъ на стрѣльцовъ, бояръ и великаго князя, обвиняя всѣхъ ихъ, какъ измѣнниковъ, въ умерщвленіи истиннаго государя». Сказ. Соврем., т. I, стр. 201. Этимъ обстоятельствомъ могла быть вызвана и та поспѣшность, о которой говоритъ Бэръ. У Маржерета есть извѣстіе, что «царя хотѣли побить каменьями, когда онъ вышелъ на встрѣчу гробу», Сказ. Соврем., т. I, стр. 308. Если вѣрить Сапѣгѣ, то «7-го марта 1609 г. народъ въ Москвѣ волновался и хотѣлъ было выдать Шуйскаго царю Димитрію» «Сынъ Отеч.» 1838 г., т. I, стр. 42.

[2]) Соловьевъ, т. VIII, стр. 183. Сказ. Соврем., о Дм. Самозв., т. I, стр. 85.

Русинъ Раковъ, человѣкъ, судя по слѣдственному дѣлу, довольно подозрительный, или кто-нибудь другой—въ настоящее время трудно сказать, невозможно опредѣлить всѣ подробности убійства, да это и не важно.

Ѳедоръ Ивановичъ, опечаленный этимъ событіемъ, назначилъ слѣдственную комиссію, во главѣ которой мы видимъ В. И. Шуйскаго. Какъ онъ попалъ сюда—рѣшить трудно. Что выяснило слѣдствіе намъ извѣстно. На основаніи почти единогласныхъ показаній свидѣтелей, быть можетъ введенныхъ въ заблужденіе мамкой, которая могла, по порученію Шуйскаго кричать, что царевичъ зарѣзался самъ, а быть можетъ вызванныхъ пыткой и страхомъ, Василій Ивановичъ Шуйскій доложилъ царю, что Димитрій зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни. Здѣсь можетъ явиться вопросъ: если Шуйскій былъ виновникомъ этой смерти, такъ отчего же онъ не воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ, чтобы это преступленіе сложить на Бориса Годунова.

Дѣло объясняется очень просто. Шуйскій боялся, что Борисъ Годуновъ самъ примется за это дѣло и такъ или иначе, для своего оправданія, найдетъ настоящаго виновника. Зачѣмъ Шуйскому было рисковать совершенно безцѣльно? Дорога расчищена, цѣль достигнута. Остается, значитъ, спокойно выжидать, когда умретъ Ѳедоръ и вся русская земля выберетъ на царство его, единственнаго наслѣдника престола угасшей династіи.

Ѳедоръ, наконецъ, умираетъ. «Велиціи же боляре, иже отъ корене скиптродержащихъ и сродники великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всея Русіи ни много, ни мало изволиша поступати, но дати на волю народа, паче же на волю Божію» [1]). Всѣ они, конечно, желали престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли также, чтобы этотъ престолъ достался имъ возлюбленіемъ всенароднаго множества. Шуйскій былъ увѣренъ въ себѣ, въ своихъ правахъ, считалъ себя единственнымъ, законнымъ наслѣдникомъ. Но, каково же было его разочарованіе, когда народъ, послѣ отказа царицы Ирины взять на себя правленіе государствомъ, на предложеніе дьяка В. Щелкалова присягнуть боярской думѣ, народъ воскликнулъ: «Не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу». Когда же дьякъ объявилъ, что царица въ монастырѣ, то раздались крики: «Да здравствуетъ Борисъ Ѳедоро-

---

[1]) Въ лѣтописи, впрочемъ, находимъ замѣтку: «Князи-жъ Шуйскіе едины его не хотяху на царство». Ник. Лѣт. VIII, стр. 36. «Когда Ѳедоръ Ивановичъ былъ похороненъ,—говоритъ Петрей,—а Борисъ взялъ себѣ скипетръ, другіе большіе бояре и русскіе князья сильно досадовали на правителя, порочили его въ народѣ, говорили съ укоризной объ его низкомъ происхожденіи, о томъ, что не ему слѣдуетъ носить вѣнецъ и скипетръ и царствовать, а другому изъ древняго великокняжескаго рода». Истор. о Велик. княж. Московск. Петрея, переводъ А. Н. Шемякина, 1867 г., стр. 170.

вичъ». «Церемонія избранія Бориса на царство,—говоритъ Ключевскій,—дала почувствовать значеніе политической силы, которой правительственный классъ не замѣчалъ прежде или на которую онъ свысока смотрѣлъ какъ на вспомогательное орудіе управленія: этой силой была всенародная воля» [1]).

Шуйскій никакъ не предполагалъ въ Борисѣ такого сильнаго соперника, никакъ не думалъ, что народъ такъ любилъ Бориса и что, не смотря на всѣ слухи, которые онъ распускалъ о Борисѣ Годуновѣ, этотъ, по словамъ Пушкина, «вчерашній рабъ, зять палача и самъ въ душѣ палачъ, возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха», а онъ, самый родовитый бояринъ, долженъ будетъ ему присягнуть и подчиниться. Что происходило въ душѣ Шуйскаго—понятно. Такое подчиненіе было для него страшнымъ позоромъ, для смытія котораго онъ былъ готовъ, на все и, кромѣ того, оно совершенно не входило въ планы партіи, поддерживавшей Шуйскаго, уничтожало всѣ ея надежды.

Шуйскій однако не унывалъ. Онъ только увидѣлъ, что для достиженія своихъ цѣлей прежде всего конечно нужно было устранить Бориса Годунова, а затѣмъ и другого человѣка, Өедора Никитича Романова, имѣвшаго права на престолъ, равныя съ первымъ, и пользовавшагося почти такимъ же расположеніемъ народа [2]). Ни на того, ни на другого, Шуйскій сначала не обратилъ вниманія. Өедоръ Ивановичъ Мстиславскій, хотя и стоялъ въ числѣ знатныхъ родовъ, но, подобно отцу, по своему характеру первое мѣсто уступалъ князю Василію Ивановичу Шуйскому, превосходившему его живостью, способностью къ начинанію дѣла, многочисленностью сторонниковъ [3]). Такимъ образомъ начинается борьба, борьба тайная, внутренней пружиной которой былъ безъ сомнѣнія Шуйскій. Открывается она тѣмъ, что Богданъ Бѣльскій, посланный строить городъ Борисовъ, какъ говорятъ иностранцы, объявилъ себя самостоятельнымъ царемъ [4]). Попытка оказалась слишкомъ ранней; да кромѣ того самъ Бѣльскій не находилъ поддержки среди бояръ, у которыхъ былъ болѣе родовитый, а потому и болѣе надежный представитель. А потому попытка эта не имѣла никакихъ положительныхъ результатовъ.

---

[1]) «Боярская дума, 1-е изд., стр. 372».

[2]) «Присвоеніе же, говоритъ Котошихинъ, имѣя къ царю Ивану Васильевичю такое: понеже роду ихъ Романовыхъ за царемъ Иваномъ Васильевичемъ была Настасѣя Романовна»... Котошихинъ, изд. 3-е, Спб. 1884 г., стр. 4.

[3]) «Kniaź Mscislavski najprzedniejczy tych czasów czlowiek w Moskwie, i dobry, chotliwy czlowiek, wielkiej moderacyi, chóćby mu przed inszemi za jego zacnością do tego otwartsza byla droga, nigdy nie byl ambitiosus, i owszem publice się deklarowal, że jako, sam być nie chce hospodarem, tak i źadnego z swojej braci nie chce hospodarem mieć». — Piśma S. Żolkiewskiego, wydal August Bielowski, Lwów, 1861 г. стр. 67 и сл.

[4]) Карамзинъ, т. XI, стр. 58.

Въ скоромъ времени, Борису Годунову былъ поданъ доносъ на Романовыхъ, принесенный дворовымъ человѣкомъ и казначеемъ боярина Александра Никитича Романова, Бартеневымъ, что Романовы задумали отравить Бориса [1]). Окольничій Салтыковъ, производившій слѣдствіе, нашелъ мѣшокъ съ кореньями, привезъ его на дворъ къ патріарху и высыпалъ коренья передъ собравшимся народомъ. Привели Романовыхъ, Ѳедора Никитича съ братьями. «Бояре же иногіе на нихъ аки звѣри пыхаху и кричаху», такъ что обвиненные не могли отъ такого «многонароднаго шуму» ничего отвѣчать [2]). Дѣло окончилось ссылкой Романовыхъ, въ которой всѣ они и умерли, кромѣ Ѳедора Никитича, постриженнаго въ монахи подъ именемъ Филарета и Ивана Никитича, которые пережили свое несчастье. Кто были эти «многіе бояре», которые «пыхаху аки звѣри» для того, чтобы обвиненные не могли оправдаться—догадаться не трудно.

Такимъ образомъ, Романовы, хотя на время, сошли со сцены и уже не были страшны для Шуйскаго [3]). Значитъ, правъ былъ Иванъ Васильевичъ Грозный, когда еще въ 1553 году говорилъ Романовымъ: «А вы Захарьины чего испу жалися; али чаете бояре васъ пощадятъ; вы отъ бояръ первые мертвецы будете» [4]).

Не такъ легко было бороться съ Борисомъ Годуновымъ. Всѣ попытки, направленныя противъ него, не только не приносили никакихъ положительныхъ результатовъ, но лишь ухудшали положеніе самого Шуйскаго. Это можно видѣть изъ того, что Борисъ нѣсколько разъ удалялъ Шуйскихъ отъ двора, постоянно слѣдилъ за ними и слѣдилъ довольно сильно [5]). Очевидно, что такимъ образомъ достигнуть чего-нибудь было трудно, почти невозможно. «Бориса, говоритъ С. М. Соловьевъ, можно было свергнуть только самозванцемъ». Кѣмъ былъ подставленъ самозванецъ, для кого это было выгодно—это вопросы, надъ которыми долго мы останавливаться не будемъ. Приведемъ только мнѣніе С. М. Соловьева, который говоритъ, что «самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ

---

[1]) Ник. Лѣт., т. VIII. стр. 42 сл.

[2]) Ник. Лѣтоп., VIII, стр. 43.

[3]) Притязанія Романовыхъ и ихъ отношеніе къ Шуйскимъ выразились совершенно опредѣленно нѣсколько позже, именно въ 1608 г. Когда второй самозванецъ подходилъ къ Москвѣ, противъ него были высланы войска, въ которыхъ «нача быти шатость, хотяху царю Василію измѣнити». Во главѣ же войска стоялъ одинъ изъ Романовыхъ, Иванъ Никитичъ; во главѣ же возставшихъ видимъ кн. Ив. М. Катырева, кн. Ѳедора Никитича Романова и кн. Ивана Ѳед. Троекурова, его шурина. «Движеніе это, по словамъ проф. С. Ѳ. Платонова, не было мелкимъ замысломъ отдѣльныхъ лицъ, а исходило изъ вліятельнаго круга Романовыхъ». Сказанія и повѣсти, стр. 211, также прим. 5.

[4]) «Царствен. книга», стр. 344.

[5]) Соловьевъ, VIII, стр. 76.—Карамзинъ, т. XI, стр. 63.

тамошними врагами Годунова». Мнѣніе это вполнѣ справедливо и заслуживаетъ полнаго довѣрія тѣмъ болѣе, что въ боярской практикѣ былъ уже одинъ, впрочемъ только по идеѣ, подобный случай. «Смута, говоритъ г. Забѣлинъ, издавно гнѣздилась въ государевомъ дворѣ и всегда болѣе или менѣе жарко вспыхивала, какъ скоро ей открывался выходъ на Божій свѣтъ. Еще за сто слишкомъ лѣтъ до появленія самозванца, она уже вполнѣ ясно обозначала свои стремленія, и цѣли. Она и тогда уже пробовала начать дѣло самозванцемъ». Здѣсь г. Забѣлинъ разумѣетъ слухъ, распространенный недовольной партіей бояръ по случаю развода перваго царя Василія Ивановича съ неплодною супругой Соломоніей. Говорили, что она родила сына Георгія, котораго тайно скрывала до его возроста, надѣясь, когда будетъ онъ царемъ, отомстить свое оскорбленіе [1]). Нѣтъ ничего невозможнаго поэтому, если бояре прибѣгли къ къ тому же средству и здѣсь, для нихъ «нужно было орудіе, которое было бы такъ могущественно, что могло свергнуть Бориса Годунова и въ то же время такъ ничтожно, что послѣ легко было отъ него отдѣлаться и очистить престолъ». [2]). Мнѣніе это часто встрѣчается въ русскихъ хронографахъ, гдѣ говорится, что Борисъ навлекъ на себя ненависть чиноначальниковъ всей русской земли, отчего «много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили». Самъ Борисъ виновникомъ появленія самозванца считалъ, какъ онъ это высказалъ при первыхъ слухахъ о появленіи его, боярскую партію, враждебно настроенную противъ него, т. е. партію Шуйскаго. Партія эта оправдала подозрѣнія Бориса, лишь только Лжедимитрій вступилъ въ московскіе предѣлы.

Въ самомъ дѣлѣ является самозванецъ и въ союзѣ съ поляками идетъ на Москву. Посланные противъ него Борисомъ Годуновымъ воеводы, Петръ Шереметевъ, и Михайло Салтыковъ (производившій слѣдствіе надъ Романовыми), говорятъ, что трудно бороться противъ природнаго государя. Самозванецъ беретъ Черниговъ, Путивль, осаждаетъ Новгородъ-Сѣверскъ, а воевода князь Дмитрій Шуйскій стоитъ у Брянска, почти въ Новгородъ-Сѣверскѣ, и не думаетъ идти на помощь отбивающемуся тамъ Басманову [3]). Самозванецъ, почти безпрепятственно подвигается впередъ, все ближе и ближе подходитъ къ Москвѣ, разсылаетъ грамоты къ боярамъ и къ народу. Народъ недоумѣваетъ, народъ не можетъ примирить массы противорѣчій, происходящихъ на его глазахъ, отказывается понять, какъ это могъ царевичъ Димитрій, зарѣзавшійся и погребенный въ Угличѣ, оказаться живымъ и предъявить

---

[1]) Мининъ и Пожарскій, Ив. Забѣлина, 1883 г., стр. 2 и 115, прим. 1.
[2]) Соловьевъ, VIII, стр. 85.
[3]) Ник. Лѣтоп., VIII, стр. 60 сл. 65.

требованія на престолъ. Народъ обращается къ Шуйскому, который съ лобнаго мѣста заявляетъ, что царевичъ живъ, спасся и теперь идетъ въ Москву. Воцаряется самозванецъ, очищаетъ престолъ отъ Бориса Годунова и Шуйскій немедленно же приступаетъ къ исполненію своихъ плановъ. Однако было еще рано. Заговоръ открывается и Василій Ивановичъ Шуйскій чуть было не поплатился жизнью, какъ главный зачинщикъ. Только великодушіе Лжедимитрія спасло его и дало возможность, спустя нѣкоторое время, сдѣлать вторую попытку, болѣе удачную, чѣмъ первая, и наконецъ добиться своего.

Въ ночь съ шестнадцатаго на семнадцатое мая 1606 года, Лжедимитрій былъ сверженъ Василіемъ Шуйскимъ [1]). Черезъ два дня на Красной площади собрались бояре, придворные чины, духовенство и небольшая толпа разночинцевъ для выбора патріарха, который долженъ былъ стать во главѣ временнаго правленія и созвать земскій соборъ для выбора царя.

Понятно, что Шуйскій, послѣ столькихъ перипетій почти достигшій своей завѣтной цѣли, не могъ допустить этого избранія и еще разъ подвергнуться случайностямъ. Онъ рѣшилъ употребить это собраніе для своихъ цѣлей. На предложеніе бояръ выбрать патріарха, изъ толпы крикнули, что царь нужнѣе патріарха и что царемъ долженъ быть Василій Ивановичъ Шуйскій. Такимъ образомъ Шуйскій достигъ желанной цѣли, былъ избранъ на престолъ, но избранъ не только не «всей Россійской областью», не «всѣми государствами Россійскаго царствія», какъ обыкновенно выражались, когда избраніе было правильнымъ, не только безъ согласія всей земли, но даже безъ согласія и вѣдома всѣхъ жителей Москвы—«малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ». «Безъ Божія, мню, говоритъ Тимоѳеевъ, авторъ «Временника», его избранія же и благоволенія сѣдша, ниже по общаго всеа Русіи градовъ людцкаго совѣта себѣ составльша, но самоизвольнѣ...» [2]).

По правильному выраженію Соловьева, заимствованному имъ отъ современниковъ событія, Василій Ивановичъ Шуйскій былъ «выкрикнутъ» своей партіей. Не смотря, однако, на это, онъ спѣшитъ занять престолъ, предложенный небольшой кучкой его сторонниковъ, заинтересованныхъ лично въ этомъ избраніи, не желаетъ рисоваться подобно Борису Годунову, боится по его примѣру созвать земскій соборъ. Будучи въ зависимости отъ своихъ избирателей онъ, быть можетъ, противъ своей воли, даетъ ограничи-

---

[1]) Ник. лѣт. VIII, стр. 74 сл.

[2]) С. Ѳ. Платоновъ, стр. 155, примѣч. На это же указываетъ Жолкѣвскій, довольно симпатично расположенный къ Шуйскому. «Pisma St. Zolkiewskiego, wydal A. Bielowski Lwòw, стр. 12»: «...Kniaz Wasyl Szujski z pomocą tychże, którzy mu tego pomagali. trzeciego dnia penem się uczynil».

тельную грамоту, хотя ему и говорили, что «въ Московскомъ государствѣ того не повелось искони»[1]).

Любопытно, какъ Шуйскій, воспользовавшись услугами своей партіи, хотѣлъ избавиться отъ нея, отъ той зависимости, которой отъ него требовала его партія. Съ этой цѣлью, онъ, какъ говоритъ лѣтопись, пытался было дать ограничительную грамоту, которой требовали его сторонники для гарантіи себя, въ пользу «всей земли», что «ему ни натъ кѣмъ ничево нездѣлати безъ собору никакова дурна»[2]). Однако, бояре замѣтили эту уловку и заставили его присягнуть на томъ, чтобы ему «никакого человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояре своими, смерти не предати и т. д.»[3]). Мало, впрочемъ, они выиграли этимъ. Шуйскій и здѣсь остался Шуйскимъ. Не успѣвъ пустить въ ходъ свою уловку для того, чтобы имѣть право быть независимымъ отъ своей партіи, онъ освободилъ себя способомъ, который практиковалъ не разъ, т. е. просто забылъ свои клятвы, какъ забывалъ и всѣ предъидущія[4]).

Фактически, такимъ образомъ, правильно или нѣтъ, Шуйскій былъ царемъ. Ему не доставало только законной санкціи, ему хотѣлось увѣрить и другихъ въ законности своего новаго положенія. Съ этою цѣлью, Шуйскій, сейчасъ же по вступленіи на престолъ, начинаетъ разсылать отъ своего лица, отъ имени царицы Марѳы Нагой, окружныя грамоты[5]), въ которыхъ старается доказать: 1) что царевичъ Димитрій былъ убитъ Борисомъ Годуновымъ и слѣдовательно свергнутый царь—самозванецъ; 2) что самъ онъ имѣетъ права на престолъ вслѣдствіе древности и знатности своего рода, а также родства съ угасшей династіей; 3) что избранъ онъ вполнѣ законно. Съ этой же цѣлью онъ перенесъ изъ Углича мощи царевича Димитрія. Однако, ни грамоты, ни перенесеніе мощей, не достигли цѣли, не принесли Василію Ивановичу Шуйскому ни симпатіи, ни довѣрія его подданныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли русскіе люди повѣрить всему этому, зная характеръ Шуйскаго, какъ нельзя лучше выяснившійся въ теченіе смуты, могли ли они полагаться на слова и клятвы, которыя онъ столько разъ и такъ легко нарушалъ? Конечно, нѣтъ. Между царемъ и государствомъ не существовало, такимъ образомъ, никакой нравственной связи, никакой симпатіи, не было ничего общаго. Большинство какъ

---

[1]) Ник. лѣт. VIII, стр. 76. «Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ», т. II, № 141, стр. 299.

[2]) Ник. лѣт. VIII, стр. 76.

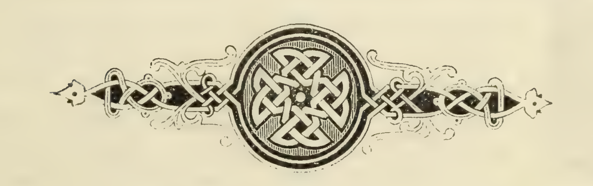
[3]) «Собр. Государ. Грам. и Договоровъ», т. II, стр. 299.

[4]) «Царь Василій, говоритъ лѣтопись, вскоре по воцареніи своемъ не помня своего обѣщанія начатъ мстити людемъ, которые ему сгрубиша». Ник. лѣт. VIII, стр. 77.

[5]) «Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ», т. II, №№ 141, 142, 144, 146, 147 и друг.

высшихъ классовъ, такъ и низшихъ, относилось къ Шуйскому презрительно. Въ глазахъ русскихъ людей онъ стоялъ такъ низко, что отъ него могли ждать какихъ угодно подлостей; по ихъ мнѣнію, не было подлости, на которую не былъ бы способенъ Шуйскій. Убійство царевича Димитрія, которое мы приписали ему и которое объяснило многое въ жизни Шуйскаго, было совершенно въ его духѣ. Однако, такой внутренній разладъ въ государствѣ, особенно въ государствѣ, растроенномъ смутой, долго скрываться не могъ, вспыхнулъ новый мятежъ, въ которомъ приняла участіе и партія боярской знати, разочаровавшаяся въ своихъ надеждахъ и Шуйскій былъ сверженъ. «Нечестивъ бо всяко и скотолѣпенъ, говоритъ Тимоѳеевъ [1]), царствова во блудѣ и кровопролитіи неповиныхъ кровей, къ симъ же и во враждбахъ богомерскихъ, ими же мня ся во царствіи утвердити. Сего ради царство его малолѣтно пребысть».

Вл. Б—скій.

[1]) С. Ѳ. Платоновъ, стр. 156.

ВОСПОМИНАНІЯ С. В. СКАЛОНЪ (УРОЖДЕННОЙ КАПНИСТЪ).

ВЪ РАСПОРЯЖЕНІЕ редакціи «Историческаго Вѣстника» переданы воспоминанія Софьи Васильевны Скалонъ, дочери извѣстнаго писателя прошлаго вѣка, автора комедіи «Ябеда», В. В. Капниста. Эти воспоминанія представляютъ своего рода «семейную хронику» Капнистовъ, ибо авторъ въ живомъ разсказѣ рисуетъ не только жизнь своего родного дома, начиная повѣствованіе съ своего ранняго дѣтства, но и семейную жизнь другихъ братьевъ автора «Ябеды», не пріобрѣвшихъ, правда, извѣстности послѣдняго, однако же примѣчательныхъ или по своей службѣ, или въ качествѣ довольно яркихъ и типическихъ представителей помѣщичьей среды въ Малороссіи. Не безъинтересна въ нѣкоторыхъ случаяхъ и судьба двоюродныхъ братьевъ и сестеръ автора воспоминаній, о которой онъ повѣствуетъ подчасъ увлекательно и характеристично. Кромѣ того, въ воспоминаніяхъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Г. Р. Державинѣ и его женѣ, теткѣ Капнистовъ, о Д. П. Трощинскомъ, министрѣ юстиціи въ царствованіе Александра I, (при чемъ замѣтимъ, что личность и жизнь знаменитаго сановника нарисованы авторомъ очень рельефно и со многими любопытными подробностями),— свѣдѣнія о Муравьевыхъ-Апостолахъ (объ отцѣ и сыновьяхъ-декабристахъ); разсказъ о печальной судьбѣ декабриста Н. И. Лорера, со словъ котораго авторъ набросалъ мрачную и тяжелую картину сибирской жизни ссыльныхъ декабристовъ и пр.

Авторъ предлагаемыхъ воспоминаній (они написаны въ 1859 г.), повидимому, не предназначалъ ихъ для печати, намѣреваясь огра-

ничиться тѣснымъ семейнымъ кругомъ, и поэтому редакція нашла нужнымъ исключить изъ нихъ тѣ мѣста, которыя не представляютъ общаго интереса, и касаются исключительно домашнихъ дѣлъ.

I.

Мое дѣтство.—Отецъ и мать.—Дѣдъ мой В. П. Капнистъ и бабушка Софья Андреевна.—Ихъ сыновья—Николай, Петръ, Андрей и Василій Васильевичи Капнисты.—Оригинальная женитьба Н. А. Львова на М. А. Дьяковой (старшей сестрѣ моей матери) съ помощью моего отца.—Наша деревня Обуховка во всѣ времена года.—Страничка изъ біографіи отца.—Какъ складывалась наша дѣтская жизнь?—Мать-воспитательница. — Нѣмецъ Киритейнъ, француженка-горбунья, французъ-дядька и французъ-анахоретъ.—Нѣсколько чертъ для характеристики моего отца.

Я помню себя съ четырехъ-лѣтняго возроста; помню, что въ то время я имѣла старшую сестру уже зрѣлыхъ лѣтъ и четырехъ братьевъ, трехъ старше меня и одного младше; помню маленькій домикъ въ три комнаты, съ мезониномъ, съ небольшими колонками, съ стеклянной дверью въ садъ и съ цвѣтникомъ, который мы сами обработывали и который былъ окруженъ густымъ и высокимъ лѣсомъ. Тутъ мы жили съ няней, старушкой доброй и благочестивой, которая, выкормивъ грудью мою старшую сестру и старшаго брата, такъ привязалась къ нашему семейству, что, имѣя своихъ дѣтей и впослѣдствіи внуковъ не болѣе какъ въ 14-ти верстахъ, не оставляла насъ до глубокой старости и похоронена близь моихъ умершихъ братьевъ и сестеръ на нашемъ общемъ семейномъ кладбищѣ.

Моя мать, истинный ангелъ красоты какъ душевной, такъ и тѣлесной, жила часто въ одиночествѣ въ деревнѣ Обуховкѣ, занимаясь воспитаніемъ дѣтей и выполняя въ точности священный долгъ матери; однако, она рѣшалась поручать насъ и нянѣ, въ преданности, усердіи и опытности которой была увѣрена, единственно потому только, что имѣла несчастіе терять первыхъ дѣтей (изъ 15-ти у нея осталось только шесть); помню какъ во снѣ, что, вставая съ восхожденіемъ солнца, няня наша долго молилась передъ образомъ св. мучениковъ Антонія и Ѳеодосія, висѣвшихъ въ углу нашей комнатки, съ усердіемъ и съ большимъ умиленіемъ клала земные поклоны; потомъ будила насъ, одѣвала и, послѣ короткой молитвы вслухъ, которую сама намъ подсказывала, — напоивъ насъ молокомъ или чаемъ изъ смородиннаго листа, отсылала старшихъ братьевъ съ старымъ слугой Петрушкой въ домъ къ матери, а съ нами, съ братомъ Алексѣемъ и со мной, надѣвъ намъ черезъ плечо въ награду за послушаніе мѣшечки изъ простой пестрой матеріи, спѣшила въ лѣсъ собирать, по нашему же-

ланію, если это было осенью, между листьями упавшія лѣсныя яблоки, груши и сливы, которыя и сохраняла зимой.

Нашъ отецъ былъ очень добрый, любилъ насъ, какъ нельзя больше; бывая дома, онъ собиралъ всѣхъ насъ, гулялъ съ нами и забавлялъ насъ, чѣмъ только могъ.

Дѣдъ мой, Василій Петровичъ Капнистъ, отважный воинъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Малороссіи, былъ родомъ грекъ; свою службу онъ началъ подъ знаменами Петра Великаго въ несчастный Прутскій походъ, неоднократно разбивалъ партіи крымцевъ и ногайскихъ татаръ и въ 1734 году, будучи сотникомъ Слободскаго полка, отличился примѣрной храбростью, отрѣзавъ калмыцкаго владѣльца Дондука-Омбо, впослѣдствіи союзника русскихъ, отъ Изюмскихъ предѣловъ; потомъ въ 1736 году онъ находился въ Крымскомъ походѣ подъ начальствомъ графа Миниха и за оказанное мужество пожалованъ полковникомъ Миргородскимъ. Въ слѣдующемъ году Капнистъ съ малороссійскими, чугуевскими и донскими казаками находился при взятіи Минихомъ Очакова. Въ 1738 году съ своимъ полкомъ разорилъ молдавскій городъ Сороки, перерубилъ и взялъ въ плѣнъ множество турокъ, обратилъ въ пепелъ непріятельскіе магазины. Участвовалъ въ Хотинскомъ сраженіи и въ другихъ дѣлахъ, за что̀ награжденъ нѣсколькими деревнями. Въ 1744 году императрица Елисавета поручила Капнисту сочинить вмѣстѣ съ инженеръ-подполковникомъ Боскетомъ подробную карту россійскимъ Заднѣпровскимъ мѣстамъ. Они исполнили это въ полмѣсяца. Въ началѣ 1750 года Капниста постигло несчастіе: онъ былъ арестованъ, отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду по ложному доносу войсковаго товарища Звенигородскаго, обвинившаго его въ измѣнѣ. Для разслѣдованія этого дѣла была наряжена въ Кіевѣ секретная комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Леонтьева. Но впослѣдствіи Капнистъ доказалъ свою невинность и былъ оправданъ. Императрица 18-го января 1757 года возвратила ему свободу и имѣніе, произвела въ бригадиры, пожаловала 1000 червонныхъ и опредѣлила начальникомъ надъ Слободскими полками.

Въ семилѣтнюю войну Капнистъ находился въ сраженіи съ пруссаками при Гроссъ-Эгерндорфѣ 19-го августа, гдѣ былъ убитъ на полѣ сраженія. Тѣла его не могли отыскать; на полѣ битвы нашли лишь его отрубленную руку съ перстнемъ и окровавленную саблю, которая и теперь хранится въ нашемъ семействѣ.

Наша бабушка, Софья Андреевна, оставшись вдовою, жила въ Обуховкѣ. Хотя она происходила изъ хорошей дворянской фамиліи въ Малороссіи (Дунина-Барковскаго), но была мало образована. Недостатокъ образованія искупался въ ней природнымъ умомъ. Владѣя большимъ имѣніемъ мужа, состоявшимъ изъ 6000 душъ въ разныхъ губерніяхъ Малороссіи, — имѣніемъ неустроеннымъ и,

слѣдственно, малодоходнымъ, она, не смотря на это, употребляла всѣ средства, чтобы дать хорошее образованіе своимъ четыремъ сыновьямъ: Николаю, Петру, Андрею и Василію,— помѣстя ихъ въ лучшій того времени петербургскій пансіонъ. Бабушка часто навѣщала ихъ и, по желанію императрицы Елисаветы Петровны, была представлена ко двору въ своемъ національномъ богатомъ малороссійскомъ костюмѣ, который состоялъ изъ широкаго штофнаго на фижмахъ роброна, вышитаго съ низу до верху жемчугомъ, изъ такой же кофты и такъ-называемаго кораблика на головѣ въ родѣ русскаго повойника, но съ двумя острыми зубцами, украшенными драгоцѣнными камнями. Я помню этотъ костюмъ по ея портрету.

Она была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова, съ прелестными черными глазами, съ правильными чертами и съ удивительно пріятнымъ выраженіемъ лица.

Дѣтей она очень любила и до того баловала, что всякій годъ посылала къ нимъ въ Петербургъ обозъ съ разными съѣстными припасами: съ вареньемъ, съ сухими фруктами, съ масломъ и съ разнымъ соленьемъ. Нашъ отецъ разсказывалъ намъ, что они получали разную птицу: индѣекъ, дрофъ, гусей, утокъ и проч. Она складывала все это въ бочку и заливала топленымъ масломъ.

Окончивъ образованіе, братья всѣ начали службу сержантами въ гвардіи. Старшій братъ, Николай Васильевичъ, какъ любимецъ матери и избалованный ею,—всегда какъ-то отдѣлялся отъ братьевъ своихъ и не былъ въ дружбѣ съ ними; три же меньшихъ брата любили другъ друга. Особенно были необыкновенны и трогательны отношенія Петра Васильевича къ моему отцу Василію Васильевичу. Всѣ братья недолго оставались въ Петербургѣ: Николай Васильевичъ вышелъ въ отставку по приказанію матери своей и женился въ Малороссіи тоже по ея приказанію на дѣвицѣ хорошей фамиліи, съ небольшимъ состояніемъ, вовсе не любя ее, отчего она и была впослѣдствіи истинной страдалицей всю свою жизнь.

Андрей Васильевичъ, при выдающихся способностяхъ, учившійся лучше другихъ братьевъ, къ несчастью, заболѣлъ и сошелъ съ ума. Говорятъ, что причиной тому была любовь; онъ былъ неравнодушенъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, и эта страсть его погубила.

Петръ же Васильевичъ, будучи красавцемъ и узнавъ, что онъ замѣченъ государыней, не внимая мольбамъ и убѣжденіямъ друга и брата своего Василія Васильевича, бросилъ службу и бѣжалъ изъ Россіи въ Англію. Тамъ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, возвратился въ Малороссію съ женою, прелестною англичанкой, не знавшей ни слова по-русски. Бабушка приняла ее ласково изъ одного сожалѣнія, называя ее бѣдной нѣмой.

Мой отецъ, Василій Васильевичъ, оставался долѣе всѣхъ въ Пе-

тербургѣ; онъ имѣлъ тамъ большія знакомства, большія связи. Всегда веселый и любезный, онъ былъ любимъ всѣми и по справедливости назывался всегда душой общества.

Имѣя призваніе къ поэзіи и любя ее, онъ познакомился въ то время и подружился съ своимъ свякомъ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ, съ Хемницеромъ и съ Николаемъ Александровичемъ Львовымъ. Съ послѣднимъ онъ былъ въ тѣсной дружбѣ, которую и доказалъ ему своимъ самоотверженіемъ. Мой отецъ, помолвленный уже съ моею матерью, дочерью статскаго совѣтника Дьякова, воспитывавшейся въ Смольномъ монастырѣ, зная, что другъ его Н. А. Львовъ страстно влюбленъ въ старшую сестру ея, Марію Алексѣевну, руки которой нѣсколько разъ тщетно просилъ (онъ не имѣлъ никакого состоянія), наканунѣ своей свадьбы, рѣшился для своего друга на такой поступокъ, отъ котораго, пожалуй, зависѣла и его собственная участь.

Часто выѣзжая съ своей невѣстой то съ визитами, то на балы, и всегда въ сопровожденіи Маріи Алексѣевны, отецъ воспользовался послѣднимъ обстоятельствомъ. Отправившись наканунѣ своей свадьбы на балъ, онъ, вмѣсто того, чтобы подъѣхать къ дому знакомыхъ, подъѣхалъ къ церкви, гдѣ уже поджидали Львовъ и священникъ и гдѣ все уже было готово для вѣнчанія.

Послѣ вѣнчанія они разъѣхались изъ церкви въ разныя стороны,—Львовъ къ себѣ, а отецъ съ невѣстой и ея сестрой на балъ, гдѣ поджидавшіе братья моей матери удивлялись ихъ позднему пріѣзду.

Вскорѣ Львовъ получилъ отъ правительства назначеніе ѣхать за границу съ какими-то порученіями и только черезъ два года возвратился, выполнивъ съ такимъ успѣхомъ возложенное на него дѣло, что императрица Екатерина II въ награду пожаловала ему значительное имѣніе; тогда родители Марьи Алексѣевны согласились на его бракъ съ ней, ибо она въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ ни за кого другого не хотѣла выдти замужъ, отказавъ нѣсколькимъ весьма достойнымъ женихамъ.

Можно представить себѣ удивленіе родителей и всѣхъ родныхъ, когда мой отецъ объявилъ имъ, что Марья Алексѣевна и Львовъ уже два года какъ обвѣнчаны и что онъ главный виновникъ этой свадьбы! Львовъ до смерти сохранилъ къ моему отцу дружескія отношенія. Послѣ своей женитьбы, отецъ вышелъ въ отставку и переселился съ молодой женой въ Малороссію, въ деревню Обуховку, гдѣ жила наша бабушка, а его мать. Старуха третью невѣстку приняла очень холодно, не смотря на ея ангельскую душу, на кротость характера и на чудную красоту; старуха не любила ее потому, что она была русская и не называла ее иначе какъ «московка».

Только тогда старуха полюбила и оцѣнила свою невѣстку,

когда, оставшись одна въ деревнѣ, разбитая параличемъ, она жила лишь благодаря заботамъ и неусыпнымъ попеченіямъ «московки», ни на минуту не перестававшей ухаживать за ней до самой смерти.

Старшій сынъ ея, Николай Васильевичъ, переѣхалъ въ то время въ другую деревню,— куда по смерти перевезенъ былъ и прахъ матери его. Она умерла, оставивъ ему лучшія земли и лучшія имѣнія, все движимое богатство, драгоцѣнные камни, жемчуги и серебро; Петру же Васильевичу и нашему отцу ничего не досталось, кромѣ имѣній. Не смотря на это, они всегда уважали Николая Васильевича, какъ старшаго брата, во всѣхъ важнѣйшихъ житейскихъ обстоятельствахъ прибѣгая къ его совѣтамъ. Имѣніе братьевъ Петра Васильевича и Василья Васильевича оставалось до смерти ихъ нераздѣльнымъ. Мой отецъ желалъ только, чтобы чудная деревня Обуховка принадлежала ему и впослѣдствіи говаривалъ намъ, что еслибы она ему не досталась, онъ рѣшительно оставилъ бы отечество, переселившись въ Америку.

Всѣмъ извѣстно, что Малороссія считается однимъ изъ лучшихъ краевъ Россіи, по своему умѣренному климату, по богатой растительности и по живописнымъ мѣстамъ, которыми славятся берега и окрестности Днѣпра; живописныя мѣста встрѣчаются и по быстрой, прозрачной, извилистой рѣкѣ Псёлу, правый берегъ котораго круто возвышается и покрытъ разнороднымъ лѣсомъ, среди котораго нерѣдко гордо высятся могучіе столѣтніе дубы, и ущельями разноцвѣтнаго песку; лѣвый же берегъ почти вездѣ плоскій, широко разстилается то убѣгающими вдаль зелеными лугами, то тянется однообразной желтой, песчаной полосой, то вдругъ покрывается тѣнистыми рощами. Въ одной изъ этихъ мѣстностей, на правомъ берегу Псёла, на уступѣ горы, покрытой густымъ лѣсомъ, до сихъ поръ стоитъ еще небольшой домикъ, крытый соломою и защищенный отъ сѣвера горою, тотъ самый домикъ, который мой отецъ описалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, начинавшемся такъ:

«Пріютный домъ мой подъ соломой,
«По мнѣ ни низокъ, ни высокъ,
«Для дружбы есть въ немъ уголокъ»...
. . . .

Изъ оконъ этого дома открывается даль верстъ на двадцать, покрытая лугами и селеньями. При восходѣ солнца или вечеромъ при лунномъ свѣтѣ этотъ видъ бывалъ очарователенъ: особенно онъ бывалъ хорошъ, когда луна серебристымъ столбомъ блестѣла надъ рѣкой, въ которую смотрѣлись покрытыя густымъ лѣсомъ горы, при шумѣ мельницъ, похожемъ на вѣчный шумъ водопада и при немолчныхъ треляхъ и раскатахъ соловьевъ, оглашавшихъ чуткоспящій воздухъ упоительнымъ пѣніемъ. Въ разное время года измѣнялись и виды этого очаровательнаго уголка. Весною, когда

снѣгъ начиналъ таять и когда съ вершинъ ущельевъ и горъ при блескѣ солнечныхъ лучей сбѣгали журчащіе ручейки, — видъ въ нѣсколько дней измѣнялся: рѣка выступала изъ береговъ, луга верстъ на шесть покрывались водою и являли видъ моря, съ голыми деревьями, торчавшими въ водѣ на подобіе мачтъ. При тихой погодѣ эти окрестности, залитыя водой, походили на обширное зеркало. Съ убылью воды въ разныхъ мѣстахъ начинали показываться зеленые острова, надъ которыми иногда слышалось громкое пѣніе жаворонковъ, чириканье разныхъ весеннихъ птицъ и гдѣ по временамъ уже показывался заблудшій скотъ, съ наслажденіемъ щипавшій свѣжую и мягкую траву.

Вотъ, наконецъ, рѣка вошла въ свои берега—и луга покрылись высокою усѣянною цвѣтами травою, деревья и рощи зазеленѣли, колеса мельницъ зашумѣли своимъ водопаднымъ шумомъ, напоминая стихи моего отца, въ которыхъ онъ говоритъ:

«Тамъ двадцать вдругъ колесъ вертятся,
«За кругомъ поспѣшаетъ кругъ,
«Алмазы отъ блестящихъ дугъ,
«Опалы, яхонты дождятся;
«Подъ ними клубомъ бьетъ жемчугъ.

«Такъ призракъ счастья движетъ страсти,
«Кружится ими цѣлый свѣтъ;
«Догадливъ, кто отъ нихъ уйдетъ—
«Онѣ все давятъ, рвутъ на части,
«Что̀ имъ подъ жерновъ попадетъ».

Площадь передъ мельницами покрывается сотнями телѣгъ съ мѣшками хлѣба, около которыхъ хлопочутъ толпы народа. Вечеромъ картина еще болѣе оживляется огнями, которые разводятся, обыкновенно, людьми для ужина въ разныхъ мѣстахъ по берегу рѣки.

Лѣтомъ на лугахъ мелькаютъ съ блестящими косами косари, оглашая воздухъ веселыми пѣснями. Въ нѣсколько дней луга покрываются пышными копнами сѣна, являя взору изобиліе и плодородность этого благословеннаго края. Трудно нарисовать картину этой мѣстности осенью, когда, при тепломъ еще воздухѣ, деревья покрываются багряной листвой и плодами, а поля золотою жатвой! Какъ тогда великолѣпенъ видъ съ вершины горы на эту обширную и разноцвѣтную долину! Зима даже имѣетъ свои прелести; видъ ея великолѣпенъ въ то время, когда, при блескѣ солнечныхъ лучей, деревья, какъ напудренныя, покрываются блестящими искрами инея и когда порой мчишься на быстрой тройкѣ около сверкающаго бѣлизной лѣса по гладкому льду извилистаго Псёла.

Мой отецъ страстно любилъ свою родину и готовъ былъ жертвовать всѣмъ состояніемъ для блага Малороссіи; при малѣйшемъ угнетеніи или несправедливости начальниковъ, онъ летѣлъ въ Петер-

бургъ, бросалъ семейство, дѣлалъ долги (которые впрочемъ уплачивались всегда втайнѣ другомъ и братомъ его Петромъ Васильевичемъ) и, сражаясь часто съ знаменитыми людьми, почти всегда возвращался побѣдителемъ.

Въ 1785 году онъ написалъ оду свою противъ рабства, посвятивъ ее императрицѣ Екатеринѣ II, которая приняла ее благосклонно, пожаловала въ награду табакерку съ своимъ именемъ, осыпанную брилліантами, и тогда же уничтожила въ Россіи названіе раба.

Ода эта была напечатаната въ изданіи всѣхъ сочиненій моего покойнаго отца въ 1796 году. Въ послѣднемъ же изданіи Смирдина въ 1849 году она не пропущена цензурою.

Въ то же время онъ занимался процессомъ по имѣнію; этотъ процессъ причинилъ ему столько непріятностей и хлопотъ, что отецъ, наконецъ, рѣшился бросить его, пожертвовавъ 2,000 душъ; по этому поводу онъ написалъ первую и послѣднюю свою сатирическую комедію «Ябеду».

Двадцати трехъ лѣтъ онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ въ Кіевѣ и принималъ Екатерину II при ея проѣздѣ черезъ Кіевъ въ Новороссійскій край.

Въ это время была въ Кіевѣ и его молодая жена, которая, будучи представлена государынѣ, своей красотою обратила на себя общее вниманіе. Изъ переписки моихъ родителей я вижу, что отецъ довольно долго оставался въ Кіевѣ, а мать одна съ дѣтьми и съ свекровью жила въ Обуховкѣ, повидимому, нуждаясь во всемъ, не смотря на 6,000 душъ, которыми владѣла въ то время наша бабушка. Въ одномъ изъ писемъ своихъ она пишетъ къ отцу моему: «Другъ мой Васинька! Пожалуйста, пришли мнѣ поскорѣе десять рублей, которые я заняла у матушки и которыми она мнѣ докучаетъ и, если можно, еще пять рублей для покупки одѣялъ дѣтямъ».

Въ другомъ письмѣ мать моя пишетъ къ нему же: «Пріѣзжай, другъ мой, поскорѣе,—у насъ здѣсь страшные безпорядки; люди уходятъ, и скоро вся деревня уйдетъ; не знаю причины, но думаю, что это происходитъ отъ того, что имъ неисправно даютъ пайки».

Въ царствованіе государя Павла I, мой отецъ получилъ мѣсто директора императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. Пользуясь постоянно милостью его величества, отецъ не могъ и впослѣдствіи говорить о немъ равнодушно, разсказывая намъ всегда съ особеннымъ чувствомъ уваженія многіе истинно благородные и великодушные поступки этого монарха.

Незадолго до своей кончины, императоръ Павелъ, въ знакъ особаго расположенія къ моему отцу, хотѣлъ пожаловать ему богатыя имѣнія въ Малороссіи, но составленной объ этомъ пожалованіи бумаги государь вслѣдствіе своей смерти не успѣлъ подписать.

Такъ какъ отецъ по службѣ своей обязанъ былъ жить въ Петербургѣ и изрѣдка только пріѣзжалъ въ Малороссію, то мать послѣ смерти своей свекрови жила одна съ семействомъ въ Обуховкѣ. Когда же по какому-то случаю сгорѣлъ старый домъ, она переѣхала жить къ дядѣ нашему, Петру Васильевичу, чрезвычайно любившему ее, заботившемуся о ней, какъ отецъ, и помогавшему ей выстроить въ деревнѣ тотъ домъ, въ которомъ впослѣдствіи мы всѣ жили и который о сю пору еще существуетъ.

Въ 1801 году отецъ мой былъ избранъ генеральнымъ судьей или, какъ теперь именуютъ, предсѣдателемъ уголовной палаты въ Полтавской губерніи, проживая въ зимнее время съ семействомъ, обыкновенно, въ Полтавѣ, а въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Обуховкѣ. Хотя въ это время мнѣ было только четыре года, въ моей памяти сохранилась и жизнь наша въ Полтавѣ, и жизнь наша въ деревнѣ.

Мнѣ особенно памятно, какъ въ Полтавѣ въ праздники приносили къ намъ маленькій театръ, называвшійся въ то время вертепомъ; театръ состоялъ изъ небольшой освѣщенной комнаты, гдѣ куклы представляли разныя сцены изъ священной исторіи: Адама и Еву съ змѣемъ, который искусилъ ихъ, царя Ирода, отсѣкавшаго головы младенцамъ и пр. Помню, какъ однажды явилась на сцену смерть съ длинною блестящею косой; я такъ испугалась, что заболѣла лихорадкой, продолжавшейся цѣлый годъ; съ тѣхъ поръ запретили къ намъ приносить «вертепъ», доставлявшій столько удовольствій.

Наша дѣтская жизнь складывалась такимъ образомъ. Насъ будили рано утромъ и въ зимнее время даже при свѣчахъ; дядька Петрушка съ вечера приготовлялъ для насъ длинный столъ въ столовой, положивъ каждому изъ насъ листъ чистой бумаги, книги, тетради, перья, карандаши и пр. Послѣ длинной молитвы, при которой всѣ мы стояли рядомъ, а одинъ изъ насъ поочереди читалъ ее громко, мы садились на свои мѣста и спѣшили приготовить уроки къ тому времени, какъ проснется мать; тогда мы несли ей показывать, что сдѣлали, и если она оставалась довольна нами, то, заставивъ одного изъ насъ прочесть у себя одну главу изъ евангелія или изъ священной исторіи, отпускала гулять, а впослѣдствіи старшихъ братьевъ и на охоту, которую они очень любили.

Часто братъ Алексѣй, чтобы заслужить одобреніе матери и получить тоже позволеніе ѣхать съ братьями на охоту, приходилъ къ ней очень рано утромъ и самъ предлагалъ ей читать священную исторію—чѣмъ она была чрезвычайно довольна, хвалила его, ставила намъ въ примѣръ и въ награду отпускала всегда на охоту. Онъ очень любилъ праздники и наканунѣ всегда приходилъ къ матери спрашивать: будемъ ли учиться завтра? Она всегда ссы-

лалась на календарь, говоря, что если крестъ въ кругу, учиться не надо. Алеша и умудрился такъ искусно сдѣлать кружки около крестовъ во всемъ календарѣ, что праздники для насъ всѣ были торжественными, и мы съ большимъ удовольствіемъ ихъ праздновали по милости Алексѣя. Календарь этотъ долго сохранялся у насъ въ домѣ, и мать наша всегда съ улыбкой говорила, смотря на кружки: «экій плутъ, Алеша!» Но не смотря на праздники и на разныя другія развлеченія, всѣ дѣти, особенно мои братья, очень успѣвали въ наукахъ, впослѣдствіи выдержали всѣ экзамены при вступленіи на службу безъ сторонней помощи, и этимъ обязаны единственно доброй, незабвенной матери нашей!

Только одинъ старикъ нѣмецъ Кирштейнъ немного помогалъ ей, давая всѣмъ намъ уроки нѣмецкаго языка и ариѳметики, отчего братья мои и теперь не считаютъ иначе, какъ по-нѣмецки. Намъ всегда приказывали говорить мѣсяцъ по-французски и мѣсяцъ по-нѣмецки; тому же, кто сказывалъ хотя слово по-русски (для чего нужны были свидѣтели), надѣвали на шею, на простой веревочкѣ, деревянный кружокъ, называемый, не знаю почему, калькулусомъ; отъ стыда мы старались какъ-нибудь прятать его и съ восторгомъ передавали другъ другу. На листѣ бумаги записывалось аккуратно, кто сколько разъ такимъ образомъ въ день былъ наказанъ; въ концѣ мѣсяца всѣ эти наказанія считались и перваго числа раздавались разные подарки тѣмъ, кто меньшее число разъ былъ наказываемъ. По-русски намъ позволялось говорить только за ужиномъ; это была большая радость для насъ; и можно себѣ представить, сколько было шуму и какъ усердно мы пользовались этимъ пріятнымъ для насъ позволеніемъ.

Разъ случилось, что мать, по чьей-то рекомендаціи, рѣшилась взять для меня старушку француженку, горбатенькую m-me du Faye; чтобы я болѣе упражнялась въ французскомъ языкѣ, меня помѣстили съ нею въ одной комнатѣ. Сначала француженкой были довольны; только братья никакъ не могли оставить ее въ покоѣ, рисуя ее съ ея горбомъ въ разныхъ смѣшныхъ видахъ. Но время показало, что она любила выпить, и что штофикъ съ водочкой стоялъ всегда подъ ея кроватью. А чтобы не слышно было запаха водки, она всегда съ аппетитомъ ѣла печеный лукъ, при запахѣ котораго я и теперь невольно вспоминаю мою бывшую гувернантку. Разумѣется, мать, узнавъ объ этомъ, немедленно отказала ей.

Такая же неудача была и съ дядькой-французомъ, m-r Coguet, котораго наняли для братьевъ и тоже очень скоро должны были отказать.

Послѣ двухъ такихъ неудачъ, въ домѣ у насъ никогда не было ни гувернера, ни гувернантки. Жилъ, правда, до самой своей смерти одинъ старичекъ французъ, m-r Asselin, котораго отецъ очень любилъ, помѣстивъ его въ нашемъ бывшемъ дѣтскомъ домикѣ. Ста-

ричекъ жилъ тамъ какъ какой-нибудь антикварій, никуда не показываясь: сильно страдая астмою, онъ боялся воздуха. Много читалъ, занимался химіей, особенно же архитектурой и постройкой храмика на террасѣ, близь нашего дома.

Храмикъ этотъ назывался храмомъ умѣренности; близь него были посажены три дерева: сосна, дикій каштанъ и дубъ. Онъ любилъ приготовлять разныя кушанья. (Вѣроятно, во Франціи онъ былъ гдѣ-нибудь поваромъ).

Разъ онъ предложилъ намъ спечь какой-то чудесный пирогъ; мы, дѣти, ожидали его съ нетерпѣніемъ; на видъ онъ казался очень вкуснымъ; но сколько смѣха и удивленія было, когда, при снятіи верхней части его, вылетѣли изъ него до десяти воробьевъ и начали летать по всѣмъ комнатамъ. Старикъ тогда же прислалъ поздравить насъ всѣхъ съ первымъ апрѣля.

Мать не только одна, съ помощью лишь старшей своей дочери, занималась нашимъ воспитаніемъ, но и управляла всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, а впослѣдствіи и всей деревней. Тѣмъ не менѣе она находила еще время заниматься сама нѣмецкимъ языкомъ, чтеніемъ, разными выписками изъ книгъ и съ большимъ усердіемъ лечила, по совѣту доктора, бѣдныхъ людей, приходившихъ къ ней со всѣхъ сторонъ; въ этомъ случаѣ, какъ и въ домашнемъ хозяйствѣ, она имѣла усердную помощницу въ женѣ дядьки моихъ братьевъ, Натальѣ Митрофановнѣ, женщинѣ настолько умной, усердной и расторопной, что она сдѣлалась необходимою въ домѣ. Наталья Митрофановна была въ такой довѣренности у нашей матери, что иногда, желая что-нибудь получить, слѣдовало сначала угодить ей чтеніемъ ея любимыхъ повѣстей Геснера, Авелевой смерти и пр.

Обыкновенно, послѣ прогулокъ, мы всѣ съ работами, съ рисованьемъ и другими занятіями, собирались въ гостиную и залу, ибо намъ строго запрещали оставаться по своимъ комнатамъ. Отецъ очень любилъ, когда всѣ мы бывали въ сборѣ; обыкновенно, въ это время онъ приносилъ большіе букеты цвѣтовъ, часто самъ убирая ими наши головы. Онъ просыпался рано и лежалъ, обыкновенно, до десяти часовъ въ постели, занимаясь своими сочиненіями, всегда прося, чтобы въ это время никто и ничѣмъ его не тревожилъ. Потомъ, одѣвшись въ сѣренькій фракъ (онъ никогда и дома не носилъ сюртуковъ) и взявъ фуражку и палочку, отправлялся въ садъ, который его очень занималъ и въ которомъ онъ любилъ устроивать всегда что-нибудь новое.

Послѣ обѣда, отдохнувъ самое короткое время на диванѣ въ гостиной, выпивъ съ трубочкой свою чашечку кофею, онъ сходилъ по террасамъ внизъ въ свой любимый небольшой домикъ, выстроенный на берегу рѣки и окруженный высокимъ лѣсомъ, гдѣ царствовалъ вѣчный шумъ мельницъ и вѣчная прохлада; здѣсь, по большей части, онъ писалъ все, что̀ внушало ему вдохновеніе. Часто

мы видѣли, что крестьяне, особенно казаки, жившіе въ деревнѣ Обуховкѣ, приходили туда толпою за какимъ-нибудь совѣтомъ, или съ жалобою на несправедливости и притѣсненія исправниковъ и засѣдателей. Отецъ всегда ласково принималъ ихъ, разспрашивалъ съ живымъ участіемъ обо всемъ и тотчасъ же относился къ начальству, требуя справедливости, за что̀ всѣ въ деревнѣ не называли его не иначе, какъ своимъ отцомъ. Я помню, въ какое негодованіе, въ какой ужасъ, онъ пришелъ разъ, когда увидѣлъ, катаясь зимою по деревнѣ въ сильный холодъ и морозъ, почти нагихъ людей, привязанныхъ къ колодамъ на дворѣ за то, что они не платять податей! Онъ немедленно приказалъ отпустить ихъ. Онъ такъ былъ встревоженъ этимъ зрѣлищемъ, что, пріѣхавъ домой, чуть было не заболѣлъ и впослѣдствіи своимъ ходатайствомъ лишилъ исправника мѣста.

Вообще онъ принималъ живое участіе во всемъ, что̀ касалось Малороссіи и какъ бы страдалъ вмѣстѣ съ нею; близко принимая къ сердцу нужды своего края, онъ почти всегда бывалъ грустенъ и въ дурномъ расположеніи духа. Его завѣтнымъ желаніемъ было возстановить прежнее благоденствіе и богатство Малороссіи, оживить народъ, помнившій еще свою свободу, но угнетенный и преслѣдуемый несправедливостью земской полиціи того времени. Съ нами онъ развлекался только изрѣдка. По вечерамъ, послѣ ужина (въ лѣтнее время мы ужинали всегда рано), онъ любилъ гулять въ саду, водилъ насъ по темнымъ аллеямъ и собиралъ вмѣстѣ съ нами по дорожкамъ лежавшихъ въ зелени свѣтлыхъ червячковъ, которыхъ, принеся домой, мы клали на террасу и на другой день тѣшились ихъ свѣтомъ. Такимъ образомъ проходило наше дѣтство.

II.

Деревня Трубайцы—имѣніе дяди П. В. Капниста.—Къ характеристикѣ дяди.—Его жена-англичанка.—Деревня Мапжелея—имѣніе дяди Ник. Васильевича.—Отецъ-деспотъ.—«Буде такъ, якъ Софійка скаже!».—Дочери-красавицы.—Дочь затворница и ея печальная судьба.

Мы часто гостили у нашего дяди Петра Васильевича, жившаго отъ насъ въ 70-ти верстахъ, въ деревнѣ Трубайцахъ, которую онъ самъ устроилъ и въ которой на каждомъ шагу можно было встрѣтить доказательства довольства и счастья его крестьянъ. Деревня состояла изъ красивыхъ бѣлыхъ домиковъ съ чистыми дворами, со всѣми нужными для хозяйства постройками, съ садиками, огородами, съ скирдами хлѣба и сѣна, занимавшими большую часть дворовъ. Посреди деревни была выстроена имъ же хорошенькая церковь, окруженная садомъ, въ которую онъ постоянно и не смотря

ни на какую погоду, ходилъ пѣшкомъ по воскресеньямъ, и гдѣ, по его просьбѣ, священникъ всякій разъ долженъ былъ говорить проповѣдь не иначе, какъ на малороссійскомъ языкѣ для того, чтобы крестьяне могли его лучше понимать.

Небольшой домикъ дяди былъ устроенъ вдали отъ селенія на островѣ, окруженномъ тростникомъ и болотистою рѣкою Хороломъ. Садъ былъ устроенъ въ родѣ англійскаго парка: небольшая дорожка шла вокругъ острова, покрытаго отдѣльными куртинами большихъ деревьевъ и кустарниковъ и зелеными лужками, усѣянными разноцвѣтными полевыми цвѣтами. Домикъ былъ окруженъ клумбами душистыхь цвѣтовъ, которыми любила заниматься жена нашего дяди.

Не понимая русскаго языка и не желая изучать его, она достигла того, что почти всѣ дворовые люди или говорили по-англійски, или понимали этотъ языкъ. Домъ ихъ казался пріютомъ иностранцевъ. Ихъ столько жило тамъ и умерло, что пришлось устроить особенное кладбище, называемое до сихъ поръ нѣмецкимъ.

Я уже говорила, что дядя провелъ молодость въ чужихъ краяхъ, болѣе же всего въ Лондонѣ. Онъ много читалъ въ то время Вольтера, Руссо и другихъ писателей, считался атеистомъ, что чрезвычайно огорчало моего отца, хотя и не наблюдавшаго постовъ или какихъ-либо другихъ проявленій внѣшняго благочестія, но бывшаго въ душѣ истиннымъ христіаниномъ.

Отецъ мой рѣдко говѣлъ, но если говѣлъ, то съ такимъ чувствомъ, съ такимъ умиленіемъ, что трогательно было видѣть его стоявшаго, какъ теперь помню, въ углу алтаря и часто проливавшаго слезы. Съ такимъ религіознымъ направленіемъ ему, конечно, тяжело было видѣть атеистическія наклонности своего брата и друга.

Впослѣдствіи атеистическое міровоззрѣніе Петра Васильевича нѣсколько поколебалось подъ вліяніемъ убѣжденій брата. Съ теченіемъ времени онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ, всегда припоминая, что обязанъ этимъ младшему брату.

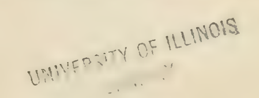
Жизнь его протекала въ уединеніи, посвященная единственно благу семьи и ближнихъ. Управляя общимъ имѣніемъ, онъ только и думалъ о томъ, какъ улучшить и облегчить участь своихъ крестьянъ, надѣлялъ ихъ по желанію землею, назначая за нее цѣну самую ничтожную (по 1 рублю ассигнаціями за десятину) и, такимъ образомъ, сдѣлалъ ихъ всѣхъ оброчными, не терпя никогда барщинной работы. Довольствуясь небольшимъ, онъ жилъ очень скромно, не смотря на то, что имѣлъ на свою часть до тысячи душъ. Его домикъ, крытый тростникомъ, былъ очень удобенъ, чистъ и покоенъ. Въ осеннее и даже зимнее время его мало топили, ибо дядя нашъ, привыкнувъ къ теплому климату, не могъ и въ старости переносить топленыхъ комнатъ и потому цѣлый почти день сидѣлъ

передъ каминомъ, какъ теперь вижу, во фракѣ и въ шинели, которая была сшита имъ еще въ Лондонѣ, и въ бархатныхъ длинныхъ штиблетахъ.

Имѣя единственнаго сына, онъ взялъ на воспитаніе къ себѣ одного изъ сыновей друга своего, Лорера, умнаго и достойнаго человѣка, обремененнаго большимъ семействомъ и не имѣвшаго почти никакого состоянія. Съ этими двумя дѣтьми онъ проводилъ большую часть времени, занимаясь ихъ воспитаніемъ. Языками англійскимъ, французскимъ и русскимъ онъ занимался съ ними одинъ, безъ всякой помощи; но для нѣмецкаго языка и для математики выписалъ изъ Сарепты почтеннаго старика гернгутера, съ женою, которымъ въ отсутствіи своемъ и поручалъ своихъ дѣтей; я говорю своихъ, потому что онъ истинно любилъ ихъ совершенно одинаково и ни въ какомъ случаѣ не показывалъ предпочтенія сыну.

Жена моего дяди въ молодости, говорятъ, была очень красива, стройна, очень ловка и неустрашимая наѣздница. Я помню ее только въ пожилыхъ лѣтахъ, очень полной, съ завитыми и напудренными волосами; она была хорошей хозяйкой, часто сама приготовляла чудесныя закуски, разные англійскіе пудинги и другія кушанья. Не зная русскаго языка и часто видя, что ее не понимаютъ, она была раздражительна и почти всегда въ дурномъ расположеніи духа. Когда дядя приходилъ къ ней утромъ въ гостиную и, поздоровавшись садился въ углу комнаты съ своей трубочкой, она, обыкновенно, начинала ему жаловаться то на людей, которые ее не слушаютъ, то на управляющаго, то, наконецъ, на него самого за разныя бездѣлицы; все это слушалъ онъ равнодушно, какъ философъ, молча, приговаривая только иногда: «гмъ, гмъ!» Наконецъ, докуривъ трубку свою и приласкавъ собачку ея или понюхавъ и похваливъ на англійскомъ языкѣ цвѣты, стоявшіе передъ нею на столѣ, преспокойно выходилъ изъ комнаты. Это повторялось почти всякій день. Иногда она и развеселялась, но это случалось очень рѣдко и только тогда, когда приходилъ къ ней ея сынъ, котораго она страстно любила. Обыкновенно она сама утромъ одѣвала обоихъ мальчиковъ и, поставивъ ихъ на колѣни, заставляла молиться на англійскомъ языкѣ. Въ комнатахъ у нея было столько разныхъ птицъ, попугаевъ, скворцовъ, канареекъ, что за крикомъ ихъ мы не могли иногда слышать другъ друга.

Меня она очень любила и, посадивъ иногда подлѣ себя, показывала разныя картинки, объясняя ихъ на англійскомъ языкѣ; или заставляла меня чистить вмѣстѣ съ нею молодой горохъ или рѣзать зеленые бобы. Не понимая языка и догадываясь, я исполняла съ большимъ удовольствіемъ всѣ ея желанія. Не получивъ особеннаго образованія, она отъ природы была очень добра, всегда помогала бѣднымъ и лечила очень усердно и удачно всѣхъ тѣхъ,

которые просили у нея помощи. Мы досадовали на нее только за то, что она строго запрещала рвать цвѣты и только въ знакъ особенной ласки давала иногда намъ по цвѣточку.

Впрочемъ Николай Ивановичъ Лореръ, съ которымъ съ дѣтства мы были очень дружны, который всегда берегъ меня и бралъ подъ особенное свое покровительство, не знаю какимъ образомъ находилъ средство приносить мнѣ очень часто чудные букеты.

Дядя нашъ, Николай Васильевичъ, жилъ отъ насъ въ 120 верстахъ, въ прекрасной деревнѣ своей Манжелеѣ, которая лежала на берегу Псёла и славилась тоже прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Будучи гораздо богаче братьевъ, любя роскошь и великолѣпіе, онъ ничего не щадилъ для своихъ прихотей. На самомъ берегу чистой и прозрачной рѣки онъ началъ строить великолѣпный двухъэтажный каменный домъ прелестной архитектуры, который впрочемъ никогда не былъ оконченъ. Самъ онъ жилъ съ старшей и любимой дочерью своею, Софіею Николаевной, въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ. Жена его съ другими дѣтьми помѣщалась въ большомъ деревянномъ домѣ, тоже не оконченномъ. Семейство его состояло изъ пяти дочерей: Софіи, Вѣры, Надежды, Любви и Анастасіи и одного сына Петра. Всѣ дочери были такъ хороши собой, что нельзя было сказать, которая изъ нихъ лучше; всѣ—брюнетки съ прелестными черными глазами, преисполненными ума и пріятности, съ черными, какъ смоль, волосами, съ правильными чертами лица; ихъ не называли иначе какъ красавицами. Братъ ихъ тоже былъ очень хорошъ собой; брюнетъ съ прекрасными черными глазами, выражающими и пріятность, и умъ, и благородство. Какъ единственный сынъ, онъ былъ всѣми въ семействѣ любимъ и балованъ до̀ крайности, въ особенности матерью, которая, находя въ немъ одно свое утѣшеніе, исполняла всѣ прихоти его и ни въ чемъ ему не отказывала.

Отецъ его, обратя всю любовь и все вниманіе на старшую дочь Софію Николаевну, не заботился вовсе о другихъ дѣтяхъ, не занимался воспитаніемъ даже единственнаго сына, и еслибъ не мать ихъ, женщина простая и вовсе не образованная, то едва ли онъ и сестры его научились бы грамотѣ.

Николай Васильевичъ былъ человѣкъ умный, но съ большими странностями; онъ такъ много думалъ о себѣ и о своемъ умѣ, что не говорилъ иначе, какъ какими-то непонятными аллегоріями, и удивлялся, если его не понимали въ семействѣ. Онъ и всѣ они говорили, обыкновенно, по-малороссійски.

Сидѣлъ онъ всегда посреди комнаты въ большихъ креслахъ (онъ былъ очень толстъ) передъ чернымъ столомъ, исписаннымъ мѣломъ сверху до низу цифрами. Его единственнымъ занятіемъ были разныя математическія исчисленія, а большею частію исчисленія доходовъ съ имѣній; однажды ему пришла странная мысль

собрать тридцать тысячъ рублей мѣдью въ приданое второй дочери своей, Вѣрѣ Николаевнѣ, и закопать ихъ въ землю. Вѣроятно, онъ разсчиталъ, что впослѣдствіи извлечетъ изъ этого большія выгоды. Вообще въ семействѣ онъ былъ большимъ деспотомъ; въ особенности бѣдная жена страдала отъ этого. Сколько разъ намъ случалось быть свидѣтелями его жестокаго обращенія съ нею! За малѣйшій безпорядокъ въ домѣ, за дурно изготовленное блюдо, онъ не только бранилъ ее самыми гнусными словами, но иногда, засучивая рукава свои и говоря: «а ходы лишъ сюда, моя родино!» чуть не билъ ее въ присутствіи всѣхъ. Послѣ подобныхъ поступковъ мудрено ли, что и дочери ея не имѣли къ ней должнаго уваженія и впослѣдствіи наносили ей страшныя оскорбленія!

Въ особенности она терпѣла всю свою жизнь отъ старшей дочери, Софіи Николаевны, которая завладѣла до того и отцомъ, и всѣмъ домомъ, что, накоцецъ, мать была принуждена даже получать отъ нея деньги, нужныя для разныхъ домашнихъ расходовъ. Обыкновенно, при какихъ-нибудь важныхъ семейныхъ спорахъ дядя говаривалъ: «буде такъ, якъ Софійка скаже!» И это, дѣйствительно, исполнялось.

Такъ какъ сынъ ихъ въ дѣтствѣ былъ слабаго здоровья, то дядя со всѣмъ семействомъ ѣздилъ на два года за границу. Возвратясь оттуда и пріѣхавъ къ намъ, онъ поразилъ насъ всѣхъ великолѣпіемъ экипажей и пышностью нарядовъ.

Я помню, какъ мнѣ было совѣстно, стыдно и непріятно, подходить въ простомъ бѣленькомъ платьицѣ къ богато одѣтымъ двоюроднымъ сестрамъ. Но болѣе всего поразилъ насъ костюмъ брата, Петра Николаевича, тогда десятилѣтняго мальчика. Онъ былъ одѣтъ въ такой-то блестящій мундиръ, съ каской на головѣ; чудные черные волосы разсыпались длинными локонами по плечамъ; какъ будто сконфуженный своимъ нарядомъ, онъ стоялъ серьезно у дверей и никто изъ братьевъ моихъ не смѣлъ подойти къ нему; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока его не переодѣли; тогда онъ какъ будто ожилъ, и братья мои дружески приняли его въ свое общество.

Сестра Софія Николаевна возвратилась изъ-за границы обворожительной красавицей, сводя многихъ съ ума. Но отецъ, цѣня ее слишкомъ высоко, никогда не находилъ и до смерти своей не нашелъ для нея достойнаго жениха.

Имѣвъ болѣе сорока жениховъ (этотъ счетъ впослѣдствіи она сама намъ показывала), она никогда не вышла замужъ и, оставшись въ дѣвкахъ, не только не желала, но и употребляла всѣ средства, чтобы и сестры ея не устроили своей судьбы. Къ несчастію, она достигла этой цѣли, какъ мы увидимъ впослѣдствіи.

Николай Васильевичъ по виду былъ чрезвычайно набоженъ; онъ наблюдалъ всѣ посты, молился долго и усердно не только по

утрамъ и вечерамъ, но всегда передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, и требовалъ той же набожности отъ всѣхъ своихъ.

Обыкновенно, меньшія дѣти приходили къ нему только утромъ здороваться и молча выслушивать наставленія, какъ вести себя и проч.

Онъ сдѣлалъ заблаговременно духовную, въ которой отдавалъ все свое имѣніе пополамъ сыну своему и старшей дочери, Софіи Николаевнѣ, такъ что каждый изъ нихъ долженъ былъ получить, по крайней мѣрѣ, по пятисотъ тысячъ рублей, а другимъ дочерямъ назначилъ не болѣе, какъ по 30-ти тысячъ. Эта несправедливость и вообще всѣ поступки его были истинно возмутительны и произвели горькія послѣдствія, дѣйствуя морально явнымъ образомъ на здоровье младшихъ дѣтей его.

Обыкновенно, въ обществѣ, онъ окружалъ себя всѣми своими дочерьми, какъ бы гордясь красотой ихъ, и такъ гордо себя держалъ, что никто не смѣлъ подходить къ нимъ. Онъ не позволялъ имъ танцовать, находя это не благопристойнымъ, и, не знаю по какой причинѣ, положилъ себѣ правиломъ не учить ихъ музыкѣ. Если онѣ выучились немного французскому языку, то и этимъ обязаны единственно матери своей, которая употребила послѣднія свои средства, чтобы нанять имъ для этого языка француженку.

Вторую дочь, Вѣру, дядя нашъ любилъ болѣе меньшихъ дѣтей своихъ именно потому, что она часто забавляла его своими шутками и странностями. Онъ съ малыхъ лѣтъ пріучилъ ее болтать всякій вздоръ, разсказывать и объяснять сны и иногда предсказывать, и видѣлъ въ этомъ какое-то сверхъестественное вдохновеніе. Будучи сама убѣждена въ этомъ и полагая, что ей это откровеніе послано свыше, она до того ударилась въ набожность, что въ своей комнатѣ устроила престолъ, окружила его образами своей работы, изображавшими разныя ея видѣнія то во снѣ, то на яву, и часто передъ престоломъ, уставленнымъ крестами, евангеліемъ и свѣчами, она въ бѣломъ облаченіи, запершись, по ночамъ отправляла какія-то служенія и въ это-то время видѣла разныя видѣнія. Она по природѣ была добра, мы всѣ ее любили за ея причуды и иногда жалѣли о ней, потому что въ домѣ она была истинной сиротой, живя затворницей, въ отдаленномъ строеніи, называемомъ оранжереей и тоже не оконченномъ. Часто по цѣлымъ недѣлямъ она оставалась тамъ больная, и никто не навѣщалъ ея и не спрашивалъ о ней.

Такимъ образомъ провела она свою молодость въ обществѣ однѣхъ своихъ горничныхъ. Сватали и ее очень хорошіе люди, но отецъ имъ отказывалъ до тѣхъ поръ, пока, будучи уже не молода и желая перемѣнить горькую жизнь свою, она, не смотря ни на что̀, рѣшилась выйти замужъ за самаго ничтожнаго и пустого армейскаго офицера, стоявшаго тогда у нихъ въ деревнѣ; про-

живъ съ нимъ до старости, она умерла, оставивъ единственную дочь, которая, не получивъ никакого образованія, будучи очень красива собой, но избалована и своенравна до крйности, разсорясь впослѣдствіи съ отцомъ своимъ, котораго никогда не уважала и оставшись совершенно одна, повела распущенную жизнь.

III.

Семейные праздники.—Праздникъ у Петра Васильевича.—Праздникъ въ Обуховкѣ. — Д. П. Трощинскій. — Странная посѣтительница (Д. А. Державина). — Встрѣча Державина съ Трощинскимъ. — И. М. Муравьевъ-Апостолъ и его сыновья.—Курьезный обѣдъ.—Н. В. Гоголь.—Къ характеристикѣ Трощинскаго. — Его дочь, княгиня Хилкова. — Племянникъ Трощинскаго. — Наши визиты къ Муравьевымъ.

Между братьями, Николаемъ Васильевичемъ, Петромъ Васильевичемъ, и отцомъ моимъ, были положены семейные праздники. Къ дядѣ Николаю Васильевичу должны были съѣзжаться всѣ родные и знакомые къ 17-му сентября, ко дню имянинъ дочерей его. Семейный праздникъ у дяди нашего Петра Васильевича назначенъ былъ 20-го іюля, въ день имянинъ его сына. Мы, обыкновенно, выѣзжали рано, чтобы поспѣть къ вечеру въ деревню дяди. На половинѣ дороги, въ маленькомъ городкѣ Миргородѣ, мы останавливались обѣдать и кормить лошадей у старичковъ, нашихъ знакомыхъ, Бровковыхъ, которые славились въ то время удивительною добротою и хлѣбосольствомъ.

Старикъ и старушка встрѣчали насъ всегда съ большимъ радушіемъ и не знали, чѣмъ и какъ угощать. Чуть ли не ихъ описалъ Н. В. Гоголь въ своей повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики». Подъѣзжая къ ихъ маленькому домику, мы всегда встрѣчали старика съ трубочкой въ рукахъ, высокаго роста, съ правильными чертами лица, выражавшими и умъ и доброту, сидѣвшаго на простомъ деревянномъ крылечкѣ съ небольшими столбиками; онъ привѣтливо встрѣчалъ насъ, вводилъ въ маленькую, низенькую и мрачную гостиную съ какимъ-то постояннымъ особеннымъ запахомъ и съ широкой деревянной дверью, издававшей при всякомъ входѣ и выходѣ ужасный скрипъ.

Тутъ насъ радостно встрѣчала, переваливаясь съ ноги на ногу, добрая старушка, его жена, небольшого роста, толстенькая, съ маленькили свѣтло-карими глазами и съ передними зубами, выдававшимися во время разговора на подобіе клавишъ. Одѣта она была всегда въ ситцевое платье, съ чистенькимъ бѣлымъ платочкомъ на груди и на головѣ. Она жила положительно только для добра. Каждую субботу пеклись у нея всякаго рода калачи, хлѣбы,

пироги, и полной телѣгой отправлялись въ городскую тюрьму для раздачи нищимъ, толпа которыхъ окружала ея домъ и въ этотъ день.

При нашихъ посѣщеніяхъ она больше всего хлопотала о томъ, чтобы изготовить повкуснѣе малороссійскій столъ и накормить нашихъ людей и лошадей досыта и доотвала.

Ея мужъ, отъ природы человѣкъ умный, будучи раньше простымъ казакомъ, съумѣлъ пріобрѣсти порядочное состояніе, приписавъ къ своей землѣ людей, жившихъ на ней, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ своихъ родственниковъ, которые впослѣдствіи и оставались у него крѣпостными.

Никто въ городѣ не запомнитъ такихъ трогательныхъ похоронъ, какія были устроены старушкѣ-покойницѣ, женѣ его. Домъ и дворъ ихъ до того были наполнены плачущими и облагодѣтельствованными ею людьми, что стороннему человѣку трудно было добраться до ея гроба. До сихъ поръ память о ней сохраняется въ Миргородѣ. Отдохнувъ у этихъ добрыхъ людей, мы обыкновенно продолжали нашъ путь.

Дорогою мать любила слушать наши разсказы; заставляла насъ пѣть и сама пѣла съ нами хоромъ иногда русскіе романсы, какъ напримѣръ «Ты зачѣмъ сюда влетѣла, скажи, бабочка, скажи?» или же любимую свою французскую пѣсню «Frère Iaco, frère Iaco, dormez vous?»

Не доѣзжая верстъ пяти, мы останавливались въ казачьемъ селеніи, чтобы умыться отъ пыли и переодѣться. Съ какою радостью привѣтствовали мы выбѣгавшихъ къ намъ на встрѣчу брата, Илью Петровича, и товарища его Н. И. Лорера. Вставъ изъ экипажей, мы оканчивали путешествіе вмѣстѣ съ ними пѣшкомъ. Подходя къ дому, мы видѣли уже сидѣвшаго на скромномъ крылечкѣ въ большомъ креслѣ дядю, Николая Васильевича, окруженнаго семействомъ, и множество гостей, гулявшихъ на зеленомъ лугу, передъ домомъ и по цвѣтникамъ.

На другой день, рано утромъ, множество экипажей стояло уже у крыльца, чтобы ѣхать къ обѣднѣ. Возвращаясь изъ церкви, мы видѣли толпы крестьянъ, бѣжавшихъ въ нарядныхъ и пестрыхъ одеждахъ къ господскому дому и на островъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ, между деревьями, приготовлялись столы для ихъ угощенія, гдѣ уже играла музыка и были устроены различныя качели. Молодые крестьяне и старики подходили съ радостнымъ видомъ къ дядѣ и теткѣ, усердно поздравляя ихъ съ праздникомъ. Къ вечеру зала въ домѣ, украшенная цвѣтами, освѣщалась, музыка грѣмѣла, и молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала танцевъ. Отецъ мой, обыкновенно, открывалъ балъ польскимъ съ теткой по всѣмъ комнатамъ; потомъ начинались экосезы, кадрили съ вальсомъ, манимаски; оканчивался балъ всегда матродурой и малороссійскимъ танцемъ

«горлицей». Во время танцевъ дяди мои сидѣли обыкновенно на крыльцѣ, наслаждаясь чистымъ воздухомъ и ароматомъ цвѣтовъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца разложенъ былъ огонь для того, чтобы избавляться отъ комаровъ, которыхъ въ лѣтнее время тамъ была гибель. Обыкновенно, когда отецъ мой присоединялся къ старикамъ, разговоръ ихъ оживлялся; сужденіямъ и спорамъ не было конца. Иногда онъ разсказывалъ имъ такія забавныя вещи, что старики умирали со смѣху, отъ котораго у Николая Васильевича часто слезы лились градомъ. Одинъ разъ, это было въ 1812 году, я чрезвычайно была удивлена сужденіемъ дяди Николая Васильевича, который, обратясь къ отцу моему, пресерьезно спросилъ его этими словами:

— Скажите мнѣ, Василій Васильевичъ, что вы будете дѣлать, если Бонапартъ пойдетъ на Малороссію? Какіе будутъ ваши планы и куда вы утечете?

Мой отецъ отвѣчалъ:

— Я никуда не намѣренъ уходить; зная хорошо Малороссію и будучи любимъ ею, я надѣюсь поставить ее на ноги и со стыдомъ изгнать его изъ нашихъ предѣловъ.

— А я не такъ думаю,—сказалъ Николай Васильевичъ,—я самъ пойду къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью, къ этому умному человѣку.

Можно себѣ представить удивленіе моего отца и дяди Петра Васильевича при такомъ оригинальномъ сужденіи и именно въ то время, когда всѣ страшились, чтобы Наполеонъ не пошелъ на Малороссію! Но дядя Николай Васильевичъ всегда отличался оригинальничаньемъ.

Ко дню имянинъ брата Ильи Петровича пріѣзжалъ всегда изъ другой деревни несчастный и больной дядя нашъ Андрей Васильевичъ, котораго мы страшно боялись, въ особенности, когда должны были подходить къ его рукѣ. Будучи большого роста, худой, смуглый, смѣясь самъ съ собой и дѣлая разныя гримасы, онъ стоялъ, обыкновенно, у дверей съ большимъ серебрянымъ образомъ на груди, сложивъ крестомъ руки. Я никогда не забуду, какъ однажды онъ страшно испугалъ меня. Мнѣ вздумалось въ сумерки поиграть на фортепьяно; прибѣжавъ, я сѣла и начала что-то фантазировать, какъ вдругъ услышала за собой страшный хохотъ; я оглянулась и, увидѣвъ его стоявшаго въ углу комнаты, не помня себя отъ страха, стремглавъ убѣжала.

Приступаю теперь къ описанію нашего семейнаго праздника въ чудной Обуховкѣ. Этотъ торжественный праздникъ бывалъ въ весеннее время, въ самый Троицынъ день, когда яркая зелень уже покрывала и луга, и роскошныя группы деревьевъ, окружавшихъ нашъ домъ, соломенная кровля котораго вся осѣнялась пушистыми вѣтвями столѣтняго клена, стоявшаго у самой стѣны его.

Видя на каждомъ шагу приготовленія, мы съ нетерпѣніемъ ожидали самаго праздника. Съ любопытствомъ мы слѣдили за необычайной суетой въ домѣ. Нашъ отецъ, вставая ранѣе обыкновеннаго, спѣшилъ въ садъ смотрѣть работы по проведенію разныхъ новыхъ дорожекъ, усыпанію ихъ пескомъ и устроиванію всего по своему вкусу. Дома, бесѣдки и всѣ строенія, чистились и бѣлились къ этому дню, а наша мать съ помощью своей Натальи Митрофановны заботилась о томъ, чтобы покрыть новой шерстяной матеріей, домашняго издѣлья, скромную, выкрашенную въ черную краску и натертую воскомъ мебель. На другой сторонѣ Псёла устроивались купальня и паромъ для переѣзда къ ней; у павильона, близь рѣки, смолились опрокинутыя лодки, готовившіяся для чудныхъ прогулокъ по рѣкѣ. Все это насъ восхищало, и мы заранѣе радовались, помышляя о будущихъ удовольствіяхъ. Наканунѣ праздника нашъ домъ убирался цвѣтами, всѣ полы усыпались свѣжей травой, избы крестьянъ и двери у всѣхъ домовъ украшались большими вѣтвями деревьевъ. Цвѣтники передъ домомъ и въ разныхъ мѣстахъ сада къ этому времени уже покрывались благоухающими кустами цвѣтущихъ розъ.

Кромѣ родныхъ, къ намъ пріѣзжали и сосѣди, достойнѣйшіе люди, о которыхъ и теперь не могу я вспоминать безъ особеннаго чувства любви и уваженія.

Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, о коемъ я буду говорить послѣ, жилъ съ семействомъ своимъ въ двадцати верстахъ отъ насъ.

Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, вельможа и сановникъ во время царствованій Екатерины II, Павла I и Александра I, извѣстный умомъ и правотою души своей, жилъ въ 45-ти верстахъ отъ насъ, въ своей деревнѣ Кибенцахъ, съ семействомъ, состоявшимъ изъ единственной побочной дочери (онъ не былъ никогда женатъ), княгини Хилковой, зятя и двухъ племянниковъ, генераловъ Трощинскихъ. Онъ былъ родомъ изъ Малороссіи, какъ говорятъ, сынъ казака. Будучи бѣденъ, онъ дошелъ почти пѣшкомъ до Кіева, чтобы учиться въ бурсѣ. По его разсказамъ, онъ бывалъ принужденъ цѣлые дни писать для другихъ, чтобы имѣть право вечеромъ заниматься въ бурсѣ при чужой сальной свѣчкѣ.

И этотъ-то человѣкъ достигъ впослѣдствіи безъ всякой посторонней помощи, только трудами и своимъ умомъ, высокаго сана, сдѣлавшись вельможей, полезнымъ слугой отечества, особенно же благодѣтелемъ своей родины, получивъ въ награду отъ государыни Екатерины II богатыя имѣнія.

Онъ былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ, заботясь вмѣстѣ съ нимъ о благоденствіи Малороссіи. Его любовь къ родинѣ извѣстна была не только дворянству, но и всему народонаселенію. У насъ

въ деревнѣ, во время гуляній, народъ, обыкновенно, бѣжалъ толпами, чтобы только посмотрѣть на него.

Въ 12-мъ году, когда правительствомъ велѣно было отправлять изъ Малороссіи сухари для нашихъ войскъ въ Польшу, онъ съ живымъ участіемъ спѣшилъ помочь несчастному народу, который рисковалъ потерять въ этой дальней дорогѣ воловъ—единственное свое достояніе и средство къ жизни. Онъ упросилъ моего отца ѣхать немедленно въ Петербургъ и хлопотать о томъ, чтобы правительство позволило это пожертвованіе сдѣлать не натурою, а деньгами.

Мой отецъ, не смотря на болѣзнь и на страшный зимній холодъ, уѣхалъ въ Петербургъ, взявъ съ собою и старшаго брата нашего Семена для опредѣленія на службу. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ и, возвратясь оттуда, по порученію начальства и всего дворянства, онъ самъ сдѣлалъ закупку хлѣба въ Житомірѣ, доставивъ его куда слѣдовало.

Для Малороссіи это было величайшее облегченіе, и я помню, какъ однажды, во время нашихъ прогулокъ, мы до глубины души были тронуты рѣчью одного сѣдинами покрытаго старца, который, вышедъ изъ толпы крестьянъ, окружавшихъ насъ, и подошедъ къ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому и къ отцу моему, выразилъ благодарность за это пособіе съ такимъ чувствомъ и въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ, что мой отецъ, старикъ Трощинскій и все наше общество прослезились.

Утромъ, въ день Троицына дня, отправлялись всѣ мы съ букетами цвѣтовъ въ церковь; возвратясь оттуда, находили уже столы, уставленные легкимъ, простымъ завтракомъ. Послѣ завтрака, чтобы укрыться отъ зноя и солнца, спѣшили всѣ къ рѣкѣ, въ темныя аллеи и въ прохладный павильонъ отца моего, и только по колокольчику сходились всѣ къ обѣду, который былъ всегда устроенъ въ большой залѣ оранжереи, окруженной группами цвѣтовъ, усыпанной свѣжею зеленою травой, и столбы которой, обыкновенно, увязывались роскошными дубовыми вѣтвями, представляя видъ живыхъ деревьевъ.

Послѣ обѣда и послѣ нѣкотораго отдыха, обыкновенно, устроивалось гулянье въ чу́дныхъ и разнообразныхъ окрестностяхъ нашей деревни. Туда заранѣе отсылались и ковры, и разные фрукты, и кислое молоко, и чай; мы же всѣ отправлялись, кто въ экипажахъ, кто верхомъ, кто въ лодкахъ.

Тамъ, на вершинѣ горы или на берегу рѣки, мы находили разосланные ковры, уставленные разными угощеніями, и толпы любопытнаго народа, стекавшагося со всѣхъ сторонъ, забавляя общество музыкой, пѣснями и плясками.

Тутъ мы оставались до поздняго вечера, то гуляя по рощамъ и лугамъ, то удя рыбу, и возвращались домой всегда водою, на лод-

кахъ, при звукахъ ѣхавшей вмѣстѣ съ нами музыки, при чу̀дномъ лунномъ сіяніи. Вышедъ на берегъ и поднявшись на гору, мы любовались издали нашимъ освѣщеннымъ домомъ съ открытыми окнами и съ залой, готовой для танцевъ. Здѣсь молодежь, обыкновенно, веселилась до свѣта. Такимъ образомъ проходили не только дни, но иногда и цѣлыя недѣли.

Въ 1813 году въ день этого праздника мы поражены были нечаянной радостью.

Мать моя обыкновенно отдыхала послѣ обѣда; мнѣ въ то время пришли сказать, что какая-то бѣдная женщина желаетъ ее видѣть. Я пошла сказать объ этомъ матери; мать вышла къ посѣтительницѣ и, посадивъ подлѣ себя на диванѣ, начала спрашивать, откуда она и что̀ ей нужно? Та отвѣчала, что она бѣдная, изъ Москвы, разоренная французами, проситъ помощи, и при этихъ словахъ засмѣялась; мама моя, испугавшись и полагая, что это какая-нибудь сумасшедшая, поспѣшно встала и хотѣла уйти, но та, схвативъ ее за руку и снявъ поспѣшно капишонъ салопа своего съ головы, остановила ее сказавъ: «другъ мой, Сашенька, неужели ты меня не узнаешь?»

Мать моя, узнавъ въ ней сестру свою Дарью Алексѣевну Державину, которую болѣе двадцати лѣтъ не видѣла, до такой степени обрадовалась, что съ нею сдѣлалось дурно. Тетка наша и мы всѣ не знали, что дѣлать и чѣмъ ей пособить; но скоро мать пришла въ себя и узнавъ, что и дядя нашъ Гавріилъ Романовичъ тоже пріѣхалъ и остановился на горѣ, въ экипажѣ съ племянницей своей П. Н. Львовой, мать моя, обнявъ дорогую сестру, въ сопровожденіи нашего отца и насъ всѣхъ, поспѣшила къ нему на встрѣчу.

Дядя и тетка чрезвычайно обласкали насъ; съ сестрой Прасковьей Николаевной мы въ минуту познакомились и скоро подружились. Пришедъ въ домъ, они поражены были чуднымъ мѣстоположеніемъ, представившимся ихъ глазамъ, и еще болѣе большимъ обществомъ, котораго вовсе не ожидали найти въ Обуховкѣ.

Для насъ въ особенности интересна была встрѣча Трощинскаго и Державина, двухъ сановниковъ царствованія Екатерины II, впрочемъ не совсѣмъ дружныхъ въ то время. Съ какимъ взаимнымъ уваженіемъ они раскланивались! Какъ величали другъ друга вашимъ высокопревосходительствомъ и не хотѣли сѣсть одинъ прежде другого! Эта сцена была поистинѣ замѣчательна.

Сначала въ ихъ отношеніяхъ была видна нѣкоторая холодность, но, проживъ нѣсколько дней вмѣстѣ, они, наконецъ, сошлись и подолгу непринужденно бесѣдовали другъ съ другомъ.

Дядя мой, Гавріилъ Романовичъ, былъ въ восхищеніи отъ Обуховки и нѣсколько разъ повторялъ, что онъ былъ бы счастливъ,

если бы могъ жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, по мнѣнію его, все дышетъ поэтическимъ вдохновеніемъ! Покрытый сѣдинами, Державинъ былъ чрезвычайно пріятной наружности, всегда веселъ и въ хорошемъ расположеніи духа; онъ обыкновенно припѣвалъ, или присвистывалъ что-нибудь, или адресовался стишками то къ птичкамъ, которыхъ было такъ много у моей матери, то къ собачкѣ своей «Тайкѣ», которую обыкновенно носилъ за пазухой. Онъ полюбилъ очень двухъ дѣвицъ, проживавшихъ у насъ, прехорошенькихъ собою, блондинку и брюнетку, съ которыми обыкновенно гулялъ подъ руку и много шутилъ.

Тетка наша была и въ то время еще хороша собою, большого роста, чрезвычайно стройна и, при величественномъ видѣ своемъ, имѣла много пріятности. Она меня очень полюбила, нѣсколько разъ уговаривала ѣхать съ нею въ Петербургъ и называла меня всегда «милой малороссіяночкой». Я всякое утро ходила съ нею на наше семейное кладбище, гдѣ былъ похороненъ прахъ ея отца. Тамъ, сѣвъ на скамью подъ тѣнь роскошнаго, покрытаго цвѣтами каштановаго дерева, она въ молчаніи восхищалась чудной далью и розовымъ небосклономъ при великолѣпномъ восходѣ солнца.

Меня несказанно удивляло въ ней то, что, не смотря на свою знатность и богатство, она, любя порядокъ, собственными руками мыла и гладила, когда нужно было, всѣ кружева, чепцы и шемизетки.

Кузина наша, Прасковья Николаевна Львова, была очень мила, хорошенькая брюнетка, удивительно какъ привлекательна и скромна. Проживя у насъ болѣе мѣсяца, они уѣхали, оставивъ по себѣ самыя пріятныя воспоминанія! Мы проводили ихъ за 70 верстъ къ дядѣ нашему Петру Васильевичу, откуда они черезъ Кіевъ отправились въ Петербургъ.

Сосѣдство Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, бывшаго посланника въ Испаніи, было для насъ очень пріятно. Онъ былъ человѣкъ образованный, говорилъ на всѣхъ языкахъ, любилъ музыку и самъ отлично пѣлъ, чрезвычайно привѣтливъ и любезенъ, считался вездѣ душею общества.

Но въ семействѣ онъ былъ и деспотиченъ, и несправедливъ къ своимъ старшимъ дѣтямъ, которые во всемъ нуждались и въ молчаніи должны были переносить тьму непріятностей. Не имѣя никакого состоянія, онъ былъ несказанно счастливъ, получивъ по наслѣдству отъ своего двоюроднаго брата, Апостола, имѣніе, состоявшее изъ 500 душъ въ Малороссіи. Это имѣніе, впрочемъ, вскорѣ было прожито. Въ то время возвратилась изъ Парижа его жена съ дѣтьми, которыя тамъ воспитывались: старшія двѣ дочери въ пансіонѣ, а сыновья: Матвѣй и Сергѣй въ политехнической школѣ.

Всѣ они въ то время почти не знали русскаго языка и только впослѣдствіи выучились ему. Старшія дочери были совершенныя красавицы, образованныя и съ талантами. Отецъ ихъ былъ друженъ съ моимъ отцомъ и часто со всѣмъ семействомъ пріѣзжалъ къ намъ.

Но умная и истинно достойная уваженія жена его не долго жила и вскорѣ, по возвращеніи своемъ изъ Парижа, умерла.

Такъ какъ въ то время, промотавъ имѣніе, Муравьевъ не имѣлъ чѣмъ жить съ семействомъ въ Петербургѣ, отецъ мой посовѣтовалъ ему ѣхать опять къ родственнику своему Апостолу въ Малороссію, что онъ исполнилъ, получивъ отъ него опять 500 душъ въ Малороссіи и имя Апостола.

Тогда, помѣстивъ старшихъ сыновей для окончанія наукъ въ учебныя заведенія и отдавъ старшую дочь свою замужъ за графа Ожаровскаго, Муравьевъ женился въ Москвѣ на Грушецкой, внучкѣ извѣстнаго Долгорукаго, и возвратился съ меньшими дѣтьми своими въ Малороссію. Вторая дочь его въ то время сдѣлана была фрейлиной и принята ко двору. Въ 1817 году старшіе сыновья его Матвѣй и Сергѣй были опредѣлены въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ.

Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій часто проживалъ у насъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и всѣхъ насъ любилъ, какъ близкихъ родныхъ, распоряжался иногда въ нашемъ домѣ совершенно какъ у себя, что, конечно, доказывало его искреннюю дружбу къ намъ. Помню, разъ въ жаркій лѣтній день ему показалось, что слишкомъ душно обѣдать въ столовой; онъ, не смотря на то, что столъ былъ уже накрытъ, сказалъ, что надо все перенести въ оранжерею, гдѣ была большая зала и гдѣ мы часто лѣтомъ обѣдали и, чтобы не утруждать слишкомъ прислугу, самъ, взявъ, что могъ въ руки, несъ въ оранжерею; конечно, и мы всѣ бросились слѣдовать его примѣру, перенеся все вмигъ; но въ оранжереѣ оказалось еще жарче, ибо солнце грѣло со всѣхъ сторонъ. Онъ прехладнокровно продолжалъ идти внизъ, къ рѣкѣ, мы всѣ слѣдовали за нимъ, неся въ рукахъ, что̀ только могли взять. Внизу самъ онъ выбралъ мѣсто, въ тѣни, близь павильона нашего отца, и въ нѣсколько минутъ столъ былъ накрытъ, кушанье поспѣшно снесли съ горы внизъ, и всѣ мы усѣлись обѣдать.

Но откуда ни возьмись — страшная гроза съ вихремъ и проливнымъ дождемъ; всѣ вскочили и бросились было бѣжать; но онъ, немного сконфуженный, остановилъ насъ, сказавъ, что начатое дѣло всегда надо оканчивать, не смотря ни на какія препятствія, и потому, схвативъ самъ, что̀ могъ, скорыми шагами понесъ въ павильонъ, мы за нимъ вслѣдъ, со смѣхомъ, потащили, кто посуду, кто скатерти, кто столы и въ минуту опять столъ былъ накрытъ въ павильонѣ, и тутъ уже мы спокойно кончили нашъ обѣдъ.

Такимъ образомъ онъ распоряжался у насъ, какъ бы у себя, и часто для бо̀льшаго порядка пряталъ въ карманѣ своемъ ключи отъ нашей купальни и отъ парома, единственно для того, чтобы все дѣлалось въ свое время.

Деревянный домъ его, въ Кибенцахъ, былъ въ два этажа; снаружи онъ не казался великолѣпенъ, но внутри былъ богато отдѣланъ; въ немъ было множество картинъ, фарфора, бронзы и мрамора; тутъ же у него была и коллекція чудныхъ золотыхъ монетъ и медалей.

Мы у него проживали часто по нѣскольку недѣль; но главный праздникъ тамъ былъ 26-го октября, въ день его имянинъ. Къ этому дню съѣзжались къ нему родные, друзья и знакомые изъ разныхъ губерній и въ особенности изъ Кіевской. Театръ, живыя картины, маскарады и разные сюрпризы, были приготовлены заранѣе къ этому дню зятемъ его, княземъ Хилковымъ, и дочерью, которая была такъ хороша, такъ мила и привлекательна, что сводила съ ума всѣхъ молодыхъ людей, а женщины всѣ искренно ее любили. Мужъ ея тоже былъ очень красивый, любезный и образованный молодой человѣкъ, любилъ очень своего тестя, стараясь всегда забавлять его, чѣмъ только могъ.

Такъ какъ старикъ очень любилъ малороссійскія пьесы, то ихъ сочинялъ и устроивалъ обыкновенно родственникъ племянника его, Гоголь, отецъ извѣстнаго Николая Васильевича Гоголя, котораго я знала мальчикомъ всегда серьезнымъ и до того задумчивымъ, что это чрезвычайно безпокоило его мать, съ которой мы всегда были очень дружны.

Помню его и молодымъ человѣкомъ, только-что вышедшимъ изъ Нѣжинскаго лицея. Онъ также былъ серьезенъ, но только съ болѣе наблюдательнымъ взглядомъ.

Ѣхавъ въ Петербургъ и прощаясь со мной, онъ удивилъ меня слѣдующими словами: «Прощайте, Софія Васильевна! Вы, конечно, или ничего обо мнѣ не услышите, или услышите что-нибудь весьма хорошее».

Эта самоувѣренность насъ удивила въ то время, какъ мы ничего особеннаго въ немъ не видѣли. Но, вѣроятно, у него было какое-то тайное предчувствіе, что имя его не останется въ безъизвѣстности. Незадолго до его смерти я напомнила ему его слова; онъ ничего не сказалъ мнѣ на это, но на глазахъ его показались слезы.

Сколько разъ случалось, что ко дню имянинъ Дмитрія Прокофьевича являлась какая-нибудь бѣдная старушка, родственница его, въ платочкѣ на головѣ и въ простомъ ситцевомъ платьѣ. Какъ ласково онъ ее принималъ и, усадивъ подлѣ себя, угощалъ за обѣдомъ! Это истинно трогательно было видѣть! Онъ никогда не скрывалъ своего происхожденія и часто разсказывалъ разные случаи

изъ своего дѣтства. Одинъ разъ, я помню, въ деревнѣ Яреськахъ, гдѣ онъ родился и гдѣ впослѣдствіи проводилъ всегда лѣто, сходя въ жаркій день къ водосвятію съ большой горы, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ и съ помощью двухъ лакеевъ, державшихъ и его, и зонтикъ надъ его головою, покрытой сѣдинами, онъ сказалъ: «здѣсь я помню себя мальчишкой семи лѣтъ, бѣгавшимъ по этой же дорогѣ и горѣ босымъ и въ одной рубашенкѣ».

Онъ, обыкновенно, до двѣнадцати часовъ утра занимался серьезными дѣлами въ своемъ кабинетѣ и принималъ посѣтителей; потомъ выходилъ къ завтраку въ гостиную, гдѣ ожидали его родные, и гости, и шуты, которыхъ было всегда нѣсколько въ домѣ и коихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы шутками его развеселять. Такъ какъ, обыкновенно, онъ бывалъ очень серьезенъ и задумчивъ, дочь его часто давала при насъ деньги которому-нибудь изъ шутовъ, чтобы онъ только былъ повеселѣе и усерднѣе забавлялъ старика. За обѣдомъ игралъ всегда оркестръ музыки, а послѣ обѣда и послѣ отдохновенія приготовлялась всегда партія въ шахматы, при которой старикъ любилъ присутствовать; въ это время пѣвчіе обыкновенно пѣли разныя пѣсни. Иногда онъ самъ заставлялъ ихъ пѣть извѣстную малороссійскую пѣсню «Чайку», которая аллегорически представляла Малороссію, какъ птицу, свившую гнѣздо свое близь дорогъ, окружавшихъ ее со всѣхъ сторонъ. Прекрасная музыка этой пѣсни, а болѣе еще значеніе словъ ея, до того были трогательны, что, слушая ее, почтенный старикъ Трощинскій часто закрывалъ лицо свое рукою и проливалъ слезы.

Къ шутамъ его присоединялись обыкновенно и такъ называемые тамъ шутодразнители, которые и пріѣзжали только для того, чтобы дразнить первыхъ и тѣмъ забавлять хозяина. Иногда выходили изъ этого пресмѣшныя сцены, отъ которыхъ старикъ бывалъ въ совершенномъ удовольствіи. У него былъ одинъ баронъ 105 лѣтъ, который танцовалъ съ разными антраша французскую кадриль, пѣлъ, и всегда былъ въ домѣ; его держали единственно для того, чтобы старикъ Трощинскій, видя его танцующимъ въ такія лѣта, не считалъ бы себя слишкомъ старымъ.

Въ числѣ шутовъ былъ и священникъ, отецъ Варѳоломей, разстриженный (какъ онъ всѣмъ говорилъ) за то, что онъ будто бы обвѣнчалъ кого-то вмѣсто вѣнцовъ бубликами. Вѣроятно, онъ выдумалъ это для большей забавы; вообще онъ былъ вовсе не глупъ и изъ хитрости представлялся дуракомъ, не умѣющимъ иногда даже сказать, когда спрашивалъ у него старикъ Трощинскій, сколько дней въ недѣлѣ.

Дмитрій Прокофьевичъ, привыкнувъ съ молодости, учившись сначала въ Кіевской бурсѣ, а потомъ служа въ канцеляріяхъ, къ шуму чтенія и разговоровъ, сохранилъ эту привычку и до старости, имѣя у себя всегда или чтецовъ, или сказальщиковъ; когда

приходила иногда очередь и отцу Вареоломею разсказывать ночью что-нибудь, то онъ съ пользой для себя употреблялъ этотъ случай, представляя иногда свое жалкое положеніе и, тронувъ старика, получалъ на другой день денежное пособіе, а иногда, сердясь на него за что-нибудь и говоря какъ бы о комъ другомъ, представлялъ его такимъ угрюмымъ, сердитымъ и капризнымъ вельможей, что старикъ легко могъ узнавать себя въ этой особѣ и на другой день, за завтракомъ, смѣясь, разсказывалъ намъ о хитрости отца Вареоломея, называя его при этомъ скотиной.

Чтобы дать вамъ понятіе о томъ, что позволялось дѣлать въ то время для того, чтобы забавлять старика, я разскажу вамъ слѣдующую сцену.

Я помню, какъ одинъ разъ такъ называемые шутодразнители, сдѣлавъ чучело въ видѣ отца Вареоломея, во весь ростъ, въ его рясѣ, совершенно съ его физіономіей и съ сѣдой бородой, повѣсили его на ближайшемъ деревѣ, близь балкона, предупредивъ, однако, объ этомъ Дмитрія Прокофьевича, который пришелъ и, усѣвшись на балконѣ, ожидалъ, улыбаясь, съ нетерпѣніемъ настоящаго отца Вареоломея, чтобы посмотрѣть, какое колѣнце онъ выкинетъ, увидя своего двойника.

Трудно представить себѣ страхъ и изумленіе несчастнаго Вареоломея, увидѣвшаго себя висѣвшимъ на деревѣ; перекрестясь, онъ сталъ на колѣни, съ поднятыми руками къ небу, искрививъ жалобно свою физіономію, сказалъ съ большимъ умиленіемъ: «Благодарю Господа, что это не я!» Я и теперь живо представляю себѣ довольную улыбку на лицѣ Дмитрія Прокофьевича и громкій смѣхъ всѣхъ окружавшихъ его! Такими-то шутками нужно было иногда развеселять задумчиваго, мрачнаго и почти всегда грустнаго старика Трощинскаго.

Онъ обожалъ свою дочь, и въ домѣ она дѣлала все, что̀ хотѣла; будучи обворожительной кокеткой, она въ то же время до того мучила своего мужа ревностью, что, наконецъ, они совсѣмъ разсорились, и князь, не смотря на любовь тестя и двухъ дѣтей, долженъ былъ разстаться съ ними и уѣхать изъ дому навсегда.

Въ 1813 году государь Александръ I призвалъ къ себѣ Трощинскаго и сдѣлалъ его министромъ юстиціи. Въ 1816 году скончалась въ Петербургѣ дочь его, оставивъ ему единственную внучку двѣнадцати лѣтъ, а въ слѣдующемъ году онъ опять попалъ въ немилость, какъ говорятъ, за прямодушіе свое и, вышедъ въ отставку, къ большой радости нашей возвратился въ Малороссію.

Тогда опять оживился нашъ край: праздники начались попрежнему; только въ семействѣ его была большая перемѣна. Вмѣсто дочери была при немъ внучка его, княжна Хилкова, тринадцати лѣтъ, которую онъ очень любилъ и которая, не смотря на лѣта

свои, оставаясь совершенно одна при немъ, развилась и начала жить слишкомъ рано.

Хотя она не была такъ хороша собой, какъ мать ея, но миловидностью, добротой сердца и необыкновенной граціозностью не менѣе матери сводила съума всѣхъ молодыхъ людей. При ней была въ то время очень хорошенькая гувернантка швейцарка m-lle Guené. Хозяйкой въ домѣ была тетка княжны, жена племянника старика Трощинскаго.

Племянникъ Д. П. Трощинскаго, А. А. Трощинскій, уже сорока лѣтъ женился въ Москвѣ на шестнадцатилѣтней дѣвицѣ Кудрявцевой. Она, едва вышедшая изъ пансіона, была въ то время совершеннымъ ребенкомъ. Хорошенькая собой, съ большими карими глазами, съ чудными густыми, черными рѣсницами, съ длинными густыми каштановаго цвѣта локонами по плечамъ, она казалась скорѣе дочерью его, чѣмъ женой.

Странно было видѣть, когда она прибѣгала, истинно какъ дитя, спрашивать у него позволенія идти гулять, или надѣть платье, какое она желала. Этотъ-то ребенокъ долженъ былъ въ то время играть роль хозяйки въ домѣ дяди своего, который ее очень любилъ и ласкалъ и за любовь котораго часто ссорились тетка съ племянницей. Вообще онѣ во всемъ завидовали другъ другу; но при немъ скрывали это и часто въ угодность ему танцовали вмѣстѣ въ богатыхъ костюмахъ русску пляскую (любимый его танецъ) и мастерски играли вмѣстѣ на театрѣ.

Обѣ онѣ очень меня любили; но впослѣдствіи я была болѣе дружна съ женой А. А. Трощинскаго, и эта дружба сохранилась у насъ до ея смерти; она умерла нѣсколько лѣтъ прежде своего стараго мужа.

Послѣ отъѣзда братьевъ моихъ въ Петербургъ, для опредѣленія на службу, отецъ мой былъ долженъ ѣхать на довольно долгое время вмѣстѣ съ сестрою моею въ Екатеринославскую губернію для раздѣла имѣнія племянницъ своихъ Верещагиныхъ. Тутъ осталась я совершенно одна съ матерью моей, которая, видя скуку мою, не смотря на наши занятія съ ней, и жалѣя меня, стала выѣзжать противъ обыкновенія довольно часто то къ роднымъ, то къ знакомымъ.

У Муравьевыхъ-Апостолъ мы проводили очень пріятно время. Онъ жилъ и роскошно, и вмѣстѣ съ тѣмъ просто; роскошь его состояла въ изящномъ столѣ. Онъ, какъ отличный гастрономъ, ничего не жалѣлъ для стола своего, за которымъ, чисто и франтовски одѣтый, дородный испанецъ maître d'hôtel ловко подносилъ блюда, предлагая лучшіе куски и объясняя изъ чего они состояли.

Но домъ его былъ не большой, на низкомъ и плоскомъ мѣстѣ, окруженный большимъ фруктовымъ садомъ. Большая гостиная

вмѣщала въ себѣ и кабинетъ, и обширную его библіотеку, и рояль, и разныя игры, и каминъ, вокругъ котораго усаживались, обыкновенно, и гости, и хозяева, бесѣдуя или читая, а большею частію слушая то чудное пѣніе самого хозяина, то его дуэты съ прекрасной дочерью. Меньшія его дочери меня очень любили и много разсказывали мнѣ о чужихъ краяхъ и о жизни ихъ въ Парижѣ.

Братья ихъ, Матвѣй Ивановичъ и Сергѣй Ивановичъ, поступили въ то время на службу, опредѣлясь въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Сергѣй Ивановичъ былъ любимцемъ отца и имѣлъ большое вліяніе на него. Такъ какъ старикъ былъ иногда не справедливъ къ другимъ дѣтямъ и вообще не любилъ ихъ послѣ второй своей женитьбы, то пріѣздъ въ домъ Сергѣя имѣлъ всегда благодѣтельныя послѣдствія.

Всѣ его обожали и не называли иначе, какъ «un génie bienfaisant»; онъ всегда все улаживалъ и всѣхъ примирялъ, давалъ хорошіе совѣты; меньшія сестры называли его вторымъ своимъ отцомъ.

С. Скалонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

(Литературная характеристика).

БУДУЩІЙ историкъ русской литературы, заговоривъ о Гончаровѣ, остановится, быть можетъ, въ нѣкоторомъ недоумѣніи передъ странною загадкой, какую представляетъ собою творчество этого писателя. Гончарову выпала на долю истинно завидная участь. Среди выдающихся русскихъ писателей второй половины XIX вѣка онъ положительно единственный, которому удалось пріобрѣсти одинаковую популярность во всѣхъ слояхъ нашей читающей публики. Всѣ наши первоклассные художники, на ряду съ которыми приводится обыкновенно и имя Гончарова, и Тургеневъ, и Достоевскій, и Толстой, вызывали въ обществѣ борьбу страстныхъ противорѣчивыхъ сужденій. Критика встрѣчала ихъ лучшія произведенія далеко не единодушной похвалой. Чѣмъ глубже была выраженная ими идея, чѣмъ шире и ярче выведенный ими типъ, тѣмъ сильнѣе поднимался раздраженный протестъ той партіи, того кружка, общественные идеалы которыхъ не совпадали ни съ этой идеей, ни съ этимъ типомъ. Не то было съ Гончаровымъ, этимъ истиннымъ баловнемъ русской публики. Первое его крупное произведеніе «Обыкновенная исторія» было встрѣчено 1847 г. единодушнымъ сочувствіемъ, и великій критикъ той эпохи Бѣлинскій привѣтствовалъ новаго романиста, какъ чуткаго выразителя внутренняго смысла русской жизни, съумѣвшаго въ немногихъ дѣйствующихъ лицахъ своего романа ярко обрисовать цѣлую картину тогдашняго общества. И это сочувствіе не измѣняло ему во все продолженіе его литературной карьеры. Гончаровъ былъ признанъ не только великимъ мастеромъ формы, обладающимъ кистью истиннаго художника, но

именно выразителемъ общественнаго склада и умственныхъ теченій, не смотря даже на то, что Гончаровъ оставался поразительно цѣльнымъ и однообразнымъ въ своемъ міросозерцаніи, а русское общество, которое онъ рисовалъ, прошло черезъ крутой, глубокій переломъ. И когда въ 1881 г. Гончаровъ, молчавшій уже болѣе десяти лѣтъ, напечаталъ свой очеркъ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» и, подводя итогъ своей писательской дѣятельности, призналъ за собою значеніе истолкователя русскаго общества въ три послѣдовательныя эпохи его развитія, ни одинъ голосъ не поднялся, чтобы оспаривать у него эту выдающуюся роль. Явленіе по истинѣ замѣчательное. Два послѣднихъ романа Гончарова, тѣ самые, которымъ онъ преимущественно обязанъ своей славой, «Обломовъ» и «Обрывъ» появились въ самый разгаръ нашего русскаго Sturm und Drang, стоятъ на двухъ противоположныхъ концахъ десятилѣтія внутреннихъ реформъ и горячей общественной борьбы. Гончаровъ, между тѣмъ, не только не явился поборникомъ новыхъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ, а идеализмъ и увлеченіе вообще совершенно чужды его темпераменту. Гончаровъ всегда былъ и оставался поэтомъ жизненной трезвости и прозы, если можно такъ выразиться. Въ то самое время, когда литература возвеличивала такъ называемыхъ новыхъ людей, искала новой правды, противопоставляя ее старинному укладу русской жизни, весь смыслъ творчества Гончарова сводится къ осмѣянію романтизма и въ частной жизни, и въ жизни общественной. Наклонность къ увлеченіямъ, къ сентиментализму, къ прекраснодушію, у него всегда неразрывно связана съ безсиліемъ воли, съ неспособностью къ дѣятельности... Героямъ этого типа онъ не то чтобы не сочувствовалъ—напротивъ затаенныя симпатіи его натуры быть можетъ на ихъ сторонѣ, но онъ неизмѣнно рисуетъ ихъ вялыми, неумѣлыми, спотыкающимися на каждомъ шагу, охотниками тѣшиться пустою болтовней, не приступая къ дѣлу, и потому нѣсколько смѣшными. И другіе наши писатели, какъ Тургеневъ и Герценъ, развѣнчивали своихъ героевъ, обличая ихъ неизлечимую слабость. Но поступая такъ, они все-таки видѣли въ нихъ лучшихъ людей, стоящихъ выше среды и неспособныхъ только передѣлать эту среду по своему, а вслѣдствіе того и побѣжденныхъ въ борьбѣ съ нею. Герои романовъ Гончарова, напротивъ, и Александръ въ «Обыкновенной Исторіи», и Обломовъ, и Райскій, являются неудачниками совсѣмъ не по винѣ среды, недоросшей до нихъ и неумѣющей ихъ понять, а вслѣдствіе собственной неумѣлости. Гончаровъ ихъ караетъ не за одинъ недостатокъ энергіи, а за полную непригодность ихъ мечтательнаго идеализма. Носители прогресса, по его понятію, вовсе не они, а ростъ его совершается въ самой этой средѣ, представители которой и притомъ совсѣмъ заурядные—Петръ Ивановичъ Адуевъ, Штольцъ, Тушинъ и бабушка оказы-

ваются побѣдителями въ жизни, потому что они умѣютъ приноровиться къ ея условіямъ, потому что въ нихъ есть практическій смыслъ, вышколенный опытомъ и основанный на традиціи. Чиновничья дѣловитость въ Петрѣ Ивановичѣ легко торжествуетъ надъ юношескою непрактичностью его племянника Александра, черствая сметка афериста Штольца надъ лѣнью Обломова, умѣлая рутина бабушки и неуклюжая практичность Тушина надъ увлеченіями Райскаго. И этотъ сухой, дѣловитый идеалъ, въ который укладывается и ловкость опытнаго бюрократа, и денежная изворотливость афериста-кулака и умѣлость хорошей хозяйки добраго стараго времени и даже грубоватое простодушіе Тушина, этотъ истинно мѣщанскій идеалъ могъ нравиться и увлекать въ такую эпоху, когда вся литература почти въ одинъ голосъ трубила о необходимости искать новыхъ путей и работать на пользу народа. Все движеніе шестидесятыхъ годовъ, не смотря на Базаровскую проповѣдь матеріализма, было въ сущности прямымъ наслѣдникомъ того идеализма романтики, съ которымъ оно силилось порвать. Какъ же объяснить ту странную популярность, какую въ подобное время съумѣлъ пріобрѣсти Гончаровъ? Какъ объяснить, что въ такую эпоху могли прослыть за идеалъ бюрократизмъ, кулачество и преданія крѣпостного времени, т. е. какъ разъ предметы глубочайшей ненависти этой эпохи?

Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ. Либеральныя симпатіи, которыми пользовался Гончаровъ, были очевидно лишь симпатіями по недоразумѣнію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно указать на одинъ примѣръ. Одна изъ героинь «Обыкновенной Исторіи», Наденька, предметъ перваго увлеченія Александра Адуева, сперва усердно кружитъ ему голову, а затѣмъ перестаетъ имъ интересоваться, познакомившись съ молодымъ графомъ, который плѣняетъ ея воображеніе ловкостью, изящными манерами и самоувѣренностью свѣтскаго франта. Разочарованіе, постигшее бѣднаго Александра, какъ видно самаго обыденнаго свойства. Робкій юноша, неопытный въ ухаживаніи, но за то пламенно обожающій свой предметъ, приносится въ жертву блестящему представителю большого свѣта, и поворотъ обусловливается въ чувствахъ молодой дѣвушки мотивами самаго зауряднаго свойства,—кокетствомъ и тщеславіемъ. Доискиваться въ этой исторіи болѣе глубокаго смысла, возводить ее на степень конфликта между слабою натурой и характеромъ сильнымъ не было очевидно никакой надобности. Не такъ поступили, однако, и самъ авторъ и его критикъ Бѣлинскій. Бѣлинскій, а вслѣдъ за нимъ много лѣтъ спустя и Гончаровъ, усмотрѣли въ несчастіи, постигшемъ Александра Адуева, нѣчто совсѣмъ иное. Побѣда, одержанная великосвѣтскимъ львомъ надъ скромнымъ, провинціальнымъ юношей превратилась въ торжество сильной натуры надъ романтичной безхарактерностью,

и измѣна легкомысленной дѣвочки въ сознательное предпочтеніе, оказанное ею болѣе крупной и сильной личности. Такъ посмотрѣлъ на дѣло Бѣлинскій, привѣтствовавшій торжество молодого графа, какъ побѣду новаго трезваго направленія надъ старымъ дряблымъ романтизмомъ. И когда самъ Гончаровъ написалъ комментаріи къ своему роману, онъ призналъ въ заурядной Наденькѣ представительницу новой русской дѣвушки, выросшей изъ-подъ родительской опеки и сознательно отдающей свое сердце лучшему человѣку.

Наденька, увѣряетъ насъ Гончаровъ, не только героиня отдѣльнаго разсказа, это русская дѣвушка въ широкомъ смыслѣ, дѣвушка, впервые стряхнувшая съ себя власть старинныхъ преданій и глупой сентиментальности. Въ лицѣ графа она увидѣла силу и отдалась ей, какъ впослѣдствіи Ольга перестала любить Обломова и отдалась Штольцу. Вотъ какимъ образомъ поступокъ, вызванный пустымъ тщеславіемъ, превращается въ смѣлый актъ самосознанія, и ловкости самоувѣреннаго франта придается характеръ какого-то нравственнаго превосходства. Развѣ можно это назвать иначе, какъ недоразумѣніемъ?

Но въ чемъ же кроется причина такого недоразумѣнія. Должна очевидно существовать какая-нибудь точка соприкосновенія между свойствами Гончаровскаго графа и требованіями, какія предъявляла прогрессивная критика Бѣлинскаго къ новымъ героямъ русскаго романа. И такая точка дѣйствительно существовала. Умъ Бѣлинскаго, какъ быть можетъ и цѣлое тогдашнее общество, находился подъ обаяніемъ того самаго идеала, котораго онъ не переставалъ безуспѣшно искать въ романтизмѣ, идеала мощной натуры, покоряющей себѣ женскія сердца и побѣдоносно выходящей изъ жизненной борьбы. За такое умѣніе побѣждать Бѣлинскій все готовъ былъ простить излюбленному герою, даже черствость сердца, даже отсутствіе высокихъ мотивовъ. Примѣръ такого поклоненія силѣ наша критика и прежде уже показала на Печоринѣ. Въ творчествѣ Гончарова она увидѣла первую удачную попытку создать, наконецъ, положительный типъ, сила котораго заключалась бы уже не въ одномъ нравственномъ превосходствѣ надъ средою, а въ умѣньѣ покорять эту среду. Всѣмъ успѣлъ надоѣсть Байроновскій герой, всегда замкнутый въ гордое сознаніе своего превосходства, но и всегда погибающій, непонятый никѣмъ. Однѣхъ нравственныхъ побѣдъ казалось недостаточно, требовались побѣды настоящія, осязательныя, хотя бы даже на мизерной почвѣ любовныхъ приключеній. И когда Гончаровъ сперва въ лицѣ Петра Ивановича и молодого графа, а позже въ лицѣ Штольца, показалъ, наконецъ, людей, знающихъ, чего они хотятъ, и умѣющихъ достигнуть цѣли,—всѣ привѣтствовали ихъ, забывая даже, что они

тѣмъ самымъ рукоплещутъ побѣдѣ сухого эгоизма надъ безкорыстнымъ увлеченіемъ честнаго, хотя бы и слабаго сердца.

Мною уже было замѣчено, что творчество Гончарова въ высшей степени цѣлостное, можно почти сказать, однообразное. Онъ самъ это сказалъ въ статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда», написанной имъ съ цѣлью дать ключъ къ внутреннему смыслу его произведеній. Рѣдко случается видѣть автора, подвергающаго свои собственныя произведенія критической оцѣнкѣ. Я постараюсь здѣсь воспользоваться этой самооцѣнкой Гончарова, чтобы вслѣдъ за нимъ проникнуть въ самую суть его идеи и убѣдиться въ томъ, вполнѣ ли соотвѣтствуетъ содержаніе его трехъ большихъ романовъ собственному его представленію о нихъ.

Въ трехъ своихъ большихъ романахъ Гончаровъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, онъ утверждаетъ самъ,—хотѣлъ изобразить картину русскаго общества въ трехъ послѣдовательныхъ стадіяхъ его развитія. Романы эти появлялись на свѣтъ чрезъ довольно продолжительные, почти десятилѣтніе промежутки. Въ первомъ изъ нихъ, въ «Обыкновенной исторіи» — я опять привожу отзывъ самого Гончарова — выведено на сцену поколѣніе, еще всецѣло охваченное духомъ сентиментальнаго романтизма; въ «Обломовѣ» нарисована картина глубокаго сна, объявшаго Россію; въ «Обрывѣ»— моментъ ея пробужденія. Насколько эти картины въ самомъ дѣлѣ вѣрно изображаютъ три историческія эпохи и насколько онѣ современны появленію соотвѣтствующихъ романовъ, это, конечно, вопросъ открытый безспорно. Мнѣ по крайней мѣрѣ сдается, что историческая послѣдовательность у Гончарова нѣсколько произвольная, что между періодомъ романтическаго возбужденія и эпохою реформъ трудно отыскать опредѣленный промежутокъ общественной дремоты, во-первыхъ потому что этотъ промежутокъ совпалъ бы какъ разъ съ сороковыми годами, умственной дремотой ужъ, конечно, не отличавшимися, а во-вторыхъ и въ особенности потому, что сонъ — если можно этимъ выраженіемъ охарактеризовать состояніе русскаго общества въ какую-нибудь эпоху,— какъ нельзя лучше уживался съ романтизмомъ. Но какъ бы то ни было, не въ этомъ главная суть творчества Гончарова. Романистъ не призванъ писать философію исторіи. Существенно для насъ то, — и въ этомъ, на мой взглядъ, заключается главная особенность манеры Гончарова — что во всѣхъ своихъ романахъ онъ выводитъ на сцену не просто людей, не индивидуальные характеры, даже не типы, а, если можно такъ выразиться, цѣлыя обобщенныя поколѣнія, что фигуры его, стало быть, не живыя, а символическія. И внимательно прочитавъ его романы, а вслѣдъ за ними и его самооцѣнку, не трудно въ этомъ убѣдиться. Что такое въ самомъ дѣлѣ Петръ Ивановичъ Адуевъ и его племянникъ? Живые люди, представители типическихъ характеровъ? Если характеръ лица

можетъ состоять изъ одной, всепоглощающей черты, если возростъ достаточенъ для опредѣленія типа, то можно, пожалуй, признать за таковые героевъ «Обыкновенной исторіи». Но въ иномъ, болѣе широкомъ, смыслѣ Александръ и его дядя не характеры и даже не типы, а простыя олицетворенія двухъ противоположныхъ взглядовъ на жизнь, обусловленныхъ отчасти ихъ возростомъ. Въ ихъ судьбѣ, въ ихъ взаимномъ столкновеніи, отличительныя свойства характера не играютъ никакой роли, да и, строго говоря, судьбы у нихъ нѣтъ никакой, нѣтъ, по крайней мѣрѣ, развитія ихъ взаимныхъ отношеній, нѣтъ дѣйствій и борьбы. Всѣ ихъ безчисленные разговоры ничто иное, какъ диспуты на тему: какъ слѣдуетъ смотрѣть на жизнь, восторженно довѣрчивыми глазами чувствительнаго юноши, или насмѣшливо черствымъ взглядомъ сухого и умнаго дѣльца? И всѣ невзгоды, черезъ которыя проходитъ Александръ, не болѣе, какъ примѣры и доказательства въ пользу тезиса дяди. Замѣчательно, между прочимъ, что носители лучшаго, прогрессивнаго начала, того, на чьей сторонѣ авторъ, у Гончарова почти всегда представители старшаго поколѣнія, каковы и Петръ Ивановичъ въ «Обыкновенной исторіи» и бабушка въ «Обрывѣ». Поистинѣ любопытно, что и это проглядѣли его либеральные цѣнители.

Перехожу къ двумъ послѣдующимъ романамъ, въ которыхъ и захватъ глубже и рисунокъ несравненно шире, чѣмъ въ «Обыкновенной исторіи». Нельзя отрицать, что и Обломовъ такой же обобщенный символическій типъ, какимъ былъ и Александръ Адуевъ. Въ своей извѣстной статьѣ «Что такое Обломовщина?» Добролюбовъ призналъ въ Обломовѣ олицетвореніе цѣлаго помѣщичьяго класса, выросшаго на почвѣ крѣпостного права. Обломовъ выражаетъ собою не только опредѣленное психологическое явленіе, болѣе или менѣе распространенное, но и общее свойство цѣлой общественной группы, естественный и притомъ неизбѣжный продуктъ соціальныхъ условій, жизни, сложившейся помимо личнаго труда. Русскій баринъ, привыкшій съ дѣтства къ услужливому раболѣпству крѣпостныхъ, не можетъ не стать Обломовымъ въ большей или меньшей степени, потому что привычка обращаться къ помощи чужого труда въ самыхъ мельчайшихъ отправленіяхъ жизни не можетъ не атрофировать въ немъ всякую личную иниціативу. И вотъ почему, съ точки зрѣнія Добролюбова, герои русскаго романа, начиная съ Евгенія Онѣгина, всѣ до единаго лишь видоизмѣненія одного и того же типа, непрерывающаяся династія Обломовыхъ. Неспособность дѣйствовать, безсиліе воли—ихъ общая родовая черта, нашедшая только въ Обломовѣ самое полное свое выраженіе. Таковъ взглядъ Добролюбова, и такова быть можетъ настоящая причина популярности Гончаровскаго романа, въ которомъ тогдашняя публика увидала яркое изобличеніе крѣпостныхъ

порядковъ. И конечно въ толкованіи Добролюбова содержалась доля истины. Но какъ всякое черезчуръ широкое обобщеніе, оно въ сущности не объясняетъ ничего. Одна и та же почва способна выращивать самыя различныя произведенія, но лопухъ и пшеница, репейникъ и роза, не становятся похожими другъ на друга, отъ того, что ростутъ въ перемежку. Къ одному и тому же классу могутъ принадлежать животныя самыя разнородныя, и чѣмъ общѣе у нихъ черта взаимнаго сходства, тѣмъ слабѣе она ихъ характеризуетъ. То же самое бываетъ и съ людьми. Тэнъ гдѣ-то сказалъ, что типы слѣдуютъ одни за другими какъ бы въ іерархическомъ порядкѣ, смотря по степени ихъ распространенности. Такъ европеецъ, насколько онъ можетъ быть названъ типомъ, представляетъ собою высшій порядокъ въ сравненіи съ типомъ національнымъ и въ свою очередь уступаетъ типу общечеловѣческому. Но едва ли это замѣчаніе можетъ вполнѣ примѣняться къ типу художественному. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ большее число людей обладаютъ какою-нибудь общею чертою, тѣмъ менѣе эта черта способна ихъ охарактеризовать. Литературный типъ могучъ не потому, что онъ обнимаетъ собою огромное число отдѣльныхъ личностей, а потому что онъ глубоко, ярко и пластично рисуетъ такую черту характера, которая является въ немъ господствующею и вслѣдствіе того опредѣляетъ его остальныя черты. Гамлетъ, Донъ-Кихотъ и Донъ-Жуанъ являются вѣчными и геніальными произведеніями творчества не потому, чтобы людей имъ подобныхъ можно было встрѣтить на каждомъ шагу, а оттого лишь, что они съ необыкновенною яркостію возсоздаютъ передъ нами извѣстный, быть можетъ, очень немногочисленный, разрядъ человѣческихъ личностей. И примѣняя это къ Гончаровскому Обломову, какъ понималъ его Добролюбовъ и повидимому самъ Гончаровъ тоже, нельзя не признать, что онъ служитъ лишь очень одностороннимъ представителемъ дореформеннаго, помѣстнаго дворянства. Странно было бы въ самомъ дѣлѣ подводить подъ мѣрку Обломова цѣлый многочисленный классъ въ то самое время, когда въ лицѣ мировыхъ посредниковъ онъ выставилъ столько энергичныхъ дѣятелей переустройства крестьянскаго быта и лишь нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ изъ его рядовъ вышло столько защитниковъ Севастополя. Да и самый тотъ, наиболѣе безобразный типъ помѣщика-рабовладѣльца, который дико бушевалъ въ крѣпостной средѣ, удовлетворяя самыя необузданныя страсти, типъ помѣщика-самодура и притѣснителя, мало походилъ на вялаго, но за то мягкаго, почти симпатичнаго, лѣнтяя Обломова. Въ сущности главную основу Обломовскаго характера, его безпечную лѣнь, можно бы отыскать и внѣ помѣстнаго сословія во всѣхъ классахъ русскаго общества. Чиновникъ, равнодушно тянущій служебную лямку, профессоръ, рутинно и вяло повторяющій въ сотый разъ ту же лекцію, мужикъ, броса-

ющій свою полосу и безпечно смотрящій, какъ валится его хата, это все тѣ же представители Обломовщины. Но и весь русскій народъ въ его совокупности было бы несправедливо обзывать этимъ именемъ. Геніальный его преобразователь, чья мощная фигура быть можетъ одно изъ самыхъ яркихъ выраженій личной воли, какое знаетъ цѣлая исторія человѣчества, и своими пороками и своей неудержимой энергіей едва ли не болѣе вѣрный представитель своего народа, чѣмъ безобидный и неподвижный герой Гончаровскаго романа. Народъ, который на первыхъ порахъ своего историческаго поприща, создалъ новгородскую повольницу, а потомъ изъ своихъ рядовъ выставилъ казачество, это среднее явленіе между разбойничьей шайкой и рыцарскимъ орденомъ, такой народъ въ Обломовы не годится.

И такъ, если мы въ характерѣ Обломова находимъ черту, отчасти свойственную дворянскому классу, а пожалуй и цѣлому русскому обществу, то черта эта даетъ намъ и о русскомъ дворянствѣ и о русскомъ народѣ въ совокупности лишь очень поверхностное, очень слабое представленіе. Но въ свою очередь черта эта такъ же мало, такъ же не совершенно обрисовываетъ самого Обломова, какъ индивидуальный характеръ. Человѣкъ, и какъ личность и какъ типъ, существо черезчуръ сложное въ своей жизненной организаціи, чтобы одна неповоротливая лѣнь могла возсоздать его съ достаточной полнотой. Она воспроизводитъ лишь одну его особенность, доведенную правда до уродливости, но недостаточную для схожести портрета, какъ недостаточна была бы уродливость физическая въ родѣ слишкомъ длиннаго носа или горба на спинѣ. При всемъ несомнѣнномъ мастерствѣ, съ какимъ нарисованъ Обломовъ, при всей талантливости, съ какой удалось Гончарову на всемъ пространствѣ длиннаго романа заинтересовать читателя судьбою лица, погрязшаго въ непробудный сонъ, Обломовъ представляется мнѣ лишь, какъ силуэтъ человѣка, которому не достаетъ выпуклости, чѣмъ-то въ родѣ ярко освѣщенной китайской тѣни. Намъ ясно видна только одна особенность его натуры, а всѣ прочія свойства его души, все, что дополняетъ его характеръ, остается недодѣланнымъ, точно это удачный набросокъ карикатуры, а не портретъ живого, цѣльнаго человѣка. И когда Гончарову понадобилось вывести Обломова изъ неподвижности, столкнуть съ кровати, на которой онъ лежитъ всю первую часть романа, для драматическаго конфликта ему пришлось вывести людей иного сорта, Ольгу и Штольца, вышедшихъ изъ той же среды, но совсѣмъ уже не похожихъ на Обломова. Видно среда эта не всѣхъ своихъ дѣтей создавала по тому же образцу. И здѣсь въ описаніи романа Обломова съ Ольгой онъ остался вѣренъ своему излюбленному контрасту между натурой мягкой и чувствительной, но неспособной къ дѣятельности, и характеромъ сильнымъ, но всецѣло

ушедшимъ въ сухое, практическое дѣло. Штольцъ, котораго Ольга предпочла Обломову, Штольцъ, этотъ русскій американецъ, съ самаго дѣтства предоставленный самому себѣ и оттого привыкшій себѣ прокладывать дорогу, это все тотъ же Петръ Ивановичъ Адуевъ, но уже болѣе молодой, съ усовершенствованными европейскими пріемами, это уже не просто чиновникъ, ловкостью и рутиной добивающійся генеральскаго званія, а бойкій аферистъ, расправляющій крылья и умѣющій отыскать новые пути къ обогащенію. Въ этомъ смыслѣ Штольцъ дѣйствительно типъ прогрессивный. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Гончаровъ какъ будто предугадалъ тотъ еще не сложившійся тогда классъ людей, который въ полномъ своемъ расцвѣтѣ появился въ концѣ шестидесятыхъ, желѣзнодорожныхъ строителей и банковыхъ дѣльцовъ, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотрѣвшихъ на казенную службу, потому что та же казна при умѣньи обращаться съ ней давала имъ на иномъ поприщѣ болѣе широкую наживу. И въ этомъ отношеніи нельзя не признать за Гончаровымъ что̀-то въ родѣ пророческаго дара. Но ликовать по поводу того, что на смѣну Обломовымъ придутъ Штольцы, едва ли представлялся особенный поводъ. И въ своемъ знаменитомъ очеркѣ Добролюбовъ какъ бы понималъ это, говоря, что Ольга, если она когда-нибудь разочаруется въ Штольцѣ, покинетъ и его и пойдетъ на встрѣчу къ тому человѣку, который откроетъ передъ нею поле безкорыстной общественной дѣятельности. Добролюбовъ ошибался лишь въ одномъ. Едва ли Ольга, которую онъ силился перетянуть въ прогрессивный лагерь, сухая резонерка Ольга, также хладнокровно пожертвовавшая любимымъ ею Обломовымъ, какъ Наденька пожертвовала Александромъ для блестящаго графа, едва ли Ольга захотѣла бы отдать себя на служеніе идеѣ, приносящей все, что̀ угодно, кромѣ богатства и комфорта.

Въ «Обрывѣ» рамки картины расширяются. Это уже не простой контрастъ между двумя полюсами русской натуры, какъ въ «Обыкновенной исторіи» и въ Обломовѣ», а попытка нарисовать картину русскаго общества въ эпоху его пробужденія, цѣлую галлерею портретовъ изъ этой эпохи, какъ выразился самъ Гончаровъ. Насколько эти портреты автору удались, насколько они въ самомъ дѣлѣ портреты, а не произвольныя созданія фантазіи, это уже другой вопросъ. Но фабула въ «Обрывѣ» несравненно многостороннѣе и живѣе, это уже настоящая жизнь съ ея борьбою и страданіями, а не простая отвлеченная дилемма, какую представляютъ собою Петръ Ивановичъ и Александръ, Обломовъ и Штольцъ. Но первый вопросъ, съ которымъ мы вправѣ обратиться къ Гончарову,—онъ самъ на то уполномочилъ читателя въ своемъ «Лучше поздно, чѣмъ никогда»,—это вопросъ о томъ, насколько «Обрывъ» въ самомъ дѣлѣ рисуетъ эпоху пробужденія, т. е. попросту говоря

шестидесятые года. Припомнимъ, что Гончаровъ смотритъ самъ на себя прежде всего, какъ на художника, что его творчество, стало быть, не плодъ рефлексіи, не дѣло ума, работавшаго на заданную себѣ тему, а непосредственный актъ возсозданія дѣйствительности. Между тѣмъ, меня здѣсь невольно беретъ сомнѣніе. «Обрывъ» былъ задуманъ двадцать три года до своего появленія въ свѣтъ, въ 1847 г., и понемногу наросталъ, пока за одно съ нимъ выростала жизнь и накопляла для автора впечатлѣнія. Но какимъ же образомъ романъ, задуманный въ концѣ сороковыхъ годовъ, можетъ содержать картину шестидесятыхъ, если только онъ въ самомъ дѣлѣ результатъ непосредственнаго творчества, а не фабула, нанизанная на готовую идею. Не отразилась ли на немъ медленность работы и разнородность эпохъ, откуда черпался матеріалъ? И мнѣ сдается, что въ «Обрывѣ» на самомъ дѣлѣ сталкиваются между собою люди и понятія, очень далеко отстоящіе другъ отъ друга по времени, тридцатые года, шестидесятые. Деревня, въ которую пріѣзжаетъ Райскій, городъ, стоящій рядомъ съ нею, это вполнѣ дореформенная Россія съ крѣпостнымъ правомъ и старыми учрежденіями, съ нетронутою плѣсенью досевастопольскаго времени. И Петербургъ, какъ рисуетъ его въ началѣ романа Гончаровъ, съ пуританской гостинной Софьи Николаевны Бѣловодовой, надъ которою какъ два цербера неподвижно и зорко наблюдаютъ ея тетушки, Петербургъ, гдѣ водятся такіе чиновники, какъ Аяновъ, и свѣтскія женщины не смѣютъ выглянуть на улицу или остаться съ глазу на глазъ съ мущиною, все это сильно отзывается тридцатыми годами, а въ шестидесятыхъ помнилось развѣ по преданію. И даже мелкія подробности, детали костюма, то обстоятельство, что въ своемъ путешествіи Райскій, какъ будто не встрѣчаетъ на пути ни желѣзной дороги, ни даже парохода, что на завтракъ у бабушки въ деревнѣ мѣстный провинціальный тузъ является во фракѣ съ орденами, развѣ это не тридцатые или по крайней мѣрѣ сороковые года? Мнѣ скажутъ, что все это мелочи, пустяки, на которые вниманія обращать не стоитъ, но вѣдь Гончаровъ писалъ не простой романъ, содержащій одни любовныя похожденія, какія могутъ происходить въ какое угодно время, а романъ бытовой, т. е. романъ, непремѣнно отмѣченный извѣстной, опредѣленный эпохой. А вѣдь, что такое бытъ, какъ не рядъ мелочей, который вѣдь нельзя произвольно набирать изъ разныхъ десятилѣтій. И не одна внѣшняя обстановка, сами понятія дѣйствующихъ лицъ, языкъ, которымъ они говорятъ, носятъ на себѣ отпечатокъ давно прошедшаго времени. Свѣтскій чиновникъ Аяновъ не бюрократъ шестидесятыхъ годовъ, бойко пишущій проекты на основанiи заграничныхъ образцовъ, а бюрократъ дореформенный, я чуть было не сказалъ, допотопный, мирно ведущій свое рутинное, неспѣшное дѣло! А Нилъ Андреевичъ, эта гроза цѣлой про-

винціи, этотъ оставной предсѣдатель какой-то палаты, осужденія котораго всѣ боялись, даже женщины, развѣ онъ возможенъ въ шестидесятыхъ годахъ? А Титъ Никонычъ съ своей вѣчной табакеркой и цвѣтнымъ фракомъ, шаркающій ножкой и сладенькій съ дамами, эта куколка изъ стариннаго фарфора, развѣ онъ не кажется въ романѣ остаткомъ давно минувшей эпохи, какъ среди фауны иныхъ странъ встрѣчаются запоздалые представители минувшихъ геологическихъ формацій. И какъ могутъ эти люди встрѣчаться съ Маркомъ Волоховымъ и Вѣрой иначе какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они сами были уже въ гробу, а тѣ лишь въ колыбели.

Но довольно объ этомъ. Перейдемъ къ главному лицу романа Райскому, этому прямому потомку Обломова, по словамъ самого Гончарова. Не смотря на то, что Райскій не отвлеченное, не аллегорическое лицо, какъ Обломовъ, что вся его натура передъ нами раскрыта, освѣщена со всѣхъ сторонъ, онъ вышелъ гораздо блѣднѣе своего предшественника. Произошло это кажется оттого, что авторъ не усвоилъ себѣ вполнѣ ясной и опредѣленной точки зрѣнія относительно своего героя. Если Илья Ильичъ Обломовъ олицетворяетъ непробудную спячку русскаго дворянства, то Борисъ Райскій предназначенъ собою выразить его пробужденіе, его порывъ къ дѣятельности, но въ то же время и роковую его неспособность отыскать такую дѣятельность или по крайней мѣрѣ довести до конца. И здѣсь Гончаровъ остался вѣренъ себѣ, т. е. вѣренъ своей привычкѣ иронизировать надъ идеализмомъ, видѣть въ немъ синонимъ безпомощности. Райскій не потому только не умѣетъ избрать себѣ цѣль жизни и, найдя, крѣпко ея держаться, что онъ происходитъ изъ дворянской среды и получилъ дворянское, т. е. въ сущности говоря дурное воспитаніе. Вѣдь бабушка Татьяна Марковна и Тушинъ тоже принадлежатъ къ дворянству и особенно блестящее воспитаніе врядъ ли получили, а они безхарактерностью и отсутствіемъ выдержки ужъ конечно не отличаются. Безпомощность Райскаго—и въ этомъ его существенное несходство съ Обломовымъ—черта индивидуальная. Онъ характеръ личный, а не символическій типъ, если только можно принять за характеръ ту совокупность несообразныхъ свойствъ и поступковъ, изъ которыхъ складывается жизнь Райскаго. Онъ неудачникъ, потому-что онъ диллетантъ, притомъ въ любви точно такъ же, какъ въ искусствѣ, а диллетантъ онъ оттого, что упорная работа ему ненавистна, и необыкновенно быстро охладѣваетъ зародившійся въ немъ пылъ. Эта ненавистъ къ труду, положимъ, черта Обломовская, но Райскій собственно не самый трудъ ненавидитъ—вся жизнь его вѣдь проходитъ въ неугомонномъ исканіи предметовъ для любви и для вдохновенія—ему претитъ скучная подготовительная работа и долгое сидѣніе за однимъ дѣломъ.

Онъ терпѣть не можетъ ни школы, ни выдержки, и все это въ немъ гораздо болѣе плодъ безпокойной мечтательности, чѣмъ Обломовской лѣни. По складу своей натуры Райскій очень близокъ къ къ Тургеневскимъ «лишнимъ людямъ» отъ Гамлета Щигровскаго уѣзда до Лаврецкаго включительно. Но что за разница въ пріемахъ обоихъ художниковъ! Тургеневъ совершенно ясно видитъ коренной недостатокъ своихъ героевъ, ихъ незнаніе жизни, этой науки всѣхъ наукъ, но онъ въ то же время любитъ ихъ, пламенно любитъ, какъ лучшихъ людей своего времени, и вы за одно съ нимъ чувствуете, что это дѣйствительно самые лучшіе люди, которымъ не достаетъ одного только,—практическаго умѣнія взяться за дѣло. А у Гончарова взглядъ на своего героя какъ будто двоится, онъ и любитъ его и надъ нимъ смѣется,—чего Тургеневъ не дѣлаетъ никогда,—выдаетъ его устами Вѣры за умнаго человѣка, а заставляетъ его не только дѣлать, но и говорить рядъ непозволительныхъ глупостей. Посудите сами.

Райскій въ обращеніи съ женщинами, которыхъ любитъ или скорѣе воображаетъ, что любитъ, то похожъ на робкаго мальчика, не рѣшающагося заговорить о своей страсти, то на ревниваго старика, уже недовѣрчиваго къ себѣ и своимъ силамъ. Такъ ведетъ онъ себя и съ Бѣловодовой, и съ Вѣрой, а между тѣмъ ему тридцать четыре года, т. е. онъ какъ разъ въ возростѣ жизненнаго опыта и увѣренности въ себѣ. Всю первую часть романа онъ увлекается своей кузиной Софьей Николаевной, читаетъ ей длиннѣйшія проповѣди о необходимости стряхнуть съ себя обузу условныхъ приличій и уваженія къ завѣтамъ предковъ, выйти изъ своей затхлой атмосферы на просторъ жизни и свободы. Но все это онъ проповѣдуетъ ей не какъ мужчина, который добивается любви женщины, потому что любитъ ее самъ, а какъ профессоръ, излагающій какую-то теорію свободной любви. И когда безконечная лекція оказываетъ свое дѣйствіе, но не въ примѣненіи къ самому профессору, когда въ холодной натурѣ Софьи разжигается слабый огонекъ склонности къ заѣзжему иностранцу, Райскій негодуетъ, приходитъ въ изступленіе, ревниво требуетъ отъ нея отчета, какъ будто онъ, несчастный, имѣетъ на нее какія-нибудь права, и жизнь не успѣла научить его, что такія права даетъ одна только любовь. Потомъ въ деревнѣ, куда онъ уѣхалъ набирать свѣжихъ впечатлѣній для своей кисти, повторяется то же. Сперва Райскій довольно-таки двусмысленно ухаживаетъ за Маѳинькой, поджидаетъ, не успѣетъ ли ея свѣжая невинность подогрѣть въ немъ чуть-чуть затеплившееся чувство, и все никакъ не можетъ довести себя до настоящей степени кипѣнія. Но вотъ пріѣзжаетъ Вѣра, гостившая въ сосѣдствѣ у попадьи, и Маѳинька позабыта, Райскій, не знавшій еще о возвращеніи старшей сестры, заходитъ случайно къ ней въ комнату, и тутъ же съ перваго мгновенія его охватываетъ новый

припадокъ диллетантской любви, и къ молодой дѣвушкѣ онъ немедленно предъявляетъ требованіе взаимности во имя того, что ея красота расшевелила въ немъ художническую жилку. И когда Вѣра даетъ ему не двусмысленно понять, что онъ ей надоѣдаетъ своей навязчивой страстью, Райскій не унимается. Онъ силится доказать ей, что она обязана придти къ нему на помощь, выказать сострадание къ его болѣзненной любви, точно онъ въ самомъ дѣлѣ неизлечимый больной, а она какая-то сестра милосердія. Либо она должна отвѣтить ему взаимностью, либо отнять у него всякую надежду, назвавъ ему человѣка, которому она отдала свое сердце. То онъ увѣряетъ и ее, и себя, что ему нужна одна ея дружба и во имя этой дружбы навязываетъ себя къ ней въ повѣренные, то онъ стережетъ ее, требуетъ, чтобы она позволяла ему читать свои письма, ведетъ съ ней книжнымъ, напыщеннымъ языкомъ длиннѣйшія разсужденія о правахъ, которыя будто бы даетъ ему страстное поклоненіе ея красотѣ. А когда, наконецъ, въ роковую минуту внутренней борьбы съ своимъ чувствомъ къ Марку Волохову она обращается къ Райскому за помощью, проситъ защитить ее отъ собственной слабости, бѣдный влюбленный теряетъ голову, въ отчаяніи ломаетъ руки и наивно спрашиваетъ у Вѣры, что можетъ онъ сдѣлать, чтобы спасти ее. Вмѣсто того, чтобы заключить ее въ свои объятія и выказать на дѣлѣ свою преданность любимой дѣвушкѣ, онъ лишь въ сотый разъ повторяетъ ей безплодныя увѣренія въ своей книжной любви. И нечего удивляться, что измученная дѣвушка, убѣдившись въ полномъ ничтожествѣ его мнимаго чувства, опрометью бѣжитъ на дно обрыва къ ожидавшему ее тамъ Марку Волохову...

Я бы никогда не кончилъ, еслибы захотѣлъ привести здѣсь всѣ примѣры по меньшей мѣрѣ страннаго поведенія Райскаго. Что сказать хотя бы о томъ, какъ онъ трусливо пасуетъ передъ Маркомъ, давая ему обирать себя, позволяя себѣ говорить въ лицо дерзости чуть не съ первой ихъ встрѣчи? Что сказать о букетѣ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ, брошенномъ въ окно Вѣры послѣ того, какъ онъ всю ночь прокараулилъ въ обрывѣ? И такъ онъ поступилъ съ дѣвушкой, которую онъ имѣлъ, положимъ, право ревновать, но оскорблять которую не рѣшился бы ни одинъ порядочный человѣкъ. А каково его поведеніе съ Полиной Карповной, которую онъ сперва, какъ истинный рыцарь, защитилъ отъ Нила Андреевича, но потомъ, когда она пришла къ нему въ садъ съ своими надоѣдливыми утѣшеніями, грубо оттолкнулъ, назвавъ ее гадиной? — по истинѣ рыцарскій поступокъ! Еще лучше обращеніе его съ женой его друга Козлова, къ которой онъ пришелъ, чтобы прочесть ей лекцію о супружеской вѣрности и все-таки кончилъ тѣмъ, что прибавилъ лишнюю измѣну къ безчисленному списку ея невѣрностей мужу. Впрочемъ, спѣшу оговориться. Въ сценѣ съ женой Козлова Райскій

единственный разъ въ теченіе всего романа поступилъ съ женщиной не такъ, какъ Гоголевскій Подколесинъ, не отретировался въ рѣшительную минуту, хоть и здѣсь, правда, онъ сталъ виновнымъ почти по принужденію.

Скажу теперь нѣсколько словъ объ остальныхъ лицахъ романа. На главной героинѣ «Обрыва», на Вѣрѣ, переходное время отразилось такъ же, какъ на Райскомъ, т. е. отразилось такъ же не полно и не рѣшительно. Говоря о ней, Гончаровъ какъ бы извинялся за то, что такая изящная дѣвушка, какъ Вѣра, дала себя увлечь Марку Волохову. Въ этомъ смыслѣ, говоритъ самъ авторъ, ему доводилось слышать многочисленные упреки себѣ. Этихъ извиненій я съ своей стороны несовсѣмъ понимаю. Вѣру окружаетъ такая коллекція ничтожныхъ или смѣшныхъ людей, за исключеніемъ, правда, бабушки, съ которой, однако, пылкая и своенравная дѣвушка не могла вѣдь чувствовать и мыслить за одно, что даже Маркъ Волоховъ, при всей своей вычурной грубости долженъ былъ ей показаться выдающимся и во всякомъ случаѣ свѣжимъ человѣкомъ. Прельстила ее, разумѣется, не самая эта вычурность—она была настолько умна, чтобы разгадать, сколько въ пріемахъ Марка было напускного, а та несомнѣнная своенравная сила, которая чувствовалась въ немъ, новизна его понятій и рѣчей, рѣзкихъ, но за то свободныхъ, съ которыми не могли идти въ сравненіе узкія понятія окружавшихъ ее людей, привыкшихъ думать по установленной мѣркѣ и гнуть спину даже передъ такимъ авторитетомъ, какъ Нилъ Андреевичъ, не могли идти въ сравненіе и надутыя тирады Райскаго. Вѣрѣ, которой прежде всего хотѣлось отстоять свою самостоятельность въ этой безличной средѣ, даже такой неказистый герой, какъ Маркъ, долженъ былъ показаться крупнымъ. Увлеченіе ея понятно, и упрекать за него Гончарова не приходилось. Въ горячую эпоху шестидесятыхъ годовъ такіе случаи встрѣчались сплошь и рядомъ, и самая Вѣра далеко не является особенно яркою представительницей передовыхъ дѣвушекъ того времени. Она въ концѣ концовъ вернулась изъ обрыва, хоть и не совсѣмъ благополучно, и раскаяніе въ совершенной винѣ у нея проявилось съ такою силою, что она спѣшитъ идти съ повинной головой признаваться въ своемъ грѣхѣ даже передъ такими людьми, какъ Райскій и Тушинъ, людьми не имѣвшими надъ нею ни права, ни власти. А когда одинъ изъ нихъ, честный, правда, но очень заурядный, Тушинъ, предлагаетъ ей спокойное пристанище въ своемъ домѣ, она съ радостью идетъ за этого, совсѣмъ нелюбимаго ею человѣка, готовая промѣнять мимолетную страсть на привольную и обезпеченную, но совсѣмъ безцвѣтную жизнь. Это ли не благоразуміе, правда, нѣсколько позднее? И если мы вспомнимъ, что ровно за десять лѣтъ передъ «Обрывомъ» Тургеневъ далъ русской литературѣ Елену въ «Наканунѣ», съумѣвшую до конца,

до гроба пойти за любимымъ человѣкомъ, нельзя будетъ за Вѣрой признать значеніе наиболѣе крупной и типичной героини эпохи пробужденія.

Вѣрѣ, пытавшейся стряхнуть иго условныхъ обязанностей, служитъ контрастомъ ея младшая сестра, Марѳинька, какъ Тушинъ противополагается Райскому и Марку. И робкая Марѳинька, и богатырь Тушинъ одинаково представляютъ собою законный порядокъ вещей, вѣрность преданіямъ и разумную положительность вкусовъ, всегда составлявшихъ неизмѣнный идеалъ Гончарова. Марѳинька въ обрывъ не пойдетъ даже съ безобиднымъ Райскимъ, а силачу Тушину никакіе обрывы не страшны, онъ всегда изъ нихъ выйдетъ невредимымъ, потому что звѣздъ съ неба онъ хватать не собирается, а свой не особенно далекій умъ прикладываетъ къ тому, чтобы съ буржуазною аккуратностью избѣгнуть ненужнаго риска. И въ судьбѣ Марѳиньки, которая даже замужемъ изъ повиновенія бабушкѣ не выйдетъ, Гончаровъ находитъ истинно прочное женское счастье, какъ Тушинъ призванъ доставить покой и убѣжище на время увлекшейся Вѣрѣ. Судьба обѣихъ сестеръ обезпечена вполнѣ, настолько обезпечена по крайней мѣрѣ, насколько полная чаша въ домѣ и невозмутимое спокойствіе въ супружествѣ залогъ вѣрнаго счастія.

Но самое полное и притомъ самое удачное воплощеніе Гончаровскаго идеала являетъ собою бабушка Татьяна Марковна. Я не стану искать въ ней, какъ дѣлаетъ это самъ авторъ, олицетвореніе цѣлой дореформенной Россіи: до такой колоссальной роли бабушка не доросла. Но она представляетъ собою нѣчто лучшее, чѣмъ любая аллегорическая фигура, хотя бы самая крупная по размѣрамъ. Она вполнѣ живое и правдивое лицо, на изображеніе котораго Гончаровъ потратилъ самыя яркія и притомъ самыя вѣрныя краски своей кисти. Рисуя въ ней представительницу крѣпостного быта, Гончаровъ съумѣлъ извлечь изъ этого быта все, что могъ отыскать въ немъ симпатичнаго, прочную домовитость, практическій опытъ, умѣнье внушать къ себѣ уваженіе, и глубокую, притомъ не робкую честность. Въ то же время онъ не попытался скрасить истину въ угоду полюбившейся ему Татьянѣ Марковнѣ. Бабушка всѣми своими привычками, симпатіями, убѣжденіями твердо вросла въ почву крѣпостного быта. Внѣ его условій жизнь ей даже просто непонятна.

При всей сердечной добротѣ своей она строга и взыскательна къ своимъ крѣпостнымъ людямъ и твердо увѣрена, что имѣетъ прирожденное право ими владѣть и управлять. На этомъ типѣ, какъ позднѣе въ своихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ «На родинѣ», Гончаровъ показалъ себя истиннымъ художникомъ, умѣющимъ спокойно и правдиво возсоздавать образы изъ живой дѣйствительности и находить въ самой непривлядной средѣ вполнѣ че-

ловѣчныя, примиряющія, мягкія черты. И въ теченіе всего романа симпатіи его, какъ и симпатіи читателя, остаются вѣрными Татьянѣ Марковнѣ, не смотря на то, что въ «Обрывѣ» представлена начинающаяся борьба между старой и новой Россіей, между отцами и дѣтьми, Гончаровъ становится безпристрастно между обѣими сторонами, воздавая должное каждой изъ нихъ. Онъ любитъ и Райскаго, и Вѣру, но предпочтеніе онъ отдаетъ Татьянѣ Марковнѣ. Въ ея твердой вѣрности старымъ обычаямъ, соединенной съ живымъ, здравымъ умомъ, онъ видитъ лучшій типъ русской женщины и сожалѣетъ, быть можетъ, что типу этому суждено исчезнуть. И здѣсь я не могу воздержаться отъ двухъ замѣчаній. Тотъ самый крѣпостной, деревенскій міръ, который въ «Обломовѣ» является намъ непробудно спящимъ и въ то же время сильно пошатнувшимся, готовымъ уже къ паденію, этотъ міръ съумѣлъ-таки выработать мощную и бодрую фигуру бабушки. Не была стало быть въ немъ, какъ полагаетъ Добролюбовъ, сплошная Обломовщина. Вѣдь не пробужденіе же шестидесятыхъ годовъ создало бабушку, напротивъ она является намъ, какъ рѣзкая противоположность новымъ людямъ, и все-таки преимущество энергіи и здраваго смысла на ея сторонѣ. И это обстоятельство меня наводитъ на другую мысль, которую я не могу здѣсь не высказать. Даже въ томъ изъ своихъ романовъ, который призванъ изображать вторженіе новыхъ идей въ стародавнюю русскую жизнь, Гончаровъ отдаетъ предпочтеніе не этимъ новымъ идеямъ. Да и въ самой прежней Россіи онъ цѣнитъ не идеальныя стремленія, не богатырскіе подвиги, а скромную прочность семейнаго очага, незатѣйливый умъ, вышколенный жизненнымъ опытомъ. При всей симпатичности бабушки нельзя не признать, что и здѣсь Гончаровъ остался вѣренъ своему всегдашнему идеалу, идеалу практической мудрости, доступной людямъ средняго разбора.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о Маркѣ Волоховѣ, этомъ единственномъ изъ дѣтищъ Гончарова, доставившемъ творцу своему много литературныхъ хлопотъ. За Марка Волохова часть критики посѣтовала на Гончарова, находя въ этой безпутной фигурѣ обвинительный актъ противъ молодого поколѣнія. За подобный грѣхъ въ то время казнили строго, и Гончаровъ былъ обязанъ лишь своей популярности тѣмъ, что дѣло обошлось немногими критическими замѣтками. Въ своемъ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» онъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы, рисуя Марка, онъ хотѣлъ написать сатиру на молодежь. Но позволительно думать, что это не было совершенно искреннее оправданіе. Такъ, немного ниже, Гончаровъ сознается, что Маркъ Волоховъ представляетъ собою типъ довольно распространенный среди тогдашней молодежи. Онъ говоритъ правда, что люди подобные Марку на короткое лишь время всплыли на поверхности русскаго общества

и очень скоро были выброшены имъ, какъ ни къ чему негодные бахвалы и наглецы. Незачѣмъ и говорить, что здѣсь Гончаровъ оказался плохимъ пророкомъ. Не въ этомъ однако дѣло. Теперь, когда движеніе шестидесятыхъ годовъ уже далеко за нами, можно уже вполнѣ спокойно, не рискуя никого обидѣть, спросить у себя, что такое былъ Маркъ Волоховъ и насколько онъ въ самомъ дѣлѣ годится въ представители тогдашней передовой молодежи.

Въ «Обрывѣ», строго говоря, даже не одинъ Маркъ Волоховъ, а цѣлыхъ два. Первый является передъ нами, какъ дѣйствующее лицо, второй подробно описанъ авторомъ въ самомъ концѣ романа. И надо признаться, что они другъ на друга несовсѣмъ похожи. Считая нужнымъ снабдить выведенную имъ личность Марка длиннымъ комментаріемъ, Гончаровъ, быть можетъ, находился подъ впечатлѣніемъ совѣтовъ, данныхъ ему литературными друзьями или что тоже бываетъ съ романистами, слишкомъ долго писавшими какое-либо произведеніе, его собственный взглядъ на Марка съ теченіемъ времени измѣнился. Тотъ Маркъ, котораго онъ подробно описалъ въ концѣ романа, въ самомъ дѣлѣ олицетворяетъ собою отрицательное направленіе шестидесятыхъ годовъ и является передъ нами, какъ родной братъ Тургеневскаго Базарова. Это отрицатель закоренѣлый, отрицатель по профессіи, если можно такъ выразиться, не признающій ни вѣры въ Бога, ни обязанности передъ людьми, сухой, озлобленный и мрачный. Само собою разумѣется, что онъ гораздо блѣднѣе своего прототипа Базарова, уже въ силу того, что простое описаніе характера по рельефности никогда не можетъ равняться художественному его возсозданію. Читая Гончаровскій комментарій, мы должны вѣрить автору на слово, мы не видимъ ни рѣзкой законченности Базарова, ни его мощнаго ума, ни въ особенности тѣхъ примиряющихъ чертъ, которыми въ «Отцахъ и дѣтяхъ» Базаровъ подкупаетъ въ свою пользу читателя. Но это еще не все. Тотъ Маркъ Волоховъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, совершенно также, какъ и самъ Базаровъ, отнюдь не можетъ служить представителемъ всей передовой молодежи шестидесятыхъ годовъ. Въ Базаровѣ, какъ и въ Волоховѣ, является передъ нами лишь одно изъ двухъ теченій, слившихся вмѣстѣ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. Въ самомъ дѣлѣ на ряду съ молодежью Базаровскаго склада, сухой, безжалостно рѣзкою, не признававшею ничего, кромѣ силы разума, существовала молодежь иного типа,—восторженная до наивности и всегда готовая принести себя въ жертву за свой идеалъ. И Тургеневъ потому имѣлъ право назвать свой романъ «Отцами и дѣтьми», что на ряду съ Базаровымъ онъ выставилъ мягкаго Аркадія. Ничего подобнаго мы въ «Обрывѣ» не видимъ. Маркъ Волоховъ стоитъ тамъ одиноко, и потому, быть можетъ, тогдашніе критики

Гончарова были несовсѣмъ не правы, жалуясь на то, что онъ наклеветалъ на современную молодежь.

Совсѣмъ не таковъ однако другой Маркъ, который въ романѣ живетъ и дѣйствуетъ. Этотъ Маркъ не типъ, даже не характеръ, а скорѣе темпераментъ, и въ этомъ качествѣ онъ нарисованъ необыкновенно ярко и бойко. Въ немъ нѣтъ и слѣда того мрачнаго отрицателя, портретъ котораго набросанъ Гончаровымъ съ явною цѣлью возстановить противъ него читателя. Онъ просто безпутный малый, сорви-голова, какихъ въ любомъ армейскомъ полку можно легче отыскать, чѣмъ въ рядахъ такъ называемыхъ нигилистовъ. Сосланъ онъ былъ по всей вѣроятности за какую-нибудь отчаянную шалость, а не за участіе въ политическомъ дѣлѣ. Онъ только прикидывается убѣжденнымъ соціалистомъ, онъ развѣ для краснаго словца, чтобы удивить барышню, съ которой познакомился случайно, щеголяетъ громкими фразами. На самомъ дѣлѣ онъ веселый шалунъ, отчасти смахивающій на шалопая, большой охотникъ поживится на счетъ чужихъ денегъ и подвернувшихся ему любовныхъ приключеній и не особенно щепетильный въ своихъ поступкахъ. Онъ проходитъ передъ нами въ цѣломъ рядѣ комическихъ сценъ, то сидящій верхомъ на заборѣ, то ворующій яблоки, то берущій у Райскаго деньги взаймы съ явнымъ намѣреніемъ ихъ не возвращать. Такіе люди въ заговорщики не годятся. И Маркъ вдобавокъ совсѣмъ не ожесточенная, не хищная натура. Въ его любви къ Вѣрѣ есть несомнѣнная искренность, это привязанность можетъ быть не глубокая, но сильная, овладѣвшая всѣмъ его существомъ, привязанность изъ-за которой въ концѣ концовъ онъ все-таки готовъ идти на жертву. И, право, Гончаровъ сдѣлалъ бы лучше, оставивъ насъ подъ впечатлѣніемъ этого Марка, не дорисовывая его посредствомъ ненужнаго комментарія. Онъ остался бы можетъ быть менѣе похожимъ на заправскаго нигилиста, но за то онъ вышелъ бы несравненно болѣе цѣльнымъ и живымъ.

Посмотримъ теперь, каковы отличительныя свойства таланта Гончарова, его положительныя и отрицательныя стороны, и какое мѣсто принадлежитъ ему въ ряду нашихъ крупныхъ литературныхъ дарованій. Съ Достоевскимъ и Толстымъ Гончарова сравнивать нельзя вовсе: между нимъ и этими двумя романистами нѣтъ даже точекъ соприкосновенія. Ему недостаетъ глубокой силы и задушевности Достоевскаго и поразительно тонкаго анализа Толстого. Гончаровъ по преимуществу художникъ внѣшнихъ, наружнихъ образовъ, онъ мало проникаетъ въ міръ внутреннихъ, психическихъ явленій.

Его дарованіе исключительно пластическое, онъ рисуетъ точно на полотнѣ, рисуетъ одною кистью, не проникая въ глубину души своихъ созданій. И въ этомъ отношеніи онъ ближе къ Тургеневу,

чѣмъ къ остальнымъ нашимъ художникамъ пера. Оба они предпочитаютъ возсоздавать внѣшнія проявленія натуры, чѣмъ докапываться до ея внутреннихъ пружинъ. Оба любятъ рисовать природу, оба наконецъ великіе мастера красокъ и великіе поклонники изящнаго. Но и между ними есть существенное различіе. Тургеневъ любилъ говорить, что онъ въ одинаковой мѣрѣ послѣдователь и Пушкина и Гоголя. Мнѣ сдается однако, что въ своемъ творчествѣ онъ слѣдовалъ примѣру обоихъ далеко не въ одинаковой степени, что по тонкости письма, по красотѣ образовъ и по сжатой выпуклости языка онъ гораздо болѣе ученикъ Пушкина, чѣмъ Гоголя. Въ развитіи таланта Гончарова, наоборотъ, Гоголь имѣлъ несравленно болѣе участія, чѣмъ Пушкинъ. Не говоря уже о прямыхъ слѣдахъ подражанія, какіе обнаруживаются въ «Обломовѣ», этомъ снимкѣ съ гоголевскаго Тентетникова, два свойства Гончарова прямо указываютъ на родство его съ Гоголемъ, любовь къ обобщенію и наклонность къ карикатурѣ. Гоголь совершенно также, какъ и Гончаровъ, любитъ придавать своимъ произведеніямъ символическій характеръ. Таковы и «Мертвыя души» и «Ревизоръ». Но если главныя дѣйствующія лица у Гончарова большею частію символическія, то второстепенныя за то въ высшей степени карикатурны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно указать на Полину Карповну и Тита Никоныча въ «Обрывѣ», гораздо болѣе напоминающихъ сатирическій листокъ, чѣмъ дѣйствительную жизнь.

Но этимъ не ограничивается сходство Гончарова съ Гоголемъ, сходство, въ которомъ онъ, впрочемъ—этого и доказывать не стоитъ—далеко отсталъ отъ своего учителя. По формѣ своихъ произведеній онъ тоже несравненно ближе къ автору «Мертвыхъ душъ», чѣмъ къ творцу «Онѣгина». Гончаровъ никогда не достигалъ той сжатой выпуклости образовъ, того поразительнаго чувства мѣры, благодаря которымъ Пушкинъ до сихъ поръ остается у насъ неподражаемымъ образцомъ. Ни тѣмъ, ни другимъ Гончаровъ не отличается. Описанія его сплошь и рядомъ расплывчаты, длинноты и ненужныя отступленія у него попадаются часто. На ряду съ картинами истинно поразительными по своей рельефности и красотѣ—вспомнимъ, напримѣръ, отъѣздъ Александра Адуева изъ деревни и первое его возвращеніе туда, описаніе вихря, налетѣвшаго на Адуевскую усадьбу, наконецъ, знаменитый сонъ Обломова, этотъ истинный перлъ Гончаровскаго творчества,—у него то и дѣло попадаются описанія черезчуръ растянутыя и притомъ одинаково въ рисовкѣ характеровъ и въ воспроизведеніи природы. Другими словами Гончаровъ зачастую перерисовываетъ, какъ тѣ художники, которые вмѣсто широкой бойкости письма, часто достигаемой однимъ ударомъ кисти, любятъ выдѣлывать детали, дополнять мелкими штрихами первоначальный образъ. Гончаровъ иногда такъ

долго возится съ полюбившейся ему фигурой, такъ густо накладываетъ краски, что ясность и отчетливость изображенія утрачивается. Таково, напримѣръ, безконечное описаніе дѣтства Райскаго, явно свидѣтельствующее о томъ, что Гончаровъ не справился съ своимъ героемъ, не смогъ его выставить передъ нами во весь ростъ, не прибѣгая къ длинной біографіи.

Таковъ въ самомъ началѣ «Обрыва» портретъ Аянова, только что выведеннаго передъ читателемъ и затѣмъ не играющаго въ романѣ никакой роли.

Техника Гончарова оказывается далеко несовершенною и въ самомъ построеніи его романовъ. Художественное произведеніе тогда только вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ вкуса, когда всѣ части его расположены гармонически. А этой гармоніи мы у Гончарова не видимъ. Самъ Обломовскій сонъ, при всей своей несомнѣнной прелести, представляетъ собою несоразмѣрно длинное отступленіе, крайне замедляющее разсказъ. Тоже повторилось съ исторіей дѣтства и молодости Райскаго и съ длиннымъ эпизодомъ, гдѣ является Бѣловодова, является для того, чтобы совершенно исчезнуть. Не странно ли, наконецъ, что главная героиня «Обрыва» Вѣра выступаетъ передъ нами на 343 страницѣ романа? И не доказываетъ ли это простое обстоятельство нагляднымъ образомъ, что Гончарову не доставало самого понятія архитектурной симметріи.

И такъ если внутренній психическій міръ всегда оставался болѣе или менѣе недоступнымъ для Гончарова, то и въ описаніи внѣшнихъ образовъ, этой сильной стороны его таланта, онъ обнаруживаетъ крайнюю неровность. И тѣмъ не менѣе въ высокомъ художественномъ талантѣ отказать ему нельзя, хотя позволительно было бы ожидать, что при медленности его работы этихъ несовершенствъ у него бы не встрѣчалось. Они искупаются однимъ лишь, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ даже выше прочихъ нашихъ художниковъ—умѣньемъ поразительно мѣтко схватывать одну какую-нибудь черту русской жизни и разрабатывать ее во всѣхъ подробностяхъ, доводить до такой образности, которая и по размѣрамъ, и по яркости созданной фигуры далеко оставляетъ за собою дѣйствительность.

Но психическая жизнь отдѣльныхъ лицъ и умѣнье набрасывать образы не исчерпываютъ собою все содержаніе художественныхъ произведеній. Крупному таланту предстоитъ еще одна задача, болѣе глубокая и существенная,—быть выразителемъ какой-нибудь идеи. И какова же была идея Гончарова? Въ чемъ внутренній смыслъ его трехъ романовъ, смыслъ общій имъ всѣмъ, такъ какъ все творчество Гончарова отмѣчено несомнѣнною цѣлостностью? Идея эта, придающая этому творчеству какъ бы затаенное сатирическое значеніе, ничто иное, какъ недовѣріе ко всякому увлеченію, ко всѣмъ порывамъ души, къ чему-либо вы-

сокому, дальнему, выходящему изъ предѣловъ обыденной жизни. Такое стремленіе у Гончарова всегда отмѣчено нѣкоторымъ комизмомъ, всегда обречено на безсиліе. Правы лишь тѣ, по его мнѣнію, которые вѣрно соразмѣряютъ свою задачу съ условіями общественнаго склада и съ данными отъ природы силами. Мудрыми или попросту разумными являются тѣ лишь, кто не забѣгаетъ впередъ, не ставитъ своего идеала слишкомъ высоко и, не увлекаясь ни романтическою чувствительностью, ни грезами о несбыточномъ прогрессѣ, остается либо на почвѣ прочныхъ старинныхъ преданій, какъ бабушка Татьяна Марковна, или, вѣрно угадывая свое время, пользуется данными условіями, какъ Петръ Ивановичъ и Штольцъ. Имя этому идеалу очень незатѣйливое,—это житейская мудрость, и если она годится для поэтическаго воспѣванія, то Гончаровъ вполнѣ заслужилъ быть признаннымъ ея наиболѣе талантливымъ поэтомъ.

К. Головинъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ СИЛУЭТЫ.

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій...

I.

Книга тридцать седьмая «Архива князя Воронцова» и семьдесятъ третій томъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» являются богатымъ историческимъ матеріаломъ для характеристики многихъ славныхъ дѣятелей въ первые три десятилѣтія текущаго вѣка. Оба изданія чрезвычайно удачно дополняютъ другъ друга, такъ какъ въ «Архивѣ» мы находимъ письма, отвѣты на которыя помѣщены въ «Сборникѣ» и обратно. Кромѣ того, въ началѣ «Сборника» мы находимъ біографію графа Арсенія Андреевича Закревскаго, составленную по личнымъ воспоминаніямъ его зятемъ, княземъ Д. В. Друцкимъ-Соколинскимъ, а въ «Архивѣ» также находимъ автобіографію князя Михаила Семеновича Воронцова, написанную частію на англійскомъ и частію на французскомъ языкахъ для сестры князя, леди Пемброкъ, и для его племянницы. Автобіографія доведена только до 1834 года.

Весь томъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» занятъ письмами, найденными въ бумагахъ графа Закревскаго, которыя писаны въ разное время лицами къ нему близкими, и въ свою очередь занимавшими высокіе государственные посты, какъ въ войскѣ, такъ и въ администраціи. Въ началѣ мы встрѣчаемъ письма князя Петра Михайловича Волконскаго къ Закревскому, въ періодъ между 1815 годомъ и 1852, а также и соотвѣт-

ственные этимъ письмамъ отвѣты самого Закревскаго. Далѣе идутъ письма Ермолова, захватывая время отъ 1812 года и до 1828. Къ этому же періоду относятся и 17-ть писемъ графа Ростопчина, а также письма графа М. С. Воронцова, отвѣты на которыя мы находимъ въ свою очередь въ «Архивѣ». Сборникъ кончается не менѣе интересными письмами партизана Давыдова съ 1815 и по 1831 годъ, и письмами Ивана Васильевича Сабанѣева.

Въ тридцать седьмой книгѣ «Архива князя Воронцова», мы находимъ большую переписку князя съ другомъ его, барономъ Николаи, затѣмъ цитированныя уже письма Закревскаго, изъ которыхъ многія крайне любопытнаго полемическаго характера по вопросамъ организаціи, вооруженія, обмундированія и обученія арміи того времени, затѣмъ письма гр. Мих. Сем. Воронцова къ отцу его, графу Семену Романовичу, и письма Каподистріи къ Воронцову, въ періодъ отъ 1815 года и по 1829 годъ. Послѣдніе два разряда писемъ касаются нашихъ политическихъ дѣлъ того времени и взятыя отдѣльно не могутъ служить съ особенной пользой для характеристики лицъ, которыя ихъ писали.

Пользуясь исключительно этимъ автобіографическимъ матеріаломъ, мы пробуемъ дать нѣсколько бѣглыхъ силуэтовъ дѣятелей того времени, стараясь, по возможности, ближе держаться указаннаго матеріала, который всего болѣе дорогъ потому, что здѣсь лица, въ тѣ времена значительныя и вліятельныя, являются нѣсколько на распашку и на себѣ самихъ, почти никогда того не замѣчая, отражаютъ всѣ главнѣйшія вѣянія той дѣятельной эпохи, когда съ вернувшимися изъ славнаго похода войсками проникли къ намъ приставшія, то къ складкамъ мундировъ, то къ кистямъ, простреленныхъ въ безчисленныхъ бояхъ, знаменъ, тѣ самыя идеи, противъ которыхъ, главныхъ образомъ, мы какъ будто бы и ополчались. Вмѣстѣ съ тѣмъ и благодаря тому же, на мѣстахъ вліятельныхъ стали генералы-юноши, упоенные быстрыми успѣхами, украшенные всевозможными русскими и иностранными орденами, несомнѣнно дѣятельные, умные и доброжелательные, но и такіе, которымъ вообще не легко дался переходъ отъ изумительно быстрыхъ боевыхъ карьеръ къ мирной и спокойной дѣятельности правителей не военныхъ.

Лежащія передъ нами письма, любопытны именно тѣмъ, что они хорошо оттѣняютъ этотъ критическій моментъ жизни молодыхъ и быстро шедшихъ по службѣ генераловъ, когда они почувствовали невольное замедленіе этой карьеры, которое само собою, силою вещей, было неизбѣжно. Для того, чтобы дать понятіе о быстротѣ служебныхъ успѣховъ нашихъ героевъ, мы приведемъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній.

Арсеній Андреевичъ Закревскій родился въ Тверской губерніи 13-го сентября 1786 года и воспитаніе получилъ въ Шкловскомъ

кадетскомъ корпусѣ, перемѣщенномъ потомъ въ Гродно. 19-го ноября 1802 года онъ былъ произведенъ въ прапорщики въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ. Черезъ шесть лѣтъ мы встрѣчаемъ его уже капитаномъ, вернувшимся въ Петербургъ послѣ смерти его начальника, графа Каменскаго 2-го. Въ 1810 году Закревскій маіоръ, въ 1812 — полковникъ, въ томъ же году — полковникъ гвардіи, съ зачисленіемъ въ Преображенскій полкъ и, наконецъ, 27-ми лѣтъ отъ роду, онъ получаетъ чинъ генералъ-маіора и званіе генералъ-адъютанта.

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ родился въ 1782 году, на службу поступилъ съ чиномъ поручика гвардіи въ 1801 году и уже черезъ девять лѣтъ былъ генералъ-маіоромъ, 29-ти лѣтъ отъ роду.

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій родился въ 1776 году и былъ по тогдашней модѣ записанъ вице-вахмистромъ, семи лѣтъ отъ роду—въ Конный полкъ, но на дѣйствительную службу вступилъ 15-ти лѣтъ и чинъ генералъ-маіора получилъ въ 1801 году, т. е. 25-ти лѣтъ отъ роду.

Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ, получившій образованіе въ Московскомъ университетѣ, служилъ долѣе, но уже въ 1812 году, при отступленіи Наполеона, былъ бригаднымъ командиромъ, а въ это время ему было всего только сорокъ лѣтъ, такъ какъ онъ родился въ 1772 году. Наконецъ, Денисъ Давыдовъ, хотя перешелъ границу полковникомъ въ 1813 году, но самая извѣстность его, какъ партизана, въ свою очередь стоила чина генеральскаго, а именно этой-то извѣстности онъ достигъ также на 28-мъ году своей жизни.

Присоединивъ къ этимъ именамъ имя Ермолова, судьба и карьера котораго болѣе извѣстна, мы можемъ сказать, что всѣ эти представители властной молодежи блестящаго царствованія императора Александра Перваго, по окончаніи войнъ наполеоновскихъ, болѣе или менѣе начали капризничать. Ранѣе другихъ закапризничалъ Воронцовъ, послѣ возвращенія его корпуса изъ-за границы, въ 1818 году, затѣмъ началъ жаловаться на судьбу Волконскій, которому, въ самомъ дѣлѣ, приходилось жить вдали отъ семьи и близкихъ, при постоянномъ сопровожденіи государя, который дѣйствительно всю жизнь провелъ въ дорогѣ. Во время скучнаго пребыванія въ Лайбахѣ, эти жалобы принимаютъ самые горькіе оттѣнки и выраженія. Денисъ Давыдовъ совершенно удалился отъ дѣлъ, послѣ окончанія войны, потерпѣвъ опалу за дерзкое занятіе Дрездена, вопреки приказанію главнокомандующаго, и жилъ въ состояніи вѣчной фронды все время между персидской кампаніей и польскимъ возстаніемъ, въ которыхъ онъ опять принималъ участіе и опять остался недоволенъ. Ермоловъ былъ обиженъ дѣйствительно и политически умеръ въ 1828 году.

Закревскій хотя и сталъ финляндскимъ графомъ, но послѣ неудачныхъ распоряженій для борьбы съ холерою, впервые тогда посѣтившей нашу столицу, былъ уволенъ отъ службы и семьнадцать лѣтъ провелъ въ отставкѣ, причемъ десять лѣтъ безвыѣздно жилъ въ своихъ имѣніяхъ. Сабанѣевъ умеръ въ 1829 году, но и онъ, передъ своею долгой и мучительной болѣзнью, также находился въ опозиціи. Еще общая черта у всѣхъ этихъ дѣятелей: всѣ они, искренно и нелицемѣрно ненавидѣли Аракчеева и въ выраженіяхъ о немъ не стѣснялись.

II.

Основной точкой отправленія карьеры Закревскаго было личное знакомство его съ шефомъ Архангелогородскаго полка, молодымъ графомъ Николаемъ Михайловичемъ Каменскимъ 2-мъ. Знакомство это было чисто боевое, такъ какъ во время несчастнаго для насъ Аустерлицкаго боя, подпоручикъ Закревскій выказалъ замѣчательное хладнокровіе и распорядительность въ тотъ моментъ, когда полкъ нѣсколько замѣшался. Тогда же Каменскій назначилъ его батальоннымъ, а вскорѣ и полковымъ адъютантомъ. Затѣмъ, когда графъ Каменскій былъ произведенъ въ бригадные генералы, то онъ взялъ Закревскаго къ себѣ въ личные адъютанты, и въ этомъ званіи онъ состоялъ при молодомъ графѣ какъ въ Финляндскую кампанію 1808—1809 годовъ, такъ и сопровождалъ его въ Молдавію, гдѣ какая-то таинственная болѣзнь, а можетъ быть и отрава, свела столь много обѣщавшаго военачальника въ преждевременную могилу. Этого же начальника своего и друга Закревскій сопровождалъ въ Одессу, гдѣ послѣдній почти тотчасъ же по прибытіи и умеръ, оставивъ, однако, завѣщаніе, которымъ отказалъ своему адъютанту значительную сумму денегъ, а также и имѣніе въ триста душъ. Вотъ это-то завѣщаніе чуть было не сгубило всей службы Закревскаго, такъ какъ вслѣдъ за смертію Каменскаго 2-го поступилъ доносъ къ коменданту города Одессы отъ штабсъ-капитана Храбраго, также бывшаго адъютанта покойнаго главнокомандующаго, на то, что завѣщаніе фальшиво и написано самимъ Закревскимъ въ то время, когда графъ уже былъ безъ памяти и сознанія. Надо еще замѣтить, что съ родней графа Каменскаго, т. е. съ его матерью и особенно съ братомъ Сергѣемъ, котораго Закревскій въ письмахъ къ друзьямъ называлъ не иначе, какъ «сераскиромъ», онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ. Замѣчу также, что въ біографіи Закревскаго, написанной княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ, ничего объ послѣднемъ обстоятельствѣ не говорится, но за то всѣ относящіеся сюда документы мы находимъ въ «Архивѣ». Дѣло, повидимому, происходило такъ, что генералъ Кобле, комендантъ Одессы, испугался доноса Храбраго и опечаталъ всѣ частныя и

казенныя бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго главнокомандующаго на рукахъ у Закревскаго. За это онъ получилъ выговоръ отъ замѣнившаго Каменскаго—Кутузова.

«Вы требуете, чтобы я прислалъ кого-либо изъ моихъ адъютантовъ въ посредство къ разобранію бумагъ,—пишетъ Кутузовъ генералу Кобле,—то на сіе вамъ скажу, что разбирать бумаги какъ казенныя, такъ и партикулярныя, оставшіяся по смерти его сіятельства, никто права не имѣетъ... Спрашивать же меня, не остается ли на покойномъ графѣ какой отвѣтственности по сдачѣ арміи, вы права никакого не имѣете и входить въ сіе дѣло не можете, ибо сіе уже есть не ваше, а мое дѣло».

Въ рапортѣ же государю, говоря о томъ, что, по доносу Храбраго, комендантъ Одессы приступилъ къ описи имущества и бумагъ покойнаго, Кутузовъ поясняетъ:

«А изъ послѣдствія вышло, что Храбрый, движимый личностью противу сихъ офицеровъ, какъ замѣтно по тому случаю, что не былъ вмѣщенъ въ извѣстную духовную покойнаго, подалъ противъ нихъ доносъ оказавшійся неуважительнымъ».

Графъ Сергѣй Каменскій 1-й также написалъ довольно обидное письмо Закревскому, въ которомъ укоряетъ его, что онъ чужимъ писалъ о болѣзни брата, а его забывалъ о томъ увѣдомить:

«Знатно, по вашему мнѣнію, вы полагаете меня не изъ ближнихъ родственниковъ и друзей его».

Обѣщая жаловаться на все это государю, Каменскій заканчиваетъ письмо слѣдующей фразой:

«Я оставляю времени къ удостовѣренію, что я не премину отдать должное должному, и что я пребываю навсегда готовый къ вашимъ услугамъ».

Въ отвѣтъ на это Закревскій написалъ очень умѣренное письмо, въ которомъ только звучатъ ироніей слѣдующія слова:

«Ваше сіятельство заключить изволите, что я какъ бы полагалъ васъ не изъ близкихъ родственниковъ и друзей его: то могла ли когда-либо подобная мысль родиться послѣ тѣхъ убѣжденій и доказательствъ, которыя я имѣлъ и былъ личнымъ свидѣтелемъ дружеской связи и общей довѣренности вашего сіятельства съ покойнымъ графомъ Николаемъ Михайловичемъ?»

Это письмо не помѣшало самому Закревскому сообщить Воронцову, что при свиданіи съ военнымъ министромъ, у котораго Закревскій разсчитывалъ быть адъютантомъ, онъ: «говорилъ откровенно на счетъ «сераскира», и долгомъ себѣ поставилъ описать его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть».

Можно себѣ представить какой это былъ видъ, особенно когда Закревскій уже тогда догадывался, что ему достанутся завѣщанныя 12 тысячъ ассигнаціями, но имѣнія онъ никогда не получитъ. Съ такимъ же удовольствіемъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ,

когда невзгоды, постигшія именно въ это время молодого честолюбца, уже прошли, и онъ состоялъ адъютантомъ у военнаго министра, онъ пишетъ Воронцову же:

«Мерзавца Храбраго отсель на другой день повезъ фельдъегерь въ полкъ, и военный министръ крѣпко его ругалъ».

Не имѣя почти никакихъ средствъ для существованія въ обстановкѣ гвардейскаго штабъ-офицера, Закревскій, конечно, много обязанъ завѣщанному ему капиталу графомъ Каменскимъ, который помогъ ему перебиться въ Петербургѣ въ тѣ тяжелые мѣсяцы, когда шло дѣло о доносѣ Храбраго въ высшихъ сферахъ, и видимо обвиненный и оклеветанный маіоръ еще не зналъ какъ-то онъ изъ этого дѣла вывернется. Но онъ вывернулся и навсегда, конечно, сохранилъ глубокую и дѣятельную благодарность къ своему первому благодѣтелю и начальнику. Въ этихъ видахъ онъ уже въ значительно позднѣйшіе годы горячо полемизировалъ съ Воронцовымъ, обвинявшимъ покойнаго графа въ жестокомъ обращеніи съ солдатами, которыхъ онъ будто бы за неудачныя дѣйствія наказывалъ, гоняя сквозь строй. Закревскій постоянно говорилъ только хорошее о Каменскомъ и увѣрялъ всегда, что Наполеонъ считалъ графа Каменскаго 2-го геніальнѣйшимъ и даровитѣйшимъ изъ учениковъ Суворова, о чемъ постоянно говорилъ какъ во время Тильзитскаго свиданія, такъ и впослѣдствіи въ Парижѣ, послѣ шведскаго похода Каменскаго. Онъ же утверждаетъ, что Каменскій былъ отравленъ женой французскаго консула въ Букарестѣ при помощи поданной ему чашки чая. Черезъ десять минутъ послѣ того, какъ эта чашка чая была выпита, Каменскій почувствовалъ себя дурно и уже не могъ оправиться до того, что черезъ нѣсколько дней сдалъ Кутузову командованіе арміей, а самъ едва живой поѣхалъ въ Одессу, гдѣ и умеръ.

Какъ на характерную черту времени надо еще указать на сообщеніе Закревскаго, что передъ походомъ въ Молдавію Николай Михайловичъ заѣхалъ проститься къ отцу въ имѣніе и тотъ приказалъ молодому главнокомандующему обойти деревню и собственноручно переписать подворно своихъ крестьянъ. Каменскій повиновался, обошелъ съ своимъ неизмѣннымъ адъютантомъ избы крѣпостныхъ крестьянъ своего требовательнаго родителя, всѣхъ лично самъ опросилъ и переписалъ данныя ими показанія. Конечно, иначе относился Закревскій къ Сергѣю Каменскому.

Съ поступленіемъ въ адъютанты къ военному министру, и недовольный тѣмъ, что въ дѣлѣ о наслѣдованіи послѣ графа Николая Каменскаго завѣщанными ему душами онъ получилъ отказъ, Закревскій могъ вредить своему врагу «сераскиру» и, дѣйствительно, въ письмахъ къ Воронцову мы находимъ слѣдующія, напримѣръ, строки:

«Поздравляю васъ командиромъ свободной гренадерской диви-

зіи, но весьма жалѣю, что сераскиръ вашъ корпусный начальникъ. Допеките его такъ, чтобы Багратіонъ хотя строку написалъ объ немъ министру; тогда его тотчасъ спихнутъ съ мѣста».

Или въ другомъ письмѣ:

«Не оставляйте почаще увѣдомлять о чудесахъ сераскира, дабы мы могли взять свои мѣры въ отправленіи его на успокоеніе».

Дальнѣйшую карьеру молодой Закревскій дѣлалъ рядомъ съ Барклаемъ, который взялъ, послѣ нѣкотораго колебанія, молодого полковника въ адъютанты. Начинался 1812 годъ. Барклай поѣхалъ командовать западной арміей и его адъютанту досталось на долю сообщить государю Александру Павловичу о переходѣ полчищъ Наполеона черезъ Нѣманъ. Конечно, Закревскій участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ при нашемъ отступленіи къ Москвѣ, а также находился въ день Бородина рядомъ съ Барклаемъ, который, какъ извѣстно, искалъ въ этотъ день честной смерти и подвергался тысячамъ опасностей. Но нельзя сказать, судя по письмамъ, сохраненнымъ намъ «Архивомъ князя Воронцова», чтобы близость къ главнокомандующему дѣлала его адъютанта нечувствительнымъ къ той молвѣ и говору, который и заставилъ императора Александра смѣнить Барклая и назначить на его мѣсто стараго Кутузова. Вотъ характерныя въ этомъ направленіи выписки:

«Сколько ни уговаривали нашего министра, чтобы не оставлялъ города (Смоленска), онъ никакъ не слушаетъ и сегодня ночью оставляетъ городъ... Теперь мы не русскіе, оставляемъ городъ старый. Нѣтъ, министръ нашъ не полководецъ; онъ не можетъ командовать русскими, а мы не можемъ показаться нигдѣ».

Это писано 5-го августа 1812 года. На слѣдующій же день Закревскій пишетъ Воронцову еще рѣзче и рѣшительнѣе:

«Хладнокровіе и безпечность нашего министра я ни къ чему иному не могу приписать, какъ совершенной измѣнѣ (это сказано между нами); ибо внушеніе Вольцогена не можетъ быть полезно... Когда были эти времена, что мы кидали старинные города? Я, къ сожалѣнію, долженъ вамъ сказать, что мы, кажется, тянемся къ Москвѣ, но, между тѣмъ, увѣренъ, что министра смѣнятъ прежде, нежели онъ туда дойдетъ. Его не иначе должно смѣнить, какъ съ наказаніемъ примѣрнымъ. Государь хотѣлъ ѣхать въ Нарву и Ригу. Будьте здоровы, но веселымъ быть не отъ чего. Я не могу смотрѣть безъ слезъ на жителей, съ воплемъ идущихъ за нами, съ малолѣтними дѣтьми, кинувшими свою родину и имущество. Городъ весь горитъ. Въ грусти весь вашъ А. З.».

Послѣ Бородинскаго боя, молодой патріотъ и воинъ перемѣнилъ, однако, свое мнѣніе объ измѣнѣ Барклая-де-Толли и, будучи командированъ сопровождать его во Владиміръ, гдѣ ему позволено было отдохнуть отъ пережитыхъ волненій въ своемъ имѣніи, Закревскій, на одной изъ станцій, гдѣ взбунтовавшійся народъ тре-

бовалъ выдачи измѣнника, выхватилъ саблю и прямымъ натискомъ проложилъ дорогу своему начальнику до ожидавшей его кареты.

Въ это же время, онъ уже вотъ какъ писалъ о Кутузовѣ:

«Вамъ уже извѣстно, что Кутузовъ фельдмаршалъ и получилъ 100 тысячъ рублей. Фельдмаршалскій чинъ, я думаю, ему дали за то, что онъ оставилъ матушку Москву и теперь стоитъ съ арміями въ селѣ Красномъ на рѣкѣ Пахрѣ и не знаетъ, что̀ дѣлать и что̀ предпринять. Вотъ каковъ молодецъ! И его совѣтникъ Бенигсенъ такой же мямля и баба, какъ и самъ фельдмаршалъ. Не посылаютъ даже тревожить непріятеля легкими нашими войсками, которыя почти стоятъ безъ дѣйствія, а послали часть казаковъ, дабы Россію хорошенько пограбить. Безпорядки преужасные и никто не знаетъ, что̀ дѣлать».

Далѣе читаемъ въ томъ же письмѣ:

«Признаться вамъ долженъ, любезный графъ, что видя на каждомъ шагу безпечность и глупыя распоряженія, клонящіяся къ пагубѣ нашего отечества, заставляютъ скинуть военный мундиръ и оставить вовсе службу, которая была для меня столь священна. Впрочемъ, надо надѣяться, что Кутузова скоро смѣнятъ, но кто будетъ командовать арміями еще неизвѣстно».

Письмо это характерно въ томъ отношеніи, что оно содержитъ въ себѣ извѣстіе о посланной Барклаемъ къ государю троекратной просьбѣ объ увольненіи его изъ арміи, и объ отставкѣ. Понятно, что если падалъ генералъ, то прицѣпившійся къ нему адъютантъ также долженъ былъ подумывать о своемъ спасеніи.

Счастливая звѣзда Закревскаго сама позаботилась о своемъ любимцѣ. Посланный Барклаемъ изъ его Владимірскаго имѣнія съ письмомъ къ государю, Закревскій опять напомнилъ послѣднему о себѣ и, милостиво принятый, былъ пожалованъ во флигель-адъютанты. А затѣмъ наступилъ 1813-й годъ, когда послѣ смерти Кутузова въ Бунцлоу, Барклаю-де-Толли было возвращено командованіе русскими войсками, дѣйствовавшими противъ Наполеона уже на половину побѣжденаго. Въ этомъ году Закревскій участвуетъ въ дѣлѣ подъ Люценомъ, подъ Лейпцигомъ, и получаетъ званіе генералъ-адъютанта (которое въ то время имѣли только восемь человѣкъ, считая въ томъ числѣ и великаго князя Константина Павловича), и становится посредникомъ между государемъ и главнокомандующимъ русскими войсками за границей.

Вотъ что, между прочимъ, писалъ Закревскій Воронцову о дѣлѣ подъ Люценомъ:

«Вы, я думаю, уже извѣстны о скоропостижномъ нашемъ сраженіи, бывшемъ 20-го числа при Люценѣ; дѣло было безпутное, о которомъ описанія дѣлать никакого не буду, а только скажу, что было въ ономъ дѣлѣ семь главнокомандующихъ, всякій по своему

умѣнью приказывалъ и послѣ сей отличной побѣды, какъ увѣряютъ всѣхъ сіи главнокомандующіе, мы уже въ Бауценѣ и отступили отъ Люцена 20 миль и несчастный Дрезденъ въ рукахъ злодѣя».

Далѣе онъ прибавляетъ:

«Не знаю, что теперь сдѣлаютъ съ Мих. Бог. (Барклаемъ), будетъ ли онъ главнокомандующимъ всѣхъ армій или нѣтъ? Сего крайне не желаютъ люди, живущіе въ главной квартирѣ; а служащіе въ линіи душевно сего желаютъ, да и польза службы сего требуетъ. Но графъ Витгенштейнъ быть главнокомандующимъ не можетъ и не въ состояніи; эту справедливость всѣ ему отдаютъ».

Получивъ званіе генералъ-адъютанта, послѣ сраженія при Лейпцигѣ, Закревскій передавалъ въ видѣ словесныхъ докладовъ или письменно карандашемъ и на клочкахъ бумаги все, что Барклай считалъ нужнымъ довести до свѣдѣнія государя. Въ это же время привычка къ Закревскому заставила государя поручить ему же формированіе его главнаго штаба и потому, послѣ окончанія военныхъ дѣйствій въ 1815 году, Закревскій оставляетъ ряды войска и становится на почву административной дѣятельности въ званіи дежурнаго генерала, которому подчинялась въ то время инспекторская часть военнаго министерства, а также низшія военныя школы или военно-сиротское отдѣленіе, и военныя типографіи. Въ званіи дежурнаго генерала онъ пробылъ, несмотря на недоброжелательныя и непріязненныя отношенія къ Аракчееву, до 1823 года, и въ этотъ періодъ шла та дѣятельная переписка между Закревскимъ и начальникомъ штаба П. М. Волконскимъ, которую мы находимъ въ «Сборникѣ».

30-го августа 1823 года, Закревскій былъ назначенъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго финляндскаго корпуса. Въ томъ же званіи застало его вступленіе на престолъ императора Николая и, въ наше время, можетъ быть зачислено въ особенную заслугу этому генералъ-губернатору, что онъ привелъ Сенатъ, должностныхъ лицъ и все населеніе Финляндіи къ присягѣ новому императору по общей формѣ для всей имперіи установленной и тѣмъ считалъ фактически уничтоженженными всѣ особенныя привилегіи княжества, на основаніи Абоскаго мира сохраненныя за Финляндіей, какъ за отдѣльнымъ владѣніемъ русской короны. Но молодой государь почелъ за благо вторично подтвердить основанія Абоскаго мира, по отношенію къ Финляндіи. «Графъ, — пишетъ его біографъ, князь Друцкой-Соколинскій,—подчинился какъ всегда распоряженіямъ самодержавной власти, но до конца жизни горячо доказывалъ, что если бы было поддержано его распоряженіе, даже пожертвовавъ имъ лично, можно было бы достигнуть полнаго сліянія Финляндіи съ Россіей, что во всякомъ случаѣ, въ русскихъ интересахъ, было бы только желательно».

Въ 1826 году, Закревскій былъ назначенъ сенаторомъ, а въ 1828 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-губернатора Финляндіи, въ слѣдующемъ же году онъ былъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи, и 2-го августа 1830 года, былъ возведенъ въ графское достоинство великаго княжества Финляндскаго, не смотря на то, что въ томъ же году уже получилъ алмазные знаки св. Александра Невскаго, и затѣмъ ему было поручено озаботиться карантинными мѣрами для огражденія столицы отъ холеры. Мѣры эти тяжело отозвавшіяся на благосостояніи сосѣднихъ губерній, и Новгородской въ особенности, какъ извѣстно, не привели ни къ чему, и какъ результатъ этой неудачи послѣдовало увольненіе графа Закревскаго отъ службы. Вновь появляется онъ на государственной службѣ только черезъ 17 лѣтъ, когда, по личной волѣ государя, Закревскій былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и въ томъ же году назначенъ также членомъ Государственнаго Совѣта. Въ этой должности графъ Закревскій пробылъ десять лѣтъ и получилъ всѣ награды, которые только доступны подданному въ Россіи. Послѣдніе годы своей жизни онъ хотя и состоялъ въ званіи генералъ-адъютанта и члена Государственнаго Совѣта, но въ Россіи не жилъ, а пребывалъ за границей, гдѣ и умеръ 11-го января 1865 года. Похороненъ онъ въ Гальчето, въ Италіи, близь Тосканы, въ старой католической церкви, обращенной нынѣ въ православную часовню. Женатъ онъ былъ на извѣстной въ свое время красавицѣ, графинѣ Аграфенѣ Ѳедоровнѣ Толстой, принесшей ему съ собою въ приданое большія имѣнія въ Пензенской, Нижегородской и Московской губерніяхъ. У графа Закревскаго отъ этого брака осталась въ живыхъ одна только дочь, вышедшая замужъ сначала за графа Нессельроде, а затѣмъ за князя Друцкаго-Соколинскаго. Жена и дочь пережили Закревскаго, умерли также за границей и похоронены въ томъ же фамильномъ склепѣ въ Гальчето, близь Тосканы.

III.

Если карьера А. А. Закревскаго, получившаго званіе генералъ-адъютанта на 27-мъ году жизни, не вызываетъ особаго удивленія, не смотря на скромное происхожденіе этого историческаго лица, то карьера графа Михаила Семеновича Воронцова, въ нѣкоторомъ смыслѣ менѣе быстрая, является какъ бы нормальной, потому что Воронцовъ происходилъ изъ знатнаго рода и предки его давно занимали высокіе посты канцлеровъ россійской имперіи. Отецъ его, Семенъ Романовичъ Воронцовъ, извѣстный англоманъ, былъ во время французской революціи посломъ Екатерины при лондонскомъ дворѣ и всѣми мѣрами хлопоталъ о союзѣ англичанъ съ русскими, причемъ надо сознаться, что, въ проектированныхъ имъ

союзахъ, русскіе интересы стояли позади англійскихъ. Посольство С. Р. Воронцова продолжалось 23 года и кончилось послѣ Іенскаго погрома Пруссіи, вступленіемъ въ силу придуманной Наполеономъ континентальной системы. Но и уволенный отъ званія посла, Воронцовъ остался жить въ Англіи частнымъ человѣкомъ до самой своей кончины и тамъ же и похороненъ. Онъ умеръ въ 1832 году, почти 89-ти лѣтъ отъ роду. Кстати вспомнить, что извѣстная фаворитка Петра III, Елизавета Романовна, также какъ и Екатерина Романовна Дашкова, сотрудница первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины, были его родныя сестры. Дочь Воронцова, Екатерина, была замужемъ за лордомъ Пемброкомъ и потому Воронцовы имѣютъ хорошую родню и въ Англіи.

Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ получилъ воспитаніе также въ Англіи, гдѣ прожилъ до 17-ти лѣтъ, и оттуда же, по вступленіи на престолъ императора Александра, пріѣхалъ занять мѣсто поручика Преображенскаго полка. Въ первые полтора года службы, вполнѣ, по собственному его выраженію, утоливъ жажду содержанія карауловъ, парадированія во главѣ взвода, или прогулокъ по улицамъ столицы подъ музыку, графъ сначала просилъ позволеніе у отца вступить въ ряды французской арміи, но, получивъ отказъ, выпросилъ себѣ командировку на Кавказъ подъ начальство князя Циціанова. Проѣздомъ въ Тифлисъ, онъ имѣлъ удовольствіе услышать пролетѣвшія мимо себя первыя пули, а также здѣсь же онъ познакомился съ тѣмъ, что называется чумою, и съ чѣмъ, гораздо позднѣе, ему пришлось бороться въ званіи генералъ-губернатора въ Новороссіи. Два слѣдующіе года, молодой графъ провелъ въ очень опасныхъ походахъ Циціанова противъ персіанъ и въ долинѣ Алазани.

Во время одного изъ такихъ походовъ, изъ-подъ Ганджи (нынѣшняго Елизаветполя) въ Закаталы, подъ начальствомъ Гулякова, отрядъ Воронцова былъ сброшенъ въ пропасть съ лошадьми и повозками, и самъ графъ былъ легко раненъ во время паденія, что не помѣшало ему тотчасъ же выкарабкаться опять на гору. Въ этомъ же дѣлѣ былъ убитъ и генералъ Гуляковъ. Точно также Воронцову, до нѣкоторой степени, обязанъ жизнью Котляревскій, котораго онъ израненнаго вынесъ изъ огня непріятельскаго, сначала при помощи солдата, а затѣмъ и одинъ, когда этого солдата убили. Неудачная экспедиція того же Циціанова подъ Эривань, съ слабыми силами, которыя были неожиданно аттакованы съ поля прибывшими полчищами персіанъ, подъ начальствомъ самого шаха, по словамъ самого Воронцова, была самымъ труднымъ и опаснымъ подвигомъ изъ всѣхъ, которые ему пришлось совершить во время его долгой боевой практики. Въ эту экспедицію отрядъ едва не погибъ съ голоду и принужденъ былъ отступать отъ персіанъ въ теченіе десяти дней и ночей,

имѣя въ тылу одного изъ лучшихъ персидскихъ генераловъ и инсурекцію возмущенныхъ персіанами татаръ и имеритиновъ.

Здѣсь, за эти подвиги, Воронцовъ дослужился до чина капитана гвардіи и получилъ первые ордена за боевыя заслуги и георгіевскій крестъ четвертой степени. Въ слѣдующіе затѣмъ годы безконечныхъ войнъ, онъ постоянно находился въ походахъ. Побывалъ въ Голландскомъ походѣ, затѣмъ въ кампаніи 1805 года до сраженія подъ Фридландомъ. Въ битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау онъ не могъ принять участія потому, что былъ ушибленъ въ ногу лошадью и долженъ былъ шесть недѣль лечиться въ Бѣлостокѣ. Отдыхалъ онъ только въ теченіе 1808 года въ чинѣ полковника гвардіи и командира батальона Преображенцевъ. Какъ командиръ этого батальона, онъ же конвоировалъ Александра I во время Тильзитскаго свиданія и здѣсь имѣлъ случай лично познакомиться съ Наполеономъ.

Въ турецкую войну съ 1809 по 1811 годъ, онъ находился въ постоянныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ и здѣсь выслужилъ себѣ чинъ генералъ-маіора, командованіе бригадою, Георгія второй степени и первую бриліантовую шпагу. Въ началѣ Отечественной войны онъ получилъ сводную гренадерскую дивизію и шелъ постоянно въ аріергардѣ второй арміи Багратіона, изъ Волыни къ Смоленску.

Подъ Бородинымъ, изъ его отряда въ 5-ть тысячъ человѣкъ уцѣлѣло только триста, такъ какъ эта дивизія защищала флеши лѣваго фланга, нѣсколько разъ переходившіе изъ рукъ въ руки. Въ этомъ дѣлѣ Воронцовъ былъ самъ тяжело раненъ въ ляшку пулей и принужденъ былъ спасаться въ село Андреевское, находившееся во Владимірской губерніи и принадлежавшее его дядѣ.

Къ октябрю того же года, оправившись отъ раны, Воронцовъ успѣлъ нагнать армію подъ Березиной и получить дивизію въ арміи Чичагова. 1813 годъ онъ провелъ въ вѣчныхъ походахъ и осадахъ крѣпостей и только подъ Лейпцигомъ соединился съ главными силами созниковъ. Въ 1814 — участвовалъ въ дѣлѣ при Краонѣ и въ битвѣ подъ Парижемъ командовалъ отрядомъ, дѣйствовавшемъ со стороны Вильнева. Послѣ ста дней и Ватерло, онъ командовалъ въ Мобежѣ отрядомъ экспедиціоннаго корпуса, занимавшаго Францію въ видѣ репресаліи до 1818 года. До сихъ поръ служба его катилась безпрепятственно и молодой графъ имѣлъ уже Анну первой степени, Георгія второй, Владиміра второй и чинъ генералъ-лейтенанта въ то время, когда отъ роду ему было неболѣе тридцати четырехъ лѣтъ.

Однако, почти трехлѣтнее пребываніе во Франціи во главѣ отдѣльнаго корпуса, при тѣхъ взглядахъ на военное дѣло, которые высказывали въ то время лучшіе военноначальники изъ русскихъ и не высказывали нѣмцы, дали возможность разнымъ недоброжелателямъ Воронцова распускать про его корпусъ самые неблаго-

пріятные слухи, которые находили настолько снисходительныя уши, что въ концѣ 1818 года во Францію поѣхалъ великій князь Николай Павловичъ съ спеціальнымъ порученіемъ сдѣлать смотръ корпусу графа Воронцова и о найденныхъ тамъ порядкахъ донести. Характерно, что этимъ неблагопріятнымъ слухамъ внимали даже близкіе друзья Воронцова и соратники, въ числѣ которыхъ былъ и прямодушный Сабанѣевъ. Въ числѣ, повидимому, главныхъ своихъ враговъ и недоброжелателей Воронцовъ, почему-то, считалъ князя Петра Михайловича Волконскаго, тогдашняго начальника главнаго штаба, и по этому поводу мы находимъ довольно любопытныя строчки въ перепискѣ между Воронцовымъ и Закревскимъ, котораго тотъ дружески называлъ Мазепой.

Для правильной характеристики того времени, карьера Воронцова имѣетъ свои замѣчательныя особенности и можетъ служить хорошимъ камнемъ для оцѣнки общихъ тенденцій надвигавшагося вѣка императора Николая на блестящихъ дѣятелей Александрова царствованія. Воронцовъ, воспитанный въ Англіи и превосходно воспитанный по масштабу своего времени, конечно, въ послѣднемъ отношеніи не уступалъ и Ермолову, который классиковъ читалъ въ подлинникѣ. Вся суть въ томъ, что по природѣ онъ былъ хитрѣе Ермолова и не представлялъ типа вполнѣ положительнаго. Но мысли его, которые мы, люди позднѣйшаго вѣка, находимъ въ его письмахъ, именно намъ должны казаться и пророческими и глубоко симпатичными. Для характеристики послѣднихъ я и сдѣлаю выписку изъ письма Воронцова къ Сабанѣеву, писаннаго еще въ срединѣ 1815 года:

«Ты пишешь мнѣ, что на мою дивизію жаловались и что, будто бы, отнимая волю у офицеровъ наказывать солдатъ, я оныхъ избаловалъ. Сдѣлай милость, пошли кого-нибудь вѣрнаго пожить нѣсколько дней на квартирахъ, занимаемыхъ моими полками и ты увидишь, что тебѣ наговорили вздоръ. Что до меня касается, то я ничѣмъ столько не занимаюсь какъ этимъ, за всякій разбой или покражу у меня гонятъ сквозь строй неминуемо. Что не позволяю офицерамъ бить солдатъ за ученьѣ или и безъ ученья за ничто, по своевольству, это правда: но не вижу отчего сіе можетъ быть вредно? Обыкновенно, гдѣ дерутся и безъ причины, тамъ за настоящія преступленія мало въ пропорціи взыскиваютъ. Солдатъ, который ждетъ равнаго наказанія за разбой и за то, что онъ не умѣлъ хорошо явиться вѣстовымъ, привыкаетъ думать, что и грѣхи сіи суть равные. Пощечины дурного солдата не исправятъ, а хорошаго портятъ. До меня въ нѣкоторыхъ полкахъ дѣлались такія штуки, что ужасно: въ одномъ полку такъ вошло въ пріятную привычку драться, что два капитана, разсердившись на прапорщика, дали ему 200 палокъ и когда я за это взялся, то прочіе офицеры хотѣли спасти сихъ двухъ капитановъ и увѣряли,

что одинъ изъ нихъ былъ лучшій офицеръ въ полку. Сдѣлай милость, ежели мнѣ не вѣришь, то и другимъ не вдругъ вѣрь. То, что я теперь завелъ въ цѣлой дивизіи, то уже пять лѣтъ въ Нарвскомъ полку дѣлается, и я ручаюсь, что оный полкъ еще смирнѣе прочихъ стоитъ на квартирахъ: напротивъ того, болѣе шалитъ 6-й Егерскій, гдѣ Глѣбовъ бивалъ до смерти, безъ разбору и безъ причины. Я всегда въ себѣ думалъ, что ежели по опыту найду, что военная служба безъ пустого и безъ резоннаго безчеловѣчія существовать не можетъ, то я въ оной не слуга и пойду въ отставку: но чѣмъ больше я видѣлъ, тѣмъ больше увѣрился, что строгость нужна только за настоящія вины, а не по педантству или капризамъ, что въ семъ случаѣ она только унижаетъ солдатъ и совершенно истребляетъ всякую амбицію и усердіе».

Въ томъ же направленіи чрезвычайно любопытна его размолвка съ милымъ Мазепой, который, распечатавъ письмо адресованное къ Ермолову отъ Вороцова, по желанію Ермолова, нашелъ тамъ слѣдующія обидныя для себя строки:

«Даже другъ нашъ Мазепа на этомъ пунктѣ для меня не судья; онъ взросъ и воспитанъ при человѣкѣ, который хоть много хорошаго сдѣлалъ, но самъ родился и воспитанъ былъ тираномъ; меня же теперь никто не увѣритъ, что тиранство можетъ быть необходимо, я уже не ребенокъ и не первый годъ въ службѣ».

«Благодарю васъ за пріятное мнѣніе,—пишетъ по этому случаю Закревскій,—видно вы перемѣнились и когда писали письмо, то занимались службою съ служивымъ вашимъ генераломъ (т. е. Сергѣемъ Каменскимъ?). Признаться вамъ долженъ, въ чемъ и вы, ежели справедливы, согласиться должны, что въ покойномъ моемъ благодѣтелѣ признаксвъ тиранства не было».

На эти гнѣвливыя строки, въ свою очередь, Воронцовъ отвѣчаетъ такъ:

«Покойнаго твоего благодѣтеля я почиталъ, былъ ему душевно преданъ и, покуда живъ останусь благодарнымъ за милости мною отъ него и черезъ него полученныя, но сіе не мѣшаетъ мнѣ имѣть свободное свое мнѣніе о нѣкоторыхъ чертахъ его характера, а пуще о характерѣ отца и брата его, слѣдственно я могъ сказать, что онъ принадлежалъ нѣкоимъ образомъ къ роду тиранскому. Потомъ могу я ошибаться, но позволено мнѣ воображать, что человѣкъ воспитанный отцомъ такимъ, каковъ былъ графъ Михаилъ Федотовичъ, видѣвшій ежедневно поступки своего отца съ солдатами, съ слугами, съ крестьянами, поступки варварскіе и которые наконецъ довели его до извѣстнаго всѣмъ конца [1]), позволено мнѣ

---

[1]) Михаилъ Федотовичъ графъ Каменскій былъ убитъ топоромъ во время прогулки въ коляскѣ. Въ числѣ чудачествъ покойнаго можно, конечно, помѣстить строжайшее приказаніе, лакею и кучеру, сопровождавшимъ его во время

думать, что человѣкъ, видѣвшій все это и, кромѣ того, еще и самъ отцомъ битый, легко могъ имѣть въ разсужденіи подобныхъ поступковъ, понятія и привычки несходныя съ мыслями людей не привыкшихъ къ подобнымъ примѣрамъ и даже имѣющимъ къ онымъ величайшее омерзеніе».

Почти единовременно съ размолвкой по поводу жестокостей графа Каменскаго, произошла еще и другая. Закревскій, завѣдуя типографіями военнаго вѣдомства, нашелъ полезнымъ собрать приказы и циркуляры по военному министерству и издать ихъ въ систематическомъ порядкѣ. Объявленіе объ этомъ изданіи было послано во всѣ отдѣльныя части и въ томъ числѣ и въ корпусъ графа Воронцова. Послѣдній, получивъ книжку и письмо Закревскаго, позволилъ себѣ пошутить такъ:

«Въ самую минуту полученія твоего о томъ письма и самой книжки, всѣ присутствовавшіе въ комнатѣ кинулись съ жадностью на оную, и всѣ кричали: «Военные законы! Военныя постановленія! Надо подписаться, надо». Но вдругъ, вообрази, несчастіе, отворяютъ книгу и какъ будто нарочно на листкѣ, который при семъ прилагается, а именно, что запрещается изъ-за галстука показывать рубашки—приказъ Волконскаго, всѣ охладѣли, повернулись и никто не подписался. Я ихъ уговариваю, обращая вниманіе на вещи еще важнѣе сего, но всѣ какъ глухіе мнѣ и не отвѣчаютъ, ужасно упрямый народъ.

«Нельзя ли настоять еще на одномъ, чтобы печаталось все у васъ на лучшей бумагѣ. Право стыдно; конечно оно дешевле, но сію малую экономію можно ли сравнить съ тѣмъ, что даже чужимъ показать нельзя, то что̀ у васъ печатается? Ни въ одномъ государствѣ, ни въ одномъ городѣ въ Европѣ теперь таковой бумаги не употребляютъ, она пахнетъ XVII столѣтіемъ».

На эту злую шутку Закревскій, видимо задѣтый за живое, отвѣчаетъ:

«Сожалѣю, что не могъ угодить вашему корпусу въ составленіи сихъ книжекъ, но не очень скорблю, что охотниковъ немного на чтеніе и подписаніе оной. Приказъ начальника штаба такъ же постановленіе, которое объявлено по волѣ государя, слѣдовательно и смѣяться нечего. Послѣ сего признаться вамъ долженъ, чѣмъ менѣе подпишутся на сію книжку въ вашемъ корпусѣ, тѣмъ болѣе для меня будетъ пріятнѣе и утѣшительнѣе. Но другимъ корпусамъ оныя нравятся и съ охотою берутъ, видно они

прогулокъ и объѣздовъ имѣній, ни въ какомъ случаѣ не смѣть оборачиваться назадъ и смотрѣть на барина. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовался убійца. Подкарауливъ экипажъ, онъ вскочилъ на подняжку, и ударомъ топора разсѣкъ графу голову. Вѣроятно также, что какъ лакей, такъ и кучеръ ничего противъ послѣдняго въ душахъ своихъ не имѣли, и строже чѣмъ когда-либо, на этотъ разъ, слѣдовали приказанію барина.

не такъ просвѣщены, какъ въ вашемъ корпусѣ. Не ожидайте, отъ дурной типографіи, чтобы печатались приказы и разные циркуляры на хорошей бумагѣ, на это надо прибавить 15-ти тысячь рублей, а у меня и послѣднее отнимаютъ. Дайте способы, тогда и XVII столѣтіемъ пахнуть не будетъ».

Воронцовъ поспѣшилъ конечно оправдаться:

«Признаюсь,—пишетъ онъ,—что хотя зналъ, что съ авторами объ ихъ сочиненіяхъ шутить нельзя, не ожидалъ я, что ты вступишься какъ авторъ и такъ горячо за сочиненіе, которое ничто другое, какъ приказы и постановленія, выдаваемые по арміи и у васъ сшитые вмѣстѣ. Впрочемъ, я о пользѣ сего собранія никакъ спорить не намѣренъ, но невинная шутка насчетъ названія закономъ приказа о непоказываніи за галстухомъ бѣлой рубашки, кажется не есть вещь криминальная и примѣчаніе твое о нашемъ здѣсь просвѣщеніи также тутъ кстати, какъ сѣдло коровѣ. Доказательство, что все это было ничто иное, какъ шутка есть то, что вслѣдъ за тѣмъ я тебѣ прислалъ большой списокъ именъ подписавшихся на сію книгу, которая не только нужна, но и необходима. Ты видишь по сему, что напрасно такъ окрысился и цѣлыя написалъ три сердитыя страницы».

Совершенно въ такомъ же духѣ писалъ и говорилъ Воронцовъ объ организаціи военно-судебной части, всегда отличавшейся у насъ крайне несовершеннымъ характеромъ, обращавшимъ весьма часто военное судопроизводство въ голый произволъ сильнаго надъ слабымъ. Указывая на то, что аудиторы вмѣсто того, чтобы быть законовѣдами, просто пережалованы изъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, Воронцовъ пишетъ:

«Петръ Великій, основатель всего у насъ и виновникъ величія Россіи, говоря о судахъ военныхъ признаетъ, что офицерамъ нельзя имѣть большихъ свѣдѣній о законахъ, ибо другимъ должны заниматься искусствомъ, но за то говоритъ, должны быть при арміи аудиторы, кои должны быть хорошіе юристы и знать совершенно всѣ права и законы. Какая критика на нашихъ аудиторовъ! Вмѣсто того, чтобы имѣть юриста, понимающаго какъ общія права, такъ и духъ и смыслъ законовъ, у насъ аудиторъ, а иногда въ отсутствіи оныхъ фельдфебеля и унтеръ-офицеры изъ крестьянъ, чуть-чуть читать и писать умѣющіе, и привыкшіе думать, а часто и чувствовать, что палка есть единственный законъ, и управленіе роты верхъ человѣческаго искусства. Какое варварское противорѣчіе! Отъ сихъ-то злоупотребленій происходитъ у насъ слово несчастный, которое вообще дано всѣмъ осужденнымъ и которое несправедливо, какъ скоро справедливъ судъ его обвинившій».

Далѣе, болѣе детально разбирая вопросъ, онъ, ссылаясь на существующія у насъ, но только мертвыя законоположенія, предлагалъ:

Въ разсужденіи аудиторовъ:

1) не производить въ чинъ сей унтеръ-офицеровъ за храбрость или за безпорочную 12-ти лѣтнюю службу, сопряженную съ умѣньемъ грамотѣ, ибо сіи качества, хотя почтенные, не имѣютъ никакого отношенія съ должностью указателя и блюстителя законовъ; 2) поставить аудиторовъ на лучшую ногу и дать имъ больше жалованья.

Для реорганизаціи же суда вообще, по мнѣнію Воронцова, всего нужнѣе было три вещи: «1) чтобы все дѣло шло на словахъ; 2) чтобы во всякомъ случаѣ былъ показатель вины или потому, что онъ самъ жалуется или доноситъ, или хоть и наряженный для сего посторонній офицеръ, ибо судъ не долженъ отыскивать вины, а выслушивать показаніе оной и оправданіе подсудимаго, судить виноватъ ли или нѣтъ; 3) чтобы всѣ суды были публичны, тогда мало-по-малу все приведется въ порядокъ и суды пойдутъ плавно, ясно и справедливо».

По поводу этого прекраснаго письма Воронцова, Закревскій отдѣлался прямой и короткой отпиской:

«Замѣчанія ваши по аудиторіату есть весьма справедливыя, мнѣ теперь не до того, я стараюсь какъ бы облегчить участь несчастныхъ, сидящихъ въ тюрьмахъ по 8 и 9 лѣтъ, слѣдовательно и не думаю объ образованіи аудиторіата. И безъ того отъ новыхъ образованій по всѣмъ частямъ не знаемъ куда дѣться».

Замѣчательно также, что Воронцовъ былъ дальновиднѣе тѣхъ, которые позорили Барклая и на сообщеніе Закревскаго о томъ, что Барклай подалъ въ отставку изъ Андреевскаго, гдѣ лечился отъ Бородинской раны, пишетъ:

«Михайло Богданычъ дурно дѣлаетъ, что просится въ отставку, служба его нужна, первое для государства, второе же для него самого. Разныя трудныя обстоятельства обратили на него многихъ негодованіе. Это пройдетъ, какъ все усмирится и ему во многомъ отдадутъ справедливость. Выходя же въ отставку, онъ дѣлаетъ то, что непріятели его желаютъ, а впрочемъ, покажется еще больше виноватымъ. Повѣрь мнѣ, что, наконецъ, меньше будутъ думать о Дриссѣ, объ оставленіи Смоленска и пр., нежели о томъ, что ему мы обязаны тѣмъ укомплектованіемъ, коимъ армія наша держится и даже который, со всѣми ошибками и со всѣми несовершенствованіями въ исполненіи, есть одинъ, который могъ насъ спасти и долженъ наконецъ погубить непріятеля».

Этихъ выписокъ совершенно достаточно, чтобы вполнѣ обрисовать образъ мыслей этого высокодаровитаго человѣка. Но эти же самыя мысли, для насъ нынѣ столь неоспоримыя, въ то время мало кому нравились. Не очень они нравились и Закревскому и Сабанѣеву, а уже остальнымъ дѣятелямъ и того менѣе. Отсюда понятно, что къ Ахенскому конгрессу, на корпусъ Воронцова стали

смотрѣть подозрительно и посылали къ нему разныхъ лицъ въ прямомъ расчетѣ найти безпорядки и полное строевое растройство части, гдѣ старшій командиръ, такой искренній и послѣдовательный врагъ палки, на которой въ то время основывались всѣ надежды и упованія патріотовъ. Въ Мобежъ ѣздилъ Витгенштейнъ еще въ 1817 году и былъ принятъ Воронцовымъ блестящимъ образомъ, ѣздилъ сначала великій князь Михаилъ Павловичъ, а затѣмъ и Николай Павловичъ и всѣ эти лица оставались весьма довольными и въ официальныхъ бумагахъ говорили о командованіи Воронцова въ выраженіяхъ лестныхъ и доброжелательныхъ. Но что думали они же про себя? Въ послѣднемъ отношеніи даже нѣкоторыя фразы въ письмахъ Закревскаго къ Воронцову дышатъ ироніей и ясной насмѣшкой. Такъ, поповоду пріема Витгенштейна, котораго ни Воронцовъ, ни Ермоловъ, ни Закревскій терпѣть не могли и считали сугубой бездарностью, Закревскій пишетъ:

«Слышалъ я какъ вы встрѣчали и угощали Витгенштейна. Поживши во Франціи, выучились отдавать справедливость отличнымъ главнокомандующимъ!»

Еще болѣе характерно въ послѣднемъ отношеніи, что послѣ отозванія корпуса въ Россію, Воронцовъ, вмѣсто чина полнаго генерала, на который имѣлъ, по его мнѣнію, право, получилъ Владиміра первой степени. Слухи, распускаемые, однако, о корпусѣ Воронцова, по Россіи и при дворѣ, сильно сердили корпуснаго командира и вызывали въ немъ искреннее желаніе оставить службу.

«Мнѣ бы надо быть сумасшедшимъ или пошлому дураку и скотинѣ, чтобы думать и смѣть дѣлать въ войскахъ государевыхъ не по повелѣнію государя, а по моей головѣ. Сумасшедшему же или пошлому дураку, кажется, не должно давать команду надъ корпусомъ да еще въ чужой землѣ».» Писалъ онъ въ сердцахъ Закревскому.

Движимый негодованіемъ, Воронцовъ написалъ также письмо государю съ оправданіями во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, за что̀ удостоился получить дружескій выговоръ отъ Закревскаго:

«Скажите, почтенный графъ Михайла Семеновичъ, какъ не стыдно при вашемъ умѣ сіе написать, если позволите сказать, не обдумавши? Кто можетъ на васъ нападать или недоброжелательствовать? Не вамъ служба нужна, но вы нужны отечеству. Вы и всѣ благомыслящіе въ Россіи люди знаютъ, что у насъ Воронцовыхъ не много. Мнѣ, между прочимъ, писали изъ Варшавы, что государь будетъ самъ отвѣчать на ваше письмо и боятся, чтобы не было круто. Потерять васъ службѣ будетъ ощутительно, слѣдовательно, кромѣ дружбы, которую къ вамъ имѣю, заставляетъ меня говорить и служба, говорить громко и прямо. Правила мои не слѣдуютъ нынѣшнему порядку вещей и подлости ненавижу».

Послѣ полученія Воронцовымъ, вмѣсто чина, Владимірской ленты тотъ же Закревскій, однако, пишетъ:

«Съ Володимерскою лентой васъ не поздравляю: я желалъ совсѣмъ не того, что вы, по всей справедливости, заслуживаете. Но дѣлать нечего; симъ доказано, что не совсѣмъ васъ любятъ, какъ по заслугамъ вамъ слѣдуетъ. Плетью обуха не перешибешь».

Сопоставляя всѣ эти отдѣльныя и большею частію осторожныя слова осторожнаго Закревскаго, нельзя, однако, не цитировать и слѣдующихъ трехъ мѣстъ изъ его же писемъ.

Въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ:

«По описанію великаго князя Михаила Павловича нѣтъ сумнѣнія, что корпусъ вашъ понравится государю и изобличитъ подлость людей, ничѣмъ болѣе взять не могущихъ, какъ мерзостями и выдумками. Васъ не должно сіе огорчать, какъ человѣка благомыслящаго и не дѣлающаго ничего противнаго службѣ. Скажите, когда же не было зависти людямъ обращающимъ на себя вниманіе своими достоинствами, а наипаче при дворѣ и еще военномъ, который гораздо вредѣе шитыхъ золотомъ кафтановъ?»

Въ томъ же письмѣ, изъ котораго я взялъ выписку о Владимірской лентѣ, мы читаемъ:

«Чего завидуютъ Ожаровскій, Чернышевъ и Потоцкій? Пускай второй (т. е. Чернышевъ) имѣетъ причины, ибо наговорилъ вздору, и хотѣлъ симъ сдѣлать вамъ неудовольствіе, а вышло напротивъ».

И такъ, повидимому, Чернышевъ былъ одинъ изъ главныхъ распространителей клеветы на состояніе корпуса Воронцова, и этотъ же Чернышевъ долженъ былъ быть военнымъ министромъ будущаго царствованія! Къ этому инциденту надо прибавить еще слѣдующую выписку также изъ письма Закревскаго:

«Съ гр. Витгенштейномъ сладили. Онъ былъ здѣсь, его расцѣловали и отправили предовольнымъ во 2-ю армію: Дибичъ также остался на своемъ мѣстѣ и поладилъ съ Сакеномъ. Будьте покойны, нѣмцы никогда не поссорятся, видитъ всякій свои выгоды».

Да, видятъ, а вотъ русскіе не видѣли и до сихъ поръ рѣдко ихъ видятъ, прибавлю я отъ себя.

Однимъ изъ мотивовъ, по которымъ Воронцовъ всего болѣе хотѣлъ въ это время оставить службу, подъ бременемъ клеветъ, конечно, относится страхъ, чтобы его враговъ, Поццо ди-Борго и Чернышева, не сдѣлали полными генералами ранѣе его. Говоря о послѣднемъ, онъ отдаетъ полную справедливость производству Ермолова въ полные генералы, за посольство въ Грузію.

«Съ Ермоловымъ,— пишетъ онъ,— въ достоинствахъ и пользѣ которую онъ, конечно, принесетъ въ Грузіи, я равняться не могу и сіе говорю по совѣсти, какъ передъ Богомъ, но коли его за одно посольство произвели, то я могъ ждать того же и долженъ былъ

ждать, видѣть и чувствовать, что меня не произвели по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ».

Послѣ окончанія французской окупаціи и присутствованія на Ахенскомъ конгрессѣ, Воронцовъ получилъ продолжительный отпускъ за границу и въ это время, именно въ 1819 году, въ Парижѣ сочетался бракомъ съ графиней Елизаветой Браницкой. Время до 1823 года, считаясь комадиромъ 3-го корпуса, онъ провелъ въ разъѣздахъ по Европѣ и почти ежегодно посѣщалъ своего отца, находившагося въ Вильтонѣ въ Англіи. Затѣмъ, онъ часто въ это же время ѣздилъ въ Бѣлую Церковь, имѣніе жены, а также въ Крымъ, гдѣ заочно пріобрѣлъ имѣнія Ай-Даниль и Масандру, ставшія съ тѣхъ поръ столь знаменитыми. Въ 1823 году, Воронцовъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Новороссіи, и дѣятельно занялся устройствомъ этого богатаго и еще дѣвственнаго края. На этомъ поприщѣ заслуги его громадны и потомство, конечно, воздастъ за нихъ полную справедливость.

Я пишу не біографію Воронцова, но, пользуясь попавшимся подъ руки историческимъ матеріаломъ, желаю дать только силуэтъ замѣчательнаго человѣка, въ первую эпоху его большей славной карьеры. Воронцовъ, конечно, дождется своего историка, и заслуживаетъ, чтобы послѣдній внимательно и серьезно отнесся ко всей дѣятельности этого администратора и полководца, оставившаго глубокій слѣдъ въ исторіи Россіи путемъ устройства Новороссіи, Одессы и Крыма, а также тѣми мѣрами, которыя были имъ приняты для завоеванія Кавказа. Здѣсь же мы коротко напомнимъ читателю, что Воронцовъ боролся противъ вторженія чумы въ предѣлы Россіи, и достигъ того строгимъ и суровымъ примѣненіемъ карантинной системы въ Одессѣ и Бессарабіи. Затѣмъ, тѣ же мѣры, но примѣненныя безъ его личнаго наблюденія и надзора въ Севастополѣ, повели къ возстанію женщинъ и матросовъ, которые убили генерала Столыпина и его штабныхъ адъютантовъ, и тѣмъ заставили самого Воронцова принять дѣятельное участіе въ усмиреніи этого, въ исторіи мало извѣстнаго, возстанія, и проявить здѣсь строгость сугубую и, выражаясь его же словами, тираническую.

«На мою долю выпали обязанности палача»,—писалъ онъ по этому поводу своей сестрѣ, причемъ наивно удивлялся, какъ это взбунтовавшіеся матросы сами же съѣздили за подкрѣпленіемъ въ Ѳеодосію, и привезли свѣжіе войска, на которые генералъ-губернаторъ, пріѣхавшій наказать бунтовщиковъ, могъ бы положиться. Затѣмъ также замѣчательна его дѣятельность во время голода въ Новороссіи въ 1833 году. Тутъ онъ, благодаря пропавшей, по его словамъ, эстафетѣ, и навѣту враговъ, опять получилъ выговоръ, который ему былъ тѣмъ болѣе непріятенъ, чѣмъ менѣе былъ заслуженъ.

Въ самомъ началѣ царствованія императора Николая, въ 1828 году, его административная дѣятельность вдругъ прервалась для боеваго подвига. Рана, полученная Меншиковымъ, командовавшимъ осадой Варны, заставила Николая Павловича обратиться къ Воронцову и назначить послѣдняго замѣстителемъ Меншикова.

Во время командованія Воронцова, былъ предпринятъ штурмъ, какъ съ моря, такъ и съ сухого пути, но и тотъ другой были отбиты, Варна же вскорѣ сдалась, благодаря измѣнѣ одной части гарнизона, состоявшаго изъ албанскихъ войскъ. За эту Варну Воронцовъ получилъ особую бриліантовую саблю съ надписью: «За взятіе Варны».

Въ 1844 году Воронцовъ былъ сдѣланъ намѣстникомъ Кавказскимъ и съ его именемъ связаны наши успѣхи подъ Дарго, Салтахъ, Гергебилемъ, взятыхъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ въ періодъ между 1845 и 1848 годами. При началѣ Крымской войны Воронцовъ, уже почти слѣпой, былъ боленъ, но тѣмъ не менѣе его энергичнымъ распоряженіямъ мы обязаны разгромомъ турокъ подъ Ахалцыхомъ и Башкадыкларомъ. Въ самый разгаръ войны, онъ уѣхалъ, по болѣзни, въ Карлсбадъ и Шлангенбадъ и пробылъ тамъ до вступленія на престолъ императора Александра II. Въ день коронаціи послѣдняго, Воронцовъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы, но спустя нѣсколько недѣль умеръ.

Отъ брака съ графиней Елизаветой Браницкой, у Воронцова было нѣсколько дѣтей, умиравшихъ въ младенческомъ возростѣ. Пережилъ всѣхъ четвертый ихъ ребенокъ, князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ, умершій въ Петербургѣ въ семидесятыхъ годахъ, и исторически ничѣмъ не замѣчательный.

В. К. П.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РАЗВИТІЕ РУССКАГО САМОСОЗНАНІЯ.

НАБЛЮДАЯ умственную жизнь нашего общества за послѣднія десятилѣтія, нельзя не замѣтить широкаго распространенія интереса къ народу. Однимъ изъ главныхъ, если не самымъ главнымъ, предметомъ литературы является народъ, его бытъ, исторія, вѣрованія и творчество; образовалось даже особое направленіе, получившее названіе «народничества». Не даромъ извѣстные выразители сословныхъ вожделѣній жалуются: «все мужикъ, да мужикъ; отъ мужика намъ житья не стало». Проливая «крокодиловы слезы», люди этого лагеря не понимаютъ, или не хотятъ понять, что въ «заботахъ о мужикѣ» выражается наше народно-общественное самосознаніе, что вопросъ о народѣ не произвольно поставленъ тѣми или другими лицами, а есть необходимый результатъ историческаго хода событій; это проблема, отъ такого или иного рѣшенія которой зависитъ дальнѣйшій ходъ нашей исторіи. «Все минется, одна правда останется», говоритъ самъ народъ, и только люди, раздѣляющіе съ нимъ эту вѣру въ торжество правды надъ кривдою, добра надъ зломъ, могутъ правильно понимать задачу своей жизни и дѣятельности. Осуществленіе принципа правды, въ формѣ общественной справедливости,—вотъ что составляетъ въ настоящее время завѣтную цѣль стремленій лучшей части нашей интелигенціи. Ближайшая задача даннаго историческаго момента состоитъ въ томъ, «чтобы народъ избавился, наконецъ, хотя отъ крупнѣйшихъ тягостей своего нынѣшняго существованія; получилъ возможность правильнаго раз-

витія своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ и возможность выйти изъ умственнаго младенчества, сознать и осуществить свои общественные и политическіе идеалы».

Эта простая и ясная формула явилась не вдругъ: она результатъ нашего умственнаго и нравственнаго развитія,—результатъ усвоенія европейской цивилизаціи, возвысившей достоинство человѣка, и продолжительныхъ изученій своей народности, получившихъ начало въ Петровской реформѣ. Правда, говорятъ, что реформа Петра Великаго не только не содѣйствовала нашему національному самосознанію, а, напротивъ, «оторвала» интелигенцію отъ народа, разрушивъ то единство между сословіями, которое будто бы имѣло мѣсто въ Московской Руси[1]). Не будемъ говорить о томъ, насколько неясно было въ до-Петровской Россіи національное самосознаніе, въ смыслѣ опредѣленія принадлежности къ русскому племени, когда католикъ или уніатъ русскій не считался русскимъ, а западный русскій, хотя бы и православный, назывался литвой; это было скорѣе національнымъ инстинктомъ, да и то затемненнымъ религіозными и другими предубѣжденіями. Обращая же вниманіе на взаимное отношеніе классовъ въ Московскомъ государствѣ, мы дѣйствительно не видимъ интелигенціи, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова; но тамъ были служилые люди, привилегированное боярство и высшее духовенство, были землевладѣльцы и рабовладѣльцы. О нравственномъ единствѣ между ними и народомъ не могло быть и мысли тогда, когда народъ «прикрѣплялся» къ землѣ, т. е. отдавался въ рабство землевладѣльцамъ. Если у отдѣльныхъ лицъ изъ угнетаемаго класса и являлось сознаніе своихъ человѣческихъ правъ, особенно когда становилось «невтерпёжъ», то имъ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ создавать такія антисоціальныя формы жизни, какъ казачество, или дѣлаться «не ворами, не разбойничками, Стеньки Разина работничками»...

Между порабощеннымъ и привилегированнымъ классами существовало единство въ одномъ отношеніи,—это единство міровоззрѣнія, обусловленное отсутствіемъ науки (въ которой видѣли волшебство), хотя и то съ извѣстными ограниченіями. Но такое единство общества и народа не многимъ желательно въ настоящее время; не желательно оно и для самого народа, настойчиво заявляющаго

[1]) На лекціи одного профессора—эпигона славянофильства,—мы слышали такую фразу: «Западники говорятъ, что Россія, благодаря Петровской реформѣ, пришла отъ небытія къ бытію, а я утверждаю, что вслѣдствіе этой реформы, она пришла изъ бытія въ небытіе». Можно усомниться въ томъ, чтобы современные «западники» употребляли терминологію идеалистической философіи; но безспорно, что почтенный профессоръ дошелъ до отрицанія собственнаго бытія; а это значитъ идти уже дальше семинаристовъ добраго стараго времени, которые, излагая въ своихъ хріяхъ философію Фихте, договаривались до «небытійственнаго бытія».

потребность знанія. И тотъ духовный разрывъ между народомъ и интелигенціей, въ которомъ обвиняютъ реформу Петра, есть ни что иное, какъ усвоеніе частью русскаго общества болѣе или менѣе раціональнаго міровоззрѣнія, тою именно частью, которая уже ранѣе была «оторвана» отъ народа своимъ привилегированнымъ соціально-экономическимъ положеніемъ. Въ сущности, это былъ знаменательный историческій шагъ къ общественному самосознанію, которое должно примирить общество и народъ, соединить ихъ въ единое нравственно-общественное цѣлое. Бывали, конечно, примѣры,—справедливо говоритъ А. Н. Пыпинъ,—«что люди высшихъ классовъ дѣйствительно отрывались отъ народности до нелѣпой французоманіи, до незнанія русскаго языка, но это составляло принадлежность исключительно той высшей общественной сферы, которая донынѣ остается въ томъ же безучастномъ отношеніи къ русской жизни: извѣстное число великосвѣтскихъ хлыщей и барынь и донынѣ живутъ въ состояніи межеумковъ, сохранившихъ изъ русской жизни только крѣпостническіе вкусы и, конечно, крайне далекихъ отъ настоящаго европейскаго просвѣщенія».

Факты исторіи обыкновенно не отвѣчаютъ моральнымъ нормамъ, и никто лично не виноватъ въ томъ, что и въ настоящее время народныя массы въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи стоятъ ниже интелигенціи (это слово нужно принимать, однако, слишкомъ условно: не всѣ матеріально обезпеченные—интелигентны и не вся интелигенція — матеріально обезпечена). Но безспорно, что всякій морально отвѣтственъ за свое личное поведеніе, что вообще образованное меньшинство имѣетъ нравственныя обязанности по отношенію къ народной массѣ: нашъ долгъ – стремиться къ исправленію «ошибокъ исторіи», возстановлять справедливость, игнорируемую историческимъ ходомъ вещей. Человѣкъ, возвысившійся до правильнаго пониманія современной жизни, не можетъ мириться съ нарушеніемъ правды въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, для того, чтобы въ обществѣ явилось стремленіе къ возстановленію нашего народа въ его человѣческихъ и гражданскихъ правахъ,—требовалось, съ одной стороны, распространеніе образованности, а съ другой — знакомство съ народностью. А если такъ, то для объясненія современнаго литературнаго и общественнаго движенія въ пользу народа, нужно бросить ретроспективный взглядъ на исторію нашего образованія, паралельно съ успѣхами народовѣдѣнія, что̀ мы и намѣрены сдѣлать въ предлагаемой статьѣ, пользуясь первыми двумя томами недавно вышедшаго капитальнаго сочиненія А. Н. Пыпина: «Исторія русской этнографіи». Спб., 1890 г.[1]).

---

[1]) См. нашу рецензію по поводу выхода I-го тома этого сочиненія въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1890 г., т. XLI, стр. 212—213.

I.

Нѣтъ нужды останавливаться на общеизвѣстныхъ фактахъ, какъ посылка русскихъ людей за границу, вызовъ иностранныхъ ученыхъ въ Россію, основаніе учебныхъ и ученыхъ заведеній и другія мѣры Петра Великаго для распространенія знанія, европейской науки въ русскомъ обществѣ. Обратимъ только вниманіе на то обстоятельство, что эта наука съ самаго начала стремилась къ изученію Россіи, со стороны ея географіи, исторіи и этнографіи, возбуждала интересъ къ государству и народу и воспитывала въ обществѣ самосознаніе. Ея ростъ есть постоянное приближеніе къ пониманію народности. Первые ученые въ Россіи были иностранцы и преимущественно нѣмцы, нерѣдко съ европейскою извѣстностью, но скоро къ нимъ присоединяются и природные русскіе, съ Ломоносовымъ во главѣ. Первые же шаги этой, такъ сказать, смѣшанной интелигенціи были направлены къ изученію Россіи.

Одною изъ первыхъ задачъ того времени было опредѣленіе государственной територіи, такъ какъ не только съ научной, но и съ чисто практической точки зрѣнія, нельзя уже было довольствоваться «Книгой большому чертежу». Съ этою цѣлью, Петромъ были разосланы геодезисты «для сочиненія ландъ-картъ», съ тѣмъ, чтобы потомъ изъ ихъ «партикулярныхъ» картъ составить «генеральную» карту. Онъ снаряжалъ и ученыя экспедиціи. Своимъ первымъ «навигаторамъ» Петръ поставилъ задачу: изслѣдовать — «сошлася ли Америка съ Азіею»; отсюда видно, что Россія въ эту сторону не знала конца своихъ владѣній. Насколько широка была программа ученыхъ, отправлявшихся по порученію правительства для изученія Россіи, можно судить по контракту, заключенному Мессершмидтомъ, первымъ ученымъ путешественникомъ по Россіи. Онъ обязался ѣхать въ Сибирь для занятій: а) географіей страны, б) натуральной исторіей, в) медициной, лекарскими растеніями, эпидемическими болѣзнями, г) описаніемъ сибирскихъ народовъ и филологіею, д) памятниками и древностями, е) вообще всѣмъ достопримѣчательнымъ. Всѣ эти обязанности Мессершмидтъ взялъ на себя, не имѣя помощниковъ, на очень скромныя средства, и сдѣлалъ удивительно много: собиралъ растенія, набивалъ чучела попадавшихся ему птицъ и дѣлалъ съ нихъ рисунки; на каждомъ значительномъ мѣстѣ, если показывалось солнце, бралъ высоту полюса, составлялъ карты и т. д.; въ то же время онъ собиралъ сибирскія древности, хлопоталъ у сибирскихъ властей, чтобы ему доставляли всякія «къ древности принадлежащія вещи, якобы языческіе шейтаны (кумиры), великія мамонтовы кости, древнія калмыцкія и татарскія письмена; такожде каменные и кружечные могильные образы». Сверхъ того, онъ былъ оріенталистъ, искалъ монгольскихъ рукописей, собиралъ слова изъ язы-

ковъ сибирскихъ инородцевъ и первый понялъ историческую важность ихъ сличенія и т. д.

Такой же энциклопедическій характеръ имѣли путешествія по Россіи и другихъ иностранныхъ и русскихъ ученыхъ, какъ-то: Беринга, Стеллера, Крашенинникова, Миллера, Гмелиновъ, Палласа, Лепехина, Озерецковскаго, Иноходцева и др. Нечего говорить о томъ, какое самоотверженіе и сила воли требовались отъ этихъ изслѣдователей, когда они должны были путешествовать въ далекихъ малонаселенныхъ краяхъ, при враждебномъ отношеніи къ нимъ мѣстныхъ властей; если и въ настоящее время народъ вообще недовѣрчиво относится къ «барину», то можно себѣ представить, какъ трудно было собирать научныя свѣдѣнія почти 200 и 150 лѣтъ тому назадъ, особенно если въ лицѣ ученаго подозрѣвали чиновника.

Первымъ же нашимъ ученымъ принадлежитъ честь первоначальнаго научнаго изслѣдованія въ области русской исторіи. Шлёцеръ указалъ на высокое національно-историческое значеніе Несторовой лѣтописи, и своею историческою критикою, вмѣстѣ съ Байеромъ, Стриттеромъ и др., подготовилъ путь Карамзину. Миллеръ положилъ начало собиранію лѣтописей и вообще памятниковъ русской старины, значенія которыхъ не понимали сами русскіе. Онъ же началъ «Сибирскую исторію» и описалъ нѣсколько подмосковныхъ городовъ и монастырей. Татищевъ, ученикъ «Баиля», «Пуффендорфія», «Гобезія», Декарта, Локке и др. европейскихъ мыслителей, пишетъ «Исторію Россійскую», представляющую переходъ отъ лѣтописнаго свода къ прагматическому изложенію. Болтинъ, понятія котораго сложились подъ вліяніемъ того же Бэйля, Вольтера, Монтескьё, Рейналя и Руссо, настаиваетъ на необходимости для историка и политика уразумѣть существенныя особенности народа или, говоря языкомъ нашего времени, понять свойства народности, и самъ хорошо знаетъ обычаи общиннаго землевладѣнія, народный бытъ, преданія, поэзію и пр.

Первая четверть настоящаго столѣтія ознаменована широкимъ развитіемъ археологическихъ изысканій. Нѣмецкіе ученые и въ этомъ періодѣ оказали намъ немаловажныя услуги, какъ указаніемъ методовъ, такъ и приложеніемъ ихъ къ изслѣдованію русскихъ и славянскихъ древностей; вспомнимъ, напримѣръ, Аделунга, Кеппена, Маттеи, Буле, Баузе. Изъ русскихъ достаточно назвать Тимковскаго, Гавріила Успенскаго, митрополита Евгенія, Востокова и Калайдовича. Въ это время, по инціативѣ извѣстнаго мецената графа Н. П. Румянцева, «во всѣхъ архивахъ снимались копіи, во всѣхъ библіотекахъ дѣлались извлеченія, во всѣхъ древнихъ городахъ производились поиски». Монументальнымъ и характеристическимъ завершеніемъ этого движенія была «Исторія Государства Россійскаго».

Къ этому времени взглядъ на народъ, какъ на главнаго героя исторіи, уже настолько созрѣлъ въ наиболѣе образованной части нашего общества, что «Исторія» Карамзина, трактующая народную массу, какъ служебную силу, назначенную исполнять потребности государства, была враждебно встрѣчена современными «либералистами». Но и при своемъ ошибочномъ взглядѣ на народъ, Карамзинъ много сдѣлалъ для изученія его исторіи. Своею исторической критикою, онъ пролилъ много свѣта на внутренній бытъ стараго общества и народа. Онъ поставилъ много вопросовъ этого рода, и если не всегда вѣрно рѣшалъ ихъ, то побуждалъ другихъ къ критическому отношенію къ нимъ и къ новому пересмотру фактовъ. Его «Исторія» въ теченіе многихъ лѣтъ была программой, къ которой пріурочивались дальнѣйшія частныя изслѣдованія,—напримѣръ, Погодина, Арцыбашева, Буткова, Устрялова и др.

Карамзинская точка зрѣнія оставалась господствующею въ нашей исторической наукѣ до 40-хъ годовъ, характеризующихся «переломомъ» въ сферѣ исторіографіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Новое направленіе получило свое начало въ Германіи, гдѣ подъ вліяніемъ философіи Канта, литературныхъ явленій и политическихъ и соціальныхъ событій начала нашего столѣтія, образовалась такъ называемая «историческая школа», установившая понятіе органическаго развитія историческихъ явленій. Эта точка зрѣнія примѣнялась къ различнымъ областямъ историческаго знанія: къ религіи (Фихте, Шеллингъ, Шлейермахеръ), къ языку (Як. Гриммъ, Боппъ, Лассенъ), къ праву (Эйхгорнъ, Савиньи, Рудорфъ). Къ исторіи начала исторической школы впервые примѣнилъ Нибуръ. Въ древней исторіи Рима онъ видѣлъ вовсе не исторію, а остатки народнаго эпоса, въ лицѣ первыхъ героевъ ея—олицетвореніе цѣлыхъ періодовъ. Онъ утверждалъ, что Римъ не могъ быть основанъ шайкою бѣглецовъ, а былъ созданіемъ наиболѣе энергическаго изъ италійскихъ племенъ. Не повторяя обычныхъ легендъ, онъ ищетъ объясненія римской исторіи въ политическихъ и экономическихъ условіяхъ жизни римскаго народа; римская исторія у него не рядъ анекдотовъ, а картина развитія реальныхъ отношеній. За Нибуромъ слѣдуютъ О. Миллеръ и Шлоссеръ. Нѣкоторыя отраженія новаго направленія въ нѣмецкой наукѣ замѣтны у насъ въ 20 и 30-хъ годахъ. Такъ, скептическая школа Каченовскаго подвергла сомнѣнію древній періодъ нашей традиціонной исторіи и настаивала на томъ, что нужно обратить вниманіе на бытовыя условія древности; Полевой свою «Исторію русскаго народа» (въ противоположность государственной исторіи Карамзина) посвятилъ Нибуру, «первому историку нашего вѣка».

Но настоящими представителями новаго направленія въ нашей исторіографіи были Соловьевъ и Кавелинъ. Они первые показали

недостаточность прежнихъ изслѣдованій и необходимость искать объясненія внутреннихъ основаній историческаго процесса. Они смотрятъ на народъ, какъ на организмъ, на исторію народа, какъ на органическое развитіе его исконныхъ бытовыхъ началъ, въ обстановкѣ природныхъ и внѣшнихъ условій и сосѣдства. Это уже не внѣшне-историческая, живописательная и морализирующая манера Карамзина, которая оцѣнивала событія по ихъ внѣшней яркости, анекдотической занимательности, а историческихъ дѣятелей—по ихъ добродѣтелямъ и порокамъ; здѣсь открывалась критика внутренняго смысла событій, розыскивались физіологическія основанія быта, событіямъ и лицамъ опредѣлялось ихъ мѣсто и значеніе по ихъ связи съ органическимъ движеніемъ исторіи. Они указывали законы явленій и ихъ можно было опровергнуть только доказательствомъ другихъ законовъ.

Исходя изъ этихъ началъ, нельзя было, напримѣръ, представлять «безсмысленнымъ дѣломъ произвола» такія явленія древней русской исторіи, какъ удѣльная система, и они объясняли ее родовыми отношеніями. Позднѣйшіе писатели дополнили и исправили теорію родового быта; такъ, К. Аксаковъ въ старомъ, политическомъ строѣ русскихъ княжествъ видѣлъ общинный бытъ, основанный не на первобытномъ родствѣ, а на свободномъ соединеніи въ союзъ, съ сознательнымъ подчиненіемъ частныхъ интересовъ общему; Костомаровъ въ системѣ удѣловъ усматривалъ не случайное дѣленіе територіи по родовымъ счетамъ князей, а естественное дѣленіе земель племенъ, вошедшихъ въ составъ русскаго народа; по Забѣлину, народные союзы были промысловыми общинами: Новгородъ—типъ промысловаго города, Кіевъ—городъ, выросшій изъ сборища вольныхъ промышленниковъ изъ окрестныхъ городовъ и земель, и т. д.

Соловьевъ и Кавелинъ поставили зданіе русской исторіографіи на прочномъ основаніи современной европейской науки, и писатели, выступившіе на это поприще послѣ нихъ, являлись уже готовыми послѣдователями новаго метода. Было бы слишкомъ долго останавливаться на перечисленіи изслѣдованій послѣднихъ десятилѣтій, посвященныхъ общей исторіи Россіи и мѣстнымъ изученіямъ, и потому мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями о характерѣ современной исторіографіи. Кромѣ увеличенія научныхъ средствъ, мы видимъ теперь, во-первыхъ, распространеніе реальнаго критическаго метода, все болѣе и болѣе вытѣсняющаго отвлеченные, или просто фантастическіе толки объ особенномъ «духѣ» русскаго народа, объ его провиденціальномъ назначеніи и т. п. Изслѣдуются ли древности русской територіи, антропологическія особенности племени, вліянія почвы и климата, земледѣльческаго труда и промысла, или историческія условія развитія народа и государства, источники народнаго міровоззрѣнія и

поэзіи и т. д.,—постоянно проявляется стремленіе къ прочному установленію фактовъ, къ всестороннему объясненію ихъ источниковъ и послѣдствій. Во-вторыхъ, особенное вниманіе изслѣдователей привлекаютъ явленія внутренней жизни общества, и особенно жизни народной. Судьба «народа», въ спеціальномъ смыслѣ народныхъ массъ, главной основы племени, трудового крестьянства, никогда прежде не бывала предметомъ такого вниманія, какъ въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій. Источникъ этого вниманія былъ частію общественный, но частію и чисто научный: не только въ общественномъ смыслѣ можно было желать разъясненія судьбы милліоновъ народа, впервые вступавшихъ въ среду гражданскаго общества, желать воспользоваться знаніемъ прошлаго для правильнаго опредѣленія его современнаго положенія, идеаловъ и потребностей; но и въ научномъ смыслѣ было необходимо изучить, наконецъ, эту забытую сторону исторіи, эту этнологическую основу историческаго движенія.

Такимъ образомъ, исторіографія теперь уже не занимается исключительно государственными и династическими интересами, а является наукой, посвященной изученію организма — государства, народа и общества, въ ихъ физіологической и общественной связи. И потому она приходитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ другими науками, изучающими народный бытъ, юридическія понятія, преданія и вѣрованія, какъ въ современномъ ихъ состояніи, такъ и ихъ историческія судьбы. До усвоенія нашими учеными пріемовъ исторической школы, эти, послѣднія, науки существовали отдѣльно отъ исторіи, хотя, подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же историческихъ условій, развивались паралельно съ нею, пока, наконецъ, въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія, и къ нимъ не была примѣнена историческая точка зрѣнія.

II.

Выше мы упомянули о томъ, что Болтинъ былъ хорошо знакомъ съ народными преданіями, обрядами и обычаями. Извѣстно также, что Тредьяковскій заимствовалъ тоническое стихосложеніе «у самой нашей природной наидревнѣйшей оныхъ простыхъ людей поэзіи». Наше образованное общество XVIII вѣка было непосредственно знакомо съ народнымъ преданіемъ и поэзіей, которыя продолжали жить среди него такъ же, какъ и въ простомъ народѣ. И первоначальные сборники памятниковъ народной поэзіи служили любителямъ народныхъ пѣсенъ «для практическаго обихода». Таковы труды Чулкова, Новикова и Прача. Первый въ 1770—74 годахъ издалъ «Собраніе разныхъ пѣсенъ», гдѣ наряду съ романсами, было много чисто народныхъ произведеній. Въ 1780 г. онъ началъ изданіе «Сказокъ», «которыя разсказываются въ каж-

дой харчевнѣ»; а въ 1782 году выпустилъ «Словарь русскихъ суевѣрій». «Предпріятіе Чулкова,—говоритъ Сахаровъ, вообще свысока относившійся къ своимъ предшественникамъ, — было самое значительное: онъ первый осмѣлился къ новымъ пѣснямъ тогдашнихъ знаменитыхъ писателей присоединить и старыя народныя». Правда, «этнографы» того времени совершали не мало нелѣпостей, съ современной точки зрѣнія, но они и сами не причисляли себя къ ученымъ изслѣдователямъ, даже не подозрѣвая возможности научнаго значенія собираемыхъ ими памятниковъ. Поповъ, авторъ «Описанія славянскаго баснословія», прямо заявляетъ о своемъ трудѣ: «Сіе сочиненіе сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для историческихъ справокъ, и больше для стихотворцевъ, нежели для историковъ». Критическое отношеніе къ произведеніямъ этого рода было настолько слабо, что одинъ авторъ ухитрился сочинить на мнимо старомъ языкѣ гимнъ Баяна, найденный будто бы въ «свиткѣ перваго вѣка», вмѣстѣ съ нѣсколькими «произреченіями пятаго столѣтія новгородскихъ жрецовъ»,—и были люди, которые не рѣшались отвергать его подлинность; Державинъ переложилъ этотъ гимнъ въ новѣйшіе стихи.

Археологическое направленіе, характеризующее первую четверть XIX столѣтія, было полезно и для этнографіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія открыто было «Слово о полку Игоревѣ», а въ началѣ настоящаго нашли знаменитый сборникъ былинъ и пѣсенъ — Кирши Данилова. Въ предисловіи ко второму изданію этого сборника, сдѣланному Калайдовичемъ «по приказанію» графа Румянцева въ 1818 году, находимъ первую попытку серьезнаго изученія «Древнихъ стихотвореній», принадлежащую издателю; но при тогдашнемъ состояніи этнографіи, эта попытка не могла быть удачною.

Въ царствованіе императора Николая интересъ къ народности настолько возросъ въ обществѣ, что правительство нашло нужнымъ объявить «народность» девизомъ своей политики. При всей его неясности, такое заявленіе не могло остаться безъ всякой пользы для этнографіи. Нѣкоторыя мѣры, принятыя правительствомъ въ періодъ этой системы, оказались въ высшей степени благотворными въ данномъ отношеніи: во-первыхъ, Археографическая экспедиція, устроенная въ 30-хъ годахъ по мысли Строева, дала массу лѣтописей и всякаго рода историческихъ актовъ, изданныхъ Археографической комиссіей; во-вторыхъ, учрежденіе въ университетахъ каѳедръ славянскихъ нарѣчій содѣйствовало опредѣленію этнографическаго отношенія русскаго народа къ остальному славянству; въ-третьихъ, возникновеніе Географическаго Общества полагало начало широкимъ этнографическимъ изученіямъ.

Но въ общемъ, система «народности» легла тяжелымъ гнетомъ на умственную жизнь русскаго общества вообще и на этнографи-

ческія изученія въ частности. Согласно съ традиціей Священнаго союза, офиціальная народность только усиливала реакціонный смыслъ господствовавшей правительственной системы. По этой программѣ, русскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ Западною Европой, и всего менѣе съ западноевропейскими политическими идеями. Выставлялось на видъ какъ внѣшнее могущество Россіи, такъ и превосходство ея національныхъ началъ. Въ полуобразованной массѣ это представленіе переходило въ «квасной» патріотизмъ, а къ концу царствованія относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ вводило въ заблужденіе даже людей государственныхъ. «Народность» тогдашняго порядка вещей принималась обязательно; фактическое состояніе народа считалось вполнѣ нормальнымъ. Къ «народнымъ» началамъ относилось и крѣпостное право. «Политическая религія, — выразился однажды министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, — имѣетъ свои догматы неприкосновенные, подобно христіанской религіи; у насъ они: самодержавіе и крѣпостное право; зачѣмъ ихъ касаться, когда они, къ счастію Россіи, утверждены сильною и крѣпкою рукою».

Понятно, что такая «народность» не могла благосклонно относиться къ настоящему народолюбію... Насколько неблагопріятна была эта система изученію народности, видно, напримѣръ, изъ того, что цензура запрещала печатать народные заговоры и заклятія, «какъ остатки вреднаго суевѣрія, не имѣющіе въ ученомъ отношеніи никакого значенія»; «сочиненія, относящіяся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи», признавались «неумѣстными и оскорбительными для народнаго чувства».

Офиціальная программа наложила своеобразный отпечатокъ на труды этнографовъ второй четверти текущаго столѣтія. Одни подчинялись ей, какъ требованію правительства, другіе прикрашивали ее романтизмомъ, третьи, наконецъ, стояли еще на такой ступени интеллектуальнаго и моральнаго развитія, что принимали ее слѣпо, не видя ея противорѣчій. Съ другой стороны, недостатки этихъ трудовъ обусловлены тѣмъ обстоятельствомъ, что наши ученые того времени не были знакомы съ научными пріемами, выработанными за границей. Цѣнная сторона тогдашнихъ изученій — чисто описательная. Таковы труды Сахарова, Максимовича, Срезневскаго, Ходаковскаго, Снегирева, Терещенка, Даля. У названныхъ этнографовъ замѣтны неясные инстинкты, догадки о значеніи народности, о необходимости изучать ее и результатъ изученія прилагать къ жизни; но какъ это дѣлать — какъ изучать, какіе извлекать результаты, какъ примѣнить ихъ,—они не знали. Типическимъ представителемъ этой эпохи является Сахаровъ, который теперь уже забытъ, а въ 30-хъ годахъ пользовался авторитетомъ лучшаго знатока народнаго быта, преданій, обычаевъ, пѣсенъ, сказокъ и всякой старины. Медикъ по образованію, онъ

былъ самоучка въ этнографіи, не знавшій и не желавшій знать «нѣмецкой» науки. Восхваленіе всего русскаго въ духѣ офиціальной народности и глухая, наивная ненависть ко всему иностранному, «заморскому» или «нѣмецкому», по его терминологіи,—вотъ основные мотивы его «изслѣдованій». Стремленіе Сахарова обѣлить русскую народность простирается до того, что онъ негодуетъ противъ новѣйшихъ миѳологовъ, которые «подъ видомъ ученыхъ изслѣдованій прибѣгаютъ къ небывалымъ открытіямъ и наводятъ на нашихъ предковъ позорную тѣнь многобожія».

Вліянія офиціальной программы не избѣжалъ и такой передовой писатель своего времени, какъ Н. И. Надеждинъ, котораго въ области литературной критики справедливо называютъ предшественникомъ Бѣлинскаго: извѣстная гибкость его характера отразилась и на его воззрѣніяхъ на народъ—онъ употреблялъ обычную фразеологію офиціальной народности, развивалъ бюрократическіе взгляды на расколъ и не разъ заявлялъ себя «кваснымъ» патріотомъ. При всемъ томъ, это былъ одинъ изъ самыхъ полезныхъ дѣятелей въ области русской этнографіи. Не говоря о цѣломъ рядѣ цѣнныхъ трудовъ по географическому, статистическому и этнографическому изученію Россіи и по изученію раскола, одна дѣятельность его въ Географическомъ Обществѣ произвела настоящій переворотъ въ изученіи народности. Ему главнымъ образомъ обязано Общество научною постановкою этнографическихъ работъ. Онъ составилъ программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, которая въ 1847 году впервые была разослана въ количествѣ 7,000 экземпляровъ во всѣ края нашего отечества, — слѣдствіемъ этого была масса матеріаловъ, полученныхъ Обществомъ. Вмѣсто прежней диллетантской и сентиментальной точки зрѣнія, онъ поставилъ изученіе русской народности на почву общеисторическаго и этнографическаго изслѣдованія, освѣщеннаго критикой. Онъ же указалъ обширный объемъ науки и ея развѣтвленія по разнымъ сторонамъ народной жизни; а также впервые намѣтилъ вопросъ объ изученіи самаго историческаго образованія народности, объ изученіи ея со стороны историко-географической, психологической и пр. Благодаря его дѣятельности, мы видимъ улучшеніе пріемовъ наблюденія и собиранія у послѣдующихъ ученыхъ. Онъ искалъ непосредственно точныхъ фактовъ и ихъ первоначальной критики.

Такое направленіе было, конечно, очень полезно для этнографіи и подготовило путь для молодыхъ ученыхъ, выступившихъ на это поприще въ 40-хъ годахъ, съ пріемами «исторической школы», распространенію которыхъ особенно содѣйствовали «командировки» за границу лицъ, готовившихся къ занятію профессорскихъ каѳедръ. Послѣднія бывали слушателями самихъ основателей новой школы и въ Германіи знакомились съ различными ея оттѣнками и развѣтвленіями. Особенно сильное вліяніе имѣли на

нихъ филологическія и историко-юридическія изслѣдованія. Въ трудахъ Боппа и Як. Гримма языкъ впервые являлся, какъ организмъ, развившійся исторически, по извѣстному закону; въ его современныхъ формахъ и матеріалѣ видѣли слѣды глубочайшей старины, съ ея понятіями, бытомъ, миѳологіей, и указывали ступени ихъ развитія. Савиньи въ исторіи права усматривалъ органическое созданіе національности: законы и государственныя формы — не дѣло случая, а учрежденіе естественно развившихся отношеній, первое возникновеніе которыхъ теряется въ глубинѣ древности. Притомъ изученіе древности было проникнуто горячею любовью ко всему народному, особенно къ старинѣ, когда, по Як. Гримму, міровоззрѣніе и весь бытъ отличались полною цѣльностью и единствомъ, — когда была одна, общенародная поэзія, сливавшая думы и чувства всѣхъ и каждаго, и когда всѣ бытовыя и нравственныя явленія освѣщались возвышенными и нравственно чистыми созданіями эпоса, соединявшаго божественный и и человѣческій элементы, религію и исторію.

Такое же любовное отношеніе къ народному преданію и къ носителю его — народу видимъ и у перваго представителя новаго движенія въ нашихъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ,—Ѳ. И. Буслаева. Въ его книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка» (1844) впервые были приложены къ русскому языку сравнительное языкознаніе и историческій методъ, и этимъ былъ сдѣланъ, въ его изученіи, такой же шагъ впередъ, какъ въ исторіографіи примѣненіе новаго метода Соловьевымъ и Кавелинымъ. Во второмъ своемъ замѣчательномъ трудѣ «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ»; онъ посредствомъ примѣненія того же метода къ древностямъ славянскаго языка, представилъ бытовую картину такой отдаленной эпохи, «на изслѣдованіе которой подобнымъ путемъ еще никогда не покушалась русская наука». Послѣдующія работы Буслаева представляютъ собою дальнѣйшее примѣненіе указаннаго метода къ старой русской словесности, быту и миѳологіи, — причемъ онъ, подобно Гримму, возстановлялъ любимую старину не только путемъ критики матеріаловъ, а также и фантазіей и поэтическимъ чувствомъ.

Какъ мы уже сказали, Географическое Общество, вскорѣ послѣ своего основанія, собрало много этнографическаго матеріала. Этотъ матеріалъ составилъ главное содержаніе капитальнаго сборника А. Н. Аѳанасьева «Русскія народныя сказки» (1855—68). Главнѣйшимъ трудомъ этого изслѣдователя была книга «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу»; въ ней находимъ систематическій обзоръ русскихъ и славянскихъ миѳическихъ преданій, матеріалы для котораго собраны самимъ же трудолюбивымъ авторомъ. Аѳанасьевъ, въ отношеніи своихъ теоретическихъ взглядовъ, находился подъ непосредственномъ вліяніемъ «Миѳологіи» Гримма и трудовъ, явившихся ея продолженіемъ—Куна, Шварца, Манн-

гардта и Макса Мюллера. Главною отличительною чертою, составляющею въ то же время и недостатокъ этой школы, является стремленіе объяснить всю миѳологію, какъ перенесеніе на землю образовъ явленій природы—солнца, бури и грозы.

Не указывая на труды другихъ ученыхъ этнографовъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, остановимся на главныхъ направленіяхъ въ области этнографіи, какъ науки, получившей у насъ начало въ 40-хъ годахъ, и съ этою цѣлью обратимъ вниманіе на предметъ, болѣе всего другого занимавшій нашихъ этнографовъ, — на эпосъ, для изученія котораго дали обширный матеріалъ сборники Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга, Якушкина, Варенцова, Безсонова и др. Въ изслѣдованіяхъ первыхъ русскихъ послѣдователей Гримма нашъ эпосъ представляется единымъ, цѣльнымъ и самороднымъ созданіемъ народнаго творчества и самымъ основнымъ источникомъ для системы языческой миѳологіи. Въ его историческомъ развитіи указывались три послѣдовательныя ступени — религіозно-миѳическая, героическая (богатырская) и историческая; въ богатыряхъ, такимъ образомъ, видѣли тѣнь языческаго божества. Этотъ взглядъ нашелъ многихъ сторонниковъ среди послѣдующихъ ученыхъ; особенно горячимъ защитникомъ его былъ О. Ѳ. Миллеръ. Для него не подлежало сомнѣнію, что такъ называемые старшіе богатыри суть «антропоморфическіе исполинскіе миѳы тучъ»; — бой Ильи-Муромца съ сыномъ означаетъ то, что «богъ громовникъ, произведя, т. е. порождая тучи, съ другой стороны—ихъ же и истребляетъ». Соловей-разбойникъ—не что̀ иное, какъ олицетворенная буря, съ ея вѣтвистымъ деревомъ тучъ и ея грознымъ свистомъ; Владиміръ—подлинное «красное солнышко», и т. д.

Изъ того же представленія о цѣльности и самобытности нашего эпоса (т. е. изъ представленія, что онъ самостоятельно развился у насъ, безъ всякихъ постороннихъ вліяній, на доисторической, общеарійской основѣ) вытекала и попытка (К. Аксакова, О. Миллера и др.) объяснить на основаніи былинъ основныя черты народнаго характера. Эти воззрѣнія сдѣлались очень популярны, вошли въ курсы русской словесности и до настоящаго времени преподаются въ школахъ, какъ нѣчто неподлежащее сомнѣнію [1]). Между тѣмъ, всѣ подобные выводы были еще слишкомъ преждевременны, въ виду въ высшей степени неудовлетворительнаго состоянія источниковъ: «письменные памятники старины были еще мало разработаны, многіе изъ нихъ именно въ эти

---

[1]) Намъ случалось встрѣчать учителей словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, которые и не подозрѣваютъ, что преподаютъ своимъ ученикамъ фантазіи, отвергнутыя въ настоящее время всѣми серьезными учеными, въ томъ числѣ и самимъ Ѳ. И. Буслаевымъ, отказавшихся отъ своихъ прежнихъ положеній.

годы впервые привлекали къ себѣ вниманіе историковъ литературы; нерѣдко отрывки изъ неизданныхъ рукописей являлись впервые въ самомъ миѳологическомъ изслѣдованіи, т. е. раньше, чѣмъ самые памятники были изданы, подвергнуты предварительной критикѣ, объяснено ихъ происхожденіе, установлены тексты и т. д. Изъ этихъ памятниковъ, еще требовавшихъ первоначальнаго комментарія, прямо брались цитаты о русской народной древности, — между тѣмъ какъ уже вскорѣ стало оказываться ихъ книжное, притомъ иноземное происхожденіе, т. е. они оказывались источникомъ совсѣмъ иной категоріи, чѣмъ ихъ здѣсь принимали, и вели къ инымъ заключеніямъ и объ иной эпохѣ древности».

Протесты противъ увлеченій нашихъ миѳологовъ раздались очень рано: уже первыя работы Аѳанасьева встрѣтили возраженія Кавелина, а затѣмъ Котляревскаго; но особенно горячо напалъ на нихъ В. В. Стасовъ, въ статьяхъ о происхожденіи былинъ («Вѣстникъ Европы», 1868). Въ противоположность мнѣнію, что въ былинѣ мы имѣемъ самобытное народное произведеніе, хранилище древнѣйшихъ поэтическихъ преданій, г. Стасовъ утверждаетъ, что наша былина—не русскаго происхожденія, а цѣликомъ заимствована съ востока; «что содержаніе нашихъ былинъ есть только пересказъ эпическихъ произведеній, поэмъ и сказокъ востока, притомъ неполный, отрывочный... что сюжеты, хотя и арійскіе (индѣйскіе по существу) пришли къ намъ всего чаще изъ вторыхъ рукъ, отъ тюркскихъ народовъ и въ буддійской обстановкѣ; что время заимствованія скорѣе позднее, около временъ татарщины, чѣмъ раннее, въ первые вѣка нашей исторіи, въ эпоху давнихъ торговыхъ сношеній съ востокомъ». Мнѣніе г. Стасова, вызвавшее продолжительную полемику, не было принято наукой, но за нимъ остается несомнѣнная заслуга: выяснилось, что «еще слишкомъ мало, съ патріотическимъ, впрочемъ очень похвальнымъ, чувствомъ благоговѣть передъ духомъ, характеромъ и оригинальными самостоятельно-національными личностями нашихъ былинъ. Надо подробнымъ разборомъ подтвердить, что они выражаютъ духъ, характеръ и личности именно нашего, а не какого-нибудь другого народа».

Какъ бы отвѣтомъ на это требованіе служатъ изслѣдованія ученыхъ, поколѣнія 60-хъ годовъ, выступившихъ на поприще этнографіи съ другими пріемами. Основное положеніе школы Гримма, что сходство преданій у разныхъ народовъ объясняется ихъ историческимъ родствомъ, встрѣтило опроверженіе Бенфея, собравшаго массу указаній на то, что оно — слѣдствіе чисто внѣшняго, устнаго или письменнаго, заимствованія. Главными представителями этого воззрѣнія являются у насъ А. Н. Веселовскій и И. В. Ягичъ, пришедшіе къ нему отчасти подъ вліяніемъ

западной литературы, отчасти же путемъ самостоятельной критики. Обширныя изслѣдованія А. Н. Веселовскаго въ области средневѣковой славяно-русской, западно-европейской и византійской литературы привели къ блестящимъ доказательствамъ того, что считавшееся ранѣе самобытнымъ, исключительно-національнымъ, на самомъ дѣлѣ заимствовано отъ другихъ народовъ. «Его изслѣдованіе есть чрезвычайно любопытный опытъ проникнуть въ древнѣйшія отношенія европейской, и въ томъ числѣ славянской и русской культуры, проникнуть не путемъ поэтической идеализаціи, а съ реальными историческими фактами въ рукахъ». Эти изслѣдованія показали, что на образованіе нашей миѳологіи вліяла народно-христіанская легенда, и что въ созданіи былиннаго эпоса участвовали книжные эпическіе элементы, которыхъ ранѣе и не предполагали.

Одновременно съ изученіемъ народно-поэтическаго творчества идутъ изученія народности и въ другихъ направленіяхъ; особенное оживленіе началось съ конца 50-хъ годовъ. Въ прошлое царствованіе были предприняты обширныя работы по географіи, статистикѣ и этнографіи Россіи. Таковы были изслѣдованія територіи—Стрѣльбицкаго, и экспедиціи, снаряженныя правительствомъ или при его пособіи Географическимъ Обществомъ, какъ то: статистико-этнографическая экспедиція въ Западный край—Чубинскаго, экспедиціи Миддендорфа, Маака, Пржевальскаго, Щапова, Ядринцева, Потанина и пр. [1]).

Наряду съ правительственными географическими и статистическими описаніями Россіи, возникаетъ земская статистика, выработавшая вполнѣ научные методы изслѣдованія экономическаго быта. Въ связи съ общимъ научнымъ и общественнымъ интересомъ къ народу, развиваются мѣстныя изслѣдованія. Таковы труды по изученію мѣстныхъ экономическихъ отношеній, собиранію этнографическихъ данныхъ и разработкѣ архивныхъ матеріаловъ—

---

[1]) Характерное явленіе для начала прошлаго царствованія представляетъ рядъ экспедицій, снаряженныхъ морскимъ министерствомъ по иниціативѣ великаго князя Константина Николаевича, «стоявшаго во главѣ коренныхъ преобразованій послѣ севастопольскаго погрома». Молодые писатели, уже ранѣе заявившіе себя интересомъ къ народной жизни, были командированы въ разные края Россіи «для изслѣдованія быта жителей, занимающихся морскимъ дѣломъ и рыболовствомъ, и составленія статей въ «Морской Сборникъ». Островскому предоставлено было описаніе верхней Волги; Потѣхинъ взялъ на себя изученіе средней Волги, отъ устьевъ Оки до Саратова; Писемскій отправился на нижнюю Волгу, въ Астраханскую губернію; С. В. Максимовъ поѣхалъ на Сѣверъ; С. А. Аѳанасьевъ-Чужбинскій на югъ, на Днѣпръ и Днѣстръ; М. Л. Михайловъ на Уралъ и Филипповъ на Донъ. Они путешествовали не напрасно: непосредственное изученіе народнаго быта дало содержаніе цѣлому ряду статей въ разныхъ журналахъ; а для С. В. Максимова «этимъ опредѣлилась и вся его литературная дѣятельность этнографа-странствователя».

К. Н. Тихонравова, Я. П. Гарелина—во Владимірѣ; А. С. Гацисскаго—въ Нижнемъ-Новгородѣ; П. Н. Рыбникова, Е. В. Барсова, И. С. Полякова—въ Олонецкой губерніи и мн. др. Вмѣстѣ съ этимъ, является масса трудовъ по общимъ вопросамъ—по статистикѣ народонаселенія, по изученію климата, сельскаго хозяйства, финансовъ, путей сообщенія, хлѣбной промышленности и проч.

Широкое развитіе изслѣдованій собственно народнаго быта тѣснѣйшимъ образомъ связано съ крестьянской реформой. Какъ только крестьянскій вопросъ былъ поставленъ правительствомъ, и разрѣшено было его литературное обсужденіе, журналы наполнились статьями о разныхъ его сторонахъ: о землѣ, общинѣ, хозяйствѣ, о бытовомъ юридическомъ обычаѣ, о народной школѣ и т. д. Тогда же возникло историческое изученіе крестьянскаго вопроса: начала крѣпостного права, его утвержденія и распространенія, его экономическихъ и общественныхъ проявленій, наконецъ, первыхъ правительственныхъ плановъ къ его ограниченію. Сдѣлавшись предметомъ живого общественнаго интереса, эти вопросы нашли обсужденіе въ журнальныхъ статьяхъ и въ капитальныхъ изслѣдованіяхъ — Кавелина, Бѣляева, В. Семевскаго, Иванюкова и др.

Проходя молчаніемъ изученіе нравовъ, языка и другихъ сторонъ народности, обратимъ вниманіе еще на одну сторону народной жизни, безпристрастное изученіе которой стало только теперь возможнымъ—на расколъ. Во время господства офиціальной народности, къ этому народному явленію обычно прилагалась церковно-обличительная и полицейско-слѣдственная точка зрѣнія. Расколъ подвергался обличенію и преслѣдованію, но не научному изслѣдованію. Чисто историческіе пріемы въ его изученіи и вниманіе къ его современнымъ явленіямъ впервые сказались въ концѣ 50-хъ годовъ, въ извѣстной книгѣ А. П. Щапова, который былъ искренно увлеченъ народною стороной раскола, заключавшимися въ немъ проявленіи свободной умственной дѣятельности и общинныхъ инстинктовъ народа, тою долею правды, которая была въ протестахъ старообрядцевъ. Съ тѣхъ поръ литература о расколѣ выросла, сравнительно съ прежнимъ временемъ, до чрезвычайности, доставила много историческихъ свѣдѣній, привела въ извѣстность литературу самаго раскола и распространила въ обществѣ правильныя воззрѣнія на жизнь и понятія массы народа (около 12 милліоновъ), которую раньше трактовали какъ отщепенцевъ, достойныхъ одной казни.

III.

Научныя изслѣдованія, уясняя взгляды общества на исторію и современное состояніе народа, не могли остаться безъ вліянія на содержаніе поэзіи, беллетристики и публицистики, которую у насъ часто замѣняла литературная критика. Съ другой стороны, для

большинства общества понятіе о народности и отношеніе къ дѣйствительному народу, безъ сомнѣнія, болѣе разъяснялось въ произведеніяхъ послѣдней категоріи, чѣмъ учеными сочиненіями; а вмѣстѣ съ этимъ собственно литература направляла интересы изученія на тѣ или другія стороны народности. При такомъ взаимодѣйствіи науки и литературы, уже a priori можно сказать, что общественный интересъ къ народу и пониманіе народности, насколько то и другое выразилось въ литературѣ, проходили стадіи развитія, соотвѣтствующія тѣмъ, которыя мы наблюдали въ исторіи нашей науки о народѣ.

Реформа Петра Великаго здѣсь также является исходнымъ пунктомъ. Чтобы ни говорили о подражательности русской литературы XVIII столѣтія, безпристрастный взглядъ не можетъ не признать за ней важныхъ заслугъ для нашего народнаго самосознанія, хотя она и не была народною въ теперешнемъ смыслѣ этого слова. Въ до-Петровской Россіи не было ни русскаго литературнаго языка, ни литературныхъ формъ для выраженія народно-общественныхъ интересовъ, а между тѣмъ, потребность въ нихъ чувствовалась уже въ XVI — XVII вв. на это указываетъ распространеніе у насъ переводовъ и передѣлокъ западно-европейскихъ романовъ и повѣстей и подражаніе латино-польскимъ виршамъ. XVIII вѣкъ много сдѣлалъ и для усвоенія внѣшности литературныхъ произведеній, и для выработки русскаго литературнаго языка, который достигъ своего, едва ли не высшаго, совершенства у писателей нашего времени. Уже царствованіе Екатерины II ознаменовано такими произведеніями, какъ комедіи Фонъ-Визина, и самой императрицы, поэзія Державина и проч. Этому вѣку обязаны мы какъ знакомствомъ съ передовыми нравственными и философскими идеями, такъ и первыми попытками ввести въ сознаніе высшихъ классовъ общества мысль объ улучшеніи быта народныхъ массъ. Первый нашъ ученый, въ европейскомъ смыслѣ, поэтъ и публицистъ — Ломоносовъ не только заботится о распространеніи въ своемъ отечествѣ научныхъ знаній и высказываетъ желаніе скорѣе видѣть «собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ», но и пишетъ разсужденіе «о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа». При Екатеринѣ II, которая сама была поклонницей Вольтера и другихъ философовъ и содѣйствовала популяризаціи ихъ идей въ обществѣ, сдѣлалось возможнымъ появленіе журналовъ Новикова и «Путешествія Радищева», съ ихъ горячей проповѣдью народности въ лучшемъ смыслѣ, — съ проповѣдью просвѣщенія и экономической и политической свободы народа. Эти писатели отнеслись къ народу безъ сословныхъ предразсудковъ, безъ маски либерализма, за которой такъ часто скрывались и скрываются крѣпостническіе инстинкты. Это были передовые бойцы за народное дѣло, лучшіе представители интели-

генціи, впервые въ ихъ лицѣ достигшей пониманія великихъ идей, осуществленіе которыхъ было дѣломъ будущаго: идеалъ обязательно долженъ идти впереди жизни... Участь первыхъ провозвѣстниковъ идеала, апостоловъ общечеловѣческой правды, — этихъ прометеевъ, восхищающихъ огонь съ неба, почти всегда бываетъ трагична: «судьба жертвъ искупительныхъ проситъ»... Масса общества и само правительство, не смотря на свое «просвѣщеніе», еще далеко не были приготовлены къ великой реформѣ соціальнаго, экономическаго и политическаго строя, и Новиковъ, и Радищевъ «погибали при злорадныхъ аплодисментахъ крѣпостниковъ». Къ счастію, тюрьма и ссылка не могутъ погубить идеи, явившейся не случайно, а какъ требованіе времени: гонимые апостолы всегда найдутъ себѣ послѣдователей, и въ скоромъ или продолжительномъ времени идея правды измѣнитъ противорѣчащій ей порядокъ вещей. Не погибли и идеи, одушевлявшія лучшую часть нашей интелигенціи XVIII вѣка; но рутина еще была такъ сильна, что, занимавшій первое мѣсто въ литературѣ Александровскаго царствованія, Карамзинъ могъ совершенно искренно воспѣвать берега Волги, «гдѣ грады, веси процвѣтаютъ», и въ уста земледѣльцевъ влагать такіе приторно-фальшивые стихи:

«Какъ не пѣть намъ? Мы счастливы,
«Славимъ барина-отца.
«Наши рѣчи не красивы,
«Но чувствительны сердца.
«Горожане насъ умнѣе,
«Ихъ искусство—говорить.
«Чтожъ умѣемъ мы? Сильнѣе
«Благодѣтелей любить...»

Отношеніе Карамзина къ народу было «двойственное». Онъ любилъ «поселянъ», когда они представлялись ему аркадскими пастушками, но въ дѣйствительности народъ былъ собраніемъ людей «низкаго состоянія», изъ котораго онъ не находилъ нужнымъ его выводить. Сантиментализмъ Карамзина былъ предисловіемъ къ романтизму Жуковскаго, который далъ болѣе глубокое основаніе сантиментальности, указавъ поэтическую цѣну народнаго преданія. Ученикъ нѣмецкихъ романтиковъ, Жуковскій дѣлаетъ попытку создать русскую балладу, перелагаетъ въ стихи русскія сказки и заботится о собираніи народныхъ пѣсенъ и преданій.

Съ 20-хъ годовъ слово «народность» все чаще и чаще повторяется въ литературѣ, хотя для большинства писателей она остается «вещью малопонятной и малодоступной». Генію Пушкина суждено было сдѣлаться «главою и начинателемъ» самостоятельной русской литературы. «Пушкинъ,—по объясненію Бѣлинскаго,—владѣлъ такимъ могущественнымъ талантомъ и такимъ сильнымъ чувствомъ художественной правды, что достигалъ чрезвычайно вѣрнаго изображенія русской дѣйствительности. Эти-то вѣрныя картины на-

родной жизни (насколько Пушкинъ ее затрогивалъ), невиданная раньше прелесть поэтическаго исполненія, и, наконецъ, мягкое, гуманное чувство, проникающее всѣ его лучшія созданія, сдѣлали Пушкина первымъ русскимъ поэтомъ, идоломъ и любимцемъ общества, и въ этомъ заключается его національность». Дѣятельность Пушкина отчасти относится къ періоду офиціальной народности, когда даже у людей наиболѣе развитыхъ понятіе «народности» было настолько не ясно, что многіе вполнѣ искренно принимали ея офиціальное толкованіе. Обильная литература историческихъ романовъ, нравственно-сатирическихъ повѣстей, романтическихъ поэмъ и проч., и проч.—всецѣло отвѣчала офиціальному направленію. Успѣхъ «Юрія Милославскаго» и разсказовъ изъ народной жизни Даля прекрасно характеризуетъ вкусы и требованія читающей публики того времени...

Настоящими преемниками Пушкина, въ общемъ ходѣ литературы, были Лермонтовъ и особенно Гоголь, продолжавшіе правдивое, реальное отношеніе къ жизни. Авторъ «Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ» приблизился къ реальной народной жизни не болѣе Пушкина. Свою родину онъ любитъ «странною любовью», которую «не побѣдитъ» его разсудокъ; онъ не сторонникъ офиціальной народности, такъ какъ его не трогаютъ ни купленная кровью слава, ни полный гордаго довѣрія покой государства, ни преданія старины, но онъ любитъ, самъ не зная за что̀, широкую природу отчизны, простую картину «печальныхъ» деревень и праздничный шумъ веселящагося народа.

Гоголь, кромѣ малорусскихъ разсказовъ, нигдѣ прямо не изображаетъ народнаго быта. Но вліяніе его—одинъ изъ самыхъ сильныхъ факторовъ въ исторіи нашего самосознанія: «Послѣ Гоголя, романтическая точка зрѣнія, съ ложью, художественною и общественною, стала невозможна; послѣ Гоголя возможно было идти только путемъ правдиваго изображенія дѣйствительности, и такъ какъ дѣйствительность была слишкомъ далека отъ той картины благополучнаго обстоянія, какую рисовала система офиціальной народности и лицемѣрившая, или не понимавшая, доля литературы, то новое направленіе, выросшее подъ вліяніемъ Гоголя, уже вскорѣ совпало съ тѣмъ критическимъ анализомъ, который въ то же время развивался въ публицистической дѣятельности круга Бѣлинскаго». Для послѣдняго Гоголь былъ «дорогимъ союзникомъ въ защитѣ его общественныхъ идей».

«Люди сороковыхъ годовъ», не смотря на всѣ внѣшнія стѣсненія, перенесли интересъ къ народу и критику современнаго порядка вещей и въ публицистику, и на университетскую каѳедру. Такова критика Бѣлинскаго, научная и публицистическая дѣятельность Герцена, Грановскаго, Рѣдкина, Кудрявцева, Мейера и др. Литература въ то время, болѣе чѣмъ когда-либо, должна

была прибѣгать къ «рабьему языку», который научились понимать и читатели, и въ результатѣ новое направленiе имѣло за себя значительную и притомъ наиболѣе образованную группу общества. «Если не было возможности прямо говорить о предметѣ, литература ставила вопросы историческiе, общественные, художественные, изъ которыхъ значенiе народа и народности опредѣлялось совсѣмъ иначе, чѣмъ это слѣдовало по консервативной теорiи офицiальной народности, а наконецъ, съумѣла близко подойти и къ самому вопросу о крѣпостномъ правѣ».

Дѣйствительность грубо противорѣчила вполнѣ справедливымъ и естественнымъ желанiямъ интелигенцiи, слѣдствiемъ чего было развитiе крайняго идеализма. Одни увлекаются поэтизированною стариною (славянофилы; въ особенно симпатичной формѣ К. Аксаковъ), другiе съ жаднымъ интересомъ слѣдятъ за общественно-политическою жизнью западно-европейскихъ народовъ, «въ борьбу которой переносятся сочувствiя, не находящiя примѣненiя дома», и всецѣло отдаются отвлеченнымъ вопросамъ о человѣческой личности, ея внутреннемъ развитiи и нравственномъ правѣ. Особенную популярность прiобрѣтаютъ писатели, протестующiе противъ современнаго порядка вещей и выставляющiе идеалъ лучшаго будущаго—Гейне, Жоржъ-Зандъ, Луи-Бланъ, Сенъ-Симонъ, Кабе и Фурье. Ученiе названныхъ соцiалистовъ — чистая утопiя, игнорирующая дѣйствительность и относящаяся къ неопредѣленно далекому будущему, «но въ основѣ увлеченiя имъ у насъ лежало глубокое отрицанiе порядковъ аракчеевскаго типа и мечты о справедливомъ устройствѣ общественныхъ отношенiй». Соцiалистами въ сороковыхъ годахъ были не такiе только люди, какъ В. Боткинъ, Герценъ, Огаревъ, Петрашевскiй съ своимъ кружкомъ, но даже Савельевъ, секретарь цензурнаго комитета, и Григорьевъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, оба ученые орiенталисты.

Въ 40-хъ годахъ вопросъ о народности послужилъ предметомъ жаркой полемики между двумя, рѣзко уже тогда раздѣлявшимися, партiями—славянофиловъ и западниковъ. Славянофильство исходило изъ туманнаго нацiональнаго идеализма, основаннаго на нѣмецкой философiи, съ ея терминологiей. Западники, съ одной стороны, продолжали литературную традицiю Пушкина и Лермонтова и находились подъ влiянiеиъ Гоголя, съ другой—развивали свои взгляды «подъ влiянiемъ доходившихъ къ намъ отголосковъ политическаго и соцiальнаго возбужденiя европейскихъ обществъ около 1848 года».

Что касается отраженiя этихъ направленiй въ литературѣ, то художественныя произведенiя славянофиловъ (въ 40 и 50-хъ годахъ) были весьма немночислены: Стихотворенiя Хомякова, Ивана Аксакова, сочиненiя С. Т. Аксакова и повѣсти Кохановской. Въ

западнической школѣ выступаютъ писатели, принадлежащіе къ кружку Бѣлинскаго: появляются «Записки охотника», стихотворенія Некрасова и пр.

Къ этимъ двумъ литературнымъ партіямъ въ началѣ 50-хъ годовъ присоединился еще кружокъ писателей-народолюбцевъ, группировавшихся въ первое время около «Москвитянина». Здѣсь появились имена Островскаго, Писемскаго, Потѣхина, Андр. Печерскаго-Мельникова, Кокорева. Не будучи славянофилами, они не проходили и того философскаго развитія, которымъ отличались западники, но воспитывались въ традиціяхъ Пушкина и Гоголя и, вѣроятно, испытали на себѣ вліяніе послѣгоголевской литературы. Они обладали хорошимъ знаніемъ народнаго быта, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., Мельниковъ, были, что называется, «бывалые люди», много видавшіе на своемъ вѣку.

Въ произведеніяхъ этихъ писателей, безъ различія направленій, видимъ сознательное, любящее изображеніе свѣтлыхъ сторонъ народнаго характера и протестъ противъ народнаго угнетенія. «Вкладъ, сдѣланный новой повѣстью изъ народнаго быта, былъ довольно значителенъ. Новые повѣствователи затрогивали много новыхъ сторонъ быта, какія до тѣхъ поръ или совсѣмъ не находили мѣста въ литературѣ, или не находили такого точнаго изображенія: старинная жизнь, до воспоминаній о прошломъ вѣкѣ; купеческіе нравы; бытъ крестьянскій, раскольничій и т. п.; матеріалъ литературнаго языка размножался массой новыхъ оборотовъ народной рѣчи».

«Новые беллетристы прослыли знатоками и прекрасными разсказчиками изъ народнаго быта; каждое новое произведеніе ихъ встрѣчалось съ великимъ интересомъ, разбиралось и комментировалось. Но иные усумнились: имъ бросилось въ глаза, что въ новой повѣсти къ народному быту приложены въ сущности тѣ же самыя пружины (тѣ же литературные пріемы), которыя примѣнялись совсѣмъ къ иному порядку жизни (образованнаго класса) и здѣсь видимо не имѣли мѣста».

На эти недостатки новой повѣсти изъ народнаго быта указывалъ, между прочимъ, Анненковъ; но особенно строго отнесся къ ней Добролюбовъ. «Къ мужику,—говоритъ онъ,—приступали тогда съ тою же манерою, какъ и ко всѣмъ другимъ членамъ общества, т. е. заставляли ихъ постоянно прикидываться непомнящими родства. Какъ мужикъ съ своей деревней связанъ, кѣмъ управляется, какія повинности несетъ, чей онъ и какъ съ бариномъ, съ управляющимъ, съ окружнымъ или исправникомъ вѣдается — это вы могли открыть въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, — именно, когда попадался вамъ идеальный управляющій, какъ въ «Крестьянкѣ» (Потѣхина), или какъ въ «Лѣшемъ» (Писемскаго), напримѣръ... Житейская сторона обыкновенно пренебрегалась тогда повѣство-

вателями, а бралось, безъ дальнихъ справокъ, сердце человѣческое, а такъ какъ для него ни чиновъ, ни богатствъ не существуетъ, то и изображалась его чувствительность у крестьянъ и крестьянокъ. Обыкновенно герои и героини сгорали отъ пламенной любви, мучились сомнѣніями, разочаровывались—совершенно такъ же, какъ «Тамаринъ» г. Авдѣева или «Русскій черкесъ» г. Дружинина. Разница вся состояла въ томъ, что вмѣсто: «я тебя страстно люблю; въ это мгновеніе я радъ отдать за тебя жизнь мою», они говорили: «я тея страхъ какъ люблю; я таперича за тея жизнь готовъ отдать». А впрочемъ, все обстояло, какъ слѣдуетъ быть въ благовоспитанномъ обществѣ: у г. Писемскаго одна Маѳуша даже въ монастырь ушла отъ любви, не хуже Лизы «Дворянскаго Гнѣзда».

Многіе недостатки повѣсти изъ народнаго быта сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ объясняются внѣшнимъ положеніемъ литературы, и за нею все-таки остается немаловажная заслуга: она возбуждала въ обществѣ «чувства добрыя». «Писатель отыскивалъ и рисовалъ въ народномъ бытѣ его сочувственныя стороны, какія естественно отыскивать у несправедливо бѣдствующаго: рисовались человѣчные, выдержанные характеры, простота быта и нравовъ, природная мягкость и великодушіе и т. п. Григоровичъ дошелъ, до настоящей идилліи; Потѣхинъ—до чувствительной повѣсти; Писемскій—до сенсаціонной драмы»...

Но старый порядокъ вещей потерпѣлъ явное банкротство. Всѣ сознавали необходимость коренныхъ реформъ соціально-экономическаго быта. Крестьянскій вопросъ сдѣлался предметомъ серьезнаго правительственнаго и общественнаго интереса. Тогда, — говоритъ Добролюбовъ,—«безъ всякаго шума и грома, безъ особенныхъ новыхъ открытій, взглядъ общества на народъ сталъ серьезнѣе и осмыслился нѣсколько просто отъ предчувствія той дѣятельной роли, которая готовится народу въ весьма недалекомъ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появились и разсказы изъ народнаго быта, совершенно уже въ другомъ родѣ, нежели какіе являлись прежде». Отъ беллетристовъ прежней школы, снисходительно смотрѣвшихъ на народъ съ высоты своего величія и не чуждыхъ приторной сантиментальности, новые писатели, которыхъ принято теперь называть «народниками»,—отличаются прямымъ и строгимъ воззрѣніемъ на народъ. «Авторъ,—отзывается Добролюбовъ о Славутинскомъ,—говоритъ о мужикѣ просто какъ о своемъ братѣ: вотъ, говоритъ, онъ каковъ, вотъ къ чему способенъ, а вотъ чего въ немъ нѣтъ, и вотъ что̀ съ нимъ случается, и почему. Читая такой разсказъ, и дѣйствительно становишься въ уровень съ этими людьми, входишь въ ихъ обстоятельства, начинаешь жить ихъ жизнью, понимать естественность и законность тѣхъ или другихъ поступковъ, разсказываемыхъ авторомъ. И не смотря на то, что многое признаешь въ нихъ грубымъ и неправильнымъ, все-таки начинаешь

болѣе цѣнить этихъ людей, нежели по прежнимъ сахарнымъ разсказамъ: тамъ было высокомѣрное снисхожденіе, а здѣсь вѣра въ народъ».

Добролюбовъ привѣтствовалъ только первыя проявленія народничества и отмѣтилъ у писателей этого направленія «вѣру въ народъ», вмѣстѣ съ критическимъ отношеніемъ къ нему. Онъ не дожилъ до современнаго развитія народнической литературы. Между тѣмъ «чѣмъ дальше развивался разсказъ изъ народнаго быта, тѣмъ болѣе сказывалось въ немъ этнографическаго знанія и вмѣстѣ стремленія точнѣе передать общественныя стороны народнаго быта. У первыхъ разсказчиковъ, которые выступили въ литературѣ наканунѣ реформы (какъ Григоровичъ, Потѣхинъ, Писемскій), и новаго ряда ихъ, который началъ дѣйствовать одновременно съ нею (Слѣпцовъ, Николай Успенскій, Славутинскій и пр.), было несравненно меньше того знанія народной жизни, какое мы видимъ теперь не только у такихъ спеціалистовъ народной повѣсти, какъ Глѣбъ Успенскій, Златовратскій, Эртель, Наумовъ и др., но даже у второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей этой категоріи. Вопросы о народѣ разбирались въ литературѣ такъ настойчиво, наиболѣе талантливые и наблюдательные писатели такъ раздвинули рамки и подробности картинъ, что для новыхъ дѣятелей въ этой области становилось обязательнымъ гораздо болѣе внимательное изученіе, чѣмъ дѣлалось когда-нибудь прежде. Къ движенію чисто литературному присоединилось движеніе общественнаго характера, отразившееся съ своей стороны на литературномъ изображеніи народа. Мы говоримъ о такъ называемомъ «хожденіи въ народъ». Это явленіе, до сихъ поръ вполнѣ невыясненное, было во всякомъ случаѣ чрезвычайно любопытнымъ симптомомъ нашей общественной жизни шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ... Всего чаще полагаютъ (и это не однажды изображалось въ литературѣ, какъ напримѣръ, въ «Нови» Тургенева), что оно имѣло политическую подкладку и имѣло въ виду цѣли революціонныя и бунтовскія. Примѣры тому дѣйствительно бывали и оказывались безплодными и только фатальными для самихъ дѣятелей; но движеніе далеко не исчерпывается этими примѣрами и напротивъ гораздо многочисленнѣе были случаи, гдѣ «хожденіе въ народъ» имѣло характеръ мирнаго движенія съ задачами общественными и экономическими».

М. С—скій.

ВОСПОМИНАНІЕ О П. Н. ПЕТРОВѢ.

НЕДАВНО, въ одномъ изъ дальнихъ угловъ Волкова кладбища, мы опустили въ могилу одного изъ немногихъ и рѣдкихъ тружениковъ на поприщѣ русской науки. Одного изъ тѣхъ, которые принадлежатъ къ вырождающемуся поколѣнію литературныхъ и научныхъ дѣятелей, способныхъ неутомимо и самоотверженно работать безъ всякой корысти, безъ надежды на какой бы то ни было гонораръ:—такъ, просто изъ любви къ искусству... Такимъ именно дѣятелемъ и былъ въ теченіе всей своей жизни покойный Петръ Николаевичъ Петровъ, для котораго весь смыслъ, вся цѣль, вся прелесть жизни, заключались только въ одномъ—въ трудѣ.

При этомъ необходимо оговориться, и пояснить тѣмъ, кто не зналъ П. Н. Петрова, что понятіе о трудѣ (конечно, учено-литературномъ) было у него чрезвычайно-своеобразное. Трудъ представлялся ему не въ видѣ суммы усилій, затраченныхъ на то, чтобы добыть и передать въ литературной формѣ опредѣленное количество фактовъ за извѣстную построчную или полистную плату. Трудъ оказывался для него такою же обычною, естественною потребностью, какъ сонъ, какъ питье и пища; труду отдавалъ онъ безъ исключенія все свое время, весь свой день и часть ночи, никогда не разсчитывая на то, что этотъ трудъ ему можетъ что-либо принести, кромѣ удовольствія, которое онъ ему доставлялъ... За этимъ трудомъ онъ способенъ былъ все позабыть—пищу, сонъ, всякія житейскія потребности и, послѣ нѣсколькихъ недѣль самаго усиленнаго занятія тѣмъ или другимъ научнымъ вопросомъ, онъ способенъ былъ совершенно спокойно и равнодушно отъ него отвернуться... «Разочаровался, молъ, не нашелъ того, что̀ искалъ—и

потому бросилъ». А черезъ недѣлю послѣ такого разочарованія онъ уже опять вляжетъ въ свой трудовой хомутъ, опять ретиво вдастся въ какой-нибудь новый вопросъ, которому иногда посвящалъ недѣли, мѣсяцы, даже годы своей жизни... Однимъ словомъ, Петръ Николаевичъ никогда не придавалъ никакого значенія, никакой цѣны, личному труду; онъ даже не замѣчалъ его по той простой причинѣ, что жить, по его понятію, значило—трудиться, и процессъ жизни представлялся ему не иначе, какъ въ видѣ непрерывнаго процесса труда. При этомъ у Петра Николаевича, въ его понятіи о трудѣ, была еще одна весьма оригинальная особенность:—онъ могъ предаваться съ наслажденіемъ только такому труду, который ему нравился, труду, который онъ могъ осмыслить какою-нибудь (иногда весьма причудливой) идеей или теоріей— и для такого труда готовъ былъ жертвовать временемъ, энергіей— чѣмъ угодно! И если бы кому-нибудь вздумалось, во время одного изъ такихъ трудовыхъ увлеченій, предложить Петру Николаевичу такую работу, которая бы доставила ему солидный гонораръ, онъ навѣрно бы отказался отъ этой выгодной работы... Деньги—при его житейскихъ потребностяхъ—не имѣли для него рѣшительно никакого значенія!

Но въ чемъ же заключалась эта постоянная, непрерывная, нескончаемая работа Петра Николаевича? Гдѣ находилъ онъ себѣ матеріалъ для постоянныхъ увлеченій тѣми или другими вопросами? Въ какой спеціальной области почерпалъ онъ эти вопросы и изощрялъ свою наблюдательность? На всѣ подобные вопросы мудрено было бы дать положительный отвѣтъ, потому что у Петра Николаевича взглядъ на научные вопросы и ихъ изслѣдованіе былъ совершенно своебразный; а о спеціальности онъ никакого понятія не имѣлъ, и представлялъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ огромный, ходячій справочный лексиконъ по русской исторіи, географіи, археологіи, статистикѣ, нумизматикѣ, библіографіи, исторіи искусствъ, литературѣ, геральдикѣ, генеалогіи, архивовѣдѣнію и т. д. и т. д. Всѣми этими отраслями русской науки онъ занимался въ теченіе своей долгой жизни, всѣми занимался спеціально, вникая въ нихъ до мелочей, изучая предметъ до тонкости и увы!—весь пріобрѣтенный имъ матеріалъ, благодаря своей громадной памяти, сохранялъ и носилъ въ головѣ. Сегодня онъ исключительно предавался изученію новгородскихъ лѣтописей и древностей, потому что ему казалось, что онъ открылъ въ новгородской исторіи какой-то новый, никѣмъ еще незамѣченный законъ наслѣдственности посадничествъ въ одномъ и томъ же боярскомъ родѣ... Завтра, по поводу біографіи Лефорта, которую ему поручили написать въ одинъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ, онъ бросался за справкой въ какую-нибудь метрику одной изъ лютеранскихъ церквей, и вдругъ на полгода исключительно преда-

вался изученію метрическихъ книгъ всѣхъ петербургскихъ нѣмецкихъ приходовъ и добывалъ оттуда огромную массу хронологическихъ и біографическихъ данныхъ о русскихъ нѣмцахъ! И тотчасъ послѣ этого, по поводу засѣданія въ Обществѣ архитекторовъ, Петръ Николаевичъ заинтересовывался какимъ-нибудь совершенно спеціальнымъ вопросомъ русскаго зодчества и поднималъ на ноги всю археологію и всю церковную исторію, чтобы доказать, что, положимъ, голосники въ церковныхъ сводахъ были чисто-русскимъ или даже мѣстнымъ черниговскимъ явленіемъ, а не занесенымъ къ намъ изъ Греціи... Вслѣдствіе такого безпорядочнаго, но все же непрерывнаго и постояннаго накопленія самаго разнообразнаго научнаго матеріала, при колоссальной памяти Петра Николаевича, его голова оказывалась настоящимъ архивомъ, въ которомъ грудами навалены были существенно-важныя, драгоцѣнныя и совершенно не нужныя свѣдѣнія. Онъ смѣло могъ тягаться, въ области русской науки, съ любымъ, самымъ узкимъ спеціалистомъ, могъ, незадумываясь, приводить на память десятки именъ, сотни цифръ и датъ (ошибаясь въ нихъ довольно рѣдко)—и въ то же время, ничего не могъ сдѣлать самъ изъ своего богатѣйшаго запаса! У него на это не хватало ни литературнаго таланта, ни способности комбинировать, сопоставлять извѣстныя данныя, созидать изъ нихъ стройное цѣлое... Принимаясь что-нибудь излагать, онъ путался въ выводахъ, выражался не ясно и сбивчиво, вдавался въ эпизодизмъ, приходилъ иногда въ концѣ статьи къ неожиданнымъ для него самаго заключеніямъ. Это, конечно, не мѣшало ему писать во всѣхъ родахъ: то научныя изслѣдованія по самымъ спеціальнымъ вопросамъ, то историческіе романы, то драмы, то критическія статьи, то библіографическія замѣтки, то календарныя свѣдѣнія, то біографіи и некрологи, то чисто-топографическія розысканія, то родословныя таблицы... Для того, чтобы побудить Петра Николаевича къ занятію однимъ какимъ-нибудь трудомъ, нужно было съумѣть его этимъ трудомъ заинтересовать, нужно было его убѣдить въ томъ, что никто, кромѣ его, не можетъ этого труда выполнить—и затѣмъ уже можно было наваливать ему на плечи какую угодно массу работы... Только распоряжайся и направляй его такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ и не сообразилъ.

Я познакомился съ Петромъ Николаевичемъ въ 1871 г., когда оканчивалъ свою «Исторію Русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ». Встрѣтились мы какъ-то въ Публичной Библіотекѣ, разговорились — и онъ тотчасъ же, въ нѣсколько минутъ, сообщилъ мнѣ нѣсколько интересныхъ датъ, сдѣлалъ два-три важныхъ указанія на оригиналы портретовъ, вызвался составить къ книгѣ указатель... На другой или третій день, онъ пришелъ ко мнѣ уже какъ старый знакомый прямо къ обѣду, подробно допросилъ меня о годѣ,

днѣ и мѣсяцѣ рожденія, потомъ обратился съ тѣми же вопросами къ моимъ домашнимъ (которыхъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни), занесъ всѣ добытыя данныя въ свою записную книжку, справился о родословіи Полевыхъ вообще, затѣмъ вынулъ изъ задняго кармана сюртука маленькую зрительную трубку (онъ съ нею никогда не разлучался), разсмотрѣлъ въ нее всѣ портреты и гравюры на стѣнахъ, всѣ узоры на обояхъ и даже на платьяхъ жены моей и свояченицы—и ушелъ отъ насъ, кажется, часовъ въ 12 ночи...

Нѣсколько дней спустя, и я зашелъ къ Петру Николаевичу, не съ тѣмъ, чтобы отплатить ему визитъ—ему и въ голову не приходили визиты! — а по дѣлу, за одною обѣщанною справкою. Жилъ онъ тогда, какъ и вообще въ теченіе послѣдней половины жизни, на Малой Итальянской, въ одномъ изъ старыхъ и грязныхъ домовъ этой улицы и занималъ въ 5-мъ этажѣ одного изъ надворныхъ флигелей маленькую квартирку, къ которой вела необыкновенно крутая, скользкая и ароматическая лѣстница. Въ темной прихожей къ квартиркѣ меня встрѣтила громкимъ лаемъ цѣлая стая шавокъ и какихъ-то уродливыхъ собаченокъ, которыхъ, кажется, Петръ Николаевичъ кормилъ изъ жалости, спасая отъ голодной смерти на улицѣ. Затѣмъ ко мнѣ вышелъ самъ хозяинъ и ввелъ меня въ пріемную, въ которой, оглядѣвшись, я, къ крайнему удивленію, не увидалъ ни одного стула! Дѣло въ томъ, что вся эта комната сплошь, по стѣнамъ, по угламъ и по всей мебели (столамъ и стульямъ), была завалена лавиною въ нѣсколько тысячъ книгъ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли. Книги были вездѣ кругомъ, и всюду громоздились почти до потолка!.. Хозяинъ, однако же, не затруднился, — сбросилъ кучу книгъ съ одного изъ стульевъ на полъ, обтеръ стулъ рукавомъ сюртука и усадилъ меня. Затѣмъ, по поводу моей справки, намъ пришлось заглянуть и въ другую комнату, налѣво, и тамъ я увидалъ такое же убранство, какъ и въ первой, только съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь, кромѣ книгъ, были еще всюду навалены груды писанной бумаги, а среди этихъ грудъ одиноко и сиротливо возвышался письменный столикъ между окнами и убогая кровать, которая, повидимому, давно уже никѣмъ не оправлялась и не перестилалась... На столѣ стоялъ заблудившійся сапогъ и объѣдки какого-то давняго ужина.

Признаюсь, эта обстановка квартиры труженика ужасно меня поразила, въ особенности, когда я узналъ, что онъ женатъ и даже давно женатъ. Но потомъ, ближе узнавъ этого милаго чудака, я ужъ ничему не удивлялся ни въ его домашнемъ быту, ни въ его научно-литературной дѣятельности, ни въ его необычайно странныхъ воззрѣніяхъ на окружающую дѣйствительность.

Если бы можно было выяснить личность Петра Николаевича сравненіемъ, я бы сказалъ, что въ немъ было много общаго съ од-

нимъ изъ философовъ древности—съ Діогеномъ. Онъ точно такъ же, какъ и Діогенъ, способенъ былъ жить въ бочкѣ, спать на соломѣ, питаться, чѣмъ Богъ пошлетъ, и относиться съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ всѣмъ благамъ и всякому величію мірскому. Честности онъ былъ непомѣрной и неподкупной, и ужъ навѣрно во всю жизнь ни разу ни передъ кѣмъ не покривилъ душой; но честность эта была не «воинствующая», не торжествующая и трубящая о себѣ всѣмъ и каждому, а очень скромная, стыдливая, даже застѣнчивая. О себѣ и о своей учено-литературной дѣятельности онъ былъ очень высокаго мнѣнія; но и это мнѣніе высказывалъ не охотно и только въ крайнихъ случахъ, когда, въ горячемъ спорѣ, ему приходилось осадить какого-нибудь зарвавшагося нахала или недоучившагося писаку. Чрезвычайно добрый и снисходительный ко всѣмъ, для всѣхъ и всегда готовый на всякую услугу, онъ вообще относился къ людямъ гораздо лучше, нежели люди относились къ нему. Едва ли кто-нибудь другой изъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ видѣлъ и испыталъ болѣе Петра Николаевича всякихъ уколовъ самолюбія, всякихъ пренебреженій, невниманія и даже прямыхъ насмѣшекъ и оскорбленій. И онъ, какъ Діогенъ, все это переносилъ, забывалъ, никому не помня зла... Жизнь и дѣйствительность для него не существовали, внѣ его дѣятельности, внѣ того наслажденія, которое доставлялъ ему трудъ; а при чемъ же тутъ были люди?.. Въ оправданіе многихъ, относившихся къ Петру Николаевичу небрежно или нелюбезно, замѣтимъ, что онъ въ значительной степени и самъ бывалъ виноватъ въ томъ, что у него устанавливались иногда странныя отношенія къ окружающимъ:—онъ не признавалъ никакихъ общепринятыхъ приличій, былъ крайне чудачливъ, смѣшонъ по многимъ своимъ привычкамъ и обычаямъ, замѣчательно-неряшливъ въ внѣшности и костюмѣ, разсѣянъ до послѣдней степени, иногда даже докученъ тѣмъ, что не умѣлъ цѣнить чужое время и удаляться кстати.... Но эти маленькіе и ничтожные недостатки вознаграждались въ немъ столькими добродѣтелями и достоинствами, что всѣ близко-знавшіе Петра Николаевича всегда будутъ о немъ вспоминать съ глубокимъ сочувствіемъ и съ самымъ искреннимъ сожалѣніемъ. Вообще говоря, объ этомъ россійскомъ Діогенѣ можно было бы собрать и передать потомству сотни самыхъ забавныхъ и смѣшныхъ анекдотовъ; но изъ сотни людей его знавшихъ не нашлось бы, конечно, ни одного, который бы могъ разсказать о немъ хоть что-нибудь, что могло бы набросить тѣнь на его память.

Въ послѣднія два-три года жизни, Петръ Николаевичъ какъ будто нѣсколько оправился отъ ударовъ постоянно тяготѣвшаго надъ нимъ какого-то злого рока... Въ его семейной жизни произошла такая перемѣна, которая дала ему возможность вздохнуть нѣсколько свободнѣе. При томъ и огромная работа, которую онъ

взвалилъ на себя по Историческому Обществу, сильно его увлекала и нѣсколько улучшила его матеріальное положеніе. Онъ какъ будто даже повеселѣлъ, пообчистился, подстригъ свои длинные, космами висѣвшіе, волосы и бороду, проявилъ нѣкоторую небывалую щеголеватость въ костюмѣ—даже завелъ какую-то длиннѣйшую и претяжелую енотовую шубу! Еще незадолго до смерти, постоянно роясь въ біографическихъ данныхъ въ Публичной Библіотекѣ, онъ говорилъ одному пріятелю-профессору:

— Что вы, батенька, сгорбились? Старикомъ смотрите! Я на десять лѣтъ васъ постарше—а посмотрите-ка я каковъ? Сто двадцать лѣтъ прожить собираюсь!

Недѣли двѣ-три спустя послѣ этой бесѣды, мы прочли въ газетахъ о кончинѣ Петра Николаевича и пришли поклониться его гробу. Судьба, въ теченіе всей жизни не баловавшая покойнаго, и тутъ, при концѣ, какъ будто захотѣла посмѣяться надъ бѣднымъ и терпѣливымъ труженникомъ! Кому-то пришло нъ голову похоронить его въ очень пышной обстановкѣ: золотой глазетовый гробъ, покрытый золотымъ покровомъ, былъ поставленъ на высокій катафалкъ, подъ золотымъ балдахиномъ. Шестерикъ лошадей съ гербами (!) на траурныхъ попонахъ везъ похоронную колесницу; жандармы гарцовали кругомъ на коняхъ... Что сказалъ бы нашъ Діогенъ, если бы могъ вообразить себѣ, что какой-то досужій пріятель вздумаетъ его похоронить съ такою помпою?

Миръ праху твоему, честный и неутомимый труженикъ!..

П. Полевой.

ЮРЬЕВСКАЯ СЛОБОДА.

(Село въ Ростовскомъ уѣздѣ).

ПРИГОРОДНОЕ село «Юрьевская слобода» находится въ двухъ верстахъ отъ г. Ростова (Ярославской губ.) при рѣкѣ Ишнѣ. Оно извѣстно въ исторіи какъ мѣсто битвы, происходившей въ 1213 году между сыновьями князя Всеволода, Константиномъ и Юріемъ. Юрій, вмѣстѣ съ братомъ Ярославомъ, владимірцами и суздальцами, подошелъ къ Ростову. Его войско остановилось за рѣкою Ишней, а Константинъ разставилъ свои полки на бродахъ подлѣ рѣки и противники начали перестрѣливаться черезъ нее и перекидываться каменьями. Рѣка была, какъ и нынѣ, очень грязна, и потому Юрію съ Ярославомъ нельзя было приблизиться къ городу; они сожгли только кругомъ Ростова села, угнали скотъ и потравили жито. Затѣмъ, простоявъ другъ противъ друга четыре недѣли, братья помирились и разошлись по своимъ городамъ [1]). Это расположеніе войскъ за рѣкою Ишнею и затрудненіе непріятеля подойти къ Ростову съ другого мѣста, характеризуютъ младенче-

---

[1]) Переяславля-Суздальскаго лѣтопись объ этомъ событіи говоритъ: «И пришедше сташа у града Ростова за рѣкою Ишнею. Костянтинъ же ростави полкъ свой на бродѣхъ подлѣ рѣку. И тако начаша Ярославля дружина и Гюргева битися о рѣку Ишню: бѣ бо грязка вельми и просе бо нелзѣ пойти Гюргю и Ярославу ко граду Ростову и ту убиша Ивана Родославича. Стояче же у города много пакости сотвориша, села пожгоша, скотъ поимаша, жито пасоша. Стоявше же между собою недѣли четыре и умиришася цѣловавше крестъ. И разъѣхавшася кождо ихъ въ свояси».

скій способъ веденія войны. Очевидно, вмѣсто арміи, съ обѣихъ сторонъ была довольно не многочисленная толпа плохо вооруженныхъ мужиковъ, которая занималась лишь грабежомъ и безчинствами.

Когда въ 30-хъ годахъ проводили Московско-Ярославское шоссе, то около береговъ Ишни находили остатки желѣзныхъ орудій и наконечниковъ стрѣлъ желѣзныхъ и кремневыхъ, а на пашнѣ въ самой Юрьевской слободѣ около того же времени былъ выкопанъ перержавленный шлемъ, два меча и сгорѣвшіяся кольчуги (комками). Нашедшій ихъ крестьянинъ продалъ извѣстному тогда ростовскому собирателю Хлѣбникову († 1863), послѣ смерти котораго всѣ коллекціи были проданы кое-какъ, чуть не на рынокъ.

Изъ актовъ XV вѣка видно, что въ Юрьевской слободѣ было собственное управленіе выборныхъ людей — старостъ, десятскихъ и головъ. Слѣдовательно, слобода была поселеніемъ людей свободныхъ, такъ какъ въ актахъ того же времени она называлась дворцовымъ селомъ и имѣла деревянную церковь во имя великомученика Георгія. Изъ жалованной грамоты царя Михаила Ѳеодоровича, данной Авраміевскому монастырю 20-го марта 1618 г., видно, что царь Грозный пожаловалъ этому монастырю «изъ дворцовыхъ селъ деревню Богословскую на рѣчкѣ на Ишнѣ, гдѣ встрѣтилъ чудотворецъ Аврамей апостола Ивана Богослова и рѣчку Ишню и перевозъ по Богословскую деревню» [1]). Авраміевскій монастырь владѣлъ этимъ селомъ до 1764 года, послѣ оно было по какому-то случаю пожаловано дворянину Алмазову, за родомъ котораго значилось еще и въ 1811 г. [2]). Въ собраніи покойнаго П. В. Хлѣбникова находилось нѣсколько свитковъ касающихся этого села [3]) и между прочимъ одинъ изъ нихъ заключалъ прошеніе юрьевскаго попа Митрофана Александрова къ ростовскому митрополиту Іонѣ Сысоевичу, въ которомъ попъ Митрофанъ, въ лѣто 7183, мая въ 5-й день, слезно просилъ ростовскаго владыку перевести его въ городской ростовскій Рождественскій монастырь. Резолюція митрополита Іоны для попа Митрофана надо полагать была благопріятная, потому что не болѣе какъ черезъ 5 лѣтъ игуменья ростовскаго женскаго монастыря Ираида на этого попа тому же преосвященному митрополиту Іонѣ подала такую характерную жалобу:

«Государю преосвященному Іонѣ, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, бьетъ челомъ изъ городскаго Рождественскаго дѣвича монастыря богомолица твоя игуменья Ироида. Жалоба мнѣ государь того жъ Рождественскаго дѣвича монастыря на попа Митрофана Александрова. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 188-мъ году,

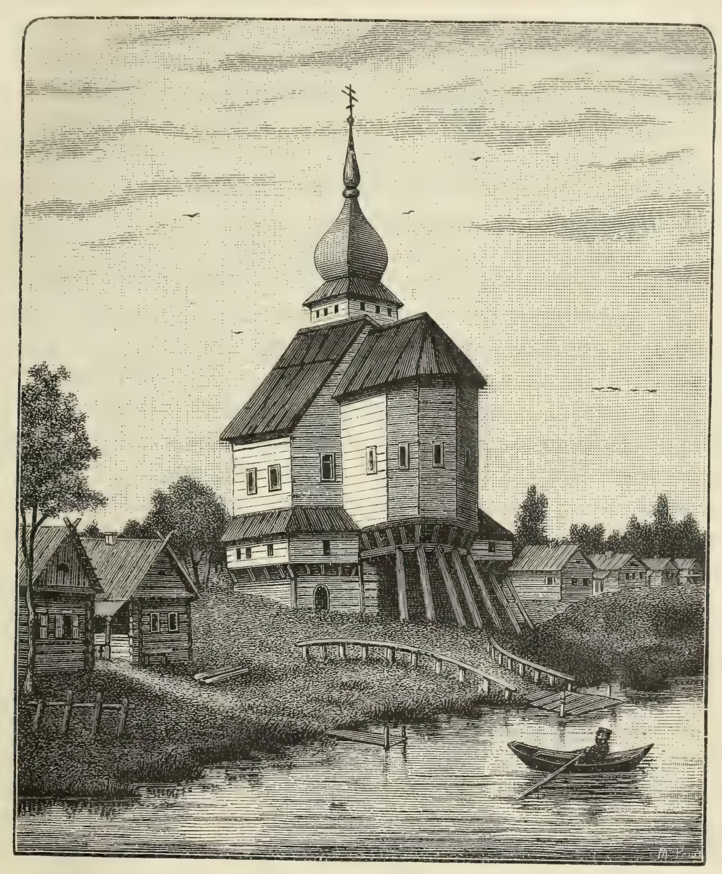
---

1) Списокъ съ этой грамоты находится въ монастырѣ.

2) Матеріалы для дворянскихъ родовъ Ростовс. уѣз. Булатова.

3) Поступили въ мое собраніе.

февраля въ 22-й день, въ великое заговѣнье на вечерни велѣла я будильницѣ монастырскія ворота, послѣ вечерни, спустя съ монастыря попа Митрофана, запереть и мірскихъ людей ни поповичевъ на монастырь не пущать. И онъ, попъ Митрофанъ, услышалъ мои слова и вышелъ изъ церкви въ трапезу и пришелъ ко мнѣ и учалъ меня бранить при всѣхъ сестрахъ всякою неподобною

Старая деревянная церковь въ Юрьевской слободѣ, близь г. Ростова (Ярославск. губ.).

Съ рисунка XVIII вѣка.

бранью: «собакой», «сукой» называлъ и всякія неистовыя слова говорилъ: «оглянись-де игуменья на себя: не горитъ ли келья твоя?» И сестры ему въ то время учали говорить: «За что-де ты, попъ, игуменью нашу бранишь и позоришь напрасно?» И онъ, попъ Митрофанъ, и сестеръ учалъ бранить также «собаками», «суками»; «привязать-де васъ къ монастырской оградѣ и вы бы вмѣсто собакъ лаяли и пер....; всѣмъ-де вамъ будетъ собачья смерть». И

въ нынѣшнемъ же государь, въ 188-мъ году, февраля въ 2-й день, казначея наша старица Пелагія и соборная старица Минодора Стоумова были онѣ на сокольничей слободкѣ у красильника у Дениса въ домѣ его. И онъ, попъ Митрофанъ, былъ тутъ же съ ними у красильника и съ старицами распоровался невѣдомо о чемъ и меня учалъ бранить и поносить напрасно всячески, что-де я за игуменьей знаю, у меня-де записаны дни и часы. И казначея начала на него являть, что де ты, попъ, за игуменьей знаешь и записываешь дни и часы; и онъ такія слова говорилъ, что и писать невозможно. А я, государь, за собою никакого дѣла не знаю, а потому онъ, попъ Митрофанъ, меня во многихъ людяхъ бранитъ и оглашаетъ и поноситъ, что я безчинія его не терплю и за сестеръ стою, а сестеръ онъ не токмо что бранитъ, но и бьетъ: старицу Александру крылошанку билъ въ церкви по щекамъ. И сестры многія мнѣ на него, попа Митрофана, извѣщаютъ, что онъ безчинствуетъ, и какъ онъ, попъ Митрофанъ, отслужитъ святую литургію и пойдетъ изъ церкви, а мірскіе люди попросятъ у него просвиры, и онъ имъ вмѣсто просвиры подаетъ, что невозможно писать, и въ то время излучилися за вороты двѣ старицы, Александра Кіевка да Марья часовода, и его безчинство видѣли и мнѣ извѣщали. И намъ, государь, отъ такого его наглаго безчинія житія не стало. Милостивый государь, преосвященный Іона, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, пожалуй меня богомолицу свою, обороня, государь, меня богомолицу свою отъ такого безчинника и коварника и вели, государь, ему, попу Митрофану, отъ мѣста отказать и благослови, государь, насъ иного попа вмѣсто его принять: У прежъ сего, государь, тебѣ, великому свитителю, на него, попа Митрофана, отъ всѣхъ сестеръ челобитная зарушная была, что онъ имъ негоденъ за многое его безчиніе. Преосвященный государь Іона, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, смилуйся, пожалуй!»

Не смотря на протекшіе шесть съ половиною вѣковъ послѣ ссоры Всеволодовичей, дорога отъ Ростова до Юрьевской слободы попрежнему «бѣ бо грязка вельми». Перевозъ же черезъ Ишню существовалъ до 1865 года, до введенія земскихъ учрежденій. Правда онъ доставлялъ крестьянамъ не малый заработокъ, который они и пропивали у тутъ же стоявшаго кабака.

Ростовское земство, съ первыхъ же дней своего существованія, устроило черезъ рѣку прочную дамбу и мостъ, а затѣмъ, видя безплодныя усилія сдѣлать что-либо изъ грунтовой дороги, провело шоссе и дорога теперь сдѣлалась одной изъ лучшихъ въ уѣздѣ.

Въ самомъ селѣ ничего нѣтъ замѣчательнаго. Каменная церковь во имя св. великомученика Георгія и св. Ѳеодора Стратилата сооружена въ 1828 г. Ѳ. Б. Мясниковымъ, вмѣсто деревянной, построенной по разрѣшительной грамотѣ знаменитаго ростовскаго митро-

полита Арсенія Мацѣевича въ 1752 г. Въ этой грамотѣ говорится, что прихожанамъ Юрьевской слободы, вмѣсто ихъ ветхой деревянной церкви, дозволяется выстроить деревянную же во имя Георгія Побѣдоносца. Рисунокъ этой ветхой церкви, сломанной по грамотѣ Мацѣевича сохранился вмѣстѣ съ видомъ части села и перевоза.

На мѣстномъ кладбищѣ, близь самой церкви, погребенъ рядомъ съ своею супругой и строитель храма, Θедоръ Борисовичъ Мясниковъ, бывшій голова г. Ростова, въ домѣ котораго останавливались императоры Александръ I, Николай I и императрица Марія Θеодоровна, проѣзжавшіе Ростовомъ во время своихъ путешествій. Θедоръ Борисовичъ, уроженецъ села Юрьевской слободы, крѣпостной крестьянинъ Алмазова, былъ сначала мясникомъ и скупалъ по деревнямъ скотъ; но, благодаря природному уму и энергіи, начавъ съ небольшой мясной торговли, окончилъ откупами и золотыми пріисками, оставивъ своимъ внукамъ милліонное состояніе и сдѣлавъ ихъ дворянами. Неблагодарные наслѣдники, извѣстные въ семидесятыхъ годахъ по знаменитому уголовному «Мясниковскому процессу», получивъ милліоны, не поставили на могилѣ своего дѣда даже простого деревяннаго креста. Могила храмоздателя и милліонера заросла травой и почти сравнялась съ землей. Добродушный сельскій старичекъ священникъ отыскалъ гдѣ-то простой довольно большой булыжникъ и положилъ его на эту сирую могилу. Sic transit gloria!..

Если теперь Юрьевская слобода ничѣмъ не замѣчательна, то прошлое столѣтіе, и даже въ началѣ нынѣшняго, она полна легендарными исторіями самаго развеселаго содержанія. Во время ростовской ярмарки, начинающейся съ первой недѣли Великаго поста, здѣсь было нѣчто, въ родѣ нижегородскаго Кунавина. Въ ней помѣщались веселые дома, изгоняемые ради великихъ дней изъ богоспасаемаго Ростова за городъ. Еще недавно были живы старики, которые, по разсказамъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, передавали о томъ веселомъ времячкѣ, бывшемъ въ ихъ селѣ въ началѣ нынѣшняго и прошлаго столѣтій. Стономъ стояло тогда село; много творилось тутъ, вдали отъ неусыпно бодрствующей градской полиціи, разныхъ безобразій; не только русскіе, но греки, армяне, татары, ходили веселиться изъ города въ эти злачныя мѣста. Въ особенности отличался гостепріимствомъ постоялый дворъ «тетки-царевны» [1]). Домъ ея,—«преузорчатый теремъ», гдѣ она принимала гостей, стоялъ съ поправками больше полутораста лѣтъ и сгорѣлъ лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ самый разгаръ одной изъ лучшихъ ярмарокъ, будто бы отъ поджога, учиненнаго завистниками. До насъ дошелъ видъ этого постоялаго двора, срисованный

---

[1]) Это названіе извѣстнаго сорта притонамъ сохранялось въ Ростовѣ до половины нынѣшняго стололѣтія.

въ прошломъ столѣтіи. Какъ архитектура великороссійскихъ древнихъ жилыхъ построекъ, сдѣланныхъ очевидно по прежнимъ болѣе старымъ образцамъ,– это зданіе дѣйствительно замѣчательно. За послѣднее время на нашей памяти уже не было такихъ домовъ въ уѣздѣ, хотя богатыя села Воржа, Угодичи, и имѣли довольно большіе деревянные дома, но совершенно другой архитектуры.

Ростовская ярмарка, нынѣ большой базаръ, съ 1807 г., въ которомъ по словамъ современнаго документа [1]) послѣдовало запрещеніе къ привозу въ Россію иностранныхъ обдѣланныхъ товаровъ, а позволенъ привозъ однихъ матеріаловъ, получила наибольшее развитіе. По словамъ той же записки, отъ этого запрещенія россійскія фабрики усились, а такъ какъ большая часть фабрикъ тогда была въ Ярославской, Владимірской и Костромской губерніяхъ, то фабриканты находили для себя болѣе удобнымъ всю полугодовую закупку матеріаловъ дѣлать на ростовской ярмаркѣ. Затѣмъ изъ приложенныхъ къ этой запискѣ свѣдѣній видно, что одного индиго (кубовой краски) было привезено на 4 милліона рублей, англійской пряжи на 3 милліона [2]) и льняной пряжи $3^1/_2$ милліона, а всего товаровъ было привезено почти на 50 милліоновъ рублей, причемъ пріѣзжали съ товарами не только изъ разныхъ мѣстъ русскіе купцы, но татары, армяне и даже персіане.

Другая, сохранившаяся до насъ исторія, касающаяся Юрьевской слободы, имѣвшая связь съ гостепріимнымъ постоялымъ дворомъ «тетки-царевны» есть разсказъ [3]) о знаменитомъ разбойникѣ Иванѣ Ѳадеевѣ, сосланномъ потомъ послѣ многихъ злодѣйскихъ подвиговъ на каторгу около 1790 года. Иванъ Ѳадеевъ былъ прежде дьячекъ села Осенева, Ярославскаго уѣзда; онъ долгое время держалъ въ страхѣ Ярославскую и Костромскую губерніи. За свое безсердечіе онъ назывался въ народѣ «Ванька Каинъ (проклятый)». По разсказамъ крестьянъ, онъ былъ заклятый разбойникъ: его ни чѣмъ нельзя было убить, не зная словъ заклятья. Къ своему несчастію Ванька Каинъ ихъ повѣрилъ одной женщинѣ, съ которой находился въ близкихъ отношеніяхъ, и эта женщина изъ ревности, пируя съ нимъ въ Юрьевской слободѣ на постояломъ дворѣ у царевны [4]), выдала властямъ. Ванька былъ высѣченъ кнутомъ и сосланъ на каторгу, съ которой онъ бѣгалъ уже нѣсколько разъ, будучи заклейменнымъ. Иванъ Ѳадеевъ жилъ больше за Великимъ

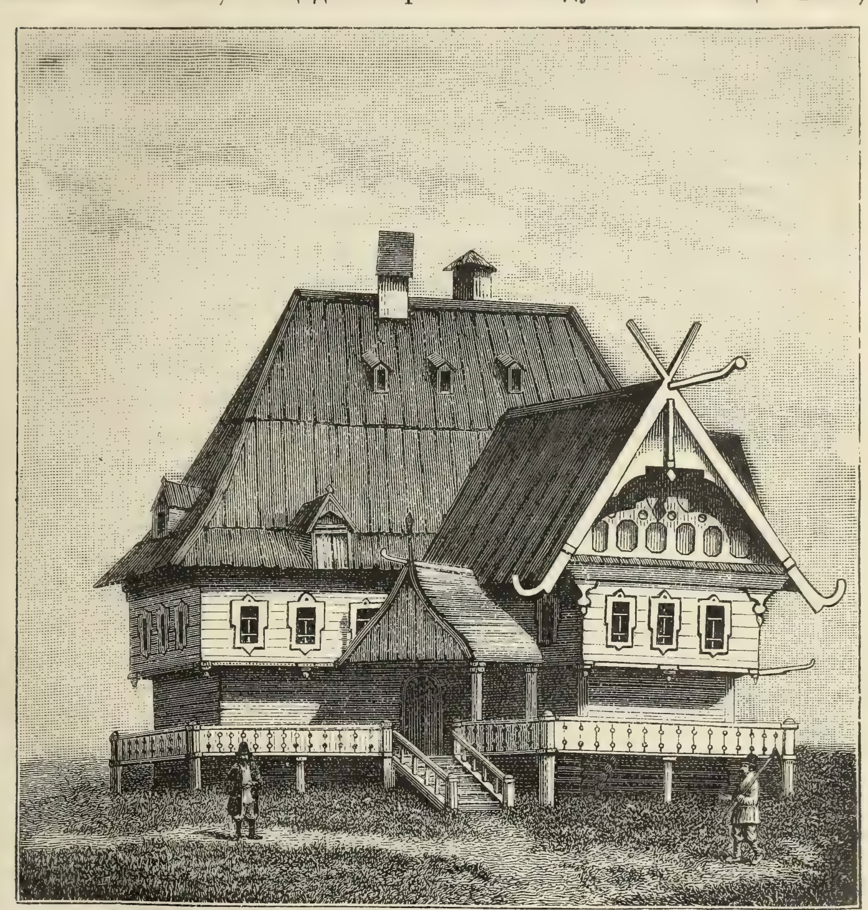
[1]) Записка о Ростовской ярмаркѣ, составленная въ 1817 г. «Вѣст. Яросл. земства» 1876 г.

[2]) Цѣна этой пряжи тогда была 180 руб. пудъ.

[3]) Разсказъ этотъ записанъ со словъ крестьянина Пріимковской волости Горностаева.

[4]) По другимъ разсказамъ это было на постояломъ дворѣ въ селѣ Карашѣ, такомъ же разбойничьемъ притонѣ.

селомъ, Ярославскаго уѣзда, и около г. Нерехты, въ подземельяхъ, откуда онъ и дѣлалъ съ своими сообщниками набѣги, наводя ужасъ на окрестныя селенія. Награбленное добро онъ зарывалъ въ разныхъ мѣстахъ, въ свое же жилище всего не увозилъ. По словамъ нѣкоторыхъ стариковъ села Пріимкова, Ванька убивалъ только богатыхъ, не щадилъ при этомъ и духовныхъ лицъ. Такъ,

Постоялый дворъ въ Юрьевской слободѣ, близъ г. Ростова (Ярославской губ.). Съ рисунка XVIII вѣка.

однажды, онъ явился въ село Пріимково [1]) и, услыхавъ, что у тамошняго діакона, великаго скряги, есть порядочный капиталъ, забрался къ нему въ домъ и сталъ требовать денегъ. Діаконъ уперся и добровольно отдать отказался. Тогда Ванька Ѳадеевъ сталъ палить діакона на вѣникахъ, «добывая языка». Обложенный

[1]) Ростовскаго уѣзда.

зажженными вѣниками, діаконъ не вынесъ пытки и указалъ разбойнику на мѣсто, гдѣ лежали деньги. Ванька Ѳадеевъ тотчасъ же прекратилъ пытку и, взявъ деньги, оставилъ діакона еле-живого. Въ 15-ти верстахъ отъ Юрьевской слободы, въ сѣверо-восточной части Ростовскаго уѣзда, на проселочномъ Нерехтскомъ трактѣ (бывшая военная Костромская дорога), близь деревни «Кетоши» лежитъ глубокій оврагъ или лоина, подъ названіемъ «Кетошскій потокъ», бывшій еще недавно самымъ опаснымъ мѣстомъ для проѣзжихъ, такъ-что и теперь тутъ во время ростовской ярмарки ставится пикетъ. Влѣво отъ «Кетошскаго потока», если ѣхать отъ Ростова, на косогорѣ стоитъ одиноко старая сосна; нижніе сучья ея мѣстами обрублены; а также порубленъ и самый стволъ ея къ корню, и поверхность земли около сосны носитъ слѣды давняго рытья, представляя изъ себя неровности въ видѣ ямъ и бугровъ, поросшихъ дерномъ. Объ этой соснѣ ходитъ среди насенія легенда, что ей больше ста лѣтъ, что всѣ старики помнятъ ее въ одномъ и томъ же видѣ: ни ростетъ она, ни старится, потому-что «заклятая». Подъ ней лежитъ большой кладъ, положенный на срокъ (т. е. на извѣстное число лѣтъ) и сосна стережетъ этотъ кладъ, пока не кончится срокъ. Кѣмъ и когда она посажена, никто не знаетъ, но полагаютъ тѣмъ же, кѣмъ положенъ и самый кладъ. А кладъ этотъ положенъ проклятымъ Ванькой Каиномъ, разбойникомъ, дьячкомъ Иваномъ Ѳадеевымъ [1]). Старожилы разсказываютъ, что многіе пытались открыть зарытый Ванькой Каиномъ кладъ, но не смотря ни на какія «зачуранія», ни на огражденіе крестомъ, кладъ не давался. Какъ только бывало дороются до него, такъ тотчасъ же и хлынетъ вода и закроетъ разрытое мѣсто до самой поверхности земли, а сосна, наклонясь, начнетъ больно хлестать копавшаго своими иглистыми вѣтвями, не дозволяя ему уйти отъ мѣста до тѣхъ поръ, пока онъ не завалитъ опять выкопанную яму вырытой изъ нея землей; причемъ какъ только начинали зарывать яму, вода уходила въ землю. Пытались также срубить самую сосну, но удалось лишь сдѣлать на ней нѣсколько насѣчекъ. Рубившаго одолѣвалъ безотчетный страхъ и дѣлалась сильная дрожь въ ногахъ. Иванъ Ѳадеевъ, судя по уцѣлѣвшимъ записямъ и разсказамъ, какъ самъ изъ духовнаго званія, водилъ большую дружбу со многими духовными лицами, которыя и помогали ему въ воровскихъ похожденіяхъ. До насъ дошелъ разсказъ извѣстнаго археолога и ученаго о. М. Я. Діева, бывшаго нерехтскаго священника [2]). Въ своемъ описаніи села Тетеринскаго, что близь г. Нерехты, бывшаго нѣкогда временнаго жилища извѣстнаго Воронежскаго епископа Льва Юрлова, по розыску тайной канцеля-

---

[1]) Патріаршее село Святославль, Ростовскаго уѣзда. А. Титова. Стр. 12.
[2]) Рукоп. моего собр. № 3475.

ріи высѣченнаго въ 1730 году кнутомъ, о. Діевъ, между прочимъ, упоминаетъ и о разбойникѣ Иванѣ Ѳадеевѣ.

Перечисляя священниковъ Тетеринскаго прихода, о. Діевъ особенно подробно останавливается на о. Стефанѣ, который принималъ въ своемъ домѣ митрополита Платона во время его путешествія по Костромской губерніи и пользовался въ теченіе своего 30-тилѣтняго служенія особымъ уваженіемъ. «Но, заключаетъ о. Діевъ, жизнь о. Стефана была не безъ огорченій. На ту пору онъ имѣлъ діакона злодѣя. Это былъ Михаилъ Метлинъ, пристанодержатель доселѣ свѣжо сохранившагося въ народной памяти [1]) разбойника здѣшней нерехтской стороны Ивана Ѳадеева. Метлинъ по ночамъ съ Ѳадеевымъ отправлялся на воровскіе поиски. Сколь ни кротко и терпѣливо о. Стефанъ обращался съ діакономъ, но необходилось безъ непріятныхъ столкновеній отъ свирѣпости звѣрскаго характера Метлина. Когда же, послѣ казни Ѳадеева, высѣченнаго кнутомъ и сосланнаго на каторгу, еще нѣсколько лѣтъ продолжался поискъ его сообщниковъ и объ нихъ слѣдствій, то Метлинъ, опасаясь о. Стефана, чтобы не обнаружилъ такую разбойническую жизнь, рѣшился его погубить. Около 1794 года съ церковниками дѣлили между собою въ лѣсу деревья, отведенныя прихожанами и когда отъ усталости сѣли, то дьяконъ Метлинъ вынимаетъ флягу съ виномъ; сначала подноситъ о. Стефану въ стаканѣ, коего внутренность была обмазана ядомъ, потомъ самъ пьетъ изъ другого стакана и поитъ прочихъ. Тутъ ядъ принялъ дѣйствіе: открылась рвота и кровотеченіе. Едва добрелъ и былъ доведенъ до дома, какъ на крыльцѣ въ сильныхъ конвульсіяхъ скончался незлобивый кроткій агнецъ. Но провидѣніе не оставило варвара безъ наказанія. Вскорѣ діаконъ подвергся уголовному преслѣдованію за зарѣзаннаго имъ работника и схороненнаго имъ подъ горницею своего дома, за что̀, по лишеніи священства, Метлинъ, около 1800 года, былъ сосланъ на каторгу въ Сибирь».

Теперь въ селѣ считается 39 дворовъ и 150 жителей. Была земская школа, но она въ 1888 году закрыта за малолюдствомъ учениковъ, а главное по нерадѣнію крестьянъ, которые не хотѣли позаботиться объ устройствѣ дома, не смотря на то, что попечитель школы жертвовалъ на домъ 1000 рублей. Часть крестьянъ занимается легковымъ извозомъ, отхожими промыслами, а остальные огородничествомъ и хлѣбопашествомъ. Благодаря близости города, пьянство развито въ огромныхъ размѣрахъ и если бы не этотъ порокъ, то село было бы одно изъ богатыхъ, такъ какъ для этого есть всѣ данныя, но крестьяне мало работаютъ, а больше пьютъ, гуляютъ и горланятъ пѣсни.

А. Титовъ.

[1]) Писано въ 1857 году.

КОРОЛЕВА МАРІЯ АНТУАНЕТТА.

(По новымъ даннымъ).

I.

Новыя изданія о Маріи Антуанеттѣ: де ла Рошетери, Пьера де Нольака и Фламермона. — Партіи дю-Барри и Шуазеля при французскомъ дворѣ. — Популярность Людовика XVI въ бытность его дофиномъ.—Тріанонъ и вредное вліяніе фаворитовъ на Марію-Антуанетту.—Попытки императора Іосифа II направить политику Франціи въ пользу Австріи и равнодушіе къ нимъ Маріи-Антуанетты.—Благородныя черты этой королевы.—Кардиналъ Роганъ, графиня де-ла Моттъ и исторія съ ожерельемъ королевы.—Ненависть къ Маріи-Антуанеттѣ.

ВЪ ИСТОРІИ Людовика XVI и Маріи Антуанетты, казалось бы, нѣтъ такихъ подробностей, которыя не повторялись бы сотни разъ на разные лады. И все-таки изъ года въ годъ появляются новыя изданія о несчастной королевской четѣ, представляющія давно извѣстные образы въ свѣжей окраскѣ. Особеннымъ предпочтеніемъ изслѣдователей этого періода французской исторіи пользуется королева революціи. Людовикъ XVI остается личностью менѣе привлекательной. Онъ совершенно пассивная натура, выносливая къ доставшимся ему страданіямъ. Не такова жена его. Легкомысленная и безпечная въ счастьѣ, она дѣлается истинной героиней, какъ только ее постигаетъ несчастье. Мирабо сказалъ, что Людовикъ XVI имѣлъ около себя только одного мужественнаго человѣка — свою жену. Что же удивительнаго, если въ сокровищницахъ Кліо собирается новый матеріалъ для освѣщенія трагической судьбы этой королевы.

Въ недавнее время три изданія снова оживили интересъ къ личности Маріи Антуанетты. Двухтомная «Histoire de Mariê Antoinette» Максима де ла Рошетери представляетъ обстоятельное и правдивое жизнеописаніе королевы. Затѣмъ роскошное изданіе Пьера де Нольака «La reine Marie Antoinette» съ превосходными фотогравюрами по современнымъ ей оригиналамъ, въ отдѣльныхъ очеркахъ, воспроизводитъ страницы изъ жизни Версальскаго двора при Маріи Антуанеттѣ, обрисовываетъ ея времяпровожденіе среди избранныхъ друзей и фаворитокъ и пребываніе въ за̀мкѣ Тріанонъ. Это—отчетъ о періодѣ ея счастья и блеска, когда Версальскій дворецъ служилъ домомъ веселья, а Тріанонъ — убѣжищемъ сантиментальности. Читатель можетъ видѣть здѣсь, какъ жизнь эта изображалась послѣдователями Ватто и Буше, Рослэномъ, Гюберъ-Роберомъ, Вермюллеромъ, Моро, Виже-Лебрэнь и другими, какія физіономіи имѣли графы д'Артуа, Колоннъ, благородный Тюрго, красивѣйшія придворныя дамы, приближенныя королевы—герцогиня Бурбонъ-Пентьевръ, герцогиня де-Полиньякъ, принцесса де-Ламбалль. По костюмамъ и прическамъ ихъ можно судить о нелѣпыхъ вкусахъ того времени.

Точно человѣческая глупость взгромоздилась на красивыхъ головкахъ придворныхъ дамъ въ видѣ многоярусныхъ прическъ. Королева однажды носила на головѣ цѣлую башню, на вершинѣ которой былъ разведенъ англійскій паркъ съ ручейками, цвѣтниками и лужайками. Цвѣты употреблялись натуральные, а для освѣженія ихъ держали воду въ пузырькахъ, которые скрывались внутри прическъ. Иныя дамы носили пѣвчихъ птицъ изъ драгоцѣнныхъ камней, соловьевъ, которые издавали свои трели или перепархивали на дамской головѣ при помощи особыхъ пружинъ. Версальская мода завладѣла вполнѣ королевой, какъ показываетъ воспроизводимый здѣсь портретъ ея по гравюрѣ въ краскахъ Жанине.

Третье изданіе, относящееся къ исторіи Маріи-Антуанетты называется «Correspondance secrète du comte du Mercy-Argenteau avec l'empereur Josef II et le prince de Kaunitz». Это тайная переписка австрійскаго посланника при французскомъ дворѣ съ австрійскимъ императоромъ и его канцлеромъ напечатана Фламермономъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ австрійскимъ исторіографомъ Арнетомъ, раньше издавшимъ переписку Маріи-Антуанетты съ ея матерью Маріей-Терезіей и братомъ—императоромъ Іосифомъ II. Тутъ она является дочерью и сестрою, а въ новомъ изданіи она обрисовывается какъ королева. Въ «Correspondance secrète» имѣются данныя о вліяніи Маріи-Антуанетты на внѣшнюю политику Франціи.

Этими тремя изданіями вполнѣ характеризуется трагическая судьба несчастной королевы французовъ, жертвы своего высокаго сана.

II.

Въ день ужаснѣйшаго изъ землетрясеній, бывшаго въ Лиссабонѣ, 2-го ноября 1755 года, Марія-Терезія разрѣшилась отъ бремени девятымъ ребенкомъ, который окрещенъ былъ именемъ Маріи-Антуанетты. Австрійскаго императора не мало встревожило это случайное совпаденіе. Марія-Терезія, говорятъ, спросила врача Гаснера о судьбѣ ребенка и получила такой отвѣтъ: «На обоихъ плечахъ видны скрещивающіяся линіи». Это предвѣщало нѣчто недоброе для судьбы ребенка. И когда Маріи-Терезіи пришлось подписывать брачный договоръ Людовика XVI съ Маріей-Антуанеттой, то у нея невольно дрогнула рука.

10-ти лѣтъ австрійская эрцгерцогиня лишилась отца, а на 14-мъ году ее уже намѣтили въ супруги дофину Франціи. Герцогъ Шуазель уладилъ это дѣло, и въ 1770 году Марія-Антуанетта отправилась во Францію. Въ Компьенѣ она впервые увидала своего нареченнаго. Весь дворъ былъ тогда восхищенъ юной принцессой. «Она походила на лилію» среди этого испорченнаго и истасканнаго люда, по замѣчанію Монжуа, знатока Версальской жизни того времени. 5-го мая она стала супругой наслѣдника престола Франціи.

Французскій дворъ въ тѣ времена раздѣлялся на два лагеря. Во главѣ одного стояла вліятельная фаворитка Людовика XV, г-жа дю-Барри; главой другого былъ герцогъ Шуазель, рѣшительный противникъ королевской метресы. Обѣ партіи открыто враждовали между собой. Союзъ съ Австріей, созданіе Шуазеля, считался его противниками чудовищнымъ. Молодой супругѣ дофина не хотѣли простить ея австрійское происхожденіе. Къ тому же дю-Барри стала опасаться вліянія красивой дофины на короля. До слуха фаворитки дошло совершенно невинное замѣчаніе, сдѣланное Маріей-Антуанеттой при первомъ свиданіи ея съ королемъ. За столомъ дю-Барри сидѣла рядомъ съ королемъ. На вопросъ Маріи-Антуанетты, кто это дама, ей отвѣтили: «Она здѣсь для того, чтобы развлекать короля». Наивно замѣтила Марія: «А, въ такомъ случаѣ объявляю себя ея соперницей». Съ тѣхъ поръ дю-Барри стала стремиться къ удаленію опасной и ей ненавистной наслѣдницы короны.

Но эти тайныя интриги были въ сущности пустяками въ сравненіи съ другой непріятностью. Людовикъ XVI холодно относился къ своей юной супругѣ. Враги «австріячки» уже въ тайнѣ потирали себѣ руки и больше всѣхъ—де-Вогюйонъ, бывшій гувернеръ дофина. Онъ даже мечталъ о расторженіи брака. Но Марія-Антуанетта терпѣливо переносила свою участь въ ожиданіи иного настроенія отъ супруга.

Королева Марія-Антуанетта.

По эстампу въ краскахъ Жанине.

Отношенія между супругами упрочились, какъ только герцогъ Шуазель палъ жертвою интригъ со стороны своихъ противниковъ и дю-Барри вслѣдствіе этого стала царить безъ соперниковъ. Она не потерпѣла дальнѣйшаго пребыванія дофина при дворѣ, и молодымъ пришлось образовать свой особый дворъ.

Дофинъ и жена его своей добротою снискали себѣ всеобщую любовь въ народѣ. О великодушіи Маріи-Антуанетты существуетъ множество разсказовъ. Любопытна, между прочимъ, одна изъ многихъ чертъ. Одна женщина изъ Версаля обратилась къ ней съ просьбой о помилованіи своего сына, приговореннаго къ смерти. Марія-Антуанетта немедленно отправилась къ королю и ходатайствовала за несчастнаго. Король отвергъ ея просьбу. Наслѣдница престола разрыдалась. Тогда король уступилъ. Сіяющая отъ счастья Марія-Антуанетта поспѣшила принести озабоченной матери радостную вѣсть. «Madame, сынъ вашъ спасенъ; вотъ повелѣніе короля.—Не благодарите меня, ибо я счастливѣе васъ».

Любовь народа къ дофину и его женѣ имѣла тѣмъ большее значеніе, что какъ разъ въ то време послѣдовала кончина Людовика XV (10-го мая 1774 года). При вступленіи на престолъ Людовика XVI вся Франція ожидала начала новой, счастливой эпохи. «Съ Маріей-Антуанеттой не будетъ болѣе никакихъ бѣдствій», — кричали парижане. — Но радость держалась не долго. «Вотъ уже слышится ворчаніе»,—черезъ нѣсколько дней заявляютъ очевидцы. Что же случилось? Послѣдовало назначеніе Морепа главнымъ министромъ. Людовикъ XVI тутъ совершилъ важную ошибку. Виновницей въ настоящемъ случаѣ явилась принцесса Аделаида. Она вліяла на короля и понудила его утвердить это назначеніе, которымъ была удивлена сама королева. Морепа, какъ замѣститель Шуазеля, былъ противникомъ королевы.

И дѣйствительно, новый министръ выказывалъ ей недовѣріе. А вмѣстѣ съ нимъ не довѣрялъ королевѣ и самъ король. Но Марія-Антуанетта опять запаслась терпѣніемъ. Фаворъ короля къ ней начался съ того дня, когда Людовикъ XVI обратился къ ней съ слѣдующими словами: «Теперь я въ состояніи исполнить ваше желаніе; прошу васъ принять большой и малый Тріанонъ. Эти красивыя мѣста всегда были резиденціей фав604 фаворитокъ королей, слѣдовательно, они должны стать теперь и вашей резиденціей». Въ этомъ сравненіи съ фаворитками не могло быть ничего оскорбительнаго для королевы въ глазахъ тѣхъ, кто зналъ, какое положеніе занимали любовницы при дворахъ французскихъ королей.

III.

Въ новой своей резиденціи королева нашла полную обстановку, богатую воспоминаніями. Не для королевъ Франціи былъ воздвигнутъ «этотъ домъ забавъ». Г-жа де-Помпадуръ повелѣла начать

постройку въ 1762 г. по планамъ Габріеля и въ 1768 г., когда все было окончено, истратила на постройку 736,056 ливровъ, не считая мрамора. Тутъ Помпадуръ умерла, и дю-Барри пришлось завладѣть дворцомъ Венеры, не для нея отстроеннымъ. Она зачастую здѣсь ужинала съ королемъ и въ современныхъ мемуарахъ не мало повѣствуется объ этихъ ужинахъ. Столъ при помощи особаго механизма поднимался изъ нижняго этажа вполнѣ сервированный и опускался снова для смѣны блюдъ. Не требовалось присутствія слугъ т. е. нескромныхъ свидѣтелей.

Особымъ предметомъ заботъ Маріи Антуанетты былъ садъ Малаго Тріанона. Все въ немъ исполнено по ея распоряженію, на ея глазахъ и подъ ея присмотромъ. Это былъ попреимуществу садъ королевы. Утомленная придворнымъ этикетомъ, искавшая себѣ уединеннаго уголка, гдѣ бы она могла не быть «королевой», она страстно хлопотала надъ устройствомъ своего сада. Антуанъ Ришаръ, графъ де-Караманъ, архитекторъ Микъ, представили проекты «по искусству устроивать новѣйшіе сады и по композиціи пейзажей или средствъ украшать природу вокругъ жилищъ». Королева выбрала проектъ Карамана. Послѣдній восхитилъ ее. Главнымъ мотивомъ въ этомъ проектѣ служитъ рѣчка, извивающаяся зміей среди просторныхъ лужаекъ, украшенныхъ цвѣтами. Изъ проекта Мика королева одобрила два мотива—круглый храмъ на островкѣ и бельведеръ на «горѣ» близь скалы.

Когда принялись за выполненіе проектовъ, то не оказалось главнаго — денегъ. Напрасно Тюрго возставалъ противъ такой затраты. Королева вскорѣ восторжествовала надъ всѣми помѣхами, не смотря на то, что онѣ обусловливались плохимъ состояніемъ финансовъ.

Недовольство публики, однако, не замедлило проявиться. 17-го сентября 1776 г. Мерси пишетъ Маріи Терезіи: «Публика сперва съ удовольствіемъ относилась къ тому, что король подарилъ Тріанонъ королевѣ. А теперь начинаютъ тревожиться и возмущаться расходами, дѣлаемыми на это его величествомъ».

Въ книгѣ Нольака читатель найдетъ подробности о ночныхъ и сельскихъ празднествахъ, задававшихся въ Тріанонѣ, и о жизни, какую вела тамъ королева. Марія Антуанетта съ каждымъ годомъ все болѣе привязывалась къ этой резиденціи, сперва ради удовольствій, а потомъ для спокойствія и самоутѣшенія. Обыкновенно она отправлялась туда пѣшкомъ въ сопровожденіи своего камердинера, поливала свои любимыя растенія, въ фарфоровыхъ вазахъ съ ея шифромъ, украшавшихъ аллеи и лѣстницы домиковъ, сама доила коровъ въ костюмѣ фермерши, какъ видно на прилагаемомъ ея портретѣ этого рода.

Чувствуя себя довольной, королева пользовалась въ Тріанонѣ и развлеченіями, въ которыхъ главнымъ коноводомъ былъ графъ

д'Артуа, впослѣдствіи король Карлъ X. Злые языки вскорѣ не преминули пустить въ ходъ разныя сплетни на счетъ поведенія королевы. Даже Марія Терезія сочла нужнымъ предупредить дочь: «о графѣ д'Артуа говорятъ, что онъ способенъ на всякую выходку; поэтому тебѣ не слѣдуетъ допускать его къ себѣ, иначе ты можешь имѣть большую непріятность». Марія Антуанетта успокоила мать, но осторожнѣе не стала нисколько. Сознаніе своей незапятнанности дѣлало ее безпечной. Но она упустила изъ вида, что за ней зорко слѣдили тысячи глазъ, что люди такъ склонны легкомысленно порочить ближняго, и за это поплотилась многими горькими днями. Къ кругу ея довѣренной фаворитки, г-жи де-Полиньякъ, принадлежали кавалеры, лишенные всякихъ нравственныхъ принциповъ, люди безхарактерные, и со стороны королевы, конечно, было легкомысліемъ вращаться въ средѣ этихъ кавалеровъ или предаваться развлеченіямъ въ домѣ г-жи Ламбалль.

Эта среда не осталась безъ вліянія на королеву. Страсть Маріи Антуанетты къ дорогимъ вещамъ зародилась именно съ того времени. «До сихъ поръ,—пишетъ графъ Мерси,—королева не обнаруживала вкуса къ дорогимъ туалетамъ, а теперь она отъ бриллiантовъ, перьевъ, высокихъ причесокъ, обнаженныхъ плечъ, стала гораздо блистательнѣе, но вовсе не красивѣе. Всѣ подражаютъ ей, женщины разоряютъ свои дома ради брилліантоваго пера, которое походило бы на перо королевы».

Всеобщее недовольство не заставило себя ждать. Сплетни на счетъ королевы проникли въ народъ и послѣдній открыто выказывалъ непріязненность къ ней. «Во время послѣдняго путешествія королевы», сообщаетъ Мерси,—народъ выказывалъ къ ней очень мало предупредительности, и эта правительница, сердце которой столь благородно, такъ смутилась, что съ грустью спрашивала, что же, однако, я сдѣлала?» «Но—прибавляетъ австрійскій посланникъ—зло сидитъ глубже, тайные и клеветническіе пасквили, безнравственныя пѣсни, сочиняемыя при самомъ дворѣ, такъ рѣзко измѣнили французскую снисходительность и любезность».

IV.

Небезъизвѣстно, что королеву Марію-Антуанетту упрекали въ томъ, что она вліяетъ на политику Франціи въ пользу Австріи. Еще до начала революціи въ Парижѣ ее называли «Autrichienne» знали, что австрійскій посланникъ, графъ Мерси-Аржанто, часто бывалъ при дворѣ и пользовался довѣріемъ королевы. Но какимъ образомъ въ дѣйствительности императоръ Іосифъ II, Кауницъ и Мерси вліяли черезъ королеву на французскую политику, объ этомъ современники Маріи-Антуанетты не имѣли тогда точныхъ свѣдѣній. Только теперь это выясняется изъ опубликованной

Видъ замка Тріанонъ. (Съ лѣваго берега рѣки со стороны храма любви).

По гравюрѣ Нэя съ рисунка Леспинаса.

Арнетомъ и Фламермономъ переписки графа Мерси съ императоромъ Іосифомъ и Кауницемъ.

Франція и Австрія состояли тогда въ тѣсномъ союзѣ и князь Кауницъ не даромъ выдалъ замужъ эрцгерцогиню 14½ лѣтъ за 16-ти-лѣтняго дофина Франціи. Но Кауницъ строилъ свои комбинаціи, не разсчитавъ, что королева можетъ разрушить всѣ ожиданія австрійскаго государственнаго канцлера. Марія-Антуанетта не питала склонности къ политикѣ и не желала заниматься ею. Она больше любила развлеченія. Уже въ первыхъ письмахъ графа Мерси къ Іосифу II заявляется, что всѣ старанія австрійскаго посланника заинтересовать королеву политическими событіями, оказываются безплодными, что кавалеры и дамы изъ круга ея приближенныхъ достигаютъ всего, чего только захотятъ, и эксплоатируютъ ее. Въ такихъ случаяхъ она энергически заступается за нихъ. Но какъ только дѣло касается серьезныхъ вопросовъ, то на нее нападаетъ какая-то робость. Императоръ Іосифъ отвѣчалъ на это, что изъ донесеній графа онъ видитъ, какое терпѣніе требуется отъ посланника, но что съ неакуратнаго должника слѣдуетъ брать, сколько бы онъ ни отдалъ. Посланникъ не терялъ надежды на успѣхъ своего вліянія, когда у королевы родится наслѣдникъ престола. Положеніе ея должно тогда упрочиться относительно воздѣйствія на короля. Но съумѣетъ ли она извлечь выгоды изъ этого положенія? Вотъ вопросъ, занимавшій графа Мерси въ письмахъ къ Іосифу II.

И, какъ потомъ оказалось, королева не съумѣла воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ, и Мерси опять сѣтуетъ на ея легкомысліе, на ея страсть къ развлеченіямъ, на ея несчастную боязнь скуки. Опера Глюка или маскарадъ ей кажутся предпочтительнѣе всякихъ политическихъ вопросовъ. Порта и политика Екатерины II мало интересуютъ ее. Въ то время, какъ въ Вѣнѣ возникаетъ мысль о союзѣ съ Россіей для раздѣла Турціи, графъ Мерси жалуется, что съ королевой ничего не подѣлаешь. Съ тѣхъ поръ, какъ она занята воспитаніемъ своей дочери, съ ней нельзя вести никакого серьезнаго разговора. Она принимаетъ посланника въ присутствіи ребенка, и бесѣды съ нимъ ежеминутно прерываются забавами съ ребенкомъ. Королева такъ разсѣяна и невнимательна, что едва слышитъ, что ей говорятъ, и не знаетъ, что ей отвѣчать.

Такимъ образомъ, политика преслѣдовала королеву даже въ дѣтской, но все-таки оказывалась ей недоступной. Императоръ Іосифъ II старался выиграть время, сохранить союзъ съ Франціей и не отвергать настойчивыхъ требованій императрицы Екатерины II, словомъ, sauver la chèvre et le choux. Онъ укоряетъ свою сестру-королеву за то, что Франція не желаетъ предоставить Австріи никакихъ выгодъ, которыя нисколько не могутъ вредить Франціи.

Въ союзѣ Австріи съ Франціей показываются нѣкоторыя прорѣхи, такъ что даже королева начинаетъ убѣждать короля, насколько опасенъ былъ бы для Франціи разрывъ съ Австріей, ибо-де Франціи пришлось бы остаться въ одиночествѣ. Но вскорѣ она опять

Башня Мальборо въ Тріанонѣ.

По фотографіи съ натуры.

забываетъ объ этомъ дѣлѣ, и Іосифъ II все болѣе сближается съ Россіей. 13-го мая 1784 г. онъ пишетъ Мерси, что, по его убѣжденію, французское правительство выжидаетъ только удобнаго случая, чтобъ сбросить съ себя маску и вступить въ союзъ съ Прус-

сіей. «Я теперь знаю, что Франція считаетъ для себя невыгодной всякую выгоду Австріи; слѣдовательно, долгъ мой требуетъ того, чтобъ быть готовымъ къ разрыву между нами и найти поддержку въ иномъ мѣстѣ».

V.

Насколько Марія-Антуанетта чуждалась политики, настолько же она была предана своей семьѣ. «Она нѣжнѣйшая изъ матерей, какихъ только я знала»,—писала о ней г-жа Сталь, вообще не питавшая большой симпатіи къ королевѣ. Рядомъ съ этой чертой нельзя не намѣтить другія черты, поднявшія престижъ королевы въ глазахъ народа. Король пожелалъ подарить ей необыкновенное ожерелье изъ жемчуга и брилліантовъ. Въ то время война съ Англіей требовала большихъ жертвъ со стороны Франціи. Марія-Антуанетта долго любовалась ожерельемъ и затѣмъ возвратила его королю, сказавъ: «намъ корабли нужнѣе драгоцѣнностей». Тѣхъ, кто сражался и получилъ раны за отечество, она отличала достойнымъ образомъ, вопреки всѣмъ правиламъ строгаго французскаго придворнаго этикета. Ламетъ, вернувшись раненымъ, съ извѣстіемъ о побѣдѣ, былъ принятъ въ аудіенціи королевской четой. Опираясь на костыль, молодой герой вошелъ въ королевскіе покои. По правиламъ придворнаго церемоніала, онъ обязанъ былъ стоя рапортовать о результатахъ боя. Но онъ казался утомленнымъ. Повязка съ его раны упала и онъ зашатался. Марія-Антуанетта, замѣтивъ кровь, немедленно поспѣшила перевязать рану. Въ смущеніи Ламетъ противился. «Позвольте,—сказала королева,—я горжусь тѣмъ, что могу такъ почтить защитника Франціи». Такимъ же образомъ она отличила и храбраго адмирала д'Эстенжа. За придворнымъ столомъ онъ вытянулъ свою раненую ногу на большой скамейкѣ, которую королева собственноручно пододвинула къ нему, къ изумленію всѣхъ присутствовавшихъ.

Эти и подобныя черты только возвышали популярность королевы. 28-го октября 1781 г. родился и такъ долго ожидавшійся дофинъ. Вся Франція ликовала. Король чувствовалъ себя счастливцемъ. До покоевъ королевы доносились радостные возгласы толпы. Марія-Антуанетта торжествовала. «Наградите безсчетно бѣдняковъ»,—сказала она Людовику XVI. Тогда же она основала пріютъ для бѣдныхъ рожениць. Казалось, что теперь для королевы настало время безмятежной, радостной жизни. Но судьба рѣшила иначе. Всѣ непріятности, всѣ горести, пережитыя Маріей-Антуанетой во Франціи, были ничто въ сравненіи съ испытаніями, какія вслѣдъ затѣмъ ей пришлось вынести.

Королева достигла апогея своей популярности, и тутъ-то сдѣлалась жертвой алчности. Еще на пути въ свое новое отечество,

въ Страсбургѣ, она встрѣтила господина, который впослѣдствіи явился участникомъ мошенничества, продѣланнаго съ королевой. Это былъ племянникъ и помощникъ стараго кардинала Рогана, князь и потомъ самъ кардиналъ де Роганъ. Знавшіе этого прелата считали его способнымъ на все, для удовлетворенія своихъ вожделѣній. «Легкомысленный и сомнительной нравственности — такъ характеризуетъ его герцогъ де Брольи («Secret de roi») — любящій только праздность, презирающій всякій трудъ, князь Роганъ вызывалъ въ людяхъ насмѣшки». Уже въ то время, когда Людовикъ XV назначилъ его французскимъ посланникомъ въ Вѣну, Марія-Антуанетта выразилась о немъ: «онъ происходитъ изъ именитой фамиліи, но его образъ жизни скорѣе напоминаетъ солдата, чѣмъ сановника церкви». Роганъ тогда переписывался съ дю-Бари и распространялъ разныя клеветы про Марію-Терезію. Неудивительно, что дочь австрійской императрицы противилась потомъ назначенію его главнымъ духовникомъ короны. Но князь все-таки одержалъ побѣду и вскорѣ возъимѣлъ самыя дерзкія намѣренія относительно королевы. Онъ всячески добивался видѣть ее и говорить съ ней. Одна авантюристка провѣдала объ этихъ вожделеніяхъ кардинала. То была графиня де-ла-Моттъ, вскорѣ послѣ брака оставившая своего мужа и переселившаяся въ Парижъ. Тамъ она наняла себѣ квартиру, рядомъ съ Жозефомъ Бальзамо, извѣстнымъ подъ именемъ Каліостро. Черезъ Каліостро, котораго кардиналъ Роганъ ввелъ въ кругъ аристократіи, она сблизилась съ этимъ княземъ и вскорѣ узнала объ его слабости. Де-ла-Моттъ рѣшилась воспользоваться ею въ своихъ выгодахъ и составила дьявольскій планъ.

Ей небезъизвѣстно было, какъ и всѣмъ тогда въ Парижѣ, что королева въ третій разъ не пожелала принять цѣнное ожерелье, предложенное ей Людовикомъ XVI. Придворные ювелиры Бемеръ и Банажъ, тщетно предлагавшіе многимъ дворамъ эту драгоцѣнность, снова обратились къ королевѣ съ тѣмъ же предложеніемъ, но не имѣли успѣха. Все это быстро стало извѣстно, и всѣ спѣшили къ витринѣ ювелировъ, гдѣ было выставлено знаменитое колье. И де-ла-Моттъ любовалась имъ и возъимѣла намѣреніе такъ или иначе овладѣть имъ. Она безпрестанно разсказывала кардиналу Рогану о королевѣ, которую она будто бы посѣщала ежедневно, а на самомъ дѣлѣ, свѣдѣнія ея шли отъ дворцовой прислуги. Однажды, она увѣрила его, что у нея съ королевой былъ разговоръ спеціально о немъ. Черезъ нѣсколько дней лукавая графиня сообщила ему, что Марія Антуанетта требуетъ отъ него письменнаго признанія. Глупецъ повѣрилъ и написалъ свое признаніе въ любви. Де-ла-Моттъ не остановилась на этой продѣлкѣ. Она брала письма кардинала для передачи королевѣ и приносила ему отвѣты отъ нея, которые сама поддѣлывала съ помощью Рето де Виллета.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, одурѣвшій кардиналъ получалъ и писалъ любовныя письма. Однажды, «королева» попросила у него 60,000 франковъ «чтобъ одолжить одному благородному семейству, находившемуся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ». Кардиналъ чувствовалъ себя счастливымъ отъ такой услуги королевѣ. Авантюристка продолжала искусно вести свою игру. Вскорѣ «королевѣ» понадобились еще деньги. Роганъ съумѣлъ добыть ихъ, а де-ла-Моттъ взяла ихъ себѣ и подѣлилась ими съ своимъ сообщникомъ. Она была такъ увѣрена въ безнаказанности своего мошенничества, что дерзнула нанести послѣдній ударъ. Отъ имени королевы въ поддѣльномъ письмѣ, кардинала просили, съ соблюденіемъ строжайшей тайны, купить вышеупомянутое колье для Маріи-Антуанетты. Роганъ пригласилъ къ себѣ ювелировъ и показалъ имъ письмо королевы. Имъ не пришло на мысль заподозрить подлинность подписи «Marie-Antoinette de France», хотя она обыкновенно подписывалась «Marie-Antoinette d'Autriche».

Торгъ былъ заключенъ. При доставкѣ колье уплачивалось 30,000 ливровъ, остальные 1.600,000 ливровъ должны были погашаться по 400,000 черезъ каждые четыре мѣсяца. Колье было доставлено въ Версаль немедленно. Тамъ ждала кардинала де-ла-Моттъ въ комнатѣ, къ которой примыкалъ зеркальный кабинетъ, откуда онъ могъ все видѣть, самъ небудучи замѣченъ. Обманщица приняла коробку съ драгоцѣнностью, передала ее своему сообщнику Рето де Виллетъ, на этотъ разъ вырядившемуся въ ливрею, а тотъ принялъ коробку съ словами «именемъ королевы». Рогану не показалась подозрительной вся эта нелѣпая комедія.

Нѣкоторое подозрѣніе явилось у него только вотъ по какому случаю. Часто встрѣчая королеву въ капеллѣ, онъ все ждалъ отъ нея какого-нибудь знака, но его не послѣдовало, и кардиналъ поспѣшилъ выразить де-ла-Моттъ свое удивленіе по этому поводу. Тогда авантюристка измыслила такую махинацію. Она знала одну куртизанку, на первый взглядъ походившую на королеву, и наняла ее разъиграть роль королевы подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы потребовалось оказать услугу королю. Де-ла-Моттъ вышколила подставную «королеву». Чего не доставало послѣдней, то дополнялось костюмомъ. Въ укромномъ мѣстѣ, въ рощицѣ, кардиналу назначили свиданіе. Мнимая «королева» подошла къ своему кавалеру и шепнула ему: «какъ я рада васъ видѣть», затѣмъ она подала ему розу и поспѣшно скрылась. Простофиля былъ внѣ себя отъ счастья. Вернувшись въ Парижъ, онъ бросился въ объятія Каліостро и называлъ себя счастливѣйшимъ изъ людей. А де-ла-Моттъ вынула изъ оправы колье самые дорогіе каменья и отправила ихъ въ Англію и Голландію.

Игра продолжалась бы, вѣроятно, еще долго, если бы не раскрылось все дѣло совершенно случайно. Когда прошли назначен-

ные сроки для уплаты за колье, и отъ двора никакихъ взносовъ не поступило ювелирамъ, послѣдніе стали тревожиться. Одинъ изъ нихъ представилъ королевѣ письменное напоминаніе. Она бросила въ каминъ это письмо. Но напоминанія слѣдовали одно за другимъ

Марія Антуанетта въ костюмѣ фермерши.

По гравюрѣ Рюотта.

безпрерывно, пока министръ двора, баронъ де-Бретейль, не узналъ всей исторіи.

Баронъ былъ личнымъ врагомъ кардинала, и съ радостью воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ насолить Рогану. Королева, узнавъ, какъ дерзко играли ея честью и ея именемъ, потребовала,

чтобъ кардиналъ явился во дворецъ. Въ присутствіи короля она спросила его: «Какъ же вы, милостивый государь, могли подумать, вы, съ которымъ я уже 8 лѣтъ не сказала ни слова, что я изберу васъ для такого торга». «Государыня,—отвѣтилъ кардиналъ,—я слишкомъ взволнованъ, чтобъ дать опредѣленный отвѣтъ».

Кардинала посадили въ Бастилію. Къ счастью для него, онъ успѣлъ по-нѣмецки шепнуть одному изъ своихъ служителей: «сожгите все». Только такимъ образомъ удалось уничтожить поддѣльныя письма «королевы», компрометировавшія кардинала. Также и письма кардинала, пересылавшіяся имъ къ де-ла-Моттъ, были преданы огню, какъ только авантюристка провѣдала о неожиданномъ оборотѣ дѣла. Главную виновницу, какъ и ея соучастниковъ, также заключили въ Бастилію. По желанію самой королевы, процессъ разбирался гласно и открыто, чтобъ показать всѣмъ, для какой позорной затѣи она послужила жертвой.

Предварительное слѣдствіе тянулось десять мѣсяцевъ. Сильные родственники кардинала, изъ фамилій Роганъ, Субизъ и Марсанъ, съумѣли не только общественное мнѣніе, но и судей настроить въ пользу кардинала и противъ королевы. Многіе радовались скандальному процессу, изъ ненависти къ «австріячкѣ» и даже осуждали Марію-Антуанетту. И вышло нѣчто невѣроятное. Кардиналъ 31-го мая 1786 г. былъ оправданъ большинствомъ трехъ голосовъ. Прочіе главные участники подверглись строгимъ карамъ. Толпа съ восторгомъ привѣтствовала кардинала и Каліостро, когда они вышли изъ зданія суда. Это явилось какъ бы демонстраціей противъ королевы.

Послѣдняя, негодуя на подобный приговоръ суда, горько жаловалась на несправедливость судей и требовала, чтобъ король со всей строгостью своей власти наказалъ «этого высокопоставленнаго виновника, этого безчестнаго прелата». Людовикъ XVI уступилъ желанію королевы. Кардиналъ потерялъ свое мѣсто главнаго духовника и былъ сосланъ въ одно изъ его аббатствъ. Тогда-то разразилась буря противъ королевы. Ее стали винить въ тираніи и деспотизмѣ безграничномъ и невыносимомъ. Безчисленное множество памфлетовъ противъ Маріи-Антуанетты распространилось по всей Франціи. Ненависть ослѣпила людей.

Ѳ. Б.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ТАЛЕЙРАНА[1]).

VI.

Фальсификація «Записокъ».—Исполнитель завѣщанія, не видавшій въ глаза того, что ему завѣщано. — Профессоръ Оларъ и посланникъ Бакуръ. — Поддѣлка корреспонденціи Мирабо.—Талейрановская легенда.—Офиціальный историкъ, защищающій дипломата. — Наполеонъ и Виландъ. — Трагедія и исторія. — Оцѣнка Тацита.— Министръ, старающійся разорвать дружбу двухъ императоровъ.—Политическіе планы Талейрана. — Паденіе имперіи. — Умолчаніе «Записокъ» о 1812 годѣ.—Вѣнскій конгрессъ.— Неудачная попытка Пруссіи захватить Саксонію.—Варшавское герцогство.—Тайный заговоръ Франціи противъ Россіи.—Наполеонъ, какъ психопатъ. — Женитьба Талейрана и разводъ его съ женою. — Нравственность имперіи и реставраціи. — Талейранъ, какъ дипломатъ конца XVIII и XIX вѣковъ.

МЫ ГОВОРИЛИ уже, что «Записки» ловкаго дипломата, при самомъ появленіи ихъ въ свѣтъ, были заподозрѣны со стороны ихъ подлинности. Чтобы онѣ были подложны, этого никто не утверждалъ, но говорили, что многія мѣста въ нихъ передѣланы, еще больше исключено, а коегдѣ сдѣланы и вставки, весьма неудачныя, тенденціозныя и рѣзко отличающіяся своимъ тяжелымъ языкомъ отъ общаго, вполнѣ литературнаго тона «Записокъ». При ближайшемъ знакомствѣ съ ними, всѣ эти измѣненія бросаются въ глаза. Оларъ, профессоръ парижскаго факультета по каѳедрѣ исторіи революціи, спрашивалъ герцога Брольи въ «Политическомъ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIV, стр. 214.

и литературномъ обозрѣніи» гдѣ подлинный манускриптъ «Записокъ»? видѣлъ ли его издатель и сравнивалъ ли съ копіею, снятою Бакуромъ? Брольи отвѣчалъ отрицательно на эти вопросы, хотя и сдѣлалъ это весьма уклончиво, опираясь только на то, что подлинность первыхъ томовъ «Записокъ» засвидѣтельствована племянницею Талейрана. Но Оларъ не удовольствовался такимъ отвѣтомъ, и во второй статьѣ своей возводитъ на издателей еще болѣе серьезныя обвиненія: курляндская баронесса, пропитанная контр-революціонными идеями, легко могла выбросить изъ рукописи всѣ мѣста, въ которыхъ дипломатъ хвалилъ революцію; слѣдующіе наслѣдники—нотаріусъ, адвокатъ, бывшій посланникъ, и самъ герцогъ, бывшій министръ — роялисты и консерваторы, могли держаться той же системы — и она явно проглядываетъ во многихъ мѣстахъ «Записокъ». Такъ, Талейранъ самъ говоритъ, что онъ подробно разсказалъ событія революціи до 10-го августа, а этого-то и нѣтъ въ «Запискахъ». Миссія въ Лондонъ въ 1792 году передана также коротко и безцвѣтно тяжелымъ, вовсе не талейрановскимъ языкомъ. Онъ разослалъ представителямъ Франціи при иностранныхъ дворахъ объясненіе событій 10-го августа, настоящую апологію этого дня, а въ «Запискахъ» называетъ его «преступленіемъ 10-го августа», говоритъ о департаментѣ Сены, когда онъ не былъ еще учрежденъ, дѣлаетъ еще болѣе невозможные промахи, утверждая, что генералъ Карно былъ сосланъ въ Кайенну, невѣрно указываетъ день казни Бриссо и пр. и пр. Всѣ эти и тому подобные промахи добросовѣстный издатель долженъ былъ оговорить въ примѣчаніяхъ. Оларъ не сомнѣвается въ добросовѣстности герцога Брольи, но относится къ ней съ ироніею. Редакторъ «Gaulois» спрашиваетъ его: почему онъ не печатаетъ подлинную рукопись, и герцогъ отвѣчаетъ очень развязно: «самая хорошенькая дѣвушка можетъ дать только то, что̀ у нея есть».—Это совершенно справедливо, замѣчаетъ Оларъ, но никто не заставляетъ ее давать, что̀ у нея есть. Кто заставлялъ Брольи печатать «Записки», не имѣя подлиннаго текста ихъ, принять на себя исполненіе завѣщанія, не имѣя въ рукахъ предмета завѣщанія? Какъ же не справиться наконецъ: куда же дѣвалась подлинная рукопись? Если Бакуръ, переписавъ ее, уничтожилъ, то не ясно ли, что это сдѣлано съ цѣлью скрыть передѣлки, пропуски и вставки. Такимъ образомъ публика читаетъ теперь не подлиннаго Талейрана, а передѣланнаго Бакуромъ, что далеко не одно и тоже. Брольи говоритъ, что Бакуръ былъ «настоящій джентльменъ». Это очень можетъ быть, но нисколько не мѣшаетъ ему быть недобросовѣстнымъ издателемъ, какимъ онъ извѣстенъ въ литературѣ. Въ 1851 году онъ издалъ три тома «Переписки Мирабо съ графомъ де-Ламаркомъ». Графъ былъ другомъ Мирабо и убѣдилъ его продаться двору. За три дня до смерти трибунъ передалъ другу всѣ

свои бумаги, записки, совѣты и планы, тайно посылаемые имъ въ Тюльери и завѣщалъ обнародовать ихъ, когда придетъ время, чтобы оправдать память его въ глазахъ потомства. Мирабо странно заблуждался, полагая, что бумаги эти послужатъ къ его реабилитаціи, тогда какъ именно въ нихъ видна его двуличность и продажность. Но въ нихъ виденъ его высокій ораторскій талантъ, и сохраненіе ихъ въ неприкосновенномъ видѣ было прямою обязанностью ихъ издателя. Ламаркъ самъ сознается, что сжегъ часть этихъ бумагъ, между которыми было много очень важныхъ, и умирая поручилъ издать Бакуру. Тотъ исполнилъ это въ такомъ видѣ, что на каждомъ шагу видны пробѣлы и пропуски, которые издатель не скрываетъ и не объясняетъ. У Ламарка былъ секретарь Стедтлеръ. Тотъ перевелъ «переписку» на нѣмецкій языкъ и уличаетъ Бакура въ утайкѣ многихъ любопытныхъ писемъ. На это же указываетъ Фламермонъ въ журналѣ «Révolution française» и Альфредъ Штернъ въ своей біографіи «Das Leben Mirabeaus». Немудрено, что Бакуръ, какъ жалкій дипломатъ, подавшій въ отставку послѣ февральской революціи, захотѣлъ представить Мирабо консерваторомъ и антиреволюціонеромъ. Кто же мѣшалъ ему выставить точно въ такомъ же видѣ и Талейрана? Бакуръ считалъ это даже своею обязанностью и Оларъ въ оправданіе его приводитъ даже стихъ Лафонтена изъ басни «Пустынникъ и медвѣдь»: «Rien n'est si dangereux qu'un ignorant ami». Нашъ Крыловъ еще лучше и рѣзче передалъ этотъ стихъ по-русски, и если Бакура нельзя назвать «услужливымъ дуракомъ», то во всякомъ случаѣ онъ былъ для Талейрана опаснѣе всякаго врага. Во всякомъ случаѣ, нельзя не сознаться, что вся эта исторія съ полувѣковымъ антрактомъ обнародованія «Записокъ», если бы онѣ даже и дошли до насъ въ неприкосновенномъ видѣ, не болѣе какъ реклама и спекуляція.

«Записки» являются слишкомъ поздно. Потомство сдѣлало уже характеристику Талейрана, нелестную для него, но которую онъ самъ не могъ бы измѣнить, съ какими бы загробными признаніями ни явился. Легенда объ немъ уже составилась, во многомъ можетъ быть несправедливая и преувеличенная, какъ всѣ легенды, но тѣмъ не менѣе прочная и неизмѣнная. Какъ бы ни старались обѣлить князя Беневентскаго, онъ свидѣтельствуетъ самъ противъ себя. Принося присягу на вѣрность Луи-Филиппу, онъ сказалъ ему: «государь, это семнадцатая!» Въ «Запискахъ» онъ присягаетъ еще разъ, что умираетъ вѣрнымъ сыномъ римско-католической церкви, что говоритъ правду, но кто повѣритъ въ эти присяганія?.. «Опытный актеръ Талейранъ составилъ «Записки», чтобы раскрасить свою жизнь, а не для того, чтобы объяснить ее», говоритъ Сент-Бевъ, да и раскрасилъ-то онъ ее въ голубой цвѣтъ,—жандарменіи. Онъ началъ служить Директоріи, потому что «думалъ сдѣ-

лать сколько нибудь добра своему отечеству». Какое наивное мягкосердечіе! Отчего было не сказать просто, что людямъ какъ Талейранъ власть нужна какъ вода для рыбы, еслибы для достиженія этой власти пришлось даже спускаться до Барраса или подниматься до Наполеона. Только такой офиціальный историкъ, какъ Минье, на торжественномъ собраніи академіи моральныхъ наукъ, могъ говорить въ рѣчи, посвященной прославленію Талейрана: «когда человѣкъ принадлежалъ къ одной партіи, имѣлъ одно убѣжденіе, онъ удалялся отъ дѣлъ, если эта партія теряла власть. Но когда переживаешь множество революцій, то смотришь на правительство, какъ на эфемерныя формы власти и подчиняешься имъ только пока они пользуются этой властью. Талейранъ присоединялся къ разнымъ властямъ, но не привязывался къ нимъ (s'associa, mais ne s'attacha point) служилъ имъ, но не былъ имъ преданъ». Но вѣдь съ такой покладистой моралью и философіей можно оправдать всякую измѣну. Французская публицистика, осудившая Талейрана по поводу появленія его «Записокъ», называетъ его все-таки хорошимъ французомъ, и говоритъ, что заключая отъ имени Франціи всякаго рода международные договоры, онъ заботился о ея интересахъ. Это также очень сомнительно, и собственные интересы для Талейрана были, конечно, всегда гораздо важнѣе французскихъ, что видно даже и изъ «Записокъ». Все это заставляетъ ограничиться разборомъ второй части ихъ, обманувшихъ всеобщія ожиданія, а о слѣдующихъ частяхъ мы скажемъ только, если въ нихъ явится что-нибудь особенно выдающееся. Въ настоящемъ его видѣ изданіе Брольи, какъ говорятъ французы, est une affaire manquée. Изъ 1,200 страницъ его едва ли двѣ-три сотни остановятъ на себѣ вниманіе историка и мыслителя. Мы поговоримъ только объ этихъ страницахъ.

VII.

Остановимся еще на эрфуртскихъ праздникахъ и свиданіяхъ. Мы приводили уже бесѣду Гёте съ Наполеономъ, о которой пятеро писателей разсказываютъ совершенно различныя подробности: самъ Гёте, Экерманъ, историкъ Іоганнъ Мюллеръ, Талейранъ и Делеро. Передадимъ теперь бесѣду императора съ Виландомъ. Талейранъ замѣчаетъ, что Наполеонъ подготовлялъ заранѣе содержаніе своихъ бесѣдъ, какъ подбиралъ пьесы для эрфуртскихъ спектаклей. Не расчитывая на возраженія, которыя онъ, впрочемъ, всегда прерывалъ, онъ требовалъ только, чтобы его слушали, а не противорѣчили ему. Не признавая никакихъ авторитетовъ, кромѣ своего, онъ не затруднился бы остановить Вольтера или Монтескье. Въ Берлинѣ, на свиданіи съ историкомъ Мюллеромъ, онъ началъ объяснять ему, какъ распространеніе христіанства произвело удивительную реакцію греческаго духа противъ римскаго и,

побѣжденная физическою силою, Греція покорила себѣ интелигентный міръ. Фраза эта удивила историка, но «должно быть была давно заучена императоромъ»,— прибавляетъ Талейранъ,— «такъ какъ я слышалъ ее дважды повторенную сенатору Фонтену и академику Сюару». Наполеонъ воспользовался удивленіемъ Мюллера и взялъ съ него обѣщаніе написать исторію имперіи, то есть императора. «Не знаю, чего онъ хотѣлъ отъ Виланда, но наговорилъ ему множество лестныхъ вещей».

— Мы очень любимъ ваши сочиненія во Франціи. Автора Оберона и Агатона мы называемъ нѣмецкимъ Вольтеромъ.

— Это сравненіе было бы очень лестно для меня, но оно несправедливо,—отвѣчалъ Виландъ. Это преувеличенная похвала расположенныхъ ко мнѣ лицъ.

— Почему вашъ Діогенъ, Перегринусъ, Агатонъ написаны въ этомъ неустановившемся родѣ, который переноситъ романъ въ исторію и исторію въ романъ? Такой первоклассный писатель, какъ вы, долженъ соблюдать опредѣленное и точное разграниченіе въ рядахъ литературныхъ произведеній. Смѣшеніе ихъ ведетъ къ запутанности. Вотъ почему мы не любимъ во Франціи драмъ, впрочемъ, это относится больше къ г. Гёте, а не къ вамъ.

— Ваше величество, позвольте мнѣ замѣтить, что и во французскомъ театрѣ очень мало трагедій, въ которыхъ исторія не была бы смѣшана съ романомъ. Я хотѣлъ дать людямъ нѣсколько полезныхъ уроковъ и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ авторитету исторіи. Я хотѣлъ, чтобы заимствованнымъ мною изъ нея примѣрамъ было легко и пріятно подражать и потому къ нимъ необходимо было примѣшать идеальные и романтическіе элементы. Мысли людей стоятъ часто гораздо больше чѣмъ ихъ дѣла, а хорошіе романы— лучше человѣческаго рода (Послѣдняя фраза до того странна, что Талейранъ тутъ, очевидно, что-нибудь перепуталъ).

— Но знаете ли вы, до чего доводятъ писатели, проповѣдующіе добродѣтель только въ вымышленныхъ сюжетахъ? Люди начинаютъ думать, что добродѣтель — одна химера. Исторія была часто оклеветана самими историками.

Разговоръ прервалъ пріѣздъ курьера изъ Парижа и бесѣда возобновилась только черезъ нѣсколько дней, на балу. Наполеонъ высказалъ свое мнѣніе о трагедіяхъ.

— На хорошую трагедію надо смотрѣть, какъ на лучшую школу, достойную передовыхъ людей. Съ извѣстной точки зрѣнія трагедія выше исторіи. Лучшая исторія производитъ меньше эфекта. Читатель трогается очень слабо; зрители, собранные вмѣстѣ, получаютъ болѣе сильное впечатлѣніе и болѣе продолжительное. Увѣряю васъ, что историкъ, котораго вы постоянно цитируете, Тацитъ, ничему не научилъ меня. Знаете ли вы другого, болѣе великаго, но часто и болѣе несправедливаго обличителя человѣчества? Въ самыхъ про-

стыхъ фактахъ онъ видитъ преступные замыслы; всѣ императоры у него образцовые злодѣи. Его «Лѣтопись» не исторія имперіи, но перечень жалобъ Рима. У него только одни обвиненія, обвиняемые и люди, вскрывающіе себѣ жилы въ ваннахъ. Онъ постоянно толкуетъ о доносахъ и самъ является величайшимъ доносчикомъ. И какой темный языкъ! Я не большой латинистъ, но темнота слога Тацита видна въ десяткѣ французскихъ и итальянскихъ переводовъ, какіе я перечиталъ, и она составляетъ свойство его изложенія: онъ не могъ выражаться иначе. Его хвалятъ за то, что онъ внушаетъ страхъ тиранамъ, пугая ихъ народомъ—и это большое зло для самихъ народовъ. Правда ли это, г. Виландъ?.. Но мы собрались здѣсь, впрочемъ, не для того, чтобы говорить о Тацитѣ. Посмотрите, какъ императоръ Александръ прекрасно танцуетъ.

— Я не знаю, зачѣмъ мы здѣсь, отвѣчалъ Виландъ,—но знаю, что ваше величество дѣлаете меня счастливымъ въ эту минуту. Послѣ вашихъ словъ, я вижу въ васъ не обладателя троновъ, а литератора, и знаю, что вы не пренебрегаете этимъ званіемъ. Отправляясь въ Египетъ, вы подписывали ваши письма: Бонапарте, членъ института и главнокомандующій арміею. Позвольте же мнѣ отвѣчать вамъ, какъ литератору и вступиться за Тацита. Сознаюсь, что главная цѣль его—наказать тирановъ, но если онъ обличаетъ ихъ, то не для того, чтобы поднять противъ нихъ ихъ рабовъ, которые возмутившись только мѣняли тирановъ. Онъ обличаетъ ихъ передъ судомъ вѣковъ и человѣчества. Но родъ человѣческій испыталъ уже довольно несчастій, чтобы окрѣпнуть въ своихъ сужденіяхъ, а не увлекаться только страстями.

— Это же говорятъ и философы, но я нигдѣ не вижу ни силы, ни твердости въ сужденіяхъ.

— У Тацита еще недавно образовался кругъ читателей—и это большой шагъ впередъ въ развитіи человѣчества. Академіи и университеты, какъ слуги деспотизма, были незнакомы съ Тацитомъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. Только со временъ Расина, назвавшаго историка величайшимъ живописцемъ древности, поняли, что это дѣйствительная правда. Вы говорите, что Тацитъ рисуетъ только доносчиковъ, убійцъ и злодѣевъ, но вѣдь ими и была наполнена римская имперія, изображаемая историкомъ, управляемая чудовищами. Титъ Ливій описываетъ побѣды имперіи, слѣдя за римскими легіонами, Тацитъ долженъ былъ ограничиться Римомъ, потому что въ его время исторія сосредоточивалась въ одномъ этомъ городѣ. Только у Тацита и можно изучить эту несчастную эпоху, когда народъ и ихъ властители, руководимые совершенно противоположными идеями и стремленіями, жили боясь другъ друга. Понятно, что въ такую эпоху смерть, приносимая центуріонами и палачами, дѣлалась обыденнымъ явленіемъ. Светоній и Діонъ Кассій разсказываютъ больше злодѣйствъ, чѣмъ Тацитъ, но пере-

даютъ ихъ вялымъ языкомъ, тогда какъ энергія Тацита производитъ впечатлѣніе. Онъ, однако, не безпощаденъ, какъ правосудіе, и если видитъ гдѣ признакъ добра, даже въ чудовищное правленіе Тиверія, выставляетъ это на видъ. Онъ даже хвалитъ идіота Клавдія, сдѣлавшагося животнымъ отъ распутства. Съ одинаковымъ безпристрастіемъ историкъ относится къ республикѣ и имперіи, къ гражданамъ и правителямъ. Правда, онъ относится съ бо̀льшимъ сочувствіемъ къ Бруту, Кассію, Кодру, но отдаетъ справедливость и императорамъ, умѣвшимъ соединить свободу съ властью.

— Съ вами трудно спорить, г. Виландъ, и мнѣ кажется вы знали, что я не люблю Тацита. Вамъ, вѣроятно, говорилъ объ этомъ г. Мюллеръ въ Берлинѣ. Но я не считаю себя побѣжденнымъ, и мы еще возобновимъ этотъ разговоръ. У меня есть много доказательствъ, что Тацитъ недостаточно входитъ въ изслѣдованіе причинъ и поводовъ историческихъ событій, не взвѣшиваетъ поступковъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ для того, чтобы представить ихъ на судъ потомства, которое должно оцѣнивать людей и правительства, согласно съ идеями ихъ времени и обстоятельствами, среди которыхъ они жили.

Эту длинную бесѣду слышали многіе изъ бывшихъ на балу, ее записали многіе и, переданная Талейрану въ копіи, она сохранилась въ литературныхъ архивахъ Веймара. Поэтому ей можно повѣрить и она рисуетъ критическіе взгляды Наполеона, желавшаго блеснуть передъ нѣмецкими учеными своимъ умомъ и начитанностью. Въ день своего отъѣзда изъ Эрфурта, на прощальномъ пріемѣ, онъ былъ окруженъ веймарскими академиками и принцами; у послѣднихъ онъ разбилъ арміи, отнялъ часть владѣній, и ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился обратиться къ нему съ какою-нибудь просьбой; всѣ заботились только о томъ, чтобы онъ замѣтилъ ихъ, уѣзжая. «Столько открытой низости осталось безъ награды». Императоръ обратился не къ принцамъ, а къ ученымъ, спросилъ: много ли въ Германіи идеологовъ и на утвердительный отвѣтъ сказалъ:

— Жалѣю объ васъ, у меня ихъ не мало и въ Парижѣ: это мечтатели и очень опасные; они всѣ скрытые матеріалисты и даже очень плохо скрытые. Философы мучаютъ себя, придумывая всякія системы, и не найдутъ ничего лучше христіанства, которое примиряетъ человѣка съ самимъ собою и въ то же время укрѣпляетъ общественный порядокъ и спокойствіе въ государствахъ. Идеологи хотятъ разрушить всѣ иллюзіи, а вѣкъ иллюзій, какъ для народовъ, такъ и для частныхъ лицъ—вѣкъ счастія. Оставляя васъ, надѣюсь, что вы сохраните обо мнѣ добрую память.

Съ русскимъ императоромъ Наполеонъ простился еще прежде и въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ поручилъ Талейрану

узнать мнѣніе Александра относительно брака съ его сестрой, такъ какъ вопросъ о разводѣ съ Жозефиною былъ уже рѣшенъ. Александръ самъ поѣхалъ къ своему другу и сказалъ ему: «если бы это зависѣло только отъ меня, я бы охотно далъ свое согласіе, но его было бы недостаточно: моя мать сохранила надъ своими дочерями власть, которую я не могу оспоривать. Я могу попытаться направить ее согласно съ моими намѣреніями, и она, вѣроятно, согласится съ ними, но не могу, однако, отвѣчать за это». Друзья разстались для того, чтобы черезъ четыре года встрѣтиться непримиримыми врагами на поляхъ сраженій. Исторія знаетъ также, на чьей сторонѣ болѣе вины въ разрывѣ этой дружбы, которая спасла бы французскую имперію и ея императора. Близорукій Талейранъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы разорвать эту дружбу. «Признаюсь, говоритъ онъ: я былъ испуганъ для Европы болѣе тѣснымъ союзомъ Франціи съ Россіей». Дипломатъ и тутъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, заботился болѣе всего о Европѣ. Объ ней только и думала всегда эта международная наука, въ ущербъ интересамъ своего отечества.

Съ 1809 года Талейранъ рѣшился «не принимать участія ни въ чемъ, что дѣлаетъ Наполеонъ, но долженъ былъ придать своему образу жизни видъ равнодушія и бездѣйствія, чтобы не возбуждать вѣчныхъ подозрѣній. Не служить ему — значило уже подвергать себя опасностямъ. Не разъ онъ дѣлалъ мнѣ сильныя сцены; ненависть, высказываемая имъ ко мнѣ, вредила больше ему, чѣмъ мнѣ. Казалось, онъ самъ старался разрушить все хорошее, что сдѣлалъ, и никакъ не могъ согласить своихъ поступковъ съ европейскими интересами. Онъ оскорбилъ въ одно время и государей и народы». Континентальная система раздражала всѣ кабинеты. Самыя побѣды не укрѣпляли могущество императора. Ваграмъ послужилъ только къ тому, чтобы требовать у Австріи руки эрцгерцогини, и въ дѣлѣ развода всѣ видѣли только удовлетвореніе тщеславія императора, а не укрѣпленіе имперіи. На совѣтѣ въ январѣ 1810 года Талейранъ стоялъ за брачный союзъ съ Австріею, и Наполеонъ, потерявъ надежду получить руку русской великой княжны, отправилъ въ Вѣну князя Ваграмскаго, Бертье, обручиться какъ представителя императора съ Маріей Луизой. И въ то время, когда залпы пушекъ извѣстили Парижъ объ этомъ событіи, французскій посланникъ въ Вѣнѣ писалъ, что условія договора съ Австріей строго выполнены и стѣны Вѣны взорваны. Какую же увѣренность могла имѣть Европа въ мирѣ и спокойствіи, послѣ того, какъ Наполеонъ поступилъ подобнымъ образомъ съ своимъ тестемъ, а на тронъ Испаніи, Неаполя, Голандіи, Вестфаліи, Швеціи, сажалъ своихъ братьевъ и маршаловъ? Но и съ ними онъ обращался такъ, что всѣ они поднимались противъ него. Исторію этихъ отношеній Талейранъ разсказываетъ довольно подробно въ

шестой части «Записокъ», останавливаясь особенно на отношеніяхъ Наполеона къ папѣ и римскому вопросу. Седьмая часть носитъ названіе: «Паденіе имперіи и реставрація» (1813—1814). Талейранъ очень серьезно разсуждаетъ о томъ, что Наполеонъ еще въ 1807 году могъ устроить въ Европѣ прочную организацію и «политическое равновѣсіе», объединивъ Италію подъ управленіемъ баварскаго дома, расширивъ Австрію до предѣловъ Дуная и бранденбургскихъ владѣній и возстановивъ Польшу подъ властью Саксоніи. Хорошо было бы это равновѣсіе! И почему баварскіе нѣмцы были пригоднѣе въ роли итальянскихъ правителей, чѣмъ нѣмцы австрійскіе? Отчего Австрія, захвативъ балканскихъ славянъ, сдѣлалась бы болѣе прочною имперіей? Саксонскіе короли были уже въ Польшѣ, но что же внесли въ нее, кромѣ еще бо̀льшаго распаденія всѣхъ устоевъ. Все это ясно для всякаго не дипломата, но тонкіе политики, толкующіе о несчастномъ равновѣсіи, и послѣ Талейрана продолжаютъ сочинять подобныя же международныя комбинаціи въ виду высшихъ соображеній. Онъ правъ только говоря, что Наполеонъ, «одаренный высокимъ умомъ, не понялъ въ чемъ состоитъ настоящая слава. Моральная сила его была слишкомъ мелка и ничтожна. Онъ не могъ переносить съ умѣренностью — своего величія, съ достоинствомъ—своего паденія. Недостатокъ въ немъ моральной силы былъ несчастіемъ для Европы и для него самого». Талейранъ находитъ, и весьма основательно, что императоръ еще въ 1812 году могъ бы заключить выгодный для Франціи миръ, даже въ 1813 году на прагскомъ конгресѣ и въ 1814 на шатильонскомъ. Но когда союзники вступили въ Парижъ, Талейранъ болѣе всего содѣйствовалъ воцаренію Людовика XVIII. Александръ остановился въ домѣ дипломата и спрашивалъ его: «какъ могу я убѣдиться, что Франція желаетъ возвращенія Бурбоновъ»? Талейранъ созвалъ сенатъ и убѣдилъ сенаторовъ подписать декретъ о низверженіи Наполеона и о возстановленіи Бурбоновъ съ конституціонными гарантіями. «Императоръ Александръ былъ пораженъ, увидя въ спискѣ сенаторовъ, требовавшихъ возвращенія Бурбоновъ, такихъ лицъ, которыя вотировали казнь Людовика XVI».

Историкъ реставраціи, Волабель, говоритъ, что Метернихъ и Несельроде получили отъ Людовика XVIII по мильону франковъ. Сколько получилъ Талейранъ—объ этомъ онъ не говоритъ ни слова, но за то подробно разсказываетъ, какъ въ нѣсколько часовъ была уничтожена имперія и въ нѣсколько дней устроилось королевство. Въ запискахъ помѣщены всѣ прокламаціи, трактаты, мирные и другіе договоры, письма, инструкціи. Все это—сырой матеріалъ, большею частью извѣстный уже по другимъ источникамъ, бывшій, можетъ быть, новостью въ то время когда писались мемуары, но не черезъ 50 лѣтъ послѣ ихъ составленія. Перечитывать все это

теперь скучно и безполезно. Бакуръ дѣлаетъ не мало примѣчаній къ этимъ документамъ, проситъ нѣкоторыхъ объясненій у Нессельроде и любезно получаетъ ихъ, увѣряетъ даже, что сравнивалъ нѣкоторые изъ нихъ съ подлинниками, какъ письмо Талейрана къ Александру I, 1814 года (свѣрялъ въ 1857 году). Но о 1813 годѣ говорится очень мало, а о 1812 почти не одного слова. Что же дѣлалъ великій дипломатъ во время всего похода въ Россію, о которомъ онъ не считаетъ нужнымъ сообщить что-нибудь своимъ читателямъ? Отчего такой огромный и замѣтный пробѣлъ, не оговоренный издателемъ?

VIII.

Послѣдняя, восьмая часть, второго тома «Записокъ» посвящена вѣнскому конгресу, но и объ этой, лучшей порѣ своей политической дѣятельности, авторъ говоритъ мало новаго и интереснаго. Онъ приписываетъ своему вліянію уничтоженіе враждебнаго отношенія къ Франціи державъ, собравшихся на конгресъ, и это отчасти справедливо. На первомъ же частномъ засѣданіи комисій онъ настоялъ на томъ, чтобы державы не называли себя болѣе «союзниками». «Союзниками противъ кого? говорилъ онъ: противъ Наполеона, но онъ на островѣ Эльбѣ; противъ Франціи? но съ нею заключенъ миръ; противъ Людовика XVIII? но его подпись стоитъ на ряду съ подписью другихъ государей подъ условіями этого мира. Между всѣми державами Франція одна не желаетъ и не требуетъ себѣ отъ конгреса ничего, кромѣ исполненія этихъ условій». 21-го января 1815 года, Талейранъ пригласилъ также всѣ державы, не сдѣлавшія ровно ничего для спасенія Людовика XVI, на торжественную панихиду по этомъ несчастномъ королѣ. Поздній долгъ его памяти отдали всѣ монархи и всѣ выдающіяся лица, бывшія въ Вѣнѣ. Прежде всего конгресъ занялся положеніемъ Саксоніи, которую еще недавно «союзники» обѣщали отдать Пруссіи. Закулисная исторія переговоровъ объ этомъ королевствѣ очень любопытна, но именно о закулисной сторонѣ всѣхъ вѣнскихъ интригъ Талейранъ говоритъ очень мало и только въ примѣчаніи упоминаетъ о союзѣ, заключенномъ Франціей, Англіею и Австріей противъ Пруссіи, претензіи которой поддерживала Россія. Новые «союзники» обязались выставить полуторастатысячную армію противъ этихъ державъ и убѣдили короля саксонскаго сдѣлать уступочку Пруссіи, отрѣзавъ отъ Саксоніи верхніе и нижніе Лужичи, почти всю Миснію и Турингію съ городами Торгау и Виттенбергомъ. Затѣмъ Пруссія удержала отъ герцогства Варшавскаго всѣ бывшія уже въ ея владѣніи мѣстности, а Австрія возвратила себѣ всѣ галицкіе округи, отдѣленные отъ нея въ 1809 году. О возстановленіи трона Фердинанда IV въ Неаполѣ, объ эпохѣ Ста дней въ «Запискахъ» гово-

рится очень мало, за то помѣщена вся кореспонденція Талейрана съ Людовикомъ XVIII изъ Вѣны. Теперь она не составляетъ также новости, такъ какъ издана уже Палленомъ въ отдѣльномъ томѣ, но любопытно, что и тутъ самъ авторъ «Записокъ», или Бакуръ, передѣлали, неизвѣстно съ какою цѣлью, многія письма, выбросили изъ нихъ ни для кого необидныя мѣста, и Брольи по крайней мѣрѣ добросовѣстно привелъ всѣ эти варіанты. Для насъ интересны письма, въ которыхъ Талейранъ говорилъ объ аудіенціяхъ у Александра, но и тутъ кто поручится за точность всѣхъ фразъ, приводимыхъ въ «Запискахъ»? Если императоръ могъ назвать короля саксонскаго измѣнникомъ, то едва ли дипломатъ могъ отвѣчать ему и еще «съ особеннымъ выраженіемъ», какъ онъ замѣчаетъ: «государь, названіе измѣника никогда не можетъ быть дано королю, и весьма важно, чтобы оно никогда не могло быть дано ему». Любопытно, что отстаивая сохраненіе независимости Саксоніи, Людовикъ XVIII въ письмѣ къ Талейрану приводитъ въ примѣръ Карла XII и говоритъ: «Казнь Паткуля доказываетъ, какъ этотъ мстительный король, мало уважавшій народныя права, покорившій почти всѣ владѣнія Августа III, отнялъ у него Польшу, но не считалъ себя въ правѣ коснуться Саксоніи».

Кореспонденція заканчивается 1814 годомъ, въ приложеніи помѣщенъ договоръ 3-го января 1815 года между Франціей, Австріей и Англіей противъ Россіи и Пруссіи. Бакуръ, говоритъ, что Наполеонъ, вернувшись съ Эльбы, нашелъ этотъ документъ въ Тюльери, въ столѣ Людовика XVIII, и послалъ его къ Александру съ чиновникомъ русскаго посольства Бутякинымъ, оставшимся еще въ Парижѣ. Александръ, получивъ договоръ въ началѣ апрѣля 1815 года, показалъ его Метерниху, но успокоилъ сконфуженнаго министра тѣмъ, что теперь не время говорить объ этомъ, а прежде всего «нужно уничтожить общаго врага, опаснаго и хитраго, приславшаго мнѣ этотъ документъ». Но императоръ ни слова не сказалъ Талейрану, хотя могъ бы спросить его: на сколько заключеніе тайнаго союза противъ Россіи согласуется съ увѣреніями французскаго министра въ преданности и поклоненіи русскому императору. Русское посольство въ Парижѣ перестало только поддерживать интересы Франціи, до тѣхъ поръ пока въ управленіе кабинетомъ вступилъ герцогъ Ришелье. И Александру скоро пришлось разочароваться въ двуличномъ дипломатѣ, какъ разочаровались въ немъ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Но по крайней мѣрѣ въ своихъ «Запискахъ», онъ не иначе отзывается о русскомъ императорѣ, какъ съ полнымъ уваженіемъ, хоть и обманываетъ его. Людовикъ XVIII уже въ концѣ 1815 года хотѣлъ запретить ему пріѣздъ ко двору и только Ришелье отговорилъ короля отъ этой крайней мѣры, но во всѣ остальныя 15 лѣтъ царствованія Бурбоновъ Талейранъ не имѣлъ никакого значенія и только интриговалъ противъ нихъ, зап-

скивая расположенie орлеанской фамилiи. Наполеонъ искренно ненавидѣлъ его и вѣрноподданный министръ отвѣчалъ ему тѣмъ же, не обвиняя прямо императора въ сумасбродныхъ поступкахъ, но передавая сцены, изъ которыхъ видно, что Наполеонъ нерѣдко дѣйствовалъ не логично. Дипломатъ не называетъ его полупомѣшаннымъ, какъ это дѣлаетъ Ломброзо и новѣйшая школа психо-криминалистовъ, но приводитъ данныя, явно доказывающiя въ нѣкоторыхъ случаяхъ ненормальное состоянie императора, его непомѣрное самомнѣнie и тщеславie. Таковы всѣ отношенiя его къ папѣ Пiю VII. Въ 1814 году онъ могъ еще сказать, увлеченный самолюбiемъ: «если никто не хочетъ драться, я не могу вести войну одинъ; но если нацiя хочетъ мира съ прежними границами страны, я скажу ей: ищите другого, кто бы управлялъ вами, я слишкомъ великъ для васъ». Но въ доказательство нелогичности императора, Талейранъ приводитъ непостижимую сцену его съ католическими прелатами, въ 1811 году. Соборъ епископовъ, созванный въ Парижѣ для устройства церковныхъ дѣлъ, принесъ обычную присягу, составляющую сущность ученiя римско-католической церкви: «обязуюсь точнымъ послушанiемъ римскому первосвященнику, наслѣднику св. Петра, главѣ апостоловъ и намѣстнику Iисуса Христа». На другой же день послѣ перваго засѣданiя, описанie котораго явилось въ «Монитерѣ», Наполеонъ потребовалъ къ себѣ турскаго архiепископа, трехъ епископовъ и своего дядю кардинала Феша. На послѣдняго напустился онъ прежде всего:

— По какому праву приняли вы на себя титулъ примаса Галлiи? Что за смѣшная претензiя! И еще безъ моего разрѣшенiя. Но хитрость вашу легко разгадать: вы хотѣли возвеличить себя, чтобы обратить на себя вниманie и подготовить публику къ еще бо̀льшему величiю вашему въ будущемъ. Пользуясь родствомъ вашимъ съ моею матерью, вы стараетесь заставить всѣхъ думать, что я хочу сдѣлать изъ васъ современемъ главу церкви: такъ какъ никому не придетъ въ голову, чтобы вы могли имѣть дерзость безъ моего согласiя принять титулъ примаса Галлiи. Европа подумаетъ, что я захотѣлъ приготовить ее къ тому, чтобы она видѣла въ васъ будущаго папу. Хорошъ папа, нечего сказать!.. Этимъ новымъ титуломъ вы хотите напугать Пiя VII и сдѣлать его еще болѣе несговорчивымъ.

Эту выходку Талейранъ имѣлъ право назвать дикою грубостью (brutale grossièreté). Кардиналъ, не смотря на его тщедушную фигуру и вульгарныя манеры, напоминавшiя его прежнее ремесло корсара 93—95-ыхъ годовъ, отвѣчалъ, съ достоинствомъ, что свой историческiй титулъ онъ долженъ былъ выставить въ протоколѣ собора, какъ членъ римской церкви, что кромѣ того были еще примасы Аквитанiи и Нейстрiи. Никогда не слыхавшiй объ этомъ императоръ обратился къ нантскому епископу съ вопросомъ: правда ли это? и на утвердительный отвѣтъ началъ называть членовъ

собора измѣнниками, за то что они смѣли присягать папѣ въ повиновеніи, «такъ какъ приносить двѣ присяги въ вѣрности двумъ разнымъ государямъ и еще враждебнымъ между собою—значитъ быть измѣнникомъ». Тогда прелаты стали объяснять ему свои теологическія права и доказывать, что онъ дѣлаетъ даже филологическія натяжки, смѣшивая послушаніе (obédience) папѣ съ повиновеніемъ (obéissance). Расходившійся императоръ не хотѣлъ ничего слышать и болталъ чуть не цѣлый часъ самыя непослѣдовательныя фразы. «Вы хотите, господа,—кричалъ онъ,—третировать меня, какъ Людовика-простодушнаго. Вы смѣшиваете отца съ сыномъ, забываете что должны видѣть во мнѣ Карла Великаго. Да, я Карлъ Великій!» И эту фразу онъ повторялъ каждую минуту до того, что архіепископъ, чтобы прекратить непріятную сцену, попросилъ у него личной аудіенціи и ушелъ за нимъ въ его кабинетъ. Въ такихъ выходкахъ дѣйствительно есть что̀-то психопатическое, и Наполеонъ не стѣснялся повторять ихъ при каждомъ случаѣ, затрогивающемъ его тщеславіе. Болтать безъ конца, неизслѣдовавъ дѣла, и кричать безъ толку на всякаго, кѣмъ онъ недоволенъ, вошло у него до того въ привычку, что всѣ избѣгали личныхъ съ нимъ объясненій. Нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, увѣренность въ своемъ превосходствѣ по всѣмъ вопросамъ, рѣзкость пріемовъ, грубый тонъ, унижали не только званіе императора, но и достоинство человѣка.

Разоблаченіе антипатичныхъ сторонъ въ характерѣ Наполеона можно отнести къ выдающимся чертамъ «Записокъ», но другихъ интересныхъ сторонъ въ нихъ немного. О самомъ себѣ авторъ, еще менѣе симпатичный, умалчиваетъ систематически. О томъ, что онъ былъ епископомъ, онъ говоритъ слова два и ни одного о томъ, что былъ женатъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ не упоминаютъ даже многіе изъ его біографовъ, а между тѣмъ жена его была довольно любопытной личностью, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ, закрывая съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и разочарованіемъ «Записки» дипломата, какъ это дѣлаютъ критики всѣхъ серьезныхъ журналовъ, не исключая англійскихъ.

Въ Пондишери, въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, жилъ капитанъ надъ портомъ Ворлей. У него была дочь, которую онъ выдалъ 16-ти лѣтъ за швейцарца Гранда, имѣвшаго торговыя дѣла въ Шандернагорѣ и Калькутѣ. Въ послѣднемъ городѣ г-жа Грандъ познакомилась съ Филиппомъ Френсисъ, воевавшимъ съ губернаторомъ Индіи Гастингсомъ и писавшимъ знаменитые памфлеты подъ названіемъ «Письма Юніуса». Френсисъ увѣрялъ, что питаетъ къ хорошенькой индіанкѣ самыя платоническія чувства, но мужъ ея устроилъ западню и поймалъ на мѣстѣ свиданія писателя и члена бенгальскаго совѣта. Судъ приговорилъ его къ уплатѣ 50,000 рупій оскорбленному супругу. Купленное

такою крупною цѣною счастье, казалось бы, должно быть продолжительнымъ, но не прошло и года, какъ индіанкѣ захотѣлось увидѣть Европу и она бросила отечество съ услужливымъ попутчикомъ, и оставила Френсиса одного собирать противъ Гастингса обвинительные документы, которые онъ пересылалъ своему другу Борке. Похожденія г-жи Грандъ въ Европѣ были такъ многочисленны и разнообразны, что нѣтъ возможности и прослѣдить за ними. Въ Парижъ она пріѣхала изъ Ангіи во время Директоріи, черезъ нѣсколько дней послѣ назначенія Талерайна министромъ иностранныхъ дѣлъ. У пріѣзжей были неважныя порученія отъ лондонскихъ эмигрантовъ къ ихъ парижскимъ друзьямъ, но полиція узнала все-таки объ этихъ визитахъ и г-жѣ Грандъ угрожали непріятности и допросы. Тогда она рѣшилась искать покровительства министра и отправилась къ нему однажды поздно вечеромъ, зная, что утро его занято государственными дѣлами. Она добилась свиданія съ нимъ подъ предлогомъ сообщенія важныхъ свѣдѣній объ эмиграціи въ Лондонѣ и кончила тѣмъ, что ее высылаютъ изъ Парижа и она боится вернуться на свою квартиру, гдѣ ее можетъ арестовать полиція. Бѣлокурая красавица такъ заинтересовала министра, что онъ предложилъ ей убѣжище въ своемъ отелѣ, изъ котораго она уже больше не выходила. Тогдашніе нравы допускали подобныя открытыя связи. Но когда Наполеонъ захватилъ власть въ свои руки, имъ овладѣла страсть — женить всѣхъ своихъ приближенныхъ и Талейрану было объявлено, что если онъ хочетъ сохранить свое мѣсто и расположеніе императора, то долженъ жениться. Бывшій отёнскій епископъ не прочь былъ лишній разъ нарушить свои духовные обѣты, но для этого слѣдовало устранить еще одно маленькое препятствіе: мужъ г-жи Грандъ былъ живъ, даже пріѣхалъ въ Парижъ, узнавъ о блестящемъ положеніи своей супруги и заговорилъ что̀-то о своихъ правахъ надъ ней, конечно съ цѣлью получить за нихъ порядочное отступное. Надобно было прежде разводить супруговъ и дать супругу такое мѣсто, на которомъ онъ не возобновилъ бы болѣе своихъ неумѣстныхъ претензій. Министръ иностранныхъ дѣлъ нашелъ средство устроить это безъ ущерба для своего кармана и для финансовъ своего отечества. Онъ назначилъ Гранда членомъ правленія колоніею Мыса Доброй Надежды въ батавской республикѣ, присоединенной къ Франціи. Это навсегда избавило министра отъ докучнаго супруга. По свидѣтельству всѣхъ знавшихъ г-ну Талейранъ, она отличалась столько же... наивностью, какъ и красотою. Талейранъ, сознавая недальновидность своей жены, говорилъ, что умная жена можетъ компрометировать своего мужа, а глупая компрометируетъ только себя. Онъ пригласилъ однажды обѣдать извѣстнаго путешественника Денона и посовѣтовалъ женѣ познакомиться съ книгою гостя, чтобы поддерживать за столомъ разго-

воръ о приключеніяхъ приглашеннаго. Жена смѣшала Денона съ Дефо, прочла Робинзона Крузо и начала, при многочисленныхъ гостяхъ, разспрашивать Денона за обѣдомъ о томъ, какъ онъ проводилъ время на своемъ островѣ и что сдѣлалось съ его слугою Пятницею. Наивность не мѣшала ей, однако, взять съ генуэзскихъ купцовъ взятку въ 400,000 франковъ за исходатайствованіе у мужа какихъ-то привилегій. Говорятъ, что узнавъ объ этомъ, Наполеонъ позволилъ ей явиться ко двору только одинъ разъ, чтобы констатировать свое право на придворные пріемы, но затѣмъ не появляться болѣе въ Тюльери. Немилость Наполеона объясняли еще и тѣмъ, что когда онъ, еще бывъ первымъ консуломъ, началъ говорить ей, что сдѣлавшись госпожею Талейранъ, она, конечно, забудетъ о легкомысленныхъ поступкахъ госпожи Грандъ, она отвѣчала также наивно, что въ этомъ случаѣ она употребитъ всѣ усилія, чтобы слѣдовать примѣру гражданки Бонапарте. Но любопытнѣе всего то, что въ то время, когда имперія принудила Талейрана жениться, реставрація заставила его развестись съ женою. Не смотря на папское бреве, избавлявшее министра отъ всѣхъ его духовныхъ обязанностей, бывшаго епископа считали все-таки, при набожномъ дворѣ Людовика XVIII, женатымъ священникомъ, и это оскорбляло деликатную совѣсть царедворцевъ. Талейрана заставили разойтись съ своею женою, въ то же время когда Шатобріану приказали сойтить съ давно оставленной имъ законной подругой жизни. Это дало поводъ къ слѣдующей эпиграмѣ:

«Вотъ вамъ и нравственность!—вздыхалъ Шатобріанъ,—
«Я долженъ взять къ себѣ опять свою супругу!»
— «Да здравствуетъ мораль!—отвѣтилъ Талейранъ:
«Сдамъ наконецъ и я другимъ свою подругу».

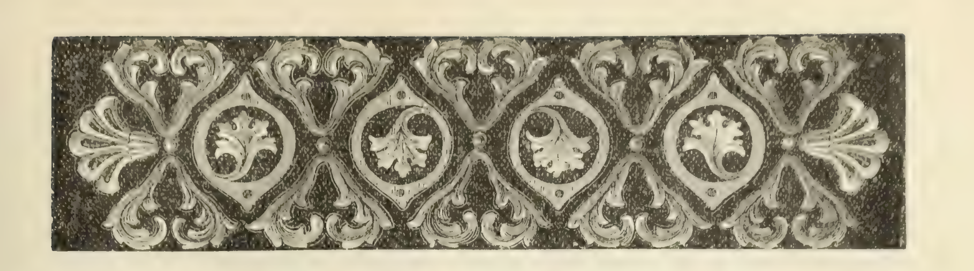
Дипломатъ назначилъ содержаніе своей женѣ въ 60,000 ливровъ, но съ условіемъ, чтобы она жила въ Англіи и не пріѣзжала въ Парижъ безъ его согласія. Она уѣхала, но года черезъ два вернулась, не испрашивая ни чьихъ разрѣшеній. Король съ насмѣшливымъ участіемъ спросилъ бывшаго министра: правда ли, что его бывшая жена явилась опять въ Парижъ.—Совершенная правда, отвѣчалъ Талейранъ: надобно же, чтобы и у меня было свое «возвращеніе съ Эльбы». Разведенная супруга поселилась въ Отейлѣ съ своей компаньонкой, старой графиней, сопровождавшей ее на прогулкахъ, но на почтительномъ разстояніи: бывшая жена министра считала себя выше аристократокъ стараго режима. Она умерла въ Отейлѣ за три года до смерти Талейрана.

Когда учреждали палату перовъ, въ защиту ея говорили, что въ ней засѣдаютъ люди съ совѣстью. — «Это несомнѣнно,—замѣтилъ Талейранъ: — у иныхъ изъ нихъ даже по двѣ совѣсти». Сколько же совѣстей было у самого Талейрана? «Льстецъ всякаго счастья, поклонникъ всякой блестящей судьбы, онъ служилъ только

сильнымъ,—говоритъ Ламартинъ,—но презиралъ неумѣлыхъ и покидалъ несчастныхъ. Эта система поддерживала его въ теченіе полвѣка и онъ безопасно выплывалъ изъ всѣхъ крушеній, выходилъ невредимымъ изо всѣхъ развалинъ. Его равнодушіе ко всему ставило его выше шаткости всѣхъ событій, но это не было настоящимъ величіемъ духа. Это презрительное отношеніе къ событіямъ должно начаться съ отреченія отъ самого себя, такъ какъ для того, чтобы оставаться безпристрастнымъ во всѣхъ перемѣнахъ счастія, надо чтобы человѣкъ отказался отъ двухъ вещей, составляющихъ достоинство характера и святость интелигенціи: отъ твердости своихъ привязанностей и искренности своихъ убѣжденій, то есть отъ лучшихъ сторонъ своего сердца и своего ума. Служить всѣмъ идеямъ—значитъ не вѣрить ни въ одну изъ нихъ». Сент-Бёвъ называетъ Талейрана вторымъ, нѣсколько исправленнымъ и очищеннымъ, изданіемъ абата Дюбуа. Во всякомъ случаѣ, этотъ любопытный типъ государственнаго дѣятеля конца прошлаго вѣка остается такимъ же неизмѣнившимся типомъ и въ концѣ нынѣшняго вѣка. Метерниховъ въ современной европейской дипломатіи стало все-таки меньше, но Талейрановъ хоть и не такихъ крупныхъ, какъ ихъ первообразъ—сколько угодно.

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Москва. 1890.

ЗАГЛАВІЕ этой книги совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ея содержанію: это не біографія Станкевича и не литературная характеристика его, а сборникъ его сочиненій, заключающій въ себѣ около 40 стихотвореній, одной «фантазіи» въ стихахъ, двухъ философскихъ статей, одного отрывка изъ повѣсти, эскиза подъ названіемъ «Три художника»—почти все, что осталось отъ знаменитаго юноши. Читая ихъ, еще разъ убѣждаешься, что не литературными трудами получилъ Станкевичъ свое вліяніе и значеніе, а своей высоко-нравственной, гуманной и глубокообразованной натурой, своей «небесной», какъ ее называли, личностью.

О Станкевичѣ писали многіе. Уже Бѣлинскій въ біографіи Кольцова (при изданіи его стихотвореній въ 1846) говоритъ: «Слухъ о самородномъ талантѣ Кольцова дошелъ до одного молодого человѣка, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго кружка близкихъ къ нимъ людей. Это былъ Станкевичъ...» [1]). Другой дѣятель 40-хъ и 50-хъ годовъ, знаменитый Т. Н. Грановскій, писалъ къ Я. М. Невѣрову, когда умеръ Станкевичъ: «Я еще не опомнился отъ перваго удара. Настоящее горе еще не трогало меня; боюсь его впереди. Теперь все еще не вѣрю въ возможность потери—только иногда сжимается сердце... Онъ унесъ съ собой что-то необходимое для моей жизни. Никому на свѣтѣ не былъ я такъ много обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно. Этого, можетъ быть, кромѣ меня, никто не знаетъ.

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго изд. 1862 г., т. XII, стр. 97.

Страшно подумать о его смерти...» [1]). Третій знаменитый современникъ говоритъ тоже въ своихъ воспоминаніяхъ: Станкевичъ... «на каждомъ шагу встрѣчалъ удивительныхъ людей, умѣлъ ихъ встрѣчать, и каждый, подѣлившійся его думою, оставался на всю жизнь страстнымъ другомъ его и каждому своимъ вліяніемъ онъ сдѣлалъ или огромную пользу или облегчилъ ношу» [2]). Анненковъ написалъ о Станковичѣ цѣлую книгу; послѣдняя вызвала статью Добролюбова, много страницъ посвящено Станкевичу А. Н. Пыпинымъ въ біографіи Бѣлинскаго и «Характеристикахъ литературныхъ мнѣній» и А. М. Скабичевскимъ въ «Очеркахъ умственнаго развитія русскаго общества»... Можетъ быть не лишнимъ будетъ поэтому, а также принявъ во вниманіе слова Пушкина: «мы лѣнивы и не любопытны», по поводу настоящей книги напомнить нѣсколько читателямъ жизнь Станкевича, тѣмъ болѣе, что издатель книги не счелъ нужнымъ сдѣлать это.

Сынъ богатаго воронежскаго помѣщика, Н. В. Станкевичъ (род. въ 1813 году) до десяти лѣтъ воспитывался въ деревнѣ, на свободѣ, и былъ «enfant terrible» для своихъ нянекъ, дядекъ и проч. За то, говоритъ Анненковъ, «мелкихъ пороковъ, скрытности, притворства, лжи и лицемѣрія, онъ никогда не зналъ, благодаря своему воспитанію, которое не считало шалости, иногда даже и очень бойкія, тяжкимъ, неоплатнымъ преступленіемъ». Нынѣ на это дѣло смотрятъ не такъ... Десяти лѣтъ мальчика стали посылать въ Острогожское уѣздное училище, гдѣ на равной ногѣ воспитывались одинаково дѣти всѣхъ сословій; это, конечно, благотворно повліяло на мальчика: онъ привыкъ къ товарищеской общительности, къ нему не прививались сословные предразсудки. Поступивъ черезъ два года въ воронежскій благородный пансіонъ, онъ прочелъ всѣхъ (тогдашнихъ) русскихъ классиковъ, полюбилъ поэзію и самъ началъ писать стихи. Въ 1830 году онъ выдержалъ экзаменъ на словесный факультетъ Московскаго университета и поселился у знаменитаго профессора М. Г. Павлова, скоро открывшаго пансіонъ «на основаніяхъ строго обдуманной системы воспитанія» (Анненковъ, стр. 23). Въ первые два года Станкевичъ основательно выучился нѣмецкому языку; поэзія нѣмецкая сдѣлалась не только «родникомъ эстетическихъ впечатлѣній», она сдѣлалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣриломъ, на которое прикидывалъ онъ всю жизнь и собственное свое нравственное достоинство», она «возбудила къ дѣятельности всѣ умственныя его силы»; Шиллеръ и Гете наполнили его умъ «множествомъ вопросовъ, привели его въ неизъяснимое напряженіе... зажли первый слабый свѣточъ, который долженъ былъ отъ размышленія, чтенія и науки развиться впослѣдствіи до силы и степени вѣрнаго нравственнаго свѣтила», такъ какъ «эстетическое наслажденіе обязываетъ, какъ и всякое другое» (ib. 25, 26, 27, 29). Лекціи Павлова и молодого тогда Надеждина имѣли огромное значеніе для Станкевича.

Здѣсь же, въ университетѣ, и образовался знаменитый «кружокъ Станкевича», состоявшій изъ Бѣлинскаго, А. П. Ефремова, поэта-мистика Клюшникова (—ѳ—), В. Красова, К. Аксакова; однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Станкевичу людей былъ также Я. М. Невѣровъ; потомъ—переводчикъ

---

[1]) «Николай Влад. Станкевичъ» П. В. Анненкова. М., 1857 г. Стр. 234. Ср. также письмо Тургенева къ Грановскому—въ «Первомъ собраніи писемъ И. С. Тургенева» (оно помѣщенно первымъ).

[2]) «Былое и Думы», ч. IV.

Шекспира Кетчеръ, Кольцовъ, Е. Ѳ. Коршъ; впослѣдствіи присоединились— Грановскій, В. Боткинъ, Кудрявцевъ и др. Въ 1834 году Станкевичъ кончилъ курсъ.

Кружокъ сначала былъ послѣдователемъ философіи Шеллинга, отразившейся на первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго, но Станкевичъ скоро ввелъ изученіе Гегеля, создавшаго, какъ тогда думали, настоящую универсальную, всеобъемлющую философію. Друзья занялись самымъ тщательнымъ изученіемъ ея; по словамъ современника—«нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики (Гегеля), въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлые недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности» и о ея по-себѣ бытіи». Самый языкъ ихъ измѣнился и получилъ какой-то латино-нѣмецкій характеръ: вспомнимъ статьи Бѣлинскаго и нападки на него за этотъ «птичій», по выраженію астронома Перевощикова, языкъ со стороны Булгарина и пр., вспомнимъ наивное признаніе Кольцова, что онъ субъектъ и объектъ «еще не много понимаетъ, а абсолюта ни крошечки». Была и другая, болѣе глубокая ошибка кружка: отношеніе его къ жизни «сдѣлалось, какъ говоритъ тотъ же современникъ, школьное, книжное», было такое-то «ученое пониманіе простыхъ вещей», осмѣянное когда-то еще Хемницеромъ; «все въ самомъ дѣлѣ непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ, и если ему попадался на дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступившая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи...» Съ нашей точки зрѣнія, теперь все это, конечно нѣсколько смѣшно, но тогда это все же не было «барство», «эстетическій эпикуреизмъ», «самоуслажденіе», «прекраснодуміе», квіэтизмъ и пр., какъ называетъ бесѣды кружка г. Скабичевскій въ своихъ статьяхъ [1]). Мы вполнѣ присоединяемся ко взгляду А. Н. Пыпина, который въ возраженіи на эти статьи [2]), справедливо указываетъ на то, что авторъ «Очерковъ» не соблюдаетъ исторической вѣрности и 40-е годы судитъ съ точки зрѣнія 60-хъ; что «квіэтизма» въ кружкѣ совсѣмъ не было, напротивъ онъ постоянно развивался; въ самомъ консерватизмѣ его постоянно «были столь идеальные запросы, что настоящіе защитники общественной неподвижности никогда бы не могли назвать его своимъ»; не было и «эпикурейства»—было серьезное изученіе философскаго откровенія, приносившее много восторговъ, но много и тягостныхъ мученій и сомнѣній (напр. у Бѣлинскаго).

Изученіе философіи Гегеля отразилось на литературныхъ трудахъ Станкевича: онъ переводитъ французскую брошюру «Essai sur la philosophie de

---

[1]) «Очерки умствен. развитія русскаго общества». «Отеч. Зап.» 1870—72 гг. Сюда относятся главы 6—8 (1871 г., 1—3). Эти статьи перепечатаны въ «Сочиненіяхъ» г. Скабическаго, съ нѣкоторыми измѣненіями. подъ названіемъ «Сорокъ лѣтъ русской критики» и «Три человѣка сороковыхъ годовъ» (т. I).

[2]) «Бѣлинскій его жизнь и переписка» т. I, стр. 112—117.

Hegel», въ «Московскомъ Наблюдателѣ» когда редакторомъ его былъ Бѣлинскій, онъ помѣщаетъ статьи: «Гимназическія рѣчи Гегеля» съ своимъ предисловіемъ (1838, марта, кн. I) и «О философской критикѣ художественнаго произведенія» тоже съ предисловіемъ (май, кн. II) [1]).

Наибольшее вліяніе оказалъ Станкевичъ на Бѣлинскаго, только въ 40-хъ годахъ сдѣлавшагося совершенно самостоятельнымъ и отрѣшившагося, отчасти подъ вліяніемъ кружка Герцена и Огарева, отъ гегеліанства, памятниками увлеченія которымъ остались двѣ его знаменитыя статьи: «Бородинская годовщина» и «Менцель, критикъ Гете» (самъ Станкевичъ, впрочемъ, никогда не доходилъ, съ своей мягкой натурой, до такихъ крайностей); далѣе единственно благодаря Станкевичу выдвинулся и развился Кольцовъ, съ которымъ онъ познакомился еще въ Воронежѣ и который посвятилъ ему, послѣ его смерти, одну изъ своихъ думъ «Поминки» (памяти Н. В. Ст—ча). Велико было вліяніе Станкевича и на Грановскаго, котораго онъ поддерживалъ въ его историческихъ занятіяхъ; не даромъ же знаменитый профессоръ такъ отзывается о немъ въ приведенныхъ выше словахъ.

Таковъ-то былъ кружокъ Станкевича и его друзей и «если кто хочетъ, закончимъ мы словами критика 50-хъ и 60-хъ годовъ, перенестись на нѣсколько минутъ въ ихъ благородное общество, пусть перечитаетъ въ «Рудинѣ» разсказъ Лежнева о временахъ его молодости и удивительный эпилогъ повѣсти г. Тургенева [2]).

«Могучая сила
«Въ душѣ ихъ кипитъ;
«На блѣдныхъ ланитахъ
«Румянецъ горитъ...
«И съ неба и съ время
«Покровы сняты;
«Загадочной жизни
«Прожиты мечты;
«Шумна ихъ бесѣда,
«Разумно идетъ...»

Но скоро (въ 1837 году) Станкевичъ, отчасти по болѣзни, отчасти съ цѣлью образованія, уѣхалъ за границу и сталъ слушать лекціи въ Берлинскомъ университетѣ: Вердера, который «подпалъ, какъ и другіе, его вліянію» и просто влюбился въ него, Ранке, Ганса и др. Но метафизическая философія начала уже мало его удовлетворять и онъ сталъ спускаться ближе къ жизни и незадолго до смерти (1840) духъ его прояснился и успокоился. Умеръ Станкевичъ въ Италіи, проживъ нѣкоторое время въ Римѣ и Флоренціи. Смерть его произвела страшное впечатлѣніе на Бѣлинскаго, который писалъ тогда: «Знаешь ли, Боткинъ... Станкевичъ умеръ! Боже мой! Кто ждалъ этого? Не былъ ли бы, напротивъ, каждый изъ насъ убѣжденъ въ невозможности такой развязки столь богатой, столь чудной жизни? Да, каждому изъ насъ казалось невозможнымъ, чтобъ смерть осмѣлилась подойти безвременно къ такой божественной личности и обратить ее въ ни-

---

[1]) Эти двѣ статьи указаны Анненковымъ op. cit. стр. 144, но почему-то издателемъ настоящей книги не только не напечатаны, но даже не указаны въ его «Спискѣ журналовъ и книгъ, въ которыхъ напечатаны сочиненія Н. В. Станкевича» (стр. 245).

[2]) «Очерки Гоголев. періода рус. литер.» «Соврем.», 1856 г., № 7. О Станкевичѣ въ ст. 5—6 («Совр.», 1856 г., №№ 7 и 9).

чтожество. Въ ничтожество, Боткинъ». На Бѣлинскаго нападаетъ тупое равнодушіе, разочарованіе; невольно являются мысли о смерти и тщетѣ жизни: «Я не понимаю, къ чему все это и зачѣмъ: вѣдь всѣ умремъ и сгніемъ—для чего же любить, вѣрить, надѣяться, страдать, стремиться, страшиться? Умираютъ люди, умираютъ народы,—умретъ и планета наша,— Шекспиръ и Гоголь будутъ ничто. Извѣстіе о смерти Станкевича только утвердило меня въ этомъ состояніи. Смерть Станкевича показалась мнѣ тѣмъ болѣе естественна и необходима, чѣмъ святѣе, выше, геніальнѣе его личность». Въ письмѣ къ А. П. Ефремову смерть Станкевича кажется ему «странной, дикой, неестественной идеей»: «мнѣ все же вѣрится, пишетъ онъ, все кажется, что смерть не посмѣла бы разрушить такой божественной личности...» [1]).

Чѣмъ же, повторимъ еще разъ, вызвалъ Станкевичъ такое благовѣйное поклоненіе и уваженіе у всѣхъ, кто встрѣчался съ нимъ. Сочиненія его теперь изданы—что же тамъ! Самыя обыкновенныя стихотворенія, на которыя никто бы не обратилъ вниманія, одна «плохая» трагедія (Василій Шуйскій), написанная и изданная имъ шестнадцати лѣтъ и потомъ скупленная имъ и сожженная; самое замѣчательное въ ней ея посвященіе «его превосходительству господину тайному совѣтнику сенатору предсѣдателю Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и орденовъ св. Анны 1-й степени, св. Георгія 3-го класса, св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 3-й степени, прусскаго военнаго: за заслуги и св. Маврикія и Лазаря кавалеру Александру Александровичу Писареву» (стр. 69). Стихъ гладкій вотъ и все, что можно сказать объ этой трагедіи. Изъ прозаическихъ статей наиболѣе интересна «Моя метафизика» (стр. 149—155), написанная въ 1833 году; въ ней Станкевичъ излагаетъ свое міровозрѣніе въ то время [2]). Не велико и не важно наслѣдство... тѣмъ сильнѣе и выше, стало-быть, было личное вліяніе этой «небесной» натуры...

Что касается до настоящаго изданія, то замѣтимъ слѣдующее. Въ виду того, что сочиненія Станкевича не представляютъ никакого интереса безъ отношенія къ личности его и не ими обязано ему русское общество, надобно было, ужъ если собирать и печатать эти сочиненія, непремѣнно присоединить и его переписку, помѣщенную въ рѣдкой теперь книгѣ Анненкова (стр. 1—353), дополнивъ ее нѣкоторыми новыми письмами. По этой только перепискѣ съ Я. М. Невѣровымъ, А. П. Ефремовымъ, Грановскимъ, Бѣлинскимъ и др. мы и можемъ составить понятіе о значеніи знаменитаго юноши для его кружка. Другое замѣчаніе уже сдѣлано выше: весьма странно, что издатель пропустилъ нѣкоторыя статьи упомянутыя у Анненкова. Пятидесятилѣтіе со смерти Станкевича надо было помянуть не такимъ изданіемъ, приложить къ нему по больше внимательности и старанія, а не ограничиваться ни для чего не нужной веленевой бумагой, увеличивающей до 2 руб. цѣну книги, которая вся почти была уже напечатана въ прекрасной монографіи Анненкова. Теперь же мы все еще остаемся безъ полнаго собранія сочиненій Станкевича, какъ оно не необходимо для историка литературы времени Бѣлинскаго...

Ар. М.

---

[1]) Пыпинъ «Бѣлинскій», т. II стр. 51, 52.

[2]) Эта статья, какъ и другая «Объ отношеніи философіи по искусству», а также «Нѣсколько мгновеній изъ жизни гр. Z***» и «Три художника» были напечатаны уже раньше—въ приложеніи къ книгѣ Анненкова.

Настольный энциклопедическій словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Изданіе Гарбеля. Тринадцать выпусковъ. Москва. 1890—1891. А—Бож.

Въ концѣ прошлаго года, соревнуя появленію въ Петербургѣ Брокгаузовскаго словаря, началъ выходить и въ Москвѣ новый энциклопедическій словарь подъ редакціею никому невѣдомаго Адольфа Гарбеля, издателя «Библіотеки древнихъ классиковъ» и «Словаря глаголовъ нѣмецкаго языка». Въ предисловіи къ новому изданію говорилось, что оно также беретъ въ основу маленькій лексиконъ Брокгауза, а для статей о Россіи будетъ пользоваться русскими источниками, даже и такими плохими, какъ словарь Клюшникова, техническій—Грахова, товарный—Андреева. Первые выпуски настольной справочной книги, въ которой мы дѣйствительно нуждаемся, встрѣчены были публикою сочувственно, критикою снисходительно. Изъ большихъ и серьезныхъ органовъ печати, впрочемъ, ни одинъ не далъ объ изданіи обстоятельнаго отзыва. «Новое Время» сказало только нѣсколько словъ о его приличной внѣшности и замѣтило, что оно выиграло бы, если бы изъ него были выкинуты разныя ненужныя свѣдѣнія, только занимающія даромъ мѣсто. Нашлись конечно и органы общественнаго мнѣнія, не пожалѣвшіе похвалъ для первыхъ выпусковъ. Въ огромной рекламѣ, занимающей 16 страницъ и приложенной къ газетамъ въ концѣ прошлаго года, редакція словаря привела прежде другихъ благосклонные отзывы: «Вѣстника покровительства животнымъ», «Гамелица», «Гацефира», «Petersburger Herold», «Гражданина», «Зубоврачебнаго вѣстника». Послѣдній журналъ выпустилъ даже шпильку по адресу петербургскаго Брокгаузовскаго словаря, замѣтивъ, что редакторъ его г. Андреевскій позволилъ себѣ употребить не приличное для профессора полицейскаго права выраженіе, «при открытіи Александровской колонны по площади пронеслось бѣшеное ура». Но первые выпуски были дѣйствительно приличны и по наружности и по содержанію: на букву *А* у насъ уже было столько источниковъ, что не трудно было составить порядочный текстъ. Рисунки были сносны, портреты схожи, хотя Актеона не зачѣмъ было представлять совершенно обнаженнымъ, а въ статьѣ «англичанинъ» помѣщать жалкую виньетку, изображающую рыбака въ колпакѣ. Мы повременили говорить о первыхъ выпускахъ, ожидая, когда это предпріятіе станетъ на твердую ногу. Въ прошломъ году вышло десять выпусковъ и число рисунковъ въ нихъ увеличилось, но и между рисунками, большею частью старыхъ клише, было много совершенно не нужныхъ, какъ напр. видъ Балленштедта, города въ Ангальтскомъ герцогствѣ, Балтиморская птица, никому неизвѣстный композиторъ Баргиль, живописецъ Бегасъ и другія знаменитости, десятками встрѣчающіяся въ нѣмецкихъ илюстраціяхъ, но до которыхъ русскому человѣку нѣтъ никакого дѣла. Десять прошлогоднихъ выпусковъ, заключавшихъ въ себѣ 30 печатныхъ листовъ въ два столбца съ многими рисунками, четырьмя географическими картами и двумя раскрашенными приложеніями: типы народовъ и флаги главныхъ государствъ, стоили 3 рубля. Относительно это не дорого, но только относительно: въ нихъ одна буква русской азбуки и начало другой—сколько же будутъ стоить остальные? И сколько будетъ вообще выпусковъ? Объ этомъ г. Гарбель благоразумно умалчиваетъ во всѣхъ своихъ рекламахъ. Вѣдь при 150—200 выпускахъ книга обойдется въ 50—60 рублей, а это не дешево для настольнаго изданія.

Словарь Толля первоначально стоившій 6 рублей, теперь стоитъ 12, Березина продавался по 60 рублей. Да немногимъ дороже будетъ стоитъ и петербургскій Брокгаузовскій, улучшающійся съ каждымъ вновь выходящимъ томомъ, тогда какъ Гарбелевскій гешефтъ съ каждымъ выпускомъ дѣлается все хуже и хуже. Въ нынѣшнемъ году вышло еще только три выпуска и, не говоря уже о слишкомъ медленномъ появленіи ихъ—они значительно хуже прошлогоднихъ, статьи еще неудовлетворительнѣе, рисунки, даже коректура—все плоше. Чтобы доказать это—прослѣдимъ, не выбирая статей, за однимъ, взятымъ на выдержку 11-тымъ выпускомъ и укажемъ только на самые рѣзкіе промахи.

Безбардисъ—латышскій писатель; несказано, когда жилъ и что писалъ, Безбородко,—несказано, когда прекратился этотъ родъ; объ Александрѣ Андр. сказано два раза, черезъ десять строкъ, о возведеніи его Іосифомъ II и Павломъ I въ княжеское достоинство. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ словъ изъ толковаго словаря, совершенно не нужныхъ въ энциклопедическомъ: «безведрица—безведреность, безвременникъ—несчастные люди, которымъ ни въ чемъ нѣтъ удачи, безвычурность, безгунникъ—голышъ, бездѣльникъ, безмѣшкотность, безоблыжность, безодеженіе—правописаніе по слуху (??) безпрочень—безпутный человѣкъ, безружъ—такъ называютъ тѣхъ, кто слишкомъ блѣденъ. Изъ всѣхъ такихъ словъ развѣ одно «белиберда» на своемъ мѣстѣ и то потому, что относится ко всѣмъ подобнымъ словамъ. «Бездна—также говорится и въ смыслѣ очень много, напримѣръ, бездна денегъ»—или бездна совершенно не нужныхъ и нелѣпыхъ опредѣленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ такая же бездна ненужныхъ мѣстностей и лицъ, какіе-то нѣмцы, Безлеры, актеръ Безонъ, Бейме, Бейнль, Бейрейсъ, Бейрихъ, Бейшлагъ, Бексбахъ, 21 Бекеръ и пр. и пр., ровно ничѣмъ не замѣчательные, также какъ города: Беззигеймъ, Бейлигрисъ, Бейлштейнъ Бейнгеймъ, Бейтельсбахъ. Русскія біографіи составлены неполно и небрежно: помѣщены какая-то Безпальцева, неклассный художникъ съ малой медалью и бюстомъ г-жи Гольцъ, Безсоновъ пейзажистъ-любитель, неизвѣстно когда жившій и написавшій какую-то ночь на Клязьмѣ, еще неклассный художникъ Бездонный, выставившій портретъ г-жи Бездонной; о Бекетовѣ не сказано, что онъ секретарь экономическаго общества, «Беклемишева, Екатерина—писательница, 1819 г.». Что это за таинственный годъ? рожденія, смерти, появленія въ свѣтъ ея произведеній? Въ біографіи Бековича-Черкасскаго сказано, что былъ женатъ на Голицыной, но ни слова не говорится о его гибели съ арміей въ Хивѣ. Беллертъ, Ник. Платон. писатель, умершій въ 1876 году, но что писалъ—неизвѣстно. Редакціонная небрежность выказывается на каждой страницѣ. На 484 помѣщены портретъ и біографія Бейи, ученаго, президента національнаго собранія и парижскаго мера, казненнаго во время террора. Это очевидно Бальи и подъ этимъ именемъ біографія его напечатана еще разъ на 405-ой страницѣ, гдѣ онъ только прежде всего названъ живописцемъ. На стр. 492-ой біографія Рожера-Бекона и она же на страницѣ 388-ой почти тѣми же словами, гдѣ онъ названъ только Роджіеромъ-Бако, Баконъ.

И вся эта безурядица умѣщается на первыхъ страницахъ одиннадцатаго выпуска; мы привели ее подъ рядъ, безъ выбора, пропуская только менѣе крупные промахи. Особенно плохи статьи научныя, техническія, по естествознанію. Въ ботаникѣ напр. вмѣсто розоцвѣтныхъ растеній вездѣ разноцвѣт-

ныя—и это не опечатки, потому что повторяются много разъ. Но «Историческій Вѣстникъ» журналъ не критическій и, не спеціальный и не можетъ посвящать цѣлыя страницы перечисленію бросающихся въ глаза небрежностей и ошибокъ. Онъ счелъ только своимъ долгомъ указать на плохое выполненіе предпріятія, которое могло бы имѣть успѣхъ, еслибы не сдѣлалось гешефтомъ. Даже на картахъ, приложенныхъ къ выпускамъ, издатель не далъ себѣ труда поставить принятыя вездѣ географическіе термины и печатаетъ Габешъ, вмѣсто Абисинія, и острова Маркезасъ... Неужели мы никогда не дождемся хорошаго русскаго словаря, пригоднаго для русскаго человѣка?

В. З.

Сергѣй Атава (С. Н. Терпигоревъ). I) Историческіе разсказы и воспоминанія; II) Двѣ повѣсти: 1) Безъ воздуха и 2) На старомъ гнѣздѣ (приложеніе къ иллюстрированному журналу „Родина", № 1, январь, 1891 г.).—Спб. 1891.

Всякій сильный талантъ непремѣнно оригиналенъ. Оригинальность, или индивидуальность его, сказывается во всемъ, начиная съ выбора того или другого сюжета и кончая слогомъ. У всякаго крупнаго писателя есть свои любимые коньки, свои излюбленныя темы, которыя онъ художественно разработываетъ обыкновенно въ теченіе всей литературной дѣятельности. Припомнимъ Тургенева, который такъ искалъ и любилъ рисовать типы «новыхъ» людей, героевъ интелигентной молодежи, и изображать первую любовь, всегда тщательно избѣгая описаній семейной жизни своихъ героевъ и героинь. Припомнимъ Л. Толстого, который, наоборотъ, рисовалъ и рисуетъ людей по большей части заурядныхъ, сосредоточивая свое вниманіе на психологическомъ анализѣ и охотно останавливаясь на подробномъ описаніи всѣхъ перепетій семейной жизни. Припомнимъ, наконецъ, Достоевскаго, сложный и многострадальный талантъ котораго далъ удивительные образчики тонкаго анализа преступной и больной души. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести цѣлый рядъ, но и трехъ названныхъ, полагаемъ, достаточно для доказательства нашей мысли.

Многолѣтняя литературная дѣятельность С. Н. Терпигорева, выразившаяся, между прочимъ, въ такихъ крупныхъ созданіяхъ, какъ «Оскудѣніе» и «Потревоженныя тѣни», несомнѣнно свидѣтельствуетъ о его выдающемся и оригинальномъ талантѣ. У г. Терпигорева, какъ и у другихъ талантливыхъ писателей, тоже есть свои излюбленныя темы, свой міръ для художественнаго изображенія. Выросши въ помѣщичьей средѣ, еще при существованіи крѣпостного права, и познакомившись такимъ образомъ съ темными и свѣтлыми сторонами дореформеннаго дворянскаго быта, нашъ авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, много наблюдалъ и помѣщичій послѣреформенный бытъ, эпоху «оскудѣнія». Если съ одной стороны его «Потревоженныя тѣни» могутъ стать наряду съ «Семейной хроникой» Аксакова и «Пошехонской стариной» Салтыкова, то разсказы изъ помѣщичьяго быта послѣ освобожденія крестьянъ являются единственными въ своемъ родѣ. Такимъ образомъ, г. Терпигоревъ можетъ быть названъ художникомъ-бытописателемъ нашего средняго помѣстнаго дворянства. Въ этомъ именно направленіи имъ созданы сильныя и крупныя вещи; здѣсь онъ наблюдалъ свои типы и характеры. Живописуя до- и послѣреформенный помѣщичій бытъ, г. Терпигоревъ, ко-

нечно, не могъ обойти вопроса о крѣпостномъ правѣ, которое до сихъ поръ находитъ еще своихъ защитниковъ. Въ цѣломъ рядѣ мастерскихъ картинъ онъ напомнилъ, что это было за право и какъ оно отозвалось на дворянствѣ, лишившемся послѣ 19-го февраля 1861 года крѣпостныхъ, даровыхъ работниковъ и созидателей дворянскаго благополучія. Съ этой стороны литературная дѣятельность г. Терпигорева имѣетъ помимо художественнаго, важное публицистическо-общественное значеніе, о которомъ, впрочемъ, не будемъ распространяться, надѣясь подробнѣе поговорить по этому поводу въ особомъ этюдѣ о нашемъ писателѣ.

Историческіе разсказы г. Терпигорева, въ числѣ всего трехъ, появившіеся недавно отдѣльнымъ изданіемъ, а раньше печатавшіеся въ «Историческомъ Вѣстникѣ», не могутъ, конечно, идти въ сравненіе съ его беллетристическими вещами. Эти разсказы—случайныя экскурсіи въ область исторіи, хотя очень интересныя и талантливо исполненныя. Намъ кажется, что это даже не разсказы, а очерки. Первый изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Лакейская столица», т. е. городъ Касимовъ, Рязанской губерніи, нѣкогда столица татарскихъ хановъ, а нынѣ жалкій провинціальный городокъ, съ полуразрушенными останками былого величія, доставляющій въ столичные рестораны лишь Ахметокъ, Абдулокъ и Атаулокъ,— этотъ очеркъ написанъ въ формѣ беллетристической и можетъ еще считаться разсказомъ, вѣрнѣе—записками туриста. Второй же и третій — «Солотчинскіе монахи и ихъ крѣпостные» и «Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ» написаны въ формѣ обыкновеннаго историческаго повѣствованія; къ нимъ подходитъ также названіе статей и небольшихъ историческихъ монографій. Эти монографіи очень интересны, ибо на основаніи совершенно новыхъ архивныхъ данныхъ трактуютъ о малоизслѣдованныхъ вопросахъ—о бытѣ монастырскихъ крестьянъ и о Тамбовскомъ переполохѣ XVII столѣтія при извѣстіи о приближеніи Стеньки Разина. Если въ первой монографіи автору удалось набросать любопытную картину монастырскаго хозяйства и показать, какъ на счетъ монастырскихъ крѣпостныхъ одного села «кормилась и жила цѣлая орда, жадная, немилосердная, пьяная, разгульная, разнузданная, въ полной увѣренности въ своей безопасности и безнаказанности», то во второй монографіи онъ нарисовалъ глубоко-трагическую картину темной, безотрадной жизни крѣпостного населенія, тщетно надѣявшагося избавиться отъ помѣщичьяго и чиновничьяго гнета, отъ грабительской эксплоатаціи воеводъ. Этотъ очеркъ наиболѣе удался г. Терпигореву и читается съ такимъ же живѣйшимъ интересомъ, какъ и заключающіе книжку отрывки изъ воспоминаній. Въ послѣднихъ, авторъ разсказываетъ, между прочимъ, любопытный эпизодъ изъ начала своей литературной дѣятельности, когда онъ былъ еще кореспондентомъ «Голоса», написавшимъ о Дервизо-Московскомъ агентствѣ въ городѣ Козловѣ, за что г. Терпигореву отъ лица города былъ поднесенъ адресъ.

Обращаясь, наконецъ, къ двумъ повѣстямъ, напечатаннымъ въ январьской книжкѣ—приложеніи къ иллюстрированному журналу «Родина», нужно сказать, что первая изъ нихъ удачнѣе второй. Въ первой повѣсти, озаглавленной «Безъ воздуха», съ присущимъ автору мастерствомъ разсказана исторія кратковременнаго пребыванія въ разоренномъ помѣстьѣ одной захудалой, психопатической семьи—князей Кильдѣевыхъ, въ качествѣ гувернантки, нѣкоей Порѣзовой, честной и хорошей дѣвушки. Въ этой повѣсти особенно

удался автору типъ развращеннаго до мозга костей, не смотря на свои 16 лѣтъ, сынка—князя, воспитанника привилегированнаго военно-учебнаго заведенія, обѣщающаго развиться въ недалекомъ будущемъ въ чисто-пробнаго негодяя.—Во второй повѣсти, нѣсколько утомляющей въ началѣ длиннотами, разсказывается исторія пріѣзда тоже въ захудалое помѣстье къ роднымъ, послѣ долговременной разлуки, двухъ сыновей. Одинъ изъ нихъ— типъ сухаго черстваго карьериста, служащаго въ Петербургѣ въ одномъ изъ блестящихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ и съумѣвшаго, не смотря на свои скудныя средства, поставить себя въ аристократической средѣ,—обрисованъ г. Терпигоревымъ очень талантливо. Этотъ типъ заслуживаетъ внимательнаго критическаго анализа, которому, къ сожалѣнію, нѣтъ мѣста въ краткой рецензіи. С. Т.

Графъ Алексисъ Жасминовъ (В. Буренинъ). Хвостъ. Спб. 1891.

«Историческій Вѣстникъ» не даетъ отчета о беллетристическихъ произведеніяхъ, но въ то же время помѣщаетъ на своихъ страницахъ романы и очерки, рисующіе не только картины прошлой жизни русскаго общества, но и очерки выдающихся типовъ современной жизни. Далеко не всякое литературное произведеніе изображаетъ подобные типы, имѣющіе значеніе въ исторіи нашей культуры, и мы отмѣчаемъ только тѣ изъ нихъ, съ которыми, по нашему мнѣнію, будетъ знакомиться изслѣдователь той или другой эпохи нашего общественнаго развитія. Какъ критикъ, г. Буренинъ переживетъ, конечно, всю эту свору мелкихъ писателей съ крупными самолюбіями, которыхъ онъ такъ остроумно «отдѣлываетъ» въ пятничныхъ фельетонахъ «Новаго Времени». Какъ беллетристъ, и всего болѣе какъ юмористъ, онъ останется въ литературѣ, хотя не создалъ ничего крупнаго и болѣе серьезные очерки его относятся еще къ концу семидесятыхъ годовъ, когда въ сборникѣ «Изъ современной жизни» явилось нѣсколько его замѣчательныхъ разсказовъ, какъ «Изъ записокъ погибшаго», «Семейная драма», «Вчерашняя быль» и др. Позднѣе онъ писалъ только юмористическія вещи, шаржи, пародіи и, хотя нѣкоторыя изъ нихъ выдержали три изданія и имѣли большой успѣхъ, какъ «Мертвая нога» и «Романъ въ Кисловодскѣ», но мы лично предпочли бы имъ болѣе выдержанныя произведенія. Даже и въ формѣ пародій, въ томъ родѣ, гдѣ юморъ переходитъ въ сатиру и въ которомъ г. Буренинъ составилъ себѣ извѣстность, у него можно найти мелкія и остроумныя карикатуры на пороки и недостатки современнаго общества. Отчегожъ бы автору не вывести эти типы изъ ихъ шаржированной формы и не создать чисто сатирическія характеристики нашихъ странностей и особенностей, въ родѣ портретовъ Теофраста и Лабрюйера? Какъ ни мелки личности насъ окружающія, но въ нихъ есть стороны, рисующія нашу эпоху, и меткое, хотя бы и нѣсколько преувеличенное, изображеніе такихъ типовъ во многомъ облегчило бы будущему изслѣдователю изученіе этой эпохи. Г. Буренинъ обрисовалъ уже столько литературныхъ типовъ разныхъ Пыжиковъ, Прыщиковъ, Леоноръ Обмокни и пр., что ему ничего бы не стоило составить портретную галерею и другихъ выродковъ нашего времени. Они и являются въ новомъ нынѣ вышедшемъ сборникѣ разсказовъ автора, между которыми первое мѣсто занимаетъ «реально-фантастическая поэма Хвостъ», гдѣ реальный элементъ гораздо любопытнѣе и важнѣе, чѣмъ всѣ фантасти-

ческія измышленія. Какъ въ «Мертвой ногѣ» ѣдко осмѣяны адвокаты и юристы, въ «Кисловодскомъ романѣ» семейные и литературные посѣтители нашихъ курортовъ, въ «Хвостѣ» являются мастерски нарисованные типы современной интелигенціи изъ разныхъ слоевъ общества. Таковы типы: героя поэмы Хохлаткина, члена Общества взаимнаго нажиманія, праздновавшаго свой 25-тилѣтній юбилей, на которомъ поэтъ Минскій украсилъ его чело «священными лаврами свободы», а поэтъ Фругъ прославилъ Бога Авраама, Исаака и Іакова; типы докторовъ Протобѣсова, Либенхлыща, Феркельмана; завсегдателей «Аркадіи»: адвоката Рахатлукумова, редактора жидовской газеты «Пейсы», дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Папильона 1-го, написавшаго путешествіе «Около юбокъ», за которое былъ избранъ въ почетные члены Географическаго Общества, Папильона 2-го, «командированнаго департаментомъ вѣдомства государственнаго препровожденія времени открывать Америку со стороны противоположной той, съ которой она была открыта Колумбомъ» и проч. Все это живые люди и стоитъ только исключить изъ ихъ біографіи нѣкоторые преувеличенныя черты, чтобы они могли занять мѣсто въ галереѣ типическихъ современниковъ. Еще рельефнѣе обрисованы портреты знаменитостей, являющихся на вечеръ къ Хохлаткину: драматурги Шекспировъ и Мольеровъ, поэты Панталонскій и Мордохайскій, кашеваръ Полѣно, проскакавшій на одной ногѣ изъ Дурандайска въ Петербургъ, вольный чеченецъ Кулебяка, предпринимавшій походъ въ Бѣлую Арапію, неудавшійся по интригамъ Европы, генералъ Мамай, покровитель живописца Архипа, скульптора Мардохая и композитора Вавилы и проч. Такіе же удачные, выхваченные изъ современной жизни, хотя и шаржированные, типы встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ г. Буренина, помѣщенныхъ въ сборникѣ, вмѣстѣ съ «Хвостомъ», въ остроумной пародіи на комедію кн. Мещерскаго «Милліонъ», въ поэмѣ «Лопнули», гдѣ гимназисты Прогресистовъ, Пропагандовъ и др. зачитываются повѣстью Максима Бѣлинскаго и стихами Минскаго, въ дамской повѣсти «Вадимъ и Валера», посвященной г-жѣ Шапиръ, въ новеллѣ «Дикопрекрасный Амалатъ», гдѣ обрисованъ Болеславъ Маркевичъ, въ романѣ «Шелестъ платьевъ», посвященной г. Авсѣенко, гдѣ адвокатъ Безподобный, въ кабинетѣ у Бореля, увлекается одной свѣтской дѣвицей, но мгновенно охладѣваетъ, когда на его вопросъ: да? она отвѣчала: «да! но только три тысячи въ годъ и поѣздка за границу на вашъ счетъ». Не соглашаясь на эти условія практической, совершенной fin du siècle особы, адвокатъ даже не ставитъ къ ужину шампанскаго и не провожаетъ ее, а даетъ ей на извозчика и на другой день увлекается уже великосвѣтской графиней, очарованный шелестомъ ея шелковаго платья. Первое изданіе «Хвоста» разошлось въ три мѣсяца и этотъ успѣхъ доказываетъ на сколько популяренъ талантъ г. Буренина среди публики.

В—ъ.

Красноярскій округъ Енисейской губерніи. Очеркъ Н. В. Латкина, члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Спб. 1890.

Книга г. Латкина представляетъ ничто иное, какъ передѣлку его же брошюры: «Aperçu general de l'arondissement de Krasnojarsk», вышедшей еще въ 1875 году. Авторъ дополнилъ свой первый трудъ новыми свѣдѣніями

и статистическими данными за послѣднее время, и въ настоящемъ видѣ его очеркъ является настолько интереснымъ, что мы сообщимъ въ краткихъ чертахъ его содержаніе.

Весь трудъ г. Латкина распадается на три главы. Въ первой главѣ авторъ даетъ статистическія данныя относительно роста населенія въ Красноярскомъ округѣ съ 1735 года и до нашего времени. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе поверхности округа, нѣсколько словъ о его геогностическомъ строеніи и горныхъ промыслахъ, которые начались здѣсь съ 1830 г. открытіемъ золотыхъ розсыпей въ долинѣ рѣки Ботоя. «Въ настоящее время добыча золота производится въ значительно-меньшемъ размѣрѣ противъ прежняго на р. Осиновой, гдѣ ежегодно разрабатываются 2 пріиска купца Некрасова съ 125 человѣками рабочихъ, причемъ, при 25 доляхъ содержанія, добываютъ около $2^1/_2$ пудовъ золота, и затѣмъ производятся небольшія разработки по рѣкѣ Манѣ, гдѣ добываютъ золота около $^1/_2$ пуда въ лѣто». Остальныя отрасли горнаго дѣла крайне незначительны (стр. 10). Далѣе идетъ гидрографическое описаніе, свѣдѣнія о климатѣ, о почвенныхъ условіяхъ и въ связи съ ними о дикой флорѣ и о земледѣліи, которое ведется самымъ неудовлетворительнымъ и безпорядочнымъ образомъ, но, благодаря удивительному плодородію почвы, хлѣба всегда не только хватаетъ на мѣстное населеніе, но еще остается и для вывоза. «Въ настоящее время хлѣба засѣвается въ округѣ до 134.600 четвертей; въ среднемъ озимые хлѣба родятся самъ $4^1/_2$, а яровые самъ $3^3/_4$» (стр. 19—20). Кромѣ хлѣбныхъ растеній въ округѣ разводятъ огородину (въ томъ числѣ дыни и арбузы), горчицу, ленъ, коноплю, простой табакъ, хмель. Сѣна имѣется также въ избыткѣ. Фауна округа не особенно богата и имѣетъ много общаго со всѣми сѣверными странами, какъ Сибири, такъ и Европейской Россіи. Домашняго скота—достаточно для мѣстныхъ нуждъ, но онъ очень плохой породы. Рыболовство, звѣроловство и птицеводство въ округѣ, какъ отдѣльные промыслы, не существуютъ и носятъ совершенно случайный характеръ. Пчеловодствомъ также почти совсѣмъ не занимаются. Фабрично-заводская промышленность и кустарные промыслы очень мало развиты: въ 1882 г., въ округѣ было 34 завода, производившихъ на 250.500 руб., изъ коихъ 83.000 руб. приходилось на водочные заводы и 43.000 на кожевенные. Торговые обороты округа авторъ кладетъ въ 1.500,000 руб. Первая глава заканчивается свѣдѣніями о путяхъ сообщенія и о пароходствѣ по Енисею купца Гадалова, идущемъ весьма удачно. Вторая глава начинается описаніемъ административнаго раздѣленія округа и перечисленіемъ различныхъ налоговъ, взимающихся съ населенія. Налоги эти весьма велики: они доходятъ до 23—24 руб. въ годъ съ души, да еще къ этой суммѣ надо прибавить массу незаконныхъ поборовъ, доходящихъ по свидѣтельству автора также до весьма солидныхъ размѣровъ. Затѣмъ сообщаются данныя относительно народнаго образованія. Оно находится въ весьма плачевномъ положеніи: въ 1863 году въ округѣ былъ всего 1% грамотныхъ и 27% полуграмотныхъ, а съ тѣхъ поръ дѣло ничуть не улучшилось. Только въ самомъ городѣ успѣхи образованія значительны: въ Красноярскѣ теперь 12 учебныхъ заведеній съ 1.074 учащимися. Не менѣе плачевно санитарное положеніе округа и медицинская часть: врачей мало, фельдшера «въ большинствѣ случаевъ народъ невѣжественный и не всегда трезвый, къ тому же старающійся содрать, гдѣ возможно, съ мужика», больницы находятся въ неудовлетворительномъ состояніи, такъ что неудивительно, если въ округѣ постоянно свирѣпствуютъ разныя эпи-

деміи. Далѣе авторъ даетъ весьма недурную характеристику населенія Красноярскаго округа. Тамошній крестьянинъ вообще кротокъ, послушенъ, терпѣливъ, крайне разсчетливъ, но сильно подверженъ пьянству, не стѣсняется передъ развратомъ, невѣжественъ и суевѣренъ. Что касается до преступленій, то ихъ приходится по одному на 570 человѣкъ да и тѣ въ большинствѣ случаевъ совершаются ссыльными. Вообще ссыльнымъ авторъ приписываетъ самое растлѣвающее вліяніе на мѣстное населеніе. Въ третьей главѣ авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи Красноярскаго округа, затѣмъ описаніе города Красноярска и другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ поселеній и мѣстностей округа. Въ заключеніи авторъ въ видѣ выводовъ перечисляетъ тѣ улучшенія, которыя необходимы для процвѣтанія Красноярскаго округа. Вотъ они: увеличеніе населенія, введеніе раціональнаго сельскаго хозяйства, устройство школъ и церквей и главнымъ образомъ—прекращеніе ссылки на поселеніе въ Сибирь.

Даже и изъ нашего краткаго пересказа видно, что г. Латкинъ отнесся къ своему труду весьма старательно и собралъ вполнѣ достаточное количество свѣдѣній для всесторонняго ознакомленія съ Красноярскимъ округомъ. Книжка его представляетъ несомнѣнный интересъ для всякаго, кто желаетъ возможно лучше ознакомиться со всѣми уголками Россіи, и мы можемъ только пожелать, чтобы трудъ г. Латкина нашелъ себѣ подражателей, которые ознакомили бы насъ также обстоятельно и добросовѣстно и съ другими мѣстностями нашего обширнаго отечества.

С. А—въ.

Расходная книга Патріаршаго Приказа кушаньямъ, подававшимся Патріарху Адріану и разнаго чина лицамъ съ сентября 1698 по августъ 1699 года. Изданіе И. А. Вахрамѣева. Москва. 1890.

Подлинная рукопись, съ которой напечатана «Расходная книга» принадлежитъ Археографической комиссіи.

Въ этомъ «памятникѣ» послѣдній Московскій патріархъ представляется намъ предъ будущимъ первымъ императоромъ, Петромъ Великимъ, въ самомъ скромномъ положеніи. Это уже далеко не всемогущій патріархъ Филаретъ, управлявшій московскимъ государствомъ при своемъ сынѣ, царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Это, тѣмъ болѣе, и не грозный патріархъ Никонъ. Нѣтъ о нихъ и помина! Послѣдній старецъ, занявшій въ послѣдній разъ патріаршеское мѣсто «на Москвѣ», обнаруживаетъ свою власть при самой печальной для него обстановкѣ: онъ можетъ только располагать, такъ или иначе, своею трапезой; онъ имѣетъ право чрезъ своихъ ближайшихъ слугъ распорядиться монашескимъ угощеніемъ для тѣхъ или другихъ лицъ: кого наградитъ «огнивой въ ухѣ», кому дастъ «полголовы осетріи»,—все такъ и будетъ. Затѣмъ, какъ видно изъ рукописи, даже относительно рыбной пищи «господинъ святѣйшій киръ Адріанъ, архіепископъ московскій и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархъ», долженъ былъ подчиняться, до нѣкоторой степени, условіямъ своего времени: кормить тѣхъ, а не иныхъ. Онъ обязанъ былъ лакомить и казаковъ, и Петровскую солдатчину, силу которой вполнѣ сознавали, вмѣстѣ, съ патріархомъ, его ближайшіе служители и сотрудники: казначей монахъ Тихонъ Макарьевскій, дворцоваго при-

каза судія монахъ, Іосифъ Булгаковъ, и многіе подьячіе, близкіе къ столу московскаго патріарха и обязанные вести «записи» точно и подробно о качествѣ и количествѣ всѣхъ «явствъ» (или «ѣствъ»), употребленныхъ при столѣ московскаго патріарха.

Обыкновенно (по свидѣтельству рукописи) владыка кушалъ въ своей кельѣ; рѣдко замѣчается, чтобы онъ угощался «въ столовой съ гостьми». Въ числѣ такихъ дней, когда у патріарха пировали «власти», былъ и новый годъ—1 сентября, по тогдашнему календарю. Столъ, по тогдашнему обычаю, начался съ «папошниковъ»; затѣмъ у гостепріимнаго патріарха появилась икра бѣлой рыбицы и «прикрошка тѣльная»: такъ называлось лакомое рыбное блюдо, приготовленное въ родѣ котлетъ, далѣе слѣдовали: стерляжій присолъ, щуки, окуни, лини, рыбьи потроха, огнива въ ухѣ, кавардакъ (нѣчто въ родѣ окрошки изъ разныхъ рыбъ), уха щучья, каша изъ семги, просольная бѣлужина, полголовы осетра, сбитень, яишница, зернистая икра, вязига подъ хрѣномъ, осетриная прикрошка, паровые судаки, лещи, язи, стерляди, пироги подовые (т. е. приготовленные изъ подоваго тѣста) и т. д.; вообще—болѣе 35 блюдъ.

«Царскіе» праздники сопровождались также изряднымъ угощеніемъ. Такъ, напримѣръ, 18—20 сентября 1698 года (тогда это число пришлось въ воскресенье) «для празднества ангела благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны и для поставленія Іосифа, митрополита Псковскаго», ровно 40 кушаньевъ подано было святѣйшему патріарху въ его келью, и, между прочимъ, «щуки-гвоски ростовскія». 17 марта, когда праздновался ангелъ благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Петровича, скушано только 22 блюда. Такое ограниченіе числа блюдъ, впрочемъ, не слѣдуетъ отнести къ желанію патріарха уменьшить значеніе царевича Алексѣя Петровича: тогда это былъ только семилѣтній ребенокъ и о плачевной судьбѣ его никто, даже самъ святѣйшій патріархъ, не могъ предвидѣть; а вкушалъ онъ гораздо умѣреннѣе единственно потому, что означенный день пришелся на пятницу четвертой недѣли великаго поста, когда не позволялось патріархомъ готовить ничего рыбнаго. Почти весь столъ ограничивался грибными кушаньями. Любопытно перечисленіе ихъ: за папошникомъ слѣдовали три пирога «долгіе» съ грибами; затѣмъ: пирогъ круглый съ маленькими грибами, два пирожка съ груздями, блюдо пироговъ «на троицкое дѣло», грибы холодные подъ хрѣномъ, грузди холодные съ масломъ, грузди грѣтые съ сокомъ, да съ масломъ, грибы грѣтые маленькіе съ лукомъ, рыжики грѣтые съ масломъ, капуста шатковая съ грибами, галушки грибяные, два «наряда» грибовъ въ тѣстѣ...

Угощеніе именитыхъ людей, какъ и въ настоящее время, входило въ кругъ обязанностей монашескаго начальства, обязанностей, обусловленныхъ, конечно, не гражданскими законами, а приличіемъ, уставами тогдашняго этикета. Стольникъ, или бояринъ, или князь (имя рекъ) отправляли на патріаршій дворъ нѣчто отъ избытка своего, напримѣръ: заморское виноградное вино, рѣдкіе фрукты, бархатъ и атласъ; естественно, что и святѣйшій патріархъ не желалъ остаться въ долгу предъ жертвователями и отплачивалъ имъ, по пословицѣ: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ»,—а богатъ онъ былъ особенно рыбнымъ столомъ.

Заведеніе воронежской верфи, по указу Петра Перваго, стоило послѣднему московскому патріарху изрядныхъ издержекъ; о денежныхъ расходахъ,

конечно не упоминается; но за то, начиная съ конца 1698 года, безпрестанно, почти каждодневно, патріаршій лѣтописецъ заноситъ тотъ или другой расходъ на кормежъ православной рати, собиравшейся къ походъ подъ Азовъ, чрезъ Воронежъ. Шли туда изъ Москвы дворяне и солдаты: каждаго нужно было накормить въ пути-дорогѣ рыбою. Если мы прослѣдимъ хоть одинъ мѣсяцъ (декабрь 1699 г.), то увидимъ, что означенный «походъ» истощалъ весьма патріаршую «рыбную» казну. Вотъ доказательства: 5-го декабря патріархъ долженъ былъ, на время, растаться съ своимъ довѣреннымъ любимцемъ Баскаковымъ. Съ нимъ онъ отправилъ, по росписи, массу всякой рыбины: 7 бѣлугъ, 5 осетровъ и проч.; сверхъ того, повезли не мало въ Воронежъ «хлѣбовъ братскихъ», соли, луку, коноплянаго масла; не были забыты и лакомства съ приправами: медъ, шафранъ, изюмъ. Въ тотъ же день, по царскому указу, поѣхали на службу въ Воронежъ патріаршіе дворяне Данило Прокофьевичъ Рагозинъ да Гаврило Прокофьевичъ Лопухинъ; имъ также не отказалъ патріархъ въ подачкѣ съ своего стола, велѣвъ подать каждому изъ нихъ по бѣлугѣ, осетру и «отборной» семгѣ, не считая другого напутственнаго угощенія. Вскорѣ, именно 9-го декабря, опять отправились въ Воронежъ дворяне, сколько же ихъ было не извѣстно; видно лишь, что съ ними отпустили 10 бѣлугъ мѣрныхъ, 20 осетровъ, 2 пуда икры и проч. Менѣе, чѣмъ черезъ недѣлю опять отпущено дворянамъ: 5 бѣлугъ и 10 осетровъ, да конюхамъ «которымъ быть на Воронежѣ», 20 осетровъ, 10 пудовъ соли, 36 хлѣбовъ, 2 пуда икры «арменской», сверхъ того, вмѣсто 20 чалбушевъ (?) бѣлужьихъ тѣ же конюхи получили еще 15 осетровъ. Вообще, оказывается, что походъ подъ Азовъ не дешево обошелся его святѣйшеству и дворянамъ. Кромѣ этого, занимали немаловажное мѣсто «нищіе», ихъ кормили каждый день, но въ ограниченномъ числѣ, по числу апостоловъ, т. е. не болѣе и не менѣе 12 человѣкъ; все-таки въ годъ число порцій составляло болѣе 4000. Затѣмъ, кромѣ великопостныхъ, особо строго соблюдаемыхъ дней, отпускалась обильная пища «на дворъ», т. е. архіерейскимъ дворянамъ, пѣвчимъ, какъ патріаршимъ, такъ и другихъ владыкъ, архимандритовъ и игуменовъ, бывшихъ на поклоненіи у патріарха, по дѣламъ личнымъ или касавшимся ихъ обителей. Конечно, кормили не безъ разбора.

Кромѣ этого, документы заключаютъ въ себѣ точныя свѣдѣнія относительно числа богодѣльщиковъ, получавшихъ кормовыя пособія отъ патріарха. Оказывается, что въ концѣ XVII столѣтія давался кормъ слѣдующимъ богодѣльнямъ: 1) состоявшей при Моисеевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ— на 100 человѣкъ; 2) Введенской на 20 человѣкъ; 3) Покровской на 100 человѣкъ; 4) Кировской на 80 и 5) Кулояжской на 100 «вдовъ и дѣвочекъ»; всего призрѣвалось 400 человѣкъ. Всѣ эти бѣдные люди питались постоянно отъ стола патріарха, но онъ давалъ имъ иногда улучшенный кормъ, ради праздниковъ. Бывали случаи, хотя и не часто, что патріархъ жаловалъ «ради пожарнаго раззоренія», но такіе подачки не отличались особенною щедростію, потому что просители состояли, конечно, изъ мелкаго люда, можно было накормить десятки такихъ несчастныхъ тѣмъ самымъ количествомъ пищи, какое слѣдовало къ столу, напримѣръ одного Меншикова. Знаменитый любимецъ Петра I, тогда еще не князь и не герцогъ Ингерманладскій, Александръ Даниловичъ Меншиковъ значится въ этихъ документахъ въ числѣ лицъ «зѣло» угощаемыхъ патріархомъ, который 23 сен-

тября 1699 года отпустилъ сему будущему «полудержавному властелину» тешу виноградную добрую, косякъ хрящевый виноградный, два пуда икры паюсной, пятьдесятъ тешекъ безукосныхъ, связку отборной визиги, и ведро кавардаку, а думный дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ заставлялъ тоже лакомить себя тешами виноградными, косяками хрящевыми, цѣлыми пудами паюсной икры и связками визиги. Бѣдный патріахъ Адріанъ! онъ и не подозрѣвалъ, что вскорѣ послѣ его кончины, этотъ самый Зотовъ будетъ глумиться надъ священными процессіями. Но если бы патріархъ Адріанъ и дожилъ до того времени, когда Зотовъ изображалъ изъ себя предсѣдателя «всепьянѣйшаго собора»,—то, вѣроятно, и тогда бы святѣйшій московскій патріархъ продолжалъ кормить и поить русскаго Фальстафа. Спорить тогда было не подъ силу благочестивому старому монаху. Онъ долженъ былъ ковать желѣзныя цѣпи для военныхъ галеръ и платить за эту работу кузнецамъ бѣлугою, осетрами и икрой, въ то самое время, когда цивилизація ковала другія цѣпи, чтобы заключить въ нихъ старую Русь.

Къ книгѣ приложенъ указатель личный и географическій и перечень кушаньевъ, которыя въ настоящее время вышли изъ всеобщаго употребленія и могущія обратить на себя вниманіе по особенностямъ своего названія. **А. К.**

Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ съ адреснымъ отдѣломъ, планомъ и фототипическими видами г. Кіева. Изд. 2-ое. В. Д. Бублика. Кіевъ. 1890.

Издатель путеводителя «поставилъ себѣ цѣлью дать въ сжатой и доступной формѣ, согласной съ дѣйствительностью, описаніе всего того, что достойно вниманія, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ». Цѣль эта, нужно отдать справедливость, достигнута г. Бубликомъ какъ нельзя лучше. Въ общихъ чертахъ онъ изложилъ какъ исторію самаго Кіева, что у него заняло 16 страничекъ, такъ и исторію всѣхъ достопримѣчательностей кіевскихъ, церквей, памятниковъ, зданій и др., причемъ онъ иллюстрировалъ свое описаніе прекрасными фототипіями. Фототипіи эти исполнены очень изящно, такъ что не уступаютъ фотографическимъ снимкамъ и всѣ взятыя вмѣстѣ (а ихъ приложено не мало) представляютъ собой довольно полный альбомъ кіевскихъ видовъ. Кромѣ этой исторической части, г. Бубликъ помѣстилъ въ своемъ путеводителѣ еще нѣкоторыя географическія и статистическія данныя, всѣ необходимыя справочныя свѣдѣнія и довольно подробный адресный отдѣлъ, гдѣ можно найти даже адресы портныхъ, плотниковъ, полотеровъ, ссудныхъ кассъ, рыбныхъ, чернильныхъ магазиновъ и проч., и проч. Странно только, что въ такомъ подробномъ отдѣлѣ не нашли себѣ мѣста адреса профессоровъ. Въ общемъ все-таки путеводитель составленъ очень добросовѣстно и вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія можно приложить къ путеводителю. Желательно было бы, чтобы примѣру г. Бублика послѣдовали также и другіе города, какъ напримѣръ, Москва, Петербургъ, Варшава, Одесса, гдѣ немало разнаго рода достопримѣчательностей, обозрѣть которыя человѣку заѣзжему довольно трудно и почти даже невозможно безъ руководства. Въ данномъ случаѣ большую службу могли бы сослужить путеводители, изданные по образцу «описанія Кіева», сдѣланнаго г. Бубликомъ. **В. Б.**

Казаки. Донцы. Уральцы. Кубанцы. Терцы. Очерки изъ исторіи старократскаго быта. Составилъ К. К. Абаза. Спб. 1890.

Такъ какъ названіе каждой отрасли казачества показываетъ и мѣсто ея происхожденія, то авторъ въ началѣ своихъ очерковъ рисуетъ характеръ мѣстности, разсказываетъ водвореніе ядра той или иной вольной общины, ея военную организацію, домашній бытъ и промыслы, послѣ чего переходитъ къ описанію «государевой службы»—у себя на границѣ и въ дальнихъ походахъ, совмѣстно съ русскими войсками, Какъ видно изъ предисловія, г. Абаза задался мыслію «извлечь наиболѣе благодарный для воспитательныхъ цѣлей матеріалъ, сгруппировать и расположить его въ видѣ очерковъ, доступныхъ обыкновенному читателю, не спеціалисту».

Безъ сомнѣнія, казачество, возникшее на восточныхъ окраинахъ нашего отечества, образовало могучую силу, содѣйствующую развитію исторической задачи русскаго народа, которая заключалась въ стремленіи къ постепенному расширенію своей територіи, то мирнымъ колонизаціоннымъ путемъ, то выдвигая вооруженные толпы отважной вольницы. Такимъ образомъ, казакъ явился передовымъ бойцомъ въ расширеніи русскаго господства на отдаленномъ Востокѣ; призванный на службу «государеву», онъ шелъ впереди прочихъ войскъ, сохраняя особенности своего вооруженія, одежды и степной тактики. Въ этомъ заключается двойная заслуга казаковъ передъ государствомъ. «Московскіе цари, говоритъ въ одномъ мѣстѣ авторъ, начиная съ Грознаго, поняли казачью силу». Ермакъ Тимоѳеевичъ покорилъ Сибирь. Донцы, уральцы, терцы, а впослѣдствіи и кубанцы, зорко стерегли границы, давали отпоръ полудикимъ ордамъ, напиравшимъ съ юга и востока. Цари жаловали и похваляли казаковъ, вносившихъ въ ряды московскихъ ополченій духъ рыцарской отваги и неизмѣнной вѣрности. Михаилъ Ѳедоровичъ писалъ на Донъ: «Вы, атаманы, службу свою, дородство и храбрость къ нашему царскому величеству держите и своей чести и славы не теряйте...» Наступательное движеніе русскихъ войскъ въ глубь Азіи всегда происходило при участіи и какъ бы подъ прикрытіемъ казаковъ, чему мы обязаны присоединеніемъ почти трети этого материка.

Не менѣе активную роль играли казаки въ войнахъ европейскихъ. Въ Семилѣтнюю войну донцы явились на поляхъ невѣдомой ими Германіи въ числѣ 15,000. Первые подвиги Суворова были совершены при участіи донцовъ. Они его сопровождаютъ въ Пруссіи, Польшѣ, Турціи, на поляхъ Италіи, въ горахъ Швейцаріи. «Суворовъ, говоритъ авторъ, сидя на донскомъ конѣ и сопровождаемый донскимъ казакомъ, возившимъ его регаліи, совершилъ самые замѣчательные подвиги, одержалъ самыя блестящія побѣды». Тактика Суворова была проникнута казацкимъ духомъ, что выражалось въ быстротѣ и натискѣ. «Казаки переносились съ мѣста на мѣсто, питались чѣмъ попало, служили арміи то авангардомъ, то арьергардомъ, замѣняли главнокомандующему слухъ и зрѣніе»... Авторъ въ живыхъ образахъ и яркихъ краскахъ отмѣчаетъ ихъ подвиги въ Семилѣтней войнѣ, въ въ борьбѣ съ конфедератами и въ грандіозномъ столкновеніи съ французами, когда во главѣ казацкихъ дружинъ появился «вихрь-атаманъ», Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

Почтенный трудъ автора не можетъ быть названъ учебникомъ, который, по мѣткому выраженію покойнаго историка Грановскаго, долженъ быть послѣднимъ словомъ науки; нельзя его назвать и ученымъ серьезнымъ

этюдомъ: это эпосъ казачества, слитый въ стройную, полную, притомъ весьма разнообразную и художественную картину. Какъ поэтическое сказаніе о военныхъ подвигахъ онъ можетъ благотворно влiять на подъемъ военнаго духа. Одинъ изъ рецензентовъ труда г. Абазы указывалъ, что сцены постояннаго боя, сопровождаемыя кровопролитіемъ, не вполнѣ соотвѣтствуютъ педагогическимъ цѣлямъ. Мысль, конечно, вполнѣ филантропическая и похвальная, но несвоевременная, когда вся Европа стоитъ подъ ружьемъ, а передовые люди эпохи увѣряютъ, что всѣ вопросы жизни должны рѣшаться желѣзомъ и кровью.

Хотя авторъ въ своемъ предисловіи обѣщаетъ заносить лишь строго провѣренные факты, но, помимо его воли, въ этомъ эпическомъ произведеніи казакъ является героемъ, котораго не беретъ ни сабля, ни пуля; по отношенію къ чужой собственности—рыцаремъ безъ страха и упрека. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Абазы можно смѣло рекомендовать какъ въ высшей степени занимательное и поучительное чтеніе въ войскахъ, семьѣ и школѣ.

Ф. Неслуховскій.

Е. В. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. (Извлечено изъ №№ 40, 42, 44 и 50 «Тобольскихъ губ. вѣдом.» 1890).

Вопросъ о христіанскомъ имени знаменитаго покорителя Сибири сталъ занимать собою пытливые умы уже давно, но не смотря ни на какія ухищренія, до сихъ поръ не былъ да и не могъ быть окончательно рѣшенъ вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ для этого точныхъ данныхъ; остается нерѣшеннымъ онъ и теперь, послѣ выхода въ свѣтъ брошюрки г. Кузнецова. Впрочемъ, послѣдній и не претендуетъ на полное рѣшеніе этого вопроса: въ своей брошюркѣ онъ собралъ воедино почти всѣ сказанія лѣтописей и мнѣнія историковъ и изслѣдователей по данному вопросу и привелъ нѣсколько своихъ собственныхъ догадокъ единственно лишь для того, чтобы, какъ онъ самъ выражается, «облегчить трудность догадокъ объ имени Ермака». Интересенъ выводъ, къ которому онъ пришелъ на основаніи соображеній, вызванныхъ, главнымъ образомъ, данными Черепановской лѣтописи, писцовыхъ и переписныхъ книгъ и трехъ Сибирскихъ синодиковъ. Знаменитый покоритель Сибири, по мнѣнію г. Кузнецова, кромѣ нехристіанскаго вульгарнаго имени «Ермакъ», могъ имѣть еще два христіанскихъ: явное—Ермолай и тайное—Василій. «Быть можетъ, послѣднее было то имя, которое дано ему при крещеніи, но преслѣдованія, какими сопровождались молодые годы нашего героя—годы его разбойничества—могли представлять ему не мало поводовъ, чтобы скрывать это настоящее имя, замѣняя его именемъ Ермолая». Что же касается до слова «Ермакъ», то это,—по мнѣнію г. Кузнецова,—или простая передѣлка имени «Ермолай», или же—кличка въ значеніи кулачнаго бойца, или силача, «присвоенная покорителю Сибири въ года его буйной молодости». Все здѣсь сводится на «можетъ быть» и вопросъ попрежнему остается открытымъ... Однако брошюрка г. Кузнецова заслуживаетъ вниманія, какъ по аргументамъ, приводимымъ авторомъ въ пользу своихъ догадокъ, такъ и потому, что въ ней приведены in extenso почти всѣ толкованія имени Ермака (начиная съ толкованія Черепановской лѣтописи и кончая толкованіемъ про-

фессора Буцинскаго) и по поводу ихъ сдѣлано не мало дѣльныхъ замѣчаній (въ особенности по поводу толкованій Завалишина, Никитскаго и Буцинскаго)... Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить одного важнаго недосмотра, допущеннаго г. Кузнецовымъ при цитированіи «Новаго Лѣтописца». Изъ этого послѣдняго приведена имъ такая цитата: «а къ Ермаку повелѣ государь написати не Атаманомъ, но Княземъ Сибирскимъ». Можно было бы заключить на основаніи этой цитаты, что и въ «Нов. Лѣт.» встрѣчается имя «Ермакъ», а между тѣмъ мы знаемъ, что тамъ покоритель Сибири называется только однимъ именемъ—Ермолая. Выходитъ путаница... «Въ «Новомъ Лѣтописцѣ» вмѣсто вышеприведенной цитаты мы находимъ слѣдующее: «а ко Атаману Ермолаю и къ казакомъ посла (государь) многое жалованье, въ грамотахъ повелѣ Ермолая именовати Княземъ Сибирскимъ...»

А. Терновичъ.

Debidour: Histoire diplomatique de l'Europe. 1814—1878. 2 vol. Paris. 1891.

Г. Дебидуръ—одинъ изъ скромныхъ, но дѣльныхъ провинціальныхъ профессоровъ Франціи. Онъ извѣстенъ нѣсколькими полезными сочиненіями по средней исторіи, а его этюдъ о фрондѣ удостоился академической преміи. Въ послѣднее время онъ посвятилъ себя изученію новѣйшей исторіи, начиная съ революціи, и приготовляетъ обширную работу о XIX вѣкѣ. Какъ бы канвою для этого труда служитъ Дипломатическая исторія Европы. Это—родъ обширнаго учебника для большой публики, очевидно вытекшаго изъ лекцій профессора. Теперь естественно настала пора для такихъ работъ по истекающему столѣтію, уже настоятельно требующему для себя цѣльной исторіи, которая и должна начинаться съ сжатаго свода основныхъ чертъ матеріала, накопившагося въ изобиліи. Наша публика недавно получила такой сводъ въ видѣ перевода сочиненія англійскаго историка Файфа. Дебидуръ напоминаетъ Файфа: это—историкъ-политикъ. Впрочемъ, онъ широко смотритъ на «дипломатію», связывая ее со всею обширною областью международнаго права. Авторъ серьезенъ. Ему претятъ и «политическія страсти», и «патріотическій эгоизмъ». Онъ знаетъ всѣ основные печатные матеріалы: при каждой главѣ обстоятельная библіографія. Изложеніе нѣсколько сухое, отличается ясностью и удобствомъ отысканія фактовъ, которому помогаетъ хорошій указатель именъ и даже главныхъ предметовъ рѣчи. Всѣ указанныя достоинства ясны въ изложеніи политической роли нашего отечества за послѣднія 65 лѣтъ, которое можетъ вызвать, съ нашей стороны, потребность въ поправкахъ не столько въ цѣломъ, сколько въ частностяхъ. Для обрисовки направленія г. Дебидура укажемъ на его взглядъ на самое близкое къ намъ событіе — на «союзъ трехъ императоровъ». По мнѣнію автора, этотъ союзъ, при его установленіи, былъ какъ бы «возвращеніемъ къ основамъ священнаго союза»: Бисмаркъ увлекъ императора Александра II обѣщаніемъ помочь ему въ восточномъ вопросѣ и въ «обузданіи революціи, дерзость которой угрожала всѣмъ престоламъ» въ началѣ 1870-хъ годовъ. Но результатъ былъ иной: «вѣчно подозрительная Россія выговорила себѣ полную свободу дѣйствій; Горчаковъ не былъ настолько наивенъ, чтобы не предчувствовать игру Бисмарка, который, сближая дворы Петербурга и Вѣны, думалъ просто уравновѣшивать ихъ, т. е. взаимно уничто-

жать ихъ вліяніе». И дѣйствительно, уже въ 1874 г. Россія стала сближаться съ Англіей (бракъ Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ) и даже съ Франціей, гдѣ она надѣялась на возстановленіе монархіи; а въ 1875 году Россія съ Англіей остановили планъ Бисмарка уничтожить «наслѣдственнаго врага» нѣмцевъ. Бисмаркъ затаилъ месть въ своемъ сердцѣ. «Съ тѣхъ поръ его мечтой стало, чтобы царь предпринялъ большую войну противъ Турціи, которая поглотила бы всѣ его силы». А когда Россія стала бы истекать кровью, желѣзный канцлеръ «спустилъ бы на нее Англію и Австро-Венгрію», а самъ «сталъ бы предписывать ей законы, какъ рѣшитель судебъ Европы». Затѣмъ г. Дебидуръ описываетъ искусные извороты (volte-face) Бисмарка во время неожиданныхъ превратностей событій въ турецкую войну, оттѣняя, какъ нѣмецкій канцлеръ «одурачивалъ» русскаго, «не смотря на всю его проницательность». Когда Англія бросила намъ перчатку, мы обратились къ Германіи, напоминая ей нашу услугу въ 1870 г. Тутъ-то маска спала съ «честнаго маклера»—и «отсюда все, что произошло на берлинскомъ конгрессѣ». Авторъ говоритъ по этому случаю: «Да, то была великая измѣна, которую еще не простили Германіи петербургскіе политики и русская нація, и конечно не скоро простятъ». Г. Дебидуръ видитъ и послѣ 1878 г. средоточіе европейской политики въ Берлинѣ, цѣль котораго—«держать Францію въ положеніи одиночества, въ особенности же всячески препятствовать союзу между нею и русскою имперіей». Бисмаркъ замѣтилъ возможность образованія союза изъ Россіи, Франціи и Англіи, въ особенности блигодаря воцаренію императора Александра III и замѣны Биконсфильда Гладстономъ. Онъ противопоставилъ ему заранѣе лигу мира изъ Германіи, Австріи и Италіи (1883). А затѣмъ, желѣзный канцлеръ такъ успѣлъ накричать вездѣ о себѣ, какъ объ единственномъ сокрушителѣ революціоннаго духа, что даже Россія стала забывать обиду 1878 года: въ 1884 г. въ Скерневицахъ произошло свиданіе трехъ императоровъ, и дипломатическая Европа, казалось, возвращалась къ началу 1870-хъ годовъ. Г. Дебидуръ мрачно смотритъ на переживаемую минуту. Онъ совсѣмъ не довѣряетъ «причудливому» (fantasque) и «смутноумному» (l'esprit un peu confus) Вильгельму II, даже почти сожалѣетъ о паденіи Бисмарка, который былъ хоть «благоразумнымъ врагомъ» (sage ennemi). **А. Трачевскій.**

Историческій обзоръ Туркестана и поступательнаго движенія въ него русскихъ. А. И. Макшеевъ. Спб. 1891.

Наши азіатскія дѣла съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ все большій и большій интересъ. Мы знаемъ настоящее положеніе дѣлъ въ Азіи. Но настоящее неразрывно связано съ прошедшимъ, а это-то прошедшее и было мало извѣстно по сіе время. Различнаго рода свѣдѣнія по ходу нашего поступательнаго движенія во внутрь средней Азіи, до сихъ поръ не представляли ничего систематически-цѣлаго. Такія же изслѣдованія, какъ напримѣръ Ханыкова, не обнимали предмета въ общемъ его объемѣ. Всѣ свѣдѣнія по Азіи были, такъ сказать, разбросаны по разнымъ спеціальнымъ органамъ печати, что очень затрудняло ея новѣйшихъ изслѣдователей.

Профессоръ А. Ив. Макшеевъ лично провелъ нѣсколько лѣтъ въ Азіи, и пользуется извѣстностью въ области ея изслѣдованія. По этому-то, собранныя имъ изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія, относящіяся къ предмету,

получаютъ особенную цѣнность, представляя трудъ систематически и обстоятельно составленный, съ множествомъ справокъ по источникамъ, изъ которыхъ заимствовано имъ описаніе.

Начиная свои изслѣдованія объ Азіи со временъ наиболѣе отдаленныхъ, А. И. Макшеевъ останавливается на событіяхъ XVI вѣка, переходитъ къ эпохѣ Петра Великаго; обстоятельно описываетъ бѣдственный походъ въ Хиву Бековича и Перовскаго; описываетъ войну съ Бухарой 1864—67 гг., и ходъ военныхъ событій по 1873 годъ. Къ изданію приложены карты и планы военныхъ дѣйствій, что еще болѣе придаетъ труду г. Макшеева, заслуженную цѣнность. А. П.

Четыре войны. П. Алабинъ. Часть II. Походныя записки въ 1853 и 1854 годовъ. Спб. 1890.

Первое изданіе походныхъ записокъ г. Алабина появилось въ печати еще въ 1861 году, причемъ интересъ ихъ, главнымъ образомъ, заключался въ близости эпохи имъ описываемой и имѣвшей такое сильное вліяніе на складъ нашей общественной жизни. Тогда всякое новое слово имѣло цѣну, потому что всѣ были проникнуты мыслью—узнать причины, только-что законченныхъ бѣдствій.

Г. Алабинъ лично принималъ участіе въ войнѣ и былъ свидѣтелемъ многихъ фактовъ, не лишенныхъ интереса. Тѣмъ не менѣе, многое онъ писалъ по слухамъ, что могло имѣть мѣсто при первомъ изданіи его записокъ.

Къ сожалѣнію, авторъ не сдѣлалъ необходимыхъ оговорокъ при новомъ появленіи его труда, несмотря на то, что многіе изъ выставленныхъ имъ фактовъ, получили въ настоящее время совершенно новое освѣщеніе.

По этому, трудъ г. Алабина, можно назвать записками туриста, интересно составленными.

Бытовая военная жизнь нашей арміи въ походѣ, въ дѣлѣ и на стоянкахъ, изображена картинно и вполнѣ характерно. Нравы и культурное развитіе жителей придунайскихъ княжествъ также составляютъ лучшую часть описанія. Особенно хорошо рисуется общественная жизнь въ Яссахъ и Бухарестѣ, со всѣми ея увеселеніями и разнузданностію.

Что касается до описанія военныхъ событій, то въ этомъ отношеніи авторъ входитъ во многія ненужныя подробности, описывая ничтожныя стычки на аванпостахъ Ольтеницкаго отряда, при которомъ онъ состоялъ, и мало говоритъ о томъ, что дѣлалось на другихъ пунктахъ театра войны, гдѣ онъ не участвовалъ лично. Такъ, сраженіе 25-го декабря 1853 г. при Четоми изложено крайне не наглядно; дѣйствіе подъ Силистріей въ 1854 г. также, причемъ нѣкоторые факты, напримѣръ штурмъ Арабъ-Табіи, изложены не вѣрно. Даже бой при Ольтеницѣ, 23-го октября 1853 г., въ которомъ авторъ участвовалъ, у него совершенно почти не описанъ. Въ самый разгаръ боя онъ находитъ нужнымъ—«опустить завѣсу»—и предоставляетъ поднять ее—новому Гомеру, до такой степени онъ считаетъ важнымъ этотъ бой, въ сущности не важный. Словомъ, военная сторона описанія, кромѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о недостаткахъ вооруженія и обученія нашей арміи,—мало имѣетъ военнаго значенія.

Бытовая же картина войскъ, характеристики высшихъ военныхъ начальниковъ и описаніе нравовъ жителей Молдавіи и Валахіи—написаны интересно, живо, и охотно прочтутся каждымъ. А. П.

Санскритскія поэмы соч. Калидасы. Сакунтала, Рагу-Вонча и Мега-Дута. Перевелъ Н. Волоцкой. Вологда. 1890.

Переводчикъ не вполнѣ правильно озаглавилъ свое изданіе; такъ первое изъ переведенныхъ имъ произведеній — Сакунтала (она занимаетъ половину всего тома) представляетъ не поэму, а драму, прекрасный образчикъ драматической поэзіи индусовъ, которая во времена царя Викрамандитія (300 л. до Р. Х.) достигла замѣчательнаго развитія въ лицѣ Калидасы. Такъ какъ въ нашей литературѣ ходитъ больше слуховъ о необычайной красотѣ и роскоши индусской поэзіи, чѣмъ трудовъ, которые могли бы хоть нѣсколько ознакомить читающую публику съ этой дѣйствительно богатой литературой: то всякая книга, въ родѣ книги г. Волоцкаго, должна быть встрѣчена съ благодарностью, особенно имѣя въ виду то, что авторъ работалъ въ весьма неудобныхъ условіяхъ провинціальной жизни. Составить и издать въ Вологдѣ такой трудъ — несомнѣнно есть великій подвигъ и за это можно простить автору удивительную нецѣлесообразность объяснительнаго указателя и примѣчаній, приложенныхъ въ концѣ книги. Нѣсколько труднѣе примириться съ тѣмъ, что г. Волоцкой не предпослалъ своему переводу никакого введенія — было бы очень и очень нелишнимъ подготовить хоть нѣсколько читателя къ пониманію поэзіи, взросшей на почвѣ столь отличной отъ нашей жизни. «Сакунтала» передана стихами, довольно правильными и звучными, остальныя два произведенія Калидасы представлены въ прозаическомъ переводѣ.

С. А-въ.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи.—Томъ VII.— Спб. 1890.

Седьмой томъ этого солиднаго изданія, ведущагося высочайше утвержденной Комиссіею для разбора дѣлъ сvнодальнаго архива, изданъ подъ редакціей А. Труворова и обнимаетъ время отъ 19 января 1730 г. по 23 декабря 1732 г., т. е. три первыхъ года царствованія Анны Іоанновны. Помимо того важнаго значенія, какое имѣетъ это изданіе для каноническаго права и для исторіи русской церкви, оно представляетъ большой интересъ и историку гражданскому, доставляя ему обильный бытовой матеріалъ, пользованіе которымъ въ значительнѣйшей мѣрѣ облегчено указателемъ, приложеннымъ въ концѣ тома.

С. А-въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Князь Бисмаркъ и принцъ Наполеонъ въ 1866 г.: проектъ дѣлежа Германіи съ Франціей; отзывъ Бисмарка о Наполеонѣ III.—Тайны Оленьяго парка при Людовикѣ XV: разсадникъ любовницъ для короля, устроенный маркизой де-Помпадуръ; поселенія королевскихъ метресъ и управленіе ими; дѣти Людовика XV, прижитыя внѣ брака; прошлое графини Дюбарри; какъ свели ее съ Людовикомъ XV.—Изъ исторіи бѣлилъ и румянъ: раскраска лица у дикихъ народовъ; на Востокѣ, въ Греціи и Римѣ; Италія, какъ колыбель туалетныхъ снадобій; употребленіе косметикъ во Франціи; отказъ герцогини Ниверпэ отъ румянъ; Наполеонъ I о румянахъ.

КНЯЗЬ БИСМАРКЪ и принцъ Наполеонъ въ 1866 году. Маркизъ Вильневъ, одинъ изъ интимнѣйшихъ приближенныхъ недавно умершаго принца Наполеона, напечаталъ выдержки изъ своего дневника о свиданіи принца съ Бисмаркомъ въ 1866 г. по порученію Наполеона III. Сообщенныя Вильневымъ данныя принцъ разрѣшилъ ему обнародовать лишь послѣ своей смерти. Вотъ что разсказываетъ Вильневъ.

Французскому правительству съ самаго начала 1866 года были извѣстны воинственные замыслы Пруссіи, но въ совѣтѣ императора не было никакого единства относительно положенія, которое подобало Франціи занять въ виду этихъ плановъ. Большинство французскихъ дипломатовъ питали надежду, что предстоявшая война ослабитъ Австрію и Пруссію въ пользу мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, и, такимъ образомъ, еще болѣе съузитъ сферу вліянія нѣмецкаго союза. Самъ же Наполеонъ, напротивъ того, полагалъ, что война эта повлечетъ за собою единство Германіи, и явится опасной для Франціи. Эти опасенія онъ высказалъ принцу Наполеону, раздѣлявшему его взгляды, и отправилъ его въ Берлинъ для совѣщанія съ Бисмаркомъ. Предлогомъ къ этой поѣздкѣ послужило одновременно предпринятое принцемъ путешествіе въ Петербургъ. Принцъ прибылъ въ прусскую столицу вечеромъ и немедленно отправился къ графу Бисмарку, который принялъ его въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Вильневъ утверждаетъ далѣе, что бывшій германскій канцлеръ и покойный принцъ одинаково презирали мелкія дипломатическія увертки, одинаково мало придавали значенія внѣшнимъ формальностямъ и всякимъ банальностямъ; оба имѣли одинаковую привычку прямо приступать къ дѣлу. Помимо того, принцъ и прусскій министръ уже нѣсколько лѣтъ были лично знакомы другъ съ другомъ. Послѣ краткаго привѣтствія, по свидѣтельству Вильнева, Бисмаркъ предложилъ принцу стулъ, самъ опустился въ кресло около стола со стаканами и большой кружкой пива и, замѣтивъ, «вы, конечно, разрѣшаете, ваше высочество», продолжалъ курить изъ своей длинной трубки. Принцъ закурилъ папиросу. Но опасаясь слишкомъ сильнаго табачнаго дыма, онъ сейчасъ же снова поднялся и отворилъ одно изъ оконъ. Бисмаркъ, ухмыляясь, далъ ему продѣлать все это, только, схвативъ лежавшую около него шапку, нахлобучилъ ее себѣ на голову и сказалъ:

— Послѣдуйте моему примѣру, принцъ, иначе вы простудитесь... Что же васъ сюда привело?

— Я пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы переговорить съ вами, графъ,—началъ принцъ.

— Это я знаю,—отвѣчалъ Бисмаркъ,—императоръ желаетъ знать о нашихъ намѣреніяхъ. Охотно сообщу вамъ это, такъ какъ съ вами говорить можно, вы, по крайней мѣрѣ, понимаете, что вамъ говорятъ.

Затѣмъ съ живостью министръ изложилъ своему гостю нижеслѣдующій планъ: «Германія достигнетъ своего единенія, вступитъ въ союзъ съ Франціей, и обѣ націи, тѣсно связанныя одна съ другой, оттѣснятъ Россію въ степи, откроютъ Венгріи, которая въ будущемъ должна составить главную часть Габсбургской монархіи, путь къ Константинополю, лишатъ Англію ея колоній и обратятъ Испанію, Италію, сѣверныя государства и т. д. въ своихъ сателитовъ». Бисмаркъ заключилъ словами:

— Да, да, вижу, что вы хотите сказать: Бисмаркъ-де беретъ Германію, а что же придется на нашу долю?

Принцъ улыбнулся.

— Желаете Женеву?

— Этого слишкомъ мало.

— Люксембургъ?

— Это все равно, что ничего. Ужъ если брать что-нибудь, такъ чтобъ игра стоила свѣчъ. Отдайте намъ берегъ Рейна.

— Рейнъ! Вполнѣ согласенъ съ вами. Но его я не могу отдать вамъ. Вы должны же это понять. Мнѣ, въ концѣ концовъ, это безразлично, что мнѣ въ Рейнѣ? Я не нѣмецъ, я пруссакъ, вендъ. Я вѣдь не какой-нибудь гейдельбергскій профессоръ. Но я не могу дѣлать и отдавать то, что мнѣ вздумается. Общественное мнѣніе никогда не согласится уступить Франціи ни единой нѣмецкой деревни. Но, быть можетъ, найдется кое-что еще? Не хотите ли Бельгію?

— Объ этомъ можно разговаривать. Но что скажетъ Англія?—замѣтилъ принцъ Наполеонъ.

— Англія?—продолжалъ Бисмаркъ. — Причемъ тутъ Англія? Быть можетъ, я и поинтересовался бы этимъ вопросомъ, будь я американскій плантаторъ хлопка или индѣйскій раджа, но я континентальная держава и начихать мнѣ на Англію... Что могутъ намъ сдѣлать англичане? Выставить флотъ въ 80,000 человѣкъ, въ 100,000, если хотите даже въ 150,000,—больше

имъ не набрать; а мы съ вами оттѣснимъ ихъ въ каналъ, когда намъ заблагоразсудится.

Намѣреніе принца Наполеона набросать эти предначертанія въ видѣ записки, по свидѣтельству самого принца и маркиза Вильнева, Бисмаркъ отклонилъ словами:

— Вы желаете тайный договоръ подписать по всей формѣ. А я вамъ скажу, что этого не полагается. Для чего подобный договоръ? Если онъ умѣстенъ, я выполню его, хотя бы онъ и не былъ скрѣпленъ подписью, а если нѣтъ...—онъ жестомъ докончилъ свою фразу.

Принцъ спросилъ министра, отчего онъ не говорилъ такъ же откровенно съ императоромъ, какъ съ нимъ.

— Съ вашимъ императоромъ, принцъ? Да вы лучше меня знаете, что это старая баба. Я тысячу выгодныхъ сдѣлокъ предлагалъ ему, но онъ никакъ не можетъ отрѣшиться отъ своихъ колебаній, вѣчно твердитъ о своемъ миролюбіи, справедливости, народныхъ правахъ, о всякихъ пустякахъ. Я подталкиваю его ногой подъ столомъ, а онъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ.

Аудіенція окончилась.

— Графъ, сказалъ принцъ при прощаніи, я передамъ императору нашъ разговоръ, и знаете въ какихъ выраженіяхъ?

— Въ какихъ, ваше высочество?

— Ваше величество, Бисмаркъ предлагаетъ намъ превеликую плутню. Арестовать и притянуть его къ суду у насъ нѣтъ возможности, и потому, по моему мнѣнію, давайте красть за общій счетъ.

Графъ засмѣялся и на прощанье, пожавъ принцу руку, замѣтилъ:

— Мы понимаемъ другъ друга.

Возвратившись въ Парижъ, принцъ Наполеонъ посовѣтывалъ императору занять войсками Бельгію въ тотъ самый день, какъ только пруссаки объявятъ войну Австріи, но «миролюбіе», «справедливость», «уваженіе народныхъ правъ» помѣшали императору послѣдовать совѣту своего кузена.

— Тайны Оленьяго парка при Людовикѣ XV. Въ мемуарахъ г-жи Дюшоссе приводятся обстоятельныя показанія о таинственной исторіи Оленьяго парка, игравшаго немаловажную роль въ исторіи нравовъ прошлаго столѣтія. Паркъ этотъ былъ устроенъ Людовикомъ XII для содержанія благороднаго звѣря, при Людовикѣ XIV превратился въ новый кварталъ Версаля и долгое время назывался кварталомъ du Parc-aux-cerfs. Потомъ онъ былъ раздѣленъ на нѣсколько улицъ съ 471 участками, перешедшими въ частную собственность служащихъ королевскаго придворнаго штата, построившихъ себѣ здѣсь дома и виллы. При Людовикѣ XV паркъ игралъ совершенно особую роль.

Людовикъ XV отъ природы обладалъ блестящими способностями. Но объявленный совершеннолѣтнимъ въ 13 лѣтъ, онъ предоставилъ правленіе главному министру, а самъ предавался развлеченіямъ и бездѣлью. Первоначально на него возлагались большія надежды, такъ что народъ величалъ его «многолюбимымъ». Но примѣръ развращеннаго двора мало-по-малу оказалъ на него свое губительное дѣйствіе. Король не нашелъ удовлетворенія въ своемъ бракѣ, а неограниченная власть дала ему возможность вознаградить себя за это выполненіемъ всякихъ своихъ прихотей. Для Франціи это было пагубно и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было удовлетворять короля въ

его погонѣ за чувственными удовольствіями, особенно при все болѣе возроставшей его развращенности.

Г-жа д'Этіоль, сдѣлавшаяся маркизой де-Помпадуръ, первая изъ его любовницъ съумѣла привязать къ себѣ короля очаровательностью своей личности и дарованіями. Но и для нея настало время, когда король охладѣлъ къ ней, какъ къ женщинѣ, хотя онъ и не могъ отрѣшиться отъ вліянія ея демонической личности и привычки къ ней. Замѣтивъ угрожавшую ей развязку, она скоро нашла средство обезпечить за собой прочное положеніе. Вѣдь собственно она была тогда властительницей Франціи. Такое положеніе за 19 лѣтъ дало ей 36.924,140 ливровъ. И вотъ маркиза, видя пресыщенность своего любовника ея прелестями, рѣшила не ограничивать его свободы въ томъ же направленіи, а самой избрать себѣ замѣстительницъ. Но гдѣ найти новыхъ любовницъ? Придворныя дамы завидовали всесильному вліянію маркизы и стремились ее вытѣснить. Во избѣжаніе подобной опасности, маркиза придумала навербовать королю любовницъ изъ круга, отдаленнаго отъ двора, и всего лучше изъ низшихъ слоевъ. Для этого она заручилась содѣйствіемъ двухъ первыхъ камердинеровъ короля, Лебеля и Башелье. Они приводили королю красавицъ одну за другой. Послѣднія за свои безстыжія услуги вознаграждались или замужествомъ или денежными кушами. При этомъ маркиза уговорила короля, чтобъ онъ не открывалъ своего инкогнито этимъ дѣвицамъ. Ихъ увѣряли, что онѣ имѣютъ дѣло съ однимъ «польскимъ графомъ», проживающимъ во дворцѣ. Въ числѣ этихъ дѣвицъ фигурировали вмѣстѣ съ дочерьми «изъ благородныхъ семействъ» и дочери цирульниковъ и прачекъ. Въ мартѣ 1753 года королю приводили красивую дѣвочку 14 лѣтъ, служившую натурщицей для Буше. Матери ея было заплачено 10,000 ливровъ и затѣмъ дѣвочку эту черезъ двѣ недѣли вернули домой. Зачастую подобныя отношенія длились еще болѣе короткое время, а иногда нѣсколько дѣвицъ одновременно развлекали короля. Свиданія съ ними короля происходили или въ помѣщеніи Лебеля, состоявшемъ изъ 6 комнатъ, которыя для такой голубятни короля были соотвѣтственно убраны, или въ двухъ таинственныхъ, назначенныхъ спеціально для этой цѣли, комнатахъ близь дворца. Эти комнаты назывались «appartements des petites maitresses».

Нѣкоторыя изъ этихъ связей получили болѣе интимный характеръ, что повело къ покупкѣ многихъ домиковъ въ кварталѣ «Parc-aux-Cerfs» и къ устройству того поселенія, которое именовалось «Оленьимъ паркомъ Людовика XV». Эти домики служили для жилья пользовавшихся наибольшей благосклонностью короля «petites maitresses» или для родовъ ихъ и пребыванія дѣтей, рождавшихся отъ этихъ связей. Управленіемъ этого парка завѣдывала маркиза въ качествѣ «главноуправляющаго Оленьяго парка», причемъ она еще носила титулъ «матушки-игуменьи». Помощниками ея въ этихъ грязныхъ дѣлахъ состояли Лебель и Башелье. M-me Бертранъ исполняла роль гувернантки «пансіонерокъ», камерфрау маркизы, m-me Дюшоссе, изъ мемуаровъ которой извлекаются эти данныя, числилась акушеркой и присутствовала при родахъ любовницъ. Сверхъ того, въ числѣ довѣренныхъ лицъ, находился нѣкто Гимаръ молодой человѣкъ, взятый туда изъ garçons bleus.

Въ каждомъ изъ этихъ домиковъ помѣщалось по любовницѣ и рѣдко по двѣ. Каждая изъ нихъ имѣла свою прислугу, состоявшую изъ камерфрау,

кухарки, двухъ лакеевъ и надзирательницы. Король назначилъ особую казну для этой отрасли своихъ развлеченій. Тутъ опредѣлены были особыя ассигновки для родителей, у которыхъ покупались дочери, для дѣвицъ, которыя быстро возвращались въ родительскій домъ, для приданаго тѣмъ, которыя выдавались замужъ, а также для дѣтей, рождавшихся отъ этихъ связей. Такихъ дѣтей знали до 30 душъ. По крайней мѣрѣ, столько ихъ воспитывалось на счетъ короля. Число ихъ было бы, конечно, еще больше, если бы многія любовницы не увольнялись быстро или не выдавались замужъ. Эти дѣти немедленно послѣ рожденія отдѣлялись отъ матерей и обыкновенно росли, какъ дѣти богатыхъ американцевъ, присланныя во Францію для воспитанія.

Въ числѣ этихъ «petites maitresses» выдающееся положеніе занимала Морфиза, дочь бѣднаго ирландскаго солдата Мюрфи. Она увлекала короля въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и становилась опасной для самой маркизы Помпадуръ. Но тутъ г-жа д'Эстрэ (d'Estrées) научила ее спросить короля, «что̀ дѣлаетъ его старуха?» и тѣмъ навлекла на нее немилость короля. Ее немедленно выдали замужъ за одного офицера, которому дали 50,000 ливровъ, а ей самой—богатое приданое въ 200,000 ливровъ.

Людовикъ XV все еще былъ красивымъ, статнымъ мужчиной, который могъ плѣнять женщинъ, и кажется, всѣ любовницы любили его. Объ одной изъ нихъ разсказываетъ г-жа Дюшоссе, что ей удалось раскрыть инкогнито короля. Она тайно вынула изъ его кармана письма. При извѣстіи о томъ, что король получилъ рану подъ Дамьеномъ, эта дѣвица чуть не помѣшалась, а когда она замѣтила, что онъ вмѣстѣ съ нею посѣщаетъ и другую, она въ отчаяніи бросилась въ комнату этой другой и, охвативъ колѣни короля, вопила: «я знаю, что вы—король, но что мнѣ до этого, если вы перестаете быть королемъ моего сердца. Не бросайте меня, мой дорогой государь!» Эту дѣвицу посадили на нѣсколько дней въ домъ съумасшедшихъ и, когда она излечилась отъ своего эротическаго помѣшательства, уволили и наградили.

Ярко характеризуются всѣ эти нравы разсказомъ г-жи Дюшоссе о томъ, при какихъ обстоятельствахъ она сама сдѣлалась довѣреннымъ лицомъ подобныхъ дѣлъ короля. «Madame» (т. е. Помпадуръ)—пишетъ Дюшоссе — однажды позвала меня въ свой кабинетъ, гдѣ я нашла короля, который съ серьезной миной расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы должны — начала маркиза — на нѣсколько дней отправиться въ домъ Avenue de St. Cloud, гдѣ вы найдете молодую особу, которая ожидаетъ родовъ.

Я онѣмѣла отъ изумленія.

— Вы будете хозяйкой дома и, какъ божество въ баснѣ, будете присутствовать при родахъ. Ваши услуги нужны для того, чтобы все было исполнено по желанію короля и въ тайнѣ.

Король улыбнулся и сказалъ: «Отецъ ребенка—совершенно ординарный человѣкъ».

На это «Madame» прибавила: «И любимъ и обожаемъ всѣми, кто его знаетъ».

Маркиза подошла затѣмъ къ шкафу и достала оттуда маленькую коробочку, которую раскрыла. Она вынула изъ нея бриліантовую булавку и сказала королю: «лучшей не могу выбрать по нѣкоторымъ соображеніямъ»

— И это уже черезчуръ,—замѣтилъ король, обнимая «Madame»,—о, какъ вы добры!

Она заплакала и сказала, приложивъ свою руку къ сердцу: «я ничего не хочу, кромѣ вотъ этого (т. е. сердца!)».

У короля показались слезы на глазахъ и Дюшоссе заплакала, хотя и не знала почему. Затѣмъ король сказалъ ей: «Гимаръ васъ будетъ навѣщать ежедневно. Онъ вамъ дастъ свои совѣты и поможетъ. Въ критическую минуту пошлите за нимъ. О крестныхъ мы ничего не скажемъ. Вы сдѣлайте такъ, будто вы ихъ ожидали, а затѣмъ получили письмо съ увѣдомленіемъ, что имъ помѣшали явиться. Это васъ поставитъ въ мнимое затрудненіе и тогда Гимаръ скажетъ вамъ: «ну, въ такомъ случаѣ надо пригласить въ крестные первыхъ встрѣчныхъ». Затѣмъ вы позовете служанку и перваго́ встрѣчнаго бѣдняка съ улицы, которому не давайте, однако, болѣе 12 ливровъ, чтобы не возбуждать подозрѣній.»

— Не больше одного луидора,—поправила «Madame»,—чтобъ не произвести сенсаціи.

— Гимаръ—продолжалъ король—дастъ вамъ имена отца и матери. Онъ будетъ на крестинахъ, которые должны происходить вечеромъ, и роздастъ подарки. Понятно, что и вы получите свои.

При этомъ король любезно подалъ Дюшоссе 50 луидоровъ. Она поцѣловала ему руку и заплакала.

— Вы вѣдь, конечно, позаботитесь о кормилицѣ, не правда ли? Это—очень хорошій ребенокъ, хотя онъ и не изобрѣталъ пороха. Разсчитываю на вашу скромность, а мой канцлеръ—король съ улыбкой взглянулъ на «Madame»—позаботится объ остальномъ.

Когда король ушелъ, маркиза спросила: «ну, что вы думаете о моей роли?»

— Вы — одна изъ умнѣйшихъ женщинъ и истинный другъ, — отвѣтила Дюшоссе.

— Мнѣ ничего не нужно, кромѣ его сердца,— замѣтила «Madame»,— и всѣ эти дѣвицы безъ воспитанія не отнимутъ его у меня.

И дѣйствительно, только по смерти «матушки-игуменьи» раскрылись темныя тайны Оленьяго парка, а безобразіямъ, творившимся въ немъ, былъ положенъ конецъ только четыре года спустя намѣстницей маркизы. Графиня Дюбарри была дочерью извѣстной Анны Блё, которая въ свое время начала свою карьеру кухаркой. Послуживъ нѣкоторое времи горничной у жены Лежандра, она подъ именемъ m-lle Лансонъ поступила мастерицей къ модисткѣ. Но ея претензіи были таковы, что она вскорѣ раззорила своего тогдашняго любовника цирульника Ламета. Въ игорномъ домѣ, который содержался г-жей Дюкинэ, гдѣ она служила подъ именемъ demoiselle Ланжъ, она познакомилась съ графомъ Жаномъ Дюбарри, промотавшимся авантюристомъ. Этотъ графъ выгодно продалъ свою любовницу. Поживъ весело съ demoiselle Ланжъ четыре года, онъ рѣшилъ уступитъ ее Людовику XV. Чтобъ получить побольше за нее, она была выдана замужъ за его брата. Неизбѣжный Лебель явился сводникомъ, а духовникъ короля, Гомаръ де-Вобернье, выдалъ ей метрическое свидѣтельство, въ которомъ она значилась дочерью Гомара де-Вобернье, а мать ея — маркизой. Игра удалась. Въ 1769 году demoiselle Блё-Лансонъ-Ланжъ въ качествѣ графини Дюбарри сдѣлалась присяжной любовницей короля.

Никогда еще странѣ и трону не наносилось такого позора. Единственнымъ добромъ, которымъ Франція обязана этой женщинѣ, — было уничто-

женіе Оленьяго парка. Но если бы королю суждено было прожить дольше, то навѣрное Дюбарри сдѣлалась бы полной замѣстительницей Помпадуръ. Начало къ тому было уже сдѣлано. Но въ 1774 году королю приглянулась красивая дочь мельника Тріанона. Дѣвица была больная и ее трудно было уговорить. Наконецъ, удалось. На бѣду короля она носила въ себѣ зародышъ оспы и вскорѣ заболѣла ею. Оспа перешла и къ Людовику XV.

Такимъ образомъ эта несчастная какъ бы отмстила за всѣ прежніе жертвы королевскихъ прихотей. Король вскорѣ умеръ.

Не трудно понять, какое растлѣвающее вліяніе оказалъ такой примѣръ съ высоты трона не только на дворъ и придворные кружки, но и на болѣе отдаленные слои общества и гражданъ, и какая энергія требовалась, чтобъ устранить опасности, вытекавшія отсюда для государства и для трона. Людовикъ XVI имѣлъ только мужество и силу умереть съ достоинствомъ жертвой за грѣхи и преступленія своихъ предшественниковъ.

— Изъ исторіи бѣлилъ и румянъ. Дамы, пробующія посредствомъ румянъ наводить на свои поблекшія щеки нѣжный цвѣтъ юности, конечно, не помышляютъ о томъ, какой интересный предметъ для историка культуры представляетъ собой это туалетное снадобье, которое примѣняется и дикими, и цивилизованными народами. Вѣдь и дикари—обитатели лѣсовъ охотно раскрашиваются какъ именитыя дамы въ своихъ элегантныхъ будуарахъ. Безъ сомнѣнія, дикарямъ невѣдомы различные сорта румянъ, какіе извѣстны болѣе развитымъ культурнымъ націямъ. Но любовь къ раскраскѣ тѣла яркими красками издавна обусловливалась стремленіемъ къ красотѣ. Обычай японскихъ актеровъ размалевывать лицо яркими красными штрихами, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ древнихъ способовъ украшенія. Нѣкоторыя дикія племена въ знакъ траура окрашиваютъ себѣ тѣло въ черный или бѣлый цвѣтъ. Древніе бриты, напротивъ, размалевывали себя различными цвѣтами, чтобъ наводить ужасъ на своихъ враговъ. Тоже дѣлаютъ теперь и воинственные краснокожіе въ Америкѣ. Но какъ все мѣняется! что нѣкогда наводило ужасъ, теперь у клоуновъ цирка служитъ только знакомъ особеннаго шутовства.

Обращаясь къ націямъ высшей культуры, мы находимъ, что обычай раскрашивать лицо восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ египетскаго царства. Египтянки первоначально пользовались черной, зеленой, оранжево-желтой или бѣлой краской. Черной краской онѣ разрисовывали себѣ брови и рѣсницы, бѣлой—ногти, оранжево-желтой—ноги и руки, зеленой—глазные впадины. Но не у однѣхъ египтянокъ раскраска тѣла составляетъ необходимую часть его гигіены. Такая раскраска всегда была въ ходу на всемъ Востокѣ. Въ Ассиріи натирались мазями и раскрашивались. И теперь еще, какъ и въ прежнія времена, турчанки часами сидятъ передъ зеркаломъ, чтобъ сурьмой подвести себѣ брови и рѣсницы. Поэтому-то въ одной любовной пѣснѣ турокъ горюетъ о томъ, что онъ боится цѣловать свою возлюбленную, такъ какъ у нея въ глазахъ клешни скорпіона.

Это косвенное порицаніе даннаго обычая принадлежитъ новѣйшему времени. Въ древности же первый протестъ противъ раскраски лица исходилъ отъ іудеевъ. Исайя и Іеремія громили этотъ обычай. Но протесты не приводили ни къ чему.

Съ Востока обычай перешелъ къ классическимъ народамъ. Гречанки бѣлились и румянились на-пропалую, отправляясь на прогулку. Мастерски

пользовались этимъ способомъ самоукрашенія гетеры, какъ, извѣстно, игравшія видную роль въ общественной жизни Греціи. О нихъ справедливо можно сказать, что свою привлекательность онѣ почерпали изъ сосудовъ съ румянами.

Богатыя римлянки, чуть ли не изо дня въ день мѣнявшія своихъ любовниковъ, не могли не прибѣгать къ помощи искусственныхъ прикрасъ, чтобъ скрасить видимые слѣды перезрѣлости. Поэтому въ древнемъ Римѣ искусство румяниться достигло наибольшаго распространенія и процвѣтанія. По господствовавшему въ Римѣ того времени обыкновенію называть все греческими именами, весь аппаратъ раскраски лица именовался «косметикой», а служанки, разглаживавшія и разрисовывавшія лица своихъ барынь, назывались «косметами». Элегантная римлянка ложилась спать, обложивъ свои щеки печенымъ хлѣбомъ, и первое, что служанка должна была сдѣлать во время туалета барыни, это удалить со щекъ ея приставшій хлѣбъ. Затѣмъ лицо обмывалось молокомъ ослицы. Этому молоку приписывалась чудодѣйственная сила для сохраненія красиваго цвѣта лица. По свидѣтельству Плинія, нѣкоторыя римлянки обмывали лицо свое по семидесяти разъ въ день. А объ императрицѣ Поппеи разсказывается, что во время своихъ путешествій она брала съ собой цѣлыя стада ослицъ, чтобъ купаться въ ихъ молокѣ. По омовеніи лица ослинымъ молокомъ, вторая служанка должна была раскрашивать щеки. Но предварительно она дышала на металлическое зеркало и подносила его госпожѣ, которая, понюхавъ зеркало, узнавала хорошо ли пахнетъ дыханіе служанки, и приняла ли она утромъ предписанныя для этого особыя пастилки, долженствующія производить подобный эфектъ. Это считалось необходимымъ потому, что слюна составляетъ важный ингредіентъ при изготовленіи румянъ. Для выполненія утренняго туалета римлянки употреблялась цѣлая коллекція средствъ со всевозможными мазями, эсенціями, румянами, кисточками и т. п.

Съ паденіемъ античнаго міра и съ нашествіемъ варваровъ на Западѣ исчезаетъ чрезмѣрное употребленіе румянъ. Кажется, только съ XII вѣка дамы опять взялись за кисточки, чтобъ расписывать себя бѣлымъ и краснымъ цвѣтомъ. Затѣмъ Италія временъ Возрожденія для Европы сдѣлалась колыбелью всякихъ туалетныхъ аксесуаровъ, а въ дѣлѣ расписыванія лица особенную виртуозность выказали итальянки, преимущественно флорентинки. Даже почтенныя матроны по праздникамъ стали прибѣгать къ этому искусству. Курьезно, что влюбленные своимъ возлюбленнымъ дарили румяна. Напрасно громило эту дикость духовенство, напрасно насмѣхались писатели. Пандольфини въ своемъ «Trattato del governo della famiglia» и Ченнино Ченнини въ «Trattato della pittura» тщетно предупреждаютъ итальянокъ, что употребленіе косметикъ преждевременно старитъ лицо и вмѣсто красоты производитъ безобразіе.

Чрезвычайно плодородная почва для процвѣтанія косметикъ оказалась во Франціи. Раскрашиваніе лица пережило тамъ многообразныя варіаціи. При Генрихѣ III придворные кавалеры разряжались и румянились не хуже дамъ. Послѣ смерти Генриха IV вошло въ обычай наклеивать на лица «мушки» («mouches»). Въ «Discours contre les femmes débraillées» (1637 г.) рѣзко осуждается этотъ обычай. Примѣру королевы Анны, которая послѣ кончины Людовика XIII рѣшила не употреблять румянъ, подражали недолго, да и то въ кругу ея интимныхъ приближенныхъ.

При Людовикѣ XIV опять начали румяниться безъ удержу. О дамахъ и говорить нечего, когда кавалеры, и во главѣ ихъ герцогъ Орлеанскій, не только красились, но и облѣпливались мушками. Знатныя дамы разрисовывали себѣ не только губы, щеки, брови, но даже уши, плечи и руки. Ла-Брюйеръ въ своихъ «Caractères» безпощадно издѣвался надъ такой нелѣпой модой. Но насмѣшки не дѣйствовали.

Насколько неустранима была мода, показываетъ инцидентъ съ герцогиней Нивернэ, женой французскаго посланника въ Римѣ. Эта дама рѣшительно отказалась слѣдовать обычаю римскихъ дамъ, т. е. румяниться. И въ Парижѣ испугались, что она по возвращеніи въ Парижъ не станетъ румяниться на родинѣ. Во избѣжаніе такого «скандала», котораго легко можно было опасаться при энергическомъ характерѣ герцогини, уговорили ея мать, m-me де-Пончартрэнь, отправиться на встрѣчу дочери съ цѣлью передать ей баночку съ румянами раньше, чѣмъ она успѣетъ пріѣхать въ Парижъ. Герцогиня, однако, не согласилась принять это подношеніе и, къ прискорбію своихъ близкихъ, въѣхала въ столицу Франціи ненарумяненной. Тогда супруга ея, остававшагося въ Римѣ, стали осаждать его высокопоставленные друзья просьбами повліять на жену въ иномъ направленіи. И герцогъ, самъ ненавидѣвшій румяна, долженъ былъ послать курьера къ женѣ, убѣждая ее подчиниться господствовавшему во Франціи обычаю. До такого господства румяна были возвышены любовницей короля Людовика XV, маркизой Помпадуръ. Они сдѣлались необходимой частью туалета каждой элегантной дамы. Кто не желалъ употреблять ихъ, тотъ объявлялся непригоднымъ для двора. При господствѣ Помпадуръ вмѣстѣ съ румянами считалось модой пудрить волосы. Болѣе тонкое эстетическое чувство оскорблялось при видѣ французскихъ красавицъ, у которыхъ, какъ писала тогда лэди Монтегю, завитые волосы походили на бѣлое облако и раскрашенныя лица не имѣли человѣческаго облика, а напоминали телятъ съ содранной шкурой.

При Маріи-Антуанеттѣ господство румянъ прекратилось. Но это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Жозефина, жена Наполеона I, не ввела въ употребленіе смѣсь бѣлилъ съ румянами. Самъ Наполеонъ поощрялъ эту моду у своихъ придворныхъ дамъ. Императоръ спросилъ однажды г-жу Ремюза: «Почему вы явились безъ румянъ. Вы слишкомъ блѣдны». А когда она отвѣтила, что позабыла наложить румяна, онъ воскликнулъ: «возможно ли, чтобъ дама забывала румяниться... Женщинамъ двѣ вещи очень къ лицу—румяна и слезы».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Книги Вандаля и г. Татищева о сближеніи Россіи съ Франціею. — Королева Луиза въ Тильзитѣ. — Тургеневъ и Писемскій на берлинской сценѣ. — Новый томъ исторіи Тэна.—Брошюра русскаго писателя о голодномъ договорѣ.—Руководство къ всемірной исторіи и хронологіи, вышедшее въ Голландіи. — Неизданныя сочиненія Монтескье. — Новый томъ воспоминаній Гонкура. — Разсказъ Тургенева. — Трудъ львовскаго профессора Освальда Бальцера о средневѣковыхъ польскихъ законахъ.

СБЛИЖЕНІЕ Россіи съ Франціею, проистекающее изъ естественнаго хода современныхъ политическихъ событій и изъ взаимной симпатіи двухъ націй дало поводъ обратиться къ исторіи ихъ прежнихъ международныхъ отношеній. Изслѣдованіемъ ихъ занялись одновременно русскіе и французскіе дипломаты. Г. Татищевъ издалъ «Кореспонденцію Александра I и Наполеона 1801—1812 годовъ» (Alexandre I et Napoleón d'aprés leur correspondance inédite 1801—1812. Par Serge Tatistcheff) появившуюся и на русскомъ языкѣ, а Альбертъ Вандаль написалъ любопытное изслѣдованіе: «Наполеонъ и Александръ I. Отъ Тильзита до Эрфурта» (Napoleón et Alexandre. De Tilsit à Erfurt). Оригиналъ писемъ Александра пропалъ изъ французскихъ архивовъ въ 1814 году. Г. Татищевъ нашелъ не только копіи съ писемъ Наполеона, но 33 письма Александра I, и пять писемъ Наполеона. Многія изъ этихъ писемъ напечаталъ и Вандаль въ своемъ трудѣ. Англійская критика находитъ письма эти интересными, но не важными для исторіи. Г. Татищевъ привелъ также секретный трактатъ союза между Наполеономъ и Александромъ, подписанный Талейраномъ и, вѣроятно, проданный имъ въ копіи Англіи вмѣстѣ съ дополнительнымъ трактатомъ, подписаннымъ Бертье. У Вандаля нѣтъ этого дополнительнаго трактата и Вандаль прямо обвиняетъ англичанъ въ бомбардированіи Копенгагена и захватѣ датскаго флота. Этотъ поступокъ осуждается всѣми историками и англичане оправдываютъ его только тѣмъ, что въ трактатѣ обѣщана была помощь Даніи французскому флоту и потому Англія имѣла основаніе считать датчанъ своими вра-

гами. Это конечно плохое оправданіе, но политика зачастую находитъ извиненіе еще и не для такихъ нарушеній законовъ справедливости и международнаго права. Дополненіе къ трактату не было никогда обнародовано и его не знали Ланфре, Биньонъ и другіе историки. О проектахъ раздѣла міра въ кореспонденціи — было давно извѣстно, и хотя Александръ соглашался на ихъ условія, но никогда не вѣрилъ въ искренность предложеній Наполеона. Лагарпъ, вѣрившій также сначала въ этого «сына свободы», скоро разочаровался въ немъ и писалъ еще въ началѣ 1803 года изъ Парижа своему царственному воспитаннику: «первый консулъ, который могъ бы спасти свою страну и весь міръ — подражаетъ царедворцамъ и нарушаетъ конституцію. Онъ теперь одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ тирановъ, какихъ производила исторія». Немудрено, что такой отзывъ могъ разочаровать Александра, и на приглашеніе идти въ Индію черезъ Гератъ и Кандагаръ, русская дипломатія отвѣчала полною готовностью,—какъ только французы сдѣлаютъ высадку въ Англію. Вандаль говоритъ, что захватъ датскаго флота разстроилъ всѣ планы Наполеона въ Тильзитѣ. Англія находила этотъ захватъ естественнымъ и упрекала русскую дипломатію въ изворотливости. Новыя подробности сообщаетъ французскій историкъ, о свиданіи Наполеона съ прусской королевой, о чемъ такъ краснорѣчиво умалчиваетъ Талейранъ въ своихъ «Запискахъ». Приводимъ, въ общихъ чертахъ, исторію этого свиданія.

Во время переговоровъ о тильзитскомъ трактатѣ, Александръ сообщалъ прусскому двору обо всѣхъ планахъ Наполеона. Когда опасенія потерять Силезію исчезли, Пруссія стала хлопотать, нельзя ли ей возвратить владѣнія на лѣвомъ берегу Эльбы, особенно Магдебургъ, стоившій цѣлой провинціи. Получивъ отказъ черезъ посредство Александра, Фридрихъ-Вильгельмъ III попытался обратиться къ великодушію побѣдителя, но Наполеонъ не хотѣлъ входить съ нимъ въ личныя сношенія. Неужели однако онъ отказался бы принять и выслушать женщину, которой красота и грація производили чарующее впечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ? Европейская дипломатія была увѣрена, что именно это очарованіе приковывало и Александра къ интересамъ прусской монархіи. Наполеонъ зналъ, что красавица Луиза была на сторонѣ воинственной партіи и осыпалъ ее въ «Монитерѣ» всевозможными упреками и насмѣшками. Даже іенское пораженіе не смягчило побѣдителя. Но теперь Луиза жила въ Мемелѣ, въ мрачномъ уединеніи, слѣдя съ безпокойствомъ за переговорами о судьбѣ своего народа. Когда ей предложили лично обратиться къ Наполеону съ просьбою о смягченіи тяжелыхъ условій мира, она сначала возмутилась, помня, что императоръ не разъ оскорблялъ ее какъ женщину и какъ королеву, но другого пути не было и она покорилась необходимости. Ея поѣздка въ Тильзитъ была объявлена офиціально. Наполеонъ писалъ Жозефинѣ 6-го іюля: «Красавица прусская королева пріѣдетъ сегодня обѣдать со мною». Она пріѣхала въ придворномъ экипажѣ и была принята съ военными почестями. Съ ней была, пятьдесятъ лѣтъ служившая обер-гофмейстериною, графиня Фоссъ, олицетвореніе нѣмецкаго этикета, и еще одна статс-дама. Въ платьѣ изъ бѣлаго крепа, вышитаго серебромъ, въ жемчужной діадемѣ, Луиза дѣйствительно была очаровательна. Остановившись въ скромномъ домикѣ, гдѣ жилъ Фридрихъ-Вильгельмъ, она была окружена толпою министровъ, совѣтовавшихъ, что говорить Наполеону.—Ахъ, оставьте меня собраться съ мыслями,—сказала она—и тотчасъ же раздались слова: императоръ ѣдетъ! Онъ былъ верхомъ,

окруженный маршалами и блестящею свитою. Король и принцы бросились къ нему на встрѣчу.—Королева на верху?—спросилъ онъ громко, желая показать, что пріѣхалъ только для нея, и поднялся по высокой узкой лѣстницѣ. Луиза встрѣтила его въ дверяхъ, извиняясь, что заставила его подниматься.—Чего не сдѣлаешь, чтобы достигнуть такой цѣли!—отвѣчалъ онъ съ изъисканной любезностью. Она спросила, какъ онъ переноситъ сѣверный климатъ—и тотъ часъ же обратилась къ цѣли своего пріѣзда, стала оплакивать несчастія Пруссіи, жестоко наказанной за то, что она обратилась къ богу войны, ослѣпленная славными воспоминаніями эпохи Фридриха II. Королева старалась придать этой сценѣ характеръ трогательный, патетическій. «Точно Дюшенуа въ трагедіи», отзывался потомъ объ ней Наполеонъ не совсѣмъ почтительно. Онъ старался обратить разговоръ на другой предметъ, и спросилъ, изъ крепа ли ея платье или изъ итальянскаго газа?—Неужели мы будемъ говорить о тряпкахъ въ такую торжественную минуту?—вскричала она и продолжала высказывать свое желаніе о возвращеніи земель въ Вестфаліи, на сѣверѣ, особенно—Магдебурга.—Вы требуете слишкомъ много,—отвѣчалъ императоръ, оканчивая бесѣду,—но я обѣщаю вамъ, что подумаю объ этомъ. Онъ оставилъ ее обнадеженную и не разъ въ теченіе дня присылалъ къ ней своихъ маршаловъ. Бертье явился сопровождать ее къ обѣду, на которомъ были Александръ I и Фридрихъ-Вильгельмъ. Къ послѣднему Наполеонъ обращался мало и неохотно, но былъ очень любезенъ съ королевой и сказалъ, что ее едва не захватили его гусары. Онъ бесѣдовалъ съ ней долго и послѣ обѣда, ничего не обѣщая, но поддерживая въ ней надежду, такъ что она уѣхала почти увѣренная въ томъ, что достигла цѣли. Но тотчасъ же послѣ ея отъѣзда онъ приказалъ Талейрану поспѣшить подписаніемъ договора, не дѣлая никакихъ уступокъ, и писалъ Жозефинѣ: «Прусская королева дѣйствительно премилая особа, она очень кокетничила со мною, не вздумай ревновать: я изъ такой лакированной кожи, по которой все это только скользитъ. Любезность обошлась бы мнѣ слишкомъ дорого». На другой день королева разочаровалась вполнѣ. Король писалъ ей, что условія мира не измѣнились. Наполеонъ принялъ наконецъ прусскаго министра Гольца, но сказалъ ему, что прусскій королевскій домъ долженъ считать себя счастливымъ, если ему оставлена корона, да и этимъ онъ обязанъ только заступничеству Александра I; что если королевѣ было сказано нѣсколько утѣшительныхъ фразъ, то изъ одной учтивости. Потомъ Наполеонъ послалъ графа Гольца къ Талейрану и тотъ сказалъ ему прямо, представляя уже вполнѣ редактированный договоръ: «этотъ актъ слѣдуетъ только подписать, а не обсуждать». Королева была возмущена, но принуждена была еще разъ ѣхать на обѣдъ съ императорами. Она явилась въ блестящемъ театральномъ нарядѣ, въ красномъ платьѣ шитомъ золотомъ, въ муслиновымъ тюрбанѣ. Наполеонъ за столомъ началъ опять разговоръ о тряпкахъ, спрашивалъ зачѣмъ она надѣла тюрбанъ? вѣроятно не для того, чтобы понравиться русскому императору, такъ какъ онъ теперь въ войнѣ съ турками. — Это для того, чтобы понравиться Рустему,—отвѣчала королева, глядя на мамелюка, стоявшаго за креслами своего повелителя. Вечеръ этотъ былъ настоящимъ мученіемъ для королевы. Напрасно ее успокоивалъ Мюратъ, замѣтившій ея волненіе. Прощаясь съ Наполеономъ, она сказала ему: «возможно ли, что въ то время, когда я такъ близка къ великому историческому человѣку, онъ не далъ мнѣ случая быть ему благодарнымъ всю мою жизнь!»—Мнѣ

остается обвинять въ этомъ неблагопріятную для меня судьбу, — отвѣчалъ Наполеонъ. Когда Дюрокъ провожалъ ее въ карету, Луиза не могла скрыть своего негодованія и горько жаловалась потомъ Александру, что ее обманули, хотя не могла привести ни одного обѣщанія Наполеона. Она уѣхала изъ Тильзита въ отчаяніи и, умирая черезъ три года послѣ этого свиданія, 36-ти-лѣтъ, говорила: «если вскрыть мое сердце, въ немъ одна причина моей болѣзни—Магдебургъ».

— Нѣмцы поставили на берлинской сценѣ «Нахлѣбника» Тургенева (Das Gnadenbrod) и «Горькую судьбину» Писемскаго (Der Leibeigener). Въ обѣихъ пьесахъ не только зрители, но и нѣмецкая критика видятъ скорѣе сценическое, а не литературное значеніе. Театральный критикъ Фрицъ Маутнеръ, прямо говоритъ, что «Нахлѣбникъ» далъ случай актеру Клейну прекрасно изобразить пьянство, любовь къ дочери и внезапную смерть. Пьеса Тургенева не драма, а простой разсказъ, перенесенный на сцену, да и какъ разсказъ онъ неудовлетворителенъ, потому что даже въ своихъ романахъ авторъ не любитъ приводить длинныхъ разговоровъ между своими дѣйствующими лицами, а большею частью разсказываетъ объ ихъ дѣлахъ, отъ своего имени. Содержаніе «Нахлѣбника» не вполнѣ ясно и опредѣленно; оно растягивается «какъ горизонтъ русскихъ степей», а это неудобно для драмы, которая должна имѣть твердыя линіи, опредѣленныя границы. Драма Писемскаго, по мнѣнію того же критика, уже устарѣла для нашего времени, авторъ принадлежитъ къ старому литературному поколѣнію. Толстой выше его, какъ писатель, но пьеса Писемскаго для не русскаго зрителя гораздо понятнѣе и производитъ болѣе сильное впечатлѣніе. Въ содержаніи драмы критикъ видитъ сходство съ «Властью Тьмы»: такой же обманутый мужъ, убитое дитя и въ концѣ—добровольное раскаяніе преступника. Главная цѣль автора—представить отношенія крѣпостного къ своей женѣ и безвыходное положеніе по отношенію къ своему помѣщику, теперь устарѣла и въ Россіи, и потому не можетъ занимать зрителя. Въ ходѣ пьесы замѣтны большія длинноты. Она была дана на сценѣ «свободнаго театра» и публика состояла преимущественно изъ фабричныхъ рабочихъ, находившихъ, что ихъ положеніе не многимъ лучше крѣпостничества. Пьеса имѣла большой успѣхъ.

— Ип. Тэнъ продолжаетъ выпускать въ свѣтъ свой замѣчательный трудъ «Основанія современной Франціи. Нынѣшній режимъ» (H. Taine Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne. Tome I, vol. 1). Въ общей серіи это уже пятый томъ изслѣдованія — «великаго писателя, неутомимаго и добросовѣстнаго ученаго, мыслителя и честнаго человѣка», какъ его называетъ французская критика. Мы признаемъ въ немъ даровитаго стилиста, кропотливаго, но далеко не безпристрастнаго ученаго, писателя тенденціознаго, принадлежащаго къ извѣстной партіи. Съ его оцѣнкой Наполеона, какъ «венеціанскаго кондотьера XVI вѣка, перенесеннаго въ наше время», можно еще согласиться, ставъ на извѣстную точку зрѣнія, но его сплошное отрицаніе пользы, принесенной переворотомъ 1789 года,— возстановило противъ него даже большинство его соотечественниковъ. Исторію можно излагать синтетически, основываясь только на новыхъ фактахъ, какъ дѣлаетъ Токвиль, или слѣдуя аналитическому методу, старающемуся изъ частныхъ мелкихъ случаевъ составить полную картину даннаго времени. Такъ писалъ Маколей — и Тэнъ одинъ изъ его вѣрнѣйшихъ учениковъ. Но онъ беретъ изъ эпохи революціи только мелкіе, единичные факты

и на основаніи ихъ рисуетъ не полную и не вѣрную картину. Въ новомъ томѣ историкъ изслѣдуетъ образованіе и характеръ новаго государства—имперіи. Токвиль, въ своей исторіи «стараго режима» говоритъ прямо: «въ то время было гораздо больше свободы, чѣмъ въ наши дни». Тэнъ развиваетъ этотъ парадоксъ до признанія мѣстныхъ народоправствъ (souverainetés locales). «Король, говоритъ онъ, чтобы получить деньги или какую-либо помощь входилъ въ сношенія съ провинціями, духовенствомъ, парламентомъ, корпораціями, съ дворянскими фамиліями, т. е. съ утвердившимися властями, трудно поддававшимися вымогательству и, во всякомъ случаѣ, выговаривавшими себѣ всякаго рода льготы въ награду, за доставляемыя ими пособія». Это совершенно справедливо, но причемъ же тутъ народъ и льготное народоправство съ его свободой? Давали пособія и деньги сословія, корпораціи, вытягивавшія ихъ съ того же народа, не имѣвшаго вовсе никакихъ правъ. Учредительное собраніе уничтожило этотъ порядокъ вещей, законадательное и конвентъ довершили освобожденіе народа, Бонапарте вводя центральную администрацію, только увеличилъ налоги. Да и стоитъ ли удивляться его административной системѣ, когда самъ же Тэнъ расказываетъ въ главѣ «недостатки и послѣдствія системы», какъ она постепенно расшатывалась и разрушалась. Во время консульства, говоритъ Тэнъ, Наполеонъ допускалъ еще возраженія на свои мнѣнія, но потомъ онъ уже не спрашивалъ ничьихъ совѣтовъ и осмѣивалъ всякаго, кто былъ съ нимъ не согласенъ. Сначала онъ окружилъ себя спеціалистами всякаго рода, но потомъ ему нужны были уже не знатоки дѣла, а одни лакеи; министры были у него только приказчиками, обязанность государственнаго совѣта заключалась только въ редактированіи императорскихъ указовъ. Онъ не понялъ Европу, потому говоритъ Тэнъ, что былъ итальянецъ, но изъ всѣхъ народовъ, онъ хуже всѣхъ относился къ народамъ одной расы — итальянцамъ, и испанцамъ. И между тѣмъ корсиканецъ Бонапарте былъ все-таки выраженіемъ французскаго духа, какъ македонецъ Александръ былъ выразителемъ эллинизма. Книга Тэна читается вообще съ большимъ интересомъ, не смотря на всѣ ея парадоксы, произвольные выводы и, мѣстами, утомительную, хотя и блестящую болтовню.

— Мы получили изъ Парижа брошюру, написанную вѣроятно нашимъ соотечественникомъ, и о которой не встрѣчали отзывовъ во французскихъ журналахъ. Она изслѣдуетъ одинъ изъ эпизодовъ начала революціи, такъ называемый «Голодный договоръ» (Le pacte de famine, par Georges Afanassiev). Безъ всякихъ вступленій и предисловій, авторъ начинаетъ прямо съ разсмотрѣнія вопроса, существовалъ ли подобный договоръ, и съ разбора статей объ немъ, появившихся въ «Монитерѣ» 1789 года. Въ статьяхъ этихъ говорилось, что общество монополистовъ скупаетъ во Франціи хлѣбъ для того, чтобы заставить народъ голодать и потомъ пріобрѣтать у скупщиковъ тотъ же хлѣбъ дорогою цѣною. Общество это образовалось будто бы еще при Людовикѣ XV въ 1730 году и въ немъ участвовалъ самъ король, а позднѣе — и его наслѣдникъ. Объ этомъ договорѣ написано не мало изслѣдованій и объ немъ упоминаютъ многіе серьезные историки, не говоря уже о томъ, что всѣ враги монархіи считали своимъ долгомъ бросить въ лицо власти обвиненіе въ чудовищной эксплуатаціи ею ни въ чемъ неповиннаго народа. И между тѣмъ, не смотря на множество повидимому документальныхъ свидѣтельствъ, такого договора никогда не существовало и онъ принадле-

житъ къ числу легендъ, возникающихъ по временамъ въ исторіи, но не подтверждаемыхъ серьезными изысканіями. Роялисты давно опровергли этотъ вымыселъ и два года назадъ въ консервативномъ журналѣ «Le correspondent» была напечатана обстоятельная статья, доказывавшая всю нелѣпость обвиненія, взведеннаго на королей и капиталистовъ. Но роялистамъ не вѣрятъ другія партіи, и вѣроятно для того, чтобы явиться совершенно безпристрастнымъ судьей въ этомъ спорѣ, г. Афанасьевъ еще разъ подтверждаетъ своею брошюрою, что легенда о голодномъ договорѣ явилась у самого народа гораздо прежде, чѣмъ толки объ ней появились въ газетахъ и что ее сочинило народное воображеніе, создающее и не такія несообразности. Въ ней неповинны и революціонеры, на которыхъ роялисты взвалили обвиненіе въ желаніи подкопать монархію этой выдумкой. Однимъ словомъ, какъ доказываетъ г. Афанасьевъ, тутъ виноваты всѣ, кромѣ тѣхъ, на кого пало первоначальное обвиненіе.

— Въ Лейденѣ вышла любопытная и полезная книга, какихъ немного является и въ центрахъ книжнаго движенія: «Руководство исторіи, генеалогіи и хронологіи всѣхъ государствъ міра отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до нашихъ дней». (Manuel d'histoire, de généalogie et de chronologie de tous les états du globe, depuis les temps les plus reculés jusqu'a nos jours). Въ книгѣ двѣ части, первая описываетъ Азію, Африку, Америку, Полинезію, вторая — европейскія государства и ихъ колоніи. Авторъ какой-то чиновникъ министерства колоній въ Гагѣ, Стоквисъ или Штокфишъ (то есть треска) по нѣмецкому произношенію. Статистическихъ цифръ и данныхъ въ книгѣ бездна, историческіе факты — только главные, но вѣрные, генеалогія — всѣхъ правителей отъ владыкъ средней Европы до африканскаго царька-людоѣда, хронологія доходитъ до VIII столѣтія до Р. Х. и перечисляетъ 16 различныхъ эръ. Въ книгѣ собрано все, въ чемъ можетъ нуждаться для справокъ образованный человѣкъ и хотя подобные сборники существуютъ въ книжной торговлѣ, но этотъ положительно полнѣе и новѣе всѣхъ. Тутъ собраны свѣдѣнія и о такихъ странахъ, о которыхъ и не упоминала европейская печать, какъ Кедахъ, Тринганy, васальныя земли Сіама, Когала, Кона, Гило провинціи Гавайи. Всѣ свѣдѣнія о государствахъ составлены по послѣднимъ источникамъ. Напрасно только въ собственныхъ именахъ авторъ держится болѣе правильной, но мало употребительной транскрипціи и пишетъ: Набукудурутсуръ вмѣсто Навуходоносоръ, Птолемайусъ, Митрадатесъ и пр. Это излишняя и не къ чему не ведущая точность.

— Въ послѣднее время, въ главныхъ центрахъ цивилизаціи открываются и издаются важныя литературныя произведенія. Въ то время, когда британскій музей печатаетъ открытый въ немъ папирусъ съ сочиненіемъ Аристотеля объ аѳинской конституціи, Берлинъ находитъ у себя значительную часть неизвѣстной трагедіи Еврипида «Антіопа», а Парижъ объявляетъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ восьми новыхъ томовъ сочиненій Монтескье. До сихъ поръ мы знали только три главныхъ произведенія этого великаго писателя, имѣвшаго вліяніе и на нашу литературу: «Персидскія письма», «Разсужденіе о величіи и упадкѣ римлянъ» и «Духъ законовъ», на основаніи котораго Екатерина составила свой «Наказъ». Но было извѣстно, что Монтескье, умирая, оставилъ много рукописей. Говорили, что они были уничтожены его сыномъ во время терора, изъ опасенія преслѣдованія якобинскимъ и другими клубами, гдѣ постоянно называли Монтескье «аристократомъ» и

«глупцомъ». По счастію, слухи эти оказались несправедливыми; только семейство Монтескье строго охраняло манускрипты своего предка и не позволяло никому пользоваться ими. О существованіи ихъ знали немногіе: натуралистъ Валькенеръ, бывшій министръ Лене, Сент-Бёвъ. Напрасно Эдуардъ Лабуле, издатель сочиненій великаго писателя, говорилъ въ предисловіи къ этому изданію: «Монтескье принадлежитъ Франціи и всѣ, кто живутъ его мыслью, имѣютъ право на это наслѣдство». Наслѣдники оставались глухи къ заявленіямъ общества и только теперь, почти черезъ полтораста лѣтъ послѣ смерти писателя, приступили къ изданію рукописей, хранившихся въ зàмкѣ Бреда. Коментаріи, примѣчанія и вообще вся работа по редакціи, поручена хранителю бордоской библіотеки Селесту. Между рукописями особенный интересъ возбуждаютъ: «Рѣчь о Цицеронѣ», этюды объ умѣ и характерѣ, политическія размышленія, характеристика нѣкоторыхъ принцевъ и особенно «Мои мысли или собраніе моихъ размышленій», — три объемистыхъ тома. Любопытны также его путешествія по Италіи, Германіи и Голландіи, и сборникъ его писемъ. Общество гюйенскихъ библіофиловъ издало уже одну изъ брошюръ Монтескье: «Размышленія о всемірной монархіи въ Европѣ», гдѣ авторъ доказываетъ, что подобная монархія невозможна и французская нація особенно не обладаетъ качествами, необходимыми для того, чтобы сдѣлаться опасною для политической свободы своихъ сосѣдей. Обнародованіе рукописей будетъ любопытно еще въ томъ отношеніи, что Монтескье былъ чрезвычайно остороженъ въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ и, заботясь о своемъ спокойствіи, вычеркивалъ, изъ боязни оскорбить самодержавіе Людовика XIV, даже такія фразы, изъ своего «Духа законовъ» «еслибы во время нашествія на Римъ какому-нибудь готскому или германскому вождю пришло въ голову говорить о своей автократіи или безграничной власти, онъ заставилъ бы смѣяться свою армію». Даже говоря о Францискѣ I, Монтескье уничтожилъ такую фразу: «хотя въ его владѣніяхъ законы положили предѣлъ его власти, это не ослабило его могущества, потому что самодержавіе способно къ бóльшимъ, хотя и менѣе прочнымъ усиліямъ». Въ своихъ не изданныхъ произведеніяхъ Монтескье явится намъ такимъ, какимъ онъ былъ въ своемъ кабинетѣ, а не въ печати. Онъ конечно писалъ то, что думалъ, но далеко не высказывалъ при жизни всего, что̀ думалъ. Въ этомъ отношеніи въ восьми печатающихся теперь новыхъ томахъ его сочиненій мыслитель и писатель явится намъ въ новомъ, настоящемъ видѣ и это уже будетъ огромнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи всемірной литературы.

— Эдмондъ Гонкуръ издалъ пятый томъ своихъ «воспоминаній» («Journal des Goncourt») относящійся къ 1872—77 годамъ. Это уже слишкомъ близкое къ намъ время и потому немудрено, что замѣтки автора были встрѣчены съ неудовольствіемъ нѣкоторыми лицами изъ числа тѣхъ, о комъ говорится въ мемуарахъ. Завязалась даже по этому поводу полемика. Гонкуръ не любитъ Ренана и говоритъ, что «будущее строго отнесется къ памяти этого писателя, приспособившаго къ священной исторіи расплывчатый слогъ романовъ Жоржъ-Занда». Но станетъ ли будущее читать романы и самого Гонкура? Это еще вопросъ. Ренанъ отнесся съ пренебреженіемъ къ «буржуазнымъ идеямъ» Гонкура, плохо понимающаго метафизическіе вопросы, и умъ котораго закрытъ для здравыхъ мыслей. Этотъ обмѣнъ любезностей между писателями могъ бы, конечно, и не являться въ «воспомина-

ніяхъ». Гонкуръ, впрочемъ, и въ прежнихъ томахъ своего «журнала» не церемонится съ живыми и умершими знаменитостями, а въ вышедшемъ теперь—подсмѣивается надъ Викторомъ Гюго, хотя тотъ относился къ нему всегда чрезвычайно дружелюбно. Гонкуръ говоритъ далѣе: «ни одинъ авторъ не сознается, что чѣмъ далѣе распространяется его извѣстность, тѣмъ больше талантъ его встрѣчаетъ поклонниковъ неспособныхъ оцѣнить его». Это вѣрно, но для чего же тогда становиться самому въ ряды этихъ поклонниковъ? Въ книгѣ много хорошихъ страницъ о нравственной агоніи Теофиля Готье и о его смерти, о Зола и Флоберѣ, не объ ихъ странностяхъ и привычкахъ, а объ ихъ убѣжденіяхъ, литературныхъ взглядахъ и вѣрованіяхъ. Приведемъ анекдотъ о Тургеневѣ, какъ объ немъ передаетъ Гонкуръ.

«Флоберъ и я отрицали для писателя необходимость влюбляться. Русскій романистъ вскричалъ, опуская руки: «Моя жизнь переполнена женщинами (féminilitè). Нѣтъ ни книгъ, ни чего-нибудь другого на свѣтѣ, что̀ могло бы мнѣ замѣнить женщину. Какъ вамъ объяснить это? Я нахожу, что только любовь производитъ полное развитіе въ человѣческомъ существѣ и ничто другое не можетъ дать этого развитія. Еще въ самые молодые годы у меня была любовница, мельничиха изъ окрестностей Петербурга. Я познакомился съ нею во время моихъ охотничьихъ прогулокъ. Она была очень хороша собою—бѣлокурая, съ выразительными глазами, что у насъ не рѣдко встрѣчается. Она никогда не хотѣла ничего брать отъ меня, но однажды сказала мнѣ: «Сдѣлайте мнѣ небольшой подарокъ».—Чего вы хотите? «Привезите мнѣ изъ Петербурга пахучаго мыла». Я принесъ ей лучшій кусокъ, она взяла его, вышла и черезъ нѣсколько минутъ вернулась со щеками, горѣвшими отъ волненія. Протягивая мнѣ свои руки, пріятно пахнувшія, она прошептала:

— «Поцѣлуйте мнѣ руки, какъ вы цѣлуете ихъ въ салонахъ, у вашихъ петербургскихъ дамъ!

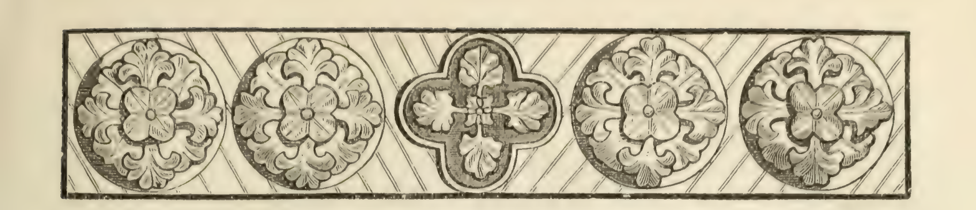
«Я бросился къ ея ногамъ... и знаете ли вы: въ жизни моей нѣтъ другой минуты, которая равнялась бы съ этою».

А Віардо-Гарсіа? хочется невольно спросить при чтеніи этого сентиментальнаго, но характернаго анекдота.

— Апрѣльскій номеръ «Kwartalnik'a» историческаго, вышедшій во Львовѣ по смерти Лиске, явился съ траурной каемкой и, на первомъ мѣстѣ, заключаетъ въ себѣ посмертныя воспоминанія профессора, въ томъ числѣ произнесенныя на его могилѣ рѣчи. Повидимому, журналъ ничего не потерялъ, перейдя подъ редакцію проф. Бальцера. Самому редактору принадлежитъ кропотливый трудъ по средне-вѣковымъ польскимъ законамъ: Corpus juris Polonici Medii Aevi. Объ этомъ трудѣ главныя польскія газеты отзываются съ большой похвалой, какъ о цѣнномъ вкладѣ въ литературу польскихъ историческихъ матеріаловъ, особенно важномъ для изслѣдователей исторіи польскаго законодательства. Это—результатъ многолѣтнихъ изысканій автора, который созналъ потребность въ изданіи новаго, критически обработаннаго и полнаго собранія польскихъ средневѣковыхъ законовъ, ибо такое собраніе должно составлять необходимую основу для историческихъ работъ относительно общественно - политическаго устройства тогдашней Польши и ея юридическихъ отношеній, Мысль эта была горячо поддержана вторымъ съѣздомъ историковъ во Львовѣ; такимъ образомъ, благодаря энергіи Бальцера,—теперь появилась програма изданія сборника, съ драгоцѣн-

ными цитатами источниковъ и подробною описью извѣстныхъ до сихъ поръ законовъ польскихъ, литовскихъ, мазовецкихъ, и земскихъ постановленій, съ древнѣйшихъ временъ до 1506 года, т. е. до смерти короля Александра. Такихъ постановленій, извѣстныхъ вполнѣ или въ отрывкахъ, извлеченіяхъ и реестрахъ, авторъ приводитъ 407, тогда какъ до сихъ поръ въ сборникахъ средневѣковыхъ законовъ ихъ едва насчитывалось 137. При каждомъ постановленіи указывается мѣсто, гдѣ его нужно искать, а также книги и статьи, гдѣ о немъ находится упоминаніе.

СМѢСЬ.

Новое пріобрѣтеніе Публичной Библіотеки. Въ 1875 году, незадолго до своей смерти, бывшій директоръ Публичной Библіотеки, графъ М. А. Корфъ, подарилъ Библіотекѣ фотограф ическій снимокъ съ рѣдчайшей гравюры, хранившейся въ висбаденскомъ музеѣ. Это было изображеніе русскаго посольства, прибывшаго въ 1576 году, по повелѣнію Ивана Грознаго, къ германскому императору Максимиліану II на регенсбургскій сеймъ. Эта гравюра состояла изъ четырехъ склеенныхъ листовъ, имѣвшихъ, въ общемъ протяженіи 2 аршина и $1^1/_2$ вершка длины и 9 вершковъ вышины. Здѣсь былъ изображенъ русскій, князь Сугорскій, намѣстникъ бѣлозерскій, въ сопровожденіи товарища своего, дьяка Арцыбашева, толмача Петра и многочисленной свиты, въ богатыхъ древне-русскихъ костюмахъ; подъячій Монастыревъ несъ вѣрительную грамату, обернутую въ красный кармазинъ, дворяне посольства—множество «сороковъ» соболей, подарокъ русскаго царя германскому императору. Послѣдній, четвертый листъ, представлялъ богослуженіе, совершаемое священникомъ Лаврентіемъ (состоявшимъ при посольствѣ), въ присутствіи всего посольства, въ одной изъ комнатъ посольскаго дома. Эта гравюра (единственный извѣстный экземпляръ) казалась всегда настолько важнымъ и достовѣрнымъ историческимъ документомъ не только для насъ, но и для иностранцевъ, что многіе костюмы изъ этой картины (богато разцвѣченной красками и золотомъ) всегда были изображаемы въ лучшихъ сочиненіяхъ о костюмахъ, появлявшихся въ Европѣ въ теченіе послѣдней четверти столѣтія. Въ первой половинѣ февраля настоящаго года, сенаторъ Д. А. Ровинскій, издавшій этотъ важный историческій эстампъ, въ видѣ факсимиле и въ краскахъ, въ своемъ великолѣпномъ изданіи: «Достовѣрные портреты московскихъ государей Ивана III, Василія Ивановича и Ивана Грознаго и посольства ихъ времени», получилъ возможность пріобрѣсти покупкою подлинный экземпляръ висбаденскаго музея и немедленно подарилъ его Публичной Библіотекѣ, откуда онъ почерпалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ матеріалы для своихъ изслѣдованій и изданій и гдѣ, по его мнѣнію, долженъ храниться, вмѣстѣ съ другими рѣдчайшими гравюрами, этотъ историческій памятникъ, изображающій русскихъ

людей XVI вѣка. Драгоцѣнный подарокъ Д. А. Ровинскаго помѣщенъ въ рамѣ, за стекломъ, въ одной изъ двухъ залъ «Историческаго отдѣленія» Публичной Библіотеки.

— **Открытіе Каракорума.** Въ прошломъ году Н. М. Ядринцеву, совершившему экспедицію въ Монголію, удалось открыть любопытныя развалины и памятники въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагался знаменитый Каракорумъ—столица монгольскихъ хановъ. Н. М. Ядринцевъ вывезъ, кромѣ снимковъ, двѣ большихъ гранитныхъ плиты съ надписями. Минувшимъ лѣтомъ, въ тѣ же мѣста Монголіи была отправлена изъ Гельсингфорса финляндская экспедиція съ доцентомъ г. О. Гейкелемъ, которая также убѣдилась въ существованіи упомянутыхъ развалинъ въ долинѣ р. Орхона и вывезла множество надписей, въ томъ числѣ до 15,000 руническихъ знаковъ. Въ то же время ученые разобрали надписи на камняхъ, вывезенныхъ г. Ядринцевымъ. Въ китайской надписи оказались собственныя уйгурскія имена. Молодой оріенталистъ Э. Кохъ, разсматривая данныя, заключающіяся въ этихъ фрагментальныхъ надписяхъ, сдѣлалъ выводъ, что это остатки памятника, воздвигнутаго въ періодъ владычества уйгуровъ въ нынѣшней Монголіи, и относятся ко времени 764—840 г. Въ нихъ упоминаются титулы уйгурскихъ хановъ Гу-ду-лу и Бигя-кэ-хана (знаменитаго Пейло). Академику В. В. Радлову удалось прочесть на томъ же памятникѣ нѣсколько строкъ уйгурскихъ. Разборъ этихъ памятниковъ доказалъ, по словамъ г. Радлова, что Н. М. Ядринцеву удалось отыскать то мѣсто на Орхонѣ, гдѣ стоялъ древній городъ Каракорумъ, столица, основанная уйгурскимъ ханомъ Пейло въ первой половинѣ VIII в. Въ то же время изъ снятой надписи на другомъ открытомъ Ядринцевымъ монументѣ и скопированномъ Гейкелемъ, оказалось, что это памятникъ въ честь Кюн-теле, брата тукюэзскаго хана, воздвигнутый по приказанію китайскаго императора въ 732 году. Такимъ образомъ можно заключить, что здѣсь же было мѣстопребываніе и тукюэзскихъ тюркскихъ хановъ. Открытіе этихъ памятниковъ VIII в. въ Монголіи побудило Академію Наукъ командировать нынѣшнимъ лѣтомъ экспедицію въ долину Орхона подъ начальствомъ академика Радлова. Въ экспедиціи приметъ участіе Н. М. Ядринцевъ, археологъ Клеменецъ, переводчикъ китайскаго языка и офицеръ корпуса топографовъ. Экспедиція двинется въ Сибирь въ концѣ апрѣля. Изслѣдованія ея продлятся четыре мѣсяца.

— **Антропологическое Общество.** Въ залѣ совѣта университета состоялось годовое собраніе Русскаго Антропологическаго Общества. Н. М. Ядринцевъ сдѣлалъ сообщеніе о кочевыхъ народахъ и объ отношеніи ихъ къ общечеловѣческой цивилизаціи. Докладчикъ высказалъ свой взглядъ на кочевой бытъ, какъ на одну изъ стадій человѣческаго развитія. Кочевники вовсе не такіе завзятые враги осѣдлости и культуры, какъ это думаютъ многіе, даже извѣстные этнографы. Напротивъ, кочевникъ не только навсегда не остается номадомъ, а самъ, переходя извѣстныя ступени развитія, приближается къ осѣдлости и самъ создаетъ извѣстный родъ культуры, которымъ пользуются осѣдлые народы. Различными стадіями кочевого быта являются звѣроловство, рыболовство и заботы о домашнемъ скотѣ, отчасти прикрѣпляющія номада къ извѣстнымъ районамъ обитанія. Зимовка есть уже первая стадія перехода отъ кочевого къ осѣдлому быту. Охотничьи и рыболовные снаряды, извѣстныя мѣста зимовки и кочеванія составляютъ отчасти недвижимую собственность кочевника. Прирученіе ряда домашнихъ животныхъ, безъ сомнѣнія, впервые было сдѣлано кочевникомъ. Номадъ подготовилъ почву для осѣдлой культуры, давъ ей усовершенствованное жилье, домашнихъ животныхъ и первые зачатки земледѣлія, которое отчасти не чуждо и кочевнику. Номадъ способенъ былъ и къ высшимъ ступенямъ гражданственности, которой лучшимъ примѣромъ служитъ великая имперія Чин-

гисъ-хана. Величайшая въ мірѣ монархія, занявшая Азію и Европу, не представляла огромнаго стана кочевниковъ; она достигла высокой степени культуры, которой удивлялись средневѣковые путешественники. Кочевой бытъ и борьба съ природой закалили тѣло и духъ номада; въ этомъ кроется причина его превосходства надъ осѣдлыми народами, едва они приходили въ столкновеніе. Номадъ тоже цивилизуется постепенно, и на всемъ мірѣ мы замѣчаемъ эти переходы изъ кочевого быта въ осѣдлый. Свои выводы докладчикъ сдѣлалъ изъ многочисленныхъ наблюденій надъ кочевниками нашей Сибири, Монголіи и Центральной Азіи. Сообщеніе вызвало оживленную бесѣду. Въ ней, между прочимъ, профессоръ А. А. Иностранцевъ высказалъ оригинальный взглядъ на великое переселеніе народовъ, объяснивъ его геофизическими причинами, изъ которыхъ изсушеніе Центральной Азіи служило главною причиною, выбросившею въ Европу многочисленныя орды кочевниковъ. Затѣмъ была прочитана небольшая замѣтка о зубангорскихъ татарахъ, доставленная докторомъ Вырубовымъ. Собраніе закончилось выборомъ должностныхъ лицъ, причемъ единогласно были выбраны предсѣдателемъ проф. А. А. Иностранцевъ, товарищемъ его проф. А. И. Тарепецкій и секретаремъ докторъ Данилло. Членами совѣта остались проф. Н. П. Вагнеръ, докторъ Елисѣевъ, Томашевскій, Эрлицкій и П. Яковлевъ; къ нимъ прибавлено два члена Н. Е. Бранденбургъ и князь Путятинъ.

— **Общество любителей древней письменности.** Секретаремъ Общества доложено было о принесеніи въ даръ Обществу кн. Б. Н. Гагаринымъ чугунной плиты 1702 года, съ старинной надписью. Затѣмъ Л. Н. Майковъ прочиталъ сообщеніе Е. Н. Щепкиной о дневникѣ армейскаго поручика Васильева, начинающемся съ 1774 года и характеризующемъ бытъ современнаго средняго дворянскаго служилаго сословія. Далѣе, А. П. Барсуковъ сдѣлалъ сообщеніе о двухъ найденныхъ имъ автобіографическихъ показаніяхъ Ганнибала и Древника, знаменитыхъ слугъ Петра Великаго. Арапъ Петра дослужился до генералъ-маіора и былъ назначенъ комендантомъ въ Ревель. Ходатайствуя о полученіи себѣ дворянскаго герба, Ганнибалъ писалъ, что у него нѣтъ таковаго, ибо въ Африкѣ нѣтъ обычая владѣть гербами. Прошеніе его было оставлено безъ послѣдствій. Денщикъ Петра Великаго А. К. Древникъ (Древингкъ) также хлопоталъ о полученіи себѣ герба, но и его прошеніе не имѣло успѣха. Наконецъ, тотъ же Барсуковъ прочиталъ главу изъ приготовленнаго уже имъ къ печати VI тома «Рода Шереметевыхъ», именно о походѣ польскаго короля Яна Казиміра въ Днѣпровскую Украйну въ 1663 году.

— **Археологическое Общество.** Въ засѣданіи славяно-русскаго отдѣленія Археологическаго Общества были произведены выборы управляющаго отдѣленіемъ. Избранъ вновь на третье трехлѣтіе нынѣ управляющій отдѣленіемъ графъ А. А. Бобринскій. Въ томъ же засѣданіи сдѣланы сообщенія А. И. Соболевскимъ, В. Г. Васильевскимъ и графомъ Бобринскимъ. Первый изъ докладчиковъ говорилъ «о южно-славянскомъ вліяніи на русское письмо въ XIV—XV вв.». Исходя отъ детальнаго изученія палеографическихъ особенностей русскихъ памятниковъ этого времени, А. И. Соболевскій сближаетъ ихъ съ болгарскими рукописями того же времени и съ точностью устанавливаетъ фактъ литературнаго обобщенія между Москвою XIV вѣка и Болгаріею,—общенія, давшаго нашей письменности нѣкоторые новые тексты, раньше того на Руси неизвѣстные, а другіе въ исправленномъ видѣ и даже въ новомъ переводѣ. В. Г. Васильевскій представилъ рефератъ «по вопросу о Малалѣ». Какъ сообщаетъ В. Г. Васильевскій, изысканія его вполнѣ точно устанавливаютъ сомнительное доселѣ время дѣятельности этого византійскаго писателя, родомъ изъ Антіохіи, автора византійской хроники, излагающей событія отъ сотворенія міра до 566 года. Въ точно датирован-

номъ сочиненіи монофизитскаго писателя Іоанна Эфесскаго (506—585 г.) описаніе пожара и другихъ бѣдствій въ Антіохіи въ концѣ 525 и въ началѣ 526 года представляетъ обозначенную этимъ авторомъ цитату изъ Іоанна, называемаго имъ Антіохійскимъ. Сдѣланное В. Г. Васильевскимъ сопоставленіе этой цитаты съ греческимъ (позднѣйшимъ) текстомъ Іоанна Малалы, и въ особенности съ болѣе полной славянской его редакціей, устанавливаетъ несомнѣнную принадлежность этой цитаты именно Іоанну Малалѣ, и такимъ образомъ онъ точно опредѣляется, какъ писатель VI вѣка. Графъ А. А. Бобринскій обратилъ вниманіе собранія на оставшееся незамѣченнымъ въ русской археологической литературѣ изслѣдованіе прусскаго археолога Фуртвенглера (1883 года), посвященное вопросу о скиѳскихъ золотыхъ вещахъ, найденныхъ въ Бранденбургѣ, близь города Губена. Точно констатированное отсутствіе въ данномъ случаѣ признаковъ погребальнаго обряда дѣлаютъ эту находку совершенно загадочной, и прусскіе археологи оставляютъ вопросъ о ней открытымъ.

Баронъ Розенъ представилъ рефератъ: «Теорія Галеви о происхожденіи монгольскаго животнаго цикла». Этотъ французскій оріенталистъ заинтересовался вопросомъ о распространеніи христіанства среди тюркскихъ племенъ и въ статьѣ, посвященной этому вопросу, столкнулся съ вопросомъ о тюркской системѣ обозначенія годовъ по двѣнадцатилѣтнему циклу, причемъ каждому году изъ этого круга присвоено названіе какого-нибудь животнаго, напримѣръ: мыши, быка, зайца, дракона, лошади, курицы, собаки, свиньи и т. д. Галеви указываетъ на то, что нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ, какъ, напримѣръ, обезьяна, не водятся въ странахъ, обитаемыхъ тюрками, и считаетъ животный циклъ обозначенія годовъ принесеннымъ тюрками извнѣ, причемъ въ животныхъ этихъ видитъ только религіозную символизацію и нигдѣ больше не находитъ тѣсной связи животныхъ съ религіозными представленіями, какъ въ древнемъ Египтѣ. По теоріи г. Галеви, съ утвержденіемъ христіанства въ Египтѣ коптскіе миссіонеры проникли сначала въ Арменію, а затѣмъ въ Среднюю Азію, гдѣ дѣйствовали вмѣстѣ съ несторіанами. Какъ детальной критикой каждаго изъ аргументовъ г. Галеви, такъ и соображеніями общаго характера баронъ Розенъ совершенно опровергаетъ теорію французскаго ученаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ вниманію нашихъ оріенталистовъ болѣе точное изслѣдованіе вопроса о животномъ циклѣ монгольскаго лѣтосчисленія. По мнѣнію барона Розена, въ данномъ случаѣ надо строго держаться исторической почвы и послѣдовательно переходить отъ одной стадіи къ другой: если какое-нибудь имя не объясняется изъ сирійскаго, арабскаго или тюркскаго языка, то прежде всего надо искать объясненія въ персидскомъ, соотвѣтственно ходу движенія несторіанскаго христіанства въ Среднюю Азію. Съ мнѣніемъ барона Розена вполнѣ согласились принявшіе участіе въ преніяхъ члены отдѣленія, причемъ В. В. Радловъ замѣтилъ, что первоначально у тюрковъ животныя, обозначающія теперь 12 лѣтъ цикла, прежде обозначали лишь 12 мѣсяцевъ года и что такимъ образомъ несомнѣнно ихъ зодіакальное значеніе.

— **Диспутъ въ университетѣ.** 17-го марта въ актовомъ залѣ Петербургскаго университета кандидатъ И. А. Шляпкинъ защищалъ дисертацію подъ заглавіемъ: «Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.)», представленную имъ въ историко-филологическій факультетъ для полученія степени магистра русской словесности. Ученая дѣятельность магистранта началась съ 1879 г., когда онъ произвелъ опись рукописей и книгъ музея археологической комиссіи при псковскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Изъ его сочиненій обращаютъ вниманіе слѣдующія: 1) «Русское поученіе XI вѣка о перенесеніи мощей св. Николая Чудотворца и его отношеніе къ западнымъ источникамъ» (1881 г.); 2) «Ужасная измѣна сластолюбиваго

житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ, вновь открытая комедія конца XVII вѣка» (1882 г.); 3) «Повѣсть о Василіи Златовласомъ, королевичѣ чешской земли» (1882 г.); 4) «Очеркъ научной дѣятельности проф. О. О. Миллера» (1888 г.); 5) «Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова» (1889 г.); 6) «Шестодневъ Георгія Писидійскаго» (1890) и многія другія напечатанныя въ журналахъ: «Общества Древней Письменности», «Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Въ Палестинскомъ Сборникѣ», «Извѣстіяхъ Славянскаго Общества», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Паломникѣ» и другихъ. Онъ состоитъ членомъ Археологическаго Института, а также тверской и рязанской ученыхъ архивныхъ комиссій. Офиціальными опонентами были профессора: А. И. Незеленовъ и А. И. Соболевскій. Первый призналъ изслѣдованіе И. А. Шляпкина весьма цѣннымъ въ томъ отношеніи, что въ немъ авторъ далъ полную біографію Димитрія Ростовскаго, собралъ такую массу матеріала, что послѣдующіе историки вполнѣ могутъ изъ него почерпать свѣдѣнія для своихъ работъ. Въ то же время проф. А. И. Незеленовъ указалъ на недостатокъ выводовъ, которыхъ, судя по матеріалу, можно было бы больше ожидать отъ диспутанта, а также сдѣлалъ упрекъ въ томъ, что изложеніе сочиненія носитъ лѣтописный характеръ. Опонентъ закончилъ свои возраженія указаніемъ цѣлаго ряда неудачныхъ въ стилистическомъ отношеніи выраженій, встрѣчающихся въ дисертаціи. Проф. А. И. Соболевскій, сознавая, что ни одно дѣло рукъ человѣческихъ не совершенно, тѣмъ не менѣе призналъ трудъ И. А. Шляпкина цѣннымъ вкладомъ въ историческую литературу. По окончаніи диспута деканъ историко-филологическаго факультета проф. И. В. Помяловскій объявилъ рѣшеніе факультета, признавшаго И. А. Шляпкина достойнымъ полученія степени магистра русской словесности.

Публичныя лекціи въ Варшавѣ. Профессора Варшавскаго университета открыли рядъ публичныхъ лекцій въ Русскомъ Собраніи. Первую лекцію читалъ профессоръ русской исторіи Д. В. Цвѣтаевъ, избравъ предметомъ ея исторію основанія русскаго флота. Опредѣливъ вліяніе рѣчныхъ путей, находившихся въ русскомъ владѣніи, на первоначальную установку и развитіе у насъ судоходства и судостроенія и сообщивъ о попыткахъ московскихъ государей завести у насъ, кромѣ прежнихъ лодокъ, большія торгово-военныя, хорошо вооруженныя суда на Двинѣ, Окѣ и Волгѣ, при помощи западно-европейскихъ мастеровъ и по европейскимъ образцамъ, проф. Цвѣтаевъ поставилъ все это во внутреннюю связь съ дѣломъ Петра Великаго, на которомъ потомъ и остановился подробно. Повидимому, лекціи возбуждаютъ интересъ въ мѣстномъ обществѣ, которое сочувственно относится къ прекрасной мысли профессоровъ Варшавскаго университета.

Церковно-историческое древлехранилище въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ. Церковно-историческое древлехранилище въ г. Владимірѣ обязано своимъ возникновеніемъ высокопреосвященнѣйшему Ѳеогносту, архіепископу владимірскому. Съ самаго вступленія на владимірскую каѳедру, просвѣщенный архипастырь обращалъ особенное вниманіе на памятники церковной старины, которыми такъ богата владимірская епархія. Такъ, благодаря его просвѣщенной заботливости, открытыя въ 1882 г. въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, построенномъ Андреемъ Боголюбскимъ, фрески XII—XV вв.—не погибли для науки, а тщательно реставрированы извѣстнымъ живописцемъ Сафоновымъ подъ руководствомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества; такимъ же образомъ въ настоящее время реставрируется и наружный видъ этого собора. Обозрѣвая каждогодно церкви и монастыри владимірской епархіи, преосвященный Ѳеогностъ и здѣсь всегда обращалъ вниманіе на состояніе памятниковъ церковной старины и нерѣдко видѣлъ, какъ многіе изъ предметовъ древности подвергались опасности быть истребленными

или испорченными, благодаря отсутствію археологическихъ знаній въ духовенствѣ; тогда же у него возникла мысль объ учрежденіи такого епархіальнаго древлехранилища, куда могли бы поступать на храненіе всѣ предметы церковныхъ древностей, вышедшіе изъ богослужебнаго употребленія, но представляющіе собою археологическій научный интересъ. Осуществленіе этой мысли ускорилось желаніемъ миссіонеровъ, ведущихъ собесѣдованіе съ старообрядцами о предметахъ разногласія въ дѣлѣ обряда, имѣть подъ руками такіе памятники церковной древности, которые бы благопріятствовали православному ученію и обличали бы заблужденія старообрядцевъ (напр. въ вопросахъ о формѣ креста, о перстосложеніи и пр.). Побуждаемый этими соображеніями, преосвященный Θеогность и рѣшился въ 1886 году открыть при Александро-Невскомъ Братствѣ въ г. Владимірѣ древлехранилище въ особомъ помѣщеніи подъ Крестовою церковью архіерейскаго дома.

На первыхъ порахъ въ древлехранилище поступили рукописи, старопечатныя книги и нѣсколько древнихъ предметовъ, хранившихся до сихъ поръ въ библіотекѣ Братства. Затѣмъ преосвященный Θеогностъ обратился къ духовенству владимірской епархіи съ предложеніемъ передать на храненіе предметы церковной древности, вышедшіе изъ церковно-богослужебнаго употребленія и не составляющіе мѣстной святыни, во вновь открытое учрежденіе, выяснивъ его цѣли и задачи. Духовенство сочувственно отнеслось къ этому предложенію и многія церкви и монастыри прислали въ древлехранилище на храненіе свои рукописи, старопечатныя книги и предметы древности. Такъ какъ нерѣдко священники сами не могли опредѣлить степень важности въ археологическомъ отношеніи находящихся у нихъ предметовъ древности, то преосвященный Θеогностъ неоднократно командировалъ въ различныя мѣстности владимірской епархіи завѣдывающаго древлехранилищемъ для обозрѣнія ризницъ и церковныхъ библіотекъ, съ цѣлію собиранія свѣдѣній объ имѣющихся тамъ предметахъ древности, и самъ при обозрѣніи епархіи тщательно осматривалъ ризницы и церковныя кладовыя. Благодаря такимъ заботамъ о сохраненіи памятниковъ церковной древности, въ древлехранилище въ теченіе четырехъ лѣтъ его существованія поступило па храненіе болѣе тысячи древнихъ рукописей, старопечатныхъ книгъ, иконъ, крестовъ и др. предметовъ церковно-богослужебной утвари и фотографическихъ снимковъ съ нихъ.

Всѣ предметы древности, вошедшіе въ составъ древлехранилища, распредѣляются по слѣдующимъ отдѣламъ: а) рукописи, б) старопечатныя книги, в) памятники церковной архитектуры, г) памятники христіанской иконографіи и вообще древнехристіанскаго искусства, д) древняя церковная утварь, священныя облаченія и пр. и е) нумизматическій отдѣлъ.

Отдѣлъ рукописей заключаетъ въ себѣ въ настоящее время 235 рукописей XV—XVIII ст. Отдѣлъ этотъ составился изъ рукописей, поступившихъ изъ библіотеки Александро-Невскаго Братства и затѣмъ изъ рукописей, препровожденныхъ монастырями: Успенскимъ женскимъ въ г. Александровѣ, Суздальскимъ Спасо-Евθиміевскимъ, Флорищевою пустынью, Суздальскимъ Рождество-Богородицкимъ Соборомъ, Суздальскимъ Покровскимъ женскимъ монастыремъ, Владимірскимъ Рождественскимъ монастыремъ и др. Наиболѣе замѣчательныя изъ рукописей: Стоглавъ 1591 г., Кормчая 1517 г., составляющая списокъ трехъ кормчихъ Симоновской, Вассіановской († 1481 г.) и Евθиміевской († 1483 г.), псалтырь съ толкованіями св. отцовъ переводъ Максима Грека XVI в. и др. Замѣчательны также рукописи, украшенныя миніатюрами, каковы синодики Благовѣщенскаго Вязниковскаго монастыря XVII в., житіе пр. Евфросиніи Суздальской XVII в. и въ особенности сборникъ XVIII в., поступившій изъ Флорищевой пустыни. Этотъ памятникъ стариннаго русскаго искусства заключаетъ въ себѣ болѣе

двухсотъ миніатюръ, исполненныхъ неизвѣстнымъ художникомъ, несомнѣнно южно-руссомъ, что видно изъ одеждъ и аксесуаровъ въ картинахъ. Сборникъ начинается изображеніемъ Шестоднева и въ исполненіи имѣетъ много особенностей, отличающихъ его отъ подобныхъ ему произведеній древне-русскаго искусства, имѣющихъ тотъ же сюжетъ. Затѣмъ слѣдуютъ евангельскія притчи о мытарѣ и фарисеѣ и о блудномъ сынѣ со многими иллюстраціями, заключающими богатый матеріалъ для изученія народнаго искусства прошлаго вѣка. Далѣе слѣдуетъ житіе Василія Новаго и мытарства Ѳеодоры со множествомъ миніатюръ, гдѣ фантазія художника при полномъ просторѣ достигла изумительнаго разнообразія и богатства въ изображеніи драматическихъ положеній, олицетвореніи человѣческихъ страстей и пр. Заканчивается сборникъ рядомъ лицевыхъ изображеній, иллюстрирующихъ текстъ, обыкновенно помѣщаемый въ древнихъ синодикахъ и имѣющій цѣлію выяснить пользу возносимыхъ молитвъ за умершихъ.

Отдѣлъ старопечатныхъ книгъ составился такимъ же образомъ и заключаетъ въ себѣ 165 старопечатныхъ книгъ, между которыми замѣчательны: Пятокнижіе Франциска Скорины 1519 г., со многими гравюрами, прекрасно сохранившееся, Острожская библія 1581 г., Св. Василія Великаго, о постничествѣ 1594 г. острожской же печати, Маргоритъ 1595 г., Псалтирь съ возслѣдованіемъ 1598 г. въ 8°. Номоканонъ 1624 г. и др.

Отдѣлъ памятниковъ церковной архитектуры состоитъ изъ фотографическихъ и иныхъ снимковъ съ древнихъ храмовъ преимущественно Владимірской губерніи. Особенно цѣнны для этого отдѣла пожертвованные преосвященнымъ Ѳеогностомъ два альбома съ 74 фотографическими снимками съ замѣчательныхъ церквей и морастырей владимірской епархіи. Затѣмъ альбомы И. А. Голышева, заключающіе въ себѣ снимки съ древнихъ деревянныхъ и замѣчательныхъ по своей древности и архитектурѣ каменныхъ церквей владимірской епархіи. Въ этомъ же отдѣлѣ хранятся снимки съ плановъ и фасадовъ Дмитріевскаго собора въ г. Владимірѣ графа Строгонова и болѣе 200 описаній различныхъ храмовъ, XII—XVIII вв. Владимірской губерніи, составленныхъ по порученію совѣта Братства мѣстными причтами.

Отдѣлъ памятниковъ древне-русской иконографіи и искусства въ настоящее время еще не богатъ подлинниками, но и въ немъ есть уже нѣсколько рѣдкихъ и цѣнныхъ древнихъ иконъ, складней и пр. предметовъ. Изъ иконъ замѣчательны 7 мѣсячныхъ миней XVII в. строгоновскихъ писемъ и 10 иконъ двунадесятыхъ праздниковъ XVII в., исполненныхъ однимъ изъ лучшихъ мастеровъ того времени въ греческомъ стилѣ; и икона Ев. Луки, писанная по преданію извѣстнымъ царскимъ иконописцемъ Симономъ Ушаковымъ. Въ особенности же цѣнны въ научно-художественномъ отношеніи 16 небольшихъ иконъ XVII в., писанныхъ на левкашенныхъ холстинныхъ пластинкахъ, поступившихъ въ древлехранилище въ текущемъ году изъ Козмина монастыря. Всѣ иконы одинаковаго размѣра $2^1/_2 \times 2$ вершк. и заключаютъ въ себѣ изображенія праздниковъ по тріоди постной и цвѣтной, начиная съ недѣли мытаря и фарисея и кончая недѣлею св. отецъ. Изображенія эти, не смотря на мелкость фигуръ, исполнены въ высшей степени изящно и тщательно, мелкія складки одеждъ шрафированы золотомъ тонко и изящно. Зданія, утварь и прочіе аксессуары украшены чрезвычайно художественными узорами, напоминающими лучшія изъ заставокъ древне-русскихъ рукописей. Художникъ любилъ травянистый узоръ и обладалъ тонкой кистью. На нѣкоторыхъ иконахъ фигуръ чрезвычайно много, на двухъ вершкахъ иногда до 50 фигуръ и всѣ онѣ выполнены отчетливо, рисунокъ относительно правильный, «доличное» вырисовано въ высшей степени тщательно и красиво: словомъ, эти иконы обладаютъ всѣми тѣми до-

стоинствами, свойственными мелкимъ иконамъ строгоновскихъ писемъ, которыя заставляютъ удивляться искусству строгоновскихъ мастеровъ. Въ этомъ же отдѣлѣ древлехранилища находится нѣсколько шитыхъ золотомъ и шелками воздуховъ, покрывалъ Св. Даровъ и хоругвей XV, XVI и XVII вв. Между ними особенно замѣчателенъ образъ пр. Козмы Яхринскаго чудотворца, представляющій собою прекрасный образецъ искуснаго золотошвейнаго шитья XVII в.

Къ этому же отдѣлу относятся двое замѣчательныхъ царскихъ вратъ XV в. Одни изъ нихъ найдены высокопреосвященнымъ Ѳеогностомъ въ церковной кладовой среди ветхой церковной утвари въ Муромской Николо-Набережной церкви. Врата эти имѣютъ 2 арш. 2 верш. въ высоту, 1 арш. 2 верш. въ ширину съ рѣзными столпцами и навѣсомъ. Всѣ врата украшены весьма тонкою вызолоченою рѣзьбою клѣтчатаго рисунка, которая подобно кружеву покрываетъ обѣ половинки дверей и навѣсъ: въ шести небольшихъ клеймахъ вставлены изящныя изображенія четырехъ евангелистовъ и Благовѣщенія. На полукругломъ навѣсѣ въ трехъ клеймахъ изображены Св. Троица и таинство Евхаристіи. На столпцахъ въ клеймахъ изображены Спаситель, Божія Матерь, серафимы, апостолы и святители Вся рѣзьба исполнена «въ греческомъ стилѣ», а также и живопись, которая къ сожалѣнію весьма запылена и закопчена, такъ что ее нужно промыть и вычистить. Вообще врата эти представляютъ рѣдкій по красотѣ и изяществу памятникъ древне-русскаго искусства. Другія врата XV в. найдены среди разнаго хлама въ Суздальской Входоіерусалимской церкви. Онѣ также украшены рѣзьбой вглубь и раскрашены синей и красной краской и мѣстами вызолочены. Рисунокъ, представляющій тонкія травы, довольно изященъ. Размѣромъ онѣ одинаковы съ предыдущими; жаль, что въ клеймахъ не сохранилось древнихъ иконъ, которыя замѣнены новѣйшими, а также нѣтъ при нихъ ни столпцевъ, ни тябла, которые несомнѣнно раньше были. Кормѣ подлинниковъ древлехранилище пріобрѣло и нѣсколько снимковъ съ тѣхъ памятниковъ византійскаго и древне-русскаго искусства и иконографіи, которые имѣютъ важное значеніе при изученіи исторіи искусства, а между тѣмъ не могутъ быть пріобрѣтены въ подлинникахъ. Древлехранилище при семъ имѣетъ въ виду дать возможность познакомиться съ болѣе замѣчательными памятниками искусства и иконографіи ученикамъ школъ иконописи, учрежденныхъ Александро-Невскимъ Братствомъ, и воспитанникамъ духовной симинаріи съ цѣлію возбудить въ нихъ любовь къ древне-русскому искусству. Такъ при самомъ открытіи древлехранилища въ него поступило отъ высокопреосвященнаго Ѳеогноста собраніе точныхъ фотографическихъ снимковъ, иллюминованныхъ красками, съ недавно открытыхъ подъ штукатуркою фресокъ XII — XV вв. Владимірскаго Успенскаго собора, затѣмъ фотографическіе снимки съ фресокъ Благовѣщенскаго въ Москвѣ собора XV в., точные фотографическіе снимки съ мозаикъ Кіево-Софійскаго собора, Спасо-Нередицкой и Староладожской Георгіевской церкви, Дмитріевскаго собора и т. п., а также точные гипсовые слѣпки съ барельефовъ Дмитріевскаго и Успенскаго соборовъ во Владимірѣ, съ Покровской на Нерли церкви и съ Святославова Юрьевскаго собора 1230 г. числомъ болѣе сорока.

Отдѣлъ древлехранилища, состоящій изъ предметовъ церковной утвари, заключаетъ въ себѣ нѣсколько древнихъ крестовъ, деревянныхъ потировъ, древнихъ ларцовъ, кадилъ, священныхъ облаченій, деревянныхъ брачныхъ вѣнцовъ и пр. Между ними замѣчательны: а) деревянные брачные вѣнцы въ формѣ зубчатой короны и въ формѣ шапки Мономаха, б) брачные вѣнцы лубочные и холщевые съ обычными изображеніями; а также в) 46 холщевыхъ антиминсовъ XV—XVII вв., поступившихъ на храненіе изъ ризницы

архіерейскаго дома: два изъ нихъ священы митрополитомъ Геронтіемъ при Іоаннѣ III, и г) нѣсколько богослужебныхъ облаченій изъ крашенины.

Послѣдній отдѣлъ древлехранилища — нумизматическій открылся только въ текущемъ году, благодаря поступившимъ сюда, по распоряженію начальника губерніи І. М. Судіенко, монетамъ изъ бывшаго музея при Владимірскомъ статистическомъ комитетѣ. Монеты эти относятся къ XVI—XVII и XVIII вв.— русскія преимущественно, впрочемъ есть нѣсколько и иностранныхъ и восточныхъ саманидскихъ монетъ.

Кромѣ сего, въ древлехранилище собираются портреты историческихъ дѣятелей преимущественно Владимірскаго края. Кромѣ портретовъ царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича, Екатерины II, Павла I, Александра I здѣсь есть портреты епископовъ владимірскихъ Виктора, Іустина и др.

Таково Владимірское церковно-историческое древлехранилище. Предметы древности, собраные здѣсь и приведенные въ порядокъ, могутъ быть изучаемы всѣми любителями археологіи. Находясь здѣсь въ безопасномъ мѣстѣ, древности эти отнынѣ будутъ спасены отъ гибели, которой подвергались весьма многія изъ нихъ.

† Въ ночь на 7-е марта, **Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ,** на 83 году, извѣстный всей юридически образованной Россіи какъ юристъ, неутомимо трудившійся на ученомъ поприщѣ до конца дней своихъ. Еще въ началѣ февраля, выпущенъ имъ въ свѣтъ шестой томъ предпринятаго имъ изданія, подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще»—въ которомъ заслуженный професоръ и докторъ правъ создалъ достойный памятникъ своей болѣе чѣмъ полувѣковой ученой дѣятельности. Талантливый, хотя и своеобразный лекторъ, излагавшій свой предметъ (энциклопедію права и исторію философіи права) въ чрезвычайно стройной системѣ, хотя и не безъ педантичной сухости, обусловливаемой отчасти трудностями со стороны стиля и языка, который приходилось не только примѣнять, приноравливать, но даже прямо создавать при изложеніи отвлеченнаго предмета,—строгій экзаменаторъ—Рѣдкинъ оставляетъ въ своихъ бывшихъ слушателяхъ память человѣка въ высшей степени справедливаго, прямого, нелицепріятнаго и искенно преданнаго наукѣ. Изданіе. начатое Рѣдкинымъ съ рѣдкой энергіей на исходѣ седьмого десятка, остается цѣннымъ вкладомъ въ нашей оригинальной юридической литературѣ и пока является единственнымъ въ этой области. Рѣдкинъ родился въ Ромнахъ, въ 1808 году, воспитывался въ Нѣжинскомъ лицеѣ, въ Московскомъ и Дерптскомъ университетахъ и довершилъ свое образованіе за границей, въ Германіи, гдѣ между прочимъ особенно увлекался Гегелемъ и его философіей, господствовавшей въ то время надъ всѣми философскими ученіями. Возвратившись изъ за границы и выдержавъ испытаніе на степень доктора правъ, Рѣдкинъ въ 1835 году былъ назначенъ профессоромъ въ Московскій университетъ, гдѣ оставался до 1849 года, а въ 1863 году назначенъ ординарнымъ профессоромъ Петербургскаго университета. Въ промежуткѣ П. Г. служилъ по удѣльному вѣдомству, а въ концѣ 70 хъ годовъ управлялъ департаментомъ удѣловъ. Кромѣ 6-ти томовъ его труда «Изъ лекцій по исторіи философіи права», имъ изданы ранѣе: «Юридическія записки», «Библіотека для воспитанія», «Обзоръ Гегелевой логики» и въ журналѣ «Учитель» помѣщались статьи его по педагогикѣ. Рѣдкинъ былъ ректоромъ Петербургскаго университета, деканомъ юридическаго факультета и членомъ государственнаго совѣта.

† 12-го марта, отъ разрыва сердца, главный докторъ Александровской больницы въ память 19-го февраля 1861 года, **Николай Петровичъ Васильевъ,** одинъ изъ самыхъ выдающихся врачей петербургскаго городского управле-

нія. Васильевъ окончилъ курсъ въ Медико-Хирургической Академіи въ 1874 г. и поступилъ въ число ординаторовъ клиники Боткина, гдѣ и оставался до октября 1876 года. Въ этомъ году онъ былъ откомандированъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Турцію и пробылъ тамъ всю русско-турецкую кампанію. По возвращеніи въ Россію, въ 1880 г. Васильевъ получилъ степень доктора медицины и въ этомъ же году отправленъ Медико-Хирургической Академіей за границу на два года съ научною цѣлью. Во время заграничной командировки Н. П. занимался въ клиникахъ и лабораторіяхъ Страсбурга, Вѣны и Парижа. Въ 1882 г., по возвращеніи изъ-за границы, Н. П. былъ назначенъ старшимъ ординаторомъ Городской Барачной больницы, черезъ годъ получилъ званіе приватъ-доцента академіи и по ея порученію сталъ читать лекціи по діагнозу внутреннихъ болѣзней военнымъ врачамъ, прикомандированнымъ къ академіи. Со времени вступленія на городскую службу въ 1882 году Н. П. Васильева, не было въ городскомъ управленіи ни одной работы, ни одного предложенія, касающагося больничнаго дѣла, въ которомъ онъ не принялъ бы близкаго участія; онъ помогалъ устройству первой городской дезинфекціонной камеры, проектировалъ мѣропріятія на случай появленія холеры въ Петербургѣ, работалъ при составленіи проектовъ гигіенической станціи, положенія о городскихъ больницахъ, по устройству сыпной больницы, и по многимъ другимъ подобнымъ дѣламъ. 20-го іюля 1889 г. Н. П. былъ назначенъ, по спеціальной рекомендаціи С. П. Боткина, главнымъ врачемъ Александровской больницы и занималъ эту должность до самой смерти. Н. П. состоялъ также редакторомъ сначала «Еженедѣльной Клинической Газеты» и затѣмъ «Больничной Газеты Боткина». Покойный умеръ, не имѣя еще 40 лѣтъ и оставилъ послѣ себя многочисленную семью. Въ лицѣ покойнаго городское управленіе и столичное населеніе лишилось неутомимаго труженника въ дѣлѣ охраненія общественнаго здравія.

† 15-го марта внезапно отъ разрыва сердца въ Вильнѣ директоръ Виленскаго учительскаго института, **Михаилъ Архиповичъ Дуровъ.** Ему было всего 48 лѣтъ. Онъ прослужилъ въ Вильнѣ болѣе десяти лѣтъ и пользовался уваженіемъ со стороны всѣхъ, кто зналъ его. Онъ родился въ 1842 г. въ селѣ Грановѣ, Каменецъ-Подольской губерніи. Его отецъ былъ солдатъ Сумскаго гусарскаго полка Архипъ Дуровъ, родомъ изъ Вологодской губерніи, а мать — жмудинка, изъ гор. Поневѣжа. Священникъ этого города настоялъ на томъ, чтобы Дурова послала сына Михаила въ такъ называемюй «ланкастерскій» классъ. Началъ учиться мальчикъ и учился прекрасно, но не разъ готовилъ уроки и читалъ при свѣтѣ углей въ печкѣ. Жизнь была трудная и сыну приходилось самому добывать средства, чтобы продолжать ученіе въ гимназіи. Въ 1863 г. Дуровъ окончилъ курсъ гимназіи съ медалью. Заработавъ на частныхъ урокахъ нѣсколько десятковъ рублей, онъ отправился чрезъ Ригу и Петербургъ въ Москву, куда прибылъ, съ 15-ю рублями въ карманѣ, но съ полной вѣрой въ свои силы и съ рѣшимостью, во что бы ни стало учиться въ университетѣ. Когда пришло извѣстіе о назначеніи Дурову стипендіи, рублей по 15 въ мѣсяцъ, онъ почувствовалъ себя окончательно спасеннымъ. Въ 1867 г. М. А. окончилъ курсъ въ университетѣ и былъ назначенъ учителемъ русскаго языка въ брестскую прогимназію. Черезъ два года онъ женился и переведенъ въ Вильну учителемъ русскаго языка въ открывшійся тогда учительскій еврейскій институтъ. Въ 1877 г. ему было предложено мѣсто директора Молодечненской семинаріи для приготовленія народныхъ учителей для школъ чисто-народныхъ. Въ 1884 году онъ былъ назначенъ директоромъ учительскаго института городскихъ учителей. М. А. Дуровъ, вышедшій изъ простого народа, добившійся энергіей и трудомъ возможности получить серьезное образованіе, въ эти

послѣдніе 14 лѣтъ находился вполнѣ въ своей сферѣ: онъ не только понималъ, но и чувствовалъ пользу и значеніе образованія народа. Онъ владѣлъ стихомъ, но никогда стиховъ своихъ не печаталъ. По ночамъ, въ свободное время, онъ читалъ постоянно греческихъ и римскихъ поэтовъ въ подлинникѣ: Иліада и Одисея были любимымъ чтеніемъ его для отдыха и удовольствія. Покойный писалъ для печати не много, но все, что онъ печаталъ, свидѣтельствовало о богатой мысли, начитанности и замѣчательномъ умѣніи владѣть языкомъ. Такъ были имъ написаны статьи о произведеніяхъ графа Алексѣя Толстого, отрывки изъ исторіи брестской прогимназіи, біографическій очеркъ митрополита Іосифа Сѣмашка и др. Въ послѣдніе годы онъ былъ занятъ мыслью о составленіи русской христоматіи для народныхъ училищъ Сѣверо-Западнаго края. Планъ уже выработанъ и тщательно обдуманъ. Смерь отняла, быть можетъ, одну изъ замѣчательныхъ книгъ у русской педагогической литературы.

† 18-го марта, въ Царскомъ Селѣ, знатокъ горнаго дѣла, горный инженеръ, **Оскаръ Александровичъ Дейхманъ**, долго служившій въ Нерчинскомъ краѣ. Это была личность необыкновенно свѣтлая, съ огромнымъ образованіемъ, гуманная, съ широкими взглядами, принадлежавшая къ лучшимъ людямъ стараго поколенія, носившаго самые дорогіе идеалы. При обширныхъ познаніяхъ, недюжинномъ умѣ, Дейхманъ могъ бы играть несравненно болѣе видную роль, но онъ отличался чрезмѣрною скромностью и предпочиталъ поэтому оставаться въ тѣни и довольствовался ролью скомнаго труженника науки. Онъ былъ знакомъ едва ли не со всѣми декабристами, жившими въ Сибири, и его разсказы объ этихъ людяхъ заключали въ себѣ массу цѣннаго матеріала для характеристики ихъ, множество подробностей о ихъ жизни. Управляя Петровскимъ желѣзнымъ заводомъ при Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ, О. А. привелъ его въ блестящее состояніе, возвелъ цѣлый рядъ построекъ, учредилъ больницу, школы, перестроилъ тюрьму. Онъ привелъ золотопромышленное дѣло въ цвѣтущее состояніе, сберегая силы рабочихъ, улучшая условія ихъ быта и вмѣстѣ съ тѣмъ зорко наблюдая за правильнымъ ходомъ работъ. Восточная Сибирь и понынѣ помнитъ, какою любобовью онъ пользовался и среди товарищей и подчиненныхъ, и среди рабочихъ. Прослуживъ около четверти вѣка въ Сибири, О. А. сталъ служить въ Петербургѣ, гдѣ и оставался до самой смерти на службѣ въ горномъ вѣдомствѣ. Здѣсь онъ дѣятельно работалъ въ качествѣ члена комиссіи при министерствѣ финансовъ для приведенія въ извѣстность настоящаго положенія и потребностей Приамурскаго края и острова Сахалина, а также по ревизіи тюремъ въ Финляндіи. Горное дѣло любилъ онъ какъ свое родное и, посвятивъ на служеніе ему всѣ свои силы и способности, участвовалъ цѣлымъ рядомъ статей въ «Горномъ Журналѣ», «Странѣ» (Л. А. Полонскаго), «Восточномъ Обозрѣніи» и другихъ изданіяхъ. Онъ былъ душою здѣшняго Сибирскаго кружка и много помогалъ учащейся молодежи изъ сибиряковъ. Весьма полезнаго сотрудника потеряло въ немъ и Общество ночлежныхъ домовъ. Служа консультантомъ по золотымъ пріискамъ у Ѳ. И. Базилевскаго, покойный отдавалъ большую часть заработка на нужды бѣдняковъ, которые къ нему обращались и, вообще, много творилъ добра въ тайнѣ. Всѣ сколько-нибудь знавшіе О. А. искренно оплакивали его кончину. Онъ умеръ 73 лѣтъ. Родился онъ на Алтаѣ, 9-го іюля 1818 года, и курсъ спеціальнаго образованія окончилъ въ 1841 г. въ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ. Кромѣ статей въ упомянутыхъ изданіяхъ, онъ выпустилъ и отдѣльную книгу: «Поиски золота буреніемъ и развѣдка пріисковъ въ связи съ разработкой золотоноснаго пласта».

† 29-го марта, въ Петербургѣ извѣстный литераторъ, археологъ, знатокъ искусства, особенно русскаго, и дѣятельный членъ Историческаго Об-

щества **Петръ Николаевичъ Петровъ**, на 64-мъ году. Онъ родился 19-го іюня 1827 г. и началъ писать и печататься уже въ возростѣ зрѣломъ. Его первая статья «Евграфъ Петровичъ Чемесовъ, русскій граверъ», явилась въ «Библіотекѣ для чтенія», А. Ѳ. Писемскаго, въ 1860 г. и была плодомъ долговременнаго изученія исторіи русской живописи и начертательныхъ искуствъ, которыми онъ занимался, находясь въ Академіи Художествъ. Съ этого времени онъ сталъ усиленно трудиться надъ разборомъ историческихъ актовъ, надъ матеріалами для русской исторіи и археологіи, посвящая досуги и белетристикѣ. Въ «Энциклопедическомъ словарѣ» П. Л. Лаврова онъ помѣстилъ болѣе 300 статей по отдѣламъ искусствъ, русской исторіи, топографіи Петербурга, всеобщей исторіи и проч. Дѣятельно сотрудничалъ въ это время въ «Сѣверномъ Сіяіи» Генкеля и «Илюстраціи» В. Зотова, помѣстивъ въ обоихъ изданіяхъ массу біографій русскихъ художниковъ и другихъ лицъ и нѣсколько разсказовъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ «Нивѣ» и «Всемірной Иллюстраціи», съ самаго ея основанія въ 1868 г., гдѣ кромѣ цѣлаго ряда статей по своей спеціальности, велъ отдѣлъ геральдики и составилъ для издателя Гоппе «Альбомъ русскихъ сказокъ и былинъ», «Альбомъ 200-лѣтняго юбилея Петра I», біографію Петра и продолжалъ неоконченный романъ Нестора Кукольника «Іоаннъ III». До этого онъ еще работалъ въ журналѣ «Всемірный Трудъ», гдѣ помѣстилъ интересную статью: «Житье-бытье Петербурга». Въ 1865 г. онъ описывалъ древности церкви Крестовоздвиженской (Николы въ Труниловѣ) въ Посадской улицѣ, по порученію князя А. А. Суворова и найденныя въ этой церкви знамена стрѣлецкія представилъ Александру II, докладывая о нихъ государю весьма подробно, цѣлыхъ четверть часа. За это сvнодъ разослалъ предписаніе, уполномочивавшее П. Н. разсматривать всѣ церкви въ столицѣ и въ окрестностяхъ въ археологическомъ отношеніи. П. Н. напечатаны два довольно цѣнныхъ труда: «Сборникъ матеріаловъ для исторіи петербургской Академіи Художествъ» за сто лѣтъ ея существованія и «Исторія русскихъ дворянскихъ родовъ». Въ послѣднее время онъ весь отдавался огромному и копитальному изданію, предпринятому Историческимъ Обществомъ—«Словарю русскихъ дѣятилей (умершихъ) отъ начала образованности до нашихъ дней», собравъ для него массу матеріала, за этимъ трудомъ и умеръ. Ему принадлежитъ также рядъ историческихъ романовъ, изъ которыхъ довольно извѣстны: «Царскій судъ», «Балакиревъ», «Семья вольнодумцевъ». П. Н. отличался обширною памятью и способностью работать неутомимо, иногда къ ряду цѣлыя сутки. Онъ былъ членомъ многихъ обществъ ученыхъ и художественныхъ, всюду дѣлалъ доклады, всюду и вездѣ поспѣвалъ, обнаруживая постоянно энергію, живость и необычайную суетливую дѣятельность. Вообще это былъ необыкновенно выносливый чернорабочій литературы. Къ нему вполнѣ можно примѣнить извѣстные стихи баснописца Хемницера: «Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился—и умеръ голъ, какъ голъ родился». П. Н. Петровъ не оставилъ послѣ себя ничего, кромѣ добраго имени и вороха печатной и писанной бумаги, которые такъ дорого стоили ихъ владѣльцу и которые, пожалуй, ничего не стоятъ на «базарѣ житейской суеты».

† **Ксаверій Лиске**, польскій ученый, историкъ, который, по признанію самихъ польскихъ некрологовъ, не оставилъ никакого выдающагося историческаго труда, занимался лишь отдѣльными монографіями по избранной для изслѣдованія эпохѣ, рылся въ архивахъ, посвятилъ себя сравнительно мелочнымъ трудамъ, обработкѣ научнаго матеріала, а между тѣмъ на его смерть и продолжительныя предсмертныя страданія откликнулась вся польская публицистика, ставящая его рядомъ съ Шуйскимъ. Такое единодушное признаніе показываетъ, что у этого работника исторической науки были

дѣйствительныя, хотя не громкія и не эфектныя заслуги, выпадающія обыкновенно на долю организаторовъ, какимъ именно и былъ Ксаверій Лиске, профессоръ всеобщей исторіи и бывшій ректоръ Львовскаго университета.

Уроженецъ Познанской провинціи (род. 1838), Лиске воспитывался въ нѣмецкихъ школахъ и университетахъ, слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ, въ Берлинѣ. Первые труды, касавшіеся царствованія Сигизмунда I, Лиске написалъ по-нѣмецки и помѣстилъ въ спеціальныхъ изданіяхъ «Historische Zeitschrift» Зибеля и «Forschungen zur deutschen Geschichte» Вайца. Тѣсную связь съ этими трудами имѣла вышедшая въ 1867 г. въ Лейпцигѣ докторская диссертація Лиске «Polnische Diplomatie im Jahre 1526». Сюжетомъ и способомъ выработки этихъ первыхъ трудовъ опредѣляется и вся позднѣйшая дѣятельность Лиске. Онъ до конца жизни остался вѣренъ избранной эпохѣ, времени Сигизмунда стараго; особенно привлекало его начало XVI столѣтія по отношенію къ дипломатическимъ сношеніямъ Польши съ Германской имперіей. Молодой историкъ уже и тогда выказалъ особенность своего дарованія: ограничиваясь добросовѣстной обработкой и воспроизведеніемъ одного факта, не стремился къ болѣе широкимъ темамъ, не увлекался философскими изысканіями историческихъ проблемъ, а писалъ лишь критическіе этюды и монографіи, и въ этомъ смыслѣ сдѣлался основателемъ цѣлой школы. «Изученіе польской исторіи потому встрѣчаетъ особенно большія трудности,— говорилъ онъ,— что матеріаловъ издана лишь небольшая часть; они все еще хранятся въ разныхъ библіотекахъ, монастырскихъ архивахъ и частныхъ коллекціяхъ».

Выступивъ въ свѣтъ въ 1867 г. «Очерками изъ исторіи XVI вѣка», Лиске пріобрѣлъ болѣе извѣстности и въ 1869 г. получилъ приглашеніе принять на себя во Львовѣ изданіе «Актовъ городскихъ и земскихъ», 14 томовъ которыхъ, вышедшихъ до сихъ поръ въ свѣтъ, и составляютъ его главное историческое наслѣдіе. Каѳедра дала возможность Лиске занять видное положеніе въ научныхъ польскихъ кругахъ и тѣмъ способствовать переходу мѣстной исторической науки изъ «поэтическаго», дилетантскаго періода въ «критическій научный». Оставаясь сотрудникомъ журнала «Historische Zeitschrift», онъ постоянно помѣщалъ тамъ отчеты о состояніи польской исторической науки. Можно сказать, что Лиске составлялъ единственное звено между польской и общеевропейской наукой: статьи и матеріалы, касавшіеся всеобщей исторіи, онъ издавалъ также на языкахъ шведскомъ и испанскомъ, чѣмъ пріобрѣлъ извѣстность за границей. Большей заслугой Лиске остается все-таки содѣйствіе отечественному научному движенію, какъ непосредственными трудами по изданію и обработкѣ источниковъ, такъ и сформированіемъ цѣлой школы этого критическаго направленія среди своихъ слушателей. Созданіемъ Лиске было львовское историческое общество; имъ же основанъ и спеціальный органъ послѣдняго «Kwartalnik historyczny» (о первыхъ годахъ котораго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» сообщались критическіе отзывы). Этимъ Лиске старался объединить всѣхъ тружениковъ по польской исторіи въ одно цѣлое. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, на съѣздѣ польскихъ историковъ, Лиске, уже совсѣмъ больной, провелъ мысль объ основаніи «научныхъ кружковъ» въ городахъ и мѣстечкахъ края, чтобъ этимъ путемъ будить въ провинціи (т. е. помимо Львова и Кракова) научный интересъ и умственную жизнь. Что эти кружки должны были дѣйствовать въ строго польскомъ духѣ и направленіи—видно, между прочимъ, изъ того, что самъ Лиске, вопреки протестамъ нѣмцевъ-товарищей, первый началъ читать лекціи по-польски въ Львовскомъ университетѣ. Мы почти не касаемся здѣсь публицистической дѣятельности Ксаверія Лиске, небольшой по количеству, но очень характерной: достаточно указать на его энергическое выступленіе въ 1867 г. въ полемикѣ противъ Бисмарка по во-

просу о прошлыхъ временахъ польской исторіи. Въ полемикѣ онъ вообще отличался чрезвычайною ѣдкостью и несдержанностью, а выходка въ 1879 г., на юбилеѣ Крашевскаго противъ Россіи, даже въ нѣкоторыхъ польскихъ изданіяхъ вызвала неодобреніе. Трезвый изслѣдователь и издатель историческихъ источниковъ, насадитель научнаго метода въ разработкѣ польской исторіи, наконецъ, опытный и талантливый издатель перваго польскаго критико-историческаго журнала, Лиске заставляетъ забывать о своихъ полемико-націоналистскихъ увлеченіяхъ. Преемникомъ его по редактированію «Историческаго трехмѣсячника» (Kwartalnik) избранъ проф. Бальцеръ.

† 23-го февраля въ Вѣнѣ знаменитый славистъ, профессоръ **Францискъ Миклошичъ**. Онъ родился 7-го ноября 1815 г. въ Штиріи, въ 1837 г. защитилъ докторскую дисертацію по философіи въ Грацѣ и поступилъ доцентомъ по каѳедрѣ философіи въ Грацкій университетъ. Въ 1838 г. онъ переселился въ Вѣну, гдѣ защищалъ диссертацію на степень доктора правъ и занялся адвокатскою практикою. Знакомство съ Копитаромъ увлекло его къ занятіямъ языковѣдѣніемъ, и для большаго удобства этихъ занятій онъ поступилъ въ 1844 г. въ вѣнскую библіотеку. Уже первыя его работы, обнаружившія рѣдкое и основательное знаніе славянскихъ нарѣчій, обратили на него вниманіе и съ 1848 г. онъ былъ приглашенъ на должность профессора славянской филологіи въ Вѣнскомъ университетѣ, а съ 1851 г.—члена австрійской академіи наукъ. Что касается политической карьеры Миклошича, то въ 1848 г. онъ былъ избранъ членомъ перваго австрійскаго учредительнаго рейхстага, а въ 1862 г. назначенъ пожизненнымъ членомъ австрійскаго рейхсрата, гдѣ принадлежалъ къ либеральной конституціонной партіи. Изъ числа множества сочиненій Миклошича болѣе другихъ извѣстна его сравнительная грамматика славянскихъ языковъ и ученіе о звукахъ и формахъ старославянскаго языка. Имъ издано также много старочешскихъ памятниковъ славянскаго языка и законодательства, капитальный Lexicon palaeoslavenico-graeco-latinum и этимологическій словарь славянскихъ языковъ. Въ 1885 г. Миклошичъ отказался отъ каѳедры, и преемникомъ ему избранъ его ученикъ Ягичъ. Европейская и въ частности славянская филологія понесла въ лицѣ Миклошича весьма крупную утрату. Онъ работалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Въ прошломъ году вышло его послѣднее большое изслѣдованіе о турецкихъ элементахъ въ славянскихъ языкахъ, а въ нынѣшнемъ году мелкія изслѣдованія о существѣ народнаго эпоса и о соколиной охотѣ въ средніе вѣка.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

О происхожденіи слова «галиматья».

Въ помѣщенной въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статьѣ г. Фаресова «Живая рѣчь», въ которой приводятся выдержки изъ недавно вышедшихъ «Крылатыхъ словъ» С. В. Максимова, я между прочимъ нашелъ объясненіе о происхожденіи слова «галиматья».

Такъ какъ познакомиться съ трудомъ г. Максимова я, къ сожалѣнію, еще не имѣлъ случая, то и привожу объясненіе означеннаго слова въ редакціи г. Фаресова.

При словѣ «галиматья» на стр. 220 сказано: «Въ Парижѣ жилъ докторъ Галли Матье, лечившій паціентовъ хохотомъ, т. е. смѣшилъ ихъ анекдотами и т. п. галиматьей».

Будучи убѣжденъ, что г. Максимовъ одинъ изъ первыхъ знатоковъ русскихъ поговорокъ и русской народной рѣчи, я однако не могу не высказать нѣкоторыхъ сомнѣній въ вѣрности производства этого иностраннаго слова.

Слово «галиматья» несомнѣнно очень древняго происхожденія и о немъ упоминается уже въ старинномъ «Nouveau dictionnaire français-allemand» Barle 1669, стр. 489. Употребляется оно и на французскомъ языкѣ (galimafrée) и на древне-англійскомъ (gallimafrey); означаетъ оно на этихъ обоихъ языкахъ кушанье, составленное изъ разныхъ остатковъ и обрѣзковъ, и въ переносномъ смыслѣ не связную, запутанную рѣчь.

По мнѣнію извѣстнаго нѣмецкаго филолога Вейганда (см. «Deutsches Wörterbuch, Giessen 1873, стр. 519) и нѣмецкое Galimathias (Gallimathias, у Лессинга Galimatias), имѣющее то же значеніе, что и русское «галиматья», по всей вѣроятности происходитъ отъ одного изъ вышеназванныхъ словъ.

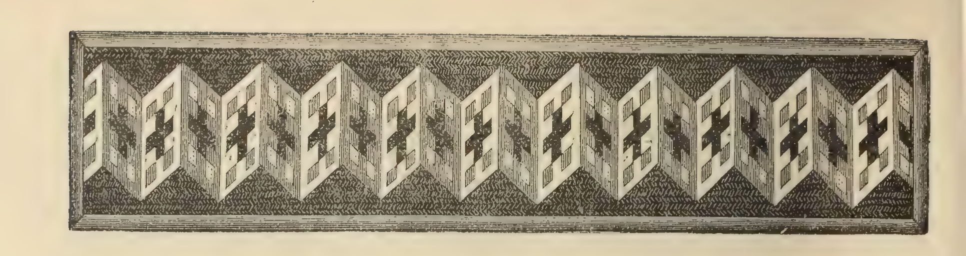
На средневѣковой латинѣ «ballimathia» «ballematia» означало неприличную, безнравственную пѣснь (см. «Diez. Wörterbuch» II, 315). Это научныя воспроизведенія слова «галиматья». Извѣстный же составитель «Лексикона иностранныхъ словъ», Dr. Joh. Chr. Gleyse, на стр. 375 своего труда, разказываетъ о происхожденіи «галиматья» слѣдующее:

Въ Парижѣ, на одномъ процессѣ объ украденномъ пѣтухѣ, у нѣкоего Матѳея, адвокатъ въ своей латинской рѣчи постоянно смѣшивалъ слова «gallus Mathiae» (пѣтухъ Матѳея) и «galli Mathias» (Матѳей пѣтуха). Изъ этого вышла «галиматья». Достовѣрность разсказа, какъ г. Максимова, такъ и нѣмецкаго ученаго Гейзе, конечно трудно провѣрить, а поэтому справедливѣе всего мнѣ кажется, придерживаться научнаго объясненія, даннаго филологомъ Вейгандомъ. **Влад. Чумиковъ.**

II.

Письмо въ редакцію.

Приготовляя къ изданію «Опытъ полной біографіи Александра Андреевича Иванова» съ фототипическими снимками съ его картинъ, эскизовъ и этюдовъ, я обращался къ тѣмъ личностямъ, о которыхъ мнѣ было извѣстно, что они могутъ доставить мнѣ снимки съ его работъ, или же какія-нибудь свѣдѣнія, служащія къ выясненію его личности, или художественной его оцѣнки. Но такъ какъ легко могутъ найтись люди, обладающіе этимъ столь цѣннымъ для меня матеріаломъ, о которыхъ мнѣ или вовсе неизвѣстно, или даже и извѣстно, но я не знаю, гдѣ ихъ найти, то я и рѣшился обратиться къ вамъ съ просьбою—дать мѣсто этому моему письму на столбцахъ вашего уважаемаго органа, чтобы такимъ образомъ, при помощи его, обратиться ко всѣмъ, имѣющимъ хотя самый незначительный матеріалъ, съ покорнѣйшею просьбою доставить его мнѣ. Самыя незначительныя свѣдѣнія, будучи присоединены къ массѣ другихъ, могутъ иногда пролить свѣтъ на темное до того времени явленіе, или же освѣтить его иначе, чѣмъ оно было освѣщено раньше. Всѣ свѣдѣнія прошу доставлять по слѣдующему адресу: Москва. Историческій музей. Алексѣю Петровичу Новицкому.

ВЫСТАВКА ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССІИ.

ВЪ ИСХОДѢ минувшаго марта мѣсяца членамъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества представлены были на обозрѣніе богатѣйшія коллекціи предметовъ древности, собранныя за послѣдніе три года Императорскою Археологическою Комиссіею. Обзору этой выставки посвящено было особое засѣданіе славяно-русскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ управляющаго Отдѣленіемъ графа А. А. Бобринскаго, занимающаго вмѣстѣ съ тѣмъ постъ предсѣдателя Императорской Археологической Комиссіи, въ помѣщеніи которой и происходило означенное засѣданіе. Собраніе было открыто привѣтственной рѣчью графа Бобринскаго, сказанной въ духѣ единенія всѣхъ археологическихъ учрежденій, послѣ чего графъ А. А. Бобринскій представилъ на усмотрѣніе Собранія лично имъ самимъ составленный каталогъ подлежащихъ обзору древностей, добытыхъ Императорской Археологической Комиссіей съ 1888 по 1890 годъ [1]).

Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ древностямъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о самой Археологической Комиссіи, недостаточно извѣстной среди интересующихся археологіей, при чемъ неясно представляется ея роль и ея отношенія ко всѣмъ другимъ археологическимъ учрежденіямъ.

Императорская Археологическая Комиссія при министерствѣ Императорскаго Двора существуетъ съ 2-го февраля 1859 года. На нее возложено: 1) розысканіе предметовъ древности, преимущественно относящихся къ отечественной исторіи и жизни народовъ, обитавшихъ нѣкогда въ предѣлахъ пространства, занимаемаго нынѣ Россіей; 2)собраніе свѣдѣній о находящихся въ государствѣ какъ народныхъ, такъ и другихъ памятниковъ древности; 3) ученая оцѣнка открываемыхъ древностей (см. Положеніе о комиссіи, ст. 2318, т. I, ч. II, Свода законовъ, ст. 2318, т. I, ч. II, Св. Зак., продолж. 1876 г. «Положеніе» это передано мною въ извлеченіи въ моей брошюрѣ:

---

[1]) Графъ А. Бобринскій. Выставка древностей, добытыхъ Императорской Археологической Комиссіей въ 1888—1890 гг. Спб. 1891, стр. 42.

«Курганы, ихъ раскопки, изслѣдованіе и нахожденіе кладовъ»). Замѣчательнѣйшія изъ вещей, открываемыхъ комиссіей или поступающихъ въ нее, представляются на возрѣніе Государя Императора и, съ соизволенія Его Величества, помѣщаются въ Императорскій Музей Эрмитажа или въ другія Высочайше назначаемыя мѣста. Древности, представленныя въ Коммисію, но не пріобрѣтенныя ею, возвращаются по принадлежности. По истеченіи каждаго года предсѣдатель комиссіи доставляетъ министру Императорскаго Двора отчетъ о ея дѣятельности для всеподданнѣйшаго представленія его на Высочайшее благоусмотрѣніе и, по Высочайшемъ разсмотрѣніи Отчета, извлеченіе изъ него печатается въ общее свѣдѣніе.

Такого рода извлеченія за время съ 1859 по 1881 годъ представляютъ цѣлый рядъ роскошно изданныхъ увражей, представляющихъ высокую цѣнность для художественной археологіи. Изданія комиссіи за послѣднее время отнюдь не измѣнили своей роскошной внѣшности, но сдѣлались чрезвычайно доступны по цѣнѣ. Таковы: «Сибирскія древности» академика Радлова, «Древности Сѣверо-Западнаго края» г. Авенаріуса. Цѣлый рядъ новыхъ изданій приготовленъ Комиссіей къ печатанію, а нѣкоторыя увидятъ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ, напримѣръ, изслѣдованіе профессора Мальмберга по Херсонесскимъ древностямъ.

Комиссія въ настоящее время помѣщается въ зданіи Эрмитажа (входъ съ Дворцовой набережной и съ Зимней канавки). По заслуживающимъ уваженія просьбамъ лицъ, желающихъ производить археологическія изысканія, Комиссія выдаетъ особые открытые листы, располагая которыми изслѣдователи могутъ расчитывать на содѣйствіе мѣстныхъ властей и во всякомъ случаѣ на безпрепятственное производство изысканій на казенныхъ земляхъ, а на частныхъ, соотвѣтственно нашему законодательству, съ согласія владѣльцевъ. Кромѣ того, каждое изъ археологическихъ обществъ получаетъ отъ Комиссіи, по мѣрѣ надобности потребное количество такихъ же открытыхъ листовъ, сообщая только имена лицъ, коимъ эти листы выдаются, и свѣдѣнія о предпринимаемыхъ означенными лицами изслѣдованіяхъ. Такимъ образомъ вполнѣ организовано центральное бюро для всѣхъ археологическихъ изслѣдованій въ Россіи, что̀, конечно должно благотворно отзываться въ направленіи научныхъ силъ, безъ всякаго стѣсненія, въ данномъ случаѣ, частной иниціативы, которая, напротивъ того, получаетъ еще такимъ путемъ особаго рода санкцію, ставящую изслѣдователя въ условія вполнѣ благопріятныя по отношенію къ мѣстнымъ властямъ и мѣстному населенію.

За послѣдніе годы дѣятельность Комиссіи выразилась съ блестящей стороны, о чемъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ коллекціи, выставленныя нынѣ въ трехъ залахъ перваго этажа помѣщенія Комиссіи.

Вещи эти добыты большей частью путемъ раскопокъ, произведенныхъ на средства Комиссіи, частью же благодаря случайнымъ находкамъ, присылаемымъ въ Комиссію мѣстною администраціею и частными лицами. Кромѣ того, въ Комиссію доставлено множество различныхъ монетъ и большое число рисунковъ, изображающихъ различныя древности. Таковы, напримѣръ, виды кургановъ Минусинскаго округа (изслѣдованіе Андріашева, Клеменца, Патканова и Кузнецова), развалинъ древней столицы Монголіи Каракорума, видѣвшей въ своихъ стѣнахъ въ XIV столѣтіи великаго князя Ярослава Тверскаго (рисунки эти относятся къ извѣстной экспедиціи Н. М. Ядринцева), рисунки древностей Ярославля, Ростова Великаго, палеографическіе снимки изъ Эчміадзина (работы Ѳ. Г. Бернштама) и мн. др.

О многихъ изъ предметовъ, занимающихъ выдающееся мѣсто въ коллекціи Императорской Археологической Комиссіи въ свое время сообщалось уже на засѣданіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества, каковы, напримѣръ, вещи Кіевскаго клада 1889 года, къ которому принадлежитъ великолѣпный золотой вѣнецъ, состоящій изъ девяти пластинокъ съ эмальированными изображеніями Деисуса. Сюда же относятся предметы, найденные при раскопкахъ въ Таврической губерніи Н. И. Веселовскимъ (1889) и Ю. А Кулаковскомъ (1889—1890) и въ Кубанской области Е. Д. Фелицинымъ (1888). Въ свое время каждая изъ этихъ находокъ возбуждала вниманіе періодической печати. Но если интересны отдѣльные предметы, каждый самъ по себѣ, то тѣмъ болѣе возбуждаетъ удивленіе коллекція, заключающая въ себѣ 333 №№, расположенная въ строго научномъ и систематически наглядномъ порядкѣ, представляющемъ полную картину какъ географическаго распредѣленія находимыхъ древностей отъ Шлиссельбурга до Каракорума и отъ Колы (шесть большихъ серебряныхъ шейныхъ обручей) до Херсонеса.

Этотъ послѣдній продолжаетъ давать находки наиболѣе увлекательныя не только для спеціалиста-археолога, но и для непосредственнаго любителя художествъ. Почти всю стѣну въ одной изъ залъ занимаетъ замѣчательное собраніе глиняныхъ формъ, изъ которыхъ нынѣ уже вытиснуты выставленныя здѣсь же многочисленныя фигуры. Терракоты необыкновенно изящны; особенной художественностью отличается сдѣланная въ кругѣ группа съ изображеніемъ Геркулеса и Омфалы; нѣсколько женскихъ головокъ преисполнены строгой красоты. Тутъ же обращаютъ на себя вниманіе: многочисленные обломки красивыхъ росписныхъ греческихъ вазъ, прекрасная, мраморная, высокая подставка съ художественно исполненной большой львиной головой, бюстомъ и лапами этого звѣря и рѣзная мраморная капитель. Капитель эта невольно заставляетъ задуматься. Она такъ же, какъ іонійская капитель развивается изъ растительнаго орнамента листьевъ аканта, но завершается по угламъ не завитками, а бараньими головами съ завивающимися рогами. Относится ли подобная капитель ко времени болѣе раннему, чѣмъ то, когда выработался уже іонійскій стиль, или же она представляетъ нѣчто, занесенное изъ странъ внѣевропейскихъ?

На ряду съ античными вещами изъ херсонесскихъ находокъ помѣщена также цѣлая коллекція найденныхъ здѣсь же предметовъ древне-христіанскаго искусства. Сюда относятся: обломки разноцвѣтной мозаики, украшавшей древніе христіанскіе храмы въ Херсонесѣ, а также сдѣланный изъ слоновой кости медальонъ съ изображеніемъ Спасителя, пластинки съ изображеніемъ креста, голубей, другихъ птицъ и нѣкоторые другіе предметы немаловажнаго значенія въ христіанской археологіи.

Исчерпать все содержаніе выставки Археологической Комиссіи мы затрудняемся въ настоящей наскоро написанной замѣткѣ, да къ тому же не считаемъ себя вправѣ предварять своими сообщеніями и соображеніями то, что, по поводу найденныхъ вещей Комиссія имѣетъ опубликовать въ своихъ мемуарахъ, опираясь на изслѣдованія спеціально для того приглашенныхъ знатоковъ дѣла. Наша задача сводится лишь къ тому, чтобы обратить вниманіе интересующихся древностями и искусствомъ вообще на собраніе предметовъ, которое теперь наглядно представляетъ успѣхи русской археологической науки за послѣднее трехлѣтіе.

Е. Гаршинъ.

Прошло нѣсколько долгихъ и вполнѣ безмолвныхъ моментовъ. Вдали конногвардейская музыка играла припѣвы изъ «Королевы Гортензіи». Затѣмъ вскорѣ послѣдовала старинная побѣдная пѣсня: «Станемъ бдѣть надъ незыблемостью Имперіи» (Veillons au salut de l'empire). Вдругъ по всей Карусели пронесся радостный возгласъ: на балконѣ дворца показался императоръ. При этомъ шумѣ, покинувъ свое кресло, министръ подошелъ къ отцу Марселя.

— Слышите, милостивый государь? Какой энтузіазмъ! Какіе радостные восторги! Въ наше время ни единый человѣкъ не осмѣлился бы утверждать, что молчаніе народовъ служитъ урокомъ для королей... Отнынѣ имперія несокрушима!

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ созерцалъ онъ старика, погруженнаго въ нѣмое удрученіе, затѣмъ, какъ бы тронутый состраданіемъ, обратился къ нему весьма дружескимъ тономъ:

— Не унывайте! Императоръ уважаетъ и любитъ васъ, любезный графъ, а мы, мы слѣпо вѣримъ въ вашу неподкупность...

— «Любезный графъ...» какая внезапная нѣжность!..

Послѣ коротенькой паузы министръ заговорилъ еще слаще.

— Господинъ Бенардъ, государственный совѣтъ имѣетъ сейчасъ собраться въ чрезвычайное засѣданіе... Вы примете въ немъ участіе, не такъ ли?

— Я?.. я?..—бормоталъ несчастный...—Нѣтъ!.. я не принадлежу болѣе къ совѣту и вручаю вамъ мою отставку.

— Какое безуміе!.. Мы не приниминаемъ ее.

— Однако,—съ горечью возразилъ графъ Брутъ,—не могу же я оставаться членомъ государственнаго совѣта, будучи отцомъ убійцы императора.

— Мы отказываемъ!.. Франціи слишкомъ необходимы ваши свѣточи... И такъ, вы явитесь въ засѣданіе. На немъ будутъ присутствовать всѣ министры, а также и я самъ. Въ скоромъ времени, мы разсчитываемъ представить на ваше разсмотрѣніе важныя предложенія: законъ общественной безопасности. Во всякомъ случаѣ, въ адресѣ, который сегодня государственный совѣтъ намѣренъ поднести государю, слѣдовало бы отъ лица самого совѣта потребовать этотъ законъ обузданія. Подобная инициатива явилась бы достохвальною для его членовъ, произвела бы превосходное нравственное впечатлѣніе и вручила бы намъ залогъ его преданности... Пора порѣшить съ анархистами и зачинщиками безпорядковъ! Требуйте вмѣстѣ съ нами лишенія правъ этихъ дурныхъ гражданъ, запятнавшихъ себя въ 1848 году, прежнихъ красныхъ,—мѣры эти, конечно, незаконны; онѣ дѣйствуютъ обратно, но черезчуръ справедливы, будучи вызваны необходимостью.

— Какъ же могутъ онѣ быть справедливыми, будучи незаконными?—несмѣло пробормоталъ Бенардъ.

Широко улыбаясь, министръ продолжалъ:

— Да, знаю... знаю! Все тотъ же вѣчный юридическій гоноръ вашъ! Онъ протестуетъ; онъ негодуетъ; онъ стáновится на дыбы! Сомнѣнія весьма почтенныя. Знаю... и не смолкаю... Дипломатическій корпусъ приметъ съ энтузіазмомъ... А вы, господа члены государственнаго совѣта? Вы обыкновенно не особенно-то податливы, маленечко съ норовомъ, являете собою маленькую оппозицію, настоящіе «enfants terribles»,—подите, знаемъ мы васъ всѣхъ наизусть! Среди вашихъ бунтовщиковъ найдутся такіе, которые начнутъ волноваться, вопіять о произволѣ и, быть можетъ, затормозятъ наши проекты... А вы, любезный другъ,—вы будете вотировать этотъ законъ. Даже больше того. Краснорѣчіе ваше пользуется вліяніемъ въ совѣтѣ; коллеги ваши, поклонники строгихъ теорій и высокихъ принциповъ, охотно присоединяются къ вашимъ мнѣніямъ. Помимо того—не оспаривайте—вы стоите во главѣ одной милой оппозиціи, опасной для насъ, а еще болѣе для васъ самихъ. И такъ, сегодня... сейчасъ... вы будете говорить!

Графъ Брутъ слегка приподнялъ чело:

— А моя совѣсть?—пробормоталъ онъ.

Фамильярнымъ жестомъ опустивъ руку свою ему на плечо, министръ возразилъ:

— Ваша совѣсть, милостивый государь?.. Она безъ труда пойметъ, что вы отецъ, что сынъ вашъ умоляетъ о помощи, а Франція повелѣваетъ.

Краска стыда залила лицо члена государственнаго совѣта; глаза его сверкали, губа презрительно оттопырилась. Но вдругъ поднявшись и смиренно поклонившись, онъ проговорилъ:

— Совѣсть моя слишкомъ хорошо поняла васъ, милостивый государь... Я готовъ защищать вашъ законъ.

Вслѣдъ затѣмъ нетвердымъ шагомъ направился онъ къ выходной двери, и на этотъ разъ министръ проводилъ его до порога своего кабинета.

IV.

Милость министра.

Когда дверь закрылась за графомъ Брутомъ Бенардомъ, статсъ-секретарь снова усѣлся въ свое кресло. Улыбка исчезла съ его лица; онъ снова сталъ самимъ собой, исполненный безпокойства и озабоченности.

На одинъ моментъ, казалось, онъ погрузился въ какое-то раздумье; на челѣ его выступили капли пота, нервныя подергиванія плечъ выдавали тайное волненіе его души. Немного погодя, онъ всталъ и лихорадочно заходилъ по комнатѣ. И вотъ, пробѣгая неровными шагами свой кабинетъ, по временамъ онъ останавливался

передъ одной картиной, — холстомъ съ пурпуровыми отблесками, работы Армана дю Плесси, изображавшей кардинала герцога Ришелье,—и подолгу всматривался въ него.

Созерцаніе этого чудовищнаго, великаго человѣка, этой «честности внѣ сомнѣній», закалило взволнованную его душу, — онъ снова занялъ свое обычное мѣсто и, дернувъ звонокъ, потребовалъ къ себѣ барона Евфраима.

— Приведите снова господина Марселя Бенарда и отошлите сопровождающаго его агента... Еще одно слово. Вотъ письмо къ моему коллегѣ по внутреннимъ дѣламъ; снесите его сами. Скажите ему, что я отвѣчаю за все... Но подъ условіемъ, чтобы мнѣ предоставили дѣйствовать по собственному моему усмотрѣнію! Мнѣ необходимо двадцать четыре часа... Я отвѣчаю.

Онъ протянулъ конфиденціальное посланіе хорошенькому секретарю, который вышелъ для выполненія его инструкцій.

Оставшись одинъ, министръ снова впалъ въ свое странное дурное настроеніе; охваченный дрожью, онъ поникъ челомъ на руки.

Шумъ тихо отворившейся двери заставилъ его снова приподнять голову. Вошелъ Марсель Бенардъ.

Нѣсколько секундъ протекли въ глубокомъ молчаніи.

Министръ суровымъ окомъ разглядывалъ молодого человѣка, скромно, почти боязливо ожидавшаго своего допроса. Наконецъ, съ театральнымъ жестомъ онъ объявилъ:

— Бенардъ, вы свободны!..

Недовѣрчивое удивленіе отразилось на лицѣ Марселя.

Тотъ продолжалъ:

— Я говорю: вы свободны!.. Поняли вы меня?

Голосъ его звучалъ рѣзко, лицо снова окуталось маской равнодушія. Онъ повторилъ:

— И такъ, вы свободны... Что̀ вы намѣрены теперь предпринять?

— То, что̀ мнѣ прикажутъ.

— Превосходно-съ... Во всякомъ случаѣ, вникните хорошенько. Я дѣйствую самовластно; офиціально дѣло не затушено; не сегодня—завтра васъ могутъ арестовать снова... Понимаете?.. Вижу, что нѣтъ. Буду говорить яснѣе... Сѣсть на скамью подсудимыхъ для васъ, какъ сына очень высокопоставленнаго государственнаго сановника, немыслимо... Какія же у васъ намѣренія?

— Удалиться изъ отчизны.

— Безсмысленный проектъ! Станутъ требовать вашей выдачи... Вы не поняли меня... Вы носите имя виконта Бенарда, вы — аудиторъ государственнаго совѣта, притомъ, отецъ вашъ занимаетъ высокій постъ въ имперіи. Необходимо удалить возможность судебнаго преслѣдованія противъ васъ, во что̀ бы то ни стало, даже цѣною исчезновенія... Достаточно ли ясно высказался я теперь?

Онъ остановился, въ ожиданіи отвѣта.

Оба собесѣдника взаимно обмѣривали другъ друга взглядами, храня при этомъ страшное молчаніе, съ ужасной блѣдностью на лицахъ... А время шло: полдень былъ недалекъ, ровно въ двѣнадцать часовъ назначенъ совѣтъ министровъ въ Тюльери!

— Ахъ, такъ вы не желаете понять, — рѣзко крикнулъ министръ...—А я считалъ васъ догадливымъ, да притомъ разсказывали, что вы не трусъ!.. Необходимо исчезнуть.

Отъ нанесенія этого оскорбленія Марсель задрожалъ; онъ прямо двинулся къ своему обидчику и, наклонившись къ нему, проговорилъ:

— Такъ вы требуете, милостивый государь, чтобы я наложилъ на себя руки?

Министръ сохранилъ свое равнодушіе.

— Ахъ,—произнесъ онъ наконецъ весьма медленнымъ тономъ,— вотъ ужасно громкое слово!.. Во всякомъ случаѣ, по вашей собственной волѣ... Я просто говорю: исчезнуть.

— Исчезнуть?—и Марсель болѣзненно разсмѣялся...—Согласенъ на менѣе громкое слово!.. Я понялъ.

Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, скрестилъ руки, затѣмъ, въ свою очередь, задалъ вопросъ:

— А что̀ ожидаетъ княгиню де-Карпенья?

— Женщина эта покинула Францію.

Марсель Бенардъ разразился новымъ взрывомъ хохота.

— Императорская милость! Понимаю! Еще бы не понять!.. Хорошо-съ!.. Въ такомъ случаѣ, сынъ очень высокопоставленнаго сановника готовъ умереть.

Въ эту минуту послышался бой стѣнныхъ часовъ Буля: било полдень. Министръ пальцемъ указалъ на часы.

— Исчезновеніе вполнѣ негласное, не правда ли?.. Въ особенности, безъ всякихъ семейныхъ сценъ, — пощадите вашего отца... Полдень!.. Господинъ виконтъ Бенардъ, въ вашемъ распоряженіи имѣется еще двадцать четыре часа.

Онъ поднялся, желая сразу оборвать разговоръ и съ тѣмъ же самымъ театральнымъ жестомъ заключилъ:

— У меня ваше слово... Вы свободны.

Сынъ графа Брута отвѣсилъ поклонъ и медленно вышелъ.

Когда же опустившаяся бархатная портьера снова окружила министра уединеніемъ и сосредоточенностью, онъ совершенно блѣдный опустился на канапэ.

— Жестоко!—пробормоталъ онъ...—быть можетъ, гнусно! но такимъ образомъ я избавляю имперію отъ скандала и позора.

V.

Христосъ Собора Богоматери.

Толпа, только-что наводнявшая площадь Карусели, разбрелась. Военный парадъ окончился: не видно было болѣе дефилирующихъ гренадеровъ, отмѣчавшихъ шествіе свое покачиваніемъ медвѣжьихъ шапокъ; замолкла мѣрная музыка барабановъ, оглашавшая поле брани; само собой, скрылись также восторженные зѣваки, а тѣмъ болѣе исчезла полиція; всякіе взгласы, въ родѣ «да здравствуетъ императоръ!» смолкли. На обширномъ Тюльерійскомъ дворѣ, вправо и влѣво отъ тріумфальной арки, лишь два кирасира гвардіи, составлявшіе парадный караулъ, верхомъ на лошадяхъ, казалось, застыли въ раструбистой чопорности своихъ красныхъ мантій. Дулъ сѣверный вѣтеръ; подъ синеватой блѣдностью небесъ холодъ отличался сухостью и сильной рѣзкостью, аквилонъ жестоко кусалъ прохожихъ за лица.

Графъ Бенардъ прошелъ ворота Карусели и добрался до Pont-Royal'я. Какъ бы одеревянѣвъ, не отдавая себѣ отчета ни въ своихъ дѣйствіяхъ, ни во времени, ни въ разстояніи, машинально подвигался онъ ко дворцу государственнаго совѣта... Но на углу павильона «Flore» онъ вдругъ остановился: сознаніе своего «я» снова возстало передъ нимъ... «Да, конечно, онъ долженъ говорить сегодня, защищать проектъ министровъ и, цѣною своей чести быть можетъ, спасти свое дѣтище; но моментъ жестокой казни еще не наступилъ». Цѣлыхъ три часа оставалось ему пробыть наединѣ самому съ собой!

Сдѣлавъ крутой поворотъ, Бенардъ вернулся назадъ и пошелъ нервной походкой. Онъ шелъ... на удачу... туда... вдоль безконечной линіи набережныхъ, угрюмымъ взоромъ созерцая подвижной холодъ Сены. Ничего неѣвъ со вчерашняго вечера, онъ испытывалъ дрожь, не смотря на потъ, выступившій отъ нервнаго напряженія, и въ ледяной струѣ рѣчного воздуха испытывалъ чувство жестокаго жара. Голова его сильно болѣла, а въ особенности сердце. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ идти, разговаривая вслухъ самъ съ собой, такъ что простонародье съ усмѣшками оглядывалось на него. По временамъ съ устъ его срывался гнѣвный возгласъ, онъ произносилъ: «негодяй!» Затѣмъ голосъ его быстро переходилъ въ жалобный, онъ шепталъ тогда: «несчастный!»

Бой часовъ вызвалъ его изъ этого состоянія сомнамбулизма наяву. Онъ стоялъ передъ ратушей, на фасадѣ Боккадора било полдень. Въ то же мгновеніе изъ церкви Saint-Gervais раздались три серебристыхъ колокольныхъ удара; одновременно отвѣтилъ имъ болѣе протяжный и торжественный колоколъ Saint-Severin. На

склонѣ горы Св. Женевьевы «Angelus» передавался изъ прихода въ приходъ: въ данный моментъ религiозная душа большого Парижа, казалось, въ общемъ полетѣ возносилась въ пространство, обитаемое Предвѣчнымъ... И очарованный графъ Бенардъ внималъ «Ave Maria» этихъ колоколовъ. Смущенiе овладѣло-таки его душой. Какъ онъ страждетъ и не обращается къ Богу!.. Направо, надъ домами, окаймлявшими рѣку, онъ примѣтилъ гордый профиль Собора Богоматери, двѣ башни, высившiяся къ небесамъ, строгiе контфорсы его нефа, мистическое сверканiе его свода:—цѣлое узорочье, цѣлый символъ вѣры, цѣлая рѣчь изъ камней... И тихо, торжественно призывалъ «Angelus» его душу. «Sancta Maria, ora pro nobis!..» О, да, Утѣшительница, въ день такой скорби, именно передъ Тобою благо выплакать горе.

Подчиняясь этому влеченiю, безутѣшный старикъ быстро добрался до паперти, — этого блаженнаго мѣста, въ ту пору столь живописнаго, гдѣ память о старинѣ весьма величественно выступаетъ и понынѣ; подъ сѣнiю Богоматери ютится здѣсь больница, домъ страданiй, окутанный плащемъ Матери Скорбей... Онъ переступилъ сѣверный порталъ, одну изъ четырехъ дверей, столь чудесно заклеймленныхъ дiаволомъ, и вступилъ въ базилику. Церковь въ это время дня была почти пуста. Подъ переливающейся пестротой большой розетки, нефъ простиралъ свое безконечное безмолвное уединенiе до самой глубины хоровъ; нижнiя боковыя стороны, потонувъ въ полномъ мракѣ, выдѣлялись кривой линiей въ тѣни колоннъ боковой галереи. Органы безмолвствовали; священнослужители удалились; службы отошли; ни малѣйшiй шорохъ не нарушалъ священной тишины Собора Богоматери. Въ настоящую минуту это былъ именно — Домъ Божiй, таинственная обитель Существа Совершеннаго, исполненная тайны. Здѣсь, въ этомъ мракѣ, въ этомъ обширномъ безмолвiи, началѣ и концѣ всего земного—гораздо лучше нежели при звукахъ человѣческихъ голосовъ, смолкавшихъ столь быстро, лучше, нежели при свѣтѣ возженныхъ свѣтильниковъ, затухавшихъ съ тою же быстротой,—могъ онъ сосредоточиться на Непрерывномъ, Безконечномъ, «Никогда» и «Всегда», Вѣчномъ и Настоящемъ.

Въ нижней сторонѣ «Септантрiона», куда направилъ стопы свои графъ Бенардъ, рѣшетки боковыхъ галерей были закрыты. Одна изъ нихъ оказалась однако полуотворенною; онъ открылъ ее и подошелъ къ алтарю... Тутъ, ужъ думалось ему, никто, по крайней мѣрѣ, не помѣшаетъ его исповѣди передъ Господомъ.

Въ первый моментъ онъ совсѣмъ не замѣтилъ въ полутьмѣ какого-то страннаго предмета, прислоненнаго къ стѣнѣ. Это было гигантское распятiе, произведенiе XII вѣка, неуклюжее и грандiозное. Своими неопытными руками удивительный мастеръ, авторъ этой фигуры, хотѣлъ вложить въ это древо всю страстность,

всю нѣжность, весь ужасъ, весь мистицизмъ своего христіанскаго міровоззрѣнія. Онъ избралъ тотъ моментъ, когда Сынъ Божій, послѣ соприкосновенія своего съ страданіемъ сдѣлавшись истинно человѣкомъ, обратилъ къ Отцу Своему вопль своего человѣческаго отчаянія—это ужасное «Lamma sabachtani... Для чего ты оставилъ меня?» Ноги и руки его повисли. Конвульсировавшій бюстъ въ худобѣ своей обнаруживалъ скелетъ грудной клѣтки; съ чела, увѣнчаннаго терніемъ, и изъ бока, прободеннаго Лонгеномъ, струилась кровь, на подобіе слезъ; голова, въ ужасной агоніи, свисла на плечо; широко раскрытый, зіяющій ротъ, казалось, грозилъ разразиться взрывомъ хохота;—еще нѣсколько моментовъ, и Божественное дыханіе готово было перенестись съ Распятія на Іерусалимъ, на язычниковъ, на весь міръ. «Consummatum est!» Свершилось!.. При блѣдно багровой окраскѣ, зависѣвшей отъ цвѣтныхъ стеколъ одного церковнаго окна, распятіе это производило потрясающее впечатлѣніе.

Графъ Бенардъ совсѣмъ не замѣтилъ его. Изнемогая отъ усталости, дрожа въ лихорадкѣ, онъ грузно опустился на стулъ, спиною къ этому изображенію. Всѣ мысли, всякая чувствительность притупились въ немъ, душа, какъ будто, впала въ летаргію.

Неясный шумъ шаговъ и пѣнія привели его наконецъ въ себя. Въ сѣверномъ трансептѣ отправляли скромную похоронную службу; месса была безъ пѣнія, въ боковой капеллѣ, безъ всякаго органа; по временамъ только раздавалось простое монотонное псалмопѣніе,—это были скромные похороны одного изъ скромныхъ людей міра сего.

Изъ того мѣста, гдѣ стоялъ графъ Бенардъ, ничего не было видно; однако, тѣмъ не менѣе, въ головѣ его мелькнуло... еще одинъ несчастный, освобожденный отъ горя!.. Вспомнивъ, что онъ явился сюда для молитвы, онъ опустился на колѣни. Но молитва давалась ему медленно и съ трудомъ; горячая молитва никакъ не выливалась изъ его сердца... «Отче нашъ... да будетъ воля Твоя»... О, какъ жестока она была, Твоя воля, Господи, Ты, Который посылалъ такое испытаніе старику и отцу.

Вскорѣ рѣчь священника заглушилась псалмопѣніемъ пѣвчихъ. Они провозглашали страшную истину, гимнъ смятенія «Dies irae»... И придавленная душа графа Бенарда внимала и переводила: «День гнѣва, день дней! Смерть развернула свое знамя; свѣтъ разсыпался во прахъ...» Но вотъ мало-по-малу этимъ человѣкомъ, насторожившимъ свое ухо, начала овладѣвать странная галлюцинація. Ему представилось, будто онъ заживо присутствуетъ на собственныхъ своихъ похоронахъ... Онъ, столько времени судившій людей, самъ теперь подвергался суду; онъ предсталъ передъ Неподкупнымъ: явился въ судъ защищать свое собственное дѣло... Голоса псалмопѣвцевъ жалобно взывали:

«О несчастный, какой отвѣтъ могу дать я? Какую защиту

найду себѣ въ сей часъ, когда самый чистый праведникъ вострепещетъ?»

И онъ отвѣтствовалъ:

— Вотъ! я всегда исполнялъ Твои заповѣди; соблюдалъ посты и изнурялъ себя воздержаніемъ. Каждое утро набожно выслушиваю я обѣдню и нѣсколько разъ въ году пріобщаюсь Святыхъ Твоихъ Таинъ. Я христіанинъ. За что̀ же столь сурово бичуешь Ты служителя Твоего закона?

Онъ продолжалъ:

— Я всегда былъ неподкупенъ, я воплощенная совѣсть! Никогда не касался я личности преступника, а занимался лишь его проступкомъ. Помню, когда однажды въ засѣданіи суда я обвинялъ одного очень богатаго убійцу, семейство его попробовало предложить мнѣ кушъ денегъ, если бы я нашелъ смягчающія вину его обстоятельства,—но голова убійцы упала... Помню также, какъ преслѣдуя, по обязанности своей, нѣкоего злостнаго банкрота, отъ родственника этого фальсификатора, лиходѣя министра, я получилъ предложеніе прекратить преслѣдованіе, и тѣмъ не менѣе воръ отправился на галеры. Я очень бѣденъ!.. За что̀ же бичуешь Ты столь жестоко такого честнаго человѣка?

Вдругъ дрожь пробѣжала по немъ. Откуда исходитъ этотъ насмѣшливый голосъ, проникшій все существо его, и вопрошавшій:

— ...А Савелли?

Графъ Бенардъ круто повернулся и тутъ у стѣны узрѣлъ воздѣтаго распятаго Господа, который смѣялся... Онъ смѣялся, потрясаемый глухимъ гнѣвомъ, смѣхомъ Того, Который пришелъ не миръ принести на землю, а мечъ...

Угрюмымъ взоромъ созерцалъ галлюцинаторъ это грозное явленіе. Затѣмъ охваченный ужасомъ, упалъ онъ на плиту, ницъ къ землѣ, уподобляясь тѣмъ серафическимъ монахамъ, которые доходили до седьмой степени экстаза, когда передъ ними разверзалась завѣса, окутывающая Адоная... Теперь молитва овладѣла его сердцемъ, снѣдая его, подобно той жгучей лавѣ, о коей свидѣтельствуютъ мистики:

— Да, да Ты Правосудный, Богъ Правды, отвращающій лицо свое отъ крашенныхъ гробовъ и фарисейской совѣсти!.. Савелли! Кровь этого человѣка на моемъ судейскомъ одѣяніи, на рукахъ моихъ, какъ честнаго человѣка, на всемъ существѣ моемъ! Она топитъ, душитъ меня!.. Савелли! Я получилъ награду за это избіеніе, и награда моя еще при мнѣ... «pecunia mea mecum»: я членъ государственнаго совѣта!.. Савелли! О тайна Правосудія, неумолимое терпѣніе вѣчности!.. Дочь этого человѣка убиваетъ мое дѣтище. Она мое возмездіе; она мое нравоученіе... Боже, Боже, Боже!

Приподнявъ голову и протягивая къ кресту свои сплеснутыя руки, онъ восклицалъ:

— Предвѣчный, Предвѣчный! Ты наказуешь меня!.. И такъ, Ты правъ! ибо мерзка душа моя, а сердце гнусно! Я только-что совершилъ нарушеніе закона: я предалъ свою совѣсть! Я обѣщалъ этому министру, который подкупилъ меня, защитить его законъ,— законъ глусный, который будетъ поражать невинныхъ, законъ отчаянія, который заставитъ проливать слезы такихъ же отцовъ, какъ я!.. Научи, о научи, что̀ мнѣ дѣлать!

И вотъ, при блѣдномъ свѣтѣ оконницы, почудилось ему, что гнѣвный смѣхъ преобразился въ кроткую улыбку и здѣсь... передъ собой... здѣсь, увидѣлъ онъ Христа, медленно поднимавшаго главу свою, какъ будто для того, чтобы яснѣе передать слово своей заповѣди:

— Исполнить долгъ твой!—приказалъ тихій голосъ.

— Долгъ мой?—задыхаясь повторила бѣдная измученная душа...— А Марсель, несчастное дитя мое?

Но съ той же загадочной и кроткой улыбкой Христосъ подтвердилъ:

— Да, долгъ твой, безъ малѣйшаго нарушенія, долгъ твоего искупленія... дабы наконецъ, другъ мой, я могъ дать тебѣ лобзаніе мира.

VI.

Государственный совѣтъ.

Само собой разумѣется, что государственный совѣтъ второй имперіи являлся громаднымъ собраніемъ, стоявшимъ вполнѣ на высотѣ своего старшаго легендарнаго брата, редактора гражданскаго кодекса и конкордата, столь же трудолюбивымъ, какъ и онъ, знатокомъ въ дѣлахъ, въ высшей степени интелигентнымъ, честнымъ и благороднымъ. Это было средоточіе судей, избранныхъ при кассаціонной палатѣ; это былъ цвѣтъ первыхъ президентовъ и генералъ-прокуровъ аппеляціонной палаты, нѣсколькихъ префектовъ, знаменитыхъ инженеровъ, славныхъ солдатъ и восьми членовъ Института. Тогда говорили,— и говорили справедливо,— что душа Франціи вся цѣликомъ переселилась въ этотъ совѣтъ... И онъ фактически жилъ, совсѣмъ просто творя великія дѣла. Труды его были упорны, потуги—мощны; онъ являлся созидателемъ. Всѣ эти декреты, различные административные регламенты, способствовавшіе столь сильному, быть можетъ, даже чрезмѣрному обогащенію Франціи — все это было дѣломъ его рукъ. Кодексы наши были исправлены, согласно, прогрессивному поднятію уровня нравственности и аксіомамъ экономической политики, введеннымъ въ наши законы; между капиталомъ и трудомъ—установлена гармонія; среди пролетаріата, благодаря призрѣнію его бѣдняковъ—достигнуто уменьшеніе нищеты. И на ряду съ этими законами общественнаго че-

ловѣколюбія приняты были также мѣры общественной пользы — народное богатство возросло и даже достигло избытка, восемнадцать тысячъ желѣзно-дорожныхъ путей окутало нашу страну; порты: Марсель, Гавръ, Бордо, Брестъ—расширены; Шербургская плотина, поглотившая безплодныя усилія шести правительствъ — завершена; Saint Nazaire воздвигся изъ плоскихъ песчаныхъ береговъ Лоары; помимо того—степи были оплодотворены, и нездоровыя болотистыя мѣстности, оздоровленныя отъ лихорадокъ, покрылись лѣсами и пастбищами; города наши — оздоровлены или перестроены,—вотъ что сдѣлали члены этого государственнаго совѣта: Мишель Шевалье, Леплей, Бонжо, Вюитри, Форкадъ, Германъ, Сорнюдэ, Франкевилль, Жантёръ, Конти, Кармененъ, Вюилльфруа... и еще одинъ, имени котораго единственно я не смѣю, не могу назвать: простыя, но благоговѣйныя воспоминанія, — ибо я желалъ привѣтствовать здѣсь лишь тѣхъ, которые покоятся уже вѣчнымъ сномъ... Увы! почему это французское отечество, столь щедро воздающее почести празднымъ краснобаямъ и пустозвонамъ, почему же оно утратило самыя имена этихъ великихъ людей долга?.. Не потому ли, что они стремились исключительно творить добро? Да, въ теченіе восемнадцати лѣтъ, они были самой душой Франціи, ея мужествомъ, ея честью. Посреди необъятнаго молчанія всей націи они одни умѣли поднимать свой голосъ, но съ единственной цѣлью—быть полезными, безъ личной выгоды, безъ всякихъ театральныхъ декламацій, безъ погони за унизительной популярностью, безъ другихъ рукоплескателей, помимо своей собственной совѣсти. Это были честные люди [1])...

Было около трехъ часовъ, когда, оправившись, наконецъ, отъ своего экстаза, графъ Бенардъ вышелъ изъ собора Богоматери. Все еще удрученный своимъ продолжительнымъ мистическимъ видѣніемъ, онъ съ трудомъ усѣлся въ карету и приказалъ везти себя во дворецъ д'Орсей. Зало верховнаго совѣта было полнехонько; всѣ, начиная съ министра и кончая аудиторомъ, заняли уже свои мѣста. Это зало верховнаго совѣта (уничтоженное пламенемъ, возженнымъ комунной) занимало въ то время почти всю длину фасада на Сену. Оно составляло продолговатый четыреугольникъ, площадь котораго вмѣщала около двухсотъ мѣстъ. Величественныя колонны изъ бѣлаго мрамора съ бронзовыми капителями украшали его; но общій видъ, равно какъ и убранство его, носили скорѣе характеръ суровости. По стѣнамъ цѣлый рядъ панно обрамлялъ картины. Надъ всей коллекціей доминировалъ знаменитый холстъ Ипполита Фландрена «Наполеонъ Законодатель». Стоя на

---

[1]) Пишущій это былъ знакомъ съ ними; онъ имѣлъ возможность созерцать ихъ во всей святой гордости исполненнаго долга, и призракъ этихъ неподкупныхъ людей никогда не изгладится изъ его памяти.

верхней ступени императорскаго трона, съ челомъ, увѣнчаннымъ лаврами, въ своей пурпуровой тогѣ, усѣянной пчелами, блѣдный цезарь принялъ іератическую позу и обѣими руками поднялъ новый законъ новыхъ временъ—свой Наполеоновскій кодексъ. Вправо и влѣво на другихъ картинахъ изображены были его вѣрные слуги: большіе портреты юристовъ XII года — Камбасересъ, Порталисъ, Троншэ, Мерленъ, Реньо де сенъ Жанъ д'Анжели. Совѣты двухъ имперій такимъ образомъ находились лицомъ къ лицу...

На противоположной сторонѣ виднѣлись стеклянные просвѣты, эстрада съ креслами президента и министровъ, передъ этой платформой — скамьи и высокія кресла членовъ государственнаго совѣта; внизу залы помѣщались стулья болѣе скромныхъ докладчиковъ и аудиторовъ. Трибуны не полагалось никакой, за исключеніемъ той, которая предназначалась для чтенія докладовъ,—каждый ораторъ говорилъ съ своего мѣста... Такое стѣсненіе собственно навязано краснорѣчію стоумной Англіей въ ея парламентѣ, породившемъ Берковъ и Шеридановъ, въ тѣхъ видахъ, дабы простота непрестанно служила гарантіей добросовѣстности. За то въ этой благословенной странѣ свободы никогда и не существовало тѣхъ всенародныхъ безумствъ толпы, порождаемыхъ громкими трескучими фразами, подъ вліяніемъ размашисто театральныхъ жестовъ.

Въ виду предстоявшихъ продолжительныхъ дебатовъ, зало было уже освѣщено, и оконныя сторы опущены; но подъ высокими потолками и при обширности залы, лампы и подфакельники распространяли лишь полусвѣтъ.

Засѣданіе не было еще объявлено открытымъ и худо сдерживаемое волненіе наполняло ропотомъ гудѣвшее зало. Старые члены государственнаго совѣта, съ удрученнымъ видомъ, перешептывались втихомолку между собою; болѣе шумные докладчики и гг. аудиторы расположились группами и взапуски тараторили одинъ передъ другимъ. Взаимно передавали подробности ужаснаго покушенія въ улицѣ Le Peletier, указывая на число французовъ, пострадавшихъ отъ итальянскихъ бомбъ; бесѣдовали также о таинственномъ законѣ общественной безопасности, содержаніе котораго вскорѣ должно было стать извѣстнымъ; находились даже такіе, которые повторяли мѣткое слово министра: «Пора намъ, наконецъ, взнуздать этого звѣря!» Но кого же разумѣли подъ этимъ «звѣремъ», которому хотѣли заткнуть глотку и поломать зубы?.. Францію ли съ послѣдними ея вольностями, или же революцію безъ отечества? Въ самомъ дѣлѣ, должно ли было однимъ уничтожить другое!

Между тѣмъ едва съ высоты эстрады раздалась стереотипная фраза президента—«Господа, засѣданіе открыто», какъ онъ самъ немедленно взялъ на себя слово.

Барушъ, съ своей величественной головой почетнаго стряпчаго,

съ своими внушительными усами и священной плѣшью, былъ прекраснѣйшій ораторъ... Состоявъ прежде генералъ-прокуроромъ въ Парижѣ, онъ сохранилъ благороднѣйшія привычки своей юридической дѣятельности,—торжественный, въ родѣ Ламоннньона, плодовитѣе самого Морманжи, велерѣчивый безо всякаго краснорѣчія, онъ имѣлъ способность говорить обо всемъ, за всѣхъ, противъ всякаго, кипя одинаковымъ пыломъ, въ порывѣ того же самаго многословія, всегда возбужденный, всегда убѣжденный, — однимъ словомъ, адвокатъ великолѣпный. И такъ, онъ началъ говорить. Онъ говорилъ выразительно, онъ негодовалъ, осуждая огуломъ все, и людей и дѣла, заклиная дорогихъ коллегъ своихъ присоединиться къ осужденію страны... Государственный совѣтъ готовилъ къ представленію адресъ императору; но адресъ этотъ долженъ дышать любовью и ненавистью и рѣшительно насиловать слишкомъ мягкую душу монарха, требуя отъ него энергическихъ мѣръ противъ политическаго вѣроломства, его зачинщиковъ и ихъ соумышленниковъ, короче сказать, — закона всеобщей безопасности.

По окончаніи этой пышной рѣчи, слово было предоставлено государственному канцлеру. Гораздо менѣе цвѣтистый, министръ юстиціи, маленькій, сухой, хрупкій человѣчекъ, ограничился лишь разборомъ десяти пунктовъ проекта закона, подлежавшаго обсужденію. Это былъ ужасный законъ, одинъ изъ тѣхъ leges horrendi carminis, какъ опредѣлили бы его латинскіе юристы.

Многія изъ предложенныхъ мѣръ отличались истинной жестокостью.

Чудовищной, обратно дѣйствующей силой, ставились внѣ обычнаго права и предоставлялись на произволъ префектовъ, чуть ли не въ ручныя кандалы полиціи, всѣ тѣ, кто семь лѣтъ тому назадъ боролся противъ введенія имперіи. Простого постановленія министра достаточно было для изгнанія ихъ изъ отечества, даже для ссылки ихъ въ какія-либо мѣста заключенія. Такимъ образомъ, передъ великими ссыльными снова должны были развернуться тяжкія дороги изгнанія; кладбищу de Lambessa предстояло еще разъ пополниться отверженными... «Звѣремъ», котораго хотѣли обуздать намордникомъ, была сама Франція... О, Франція, старая земля Галліи, слишкомъ долго попираемая римскими цезарями, откуда такая масса братоубійственной ненависти въ сердцахъ твоихъ сыновъ? Откуда это вѣчное и вѣчное безуміе осужденія на смерть въ твоихъ сынахъ? Увы! о изобрѣтательница революціонныхъ судилищъ, превотальныхъ судовъ, смѣшанныхъ комиссій, верховныхъ юридическихъ судовъ, всѣмъ правительствамъ, правившимъ твоимъ народомъ — была ли то монархія, имперія или республика — не броситъ ли удивленная исторія съ презрѣніемъ всѣмъ имъ одно и то же названіе—тираннія!

Разборъ проекта закона былъ встрѣченъ съ холодной вѣжли-

востью. Вскорѣ, однако, худо сдерживаемый ропотъ сталъ раздаваться то тамъ, то сямъ... Отъ совѣта желали вырвать голосъ врасплохъ... Законъ оказывался противозаконнымъ!... Это было дѣло мести, а не правосудія!... Наступило глубокое молчаніе ожиданія... Кто же дерзнетъ заговорить?

Въ это время статсъ-секретарь наклонился къ президенту собранія, послѣ чего тотъ немедленно обратился къ собранію съ вопросомъ:

— Господа, не пожелаетъ ли кто-либо сказать свое слово?

И посреди этого великаго молчанія раздался одинъ голосъ:

— Я!

И графъ Брутъ Бенардъ поднялся съ своего мѣста.

VII.

Лобзаніе мира.

Явившись за нѣсколько минутъ до открытія засѣданія, графъ Бенардъ, избѣгая своихъ коллегъ, прошелъ прямо на свое обычное мѣсто, на третьей скамейкѣ, направо отъ предсѣдателя. Скрестивъ руки и закрывъ глаза, онъ, какъ казалось всѣмъ окружающимъ, дремалъ. Всѣ знали, что онъ боленъ, снѣдаемъ меланхоліей, имѣетъ свои странности,—и это отчужденіе уважалось.

Но онъ бодрствовалъ и тѣломъ, и духомъ. Подъ опущеннымъ покровомъ своихъ вѣкъ онъ видѣлъ... Ему рисовалось былое: Марсель его маленькимъ ребенкомъ, рядомъ съ бѣлокурой головкой своей сестры наклоняетъ свою каштановую голову надъ евангеліемъ, по которому они учатся читать и молиться: «Это слово, Марсель, есть сладкое имя Іисуса. — Папа, это добрый Боженька всѣхъ дѣтей, не правда ли? — Да, Тотъ, Который вознаграждаетъ родителей, соединяя ихъ нѣкогда и на вѣки съ дорогими ихъ сердцу.—Папа, такъ это рай?»... Далѣе онъ видѣлъ: время пробѣжало такъ быстро! Малютка его сталъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ, мужчиной съ сильной, здоровой наружностью, который, преклонивъ передъ нимъ колѣна, говоритъ: «Сегодня я иду биться за честь вашу. Благословите меня, батюшка!»... Затѣмъ онъ услышалъ раздирательное рыданіе, крикъ отчаянія: «Прости мнѣ, отецъ, я былъ въ безуміи... никогда!» — «Отецъ!» какъ въ радости, такъ и въ горѣ одинъ призывъ — «Отецъ!» Ахъ, несчастный! бѣдное, о, бѣдное, дорогое дѣтище!... И двѣ крупныхъ слезы тяжело скатились на неподвижныя щеки старика.

Вдругъ призракъ исчезъ: засѣданіе началось. Графъ Бенардъ открылъ глаза и очень внимательно сталъ прислушиваться къ рѣчамъ. Онъ бросилъ свое «я» зычнымъ голосомъ, вызвавъ продолжительный гулъ въ залѣ. Все собраніе обернулось къ нему; всякій всматривался въ него съ томительнымъ удивленіемъ.

А онъ, поднявшись, но опираясь обѣими руками на свой пюпитръ, держался такимъ согбеннымъ, слабымъ, что можно было заподозрить въ немъ близость къ обмороку. Странная дрожь потрясала его время отъ времени, и въ зеленоватой блѣдности ламповаго свѣта, лицо его казалось совсѣмъ бѣлымъ.

Началъ онъ говорить съ оглушительной ноты. Мало-по-малу, однако, звукъ становился увѣреннѣе, тембръ звучнѣе и скоро дрожащій голосъ его доносился до послѣднихъ уголковъ внимавшей залы:

— Господа, насъ созвали сюда по безотлагательной необходимости, и вотъ мы здѣсь налицо!... Что же требуется отъ насъ! Преклоненіе безъ возраженій или наши мнѣнія? апплодисменты или совѣты? Г. президентъ только-что позволилъ себѣ высказать: «Сперва примите; обсудите потомъ». Формулировка безразсудная, предложеніе, по меньшей мѣрѣ, странное. Оно отвергнуто уже вашимъ молчаніемъ. Но нѣмой протестъ не можетъ удовлетворить вашъ духъ. Мы состоимъ членами государственнаго совѣта имперіи; честь ея въ опасности; въ такомъ случаѣ вопли наши должны достигнуть до слуха императора. Душѣ нашей не доступно вѣроломство, угодничества ради, и величіе собранія измѣряется высотою его долга... Господа, исполнимъ долгъ нашъ!...

Торжественное вступленіе это было встрѣчено съ нѣкоторой ажитаціей. Приближенные президента, государственные секретари, притворно улыбаясь, дѣлали видъ, что заняты разговоромъ.

Графъ Бенардъ продолжалъ:

— И такъ, на наше голосованіе предлагается законъ мнимой общественной безопасности. Намъ только-что объявили: Франція больна,—пустимъ же ей кровь со всѣхъ четырехъ концовъ; безжалостные врачеватели; ее разлагаетъ гангрена, давайте кроить и кромсать безъ малѣйшей пощады!... Въ дни Преріала, господа, въ II году такимъ образомъ разсуждалъ Робеспьеръ...

Слово его было прервано возраженіемъ:

— Прошу безъ подобныхъ сопоставленій, милостивый государь.

Графъ Бенардъ взглянулъ на того, кто въ такой формѣ прервалъ его: это былъ одинъ изъ министровъ. И обернувшись къ эстрадѣ, гдѣ всѣ они засѣдали, онъ продолжалъ:

— ...Да, я понимаю: имя это рѣжетъ вамъ ухо; поищемъ другихъ въ томъ же родѣ... Ну-съ! возьмемъ два прошлыхъ правительства, по моему, являющихся вашими вдохновителями, служа для васъ скорѣе образцами, нежели нравоученіемъ. Вотъ они были изобрѣтателями исключительныхъ законовъ, безпощадными заточителями, орудіемъ мести, но отнюдь не творителями правосудія. Въ 1640 году они именовались Стюартами: они исчезли! Въ 1815 году имя ихъ было—Бурбоны: гдѣ же они?.. На дѣлѣ выходитъ, что кровь человѣческая является слишкомъ плодотворною росою, посѣвомъ ненависти, безъ пощады, преступленій—безъ угрызеній

совѣсти! Но наступаетъ время, когда она вопіетъ къ Всевышнему, и Господь внимаетъ ей. Приннъ пригвожденъ къ вертящемуся позорному столбу... но вотъ, въ свою очередь, и Карлъ I возводится на эшафотъ! Мишель Нэй падаетъ, прострѣленный пулями насквозь... за нимъ съ ножемъ въ рукѣ возстаетъ Лувель! Подъявшій мечъ отъ меча погибнетъ. Ты заставилъ людей проливать слезы, не миновать и тебѣ самому проливать ихъ. Ты созвалъ превотальные суды или военный Венсенскій совѣтъ? твоимъ возмездіемъ будетъ—Горицъ, а твоимъ—Св. Елена! Patiens quia aeternus... А мы, господа, являлись ли мы представителями настоящаго Правосудія? Нѣтъ. Во что̀ обратили мы побѣду во время сумятицы 2-го декабря? Какое жалкое заблужденіе нашей силы! Недостойные побѣдители, вечеромъ въ день сраженія развѣ не добивали мы нашихъ побѣжденныхъ? Вспомните это множество изгнаній и ссылокъ! Вспомните...

— Вспомните, милостивый государь, собственныя свои дѣянія!— крикнулъ ему дерзкій голосъ.

Статсъ-секретарь поднялся съ своего мѣста, весь красный отъ гнѣва. Оба противника обмѣрили взглядами другъ друга. Наконецъ, поникнувъ челомъ, графъ Бенардъ медленно произнесъ:

— Мои дѣянія?.. Да, да, я не забываю о нихъ... никогда, никогда! За семь лѣтъ я слишкомъ хорошо позналъ, что значитъ угрызеніе совѣсти!

Министръ сдѣлалъ угрожающій жестъ:

— Съ подобными угрызеніями, милостивый государь, скрываются въ уединеніи!

На этотъ разъ старикъ выпрямился во весь ростъ и громогласно заявилъ:

— Вы требуете отставки моей, господинъ министръ... Вы не получите ея. Отставляйте меня сами, если у васъ хватитъ на то смѣлости. Во всякомъ случаѣ, скажу еще одно: нѣкогда изъ сего самаго государственнаго совѣта самый гордый и честнѣйшій человѣкъ, второй Порталисъ, былъ изгнанъ однимъ мановеніемъ руки императора: «Вонъ отсюда, милостивый государь, выйдите вонъ!» И онъ вышелъ: онъ преклонился передъ рукой, носившей Аркольское знамя!.. Но на оскорбленіе, сорвавшееся лишь съ вашихъ устъ, я поднимаю голову и остаюсь. Я остаюсь, ибо если я и готовъ пасть, то сраженный на посту... на посту, чтобы крикнуть вамъ, мои коллеги: отклоните ихъ законъ; онъ пагубенъ! Отвергните его; это подлый законъ!

Въ залѣ поднялось шумное смятеніе. Всѣ министры прервали засѣданіе; собраніе трепетно волновалось; никогда подобная дерзость не потрясала слишкомъ спокойную независимость совѣта. Президентъ кипятился, сожалѣя о происшедшемъ скандалѣ. Наконецъ онъ обратился къ графу:

— Вы все сказали, милостивый государь?

Между тѣмъ графъ Бенардъ опустился на свое кресло, закрывъ глаза, свѣсивъ руки, склонивъ голову, и, казалось, находился въ обморочномъ состояніи. Мертвенная блѣдность лица его свидѣтельствовала о страшныхъ внутреннихъ страданіяхъ. Но при словахъ «Вы все сказали?» онъ снова всталъ и, собравъ всѣ свои силы, заговорилъ:

— Нѣтъ! не все еще сказалъ я. Но теперь заклятіе свое обращаю уже не къ совѣту; вопль мой направленъ къ моему государю... Ахъ, ваше величество! пожалѣйте сами себя, а въ особенности вашу семью. Исторія открыла для насъ грозное правило: въ семьѣ королей наслѣдникъ является искупителемъ за своихъ родителей! Обратите вниманіе на всѣхъ послѣднихъ Валуа, эту злосчастную линію Екатерины Медичи, погибшихъ одинъ за другимъ въ тупоуміи, безуміи, въ крови! Обратите также ваше вниманіе на Людовика, дофина Франціи, бѣднаго маленькаго Копетинга,—искупительную жертву за насилія предка и адюльтера дѣда, заключенную въ тюрьму Тампля... О, ваше величество, сжальтесь надъ вашимъ императорскимъ принцемъ! пощадите хрупкую колыбель, исполненную столькихъ надеждъ и убаюкиваемую съ такой любовью! Этотъ сынъ Франціи, по стольку же онъ и намъ сынъ, всѣхъ насъ... Пощадите! Берегитесь на этомъ дорогомъ существѣ скопить отдаленный гнѣвъ Предвѣчнаго Бога! Онъ невиненъ; не дѣлайте его отвѣтственнымъ! Да не опустятся нѣкогда руки наши отъ горя и удивленія! Дабы никогда искупитель за своего отца...

Вдругъ старикъ пронзительно вскрикнулъ, пошатнулся, взмахнулъ въ воздухѣ руками и рухнулъ на полъ со всего размаха. Лицо его исказилось конвульсіями, и окровавленная слюна потекла изъ его рта.

Другое восклицаніе, раздавшееся изъ устъ собранія, было отвѣтомъ на скорбный его возгласъ:

— Доктора!.. Скорѣе, доктора!

Членъ государственнаго совѣта Будуа, извѣстный ученый, наклонился надъ тѣломъ, разорвалъ одежду, и, освидѣтельствовавъ сердце, въ ужасѣ прошепталъ:

— Разрывъ отъ аневризма!..

Гнетущій испугъ овладѣлъ совѣтомъ. Всѣ суетились, толпясь вокругъ больного.

Онъ былъ неподвиженъ. Посреди наступившей тишины слышно было, какъ съ каждой минутой стихалъ гулъ его хрипѣнія; жизнь угасала.

Однако, онъ еще разъ пошевелилъ головой и нѣсколько неясныхъ словъ слетѣли съ его устъ:

— Марсель!.. и ты также... бѣдняжка... бѣдняжка...

Затѣмъ послѣдовалъ тяжелый вздохъ, и голова его поникла.

Къ прибытію доктора все было уже кончено... Графъ Брутъ Бенардъ скончался—умеръ, согласно собственному его желанію,—сраженный на посту, въ моментъ последней битвы, вынесенной имъ ради долга. Богъ Собора Богоматери,—Христосъ съ сладкой улыбкой,—не обманулъ его: дѣло помилованія его совершилось. Онъ удостоился лобзанія мира.

VIII.

Непонятныя рыданія.

Въ это время, въ домѣ на авеню де-Бретёйль, Мари-Анна поджидала своего родителя.

Она совсѣмъ не выходила въ этотъ день, предпочитая наединѣ всецѣло отдаться своимъ думамъ. Сидя за роялемъ и своими искусными пальцами заставляя его попеременно то пѣть, то смѣяться, то плакать, она цѣлые часы упивалась музыкой, уносясь въ безконечность мечты. Одна мелодія, а именно нѣкая жалобная бретонская пѣсня слышанная ею недавно въ Корнуальскомъ краѣ, монотонная, душу раздирающая, особенно часто повторялась въ ея игрѣ: «...Чтобы положить меня туда, надо тонкое покрывало, сладкое покрывало, которое обвиваетъ и обряжаетъ насъ въ землѣ... Такъ какъ завтра я умру».

Но вдругъ она остановилась, вспыхнувъ: въ комнату входилъ Марсель.

Маленькая хромоножка быстро захлопнула инструментъ. Она обернулась и въ смущеніи точно преступница, застигнутая на мѣстѣ преступленія, смотрѣла на брата, съ трудомъ бормоча:

— Ты! Это ты!.. Наконецъ-то!.. Наконецъ!..

— Папа вернулся? — глухимъ голосомъ спросилъ молодой человѣкъ.

Сначала она не отвѣтила на его вопросъ: ее ужаснуло мрачное выраженіе его лица; затѣмъ, однако, произнесла:

— Сегодня утромъ его потребовали къ статсъ-секретарю. Но въ настоящую минуту онъ долженъ быть въ совѣтѣ: тамъ чрезвычайное собраніе, навѣрное, по поводу вчерашнихъ событій... ты слышалъ, покушеніе на жизнь императора.

— Знаю,—рѣзко возразилъ онъ...—я подожду его.

Онъ взялъ кресло и, усѣвшись, тяжело опустилъ на руки чело свое. Мари-Анна, робѣя и дрожа, пожирала его взорами, не осмѣливаясь приблизиться.

Онъ первый прервалъ молчаніе, голосъ его былъ теперь мягокъ, хотя рѣчь отличалась торжественностью.

— Мари-Анна, по распоряженію правительства, сегодня вечеромъ я долженъ уѣхать отсюда и очень надолго. Я пришелъ вы-

молить прощеніе у отца за всѣ страданія, какія я могъ причинить ему: мнѣ такъ необходимо его благословеніе.

Помолчавъ съ минуту, силясь улыбнуться, онъ прибавилъ:

— И ты также, маленькая Мари-Анна, если иногда мнѣ случалось огорчать благочестивую твою душу, твою добрую, прекрасную душу святой, — прости мнѣ это, дорогая сестра, прости больному.

Она вскрикнула и, бросившись къ брату, обвила его руками:

— Марсель! о, Марсель! зачѣмъ такъ говорить? Ты скрываешь отъ насъ какое-нибудь несчастіе... ты рѣшаешься на какое-нибудь безуміе... ты... Ахъ, Боже мой! онъ сдѣлаетъ то же, что̀ и дѣдушка,—онъ убьетъ себя изъ любви къ этой женщинѣ!

Эта женщина!.. Молодой человѣкъ грубо отстранилъ отъ себя бѣдную дѣвушку; лицо его снова приняло дурное выраженіе; онъ съ яростью сжималъ кулаки:

— Эта женщина!.. Ахъ! конечно, да, эта женщина!.. Я не знакомъ съ нею болѣе!

Но маленькая уродица, скользнувъ на колѣни передъ своимъ изнывающимъ въ отчаяніи братомъ, заговорила:

— Правду ли говоришь ты? Да благословенъ же будетъ милосердый Господь также и отъ моего имени!.. Для чего же тебѣ удаляться отъ насъ? Къ чему этотъ отъѣздъ? Останься! о, останься, умоляю тебя! Мы съумѣемъ окружить тебя такой любовью, что бѣдное оскорбленное твое сердце скоро оправится! Не уѣзжай... пожалѣй меня! Я такъ болѣла твоими страданіями, столько плакала, когда ты проливалъ слезы!.. Знаешь, Марсель, мы оба очень схожи между собою, да и въ нашихъ жилахъ течетъ одна и та же кровь... Ты не сердишься, что я такъ говорю съ тобой, сравнивая себя съ тобою, — меня, такую дурнушку!.. Нѣтъ! не говори мнѣ, что я красива, глаза обличаютъ твои слова. Я такъ хорошо себя знаю. Я некрасива и уродлива, являю собою предметъ отвращенія или насмѣшки! Мнѣ осталось одно мое пѣніе, которое ты, не добрый, никогда не соблаговолилъ послушать!.. Когда я умру — надѣюсь, я умру раньше тебя—желаніе мое таково, чтобы органъ въ церкви модулировалъ ту жалобную бретонскую пѣсню, слышанную нами обоими вмѣстѣ въ Одіернѣ, и которую ты нашелъ столь мечтательной... О, милыя, дорогія воспоминанія!.. Тогда, подъ баюканіе сладкой пѣсни, сердце твоей маленькой Маріонетты забьется еще разъ въ глубинѣ гроба и, быть можетъ, вздохъ любви долетитъ до тебя,—душа, да вся душа твоей несчастной сестры!

Она произнесла эти отступленія отъ предмета разговора съ порывистымъ увлеченіемъ, прерывая слова свои то рыданіями, то смѣхомъ. Онъ не слушалъ ее, даже не видѣлъ и машинально думая о другой, ласкалъ длинные волосы бѣдной колѣнопреклоненной дѣвушки.

Въ эту минуту дверь пріотворилась и старая Филомена проскользнула въ комнату.

— Можно ли сказать, что барышня принимаетъ? Одна дама настоятельно проситъ переговорить съ ней. Женщина эта въ слезахъ и производитъ на меня впечатлѣніе настоящей безумной. Она отказывается уйти и говоритъ, что, если потребуется, то она дождется возвращенія графа.

Въ то же время служанка подала карточку.

Мари-Анна схватила ее въ руки и сильно поблѣднѣла:

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Кликните людей!.. Гоните ее вонъ!

Но почти въ ту же минуту дверь сильно толкнули; вошла женщина, въ большой ажитаціи.

То была княгиня де-Карпенья.

IX.

Другая... она.

Замѣтивъ Марселя, молодая женщина вскрикнула съ дикой радостью:

— Онъ!.. Онъ!.. Свободенъ!.. Они не убили его!

И она бросилась къ любовнику своему, какъ бы поспѣшая въ объятія. Но тотъ однимъ жестомъ остановилъ ее.

Онъ побагровѣлъ. Слова, возгласы, душили его; онъ не могъ говорить: будь подъ рукой у него ножъ, онъ бы ударилъ ее.

— Вы!! — насилу пробормоталъ онъ наконецъ...—Вы здѣсь!.. Вамъ что̀ угодно?

Вначалѣ офрапированная взрывомъ этой бѣшенной ярости, она отступила на нѣсколько шаговъ назадъ. Но вскорѣ снова приблизилась къ нему, съ лаской, простодушіемъ и полной непринужденностью она заговорила:

— Чего я отъ тебя хочу, другъ мой?.. да, разъ что ты свободенъ, такъ увезти тебя съ собой.

Взрывъ хохота былъ ей отвѣтомъ,—хохота яростнаго, оскорбительнаго.

— Довольно!.. Бросьте эту комедію... Вонъ отсюда!

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. и нѣтъ!— повторила она рѣшительнымъ голосомъ.

— Мари-Анна, — обратился Марсель къ сестрѣ, — дорогая милочка, мнѣ необходимо переговорить съ этой женщиной; оставь насъ на минутку однихъ.

Но молодая дѣвушка не двинулась съ своего мѣста...

Стоя въ углу комнаты, она бросала на Розину взгляды, горѣвшіе ненавистью и въ то же время она разглядывала, анализировала, сравнивала ее съ собой...

«Да, само собой, она хороша, эта похитительница сердецъ, съ своей волнистой шевелюрой, своими большими бархатными глазами, красиво изогнутой дугой бровей, матовымъ цвѣтомъ лица, съ такимъ правильнымъ профилемъ, стройнымъ станомъ и граціозной отвагой всего ея существа! И для такихъ-то милосердый Господь бережетъ все счастіе, всю любовь. О, Боже милостивый!..»

— Такъ оставь же насъ, сестра, — повторилъ Марсель съ нетерпѣніемъ...— Пора съ этимъ кончить!.. Я въ двухъ словахъ укажу ей ея мѣсто!

А такъ какъ «сестра», повидимому, не слыхала его, то онъ взялъ ее тихонько за руку и повелъ.

Тогда безъ малѣйшаго сопротивленія, на подобіе больного ребенка, повинующагося ласковому прикосновенію своей матери, Мари-Анна медленно пересѣкла комнату, еще разъ оглянулась на своего брата и вышла.

— Теперь мы одинъ на одинъ! — вскричалъ Марсель, очутившись передъ княгиней де-Карпенья...—Ну-съ, прежде всего, говорите, зачѣмъ вы сюда пожаловали?

Молодая женщина спокойно усѣлась, отстегнула даже дорожное манто свое.

— Я сказала уже тебѣ, — отвѣтила она, прикидываясь вполнѣ спокойной, — противъ всякихъ ожиданій, встрѣтившись съ тобой снова, я намѣрена увезти тебя... увлечь съ собой.

Она глядѣла на него улыбаясь, протягивая къ нему губы, горѣвшія поцѣлуями... онъ замахнулся на нее кулакомъ. Но рука его не дерзнула опуститься; только уста произнесли грубое ругательство:

— Непотребная женщина!

Подъ ударомъ этого оскорбленія она закрыла глаза, затѣмъ весьма кротко замѣтила:

— Ты ли это, Марсель?.. Ты такъ говоришь со мною?.. О!..

Голосъ ея журчалъ нѣжно и обворожительно; чело покорно склонялось передъ оскорбленіемъ, бархатъ очей ласкалъ оскорбителя... Онъ отступилъ, сконфуженный неблагородствомъ своего гнѣва.

Нѣсколько минутъ прошли въ молчаніи; Розина не сводила съ него глазъ, не переставая улыбаться ему. Наконецъ:

— Ѣдемъ, дорогой мой, — сказала она, вставая...—Поспѣшимъ. Вчера агенты ихъ полиціи довезли меня до Бельгійской границы: мнѣ запрещено возвращеніе во Францію, въѣздъ въ Парижъ. И однако же вотъ я здѣсь... но я боюсь. Они навѣрное слѣдятъ за мной. Вдругъ они разлучатъ насъ!.. Ѣдемъ скорѣе, скорѣе!

Она снова подошла къ своему любовнику, съ намѣреніемъ взять его подъ руку и увести. Съ стиснутыми зубами, съ пересохшимъ горломъ, съ натянутыми мускулами лица, со злобой въ глазахъ, онъ не произносилъ ни слова. Но вдругъ ярость его разразилась:

— Вонъ отсюда!.. Уходите же!.. Развѣ вы не видите, что я убью васъ?

Она слегка пожала плечами и, взявъ кресло, снова усѣлась:

— Меня убьешь? Что это за глупости ты говоришь?.. когда передъ нами счастье на вѣки!.. ибо въ настоящее время я свободна, другъ мой, свободна, и на этотъ разъ настоящая вдова!

Пораженный такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, Марсель не нашелся отвѣтить ничѣмъ, кромѣ новой грубости:

— Куртизанка!

При этомъ словѣ, молодая женщина подняла голову и, нѣсколько оживившись, проговорила:

— Куртизанка?.. Ну, такъ что же, я принимаю это названіе!.. И такъ, ты не желаешь болѣе взять меня въ жены? Будь по твоему!.. Я буду твоей любовницей: ты только сильнѣе будешь любить меня... Да, я буду твоей любовницей! Что мнѣ до того, что будутъ думать глупцы и завистники моего счастья!.. но неразлучны, понимаешь ли, на вѣки-вѣковъ! Да ну же, перестань грозить мнѣ, я не боюсь; и не смѣйся такъ,—ты меня слишкомъ огорчаешь.

Марсель Бенардъ дѣйствительно смѣялся—своимъ смѣхомъ немощной ярости. Онъ считалъ себя большимъ подлецомъ, что не схватилъ еще «этой» за плечи и не вышвырнулъ ея на улицу... Въ самомъ дѣлѣ, съ его стороны было слишкомъ глупо такъ долго выдерживать эту комедію и тратить столько негодованія передъ этой комедіанткой.

— Браво!—воскликнулъ онъ съ насмѣшкой.—Отлично разыграно, моя красавица!.. Третьяго дня драма, сегодня—пастушеская поэма!.. Мастерица на всѣ амплуа—эта Савелли!

Однимъ прыжкомъ очутилась де-Карпенья около Марселя:

— Эта Савелли! Ахъ, такъ я называюсь теперь Савелли! Прощай, свѣтская женщина, благородная дама, княгиня! Я теперь не болѣе какъ Савелли!.. Пусть будетъ такъ! Возвращаюсь къ прежнему имени и горжусь имъ, украшаюсь! Это имя честнаго человѣка, героя, мученика, котораго твой императоръ и твой отецъ убили, и за котораго я хотѣла отомстить, да, я!

— Низкая!

— Нѣтъ, скажи: несчастная!.. Да, я хотѣла отомстить за этого мертвеца, который не давалъ мнѣ покоя даже днемъ, и каждую ночь приходилъ открывать мнѣ кровавыя раны на своей груди!.. Ахъ, Боже, натравить на вашего Бонапарта сына его генералъ-прокурора и убить ихъ одного другимъ! заставить этого графа Бенарда выплакать столько же слезъ, сколько пролила ихъ я сама!.. какая мечта!.. А я! я не смогла, нѣтъ, не смогла!.. Я низко полюбила тебя и люблю тебя, люблю, люблю!!

Слова вылетали теперь изъ ея устъ безпорядочно, съ страстной дрожью въ голосѣ, краснорѣчивыя и тривіальныя въ одно и то

же время. Въ любовницѣ сквозила свѣтская женщина, но въ особенности ярко выступала «проститутка». Ея большіе синеватые глаза сверкали, розовый оттѣнокъ, точно румяна, разлился по бѣлизнѣ ея лица,—въ своей экзальтаціи Савелли дѣйствительно была обворожительна. И подъ вліяніемъ этого порыва Марсель Бенардъ чувствовалъ, какъ стихала тревога его души; смущенная жалость подымалась въ его сердцѣ, дрожь тѣла ея будила въ немъ страстныя желанія: онъ продолжалъ еще презирать,— по крайней мѣрѣ, онъ вѣрилъ въ это, но онъ болѣе не оскорблялъ.

— Знаешь ли, я въ самомъ дѣлѣ обожаю тебя,— послѣ короткой паузы начала она...—вѣдь я все узнала, бѣдный мой Марсель... Да, все! Марино... тебѣ хорошо извѣстенъ Марино, учитель музыки, такъ называемый Травенти, — онъ имѣлъ возможность добраться до Бельгіи. Марино передалъ мнѣ въ Брюсселѣ про эту гнусную исторію съ букетомъ шиповника. Карпенья, презрѣнный супругъ мой, поставилъ тебѣ подлую западню!.. О это не я, не я, клянусь!.. А ты—ты цѣликомъ дался въ обманъ, бѣдняга, воплощенная моя наивность!.. Ахъ, ты страстный человѣкъ! Для тебя достаточно было получить букетъ, скромные цвѣточки своей Розины, чтобы броситься стремглавъ... въ ту же минуту. «Carino, mio carino!» Такъ, значитъ, ты сильно любишь меня. Ахъ, Боже мой, сколько счастья доставилъ мнѣ этотъ Травенти! Да ты не знаешь сердца своей подруги. Я полагала, что ты сидишь въ тюрьмѣ и явилась сюда съ намѣреніемъ броситься къ стопамъ отца твоего, — убійцы моего родителя! Это было бы низко, но я люблю тебя болѣе самой своей чести! Я хотѣла предстать передъ твоими судьями, Я оправдала бы тебя, обвинивъ самое себя. Оправдавъ, Марсель, я увлекла бы тебя отсюда далеко. Если бы тебя сослали, я пошла бы за тобой въ изгнаніе. Если бы тебя осудили на смерть, я отравилась бы передъ твоимъ эшафотомъ!.. Я люблю тебя, люблю!.. О, какъ я люблю тебя!!

Въ разгарѣ страсти она схватила своего возлюбленнаго за руку.

— Пойдемъ!.. Бѣжимъ!..—повторила она въ третій разъ.

Онъ еще разъ оттолкнулъ ее, хотя совсѣмъ слабо.

— Придется одной возвращаться въ Брюссель, сударыня. Что меня касается,— я остаюсь... я осужденъ.

— Осужденъ? Какое безуміе!.. разъ ты свободенъ... разъ ты здѣсь... разъ...

— Завтра, въ этотъ часъ, я буду мертвъ.

— Мертвъ!.. Какое страшное слово!.. Ты мертвъ!.. Какъ онъ мнѣ это объявляетъ! спокойно, безропотно, рѣшительно, безъ раздраженія. Когда только-что ты бросалъ мнѣ оскорбленіе въ лицо, когда замахивался на меня, я была совсѣмъ спокойна и внутренно смѣялась: дрожь въ твоемъ голосѣ такъ предательски изобличала

свирѣпость твоихъ устъ!.. Но въ настоящую минуту мнѣ дѣйствительно страшно!.. Ну скажи же, ты хочешь отомстить мнѣ, позабавиться моимъ испугомъ, испытать силу любви моей къ тебѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ, не веди этой игры, заклинаю тебя!.. Ахъ, ты отлично знаешь, что, если придется тебѣ умирать, я умру вмѣстѣ съ тобою!

— Жизнь моя не принадлежитъ мнѣ болѣе, — торжественно возразилъ Марсель. — Во избѣжаніе посрамленія носимаго мною имени уголовнымъ судомъ, я далъ слово покончить съ собою до завтра... И я исполню это... Вотъ почему я и свободенъ.

Она дико вскрикнула и опустилась передъ нимъ на колѣни:

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой! понимаю!.. И къ этому принуждаютъ тебя эти разбойники, министры Бонапарта! Канальи! Канальи! Они играли твоей честью, играли твоимъ отцомъ! Да, истые канальи! во сто разъ подлѣе насъ, желавшихъ освободить отъ нихъ Францію!.. Но ты не послушаешься ихъ, Марсель; ты... О, не отталкивай меня! сжалься!.. Прости! Прости!.. Несчастная! Это изъ-за меня онъ долженъ умереть!.. Да, пропащая; да, публичная женщина! ибо это я, я убиваю его! Прости! Прости!

И она плакала глубокими рыданіями, прерывая свои жалобы проклятіями, по собственному своему адресу. Она уцѣпилась за него, а онъ, отступая, волочилъ ее по паркету комнаты...

Но вдругъ Марсель рѣзко поднялъ распростертое и запыхавшееся тѣло ея, обвилъ руками станъ всхлипывавшей женщины и къ молившимъ устамъ страстно прильнулъ своими устами.

— Да, я все еще люблю тебя!.. Такъ умремъ же вмѣстѣ!

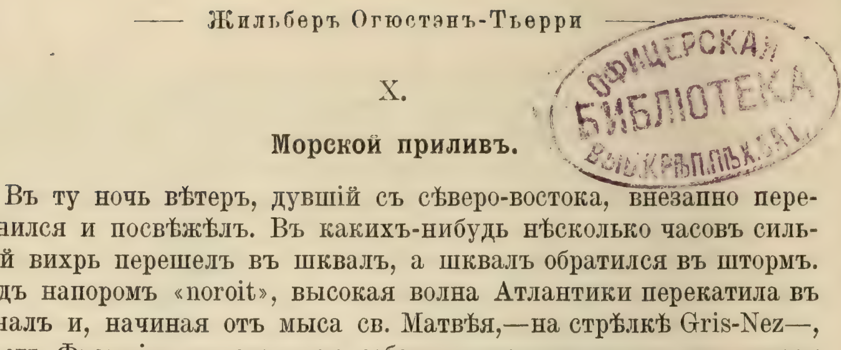
Наступалъ вечеръ. Въ комнатѣ, гдѣ сплелись они другъ съ другомъ, зимнія сумерки распространяли леденящую свою блѣдность; въ темнотѣ, сгущавшейся все болѣе и болѣе съ каждой минутой, всѣ предметы представлялись безпредѣльнѣе и величественнѣе.

Марсель одной рукой обвилъ станъ возлюбленной, и она въ истомѣ склонила голову свою на плечо вернувшагося любовника.

Они готовы были двинуться въ путь, когда Марсель тихо разжалъ свои объятія.

Затѣмъ, перейдя на другой конецъ комнаты, онъ приблизился къ креслу, на которомъ обыкновенно сидѣлъ отецъ его. Опустившись съ благоговѣніемъ на колѣни и склонивъ голову на выцвѣтшій коверъ, въ молитвѣ передалъ онъ свое «прости» отсутствовавшему. Это былъ часъ, когда графъ Бенардъ, посреди взволнованнаго государственнаго совѣта, разразился своимъ предсмертнымъ возгласомъ; часъ, когда умирающимъ голосомъ онъ призывалъ свое дѣтище и прощалъ...

Наконецъ, прижавшись другъ къ другу, готовые встрѣтить предсмертныя объятія своей послѣдней ночи, любовники удалились.

X.

Морской приливъ.

Въ ту ночь вѣтеръ, дувшій съ сѣверо-востока, внезапно перемѣнился и посвѣжѣлъ. Въ какихъ-нибудь нѣсколько часовъ сильный вихрь перешелъ въ шквалъ, а шквалъ обратился въ штормъ. Подъ напоромъ «noroit», высокая волна Атлантики перекатила въ каналъ и, начиная отъ мыса св. Матвѣя,—на стрѣлкѣ Gris-Nez—, берегъ Франціи представлялъ собою одну сплошную волнующуюся бахрому пѣны. Расходившееся море прежде всего ринулось на нормандскій берегъ; въ мѣстности Caux рушились скалистые отвѣсы, а въ фарватерахъ Соммской бухты, близь Cayeux, сторожевые колокола прогудѣли отходную нѣсколькимъ судамъ.

Женщины Фекана и двухъ святыхъ Валерій долго не могли забыть этой страшной ночи и этого дикаго моря, поглотившаго ихъ мужей и дѣтей.

Между тѣмъ, на небѣ забрезжила заря: начинало свѣтать...

Что за заря!.. На востокѣ показался блѣдный молочный оттѣнокъ, призракъ свѣта, забѣлившій сѣрыя свисшія глыбы снѣга, а на противоположной сторонѣ, на разсвирѣпѣвшемъ морѣ, развертывалась темная безпредѣльность, густой, туманный, темный щелокъ, простиравшійся до крайнихъ предѣловъ горизонта, окутывалъ бурлившія волны. Подъ этимъ туманомъ, въ глубинѣ слышался ревъ бѣшеной стихіи, вздымавшейся и опускавшейся въ чудовищныхъ судорогахъ.

Въ просыпавшихся деревняхъ начался уже перезвонъ и чтеніе «Angelus»... Въ нижней части Сассевильскаго косогора, въ стѣнѣ, окружавшей обнаженный паркъ, открылась калитка, и въ тѣни Далльской долины проскользнули двѣ фигуры.

Подъ раскатами бури онѣ быстро двигались впередъ, прямо къ разсвирѣпѣвшему океану. Марсель Бенардъ казался спокойнымъ и молчалъ, но Розина де Карпенья была очень говорлива, произносила цѣлыя фразы, исполненная экзальтаціей шумнаго веселья.

— Да, мой красавецъ-любовникъ, ты правъ, избирая такое ложе для безконечнаго на этотъ разъ поцѣлуя!.. Ты правъ, афишируя любовь нашу въ этихъ мѣстахъ, гдѣ мы столько любили, омывая позоръ мой въ безпредѣльности волнъ!

Онъ улыбался... И такимъ образомъ они продолжали идти рука объ руку.

На поворотѣ дороги они попали въ центръ урагана, и внезапный шквалъ швырнулъ имъ въ лицо комъ брызгъ, пѣны и соли...

Розина вдругъ остановилась.

— О!—замѣтила она какимъ-то страннымъ тономъ,—какъ намъ тамъ будетъ холодно!

«Тамъ» обозначало желанный погребальный саванъ океана.

Они снова пустились въ путь. Но женщина подвигалась впередъ медленнѣе; ноги ея тяжелѣли, поступь теряла свою легкость; теперь она молчала...

Такимъ образомъ оба они достигли берега. Груды валуновъ, нагроможденныхъ другъ на друга, отдѣляли ихъ отъ плоскаго песчанаго побережья. Здѣсь на пескѣ, на обледенѣвшихъ лужахъ расположились эти сотоварищи по смерти.

Море начинало подниматься, и отдаленный еще приливъ его размашисто штурмовалъ отмель каменныхъ подводныхъ рифовъ—Catelet. Тотъ же густой туманъ скрывалъ его, но онъ былъ слышенъ. Валы его съ громаднымъ гуломъ ударялись о преграду... Затѣмъ посреди рева бури, вдругъ наступало затишье—проносился вопль, жалобное рыданіе, послѣ того оглушительный гвалтъ поднимался съ новой силой.

Женщина разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Прислушайся-ка, дорогой мой. Пучина манитъ насъ.

Она наклонилась, подняла валунъ, и рука ея сильно швырнула камень по направленію къ этой рокочущей массѣ.

Да, само собой, пучина манила, призывая всѣми возгласами своихъ растрепанныхъ волнъ, ревя подъ непрерывной пыткой урагана. Нѣсколько просвѣтлѣвшій день начиналъ проникать сквозь опалъ тумана; теперь они стали различать.

Полукругомъ вытянулись передъ ними зеленовато-желтые завитки чудовищной величины, окутанные струйками пѣны, походившіе на зіявшія слюнявыя пасти. Всѣ пасти эти грозили; всѣ они приближались. Подстегиваемое вѣтромъ, ринулось неистовое море, намѣреваясь перекатить черезъ преграду изъ подводныхъ камней и, подскакивая, бѣлоснѣжной массой сплющилось на черномъ кружевномъ ихъ очертаніи. Чудовищные буруны крутились; Catelet совершенно скрылся изъ виду, волны покатили уже по плоскому песчаному берегу. Еще немного, и пучина будетъ около нихъ, надъ ними.

Розина, остолбенѣвъ, всматривалась въ это... Она дрожала всѣмъ тѣломъ, трепетала всѣмъ своимъ существомъ. Лицо ея побагровѣло, зубы щелкали.

— Тебѣ очень холодно!—тихо и нѣжно замѣтилъ ей Марсель.

— Нѣтъ...—возразила она,—я боюсь!

Онъ оглянулся на свою подругу... Страхъ овладѣлъ ею. Ужасъ искажалъ ей лицо; синія пятна трупа испестрили ланиты; ротъ былъ открытъ; голова мрачно вытягивалась на встрѣчу этой приближавшейся смерти; въ мѣловой блѣдности зари маска эта, покрытая холоднымъ потомъ ужаса, была отвратительна...

Вдругъ женщина, завертѣвшись на своемъ мѣстѣ, бросилась къ берегу. Марсель быстро нагналъ ее.

— Розина!... моя Розина!... Будь же немножко похрабрѣй!... Всего какая-нибудь одна минутка томленія, и...

— Такъ нѣтъ же, — пробормотала она, — я не хочу больше!... Не хочу.

Онъ попытался опять взять ее за руку; она оттолкнула его.

— Я не хочу больше!... Не хочу!... Я вовсе не настолько люблю тебя!

И она снова бросилась по направленію къ берегу, убѣгая къ жизни... Въ нѣсколько прыжковъ онъ очутился снова около нея.

— Ахъ, низкая женщина!... Подлое сердце!... Ты не уйдешь отъ меня!

Онъ схватилъ ее за одну руку и, скрутивъ ей кулакъ, бросилъ ее на песокъ. Призывая на помощь, она стала бороться.

— Сюда!... Сюда!... Помогите!... Это гнусно!... Я не твоя болѣе! Помогите!... Да, это гнусно!... Оставь меня! оставь!... Я не люблю тебя!... Никогда не любила тебя!... Помогите!

Но стонъ ея относился вѣтромъ; на берегу не было ни единаго рыбака, который бы услыхалъ ее... Блѣдную отъ гнѣва и ужаса, Марсель держалъ ее на землѣ.

— Ты никогда не любила меня? Запоздалое признаніе, красотка!... Ну, что жъ! такъ ты будешь обожать меня на томъ свѣтѣ!

Своими колѣнами давилъ онъ ей грудь; обѣими руками запрокидывалъ голову въ замерзшій илъ. Она царапала его ногтями, кусала зубами, плевала ему въ лицо, вопя и понося его:

— Каналья! Каналья!... Душегубъ!... Подлецъ!... Сынъ убійцы!... Ахъ! ахъ! ахъ!... Я хочу жить!!

Она предстала тутъ вполнѣ сама собой, во всей низости ея нравственной гнусности,—созданіемъ позора, плотью, сотворенной для плоти, проституткой...

Однако, она кричала также:

— Священника!... Священника!...

Передъ лицомъ смерти итальянка струсила ада.

Вдругъ руки, сжимавшія ее, отпустили свою добычу: Марсель Бенардъ поднялся съ земли.

Непомѣрно раскрытые глаза его съ удивленіемъ вглядывались въ пространство; лицо выражало робкое изумленіе, священный ужасъ, а между тѣмъ уста его любовно улыбались.

Онъ медленно опустился на колѣни.

— Отецъ!... — прошепталъ онъ.

Въ тотъ же мигъ Савелли была на ногахъ. Однимъ прыжкомъ перескочила она къ берегу и вскорѣ достигла окраины сада.

— Отецъ!... Ахъ, отецъ!—продолжалъ повторять колѣнопреклоненный сынъ.

Вдали, въ тѣни аллеи, исчезала бѣжавшая тѣнь Розины, вскорѣ она совсѣмъ потонула въ утреннемъ туманѣ...

Вслѣдъ затѣмъ сынъ графа Бенарда совсѣмъ безмятежно улегся на низкомъ песчаномъ берегу. Безпредѣльная могила, великій погребальный саванъ уже протягивался къ нему. Скрестивъ на сердцѣ руки, онъ оставался неподвиженъ, въ ожиданіи...

Что же провидѣлъ онъ въ этотъ мучительный часъ, чтобы простить такимъ образомъ столько страданій?... Быть можетъ, при сіяніи того надземнаго свѣта, который, какъ говорятъ, ослѣпляетъ око умирающаго и, останавливая его въ неподвижности, съ той поры дѣлаетъ его созерцателемъ единой вѣчности, — Марсель постигъ всю тайну искупительной любви своей и принялъ свое искупленіе... Или же, быть можетъ, въ этомъ мірѣ неизвѣданныхъ тайнъ, гдѣ жизнь, возникшая изъ смерти, населяетъ безконечность, гдѣ Незримый взираетъ на насъ, гдѣ близкіе намъ отшедшіе окружаютъ и заключаютъ насъ въ свои объятія, страдая нашимъ горемъ и плача нашими слезами, на порогѣ какой-нибудь невѣдомой вѣчности—предстала душа отца, явившаяся принять и упокоить душу своего дѣтища.

Авторъ приведенныхъ здѣсь воспоминаній объ этой плачевной исторіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, осматривалъ въ Байё, во Фландріи, домъ умалишенныхъ.

При этомъ грустномъ посѣщеніи у меня оказалось двое вполнѣ незнакомыхъ мнѣ спутниковъ—кавалеръ и дама.

Кавалеръ не представлялъ собою ничего особеннаго — просто шелопай. Что же касается женщины, — это, навѣрное, была проститутка высокой марки, хотя и на закатѣ своей карьеры, одна изъ тѣхъ космополитическихъ куртизанокъ, пышный позоръ коихъ предназначенъ, кажется, самимъ Господомъ Богомъ, какъ бы для всеобщаго доказательства ничтожества нашей цивилизаціи, направленной помимо Него и противъ Него... Монахиня монастыря «Добраго Пастыря» сопровождала насъ.

Въ отдѣленіи идіотокъ дама обратилась съ вопросомъ:

— Не здѣсь ли содержится дочь графа Брута Бенарда?

При этихъ словахъ какое-то гаденькое созданье, гомозившееся на корточкахъ въ углу, съ крикомъ бросилось къ намъ:

— Это она!... убей ее!... убей ее!...

И несчастная идіотка упала въ конвульсіяхъ.

Дама, между тѣмъ, странно поблѣднѣла, подхватила подъ руку своего спутника и вскорѣ удалилась, возвращаясь къ предназначенному ей року.

№ 7-й.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ВЪ АПРѢЛѢ 1891 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Абозинъ, И. И. Мѣропріятія и способы къ улучшенію отечественнаго промысловаго птицеводства. М. 1891 г. Ц. 20 к.
— Кохинхинка. М. 1891 г. Ц. 50 к.

Адамовъ, Н. П. Отчетъ опытной сельско-хозяйственной станціи „Заполье"(Петерб. губ. Лужскаго уѣзда). Годъ I. Сост. подъ ред. П. Бильдерлингъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Анисимовъ, А. Воинскій уставъ о наказаніяхъ, разъясненный мотивами, на которыхъ онъ основанъ, рѣшеніями гл. воен. суда и дополн. приказами и циркулярами по воен. вѣд. по 1-е января 1891 г. Изд. 6-е, исправл. и доп. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Антушевичъ, И. Аналитическіе методы изслѣдованія пчелинаго воска и его подмѣсей. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Барановъ, А. Н. Осенью. Разсказы и сказки. Казань. 1891 г. Ц. 1 р.

Барановъ, П. Сокращенный шифрованный словарь для секретной корреспонденціи. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Басни Хемницера, Дмитріева, Измайлова и Крылова (№ 35. Изд. Спб. Ком. Грам.). Спб. 1891 г. Ц. 9 к.

Башиловъ, А. П. Русское торговое право. Прибавленіе къ выпуску 1-му. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Біографическая библіотека, Ф. Павленкова: Джемсъ Уаттъ, его жизнь и научно-практическая дѣятельность, съ портретомъ.—Р. Вагнеръ, его жизнь и музыкальная дѣятельность, съ портрет.—Стэнли, его жизнь, путешествія и географич. открытія.—Бэконъ, его жизнь, научные труды и общественная дѣятельность. Съ портретомъ. — Эдиссонъ и Морзе. Два біографич. очерка. Съ портретами. Ц. каждой книжки 25 к.

Брандтъ, Р. Поправки и дополненія къ русскому переводу сравнительной морфологіи славянскихъ языковъ. Фр. Миклошича. Изд. 2-е. Вып. I. М. 1891 г. Ц. 70 к.

Булгаковскій, Д., свящ. Домикъ Петра Великаго и его святыня въ С.-Петербургѣ. Спб. 1891 г. Ц. 40 к.

Булгаковъ, Ѳ. И. Альбомъ выставки въ Академіи Художествъ въ 1891 г. (Фототипическое изданіе). Выпускъ II и III. Ц. кажд. вып. 1 р. 50 к., на бристольск. бум. 2 р. 50 к.

Буличъ, И. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. Часть II. Казань. 1891 г. Ц. 4 р.

Бутлеровъ, А. М. Статьи по пчеловодству. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Брянцевъ, П. Д. Очеркъ древней Литвы и Западной Россіи. Вильна. 1891 г. Ц. 60 к.

Васильевъ, С. Драматическіе характеры. Фамусовъ («Горе отъ ума»). М. Ц. 1 р.

Виссоръ, Э. Краткій курсъ физіологіи. (По Фостеру). Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вольскій, А. Жена. Романъ. 2-е изд. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Вольтеръ, Э. Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губ. Часть I. Праздники и семейныя пѣсни латышей. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Герсевановъ, М. Обводнительныя и ирригаціонныя работы въ Южной Россіи. Съ 2-мя картами. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Гольцгауэръ, Э. Аллюминій и его сплавы. Руководство для техниковъ и мастеровъ по аллюминіевой промышленности. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Городцевъ, П., свящ. О бракѣ и современномъ упадкѣ семейной жизни. По поводу Крейцеровой сонаты. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Губеръ, Ф. Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ. 2-е русское изданіе. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Гусевъ, А. Необходимость внѣшняго богопочтенія. Противъ гр. Л. Толстого. 2-е дополн. изданіе. Казань 1891 г. Ц. 30 к.

Дейтшъ, Э. Талмудъ. Этюдъ. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Дементьевъ, Е., д-ръ, Англійскія игры на открытомъ воздухѣ. Руководство для воспитателей и юношества. Съ 18 рис. М. 1891 г. Ц. 60 к.

Добровольскій, В. Смоленскій этнографическій сборникъ (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ.). Спб. 1891 г. Ц. 5 р.

Довнаръ-Запольскій, М. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Еленинъ, А. Убійство артистки Варш. театра Маріи Висновской. Подробный судебный отчетъ (съ портретомъ Висновской и планами помѣщеній). 2-е изд. Спб. 1891 г. Ц. 85 к.

Ернштедтъ, В. Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жасминовъ, Алексисъ, графъ (В. Буренинъ). Хвостъ. Изд. 2-е. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Животовъ, Н. Странники. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Золя, Э. Молодая любовь. Романъ изъ жизни молодежи (La confession de Claude). 1891 г. Ц. 1 р.

Зыбинъ, А. А. Іоаннъ Ильичъ Сергѣевъ. Протоіерей, ключарь Кронштадтскаго Андреевскаго собора. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Иконниковъ, В. Страница изъ исторіи Екатерининскаго Наказа. (Объ отмѣнѣ пытки въ Россіи). Кіевъ. 1891 г. Ц. 40 к.

Ингремъ, Дж. Исторія политической экономіи. Перев. съ англ. подъ ред. И. Янжула. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Инструкція по примѣненію закона 4-го іюня 1890 г. о мѣрахъ къ поощренію сельскохозяйственнаго винокуренія. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Исаевъ, А. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

* **Историческая** портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. (Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Выходитъ выпусками. Вышелъ выпускъ 39-й. (Отдѣлъ IV. Замѣчательныя женщины). Ц. 2 р.

Кахетія. Приложеніе къ справочной книжкѣ Старожила «Кавказъ». № 3. Тифлисъ, 1891 г. Ц. 30 к.

Кистяковскій, А. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовнаго законодательства. Часть общая. 3-е изданіе. Кіевъ. 1891 г. Ц. 4 р.

Кольраушъ, Ф. Руководство къ практикѣ физическихъ измѣреній. Съ прибавленіемъ статьи объ абсолютной системѣ мѣръ. Съ 83 рис. въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Коссовскій, В. Вода, ея изслѣдованіе, очищеніе и исправленіе для фотографическихъ цѣлей. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Котельниковъ, В. О почвѣ и ея обработкѣ (бесѣды по земледѣлію). Изд. 4-е. испр. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Котъ-Мурлыка. Повѣсти, сказки и разсказы. Томъ II. Изд. 2-е. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 75 к.

Кругловъ, А. Геніальный поморъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Крыжановскій, Е. Собраніе сочиненій. 3 тома. Съ портретомъ и факсимиле автора. Кіевъ. 1890 г. Ц. 6 р.

Лабутинъ, И. Вопросникъ для повторенія исторіи русской словесности. Спб. 1891 года. Ц. 15 к.

Лависсъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М. 1891 г. Ц. 50 к.

Лауэферъ, Г. Искуственные зубы. Популярное изложеніе болѣзней зубовъ и десенъ. Кіевъ. 1891 г. Ц. 50 к.

Лахтинъ, Н. Очерки микрофотографіи. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

Лесевичъ, В. Что такое научная философія? Этюдъ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Листовскій, И. С. Замѣтки на «Крейцерову сонату», гр. Л. Н. Толстова. М. 1891 г. Ц. 60 к.

Лѣтниковъ, А. Курсъ варіаціоннаго исчисленія. М. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Максимовъ, Е. Терское казачье войско. Историко-статистическій очеркъ. Владикавказъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Мартыновъ, Н. Новый законъ о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ. Спб. 1891 г. Ц. 40 к.

Маршаль Уардъ. Болѣзни растеній. (Для земледѣльцевъ и садоводовъ). Перев.

П. Волкенштейна. Съ 63 рис. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Мачтетъ, Гр. Новые разсказы. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мордовцевъ, Д. Л. Тимошъ и Фанатикъ. Историческія повѣсти. Спб. 1891 г. Ц. 80 к.

Настольный энциклопедическій словарь Изд. А. Гарбель и Комп. Вып. 13-й. М. 1891 г. Цѣна вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій. Поученія, бесѣды, рѣчи, воззванія и посланія. Одесса. 1890—1891 г. Томы I, II, III и IV по 2 р. 50 к., томъ V. Цѣна 3 р.

Никрутъ, Ев. О цѣломудріи. Казань. 1891 г. Ц. 20 к.

Палладинъ, В. И. Физіологія растеній. Харьковъ. 1891 г. Ц. 1 р. 30 к.

Петрушевскій. Разсказы Суворова. Съ портр. Изд. 2-е. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Пискарскій, В. Франческо Ферручи и его время. Очеркъ послѣдней войны Флоренціи за политическую свободу (1527—1530). Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Подвысоцкій, В. Основы общей патологіи. Руков. къ изученію патологіи больного человѣка. Томъ I. Съ 45-ю рис. и 13-ю таблицами. Спб. 1891 г. Ц. 4 р. 50 к.

Путешествіе Стэнли для освобожденія Эмина-паши. Съ 52 политип. и портретами. М. 1890 г. Ц. 75 к.

Путникъ (Н. Лендеръ). По Черному морю. Очерки и картинки. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

* **Пушкинъ, А. С.** Стихотворенія Ч. II. Съ примѣчаніями къ нимъ и 2 рисунками. (Дешевая бибіотека, № 126). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

* **Пыляевъ, М. И.** Старая Москва. Разсказы изъ былой жизни первопрестольной столицы. Съ рисунками. Вып. II, III и IV. Ц. кажд. вып. 50 к.

Радивановскій. В. Курсъ строительнаго искусства. Ч. II. Земляныя и каменныя работы. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 75 к.

Ротманъ, Б. Въ духѣ времени. Романъ изъ современной жизни. Перев. съ нѣм. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рытовъ, М. Капусты огородная и китайская (Описаніе разновидностей и породъ). Съ указаніемъ способовъ и культуры и хозяйственнаго значенія. Съ 111 политип. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 75 к.

Рцы. Изъ Черновыхъ набросковъ. I. Тексты перепуталъ! По поводу „Крейцеровой сонаты“ Л. Н. Толстого. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Сангурскій, В. Г. Желѣзнодорожно-техническая справочная книжка. Харьковъ. 1891 г. Ц. 75 к.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, наход. въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. II. Кіевъ. 1891 г. Ц. 2 р. 40 к.

Серебряковъ, П. Ученіе о душевныхъ движеніяхъ въ примѣненіи къ сценическому искусству. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Скабичевскій, А. Исторія новѣйшей русской литературы. (1848—1890 гг.). Спб. Ц. 2 р.

Слово о полку Игоревѣ. Редакція и примѣчанія. В. А. Яковлева. Спб. 1891 г. Ц. 25 к.

Соболевскій, А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Соймоновъ, М. Н. Недопѣтыя пѣсни. Стихотворенія. Съ портретомъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Статистическія таблицы населенныхъ мѣстъ Терской области. Т. I. Вып. 3-й. Владикавказъ. 1890 г. Ц. 90 к.

Стахѣевъ, Д. Обновленный храмъ. — Недѣля страстей. — Пустынножитель. — Нищета. Спб. 1891 г. Ц. 1. 50 к.

Столповская, А. Очерки исторіи культуры китайскаго народа. М. 1891 г. Ц. 3 р.

Столыпинъ, Д. Историческій прогрессъ. О современномъ направленіи въ наукахъ, нравственныхъ и политическихъ. (По вопросу о высшемъ образованіи). М. 1890 г. Ц. 20 к.

— Общіе міровые законы. Принципы 1789 года. Крестьянская личная собственность. М. 1891 г. Ц. 20 к.

— Научные очерки. Начало соціологіи. Нашъ сельско-хозяйственный вопросъ. Изд. 2-е М. 1890 г. Ц. 1 р.

— Положеніе 19 февраля. Объ освобожденіи крестьянъ. М. 1890 г. Ц. 30 к.

Тальбергъ, Д. Русское уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ. Т. II, вып. 1-й. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тарновскій, В. М. Половая зрѣлость, ея теченіе, отклоненія и болѣзни. Изданіе 2-е, исправл. и дополнен. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Т. III. М. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к.

Толстой, Л. Н., графъ. Сочиненія. 12 томовъ. Изд. 8-е. Ц. 8 р.

Усыновленіе и узаконеніе дѣтей (Собр. узак. 2-го апрѣля 1881 г., № 32, ст. 352). Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Филатовъ, Н. Клиническія лекціи о распознаваніи и лѣченіи катарровъ кишекъ у дѣтей, въ особенности у грудныхъ. 3-е дополн. изданіе. М. 1891 г. Ц. 60 к.

Фрикенъ-Фонъ, А. Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. Ч. 1-я. М. 1891 г. Ц. 2.

Ходскій, Л. В. Земля и землевладѣлецъ. Экономическое и статистическое изслѣдованіе. 2 т. Спб. 1891 г. Ц. за 2 т. 5 руб.

Цыбульскій, С. Музыка и пѣніе въ гимназіяхъ. Спб. 1891 г. Ц. 40 к.

Чичаговъ, Л. М. Медицинскія бесѣды. М. 1891 г. Ц. 3 р.

Шавровъ Н. Н. Добываніе, обработка и условія сбыта шелка. Отчетъ по заграничной поѣздкѣ. Съ приложен. шелководственной карты Европы и альбома рисунковъ. Спб. 1890 г. Ц. съ альбомомъ 3 р.

Шелгунова, Л. П. Въ странѣ контрастовъ. Изъ жизни и природы Туркестанскаго края. Съ рисунк. Н. Н. Каразина. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

* **Шекспиръ, В.** Макбетъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ А. И. Кронеберга. Изданіе 2-е (Дешевая библіотека). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

Шереметевскій, В. Къ вопросу о „единообразіи" въ ороографіи по поводу академическаго руководства „Рус. правописаніе". Педагогическій этюдъ. М. 1891 г. Ц. 65 к.

Шляпкинъ, И. А. Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.). Изслѣдованіе. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

* **Щегловъ, Иванъ.** Корделія. — Миньона.—Петербургская идилія.—Кожаный актеръ. — Миръ праху. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Эберсъ, Г. Іисусъ Навинъ. Разсказъ изъ библейской эпохи. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

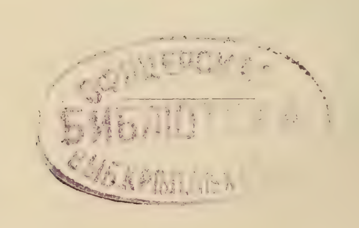
Энциклопедическій словарь подъ ред. проф. И. Андреевскаго. Томъ III (пятый полутомъ). (Банки-Бергеръ). Спб. 1891 г. Ц. въ перепл. 3 р.

Эссенъ-фонъ, М. Эксплоатація жел. дорогъ. Вып. V. Сравненіе расходовъ по движенію на казен. и частн. жел. дорогахъ за 1886—90 гг. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

* **Яковлева, Н. В.** Туда и обратно. Изъ заграничной поѣздки. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
БИБЛИОТЕКА
ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ
ІЮНЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ).

тр.

ложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Издалъ Г. Юдинъ. Москва. 1890. **А. Терновича.**—Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Москва. 1890. **Ар. М.**—Настольный энциклопедическій словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Изданіе Гарбеля. Тринадцать выпусковъ. Москва. 1890—1891. А.—Бож. **В. З.**—Сергѣй Атава (Терпигоревъ). I) Историческіе разсказы и воспоминанія: II) Двѣ повѣсти: 1) Безъ воздуха и 2) На старомъ гнѣздѣ (приложеніе къ иллюстрированному журналу «Родина» № 1, январь 1891 г.). Спб. 1891. **С. Т.**—Графъ Алексисъ Жасминовъ (В. Буренинъ). Хвостъ. Спб. 1891. **В—ва.**—Красноярскій округъ Енисейской губерніи. Очеркъ Н. В. Латкина, члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Спб. 1890. **С. А—ва.**—Расходная книга Патріаршаго Приказа кушаньямъ, подававшимся патріарху Адріану и разнаго чина лицамъ съ сентября 1698 по августъ 1699 года. Изданіе И. А. Вахрамѣева. Москва. 1890. **А. К.**—Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ съ адреснымъ отдѣломъ, планомъ и фототипическими видами г. Кіева. Изд. 2-е В. Д. Бублика. Кіевъ. 1890. **В. Б.**—Казаки. Донцы. Уральцы. Кубанцы. Трецы. Очерки изъ исторіи и староказацкаго быта. Составилъ К. К. Абаза. Спб. 1890. **Ф. Неслуховскаго.**—Е. В. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христінаскомъ имени Ермака. (Извлечено изъ №№ 40, 42, 44 и 50 «Тобольскихъ губ. вѣдом.» 1890). **А. Терновича.**—Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe. 1814—1878. 2 vol. Paris. 1891. **А. Трачевскаго.**—Историческій обзоръ Туркестана и поступательнаго движенія въ него русскихъ. А. И. Макшеевъ. Спб. 1891. **А. П.**—Четыре войны. П. Алабинъ. Часть II. Походныя записки 1853 и 1854 годовъ. Спб. 1890. **А. П.**—Санкритскія поэмы соч. Калидасы. — Сакунтала. Рагу-Вонча и Мега-Дута. Перевелъ Н. Волоцкой. Вологда. 1890. **С. А—ва.**—Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи. Томъ VII. Спб. 1890. **С. А—ва.**—Великій князь Георгій Михаиловичъ: «Монеты царствованій императора Павла I и императора Александра I». Спб. 1891. **Н. Лихачева.**—Великій князь Георгій Михаиловичъ: «Русскія монеты 1881—1891 г.» Спб. 1891. **Н. Лихачева.**—Исторія Государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей, съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ. Рисунки профессора исторической живописи Императорской Академіи Художествъ В. П. Верещагина. Спб. 1891. **П. Полевого.** — Россія и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Записки и замѣчанія графа Эрнста Миниха. Изданіе редакціи журнала «Русская Старина». Спб. 1891. **С. Ш.**—Нижегородскій Сборникъ, издаваемый нижегородскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціею дѣйствительнаго члена и секретаря комитета А. С. Гацискаго. Т. X. Нижній Новгородъ. 1891. **А. Л.**—Д. Н. Анучинъ. Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ». Археолого-этнографическій этюдъ. Съ 14 рис. въ текстѣ. Москва. 1890. **В. Б.** — Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXV. Скандинавская и турецкая литература. Спб. 1891. **З. З.**—Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ третій. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1890. **В. Б.**—О покоѣ воскреснаго дня. Доцента Московской Духовной Академіи Александра Бѣляева. Харьковъ. 1891. **С.**—Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ. Біографическій очеркъ и рѣчи при погребеніи. Казань. 1891. **Ар. М.**—Исторія Эллинизма. Сочиненіе І. Г. Дройзена. Переводъ М. Шелгунова съ французскаго дополненнаго авторомъ, изданія, подъ редакціей А. Буше-Леклерка. Томъ первый. Исторія Александра Великаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891. **С. А—ва.**—Очерки современ-

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ.

дозв. ценз. спб., 13 мая 1891 г.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ"

въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ

поступилъ въ продажу

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

ЗА 1880—1889 ГОДЫ

(ЗА ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ИЗДАНІЯ)

Цѣна 2 р.

ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ[1].

VII.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ баринъ съ барышней уходили послѣ обѣда въ бесѣдку изъ дикаго винограда, въ самомъ концѣ сада.

Онъ книжку съ собой захватитъ, а она съ рукодѣльемъ.

Казачокъ туда имъ раньше и коврикъ снесетъ, да передъ входомъ въ бесѣдку на траву постелетъ, и вазу съ дессертомъ на круглый деревянный столъ, что тамъ стоялъ, поставитъ, и сидятъ они тамъ пока не стемнѣетъ.

А по дому, по людскимъ, черноватый тотъ, что баринъ надо всѣми старшимъ поставилъ, обходъ завсегда въ это время дѣлалъ.

И вотъ разъ, ужъ солнце къ лѣсу склонялось, прошелся онъ по барскимъ хоромамъ, гдѣ окна порастворить приказалъ, гдѣ на паутину да на пыль указалъ слѣдовавшему за нимъ лакею, чтобъ, значитъ, завтра рано утромъ, все пообчистилъ; заглянулъ и въ чайную, и въ буфетную, гдѣ старшіе слуги, пользуясь отсутствіемъ господъ, бесѣдовали между собою, и въ бѣлошвейную—(всюду ему былъ ходъ и вездѣ передъ нимъ должны были отмыкаться двери) повернулъ оттуда опять къ комнатѣ Ѳедосьи Ивановны, мимоходомъ ко всему прислушиваясь и присматриваясь, и не найдя нигдѣ бывшей домоправительницы, вышелъ въ садъ.

Тутъ онъ, вытянувъ впередъ шею, ныряющей походкой, зорко оглядываясь по сторонамъ и крадучись какъ котъ, выслѣживаю-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIV, стр. 281.

щій добычу, (озорницы дѣвчонки такъ его котомъ и прозвали), сталъ пробираться, не по аллеямъ, а вдоль изгороди, узенькими тропиночками, а гдѣ и прямо продираясь промежъ кустовъ и деревьевъ, къ тому мѣсту, гдѣ была излюбленная господами бесѣдка.

Мѣсто это было одно изъ самыхъ запущенныхъ въ барскомъ саду. Деревья кругомъ разрослись такъ густо и высоко, что можно было совсѣмъ близко подойти, никто не замѣтитъ.

Осторожно и притаивъ дыханіе, пробирался Николай все ближе и ближе. Наконецъ, когда голоса стали совсѣмъ явственно доходить до него, онъ насторожился, вытянулъ еще больше шею и замеръ на мѣстѣ, прислушиваясь.

Господа говорили по-французски, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки долго, долго, болѣе часу, стоялъ тутъ и слушалъ.

По временамъ бесѣда смолкала и наступала такая тишина, что слышался шелестъ листьевъ отъ перелетавшихъ съ вѣтки на вѣтку птицъ, шорохи въ травѣ, жужжанье осы и пискъ комара.

Барышня сидѣла на низенькой скамеечкѣ и, пригнувшись къ работѣ, съ опущенными на пылающія щечки длинными рѣсницами, втыкала наугадъ иголку въ канву, натянутую на маленькихъ ручныхъ пяльцахъ. А баринъ лежалъ на травѣ у ея ногъ. Облокотившись на одну руку и поддерживая ладонью голову, онъ смотрѣлъ на нее пристальнымъ, жгучимъ взглядомъ.

Изрѣдка только обмѣнивались они какимъ-нибудь словомъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго отношенія къ тому, что происходило въ ихъ душѣ.

Его ужъ начинала утомлять сдержанная страсть и онъ рѣшилъ про себя овладѣть Марѳинькой не позже нынѣшней ночи.

Пройти къ ней въ спальню и запереться тамъ съ нею, ему ничего не стоило. Развѣ все здѣсь не его? Чтò захотѣлъ, то и взялъ, никто перечить ему не посмѣетъ.

О сопротивленіи съ ея стороны нечего было и думать. Испугается, разумѣется, заплачетъ. Но ему такъ легко будетъ ее утѣшить! Она его любитъ. И какъ мила! Такъ мила, что можетъ быть, долго не надоѣстъ ему. «Да, сегодня ночью, непремѣнно», повторялъ онъ себѣ, не спуская съ нея глазъ и улыбаясь при мысли о предстоявшемъ ему наслажденіи.

Онъ ее такъ берегъ, что она не испытала еще до сихъ поръ прелести поцѣлуя. Только ручку ея, да и то изрѣдка, подносилъ онъ къ своимъ губамъ.

Надо же наконецъ разцѣловать ее такъ, чтобъ она обезумѣла отъ любви въ его объятіяхъ...

Онъ придвинулся къ ней ближе и, вынимая пяльцы изъ ея рукъ, прошепталъ съ улыбкой:

— Полно шить, все равно придется потомъ распарывать, какъ вчера, какъ третьяго дня...

— Почему?—машинально спросила она, озадаченная и смущенная перемѣной въ его тонѣ.

Онъ говорилъ ей ты, прижималъ къ своей груди ея руки и глаза его при этомъ загорались какимъ-то дикимъ, страннымъ блескомъ.

— Почему?—переспросилъ онъ, продолжая улыбаться натянутой улыбкой.—Да потому что ты меня любишь... а я умираю отъ страсти къ тебѣ...

И, продолжая одной рукой до боли крѣпко сжимать ея руки, онъ другой порывисто ее обнялъ.

Она не сопротивлялась, задрожала только съ ногъ до головы и смотрѣла на него съ испугомъ и мольбой.

А имъ ужъ овладѣла страсть. Тяжело дыша и все крѣпче и крѣпче сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, онъ впился въ ея губы жаркимъ поцѣлуемъ.

Но на поцѣлуй этотъ она не отвѣчала. Онъ чувствовалъ, какъ ея губы постепенно холодѣютъ подъ его губами и это отрезвило его.

Глаза ея были закрыты, какъ у мертвой, и когда онъ оторвался отъ нея, она выскользнула у него изъ рукъ и упала на траву, блѣдная, холодная и неподвижная.

— Марѳинька!—глухо прошепталъ онъ, въ испугѣ пригибаясь къ ней.—Марѳинька, что съ тобой? — повторялъ онъ растерянно, приподнимая съ травы ея голову и съ ужасомъ всматриваясь въ блѣдное, какъ полотно лицо, съ закрытыми глазами и полуоткрытыми побѣлѣвшими губами.

Что это? Обморокъ или смерть? Неужели онъ убилъ ее своимъ первымъ поцѣлуемъ? Неужели она никогда больше не очнется? И что̀ ему теперь дѣлать? Звать на помощь? Никто не услышитъ... Бѣжать въ домъ за людьми? Оставить ее здѣсь одну, безъ чувствъ... Ни за что̀! Онъ самъ ее донесетъ, на рукахъ.

Но въ ту самую минуту, когда онъ приловчался, чтобы лучше ее охватить, за спиной его послышался шорохъ и между раздвинутыми вѣтвями сиреневаго куста появилось угрюмое лицо Ѳедосьи Ивановны.

Онъ опустилъ свою ношу на землю и, отвертывая въ сторону смущенное лицо, сталъ нескладно объяснять, что они преспокойно тутъ сидѣли, онъ читалъ вслухъ, а Марѳинька вышивала, и вдругъ, она поблѣднѣла и упала...

— Пустите, сударь,—прервала его на полусловѣ старуха.

И насупившись, не поднимая на него глазъ, она отстранила его костлявой, морщинистой рукой отъ бездыханнаго тѣла дѣвушки.

— Она не умерла? Нѣтъ?—прошепталъ онъ.

— Обморокъ-съ,—отрывисто объявила старуха.

Опустившись на колѣни, она пригнулась къ груди Марѳиньки и, не поднимая на него глазъ, произнесла сурово:

— Извольте отойти, сударь, имъ надо шнуровку распустить.

Онъ повиновался и отошелъ на нѣсколько шаговъ, за старую липу въ цвѣту.

Она этимъ не удовлетворилась.

— Вы бы, сударь, домой шли, да намъ оттуда Малашку прислали,—строго вымолвила она.—А то барышня какъ проснется, да увидитъ васъ, чего добраго пуще прежняго испугается.

Намекъ былъ ясенъ. Старуха откуда-нибудь по близости за ними подсматривала и если даже не видѣла, все-таки догадывалась, что между ними произошло.

Ужъ не думаетъ ли она помѣшать ему достигнуть цѣли? Это было бы забавно! Да онъ съ лица земли ее можетъ стереть, вѣдь она его крѣпостная, эта старуха.

Тѣмъ не менѣе онъ удалился и исполнилъ ея порученіе, приказалъ попавшемуся ему навстрѣчу казачку послать Малашку въ бесѣдку, а самъ прошелъ въ свою спальню и сѣлъ съ книгой у открытаго окна, того самаго, что было противъ Мароинькинаго.

Съ тѣхъ поръ какъ они познакомились и подружились, окно это днемъ оставалось незавѣшаннымъ и часть комнаты была изъ него видна: шкапъ съ книгами, ваза съ цвѣтами на мраморномъ столѣ, а въ глубинѣ бѣлѣлся край кровати изъ-подъ приподнятаго полога.

Онъ видѣлъ, какъ минутъ черезъ десять сюда вбѣжала Малашка и стала торопливо готовить барышнѣ постель, откинула одѣяло, взбивала подушки.

Мароинька очнулась, значитъ, и сейчасъ ее сюда приведутъ, чтобъ уложить въ постель.

Сказала ли она старухѣ о поцѣлуѣ? А если сказала, то въ какихъ выраженіяхъ? И что̀ чувствуетъ она теперь къ нему? Страхъ? Ненависть? Или еще сильнѣе его теперь любитъ?

Какъ прекрасна она была въ обморокѣ? Блѣдная, съ полуоткрытыми губами, между которыми сверкала бѣлая полоска зубовъ.

Она, можетъ быть, потому лишилась чувствъ, что онъ слишкомъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ? Неловко все это вышло, не красиво, не деликатно. Страсть превратила его въ животное. Не подозрѣвалъ онъ за собою такой необузданности. Что значитъ деревня и сознаніе силы и власти, on devient malgré soi un rustre! Въ Петербургѣ онъ совсѣмъ иначе бы себя повелъ.

Но въ Петербургѣ нѣтъ такихъ дѣвушекъ какъ Мароинька. Еслибъ ему тамъ сказали, что есть на земномъ шарѣ дѣвушка, способная упасть въ обморокъ отъ поцѣлуя, онъ расхохотался бы и ни за что̀ бы этому не повѣрилъ.

А вотъ нашлась же такая, на его счастье.

Une sensitive, какая прелесть!

Во всякомъ случаѣ не забыть ей никогда этого перваго поцѣлуя.

Онъ самодовольно улыбнулся.

И чѣмъ дольше заставитъ онъ ее ждать второго—тѣмъ выгоднѣе для него.

Онъ станетъ развращать ее, знакомить ее съ прелестями любви, постепенно, исподволь. Это будетъ несравненно интереснѣе, чѣмъ грубо насладиться ею и потомъ бросить.

Онъ такъ искусно примется за дѣло, что падать въ обморокъ отъ его поцѣлуевъ она больше не будетъ, о, нѣтъ!

Размышляя такимъ образомъ, Александръ Васильевичъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, вскидывая по временамъ полный любопытства взглядъ на окно Марѳинькиной спальни.

Ему хотѣлось хоть мелькомъ посмотрѣть на нее, когда она туда войдетъ.

Но въ ту самую минуту когда она появилась, не успѣлъ онъ еще разглядѣть ея лицо, какъ окно плотно задернулось занавѣской.

Это вѣрно Ѳедосья Ивановна распорядилась.

Костяной ножъ, который былъ у него въ рукахъ (онъ разрѣзывалъ имъ новую книгу), хруснулъ въ его пальцахъ и разломился пополамъ.

— Ей!—закричалъ онъ такъ громко, что дежурный казачокъ, дремавшій въ сосѣдней комнатѣ, сорвался съ мѣста въ такомъ испугѣ, что въ первую минуту не зналъ въ какую сторону ему метнуться.

— Узнать какъ чувствуетъ себя барышня, легче ли ей, да Николая ко мнѣ прислать,—приказалъ онъ.

Мальчикъ кинулся со всѣхъ ногъ исполнять приказаніе и нѣсколько минутъ спустя прибѣжалъ назадъ одновременно съ управителемъ.

— Ѳедосья Ивановна приказали доложить вашей милости, что барышнѣ покой нуженъ,—скороговоркой отрапортовалъ казачокъ.

Ухмыльнулся ли онъ при этомъ, или это только показалось Александру Васильевичу, но не успѣлъ онъ договорить, какъ звонкая пощечина чуть не сшибла его съ ногъ.

— Вонъ!—затопалъ на него баринъ, ударивъ его еще разъ со всего размаху.

Съ глухимъ воплемъ и съ разбитымъ въ кровь лицомъ, мальчикъ вылетѣлъ изъ комнаты.

Немного успокоенный удовлетвореннымъ порывомъ гнѣва, баринъ опустился въ кресло.

— Видишь, грубятъ,—обратился онъ къ управителю.—Подтянуть надо, распущены.

— Подтянемъ-съ, не извольте безпокоиться,—отвѣчалъ Николай.

— Эта старуха, Ѳедосья, она чортъ знаетъ, что̀ себѣ позволяетъ,—продолжалъ угрюмо жаловаться баринъ.

— Извѣстно, сколько времени здѣсь за барыню распоряжалась, ну и возмнила себѣ.

— Я ей покажу какая она барыня! — процѣдилъ сквозь зубы Александръ Васильевичъ.

И, помолчавъ немного, спросилъ, не поднимая глазъ на своего собесѣдника:

— Вѣдь она въ Кіевъ, кажется, собиралась?

— Собиралась, это точно, а теперь по всему видно что раздумала.

— Это почему?—спросилъ баринъ, сдвигая брови.

И сорвавшись съ мѣста, онъ снова зашагалъ по комнатѣ.

Николай нагло усмѣхнулся.

— Да подсматривать ей тутъ понадобилось за вашей милостью, да съ барышней.

Баринъ какъ вкопанный остановился передъ нимъ.

— Что такое? Подсматривать?— повторилъ онъ побѣлѣвшими губами, надвигаясь на своего клеврета.

— Точно такъ-съ, — прошепталъ этотъ послѣдній, осторожно пятясь на всякій случай, назадъ въ коридоръ.

— За мной подсматривать! — продолжалъ, блѣднѣя отъ ярости Воротынцевъ.—Такъ скажи ей, старой дурѣ, что если я хоть разъ поймаю ее на этомъ, до смерти прикажу ее запороть! Подсматривать! Узнаетъ она какъ за мною подсматривать! Мерзавка! Я ей себя покажу!

Голосъ его дрожалъ и обрывался отъ бѣшенства.

Приказавъ управителю выйти вонъ, онъ остался одинъ.

VIII.

Наступила ночь.

— Чаю!—закричалъ отрывисто баринъ, проходя въ кабинетъ, гдѣ камердинеръ зажигалъ свѣчи въ канделябрѣ на каминѣ и въ серебряныхъ, низенькихъ подсвѣчникахъ на письменномъ столѣ.

Мишка на цыпочкахъ вышелъ и притворилъ за собою вплотную маленькую дверь краснаго дерева, что вела въ коридоръ, примыкавшій къ буфетной.

Баринъ съ шумомъ отодвинулъ кресло у стола, опустился въ него и сталъ перебирать груду недочитанныхъ писемъ, лежавшихъ тутъ еще съ прошлой недѣли.

Нѣкоторыя изъ нихъ онъ даже не удосужился еще распечатать.

Вскорѣ Мишка вернулся назадъ съ подносомъ, уставленнымъ печеніями, вареньемъ, сливками и большой фарфорой чашкой съ чаемъ.

Отхлебнувъ чай, баринъ поморщился.

— Что за бурда?—сердито спросилъ онъ.

«Начинаетъ придираться, бѣда!»—подумалъ камердинеръ и нетвердымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Не могу знать-съ.

— Кто наливалъ? — угрюмѣе прежняго продолжалъ свой допросъ баринъ.

— Ѳедосья Ивановна...

Не успѣли эти два слова соскользнуть съ языка Мишки, какъ баринъ такъ отшвырнулъ отъ себя чашку, что она упала и разбилась въ дребезги.

— Не умѣетъ чай розлить, такъ зачѣмъ суется, старая дура!— закричалъ онъ при этомъ такъ громко, что люди, собравшіеся въ буфетной, вздрогнули и тревожно переглянулись между собой.

Одна только Ѳедосья Ивановна оставалась невозмутима.

— Вынь изъ шкапа другую чашку, Малашка,—обратилась она къ племянницѣ, дожидавшей у стола, съ подносомъ въ рукахъ. — Да похозяйничай тутъ за меня. Авось либо чай покажется барину вкуснѣе, когда онъ узнаетъ, что не я его наливала,—прибавила она съ усмѣшкой.

— А барышнѣ-то ктожъ постель перестелетъ, да раздѣнетъ ихъ?—спросила Малашка.

— Я раздѣну, и останусь тамъ съ нею. Не входи, пока тебя не покличатъ.

Ѳедосья Ивановна прошла къ барышнѣ.

— Ну, сударыня, расходился нашъ сахаръ медовичъ, такъ и рветъ и мечетъ,—начала она, останавливаясь у кровати, на которой лежала Марѳинька, еще блѣдная и слабая послѣ обморока и, послѣдовавшаго за нимъ, истеричнаго припадка.

— Петькѣ все лицо раскровенилъ, два зуба ему вышибъ. Хорошо, что кулакомъ въ глазъ не попалъ, на всю бы жизнь несчастнымъ сдѣлалъ. Любимую чашку покойницы барыни, изъ которой онѣ постоянно чай изволили кушать, разбилъ. Меня старой дурой выругалъ. Завтра, поди чай, и не то еще мы отъ него увидимъ. И все изъ-за тебя, сударыня.

Она смолкла. Молчала и Марѳинька.

Барышня не могла еще опомниться отъ случившагося.

Поцѣлуй, отъ котораго она лишилась чувствъ, до сихъ поръ горѣлъ на ея губахъ и прожигалъ ее насквозь, когда она вспоминала про него.

А не вспоминать она не могла; ни на чемъ другомъ мысли не останавливались.

Закроетъ глаза—еще хуже, такъ вотъ и кажется, что блѣдное, искаженное страстью лицо, съ помутившимися глазами, опять передъ нею, близко-близко. Такъ близко, что она чувствуетъ на себѣ горячее, прерывистое дыханіе, а сильныя руки опять до боли крѣпко

прижимаютъ ее къ груди, и снова мутится умъ, кровь отливаетъ къ сердцу, и жутко, холодно и сладко, невыразимо сладко.

— Ты хотѣла знать, какъ мать твоя себя погубила?—начала, помолчавъ Ѳедосья Ивановна.—Вотъ также, какъ и тебя сегодня цѣловалъ нечестный человѣкъ, да улещивалъ всячески. А какъ прознали про ея позоръ, да взъѣлись на нее всѣ, онъ самъ первый и отвернулся отъ нея. Всѣ они такіе, имъ бы только дѣвицу несчастной сдѣлать. Какъ она, бѣдная, мучилась-то! Какъ терзалась, страсть! Отъ стыда да отъ горя и умерла.

Слушая ея, у Марѳиньки отъ ужаса все шире и шире раскрывались глаза.

— Женатый былъ, дѣти, супруга законная,—продолжала старуха.—Да хоть бы и холостой, тоже бы не женился. На такихъ дѣвицахъ, которыхъ до вѣнца цѣлуютъ, не женятся.

Каждымъ своимъ словомъ она точно ножемъ рѣзала по сердцу свою слушательницу.

Марѳинька плакала.

— «Чтожъ это будетъ»,—спрашивала она себя съ отчаяньемъ.— Она его любитъ, душу за него готова отдать, онъ ей такъ милъ, что она не можетъ жить безъ него, а онъ хочетъ ее погубить... За что̀? Что̀ дѣлать! Господи, что̀ дѣлать!

Но Ѳедосья Ивановна была неумолима.

— Ты думаешь, онъ унялся?—продолжала она.—Какъ бы не такъ? Вотъ увидишь, позлится, позлится, да опять за прежнее примется, если ты здѣсь останешься. Станетъ тебя всячески улещивать, несчастнымъ прикинется, прощеніе будетъ просить, а ты и простишь, и потеряешь себя. Какъ мать твоя себя потеряла, такъ и ты. У ея злодѣя жена была, а у твоего невѣста есть...

— Невѣста!

Отъ боли, сердце у Марѳиньки такъ сжалось, что слово это воплемъ вылетѣло у нея изъ груди.

— А ты какъ думала? Эхъ ты, глупая, глупая! Невѣста у него княжна, стариннаго, знатнаго роду, важнаго князя дочь и сама фрейлиной при императрицѣ состоитъ. Зовутъ ее Марьей Леонтьевной, а по фамиліи Молдавская. Тѣхъ самыхъ князей Молдавскихъ, что у насъ бывали, когда мы еще съ покойницей барыней въ Петербургѣ жили. Мишка говоритъ — красавица. Давно ужъ нашъ-то за нею волочится. У нихъ въ домѣ его всѣ за жениха считаютъ, и знакомые господа и челядь. А если таперича заминка промежъ нихъ вышла, такъ изъ-за него же, не потрафила она ему чѣмъ-то, гордости-то видно и въ ней много, вотъ онъ и обозлился, взялъ отпускъ, да и уѣхалъ. Жестокимъ передъ ней прикидывается, амбицію свою выказываетъ, чтобъ тянулись за нимъ. И безпремѣнно потянутся, потому что такихъ жениховъ, какъ онъ, даже и въ Петербургѣ мало, ужъ богатъ больно. Вотъ поживетъ

нашъ соколъ здѣсь до осени, нацѣлуется съ тобою вдосталь, погубитъ такъ, что отъ стыдобушки тебѣ хоть топиться такъ въ ту же пору, а самъ и укатитъ себѣ въ Петербургъ, да на княжнѣ на своей женится, а ты тутъ одна, да опозоренная, пропадай себѣ пропадомъ, ему что̀! Онъ еще издѣваться надъ тобой съ молодой женой станетъ, вотъ, скажетъ, дура какая нашлась, деревенщина, повѣрила, что я могу ее полюбить...

— Молчи! Молчи! Ради Бога! Сжалься надо мной, спаси меня!—зарыдала Марѳинька.—Дѣлай со мной, что̀ хочешь, вези меня куда знаешь, только спаси меня!.. Не въ своемъ умѣ я, что̀ хочешь, то со мной и дѣлай! И боязно-то мнѣ, и тоскливо, и тянетъ къ нему... Такъ тянетъ, что вотъ, помани онъ меня только и я сейчасъ къ нему побѣгу! Знаю, что гибель моя въ томъ, а побѣгу!.. Стыдно, охъ, какъ стыдно!—лепетала она безсвязно, обнимая старуху, прижимаясь мокрымъ отъ слезъ лицомъ къ ея груди и вздрагивая всѣмъ тѣломъ отъ страха и отчаянья передъ призраками печальнаго будущаго, вызванными передъ нею.

— А ты молись. Дѣло твое такое, что одинъ только Онъ, Господь милосердный, можетъ тебя спасти. А я тебя оставить не могу, потому поручена ты мнѣ на смертномъ одрѣ благодѣтельницей нашей Марѳой Григорьевной,—дрогнувшимъ голосомъ отъ подступавшихъ къ горлу слезъ вымолвила Ѳедосья Ивановна.—Молись. Онъ, батюшка Царь небесный, все оттуда видитъ и ни одна сиротская слеза не прольется даромъ...

Долго вела такія рѣчи Ѳедосья Ивановна, до тѣхъ поръ пока Марѳинька мало-по-малу не успокоилась, не стихла и не заснула.

Тогда, задернувъ на половину пологъ, чтобъ свѣтъ отъ лампады не безпокоилъ барюшню, старуха стала на молитву передъ кіотомъ.

Время шло, а она все клала земные поклоны и шептала съ глубокими вздохами:

— Мать Царица небесная, заступи и помилуй! Спаси и помилуй!

Въ домѣ всѣ огни погасли, наступила мертвая тишина, а она все молилась.

Слезы градомъ катились по ея блѣдному, морщинистому лицу, а темные лики въ свѣтлыхъ, блестящихъ ризахъ, передъ которыми она изливала свою душу, смотрѣли на нее спокойно и торжественно строго.

— Да будетъ воля Твоя! Да будетъ воля Твоя! Защити и подкрѣпи, спаси и помилуй!—продолжали шептать ея губы, но мысли стали мало-по-малу отбиваться въ сторону.

«Надо скорѣе вывезти сироту отсюда и поставить ее подъ такую вѣрную охрану, гдѣ бы ему ее не достать. Скорѣе, пока въ немъ гнѣвъ еще не остылъ. Какъ опомнится, да зачнетъ съ лестью къ ней подбиваться, пропала ея головушка. Забудетъ Марѳинька

и страхъ, и стыдъ, все забудетъ. Любитъ вѣдь она его, голубка, охъ, какъ любитъ! Чтò захочетъ, то и подѣлаетъ съ нею, не сможетъ она ему супротивничать, да и не съумѣетъ, гдѣ ей! Въ своемъ-то имѣніи, да въ одномъ съ нею домѣ, Господи! Да надо только дивиться, какъ это ее Господь сохранилъ до сихъ поръ! Вѣдь баринъ!..»

У двери послышался шорохъ.

Старуха стала съ ужасомъ прислушиваться. Ужъ не онъ ли, баринъ?

Хорошо, что она не забыла задвинуть изнутри задвижку.

Но вѣдь онъ можетъ приказать отпереть. Она не послушается— другого позоветъ, вѣдь баринъ.

Ручка у двери зашевелилась. Пробуетъ отворить, значитъ.

Чтò тутъ дѣлать? И вдругъ, барышня проснется?!.

Она оглянулась на кровать—спитъ, слава Богу, умаялась, спитъ крѣпко.

Въ волненіи своемъ Өедосья Ивановна совсѣмъ забыла про другую дверь, что вела къ потайной лѣстницѣ и когда дверь эта, вдругъ, растворилась, она чуть не вскрикнула отъ испуга.

Ей представилось, что Александръ Васильевичъ успѣлъ обѣжать кругомъ и проникъ сюда другимъ ходомъ.

Она похолодѣла отъ ужаса при этой мысли.

Но это была Малашка, а не онъ.

Въ одной сорочкѣ, съ распущенной косой и выпученными отъ страха глазами, дѣвушка, остановившись на порогѣ, подзывала ее знаками къ себѣ.

— Тетенька, миленькая!

Это было произнесено очень тихо, но Өедосья Ивановна ее услышала и, не переставая оглядываться на дверь съ шевелившейся ручкой, подбѣжала къ племянницѣ.

— Баринъ сюда пошли... Мы съ Мишей видѣли... Легли почивать, свѣчку задули, а тамъ, полежали, полежали, да въ туфляхъ на босую ногу и въ халатѣ, изъ спальни тихонечко вышли. Мимо насъ прошли, мы притаились,—шептала Малашка, захлебываясь отъ волненія и не замѣчая, что она выдаетъ тайну своихъ отношеній къ красивому камердинеру.

— Знаю, вотъ онъ! — кивнула Өедосья Ивановна въ сторону двери съ шевелившейся ручкой.

— Ахъ ты, Господи!—всплеснула руками Малашка.

— Задвижка заложена, оттуда не отпереть.

— А вдругъ, да они поналягутъ, крючокъ-то и соскочитъ!

— Я тутъ буду. При мнѣ онъ ее не тронетъ, — возразила Өедосья Ивановна.

Чѣмъ ближе наступала опасность, тѣмъ она дѣлалась рѣшительнѣе.

— Родная! Да съ вами-то, съ вами-то что за это будетъ,—продолжала съ возростающимъ волненіемъ шептать Малашка.— Вѣдь вы не знаете, онъ грозилъ васъ до смерти запороть... Миша слышалъ. Если, говоритъ, подсматривать за мной станетъ, до смерти прикажу запороть. Это онъ управителю сказалъ. А этотъ развѣ посмотритъ, что вы старенькая; его родную мать заставятъ сѣчь, онъ и ее высѣчетъ.

Старуха судорожно стиснула губы и не проронила ни слова.

— Миша говоритъ: уговори ты ее это дѣло бросить, все равно онъ на своемъ поставитъ, баринъ вѣдь,—продолжала шептать Малашка.

И вдругъ, она въ ужасѣ смолкла. Ручка двери, съ которой они обѣ не спускали глазъ, задергалась сильнѣе, и дверь затрещала подъ напоромъ сильнаго плеча.

— Сейчасъ задвижка соскочитъ! Сейчасъ, сейчасъ! Тетенька, миленькая, бѣжимъ скорѣе... Убьетъ онъ насъ до смерти! Миленькая, бѣжимъ!

Дрожа отъ страха Малашка схватила старуху за руку и что есть силъ тащила ее за собой въ темный проходъ къ потайной лѣстницѣ.

А съ противоположной стороны задвижка, какъ будто начинала подаваться. Ѳедосья Ивановна вырвалась отъ племянницы и, приказавъ ей скрыться съ глазъ долой, рѣшительной походкой подошла къ двери, сняла крючокъ и очутилась лицомъ къ лицу съ бариномъ.

— Что вамъ угодно, сударь? Барышня нездоровы и недавно только започивать изволили, — произнесла она почтительно, но твердо.

— Мнѣ угодно, чтобъ завтра же духу твоего здѣсь не было, слышишь? — задыхаясь отъ ярости, прошепталъ Александръ Васильевичъ.

— Слушаю, сударь,—покорно отвѣчала старуха, продолжая загораживать собою проходъ въ дверь.

— До смерти прикажу тебя запороть, если ты завтра къ вечеру не уберешься.

— Какъ вашей милости угодно будетъ, — все также спокойно и почтительно отвѣчала она.

— Просилась въ Кіевъ, ну, и ступай. Зачѣмъ осталась? Подслушивать да подсматривать за мной. Да какъ ты смѣешь! Я за это и родичей-то всѣхъ твоихъ раззорю, стариковъ въ Сибирь сошлю, а молодымъ лобъ забрѣю, чтобъ отъ поганаго твоего отродья и слѣда здѣсь не осталось! Вы меня еще не знаете, я вамъ покажу, что значитъ настоящій баринъ! Нужно будетъ, пожелаю— ни передъ чѣмъ не остановлюсь, всѣхъ сокрушу, а на своемъ поставлю!

Она слушала его молча, все ниже и ниже опуская голову, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Не изумляли ее эти бѣшеныя, безчеловѣчныя рѣчи, недаромъ прослужила она весь свой длинный вѣкъ господамъ. Слышала она такія рѣчи и отъ прадѣда его и отъ дѣда, и отъ отца его, зарѣзаннаго хохлами въ Малороссіи.

И этотъ такой же строптивый какъ и тѣ. И такой же красивый да развратный. Много бѣдъ надѣлаетъ на своемъ вѣку!

А у барина, между тѣмъ, порывъ бѣшеной страсти, сорвавшій его съ постели и потянувшій его къ Марѳинькиной комнатѣ, постепенно стихая, переходилъ въ досаду на себя за то, что онъ такъ нелѣпо себя ведетъ.

Чортъ знаетъ, что за глупую роль онъ изъ себя разыгрываетъ съ сегодняшняго вечера! Перепугалъ до полусмерти Марѳиньку. Съ этой старухой поставилъ себя въ невозможное положеніе. Теперь ничего больше не остается дѣлать, какъ, такъ или иначе, избавиться отъ ея присутствія въ домѣ. Если она добровольно не захочетъ уйти, придется употребить силу, дѣлать нечего.

— Не въ свое дѣло вздумала вмѣшиваться, ну, и пеняй на себя, если худо будетъ.

Прошептавъ это сквозь стиснутые судорожно зубы, онъ смолкъ.

Ѳедосья Ивановна отошла къ сторонѣ. Теперь она ужъ не боялась, что онъ войдетъ и испугаетъ Марѳиньку. Пока онъ грозилъ ей и злился, она не переставала исподлобья наблюдать за выраженіемъ его лица и видѣла, какъ постепенно страсть въ немъ гаснетъ и замѣняется мечтательною нѣжностью.

Не отрывая глазъ отъ бѣлѣвшагося въ темнотѣ края Марѳинькиной постели, онъ продолжалъ стоять на порогѣ высокаго покоя, тонувшаго въ полусвѣтѣ лампады, теплившейся передъ образами.

Отъ завядающихъ цвѣтовъ въ водѣ, ароматъ былъ бы нестерпимо силенъ, еслибъ ночная свѣжесть не проникала сюда черезъ занавѣску, спущенную передъ открытымъ окномъ.

Самыя разнообразныя мысли и чувства тѣснились въ его душѣ.

Мысленно переживалъ онъ весь минувшій день, съ ранняго утра, когда срывая вмѣстѣ съ нею цвѣты, вянувшіе теперь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, ему было такъ отрадно любоваться ея свѣжестью, граціей и невинностью. Потомъ, передъ обѣдомъ, вернувшись съ поля, онъ ей что̀-то разсказывалъ, и она его слушала съ выраженіемъ такого дѣтскаго возсторга и довѣрія! И тутъ, онъ ничего еще, кромѣ желанія дольше, какъ можно дольше, глядѣть въ эти милые, невинные глазки, ничего не ощущалъ.

И какъ онъ былъ счастливъ тогда!

А потомъ воскресла передъ нимъ сцена въ бесѣдкѣ. Какъ ему, вдругъ, захотѣлось поцѣловать ее и какъ она испугалась выраженія его лица, какъ задрожала и какими умоляющими глазами

смотрѣла на него въ то время, какъ онъ ее все ближе и ближе прижималъ къ себѣ!

Стоитъ только сдѣлать нѣсколько шаговъ и Марфинька опять будетъ въ его объятіяхъ, нѣжная, покорная, вся трепещущая отъ счастья и любви...

Но тутъ была эта старуха, возиться съ нею, выталкивать ее вонъ изъ комнаты, ему претило. Александръ Васильичъ подумалъ, что завтра въ это время ему ужъ никто не будетъ мѣшать и ушелъ въ свою спальню.

IX.

На слѣдующее утро стало по всему околотку извѣстно, что Ѳедосья Ивановна покидаетъ навсегда Воротыновку и народъ повалилъ со всѣхъ сторонъ съ нею прощаться.

Провѣдавъ объ отъѣздѣ своей старой пріятельницы, притащился сюда и Митинька. Но пробылъ онъ не долго и, выходя изъ дому, встрѣтился съ управителемъ, которому ужъ успѣли донести объ его появленіи въ господскомъ домѣ.

— На долго ль къ намъ, Митрій Митричъ? — спросилъ у него черноватый, который при случаѣ умѣлъ и вѣжливымъ быть.

— Мимоѣздомъ, батюшка, сейчасъ дальше ѣду. Лѣсъ тутъ торгую у Куманинскихъ, да вотъ прозналъ, что Ѳедосья Ивановна наша собралась уѣзжать, завернулъ съ нею проститься.

— Такъ, такъ,—одобрительно закивалъ управитель.

— Жаль старушку, вѣдь мы съ ней безъ малаго сорокъ пять годковъ вмѣстѣ здѣсь прожили,—разболтался старикъ.

— Чтожъ дѣлать! И барину ее жаль, но вѣдь она обѣщаніе дала въ Кіевѣ помереть?

— Дала, это точно что дала,—согласился Митинька.

— А барышню видѣли?

— Нѣтъ, батюшка, не видалъ. Почиваетъ, нездорова, говорятъ.

Они распростились. Митинька побрелъ на заднiй дворъ къ своей телѣжкѣ, а управитель поднялся на бельведеръ.

Оттуда ему отлично было видно всякаго, кто шелъ по дорогѣ изъ села въ барскую усадьбу, и обратно. А ему очень любопытно было знать, кто именно изъ Воротыновскихъ особенно дружитъ съ Ѳедосьей Ивановной и горюетъ объ ея отъѣздѣ.

Старуха дѣятельно сбиралась въ путь. Онъ даже не ожидалъ отъ нея такой покорности, думалъ, что не мало придется съ нею повозиться прежде, чѣмъ она рѣшится покинуть насиженное гнѣздо и разстаться съ своей барышней.

Должно быть добрую встряску ей закатилъ баринъ!

Александра Васильевича не было дома. Онъ на весь день уѣхалъ

въ Морское, гдѣ Дормидонтъ Иванычъ приготовилъ для него забаву—рыбную ловлю тонями.

Морское находилось на берегу широкой, судоходной рѣки, въ которой рыбы всякой было тьма тьмущая.

Въ Воротыновку баринъ хотѣлъ вернуться только ночью. Съ нимъ ѣхалъ Мишка, рядомъ съ кучеромъ на козлахъ.

Послѣ неудачной экскурсіи въ Марѳинькину комнату, Александръ Васильевичъ спать совсѣмъ не ложился. До зари писалъ онъ ей письмо, а потомъ пошелъ купаться и, возвращаясь назадъ черезъ садъ, нарвалъ цвѣтовъ, еще влажныхъ отъ утренней росы; передъ тѣмъ же какъ сѣсть въ тарантасъ, запряженный тройкой, онъ приказалъ управителю передать барышнѣ, когда она встанетъ, письмо съ букетомъ.

Не взирая на безсонную ночь, баринъ уѣхалъ въ довольно хорошемъ расположеніи духа.

Къ слѣпому повиновенію со стороны подвластныхъ ему людей, онъ такъ привыкъ съ ранняго дѣтства, что не сомнѣвался въ томъ, что всѣ его приказанія будутъ исполнены въ точности.

Старуха уѣдетъ.

Марѳиньку это огорчитъ конечно, но онъ съумѣетъ ее утѣшить.

Катясь по полямъ, покрытымъ колыхавшимся моремъ дозрѣвающихъ колосьевъ, проѣзжая подъ тѣнистыми сводами стараго лѣса и мимо изумрудныхъ луговъ съ рѣчкой, сверкавшей то тутъ, то тамъ, въ лучахъ восходящаго солнца, онъ представлялъ себѣ, что будетъ чувствовать Марѳинька, перечитывая его письмо, и счастливая улыбка блуждала на его губахъ.

Писать онъ былъ мастеръ. Его billets doux ходили по рукамъ въ Петербургѣ и бережно хранились не только тѣми, кому они были адресованы, но даже списывались другими, какъ образцы салоннаго краснорѣчія.

Никто лучше его не умѣлъ сочинить экспромтъ въ стихахъ, въ альбомъ красавицы, пригласить ее на мазурку, съ такимъ выраженіемъ, точно судьба всей его жизни зависитъ отъ ея отвѣта; а также говорить по цѣлымъ часамъ и исписывать цѣлыя страницы, ничего не сказавъ.

Ссора его съ княжной Молдавской произошла именно по поводу такого письма.

Раздраженная его недомолвками и полупризнаніями, послѣ того какъ онъ влюбилъ ее въ себя до безумія, гордая дѣвушка стала упрекать его въ неискренности и недовѣрчивости.

— Я плачу довѣріемъ т о л ь к о за довѣріе,—холодно отвѣчалъ онъ, напирая на слово «только».

Краснѣя подъ его взглядомъ, княжна объявила, что ни за что̀ первая не признается въ любви, какъ бы она ни любила.

Онъ пожалъ плечами, скорчилъ огорченную мину, почтительно поклонился ей и вышелъ.

Съ тѣхъ поръ они не видались. Но на прошлой недѣлѣ ему привезли изъ города письмо отъ маленькой баронессы, съ описаніемъ страданій этой бѣдной Мари Молдавской. Княжна похудѣла, поблѣднѣла и равнодушно слышать о немъ не можетъ. За нею началъ ухаживать Рязановъ, флигель-адъютантъ, но она не обращаетъ на него никакого вниманія. Говорятъ, будто бы она хочетъ поступить въ монастырь.

Письмо оканчивалось вопросомъ: «resterez vous longtemps cruel?»

Посланіе это его разсмѣшило и онъ присѣлъ было къ столу, чтобы отвѣчать, но едва только двѣ, три фразы, полныя остроумной ироніи, выскользнули изъ-подъ его пера, какъ ему уже надоѣло продолжать забаву и, выдвинувъ ящикъ въ столѣ, онъ бросилъ въ него недописанный листокъ.

Богъ съ нею совсѣмъ съ этой княжной, съ ея любовью, гордостью, богатствомъ, красотой и требованіями!

Она теперь въ его глазахъ не стоила Марѳинькинаго мизинца.

Какъ кстати отложилъ онъ на время мысль о женитьбѣ.

Разумѣется жена не помѣшала бы ему ухаживать за Марѳинькой, но все же лучше, что онъ свободенъ.

Погода стояла великолѣпная. Лошади бѣжали бойко; пріѣхалъ онъ въ Морское за полчаса раньше чѣмъ предполагалъ. Ловля рыбы удалась какъ нельзя лучше; въ тоню, закинутую на счастье Воротыновскаго барина, попалась масса рыбы.

Обѣдъ смастерила для дорогого гостя мать Дормидонта Иваныча на славу, а самъ Дормидонтъ показалъ ему преинтересные опыты по хозяйству, но все-таки время тянулось такъ медленно, что дольше чѣмъ до шести часовъ Александръ Васильевичъ не въ силахъ былъ оставаться. Но чтобы не пріѣзжать домой до ночи—онъ тогда только могъ разсчитывать навѣрняка не застать въ Воротыновкѣ Ѳедосью Ивановну,—онъ приказалъ ѣхать по дорогѣ къ Гнѣзду.

Крюкъ былъ порядочный, верстъ въ 15 по крайней мѣрѣ, но лошади отдохнули и такъ хорошо бѣжали, что баринъ, время отъ времени, долженъ былъ умѣрять ихъ ретивость, покрикивая на кучера, чтобы онъ такъ не гналъ.

Ночь надвигалась чудная, душистая и лунная. Издалека увидѣлъ онъ раскинувшееся среди зелени село, съ маленькою церковью на пригоркѣ, возлѣ барской усадьбы.

Когда тарантасъ сталъ подъѣзжать къ околицѣ, было около десяти часовъ; все село спало крѣпкимъ сномъ и, кромѣ луннаго свѣта, отражавшагося мѣстами на стеклахъ оконцевъ, нигдѣ не видно было огней.

Заслышавъ издали звонъ колокольчика, собаки залаяли.

Полулежа на подушкахъ покойнаго тарантаса съ откинутымъ верхомъ, Александръ Васильевичъ мечталъ о предстоявшемъ свиданіи съ Мареинькой.

Онъ написалъ ей, что уѣзжаетъ изъ Воротыновки, потому что не въ силахъ дольше переносить мукъ любви; что онъ умоляетъ ее его выслушать. Онъ признавался ей въ томъ, что всю прошлую ночь простоялъ у ея двери,—про то, что Өедосья Ивановна стояла тутъ же, онъ не упомянулъ, конечно. Онъ клялся ей, что страданія его такъ невыносимы, что если она не сжалится надъ нимъ, онъ рѣшится на все. «Если, вернувшись домой, я не найду отвѣта на это письмо, вы никогда больше меня не увидите»...

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произведетъ на Мареиньку это посланіе! Вѣдь она такъ невинна и неопытна, что повѣритъ каждому его слову. Ей даже и въ голову не можетъ придти, чтобъ онъ лгалъ.

Да онъ и не лгалъ. Любовь разросталась въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. Ни о чемъ не могъ онъ думать, кромѣ какъ о Мареинькѣ и ко всему, что отвлекало его отъ нея, онъ относился съ гнѣвомъ и отвращеніемъ.

— Пошелъ! Пошелъ!—закричалъ онъ на кучера, забывая, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, приказывалъ ему ѣхать тише.

Лай собакъ, усиливавшійся по мѣрѣ того какъ они приближались къ селу, нестерпимо раздражалъ его. Скорѣе хотѣлось снова погрузиться въ ароматную тишину залитой луннымъ блескомъ ночи.

Кучеръ, приподнявшись на козлахъ, такимъ подбодряющимъ голосомъ затянулъ:—«Эй вы, соколики, выручайте!»—что тарантасъ вихремъ пронесся по улицѣ, мимо молчаливыхъ хатъ, завернулъ за церковь съ усадьбой и вынырнулъ на большую дорогу.

Но какъ быстро не промчался онъ мимо чернѣвшихъ среди деревьевъ строеній, Александръ Васильевичъ все-таки замѣтилъ свѣтъ въ одномъ изъ флигелей господской усадьбы и это удивило его.

— Что тутъ, живетъ кто?—спросилъ онъ у Мишки, указывая по направленію къ освѣщенному флигельку, отъ котораго все дальше и дальше уносила ихъ тройка.

— Не могу знать-съ, — отвѣчалъ Мишка.

— Да ты видѣлъ огонь во флигелѣ, налѣво?

— Видѣлъ-съ.

— Ну?

— Можетъ кто и живетъ-съ,—нерѣшительно замѣтилъ Мишка.

— Можетъ кто и живетъ!—передразнилъ его сердито баринъ.— Олухъ! Завтра же узнать, слышишь? — прибавилъ онъ, возвышая голосъ.

— Слушаю-съ.

Александра Васильевича точно что кольнуло въ сердце, когда свѣтъ въ окнѣ заброшенной усадьбы метнулся ему въ глаза.

Это былъ тотъ самый флигель въ которомъ нѣкогда жила Мароинькина мать.

Строеніе это приходило въ ветхость ужъ и тогда, когда онъ былъ здѣсь съ бабушкой, 10 лѣтъ тому назадъ, теперь это должно быть руина.

Кому могла быть надобность проникнуть въ эту руину, да еще ночью, со свѣчами?

Ужъ не Мароинькѣ ли?

Нелѣпость этого предположенія была очевидна, но тѣмъ не менѣе оно, въ первую минуту, такъ всецѣло овладѣло имъ, что онъ чуть было не приказалъ кучеру вернуться въ Гнѣздо. Но сообразивъ, что понапрасну только поставитъ себя въ неловкое положеніе передъ людьми, а главное пріѣдетъ нѣсколькими минутами позже туда, гдѣ навѣрное уже застанетъ Мароиньку и гдѣ она его ждетъ, онъ прикрикнулъ на кучера, чтобы гналъ впередъ лошадей усерднѣе.

X.

Въ Воротыновкѣ, не взирая на поздній часъ, не спали. Какое-то особенное движеніе замѣчалось не только въ барской усадьбѣ, но и на селѣ.

У опушки лѣса имъ на встрѣчу попались мужики верхами, что-то кричавшіе и махавшіе руками. И не успѣлъ баринъ спросить у нихъ, что случилось, и куда они скачутъ, какъ они уже скрылись у него изъ виду.

У растворенныхъ настежь воротъ толпились люди; другіе кучками бѣжали изъ флигелей, гдѣ помѣщались фабричные. И чѣмъ ближе подъѣзжалъ тарантасъ, тѣмъ явственнѣе доносился до слуха сидѣвшихъ въ немъ, гулъ голосовъ и вой какой-то странный.

— Пошелъ! Пошелъ! — повторялъ баринъ.

Стоя въ тарантасѣ, блѣдный, съ сверкающими глазами, онъ растерянно озирался по сторонамъ.

Жуткое предчувствіе щемило ему сердце. Мароинька что-нибудь надъ собой сдѣлала: утопилась?... рѣчка близко... колодезь подъ окнами...

Онъ не видѣлъ ее послѣ приключенія въ бесѣдкѣ. Чортъ знаетъ, что могла наговорить ей старуха! О! какой онъ дуракъ, что пропустилъ эту ночь и цѣлый длинный день, не объяснившись съ нею!

Мысли эти вихремъ проносились въ его мозгу, а плачъ со стонами и причитаньемъ, какъ надъ покойникомъ, все усиливался.

Это по ней плачутъ... надъ ея трупомъ!...

Нѣтъ, толпа дворовыхъ, съ прибѣжавшими изъ села бабами и дѣвками, ревѣла не надъ Мароинькой, а надъ Өедосьей Ивановной, которую управитель истязалъ въ пустомъ сараѣ, при свѣтѣ фонаря

и съ помощью двухъ конюховъ изъ людей, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ бариномъ изъ Петербурга.

Изъ Воротыновцевъ никто не рѣшился бы поднять руку на старуху, всю жизнь считавшуюся самымъ близкимъ человѣкомъ къ покойной барынѣ Марѳѣ Григорьевнѣ.

Управитель вымучивалъ у нея отвѣтъ на вопросъ, предлагаемый передъ каждымъ ударомъ:—гдѣ барышня?

Но Ѳедосья Ивановна молча выносила пытку. Кровь уже текла ручьемъ изъ ея истерзанной спины, она давно перестала стонать, а онъ все еще приказывалъ ее бить.

Громкій ропотъ, слезы, крики толпы, тѣснившейся у запертой двери сарая, только раззадоривали его еще пуще. Онъ засѣкъ бы ее до смерти, еслибы крики:—Баринъ, баринъ ѣдетъ, баринъ ѣдетъ! не заставили конюховъ, исправлявшихъ по его требованію роль палачей, остановиться и съ испугомъ переглянуться межъ собой.

Весь перепачканный кровью своей жертвы выбѣжалъ управитель изъ сарая на встрѣчу тарантасу, въѣзжавшему на дворъ, среди внезапно воцарившейся тишины.

— Что тутъ у васъ случилось?—раздался голосъ барина.

— Старуха... барышню скрыла куда-то,—забормоталъ управитель безсвязно и дрожа отъ страха передъ сверкающимъ взглядомъ барина.

— «Скрыла»... значитъ Марѳинька жива!... Слава Богу!

У Александра Васильевича отлегло отъ сердца.

— Куда жъ она ее скрыла?—отрывисто спросилъ онъ, выскакивая изъ тарантаса.

И не дождавшись отвѣта, повернулся къ толпѣ почтительно разступившейся передъ нимъ, и гнѣвно затопалъ ногами.

— Разогнать эту сволочь! Что̀ за сборище? Вонъ отсюда!—запальчиво возвысилъ онъ голосъ.

— Да вѣдь ей, сударь, восьмой десятокъ пошелъ...—послышался голосъ изъ толпы.

Его тотчасъ же поддержали.

— Она при покойницѣ Марѳѣ Григорьевнѣ...

— Много ль такому старому человѣку нужно...

— По закону не полагается...

— Прочь! Вонъ отсюда!—сурово повторилъ баринъ.—Батожьемъ велю разогнать!

Толпа отхлынула, но совсѣмъ не расходилась, а когда баринъ съ управителемъ вошли въ домъ, нѣкоторыя изъ бабъ расхрабрились настолько, что стали одна за другой пробираться въ сарай, гдѣ лежала на рогожѣ Ѳедосья Ивановна.

Одинъ изъ парней, истязавшихъ ее, опустившись передъ нею на колѣни, держалъ у ея запекшихся губъ желѣзный ковшъ съ водой, которую товарищъ его зачерпнулъ изъ ведра у колодца.

— Прости, Христа ради, бабушка; не по своей волѣ,—шепталъ онъ.

— Богъ проститъ,—чуть слышно проговорила старуха.

Это были первыя слова, вырвавшіяся у нея съ той самой минуты, какъ управитель узналъ, что барышня куда-то изъ усадьбы исчезла.

Сначала онъ допрашивалъ бывшую домоправительницу съ проклятіями и угрозами, а потомъ, отчаявшись сломить ея упорство, потащилъ ее въ сарай и сталъ ее сѣчь.

Про исчезновеніе барышни стало извѣстно въ Воротыновкѣ только съ часъ тому назадъ, когда Ѳедосья Ивановна объявила, что сегодня отсюда не уѣдетъ и приказала снимать съ телѣги свои пожитки и распречь лошадей.

Объ этомъ сейчасъ же донесли управителю; онъ прибѣжалъ, чтобы силой выпроводить старуху, а тутъ ему кто-то шепнулъ, что барышни нигдѣ нѣтъ и поднялась суматоха.

Прежде чѣмъ начать расправляться съ Ѳедосьей Ивановной, онъ кликнулъ людей и самъ обошелъ съ ними всю усадьбу, садъ, домъ, флигеля, но барышни нигдѣ не оказывалось.

Сталъ всѣхъ допрашивать—не видалъ ли ее кто? Никто ее въ тотъ день не видалъ. Даже Малашку не впускала Ѳедосья Ивановна въ комнату барышни подъ тѣмъ предлогомъ, что она больна и ей нуженъ покой.

Управитель разослалъ верховыхъ по всѣмъ направленіямъ ее розыскивать, но врядъ ли изъ этого будетъ толкъ. Она можетъ быть съ ранняго утра отсюда выѣхала, кто знаетъ?

— Надо полагать, что старичокъ тотъ, Митрій Митричъ, къ этому дѣлу причастенъ,—говорилъ управитель, стоя у дверей кабинета, въ то время какъ баринъ прохаживался въ раздумьѣ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— А развѣ онъ здѣсь былъ?

— Былъ-съ. Заѣзжалъ съ старухой прощаться. Утромъ, часа три послѣ того, какъ вы изволили уѣхать. Надо такъ полагать, у нихъ напередъ было условлено: ему отъѣхать въ такое мѣсто, гдѣ никого встрѣтить нельзя, да и притаиться тамъ, ждать чтобъ барышня вышла, а потомъ вмѣстѣ и ѣхать. Непремѣнно у нихъ это было давно подготовлено, потому такъ ловко и вышло. А вышла изъ дому барышня не иначе какъ черезъ потайную дверь, что изъ ея комнаты на дворъ выходитъ. Лѣстница такая винтомъ въ стѣнѣ вдѣлана.

— Какая лѣстница? Развѣ тамъ есть потайная лѣстница?

— Есть-съ.

— Что жъ ты мнѣ раньше этого не сказалъ? оселъ!

— Да я и самъ вотъ только сегодня про эту дверь узналъ. Подъ деревомъ она скрыта; если не сказать, ни за что̀ не найти.

— Когда же ты, болванъ эдакій, мое письмо барышнѣ отнесъ?

— Я имъ письма не относилъ-съ. Вы изволили приказать, чтобъ въ собственныя руки имъ передать, а старуха къ ней не пускала, почиваетъ молъ. Пукетъ я имъ черезъ...

— Пошелъ вонъ, дуракъ!—оборвалъ его на полусловѣ баринъ.— Да прислать ко мнѣ Ѳедосью, я ее самъ допрошу,—прибавилъ онъ, падая въ изнеможеніи въ кресло. — Ну, иди же, чего ты стоишь?

Но Николай не трогался съ мѣста.

— Пошли ко мнѣ Ѳедосью, — повторилъ баринъ.

— Позвольте вамъ доложить, сударь,—началъ запинаясь управитель,—ей теперича не дотащиться сюда. Я докладывалъ вашей милости, пришлось ее попугать, чтобъ сказала, гдѣ барышня.

Александръ Васильевичъ приподнялъ опущенную на руки голову.

— Какъ это попугать? Ты, я надѣюсь, не высѣкъ же ее?

— Точно такъ-съ, сударь, попугать хотѣлъ,—возразилъ, заикаясь отъ страха и смущенія управитель.

— Дуракъ!

И вымолвивъ это слово, баринъ не зналъ, что къ нему прибавить.

Наступило молчаніе. На душѣ у него скверность какая-то зашевелилась.

Угрожая запороть до смерти старуху, если она будетъ препятствовать его сближенію съ Марѳинькой, Александръ Васильевичъ не думалъ, что доведется приводить эту угрозу въ исполненіе. Но Николай понялъ все это иначе и поусердствовалъ не въ мѣру. Теперь чортъ знаетъ, что̀ вышло! Старуха еще умретъ пожалуй... скажутъ, что ее засѣкли. Есть, кажется, какой-то законъ, воспрещающій подвергать самовольно тѣлесному наказанію людей, перешедшихъ за извѣстный возростъ? Разумѣется никакой отвѣтственности онъ за это не понесетъ, доносить на него здѣсь некому... А тѣхъ, что изъ города пришлютъ (если пришлютъ) всегда подкупить можно. А все-таки не ладно вышло. Хорошо что Воротыновка такъ далеко отъ Петербурга и что тамъ никто объ этомъ не узнаетъ... Но гдѣ же Марѳинька? Если старуха умретъ, будетъ еще труднѣе ее розыскать...

Но долго въ неизвѣстности его не оставляли. Раздѣвая барина на ночь, Мишка, мысленно сотворивъ молитву и помянувъ царя Давида и всю кротость его, доложилъ, что имѣетъ къ нему порученіе отъ Ѳедосьи Ивановны.

— Что такое? Говори, — довольно мягко сказалъ баринъ.

— Онѣ просятъ васъ не безпокоиться насчетъ барышни. Завтра, говоритъ, я имъ сама скажу, куда я ее скрыла, а таперича пусть прикажутъ, чтобъ никого не пытали и нигдѣ ее не искали, все равно не найдутъ.

— Хорошо,—отрывисто вымолвилъ Александръ Васильевичъ.— Ступай себѣ.

Оставшись одинъ, онъ не легъ въ постель, а долго ходилъ по

кабинету, а потомъ прошелъ въ спальню, остановился у окна, выходившаго на Мареинькину комнату и до тѣхъ поръ смотрѣлъ изъ него, пока не стало свѣтать.

Тутъ ужъ съ нимъ сдѣлалась такая тоска по ней и такъ захотѣлось видѣть, если не ее, то по крайней мѣрѣ тѣ стѣны и вещи, среди которыхъ она жила до сихъ поръ, и подышать тѣмъ воздухомъ, которымъ она дышала, что онъ не вытерпѣлъ и прошелъ черезъ парадные покои въ восточную башню.

Дверь въ Мареинькину комнату, въ попыхахъ обыска, осталась растворенной. Да и не отъ кого ее было запирать теперь—птичка вылетѣла изъ клѣтки.

Эта отпертая дверь и откинутая занавѣска у окна, безпрепятственно пропускавшая сюда бѣлесоватый свѣтъ утренней зари, производили удручающее впечатлѣніе.

Теперь только понялъ Александръ Васильевичъ, какъ онъ былъ счастливъ, когда она была въ домѣ.

Точно душу вынули изъ стараго дома. Всѣ радости жизни вылетѣли изъ него вмѣстѣ съ нею.

Притворивъ за собою дверь, онъ сталъ разсматривать вещи, лежавшія на столахъ и на этажеркахъ. Сорванные имъ вчера утромъ цвѣты блекли въ фарфоровой вазѣ. Между ними не было той крупной розы, распустившейся первой на кустѣ сантифолій, которую онъ помѣстилъ на самое видное мѣсто букета. Она вѣрно взяла эту розу на память объ немъ. О! да она и безъ розы никогда не забудетъ его! Вѣдь она его любитъ.

Ему особенное наслажденіе доставляло повторять мысленно это слово.

На столикѣ у окна лежала раскрытая книга; дальше прислонены были къ спинкѣ кресла тѣ самые маленькіе пяльцы, которые онъ вынулъ у нея изъ рукъ, прежде чѣмъ сжать ее въ своихъ объятіяхъ.

Неужели еще двухъ сутокъ не прошло съ тѣхъ поръ?

Не вѣрилось, чтобъ это случилось такъ недавно. Онъ столько пережилъ и перестрадалъ за это время, что самъ себя не узнавалъ. Не хотѣлось ему больше ни бѣситься, ни мстить кому бы то ни было, хотѣлось только, чтобъ она была тутъ, какъ прежде, и навсегда, на всю жизнь.

XI.

Когда черезъ нѣсколько часовъ Александру Васильевичу прибѣжали сказать, что Ѳедосьѣ Ивановнѣ худо и что передъ смертью она желаетъ съ нимъ проститься, онъ тотчасъ же отправился внизъ.

Люди, видѣвшіе его въ то утро, шопотомъ передавали другъ другу, что на баринѣ лица нѣтъ, такой онъ блѣдный и разстроенный.

Съ умирающей онъ заговорилъ первый.

— Скажи мнѣ скорѣе гдѣ она,—началъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—я хочу на ней жениться.

— Батюшка! Да вѣдь она тебѣ сестра троюродная! — простонала старуха.

Онъ съ раздраженіемъ передернулъ плечами.

— Она незаконнорожденная мѣщанка Васильева, — объявилъ онъ насупившись.—Бракъ будетъ законный.

Ѳедосья Ивановна вздохнула.

— Какъ твоей милости будетъ угодно, ты баринъ, твоя и воля, и власть, а только...

— Гдѣ она?—нетерпѣливо перебилъ онъ ее.

— Теперича она въ городѣ, сударь, у Бутягина Петра Захарыча. А ночь, съ Митинькой, въ Гнѣздѣ переночевала...

Сердце не обмануло его. Это для нея горѣли свѣчи въ покинутой усадьбѣ.

А старуха между тѣмъ продолжала:

— Не хотѣла вчера сказывать, чтобъ въ погоню за ней не послали, да назадъ не привезли. Вѣдь обѣтъ съ насъ взяла на смертномъ одрѣ покойница Марѳа Григорьевна, чтобъ сироту соблюсти, ну вотъ я...

— Я не давалъ приказанія тебя наказывать, это Николай отъ себя; и онъ за это въ отвѣтѣ будетъ,—съ усиліемъ проговорилъ баринъ.

— Знаю, батюшка, знаю. Что ужъ обо мнѣ! Мнѣ все равно не долго оставалось жить, а вотъ ты ее-то, ее-то ты пожалѣй, сироту. Если не для нея, такъ для покойницы бабушки, да для матери ея, мученицы... Обѣ онѣ тамъ у престола Всевышняго...

Она хотѣла приподняться, чтобъ поклониться ему, но не могла. Силы покидали ее и тѣнь смерти ложилась на блѣдное лицо съ обострившимися чертами.

— Да я же тебѣ говорю, что женюсь на ней, чего тебѣ еще?— сказалъ онъ, дѣлая знакъ, чтобъ она лежала спокойно.

Она хотѣла что̀-то сказать, но сдавила слова, рвущіяся у нея изъ груди, а только продолжала пристально смотрѣть на него, съ мольбой въ глазахъ.

— Не вѣришь?—спросилъ онъ съ усмѣшкой.

Она молчала.

— Ну, даю тебѣ въ этомъ честное слово русскаго дворянина,—торжественно произнесъ онъ.—И вотъ тебѣ крестъ, что такъ и будетъ.

Когда онъ перекрестился, она успокоилась.

Къ вечеру Ѳедосья Ивановна умерла, а въ ту же ночь баринъ уѣхалъ въ городъ.

Н. Мердеръ (Северинъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРІЯ ОДНОЙ КНИГИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Habent suum fatum libella.

И У КНИГЪ есть своя судьба... Имѣла ее и моя «Русская Христоматія», вышедшая первымъ изданіемъ въ 1843 году. Но прежде чѣмъ приступить къ разсказу о томъ, что выражаетъ эпиграфъ, я дозволю себѣ маленькое отступленіе.

Въ «Старой записной книжкѣ» князя П. А. Вяземскаго помѣщенъ слѣдующій забавный анекдотъ: «Когда Карамзинъ былъ назначенъ исторіографомъ, онъ отправился къ кому-то съ визитомъ и сказалъ слугѣ: если меня не примутъ, то запиши меня — Карамзинъ, исторіографъ. Когда слуга возвратился и сказалъ, что хозяина нѣтъ дома, Карамзинъ спросилъ его:

— «А записалъ ли ты меня?

— «Записалъ.

— «Что же ты записалъ?

— «Карамзинъ, графъ исторіи» [1]).

Нѣчто подобное случилось и со мною, во время работы моей по изданію христоматіи, которая печаталась въ университетской типографіи, въ Москвѣ, гдѣ я былъ тогда преподавателемъ русскаго языка. Корректурные листы, доставляемые мнѣ наборщикомъ, я отсылалъ, по выправкѣ ихъ, съ моимъ кучеромъ. Частая по-

[1]) Сочиненія кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 244.

сылка въ одно и то же мѣсто съ какими-то бумагами возбудила любопытство прислуги. Что̀ это такое нашъ баринъ все пишетъ и пишетъ, да посылаетъ въ питиграфію? (такъ они переиначили слово типографія).

— Не знаю,—отвѣчалъ кучеръ,—говорятъ, какую-то христоматію...

— Христоматію? — повторила горничная и, подумавъ немного, сказала...—А, должно быть, житіе Богородицы, Матери Христа Бога нашего. Вотъ это хорошо! это—дѣло доброе! Дай Богъ ему за то здоровья.

Христоматія! учебное пособіе для чтенія и другихъ занятій по отечественному языку! что это за важная вещь? Можно ли было предполагать, что она обратитъ на себя вниманіе серьезныхъ особъ и возбудитъ полемику, которой нѣкоторое время интересовалась московская публика, преимущественно изъ учебнаго и литературнаго круга? Однакожъ, именно такъ и случилось, благодаря ниже излагаемымъ обстоятельствамъ.

Мысль о составленіи христоматіи была внушена мнѣ недостаткомъ такого сборника, по которому учащіеся могли бы знакомиться съ образцовыми твореніями родной словесности не только періодовъ Ломоносовскаго и Карамзинскаго, но и слѣдовавшей за ними эпохи Пушкина, который еще не допускался въ школу, хотя уже прошло нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти. Въ Христоматіи Пенинскаго, въ то время единственной и исключительно принятой въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, стихотвореній Пушкина еще не имѣлось: онъ былъ подъ запретомъ. Въ заведеніяхъ другихъ учебныхъ вѣдомствъ (напримѣръ, императрицы Маріи) преподаватели словесности находились въ лучшемъ положеніи: они могли свободно выбирать образцы для ознакомленія учащихся съ родами прозы и поэзіи, равно какъ и съ характеристикой извѣстнѣйшихъ писателей. Такимъ образомъ я, вмѣстѣ съ П. Н. Кудрявцевымъ (впослѣдствіи профессоромъ исторіи въ Московскомъ университетѣ, а до того преподавателемъ въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ въ Москвѣ), положили своимъ долгомъ знакомить воспитанницъ не только съ Пушкинымъ и поэтами его школы, но и съ слѣдовавшими за нимъ Гоголемъ и Лермонтовымъ. Это знакомство не ограничивалось единственно отрывками, которые предлагались на классныхъ урокахъ, но обнимало цѣлыя произведенія, благодаря вечернимъ литературнымъ чтеніямъ у начальницы означеннаго института, въ присутствіи ея и нерѣдко инспектора классовъ, профессора Армфельда. Таковыя же чтенія были заведены мною и въ Александровскомъ институтѣ (тоже въ Москвѣ). Тѣ и другія не остались безплодными: воспитанницы получили хотя не полное, но по крайней мѣрѣ достаточное понятіе о значеніи корифеевъ нашей словесности; вмѣстѣ съ тѣмъ развивался у нихъ вкусъ

къ изящному и явилась охота къ чтенію образцовыхъ литературныхъ произведеній.

Необходимость сборника, отвѣчавшаго современнымъ потребностямъ на урокахъ русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, становилась болѣе и болѣе ощутительной. Въ теченіе моей педагогической практики образовался у меня избранный литературный матеріалъ, расположенный по родамъ прозы и поэзіи, и явившійся въ 1843 году въ двухъ томахъ, подъ названіемъ «Русская Христоматія». Читатель, смѣю надѣяться, признаетъ за мною право похвалиться тѣмъ, что я первый, хотя и не въ большой мѣрѣ, а въ той, какая разрѣшалась уставомъ о пользованіи чужою литературною собственностью, познакомилъ русское юношество съ Пушкинымъ.

Кромѣ полноты и новизны матеріала, сравнительно съ прежде существовавшими учебными пособіями по русскому языку и словесности, книга моя представляла еще нѣкоторыя особенности, изъ которыхъ важнѣйшая—большое предисловіе, въ которомъ я указывалъ основанія, руководившія меня при выборѣ образцовъ.

Христоматія должна была представлять образцы прозы и поэзіи, написанные литературнымъ языкомъ новаго времени, т. е. обнимающимъ эпохи Карамзина и Пушкина, не исключая и только что выступавшіе таланты (Кольцовъ, Майковъ, Фетъ и другіе), если ихъ произведенія выказывали изящество языка [1]). Такимъ положеніемъ предшествовавшіе именитые писатели (Ломоносовъ, Державинъ, Сумароковъ, Княжнинъ, Херасковъ) какъ бы отодвигались на задній планъ, что̀ и побудило критику заподозрить составителя въ неуваженіи къ преданію, въ покушеніи разорвать связь между прошлымъ и современнымъ нашей литературы, тогда какъ въ основу ея изученія слѣдовало положить «историческое» начало.—Предисловіе заключалось такими словами: «Рядомъ съ именами «извѣстными» читатель найдетъ нѣкоторыя піесы писателей еще «малоизвѣстныхъ», но талантливыхъ. Увлекаясь достоинствомъ языка и мыслей, а не авторитетомъ, я часто припоминалъ слова графа С. С. Уварова: «Въ большей части Европы, кажется, въ словесности власть единаго таланта или немногихъ слабѣетъ: наступаетъ эпоха, которую одинъ умный писатель вѣрно изобразилъ названіемъ эпохи «безыменной» [2]). Эта цитата набросила на меня подозрѣніе въ демократизмѣ, въ неуваженіи къ авторитетамъ, въ намѣреніи поколебать табель литературныхъ ранговъ.

Изложенный взглядъ на сборникъ литературныхъ образцовъ, какъ своего рода новшество, не могъ быть одобренъ ни попечите-

---

[1]) Эта часть предисловія удостоилась перевода на французскій языкъ въ книгѣ: Histoire intellectuel de l'Empire de Russie, par Tardif de Mello. 1854. Paris.

[2]) Графъ С. С. Уваровъ, въ «Академической рѣчи его о Гёте».

лемъ Московскаго учебнаго округа, графомъ С. Г. Строгоновымъ, ни профессоромъ Московскаго университета С. П. Шевыревымъ. Оба они стояли за историческое начало въ преподаваніи научныхъ предметовъ, что ясно было выражено графомъ на обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ, 1858 года, въ день основанія Московскаго университета, которымъ онъ управлялъ двѣнадцать лѣтъ (1835—1847). Шевыревъ, какъ ученый, серьезно изучавшій памятники древнерусской литературы и открывшій публичныя лекціи по этому предмету, неблагосклонно относился къ нѣкоторымъ новымъ талантамъ, какъ это видно изъ отчета его о первомъ сборникѣ стихотвореній Лермонтова (1840 г.), въ которыхъ критикъ видѣлъ только подражаніе формѣ произведеній нашихъ именитыхъ поэтовъ [1]).

Были и другія причины, обратившія вниманіе Шевырева на мою книгу. Первой изъ нихъ служила рознь между журналами: «Отечественныя Записки», въ которомъ я участвовалъ, какъ сотрудникъ, что было извѣстно Шевыреву, и «Москвитянинъ». Первый изъ нихъ, сторонникъ европеизма, не сходился въ мнѣніяхъ съ «Москвитяниномъ», представителемъ славянофильскаго ученія. Къ этому взаимному недружелюбію двухъ началъ присоединялись и личныя раздраженія. Нельзя сомнѣваться, что Шевыревъ обладалъ многими хорошими душевными качествами, несомнѣнной ученостью и чрезвычайнымъ трудолюбіемъ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ представлялъ и слабыя, легко уязвимыя стороны характера. Онъ былъ тщеславенъ, раздражителенъ, задоренъ и нерѣдко педантиченъ въ своихъ критическихъ статьяхъ, на что̀ жаловался даже неизмѣнный другъ его, М. П. Погодинъ. Послѣдняя черта, какъ особенно выступавшая, была изображена Бѣлинскимъ въ особой характеристикѣ, подъ названіемъ: «Педантъ, литературный типъ» [2]).

Сказанное мною подверждается свидѣтельствомъ Ю. Ѳ. Самарина въ его письмахъ къ К. С. Аксакову. Онъ съ радостью увѣдомляетъ своего друга, какъ «Шевыревъ былъ разбитъ въ спорахъ съ Крюковымъ и Рѣдкинымъ (профессорами Московскаго университета) и прикрылъ постыдное отступленіе криками и общими мѣстами. «Въ Шевыревѣ», по его отзыву, «нѣтъ той простоты и того смиренія», безъ которыхъ не можетъ быть доступна тайна художественнаго произведенія. Я считаю его неспособнымъ забыть себя въ присутствіи высокаго созданія, забыть, что онъ изучилъ искусство, что онъ былъ въ Италіи, и потому долженъ понимать и видѣть больше, лучше и прежде другихъ, которые не были въ Италіи и не изучали искусства. Ему будетъ совѣстно передъ собою, если онъ увидитъ въ художественномъ произведеніи только

---

[1]) «Москвитянинъ» 1841 г.

[2]) «Отеч. Записки», 1842 г.

то, что можетъ видѣть всякій. Нѣтъ, онъ придумаетъ что-нибудь помудренѣе, позамысловатѣе и поставитъ свою выдумку между читателемъ и поэмою» (т. е. поэтическимъ созданіемъ [1]).

Чѣмъ же московская публика заинтересовалась въ спорѣ о такомъ заурядномъ явленіи учебной литературы, какъ христоматія?.. Неожиданнымъ ходомъ полемики. Шевыревъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность; онъ занималъ каѳедру русской словесности; и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ его знали какъ ученаго, литератора и критика. Я же былъ преподаватель русскаго языка въ низшихъ классахъ одного изъ московскихъ институтовъ, посылавшій статьи и статейки въ «Отечественныя Записки» безъ подписи имени, какъ это требовалось редакціею журнала. И что же? оказалось, что малоизвѣстный журнальный сотрудникъ, не подчиняясь авторитету нападающаго, поднимаетъ брошенную имъ перчатку и немедленно вступаетъ съ нимъ въ бой [2]). Сознаюсь откровенно, что я, какъ слабѣйшій, желая на сколько возможно уравнять шансы успѣха, дозволялъ себѣ въ защитѣ прибѣгать къ различнымъ средствамъ, между прочимъ къ ироніи и насмѣшкѣ, которыя нравятся читателямъ. Если не доставало у меня пороха, я бросалъ въ противника пескомъ и пылью, чтобы хоть нѣсколько отуманить его. Другимъ поводомъ къ интересу такимъ въ сущности неинтереснымъ предметомъ могло служить и литературное затишье въ Москвѣ того времени. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснила дѣло А. П. Елагина (мать Кирѣевскихъ) въ письмѣ къ А. Н. Попову: «Литература наша отличается перебранкою Шевырева съ Галаховымъ за христоматію и чуть ли это не единственное явленіе» [3]). Наконецъ, не малое вліяніе и отъ розни воззрѣній, господствовавшей въ средѣ профессоровъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ, да и не малое число студентовъ, становились на мою сторону. По крайней мѣрѣ я выдержалъ аттаку, не былъ разбитъ, не просилъ пардона, остался цѣлъ. Въ такомъ положеніи дѣла, слыша различные отзывы о критикѣ и антикритикѣ, издатель «Москвитянина» (М. П. Погодинъ) задумалъ прибѣгнуть къ третейскому суду. Выборъ его палъ на Д. Л. Крюкова, профессора римской словесности и древностей, молодого, чрезвычайно даровитаго и многоученаго. Онъ предложилъ ему взглянуть на полемику нашу безпристрастно, какъ подобаетъ человѣку, лично не заинтересованному въ дѣлѣ и чуждому наклонности къ той или другой журнальной партіи. Предложеніе было принято, но не исполнено. Я узналъ это отъ самого Крюкова, встрѣтивъ его у

---

[1]) «Рус. Архивъ», 1880 г., кн. 2, письма 20 и 52.

[2]) Критика Шевырева въ 5 и 6-мъ №№ «Москвитянина», 1843; мои отвѣты въ двухъ книжкахъ «Отеч. Зап.» того же года, тт. 29 и 30.

[3]) «Русскій Архивъ», кн. I, стр. 343.

Армфельда, тоже профессора Московскаго университета. Вотъ слова его: «Погодинъ просилъ меня взглянуть на вашу полемику съ чисто-научной точки зрѣнія и дать о ней отзывъ. Я было и обѣщалъ ему, но чѣмъ больше вникалъ въ сущность спора, тѣмъ больше и больше переходилъ на вашу сторону, почему и отказался».—Слышалъ я потомъ, что кромѣ этой причины отказа была и другая: Грановскій, не жаловавшій Шевырева, отклонилъ своего товарища отъ намѣренія вступаться за «Москвитянинъ», его редактора (Погодина) и главнаго критика (Шевырева).

Чѣмъ же это все кончилось? Кто правъ? Кто виноватъ? Оба мы виноваты—и критикъ мой и я: онъ излишней строгостью, я—излишней неподатливостью.

Христоматіей моей не былъ доволенъ и Н. А. Полевой, жившій въ то время въ Петербургѣ и помѣщавшій критическіе отзывы въ «Пчелѣ», съ подписью Z. Z. Но по давнему знакомству со мною въ Москвѣ, онъ ограничился письмомъ (1843 г.), въ которомъ высказалъ свое мнѣніе. Отзывы этого письма о Лермонтовѣ, Кольцовѣ, Майковѣ, Фетѣ, Бѣлинскомъ... показываютъ, какъ одряхлѣлъ издатель «Телеграфа» въ своихъ сужденіяхъ о критикѣ и поэзіи.

При второмъ, значительно исправленномъ, изданіи моей книги начальство Московскаго учебнаго округа примирилось съ нею, благодаря дружескому посредничеству Ѳ. И. Буслаева. Попечитель (гр. С. Г. Строгоновъ) вовсе не былъ предубѣжденъ противъ меня; онъ желалъ только, чтобы, какъ выше сказано, преподаваніе отечественнаго языка и литературы держалось на историческихъ устояхъ, которыхъ, какъ ему думалось, не хотѣлъ вѣдать составитель христоматіи.

Черезъ десять лѣтъ послѣ вышеразсказаннаго, уже при шестомъ изданіи моей книги (1853 г.), грянулъ на нее громъ съ той стороны, откуда всего менѣе его ожидалось. Я жилъ въ Москвѣ, и экземпляръ моей книги, поданный въ цензуру, былъ отправленъ въ Петербургъ на разсмотрѣніе директору Педагогическаго Института И. И. Давыдову, бывшему прежде инспекторомъ Александровскаго сиротскаго института (въ Москвѣ), гдѣ и я состоялъ преподавателемъ. Въ то время я пользовался его благосклонностью. Но это чувство замѣнилось противоположнымъ съ тѣхъ поръ, какъ я, по порученію Я. И. Ростовцева, начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, составилъ для нихъ конспектъ и программы русскаго языка и словесности. Указывая пособія, нужныя для ознакомленія съ этими предметами, я не включилъ въ ихъ число «Чтеній о словесности», т. е. лекцій, читанныхъ Давыдовымъ въ Московскомъ университетѣ. Отсюда—гнѣвъ и немилость. Цензоръ задумалъ, если не совсѣмъ забраковать мою книгу, то, по малой мѣрѣ, задержать ее, поприжать. Я былъ поставленъ въ непріятное

положеніе: экземпляровъ предъидущаго изданія оставалось немного, а приступать къ новому, не дождавшись цензурнаго разрѣшенія, было дѣломъ рискованнымъ. Подумавъ, я рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству Я. И. Ростовцева, въ то время бывшаго въ большой силѣ. И вотъ Давыдовъ, волей-неволей, хотя-нехотя, долженъ былъ исполнить мое желаніе. Просматривая возвращенный мнѣ экземпляръ, чтобы знать, нѣтъ ли какихъ замѣчаній или перемѣнъ, я съ изумленіемъ остановился на отрывкѣ изъ «Похвальнаго слова Карамзина Екатеринѣ Великой». Извѣстно, что въ этомъ словѣ авторъ обращается къ читателямъ съ воззваніемъ: «Сограждане!» И что же? это воззваніе вездѣ было зачеркнуто, какъ нѣчто запретное. Нельзя было удержаться отъ смѣха при мысли, до чего довела свою боязливость цензура: даже Карамзина чуть-чуть не причислила къ поклонникамъ революціи. При свиданіи съ Давыдовымъ я признался въ моемъ изумленіи.—«Чемужъ тутъ изумляться?»—отвѣчалъ онъ спокойно и равнодушно.—«Въ настоящее время (1853 г.) и французы не смѣютъ говорить: concitoyen». Дѣлать было нечего, реставрировать опальное слово не дозволялось, и вотъ, изъ двадцати слишкомъ изданій моей «Русской Христоматіи», въ шестомъ (томъ I), похвальная рѣчь Карамзина Екатеринѣ такъ и осталась безъ согражданъ, благодаря перевороту, учиненному во Франціи Наполеономъ Третьимъ.

А. Галаховъ.

ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ ВЪ ЭПОХУ НАПОЛЕОНА I.

> «Въ разныхъ бумагахъ правительства французскаго неоднократно были знаменованы тѣ разсужденія, что обѣ державы, на крайностяхъ, такъ сказать, Европы находящіяся, другъ другу вредить не могутъ, а соединяся важное вліяніе вездѣ имѣть могутъ».
>
> Конференціальная записка Кочубея, 5-го—17-го апрѣля 1802 года.

I.

Новые историки по эпохѣ Наполеона I.

ВЪ СИЛУ самаго хода исторической науки, въ послѣднее время выдвинулся вопросъ о характерѣ гигантской личности героя начала нашего вѣка и о значеніи его дѣятельности. Это обстоятельство служитъ какъ бы завершеніемъ усилій новѣйшихъ историковъ пересмотрѣть жгучій вопросъ о французской революціи, выводя его изъ области сказаній, взвѣшивая его хладнокровно и всесторонне на основаніи точныхъ данныхъ. Вездѣ стали появляться и собранія новыхъ, преимущественно архивныхъ, документовъ о Наполеонѣ I, и попытки построить его исторію съизнова. Послѣднія вполнѣ естественны, хотя и весьма затруднительны, какъ доказываетъ только-что изданное сочиненіе такого крупнаго ученаго, какъ Тэнъ [1]). Покуда болѣе плодотворна и необходима обработка отдѣль-

---

[1]) Taine: Le origines de la France contemporaine. Le régime moderne. T. I. 1891.

ныхъ частей такого обширнаго предмета и даже простое объясненіе ряда новыхъ документовъ въ связи со всею историческою обстановкой.

Среди такихъ обработокъ заслуживаютъ вниманія два новѣйшихъ труда, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ французскому ученому, г. Вандалю[1]), другой—русскому ex-дипломату, г. Татищеву[2]). Оба носятъ одно и то же названіе и одинаково посвящены дипломатическимъ сношеніямъ между Россіей и Франціей при Наполеонѣ I. Оба построены на основаніи однихъ и тѣхъ же новыхъ матеріаловъ — именно бумагъ русскаго и французскаго архивовъ. Среди этихъ бумагъ интереснѣе всего личная переписка между Александромъ I и Наполеономъ I, отчасти неизданная прежде, и особыя донесенія Коленкура, Савари и Лористона Наполеону I. Переписка составляетъ «открытіе» г. Татищева: это—56 писемъ Александра I, хранящихся въ нашемъ государственномъ архивѣ[3]), и 5 писемъ Наполеона—изъ парижскихъ архивовъ. Донесенія приближенныхъ Наполеона впервые разработаны Вандалемъ: до сихъ поръ ими не пользовались, такъ какъ они находились не въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а въ другомъ мѣстѣ (Archives nationales). Это—важный матеріалъ. Понимая все значеніе личности правителя въ Россіи, проницательный Наполеонъ не довольствовался обычными депешами своихъ посланниковъ въ Петербургѣ. «Съ каждымъ курьеромъ,—говоритъ г. Вандаль,—отправлялось частное письмо къ императору, и здѣсь наши посланники излагали свои впечатлѣнія въ подробностяхъ. Мало того. Послѣ всякаго разговора съ царемъ — а эти разговоры повторялись почти ежедневно — они записывали его слово въ слово, безъ всякихъ измѣненій, сохраняя его разговорную форму. Эти своего рода протоколы, которые прилагались къ ихъ письмамъ въ видѣ оправдательныхъ бумагъ подъ именемъ донесеній (rapports), приносятъ намъ точный отголосокъ словъ, которыми обмѣнивались собесѣдники». Часто присоединялись еще листки новостей о летучихъ дѣлишкахъ и слухахъ. По мнѣнію г. Вандаля, этотъ порядокъ завелся съ 1807 г. Мы можемъ сказать, что онъ начался еще въ 1803 г.[4]); но, правда, то была только попытка.

Между трудами русскаго и французскаго авторовъ есть существенная разница. Г. Татищевъ напечаталъ частями свою работу

---

[1]) Vandal: Napoléon et Alexandre I. Paris. 1891.

[2]) Tatistcheff: Alexandre I et Napoléon. D'après leurs correspondance inédite Paris. 1891.

[3]) Письма за 1801—1802 гг. напечатаны въ изданномъ подъ нашей редакціей «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества»: Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Спб. 1890.

[4]) Письмо Талейрана Эдувилю отъ 22-го ноября 1803 г., во 2-мъ томѣ редактированнаго нами «Сборника», который только-что появился въ свѣтъ.

предварительно въ журналѣ госпожи Аданъ; г. Вандаль долго вырабатывалъ свой трудъ въ тиши кабинета, лишь изрѣдка дѣлясь его выводами съ «Revue» ученаго «Общества дипломатической исторіи». Трудъ г. Татищева простирается отъ 1801 г. до 1812 включительно; трудъ г. Вандаля, по объему значительно болѣе обширный, обнимаетъ только эпоху «отъ Тильзита до Эрфурта», которая составляетъ лишь первый томъ всего сочиненія. Г. Татищевъ отличается скромностью: «я,—говоритъ онъ,—ограничиваюсь скромною ролью регистратора, который составляетъ протоколы допросовъ, не входя ни въ ихъ обсужденіе, ни въ ихъ истолкованіе». Онъ дѣйствительно воздерживается отъ сужденій. Это собственно издатель немногихъ, но важныхъ архивныхъ документовъ,—издатель хорошій, хотя несвободный отъ страсти такихъ издателей считать важнымъ ради полноты коллекціи даже то, что лишено всякаго значенія. Сверхъ того, г. Татищевъ связалъ свои документы искусно подобранными выдержками изъ другихъ бумагъ. Изрѣдка онъ пускается даже въ обрисовку излюбленной имъ офиціальной внѣшности съ помощью своего живого и сжатаго журнальнаго слога. Выдержки онъ подбиралъ преимущественно такъ, чтобы «выставить личное участіе двухъ главныхъ актеровъ драмы», особенно дорожа «донесеніями дипломатовъ въ разговорахъ». Вообще г. Татищевъ, какъ видно и изъ другихъ его сочиненій, смотритъ на исторію, какъ на драматическое сцѣпленіе политическихъ эпизодовъ, и преимущественно козней дипломатовъ, причемъ въ Россіи послѣдніе, какъ извѣстно, у него ведутъ борьбу съ собственнымъ правительствомъ, пользуясь своимъ иностраннымъ происхожденіемъ. Г. Вандаль также не берется ни за историческія аналогіи, ни за соціологическое объясненіе эпохи. Но это—ученый историкъ-прагматикъ. Его трудъ — основательное изслѣдованіе, составленное согласно съ пріемами современной науки и съ требованіями научнаго безпристрастія: г. Вандаль не беретъ на себя роли судіи непогрѣшимаго, ибо «судить Наполеона значило бы судить вселенную». Г. Вандаль изучилъ всѣ необходимые матеріалы, и многосторонне. Онъ рылся въ архивахъ (даже въ нашемъ) по сношеніямъ Франціи не съ одною Россіей: по его справедливымъ словамъ, «часто въ Вѣнѣ и Берлинѣ должно искать ключа къ отношеніямъ между Франціей и Россіей». Отъ того его сочиненіе тяжеловато: за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ его слогъ оживляется до художественности, онъ слишкомъ размазываетъ анализъ видовъ и чувствъ Наполеона, уснащая его множествомъ вопросовъ. Но зато оно представляетъ большой внутренній интересъ: изобилуетъ фактами, связными объясненіями разныхъ сторонъ дѣла, продуманными характеристиками личностей. Оно останется надолго необходимымъ пособіемъ при изученіи политической исторіи временъ Наполеона I. Вообще, оба автора, можно сказать, исчерпываютъ вопросъ: у нихъ не достаетъ только писемъ Наполеона къ Колен-

куру, которыя еще не найдены, за немногими исключеніями. Оба автора добавляютъ другъ друга: такъ, если, напримѣръ, тильзитскій договоръ (traité d'alliance) напечатанъ у нихъ обоихъ, зато добавочное соглашеніе къ нему (convention additionnelle) впервые обнародовано только у г. Татищева. Къ тому же основная цѣль у обоихъ одна и та же: это—нынѣшняя злоба дня, франко-русскій союзъ. Оба хотятъ дознаться, отчего онъ не удался при Наполеонѣ, и помочь бѣдѣ въ будущемъ. Это—дѣйствительно едва ли не самая важная и поучительная тема изъ всей политики Наполеоновской эпохи, даже помимо всякой злобы дня. Попытаемся обрисовать ее въ сжатомъ журнальномъ очеркѣ, остановившись покуда, какъ и г. Вандаль, на Тильзитѣ и Эрфуртѣ.

II.

Идея франко-русскаго союза и значеніе Наполеона.

Относительно зарожденія идеи франко-русскаго союза и новый французскій историкъ стоитъ на старой точкѣ зрѣнія: онъ приписываетъ ее лично Наполеону, который не видѣлъ иной опоры въ своей борьбѣ со всѣмъ Западомъ. Мы вообще вынесли другой взглядъ на Наполеона изъ знакомства съ источниками. Чѣмъ болѣе мы изучаемъ ихъ, тѣмъ сильнѣе укореняется въ насъ убѣжденіе, высказанное въ другомъ мѣстѣ лишь предположительно. Мы думаемъ, что колоссальная фигура Наполеона I окажется въ новомъ свѣтѣ, когда ученые овладѣютъ всѣмъ громаднымъ матеріаломъ. «Тогда установится историческій взглядъ на точку отправленія новѣйшей исторіи, равно далекій какъ отъ панегирика, такъ и отъ пасквиля. Историки станутъ доискиваться не столько личной окраски, внесенной Наполеономъ I въ событія, сколько его безсознательнаго служенія требованіямъ времени. Смѣемъ думать, что наши документы именно выставятъ Титана новой исторіи ея рабомъ: они докажутъ, что каждый его шагъ и замыселъ въ основѣ не его достояніе» [1]).

Да, Наполеонъ былъ «исчадіемъ революціи», только не въ томъ смыслѣ, какъ думали близорукіе «салоны» и «патріоты», руководившіеся въ своихъ взглядахъ мелкими, личными интересами. Намъ кажется, что даже въ его личности и въ характерѣ его внутреннихъ дѣлъ отразились основныя черты великаго переворота. Во всякомъ случаѣ онѣ ясны въ эволюціи его внѣшней политики.

Документы прямо доказываютъ это относительно франко-русскаго союза. Въ изданномъ подъ нашей редакціей «Сборн. Ист. Общ.» они объясняютъ, какъ горячо и сознательно французы стре-

---

[1]) См. I томъ изданнаго подъ нашей редакціей «Сборника», стр. VIII.

мились къ нему съ воцаренія Павла I. И Директорія была увлечена этимъ порывомъ. Отбросивъ въ сторону всякое самолюбіе, она первая пошла навстрѣчу новому императору. Она какъ бы не замѣчала ни надменности и презрительнаго тона Петербурга, ни его желанія играть роль «арбитра Европы». Если ея усилія разбились о фанатичную ненависть Павла I къ парижской «заразѣ», зато Бонапартъ прямо взялъ ея дѣло въ свои руки, какъ только сталъ первымъ консуломъ; и какъ только воцарился Александръ I, онъ добился заключенія мирнаго договора съ Россіей, въ концѣ 1801 года.

Но тутъ же обнаружились зловѣщіе намеки на будущее. Французы были поражены тѣмъ, что новый, русскій императоръ пошелъ по стопамъ своего отца въ непостижимой заботливости о «низверженныхъ или потерпѣвшихъ убытки государяхъ», т. е. въ стремленіи къ роли «арбитра Европы». И опять поднялся безконечный сардинско-неаполитанскій вопросъ, который не имѣлъ даже фамильнаго смысла, связаннаго съ дѣлами нѣмецкихъ князьковъ. Въ то же время обнаружилась старая, оскорбительная подозрительность: Александръ I предостерегалъ своего парижскаго дипломата отъ «сѣтей», въ которыя Бонапартъ «могъ пытаться завлечь» Россію, и отъ «всѣхъ бичей революціи». Наши посланники, въ особенности спѣсивый, грубый и недальновидный Морковъ, разжигали ненависть къ «лживымъ республиканцамъ», которою были одушевлены приближенные императора. Напрасны были предупредительность, даже услужливость Бонапарта, который старался очаровать царя, какъ бы не замѣчая оскорбленій со стороны его служителей, и повелъ съ нимъ «тайную, личную и прямую» переписку. Александръ тогда же, тотчасъ послѣ мира 1801 г., тихонько подготовлялъ коалицію для «обузданія» Бонапарта. Онъ даже грозилъ ему войной, желая «помочь сосѣду», т. е. турецкому султану, увидѣвъ французское коварство въ планѣ раздѣла Порты. Разстрѣляніе герцога Ангіенскаго уже вызвало прямо враждебную манифестацію въ Петербургѣ: при дворѣ былъ наложенъ трауръ по жертвѣ палача, т. е. высказались въ пользу Бурбоновъ именно въ то время, когда Бонапартъ сталъ императоромъ Наполеономъ I. Тотчасъ же, въ августѣ 1804 г., послѣдовалъ разрывъ дипломатическихъ сношеній, а 2 декабря 1805 г. разразился бой подъ Аустерлицомъ.

Несмотря на блестящій успѣхъ, Наполеонъ продолжалъ заискивать дружбу побѣжденнаго императора, по обыкновенію играя передъ нимъ восточнымъ вопросомъ. А Россія выступила почти съ прежними требованіями, не забывая даже пресловутыхъ королей Сардиніи и Неаполя. Наполеонъ пошелъ и на это. Но Александръ не утвердилъ мирнаго договора, подписаннаго его дипломатомъ, обрадовавшись внезапному союзу съ Пруссіей. Онъ дѣйствовалъ по чисто-личному побужденію, изъ пристрастія къ прус-

скому королю и къ очаровательной королевѣ Луизѣ: почти всѣ окружавшіе его не довѣряли Пруссіи, всѣмъ измѣнявшей изъ-за клочковъ земли. Защита прусской четы привела къ безпощадной рѣзнѣ подъ Эйлау (7-го февраля 1807). И на другой день послѣ этой битвы Наполеонъ опять ведетъ свою старую, любимую линію: испытавъ стойкость русскихъ войскъ, онъ мечтаетъ о покореніи всего міра съ помощью такого союзника. Онъ пишетъ важное по своей искренности признаніе Талейрану: «Я считаю союзъ съ Россіей весьма выгодною вещью, если только это не фантастическое дѣло, если только можно подѣлать что-нибудь съ этимъ дворомъ». Онъ самъ пытался вступить въ переговоры съ Беннигсеномъ; но тотъ отвѣчалъ, что его дѣло—драться, а не вести переговоры; а Александръ вошелъ въ новое соглашеніе съ Пруссіей для борьбы съ Наполеономъ. Потребовался новый жестокій урокъ—и онъ былъ данъ подъ Фридландомъ, 14-го іюня 1807. Наполеонъ поселился въ Тильзитѣ, по ту сторону Нѣмана.

Теперь Александръ понялъ, что ему «невозможно одному, безъ поддержки союзниковъ, продолжать войну». Онъ приказалъ Беннигсену предложить французамъ перемиріе. Наполеонъ осыпалъ русскихъ посланцевъ любезностями, горячо хвалилъ ихъ армію и императора, и не только согласился на перемиріе, но прямо выразилъ желаніе заключить миръ: онъ даже сразу сказалъ, что Висла могла бы стать русскою границей, если только Александръ будетъ договариваться съ нимъ однимъ, не вмѣшивая въ дѣло интересовъ другихъ державъ. Радость Александра была безмѣрна [1]). Тронутый благодушіемъ побѣдителя, онъ вдругъ понялъ ошибочность своей политики, крайность того «грубаго недовѣрія», которое всегда казалось французамъ «отголоскомъ» московскаго варварства» [2]), хотя все еще не могъ разстаться съ мыслью добиться вознагражденія королямъ Сардиніи и Неаполя. Французы были изумлены новою неожиданностью. Въ наставленіи Лобанову, посланному въ Тильзитъ 24-го іюня, императоръ говорилъ: «Союзъ Франціи съ Россіей всегда былъ предметомъ моихъ желаній; и я убѣжденъ, что только онъ можетъ обезпечить счастье и спокойствіе вселенной... Доселѣшняя система должна смѣниться совсѣмъ новою; и я льщу себя надеждой, что мы легко столкуемся съ императоромъ [3]) Наполеономъ, лишь бы договариваться намъ безъ посредниковъ». Такъ было предложено знаменитое свиданіе: Лобановъ даже прямо заявилъ объ этомъ въ Тильзитѣ. Наполеонъ съ отмѣнной любезностью предложилъ Александру свиданіе на Нѣманѣ, 25-го іюня.

---

[1]) См. замѣчательныя заявленія въ письмѣ Куракина къ императрицѣ-матери отъ 22-го іюня 1807. Tatistcheff, 136—138.

[2]) Слова Эдувиля во 2-мъ томѣ «Сборн. Ист. Общ.», стр. 457, 469.

[3]) Тотъ же титулъ въ бумагѣ о перемиріи. А министръ Будбергъ все еще называлъ Наполеона Buonaparte.

III.

Тильзитъ.

Пятнадцать дней два «арбитра Европы» провели вмѣстѣ: послѣ перваго свиданія посреди рѣки, Наполеонъ пригласилъ Александра къ себѣ въ гости, въ Тильзитъ. Со стороны французовъ не было конца любезностямъ; и ихъ пресловутая кухня не ударила въ грязь лицомъ. Александръ каждый день обѣдалъ у Наполеона. Передъ обѣдомъ они катались вдвоемъ верхомъ, но чаще всего производили смотры и маневры. Побѣдители подъ Фридландомъ дивились «парадоманіи» русскаго царя. Послѣ обѣда вѣнчанный гость подолгу засиживался у очаровательнаго хозяина, предаваясь задушевной бесѣдѣ, расхаживая большими шагами по кабинету и иногда останавливаясь передъ картами, разложенными на столахъ: онъ называлъ эти часы «ночными вечерами». Иногда Наполеонъ приходилъ къ Александру «на чай». И здѣсь болтали за полночь. Затѣмъ провожали другъ друга, взявшись подъ руку.

Соперники были въ восторгѣ другъ отъ друга. Наполеонъ писалъ Жозефинѣ: «Сейчасъ видѣлся съ императоромъ Александромъ. Я очень доволенъ имъ. Это очень красивый, добрый и молодой императоръ. Въ немъ больше ума, чѣмъ обыкновенно думаютъ». Александръ говорилъ потомъ: «Отчего я не повидался съ нимъ раньше?... Завѣса упала, и пора ошибокъ миновала!» Какъ только Наполеонъ намекнулъ ему на свое недовольство Будбергомъ, тотчасъ этотъ министръ уѣхалъ по болѣзни. А Наполеонъ немедленно возстановилъ нѣмецкихъ родственниковъ Александра въ ихъ владѣніяхъ, освободилъ русскихъ плѣнныхъ и писалъ своему министру полиціи: «Смотрите, чтобъ не говорилось больше глупостей про Россію прямо или косвенно. Все заставляетъ думать, что наша система прочно соединится съ этою державой».

Уполномоченнымъ для начертанія мирнаго договора было мало работы. «Я буду вашимъ секретаремъ, а вы моимъ», сказалъ Наполеонъ Александру. Онъ завелъ, такъ сказать, переписку черезъ улицу съ своимъ гостемъ, съ тѣмъ, «чтобы выяснить недоразумѣнія, которыя могутъ встрѣтиться въ разговорѣ». Тутъ-то онъ доказывалъ горячо и краснорѣчиво разумность прочной связи между двумя имперіями, которая вытекала уже изъ ихъ географическаго и торговаго положенія. Онъ писалъ: «Нужно прибѣгать къ самымъ отвлеченнымъ и воображаемымъ причинамъ, чтобы отыскать поводы къ враждѣ и охлажденію между нами». Онъ ставилъ страну между Нѣманомъ и Эльбой «преградой, имѣющей раздѣлять великія имперіи и притуплять тѣ булавочные уколы, которые, среди націй, предшествуютъ пушечнымъ выстрѣламъ». Наполеонъ даже возстановилъ, скрѣпя сердце, ненавистнаго ему прусскаго короля

«изъ уваженія къ всероссійскому императору». И если онъ сдѣлалъ изъ польскихъ провинцій Пруссіи великое герцогство Варшавское, то, опять ради Александра, онъ отдалъ его не своему брату Жерому, какъ предполагалъ, а саксонскому королю. Мало того. Побѣдитель заботился о будущихъ выгодахъ побѣжденнаго. Онъ самъ намекнулъ ему, что «шведскія пушки не должны бы болѣе смущать петербургскихъ красавицъ». А когда, на смотру, подали ему депешу о бунтѣ въ Константинополѣ, онъ воскликнулъ: «Вотъ указъ Провидѣнія! Турецкая имперія не можетъ долѣе существовать». И затѣмъ онъ чуть не каждый день возвращался къ этому вопросу съ тѣмъ горячимъ, образнымъ, рѣзкимъ краснорѣчіемъ, которое составляло его тайну. За все это Наполеонъ не требовалъ для себя ничего, кромѣ признанія его старыхъ завоеваній, да дружбы Александра и его вѣрности тильзитскому договору, подписанному 7-го іюля.

Но отъ тильзитской идилліи нельзя было ожидать проку. Именно тутъ, когда два императора стояли рядомъ, обнаружилась коренная разница между ними. «Въ Тильзитѣ передъ нами какъ бы встрѣчаются и противополагаются другъ другу геніи двухъ расъ, говоритъ Вандаль. Въ Наполеонѣ полнѣйшимъ образомъ олицетворяется латинскій геній, съ его лучезарной ясностью, съ его живостью и крѣпостью, съ его наклонностью къ стройнымъ и точнымъ соображеніямъ; у него самое пылкое воображеніе всегда подчиняется правиламъ логики. У Александра наклонность сѣверной расы къ высокимъ, неопредѣленнымъ, туманнымъ стремленіямъ,— наклонность, развитая чисто-умозрительнымъ воспитаніемъ. Привлекательный, таинственный и обманчивый, онъ проявляетъ великодушныя намѣренія и слишкомъ часто немощность; онъ блуждаетъ внѣ круга дѣйствительности, проводитъ жизнь въ смѣнѣ идеаловъ: его обуреваютъ различныя чувства, которыя подрываютъ его рѣшимость, вредятъ чистотѣ, искренности его характера и всегда оставляютъ въ его умственной работѣ осадокъ чего-то волнующагося, незаконченнаго. Наполеонъ, это—дѣйствіе, Александръ, это—мечта... Рядомъ съ восторженностью, съ идеалами и колеблющимися стремленіями, въ Александрѣ была извѣстная тонкость, а по словамъ близко знавшаго и понимавшаго его Коленкура, даже въ родѣ державнаго притворства: онъ былъ сынъ славянской расы, но именно той, которая прошла византійскую школу. Покоряясь очарованію въ Тильзитѣ, онъ не весь отдавался ему; онъ сохранялъ частичку себя самого для наблюденія и недовѣрія».

«Измѣнятся обстоятельства, измѣнится, пожалуй, и политика»,— сказалъ тогда же Александръ одному изъ своихъ приближенныхъ. Разочаровавшись въ своихъ союзникахъ, онъ уже мечталъ о возвышеніи и сосредоточеніи силъ своей страны съ тѣмъ, чтобы потомъ она «дорого продала свою независимость». Александръ не

могъ разстаться съ своими прусскими пристрастіями. Тогда же онъ обѣщалъ Фридриху-Вильгельму III предстательствовать за него у Наполеона и совѣтовалъ пруссакамъ «льстить его тщеславію». Онъ самъ ничего не жалѣлъ, чтобы сохранить за собой славу «обольстителя» и въ отношеніи Наполеона. Вандаль даетъ такой приговоръ тильзитскому дѣлу: «это—искренній опытъ мимолетнаго союза, подкладкою для котораго служила попытка взаимнаго обольщенія».

IV.

Дипломатическая рекогносцировка Савари.

Не успѣли разстаться новые друзья, какъ стала обнаруживаться старая вражда, поддерживаемая обстоятельствами. Напрасно Александръ и Наполеонъ пересылались нѣжными письмами и осыпали другъ друга любезностями и подарками, причемъ въ Петербургъ отправлялись французскіе актеры и актрисы, а въ Парижъ—русская молодежь для обученія военному дѣлу. Напрасно они тотчасъ же стали выражать желаніе увидѣться снова—одинъ въ Парижѣ, другой въ Петербургѣ. Петербургскій дворъ, съ царицей-матерью во главѣ, и «общество» выказывали обидную для французовъ подозрительность. Они грубо требовали «вознагражденій» за дружбу своего государя съ парижскимъ «выскочкой» и «исчадіемъ революціи», который осмѣлился бить русскія войска. Присланное Наполеономъ довѣренное лицо, его адъютантъ Савари, съ трудомъ нашелъ себѣ квартиру, испыталъ много непріятностей, особенно отъ нашихъ «патріотокъ», хотя изъяснявшихся не иначе, какъ на французскомъ діалектѣ, впрочемъ—діалектѣ временъ старой монархіи. Онъ писалъ изъ Петербурга: «Въ Россіи только императоръ да его министръ, Румянцовъ, истинные друзья Франціи; нація же готова хоть сейчасъ взяться за оружіе и пойдетъ на новыя пожертвованія для войны съ нами».

Александръ понималъ это. Въ своихъ требованіяхъ онъ постоянно ссылался на настроеніе своего народа, приписывая его невѣжеству. Признавая цивилизованность французовъ, онъ говорилъ: «А у меня не хватаетъ того, что̀ у васъ называется людьми, даже для составленія министерства. И кромѣ того, мнѣ приходится передѣлывать тысячу вещей: мѣста занимаютъ люди негодные... Наше воспитаніе такъ запущено, что долго еще придется намъ работать надъ искорененіемъ множества предразсудковъ, которыхъ мы рабы... Я буду, насколько возможно, склонять Россію на сторону Франціи».

Все это хорошо знали въ Парижѣ. Тамъ зеркаломъ русскаго общества былъ «чрезвычайный посланникъ», графъ Петръ Толстой, изъ породы тѣхъ спѣсивыхъ, грубыхъ и подозрительныхъ русскихъ

баръ, которыхъ на Западѣ привыкли называть «старо-руссами», а Наполеонъ окрестилъ именемъ «старыхъ болтуновъ». Тамъ недавно видѣли ихъ образчики въ лицѣ Колычева и Моркова [1]). Толстой отвѣчалъ на необычайныя любезности Наполеона то ледянымъ молчаніемъ, то почти дерзостями. Онъ открыто посѣщалъ салоны роялистовъ и даже влюбился въ ихъ звѣзду, красавицу Рекамье, зная слова Наполеона: «всякій, кто посѣщаетъ салонъ этой дамы,—мой личный врагъ». Наполеонъ изумлялся и негодовалъ: словно нарочно прислали самаго непріятнаго человѣка, который тотчасъ же началъ мутить свѣтлѣвшія отношенія между Парижемъ и Петербургомъ! И вотъ, онъ посылаетъ Савари съ цѣлью произвести «дипломатическую рекогносцировку», по выраженію г. Вандаля.

Рекогносцировка открыла основу русской дружбы. Уже въ началѣ августа происходилъ такой разговоръ между Александромъ и Савари.

Александръ. «Когда въ Константинополѣ произошло событіе, императоръ соблаговолилъ сказать мнѣ, что онъ считаетъ себя совсѣмъ развязавшимся съ этою державой. По своей особой милости, онъ подалъ мнѣ надежду... Онъ говорилъ вамъ объ этомъ?»

Савари. «Да, говорилъ; но не давалъ никакихъ наставленій».

Александръ. «Императоръ, который судитъ лучше всякаго другого, кажется, видѣлъ также, что константинопольская имперія не можетъ долго занимать мѣсто среди европейскихъ державъ. Мы много говорили объ этомъ. И признаюсь, если эта держава должна рухнуть, то Россія, по своему положенію, должна надѣяться получить часть ея наслѣдства. Императоръ соблаговолилъ понять меня съ этой стороны; и я вполнѣ положусь на него, когда онъ сочтетъ, что минута настала... Я очень разсчитываю на ту привязанность, которую онъ проявилъ ко мнѣ... Я не стану ускорять эту минуту»...

Тогда же министромъ иностранныхъ дѣлъ сталъ, вмѣсто Будберга, Николай Рямянцовъ, это живое преданіе Екатерининскихъ временъ съ ихъ пресловутымъ «греческимъ проектомъ» [2]). Онъ тотчасъ такъ заговорилъ съ Савари о «большомъ дѣлѣ»: «Для насъ очень важно, чтобы поскорѣе взялись за него. Это не потому, чтобы императоръ Александръ желалъ завоеваній, а потому, что въ Оттоманской имперіи дѣла идутъ такъ, что и безъ всякаго толчка намъ придется явиться за полученіемъ ея наслѣдства... Теперь самыя благопріятныя обстоятельства... Европа ничего не скажетъ.

---

[1]) Они характеризованы въ 1-мъ томѣ «Сборн. Ист. Общ.». Новая и мѣткая характеристика П. Толстого находится у Вандаля (стр. 190—191, 196). Такъ же смотритъ на Толстого г. Шильдеръ («Русская Старина», 1890 г., январь). Мы вынесли то же впечатлѣніе изъ чтенія его депешъ въ здѣшнемъ архивѣ.

[2]) Н. Румянцовъ характеризованъ въ нашемъ «Союзѣ князей» (стр. 68—72).

Что такое Европа? Мы да вы — вотъ Европа». Онъ прибавилъ, указывая на настроеніе нашего общества: «Говорятъ, отчего же не берутъ, въ свою очередь, когда всѣ берутъ?» Савари спросилъ самого Александра, отчего русскіе не очищаютъ Дунайскихъ княжествъ, какъ условлено въ тильзитскомъ договорѣ: «или хотятъ сочинить эпитафію туркамъ?» Александръ отвѣчалъ съ усмѣшкой: «Ахъ, Боже мой! Да все, чтò угодно императору. Я полагаюсь только на него. Скажу даже вамъ, что, бесѣдуя со мной въ Тильзитѣ, онъ часто говорилъ, что не стоитъ за это очищеніе, что пусть оно затянется, что невозможно терпѣть долѣе турокъ въ Европѣ. Онъ даже намекалъ мнѣ на ихъ изгнаніе въ Азію. Лишь потомъ онъ опять рѣшилъ оставить имъ Константинополь и нѣсколько окружныхъ провинцій». Наконецъ, Александръ, уже объявившій войну Англіи, потребовалъ себѣ въ награду Дунайскія княжества, чтò бы тамъ ни произошло съ Турціей.

Взгляды Наполеона на восточный вопросъ теперь уяснились, благодаря новымъ документамъ. И тутъ научная заслуга за г. Вандалемъ, который останавливается на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ. Наполеонъ увлекался Востокомъ съ самаго начала, съ египетской экспедиціи. Поэтическое поприще славы Александра Великаго всегда приковывало къ себѣ его воображеніе, падкое до величественныхъ картинъ и безбрежныхъ кругозоровъ, въ мѣру его необычайно высокаго положенія. Чѣмъ больше развивались изумительныя событія съ оглушительною быстротой, тѣмъ явственнѣе выступалъ Востокъ, какъ неизбѣжный послѣдній взмахъ кисти мастера на міровой картинѣ: ставъ волею судебъ сначала Цезаремъ, потомъ Карломъ Великимъ, Наполеонъ задумался надъ ролью македонскаго героя.

Только напрасно до сихъ поръ думаютъ [1]), что во всемъ виновата одна Англія. Это такъ кажется съ перваго взгляда, такъ какъ вѣковѣчное соперничество двухъ сосѣднихъ геніальныхъ націй проходитъ красною нитью по всей жизни Наполеона, и иногда оно дѣйствительно объясняетъ дрожаніе всѣхъ нитей великой политической паутины. Но событія первой четверти нашего вѣка слишкомъ крупны, сложны и всеобъемлющи, чтобы объяснять ихъ одною, притомъ только политическою, причиной. Напоминаемъ указанный выше взглядъ на Наполеона, какъ на прямаго преемника предшествовавшей эпохи. Черты великаго переворота во Франціи отразились и здѣсь, какъ во всей его политикѣ. Ихъ не могъ не замѣтить и новѣйшій историкъ того времени, при всемъ его стремленіи свести дѣло къ одной Англіи. Г. Вандаль говоритъ: «Царствованіе Наполеона не что иное, какъ одно 12-тилѣтнее сраженіе, данное

---

[1]) Въ эту односторонность впадаетъ и г. Вандаль (IX), хотя она противорѣчитъ его основному взгляду на Наполеона.

англичанамъ на протяженіи всего міра. Каждый его походъ — не особое, отдѣльное дѣло, послѣ котораго онъ могъ бы положить предѣлъ своему владычеству и прекратить кровавую эру: это неразрывно связанныя между собой части одного цѣлаго, единой войны, въ которой наша нація, наконецъ, пала къ ногамъ Европы, но проникнувъ и передѣлавъ всю ее, — войны, въ которой Франція пала, но французская идея побѣдила».

Эта идея придавала новый оттѣнокъ дѣлу, а ея творцы сообщали новый характеръ политикѣ, воспринятой Наполеономъ непосредственно. Но самое дѣло уходило своими корнями еще глубже въ историческую почву. Бурбоны стремились, въ борьбѣ съ тевтонскою Англіей и Германіей, къ объединенію латинской расы: согласно съ духомъ времени, они ставили членовъ своей фамиліи на южные престолы. Тильзитскій договоръ утвердилъ Наполеонидовъ на тронахъ Неаполя, Голландіи и Вестфаліи, къ которымъ вскорѣ присоединился испанскій престолъ. Польшей Франція дорожила со времени избранія Генриха Валуа на ея престолъ (1573 г.), какъ противовѣсомъ сначала Габсбургамъ, потомъ Россіи и Пруссіи [1]). Восточный вопросъ, естественно, выдвинулся въ исторіи Франціи уже при Людовикѣ XIV, въ видѣ Египта и индійскихъ компаній [2]), т. е. съ тѣхъ поръ, какъ англичане утвердились въ Ост-Индіи [3]).

Вотъ здѣсь дѣйствительно безъ Англіи не понять ни одного шага въ политической эволюціи, совершающейся на почвѣ экономическихъ интересовъ. Именно въ описываемое время англичане поняли, что въ лицѣ Россіи на пути къ ихъ Индіи становится соперникъ болѣе опасный, чѣмъ Франція. Они серьезно опасались союза двухъ колоссовъ материка на почвѣ этого ихъ жизненнаго вопроса: уже наканунѣ революціи знаменитый Питтъ развернулъ знамя «сбереженія Оттоманской имперіи», которое затѣмъ стало «догматомъ британской политики» [4]). И Александръ I объявилъ войну Англіи въ 1807 г. конечно не ради «милыхъ глазъ» Наполеона, а потому, что иначе онъ не могъ получить ни клочка турецкой земли: англичане формально объявили тогда Румянцову, что они «ни въ какомъ случаѣ не признаютъ сдѣлки, въ которой Порта была бы принесена въ жертву».

---

[1]) Трачевскій: «Польское безкоролевье», 1869 г.

[2]) См. наши статьи о Людовикѣ XIV въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» за 1888 г.

[3]) Sorel: L'Europe et la Révolution, II, 206.

[4]) Подробности въ 1-мъ томѣ «Сборн. Ист. Общ.». А во 2-мъ см. важное въ этомъ отношеніи письмо А. Воронцова къ Моркову отъ 20 января 1803 г.

V.

Восточный вопросъ.

Наполеонъ принялъ восточный вопросъ отъ революціи вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ наслѣдіемъ и съ ея пламенною ненавистью къ невѣжеству. Онъ искренно негодовалъ на присутствіе «варваровъ» и «скотовъ» (турокъ) въ Европѣ и восторгался мыслью «вытѣснить» ихъ во-свояси, въ Азію, «освободить» христіанъ отъ ихъ «тираннія», въ особенности же воскресить поэтическую родину Перикловъ и Аристотелей. Онъ мечталъ даже о «великомъ призваніи» Европы на Востокѣ, о преобразованіи всего его быта на началахъ цивилизаціи, съ помощью французовъ. Способъ осуществленія этой мечты былъ завѣщанъ Наполеону Директоріей, которая уже считала Порту трупомъ и желала сговориться съ Россіей насчетъ его похоронъ. Ставъ консуломъ, онъ тотчасъ схватился за этотъ планъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ мѣняя свои ходы, согласно съ мимолетными событіями: сегодня онъ готовъ былъ подѣлиться трупомъ съ Габсбургами, чтобы отвлечь ихъ подальше отъ Рейна и верхняго Дуная; завтра изобрѣталъ планъ дерзкаго похода русско-французскихъ войскъ въ Индію. Таково было и первое слово, обращенное имъ къ Александру I: въ 1802 г. онъ уже прямо предлагалъ раздѣлить Турцію между Россіей, Франціей и Австріей. Но Александръ тогда видѣлъ въ этомъ только ловушку могущественнаго завоевателя, который казался ему самимъ Макіавелемъ: онъ держался еще правила, что покуда «намъ нужно сохранять слабую Порту». Онъ мечталъ добиться того же болѣе надежнымъ путемъ: вскорѣ, захвативъ посредствомъ войны Молдавію и Валахію, онъ рѣшился не выпускать ихъ изъ своихъ рукъ.

Немудрено, что въ Тильзитѣ друзья увлекались въ своихъ бесѣдахъ восточнымъ вопросомъ. Такъ какъ Александръ вообще игралъ роль слушателя и ученика, то и здѣсь говорилъ больше всего Наполеонъ. Онъ возвѣстилъ, что былъ союзникомъ не Турціи, а султана, по низверженіи котораго онъ считаетъ себя свободнымъ. Онъ твердилъ о необходимости покончить съ презрѣнными турками во имя гуманности и цивилизаціи. Но все это были лишь общія фразы, благія пожеланія. «Моя система относительно Турціи колеблется; я еще не рѣшился», писалъ Наполеонъ Талейрану. Оттого въ Тильзитѣ порѣшили набросать планъ раздѣла Турціи лишь въ томъ случаѣ, когда она не замирится съ Россіей; но исполненіе его откладывалось до новаго свиданія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Наполеонъ справедливо сказалъ: «Мнѣ твердятъ, будто я ужъ не тильзитскій, я знаю только записанный Тильзитъ, т. е. букву договора». А въ договорѣ сказано: «русскія войска удаляются изъ Молдавіи и Валахіи; но эти провинціи

будутъ заняты войсками султана лишь по утвержденіи окончательнаго мирнаго договора между Россіей и Оттоманскою Портой».

Во всякомъ случаѣ, послѣ Тильзита взглядъ Наполеона измѣнился. Раздѣлъ уже представлялся ему опасною игрой. Замѣчая, какъ въ Россіи распалялась жажда земельныхъ пріобрѣтеній, онъ понялъ, что выгоднѣе манить ее благами въ будущемъ, чѣмъ дать ей тотчасъ усилиться и выйти изъ-подъ его зависимости. Но больше всего страшила его Англія, которая раньше французовъ могла захватить Египетъ, Архипелагъ и самые Дарданеллы. А что если Россія поставитъ вопросъ ребромъ? Наполеонъ отвѣчалъ на это соображеніе съ свойственною ему рѣшимостью и ясностью. Въ наставленіяхъ Коленкуру (12-го ноября 1807) имъ самимъ продиктовано слѣдующее мѣсто: «Истинное желаніе императора состоитъ въ томъ, чтобы Оттоманская имперія сохранилась въ ея нынѣшнемъ видѣ (т. е. съ уступкой Дунайскихъ княжествъ Александру), впрочемъ на условіи, что Россія согласится на пріобрѣтеніе Франціей подобной же части Пруссіи. Но возможно, что въ Петербургѣ уже рѣшили раздѣлить Оттоманскую имперію. Въ такомъ случаѣ не должно слишкомъ задѣвать эту державу съ этой стороны: императоръ готовъ лучше вдвоемъ съ нею учинить этотъ раздѣлъ, предоставляя въ немъ Франціи возможно больше вліянія, чѣмъ принудить русскихъ допустить вмѣшательство Австріи. Итакъ, не должно отказываться отъ этого раздѣла, но должно объявить, что нужно словесно договориться на этотъ счетъ».

Наполеону не могло придти въ голову, что самое простое, въ его положеніи, желаніе насчетъ Пруссіи испортитъ все дѣло. Когда Коленкуръ ѣхалъ съ своею инструкціей въ Петербургъ на смѣну Савари, Толстой везъ въ Парижъ изумительныя наставленія. Въ нихъ прямо высказывалось желаніе получить Молдавію и Валахію съ помощью Наполеона, а отъ него требовалось за это... вывести свои войска изъ прусскихъ владѣній. Толстой постарался особенно горячо настаивать на этомъ странномъ требованіи, причемъ трогательно расписывалъ бѣдствія несчастнаго Фридриха-Вильгельма III. Наполеонъ сказалъ ему пророчески, едва сдерживая свое негодованіе: «Напрасно вы такъ интересуетесь имъ: увидите, онъ еще сыграетъ съ вами не одну скверную штуку». Прусскій вопросъ оказался не шуткой. Самъ Александръ горячо ходатайствовалъ даже въ письмахъ Наполеону за «бѣдную» Пруссію, какъ «другъ короля и рыцарь королевы», по мѣткому выраженію г. Татищева. Однажды, въ бесѣдѣ съ Савари, онъ дошелъ до слѣдующаго признанія: «Я лучше откажусь отъ Дунайскихъ княжествъ, чѣмъ получить ихъ насчетъ Пруссіи. За эту цѣну не возьму всей Оттоманской имперіи. Это—дѣло чести для меня». Словомъ, русская политика тѣхъ временъ не могла обходиться безъ чужого конька, въ видѣ какого-нибудь «королька», (по выраженію Напо-

леона), ради котораго жертвовалось всею будущностью Россіи. Сначала ея кошмаромъ былъ всюду неизбѣжный сардинскій король, теперь его смѣнилъ король прусскій.

Немудрено, что Наполеонъ вдругъ обратился къ Австріи съ планомъ раздѣла Турціи и упорно молчалъ о немъ въ своихъ сношеніяхъ съ Петербургомъ. Это крайне затрудняло Коленкура, съ энергичной дѣятельности котораго начинается 1808-й годъ. Этому ловкому человѣку съ трудомъ удалось побѣдить холодность «общества» своимъ искусствомъ танцовать и болтать; а тутъ невозможность отвѣчать дружелюбно на вопросы объ «исчезающей» Портѣ, которыми закидывалъ его и царь, и его министръ. Немудрено, что Коленкуръ запѣлъ другую пѣсню. Савари кончилъ тѣмъ, что увѣдомлялъ Наполеона о «горячемъ желаніи» Александра снова увидѣться, и надѣялся, что тогда Франція «станетъ управлять Россіей». Коленкуръ же началъ съ того, что царь очень встревоженъ участью Пруссіи. «Я долженъ былъ дѣйствовать крайне осторожно,—писалъ онъ,—чтобы окончательно успокоить его. Онъ сталъ недовѣрчивъ. Ему столько твердятъ, будто онъ станетъ жертвой своей довѣрчивости, что пришлось начинать съ того, чтобы снова залучить его». Коленкуръ соглашался съ опасеніями Александра насчетъ общественнаго мнѣнія Россіи. Онъ писалъ Наполеону: «Можно ли ручаться за что-нибудь въ странѣ, гдѣ, за весьма немногими исключеніями, нѣтъ ни людей, ни правилъ?» Коленкуръ указывалъ на неизбѣжность безусловныхъ уступокъ. Александръ твердилъ ему о необходимости «націонализовать» новый союзъ, т. е. заткнуть ротъ своимъ «патріотамъ» хорошимъ кускомъ Турціи. Онъ задавалъ ему такіе вопросы: «Ну, чтожъ? Пишутъ вамъ о Турціи? Императоръ долженъ бы уже рѣшиться. Ему знать, желаетъ ли онъ или нѣтъ сдержать свое тильзитское слово... Однако мнѣ бы хотѣлось, чтобы это кончилось». И, по словамъ Коленкура, царь становился постепенно «серьезнымъ», «задумчивымъ», «мечтательнымъ», наконецъ «мрачнымъ».

Въ то же время Англія возвѣстила, что ни подъ какимъ видомъ не сложитъ оружія. Нужно было побѣдить ея упорство рѣшительною, крайнею мѣрой, пока еще не все было потеряно въ Петербургѣ,—и Наполеонъ поневолѣ снова измѣнилъ свой взглядъ на восточный вопросъ. Явилось его письмо къ Александру отъ 2-го февраля, знаменитое по своему содержанію и составляющее перлъ его своеобразнаго краснорѣчія.

Здѣсь развертывалась величавая картина «тильзитскаго дѣла, направляющаго судьбы міра», такъ какъ пришло время «стать болѣе великими, вопреки намъ самимъ»: «настала эпоха великихъ перемѣнъ и великихъ событій». Здѣсь раскрывался почти фантастическій запасъ «великихъ и широкихъ мѣропріятій», которыя «сломятъ и подчинятъ намъ этотъ рой пигмеевъ», знающихъ исто-

рію лишь «по газетамъ прошлаго вѣка». «Армія изъ 50,000 русскихъ, французовъ и, пожалуй, немного австрійцевъ направится въ Азію черезъ Константинополь; и не успѣетъ она придти на Евфратъ, какъ Англія задрожитъ и падетъ на колѣни предъ материкомъ. У меня все готово въ Далмаціи, у васъ—на Дунаѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ нашего соглашенія армія можетъ появиться на Босфорѣ. Этотъ ударъ отзовется въ Индіи, и Англія будетъ покорена. Для достиженія такой великой цѣли я не откажусь ни отъ какой предварительной сдѣлки».

Подробностей сдѣлки опять не сохранилось. Но впослѣдствіи Наполеонъ говорилъ: «я хотѣлъ дружески оттѣснить Россію въ Азію: я предложилъ ей Константинополь». Это значитъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать Константинополь предѣломъ распространенія Россіи на западъ: въ его мысли Дарданеллы должны были принадлежать нейтральному государству, и эту «загородку» поддерживали бы всѣ силы Франціи и Австріи. Пусть тогда Черное море стало бы русскимъ озеромъ, зато Средиземное море превратилось бы въ озеро французское.

Этотъ планъ не былъ праздною мечтой или дипломатическимъ ходомъ. Именно тогда, въ началѣ 1808 г., Наполеонъ дѣлалъ морскія и сухопутныя приготовленія для его исполненія. Онъ соединялъ всѣ три способа, о которыхъ думалъ прежде въ розницу. Онъ мечталъ раздавить Востокъ и Англію, ударивъ разомъ на Египетъ, на центральную Азію и на Индію, пробираясь въ послѣднюю какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ.

VI.

Раздѣлъ Турціи.

Величіе письма 2-го февраля явствуетъ уже изъ мелочей его пріема. Коленкуръ бросился, помимо министра, прямо во дворецъ. Александръ приказалъ ему явиться «какъ онъ былъ». Но посланникъ побѣжалъ за письмомъ; а царя брало нетерпѣніе. «Отчего— воскликнулъ онъ—вы не вошли тотчасъ? Въ моемъ кабинетѣ нѣтъ церемоній. Мнѣ всегда не терпится при полученіи письма императора, а васъ мнѣ всегда пріятно видѣть. Здоровъ императоръ? Я думаю, намъ предстоитъ поговорить». Александръ схватилъ письмо и началъ читать его съ серьезнымъ видомъ. Но постепенно его лицо оживлялось. Въ концѣ первой страницы онъ улыбнулся, затѣмъ воскликнулъ: «вотъ великія дѣла!» Онъ повторялъ фразу: «вотъ тильзитскій слогъ!» При фразѣ о газетахъ, онъ сказалъ: «вотъ великій человѣкъ!» и прочелъ ее Коленкуру. Потомъ онъ прочелъ ему все письмо, останавливаясь на каждой фразѣ, въ особенности же любуясь выраженіемъ о газетахъ. Вечеромъ, на балу,

Александръ часто заговаривалъ съ Коленкуромъ и твердилъ: «Я не разъ прочелъ письмо императора. Вотъ тильзитскія слова!»

И царь, и его министръ не давали покоя посланнику, увлеченные лихорадочною поспѣшностью. Александръ говорилъ, что готовъ скакать, какъ курьеръ, «день и ночь» на новое свиданіе и «выбрать, какъ другъ, войска» для похода въ Индію, чтобы «всюду бить Англію». Изобрѣтая способы облегчить завѣтное дѣло, онъ вдругъ сказалъ: «А, мнѣ пришла мысль... Чтобы устранить затрудненіе, сдѣлаемъ изъ Константинополя родъ свободнаго города». Румянцовъ имѣлъ цѣлыхъ пять бесѣдъ съ Коленкуромъ, длившихся по нѣскольку часовъ надъ разложенными картами Турціи. Сначала онъ соглашался на все: пусть Наполеонъ захватитъ даже часть Индіи; пусть Австрія участвуетъ въ раздѣлѣ; пусть этотъ раздѣлъ касается даже Азіатской Турціи. Но вдругъ показался конекъ: «А чтожъ вы ничего не говорите про Силезію? Мнѣ было бы пріятно слышать о ней хоть одно слово», сказалъ Румянцовъ. А затѣмъ Александръ обронилъ такую фразу: «Я радъ, что нѣтъ больше рѣчи о Силезіи: императоръ ничего не говоритъ о ней... Сказать правду, этотъ вопросъ объ Оттоманской имперіи долженъ уничтожить все, что предлагалось и говорилось о Пруссіи послѣ Тильзита. Вопросъ возстановляется въ томъ видѣ, какъ онъ былъ освященъ договоромъ». Затѣмъ Румянцовъ намекнулъ, что Австріи нужно дать «немного» и что Россія и Франція не должны стоять «носъ съ носомъ» другъ подлѣ друга: вѣдь, французы всегда интересовались Египтомъ и предлагали Екатеринѣ II Константинополь. И вдругъ опять неожиданная фраза: «Императоръ всегда думаетъ немножко объ интересахъ Пруссіи... Ему хотѣлось бы имѣть удостовѣреніе, что великое герцогство Варшавское останется въ нынѣшнемъ положеніи и не будетъ отдано другому государству». Коленкуръ отвѣчалъ: «Не будемъ примѣшивать къ великому предмету мелкихъ нѣмецкихъ интересовъ... Мы приглашаемъ васъ отдалить отъ васъ Швецію; мы даже помогаемъ вамъ въ этомъ. А вы воспринимаете всѣ сомнѣнія кёнигсбергскихъ стачниковъ. Согласитесь, что это не совсѣмъ-то по-тильзитски».

Затѣмъ взялись за географическія карты. Румянцовъ сказалъ, что въ Тильзитѣ, кажется, планировалось такъ: намъ Молдавія, Валахія и Болгарія, вамъ—Морея, пожалуй еще Албанія и Кандія. А Австріи можно бы дать Кроацію и, пожалуй, кусокъ Босніи. Сербія же можетъ стать независимымъ государствомъ, съ австрійскимъ эрцгерцогомъ во главѣ. Вдругъ министръ проговорился: «Если турки будутъ изгнаны изъ Европы—что̀, по мнѣ, неизбѣжно—то Константинополь, а также большой кусокъ земли, обнимающій Босфоръ и Дарданеллы, должны отойти къ намъ». А Наполеону онъ предлагалъ уже Морею, Архипелагъ, Албанію, часть Босніи, Египетъ и даже Сирію. Впрочемъ, въ такомъ случаѣ Сербія прирѣзывалась уже къ Россіи.

Коленкуръ. Вы уже значительно увеличили вашу долю; если дѣло затянется, вы скушаете все.

Румянцовъ. Императоръ не настаиваетъ на Сербіи. Ну, отдайте ее какому-нибудь принцу въ Европѣ, напримѣръ, Кобургскому. Если хотите обязать насъ, сдѣлайте изъ нея приданое одной изъ нашихъ великихъ княженъ (берите любую)... Пожалуй, было бы хорошо постановить, что дѣти будутъ воспитаны въ греческой религіи: вѣдь, сербы больше, чѣмъ фанатики... Но это независимо отъ всякаго нашего содѣйствія... Нынѣ Болгарія почти пустынна; а нужно что-нибудь такое, что̀ говорило бы націи, что императоръ далъ свою армію не безъ выгодъ для нея. Вѣдь, мы только для васъ идемъ въ Индію... Если, какъ намекаетъ этотъ походъ, вся Турція должна быть раздѣлена, то Константинополь долженъ достаться намъ, также какъ Босфоръ и Дарданеллы. Сербію въ такомъ случаѣ нужно отдать совсѣмъ Австріи, также какъ часть Македоніи и Румеліи до моря, чтобы эта держава раздѣляла насъ... Вы получите остальную часть Македоніи и западную часть Румеліи, словомъ, что хотите — всю Боснію, Египетъ, Сирію.

Коленкуръ. Сегодня, графъ, вы не особенно щедры... Я не понимаю хорошенько пріобрѣтенія Константинополя; но если допустятъ его, я не соглашусь на пріобрѣтеніе Дарданеллъ тою же державой.

Румянцовъ. Кому же вы дали бы ихъ?

Коленкуръ. Я взялъ бы ихъ для Франціи.

Тутъ собесѣдники пустились въ торгъ, каждый прикидываясь казанскою сиротой. Румянцовъ доказывалъ, что Константинополь— пустяки: для него важнѣе былъ бы Зундъ. Онъ уступилъ бы Дарданеллы развѣ въ томъ случаѣ, если бы къ этому городишкѣ прибавили Сербію. А Коленкуръ надбавлялъ что-нибудь въ Азіи, напримѣръ Трапезунтъ. Но Румянцовъ упорствовалъ. Тогда Коленкуръ выдвинулъ мысль Александра о превращеніи Константинополя въ независимый городъ. Румянцовъ остановилъ его: «Мысль императора ничего не значитъ; онъ уже бросилъ ее; это было лишь общее разсужденіе». То же подтвердилъ ему самъ Александръ. Онъ прибавилъ, что никакъ не уступитъ Дарданеллъ: «иначе мнѣ нельзя будетъ ни выйти, ни войти безъ вашего позволенія».

Важнѣе всего, что Румянцовъ передалъ Коленкуру письменный планъ раздѣла Турціи, гдѣ было сказано, что свиданіе между двумя импероторами можетъ произойти лишь послѣ принятія его Наполеономъ. Александръ сказалъ то же въ своемъ отвѣтѣ на письмо Наполеона отъ 2-го февраля, назначая Эрфуртъ мѣстомъ свиданія. Вандаль говоритъ: «можно было думать, что царь хотѣлъ предохранить себя отъ собственной слабости и не поддаться без-

защитно обольщеніямъ генія»; а Наполеонъ именно «отстранялъ всякое соглашеніе до свиданія; ему хотѣлось, чтобы до тѣхъ поръ условія раздѣла оставались смутными, неопредѣленными, колеблющимися».

Но покуда политическій небосклонъ былъ чистъ. Россія переживала давно не бывалую минуту счастливыхъ грезъ. Она уже стояла у вратъ св. Софіи. Шведскія крѣпости падали, подобно Іерихону, почти отъ одного трубнаго звука; а Наполеонъ еще выслалъ корпусъ Бернадота, который достигъ уже Голштиніи, чтобы ударить оттуда на Стокгольмъ. Въ началѣ апрѣля Александръ писалъ Наполеону: «Я объявилъ шведскую Финляндію русскою провинціей». И онъ отвѣчалъ на окружающій его ропотъ: «Что! Вы все еще будете жаловаться на мой союзъ съ Франціей? А что дали намъ союзы съ вашею любезною Англіей?» Недовольные стали подходить къ одинокимъ дверямъ Коленкура: ихъ вожди, эти Чарторижскіе, Новосильцевы, Строгоновы, впервые появились въ его салонѣ, даже на вечеринкахъ. Сіяющій императоръ подшучивалъ надъ посланникомъ, намекая на его упорное торгашество съ Румянцовымъ: «Вы проиграете вашу тяжбу». Въ своихъ письмахъ къ Наполеону онъ поддѣлывался, какъ могъ, подъ тонъ посланія 2-го февраля, называя своего друга «возвышеннымъ геніемъ», а его планы «столько же великими, сколько справедливыми». Въ Зимнемъ дворцѣ «весь Петербургъ» нѣсколько дней ахалъ отъ изумленія предъ дарами Азіи, предназначенными для подарковъ Наполеону, предъ этими рѣдчайшими порфирами и малахитами, которые выглядятъ теперь печальнымъ воспоминаніемъ среди запустѣлаго Тріанона. А въ царскихъ сараяхъ стояли экипажи наготовѣ. «Когда же мы отправляемся?»—спрашивалъ Александръ шутливо Коленкура.

VII.

Разладъ передъ новою дружбой.

Вдругъ картина измѣнилась. Изъ Парижа не было отвѣта, а дошло зловѣщее извѣстіе, что Наполеонъ внезапно уѣхалъ по дорогѣ не къ Эрфурту, а къ Байонѣ. Турки ободрились и стягивали къ Дунаю новыя силы: Наполеонъ успокоилъ ихъ, давъ слово за Александра, что Россія не нападетъ, хотя и истекъ срокъ перемирія. Бернадотъ внезапно застрялъ въ Голштиніи. Шведы оправились отъ первыхъ пораженій. Англичане спѣшили къ нимъ на помощь. Отъ разрыва съ ними наша торговля стала; бумажныя деньги падали съ страшною быстротой; посыпались банкротства. Общество дрожало отъ страха и гнѣва: оно еще дальше отхлынуло отъ дверей Коленкура и какъ бы вызывало его на бой. Адамъ Чар-

торижскій и личный врагъ Наполеона, Поццо-ди-Борго, представили царю горячія записки, въ которыхъ онъ изображался жалкою игрушкой ненасытнаго властолюбія парижскаго Мефистофеля. Коленкуръ опасался даже заговора противъ императора и посылалъ своихъ соглядатаевъ въ старушку Москву, которая любила брюзжать. Самъ Румянцовъ осыпалъ его жалобами и настойчиво требовалъ отвѣта на свой планъ раздѣла Турціи. Въ Александрѣ съ новою силой возродились подозрѣнія, недовѣрчивость. «Отъ него повѣяло холодомъ», по словамъ Коленкура. «Нужно — замѣтилъ царь ему—говорить что̀ есть на душѣ, если хочешь прочнаго и тѣснаго союза. Заднія мысли не приводятъ къ добру».

Причиной всему были тѣ роковыя событія въ Испаніи, которыя самъ Наполеонъ призналъ впослѣдствіи коренною ошибкой своего царствованія. Въ то самое время, когда онъ собирался «раздавить Англію» и показать міру небывалое величіе, выступивъ противъ нея сразу повсюду, отъ Швеціи до Индіи, по суху и по морю, гдѣ одинъ, гдѣ въ соединеніи съ русскими, нѣмцами, итальянцами, испанцами,—въ эту торжественную минуту настало «начало конца» въ жизни всеобъемлющаго генія. Поднялся испанскій народъ для борьбы на смерть, и его примѣръ уже пробѣгалъ электрическою искрой по нѣмецкой націи: Австрія очнулась, готовясь начать первую войну за независимость Германіи.

Александръ тотчасъ понялъ, что виной всему была Испанія, а не самъ Наполеонъ. Оттого-то онъ восхвалялъ роль «возродителя, законодателя» за Пиренеями; онъ даже надѣялся получить отъ него награду за «свою скромность во все теченіе этихъ событій». Дѣйствительно, какъ только Іосифъ Бонапартъ воцарился въ Мадридѣ, Наполеонъ снова обратился къ Востоку. Онъ рѣшилъ томительный вопросъ съ своею обычной энергіей: свиданіе безъ предварительныхъ условій. Предлагая этотъ ультиматумъ, Ко̀ленкуръ сказалъ царю: «Въ этомъ великомъ дѣлѣ столько нескладицы (choses scabreuses), что только сами монархи могутъ уладить его. У графа Румянцова руки немного длинны... Въ этомъ дѣлѣ болѣе замѣшаны русскіе, чѣмъ французскіе интересы... Вы, ваше величество, желаете этого раздѣла: Наполеонъ лишь соглашается, чтобы угодить вамъ. Примите безусловное свиданіе».—«Съ удовольствіемъ»,—отвѣчалъ государь, истомленный ожиданіемъ и обольщенный тѣмъ, что Наполеонъ именно тогда вывелъ свои войска изъ Пруссіи, хотя причиной тому была необходимость перевести ихъ въ Испанію.

Александръ спѣшилъ на свиданіе, какъ на пріятную прогулку: ему казалось, что «великое дѣло» будетъ просто «дѣломъ одного завтрака». Наполеонъ готовился къ свиданію. Онъ бралъ съ собой Талейрана и велѣлъ ему разсмотрѣть всѣ депеши Коленкура. Онъ совѣщался съ другими, свѣдущими по Востоку, людьми и велѣлъ заготовить въ министерствѣ обстоятельную записку. Онъ скло-

нялся къ мнѣнію, что нужно сократить слишкомъ разгорѣвшійся аппетитъ Россіи: онъ рѣшилъ начать съ Тильзита, т. е. дать ей только Молдавію и Валахію, да и то не сейчасъ. Талейранъ шелъ еще дальше. Тогда уже опредѣлилась его роль тормаза. Холодный скептикъ, онъ видѣлъ, что горячность, широкая фантазія и непомѣрное самомнѣніе ведутъ Наполеона къ погибели. Онъ громко порицалъ послѣдніе замыслы. Ему хотѣлось спокойно почивать на добытыхъ уже лаврахъ. Онъ боялся, какъ бы изъ Эрфурта не вышло новаго всеобщаго потрясенія. Хитрый дипломатъ тотчасъ придумалъ ушатъ холодной воды въ видѣ Габсбурга. Онъ сказалъ Меттерниху: «Во всякомъ дѣлѣ въ Европѣ австрійскій императоръ является или задержкой, или помощью. Я въ данную минуту желалъ бы, чтобы императоръ Францъ явился, какъ задержка». Меттернихъ попросилъ Наполеона взять и его въ Эрфуртъ, но получилъ отказъ: Наполеонъ боялся, какъ бы Австрія и Россія не спѣлись тамъ у него подъ носомъ.

Въ Эрфуртъ поѣхали только Талейранъ да его преемникъ по министерству, Шампаньи, не считая блестящей военной свиты и П. Толстого. Александра сопровождала, помимо Румянцова и Коленкура, болѣе скромная свита военныхъ, съ великимъ княземъ Константиномъ во главѣ. Среди нея стушевывался поповичъ Сперанскій: онъ долженъ былъ прислушиваться къ мудрымъ рѣчамъ Наполеона насчетъ порядка въ управленіи страной. 14-го сентября царь выѣхалъ въ коляскѣ, безъ кухни и придворныхъ, налегкѣ: онъ скакалъ быстрѣе всякаго курьера. Его провожали со стонами и слезами. «Весь Петербургъ» перешептывался: ему-де не возвратиться; Наполеонъ, если не разстрѣляетъ его, какъ герцога Ангіенскаго, то заточитъ во Франціи, какъ испанскихъ Бурбоновъ. Императрица-мать сказала, рыдая, гофмейстеру: «вы будете въ отвѣтѣ за это путешествіе передъ императоромъ и передъ Россіей». Еще трогательнѣе были сцены, окружавшія царя въ Кёнигсбергѣ, гдѣ онъ провелъ два задушевныхъ дня среди «несчастной» прусской четы, которая убѣждала его соединить русскія и прусскія войска съ австрійскими въ предстоящей борьбѣ съ Наполеономъ.

А ничтожный городишко Эрфуртъ, затхлое гнѣздо невинныхъ мѣщанъ и мелкихъ чиновниковъ, превращался въ маленькій кокетливый Парижъ. Населеніе его вдругъ возросло неимовѣрно. Среди него толкалась безчисленная полиція: особенно много было «наблюдателей» всякихъ костюмовъ, зорко слѣдившихъ за каждымъ словомъ и движеніемъ «пруссаковъ», какъ называли тогда вообще недовольныхъ бонапартизмомъ. Приготовлялся блестящій хвостъ Наполеона изъ множества нѣмецкихъ «фюрстовъ» и королей, умолявшихъ владыку міра допустить ихъ къ его лицезрѣнію «хоть на 24 часа». Они унижались передъ каждымъ эполетомъ генеральнаго штаба и завалили Шампаньи попрошайствами, при-

чемъ злословили другъ друга и подняли цѣлый Содомъ взаимныхъ сваръ. Зато они щеголяли, на послѣдніе гроши горсти своихъ нищихъ подданныхъ, старомоднымъ парадомъ фамильной спѣси [1]): они не уступали великолѣпіемъ польскимъ полковникамъ, а ихъ княгини—французскимъ актрисамъ, которыя были доставлены изъ Парижа въ полномъ наборѣ.

VIII.

Эрфуртъ.

27-го сентября Наполеонъ встрѣтилъ Александра далеко за воротами Эрфурта. Описаніе внѣшности эрфуртскаго свиданія совѣтуемъ прочесть у Вандаля, который проявляетъ въ этой, лучшей, главѣ своего труда талантъ художника. Особеннно хорошо изображенъ здѣсь Талейранъ, этотъ руководитель новой эпохи въ жизни Франціи, начавшейся съ испанскаго дѣла. «Эрфуртъ—почва, гдѣ вполнѣ развертывается игра, которую онъ подстроивалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Отнынѣ онъ молчаливо, но рѣшительно бунтуетъ противъ своего господина и вмѣсто служенія его волѣ злоумышляетъ противъ его намѣреній. Его первая цѣль—устроить свой собственный миръ съ Европой, закрѣпить свои добрыя отношенія съ Вѣной, добыть себѣ у царя довѣріе, которое обезпечило бы его противъ опасностей будущаго... Онъ сообразилъ, что есть одно только средство остановить, обуздать Наполеона—это поддерживать въ державахъ духъ сопротивленія».

Талейранъ рѣшился конечно обойти прежде всего Александра. Съ смѣлостью опытнаго интригана онъ тотчасъ же добился у него тайной аудіенціи и сразу огорошилъ его такимъ признаніемъ: «Государь! зачѣмъ вы пришли сюда? Ваше дѣло спасать Европу; и вы достигнете этого только путемъ сопротивленія Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ, а его монархъ—нѣтъ. Русскій монархъ цивилизованъ, а его народъ — нѣтъ. Стало быть, русскій монархъ долженъ быть союзникомъ французскаго народа». Эти слова записаны для потомства другимъ виртуозомъ въ интригахъ, Меттернихомъ: тогда это были два авгура дипломатіи, шедшіе рука въ руку.

Жало вонзилось въ сердце, въ которомъ уже въ Россіи было надломлено довѣріе. Александра со всѣхъ сторонъ осѣтила искусная интрига дипломата-Іуды, который вкрался въ довѣріе Толстого, Румянцова, даже близкихъ друзей своего господина. Наполеонъ почуялъ, что онъ «не тотъ, что былъ въ Тильзитѣ», несмотря на прежнюю пріятельскую внѣшность. Онъ задумался и по-

[1]) Этотъ бытъ и характеръ нѣмецкихъ фюрстовъ описанъ въ нашей «Германіи наканунѣ революціи» («Вѣстникъ Европы» за 1875 г.).

вторялъ: «Да, все это конечно испанское дѣло... Оно занимаетъ меня далеко отъ нихъ: вотъ что имъ нужно; вотъ почему они возрадовались».

Какъ въ Тильзитѣ, союзники каждый день бесѣдовали вдвоемъ на прогулкахъ, а больше расхаживая по кабинету Наполеона, между тѣмъ какъ Талейранъ, къ смущенію полиціи, засиживался за полночь у Румянцова. Но эти бесѣды носили другой характеръ. Тамъ была дипломатическая идиллія: такъ легко было сговариваться на почвѣ общихъ фразъ, неопредѣленно-широкихъ плановъ, благихъ пожеланій. Здѣсь приходилось свести все это къ строгой прозѣ, къ точному практицизму. А между двумя свиданіями легъ цѣлый годъ взаимныхъ разочарованій и недоразумѣній, какъ между молодыми послѣ медоваго мѣсяца. Работа оказалась тяжелая, почти невозможная: сила обстоятельствъ одинаково повелительно влекла случайныхъ друзей въ разныя стороны, налагая покровъ правоты на поступки каждаго изъ нихъ. Цѣлую недѣлю мучились они лишь изъ-за того, чтобы не подорвались тѣ узы, которыя удалось кое-какъ сковать въ Тильзитѣ.

Теперь вопросъ шелъ уже не о Пруссіи и Польшѣ; стушевалось даже «великое дѣло». Сразу порѣшили, что Франція должна сохранить за собой покуда прусскія крѣпости, въ виду задора Австріи, но ей необходимо уйти изъ Польши, чтобы успокоить Россію. Александръ вдругъ понялъ, что раздѣлъ Турціи—журавль въ небѣ, и удовольствовался болѣе прозаическою, но вѣрною синицею — пріобрѣтеніемъ Молдавіи и Валахіи. Скоро согласились даже насчетъ Англіи: оба императора напишутъ ея королю, чтобы онъ замирился, если не желаетъ видѣть новыхъ и болѣе важныхъ потрясеній. И онъ пойметъ, что тутъ пугаломъ являются раздѣлъ Турціи и походъ въ Индію.

Грозовою тучей сталъ теперь австрійскій вопросъ. Онъ назрѣлъ. Наполеонъ видѣлъ дальше всѣхъ: онъ понималъ, что нищій Габсбургъ не могъ долѣе содержать приготовленную къ бою армію: онъ долженъ былъ напасть на Францію. Отсюда его требованіе, чтобы Россія помогла ему заставить Австрію признать Іосифа королемъ Испаніи и объявить войну Англіи. Александръ соглашался только поддержать Францію въ томъ случаѣ, когда Австрія предприметъ наступательныя дѣйствія противъ нея. Онъ былъ правъ съ точки зрѣнія русскихъ выгодъ. Вандаль справедливо говоритъ: «Для Россіи разоружить Австрію значило обеззащитить себя самое, сдаться, отказаться отъ всякаго обезпеченія, кромѣ одной честности. Такое довѣріе со стороны Александра было бы истиннымъ чудомъ послѣ тѣхъ разочарованій и обидъ, которыя онъ испыталъ со временъ Тильзита. Наполеонъ терпѣлъ наказаніе за то, что цѣлый годъ скрывалъ конечную справедливость и величіе своей цѣли, именно успокоеніе міра, подъ покровомъ само-

державности своихъ поступковъ. Онъ терпѣлъ за то, что слишкомъ мало щадилъ сомнѣнія и выгоды своего союзника, насиловалъ королей и народы. Онъ былъ наказанъ тѣмъ, что ему не вѣрили теперь, когда онъ искренно выставлялъ свое миролюбіе, свои чисто-оборонительныя намѣренія. Александръ не могъ читать въ его душѣ: онъ читалъ въ его дѣлахъ; а прошедшее давало ему право заподозрѣвать будущее».

Такъ, задача становилась неразрѣшимою,—и пошли тяжелыя, не ведущія къ добру сцены. Слабый, мягкій Александръ вдругъ сталъ скалой, о которую разбивались всѣ изумительно тонкія ухищренія тильзитскаго «обольстителя». Чувствуя, что ему не выдержать открытаго боя съ нимъ, онъ поступалъ, какъ его войска въ 1812 году. «Онъ претерпѣливо слушалъ, мало разсуждалъ, не старался опровергать многочисленные и настойчивые доводы своего противника, давалъ пронестись этому потоку; а затѣмъ возвращался къ своей мысли и твердо держался ея съ милымъ упрямствомъ». Наполеонъ съ трудомъ сдерживалъ свой гнѣвъ. «Вашъ императоръ Александръ упрямъ, какъ лошакъ, сказалъ онъ Коленкуру: онъ притворяется глухимъ, когда не хочетъ понять». Наконецъ, Наполеонъ прибѣгнулъ къ своему испытанному средству, — къ притворному проявленію гнѣва громовержца. Лѣтъ за 10 передъ тѣмъ, онъ ускорилъ миръ съ австрійцами, хлопнувъ о земь дорогой сервизъ передъ носомъ ихъ дипломата и воскликнувъ: «если Австрія желаетъ войны, то въ три мѣсяца она станетъ грудой осколковъ». Теперь, шагая однажды по своему кабинету съ своимъ другомъ, онъ вдругъ вскипѣлъ, бросилъ шляпу на полъ — и давай топтать ее. Александръ остановился, какъ вкопанный, пристально посмотрѣлъ на него, улыбнулся и, помолчавъ съ минуту, сказалъ: «Вы горячи, а я упрямъ: со мной гнѣвомъ ничего не сдѣлаешь. Будемъ говорить, разсуждать—или я ухожу». И онъ направился къ двери. Наполеонъ удержалъ его и тотчасъ успокоился. Онъ увидѣлъ необходимость уступить.

Измученные друзья поневолѣ обрадовались, словно у нихъ гора свалилась съ плечъ. Вечеромъ они сидѣли рядомъ въ партерѣ, наполненномъ королями, на «Эдипѣ» Вольтера. Актеръ произноситъ: «дружба великаго человѣка есть благодѣяніе боговъ». Александръ встаетъ, хватаетъ Наполеона за руку и горячо жметъ ее.

Вообще со стороны казалось, какъ говоритъ очевидецъ, будто это были «два молодыхъ товарища, которые ничего не скрывали другъ отъ друга въ своихъ удовольствіяхъ». Мало того. Разнеслась молва, что скоро друзья станутъ родственниками. Дѣйствительно тогда вопросъ о разводѣ съ Жозефиной былъ уже почти рѣшеннымъ дѣломъ, и Наполеонъ обратилъ вниманіе на слухи, прочившіе ему въ невѣсты старшую сестру Александра, Екатерину Павловну. Но гордость не дозволяла ему заговорить первому. Талейранъ и

Коленкуръ намекнули Александру. Александръ намекнулъ Наполеону, вообще одобряя мысль объ упроченіи его династіи посредствомъ новаго брака. Но Наполеонъ отвѣчалъ неопредѣленно и откладывалъ вопросъ до другого времени. Между тѣмъ мать поспѣшила выдать замужъ Екатерину Павловну; а война съ Австріей привела къ браку Наполеона съ дочерью Габсбурга.

IX

Новый союзъ.

Оставалось набросать рѣшенія императоровъ на бумагу въ формѣ конвенціи. Они предоставили это дѣло своимъ министрамъ. Но у тѣхъ снова начались пререканія, такъ что они иногда по четыре раза въ день ходили къ своимъ императорамъ. Дѣло тянулось опять цѣлую недѣлю. Оно наконецъ всѣмъ надоѣло, также какъ однообразіе празднествъ, парадовъ, обѣдовъ и прогулокъ. 12-го октября подписали, «зажмурившись, чтобы не видать будущаго», по выраженію одного очевидца.

Эрфуртская конвенція обезпечивала всѣ владѣнія обоихъ императоровъ: они потребуютъ отъ Англіи признанія правъ Іосифа на Испанію и Александра на Финляндію, Молдавію и Валахію. Но Дунайскія княжества опять чуть не разстроили всего. Наполеонъ не хотѣлъ сказать, положительно, что они теперь же уступаются Россіи: онъ опасался, что узнавъ объ этомъ Порта осоюзится съ Англіей. Но Румянцовъ съ грубой рѣшительностью настаивалъ на такомъ признаніи. Онъ сказалъ Шампаньи: «Мы не можемъ согласиться, чтобы продолжалось положеніе, которое тянется уже цѣлый годъ. Оно оказалось слишкомъ противнымъ нашимъ выгодамъ. Мы пришли сюда, чтобы именно объявить вамъ, что мы намѣрены положить ему конецъ». Всякое возраженіе съ этой стороны казалось Александру измѣной, ловушкой. Наполеонъ принужденъ былъ «согласиться на немедленное присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи». Онъ добился только одного: Александръ лично далъ слово не говорить объ этомъ до 1-го января 1809 г. Наполеонъ обязался также помочь Россіи въ случаѣ, если Австрія соединится съ турками на защиту княжествъ; но зато Александръ долженъ былъ помогать Франціи, если на нее нападутъ австрійцы. Объ остальной Турціи въ конвенціи сказано: «обѣ стороны обязуются сохранять неприкосновенность остальныхъ владѣній Оттоманской имперіи, не желая сами нападать на нихъ и не допуская къ тому другихъ безъ предварительнаго увѣдомленія ихъ». Друзья приберегали эту добычу до болѣе удобнаго случая. Въ одной статьѣ конвенціи сказано: «Если мѣры, принятыя сторонами для водворенія мира, окажутся безплодными, императоры свидятся снова

въ теченіе года, чтобы согласиться насчетъ общихъ военныхъ дѣйствій».

14-го октября союзники разстались среди такой же дружественной и блестящей обстановки, которая окружала ихъ за 17 дней передъ тѣмъ.

Великое съ виду дѣло имѣло весьма не великое значеніе. Событія были такъ крупны и повелительны, что ихъ хода не могли остановить или перевернуть никакія усилія вѣнценосцевъ. Эрфуртъ не подвинулъ дѣла, поднятаго въ Тильзитѣ. Онъ не остановилъ ни войны съ Англіей, ни возстанія въ Испаніи, ни борьбы съ Австріей; и Дунайскія княжества до сихъ поръ находятся за предѣлами Россіи. Онъ далъ только Наполеону передышку, предохранивъ его отъ новой коалиціи, и позволилъ ему еще разъ разгромить Австрію, которой впрочемъ такія бѣдствія — какъ съ гуся вода. Россія могла бы извлечь изъ Эрфурта болѣе прочную пользу; но она по обыкновенію не съумѣла сдѣлать это.

Эрфуртъ не достигъ даже ближайшей цѣли — личнаго сближенія между двумя «арбитрами» Европы. Напротивъ, «На берегахъ Нѣмана, — говоритъ Вандаль, — въ душѣ царя побѣдило довѣріе, подавляя, хотя и не истребляя, противоположное чувство. Въ Эрфуртѣ недовѣріе окончательно взяло верхъ, уничтожая остатокъ склонности». Здѣсь Александръ такъ держалъ себя съ австрійскимъ посломъ, что какъ бы поощрялъ Габсбурга къ вооруженіямъ. Въ Эрфуртѣ новая эпоха, въ лицѣ Талейрана, побѣдила Наполеона. Возвратившись въ Парижъ, оба авгура сдружились еще больше. Талейранъ повѣрилъ Меттерниху тайну неудачи свиданія: «Александра ужъ не увлечешь противъ васъ», сказалъ онъ. Онъ даже выразилъ надежду на возстановленіе дружбы между Вѣной и Петербургомъ: «только такое соединеніе можетъ сохранить остатокъ независимости Европы», сказалъ онъ пророчески.

Эрфуртъ былъ скорѣе подготовкой Бородина. Вандаль справедливо говоритъ, что онъ ускорялъ кровавую развязку между Австріей и Франціей. А чѣмъ бы она ни кончилась, она приближала разрывъ между Парижемъ и Петербургомъ. Побѣди Австрія — и Александръ былъ бы увлеченъ общимъ потокомъ національной ненависти и мстительности противъ геніальнаго деспота. Побѣди Наполеонъ — и два императора стали бы другъ противъ друга, какъ единственные соперники. Снова поднялся бы вѣчно раздорный вопросъ о раздѣлѣ Турціи. А рядомъ неизбѣжно всталъ бы во всемъ своемъ непримиримомъ величіи вопросъ объ отмѣнѣ другого важнаго раздѣла. Разгромъ Пруссіи привелъ Наполеона къ возстановленію Польши наполовину; разгромъ Австріи повлекъ бы за собой ея полное воскрешеніе.

А. Трачевскій.

АНЕКДОТЪ О ГОГОЛѢ.

Въ 1847 или 1848 году, въ Кіевъ пріѣхалъ осенью Николай Васильевичъ Гоголь. О его визитѣ къ покойному Михаилу Владиміровичу Юзефовичу разсказывалъ мнѣ одинъ очевидецъ. Можетъ быть, особеннаго интереса разсказъ этотъ не представляетъ, да впрочемъ, и навѣрно не представляетъ, потому что визитъ былъ самый обыкновенный и на короткое время. Но Гоголь-то человѣкъ необыкновенный; необыкновеннымъ онъ былъ и въ то время, а теперь, когда прошла давность, онъ представляется намъ какимъ-то полубогомъ, и потому каждый шагъ его и каждое слово пріобрѣтаютъ для насъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ насъ, значеніе. Ничего, что великій человѣкъ покажется иной разъ маленькимъ, пройдя сквозь призму наблюдательности маленькаго человѣка. Маленькіе люди, приходя случайно, или благодаря своей навязчивости, въ соприкосновеніе съ людьми великими, по самой природѣ своей ничего не могутъ больше замѣтить, кромѣ чертъ, сближающихъ ихъ въ какомъ-нибудь маленькомъ отношеніи съ великими людьми. Сапожникъ, вспоминая о Тургеневѣ, разскажетъ, какіе онъ носилъ сапоги и сколько на нихъ было пуговицъ. Пустая барыня, которая не могла вести никакихъ другихъ разговоровъ, кромѣ пустыхъ, съ великимъ человѣкомъ, вспомнитъ о немъ, что онъ былъ пустословъ и, въ доказательство, приведетъ какой-нибудь его пустой разговоръ. Сплетникъ будетъ разсказывать о немъ, что великій человѣкъ любилъ выслушивать сплетни, и, если великій человѣкъ, по благодушію или снисходительности къ людскимъ слабостямъ, проведетъ время въ обществѣ, которое ниже его, то найдется біографъ, который впослѣдствіи сообщитъ о томъ,

что великій человѣкъ любилъ предпочитать дрянныхъ людей хорошимъ, пилъ и бражничалъ съ мытарями и чуждался фарисеевъ. Очевидецъ, сообщившій мнѣ нѣсколько подробностей о своей встрѣчѣ съ Гоголемъ у Юзефовича, въ то время не только не былъ проникнутъ благоговѣніемъ къ великому писателю, но въ душѣ считалъ его чуть ли не пасквилянтомъ и раздѣлялъ о немъ литературное мнѣніе барона Брамбеуса, который не признавалъ Гоголя. Этотъ господинъ былъ тогда молодъ—лѣтъ двадцатипяти, пріѣхалъ изъ глухой провинціи въ Кіевъ тоже на короткое время, съ цѣлью нашить себѣ сюртуковъ и фраковъ у кіевскихъ портныхъ и пріобрѣсти сердоликовую печать, такъ какъ онъ полагалъ, что, женясь, необходимо имѣть такую печать,—печать придастъ солидности молодому помѣщику. Изъ этого можете заключить, что намѣренія разсказчика были маленькія, обыденныя; и нечего гнѣваться, если Гоголь въ призмѣ представится намъ тоже не гигантомъ, ибо Гоголя какъ гиганта, въ особенности въ ту пору, могъ видѣть только самъ же Гоголь.

Молодой помѣщикъ, пріѣхавшій для экипировки въ Кіевъ, носилъ польскую фамилію, хотя родился уже въ русскомъ семействѣ. Польская кровь сказывалась въ немъ только въ его наклонности къ франтовству и въ тяготѣніи къ аристократамъ. Явившись въ Кіевъ, онъ сейчасъ же свелъ знакомство съ графомъ К., который служилъ въ канцеляріи генералъ-губернатора. Графъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, знатокомъ модъ и хорошаго тона, хотя и не имѣлъ средствъ, и охотно взялся быть менторомъ Михольскаго. Михольскій одѣлся съ иголочки, пріобрѣлъ прекрасную сердоликовую печать и, кромѣ того, хризопразовую въ золотой оправѣ съ брилліантовыми искрами, и доживалъ въ Кіевѣ послѣднюю недѣлю, чтобы затѣмъ уѣхать въ Харьковскую губернію, жениться и поселиться въ имѣніи своей жены. Однажды, послѣ обѣда, онъ заѣхалъ къ графу К., съ которымъ предполагалъ провести вечеръ въ игорномъ домѣ; но засталъ графа за усиленнымъ приготовленіемъ къ туалету, и на вопросъ его, куда онъ собирается, графъ объявилъ:

— Мнѣ непремѣнно надо ѣхать въ Липки къ Юзефовичу, у котораго сегодня долженъ быть человѣкъ, интересующій собою теперь весь Кіевъ.

— Ктожъ это такой?

— Это нѣкто Гоголь, писатель,—небрежно пояснилъ графъ К.—изъ хохловъ.

— Я знаю,—сказалъ Михольскій.

— Юзефовичъ пригласилъ меня на Гоголя, а мнѣ неловко не быть,—продолжалъ К.—Откровенно сказать, я еще не читалъ этого Гоголя. Что, онъ хорошо пишетъ?

— Въ немъ нѣтъ ничего возвышеннаго и, такъ сказать, байроническаго,—сказалъ Михольскій, играя своей новой хризопразовой печаткой.—Я читалъ критику на него. Утверждаютъ, что онъ плохо владѣетъ даже русскимъ языкомъ.

— Это немудрено, — сказалъ графъ К., который въ канцеляріи генералъ-губернатора считался неспособнымъ и никогда не могъ сочинить ни одной бумаги.—Но отчего не посмотрѣть? Все же онъ въ милости у государя. Это что-нибудь значитъ, я вамъ доложу.

— Вотъ какъ!—сказалъ Михольскій.—Въ такомъ случаѣ мнѣ хотѣлось бы тоже взглянуть на него. Но какъ это сдѣлать?

— А очень просто,—сказалъ графъ К.—поѣдемъ вмѣстѣ, я представлю васъ Юзефовичу—онъ радушный хозяинъ.

Михольскій и графъ К. отправились въ Липки, и Юзефовичъ принялъ незнакомаго молодого человѣка немножко угрюмо.

На обширномъ балконѣ, выходившемъ въ садъ, былъ приготовленъ столъ съ закусками и съ чаемъ. Собрались преимущественно молодые профессора Кіевскаго университета, которые хотѣли представиться Гоголю. Всѣ были по этому случаю одѣты въ новенькіе вицмундиры и, въ ожиданіи великаго человѣка, переговаривались въ полголоса. Юзефовичъ постоянно выбѣгалъ смотрѣть, не ѣдетъ ли Гоголь. Ужъ начинало смеркаться, и послѣдніе лучи заходящаго солнца умирали на стеклѣ чайной посуды, какъ, по нѣкоторому движенію въ домѣ и по внезапно измѣнившемуся лицу Юзефовича, который, заслышавъ шумъ, убѣжалъ съ балкона, гости заключили, что Гоголь, наконецъ, пріѣхалъ. Профессора, сидѣвшіе передъ этимъ, встали и выстроились въ рядъ. Графъ К. и Михольскій тоже поднялись съ своихъ мѣстъ и стали поодаль, въ глубинѣ. Въ рамѣ открытыхъ настежь дверей показались двѣ фигуры—Юзефовича и Гоголя. Гоголь шелъ, понуривъ свою голову съ длиннымъ носомъ и длинными прямыми волосами. На немъ былъ темный гранатовый сюртукъ, и Михольскій, въ качествѣ франта, обратилъ вниманіе на жилетку Гоголя. Эта жилетка была бархатная, въ красныхъ мушкахъ по темно-зеленому полю, а возлѣ красныхъ мушекъ блестѣли свѣтло-желтыя пятнышки по сосѣдству съ темносиними глазками. Въ общемъ, жилетка казалась шкуркой лягушки. Приведя Гоголя на балконъ, Юзефовичъ отстранился, чтобы не выдвигаться впередъ, а Гоголь остался передъ выстроенными профессорами, словно начальникъ, принимающій подчиненныхъ. Всѣ низко ему поклонились. Онъ потупился и, по застѣнчивости или по гордости, не отвѣтилъ на поклонъ, который замѣнилъ его потупленный взоръ.

Юзефовичъ почувствовалъ неловкость отъ воцарившагося молчанія, бросился изъ-за спины Гоголя и сталъ представлять ему поодиночкѣ его почитателей.

— Профессоръ такой-то! Профессоръ Павловъ! Костомаровъ!

Гоголь чуть-чуть кивалъ головой и произносилъ тихо:

— Очень пріятно, весьма пріятно, душевно радъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Когда представленіе гостей кончилось, Юзефовичъ простеръ руку въ нѣкоторомъ разстояніи отъ таліи Гоголя и просилъ его сѣсть откушать, но Гоголь, взглянувъ на закуски и на чай, сдѣлалъ брюзгливую гримасу, еще брюзгливѣе посмотрѣлъ на своихъ почитателей и закрылъ глаза рукой, брюзгливо глянувъ въ сторону заходящаго солнца. Юзефовичъ сдѣлалъ знакъ какому-то молодому человѣку стать у рѣшетки балкона и заслонить собою солнце, что тотъ моментально и исполнилъ. Гоголь продолжалъ молчать. Никто не осмѣлился сѣсть въ его присутствіи.

Прошло минуты двѣ или три. Наконецъ, великій человѣкъ поднялъ голову и пристально воззрился въ жилетъ Михольскаго, тоже бархатный, какъ и у него, и тоже въ замысловатыхъ крапинкахъ, но въ общемъ походившій не на шкурку лягушки, а на шкурку ящерицы.

— Мнѣ кажется, какъ будто я васъ гдѣ-то встрѣчалъ,—сказалъ Гоголь Михольскому.

Михольскій хотѣлъ отвѣчать, но изъ-за спины Гоголя Юзефовичъ угрожающе покивалъ ему пальцемъ, и тотъ долженъ былъ ждать, что еще скажетъ Гоголь.

— Да, я васъ гдѣ-то встрѣчалъ,—утвердительно произнесъ Гоголь,—не скажу, чтобы ваша физіогномія была мнѣ очень памятна, но тѣмъ не менѣе я васъ встрѣчалъ,—повторилъ Гоголь.—Мнѣ кажется, что я видѣлъ васъ въ какомъ-то трактирѣ, и вы тамъ ѣли луковый супъ.

Михольскій поклонился.

Гоголь погрузился снова въ молчаніе, задумчиво глядя на жилетку Михольскаго. Вдругъ, онъ подалъ руку хозяину, сдѣлалъ общій поклонъ его гостямъ, и направился къ выходу. Юзефовичъ не смѣлъ его удерживать.

Всѣ молчали, глядя какъ уходитъ писатель, странно передвигая, съ какимъ-то едва уловимымъ оттѣнкомъ паралича, свои ноги, обтянутыя узкими сѣрыми брюками на широкихъ штрипкахъ.

Проводивъ Гоголя, Юзефовичъ вернулся къ гостямъ съ лицомъ сіявшимъ отъ радости.

— Господа, давайте, прежде всего, выпьемъ за здоровье Николая Васильевича Гоголя! Пожелаемъ ему многія лѣта!

У всѣхъ раскрылись рты, всѣ заговорили сразу, много и шумно.

— Многія лѣта Николаю Васильевичу Гоголю!

— А какъ вы думаете,—сказалъ мнѣ разсказчикъ въ заключеніе своихъ воспоминаній о встрѣчѣ съ Гоголемъ,—что̀ побудило знаменитаго писателя такъ скоро уйти тогда отъ Юзефовича?

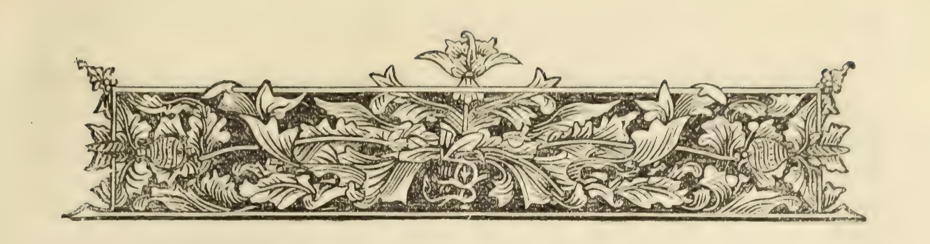
— Спѣшилъ. Мало ли что̀ могло быть важнаго у Гоголя, что помѣшало ему провести время въ обществѣ его почитателей? Можетъ быть, его занимала какая-нибудь фигура изъ второй части «Мертвыхъ Душъ», или созрѣвала въ умѣ новая повѣсть, или, наконецъ, онъ усталъ, ему надо было отдохнуть дома.

— Ни то, ни другое, ни третье!—отвѣчалъ разсказчикъ, съ торжествомъ потирая руки.—Весь вопросъ проще крыловскаго ларчика: Гоголь позавидовалъ на мою жилетку. Да, это ужъ я вамъ даю честное слово. Еслибъ меня графъ К. не привезъ къ Юзефовичу, то Гоголь и чай пилъ бы, и закусывалъ бы, и бесѣдовалъ бы съ поклонниками; а я совершенно невольно отравилъ ему жизнь своей жилеткой.

— Послушайте, можетъ ли это быть?

— Нѣтъ, нѣтъ, не спорьте со мною. На другой день ко мнѣ въ гостинницу «Серебряный Лебедь»—это была такая гостинница на Никольской улицѣ, гдѣ я всегда останавливался—прибѣжалъ жидокъ отъ портного, у котораго я купилъ свою жилетку—замѣтьте, послѣднюю: такого рисунка матеріи у него не было.—Прошу у пана, одолжите жилетъ! — Зачѣмъ?—спрашиваю.—На милость Бога, дайте жилетъ! Дайте показать, только показать! А можетъ быть, вы его уступите за что-нибудь?—началъ онъ, —что это за наказаніе, что такого жилета нигдѣ нельзя найти въ Кіевѣ! Пріѣхалъ господинъ изъ Петербурга и купилъ у Гросса жилетку, подобную до вашей, а теперь подавай ему такую точно, какъ ваша.— А какъ его фамилія?—спрашиваю.—Не знаю, зачѣмъ вамъ фамилія? Дайте жилетъ, на милость Бога! Подумалъ я и сообразилъ, что это Гоголь. Недаромъ онъ на меня вчера такъ смотрѣлъ и луковымъ супомъ меня обидѣлъ.—Не дамъ я тебѣ, братъ, жилетки, не дамъ! Ты хоть и Гоголь, а такой жилетки у тебя нѣтъ какъ у меня! И посмотрѣть не дамъ. Ужъ это кончено. Ты хоть двадцать «Мертвыхъ Душъ» напиши, а жилетки не дамъ. Я свою жилетку выше всякихъ «Мертвыхъ Душъ» ставлю... Такъ я и не далъ своей жилетки, а онъ три раза за ней присылалъ. Теперь, когда вспоминаю объ этомъ и когда я уже знаю, что на писателя, можетъ быть, вліяетъ каждая мелочь, то воображаю себѣ, какъ онъ бѣсился, какъ, можетъ быть, изъ-за этой жилетки не удались ему какія-нибудь, такъ называемыя, лучшія страницы! Вотъ послѣ этого и называйте Гоголя великимъ человѣкомъ. Сердоликовый перстень съ гербомъ я ношу до сихъ поръ, а хризопразовую печатку съ бриллiантовыми искрами потерялъ на охотѣ, кажется, въ 1856 году, осенью—этакъ послѣ Покрова.

І. Ясинскій.

ВОСПОМИНАНІЯ С. В. СКАЛОНЪ (УРОЖДЕННОЙ КАПНИСТЪ)[1].

IV.

Неудавшійся побѣгъ Петра Николаевича, сына моего дяди Николая Васильича.—Отъѣздъ всего семейства въ Петербургъ.—Ихъ петербурская жизнь.—А. И. Полетика и его сумасбродныя выходки.—Смерть его жены и пріѣздъ на похороны сестры-странницы и свѣтской монахини.—Оригинальная свадьба, съ горькими послѣдствіями.—Пріѣздъ брата Ивана.—Одно стихотвореніе моего отца.—Посѣщеніе Полтавы Александромъ I.—Наше путешествіе въ Крымъ.—Бахчисарай и Байдарская долина.

ЕПЕРЬ БУДУ продолжать разсказъ о событіяхъ въ семействѣ моего дяди, Николая Васильевича. Братъ Петръ Николаевичъ, видя огорченія и страданія своихъ сестеръ и не имѣя средствъ помочь ихъ горю, думалъ только объ одномъ, какъ бы вырваться поскорѣе изъ семейства и опредѣлиться на службу. Сколько не просилъ онъ объ этомъ своего отца, тотъ никакъ не соглашался до тѣхъ поръ, пока Петръ Николаевичъ самъ не рѣшился въ одну мрачную дождливую ночь бѣжать изъ отцовскаго дома, узнавъ, что дядя Петръ Васильевичъ отправилъ своего сына вмѣстѣ съ моими братьями въ Петербургъ. Петръ Николаевичъ намѣревался присоединиться къ нимъ и съ ними доѣхать до Петербурга. Испуганный отецъ, не зная, что дѣлать, разослалъ во всѣ стороны людей искать его. Мать была въ совершенномъ отчаяніи, сестры плакали и весь домъ былъ въ тревогѣ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIV, стр. 338.

Трудно описать общую радость, когда его нашли гдѣ-то недалеко отъ дому, совсѣмъ мокраго отъ дождя! Онъ сказалъ, что рѣшился на этотъ поступокъ единственно потому, что желалъ ѣхать поскорѣе въ Петербургъ и что не хочетъ долѣе оставаться въ деревнѣ.

Какъ ни разгнѣванъ былъ отецъ поступкомъ сына, но рѣшился, наконецъ, исполнить его желаніе и вскорѣ со всѣмъ своимъ семействомъ отправился въ Петербургъ на два года. Поѣздка его въ то время была самая оригинальная.

Страшась разбойниковъ послѣ войны 1812 года, онъ поѣхалъ на долгихъ; для предосторожности онъ велѣлъ привязать на всякомъ углу своей кареты по нѣскольку пикъ, а сыну своему велѣлъ ѣхать впереди для того, чтобы, въ случаѣ нападенія разбойниковъ, онъ скорѣе скакалъ давать знать объ этомъ на станціи и въ ближайшія селенія.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и опредѣливъ сына въ Кавалергардскій полкъ, онъ не щадилъ ничего для блеска; желая похвастать и показать свое богатство, онъ тратилъ страшныя деньги на покупку для сына лошадей.

Меньшія дочери его были въ то время въ полномъ блескѣ своей красоты, ожили въ столицѣ и, нравясь многимъ, конечно, могли бы устроить отлично свою судьбу, если бы не старшая сестра ихъ, Софія Николаевна, которая, страшась этого, дѣлала все возможное, чтобы не допустить никого знакомиться съ ними.

Управляя домомъ, она нарочно устроила все такъ дурно, что брату Петру Николаевичу совѣстно было пригласить къ себѣ въ домъ кого-либо изъ товарищей, опасаясь, чтобы босой лакей или какая-нибудь неопрятная оборванная горничная не встрѣтила гостя. Вотъ почему онѣ большую часть времени сидѣли дома, иногда выѣзжали на дачи и въ Лѣтній садъ, но и тутъ имъ какъ-то стыдно было, ибо, при великолѣпномъ и дорогомъ ландо, у нихъ часто на запяткахъ стоялъ лакей въ изорванномъ платьѣ, лошади были худыя, а кучеръ въ армякѣ изъ простого сѣраго сукна. Такимъ образомъ, проживя два года въ Петербургѣ, дядя возвратился въ Малороссію, и жизнь бѣдныхъ моихъ сестеръ потекла попрежнему грустно и однообразно.

Чтобы не разставаться съ сыномъ, Николай Васильевичъ испросилъ позволеніе ему ѣхать за ремонтомъ лошадей въ Малороссію, на покупку коихъ употреблялъ ежегодно десятки тысячъ рублей.

Въ 1822 году онъ умеръ отъ водяной болѣзни въ страшныхъ страданіяхъ, прощаясь со всѣми своими. Странно, что въ продолженіе всей болѣзни и до самой смерти не допускалъ къ себѣ и не могъ видѣть старшую дочь свою, Софію Николаевну.

По кончинѣ его, надѣвъ монашескій нарядъ, она переселилась

въ свои имѣнія въ Харьковской губерніи, живя тамъ совершенно одиноко, тратя страшныя деньги на монастыри, на монаховъ и монахинь; брала къ себѣ сиротъ, воспитывала ихъ, какъ могла, и потомъ, надѣливъ приданымъ, отдавала замужъ или, по большей части, помѣщала въ монастыри.

Тяжело подумать, что, дѣлая, повидимому, столько добра ближнимъ, она до такой степени была жестока съ своими крестьянами, что, наконецъ, страшась ихъ мести и суда, рѣшилась отдать все свое имѣніе брату Петру Николаевичу, а сама, купивъ домъ въ Таганрогѣ, поѣхала жить туда; но не долго оставалась она тамъ и, соскучившись, отдала домъ свой въ пользу приходскаго училища, сама же возвратилась въ Малороссію.

Мать ея, овдовѣвъ и будучи совершенно разстроена здоровьемъ, уѣхала за границу, взявъ съ собою меньшую дочь, Анастасію.

Среднія же дочери ея, Надежда и Любовь, оставшись совершенно однѣ, переѣхали жить къ намъ. Родители мои приняли ихъ, какъ дѣтей своихъ, любили ихъ, какъ нельзя больше, и доставляли имъ всевозможныя удовольствія, такъ что вскорѣ онѣ забыли горькую жизнь въ домѣ родителей, наслаждаясь мирной и тихой жизнью въ нашемъ семействѣ. Я болѣе всѣхъ радовалась тому, что онѣ жили съ нами, ибо послѣ замужества моей сестры, которая въ 19-мъ году вышла за Александра Ивановича Полетику, я оставалась совершенно одна и очень скучала.

Моя сестра, будучи сама въ лѣтахъ, рѣшилась выйти за старика 55 лѣтъ, вдовца, у котораго были уже двѣ замужнія дочери. Онъ, повидимому, былъ добрый, честный и прямого характера человѣкъ; но впослѣдствіи оказалось, что, будучи съ дѣтства избалованъ и живя постоянно въ деревнѣ, былъ большимъ оригиналомъ и деспотомъ.

Сестра до смерти своей не могла привыкнуть къ его странностямъ. Онъ обѣдалъ всегда въ двѣнадцать часовъ и ни для кого на свѣтѣ не перемѣнялъ этого часа. Бывъ большимъ гастрономомъ, приглашалъ часто обѣдать такихъ вельможъ, какъ, напр., князь Рѣпнинъ, или графъ Строгоновъ, и тѣ должны были обѣдать у него не иначе, какъ въ двѣнадцать часовъ. У него былъ назначенъ часъ для заводки часовъ, которыхъ было у него нѣсколько, и ни для чего, и ни для кого на свѣтѣ, онъ не измѣнялъ строго заведеннаго порядка.

Любя очень спорить, онъ спорилъ иногда до настоящей ссоры; впрочемъ, разъ онъ удивилъ насъ своимъ поступкомъ. Споря съ однимъ молодымъ человѣкомъ и родственникомъ своимъ, онъ, наконецъ, разсердясь, сказалъ ему: «Вы, молодой человѣкъ, ничего не знаете!» а тотъ на это отвѣчалъ ему поспѣшно: «А вы, старый человѣкъ, что̀ и знали, то забыли». Александръ Ивановичъ, пора-

женный этимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, вмѣсто того, чтобы больше разсердиться, бросился его обнимать.

Обыкновенно, когда за обѣдомъ кушанье было приготовлено по его вкусу, онъ призывалъ повара и говорилъ ему: «Кузюшка, сердце, дай ручку поцѣлую». Тотъ пресерьезно отвѣчалъ всегда: «Не надо руки, дайте рюмку водки»—и онъ ему давалъ. Это повторялось почти всякій день. Онъ боялся очень лошадей и, когда въѣзжалъ на гору, то страшась, чтобы лошади не остановились, высовывался изъ окна и умолялъ кучера, называлъ его душкой, голубчикомъ, чтобы только взвезъ на гору; но въѣхавъ, онъ перемѣнялъ тонъ и кричалъ: «проклятый рабъ! вези такъ, какъ я велю!» Причудамъ его не было конца.

Имѣя слабое зрѣніе, онъ обыкновенно сидѣлъ въ гостиной и, пресерьезно надѣвъ очки, вязалъ филе изъ разнаго шелку или дѣлалъ меледу. А между тѣмъ онъ былъ не глупъ, разсужденія его были такъ здравы и такъ иногда поучительны, что нельзя было не удивляться его странностямъ.

Екатерину II любилъ страстно и никогда не могъ говорить о ней равнодушно.

У него былъ младшій братъ, Петръ Ивановичъ, который, будучи уже два раза посланникомъ въ Америкѣ и потомъ нѣсколько лѣтъ сенаторомъ, продолжалъ ежемѣсячно присылать ему, какъ старшему брату, записки своихъ расходовъ. Если не онъ самъ, Александръ Ивановичъ, то его камердинеръ внимательно всегда прочитывалъ. Братъ его тоже былъ въ свою очередь большимъ оригиналомъ.

Будучи въ Малороссіи, онъ въ лѣтнее время ходилъ всегда въ курткѣ изъ легкой матеріи, за что старшій братъ называлъ его всегда «башмачникомъ»; но однако же являлся къ нему, какъ почетный попечитель училища со всѣми учителями въ мундирѣ и во всемъ парадѣ съ рапортомъ; А. И. тоже съ большою важностью принималъ его рапортъ и раскланивался важно, какъ слѣдуетъ сенатору.

Но, выйдя въ другую комнату, Александръ Ивановичъ тотчасъ же говорилъ ему: «Эхъ ты, башмачникъ!» и Петра Ивановича это очень забавляло.

Его камердинеръ долженъ былъ всякій день утромъ являться къ нему босымъ, чтобы показать, что у него ноги и руки чисто вымыты; тогда онъ сажалъ его подлѣ себя и во время бритья заставлялъ читать Исторію Карамзина.

Любовь Николаевна, будучи мягкаго и чувствительнаго характера, конечно, вслѣдствіе прежнихъ тревогъ и огорченій, къ несчастью, начала видимо худѣть и чахнуть, и послѣ продолжительной изнурительной чахотки скончалась у насъ и похоронена на нашемъ семейномъ кладбищѣ.

Во время ея болѣзни пріѣзжали навѣщать ее мать, братъ и Софія Николаевна. Но на этотъ разъ пріѣздъ ея былъ самый странный и оригинальный.

Во-первыхъ, она пріѣхала совершенно одна, безъ человѣка и безъ горничной, сама таскала свои вещи и убирала комнату, говоря при этомъ, что считаетъ душу свою госпожей, а тѣло слугой и потому, по ея мнѣнію, тѣло должно служить своей госпожѣ. Во-вторыхъ, она привезла съ собой монахиню, какую-то таинственную особу, которая выдавала себя, не знаю почему, тайно за великую княгиню Елену Павловну, которая, какъ извѣстно, давно умерла. Эта таинственная особа, будучи совершенно простой и необразованнной женщиной, кланяясь въ поясь и крестясь ежеминутно на всякомъ шагу, совершенно овладѣла Софьей Николаевной и дѣлала съ нею, что̀ хотѣла, обирала ее кругомъ, обѣщая ей въ будущемъ несмѣтныя богатства; сестрамъ Надеждѣ Николаевнѣ и Любови Николаевнѣ тоже много обѣщала, но мнѣ какъ невѣрующей ничего не сулила, о чемъ сестры очень жалѣли, говоря, что я не поняла ее и не умѣла ей угодить. Впослѣдствіи кончилось тѣмъ, что въ Кіевѣ полиція, узнавъ объ этомъ, схватила ее и, наказавъ тѣлесно, отправила неизвѣстно куда, что̀, конечно, случилось бы и съ Софьей Николаевной, которая была съ ней неразлучна, если бы не братъ мой Алексѣй, находившійся въ то время въ Кіевѣ и служившій адъютантомъ у генерала Раевскаго. Узнавъ объ этомъ скандальномъ происшествіи и страшась за Софію Николаевну, онъ прискакалъ ночью къ ней и, посадивъ на перекладную, въ сутки привезъ ее къ намъ сконфуженную и совсѣмъ обезкураженную. Всѣ эти происшествія и еще болѣе семейное ханжество сильно подѣйствовали на Петра Николаевича. Онъ нетолько возненавидѣлъ всѣ наружныя проявленія набожности, но сдѣлался совершеннымъ атеистомъ, не вѣрившимъ ни во что̀.

Софія же Николаевна, желая умереть въ Малороссіи и быть похороненной на общемъ ихъ семейномъ кладбищѣ, выстроила близь него на церковной землѣ маленькій домикъ, жила тамъ совершенно одна съ горничной, истинной мученицей: она должна была по цѣлымъ ночамъ тереть ей ноги, стоя передъ нею дремать, не смѣя ни сѣсть, ни лечь.

Софія Николаевна, страшно больная, не вставая почти съ мѣста, закутанная въ подушкахъ, нѣсколько лѣтъ не выходила на воздухъ, влача жизнь самую страдальческую.

Въ это время ея мать, уѣхавъ опять за границу, не взяла уже съ собой, не знаю по какой причинѣ, меньшую дочь Анастасію, которая въ то время была почти сговорена за очень хорошаго человѣка и, оставшисъ совершенно одна въ пустомъ и мрачномъ домѣ въ холодное осеннее время, заболѣла горячкой. Жестокая се-

стра ея, Софія Николаевна, будучи въ десяти верстахъ отъ нея, зная, что она больная, не пріѣхала и не приняла въ ней никакого участія.

Несчастная больная, видя себя совершенно брошенной, безъ всякой помощи, успѣла еще, будучи въ жару, написать нѣсколько словъ о своей болѣзни старшему брату моему, Семену, жившему съ своимъ семействомъ въ 30 верстахъ, въ городѣ Кременчугѣ. Онъ, разумѣется, тотчасъ поскакалъ за нею, со всевозможною осторожностью, укутавъ, въ каретѣ перевезъ ее къ себѣ въ домъ, призвалъ лучшаго медика, который и началъ ее лечить. Но, къ несчастью, болѣзнь ея не поддавалась; пролежавъ нѣсколько дней въ совершенномъ безпамятствѣ, произнося однакожъ имя своего жениха, она скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полной красотѣ на восемнадцатомъ году своей жизни. Такъ какъ ее надо было хоронить на семейномъ кладбищѣ, то братъ послалъ извѣстить Софію Николаевну о ея смерти.

Она пріѣхала и, не уронивъ ни одной слезинки у праха сестры, перекрестясь, съ жестокой холодностью проговорила: «Слава Богу, что я вижу ее мертвою, а не замужемъ». Затѣмъ, уложивъ прахъ несчастной сестры въ карету, имѣла на столько присутствія духа или, лучше сказать, на столько жестокости, что сѣла съ нимъ рядомъ и повезла его за тридцать верстъ на семейное кладбище.

Горькая участь постигла и Надежду Николаевну. Послѣ смерти моего отца, въ 1824 году, она, будучи уже не такъ молода, рѣшилась ѣхать одна съ двумя горничными въ Петербургъ, который всегда любила.

Нанявъ тамъ маленькую квартиру, она жила въ совершенномъ уединеніи. Въ одинъ прекрасный день является къ ней какая-то торговка съ товарами и, узнавъ, что она имѣетъ деньги, предлагаетъ ей жениха (вѣроятно, это была городская сваха). Надежда Николаевна, думая, что это шутки, показала ей портретъ моего отца, стоявшій у нея на столѣ, и сказала: «Если ты найдешь мнѣ такого точно старичка, то я выйду за него».

Каково же было ея удивленіе, когда на другой день сваха пришла ей сказать очень серьезно, что такой женихъ, какого она желаетъ, нашелся и что завтра онъ самъ къ ней придетъ.

Можно себѣ представить ея испугъ и удивленіе, когда на другой день въ самомъ дѣлѣ подъѣхалъ къ ея подъѣзду экипажъ и къ ней вошелъ мужчина пожилыхъ лѣтъ, свѣтскій, неглупый, очень веселаго характера. Поговоривъ съ нею часа два, онъ тутъ же сдѣлалъ ей предложеніе, сказавъ, что онъ вдовъ, имѣетъ восемь человѣкъ дѣтей и ищетъ для нихъ матери.

Она такъ была поражена въ ту минуту нечаянностью всего происшедшаго, что съ нею сдѣлалось дурно. Женихъ же уѣхалъ, сказавъ, что черезъ день пріѣдетъ за ея отвѣтомъ.

Не имѣя никого въ Петербургѣ, кромѣ старшаго брата моего Семена, она тотчасъ послала за нимъ, умоляя его поѣхать въ домъ къ этому господину — Кармалину, познакомиться съ нимъ и узнать подробно о немъ и его семействѣ.

Братъ, исполнивъ ея просьбу и узнавъ, что Кармалинъ человѣкъ хорошій, съ состояніемъ, что дѣйствительно имѣетъ восемь человѣкъ дѣтей, пріѣхалъ къ ней съ этимъ извѣстіемъ. Она, посовѣтовавшись съ нимъ или, лучше сказать, болѣе сама съ собой, видя свое одиночество и впереди горькую будущность, рѣшилась попробовать счастье и дала ему слово съ благороднымъ намѣреніемъ быть полезной его дѣтямъ. Вскорѣ состоялась ихъ свадьба.

Къ несчастью, Кармалинъ вовсе не былъ такимъ хорошимъ человѣкомъ, какъ объ немъ думали, и рѣшилъ жениться на ней, повидимому, единственно для того только, чтобы воспользоваться ея деньгами для уплаты своихъ долговъ и вообще для поправленія стѣсненныхъ обстоятельствъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы онъ сталъ требовать у нея денегъ; она, увидавъ свою ошибку, рѣшительно отказала ему, вслѣдствіе чего онъ началъ такъ дурно съ нею обращаться, такъ угнетать ее, что она вскорѣ, будучи и безъ того всегда слабаго здоровья, впала въ чахотку и, не проживъ съ нимъ года, умерла на чужой сторонѣ безъ родныхъ, безъ всякой помощи. Его дѣти вначалѣ любили ее и принимали въ ней участіе; она съ своей стороны ласкала ихъ и отдала имъ при жизни всѣ свои дорогія вещи.

Такимъ образомъ, Софія Николаевна пережила и послѣднюю свою сестру! Проѣзжая иногда мимо той деревни, гдѣ жила Софія Николаевна, мы заѣзжали къ ней; она въ то время была по истинѣ страшна; но, не смотря на это, слѣды красоты все еще оставались на ея лицѣ. Окружена она была образами; въ углу ея комнаты стоялъ гробъ съ хоругвями,—гробъ, который она приготовила еще за нѣсколько лѣтъ до своей смерти и въ которомъ ее потомъ похоронили. Прострадавъ въ свою очередь нѣсколько лѣтъ, недавно и она, переживъ отца, мать и четырехъ сестеръ, умерла безъ друзей, безъ всякой помощи, безъ всякаго участія.

Въ 1817 году, мы были обрадованы нечаяннымъ пріѣздомъ брата Ивана, который, боясь внезапной радостью встревожить мать мою, остановился въ деревнѣ, прислав съ человѣкомъ письмо отъ дяди Петра Васильевича, которое извѣщало о его скоромъ пріѣздѣ. Трудно описать радость нашу при этомъ извѣстіи.

Наша жизнь пошла попрежнему,—выѣзды и праздники шли своимъ чередомъ: верховая ѣзда, катанье по водѣ, рыбная ловля, любимое мое занятіе—все это дѣлалось попрежнему, и братъ раздѣлялъ со мною всѣ эти удовольствія.

Вначалѣ отецъ сердился на него за то, что онъ такъ рано

оставилъ службу, но потомъ, видя, что онъ былъ полезенъ въ домѣ, помогая матери въ хозяйствѣ и занимаясь постройкой новаго дома, онъ примирился съ этимъ и только шутя иногда называлъ его министромъ юстиціи, не предвидя и не предчувствуя въ то время, что онъ точно со временемъ пойдетъ такъ далеко по службѣ.

Не смотря на желаніе его жить въ неизвѣстности и вполнѣ наслаждаться деревенской жизнью, Провидѣніе устроило все иначе, возвысивъ его на ту степень, на которой онъ истинно былъ полезенъ и отечеству, и семейству своему.

По возвращеніи его въ Малороссію, дворянство Миргородскаго уѣзда, узнавъ его, избрало предводителемъ своимъ на два трехлѣтія, т. е. на шесть лѣтъ.

Потомъ онъ выбранъ былъ единогласно губернскимъ предводителемъ и въ этомъ званіи оставался четыре трехлѣтія, т. е. двѣнадцать лѣтъ. Въ концѣ послѣдняго года государь императоръ Николай I, въ пріѣздъ свой въ Полтаву, лично узналъ его и, разсуждая съ нимъ о разныхъ вещахъ у себя за обѣдомъ, до того оцѣнилъ и умъ, и достоинства его, что послѣ обѣда сказалъ своимъ приближеннымъ: «теперь я вижу, что не лѣта дѣлаютъ человѣка опытнымъ».

Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ смоленскимъ губернаторомъ и черезъ два года московскимъ, оставаясь въ этомъ званіи долѣе 10-ти лѣтъ. Въ настоящее время онъ нѣсколько лѣтъ уже сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ, гдѣ въ полной мѣрѣ пользуется всеобщей любовью и уваженіемъ.

Прогулки съ отцомъ продолжались, по обыкновенію, ежедневно. Бывало, обойдя весь садъ, мы шли отдохнуть на островъ, подъ тѣнь роскошнаго береста, который стоялъ на берегу Псёла и, подмытый имъ, наклоняясь въ рѣку, ежеминутно грозилъ паденіемъ. Это было любимое мѣсто отца; тутъ онъ, преисполненный поэтическимъ вдохновеніемъ, написалъ слѣдующіе прекрасные стихи, говоря о любимомъ своемъ берестѣ:

«Тамъ сяду я подъ берестъ мшистый,
«Опершись на дебелый пень.
«Увы! недолго въ жаркій день
«Здѣсь будетъ верхъ его вѣтвистый
«Мнѣ стлать гостепріимну тѣнь.

«Ужъ онъ склонилъ чело на воду,
«Подмывшу брега крутизну,
«Ужъ смотритъ въ мрачну глубину
«И скоро въ бурну непогоду
«Вверхъ корнемъ ринется ко дну.

«Такъ въ мірѣ времени струями
«Все рушится средь вѣчности,
«Такъ пали древни алтари,
«Такъ съ ихъ престольными столпами
«И царства пали и цари».

Отецъ мой до того любилъ это дерево, что тайно отъ насъ велѣлъ вытащить его изъ рѣки послѣ его паденія, распилить на доски и сохранить ихъ для своего гроба,—что и было исполнено; мы объ этомъ узнали только послѣ его смерти.

И такъ роскошный берестъ, укрывавшій его подъ тѣнью своею отъ солнечнаго зноя въ этой жизни, сохраняетъ въ себѣ драгоцѣнный для насъ прахъ его и послѣ смерти.

Въ тотъ же годъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отецъ долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ какъ по дѣламъ Малороссіи, такъ и для того, чтобы повидаться съ дѣтьми и навѣстить нашу тетку Дарью Алексѣевну Державину послѣ смерти незабвеннаго дяди, скончавшагося въ 1816 году, оставивъ по себѣ память добродѣтельнаго гражданина и славу безсмертнаго поэта! Въ день его смерти нашли написанными его рукою на грифельной доскѣ слѣдующіе послѣдніе его стихи:

«Рѣка временъ въ своемъ теченьи
«Уноситъ всѣ дѣла людей
«И топитъ въ пропасти забвенья
«Народы, царства и царей.
«А если что̀ и остается
«Чрезъ звуки лиры и трубы,
«То вѣчности жерломъ пожрется
«И общей не уйдетъ судьбы».

Тетка наша, послѣ смерти Гавріила Романовича, имѣя много хлопотъ по имѣнію и неожиданный процессъ родственника со стороны мужа своего, поручила всѣ дѣла свои старшему брату моему Семену, который привелъ все въ порядокъ съ большимъ трудомъ и тѣмъ совершенно ее успокоилъ. За это, по смерти своей, она и оставила ему чудное имѣніе въ Херсонской губерніи, состоящее изъ 10,000 десятинъ земли по Днѣпру, обезпечивъ на всю его жизнь съ семействомъ.

Въ 1817 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, мнѣ предстояло величайшее удовольствіе. По случаю пріѣзда въ Полтаву Александра I готовился великолѣпный балъ, на который дворянство Полтавской губерніи избрало мать мою хозяйкой при пріемѣ царя.

Трудно описать то впечатлѣніе, которое чувствовала я при входѣ въ великолѣпную, освѣщенную залу, наполненную множествомъ посѣтителей: толпою богато одѣтыхъ и блестящихъ драгоцѣнными камнями и брилліантами дамъ, множествомъ генераловъ въ парадныхъ мундирахъ, съ звѣздами и лентами, придворныхъ въ камергерскихъ и камеръ-юнкерскихъ нарядахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, съ напудренными головами, множествомъ военныхъ и между всѣми ними добраго и величественнаго царя нашего, привѣтствовавшаго всѣхъ съ лаской и съ пріятной улыбкой. Въ ту минуту я чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Государь открылъ балъ польскимъ съ моей матерью, потомъ начались танцы.

На другой день предположено было быть примѣрному сраженію на бывшемъ полѣ брани, близъ шведской могилы.

Для этого были собраны многочисленныя войска пѣхоты, кавалеріи и артилеріи; для дамъ устроена была особенная обширная галлерея.

Хотя мы пріѣхали рано, но галлерея была уже наполнена до того дамами въ ихъ блестящихъ нарядахъ, что мы только съ большимъ трудомъ могли протискаться и съ помощью брата найти себѣ мѣста.

Въ 1819 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, мы были опять обрадованы пріѣздомъ тетки нашей Дарьи Алексѣевны Державиной съ ея племянницей и нашей двоюродной сестрой, Александрой Николаевной Дьяковой, и со старшимъ братомъ моимъ Семеномъ, сопровождавшимъ ихъ; въ то же время пріѣхали къ намъ два брата Муравьевыхъ: Никита Михайловичъ и Александръ Михайловичъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ С. Н. Лунинымъ. Особенно увлекалъ насъ своимъ умомъ Никита Михайловичъ Муравьевъ. Братъ его Александръ Михайловичъ былъ въ то время еще слишкомъ молодъ; но трудно изобразить экзальтацію и оригинальность ума Лунина, который живостью своего характера, увлекальнымъ краснорѣчіемъ и чуднымъ талантомъ въ музыкѣ, очаровалъ всѣхъ насъ; къ этому обществу слѣдуетъ прибавить Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола, который въ то время, живя у себя въ деревнѣ, часто навѣщалъ насъ.

Вскорѣ мы съ теткой нашей Дарьей Алексѣевной отправились въ Одессу; заѣхавъ по дорогѣ въ деревню ея Гавриловку (Херсонской губ.), мы остановились тамъ на нѣсколько дней.

Въ Одессѣ мы застали уже все семейство Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола и мать Муравьевыхъ Екатерину Михайловну Муравьеву.

Добрый Николай Ивановичъ Лореръ отправился туда впередъ, приготовилъ намъ прекрасную квартиру и все нужное для пребыванія нашего въ Одессѣ. Зная хорошо этотъ городъ, онъ сопутствовалъ намъ вездѣ и показывалъ все, что было въ немъ интереснаго.

Въ то время графъ Ланжеронъ, бывшій тамъ генералъ-губернаторомъ, узнавъ о пріѣздѣ тетки нашей Державиной, немедленно пріѣхалъ къ намъ, пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ на обѣдъ и во все пребываніе наше въ Одессѣ былъ очень любезенъ и внимателенъ, доставляя намъ всевозможныя удовольствія.

Мы часто видѣлись тамъ съ Иваномъ Матвѣевичемъ Муравьевымъ-Апостополомъ, у котораго была прекрасная квартира надъ самымъ моремъ. Я никогда не забуду, какъ одинъ разъ отецъ мой, сидя у нихъ на балконѣ и видя молодыхъ людей нашихъ, ходившихъ взадъ и впередъ по двору, споривщихъ горячо и толковав-

шихъ о политическихъ дѣлахъ и о разныхъ предположеніяхъ и преобразованіяхъ,—въ самомъ жару ихъ разговоровъ, внезапно остановилъ ихъ вопросомъ:

— Знаете ли, господа, какъ далеко простираются ваши политическія предположенія?

Лунинъ первый вскрикнулъ:

— Скажите, ради Бога!

— Не далѣе, какъ отъ конюшни до сарая!—сказалъ мой отецъ; и эта неожиданная иронія совершенно смутила всѣхъ.

Проживъ въ Одессѣ недѣли три, мы, простясь съ нею и обществомъ нашимъ, отправились въ Крымъ въ своихъ экипажахъ и на тѣхъ же лошадяхъ. Путешествіе это было очень пріятное, не смотря на медленность его. Вначалѣ страшныя или, лучше сказать, необъятныя степи Херсонской и Таврической губерній намъ сильно надоѣли, тѣмъ болѣе еще, что въ иныхъ мѣстахъ трудно было достать даже воды, не говоря уже о пищѣ; иногда только кучера наши поспѣшно останавливались, увидя на обширной степи колодезь глубиною въ 40 саженъ, изъ котораго верховой на лошади, скакавшій во весь духъ по степи съ веревкой въ рукѣ, вытаскивалъ цеберъ съ водою. Развлекали насъ иногда въ дорогѣ цѣлые табуны верблюдовъ, кочевавшихъ на обширныхъ степяхъ и часто пугавшихъ своимъ внезапнымъ появленіемъ въ густомъ туманѣ нашихъ лошадей.

Наконецъ, мы увидѣли вдали синѣющія крымскія горы и берега обширнаго Чернаго моря.

Останавливаясь всякій день часа на три гдѣ-нибудь для обѣда и для корма лошадей, мы имѣли довольно времени и гулять, и наслаждаться чудными видами, изучать нравы и обычаи крымскихъ татаръ, ихъ дикость и странный бытъ, въ особенности бытъ несчастныхъ женщинъ, запертыхъ въ сырыхъ землянкахъ и совершенно одичалыхъ.

Видя ихъ горькую участь, мнѣ все хотѣлось взбунтовать ихъ и выпустить на волю. Онѣ были до того дики, что, замѣтивъ насъ, со страхомъ подходили къ намъ и съ любопытствомъ ощупывали и разсматривали, какъ будто видя не такихъ людей, какъ онѣ сами. Занятія ихъ состояли въ вышиваньи, въ крашеньи себѣ волосъ и ногтей краской кирпичнаго цвѣта и вырываніи себѣ волосъ на лбу навощенной ниткой для того, чтобы имѣть большіе лбы и тѣмъ нравиться своимъ мужьямъ, которые, будучи почти всѣ очень красивы и наслаждаясь полной свободой, летаютъ, обыкновенно, по полямъ верхомъ на славныхъ лошадяхъ въ богатыхъ костюмахъ.

Такъ какъ на южномъ берегу не было въ то время никакихъ дорогъ и его объѣзжать можно было только верхомъ, то мы проѣхали только юго-западную часть Крыма, начиная отъ Перекопа

до Байдарской долины и обратно. Не смотря на осеннее время, поля тамъ были покрыты прелестными цвѣтами, погода же стояла чудная, теплая.

Въ Севастополѣ мы прожили нѣсколько дней, чтобы осмотрѣть хорошенько и городъ, и всѣ его окрестности. Комендантъ Севастополя былъ такъ любезенъ, предложилъ намъ шлюпку, чтобы съѣздить осмотрѣть древній Херсонесъ, который находился въ 6 верстахъ.

Въ Бахчисарай мы пріѣхали довольно поздно, остановились въ самомъ дворцѣ, который вечеромъ показался мнѣ такимъ мрачнымъ, что я почти цѣлую ночь не могла уснуть; мнѣ все казалось, что тѣни умершихъ хановъ бродятъ по немъ и что я вижу котораго-нибудь изъ нихъ въ углу комнатъ, раздѣленныхъ большими арками и устланныхъ какими-то соломенными блестящими коврами, которые отъ вѣтра изъ-подъ полу поднимались волнами.

Дворецъ въ то время не былъ ни обновленъ, ни передѣланъ, какъ теперь, и находился въ томъ видѣ, какъ былъ при ханахъ. Вызолоченые пестрые потолки и стѣны высокихъ комнатъ были истинно великолѣпны, съ ихъ низкими парчевыми диванами.

Мраморныя ванны съ фонтанами, бьющими со всѣхъ сторонъ и окруженными кустами цвѣтущихъ розъ, казались чѣмъ-то волшебнымъ.

Только терема и гаремы съ ихъ рѣшетками, оградами и маленькими садиками у каждаго, казались мнѣ чѣмъ-то грустнымъ и тяжелымъ; въ особенности я не могла смотрѣть равнодушно на теремъ и на особенный фонтанъ съ изображеніемъ креста на верху, принадлежавшій послѣдней плѣнницѣ хана, княжнѣ Потоцкой, которая прожила тамъ нѣсколько лѣтъ въ заточеніи и похоронена въ саду близь дворца; на ея памятникѣ изображенъ тоже крестъ, но окна его замуравлены для того (какъ сказалъ намъ сторожъ), чтобы татары не издѣвались надъ прахомъ христіанки. Мы удивились, увидя въ ея теремѣ картину, подаренную ей однимъ изъ обуховскихъ жителей, Ф. Гр. Григоровскимъ, который будучи въ Бахчисараѣ до того понравился послѣднему хану, что тотъ предложилъ ему жить у него и забавлять за стѣною любимую плѣнницу его, Потоцкую, игрою на гитарѣ и пріятнымъ пѣніемъ русскихъ и польскихъ пѣсенъ.

Онъ довольно долго жилъ тамъ, но приближенные къ хану, неизвѣстно за что̀, возненавидѣли его до того, что едва не убили. Они подложили подъ его постель значительное количество ханскаго серебра, обличивъ его въ кражѣ, за что̀ по ихъ законамъ онъ былъ присужденъ къ смерти; одно спасенье его было, какъ онъ самъ говорилъ, въ бѣгствѣ съ опасностью жизни, ибо онъ долженъ былъ, чтобы спасти себя, броситься съ страшно высокой стѣны.

Ф. Г. Григоровскій былъ бѣдный дворянинъ, котораго мой отецъ очень любилъ и впослѣдствіи пріютилъ у себя со всѣмъ семействомъ, выстроивъ ему особенный домикъ въ саду и снабдивъ его землею, прислугою и всѣмъ вообще нужнымъ.

Я его помню старикомъ, но очень живымъ и веселымъ; онъ всегда забавлялъ всѣхъ своимъ пѣніемъ съ гитарой и разными шутками; дѣтей, обыкновенно, утѣшалъ онъ тѣмъ, что во время тишины и молчанія иногда такъ крѣпко чихалъ или падалъ внезапно разомъ со всѣхъ ногъ, что всѣ вскрикивали и потомъ съ хохотомъ бѣжали за нимъ; иногда онъ позволялъ себѣ эти штуки и въ гостиной, въ кругу дамъ, во время тишины и молчанія.

Онъ до смерти не оставлялъ семейства нашего; три дочери его воспитывались въ нашемъ домѣ, а сыновья его на иждивеніи нашего отца въ казенныхъ заведеніяхъ.

Осмотрѣвъ все интересное въ Бахчисараѣ, мы хотѣли видѣть жилища жидовъ-караимовъ, которые отличаются особенной честностью и красотою, носятъ тоже ермолки только краснаго цвѣта, наблюдаютъ шабашъ, какъ настоящіе жиды, но странно то, что женщины у нихъ взаперти и не смѣютъ показываться безъ покрывалъ, какъ и у татаръ. Небольшой городокъ этотъ называется Чуфутъ-Кале; онъ расположенъ близь Бахчисарая, на вершинѣ утесистой горы, куда можно въѣхать только верхомъ.

Такъ какъ съ нами были женскія сѣдла, то отецъ мой велѣлъ для меня осѣдлать одну изъ форейторскихъ лошадей, а другую для себя, не подумавъ, что онѣ не такъ кованы, какъ татарскія лошади, и что потому не вездѣ на нихъ можно проѣхать.

Мы сѣли на лошадей и, взявъ проводника изъ татаръ, отправились.

Ѣдучи у подошвы высокой горы, на которой стоялъ этотъ городокъ, мой отецъ, указавъ на него, спросилъ проводника по-русски, это ли Чуфутъ-Кале?

Тотъ, не понявъ его и думая, что отецъ желаетъ взъѣхать прямо туда, внезапно поворотилъ по тропинкѣ, по которой одни только мулы таскаютъ воду; мы поѣхали вслѣдъ за нимъ по камнямъ на страшную утесистую гору.

Я ѣхала впереди, лошадь моя скользила по камнямъ, безпрестанно спотыкаясь. Мнѣ стало страшно, я остановилась около ужасной пропасти, сказавъ отцу, что встану съ лошади; онъ въ испугѣ такъ сильно ударилъ лошадь своимъ хлыстомъ, что она стремглавъ пустилась скакать въ гору — и я въ одно мгновеніе очутилась на вершинѣ, откуда на насъ смотрѣли караимы съ ужасомъ, поднимая вверхъ руки и говоря, что сюда можно ѣздить только на однихъ мулахъ. Въѣхавъ на гору, отецъ перекрестился и, думая, что я очень испугалась, просилъ караима дать намъ стаканъ воды; но вообразите его негодованіе, когда ему сказали, что воды намъ

нельзя дать, потому что у нихъ сегодня шабашъ. Отецъ мой внѣ себя разругалъ ихъ какъ нельзя больше, не захотѣлъ смотрѣть ихъ городка и велѣлъ проводнику ѣхать обратно другой дорогой.

Выѣхавъ изъ Бахчисарая, намъ надо было подняться на ужаснѣйшую гору, покрытою лѣсомъ, чтобы взглянуть оттуда на обширную Байдарскую долину. Подъѣзжая къ ней, мы видѣли, что облака ходили ниже ея вершины. Это сильно удивило нашихъ людей, которые и безъ того не понимали, для чего мы ѣздимъ съ мѣста на мѣсто, только утомляя лошадей, едва тащившихъ насъ все выше и выше въ гору. Съ какимъ восторгомъ, въѣхавъ, наконецъ, въ облако, кучеръ нашъ громогласно и съ ироніей, свойственной малороссамъ, сказалъ: «теперь бачу, що мы йдемъ на небо!» Еще болѣе удивило ихъ то, что, въѣхавъ съ такимъ трудомъ на эту ужаснѣйшую гору, мы велѣли остановить лошадей, встали изъ экипажей и, полюбовавшись нѣсколько минутъ на Байдарскую долину, которая, откровенно говоря, была ничѣмъ не лучше Обуховской долины, мы велѣли поворотить экипажи и отправились обратно. Тутъ кучеръ нашъ опять съ насмѣшкой сказалъ: «було на щò дивиться; слава Богу, щò теперь все изъ горы, а не въ гору».

V.

Мой братъ Алексѣй. — Братья Муравьевы-Апостолы. — Ихъ сравнительная характеристика. — Бестужевъ-Рюминъ. — Женитьба моего брата Семена на Е. И Муравьевой-Апостолъ.—Наше семейное горе: болѣзнь и смерть отца.—Н. И. Лореръ. — «Nous travaillons pour la même cause». — Арестъ Муравьевыхъ и брата моего, Алексѣя.—Его освобожденіе и разсказъ о заточеніи въ Петропавловской крѣпости.—Судьба братьевъ Муравьевыхъ.—Предсмертныя минуты и прощаніе съ отцомъ.

Братъ Алексѣй нѣсколько лѣтъ служилъ въ гвардіи; онъ былъ всѣми любимъ, считаясь въ полку отличнымъ офицеромъ; чтобы жить поближе къ намъ, онъ поступилъ въ адъютанты къ генералу Н. Н. Раевскому, который любилъ его какъ сына и въ семействѣ котораго онъ былъ принятъ какъ близкій родной.

Живя въ Кіевѣ, братъ могъ часто пріѣзжать къ намъ и пріѣздъ его обыкновенно оживлялъ всѣхъ, особенно мать, которая его очень любила.

Въ то же почти время братъ, Петръ Николаевичъ Капнистъ, послѣ смерти своего отца, и Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, поступили адъютантами къ генералъ-губернатору Полтавской губерніи, князю Рѣпнину, который былъ всегда въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, вмѣстѣ съ нимъ работая для блага Малороссіи.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ недолго былъ адъютантомъ, вскорѣ выйдя въ отставку и поселившись отшельникомъ въ своей деревнѣ; онъ никуда не выѣзжалъ, кромѣ Обуховки, и, не смотря на большое состояніе, жилъ очень просто, довольствуясь малымъ, любя все дѣлать своими руками: онъ самъ копалъ землю для огорода и для цвѣтниковъ, самъ ходилъ за водою для ихъ поливки и не имѣлъ почти никакой прислуги. Въ то время, конечно, онъ не зналъ и не предчувствовалъ, что вскорѣ жестокая судьба броситъ его въ мрачную и холодную Сибирь и что тамъ-то онъ сдѣлается истиннымъ труженикомъ и страдальцемъ.

Братъ его, Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, иногда пріѣзжалъ къ нему изъ Бобруйска, куда послѣ несчастной исторіи Семеновскаго полка въ 23-мъ году былъ сосланъ за излишнее стремленіе его къ добру, за свои человѣколюбивые поступки съ солдатами.

Живя въ Бобруйскѣ, лишенный права не только выйти въ отставку, но и проситься въ отпускъ, онъ тѣмъ не менѣе довольно часто пріѣзжалъ и къ намъ, и въ деревню къ своему брату, съ которымъ былъ очень друженъ.

Я имѣла случай оцѣнить и умъ, и благородство, и возвышенныя чувства этого рѣдкаго человѣка и никакъ не могла примириться съ его печальнымъ положеніемъ.

Послѣ службы въ гвардіи, гдѣ умѣли цѣнить его достоинства, гдѣ всѣ его искренно любили, отдавая полную справедливость его уму и добрымъ качествамъ души его, онъ брошенъ былъ въ Бобруйскъ, въ страшную глушь къ необразованному и почти всегда пьяному полковому командиру.

Въ Бобруйскѣ онъ былъ совершенно одинъ, безъ родныхъ, безъ товарищей, окруженный каторжными въ цѣпяхъ и въ дикихъ нарядахъ, получерныхъ и полубѣлыхъ, съ головами на половину обритыми, народомъ несчастнымъ и угнетеннымъ, на который нельзя смотрѣть безъ ужаса и безъ состраданія. Послѣ этого не мудрено, что онъ всегда былъ раздражительнымъ; все его томило, все казалось ему въ черномъ видѣ и все ожидалъ онъ чего-то ужаснаго въ будущемъ. Бывая же у насъ, какъ бы отдыхалъ, забывалъ свою обычную серьезность и молчаливость. Онъ любилъ говорить — и говорилъ увлекательно: глаза его блестѣли, лицо загоралось румянцемъ, въ эти мгновенія онъ бывалъ поистинѣ прекрасенъ. Ростомъ онъ былъ не великъ, довольно толстъ; чертами лица и въ особенности въ профиль онъ такъ походилъ на Наполеона I, что этотъ послѣдній, увидѣвъ его разъ въ Парижѣ въ политехнической школѣ, гдѣ онъ воспитывался, сказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ: «qui dirait què ce n'est pas mon fils». Пылкость характера погубила этого благороднаго человѣка, который по уму и сердцу своему могъ бы быть истинно полезнымъ отечеству.

Очень жалѣю, что не могу помѣстить здѣсь писемъ его изъ Петропавловской крѣпости къ своему отцу, особенно же чрезвычайно интересное письмо, писанное имъ наканунѣ своей смерти къ брату Матвѣю Ивановичу. Копіи съ этихъ писемъ долго сохранялись у меня, какъ драгоцѣнность, но къ величайшему моему сожалѣнію, кто-то ихъ у меня похитилъ.

Братъ его, Матвѣй Ивановичъ, былъ человѣкъ совсѣмъ иного склада. Всегда живой, веселый и разговорчивый, онъ, обыкновенно, своимъ присутствіемъ оживлялъ общество.

Но будучи немного легкомысленъ, онъ не имѣлъ твердости характера брата своего, увлекался иногда мнѣніемъ другихъ и потому часто мѣнялъ свое собственное. Сергѣй Ивановичъ имѣлъ надъ нимъ большое вліяніе; онъ-то и увлекъ его въ несчастную исторію 1825 года, въ чемъ и сознается, для оправданія своего брата, въ послѣднемъ письмѣ къ отцу изъ Петропавловской крѣпости.

Матвѣй Ивановичъ страстно любилъ своего брата, гордился имъ и всегда сердился за то, что онъ былъ молчаливъ и не любилъ выказывать себя. Пріѣздъ Матвѣя Ивановича въ Обуховку былъ для меня всегда истиннымъ праздникомъ. Онъ, обыкновенно, привозилъ мнѣ читать, что-нибудь интересное; въ бесѣдахъ съ нимъ незамѣтно пролетали цѣлые часы.

Съ Сергѣемъ Ивановичемъ пріѣзжалъ иногда къ намъ и другъ его, Бестужевъ-Рюминъ, образованный молодой человѣкъ съ пылкою душою, но съ головою до того экзальтированною, что иногда онъ казался намъ даже страннымъ и непонятнымъ въ своихъ мечтахъ и предположеніяхъ. Дружба его съ Сергѣемъ Ивановичемъ была истинно примѣрная, за него онъ готовъ былъ броситься въ огонь и воду; но впослѣдствіи время доказало, что дружба эта была вредна какъ для одного, такъ и для другого, доведя обоихъ до гибели.

Меньшòй братъ Муравьевыхъ—Иполитъ Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, воспитывавшійся въ Одесскомъ лицеѣ и только - что опредѣлившійся въ то время въ Петербургѣ въ свиту Государя по квартирмейстерской части, узнавъ объ участи брата своего Сергѣя Ивановича въ 1825 году, немедленно поскакалъ къ нему, чтобы раздѣлить съ нимъ его участь.

Я забыла сказать, что въ началѣ 1823 года судьба старшаго брата моего Семена рѣшилась; онъ предложилъ свою руку младшей дочери Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола—Еленѣ Ивановнѣ и, получивъ общее согласіе, былъ въ совершенномъ восторгѣ, ибо находилъ въ будущей спутницѣ жизни своей все, чего желалъ и чтò составляетъ семейное счастіе; хотя она не была красавицей, какъ старшія сестры ея, но душа ея была прекрасна и она впослѣдствіи оправдала въ полной мѣрѣ общее мнѣніе о себѣ—была отличной матерью, доброй женою и поистинѣ добродѣтельной женщиной.

Выборъ брата не могъ насъ не радовать, хотя отецъ этого семейства и былъ, какъ я выше сказала, честолюбивъ, эгоистъ и страшно не справедливъ къ дѣтямъ первой жены; притомъ его собственныя либеральныя идеи имѣли пагубное вліяніе на сыновей. Но для насъ онъ былъ очень хорошъ, былъ искренно привязанъ ко всему нашему семейству, и мы были рады породниться съ нимъ.

Но радость наша не была продолжительна; въ концѣ того же года Милосердому Богу угодно было поразить насъ жестокимъ ударомъ—смертью несравненнаго отца нашего! Одно воспоминаніе объ этомъ леденитъ мою душу—и мой разсудокъ мутится.

Въ началѣ 1823 года и въ продолженіе лѣта отецъ мой былъ совершенно здоровъ.

Жизнь наша попрежнему текла пріятно и покойно; отецъ въ это время занимался постройкой новаго дома, которая подходила уже къ окончанію, и вырубкой аллеи, которая шла отъ семейнаго кладбища прямо внизъ къ рѣкѣ. Мы были совершенно счастливы и покойны, не предвидя грозившаго намъ несчастія.

17-го сентября, въ день моихъ имянинъ, отецъ былъ еще совершенно здоровъ и веселъ, участвовалъ въ нашихъ играхъ и даже, какъ теперь помню, танцовалъ со мною экосезъ, а 28-го октября его уже не существовало.

Въ началѣ октября отцу надо было ѣхать въ Манжелею къ Петру Николаевичу, чтобы дать ему нѣкоторые совѣты насчетъ его раздѣла имѣнія съ сестрой Софіей Николаевной послѣ смерти ихъ отца.

Я и сестра Надежда Николаевна, которая проживала въ то время у насъ, отправились вмѣстѣ съ нимъ. Мы пріѣхали туда благополучно, и отецъ былъ совершенно здоровъ; но, проживя тамъ нѣсколько времени въ довольно сырыхъ и холодныхъ комнатахъ, онъ простудился; у него сдѣлался сильный насморкъ, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія, остался тамъ еще нѣсколько дней, потомъ спѣшилъ ѣхать, чтобы проѣздомъ заѣхать къ Д. П. Трощинскому, къ 8-му октября, ко дню освященія его домовой церкви.

Дорогой отцу стало хуже, носъ у него покраснѣлъ и на немъ сдѣлалась опухоль; онъ безпрестанно закрывался отъ воздуха, ему казалось, что со всѣхъ сторонъ кареты дуетъ; мы съ сестрой закладывали окна и всѣ щели, чѣмъ только могли, но онъ чувствовалъ все какой-то холодъ.

Когда онъ пріѣхалъ въ Кибенцы, то у него оказалась рожа на лицѣ; онъ легъ въ постель и началъ леченіе. Черезъ недѣлю рожа совсѣмъ сошла и онъ, полагая, что скоро будетъ совершенно здоровъ, послалъ меня въ Обуховку, чтобы уговорить мать пріѣхать къ 26-му числу, къ именинамъ Трощинскаго, въ Кибенцы,

и привезти съ собой двухъ сиротъ, внучекъ его, проживавшихъ у насъ, чтобы дать имъ возможность повеселиться во время этого праздника.

Въ это самое время заѣхала въ Кибенцы моя сестра съ мужемъ, ѣдучи изъ Крыма отъ дяди Петра Васильевича. Отцу моему было уже лучше, рожа съ лица совсѣмъ сошла; ему слѣдовало бы еще посидѣть въ комнатѣ, но, обрадовавшись прибытію дочери, которая пріѣхала только на нѣсколько часовъ, онъ вышелъ обѣдать съ ними вмѣстѣ въ довольно холодную залу и тутъ-то, къ несчастью, опять простудился.

Между тѣмъ я все собиралась въ Кибенцы съ моими племянницами, но мать моя, будучи слабаго здоровья, не могла ѣхать; въ то самое время, когда все было готово къ отъѣзду, пріѣхалъ нарочный отъ Муравьева-Апостола съ извѣстіемъ, что отцу нашему стало хуже и чтобы мы какъ можно скорѣе пріѣзжали.

Мы тотчасъ же съ братомъ Семеномъ отправились, по дорогѣ заѣхавъ къ Ивану Матвѣевичу Муравьеву-Апостолу, гдѣ и невѣста брата Семена, и все семейство ея, встрѣтили насъ съ грустными лицами, говоря, что намъ надо спѣшить ѣхать, что отцу нашему очень худо и что ихъ докторъ поѣхалъ туда на консиліумъ.

Пріѣхавъ и войдя въ комнату отца моего, я почти не узнала его—такъ онъ измѣнился! Доктора, коихъ было тамъ четыре, сказали мнѣ, что у него сдѣлалось воспаленіе въ лѣвомъ боку и сильная нервная горячка. Мы застали его въ безнадежномъ положеніи. Онъ иногда узнавалъ насъ, но болѣе былъ въ безпамятствѣ. Къ брату Алексѣю въ Кіевъ немедленно послали эстафету. Онъ пріѣхалъ, но отецъ уже не узналъ его.

Братъ Иванъ былъ въ то время въ нашемъ имѣніи въ Екатеринославской губерніи,—и странная вещь,—именно въ день кончины нашего отца 28-го октября онъ видѣлъ его во снѣ умирающимъ. Сонъ этотъ его сильно встревожилъ, онъ немедленно выѣхалъ, скакалъ день и ночь, но уже не засталъ его въ живыхъ, пріѣхавъ послѣ похоронъ.

Къ Трощинскому между тѣмъ начали съѣзжаться гости со всѣхъ сторонъ къ 26 числу. Онъ, конечно, на этотъ разъ не радовался ихъ пріѣзду, но дѣлать было нечего; къ празднику все готовилось попрежнему. Ночь 25 числа была для насъ страшная!

Отецъ находился въ безнадежномъ положеніи, и мы не видѣли средствъ спасти его, ибо доктора терялись, нѣсколько дней почти не давая лекарствъ.

Мы въ молчаливомъ отчаяніи окружали его.

Онъ иногда приходилъ въ себя, начиналъ говорить и опять впадалъ въ безпамятство.

Я рѣшилась, наконецъ, идти сама ночью къ медикамъ, чтобы заставить ихъ дѣйствовать.

Въ минуту прихода моего былъ у нихъ консиліумъ; поговоря при мнѣ на латинскомъ языкѣ, они рѣшили, что̀ ему дать. Во все время болѣзни онъ принималъ лекарства только отъ меня. И теперь я съ трепетомъ подошла къ его постели, чтобы попросить принять лекарство.

Онъ быстро посмотрѣлъ на меня, тихо проговоривъ: «знаешь ли ты, что̀ даешь?» Вѣроятно, онъ узналъ по запаху, что это былъ мускусъ. Я отвѣчала, что знаю, и онъ принялъ лекарство. Ему стало какъ бы лучше; онъ велѣлъ себя приподнять и, подозвавъ насъ къ себѣ, обратился къ брату Алексѣю, сказавъ: «назови мнѣ по именамъ всѣхъ тѣхъ, которые послѣ меня остаются».

И когда братъ назвалъ всѣхъ, онъ сказалъ: «хорошо, прощайте, я умираю». Потомъ немного погодя, прибавилъ: «но это ничего! Старайтесь забыть меня первое время», и еще разъ повторилъ: «да, говорю, первое время!» Потомъ опять впалъ въ безпамятство.

Описать, что̀ происходило въ душахъ нашихъ, невозможно! Страшно, страшно не только писать, но и подумать объ этомъ! 26-го утромъ ему было лучше, онъ вспомнилъ, что это былъ день имянинъ Трощинскаго, подозвалъ меня, велѣлъ наряднѣе одѣться и пойти поздравить старика. Потомъ опять впалъ въ безпамятство, которое и продолжалось почти сутки.

Мускусъ все еще ему давали, но онъ принималъ уже его безсознательно.

28-го утромъ, въ страшный день кончины его, ему стало такъ хорошо, что мы съ сестрой Надеждой Николаевной были въ восторгѣ и не переставали благодарить Бога за милость Его къ намъ. Но какъ же поражены мы были въ минуту спокойствія нашего, когда вдругъ отворилась дверь, вошелъ племянникъ Трощинскаго и за нимъ вслѣдъ священникъ съ чашею въ рукахъ; у меня закружилась голова, потемнѣло въ глазахъ, и я не помню уже, кто и какъ отвелъ меня въ верхніе покои.

Послѣ причастія, говорили мнѣ, ему сдѣлалось опять лучше, онъ началъ смотрѣть во всѣ стороны и, наконецъ, спросилъ: «гдѣ Соня?» Меня позвали; я съ ужасомъ подошла къ его кровати и, чтобы онъ не замѣтилъ моихъ заплакнаныхъ глазъ, поспѣшила стать у него въ головѣ, но онъ, увидя меня, сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы я стала противъ него. Я перешла, и онъ, не говоря ни слова, съ минуту посмотрѣвъ на меня пристально, опять закрылъ глаза и какъ бы задремалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ очнулся и, увидя сидящаго доктора подлѣ себя, котораго очень любилъ (это былъ домашній докторъ Муравьева-Апостола), крѣпко схватилъ его за руку и сказалъ: «Cher ami, m-r Lan». Потомъ черезъ минуту съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ: «Pauvre m-r Lan, dans une pays étranger et six enfants!»

Докторъ залился слезами, тронутый до глубины души этими словами, свидѣтельствовавшими въ предсмертную минуту о любви, живомъ участіи и состраданіи къ ближнему. Растроганный докторъ поспѣшилъ выбѣжать изъ комнаты.

Когда подошелъ къ нему Д. П. Трощинскій, вѣроятно, чтобы проститься, онъ схватилъ его за руку, громко и съ чувствомъ началъ благодарить его за постоянную дружбу. Это были его послѣднія слова: голосъ его задрожалъ, онъ склонилъ голову на подушку и, казалось, въ изнеможеніи уснулъ. Тогда братья, увѣривъ меня, что ему лучше и что надо дать ему покой, отвели меня наверхъ и, уложивъ въ постель, просили, чтобы я, если можно, хотя немного отдохнула.

Въ совершенномъ изнеможеніи я крѣпко заснула.

Черезъ нѣсколько времени братъ Алексѣй вошелъ ко мнѣ. Пробудясь внезапно, я спросила, что съ папà? Онъ молчалъ; я еще спрашиваю; онъ продолжалъ молчать. Тогда страшная мысль о смерти блеснула въ моей головѣ. Обильныя слезы облегчили мое безъисходное горе.

Что было дальше, я не знаю; добрые хозяева не пускали меня ни на шагъ отъ себя; доктора, чтобы меня успокоить и заставить уснуть, дали мнѣ на ночь опіума и очень дурно сдѣлали, ибо средство это вмѣсто того, чтобы успокоить, привело меня въ такое раздраженіе, что я, при усиленной дремотѣ, безпрестанно просыпалась въ изступленіи и съ какимъ-то ужаснымъ чувствомъ, котораго не могу никогда забыть.

Вечеромъ 28-го числа подвезли карету къ крыльцу, чтобы ночью, уложивъ въ нее тѣло покойнаго отца нашего, перевезти его въ Обуховку. Мнѣ послѣ говорили, что братъ Семенъ до того потерялся въ ту минуту, какъ надо было отправлять драгоцѣнный для насъ прахъ отца, что, не смотря на морозъ и на страшный холодъ, бѣгалъ, какъ безумный, съ открытой головой вокругъ экипажа до тѣхъ поръ, пока Алексѣй, крикнувъ на него, не привелъ его въ память.

На другой день мы были уже въ Обуховкѣ; встрѣча наша съ матерью и съ старшей сестрой была ужасная; описать ее и трудно, и тяжело. Чтобы сколько-нибудь сберечь и не тревожить бѣдную мать, тѣло покойнаго отца провезли прямо въ любимый его павильонъ, что на берегу Псёла, и поставили гробъ въ той самой комнатѣ, которую онъ такъ любилъ и въ которой обыкновенно отдыхалъ въ лѣтніе знойные дни. Гробъ былъ сдѣланъ изъ досокъ любимаго имъ береста.

Священный прахъ его похороненъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое описалъ онъ въ своихъ стихахъ, говоря объ Обуховкѣ, гдѣ слѣдующая эпитафія:

«Капнистъ сей глыбою покрылся,
«Другъ музъ, другъ родины онъ былъ;
«Отраду въ томъ лишь находилъ,
«Что ей, какъ могъ, служа, трудился,
«И только здѣсь онъ опочилъ».

Въ началѣ ноября 1824 года, насъ обрадовалъ нечаяннымъ пріѣздомъ Николай Ивановичъ Лореръ. Онъ былъ все тотъ же милый, веселый и разговорчивый, но нельзя было не замѣтить, что его тревожила какая-то неотвязная мысль, которую, казалось, ему было тяжело скрывать отъ меня, друга его дѣтства. Онъ былъ озабоченъ, говорилъ, что у него есть нѣкоторыя порученія отъ полковаго командира, Пестеля, къ Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу.

Вынимая при мнѣ письма и бумаги изъ своего портфеля, онъ показалъ мнѣ разныя переписанныя имъ конституціи. Взявъ въ руки письмо Пестеля, я невольно обратила вниманіе на печать, гдѣ изображенъ былъ улей пчелъ съ надписью: «Nous travaillons pour la même cause». Я спросила у него, что это за печать? Онъ улыбнулся и сказалъ: «это теперь общій нашъ девизъ».

Все это было подозрительно, и я безъ всякой особенной мысли попеняла Николаю Ивановичу за его неосторожность и легкомысліе, какъ бы предчувствуя несчастіе, ожидающее его въ будущемъ.

Съѣздивъ къ Муравьеву-Апостолу и проживя у насъ еще нѣсколько дней, онъ съ какимъ-то особенно грустнымъ чувствомъ простился съ нами, какъ бы на долгую разлуку. Предчувствіе его не обмануло: черезъ годъ онъ былъ сосланъ въ Сибирь на двадцать лѣтъ. Но объ этомъ горестномъ происшествіи я разскажу послѣ.

Свиданія наши съ семействомъ Д. П. Трощинскаго продолжались; по обыкновенію, къ Троицыну дню они пріѣзжали къ намъ; все устроивалось попрежнему: тѣ же прогулки по окрестностямъ, тѣ же катанья по водѣ; но все чего-то не доставало, все было какъ-то натянуто, тяжело, грустно; всѣ видѣли, что не достаетъ души общества—незабвеннаго нашего отца. Каждый въ свою очередь съ участіемъ вспоминалъ о немъ.

Въ ноябрѣ 1825 года, мы отправились, не помню къ какому празднику, къ Д. П. Трощинскому. Съѣздъ былъ большой, обѣдъ великолѣпный, всѣ готовились веселиться вечеромъ. Музыка загремѣла; старикъ по обыкновенію открылъ балъ польскимъ. Всѣ пустились въ танцы. Въ числѣ молодыхъ людей были тамъ Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы и другъ ихъ Бестужевъ-Рюминъ.

Всѣ трое собирались пріѣхать къ намъ на нѣсколько дней въ Обуховку къ 26-му ноября, ко дню рожденія матери нашей, и именно въ ту минуту, какъ они говорили мнѣ объ этомъ ихъ на-

мѣреніи, дверь кабинета Трощинскаго растворилась, старикъ вышелъ въ залу съ какимъ-то тревожнымъ таинственнымъ видомъ и тихо объявилъ нѣкоторымъ особамъ извѣстіе о внезапной смерти государя Александра I. Музыка утихла; все замолкло. Потомъ начался всеобщій говоръ, разные толки: отчего онъ умеръ? что за болѣзнь? Кто сожалѣлъ, кто радовался.

Но трудно описать положеніе братьевъ Муравьевыхъ и Бестужева-Рюмина при этомъ извѣстіи, они какъ бы сошли съ ума, не говорили ни слова, но страшное отчаяніе было на ихъ лицахъ; они въ смущеніи ходили изъ угла въ уголъ по комнатѣ, говоря шопотомъ между собой; Бестужевъ-Рюминъ, болѣе всѣхъ встревоженный, рыдалъ какъ ребенокъ, подходилъ ко всѣмъ намъ и прощался съ нами какъ бы на вѣки.

Въ такомъ положеніи всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и только утромъ мы узнали, что въ ту же ночь Муравьевы-Апостолы и Бестужевъ-Рюминъ поспѣшно уѣхали, но неизвѣстно куда.

Въ непродолжительномъ времени мы поражены были извѣстіемъ, что братья нашей невѣстки Елены Ивановны, Матвѣй и Сергѣй Ивановичи Муравьевы-Апостолы, были схвачены и отправлены въ Петропавловскую крѣпость, вслѣдствіе возмущенія цѣлаго полка, въ которомъ баталіономъ командовалъ Сергѣй Ивановичъ.

Младшій мой братъ, Алексѣй, служившій адъютантомъ у Н. Н. Раевскаго, получивъ впослѣдствіи батальонъ въ одномъ изъ армейскихъ полковъ и стоявшій въ то время съ своимъ баталіономъ въ Глуховѣ, пріѣхалъ къ намъ въ 1825 году наканунѣ 1826 года. Но на этотъ разъ противъ обыкновенія онъ былъ задумчивъ и мраченъ. Его думы меня сильно безпокоили; я нѣсколько разъ спрашивала о причинѣ его тоски, но онъ скрытничалъ и, проживъ у насъ самое короткое время, поспѣшилъ въ Кіевъ къ генералу Раевскому, который любилъ его, какъ сына. Вскорѣ послѣ его отъѣзда я узнала отъ одного молодого человѣка, Менгеса, жившаго у насъ, что ночью пріѣзжалъ чиновникъ отъ генералъ-губернатора, князя Рѣпнина, отыскивать съ жандармами брата Алексѣя, съ строгимъ однакожъ приказаніемъ не тревожить нашу мать, исполнивъ порученіе какъ можно тише и осторожнѣе.

Не найдя его въ домѣ и напугавъ страшно Менгеса, который въ страхѣ на вопросъ ихъ: кто онъ? старался произнести фамилію свою сквозь зубы такъ, чтобы они никакъ ее не поняли, они отправились обратно, а мы, съ ужасомъ узнавъ объ этомъ утромъ на другой день, старались всячески скрыть отъ матери это страшное происшествіе. Легко представить, съ какимъ ужасомъ и нетерпѣніемъ мы ожидали вѣстей отъ брата Алексѣя! Вскорѣ дошла до насъ роковая вѣсть, что 14-го января онъ былъ взятъ въ Кіевѣ и отправленъ въ Петербургъ.

Мы узнали, что братъ, къ счастью, былъ отправленъ не пѣш-

комъ и не въ цѣпяхъ, но съ фельдъегеремъ и въ сопровожденіи знакомаго и пріятеля, Егора Петровича Врангеля, бывшаго въ то время адъютантомъ у генерала Красовскаго. Этотъ добрый человѣкъ, вовсе не зная насъ, единственно изъ дружбы къ несчастному Алексѣю, а еще болѣе изъ состраданія, писалъ къ намъ объ немъ съ дороги и изъ Петербурга.

Черезъ нѣсколько времени къ намъ возвратился изъ Петербурга слуга брата Алексѣя, служившій ему нѣсколько лѣтъ, столь любившій его и привязанный къ нему, что отъ душевной тревоги за своего барина онъ въ однѣ сутки совершенно посѣдѣлъ. Хотя онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ работъ, награжденъ нашей матерью какъ нельзя больше, но вскорѣ умеръ.

Обуховка сдѣлалась для насъ мрачнымъ и горестнымъ жилищемъ. Въ этотъ печальный періодъ всѣ чуждались насъ, никто насъ не навѣщалъ, вѣроятно, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія.

Всѣ знали, что братъ Алексѣй былъ взятъ, что Елена Ивановна разомъ лишилась троихъ братьевъ и что мой старшій братъ Семенъ, какъ зять Муравьева-Апастола, былъ подъ надзоромъ полиціи.

Брату было позволено изъ крѣпости писать къ намъ, конечно, открытыя письма и получать отъ насъ такія же. Изъ писемъ его мы могли видѣть только, что онъ живъ. Но и за то мы благодарили Бога.

Мать наша, наконецъ, до того начала тревожиться неизвѣстностью о немъ (нужно замѣтить, что ей не говорили объ арестѣ Алексѣя), что совсѣмъ стала падать духомъ; часто, не вѣря уже намъ, съ горечью спрашивала любимую его собаку: «Орсетъ, скажи хоть ты мнѣ, гдѣ твой баринъ?»

Видя ея страданія и опасаясь за ея жизнь, мы рѣшились просить несчастнаго брата, чтобы онъ для утѣшенія своей матери, испросилъ позволеніе написать къ ней письмо изъ крѣпости какъ бы изъ города Глухова, гдѣ стоялъ его полкъ; ему позволили, и онъ написалъ длинное и самое веселое письмо, совершенно успокоившее мать.

Мы же страдали вдвойнѣ и оттого еще, что и братъ Иванъ, жившій въ то время съ нами въ Обуховкѣ, возвратясь изъ Полтавы, куда ѣздилъ по своимъ дѣламъ, сказалъ по секрету, что, быть можетъ, и онъ будетъ арестованъ, ибо князь Рѣпнинъ, показавъ ему зашнурованную уже переписку братьевъ Муравьевыхъ, найденную въ деревнѣ Хомутцы, указалъ въ ней на то мѣсто, гдѣ они, говоря о братѣ Иванѣ, назначали его въ случаѣ удачи своего дѣла членомъ временнаго правленія.

Поэтому князь Рѣпнинъ и предупреждалъ брата Ивана, что и его, можетъ быть, потребуютъ въ Петербургъ. Это, однако, не тре-

вожило брата, какъ человѣка вовсе не причастнаго къ тайному обществу и никогда не имѣвшаго съ его членами никакихъ сношеній; онъ просилъ только насъ, чтобы мы не тревожились и берегли нашу мать.

24-го апрѣля 1826 года, мы были обрадованы извѣстіемъ, что братъ Алексѣй, наконецъ, оправданъ, освобожденъ и что вскорѣ возвратится домой. (Изъ крѣпости онъ былъ освобожденъ 15-го апрѣля). Въ концѣ мѣсяца разбудили меня рано утромъ извѣстіемъ, что онъ пріѣхалъ и когда я спросила, гдѣ онъ, то мнѣ сказали, что онъ, вставъ изъ экипажа, побѣжалъ на могилу отца нашего! Я безъ памяти, надѣвъ одинъ только чулокъ, башмаки и пудермантель, полетѣла къ нему и тутъ же на могилѣ отца совершилось радостное свиданіе послѣ тяжкой разлуки и горькаго трехмѣсячнаго заключенія.

Какъ описать радость матери, ея страхъ, ужасъ и слезы при извѣстіи, что онъ былъ въ Петропавловской крѣпости въ числѣ государственныхъ преступниковъ. Подобной сцены я не встрѣчала въ моей жизни. Мать и плакала, и смѣялась въ одно время, повторяя всѣмъ и каждому: «Вообразите, Алеша былъ въ крѣпости», крѣпко прижимая его при этомъ къ своему сердцу.

Когда все утихло и всѣ успокоились, онъ, по нашему желанію, разсказалъ слѣдующую исторію своего заточенія.

Арестованный 14-го января 1826 года въ Кіевѣ, въ домѣ генерала Раевскаго, онъ черезъ нѣсколько дней былъ привезенъ въ Петербургъ на главную гауптвахту. Здѣсь было уже столько арестованныхъ, что всѣ комнаты были заняты, и его ввели въ большую залу, гдѣ онъ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, такъ же привезенныхъ. Когда они начали было разговаривать, бывшій комендантъ дворца, Башуцкій, потерявъ совсѣмъ голову, страшась отвѣтственности за сношенія между ними, не зная, что дѣлать, въ страхѣ и суетѣ ставилъ съ поспѣшностью между одними столъ, между другими диванъ, приговаривая: «между вами нѣтъ никакого сообщенія!»

При этой сценѣ, говорилъ братъ, онъ не номнитъ, чтобы когда-нибудь въ жизни столько смѣялся. Черезъ сутки его съ жандармами перевезли на придворную гауптвахту, гдѣ просидѣлъ онъ больше трехъ дней подъ стражею солдатъ съ обнаженнымъ оружіемъ. Тутъ, хотя хорошо кормили, но не давали ему ни ножей, ни вилокъ. На четвертый день, посадивъ его въ сани съ тѣми же вооруженными солдатами, быстро повезли черезъ Неву въ Петропавловскую крѣпость.

Онъ явился къ коменданту, который повелъ его по сѣрымъ и мрачнымъ коридорамъ казематовъ, то спускаясь внизъ, то подымаясь наверхъ. Наконецъ, поднявшись выше, комендантъ остановился у двери одного каземата и, отомкнувъ со скрипомъ замокъ,

ввелъ брата въ довольно большую комнату, съ двумя забѣленными и подъ желѣзной рѣшеткой окнами на Неву и, указавъ на печь, сказалъ: «вотъ вамъ и печь». Братъ подумалъ: что за радость ты мнѣ сулишь? «Кажется, вамъ будетъ хорошо»,—продолжалъ онъ: «вы можете, когда захотите, звать къ себѣ сторожа». Сказавъ это, онъ раскланялся и ушелъ.

Сначала, оставшись одинъ, онъ ходилъ какъ безумный скорыми шагами по пустой комнатѣ, гдѣ, кромѣ бѣдной соломенной постели, стола и стула, ничего не было; у него при входѣ въ казематъ отобранъ былъ и чемоданъ, и всѣ его вещи.

Въ отчаяніи и въ тоскѣ, онъ звалъ нѣсколько разъ въ теченіе дня часоваго, единственно для того, чтобы видѣть, что дверь отворяется и что къ нему входитъ живое существо. Обѣдать ему давали щи, кашу, кусокъ жаркого и рюмку простой водки. Отъ скуки онъ вымѣрилъ шагами казематъ и ходилъ въ немъ всякій день по 7 верстъ.

Печь ему служила тоже большимъ развлеченіемъ; онъ сушилъ сырыя дрова, потомъ самъ топилъ ее, тогда только понявъ выраженіе коменданта о печи и мысленно благодаря его за нее. Цѣлые часы сидѣлъ онъ передъ огнемъ, размышляя о всемъ, что съ нимъ случилось, о матери своей, о насъ всѣхъ и о горькомъ своемъ положеніи.

Хотя въ душѣ онъ былъ увѣренъ въ своей невинности, но по ходу дѣла не могъ угадать, чѣмъ оно кончится. Впослѣдствіи онъ узналъ, что при допросахъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ надѣлалъ ему много вреда; что, напротивъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ совершенно его оправдалъ и что, быть можетъ, ему онъ и обязанъ своимъ освобожденіемъ.

Сколько тяжкихъ безсонныхъ ночей проводилъ онъ въ своемъ заточеніи! Какъ страшился, чтобы въ отвѣтахъ своихъ на заданные ему комиссіей письменные вопросы не навредить кому-либо! Въ самыя затруднительныя минуты онъ, не зная, что сказать и не полагаясь на себя, прибѣгалъ всегда къ евангелію и, открывъ его, писалъ свои отвѣты почти всегда очень удачно. Сколько разъ въ самыя тягостныя и затруднительныя минуты, засыпая отъ утомленія, онъ бывалъ разбуженъ утѣшительными словами отца, коего голосъ слышался ему и по пробужденіи, и какъ благословлялъ онъ его въ эти сладостныя минуты! Вскорѣ послѣ заточенія, онъ просилъ письменно тетку свою Дарью Алексѣевну Державину прислать ему Библію, что она и исполнила; и онъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ прочелъ ее трижды отъ доски до доски. Потомъ онъ просилъ ее же прислать ему трубку и табаку, что она и исполнила, испросивъ на это позволеніе. Тогда заточеніе казалось ему легче.

Во время похоронъ императора Александра I, когда тѣло пе-

ревозили черезъ Неву въ Петропавловскій соборъ, отъ пушечнаго выстрѣла въ казематѣ брата разбились стекла, чему, конечно, онъ очень обрадовался, ибо могъ видѣть всю похоронную церемонію.

Обыкновенно, не спавъ цѣлую ночь отъ разныхъ думъ и душевныхъ тревогъ, онъ крѣпко засыпалъ утромъ; его будилъ всегда несносный голосъ сторожа, стучавшаго въ дверь и спрашивавшаго—здоровъ ли онъ, и живъ ли онъ?

Такимъ образомъ онъ просидѣлъ три мѣсяца. Въ концѣ третьяго мѣсяца дѣла запутывались; отвѣчать на запросы день ото дня становилось труднѣе и онъ начиналъ страшиться за свою будущность, какъ вдругъ въ ночь 15-го апрѣля къ нему явился часовой съ приказомъ идти къ коменданту. Это его встревожило, онъ былъ увѣренъ, что его засадятъ еще куда-нибудь подальше и потому явился къ коменданту смущенный, испуганный.

Каково же было его удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, когда комендантъ сказалъ ему: «Капнистъ, поздравляю тебя, ты свободенъ!» Братъ говорилъ, что нельзя объяснить, что происходило тогда въ его душѣ. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить, но когда комендантъ повторилъ ему радостную вѣсть, онъ бросился бѣжать изъ крѣпости, не смотря на то, что это было въ 12 часовъ ночи и что комендантъ предлагалъ ему переночевать у себя.

Онъ ничего не хотѣлъ слушать, прибѣжалъ къ Невѣ, сѣлъ въ лодку и не хотѣлъ вѣрить, что онъ точно свободенъ, и можетъ ѣхать, куда хочетъ. Переѣхавъ рѣку, онъ спѣшилъ въ домъ къ теткѣ своей Державиной; пройдя нѣсколько пустыхъ комнатъ, онъ остановился у дверей маленькаго кабинета, гдѣ она сидѣла; увидавъ его, она испугалась и закричала: «Алеша, это ты?» Онъ, будучи всегда веселаго характера и любя пошутить, и тутъ не могъ удержаться и поспѣшно отвѣчалъ ей: «тетенька, я бѣжалъ». Она въ первую минуту испугалась, но потомъ несказанно обрадовалась, отъ души благодаря Бога за его освобожденіе.

Такимъ же образомъ были арестованы и оправданы сыновья генерала Раевскаго, да и сколько было невинно пострадавшихъ и пожертвовавшихъ или своею жизнью или жизнью близкихъ сердцу ихъ въ эту ужасную эпоху!

Не стану говорить объ ужасномъ положеніи семейства Муравьева-Апостола. Всякій легко можетъ понять его. Кому неизвѣстна страшная участь, постигшая несчастныхъ декабристовъ?

Долго бѣдная Елена Ивановна не знала о смерти несчастнаго брата своего Сергѣя Ивановича и только въ одномъ обществѣ нечаянно услышала роковое слово: «повѣшенъ!» Пораженная ужасомъ, она упала безъ чувствъ, и ее долго не могли привести въ память.

Спустя нѣсколько времени послѣ смерти брата, она получила письмо отъ своей сестры Е. И. Бибиковой, которая писала, что

съ соизволенія государя она была у несчастнаго брата наканунѣ его смерти; онъ зналъ уже, что его ожидало и, не смотря на это, показалъ въ послѣднее свиданіе съ нею столько твердости, столько религіозности и столько самоотверженія, что не только не нуждался въ утѣшеніи, но самъ поселилъ въ ней твердость для перенесенія этого несчастія.

Духовникъ его тоже былъ пораженъ твердостью его характера; когда онъ пришелъ къ нему для того, чтобы приготовить его къ смерти, С. И. въ ту минуту писалъ послѣднее письмо свое къ старшему брату своему Матвѣю Ивановичу.

Увидя священника, онъ съ спокойнымъ видомъ попросилъ его присѣсть и съ твердостью духа продолжалъ оканчивать письмо.

Этотъ священникъ говорилъ послѣ, что во всю жизнь не встрѣчалъ человѣка съ такими возвышенными религіозными чувствами и съ такою твердостью духа шедшаго на смерть. Тутъ же Екатерина Ивановна описывала и трогательную сцену послѣдняго свиданія и прощанія отца съ несчастными сыновьями; получивъ повелѣніе выѣхать за границу, онъ тогда испросилъ позволеніе увидѣть сыновей своихъ и проститься съ ними.

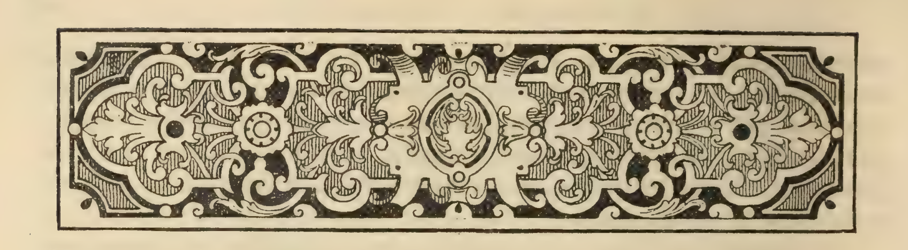
Съ ужасомъ ожидалъ онъ ихъ прихода въ присутственной залѣ; Матвѣй Ивановичъ, первый явившись къ нему, выбритый и чисто одѣтый, бросился со слезами обнимать его; не будучи въ числѣ первыхъ преступниковъ и надѣясь на милость царя, онъ старался утѣшить отца надеждою скораго свиданія. Но когда явился любимецъ отца, несчастный Сергѣй Ивановичъ, обросшій бородою, въ изношенномъ и изорванномъ платьѣ, старику сдѣлалось дурно, онъ весь дрожащій подошелъ къ нему и, обнимая его, съ отчаяніемъ сказалъ: «въ какомъ ужасномъ положеніи я тебя вижу! зачѣмъ ты, какъ братъ твой, не написалъ мнѣ, чтобы прислать и тебѣ все, что̀ нужно?»

Онъ съ свойственной ему твердостью духа отвѣчалъ, указывая на свое изношенное платье: «Mon pére, celà me siffira!», т. е. что для жизни моей этого достаточно будетъ! Неизвѣстно, чѣмъ и какъ кончилась эта тяжкая и горестная сцена прощанія старика отца съ сыновьями, которыхъ онъ нѣжно любилъ и достоинствами которыхъ гордился...

С. Скалонъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДУНГАНСКІЙ ПАРТИЗАНЪ ДА-ХУ БАЯНЪ-ХУРЪ.

КОГДА-ТО Китай имѣлъ много грандіознаго, много великолѣпнаго. Безъ посторонней помощи достигъ онъ весьма высокой, а потому и самобытной культуры. Окруженный на сѣверѣ дикими ордами кочевниковъ, а съ другихъ сторонъ слабыми государствами, онъ въ самомъ дѣлѣ представлялъ величавое зрѣлище стройнаго государственнаго организма. Но время это прошло. Съ тѣхъ поръ Китай одряхлѣлъ, и въ настоящее время онъ представляетъ уже жалкое зрѣлище переживающаго свою славу народа. Зодчество и различныя отрасли промышленности въ немъ давно уже пали; художество безслѣдно исчезло. Рутина во всѣхъ отрасляхъ управленія превратила это управленіе въ нѣчто до такой степени дикое, дала такое широкое поле произволу и одновременно воспитала въ народѣ такое стремленіе ко лжи и всевозможнымъ порокамъ, что становится совершенно немыслимымъ питать къ нему уваженіе. Впрочемъ, нравственное паденіе китайцевъ, вѣроятно, давно уже совершившійся фактъ, такъ какъ самый грубый развратъ успѣлъ проникнуть во всѣ рѣшительно стороны ихъ общественной и внутренней жизни. Я постараюсь иллюстрировать этотъ фактъ.

Старикъ дѣлаетъ предложеніе родителямъ дѣвочки и посылаетъ подарки. Нѣкоторые изъ послѣднихъ удержаны—знакъ, что предложеніе принято. Женихъ идетъ въ домъ родителей, забираетъ дѣвушку, призываетъ священнослужителя (хэ-шанъ) и гостей, и вотъ, послѣ прочтенія двухъ-трехъ молитвъ, бракъ считается заключеннымъ. Затѣмъ, въ теченіе трехъ сутокъ мужъ не подхо-

дитъ къ женѣ; зато каждый изъ гостей, да мало того, каждый прохожій съ улицы имѣетъ къ ней доступъ и изощряетъ свой умъ въ самыхъ сальныхъ анекдотахъ, въ самомъ непозволительномъ заигрываніи, въ самыхъ срамныхъ тѣлодвиженіяхъ. Бѣдная дѣвочка, по этикету, не должна обижаться; наоборотъ, она должна улыбаться и на каждую грубую и пошлую шутку отвѣчать веселымъ смѣхомъ; иначе она осуждена общественнымъ мнѣніемъ и, какъ своенравная, можетъ быть отослана обратно къ родителямъ. И въ теченіе этихъ трехъ дней испытанія мужъ находится тутъ же. Онъ угощаетъ, подноситъ вино и дѣлаетъ видъ, что не видитъ продѣлокъ гостей... А затѣмъ, дѣвочка, сдѣлавшись уже фактической женой старика, запирается на замо̀къ и никого, кромѣ женщинъ, не видитъ...

Читатель, безъ сомнѣнія, не объясняетъ себѣ смысла такого обычая? Я ему его подскажу: развращая дѣвочку, разжигая ея воображеніе и страсти въ мужѣ, гости тѣмъ самымъ стараются подготовить хозяину дома сладостную первую ночь...

Умственный кругозоръ китайца весьма невеликъ. Система схоластическаго образованія не воспитываетъ въ немъ высокихъ и честныхъ идей, а скорѣе способствуетъ развитію тѣхъ врожденныхъ качествъ, которыя такъ отталкиваютъ отъ него европейца— надменности и низости.

Странно сказать, но это такъ: Китай — нація безъ самолюбія, безъ той истинной народной гордости и народнаго самоуваженія, которыя присущи, какъ кажется, всѣмъ цивилизованнымъ народамъ земного шара. Въ моемъ воображеніи онъ представляется всегда какимъ-то надменнымъ глупцомъ, непонимающимъ да и не желающимъ понимать ни себя, ни другихъ, живущимъ преимущественно матеріальной стороной жизни и стремящимся собою олицетворить ту эмблему, которая малюется на стѣнахъ передъ казенными учрежденіями повсемѣстно въ Китаѣ. Это драконъ, достигшій уже въ мірѣ всего: у него подъ ногами и груда шариковъ [1]), и золото, и плоская палка для наказанія каждаго, включая и мандариновъ; и вотъ онъ готовится проглотить теперь солнце, не сознавая того, что именно оно, это солнце, и обусловливаетъ его существованіе на землѣ.

Безмѣрная надменность китайца составляетъ несокрушимую его силу: онъ всѣхъ презираетъ... Высокомѣрный умъ его не признаетъ неудачъ: онъ не долженъ ихъ знать! Онъ не заботится объ общественномъ мнѣніи, понятомъ въ смыслѣ мнѣнія чуждыхъ народностей; по его понятіямъ оно ниже его... А потому смѣйтесь

---

[1]) Какъ извѣстно, шарики на шапкахъ китайцевъ обозначаютъ чинъ ихъ владѣльца. Высшій чинъ обозначается краснымъ прозрачнымъ (полагается рубинъ) шарикомъ. Этотъ же шарикъ дается владѣтельнымъ князьямъ (ванамъ) первыхъ двухъ степеней.

надъ нимъ, клеймите его—онъ одѣлся въ броню тщеславія и стоически все это вынесетъ... Но если смутное понятіе объ обидѣ добѣжитъ до его черстваго сердца и тщеславнаго разума, тогда бойтесь его: терпѣливо выждетъ онъ подходящее время и тогда будетъ съ вами уже безпощаденъ...

Всѣ нравственные принципы китайцевъ вообще до такой степени расходятся съ нашими, что европейцу трудно быть по отношенію къ нимъ безпристрастнымъ. Нѣтъ никакого мѣрила для характеристики этой націи, нѣтъ возможности постичь ея идеалы. Народъ этотъ точно съ иной планеты свалился на нашу и съ такимъ же недоумѣніемъ на насъ озирается, какъ мы на него. Вотъ почему я и не буду комментировать такихъ документовъ какъ ниже здѣсь приводимая бумага китайскаго Дао-тая къ русскимъ властямъ, хотя и долженъ замѣтить, что я не могу видѣть въ ней только индивидуальный идіотизмъ одного управителя. Нѣтъ, эта бумага характеризуетъ цѣлую націю, она продуктъ совершенно нормальный.

Вотъ приблизительное содержаніе этой бумаги [1]):

«Русско-подданные киргизы перешли границу, дерзко и днемъ проникли въ китайское укрѣпленіе и, не смотря на протесты гарнизона, вывели оттуда всѣхъ лошадей и съ ними немедленно скрылись. Сопротивляться насилію и гнаться за грабителями было немыслимо — гарнизонъ хотя и имѣлъ ружья, но пороха и пуль не имѣлъ. Имѣя въ виду все вышесказанное, прошу о возвратѣ похищенныхъ лошадей и о примѣрномъ наказаніи лицъ, нарушающихъ добрыя отношенія двухъ государствъ».

А русское слѣдствіе обнаружило, что киргизовъ было всего восемь человѣкъ, причемъ только одинъ изъ нихъ имѣлъ бердановскій, къ тому же испорченный, штуцеръ за плечами.

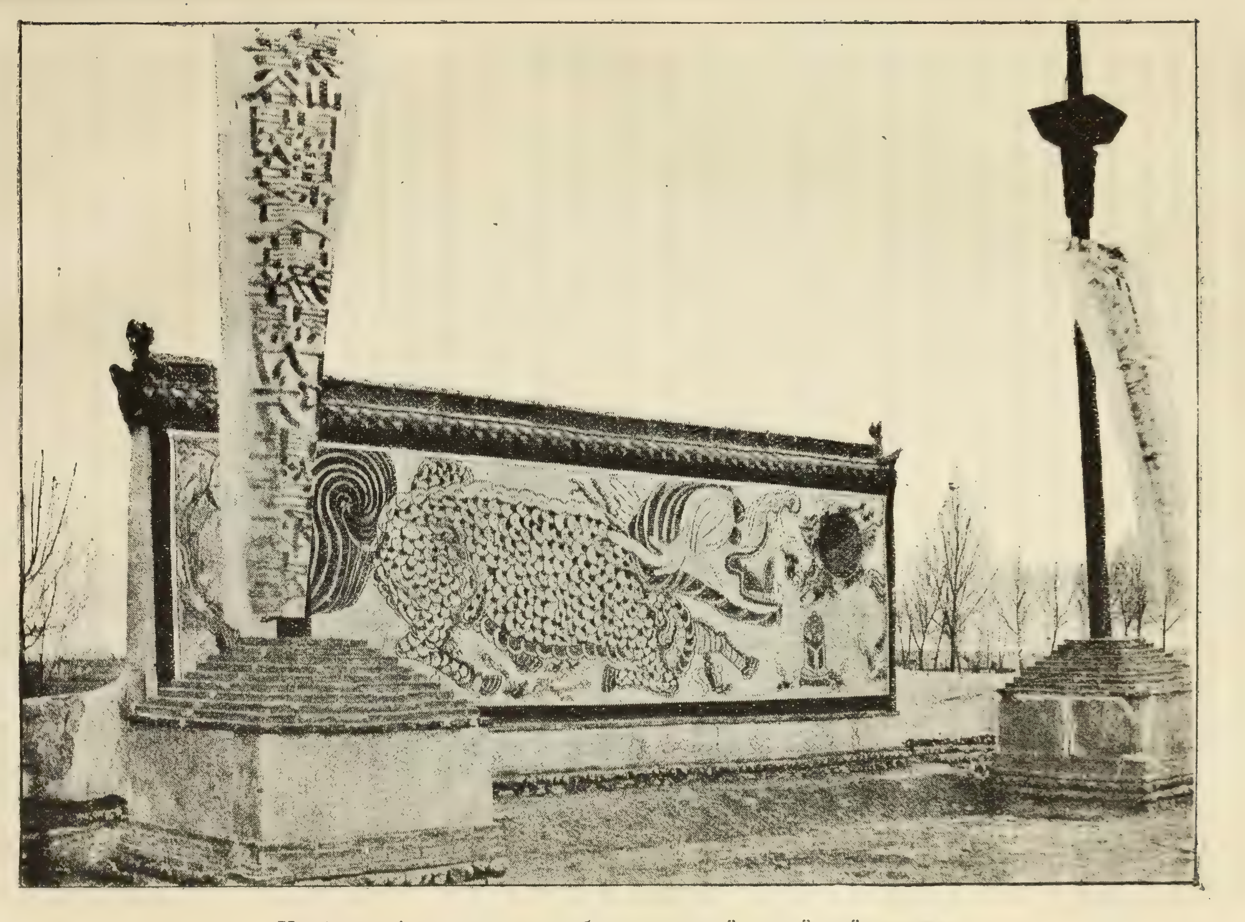
Какое другое правительство дерзнуло бы написать такую бумагу?

Война изъ-за Тонкина, успѣшная борьба съ инсурекціоннымъ движеніемъ западныхъ мусульманъ, какъ извѣстно, возникшимъ въ провинціи Гань-су и отсюда распространившимся и на земли Си-Цзянской провинціи, т. е. на культурныя области Восточнаго Тянь-Шаня, наконецъ, сравнительно быстрое замиреніе этого края, все это приводится доказательствомъ военной мощи Китая. Однако, едва ли это вполнѣ справедливо.

Ни одинъ изъ европейскихъ народовъ, за весь періодъ своей исторической жизни, не испыталъ еще такого позора, какимъ тогда покрыла себя западная китайская армія; и только ошибки враговъ, интриги и честолюбивые происки вожаковъ инсурекціи и борьба

---

[1]) Точной ея копіи я не могъ получить. Возбужденное ею дѣло разбиралось въ г. Вѣрномъ въ концѣ ноября 1890 года.

Изображеніе дракона, — эмблема высшей китайской власти.

національностей за преобладаніе, въ совокупности съ вмѣшательствомъ русскихъ въ дѣла при-Тянь-Шаньскихъ народовъ — помогли ей довершить занятіе края. Цзин-цзянь-цзюнь и Лю-цзиньтань, командовавшіе одинъ сѣвернымъ крыломъ этой арміи, другой ея южнымъ крыломъ, пожали, гдѣ не сѣяли, и отпраздновали свой тріумфъ рядомъ такихъ дикихъ и безчеловѣчныхъ поступковъ, передъ которыми блѣднѣетъ все то, на что̀ рѣшились вожаки инсургентовъ.

Громадный историческій интересъ безъ сомнѣнія возбужеаетъ вся эта неравная борьба одного противъ десятковъ и сотень, но я не считаю возможнымъ ея здѣсь касаться. Безъ сомнѣнія также много лицъ, крупныхъ и мелкихъ, выдвинула эта эпоха борьбы; но всѣ они рисуются въ разсказахъ туземцевъ весьма блѣдными красками, и только одинъ Да-ху Баянъ-хуръ въ этомъ отношеніи составляетъ крупное исключеніе.

Въ настоящемъ очеркѣ, служащемъ прекрасной иллюстраціей ко всему вышесказанному, собрано все, что я могъ узнать объ этомъ замѣчательномъ партизанѣ.

Я не знаю первыхъ минутъ жизни Да-ху, этого выдающагося дѣятеля Дунганскаго возстанія. Мнѣ говорили однако, что въ молодости онъ жилъ подъ Пекиномъ, однажды въ чемъ-то здѣсь провинился, былъ схваченъ и жестоко наказанъ. Тогда онъ бѣжалъ изъ пекинской тюрьмы, открыто явился въ свое родное селеніе, захватилъ останки нѣжно любимой имъ матери и съ своимъ братомъ, Шао-ху, бѣжалъ большой дорогой въ Гань-су. А годъ спустя уже всюду въ Гань-су бушевали дунгане и маленькое имя Да-ху повсемѣстно предавалось проклятію.

Китайцы зовутъ его Шань-шиба, среди же прочихъ народностей Средней Азіи онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Баянъ-хура, что значитъ — большой тигръ, вѣрнѣе же какое-то кровожадное миѳическое животное, набрасывавшееся на людей и ихъ пожиравшее.

Да-ху, говорятъ, былъ дороденъ и высокаго роста; оружіемъ владѣлъ въ совершенствѣ, о непомѣрной же силѣ его сложились легенды...

Онъ питалъ ничѣмъ неутолимую ненависть къ китайцамъ и поклялся имъ отомстить. Сотни разрушенныхъ городовъ и селеній, безконечное число человѣческихъ жизней—результатъ этой клятвы.

Разсказывая о Баянъ-хурѣ, мнѣ всегда уподобляли его урагану. Неожиданно налетитъ, все покроетъ развалинами и уносится дальше... но куда, никому неизвѣстно...

Не смотря на болѣе, чѣмъ пятнадцатилѣтнюю кровавую дѣятельность, Баянъ-хуръ не былъ раненъ. Сверхъестественно сильный, до безразсудства храбрый и всегда безпощадный, онъ наводилъ уже своимъ видомъ паническій страхъ и задолго до появле-

нія своего въ при-Тянь-Шаньскихъ земляхъ былъ уже окруженъ ореоломъ непобѣдимости.

Его никогда не смущали китайскія лянзы. Казалось, чѣмъ сильнѣе былъ врагъ, тѣмъ съ большей настойчивостью онъ нападалъ на него и, какъ геній истребитель, съ горстью сподвижниковъ носился по рядамъ непріятеля.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Да-ху ушелъ изъ Гань-су. Но мѣста, сплошь покрытыя развалинами, и до сихъ поръ тамъ зовутся еще дорогами Баянъ-хура; какъ будто самимъ Богомъ проклятыя они не заселяются вновь...

Да-ху умеръ послѣ отдачи намъ Кульджи, въ Пишпекѣ, въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Семирѣченской области; тѣмъ не менѣе уже теперь личность эта стала вполнѣ легендарной. Подросло новое поколѣніе. Оно очень мало знаетъ о минувшихъ событіяхъ, но съ восторгомъ говоритъ о подвигахъ Баянъ-хура. Много ли правды однако въ этихъ разсказахъ?

Дѣятельность Баянъ-хура получаетъ нѣкоторую достовѣрность только съ момента его вступленія въ Хамійскія земли. Баширъ-ханъ, ванъ (т. е. князь) хамійскій, велъ себялюбивую политику и, не надѣясь на успѣхъ возстанія, одинъ изъ всѣхъ мусульманскихъ правителей держался китайцевъ. Баянъ-хуръ жестоко ему отомстилъ за измѣну мусульманскому дѣлу... Разрушивъ Ань-си, разгромивъ попутные лагери китайскихъ конныхъ лянзъ, онъ быстро направился отсюда въ Хамійскую область, безъ сопротивленія прошелъ ее всю и обратилъ эту нѣкогда богатѣйшую страну въ груду развалинъ. Однако, тогда съ своимъ незначительнымъ отрядомъ онъ не рѣшился взять приступомъ города и съ затаенною мыслью уничтожить впослѣдствіи ванство Хамійское, ушелъ въ Урумчи, столицу образовавшагося тогда Дунганскаго ханства. Съ этого момента его дѣятельность тѣсно связывается съ дѣятельностью при-Тянь-Шаньскихъ дунганъ. Не касаясь ея подробно, я замѣчу только, что Баянъ-хуръ, предводительствуя авангардомъ, участвовалъ во взятіи Шаованомъ Хами, совершенно уничтожилъ здѣсь отряды высланныхъ противъ него хамійскихъ тагчей (горцевъ) и первымъ ворвался въ ворота этого города; что вызванный затѣмъ Лотай-ханомъ [1]) въ Урумчи, онъ участвовалъ въ генеральномъ сраженіи противъ арміи Якубъ-бека, въ которомъ совершенно разметалъ отборный отрядъ Бай-бачи, старшаго сына Бадаулета [2]), а затѣмъ, если и покорился послѣднему, то къ этому былъ вынужденъ общимъ положеніемъ дѣлъ въ при-Тянь-Шаньскихъ земляхъ; что, наконецъ, всегда и вездѣ онъ былъ грознымъ борцомъ за независимость, замѣчательнымъ партизаномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безпощаднымъ мстителемъ за себя и своихъ...

---

[1]) Правитель дунганскаго ханства. Дунгане зовутъ его Даутъ-Хельпэ.

[2]) Бадаулетъ значитъ—счастливчикъ. Прозвище Якубъ-бека.

Какъ неожиданно и эфектно онъ появился на сцену всемірной исторіи, также эфектно онъ съ нея и сошелъ.

Цзин-цзянь-цзюнь, собравшись съ силами, осадилъ, наконецъ, Манасъ, какъ извѣстно, предоставленный Якубъ-бекомъ собственнымъ силамъ.

Манасъ [1]) въ то время состоялъ изъ двухъ городовъ; изъ нихъ одинъ защищалъ Баянъ-хуръ, въ другомъ засѣли дунганскіе вожди—Сіянъ-шай и Хіянъ-шай. Наскучивъ томительнымъ сидѣніемъ въ стѣнахъ, къ тому же по крайней безнадежности положенія и по существу дѣла совершенно безцѣльнымъ, Баянъ-хуръ рѣшился на отчаянный шагъ. Онъ предложилъ сдѣлать общую вылазку или пасть всѣмъ въ неравномъ бою или пробиться черезъ непріятельскій лагерь и уйти подъ защиту стѣнъ Урумчи. Но планъ этотъ былъ отвергнутъ дунганами. Тогда Да-ху передалъ своихъ солдатъ Хіянъ-шаю, а самъ въ ту же ночь съ двадцатью пятью товарищами вышелъ изъ города... И вотъ, случилось въ исторіи что-то вполнѣ безпримѣрное, возможное однако въ Небесной имперіи! Громадная армія разступилась, чтобы дать пройти человѣку, голова котораго оцѣнена была въ 10 тысячъ ланъ [2]), сумму баснословную для Китая!.. На разсвѣтѣ Баянъ-хуръ встрѣтился съ объѣзжавшмъ посты Цзин-цзянь-цзюнемъ. Послѣдній окруженъ былъ свитой изъ трехсотъ человѣкъ ординарцевъ, начальниковъ отдѣльныхъ частей и солдатъ. При крикѣ передовыхъ: Шань-шиба! весь этотъ отрядъ пришелъ въ страшное замѣшательство, изъ котораго его вывелъ только приказъ главнокомандующаго китайскими силами: «Сдѣлаемъ видъ, что его мы еще на замѣтили... Сверните на боковую тропинку»!... [3]).

Такъ разминовались эти два человѣка, изъ коихъ одинъ шелъ за безсмертными лаврами, а другой, чтобы закончить свою жизнь въ безвѣстной глуши, среди великаго, но ему совершенно чуждаго племени!.. Разбитыя надежды и сознаніе безцѣльности принесенныхъ имъ жертвъ и массъ пролитой имъ безвинной крови, вотъ что было наградой тому человѣку, надъ прахомъ котораго дунгане воздвигнули теперь мавзолей...

Г. Грумъ-Гржимайло.

---

[1]) Манасъ большой городъ Южной Джунгаріи, стоитъ на рѣкѣ того же имени.

[2]) Ланъ равенъ приблизительно нашимъ двумъ металлическимъ рублямъ.

[3]) Этотъ разсказъ записанъ со словъ русскаго купца Соболева, лично знавшаго Лю-цзинь-таня и не разъ его слыхавшаго отъ своихъ пріятелей, офицеровъ Лю-цзинь-таневской арміи, занявшей весь возмутившійся край; нѣкоторые изъ послѣднихъ даже сопровождали въ свое время Цзин-цзянь-цзюня въ этомъ объѣздѣ.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(По поводу статьи С. С. Трубачева: «Карикатуристъ Н. А. Степановъ»).

Интересная статья г. Трубачева, напечатанная въ первыхъ книжкахъ «Историч. Вѣстника» текущаго года, разбудила во мнѣ одно хорошее воспоминаніе. Я лично зналъ покойнаго Н. А. Степанова, сотрудничалъ въ его журналѣ, и мы были близки между собой домами. Онъ и его супруга Софья Сергѣевна (сестра композитора Даргомыжскаго) были люди простые, милые и гостепріимные. Почти каждый сотрудникъ «Будильника» былъ ими обласканъ, дѣлался ихъ короткимъ знакомымъ, получалъ приглашенія на ихъ скромныя, но всегда согрѣтыя хозяйскимъ радушіемъ пятницы, да и такъ могъ ходить къ нимъ въ гости запросто, когда угодно. Скучавшіе въ одиночествѣ старики всегда были рады гостю.

Долгъ личной признательности къ памяти Николая Александровича и интересы исторической правды заставили меня предложить почтенной редакціи «Историческаго Вѣстника» настоящую мою замѣтку для дополненія и кое-какихъ поправокъ къ статьѣ г. Трубачева. Нѣкоторые изъ описанныхъ въ этой статьѣ фактовъ и обстоятельствъ случились на моихъ глазахъ и были мнѣ извѣстны непосредственно и со всѣми подробностями.

Прежде всего о разрывѣ Степанова съ Курочкинымъ. Онъ произошелъ до моего знакомства съ Н. А., но я хорошо знаю, что какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось денежныхъ разсчетовъ и, вообще, хозяйственной стороны издательства, — хлопотала и распоряжалась единовластно Софья

Сергѣевна—женщина себѣ на умѣ, очень разсудительная и практическая, любовно, къ тому же, оберегавшая мужа отъ всякихъ безпокойствъ и дрязгъ. По этой части онъ самъ ни во что̀ не вмѣшивался, весь день сидѣлъ, бывало, запершись, у себя въ кабинетѣ, куда допускалъ, и то не часто, только испытанныхъ, близкихъ знакомыхъ. Непосвященныхъ этотъ запретный кабинетъ интриговалъ, но тамъ, по справкѣ, никакихъ святилищъ и тайнъ не было. Бросались только въ глаза нѣсколько изветшалыхъ птичьихъ чучелъ, нѣсколько статуэтокъ, да довольно богатая коллекція тростей и палокъ, между которыми попадались ужасающаго вида дубины, вовсе не отвѣчавшія слабосильному и кроткому нравомъ хозяину. Впрочемъ, это палочное коллекторство было слабостью чисто платонической въ Степановѣ: — онъ своими страшными дубинами никогда не вооружался и дарилъ ихъ иногда знакомымъ, въ видѣ особаго вниманія. Такой подарокъ его у меня до сихъ поръ хранится.

Н. А. былъ, въ житейскомъ отношеніи, то, что называется «коровка Божья»—человѣкъ мягкій, застѣнчивый и нерѣшительный, брюзгливо и какъ-то опасливо сторонившійся отъ грубой и жесткой житейской прозы. Роль хозяина и дѣльца вовсе не вязалась съ его личностью и характеромъ. У «Будильника», напримѣръ, была своя типографія, но Степановъ никогда въ нее даже не заглядывалъ, хотя она помѣщалась только двумя этажами ниже его квартиры и по одной и той же лѣстницѣ. Всѣмъ этимъ, повторяю, завѣдывала и распоряжалась его жена, и довольно толково и экономно. По ея же иниціативѣ и настояніямъ, Н. А. разошелся съ Курочкинымъ и основалъ свой журналъ. Самъ онъ, лично, никогда бы на это не рѣшился, именно, по деликатности и уступчивости своего характера и потому, что не зналъ толку въ дѣловыхъ разсчетахъ и питалъ къ нимъ отвращеніе. Такіе люди всегда почти попадаютъ въ страдательное положеніе—всячески эксплоатируются и обсчитываются въ матеріальныхъ сдѣлкахъ и денежныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ — нельзя скрыть, къ сожалѣнію,—наша журнально-литературная братія, хотя и съ такимъ жаромъ «о честности высокой говоритъ», также, за рѣдкими пріятными исключеніями, беззаботна, чужеядна и неряшлива, какъ и большинство простыхъ смертныхъ. Но у Н. А. Степанова была умная, энергичная жена, знавшая счетъ денежкѣ, — она зорко учитывала бюджетъ компанейской «Искры» и, когда убѣдилась, что невозможно сладить съ безалабернымъ компаніономъ, обидно захватывавшимъ на свои траты большую половину дохода, рѣшительно повела дѣло къ разрыву. Н. А. покорно этому рѣшенію подчинился.

Случилось это въ 1864 году, а съ января слѣдующаго сталъ уже выходить «Будильникъ», особо отъ «Искры», оставшейся въ енодиличномъ владѣніи Курочкина. Раздѣленіе это было несчаст-

ливо для обоихъ неполадившихъ компаніоновъ. Дѣйствительно, «Искра» съ этой поры начала, какъ говоритъ г. Трубачевъ, «постепенно хирѣть и чахнуть», но не процвѣталъ и вновь основанный «Будильникъ». Невѣрно только утвержденіе г. Трубачева, что къ концу существованія «Искры» въ ней «совсѣмъ исчезли», будто бы, карикатуры. Онѣ не исчезли, а только прилагались на особомъ листкѣ, составлявшемъ самостоятельное подцензурное изданіе— «Маляръ», редакторомъ и хозяиномъ котораго былъ художникъ Волковъ, старый сотрудникъ «Искры» и довольно бойкій карикатуристъ. Произошло это такимъ образомъ.

Одною изъ причинъ упадка «Искры» и неблестящаго успѣха «Будильника» со второй половины 60-хъ годовъ, было то обстоятельство, что они, какъ изданія иллюстрированныя, не могли воспользоваться льготами новаго закона о печати, значительно расширявшаго свободу безцензурныхъ изданій, и оставались на старомъ неавантажномъ положеніи подъ предварительной цензурой. Оно было для нихъ тѣмъ болѣе тягостно и невыгодно, что съ печальной памяти 4-го апрѣля 1866 года цензура, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, стала очень строга и придирчива, особенно по сравненію съ ея недавними поблажками. То была весьма памятная лонгиновская цензура. Что̀ еще такъ-сякъ терпѣлось и спускалось въ безцензурныхъ изданіяхъ — въ подцензурныхъ никоимъ родомъ и ни подъ какимъ видомъ не щадилось. Легко понять, въ какой степени послѣднія, сравнительно съ первыми, теряли отъ этого въ интересѣ, колоритности и остротѣ своего обязательно-либеральнаго содержанія. (Другой окраски сатирическихъ журналовъ тогда у насъ не было!).

И вотъ, чтобы развязать себѣ руки отъ цѣпкихъ путъ подцензурности и оживить свой журналъ, Курочкинъ придумалъ издавать его безъ карикатуръ и, на этомъ основаніи, исходатайствовалъ себѣ къ 1870 году у Шидловскаго, смѣнившаго Лонгинова на постѣ начальника Главнаго Управленія по дѣламъ о печати, право выходить безъ предварительной цензуры. Это былъ очень ловкій фортель въ обходъ закона. Курочкинъ, на самомъ дѣлѣ, вовсе и не думалъ отказываться отъ карикатуръ, основательно предвидя, что безъ нихъ «Искра» очень много потеряла бы въ глазахъ массы читателей, любящихъ картинки. И дѣйствительно, съ перваго же номера освобожденная отъ предварительной цензуры «Искра» стала выходить попрежнему съ карикатурами, съ тою только разницей, какъ я уже сказалъ, что онѣ были ни въ текстѣ, а на отдѣльномъ листѣ, въ видѣ приложенія. (Не знаю ужъ, на какихъ основаніяхъ «Маляръ» Волкова прикомандировался тогда къ «Искрѣ»?). На первыхъ порахъ обновленная этимъ способомъ «Искра» заговорила смѣлѣе, развязнѣе и пошла бойчѣе, пока не договорилась до предостереженія. Не столько грозный,

сколько бурливый генералъ Шидловскій считалъ себя обманутымъ Курочкинымъ и не могъ равнодушно о немъ вспомнить, какъ я имѣлъ случай лично въ этомъ убѣдиться.

Удачный опытъ превращенія «Искры» ввелъ въ искушеніе и Степановыхъ. Подписка на «Будильникъ» въ 1871 году была плохая и, когда она вполнѣ опредѣлилась, какъ-то, въ интимной бесѣдѣ со мною, старики, особенно Софья Сергѣевна, стали на это жаловаться, совѣтоваться, судить и рядить — какъ помочь горю. Не помню теперь, кому первому пришла мысль послѣдовать примѣру «Искры» и исходатайствовать для «Будильника» то же право, какимъ она пользовалась. Мысль эта была единодушно одобрена и принята. Оставалось написать прошеніе, ѣхать и просить по начальству. Тутъ лишній разъ выразилась боязливая отчужденность Степанова отъ міра сего и его злобъ. Онъ, вообще, въ то время, какъ я его зазналъ, чрезвычайно рѣдко выходилъ куда-нибудь изъ дому, ни у кого почти не бывалъ, даже къ единственному сыну, очень имъ любимому, служившему тогда библіотекаремъ въ Лѣсномъ институтѣ, невозможно было его зазвать. И вдругъ, ѣхать въ присутственное мѣсто, входить съ прошеніемъ и объясняться съ начальникомъ, прослывшимъ строптивымъ и грознымъ?!. Это была до такой очевидности вещь невозможная для Н. А., что, когда онъ наотрѣзъ отказался, Софья Сергѣевна не стала и возражать, а только пожала плечами — какъ же, молъ, быть въ такомъ случаѣ?

— Да поѣзжайте вы... Сдѣлайте намъ такое одолженіе!—обратился вдругъ старикъ ко мнѣ со свойственной ему милой, добродушной, чуть-чуть лукавой улыбочкой, не сходившей у него съ лица въ хорошія минуты, и когда онъ находился въ обществѣ близкихъ и пріятныхъ ему лицъ.

Я былъ тогда молодой, начинающій писатель, безъ всякаго имени, и поэтому представлялъ собою очень ненадежнаго ходатая. Тѣмъ не менѣе, когда къ просьбамъ Н. А. присоединилась и Софья Сергѣевна, я не сталъ больше отговариваться. Мнѣ дали довѣренность, я написалъ прошеніе, облекся для пущей торжественности во фракъ и поѣхалъ пробовать счастья.

Мнѣ въ первый разъ пришлось вступить въ историческую пріемную Главнаго Управленія по дѣламъ о печати—въ это наше литературное чистилище, хорошо знакомое журналистамъ, редакторамъ и издателямъ. Шидловскій не заставилъ себя долго ждать.

Въ пріемную вошелъ твердой походкой военный генералъ, брюнетъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ красивымъ, энергическимъ лицомъ, съ длинными, закрученными усами. Ни страшнаго, ни сердитаго въ немъ ничего не было, хотя онъ, кажется, и старался производить на насъ, грѣшныхъ, внушительное, грозное впечатлѣніе «чиновнаго изверга», по выраженію Щедрина. Онъ очень громко го-

ворилъ, размашисто жестикулировалъ, сердито оттопыривалъ свои марсовскіе усы, но безъ всякой злости въ лицѣ, которое казалось скорѣе добрымъ и простодушнымъ.

Пробѣжавъ глазами мое коротенькое прошеніе, Шидловскій сдѣлалъ энергическій жестъ рукою, въ знакъ отрицанія, театрально отступилъ отъ меня трагической поступью шага два назадъ, смѣрялъ меня съ головы до ногъ уничтожающимъ взоромъ и то, что называется—раскричался, сердито тряся въ рукѣ мое злополучное прошеніе.

— Какъ?!— неистовствовалъ онъ.—Вы хотите, чтобы я разрѣшилъ «Будильнику» выходить безъ предварительной цензуры? Никогда! ни за что̀! У меня Курочкинъ... вы поймите, — одинъ Курочкинъ вотъ гдѣ у меня, батенька, сидитъ!—и онъ выразительно похлопалъ себя рукою по затылку.—Я не могу себѣ простить, что повѣрилъ его обѣщаніямъ, далъ себя обмануть и теперь покоя не не знаю отъ этой гнусной «Искры», а вы желаете другую такую же милую обузу на шею намъ навалить... Покорно васъ благодарю! Да что вы, господа, смѣетесь надъ нами?..

И пошелъ, и пошелъ. Случилось такъ, что я былъ одинъ проситель въ пріемной. Шидловскій, не переставая и не давая мнѣ промолвить слова, гремѣлъ и кричалъ минутъ двадцать, если не цѣлыхъ полчаса. Онъ расхаживалъ, дѣлалъ стремительные шаги въ мою сторону, принималъ угрожающія позы, размахивалъ руками. Я, конечно, не могу теперь вспомнить всего, что̀ онъ мнѣ тогда накричалъ, но хорошо помню, что его превосходительство усиливался, главнымъ образомъ, доказать мнѣ—не весьма, признаться, убѣдительно,—что «въ Россіи еще не время быть сатирѣ» [1]), что существующая у насъ «якобы сатира» ведетъ себя непозволительно—вмѣсто того, чтобы исправлять нравы, она пасквилянтски задѣваетъ лица и, что̀ всего .хуже, вдается еще въ политику, распространяетъ завиральныя идеи. Для примѣра опять былъ помянутъ Курочкинъ съ его «Искрой», и помянутъ особенно крикливо и бранчиво. Я терпѣливо слушалъ и недоумѣвалъ—съ какой стати и за что̀ я, невѣдомая журнальная букашка, удостоенъ такой долгой аудіенціи и такого пространнаго начальственнаго вразумленія? И грѣшенъ, мнѣ показалось, что почтенный генералъ старался не

---

[1]) Не могу здѣсь кстати не вспомнить, что отъ другого начальника управленія по дѣламъ о печати, Григорьева, я также слышалъ, что «въ Россіи не время быть публицистикѣ и что всего бы лучше, если бы газетъ у насъ совсѣмъ не существовало». Эту фразу, которая мнѣ крѣпко врѣзалась въ памяти, я услышалъ отъ Григорьева случайно въ Ревелѣ, въ екатеринентальскомъ курзалѣ, за табльдотомъ. Мнѣ непредвидѣнно пришлось сидѣть рядомъ съ немилостивымъ къ прессѣ начальникомъ и волей-неволей слышать его изреченія въ бесѣдѣ со своими. Меня Григорьевъ не зналъ лично и, конечно, не подозрѣвалъ даже что рядомъ съ нимъ нечестивый «представитель прессы».

столько меня, сколько самого себя убѣдить въ проповѣдуемыхъ истинахъ, что ему просто хотѣлось высказаться по интересовавшему его, но мало знакомому ему сюжету, разобраться въ своихъ смутныхъ соображеніяхъ на этотъ счетъ, оформить ихъ и укрѣпиться въ принятой точкѣ зрѣнія.

Говорилъ онъ, пока не усталъ и, въ заключеніе, сбавивъ сразу тонъ, сказалъ мнѣ почти ласково:

— Ну, молодо̀й человѣкъ, прошеніе ваше я приму... не смѣю не принять,—и доложу мнистру, но вы ужъ меня простите — заранѣе васъ предупреждаю, что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы вамъ было отказано... Имѣю честь кланяться!

Только по неопытности я не взялъ тутъ же прошенія обратно, такъ какъ было ясно, что откровеннымъ заявленіемъ Шидловскаго судьба его была рѣшена окончательно.

Послѣ этой неудачи, доставившей немалый матеріалъ для незлобиваго юмора Степанова, Софья Сергѣевна стала подумывать, какъ бы повыгоднѣе сбыть съ рукъ «Будильникъ», и стала отыскивать подходящаго для сдѣлки, надежнаго издателя. Издатель такой вскорѣ нашелся.

Въ томъ же году, въ началѣ осени, въ одинъ изъ пятничныхъ вечеровъ у Степановыхъ встрѣтилъ я нѣкоего незнакомца, сразу произведшаго на меня непріятное впечатлѣніе, которое потомъ и оправдалось. Пожилой уже мужчина, съ совсѣмъ не интелигентнымъ, широкимъ и недобрымъ лицомъ, по манерамъ и фигурѣ, что̀-то среднее между лошадинымъ барышникомъ и акцизнымъ чиновникомъ временъ откуповъ, и съ претензіей на какую-то авторитетность и важность. Кто-то изъ хозяевъ насъ взаимно представилъ по нелѣпому обычаю. Незнакомецъ оказался Леонтьевымъ. Обмѣнявшись со мною рукопожатіемъ, онъ продолжалъ вѣско и значительно говорить пустыя и пошлыя вещи, причемъ, какъ теперь помню, самодовольно похвасталъ, почему-то, что онъ собралъ и издалъ въ алфавитномъ порядкѣ сводъ полицейскихъ распоряженій Трепова и получилъ отъ него за это благодарность. Кажется, это былъ единственный «литературный» трудъ г. Леонтьева, невѣсть гдѣ обрѣтеннаго и невѣсть за что̀ взысканнаго покойнымъ Краевскимъ, у котораго эта совсѣмъ ничтожная, даже неумная, а какъ потомъ оказалось, и нравственно неряшливая, личность была правой рукой—чѣмъ-то, въ родѣ субъ-редактора въ «Голосѣ».

Насъ, постоянныхъ и обычныхъ участниковъ пятничнаго времяпрепровожденія у Степановыхъ, появленіе Леонтьева, про котораго мы только слыхали, что онъ былъ главной силой въ «Голосѣ», очень удивило. Удивило и то, что С. С. видимо за нимъ ухаживаетъ и, ради поддержанія съ нимъ бесѣды, отказалась даже отъ непремѣнной партіи въ преферансъ по десятой, къ которому она питала маленькую игрецкую пассію. Н. А., съ своей стороны, мало

обращалъ вниманія на новаго гостя и не измѣнилъ для него своимъ вкусамъ и привычкамъ. На этихъ своихъ вечеркахъ онъ бывалъ очень милъ и забавенъ. Когда собирались гости, онъ выходилъ изъ своего таинственнаго кабинета, всегда почти веселый и благодушный, хотя бывали у него и хмурыя минуты стариковской хандры. Очень чуткій къ холоду, въ студеное время онъ являлся въ гостиной въ какой-то смѣшной фланелевой, клѣтчатой пелеринкѣ, накинутой поверхъ сюртука, и напоминалъ тогда, со своимъ бритымъ, стариковскимъ лицомъ, не то капуцина, не то пожилую особу женскаго пола, извѣстную подъ именемъ «салопницы». Да и на самомъ дѣлѣ въ Степановѣ, на мой взглядъ, было очень много женскаго—и въ физіономіи, и въ характерѣ. Я не знаю и не видѣлъ хорошаго, точнаго его портрета. Извѣстно, что онъ самъ себя изображалъ въ своихъ карикатурахъ и весьма схоже схватывалъ характеристическія черты своей физіономіи и фигуры. Очень характеристичны были въ немъ ротъ и губы, сильно выдававшіяся впередъ, выпяченныя, и весьма подвижныя:—онъ, какъ говорится, мялъ ртомъ, и эта мина сообщала его лицу что̀-то наивное и своенравное съ комическимъ оттѣнкомъ. Н. А. прекрасно сохранился до старости. Я познакомился съ нимъ, когда ему было уже подъ семьдесятъ, а у него не было почти ни сѣдинки въ шевелюрѣ, довольно густой и длинной à l'artiste, которую старикъ тщательно холилъ и, чуть-чуть, какъ бы кокетничалъ ею: у него были крѣпкіе еще зубы, здоровый, свѣжій цвѣтъ лица и прекрасный аппетитъ, который онъ могъ удовлетворять всякими яствами и питіями безъ вреда для здоровья. На своихъ вечерахъ Н. А. не сидѣлось. Онъ все бывало расхаживалъ медленной походкой, коротенькими шажками переходя отъ одной группы гостей къ другой, прислушивался къ разговору и вставлялъ свои замѣчанія, большею частью шутливыя. Любилъ онъ надъ кѣмъ-нибудь незлобиво и безобидно подтрунивать, когда подмѣчалъ смѣшныя, комическія стороны. Чаще всего тѣшился онъ тогда такимъ манеромъ надъ одной молодой эмансипированной дамой, соломенной вдовою Ш., пописывавшей иногда стишки. Это было предобродушное, но и пренелѣпое созданіе, неумолкно болтавшее какой-то ни съ чѣмъ несообразный, дѣтскій вздоръ. И вотъ она, бывало, мелетъ свое мелево, Н. А. поддразниваетъ ее, слушаетъ и посмѣивается, а ежели она—что̀ случалось, впрочемъ, рѣдко—примолкнетъ, онъ ей смѣшкомъ скажетъ:

— Милая Ш., что это вы молчите?—Разскажите-ка намъ одну изъ тѣхъ сказочекъ, которыя вы такъ хорошо умѣете разсказывать...

И «сказочка» тотчасъ же начиналась, къ совершенному удовольствію старика.

Вскорѣ, послѣ описаннаго появленія Леонтьева у Степановыхъ, Софья Сергѣевна посвятила меня въ тайну заключенной ею съ

нимъ сдѣлки. Мое чутье оправдалось: оказалось, что онъ—барышникъ, какъ есть, только не лошадиный, а журнальный! Тогда этотъ, нынѣ столь процвѣтшій у насъ, промышленный типъ былъ еще вновѣ. Леонтьевъ былъ, какъ бы, его предтечей, догадавшись дешево и «по случаю» скупать «подержанныя», захудавшія изданія и посвойски пускать ихъ въ оборотъ, съ разсчетомъ на жирный барышъ. Онъ почти одновременно закупилъ, въ видѣ аренды, и «Искру», и «Будильникъ». Не знаю, на какихъ условіяхъ сошелся онъ съ Курочкинымъ; Степанову же онъ обязался платить по 2,400 руб. въ годъ съ тѣмъ, что «Будильникъ» не станетъ выходить съ новаго года, а будетъ возсоединенъ съ «Искрой», которая станетъ удовлетворять подписчиковъ обоихъ изданій. Такъ это и было сдѣлано. Комбинація была задумана въ комерческомъ отношеніи недурно и могла бы увѣнчаться успѣхомъ, если бы Леонтьевъ, кромѣ алчныхъ барышническихъ наклонностей, былъ сколько-нибудь журналистомъ и литераторомъ. Впрочемъ, у него тутъ былъ умыселъ другой, какъ вскорѣ обнаружилось...

Г. Трубачевъ въ своей статьѣ разсказываетъ объ этомъ фактѣ такъ, какъ, будто, было два Леонтьевыхъ-скупщика. Сперва онъ говоритъ, что «въ 1871 г. «Будильникъ» былъ переданъ В. Леонтьеву, который довелъ его до октября, а затѣмъ, бросивъ журналъ, уѣхалъ въ деревню». Нѣсколько ниже у г. Трубачева оказывается, что въ концѣ того же 1871 г. Степановъ «окончательно передалъ изданіе своего «Будильника» Курочкину и какому-то Леонтьеву, который и былъ утвержденъ редакторомъ «Будильника», слившагося съ «Искрой», и что этотъ «какой-то» Леонтьевъ, «редактировавшій «Искру» весь 1871 годъ, въ 1872 году выпустилъ ее, при новыхъ условіяхъ изданія, только за первые четыре мѣсяца, а въ маѣ неожиданно исчезъ».

Ясно, что, по мнѣнію г. Трубачева, В. Леонтьевъ и «какой-то» Леонтьевъ—два различныя лица, одно другого смѣнившія въ антрепризѣ названныхъ изданій и оба кончившія бѣгствомъ: В. Леонтьевъ «уѣхалъ въ деревню» въ октябрѣ 1871 г., а «какой-то» Леонтьевъ, «редактировавшій «Искру» весь 1871 годъ» и въ концѣ этого же года слившій ее съ «Будильникомъ», въ маѣ 1872 г. «неожиданно исчезъ».

Это не вѣрно. Во-первыхъ, до конца 1871 г. Степановы издавали «Будильникъ» сами и никому онъ не передавался. Только въ № 50-мъ за этотъ годъ было заявлено, что «съ 1-го января 1872 г. изданіе журнала прекращается на неопредѣленное время», а подписчиковъ «Будильника» обязалась удовлетворить редакція «Искры». Во-вторыхъ, Леонтьевъ былъ одинъ, мною здѣсь описанный. Онъ одинъ обдѣлалъ всю операцію съ обоими изданіями и такъ чисто, что послѣ его исчезновенія тутъ ужъ не за что̀ было бы зацѣпиться его двойнику, еслибы такой существовалъ.

Операція была вполнѣ плутовская и безстыжая. Заплативъ Курочкину и Степанову аренду за нѣсколько мѣсяцевъ, онъ собралъ подписку на «Искру» и «Будильникъ» за 1872 годъ, велъ изданіе до тѣхъ поръ, пока подписка не закончилась, и, ампошировавъ ее, улетучился невѣдомо куда безъ всякихъ слѣдовъ. Обманутыми оказались и подписчики, и издатели арендованныхъ журналовъ. Кто-то пустилъ было ни съ чѣмъ несообразный комментарій къ продѣлкѣ Леонтьева, будто бы онъ совершилъ ее не спроста, не ради лишь хищнической наживы, а съ тонкимъ политичнымъ разсчетомъ, по чьему-то макіавелистическому внушенію,—сразу, однимъ махомъ, убить два зловредныхъ изданія и, принеся въ жертву этому «подвигу» свое имя и честь, вознаградилъ себя, въ видѣ гонорара, собранной подпиской. Разумѣется, это была одна изъ тѣхъ сенсаціонныхъ фантастическихъ розсказней, которыя, обыкновенно, плодятся у насъ въ смутные моменты, какъ грибы послѣ дождика.

Тѣмъ не менѣе, еслибы Леонтьевъ, точно, имѣлъ въ предметѣ такую замысловатую, каверзную цѣль, то лучше не могъ бы ее достигнуть. «Искру» онъ убилъ наповалъ — она такъ навсегда и погибла. «Будильнику» грозила та же участь. Во всякомъ случаѣ, Степановы не могли и не хотѣли снова издавать его сами, на собственный рискъ. По счастью, нашелся, не знаю ужъ какимъ образомъ, новый антрепренеръ изъ Москвы—А. П. Суховъ, человѣкъ совсѣмъ нелитературный, но предпріимчивый. Онъ вышелъ не то изъ наборщиковъ, не то изъ литографовъ, самоучкой набилъ руку въ рисованіи, завелъ свою литографію и пустился въ издательство, безъ всякаго кипитала. Онъ взялъ «Будильникъ» на аренду съ платой издателю по 1,800 руб. въ годъ, съ тѣмъ, что изданіе будетъ переведено въ Москву уже потому, что офиціальнымъ редакторомъ «Будильника» оставался Н. А. Они туда, дѣйствительно, и переѣхали въ концѣ 1872 года. Я это знаю твердо, потому что лично присутствовалъ на ихъ проводахъ. Слѣдовательно, «Будильникъ» никоимъ родомъ не могъ издаваться въ Петербургѣ до 1874 года, какъ утверждаетъ г. Трубачевъ, какъ невѣрно и то, что первоначально въ Москвѣ онъ издавался «на собственныя средства» Степанова и подъ его непосредственной редакціей. Авторъ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что на журналѣ, дѣйствительно, Степановъ подписывался въ то время редакторомъ-издателемъ, но былъ имъ только номинально. Справедливо, что Суховъ оказался неисправнымъ арендаторомъ и сильно уронилъ журналъ, обративъ его въ совершенно лубочное изданіе. Онъ сдѣлался несостоятельнымъ и вскорѣ умеръ. Затѣмъ, Степановы нашли болѣе исправнаго и благонадежнаго арендатора, въ лицѣ г-жи Уткиной.

Еще одно дополненіе. Г. Трубачевъ, между прочимъ, говоритъ:

«кто былъ настоящимъ издателемъ и редакторомъ «Будильника» съ 1867 по 1871 годъ—г. Старчевскій не могъ узнать. Несомнѣнно только, что Н. А. ни карикатуръ своихъ въ немъ не помѣщалъ, ни участія, какъ редакторъ, не принималъ». Могу на это сказать, сколько мнѣ извѣстно, что «настоящимъ издателемъ» во весь означенный промежутокъ былъ несомнѣнно самъ Степановъ. Редакціей же литературной части въ «Будильникѣ» завѣдывалъ одно время молодой, даровитый поэтъ Дмитріевъ, рано умершій отъ чахотки, а потомъ — разныя лица изъ ближайшихъ сотрудниковъ. Подъ конецъ же, точнѣе сказать, редакціи совсѣмъ не было. Номеръ составлялся изъ статей нѣсколькихъ постоянныхъ сотрудниковъ безъ чьего бы то ни было руковожденія и контроля, если не считать предварительной цензуры. Что же касается карикатуръ, то правда, что подъ конецъ самъ Н. А. ихъ уже не рисовалъ, но карикатурная часть въ журналѣ все время редактировалась имъ непосредственно. Всѣ поступавшіе въ редакцію рисунки и темы (и по этой части были постоянные сотрудники, напримѣръ, Любовниковъ) Степановъ всегда самъ просматривалъ, дѣлалъ изъ нихъ выборъ для каждаго номера, исправлялъ и отдавалъ рисовать художнику Шурыгину, а тотъ уже передавалъ ихъ граверу Куренкову.

Вл. Михневичъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И ЦЕРКОВЬ[1]).

ДАВНО ПРОШЛО то время, когда политическая экономія была у насъ наукою модною, когда наше общество зачитывалось Дж. Ст. Миллемъ и публицисты охотнѣе всего занимались экономическими вопросами. Русское общество очень скоро охладѣло къ политической экономіи, какъ охладѣло оно и къ естественнымъ наукамъ, бывшимъ у насъ также въ большой модѣ. Простой ли это капризъ?— мы этого не думаемъ. Источникомъ охлажденія обыкновенно является разочарованіе. Если русское общество охладѣло почти одновременно и къ политической экономіи, и къ естественнымъ наукамъ, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что оно не нашло въ нихъ того, чего искало.

Искало же оно въ нихъ отвѣта на волновавшія его злобы; искало оно разрѣшенія вѣчно открытыхъ вопросовъ о человѣческомъ счастьи, о назначеніи человѣка, объ устраненіи человѣческаго горя, человѣческихъ бѣдствій. Можно было бы сказать много интереснаго по поводу разочарованія, постигшаго русское общество въ его увлеченіи естественными науками. Но это завело бы насъ слишкомъ далеко. Мы имѣемъ въ виду только политическую экономію. Наше общество предполагало, что эта наука укажетъ ему на средства облегченія участи людей обездоленныхъ, приниженныхъ, страдающихъ подъ гнетомъ тяжелыхъ экономическихъ условій. На повѣрку оказалось, что у политико-экономовъ нѣтъ готовыхъ рецеп-

[1]) Дж. Ингрэмъ. «Исторія политической экономіи». Пер. подъ редак. и съ предисл. проф. Янжула. М. 1891.—У. Бутсъ, «Въ трущобахъ Англіи». Пер. подъ редак. и съ предисл. Р. И. Сементковскаго. Спб. 1891.

товъ противъ соціальныхъ бѣдствій. Рента, вексельный курсъ, цѣнность, производство, потребленіе и т. д., — вотъ какіе сухіе вопросы, требующіе, къ тому же, большого запаса спеціальныхъ знаній, занимаютъ ихъ. На политическую экономію стали смотрѣть какъ на науку, регулирующую, быть можетъ, биржевыя и финансовыя операціи, но не заключающую въ себѣ простыхъ и точныхъ указаній, какъ рѣшить соціальный вопросъ.

Въ данномъ случаѣ было бы легкомысленно обвинять русское общество за его охлажденіе къ политической экономіи. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ чрезвычайно распространеннымъ. На западѣ политическая экономія также въ значительной степени утратила свою популярность. И тамъ насмѣшки и издѣвательства надъ «манчестерскою школою», надъ «экономистами, ничего не забывшими и ничему не научившимися», въ полномъ ходу. Тамъ не только демагоги, соціалисты, революціонные элементы, но и многіе государственные люди относятся къ политической экономіи либо скептически, либо даже пренебрежительно. Такой выдающійся государственный дѣятель, какъ князь Бисмаркъ, заявилъ какъ-то, что онъ сталъ трезво смотрѣть на экономическіе вопросы только съ тѣхъ поръ, какъ выбросилъ политическую экономію за бортъ: она-де только смущаетъ, путаетъ, но ничего не разъясняетъ и не разрѣшаетъ. Ну, а когда князь Бисмаркъ, въ особенности до своей отставки, что-нибудь говорилъ, то у него тотчасъ же находилось очень много подголосковъ. Другой вопросъ: насколько удачно князь Бисмаркъ управлялъ экономическою жизнію Германіи, освободившись отъ вреднаго вліянія политической экономіи? Но во всякомъ случаѣ онъ къ ней не благоволилъ и именно по тому же мотиву, который вызвалъ общее охлажденіе къ этой наукѣ. Со временъ Адама Смита принято смотрѣть на нее, какъ на науку, изслѣдующую «сущность и причины народнаго богатства». Но можно ли,— спрашиваютъ современные антагонисты экономической науки,— найти въ ней разрѣшеніе вопроса объ обезпеченіи участи бѣдствующихъ народныхъ массъ? Она вѣдь вся ушла въ метафизику, въ отвлеченныя разсужденія о цѣнности, производствѣ, рентѣ, финансовыхъ и биржевыхъ операціяхъ; а на самый животрепещущій вопросъ, касающійся народнаго богатства, — на вопросъ объ обезпеченіи матеріальнаго благосостоянія милліоновъ обездоленныхъ у нея отвѣта нѣтъ.

И вотъ политическая экономія, въ смыслѣ модной науки, была замѣнена соціологіею или, смотря по обстоятельствамъ, собственными геніальными концепціями. У насъ, напримѣръ, вошли въ моду соціальныя науки; князь же Бисмаркъ и его подражатели создали самостоятельныя экономическія теоріи.

Экономическая теорія князя Бисмарка, какъ все болѣе выясняется, не выдерживаетъ критики не только передъ судомъ по-

литической экономіи, но даже передъ судомъ тѣхъ практическихъ требованій жизни, которымъ онъ, по собственнымъ его словамъ, всецѣло себя посвятилъ. Что же касается до соціологіи, то никто не станетъ отрицать, что это — наука наименѣе разработанная и наименѣе опредѣлившаяся изъ всѣхъ наукъ, изслѣдующихъ народную жизнь. Пока ученые и публицисты спорятъ о томъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ этой наукой, каковы должны быть ея границы, что̀ подлежитъ ея изслѣдованію, — жизнь ставитъ свои неотложныя требованія, предлагаетъ свои настойчивые и столь животрепещущіе вопросы. Такимъ образомъ и эта, въ сущности еще не созданная, наука начинаетъ терять кредитъ у людей, требующихъ яснаго и короткаго отвѣта на вопросъ, какъ намъ помочь горю и бѣдствіямъ обездоленныхъ классовъ общества.

Этимъ вопросомъ измѣряется для общества значеніе всѣхъ наукъ, изслѣдующихъ народную жизнь. Всякое время, всякая историческая эпоха имѣютъ свою первенствующую задачу въ сферѣ установленія правильныхъ и плодотворныхъ отношеній между людьми. Если древній классическій міръ погибъ отчасти потому, что онъ не съумѣлъ справиться съ вопросомъ объ освобожденіи рабовъ, если сквозь смутную средневѣковую эпоху человѣчество наслѣдовало грозный вопросъ объ отмѣнѣ болѣе смягченнаго порабощенія—крѣпостного права, то мы теперь, на рубежѣ новаго столѣтія, трудимся надъ разрѣшеніемъ вопроса: какъ обезпечить матеріальное благосостояніе освобожденныхъ въ юридическомъ отношеніи рабочихъ массъ, какъ доставить имъ возможность вести жизнь достойную человѣка. Надъ рѣшеніемъ этого вопроса трудятся болѣе или менѣе всѣ народы. Онъ составляетъ вопросъ жизни и смерти для самихъ массъ; онъ озабочиваетъ людей, призванныхъ охранять порядокъ въ народной жизни; онъ волнуетъ и печалитъ всякаго мыслящаго и чувствующаго человѣка, способнаго жить не только для себя, но и для ближняго. Пока онъ не будетъ рѣшенъ, общество не найдетъ себѣ успокоенія и постоянно будетъ оцѣнивать значеніе разныхъ наукъ съ точки зрѣнія ихъ пригодности для рѣшенія этого вопроса надъ вопросами.

И вотъ мы видимъ, что умами овладѣваетъ сознаніе необходимости пустить въ ходъ всѣ силы и факторы, которые могутъ способствовать успѣшному и быстрому его рѣшенію. На помощь прежде всего призывается государство,—та сила, которая уничтожила крѣпостное право. Быть можетъ, наиболѣе просвѣщенные умы теперь уже далеки отъ мысли о всемогуществѣ государства, но оно попрежнему, понятно, признается великою силою въ вопросахъ народной жизни. Къ нему обращаются за помощью; оно само сильно заинтересовано въ устраненіи соціальныхъ несовершенствъ, составляющихъ грозное препятствіе на пути къ полному обезпеченію внутренняго мира народовъ. Значительная часть пред-

ставителей экономической науки присоединяются къ этому требованію общества. Такимъ образомъ сложился «государственный соціализмъ», возникла, преимущественно въ Германіи, новая экономическая школа такъ называемыхъ профессоровъ - соціалистовъ (Katheder-Sozialisten).

Но если одна часть общества аппелируетъ къ государству, то другая обращается къ церкви, къ той соціальной силѣ, которая въ теченіе вѣковъ слѣдовала завѣту своего великаго Учителя: «Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы». Представители христіанской церкви во всѣхъ странахъ болѣе или менѣе внимательно прислушиваются къ этому призыву общества. Соціальныя несовершенства представляютъ собою естественное и обширное поле дѣятельности для церкви. На ряду съ государственнымъ соціализмомъ возникъ отчасти въ Германіи и главнымъ образомъ въ Англіи такъ называемый «христіанскій соціализмъ», въ основѣ котораго лежитъ требованіе энергической дѣятельности представителей церкви, направленной къ облегченію участи обездоленныхъ современнаго общества.

Вотъ этой стороны вопроса мы и намѣрены здѣсь коснуться, пользуясь двумя недавно появившимися очень интересными книгами. Одна принадлежитъ профессору Дублинскаго университета, Джону Ингрэму; другая—главѣ такъ называемой арміи спасенія, пресловутому генералу Бутсу. Обѣ могутъ быть причислены къ произведеніямъ той экономической школы, которая носитъ названіе «христіанскаго соціализма», и поэтому вполнѣ естественно разсматривать ихъ одновременно. Разница между ними только та, что профессоръ Ингрэмъ формулируетъ свой взглядъ теоретически, г. же Бутсъ даетъ тому же взгляду практическое осуществленіе. Оба они прямо или косвенно отвергаютъ государственное вмѣшательство, и оба они возлагаютъ свои надежды главнымъ образомъ на религіозное воздѣйствіе. «Только тѣ изъ современныхъ партій,— говоритъ г. Ингрэмъ,— правильно оцѣниваютъ потребности настоящаго положенія, которыя стремятся къ возстановленію старой или установленію новой духовной власти» (стр. 321); а г. Бутсъ, замѣняя слово дѣломъ, старается въ своемъ лицѣ установить ту новую духовную власть, которой суждено покончить съ соціальнымъ вопросомъ.

Мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ чрезвычайно распространеннымъ, съ широкою волною, охватывающею весь цивилизованный міръ. Нельзя относиться къ теоріи дублинскаго профессора или къ практическому ея осуществленію, предпринятому главою арміи спасенія, какъ къ чему-то случайному, какъ къ проявленіямъ умовъ капризныхъ и фантастическихъ. Католическій міръ ожидаетъ теперь съ нетерпѣніемъ обнародованія энциклики папы Льва XIII, въ которой, какъ стало извѣстно, будетъ разсмотрѣнъ

соціальный вопросъ во всей его полнотѣ. Энциклика распадается на три части, и достаточно упомянуть о томъ, что первая посвящена исторіи соціальнаго вопроса, что вторая представляетъ собою нѣчто въ родѣ трактата по политической экономіи, и что третья отводитъ церкви въ этомъ вопросѣ чрезвычайно видную роль, чтобы понять, какое важное значеніе придаетъ глава католической церкви устраненію соціальныхъ бѣдствій. Папа Левъ XIII сравниваетъ соціальное движеніе съ «мощнымъ бурнымъ потокомъ», который можетъ ниспровергнуть все, если консервативные элементы общества, если государство и церковь не постараются ввести его въ опредѣленное русло. Протестантскій міръ также усиленно занятъ соціальнымъ вопросомъ. Въ Германіи, какъ мы видѣли, народился «христіанскій соціализмъ»; въ Англіи высшіе представители духовенства ведутъ дѣятельную кампанію въ пользу участія церкви въ дѣлѣ облегченія участи бѣдствующихъ классовъ населенія. И у насъ, въ Россіи, представители церкви относятся далеко не безучастно къ соціальному вопросу. Достаточно прочесть поученія недавно скончавшагося епископа херсонскаго и одесскаго Никанора, чтобъ въ этомъ убѣдиться. Эта тема вообще часто затрогивается въ проповѣдяхъ и поученіяхъ нашего духовенства. «Вы украшены, какъ кумиры, — проповѣдовалъ надняхъ отецъ Іоаннъ кронштадтскій,—а члены Христовы безъ одежды; вы пресыщены, а члены Христовы въ голодѣ; вы утопаете во всевозможныхъ удовольствіяхъ, а тѣ—въ слезахъ; вы — въ богатыхъ и украшенныхъ жилищахъ, а тѣ въ тѣснотѣ и нечистотѣ, въ жилищахъ, которыя часто ничѣмъ не лучше хлѣвовъ. Нѣтъ у насъ любви христіанской»... И не только проповѣдники нашей православной церкви высказываются въ этомъ смыслѣ; мы видимъ, что и представители свѣтской общественной мысли ищутъ въ христіанской любви или дѣятельности церкви одно изъ средствъ рѣшенія соціальнаго вопроса. Да, это фактъ, котораго отрицать нельзя. Достаточно вспомнить послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстого, самаго выдающагося изъ современныхъ писателей. Но не на немъ одномъ отражается это теченіе нашей общественной мысли. Мы видимъ, что и другой видный русскій писатель, Г. И. Успенскій все чаще касается въ своихъ произведеніяхъ именно этой нотки. Къ сожалѣнію, оба они, возмущенные оборотною стороною современной цивилизаціи, произносятъ надъ нею приговоръ и склонны искать идеаловъ въ отдаленномъ прошломъ, забывая, что тогда соціальныхъ несовершенствъ было гораздо больше, и что порабощеніе печальнымъ жизненнымъ условіямъ все-таки несравненно легче, чѣмъ порабощеніе человѣка человѣку. Но наша литература касается этого животрепещущаго вопроса еще и съ другой стороны. Мы всѣ съ живымъ интересомъ прочли прекрасный по основной мысли разсказъ г. Потапенко: «На дѣйствительной службѣ».

Что же изображаетъ намъ авторъ въ этомъ разсказѣ? Борьбу, которую ведетъ сельскій священникъ за меньшую братью,—и сильное впечатлѣніе, которое производитъ этотъ, по формѣ столь незатѣйливый, разсказъ объясняется именно тѣмъ, что мы во-очію убѣждаемся, какъ трудно нести этого рода «дѣйствительную службу».

Приведенные нами примѣры не позволяютъ сомнѣваться, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ широкимъ и сильнымъ общественнымъ теченіемъ. Поэтому необходимо серьезно вдуматься въ такія произведенія, какъ книги профессора Ингрэма и г. Бутса. Онѣ составляютъ внѣшніе симптомы очень распространеннаго и значительнаго явленія.

Какъ же приходитъ профессоръ Ингрэмъ къ своему теоретическому положенію, что экономическія бѣдствія успѣшнѣе всего могутъ быть устранены возстановленіемъ старой или установленіемъ новой духовной власти? Проф. Янжулъ, снабдившій трудъ своего англійскаго товарища предисловіемъ и цѣнными подстрочными примѣчаніями, называетъ автора позитивистомъ. Но съ этимъ трудно согласиться. Правда, г. Ингрэмъ возстаетъ противъ метафизическихъ пріемовъ въ дѣлѣ изученія экономическихъ вопросовъ. Онъ является послѣдователемъ Рошеровской исторической школы и приверженцемъ взгляда, что политическая экономія можетъ быть изучаема лишь въ тѣсной связи съ соціологіею, составною частью которой она и является. Надо ли однако доказывать, что историческая наука, въ лицѣ главныхъ своихъ представителей, далеко еще не отрѣшилась отъ «метафизическихъ» пріемовъ, если подъ этимъ терминомъ разумѣть извѣстную тенденцію въ обсужденіи историческихъ явленій, обусловливаемую апріорною точкою зрѣнія изслѣдователя. Стòитъ взять любое крупное историческое явленіе и присмотрѣться, какъ различно относятся къ нему свѣтила науки, и мы убѣдимся, къ какимъ различнымъ выводамъ приводитъ различіе въ основной апріорной точкѣ зрѣнія. Сопоставьте взгляды Тэна, Гервинуса, Ламартина, Минье, Карлейля на французскую революцію,—и вы увидите, что историки кореннымъ образомъ расходятся даже въ оцѣнкѣ такого событія, которое до извѣстной степени послужило исходною точкою всей новѣйшей исторіи. То, чтò я сказалъ объ исторіи, еще въ большей мѣрѣ примѣнимо къ соціологіи. Тутъ все еще только зарождается, ничего еще не опредѣлилось и не установилось. Да, и можетъ ли наука объ обществѣ,—при индуктивномъ, единственно научномъ методѣ,—достигнуть, не говоримъ, совершенства, а сколько-нибудь удовлетворительной разработки, когда многія изъ ея основныхъ частей, посвященныхъ изученію отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни, еще такъ мало разработаны? Во всякомъ случаѣ соціологія, даже въ лицѣ самыхъ видныхъ своихъ представителей»,

каковъ, напримѣръ, Спенсеръ, далеко не отрѣшилась отъ метафизическаго метода. Гипотезы, аналогіи, сравненія, недоказанные постуляты составляютъ въ ней все, а выводы, основанные на индукціи, на постепенномъ, но вѣрномъ обобщеніи положительныхъ фактовъ занимаютъ въ ней пока еще очень скромное мѣсто. Поэтому называть экономиста, который кладетъ въ основаніе своей науки совмѣстное изслѣдованіе экономическихъ, этическихъ, религіозныхъ и историческихъ явленій и законовъ, позитивнымъ мыслителемъ, по нашему мнѣнію, пока еще невозможно.

Въ виду этого мы не можемъ причислить и профессора Ингрэма къ позитивистамъ. Но нельзя отрицать, что онъ въ своемъ основномъ взглядѣ на значеніе политической экономіи принялъ во вниманіе отмѣченное нами теченіе европейской общественной мысли. Подобно многимъ другимъ экономистамъ, и онъ задался вопросомъ: заслуживаетъ ли политическая экономія названія науки, если она не содержитъ въ себѣ указаній, какъ рѣшить основной соціальный вопросъ,—вопросъ объ обезпеченіи матеріальнаго благосостоянія народныхъ массъ. И вотъ онъ принялся искать во всей экономической литературѣ отвѣта на этотъ вопросъ, группировать и оцѣнивать экономическихъ писателей съ этой точки зрѣнія. Такимъ образомъ сложилась его «Исторія политической экономіи». Въ виду этой его точки зрѣнія насъ нисколько не удивляетъ странный судъ, который онъ произноситъ надъ экономистами. Такъ, весьма второстепенный англійскій экономистъ первой половины текущаго столѣтія, Ричардъ Джонсъ, признается г. Ингрэмомъ замѣчательнымъ писателемъ, потому что онъ «совершенно вѣрно» выяснилъ, что въ «благоденствующемъ обществѣ возможность получать пищу не уменьшается, а увеличивается», — точно въ самомъ дѣлѣ можно назвать общество благоденствующимъ, если «возможность получать пищу уменьшается», т. е. если люди обречены на постепенную голодную смерть? Съ другой стороны, такой выдающійся ученый, какъ Карлъ Рау, имя котораго, въ виду его научныхъ заслугъ, нельзя произносить безъ глубокаго уваженія, и на трудахъ котораго воспитывался всякій образованный экономистъ, признается г. Ингрэмомъ «практикомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова» и писателемъ преимущественно пригоднымъ для «чиновниковъ». Такой произвольный судъ объясняется именно основною точкою зрѣнія автора: онъ измѣряетъ значеніе экономистовъ ихъ принадлежностью къ исторической или соціологической школѣ и преимущественно тѣмъ критеріемъ, насколько они въ своихъ произведеніяхъ затронули вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи обездоленныхъ классовъ общества. Если стать на эту точку зрѣнія, если имѣть въ виду этотъ основной вопросъ, если исходить изъ той мысли, что только непосредственное его рѣшеніе является достойнымъ предметомъ экономической науки, то мы дѣйствительно

можемъ произнести судъ надъ экономистами старой школы и утверждать, что люди, «настойчиво желающіе, чтобы политическая экономія удержала свой традиціонный характеръ, по всей вѣроятности, получили свое образованіе на областяхъ устарѣлаго (метафизическаго) мышленія» [1]). Далѣе мы съ этой точки зрѣнія поймемъ, почему г. Ингрэмъ включаетъ въ экономическую науку и такой вопросъ, какъ дѣятельность церкви, направленную къ облегченію участи обездоленныхъ классовъ общества, почему онъ произноситъ приговоръ надъ ученіемъ о «правахъ», составляющемъ основаніе для «системы свободы», и требуетъ, чтобъ ему на смѣну явилось «ученіе о долгѣ», почему онъ, наконецъ, отвергаетъ «индивидуальную» точку зрѣнія и требуетъ ея подчиненія точкѣ зрѣнія «общественной».

Такое же смѣшеніе религіозныхъ, этическикъ и экономическихъ началъ представляетъ и планъ соціальной реформы, изложенный въ книгѣ главы арміи спасенія г. Бутса. Авторъ «Въ Трущобахъ Англіи» исходитъ также изъ убѣжденія, что успѣшно придти на помощь обездоленнымъ классамъ общества нельзя одними экономическими мѣропріятіями, что надо кромѣ того пустить въ ходъ нравственное и религіозное воздѣйствіе. Впрочемъ, г. Бутсъ значительно облегчаетъ себѣ задачу: онъ даже не пытается измѣнить экономическія и соціальныя условія. Цѣль его заключается въ томъ, чтобы безотлагательно придти на помощь обездоленнымъ, а коренное измѣненіе соціальныхъ и экономическихъ условій потребуетъ цѣлыхъ десятилѣтій, а можетъ быть и столѣтія. Поэтому онъ такъ сказать извлекаетъ обездоленныхъ изъ обращенія, создаетъ пригородныя, сельскія и заморскія колоніи, въ которыя селитъ обездоленныхъ для новой, лучшей жизни. Они будутъ возвращаться въ общество только послѣ нравственнаго своего перерожденія. Колоніи такимъ образомъ представляютъ и то преимущество, что онѣ удаляютъ обездоленныхъ отъ соблазна, представляемаго жизнію въ населенныхъ центрахъ, и слѣдовательно создаютъ болѣе благопріятныя условія для упомянутаго процесса перерожденія. Въ этомъ и заключается основная идея плана г. Бутса. Онъ исходитъ изъ той совершенно вѣрной мысли, что печальная участь, постигающая бѣдствующіе классы населенія, вызывается не только неблагопріятными внѣшними условіями, но и недостаткомъ нравственныхъ качествъ, испорченностью, слабохарактерно-

---

[1]) Мы привели эту мысль автора въ переводѣ, сдѣланномъ подъ редакціею профессора Янжула магистрантомъ Московскаго университета, чтобъ указать на значительныя погрѣшности перевода. Очень жаль, что ученыя произведенія предлагаются публикѣ въ такой несовершенной формѣ. «Получить образованіе на областяхъ мышленія», «растущія вліянія», «совокупное должно преобладать надъ индивидуальнымъ» и т. п. выраженія сильно затрудняютъ чтеніе русскаго перевода книги г. Ингрэма.

стью, неподготовленностью къ житейской борьбѣ самихъ обездоленныхъ. Г. Бутсъ мастерскими штрихами рисуетъ намъ картину англійской трущобной жизни. Онъ лично сорокъ лѣтъ вращался въ этомъ темномъ царствѣ, трудился въ немъ надъ «спасеніемъ душъ». Онъ близко знакомъ съ этими отверженными общества: пьяницами, ворами, мошенниками, проститутками, лѣнтяями и просто несчастными. И вотъ такой человѣкъ, всю свою жизнь посвятившій «дѣйствительной службѣ» на пользу обездоленныхъ, пришелъ къ непреложному убѣжденію, что измѣнить экономическія и соціальныя условія современнаго общества значитъ исполнить только половину задачи, что другая, болѣе существенная и трудная, состоитъ въ томъ, чтобъ измѣнить самого человѣка. Какими же средствами мы располагаемъ для этого? Г. Бутсъ предлагаетъ намъ обдуманный во всѣхъ частностяхъ планъ для достиженія этой цѣли? Въ этомъ планѣ поражаетъ прежде всего то обстоятельство, что авторъ отвергаетъ содѣйствіе государства и общества (отъ общества онъ требуетъ только предоставленія ему 100,000 фун. ст., т. е. по курсу 850,000 рублей, единовременно и 30,000 фун. ст., т. е. 225,000 рублей, ежегодно) и разсчитываетъ для осуществленія своего грандіознаго плана, т. е. спасенія отъ нищеты, отчаянія и порока трехъ милліоновъ обоздоленныхъ, на свои собственныя силы, на личный свой починъ и на самоотверженное и безмездное содѣйствіе своихъ помощниковъ, членовъ арміи спасенія, которыхъ насчитывается въ Англіи 4,506 человѣкъ (вообще же въ Англіи и другихъ странахъ 9,416 человѣкъ). Вотъ при помощи этой арміи людей, глубоко преданныхъ дѣлу спасенія обездоленныхъ, при помощи этихъ десяти тысячъ человѣкъ, онъ разсчитываетъ совершить побѣдоносный походъ изъ мрака англійскихъ трущобъ къ свѣту нормальной, достойной человѣка жизни. Что же воодушевляетъ эту 10,000-ную армію? Любовь къ Богу, любовь къ ближнему. Она чужда всякихъ житейскихъ разсчетовъ; она самоотверженно готова положить душу за спасеніе обездоленнаго въ земной и загробной жизни. Чтеніе книги г. Бутса, тѣхъ страницъ, которыя посвящены подвигамъ этой арміи, — подвигамъ незамѣтнымъ, скрытымъ отъ міра, но тѣмъ болѣе великимъ, — возвышаетъ душу, возвращаетъ намъ довѣріе къ человѣку. Врядъ ли славному десятитысячному отряду, совершившему подъ предводительствомъ Ксенофонта отступленіе черезъ Малую Азію, пришлось перенести столько лишеній и, главное, проявить такую выдержку, какую проявляетъ армія, предводительствуемая г. Бутсомъ. И эта армія организована и выставлена въ поле однимъ человѣкомъ, не располагавшимъ никакими средствами, сильнымъ только своею вѣрою, своею любовью къ ближнему.

Кромѣ того, въ планѣ г. Бутса насъ поражаетъ его практичность, его умѣнье пользоваться всѣми успѣхами цивилизаціи для

достиженія своей благой цѣли. Онъ не приглашаетъ насъ, подобно нѣкоторымъ нашимъ писателямъ, вернуться назадъ, къ временамъ отдаленнымъ. Онъ не ищетъ тамъ идеаловъ для спасенія обездоленныхъ. Нѣтъ, онъ смѣло становится въ самый водоворотъ современной жизни, пользуется всѣмъ, что̀ она можетъ дать (просвѣщеніемъ, техническими усовершенствованіями, умѣлою утилизаціею отбросовъ, удобными путями сообщенія, широкою кредитною системою и т. д.), а изъ мрака сѣдой старины съ благоговѣніемъ выноситъ и передаетъ намъ только одно сокровище, одно великое чувство,—любовь къ ближнему,—и этимъ чувствомъ воодушевляетъ своихъ помощниковъ и надѣется возродить къ новой, лучшей жизни милліонъ обездоленныхъ.

Книга г. Бутса разошлась (по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною непосредственно отъ него) въ 139,090 экземплярахъ, и англійское общество, ни минуты не колеблясь, внесло г. Бутсу 113,028 фунтовъ стерлинговъ. Совершенно независимо отъ достоинствъ или недостатковъ его плана, мы можемъ сказать, что г. Бутсъ достигъ прекраснаго результата. Онъ заставилъ многіе десятки тысячъ людей лишній разъ призадуматься надъ оборотною стороною современной цивилизаціи. «Онъ, — какъ я говорю въ предисловіи къ русскому переводу его книги,—укрѣпляетъ насъ въ тѣхъ чувствахъ и мысляхъ, которыя, слава Богу, у насъ довольно широко распространены. Знакомясь, напримѣръ, съ главою, посвященною такъ называемымъ трущобнымъ сестрамъ, русскій читатель не безъ благодарности вспомнитъ, что и у насъ съ такимъ же самоотверженіемъ трудятся въ доступныхъ имъ сферахъ дѣятельности не мало женщинъ на пользу ближняго. Онъ увидитъ, что и на Западѣ теперь все болѣе распространяется сознаніе необходимости жить ближе къ природѣ; но съ другой стороны онъ пойметъ, что жить ближе къ природѣ не значитъ возвращаться къ отдаленнымъ временамъ, когда цивилизація была менѣе распространена, но обездоленныхъ было гораздо больше, чѣмъ теперь, къ ужасамъ полнаго порабощенія людей не внѣшнимъ условіямъ, а другимъ людямъ, до безчеловѣчія злоупотреблявшимъ своею властью. Онъ пойметъ,—какъ это столь ясно сознаетъ авторъ,—что средства къ спасенію гибнущихъ массъ заключаются въ самой цивилизаціи, и что если у нея и есть своя оборотная сторона, то у нея же есть и все необходимое для исцѣленія соціальныхъ недуговъ: наука, огромный запасъ опыта, чувство гуманности, которое не даетъ заснуть совѣсти въ виду окружающихъ насъ страданій. Онъ наконецъ пойметъ, какъ важенъ личный, энергическій и упорный починъ каждаго отдѣльнаго индивида въ дѣлѣ достиженія общихъ желательныхъ цѣлей».

Намъ однако могутъ возразить, что мы восторгаемся въ книгѣ г. Бутса тѣмъ, что порицаемъ въ книгѣ профессора Ингрэма. Если

любовь къ ближнему или — выражаясь научно — если альтруистическій принципъ признается нами такимъ могучимъ факторомъ въ дѣлѣ устраненія соціальныхъ несовершенствъ, то почему же мы какъ бы слегка иронизируемъ надъ профессоромъ Ингрэмомъ, положившимъ его также въ основаніе своего труда? Да, насъ прельщаетъ въ г. Бутсѣ то, чего мы не одобряемъ въ профессорѣ Ингрэмѣ, и намъ кажется, что мы тутъ не грѣшимъ противъ логики. Г. Бутсъ — практическій дѣятель, профессоръ Ингрэмъ — ученый; г. Бутсъ поставилъ себѣ цѣлью придти на помощь обездоленнымъ, задача профессора Ингрэма — установить правильный взглядъ на науку; г. Бутсъ не можетъ разъединять то, что̀ въ жизни соединено, иначе онъ потерпѣлъ бы въ своемъ дѣлѣ неудачу, профессоръ Ингрэмъ обязанъ разграничивать понятія и явленія; г. Бутсъ не можетъ не пользоваться для успѣха своего предпріятія всѣми силами, всѣми факторами, профессоръ Ингрэмъ обязанъ объяснить намъ значеніе этихъ силъ, каждой въ отдѣльности; г. Бутсъ можетъ руководствоваться въ своей дѣятельности лишь синтезомъ, прямая обязанность профессора Ингрэма заключается въ анализѣ.

Мы вотъ отмѣтили большія достоинства въ книгѣ г. Бутса. Онъ собирается спасти три милліона обездоленныхъ, но если онъ спасетъ только сотую, тысячную часть, то и тогда заслуга его будетъ велика и даже если онъ никого не спасетъ, но своею книгою вызоветъ въ другихъ желаніе придти на помощь обездоленнымъ, то и въ такомъ случаѣ мы признаемъ, что онъ написалъ прекрасную книгу. Предъ судомъ вдумчивой критики въ его планѣ окажется не мало недочетовъ и погрѣшностей. Даже въ самомъ основаніи воздвигаемаго имъ грандіознаго зданія есть трещины. Мы указывали, что сущность плана г. Бутса заключается въ нравственномъ перерожденіи обездоленныхъ. Съ этою цѣлью онъ и намѣренъ создать свои колоніи. Но въ его книгѣ приведены между прочимъ правила, которыя предполагается установить для колонистовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Потребленіе крѣпкихъ напитковъ и ввозъ ихъ въ колонію строго воспрещается. Всякій колонистъ, виновный въ нарушеніи этого правила, тотчасъ же удаляется изъ общины... За обманъ и безчестность виновный подвергается удаленію, если онъ будетъ уличенъ въ подобномъ проступкѣ три раза... Виновный въ проступкѣ противъ общественной нравственности подлежитъ немедленному удаленію... Если послѣ опредѣленнаго періода испытанія членъ колоніи, не смотря на проявленное по отношенію къ нему снисхожденіе, откажется исправно работать, то онъ также подвергается удаленію» (стр. 165). Это — поистинѣ драконовое законодательство, и конечно не особенно мудрено добиться нравственнаго перерожденія людей, которые не нарушатъ этихъ правилъ, — а остальные вѣдь будутъ удалены изъ колоніи. Но если въ планѣ г. Бутса есть погрѣшности, если можно сомнѣваться, что

при помощи предложенныхъ имъ средствъ, ему удастся достигнуть задуманной имъ широкой цѣли, то тѣмъ не менѣе, какъ мы говорили, книга его принесетъ громадную пользу. Можно ли сказать то же о книгѣ профессора Ингрэма? Онъ взялся написать исторію политической экономіи, и что̀ же онъ дѣлаетъ? Онъ классифицируетъ всѣхъ экономическихъ писателей сообразно съ своимъ субъективнымъ взглядомъ на экономическую науку. Если взглядъ этотъ невѣренъ, то и его оцѣнка экономическихъ писателей окажется столь же невѣрною. Основной же его взглядъ заключается въ томъ, что, такъ какъ при помощи однихъ экономическихъ мѣропріятій спасти милліоны обездоленныхъ невозможно, то экономическая наука избрала ложный путь, положивъ въ основу своихъ изслѣдованій принципъ эгоизма. Поэтому пора замѣнить эгоистическое начало альтруистическимъ, пора понять, что помимо дѣятельнаго содѣйствія церкви и примѣненія ея вѣковѣчныхъ истинъ нѣтъ возможности успѣшно придти на помощь обездоленнымъ классамъ общества.

Что же отсюда слѣдуетъ? Выходитъ, что, по мнѣнію профессора Ингрэма, экономическая наука отнынѣ должна заняться этикою и богословіемъ. Но если вѣрно, что успѣхъ научнаго изслѣдованія зависитъ отъ точнаго разграниченія понятій, если энциклопедическое знаніе стало теперь невозможнымъ, а Декарты, Лейбницы и Гумбольдты немыслимы, если успѣхъ науки вслѣдствіе усвоеннаго ею индуктивнаго метода обезпечивается спеціализаціею разныхъ отраслей знанія, то можно ли желать, чтобъ произошло новое смѣшеніе такихъ разнородныхъ наукъ, какъ политическая экономія, этика, богословіе? «Медикъ—говоритъ г. Ингрэмъ,—который вздумалъ бы изучить лишь одинъ какой-нибудь органъ тѣла съ его функціями, получилъ бы выводы неудовлетворительные даже для терапевтики изучаемаго органа. Врачъ, который трактуетъ всякую болѣзнь, какъ чисто мѣстную, игнорируя общее состояніе паціента,—шарлатанъ; и точно такъ же тотъ, кто игнорируетъ взаимное дѣйствіе физической и духовной стороны человѣка,—не врачъ, а коновалъ». Примѣнительно къ экономистамъ это означаетъ, что тѣ изъ нихъ, которые не признаютъ надобности включать въ свои изслѣдованія этическіе и богословскіе вопросы—шарлатаны и коновалы. Спрашивается однако, дѣйствительно ли экономисты призваны разыгрывать роль практическихъ врачей, т. е. исцѣлять общественныя болѣзни? Мы этого не думаемъ. Они столь же мало призваны лечить соціальный организмъ, какъ анатомъ, физіологъ или даже патологъ призванъ лечить человѣческій организмъ. Глубокій ученый въ области медицины можетъ быть весьма плохимъ практическимъ врачемъ, хотя съ другой стороны мы и отказываемся вѣрить, чтобъ хорошимъ практическимъ врачемъ могъ быть тотъ, кто не ознакомился добросовѣстно съ послѣдними выводами

анатоміи, физіологіи, патологіи. Лечить общественный организмъ призваны не ученые (у которыхъ задача иная), а практическіе дѣятели; но успѣхъ этихъ послѣднихъ, несомнѣнно, зависитъ отъ дѣятельности ученыхъ въ области государствовѣдѣнія, политической экономіи, соціологіи и церковнаго права. Практическій дѣятель долженъ объединять выводы, къ которымъ приходятъ ученые, каждый въ своей области, и умѣло примѣнять эти выводы къ жизни, — въ этомъ его искусство. Дѣло же ученаго — изслѣдовать жизнь, устанавливать факты и дѣлать правильныя обобщенія въ сферѣ данной спеціальности.

Отецъ политической экономіи, геній котораго внушаетъ намъ до сихъ поръ удивленіе,—Адамъ Смитъ, былъ не только выдающимся экономистомъ; онъ не менѣе глубоко вдумался въ философскіе, этическіе и богословскіе вопросы, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ каѳедра, которую онъ занималъ и его замѣчательный трудъ «О теоріи нравственныхъ чувствъ». Но приступая къ своему знаменитому экономическому изслѣдованію, онъ прежде всего провелъ твердую грань между экономическими и нравственными явленіями и, высоко цѣня альтруистическій принципъ, положилъ въ основу воздвигнутаго имъ величественнаго зданія экономической теоріи принципъ эгоистическій. И конечно Адамъ Смитъ зналъ, что онъ дѣлаетъ. Со времени появленія его «Изслѣдованія о сущности и причинахъ богатства народовъ» прошло болѣе вѣка. Но можно ли сказать, что мы теперь приблизились въ сферѣ экономическихъ отношеній къ замѣнѣ эгоизма альтруизмомъ? Нѣтъ, эгоизмъ попрежнему безраздѣльно царствуетъ въ области экономическихъ явленій и будетъ царствовать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не измѣнится, пока христіанскія чувства будутъ не исключеніемъ, а правиломъ, пока человѣкъ не будетъ такъ же охотно трудиться и приносить жертвы для другихъ, какъ и для себя. Но пока объ этомъ рѣчи и быть не можетъ; пока крайняя заботливость о собственныхъ интересахъ даже съ явнымъ нарушеніемъ интересовъ ближняго—явленіе нормальное, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественнымъ основаніемъ экономической науки попрежнему служитъ эгоизмъ. Благое пожеланіе о господствѣ альтруизма не можетъ служить руководящимъ началомъ при обсужденіи реальныхъ фактовъ жизни, тѣмъ болѣе, что даже самая совершенная этическая система, — христіанское ученіе, — нисколько не отвергаетъ эгоизма. «Люби ближняго какъ с а м о г о с е б я»,—сказано въ св. писаніи, и въ этихъ словахъ заключается ясное указаніе на непреложный законъ человѣческой природы.

Значитъ ли это однако, что политическая экономія безучастно обходитъ вопросъ о томъ, какъ придти на помощь обездоленнымъ классамъ общества? Возвращаясь къ прежней аналогіи, мы можемъ спросить: относится ли анатомъ или физіологъ безучастно къ

вопросу о леченіи страждущихъ физическими болѣзнями? Объ этомъ какъ-то однажды зашла рѣчь въ присутствіи недавно умершаго анатома, стяжавшаго себѣ благодарность нашей родины, Венцеслава Грубера, и вотъ что онъ сказалъ въ глубокой задумчивости: «Mors et vita. Im Reich der Todten shaff' ich neues beszres Leben den Lebenden». (Въ царствѣ мертвыхъ я создаю новую, лучшую жизнь для живущихъ). И дѣйствительно, могло ли хватить у Грубера терпѣнія и выдержки всю жизнь дышать зараженнымъ воздухомъ и возиться съ трупами, еслибъ онъ не былъ убѣжденъ, что его трудъ не пропадетъ даромъ и принесетъ пользу страждущему человѣчеству? Да, когда Груберъ посвящалъ всѣ свои силы и способности изученію какого-нибудь мускула, его вдохновляла любовь къ ближнему, желаніе облегчить его страданія. Онъ зналъ, что помимо этой тяжелой, сухой работы цѣль не можетъ быть достигнута. Онъ предоставлялъ другимъ лечить, а самъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ, чтобъ облегчить имъ эту задачу. То же можно сказать о людяхъ, самоотверженно трудящихся надъ разработкою экономическихъ вопросовъ. Если политическая экономія перестала быть у насъ модною наукою, если у нея народилось столько антагонистовъ, утверждающихъ, будто бы она превратилась въ «буржуазную» науку, въ какое-то руководство для биржевыхъ дѣятелей и купцовъ, то это объясняется тѣмъ, что ей предлагаютъ запросы, на которые она отвѣчать не въ состояніи. Она не можетъ прописывать рецепты для исцѣленія всякаго рода соціальныхъ и экономическихъ недуговъ. Эти недуги вызываются массою разнороднѣйшихъ причинъ: политическихъ, соціальныхъ, нравственныхъ, культурныхъ, подлежащихъ изслѣдованію столь же разнородныхъ наукъ. Ни Уатъ, ни Стефенсонъ не были экономистами, а между тѣмъ они внесли грандіозный переворотъ въ экономическую жизнь всѣхъ народовъ, и безъ сомнѣнія нынѣшнее сравнительное благосостояніе человѣчества не было бы мыслимо безъ ихъ великихъ открытій. Но значитъ ли это, что механика и инженерное искусство должны быть включены въ экономическую науку? Никто не станетъ отрицать, что поэты и философы сдѣлали очень много для облегченія участи народныхъ массъ. Но тѣмъ не менѣе никто не рѣшится признать ихъ творенія нераздѣльною частью экономической науки. Обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія людей зависитъ отъ теоретической и практической работы во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія и человѣческой дѣятельности. Но отсюда нельзя дѣлать вывода, будто всѣ онѣ должны быть включены въ экономическую науку, и было бы безразсудно упрекать послѣднюю за то, что она не въ состояніи обезпечить общее процвѣтаніе. Она заслуживала бы упрека только въ томъ случаѣ, еслибъ она не давала болѣе или менѣе твердыхъ точекъ опоры для рѣшенія вопросовъ, входящихъ въ сферу ея компетенціи. Только

люди, очень мало знакомые съ экономическою наукою, могутъ утверждать, что она въ этомъ отношеніи несостоятельна. Она, на ряду съ другими науками, сдѣлала очень много для болѣе вѣрной и правильной оцѣнки явленій, касающихся матеріальнаго благосостоянія. Да, она является руководствомъ для рынка; но развѣ рынокъ представляетъ собою такой ничтожный факторъ въ дѣлѣ обезпеченія богатства народовъ? Намъ говорятъ: какое значеніе имѣетъ, напримѣръ, классификація разныхъ видовъ бумажныхъ цѣнностей, сосредоточивающихся-де въ рукахъ буржуазіи и капиталистовъ, для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія массъ? Сколько непониманія заключается въ этомъ упрекѣ! Возьмемъ, напримѣръ, установленное экономическою наукою различіе между спекулятивными и солидными бумажными цѣнностями. Экономическая наука осуждаетъ такъ называемые выигрышные займы. Она выяснила, какой вредъ они приносятъ народному хозяйству, и, конечно, если руководствоваться экономическою теоріею, то никто не рѣшился бы прибѣгнуть къ такой опасной формѣ займовъ. Экономическая теорія указываетъ, что цѣна подобнаго рода бумагъ фиктивная, что при стѣсненіи денежнаго рынка прежде всего должны пострадать именно эти бумаги, что поэтому колебаніе ихъ цѣны бываетъ очень значительное, что бумага, стоившая еще вчера 200 и болѣе рублей, можетъ сегодня упасть до 160 и ниже, что, если номинальная цѣна этой бумаги сравнительна низка, то она покупается людьми незажиточными (мелкими чиновниками, прислугою и т. п.), помѣщающими въ нее всѣ свои сбереженія и терпящими страшные для нихъ убытки именно въ тотъ моментъ, когда они наиболѣе нуждаются въ деньгахъ, т. е. когда страна переживаетъ кризисъ. Кажется, экономическая наука исполняетъ свой долгъ и оказываетъ большую пользу необезпеченной народной массѣ, возвышая голосъ въ этомъ вопросѣ. Намъ говорятъ, что вѣчныя пререканія между фритредерами и протекціонистами всѣмъ уже наскучили, что споръ этотъ безплоденъ, и что жизнь устроивается въ данномъ вопросѣ помимо науки. А между тѣмъ, благодаря легкомысленному отношенію къ выводамъ науки, въ лицѣ самыхъ выдающихся ея представителей, наносится большой вредъ именно необезпеченнымъ классамъ общества. На западѣ правительства, то и дѣло повышая таможенныя пошлины на необходимѣйшіе жизненные продукты, вызываютъ сильное вздорожаніе хлѣба, т. е. подрываютъ благосостояніе рабочихъ массъ. Что значатъ всѣ мѣропріятія, направленныя къ обезпеченію послѣднихъ, если у нихъ отнимается возможность имѣть дешевый хлѣбъ? Если политическая экономія посвящаетъ себя добросовѣстному всестороннему анализу кооперативнаго начала, взаимнаго отношенія капитала и труда, то вѣдь помимо этого вопроса никакая серьезная соціальная реформа въ сферѣ промышленной не можетъ быть произведена. Безсмысленно упре-

кать экономическую науку въ томъ, что она занимается преимущественно сухими фактами и цифрами, потому что помимо фактовъ и цифръ въ настоящее время истиннаго научнаго изслѣдованія да и прогреса быть не можетъ. Не будемъ требовать отъ политической экономіи того, чего она дать не можетъ; не будемъ требовать у нея послѣдняго слова въ рѣшеніи соціальнаго вопроса. Напротивъ, чѣмъ болѣе политическая экономія ограничитъ предметъ своего изслѣдованія,—никогда, конечно, не упуская изъ виду своей неразрывной связи съ другими науками, изучающими народную жизнь,—тѣмъ вѣрнѣе она исполнитъ истинное свое назначеніе—служить не призрачнымъ, а реальнымъ интересамъ обездоленныхъ. Цифры и факты—на видъ, можетъ быть, сухіе и скучные, но содержательные и составляющіе плодъ упорнаго и самоотверженнаго труда,—больше говорятъ уму и лучше обезпечиваютъ прогресъ, чѣмъ широковѣщательныя и трескучія фразы. Mors et vita! И въ царствѣ сухихъ цифръ и фактовъ часто зарождается новая, лучшая жизнь.

Р. Сементковскій.

ИСТОРИЧЕСКІЕ СИЛУЭТЫ[1]).

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій...

IV.

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій началъ службу при императрицѣ Екатеринѣ II въ 1791 году и, по вступленіи на престолъ императора Павла Петровича, былъ назначенъ адъютантомъ къ цесаревичу. По кончинѣ Павла, онъ былъ сдѣланъ личнымъ адъютантомъ молодого государя и произведенъ въ генералъ-маіоры, какъ я говорилъ уже, на 25-мъ году. Князь Волконскій, въ званіи приближеннаго адъютанта, сопровождалъ императора Александра во всѣхъ походахъ и поѣздахъ его по Россіи и за границей.

Во французскихъ источникахъ, вѣроятно вслѣдствіе неправильныхъ свѣдѣній о личности и личныхъ опасностяхъ, которымъ подвергался императоръ Александръ въ Аустерлицкомъ сраженіи, находящихся въ запискахъ Наполеона, писанныхъ на островѣ св. Елены, мы находимъ указанія, что будто бы въ этомъ же несчастномъ для насъ дѣлѣ Волконскій спасъ жизнь своему государю. На самомъ же дѣлѣ Волконскій отличился тѣмъ, что три раза устроивалъ разстроенные аттаками французовъ и артилерійскимъ огнемъ ряды Фанагорійскаго полка въ бригадѣ Каменскаго, и три раза водилъ этотъ полкъ, со знаменемъ въ рукахъ, въ атаку

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIV, стр. 389.

на непріятеля. За эти-то подвиги онъ и получилъ Георгія третьяго класса. Личные же услуги, по отысканію Кутузова, а затѣмъ и пострадавшихъ императорскихъ экипажей, оказалъ императору въ этотъ день не Волконскій, а Чернышевъ. Волконскому же приходилось быть въ огнѣ еще подъ Лейпцигомъ и въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ кампаніи 1814 года. Послѣ войны съ Наполеономъ, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ изучалъ во Франціи организацію генеральнаго штаба и по возвращеніи, получивъ мѣсто начальника главнаго штаба, основалъ школу колоновожатыхъ, изъ которой, конечно, вопреки всякихъ ожиданій основателя, вышло наибольшее число военныхъ декабристовъ. Волконскій, насколько можно судить по имѣющимся письмамъ, былъ человѣкъ увлекавшійся внѣшнимъ и техническимъ прогресомъ, и часто хлопоталъ объ устройствѣ разныхъ усовершенствованныхъ кухонь, печей, газоваго освѣщенія въ зданіяхъ, школахъ и казармахъ, подчиненныхъ его вѣдѣнію. То же самое онъ продолжалъ дѣлать и впослѣдствіи, какъ министръ императорскаго двора. Вообще же, надо замѣтить, что князь Волконскій былъ въ числѣ рѣдкихъ въ то время людей, которые отлично понимали и умѣли цѣнить хорошое образованіе.

«У графа Витта кантонисты познаніями своими меня удивили,— пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ Закревскому.—Право, многихъ дворянъ за поясъ бы заткнули въ различныхъ частяхъ».

Въ томъ же письмѣ, нѣсколько далѣе, онъ пишетъ уже слѣдующее:

«Бывъ въ Вознесенскѣ, имѣлъ случай видѣть дѣтей своихъ, кототорые пріѣхали ко мнѣ изъ Одессы съ женой и, къ крайнему сожалѣнію, видѣлъ, что они потеряли весьма много времени въ лицеѣ въ наукахъ, и гораздо менѣе знаютъ, нежели кантонисты гр. Витта, кои изъ мужиковъ; не могу вамъ изъяснить сколь сіе меня огорчило!»

Въ письмѣ изъ Лайбаха, отъ 31-го декабря 1820 года, онъ пишетъ Закревскому объ устройствѣ газоваго освѣщенія въ зданіи главнаго штаба, вспоминая въ то же время о томъ, что въ Вѣнѣ князь Меншиковъ видѣлъ освѣщеніе масломъ, устроенное въ политехнической школѣ.

«На обратномъ пути я самъ побываю тамъ и постараюсь достать планы, — прибавляетъ Волконскій, — хорошее надобно вездѣ перенимать».

Позднѣе, когда князь Волконскій былъ въ немилости и пребывалъ на отдыхѣ въ деревнѣ, онъ оттуда писалъ Закревскому:

«Сдѣлайте одолженіе, любезный другъ, пришлите мнѣ по возможности къ первымъ числамъ августа на сѣмена четверть хорошей вазовской ржи и также овса, называемаго многоплоднымъ. Еще совѣтывалъ бы вамъ одного изъ вашихъ собственныхъ людей, который потолковѣе, приказать выучить какъ въ Финляндіи

дѣлаютъ дороги. Мнѣ въ Петербургѣ подполковникъ Лихардовъ далъ описаніе, какъ ихъ тамъ дѣлаютъ, но совсѣмъ тѣмъ гораздо бы лучше было, ежели бы былъ здѣсь въ краю такой человѣкъ, который бы самъ въ Финляндіи симъ занимался, а для здѣшнихъ мѣстъ сіе весьма нужно. Здѣсь мнѣ говорили, что затруднительно имѣть хряща, но я его отыскалъ очень много, и у многихъ подъ глазами теперь выкапываю и вожу на дорогу».

Письма самого Волконскаго, по крайней мѣрѣ тѣ, которые мы находимъ въ «Сборникѣ», писаны прекраснымъ языкомъ, и весьма часто изобилуютъ вставками юмористическими, относящимися большею частію къ кому-то, извѣстному въ дружескомъ кружкѣ подъ именемъ «Кривляки». Надъ скупостью этого «Кривляки» не рѣдко зло и очень остроумно издѣвается Волконскій, хотя самъ онъ, какъ извѣстно, расточительностью не отличался. Въ числѣ такихъ очень многочисленныхъ шутливыхъ или ироническихъ вставокъ находится, между прочимъ, и такая:

«Почему бригадиръ Волковъ на своемъ рапортѣ вмѣсто секретно пишетъ инкогнито? Я еще сего не видывалъ, это видно по-бригадирски въ перепискахъ между ними живущими за Москвою рѣкой и за Сухаревой башнею на Самотекѣ».

По адресу графа Аракчеева Волконскій пишетъ слѣдующій, очевидно выдуманный имъ же, анекдотъ Закревскому:

«У графа Аракчеева также былъ балъ-маскарадъ. Депрерадовичъ и Петровъ, говорятъ, отличались въ мазуркѣ, а камергеръ Кокошкинъ, одѣтый бурмистромъ изъ деревень около Грузина лежащихъ, сказываютъ бросился въ ноги графа и благодарилъ за милостивое съ крестьянами обхожденіе, представляя въ рубищѣ одѣтыхъ всю фамилію Клейнмихелей, говоря сколько онъ имъ сдѣлалъ добра. Не знаю правда ли, а всѣ такъ говорятъ»,—ехидно прибавляетъ князь Петръ Михайловичъ въ концѣ этого разсказа.

Въ историческомъ отношеніи, въ перепискѣ Волконскаго съ Закревскимъ, конечно, всего любопытнѣе мѣста, относящіяся до безпорядковъ въ гвардіи, начавшихся по наступленіи мирнаго времени и въ отсутствіе государя. Изъ этихъ писемъ, а также изъ соотвѣтствующихъ имъ отвѣтовъ Закревскаго, можно себѣ представить довольно живую картину тогдашняго духа этихъ привилегированныхъ войскъ и съ полною ясностью понять неизбѣжность какого-либо волненія, въ родѣ разразившагося 14-го декабря 1825 года. Уже въ 1820 году, за нѣсколько времени до извѣстной семеновской исторіи, Волконскій получалъ изъ Петербурга и помимо Закревскаго, вѣроятно, черезъ корпуснаго командира Васильчикова, свѣдѣнія о томъ, что въ средѣ гвардейскихъ офицеровъ не все спокойно и правильно, поэтому уже въ письмѣ изъ Варшавы отъ 17-го августа 1820 года, въ числѣ прочаго, Волконскій писалъ Закревскому:

«Признаюсь, что мы живемъ въ весьма трудномъ вѣкѣ и нельзя понять чего хотятъ (французскіе) злодѣи. Процессъ королевы въ въ Англіи также не дѣлаетъ чести ни ей, ни королевству, и также думаю хорошо кончиться не можетъ. Какъ и у насъ въ числѣ молодежи, особенно петербургской, есть чрезвычайно много вскруженныхъ головъ, то я писалъ сегодня Васильчикову, чтобы онъ имѣлъ за ними неослабный надзоръ, и васъ прошу приложить всемѣрное наблюденіе за всѣми ихъ поступками и особенно собраніями ихъ между собою. Нужно бы завести довѣренныхъ людей, кои бы старались быть вхожи въ таковыя собранія, дабы болѣе имѣть свѣдѣній объ оныхъ и предупредить могущее случиться какое дѣло, либо зло».

На это деликатное предложеніе, уже послѣ семеновской исторіи, Закревскій, еще не зная, какъ посмотритъ государь на взбунтовавшихся солдатъ любимаго своего полка, отвѣчалъ: «Я не понялъ хорошенько смысла, въ которомъ вы писали, что нужно имѣть свѣдѣнія, что въ полкахъ происходитъ, что надо имѣть наблюденіе за офицерами и узнавать о разговорахъ въ приватныхъ собраніяхъ ихъ, на что̀ я уже вамъ отвѣчалъ, что не могу завести военной полиціи и почитаю, что было бы слишкомъ унизить званіе гвардейскаго офицера, если сдѣлать изъ нихъ шпіоновъ, подслушивающихъ разговоры своихъ товарищей, и сверхъ того могло бы послужить къ большему вреду, такъ какъ офицеры, узнавъ какимъ-нибудь образомъ, что за ними примѣчаютъ, возмечтаютъ, что они дѣйствительно опасны и изъ пустыхъ ничтожныхъ дѣтскихъ собраній ихъ сдѣлаются опасныя скопища».

Интересно также, что не только Закревскій, но и самъ Волконскій сначала посмотрѣли на дѣло довольно легко и находили какъ бы нѣкоторое оправданіе безпорядку въ томъ, что командиръ Семеновскаго полка Шварцъ позволялъ себѣ дѣйствительныя отступленія отъ порядка установленной службы, училъ напримѣръ солдатъ безъ офицеровъ и даже ротнаго командира, а также требовалъ, чтобы на разныя казенныя надобности солдаты тратили собственныя деньги, жалобы на что̀ доходили до Волконскаго, лично поданныя солдатами. Затѣмъ, когда дѣло приняло суровый и совсѣмъ неожиданный оборотъ, то какъ Закревскій, такъ и Волконскій, перемѣнили мнѣнія и стали настаивать на строжайшемъ примѣненіи воли государя ко всему полку, включительно до женъ солдатскихъ, ихъ дѣтей, воспитанныхъ въ полковой школѣ, и даже ихъ дочерей. Обо всемъ этомъ ведется дѣятельная переписка, причемъ Волконскій изъ прекраснаго далека негодуетъ на то, что солдатъ допрашивали не поодиночкѣ, подозрѣваетъ главнымъ воротилой бунта фельдфебеля Брагина, и самого Закревскаго косвенно укоряетъ въ бездѣйствіи власти, такъ какъ по званію дежурнаго генерала онъ будто бы имѣлъ право вмѣшаться въ распоряженія

Васильчикова и великаго князя Николая Павловича, командовавшаго въ это время первой гвардейской бригадой въ дивизіи Паскевича. На предположеніе Волконскаго, что начальникъ штаба Васильчикова, Бенкендорфъ, при разговорѣ съ взбунтовавшимися солдатами потерялся, Закревскій возражаетъ слѣдующее:

«Бенкендорфъ просто не умѣлъ прилично дѣйствовать, не зная достаточно русскаго солдата и не умѣя хорошо говорить по-русски. Болѣе же всего, по моему мнѣнію, онъ виноватъ въ томъ, что взялъ съ собой великаго князя. Присутствіе бригаднаго командира въ лицѣ великаго князя при такомъ слѣдствіи было ни съ чѣмъ несовмѣстно. Они же въ заключеніе собрали всѣхъ фельдфебелей прочихъ ротъ и приказывали имъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы въ ихъ ротахъ того же не случилось; это одно уже въ прочія роты вселило мысль, что они могутъ тоже сдѣлать, и что слѣдовательно ихъ боятся». Затѣмъ, указывая на ходящіе городскіе толки объ этомъ дѣлѣ, Закревскій всего болѣе торопилъ сформированіемъ новаго Семеновскаго полка изъ гренадерскихъ частей, съ тѣмъ, чтобы никто изъ старыхъ служившихъ въ полку, кто бы онъ ни былъ, не могъ быть оставленъ въ рядахъ полка вновь сформированнаго. Постоянно онъ сообщаетъ Волконскому о разныхъ предположеніяхъ въ средѣ офицеровъ гвардіи, проситъ у государя помилованія Семеновскому полку, что, по мнѣнію Закревскаго, могло бы имѣть самыя печальныя послѣдствія. Это настояніе дежурнаго генерала было наконецъ уважено и формировать полкъ былъ назначенъ генералъ Желтухинъ, къ видимому неудовольствію великаго князя. Николай Павловичъ, узнавъ о назначеніи Желтухина формировать полкъ, говорилъ Закревскому, что государь писалъ императрицѣ-матери, что великій князь и самъ хорошо сформируетъ новый полкъ. Закревскій былъ противъ этого, и прямо сказалъ великому князю, что при формированіи, онъ какъ человѣкъ въ деталяхъ командованія не опытный, не достигъ бы надлежащихъ результатовъ и запутался бы въ мелочахъ.

«Какъ въ этомъ разговорѣ такъ и во всякомъ, я, пишетъ онъ Волконскому, никогда не льстилъ великому князю, но говорилъ какъ чувствовалъ и понималъ вещи и вѣрно совѣты мои соотвѣтствовали и пользамъ службы, и пользамъ его личнымъ. По наклонности его къ порядку и всему хорошему, во многомъ онъ исполнялъ мои совѣты, но какъ говорятъ и совѣтуютъ ему многіе молодые люди его окружающіе, то не смѣю думать, чтобы совѣты мои всегда были предпочитаемы».

О духѣ тогдашнихъ войскъ можно судить и по другимъ, менѣе громкимъ исторіямъ, чѣмъ семеновская. Между офицерами происходили дуэли изъ-за публичныхъ женщинъ и кончались смертію. Московскаго полка полковникъ Корсаковъ, на ужинѣ у государыни, позволилъ себѣ совершенно растегнуть мундиръ и держать себя

неприлично. За это Васильчиковъ рѣшилъ было перевести его тѣмъ же чиномъ въ армію, но между офицерами поднялся ропотъ.

«Я слышу уже, пишетъ Волконскій, что многіе вступаются за Корсакова, что за разстегнутый мундиръ выгоняютъ: всѣхъ бы сихъ защитниковъ слѣдовало выгнать и наказать подобно Корсакову, ибо можно ли до большей степени забыться, какъ сдѣлалъ Корсаковъ, и гдѣ еще: во дворцѣ? Кто мнѣ отвѣчаетъ, что послѣ того иной и другое что̀ растегнетъ и все надобно терпѣть?»

Попутно безпорядкамъ и разнымъ толкамъ въ гвардейскихъ полкахъ, къ Закревскому стали приходить слухи изъ Москвы, о томъ, что тамъ будто бы взбунтовался Сѣвскій полкъ, находившійся въ караулѣ. По изслѣдованіи дѣла все оказалось ложью и дежурному генералу приходилось жаловаться на безнаказанность распространителей этихъ ложныхъ слуховъ, ухудшавшихъ положеніе, далеко само по себѣ не важное.

Къ тому же времени относится слѣдующій вопросъ Волконскаго и отвѣтъ на него Закревскаго, которые являются, сами по себѣ, характернѣйшими признаками духа времени. Волконскій спрашивалъ:

«Я слышу, что будто и въ саперномъ батальонѣ жалѣютъ о Сазоновѣ и недовольны Геруа, то пожалуйста о семъ поразвѣдайте, и также о лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ и меня увѣдомьте».

На это Закревскій отвѣтилъ:

«Въ саперномъ батальонѣ люди дѣйствительно жалѣютъ о Сазоновѣ и не терпятъ Геруа: они называютъ перваго отцомъ, а послѣдняго собакою. Лейбъ-гренадеры поговаривали прежде о жестокости Стюрлера, но теперь они умолкли и ничего у нихъ не слышно».

Въ перепискѣ по этому поводу, Волконскій опять повторилъ свою мысль о необходимости имѣть настоящія свѣдѣнія, что дѣлается и говорится въ средѣ офицеровъ, причемъ предлагалъ Васильчикову и Закревскому немедленно удалять всѣхъ, кто позволяетъ себѣ сужденія о дѣлахъ правительственныхъ и осуждаетъ прямыя приказанія начальства. Нѣсколько разъ Волконскій, обѣщая сохранить секретъ, спрашиваетъ у Закревскаго болѣе детальныхъ свѣдѣній насчетъ тѣхъ, кто позволяетъ себѣ послѣдняго рода поступки.

«Я бы желалъ, чтобы вы мнѣ назвали именно тѣхъ, кои болѣе всѣхъ говорятъ пустые вздоры и выпускаютъ разные толки противу правительства: вы можете быть увѣрены, что все останется между нами, но я по крайней мѣрѣ буду знать съ кѣмъ имѣю дѣло и т. д.».

Со своей стороны, Закревскій упорно не соглашался на введеніе полицейскихъ мѣръ въ ряды войска:

«Что касается до желанія вашего, чтобы я учредилъ отъ себя

военную полицію, то я сего сдѣлать никакъ не могу, не имѣя ни средствъ къ оному, ни людей, которыхъ можно было бы употребить на оное. Я писалъ уже вамъ, что по моему мнѣнію всего удобнѣе внушить полковымъ командирамъ, чтобы каждый старался завести оную въ своемъ полку, ибо они имѣютъ болѣе къ тому средствъ».

Въ слѣдующемъ же письмѣ онъ прибавляетъ:

«Вамъ угодно, чтобы Васильчиковъ сообщилъ вамъ имена судящихъ своихъ начальниковъ или правительство для выписки ихъ тѣми же чинами въ армію. По моему мнѣнію, трудно ему сіе исполнить, потому что онъ получаетъ о семъ свѣдѣнія партикулярно и отъ людей, которые не могутъ или не захотятъ доказать свое обвиненіе. Наказаніе же по однимъ словамъ, безъ всякаго доказательства, было бы, я думаю, совершенно несправедливо и послужило бы не къ исправленію, а къ раздраженію умовъ. Къ тому же мнѣ кажется, что наказаніе въ семъ случаѣ должно бы начать не съ офицеровъ, а съ генераловъ».

И вотъ опять Волконскій торопится спросить подъ секретомъ: кто такіе эти генералы и получаетъ въ отвѣтъ:

«Насчетъ генераловъ нескромныхъ, конечно, вамъ извѣстно изъ другихъ сообщеній и потому позвольте мнѣ объ этомъ съ вами говорить при свиданіи».

Далѣе уже Закревскій начинаетъ писать совершенныя загадки. «Къ прискорбію моему долженъ вамъ сказать, почтеннѣйшій князь П. М., что ду̀хъ единенія, который при началѣ семеновскаго происшествія одушевлялъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ кои и по власти и по званію ближе знали подробности онаго, исчезъ совершенно. Лица, которыхъ мнѣніе имѣютъ большой вѣсъ въ публикѣ и вліяніе на умы, говорятъ противъ нѣкоторыхъ распоряженій корпуснаго командира».

Въ это время уже новый полкъ былъ сформированъ и солдатамъ торжественно читана жалованная грамота при передачи новому полку старыхъ знаменъ. По этому поводу еще разъ Закревскій сообщаетъ своему неизмѣнному корреспонденту:

«Первые два дня сужденія военныхъ, не исключая нѣкоторыхъ генераловъ, по привычкѣ были слишкомъ неприличны. Вообще нынѣшнія вздорныя и вредныя сужденія безпрестанно продолжаются. Единомысліе, которое бы должно всѣхъ направлять къ одной благонамѣренной цѣли, не существуетъ. Высшія власти стараются попрежнему затруднять дѣйствіе мѣръ приличныхъ обстоятельствамъ и зло постепенно распространяется. Вотъ что производитъ отсутствіе государя въ нынѣшнемъ случаѣ».

«Неужели есть между полковыми командирами и генералами такіе же неистовцы!» восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ Волконскій, а въ другомъ, по поводу послѣдней фразы о высшихъ властяхъ

спрашиваетъ: «Что сіе значитъ? Кто сіи вышнія власти, дѣлающія затрудненія? скажите мнѣ откровенно».

«На вопросъ вашъ, кто именно вышнія власти и проч.:—отвѣчаетъ Закревскій,—я ничего въ объясненіе сказать не могу, если вы изъ самыхъ словъ не можете догадаться. Впрочемъ, я уже писалъ вамъ, что о подобныхъ моихъ замѣчаніяхъ предоставляю себѣ только лично съ вами объясниться».

Кажется надо предположить, что здѣсь разговоръ шелъ именно о великомъ князѣ и окружавшихъ его молодыхъ генералахъ изъ нѣмцевъ, такъ какъ объ Аракчеевѣ оба корреспондента совершенно открыто переписывались, не останавливаясь передъ необходимостью называть его «змѣемъ», «извергомъ» и даже негодяемъ. Но недовѣріе, питаемое Закревскимъ къ передачѣ своихъ мыслей испытанному другу, имѣло вѣскія основанія, такъ какъ самъ Волконскій писалъ ему письма, съ просьбами не распространять ихъ и даже совѣтуетъ въ одномъ мѣстѣ писать черезъ посредство оказій, а не черезъ почтъ-директора Булгакова, который хотя и пріятель, но по долгу службы обязанъ иной разъ заглядывать въ чужія письма. Также пишетъ онъ и о томъ, что не рѣдко государь требовалъ подлинныхъ писемъ Закревскаго и прочитывалъ ихъ. Все это само собой не располагало къ эпистолярной откровенности. Къ слову же замѣтимъ, что намъ, позднимъ потомкамъ этихъ историческихъ дѣятелей, довольно странно читать эти пререканія и заботы объ именахъ генераловъ, которые порицали дѣятельность правительства. Переписка, изъ которой я привелъ выдержки, происходила въ концѣ 1820 года, а не далѣе какъ за три года передъ симъ въ одномъ письмѣ Закревскаго къ Воронцову мы читаемъ:

«Не удивляйтесь, что министры наши пользѣ государственной мѣшали; когда же они сего и не дѣлали? Во время кампаній и въ прочее время, никогда они сего не оставили и не оставятъ».

Или:

«Не скоро толку добьетесь у военнаго министра касательно вещей, о коихъ къ нему писали. Такой молодецъ, что изъ рукъ вонъ!»

Или еще:

«У насъ все смирно, дѣла по всѣмъ министерствамъ идутъ такъ, какъ вы слышите. Воровство не уменьшается»...

Въ срединѣ 1817 года, тотъ же генералъ писалъ:

«Вчера пріѣхалъ къ намъ Дибичъ, дабы посмотрѣть линейное гвардейское ученье: единственно для сего просился, знаетъ, чѣмъ угодить».

Наконецъ уже въ срединѣ слѣдующаго года мы также читаемъ:

«Здѣшніе парады и ученья до такой степени всѣмъ надоѣли, что я не могу вамъ сего описать. Это описать вамъ можетъ Сабанѣевъ».

Всѣ эти выписки принадлежатъ Закревскому, и такіе же можно найти у Волконскаго, который также не всегда былъ доволенъ высшими властями и правительствомъ.

Но чтобы кончить съ семеновской исторіей, надо привести еще одинъ любопытный фактъ. При сформированіи новаго полка и за устраненіемъ старыхъ офицеровъ, у которыхъ было свое состояніе, безъ котораго тогда въ гвардіи нельзя было и думать служить, главное затрудненіе представляло комплектованіе офицеровъ изъ гренадерскихъ войскъ, гдѣ не было и не могло быть въ то время людей богатыхъ, особенно изъ числа такихъ, которые были бы не тронуты привычной въ то время критикой приказаній начальства. Видимо это послѣднее обстоятельство всѣхъ заботило и потому Закревскій даже послѣ сформированія только двухъ первыхъ баталіоновъ назначилъ новымъ гвардейскимъ офицерамъ быть на выходахъ во дворцѣ и съ особенною радостью сообщаетъ Волконскому «что новые семеновскіе офицеры держали себя чрезвычайно прилично и были превосходно обмундированы» и вдругъ является указъ министру финансовъ, въ которомъ прямо говорилось, что Васильчикову должно быть отпущено 68 тысячъ рублей, на первоначальную обмундировку и обзаведеніе штабъ и оберъ-офицеровъ новаго семеновскаго полка.

Указъ этотъ видимо глубоко уязвилъ Закревскаго.

«Соображая толки о семъ полку и болтанье военныхъ, старающихся всячески унизить оный, нельзя не предполагать, что сіе изъясненіе дастъ случай болтунамъ ссылаться на него въ своихъ разговорахъ, а потому полагаю, что полезно было бы на будущее время избѣгать подобныхъ оговорокъ въ указахъ, если онѣ случатся»

Въ самомъ дѣлѣ странно встрѣчаться съ подобными неловкостями въ распоряженіяхъ подобнаго рода и надо замѣтить, что во всѣхъ историческихъ случаяхъ близкихъ къ семеновской исторіи у насъ часто и постоянно замѣчались такія же странности. Точно какая-то злая и ехидная рука, дѣлала гласными мѣропріятія, именно и только потому, что имъ надлежало бы оставаться безгласными. Маленькіе люди въ этихъ случаяхъ винятъ недальнозоркость или непроницательность большихъ. Но здѣсь мы видимъ одно изъ такихъ неловкихъ сообщеній, о которомъ видимо ничего не знали даже и тѣ большіе люди, которые бы навѣрное съумѣли предупредить подобную откровенность.

Изучая также лежащіе передъ нами письма, нельзя пройти молчаніемъ ярко выраженную въ нихъ ненависть, всѣхъ корреспондировавшихъ между собою лицъ, къ нѣмцамъ и къ Аракчееву.

Отрицателемъ реформъ Аракчеева и отрицателемъ страстнымъ, прежде всего является Закревскій, въ письмахъ его къ Воронцову, хотя въ отвѣтахъ послѣдняго мы не находимъ ни малѣйшихъ упоминаній объ Аракчеевѣ.

Въ 1817-мъ году, онъ пишетъ Воронцову:

«У насъ поселенія водворяются, и уже напечатана графомъ Аракчеевымъ первая книжка; бредни препорядочныя».

Въ томъ же году нѣсколько позже читаемъ снова:

«Поселенія продолжаются, и скоро будутъ водворять цѣлыми дивизіями. Мы мнимой пользы сего поселенія вѣрно не дождемся: а дѣти и внуки, у кого оные есть, будутъ сіе полезное заведеніе оплакивать».

Наконецъ, въ слѣдующемъ году мы читаемъ сентенцію крайне императивнаго характера:

«Поселенія увеличиваются подъ мудрымъ начальствомъ Аракчеева, который о благѣ общемъ ни мало не заботится и есть по дѣламъ его вреднѣйшій человѣкъ въ Россіи!»

Надо думать, что такая критика дежурнаго генерала дѣйствій всемогущаго тогда перваго министра, доводилась до свѣдѣнія послѣдняго и конечно не могла способствовать хорошимъ между ними отношеніямъ. Съ своей стороны работали и нѣмцы, которымъ даже всѣ войсковыя волненія въ гвардіи, направленныя противъ командировъ, носившихъ нѣмецкія фамиліи, помогали говорить, особенно великимъ князьямъ, что не малою причиною этихъ волненій является именно русская партія, къ которой несомнѣнно принадлежали: Волконскій, Ермоловъ, Закревскій и частію даже тонкій Воронцовъ, братъ Михайло, какъ выражался Ермоловъ, съ которымъ нельзя было обходиться безъ надувательства. Видимо къ концу 1823 года, побѣда перешла на сторону нѣмцевъ, и Закревскій не жданно не гаданно получилъ назначеніе быть Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

Страшно возмутился противъ такого назначенія своего ближайшаго помощника и друга Волконскій, тѣмъ болѣе, что ему объ этомъ не сказано было ни слова.

«Удаленіе изъ столь важнаго поста, который вы занимали, безъ малѣйшаго предваренія о томъ главнаго начальника, ясно мнѣ доказываетъ, что всячески ищутъ и желаютъ и его избавиться. Но вы спросите почему, за что̀? Право не знаю, можетъ быть за лишнее усердіе. Богу одному извѣстно, по крайней мѣрѣ отойду съ чистой совѣстью и со всѣхъ сторонъ безъ упрековъ. Съ нетерпѣніемъ ожидать буду отъ васъ извѣстія и истолкованія сей непонятной для меня загадки».

Черезъ двѣ недѣли Волконскій опять пишетъ:

«Сколь меня поразило неожиданное назначеніе васъ въ Финляндію. Ежели сіе будетъ согласно съ желаніемъ вашимъ, то будетъ для меня немного полегче, совсѣмъ тѣмъ меня удивляетъ, какъ вы будете управляться, не зная языка? Потеря же васъ въ штабѣ незамѣнима. Сіе назначеніе еще болѣе рѣшаетъ меня во-

все удалиться, ибо вижу, что нѣтъ ко мнѣ ни малѣйшаго уваженія» и т. д.

На эти письма Закревскій въ свою очередь отвѣчалъ:

«Примите искреннюю благодарность за участіе, которое вы мнѣ оказываете по случаю новаго моего назначенія. Еще благодарю васъ за лестный отзывъ о моей службѣ въ штабѣ. Можетъ быть, конечно, что я усердіе къ службѣ распространялъ слишкомъ далеко, можетъ быть, оно и послужило поводомъ настоянію нѣмцевъ къ новому моему назначенію. Вы спрашиваете на счетъ моего назначенія, истолкованіе сей непонятной загадки? Я и самъ вамъ онаго дать не могу, ибо она для меня также неизъяснима. Единственною причиною сему полагаю желаніе Дибича удалить меня отъ штаба безъ васъ».

Затѣмъ, упрашивая князя остаться на службѣ вопреки змѣинымъ клеветамъ и навѣтамъ, Закревскій прибавляетъ:

«Оживите пріѣздомъ вашимъ осиротѣлое дежурство и не отдавайте его на съѣденіе нѣмцамъ, докажите чрезъ то соотечественникамъ, что вы всему предпочитаете матушку Россію и болѣе всего желаете добра русскимъ».

Но какъ не горячо хлопоталъ Закревскій о возвращеніи на постъ начальника штаба своего друга и покровителя, желаніямъ его не было суждено исполниться. Въ началѣ 1824 года Волконскій, также не ожидая ничего, получилъ пятьдесятъ тысячъ въ награду и уволенъ въ заграничный отпускъ, хотя и безъ отчисленія отъ главнаго штаба.

«Поступокъ отличный, пишетъ онъ уже изъ Петербурга въ Финляндію къ своему другу, а еще болѣе тѣмъ, что мнѣ ни слова не говорили, ни передъ приказомъ, ни послѣ онаго, и до сего времени. Что подумаютъ обо мнѣ во всей арміи? Одно, что меня утѣшаетъ, что меня довольно знаютъ и конечно въ худую сторону не обратятъ моего изгнанія».

О причинахъ немилости императора Александра Павловича къ Волконскому, повліявшей на удаленіе послѣдняго отъ должности начальника главнаго штаба, съ увольненіемъ его за границу въ продолжительный отпускъ, въ то время ходили разные слухи. По любезному сообщенію Н. К. Шильдера, у котораго имѣется много интересныхъ фамильныхъ бумагъ, относящихся до этой эпохи, мы можемъ указать на разсказъ Михайловскаго-Данилевскаго, находящійся въ запискахъ послѣдняго. Михайловскій-Данилевскій разсказываетъ, что императору хотѣлось, чтобы смѣта военнаго министерства была сокращена какъ можно болѣе. Посовѣтовавшись съ директорами своихъ департаментовъ, и въ томъ числѣ съ княземъ Меншиковымъ, Волконскій представилъ сокращеніе на восемьсотъ тысячъ. Оставшись этимъ недоволенъ, Александръ Павловичъ поручилъ тоже дѣло Аракчееву, который, призвавъ генерала кригсъ-

комисара, успѣлъ сократить ту же смѣту на 18-ть милліоновъ. Тогда разсерженный государь сказалъ Волконскому, что его окружаютъ «или дураки или плуты», послѣ чего Волконскому и князю Меншикову нельзя было оставаться на службѣ. Отпустивъ Волконскаго въ отпускъ, государь прислалъ ему пятьдесятъ тысячъ на дорогу, но тотъ ихъ не взялъ и тогда ему была послана драгоцѣнная табакерка въ такую же сумму, но и отъ той, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, отказался разобидѣвшійся сановникъ. Во время заграничнаго отпуска, Волконскій былъ представителемъ государя на коронаціи Карла X и затѣмъ вызванъ вновь ко двору, не лишаясь фиктивнаго званія начальника штаба, когда уже, въ лицѣ Дибича, былъ исправлявшій эту должность генералъ. Послѣ смерти императора Александра, Волконскій получилъ должность министра двора и удѣловъ, которую занималъ до самой своей кончины, хотя за два года до этой кончины, онъ совершенно для себя неожиданно получилъ званіе генералъ-фельдмаршала.

Ко времени этой-то временной опалы и относятся самые обидные эпитеты «змѣя», «изверга», расточаемые по адресу Аракчеева, тогда всесильнаго и всемогущаго, въ письмахъ Закревскаго къ Волконскому и обратно. Наступило роковое 19-е ноября 1825 года, и вотъ какія строки находимъ мы въ письмѣ Волконскаго къ Закревскому:

«Проклятый змѣй и тутъ отчасти причиною сего несчастія, мерзкою своею исторіею и гнуснѣйшимъ поступкомъ, ибо первый день государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ змѣя, и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губитъ Россію и погубитъ и государя, который узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно: вотъ предчувствіе мое и сбылось».

Закревскій же отвѣчалъ:

«Слишкомъ жестоко убѣжденъ я вашимъ предчувствіемъ о пресмыкающемся змѣѣ, который успѣлъ отравить своимъ ядомъ и послѣднія минуты своего благодѣтеля. Припомните мое о немъ мнѣніе, оно сбылось теперь разительно. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что единогласно его почти ненавидятъ и какъ чудовища пугаются. Онъ самъ раскрылъ гнусный характеръ свой тѣмъ, что когда постыдная исторія съ нимъ случилась, то онъ, забывъ совѣсть и долгъ отечеству, бросилъ все и удалился въ нору къ своимъ пресмыкающимся тварямъ, а теперь, когда лишился онъ своего благодѣтеля, столько имѣлъ духу, что выползъ изъ западни и принялся попрежнему за дѣла. Послѣ столь гнуснаго поступка не трудно угадать, какія низкія чувства у сего выродка ехидны».

Ненависть, сквозящая такъ ярко въ самомъ тонѣ этихъ, едва ли во всякомъ случаѣ приличныхъ, писемъ, неумолкла и послѣ паденія Аракчеева. Годъ спустя тотъ же Закревскій пишетъ:

«О змѣѣ, по слухамъ, знаю, что онъ при началѣ весны намѣренъ ѣхать въ Карлсбадъ, но вѣрно не для того, чтобы отогрѣть свое ядовитое замерзшее жало, а чтобы скрыть себя отъ отечества, которое смотритъ теперь на него какъ на чудовище».

О происшествіи 14-го декабря въ перепискѣ друзей мы не находимъ ничего или почти ничего. Ермоловъ пишетъ Закревскому, что онъ узналъ о смерти Александра Павловича на походѣ и болѣе ни слова, и только въ письмахъ Воронцова мы имѣемъ по этому поводу слѣдующія строчки:

«Я воображаю удивленіе и злость твою, когда услышалъ о предпріятіяхъ въ Петербургѣ 14-го декабря, надѣюсь, что это не кончится безъ висѣлицы, и что государь, который столько собою рисковалъ и столько уже прощалъ, хотя ради насъ будетъ и себя беречь, и мерзавцевъ наказывать».

Воронцовъ, какъ извѣстно, былъ назначенъ въ число членовъ суда надъ декабристами, но до окончанія дѣла, подъ предлогомъ нездоровья и семейныхъ дѣлъ, онъ отпросился въ отпускъ и сентенціи не подписалъ. «Тонкій былъ человѣкъ братъ Михайло! — какъ говорилъ Ермоловъ,—и видимо постоянно думалъ о судѣ потомства и въ то же время не упускалъ случая ладить и съ современниками!»

Привезя тѣло почившаго монарха въ Петербургъ, Волконскій былъ обласканъ молодымъ государемъ и получилъ мѣсто министра двора. Въ этой должности онъ, какъ мы сказали, и пребылъ до самой своей поздней кончины, и надо отдать ему и здѣсь справедливость, что при немъ дворцы приукрасились и умножились, театры были роскошны, и балы придворные и праздники отличались истинно царскимъ великолѣпіемъ и грандіозными размѣрами. Въ то же время онъ держалъ счетную часть двора въ величайшемъ порядкѣ. Къ концу жизни вообще прекрасныя отношенія съ императоромъ и его семействомъ перешли въ настоящую теплую дружбу, что и выразилось, наконецъ, въ слѣдующемъ дѣйствительно безпримѣрномъ эпизодѣ:

«Пятаго числа декабря, за фамильнымъ обѣдомъ,—пишетъ Волконскій тому же Закревскому въ 1850 году, — во время подачи шампанскаго, государь всталъ изъ-за стола, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Позвольте ваша свѣтлость поздравить васъ генералъ-фельдмаршаломъ». Меня сіе такъ поразило, что слезы потекли изъ глазъ, принося его величеству мою благодарность. Императрица въ слезахъ подошла меня поздравить, цѣлуя меня нѣсколько разъ, равно и вся Высочайшая фамилія послѣдовала примѣру ея величества; таковая милость ни съ чѣмъ не можетъ сравниться!»

Милость эта была послѣднею, такъ какъ черезъ полтора года, т. е. 27-го августа 1852 года, Волконскій умеръ отъ гангрены на

ногѣ, въ Петергофѣ, 77-ми лѣтъ отъ роду. Но еще за два мѣсяца до смерти онъ писалъ къ своему неизмѣнному другу Закревскому о своихъ невыносимыхъ страданіяхъ и о безсиліи докторовъ ему помочь.

V.

Письма къ Закревскому Ермолова, Ростопчина (этихъ не много), Сабанѣева и Дениса Давыдова, въ свою очередь заключаютъ массу любопытныхъ подробностей и такъ же живо и ярко очерчиваютъ намъ духъ того богатаго дѣятельностью, жизнью и даровитыми людьми времени. Письма Ермолова обстоятельны и дѣльны при описаніяхъ Персіи, кавказскихъ мѣстностей и обычаевъ мѣстныхъ народовъ, но перемѣшаны съ разными язвительными отзывами о современникахъ и помощникахъ Ермолова. Надо конечно хорошо знать эпоху по инымъ источникамъ, чтобы умѣть понимать настоящее значеніе многихъ его намековъ и остротъ, такъ какъ большинство ихъ иносказательны и составлены прямо въ видѣ загадокъ, понятныхъ только тому, кому были писаны. Изъ этихъ писемъ видно, что изъ всѣхъ своихъ друзей Ермоловъ дѣйствительно искренно и безхитростно любилъ одного Закревскаго. Въ Воронцовѣ признавалъ громадный умъ, но зло подсмѣивался надъ его тонкостью и потому не только позволялъ, но и просилъ Закревскаго прочитывать всю ихъ переписку между собою.

«Письма къ брату Михайлѣ нарочно посылаю открытыми. Можешь быть разсудишь ихъ прочесть. Я немного его надуваю, но съ нимъ иначе невозможно», пишетъ по этому случаю Ермоловъ Закревскому. Любитъ онъ также Сабанѣева за его честныя правила и благородныя чувства. О Давыдовѣ отзывался Ермоловъ, что онъ очень можетъ быть на войнѣ полезенъ. Нѣмцевъ же всѣхъ презиралъ, надъ властелиномъ съ Литейной, т. е. надъ Аракчеевымъ, вовсе не издѣвался, но говорилъ только, что онъ его не понимаетъ. Военныя поселенія даже находилъ полезными, но считалъ, что ихъ нельзя такъ организовать, какъ того хотѣлъ Аракчеевъ. За то Клейнмихеля, какъ и всѣхъ казнокрадовъ и воровъ, презиралъ искренно и не лицемѣрно.

Другой корреспондентъ Закревскаго, Ростопчинъ, представляетъ въ своемъ родѣ явленіе исключительное. Письма его точно писаны огнемъ и дышатъ, до сихъ поръ, какой-то восторженной жизненностью. Въ первыхъ онъ боготворитъ Москву, въ послѣднихъ писанныхъ уже изъ Парижа ее же презираетъ столь же неудержимо и страстно. Но кому достается въ этихъ письмахъ, такъ это Кутузову, воеводѣ Михайлѣ или еще иначе безсмертному князю Михайлѣ иже въ Казанской.

«О славномъ мужѣ семъ нельзя сказать иного,
«Слѣпое счастіе напало на кривого!»

Ростопчинъ былъ ярымъ противникомъ заграничнаго похода въ 1813 и 1814 годахъ и едва ли онъ въ этомъ случаѣ ошибался. Для Россіи это былъ не выгодный походъ. Въ 1814 году онъ пишетъ:

«Дай Богъ, чтобы нашъ государь, облагодѣтельствовавшій Европу и цѣлый свѣтъ, поскорѣе возвратился на Русь и прекратилъ не ночной, а дневной разбой. Нынѣ тотъ, кто не крадетъ, почитается дуракомъ».

Получивъ извѣстіе о смерти Барклая-де-Толли, Ростопчинъ пишетъ:

«Я увѣренъ, что другой до Бородина арміи бы не довелъ: вышелъ на верхъ почестей, бывъ безгласнымъ человѣкомъ, и кончилъ жизнь, какъ многострадальный Іовъ, а Михайло Кутузовъ въ Казанской отдыхаетъ на спинѣ, ползавъ весь свой вѣкъ на брюхѣ».

По поводу миссіи Горчакова въ Парижѣ и Лондонѣ, Ростопчинъ пишетъ изъ Парижа Закревскому:

«Горчаковъ вралъ здѣсь пять недѣль и поѣхалъ врать по разнымъ нѣмецкимъ дворамъ. При отъѣздѣ выпросилъ у короля аудіенцію, дабы спросить: не изволите ли чего приказать государю. Жаль что его выпустили за границу. Сказываютъ, что Витгенштейна онъ довелъ въ Лондонѣ до отчаянія, не давая ему сказать ни единаго слова, и Цицеронъ военной коллегіи замазалъ ротъ спасителю Петрова града».

Грустью и той же безпощадной ироніей дышетъ его послѣднее письмо къ Закревскому:

«Хотя я въѣхалъ въ Москву и не въ понедѣльникъ, но несчастливо и всѣ неудовольствія въ три мѣсяца не прибавили моей любви къ сей огромной и пустой во всѣхъ отношеніяхъ столицѣ. Она весьма занята, ибо кромѣ вѣчныхъ ея правъ бранить начальниковъ и просвященнаго, очень заботится возвращеніемъ князя Волконскаго и разбираетъ тарифъ. Я уже встрѣтился съ одной забытой смертью старухой, которая осудила Канкрина въ Сибирь за то, что цѣна прибавлена на мускатный орѣхъ, безъ коего она жить не можетъ. Должно сказать по истинѣ, что здѣсь народу много, а людей мало. Прощайте; поживайте, гдѣ судьба приведетъ, и сносите погоду, труды, скуку и родъ человѣческій, отъ коего и ему самому нѣтъ спасенія».

Литературная извѣстность Дениса Давыдова [1]), конечно, исключаетъ всякую возможность удивляться красотѣ его писемъ и сомнѣваться въ ихъ неоспоримомъ остроуміи. Тѣмъ не менѣе общій ихъ

---

[1]) Денисъ Давыдовъ родился 1784 г., умеръ въ 1839 г. Мальчикомъ его видѣлъ Суворовъ, проѣзжавшій черезъ имѣніе ихъ отца, и въ шутку сказалъ, что шустрый мальчикъ одержитъ три побѣды. Пророчество это буквально не сбылось, побѣдъ большихъ Давыдовъ, какъ некомандовавшій отдѣльными отрядами, не одерживалъ, но въ Отечественную войну и въ войну 1813 года много способствовалъ одержанію побѣдъ Кутузовымъ и Барклаемъ-де-Толли.

характеръ просительный. Вѣчно о чемъ-либо для себя или для своихъ близкихъ проситъ знаменитый партизанъ. Характерно и исторически интересно только одно письмо, относящееся до исторіи столкновенія Паскевича съ Ермоловымъ, котораго Давыдовъ титуловалъ «проконсуломъ» и въ которомъ Денисъ Давыдовъ смѣло становится на сторону обиженнаго проконсула и пишетъ:

«Не знаю, кто посовѣтывалъ послать въ Грузію Паскевича съ такою огромною довѣренностью, но тотъ, кто это сдѣлалъ, плохой слуга царю, онъ отъ вражды къ Ермолову пожертвовалъ пользою отечества и славою царя».

Въ числѣ различныхъ ходатайствъ о себѣ любопытна переписка Давыдова о разрѣшеніи напечатать опытъ о партизанахъ, котораго почему-то не давалъ Волконскій. Когда же книга была напечатана, то Закревскій нашелъ въ ней нѣкоторыя рѣзкости и до того напугалъ автора, что тотъ пишетъ ему:

«Останови подавать экземпляры царю и Волконскому назначенные, также и другіе (кромѣ твоего и проконсульскаго) и увѣдомь, что нужно перемѣнить. Я въ осторожность остановилъ переплетеніе до твоего отвѣта. Странно было бы получить отставку отъ военной службы за военное сочиненіе».

Въ числѣ такихъ же просьбъ, характерно для самого Давыдова требованіе во что̀ бы то ни стало сохранить ему право носить усы, которые имѣли тогда одни гусары. По этому поводу, назначенный командовать драгунами, Давыдовъ называетъ ихъ пресмыкающимся войскомъ и страшно скорбитъ о своемъ прежнемъ легкомъ войскѣ гусаровъ. Къ 1820 году относится также просьба Давыдова отпустить его въ отставку и уволить изъ тисковъ должности начальника штаба дивизіи, такъ какъ по его мнѣнію и эту должность, состоявшую въ томъ, чтобы на глупыхъ бумагахъ писать «къ свѣдѣнію», «справиться тамъ-то» и «предписать и донести о томъ-то» можетъ исполнять каждый прапорщикъ въ сто разъ меня глупѣе». Просьба буйнаго партизана была уважена и онъ уѣхалъ тогда въ деревню.

«Наконецъ я свободенъ,—пишетъ Давыдовъ въ восторгѣ,—учебный шагъ, ружейные пріемы, стойка, размѣръ пуговицъ, изгоняются изъ головы моей! Шварцы, Мартыновы, Гурки и Нейгарты торжествуйте! Я не срамлю ваше сословіе. Слава Богу я свободенъ. Едва не задохся, а теперь на чистомъ воздухѣ».

Впослѣдствіи Давыдовъ вновь поступилъ на службу, былъ въ кампаніи Персидской подъ начальствомъ Ермолова и остался, какъ всегда, недоволенъ получеными наградами, и затѣмъ участвовалъ въ кампаніи 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ, и затѣмъ умеръ въ 1839 г., на 53-мъ году жизни, неуспѣвъ исполнить крайне обрадовавшаго его назначенія перевести прахъ Багратіона къ Бордину, ко времени открытія тамъ памятника.

Истиннымъ спартанскимъ духомъ вѣетъ за то отъ писемъ «яраго» Сабанѣева [1]). Вѣроятно это былъ генералъ, съ которымъ было тяжело служить, но зато о честности и душевномъ благородствѣ котораго нельзя имѣть двухъ понятій, прочтя его письма, полные всегда высокой правды и достоинства. Сабанѣевъ почему-то постоянно считалъ себя въ опалѣ и подозрѣвалъ личное нерасположеніе къ себѣ государя. Тѣмъ не менѣе, послѣ окончанія заграничнаго похода, онъ, чувствуя необходимость радикально полечиться «отъ послѣдствій стараго распутства», проситъ у государя въ долгъ 20 тысячъ рублей, и получаетъ, въ видѣ единовременнаго пособія, тридцать тысячъ, сумма, которая и составляла впослѣдствіи все его достояніе. Подобно всѣмъ тогдашнимъ русскимъ генераламъ, онъ былъ страшный врагъ шагистики и формалистики. И такъ какъ онъ видимо не скрывалъ своихъ мыслей, то и немилость къ нему была довольно объяснима. Особенно характерны и рѣзки его письма, относившіяся до провіантской части. Сама мудрость, далеко еще не устарѣвшая и для нашего времени, водила въ этихъ письмахъ перомъ маститаго ветерана. Вотъ хотя бы эта выписка, которая не единственная и не самая рѣзкая изъ помѣщенныхъ въ «Сборникѣ»:

«Спрашиваешь меня весело ли я живу? Какія веселости для человѣка уничтоженнаго, заслужившаго невинно гнѣвъ государя? Признаюсь тебѣ, какъ старому пріятелю и сослуживцу моему, что видимое нерасположеніе ко мнѣ царя укрощаетъ вѣкъ мой, но никакъ не перемѣнитъ правилъ моихъ. Я готовъ умереть на службѣ изъ обязанности быть полезнымъ отечеству и признательности къ прежнимъ милостямъ государя. Никогда не буду угождать его величеству со вредомъ для него, никогда не буду льстить ему и обманывать изъ собственной корысти, какъ другіе».

Далѣе онъ пишетъ о приказаніи въ егерскихъ полкахъ передѣлать средствами полковъ котлы и патронные ящики.

«Знаешь ли, мой любезный, что это будетъ стоить каждому?— Не менѣе шести тысячъ. Никто не въ состояніи дѣлать издержекъ столь значительныхъ изъ своего кармана, каковыя безпрестанно требуются отъ полковыхъ командировъ. Все падетъ на бѣднаго солдата и самой казны. Долго ли правительство будетъ себя обманывать и давать поводъ къ привилегированному воровству? Мнѣ кажется до сихъ поръ вся сія зловредная система основывалась единственно на словѣ: благоразумная позволительная экономія. Мечта неопытности! Не угодно ли государю узнать покороче, какіе способы употребляются къ пріобрѣтенію сей мнимой

---

[1]) Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ, корпусный командиръ. Родился въ 1772 г., умеръ въ 1829 году. Начальное воспитаніе получилъ въ Московскомъ университетѣ.

экономіи? Жители уступаютъ провіантъ, полковые командиры покупаютъ деревни и пр. Все это правда, но не всегда и вездѣ. Деревни отъ провіанта купить нельзя. Есть и кромѣ того множество источниковъ, но всѣ они суть ничто иное, какъ наглое воровство и ужаснѣйшее притѣсненіе».

Истиннымъ комизмомъ дышетъ также отчаянное письмо Сабанѣева Закревскому по поводу слуховъ о назначеніи его военнымъ министромъ.

«Господи, Боже мой. Мнѣ право жить не долго, — пишетъ Сабанѣевъ,—и если кому-нибудь нужно мое мѣсто, то пусть опредѣлятъ меня, куда хотятъ, только не въ министры. Мнѣ ли грѣшному старому инвалиду фигурировать на узорчатомъ паркетѣ? Какую пользу принесу я, занявъ этотъ постъ?»

Закревскій, конечно, поспѣшилъ его разувѣрить въ основательности этого слуха:

«Благодарю, любезный другъ, за успокоеніе, относительно назначенія меня военнымъ министромъ. Я отъ этого проклятаго слуха покоя лишился. Готовъ служить Богу и государю, покуда силы позволяютъ, но служить тамъ, гдѣ могу употреблять способности мои съ пользою».

Къ этому времени здоровье Сабанѣева стало хирѣть и ветеранъ началъ постоянно отпрашиваться за границу на воды съ сохраненіемъ содержанія, въ которомъ нуждался. По этому поводу въ письмѣ 1824 года онъ высчитываетъ Закревскому, что своими распоряженіями по корпусу сохранилъ казнѣ болѣе $2^1/_2$ милліоновъ. «Заплатилъ царю за его милости ко мнѣ»,—добавляетъ онъ, видимо намекая на полученныя нѣкогда въ подарокъ тридцать тысячъ.

Приписка эта заставляетъ невольно остановиться еще на одной и характерной чертѣ времени. Всѣ лица, поименованные мною въ этой статьѣ, неисключая и Воронцова, почти постоянно нуждались въ деньгахъ и часто просили государя о вспомоществованіи. Такъ Волконскій получилъ пятьдесятъ тысячъ, Сабанѣевъ — тридцать, Закревскій неоднократно получалъ денежныя выдачи крупными суммами и, наконецъ, Воронцовъ, въ 1818 году, также затѣялъ разговоръ о выдачи ему генералъ-адъютантскихъ денегъ, по особому назначенію государя. Послѣдняя просьба удивила Ермолова и послужила темой довольно обширной переписки, причемъ Ермоловъ и Закревскій не скрывали своего удивленія, что такой богатый человѣкъ, какъ Воронцовъ, прибѣгаетъ къ тому же средству, какъ и они грѣшные. Впрочемъ, Ермоловъ хотя и заботился о содержаніи своемъ и о пенсіи при отставкѣ, въ виду своего нелегальнаго семейства и бѣдности родового имущества, никогда непросилъ себѣ пособій. Даже напротивъ, уволенный съ Кавказа и получивъ, по предложенію Дибича, пять тысячъ рублей столовыхъ

денегъ, не въ примѣръ прочимъ, Ермоловъ отказался отъ нихъ слѣдующимъ крайне характернымъ письмомъ:

«Исполненный вѣрноподданическихъ чувствъ признательности принялъ я прежнюю милость государя, которою опредѣлено мнѣ жалованье по чину и столовыя деньги по званію корпуснаго командира. Милость сія, оказываемая другимъ въ однихъ со мною чинахъ, въ одинаковомъ положеніи, — столько по образу жизни моей велика для меня, что всякій другой даръ содѣлывается излишнимъ. Но не осмѣливаюсь уклониться новой награды, дабы не умножить неблаговоленія его императорскаго величества, которое имѣю несчастіе явно носить на себѣ, я, пріемля оную, буду чувствовать обязанностью щедроту монарха употребить достойнымъ образомъ, ничего не отвращая въ пользу свою».

Закревскому же онъ писалъ при этомъ:

«Угадываю, что непріятели и самую милость государя будутъ умѣть истолковать во вредъ мнѣ. Скажутъ, что мнѣ заплачено за удаленіе изъ службы и обнаруженіе негоднымъ. И по истинѣ такова наружность сей награды!»

Къ этому же разряду финансовыхъ нравовъ лицъ нашего очерка не худо добавить, что во все время нахожденія корпуса Воронцова въ Парижѣ, а также иной разъ и черезъ посредство князя Волконскаго, Закревскій употреблялъ фельдъегерей, для исполненія своихъ и своей жены многочисленныхъ порученій. Какъ-то, однажды, Воронцовъ по этому поводу замѣтилъ, что не хорошо употреблять фельдъегерей для такихъ порученій, такъ какъ если это дѣлаетъ начальство, то и младшіе чины также слѣдуютъ ихъ примѣру и наносятъ тѣмъ ущербъ таможнѣ. Но о послѣднемъ ущербѣ весьма мало заботятся всѣ эти господа, кромѣ, на этотъ разъ, Воронцова.

У П. М. Волконскаго, случился дѣйствительный курьезъ съ таможней, арестовавшей его старые эполеты и мундиры, къ слову сказать, Богъ знаетъ для чего отправленные въ Россію. По этому поводу Волконскій, жалуясь на разстройство своихъ личныхъ дѣлъ, говоритъ Закревскому:

«На деньги считалъ въ С.-Петербургѣ и изъ тѣхъ еще по милости Обрѣзкова, котораго, пожалуйста, отъ меня поблагодарите, какъ увидите, за удивительную исправность его таможенныхъ надо мною только, а не надъ жидами, которые провозятъ на милліоны безъ пошлинъ, а съ меня за то, что некуда намъ класть лишнихъ вещей старыхъ, которыхъ отослалъ въ Петербургъ, какъ-то старые: мундиры, эполеты и аксельбанты, заставили меня заплатить вдвое того, что они новые стоили. Не повѣрите, какъ меня сіе взбѣсило и, признаюсь, лучше бы Григорій ихъ вовсе уступилъ таможеннымъ, нежели платить такую цѣну, напрасно и Плаксинъ отсы-

лалъ посылку сію въ таможню. Теперь уже здѣсь буду раздаривать старыя вещи, чѣмъ туда посылать».

Въ перепискѣ Воронцова съ Закревскимъ мы находимъ предложеніе послѣдняго:

«Посылки съ курьерами, посылаемыя на мое имя, подписывайте мѣсячными рапортами, которые получать буду вѣрно и ни съ какой таможней имѣть дѣла не буду».

Воронцовъ такъ и думалъ дѣлать, но тѣмъ не менѣе его полуанглійское сердце все же негодовало на такую мизерную распущенность русскихъ сановниковъ.

«Письма твои всѣ разосланы по надписямъ: помада и духи куплены и при семъ посылаются подъ видомъ мѣсячныхъ рапортовъ, но не знаю повѣрятъ ли въ таможнѣ?»—отвѣчаетъ онъ иронически Закревскому.

На замѣчаніе Воронцова объ офицерахъ, слѣдующихъ въ отправленіи посылокъ примѣру начальства, Закревскій отвѣчаетъ также весьма характерно:

«Мои посылки не могутъ обременять фельдъегерей. Напротивъ, офицеры вашего штаба болѣе посылаютъ нежели слѣдующіе ко мнѣ. За моими посылками фельдъегери не опаздываютъ ѣздою, а если который медленно ѣдетъ, то всегда мною будетъ наказанъ. Но мнѣ прискорбно, что вы меня въ посылкахъ сравниваете со своими офицерами, тогда какъ всякій фельдъегерь, ему отъ меня приказанное, исполнитъ съ охотой. Но офицерамъ вашимъ умѣриться въ отправленіи посылокъ можно и приказать».

На этомъ маленькомъ примѣрѣ мы видимъ воочію присвоеніе спеціальнаго русскаго мнѣнія каждаго изъ насъ, власть имѣющихъ и власть не имѣющихъ, что законъ существуетъ не для насъ, но только для ниже насъ стоящихъ. Воронцовъ, какъ воспитанникъ англійскихъ школъ, однако, думалъ иначе и, въ отвѣтъ на это замѣчаніе Закревскаго, отвѣчаетъ ему:

«За совѣтъ, приказать офицерамъ менѣе посылать, я тебѣ весьма благодаренъ, но такъ какъ я сего имъ не позволялъ, то и противнаго имъ приказать не могу, все что могу сдѣлать, это приказать, чтобы въ спискѣ изъ дежурства никакихъ посылокъ не вписывать, (т. е. и Закревскаго посылокъ), а ежели они будутъ посылать съ согласія фельдъегерей и на рискъ, то я этого знать не могу и не хочу знать. Ты видишь по сему, что я тебя никогда не сравнивалъ съ офицерами, посылки коихъ мнѣ совершенно чужды, (а твои нѣтъ), но признаюсь, что былъ бы душевно радъ, чтобы вся контрабанда, чья бы она не была, была на таможнѣ конфискована и чтобы люди знатные не давали фельдъегерямъ примѣра того самаго, за что̀ ихъ послѣ наказываютъ».

На этомъ я закончу интересныя выписки изъ имѣющихся у меня

матеріаловъ, сообщивъ читателю, что въ числѣ нецитованнаго осталось еще очень и очень много интереснаго, особенно въ письмахъ Дениса Давыдова, Сабанѣева и Ермолова.

VI.

Внимательный и благосклонный читатель этихъ бѣглыхъ набросковъ, точно также какъ и не внимательный и не благосклонный, конечно по этимъ набраскамъ не будетъ въ состояніи составить себѣ достаточное представленіе объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ дѣятелей той знаменательной эпохи нашего вѣка, когда дѣйствовали еще на высокихъ постахъ дѣятели многочисленныхъ войнъ, начала царствованія императора Александра Перваго. Для этого, сообщенные нами автобіографическіе отрывки крайне незначительны и односторонни. Но и этихъ выписокъ достаточно, чтобы безпристрастный судья эпохи могъ бы признать, что послѣ смерти Александра Павловича въ распоряженіе его наслѣдника остались люди не дюжинные. Выбившись изъ бѣдныхъ и не бѣдныхъ семей на высокіе посты правительственной службы, они одолжены были своимъ успѣхамъ или боевымъ, крайне опаснымъ и многочисленнымъ подвигамъ, или замѣчательному характеру и уму. Эта эпоха еще слишкомъ близка къ намъ, матеріаловъ въ родѣ нами цитованнаго еще мало для большей и полной картины всей эпохи въ ея цѣломъ, но и по этому матеріалу можно сказать, что эти люди, не выключая изъ ихъ числа даже Аракчеева, отличались рѣдкими административными талантами и были въ то же время люди чистокровно русскіе. Замѣчательно при этомъ, что всѣ они, и Воронцовъ, и Ермоловъ, и Закревскій, и Паскевичъ, и Сабанѣевъ, и всѣ непосредственно ниже ихъ стоящіе, съ замѣчательнымъ единодушіемъ раздѣляли мнѣніе, восторжествовавшее только въ прекрасное царствованіе Александра II, что въ шагистикѣ, ружьистикѣ и въ формальной красотѣ строя, вовсе не заключается сила арміи, какъ то полагали нѣмцы и съ ихъ голоса имѣлъ несчастіе полагать и новый императоръ, горько заплатившій за эту роковую ошибку противъ народнаго духа въ 1855-мъ году.

Не можемъ мы также не видѣть, что изъ Закревскаго вышелъ бы образцовый военный министръ, соединявшій въ себѣ, по словамъ Давыдова, «русскій патріотическій и живой духъ съ нѣмецкою акуратностью и съ англійскою стойкостью». Что, конечно, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, хитрый, тонкій и высокообразованный Воронцовъ, былъ бы конечно великъ на посту графа Нессельроде, т. е. по всему вѣроятію того «кривляки», котораго такъ зло осмѣивалъ Волконскій въ своихъ письмахъ къ Закревскому за ограниченность и скупость. Изъ Паскевича дѣйствительно вышелъ превосходный «проконсулъ» западной окраины, которую онъ же побѣдилъ и по-

тому можетъ быть это лицо наиболѣе счастливо помѣстило свое честолюбіе, но, конечно, русскіе войска подъ предводительствомъ Ермолова могли ли сдѣлать чудеса и въ кампанію 1853—56 годовъ, такъ какъ Ермоловъ пережилъ эту эпоху. Точно также какихъ генераловъ имѣло бы правительство въ лицѣ пылкаго кавалериста Давыдова и благороднаго Сабанѣева! Но эти послѣдніе умерли рано, зато по ихъ рекомендаціи можно было выбрать лучшихъ для нихъ наслѣдниковъ, нежели нѣмцы Лидерсы, Сакены, Реады, Ридигеры, Липранди, и тому подобные. Конечно, Воронцовъ оставилъ глубокій слѣдъ въ русской исторіи отличной организаціей Новороссійскаго края, конечно, и Закревскій былъ строгій Московскій генералъ-губернаторъ послѣ 17-ти лѣтней ссылки въ деревнѣ, но эти службы были все же ниже той, которую они могли бы сослужить родинѣ и государю по тѣмъ способностямъ и опытамъ, которыми обладали. И вотъ это-то обстоятельство заставляетъ глубоко сокрушаться историка этихъ временъ при ближайшемъ знакомствѣ съ дарованіями этихъ лицъ по ихъ личной перепискѣ, передававшейся, къ слову сказать, оказіями или черезъ посредство главнаго перелюстратора Булгакова. Вообще можно даже по силѣ этой переписки въ началѣ двадцатыхъ годовъ, бдительной, живой, откровенной и страстной, мѣстами напоминающей передовыя статьи независимыхъ газетъ, которыхъ въ то время въ Россіи не было, и постепенно замиравшей, въ банальностяхъ и домашнихъ пустякахъ, въ срединѣ сороковыхъ годовъ, ясно судить о мертвящемъ значеніи эпохи, о томъ, что ничто русское, ничто дѣйствительно образованное, честное и преданное монарху на манеръ Сабанѣевской преданности, не могло имѣть голоса, когда дѣло нѣмецкаго порабощенія Россіи дошло до развинчиванія ружей, для полученія на ненавистныхъ русскимъ военноначальникамъ парадахъ превосходнаго темпа. Связанную и заморенную благоразумной экономіей армію, за которой скрывалось самое вопіющее и жестокосердное воровство, вели на убой потомки бездарнаго Дибича и Бенкендорфа, не знавшаго по-русски, такъ же какъ не зналъ по-русски и Нессельроде, и привели всю слѣпую и безгласную тогда Россію и ея царя къ позорищу парижскаго мира! Съ кѣмъ же? Съ Наполеономъ Третьимъ! Едва ли гдѣ-либо и когда-либо, мы найдемъ историческій урокъ такой силы и такого непререкаемаго значенія, какъ въ этомъ случаѣ. Невѣжество убило націю, опозорило ее, и умертвило, съ тоскою и отчаяніемъ въ сердцѣ, одного изъ лучшихъ, одного изъ благороднѣйшихъ по побужденіямъ своимъ монарховъ! Вотъ почему такая страшная вещь въ исторіи человѣчества, рабство незнанія и торжество невѣжества! Въ частности можно сказать, что всѣ эти дѣятели, столь молодые, столь смѣлые, умные и блестящіе, которыхъ вызвало къ исторической жизни царствованіе императора Александра I, исчезли за-

тѣмъ, доживъ даже до глубокой старости, какъ дожили до нея Закревскій, Волконскій, Паскевичъ и Воронцовъ, безслѣдно. Послѣ нихъ не осталось потомства, ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслахъ. Они умерли исторически одинокими, вѣроятно скрывая въ душѣ глубокое горе и предчувствіе грядущихъ событій. Ихъ же прямое потомство было ничтожно и не оставило слѣдовъ въ дальнѣйшей исторіи Россіи.

В. К. П.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖАНРЪ НА ВЫСТАВКАХЪ 1891 ГОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ жанръ составлялъ всегда, на всѣхъ нашихъ выставкахъ, за весьма рѣдкими исключеніями, самое слабое мѣсто. Только въ послѣдніе 10—15 лѣтъ нѣкоторые изъ крупнѣйшихъ нашихъ художниковъ,—напр. И. Е. Рѣпинъ, К. Е. Маковскій, Н. В. Невревъ, В. И. Суриковъ и отчасти даже Н. Н. Ге—стали мало-по-малу вносить нѣкоторую жизнь и правду въ ту академическую фальшь и условную безсмыслицу, которыя до того времени всѣми благодушно принимались за историческій жанръ. Мало-по-малу историческіе дѣятели стали являться на картинахъ не писанными красавцами, не полубогами, а обыкновенными смертными; положенія и позы, въ которыя ихъ ставилъ художникъ, не всегда оказывались красивыми и граціозными; даже платье на нихъ стали писать не всегда новымъ и сшитымъ съ иголочки. Съ другой стороны и самая историческая наука, и самое изученіе нашей бытовой старины, за послѣдніе 15—20 лѣтъ, подвинулись на столько впередъ, что художники увидѣли себя вынужденными руководствоваться въ изображеніи бытовой обстановки своихъ картинъ не гардеробомъ и бутафоріей театра, а дѣйствительными сокровищами нашихъ богатѣйшихъ музеевъ. Въ нашемъ историческомъ жанрѣ, на нашихъ глазахъ, совершился даже такой рѣзкій поворотъ, что возвращеніе къ «доброму старому времени» казалось невозможнымъ. Судя по послѣднимъ, наиболѣе крупнымъ историческимъ картинамъ, можно было даже опасаться того, что историческій жанръ до излишества подчинится реализму новѣйшей русской школы живописи, до нѣкоторой степени въ ущербъ установившимся у насъ представле-

ніямъ о старинѣ... Вмѣстѣ съ тѣмъ, можно было предполагать, что Карамзинъ, давно уже отжившій свой вѣкъ, какъ историкъ, не будетъ уже болѣе служить единственнымъ и исключительнымъ источникомъ вдохновенія для нашихъ художниковъ, пишущихъ историческія картины. Однакоже нынѣшняя академическая выставка убѣдила насъ въ томъ, что наша Академія Художествъ не шагнула впередъ въ историческомъ жанрѣ, что ея профессоры «исторической живописи» пребываютъ въ весьма наивномъ невѣденіи источниковъ нашей исторіи и вовсе не признаютъ нужнымъ для историческихъ картинъ ни изученіе эпохи, ни изученіе бытовой стороны того вѣка, изъ событій котораго они почерпаютъ сюжеты своихъ картинъ. Въ этомъ какъ нельзя лучше убѣдила насъ картина профессора исторической живописи В. П. Верещагина, «Защитники Троице-Сергіевой лавры», явившаяся однимъ изъ выдающихся произведеній академической выставки нынѣшняго года. Эта огромнѣйшая картина начиная съ ея названія, помѣщеннаго въ каталогѣ, и кончая всѣми подробностями бытовой обстановки — поражаетъ своею невѣрностью и несоотвѣтствіемъ съ дѣйствительностью начала XVII вѣка, къ которому относится эпизодъ славной защиты Троицкой обители противъ полчищъ Сапѣги и Лисовскаго. Говоримъ: начиная съ названія, потому что въ началѣ XVII вѣка и гораздо позже Троицкая обитель не была вовсе лаврою, какъ нынѣ, и во всѣхъ современныхъ актахъ называется просто Троицкимъ монастыремъ или домомъ св. Сергія, а потому никакъ не можетъ быть названа лаврою. Переходя отъ этой мелочной, но не маловажной подробности къ общему замыслу картины профессора Верещагина, мы въ ней опять, съ перваго же шага, натыкаемся на полное незнаніе самыхъ существенныхъ сторонъ того историческаго эпизода, который послужилъ темою для картины почтеннаго профессора. Авторъ картины, очевидно, смотритъ на дѣло защиты Троицкаго монастыря только съ той казовой и красивой стороны, которую, конечно, не трудно отыскать въ этомъ эпизодѣ геройской обороны монастыря горстью людей противъ 30,000 войска. Эпизодъ богатъ красками; но рядомъ съ красками яркими, пріятно поражающими насъ своимъ блескомъ и переливами, въ этомъ эпизодѣ есть и весьма мрачныя, весьма непривлекательныя стороны—есть страшная дѣйствительность, сохраненная намъ современными актами, и, очевидно, неизвѣстная г. профессору Верещагину. Такъ, напр., мы знаемъ, что Троицкая обитель, во все время осады, гораздо болѣе страдала отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, въ топливѣ, въ соли, въ чистой проточной водѣ, нежели отъ враговъ, осаждавшихъ обитель. Геройство защитниковъ обители, при этомъ, гораздо болѣе проявлялось въ томъ мужествѣ, съ которымъ они переносили всевозможныя лишенія, тѣсноту и болѣзни, нежели въ рѣдкихъ и большею

частью вынужденныхъ стычкахъ съ непріятелемъ, вообще говоря, очень осторожнымъ. Лишенія, тѣснота и болѣзни, переносимыя защитниками обители, были на столько велики, что почти всѣ «сидѣльцы дома св. Сергія» переболѣли въ теченіе осады по нѣскольку разъ, а смертность между ними была такъ велика, что почти каждый день уносилъ нѣсколько жертвъ; особенно много умирало народа отъ цынги и полнаго истощенія силъ. Сравнительно съ цифрою умиравшихъ отъ болѣзней, цифра убитыхъ на стѣнахъ обители во время трехъ приступовъ и нѣсколькихъ вылазокъ — была совершенно ничтожна... Добавимъ къ этому, что при лишеніяхъ, при тѣснотѣ, при страшно-свирѣпствовавшихъ болѣзняхъ, при постоянныхъ страданіяхъ отъ холода—настроеніе защитниковъ Троицкой обители не всегда было молитвенное и елейное. Несогласія, ссоры и драки были явленіемъ весьма обычнымъ между нисшими слоями населенія обители; въ то же время, въ средѣ иноковъ, воеводъ, старшихъ и начальныхъ людей — шли перекоры, споры, интриги. Настоятелю и воеводамъ безпре́станно приходилось разбирать жалобы, наказывать виновныхъ, возставать противъ насилія и разврата, которому много способствовало значительное преобладаніе женскаго элемента въ средѣ защитниковъ Троицкой обители. Само-собою разумѣется, что при вышеуказанныхъ условіяхъ и при весьма большомъ скопленіи народа на тѣсномъ пространствѣ, ограниченномъ каменною оградою обители, и грязь, и нечистота, и лохмотья—были самымъ обычнымъ и естественнымъ явленіемъ въ общемъ обиходѣ Троицкой осады. И мужчины, и женщины были одѣты и обуты во что̀ попало; пару сапогъ едва-ли можно было найти одну на десять человѣкъ, да и лапти, вѣроятно, не у всѣхъ были подъ руками. О какомъ-нибудь воинскомъ строѣ, о дисциплинѣ и порядкѣ при отраженіи непріятельскихъ приступовъ, или при вылазкахъ, конечно, не могло быть и помина, тѣмъ болѣе, что только половина защитниковъ обители состояла изъ нѣсколькихъ сотъ стрѣльцовъ, а остальные были простые монахи и крестьяне, взятые прямо отъ сохи и никогда не владѣвшіе оружіемъ. По свидѣтельству Авраамія Палицына, который очень художественно обрисовываетъ намъ нѣкоторые, выдающіеся типы защитниковъ обители, это, большею частью, были совершенные «простецы», расчитывавшіе исключительно на личное мужество и физическую силу, но неимѣвшіе ни малѣйшаго понятія о воинскомъ искусствѣ. Замѣтимъ здѣсь же кстати, что и вылазки изъ стѣнъ обители дѣлались не зря, не ради воинской славы и лавровъ, а съ гораздо болѣе скромными и болѣе опредѣленными цѣлями. Иногда къ вылазкѣ вынуждала необходимость добыть топлива — и партія защитниковъ возвращалась въ обитель съ возами и вязанками дровъ; иногда въ обители не хватало мяса, и троицкіе сидѣльцы выходили изъ обители, чтобы отбить у непріятеля

или добыть у сосѣдняго населенія нѣсколько штукъ скота. Наконецъ, иногда вылазки и нападенія на непріятельскій станъ дѣлались съ цѣлью прямо-военной рекогносцировки — для того, чтобы добыть языка, взглянуть на осадныя работы непріятеля и разрушить его подступы и подкопы. Съ каждой изъ подобныхъ вылазокъ сидѣльцы возвращались конечно пыльные и грязные, оборванные, окровавленные, нагруженные всякимъ добромъ и припасами и своими убитыми и ранеными... Населеніе обители, конечно, привѣтливо и радостно встрѣчало возвращавшихся съ вылазки сидѣльцевъ, но вылазки не составляли явленія необычайнаго, а потому и возвращеніе съ вылазки не могло вызывать большого волненія во всемъ населеніи обители, и тѣмъ болѣе не могло поднимать на ноги всего начальства духовнаго и свѣтскаго... Русскій человѣкъ, вообще говоря, не любитъ парадовъ и къ подвигамъ своимъ относится скромно, застѣнчиво.

Что же мы видимъ на картинѣ профессора Верещагина? На весьма обширной (и никогда не существовавшей) площади, между соборомъ и воротами Троицкой обители, происходитъ какой-то парадъ, который долженъ изображать возвращеніе «защитниковъ лавры» съ вылазки. Тутъ и красивыя позы, и отличныя, почти богатыя одежды, и блестящіе доспѣхи, и развѣвающіяся знамена. Вотъ двѣ группы людей, несущія убитаго и раненаго. Какъ осторожно и какъ красиво они это дѣлаютъ! А вотъ одинъ изъ возвратившихся съ вылазки стоитъ и крестится на храмъ: онъ одѣтъ безукоризненно; волосы его, кажется, даже завиты; изъ всѣхъ позъ, какія можетъ принять молящійся русскій человѣкъ, онъ избралъ самую красивую и самую академическую. Вотъ рядомъ другая группа: одному изъ вернувшихся съ вылазки даютъ напиться, и онъ жадно пьетъ, присѣвъ на что̀-то... Ни утомленія не видно въ немъ, ни безпорядка въ его одеждѣ и вооруженіи. А вотъ бѣжитъ какой-то довольно большой мальчикъ, почему-то въ одной рубахѣ, безъ штановъ, хотя вообще въ русскомъ народѣ такъ не принято водить мальчишекъ старше 4—5 лѣтъ. Зачѣмъ бѣжитъ онъ и куда?—это неизвѣстно зрителю, который сразу понимаетъ только то, что этотъ голоногій мальчикъ былъ нуженъ художнику, чтобы занять пустое мѣсто въ картинѣ. Съ тою же цѣлью посажены слѣва, на первомъ планѣ, какія-то женщины, подъ навѣсомъ, около соборнаго крыльца; сидятъ онѣ, никому ненужныя, совершенно безучастныя, какъ будто случайно попавшія въ картину!... Далѣе—ужъ совсѣмъ какъ на плацу губернскаго города во время воскреснаго развода мѣстныхъ войскъ, какіе-то воеводы, надъ которыми развѣваются знамена, важно и торжественно встрѣчаютъ вернувшихся съ вылазки сидѣльцевъ, которые правильнымъ строемъ дефилируютъ мимо нихъ. Вонъ, въ изумительномъ порядкѣ, безъ всякой давки и тѣсноты, сидѣльцы подходятъ ко кресту и иконамъ,

которые вынесены къ собору духовными властями. Вонъ, вдали, направо, красиво обернувшись и красиво вытянувъ руку съ булавою (или съ шестоперомъ?), какой-то начальный человѣкъ, на конѣ и въ полной формѣ, т. е. въ шеломѣ и латахъ, отдаетъ какія-то приказанія... А вотъ и цѣлая группа плѣнныхъ [1]), въ пестрыхъ польскихъ костюмахъ... Для полноты художественной фальши недостаетъ только музыки и трофеевъ, которые бы торжественно несли къ собору! И нигдѣ ни малѣйшаго признака безпорядка, грязи, лохмотьевъ, страданій!... Въ стѣнахъ собора, правда, показаны художникомъ выбоины и трещины отъ ядеръ; ядра, оружіе и коекакіе предметы изъ обихода обители написаны какъ бы разбросанными по землѣ; но все это разбросано такъ правильно, съ такимъ разсчетомъ на эфектъ, съ такимъ предвзятымъ намѣреніемъ, что на эти аксессуары даже смотрѣть и жалко, и скучно...

Въ заключеніе еще одна немаловажная мелочь. Надъ входомъ въ соборъ обители г. Верещагинъ написалъ на своей картинѣ очень красивый зонтикъ изъ листоваго желѣза, въ родѣ тѣхъ, которые въ настоящее время часто видимъ надъ входами въ храмы и частныя зданія. Мы не знаемъ такихъ зонтиковъ надъ входами и крыльцами въ нашихъ зданіяхъ и храмахъ, уцѣлѣвшихъ отъ XVII вѣка. Знаемъ сверхъ того, что листовое желѣзо, даже и въ концѣ XVII столѣтія, составляло въ Москвѣ диковинку и рѣдкость, вывозимую изъ-за моря черезъ Архангельскъ; а потому и думаемъ, что подобнаго зонтика или навѣса надъ входнымъ крыльцомъ собора въ Троицкой обители быть не могло.

По картинѣ профессора исторической живописи В. П. Верещагина мы могли судить о томъ, какъ онъ знаетъ и какъ понимаетъ исторію, и какъ способенъ передавать историческіе сюжеты въ живописи. Уже и одного бѣглаго взгляда на произведеніе г. профессора было бы достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о тѣхъ ученикахъ, которыхъ онъ можетъ къ историческому жанру подготовить? Но, по особенно счастливой случайности, академическая выставка нынѣшняго года дала намъ возможность полюбоваться и произведеніемъ ученика рядомъ съ произведеніемъ учителя... Въ одной изъ залъ академіи стояла весьма эфектная картина молодого художника Карелина, передъ которою публика очень охотно останавливалась, даже восхищалась ею. И немудрено: картина, выражаясь языкомъ художниковъ, написана сочно, ярко,

---

[1]) Троицкіе сидѣльцы не могли приводить съ собою въ обитель много плѣнныхъ съ вылазокъ, во-первыхъ, потому, что они на вылазки выходили въ маломъ числѣ; а во-вторыхъ, потому, что каждый лишній ротъ составлялъ разсчетъ въ стѣнахъ обители. Излишнихъ плѣнныхъ, конечно, избивали на пути къ обители и оставляли изъ нихъ въ живыхъ только тѣхъ, кто могъ быть полезенъ, какъ «языкъ»; или же начальныхъ людей, на которыхъ можно было вымѣнять свою братію, попавшуюся въ плѣнъ къ полякамъ.

ловко взята; передъ глазами зрителей мелькаютъ красивыя лица женщинъ, пестрые и золотые кафтаны мужчинъ на картинѣ есть оживленіе, движеніе, смѣлыя сочетанія тѣней и свѣта. При первомъ взглядѣ на эту картину, никто, конечно, не рѣшился бы (даже и при весьма основательномъ знаніи русской исторіи) сказать: — что именно изображено на картинѣ г. Карелина? Судите сами, по описанію картины. Въ богатомъ теремѣ происходитъ какая-то свалка. Три человѣка, въ костюмахъ Петровскихъ потѣшныхъ, вяжутъ, скручивая веревками, какихъ-то людей, одѣтыхъ въ богатые боярскіе кафтаны. На первомъ планѣ, слѣва, красивая женщина, невѣдомо почему разметавъ по плечамъ прекрасные волосы, закинулась на табуретъ; она какъ будто кричитъ и отбивается отъ того насилія, которое собираются и надъ нею чинить тѣже «потѣшные»... Въ глубинѣ, позади этихъ фигуръ, которыя копошатся и возятся на первомъ планѣ, видна до половины женщина среднихъ лѣтъ, въ царскомъ нарядѣ и даже въ какой-то западной коронѣ съ крестомъ, въ родѣ тѣхъ, которыя французскіе художники изображаютъ на головахъ французскихъ королевъ XIV и XV вѣковъ. Эта женщина, повидимому, очень недовольна тѣмъ, что происходитъ на ея глазахъ и отчасти напугана. Вотъ и все.

Признаемся откровенно, что, не заглядывая въ каталогъ выставки, мы объяснили себѣ картину такъ:—художникъ, вѣроятно, хотѣлъ изобразить «ряженыхъ въ царскомъ кружалѣ». Ряженые въ кружалѣ нашумѣли, набуянили—и вотъ «потѣшные», которые иногда исполняли роль блюстителей порядка, ворвались въ кружало, и вяжутъ расшумѣвшуюся компанію... Но каково же было наше удивленіе, когда мы прочли въ каталогѣ, что г. Карелинъ выдаетъ свою картину за «Арестъ (?) царевны Софьи!!» Г. Карелинъ! помилосердуйте! Да загляните же въ учебники!... А если вы ихъ не признаете, такъ ужъ повѣрьте намъ на слово! «Ареста» Софьи и какихъ бы то ни было бурныхъ сценъ по этому поводу въ ея теремѣ—никогда въ нашей исторіи не бывало.

Въ сентябрѣ 1689 г., когда Петръ удалился въ Троицкую обитель и приказалъ туда собраться всѣмъ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ, Софья была разомъ покинута всѣми. Она осталась одна одинёшенька съ своими сестрами, немногими боярынями и служнею. Послѣднимъ покинулъ ее князь В. В. Голицынъ, ея любимецъ, также отправившійся въ обитель по приказу Петра. Шакловитый, котораго Софья задумала укрывать въ своихъ «заднихъ» хоромахъ, былъ истребованъ отъ нея стрѣльцами и силою отвезенъ къ Троицѣ, гдѣ его вскорѣ судили и казнили. Затѣмъ, Софьѣ былъ присланъ указъ Петра, по которому она добровольно и безъ всякаго насилія удалилась въ Дѣвичій монастырь, гдѣ впослѣдствіи и постриглась. Но при этомъ удаленіи не было ни потѣшныхъ, ни драки въ теремѣ Софьи, ни бояръ, которыхъ бы нужно было скручивать ве-

ревками:—не было ни формальнаго ареста, ни повода къ насилію, Впослѣдствіи [1]) келья царевны Софьи обратилась въ весьма тѣсное заточеніе; къ ней былъ приставленъ военный караулъ и всѣ сношенія царевны съ внѣшнимъ міромъ пресѣчены суровою волею Петра... Но ареста все же никакого не послѣдовало; никто не дрался, никто никого не вязалъ!... Откуда же вы взяли, г. Карелинъ, сюжетъ вашей изумительной въ историческомъ смыслѣ картины? Откуда пришло вамъ въ голову, что Софья, при арестѣ, могла быть въ большомъ нарядѣ, да еще съ короною на головѣ? Неужели вы вынесли такія знанія древне-русскаго быта изъ академическаго преподаванія? Печально; но иначе и быть не могло: яблоко отъ яблони не далеко падаетъ, и ученикъ оказался вполнѣ достойнымъ своего учителя.

На передвижной выставкѣ нынѣшняго года было, къ сожалѣнію, лишь очень небольшое и незначительное произведеніе Н. В. Неврева, такъ какъ главная картина, которую этотъ почтенный художникъ готовилъ къ выставкѣ, не могла быть окончена къ сроку. Но за то однимъ изъ лучшихъ украшеній выставки явилось произведеніе другого, уже весьма извѣстнаго, молодого художника, который обѣщаетъ многое въ будущемъ сдѣлать въ области историческаго жанра. Мы говоримъ о картинѣ Кл. Вас. Лебедева: «Уничтоженіе Новгородскаго вѣча».

Давно уже не случалось намъ видѣть на нашихъ выставкахъ произведенія столь серьезно обдуманнаго и такъ прекрасно, такъ ярко и сильно исполненнаго. Всѣ фигуры, выведенныя художникомъ, полны жизни, полны выраженія; всѣ группы и положенія—осмысленны; всѣ историческія подробности взяты прямо изъ живой исторической дѣйствительности; всѣ мельчайшія детали отдѣланы съ поразительною тщательностью и переданы съ замѣчательнымъ умѣньемъ, можно почти сказать—съ виртуозностью. Болѣе же всего въ картинѣ художника Лебедева поражаетъ то чувство правды и мѣры, которое, конечно, существенно необходимо именно въ произведеніяхъ историческаго жанра. Вы смотрите на это «Уничтоженіе Новгородскаго вѣча» и видите передъ собою не сцену, разыгрываемую актерами для зрителя, а настоящій историческій фактъ, совершающійся просто, въ силу извѣстнаго закона исторической необходимости—и только! Тѣ люди, которыхъ художникъ поставилъ передъ вами, страдаютъ, мучаются, выносятъ тяжкія мученія нравственныя — но никто изъ нихъ не ломается, не рисуется своими страданіями, и всѣ съ величавымъ спокойствіемъ подчиняются тому, что должно случиться... Рядомъ съ ними—другіе люди, заставляющіе страдать эту горсть несчастныхъ, видимо, исполняютъ только «волю пославшаго»; они не участвуютъ въ своемъ

---

[1]) Послѣ возвращенія Петра изъ перваго путешествія за границу.

дѣлѣ душою, а просто исполняютъ извѣстный строгій приказъ великокняжескій, не внося въ это исполненіе ни страстности, ни злобы, ни мщенія, ни даже торжества побѣдителей надъ побѣжденными и сильныхъ надъ слабыми. Намъ кажется, что, въ данномъ случаѣ, художникъ превосходно угадалъ одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ русской исторіи и того времени, въ которое многое (и въ особенности захваты Москвы) совершалось именно такъ, какъ онъ изобразилъ... Одна сторона, отжившая свой вѣкъ, сдѣлавшая свое дѣло, молча, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и достоинства, отступала и уступала свое мѣсто другой, болѣе сильной, потому что этой сторонѣ, несомнѣнно, принадлежало будущее—общее будущее всей русской земли!.. Главную часть картины г. Лебедева, ея художественный центръ, составляетъ группа новгородскихъ бояръ, обреченныхъ на высылку изъ Великаго Новгорода; связанные по рукамъ и ногамъ, они сидятъ и полулежатъ на снѣгу около Марѳы Посадницы, которая сурово и молчаливо присутствуетъ при паденіи Новгородскаго величія, при гибели и страданіяхъ своихъ близкихъ и кровныхъ. Ея сердце переполнено горемъ, но не тѣмъ, которое изливается слезами, разражается рыданіями, воплями, стонами, а тѣмъ, которое обращаетъ человѣка въ камень, дѣлаетъ его нечувствительнымъ ко всему, что около него происходитъ. Кругомъ Марѳы плачутъ и сокрушаются женщины, жены и дочери бояръ; передъ нею заковываютъ въ колодку одного изъ знатнѣйшихъ новгородцевъ, а Марѳа стоитъ, устремивъ взоръ въ пространство и сдвинувъ брови — ни одинъ мускулъ не шевелится въ ея лицѣ. Страшное молчаніе, страшное спокойствіе! И никто кругомъ не понимаетъ душевнаго состоянія Марѳы:—одинъ только юродивый, который стоитъ на колѣняхъ около боярина, заковываемаго въ колодку, проникъ чуткимъ сердцемъ своимъ въ душу Марѳы, и указываетъ ей и всѣмъ ея окружающимъ на небо, какъ бы желая имъ напомнить о Богѣ и спасти ихъ отъ ожесточенія и отчаянія. Этотъ юродивый и служитъ чрезвычайно удачнымъ связующимъ звѣномъ между двумя важнѣйшими группами картины г. Лебедева. За этими группами начинается уже рядъ лицъ второстепенныхъ и переходъ къ второстепеннымъ группамъ картины, которыя мало-по-малу сливаются съ общимъ фономъ толпы, наполняющей Ярославово дворище. Изъ этихъ второстепенныхъ лицъ выдѣляются: мощная фигура мрачнаго кузнеца, который заковываетъ боярина, тонкая и гибкая фигура хитраго московскаго дьяка, съ грамотой въ рукахъ, толстый и широкій московскій воевода, въ шеломѣ и латахъ съ зерцаломъ, наблюдающій за исполненіемъ великокняжескаго указа, воинъ въ куякѣ и стеганномъ доспѣхѣ, опирающійся на бердышъ и съ любопытствомъ наблюдающій все, что̀ кругомъ происходитъ. Въ глубинѣ — важная для картины группа московскихъ воиновъ, которые вывозятъ съ дворища вѣчевой ко-

локолъ, взваленный на дровни и крѣпко къ нимъ привязанный... Эти воины не безъ насмѣшки глядятъ на новгородскихъ именитыхъ людей и купцовъ, которые со слезами провожаютъ колоколъ и кланяются, прощаясь съ нимъ, въ землю. Направо, на второмъ планѣ, группа сторонниковъ Москвы, среди которой выдѣляется фигура одного изъ нихъ, злорадно улыбающагося, и фигура купца-нѣмчина, который съ удивленіемъ слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ на дворищѣ—обычномъ мѣстѣ собранія Новгородскаго вѣча. На заднемъ планѣ картины—воины и сѣрая масса народа; а надъ всѣмъ—сѣдая, угрюмая мгла туманнаго зимняго утра, столь обычная на низменныхъ и болотистыхъ берегахъ Волхова...

Да, картина К. В. Лебедева—это истинная, правдиво и съ любовью написанная страница русской исторіи, глубоко прочувствованная художникомъ и переданная имъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Отъ души желаемъ талантливому художнику успѣха и ждемъ отъ него въ будущемъ новыхъ и столь же серьезныхъ произведеній,—ждемъ новыхъ доказательствъ его горячей любви къ дѣлу изученія родной старины и древне-русскаго быта...

Пепо.

ГРАФЪ МОЛЬТКЕ.

(1800 — 1891 гг.).

АПРѢЛЯ 13-го (25-го) настоящаго года скончался генералъ-фельдмаршалъ графъ Мольтке. Не смотря на преклонный возростъ Мольтке, смерть его была все-таки неожиданностью, такъ какъ въ день кончины фельдмаршалъ, послѣ полудня вслѣдъ за засѣданіемъ въ рейхстагѣ, присутствовалъ еще въ засѣданіи прусской палаты господъ и затѣмъ, придя домой, скончался тихо и безболѣзненно, какъ гласила телеграмма, отъ паралича сердца. Такой конецъ вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру покойнаго и всей его дѣятельности — строго-обдуманной, непрерывной и систематичной, какъ самая точная машина.

Вотъ краткія біографическія данныя, касающіяся государственной дѣятельности знаменитаго генерала. Гельмутъ-Карлъ-Бернаръ графъ фонъ-Мольтке родился въ Мекленбургѣ въ городѣ Пархимѣ 14-го (26-го) апрѣля 1800 года, въ старинной дворянской семьѣ, извѣстной еще въ XIII столѣтіи. Отецъ его Фридрихъ-Филиппъ фонъ-Мольтке служилъ сначала въ прусской арміи, потомъ перевелся въ датскія войска, гдѣ и дослужился до чина генералъ-лейтенанта. Сынъ его поступилъ наоборотъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ помѣщенъ въ датскій кадетскій корпусъ, откуда въ 1818 году былъ выпущенъ подпоручикомъ въ одинъ изъ датскихъ полковъ. Какъ бы предвидя свою будущую карьеру, онъ не пожелалъ оставаться въ войскахъ второстепеннаго государства и черезъ четыре года исходатайствовалъ себѣ переводъ тѣмъ же чиномъ въ прусскую армію. Просьба его была принята и онъ былъ опредѣленъ въ 8-й прусскій

пѣхотный полкъ, гдѣ и служилъ безъ всякихъ повышеній въ теченіе десяти лѣтъ. Послѣдніе два года онъ слушалъ лекціи въ берлинской военной академіи, по окончаніи курса которой былъ произведенъ въ поручики и переведенъ въ генеральный штабъ. Такимъ образомъ, начало службы не предвѣщало Мольтке въ будущемъ ничего блестящаго. Великія Наполеоновскія войны, во время которыхъ создавались не только полководцы, но даже короли, когда по образному выраженію Наполеона I-го солдаты носили въ своихъ ранцахъ маршальскіе жезлы, пролетѣли мимо него, когда онъ былъ еще ребенкомъ и юношей, и на 33-мъ году жизни, когда люди, рожденные быть великими полководцами, дѣлали уже великія дѣла, въ эти годы Мольтке былъ только ничтожнымъ поручикомъ, да еще въ такія времена, когда война нигдѣ не предвидѣлась. Двѣнадцатилѣтней службой въ подпоручичьемъ чинѣ и кончается непосредственное соприкосновеніе Мольтке съ войсками, т. е. со строемъ. Затѣмъ, вся остальная служба, т. е. болѣе полувѣка, посвящена штабной дѣятельности.

Въ 1835 году Мольтке отправился въ Турцію уже въ чинѣ капитана. Сначала онъ путешествовалъ ради развлеченія и любознательности по Малой Азіи, но въ Константинополѣ понравился сераскиру—Мехметъ-Хозреву-пашѣ, который представилъ его султану. Махмудъ II только-что передъ этимъ уничтожилъ янычаръ и былъ занятъ преобразованіемъ своей новой арміи на европейскій ладъ. По приглашенію султана и съ согласія своего правительства, Мольтке поступилъ на турецкую службу, въ которой и оставался четыре года. Такъ какъ Мольтке турецкаго языка не зналъ, то врядъ ли онъ и могъ въ такой сравнительно короткій срокъ принести особенную пользу турецкой арміи. Тѣмъ не менѣе нѣмецкіе біографы говорятъ, что онъ не только оказалъ большое вліяніе на реформы, но успѣлъ еще въ это время сопровождать султана въ его путешествіяхъ по Болгаріи, руководить фортофикаціонными работами въ Варнѣ, Шумлѣ, Силистріи и Рущукѣ, и участвовать въ войнѣ съ египтянами въ 1839 году.

Послѣ смерти султана, Мольтке вернулся въ Пруссію съ хорошими отзывами турецкаго двора и съ репутаціей боевого офицера. Въ 1842 году онъ былъ произведенъ въ маіоры, а въ 1846 назначенъ личнымъ адъютантомъ принца Генриха прусскаго, жившаго въ то время въ Римѣ. Послѣ смерти принца, онъ былъ назначенъ въ штабъ 7-го корпуса, потомъ начальникомъ отдѣленія главнаго генеральнаго штаба и наконецъ начальникомъ штаба 4-го корпуса. Въ 1855 году, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, онъ былъ назначенъ состоять при принцѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ (впослѣдствіи императорѣ Фридрихѣ III), а въ 1857 году — начальникомъ генеральнаго штаба. Эта послѣдняя должность имѣла въ Пруссіи особенно важное значеніе. Въ военное время начальникъ генеральнаго штаба долженъ былъ исполнять обязанности начальника по-

левого штаба при главнокомандующемъ, а въ мирное онъ былъ подчиненъ непосредственно королю и потому обладалъ такой же самостоятельностью, какъ и военный министръ. Дѣятельность начальника генеральнаго штаба была весьма широкая. Въ штабѣ сосредоточивалось не только все то, что̀ относится до мобилизаціи и сосредоточенія войскъ, а также развѣдывательная служба по ча-

Графъ Мольтке въ 1890 году.

сти иностранныхъ армій; кромѣ того обсуждались вопросы, касавшіеся организаціи и обученія войскъ. Поэтому генералу Мольтке сразу открылась весьма широкая дѣятельность. Не смотря на трудность и сложность работы, онъ, благодаря своимъ дарованіямъ, неутомимости и умѣлому подбору помощниковъ, вполнѣ справился съ этой работой и имѣлъ рѣдкое счастье три раза провѣрить себя

и собрать плоды своихъ трудовъ на кровавыхъ поляхъ сраженій. Такимъ образомъ, своей неутомимой дѣятельностью онъ вмѣстѣ съ военнымъ министромъ фонъ-Роономъ много способствовалъ исполненію плана Бисмарка—объединенія Германіи и ослабленія Австріи и Франціи.

Пробнымъ камнемъ для этихъ трехъ дѣятелей минувшаго царствованія Вильгельма II послужила война 1864 года за Шлезвигъ-Гольштейнъ. Мольтке въ эту войну состоялъ начальникомъ штаба при главнокомандующемъ принцѣ Фридрихѣ-Карлѣ, особенно высказавшемъ свои военныя способности въ кампанію 1870—71 гг. Въ сравнительно легкую кампанію 1864 года, Мольтке имѣлъ возможность пополнить нѣкоторые пробѣлы и уже черезъ два года прусская армія удивила всю Европу необыкновенной быстротой мобилизаціи и сосредоточенія на австрійской границѣ. Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли кампанія была кончена и Австріи былъ нанесенъ подъ Садовой тяжелый дипломатическій и военный ударъ. Кромѣ превосходства прусской мобилизаціи и организаціи надъ австрійской, побѣдамъ первыхъ способствовало также и то счастливое обстоятельство, что австрійцы принуждены были вести войну на два фронта, т. е. биться единовременно на сѣверѣ съ пруссаками, и на югѣ съ итальянцами. Въ такомъ же положеніи была въ свое время и Пруссія въ Семилѣтнюю войну, хотя и имѣла во главѣ своихъ войскъ геніальнаго полководца Фридриха-Великаго. Война 1866 года была прямымъ послѣдствіемъ кампаніи противъ Даніи, результатами которой Австрія была недовольна. Съ другой стороны поводы къ войнѣ таились въ старинной враждѣ Габсбургскаго и Гогенцоллернскаго домовъ за гегемонію въ Германіи. Вѣнскій конгрессъ, — по выраженію Мольтке, — создалъ такое положеніе, при которомъ война явилась «историческою необходимостью; для обѣихъ державъ не было мѣста; одна изъ двухъ должна была уступить»...

Такъ разсуждаетъ всякій военачальникъ, стоящій на стражѣ интересовъ своего государства; также разсуждалъ Мольтке и въ 1870—71 годахъ. Дѣятели въ сферѣ военнаго дѣла ищутъ иногда не только поводъ къ войнѣ, но объясняютъ ее кромѣ того «историческою необходимостью»...

Когда разрывъ между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами окончательно выяснился, Пруссія явилась несомнѣнно для всѣхъ гораздо болѣе готовой къ бою, чѣмъ ея гордый и безпорядочный противникъ. Общеобязательная воинская повинность, принятая еще въ 1814 году и нарушавшаяся прежде на практикѣ, въ 1860 году получила уже полное примѣненіе. Цѣлый рядъ важныхъ реформъ былъ примѣненъ военнымъ вѣдомствомъ весьма быстро и безъ законодательной санкціи. Такимъ образомъ, дѣйствующая армія въ теченіе десяти лѣтъ (1850—60) по штатамъ мирнаго вре-

мени возросла на 85 тысячъ, т. е. на три четверти стала болѣе прежняго. По приведеніи на военное положеніе полевыя, запасныя и гарнизонныя войска могли уже въ тѣ времена выставить до 660 тысячъ солдатъ!

Дѣленіе войскъ на корпуса, дивизіи и бригады, существовавшее постоянно, значительно облегчало организацію военнаго времени, избавляя отъ формированія ихъ и новыхъ штабовъ только въ минуту необходимости, недостатокъ — которымъ страдали военныя организаціи всѣхъ прочихъ государствъ и порождавшій между прочимъ весьма важныя недоразумѣнія въ командномъ отношеніи. Что касается вооруженія, то и въ этомъ отношеніи Пруссія опередила своихъ соперниковъ: ручное оружіе все было скорозарядное, игольчатой системы Дрейзе; въ полевой же артилеріи двѣ трети пушекъ состояли уже изъ 4-хъ и 6-ти фунтовыхъ, заряжавшихся съ казны, пушекъ. Пріемы и способы мобилизаціи тоже были лучшіе; правда, пруссаки имѣли возможность не торопиться: часть войскъ начала мобилизоваться еще съ 3-го мая. Что касается сосредоточенія, то въ періодъ времени съ 16-го мая по 5-е іюня, т. е. въ 21 день было сосредоточено на австрійской и саксонской границахъ около 200 тысячъ человѣкъ.

Мольтке въ 1859 г.

Мольтке въ 1870 г.

Австрія, не смотря на вдвое большее населеніе (37 и 19 милліоновъ) могла выставить въ тотъ же срокъ значительно меньшія силы. Вооруженіе войскъ тоже уступало прусскимъ; австрійцы были вооружены нарѣзными ружьями, заряжавшимися съ дула. Главнокомандующій австрійскихъ войскъ фельдцейхмейстеръ Бенедекъ ока-

зался совершенною бездарностью. Послѣ первыхъ далеко еще нерѣшительныхъ неудачъ, онъ совсѣмъ растерялся и 1-го іюля за два дня до рѣшительнаго сраженія при Садовой (Кенегсгрецѣ) отчаянно телеграфировалъ императору: «умоляю васъ, ваше величество, во что̀ бы то ни стало заключить миръ. Армію ожидаетъ неминуемая катастрофа». Не мудрено послѣ этого, что при Садовой 220 тысячъ пруссаковъ нанесли полное пораженіе 215 тысячамъ австрійцевъ; $^{1}/_{5}$ часть всей австрійской арміи легла на полѣ битвы или попала въ плѣнъ.

Въ эту кампанію обращаетъ на себя вниманіе, какъ уже сказано выше, организація, мобилизація и вооруженіе прусской арміи. Свѣдѣнія о противникѣ въ главной квартирѣ имѣлись сначала довольно смутныя. Только черезъ нѣсколько дней послѣ открытія военныхъ дѣйствій общее положеніе дѣлъ и характеръ непріятельскаго главнокомандующаго нѣсколько выяснились; съ этого времени Мольтке предписываетъ старшимъ военачальникамъ рѣшительные и рискованные маневры съ цѣлью помѣшать сосредоточенію австрійцевъ.

До 30-го іюля какъ король, такъ и Мольтке, остаются въ Берлинѣ и общіе директивы посылаются оттуда. При этомъ Мольтке въ своихъ общихъ распоряженіяхъ является такимъ же, какъ и впослѣдствіи въ франко-прусскую войну, т. е. осторожнымъ сначала, рѣшительнымъ послѣ перваго успѣха, по полученіи убѣжденія въ слабости противника. Сначала Мольтке держится оборонительнаго образа дѣйствія, при чемъ дѣлается довольно крупная ошибка—прусскіе корпуса разбрасываются вдоль границы, то-есть та же ошибка, которая была одною изъ причинъ гибели французовъ въ 1870 году. Правда, Мольтке своевременно исправилъ эту ошибку. Атака арміи Бенедека подъ Садовой, произведенная по настоянію Мольтке, производилась по частямъ: бой начался въ 7 часовъ утра, прусскія арміи подходили одна за другой и до появленія на полѣ сраженія II-й арміи австрійцы имѣли огромный численный перевѣсъ. Бенедекъ имѣлъ полную возможность разбить первыя двѣ прусскія арміи до подхода третьей, если бы обладалъ большимъ талантомъ или хотя бы твердымъ характеромъ и находчивостью.

Кампанія 1866 года доставила Мольтке громкую европейскую извѣстность; въ награду за кампанію онъ былъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи и получилъ крупную денежную награду. Прусская армія и ея организація стала обращать на себя вниманіе. Денежная награда дала возможность Мольтке купить себѣ имѣніе. Извѣстный стратегъ неоднократно заявлялъ о своемъ пристрастіи къ сельскому хозяйству и садоводству, но усовершенствованія вооруженныхъ силъ Германіи и разработка плана войны съ Франціею отвлекли его отъ этихъ мирныхъ занятій. Въ этотъ разъ, какъ

и въ предыдущій, Мольтке считалъ войну съ Франціей тоже «неизбѣжной и необходимой», хотя Наполеонъ III, въ ожиданіи територіальнаго вознагражденія, держался строгаго нейтралитета. Глядя на все съ точки зрѣнія исключительно военной, поглощенный своими стратегическими замыслами, Мольтке предлагалъ, покончивъ съ Австріей, придраться къ чему-нибудь и наброситься на Францію; такой образъ дѣйствія, по его мнѣнію, сразу приводилъ въ исполненіе планъ объединенія Германіи. Хотя состояніе вооруженныхъ силъ Франціи въ тѣ времена было не особенно завидное,—Франція была ослаблена Мексиканской экспедиціей, тѣмъ не менѣе врядъ ли замыселъ Мольтке окончился бы удачею уже по тому, что вновь созданный Сѣверо-германскій союзъ не получилъ надлежащей системы, отдѣльныя части его еще не спаялись между собою; наконецъ, онъ не могъ еще выставить той огромной арміи, которая въ 1870 году сразу хлынула во Францію и наводнила чуть не половину этой страны. Впрочемъ, Мольтке не пришлось долго ждать и черезъ четыре года судьба вознесла его на такую высоту, какой быть можетъ онъ и не разсчитывалъ достигнуть. Августъ мѣсяцъ 1870 г. былъ для него сплошнымъ торжествомъ: это были послѣдніе и самые обильные лавры, сорванные на поляхъ битвъ.

Мольтке въ 1869 г.

Такъ же, какъ и въ предыдущую кампанію, союзныя германскія войска, по плану Мольтке, были сосредоточены въ три арміи, и, наконецъ, какъ и прежде, занимали сначала оборонительное положеніе, съ тою разницею, что разброска корпусовъ (кордонное расположеніе) была на этотъ разъ избѣгнута, тогда какъ семь французскихъ корпусовъ, болѣе чѣмъ въ полтора раза уступая общей численностью германскимъ арміямъ, были разбросаны по всей границѣ отъ Тіонвиля до Страсбурга и фактически не имѣли общаго главнокомандующаго [1]). Мобилизаціонная часть явилась у германцевъ на этотъ разъ еще въ болѣе блистательномъ видѣ. Свѣдѣнія

[1]) 340 тысячъ германцевъ было сосредоточено между Саарлуи и Ландау (100 верстъ), а 180 тысячъ французовъ между Тіонвилемъ и Страсбургомъ (200 верстъ).

о Франціи, всегда аккуратно собиравшіяся въ штабѣ Мольтке, были еще пополнены передъ войной, тогда какъ французовъ не вразумилъ ни погромъ австрійцевъ при Садовой, ни безпрерывныя и дѣльныя донесенія полковника Стоффеля, военнаго агента въ Берлинѣ (всѣ онѣ найдены были въ Тюльери послѣ войны нераспечатанными), и война была начата ими совершенно азартно. Диверсія къ Рейну съ цѣлью разъединенія Германіи, вслѣдствіе неготовности французовъ, осталась только въ проектѣ, а присоединеніе къ союзу Баваріи, Вюртемберга и Бадена, прибавило новый шансъ къ игрѣ Мольтке, на который безусловно онъ разсчитывать не могъ. Между тѣмъ, этими войсками былъ разбитъ Макъ-Магонъ, т. е. правый флангъ общаго расположенія французовъ былъ опрокинутъ арміей наслѣднаго принца, состоявшей изъ войскъ южногерманскихъ государствъ.

Здѣсь такъ же, какъ и въ кампанію 1866 года, можно прослѣдить общія основанія системы Мольтке: стратегическій обходъ фланговъ непріятеля, при чемъ большая часть кавалеріи въ видѣ общей завѣсы высылается впередъ для освѣщенія впереди лежащихъ районовъ и прикрытія передвиженій главныхъ силъ. Изслѣдователи франко-прусской войны съ восторгомъ отзываются о рѣдкомъ умѣньи Мольтке быстро угадать обстановку и намѣренія противника и затѣмъ принять немедленно соотвѣтствующій планъ. При этомъ обращаютъ вниманіе на умѣнье направить въ извѣстномъ операціонномъ направленіи огромныя массы войска, болѣе полумилліона, и комбинировать ихъ движеніе въ извѣстномъ порядкѣ. Здѣсь, какъ и въ предыдущую войну, Мольтке, вслѣдствіе своего исключительнаго положенія, не являлся непосредственнымъ вождемъ войскъ на полѣ сраженія: каждый изъ главнокомандующихъ трехъ армій, а впослѣдствіи четырехъ, получаетъ только общіе директивы и дѣйствуетъ совершенно самостоятельно. Только въ нѣсколькихъ случаяхъ Мольтке вмѣшивался въ нѣкоторыя детали: такъ, послѣ побѣдъ подъ Вертомъ и Форбахомъ, во время операцій подъ Мецомъ, онъ даетъ нѣкоторыя указанія для дѣйствія отдѣльныхъ корпусовъ; тоже во время движенія шалонской арміи къ Седану. Во вторую половину кампаніи, принимая мѣры противъ вспомогательныхъ армій, шедшихъ на выручку Парижа и Бельфора, онъ предписываетъ принцу Фридриху-Карлу (1-го января) атаковать луарскую армію Шанзи, а генералу Вердеру съ 14-мъ корпусомъ удержать восточную армію Бурбаки подъ Бельфоромъ до прибытія генерала Мантейфеля. Во всѣхъ этихъ случаяхъ счастливые результаты оправдываютъ рискованные подчасъ мѣры, предпринимаемыя Мольтке. Подъ Мецомъ на помощь Мольтке является нерѣшительность въ самые важные моменты операціи со стороны Базена и, наконецъ, его измѣна государству, вполнѣ теперь доказанная. Седанская операція велась Макъ-Магономъ до такой степени безпо-

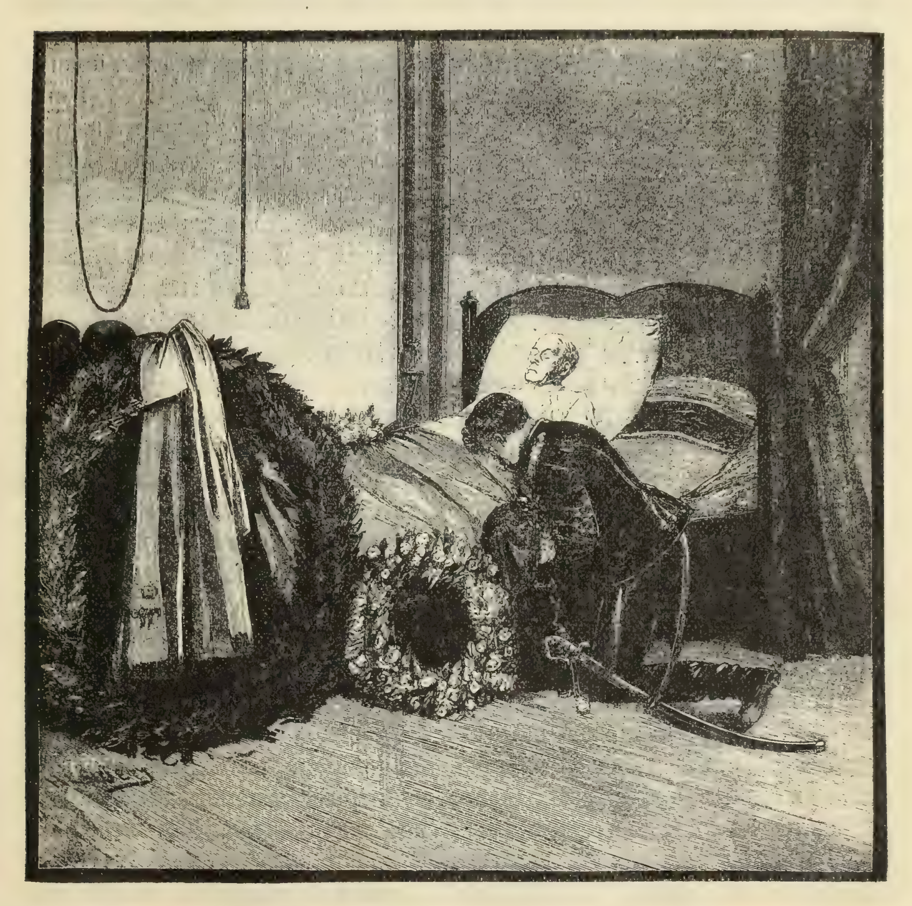

Графъ Мольтке въ своемъ рабочемъ кабинетѣ въ главномъ штабѣ.

рядочно и рискованно, что казалось этотъ маршалъ самъ выбралъ себѣ ловушку и самъ въ нее полѣзъ. Такое поведеніе имѣло тоже политическую подкладку. Еще 20-го августа военный совѣтъ въ Шалонѣ призналъ болѣе цѣлесообразнымъ отступить къ Парижу, но военный министръ Паликао, уступая мнѣнію общества и желанію императрицы, настаивалъ на наступленіи къ Мецу и соединеніи шалонской арміи съ Базеномъ, уже запертымъ тогда въ названной крѣпости. Для этой послѣдней цѣли Макъ-Магонъ долженъ былъ обойти правый флангъ двухъ германскихъ армій и разбить третью. Если принять во вниманіе, что въ этихъ трехъ арміяхъ было 500 тысячъ солдатъ, а у Базена и Макъ-Магона всего 300, то понятно, что движеніе послѣдняго было крайне рискованно. Уже 26-го августа Макъ-Магонъ, сознавая невозможность продолжать наступленіе въ указанномъ ему направленіи, хотѣлъ свернуть съ принятаго направленія и отойти подъ защиту сѣверныхъ крѣпостей, но отчаянная, умоляющая телеграмма совѣта регенства, опасавшагося за спокойствіе въ Парижѣ, вынудила его продолжать свой роковой маршъ. Въ трагическій день 1-го сентября маршалъ былъ раненъ въ самомъ началѣ боя и сдалъ армію самому Наполеону. Другое дѣло было бы, еслибъ шалонская армія была употреблена съ большею пользою для Франціи, и еслибъ при ней не находился императоръ, пожертвовавшій военною честью своего народа ради личнаго интереса. Наконецъ, подъ Бельфоромъ неумѣніе Бурбаки сосредоточить свою армію и затѣмъ избрать наиболѣе чувствительный пунктъ атаки ведетъ къ тому, что сорокъ тысячъ нѣмцевъ разбиваютъ сто тридцать тысячъ французовъ. Въ эту наиболѣе блистательную для Мольтке кампанію успѣху нѣмцевъ много способствовало значительное преимущество въ численности войскъ, въ качествѣ старшихъ начальниковъ и въ организаціи командной части, о которой мы говорили выше: до войны у французовъ высшей тактической единицей была дивизія. Прусская артилерія, на долю которой послѣ 1866 года выпало не мало упрековъ, въ войну 1870—1871 годовъ дѣйствовала образцово. Помимо численнаго перевѣса въ сравненіи съ французской, она имѣла и качественный; во Франціи же всѣ орудія попрежнему заряжались съ дула, почему не обладали той дальностью и мѣткостью, благодаря которымъ прусская артилерія значительно облегчала своимъ войскамъ подготовительный періодъ боя.

Во время Версальскихъ переговоровъ о мирѣ, когда всѣ вспомогательныя арміи—Шанзи, Федерба и Бурбаки были разбиты и раздавленная Франція истекала кровью у ногъ побѣдителя, Мольтке по выраженію французовъ выказалъ такую же ненависть къ Франціи, какъ Блюхеръ. Онъ требовалъ того, о чемъ говорилъ не такъ еще давно Бисмаркъ въ рейхстагѣ, когда партія войны во Франціи начала держать себя вызывающимъ образомъ по адресу

Германіи: довести Францію до полнаго истощенія и раззоренія (saigner à blanc) и низвести на степень третьестепеннаго государства, въ родѣ Голландіи, о которой теперь даже и не говорятъ. Мольтке хотѣлъ лишить Францію флота, что ему не удалось; но за то по его совѣту Франція лишилась своей естественной границы съ южной Германіей по Рейну, а также двухъ крѣпостей—Меца и Страсбурга. Благодаря такому присвоенію французской терито-

Императоръ Вильгельмъ у смертнаго одра графа Мольтке.

ріи, создалось то тягостное положеніе, которое переживаютъ эти двѣ великія націи. Рана побѣжденныхъ заживаетъ слишкомъ медленно; ненависть ихъ постоянно поддерживается утратою двухъ богатѣйшихъ провинцій и агитаціей эльзасцевъ, эмигрировавшихъ во Францію.

Пріемъ, оказанный Мольтке берлинской публикой по окончаніи войны, отличался большой торжественностью. Затѣмъ, кромѣ боль-

шой денежной награды, онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-фельдмаршала и титуломъ графа. Нашъ покойный государь императоръ также чрезвычайно широко наградилъ знаменитаго стратега. Такимъ образомъ, только на семидесятомъ году своей жизни Мольтке достигъ апогея своего счастья. Въ этомъ отношеніи исключительная судьба Мольтке, не смотря на огромную разницу въ характерѣ и въ талантѣ, схожа съ Суворовымъ; послѣдній тоже въ преклонныхъ годахъ совершилъ свою итальянскую кампанію, слава о которой облетѣла въ свое время весь міръ.

Въ 1871 году боевая дѣятельность Мольтке прекращается, но еще до 1888 года, т. е. въ возростѣ, котораго мало кто достигаетъ, онъ остается фактическимъ руководителемъ работъ генеральнаго штаба. Послѣ этого, по личной просьбѣ, Мольтке увольняется отъ должности, которую исправлялъ тридцать лѣтъ сряду, и назначается предсѣдателемъ комиссіи народной обороны; эта послѣдняя должность прежде была возлагаема на наслѣднаго принца. Такимъ образомъ, почти до конца своей жизни Мольтке игралъ важную роль въ вопросахъ, касающихся военныхъ реформъ. Послѣднія политическія событія, имѣвшія послѣдствіемъ съ одной стороны созданіе тройственнаго союза, а съ другой — сближеніе Россіи съ Франціей, несомнѣнно должны были побудить Мольтке и его сотрудниковъ къ выработкѣ труднаго и весьма сложнаго плана войны на два фронта и съ помощью такого ненадежнаго союзника, какъ Австрія. Безъ сомнѣнія, въ этомъ планѣ найдется не мало остроумнаго и логическаго, но военныя реформы послѣднее время происходятъ въ Европѣ съ такой быстротой, что и планы должны соотвѣтственно мѣняться. Кромѣ того, время политики сердца и связанной съ этимъ безпечности миновало безвозвратно. Прусская система стала общимъ достояніемъ и никакая сосѣдняя съ Германіей держава, даже Австрія, не будетъ застигнута въ расплохъ такъ, какъ это было въ 1866 г. и въ 1870 г. Теперь явятся на сцену новые факторы, значеніе и размѣры которыхъ трудно будетъ предвидѣть; новыя политическія комбинаціи и группировки державъ породятъ массу неожиданностей. Для этого потребуются новые люди, болѣе молодые и болѣе сильные. Самъ Мольтке въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ: «если прогрессъ есть необходимое условіе для человѣчества для того, чтобы оно не пятилось назадъ, то учрежденія, существующія въ настоящее время, должны создаваться не для вѣчности».

Нѣмцы называли своего знаменитаго генерала съ давнихъ поръ «молчаливымъ датчаниномъ»; а то просто «молчаливымъ»; за то Мольтке много писалъ. Подъ его редакціей было издано нѣсколько исторій войнъ: италіанской (1859 г.), датской (1864 г.), австро-прусской (1866 г.) и франко-прусской (1870—1871 гг.). Изъ его личныхъ сочиненій біографы обращаютъ вниманіе на слѣдующія:

«Русско-турецкая война въ Европейской Турціи 1828—1829 гг.»; «Письма о состояніи Турціи и событіяхъ въ ней въ 1835—1839 гг.»; «Письма изъ Россіи (1856 г.)», и наконецъ — «Воспоминанія изъ путешествій по Италіи, Испаніи и Франціи» (Das Wanderbuch).

Выше мы сказали, что карьера Мольтке схожа съ карьерой Суворова, такъ какъ оба эти генерала достигли апогея славы уже въ весьма преклонныхъ годахъ. Но на этомъ и кончается сходство этихъ двухъ замѣчательныхъ людей. Въ дѣйствіяхъ Суворова поражаетъ его «быстрота, рѣшительность и натискъ». Во всей фигурѣ этого оригинальнаго полководца, въ томъ нравственномъ образѣ, который передала исторія потомству, все сіяетъ жизнью, пламенной восторженностью, чѣмъ-то необыкновеннымъ. Мы представляемъ себѣ Суворова въ постоянномъ движеніи, неиначе, какъ постоянно лицомъ къ лицу съ лишеніями и опасностями. Сухой и крѣпкій старикъ съ юношескимъ взглядомъ, съ отрывистой и поражающей умъ солдатъ рѣчью, неутомимый всадникъ и неустрашимый воинъ, закопченый дымомъ и покрытый пылью боевыхъ полей. Мольтке представляется намъ также сухимъ, но «сухимъ» въ смыслѣ характера, методичнымъ и разсудительнымъ нѣмцемъ, сидящимъ въ опрятномъ сюртукѣ, застегнутымъ на всѣ пуговицы, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ или въ удобно устроенной походной канцеляріи надъ планами, утыканными цвѣтными шпильками и холодно разчисляющимъ движеніе нѣмецкихъ полчищъ и гибель сотенъ тысячъ человѣческихъ жизней.

Въ Суворовѣ мы видимъ твердую вѣру въ предводительствуемыхъ имъ солдатъ и рядомъ съ этимъ вѣру солдатъ въ своего геніальнаго вождя. Чисто военная, необыкновенно быстрая находчивость на полѣ сраженія; постоянная борьба съ «сильнѣйшимъ» непріятелемъ и не рѣдко неуступающимъ въ боевыхъ качествахъ; противупоставленія силы духа и геніальной проницательности численному превосходству и даже превосходству въ вооруженіи. Славныя дѣла подъ Измаиломъ, Рымникомъ, Требіей, Нови, всѣ выиграны въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ непріятелемъ.

Одно изъ главныхъ основаній стратегіи состоитъ въ томъ, чтобы въ данное время и въ данномъ пунктѣ на театрѣ войны явиться численно сильнѣйшимъ своего противника, хотя бы вообще онъ былъ сильнѣе насъ. Этотъ положительный принципъ служилъ всегда руководящимъ въ дѣятельности Мольтке и въ этомъ заключается одна изъ его главныхъ заслугъ. Но обстоятельства сложились такъ, что Мольтке, стоя во главѣ прусской военной организаціи, превосходившей въ то время безусловно всѣ остальныя, имѣлъ возможность почти разрѣшить важный стратегическій вопросъ еще въ мирное время, до перваго выстрѣла, явившись на границы враждебныхъ государствъ съ значительно превосходящими числен-

ностью арміями, не говоря уже о прекрасномъ обученіи и снаряженіи войскъ.

Только подъ Бельфоромъ въ январѣ 1871 года Мольтке является не на высотѣ своей системы. Германская кавалерія, развѣдочная служба которой значительно ослабѣла въ этотъ періодъ войны, только черезъ полторы недѣли открыла передвиженіе значительныхъ непріятельскихъ массъ изъ Буржа и Невера по направленію къ Безансону. Сообщенія нѣмецкихъ армій, стоявшихъ подъ Парижемъ, съ тыломъ, съ южной стороны, наблюдались только однимъ корпусомъ Вердера. Дивизія Трескова 1-го была занята осадою Бельфора. Между тѣмъ изъ Безансона наступало пять съ половиной корпусовъ Бурбаки (130 тысячъ), а въ Дижонѣ стоялъ Гарибальди съ 40 тысячами. Мольтке ничего не оставалось, какъ бросить на встрѣчу Бурбаки корпусъ Вердера и приказать Мантейфелю съ двумя корпусами двигаться туда же. Но Мантейфель находился отъ пункта борьбы далеко, въ «десяти» переходахъ. Страшная гроза висѣла надъ сообщеніями двухъ германскихъ армій, но счастье не измѣнило своему любимцу и даровитый Вердеръ съ сорока тысячами отразилъ атаку втрое сильнѣйшаго численностью, но плохо организованнаго непріятеля. Во всю кампанію это былъ наиболѣе затруднительный моментъ, въ которомъ находился Мольтке въ качествѣ начальника главнаго штаба и ближайшаго совѣтника своего августѣйшаго главнокомандующаго. Во всю кампанію германцы не проиграли ни одного большого сраженія и такимъ образомъ мы не имѣемъ возможности провѣрить геніальность Мольтке въ такомъ положеніи, когда болѣе слабые духомъ теряются подобно Бенедеку или Маку, а великіе находятся и ихъ геній начинаетъ блистать какъ солнце и приводитъ ихъ нерѣдко къ побѣдѣ, когда всего менѣе ее можно ожидать. Достаточно вспомнить Наполеона I въ 1814 году въ отчаянной борьбѣ съ подавляющими его союзными арміями, или въ такомъ же отношеніи Фридриха II въ Семилѣтнюю войну или наконецъ Петра I во время войны съ Карломъ XII.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы не имѣли намѣренія сдѣлать полную оцѣнку дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка, точно также какъ играть роль клеветника, бѣгущаго за колесницей тріумфатора. Цѣль разсужденій, которыми сопровождается краткая біографія покойнаго фельдмаршала, состоитъ въ томъ, чтобы нѣсколько разсѣять заблужденіе тѣхъ, которые считаютъ Мольтке вождемъ на полѣ битвъ и причисляютъ его къ группѣ великихъ полководцевъ. Мольтке былъ яркій выразитель новой военной системы, созданной еще въ мирное время и подготовленной кропотливымъ трудамъ цѣлыхъ поколѣній. Эта система, обладая еще цѣлой группой талантливыхъ боевыхъ генераловъ, какъ Фридрихъ-Карлъ, Гебенъ, Мантейфель, Вердеръ,—имѣла противъ себя старый отжившій порядокъ, не-

даровитыхъ и растерявшихся генераловъ и предателей, во главѣ которыхъ стоялъ самъ Наполеонъ III. На основаніи всѣхъ этихъ разсужденій, Мольтке можно признать «геніальнымъ военнымъ администраторомъ», но не геніальнымъ полководцемъ. Въ противномъ случаѣ придется придти къ заключенію, что въ нынѣшнія времена военное дѣло стало ремесломъ, а не искусствомъ, и что нравственный элементъ на войнѣ потерялъ всякое значеніе...

А. Б.

КОРОЛЕВА МАРІЯ-АНТУАНЕТТА[1].

(По новымъ даннымъ).

VI.

Марія-Антуанетта, подаривъ королю 27 марта 1785 года принца, впослѣдствіи называвшагося Людовикомъ XVII, искала себѣ утѣшенія въ тѣсномъ семейномъ кругу за всѣ безконечныя и незаслуженныя оскорбленія, испытанныя ею въ положеніи королевы. Но враги ея не смирялись. Они добивались того, чтобы король отправилъ свою жену въ Вѣну. Какъ небезъизвѣстно, король, для улаженія многочисленныхъ трудностей внутри государства, а равно для удовлетворенія страны, рѣшилъ, по совѣту Некера, созвать въ Версалѣ «всѣ сословія» 5-го мая 1789 года. При торжественномъ открытіи засѣданія ихъ присутствовала и королева рядомъ съ своимъ супругомъ. Никакихъ возгласовъ не послѣдовало, когда она вошла въ собраніе и когда оставила залъ засѣданія. Привѣтствовали только короля. Королева тѣмъ не менѣе сохраняла самообладаніе и внимательно слѣдила за всѣмъ, что̀ происходило вокругъ, а въ рѣшительныя минуты нерѣдко давала королю хорошіе совѣты. Она какъ бы примирилась съ неизбѣжностью хода вещей, но ни за что̀ не поступалась своимъ долгомъ. Послѣ споровъ о конституціи въ національномъ собраніи она писала: «душа моя полна скорби, столько несчастья на одной сторонѣ и столько безполезныхъ уступокъ со стороны короля».

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIV, стр. 448.

Маріи-Антуанеттѣ совѣтовали уѣхать добровольно. «Нѣтъ, я не уѣду,—сказала она,—я не оставлю мужа и дѣтей моихъ, скорѣе я умру на рукахъ дѣтей моихъ, у ногъ моего мужа». Она не пожелала оставить Версаль и тогда, когда якобинцы шли туда изъ Парижа. «Нѣтъ,—сказала она Людовику XVI,—я останусь здѣсь, если вы здѣсь остаетесь». Въ эту минуту явилась во дворецъ депутація якобинцевъ и стала кричать о хлѣбѣ. Кое-какъ на время съумѣли удовлетворить толпу. Но на слѣдующее утро тысячи глотокъ принялись кричать: «Королеву!» Марія-Антуанетта вышла въ салонъ не причесанная, блѣдная, но съ достоинствомъ.

— Что вы намѣрены дѣлать?—спросилъ ее Лафайетъ.

— Я знаю, какой жребій тяготѣетъ надо мной,—отвѣтила она.

И не дрогнувъ, королева съ двумя дѣтьми (перворожденный дофинъ умеръ 3 мая 1789 г.) вышла на балконъ.

— Не надо дѣтей, только королеву,—раздалось въ воздухѣ.

Марія-Антуанетта отвела дѣтей обратно и, не смотря на просьбы короля и принцессы Елизаветы (сестры короля), сама вернулась на балконъ, пренебрегая угрожавшей ей опасностью. Такая рѣшимость произвела свое дѣйствіе. Тѣ, кто только-что жаждалъ крови королевы, теперь разразились криками «да здравствуетъ королева!» Королева затѣмъ опять вошла въ салонъ. Съ нѣмымъ почтеніемъ мужчины и женщины преклонились передъ героиней. Но она подошла къ королю, преклонившему передъ ней колѣна, и, нѣжно обнимая его, стала заклинать его: «Государь! обѣщайте мнѣ во имя того, что вамъ всего дороже, во имя спасенія души вашей и этого дорогого ребенка, что въ случаѣ повторенія чего-нибудь подобнаго вы не упустите случая удалиться».

Но обаяніе героизма королевы длилось не долго. Чернь вскорѣ загорланила: «Король хорошъ, но жена имъ управляетъ, мы его возьмемъ, увеземъ въ Парижъ». Людовикъ XVI, какъ всегда, склонялся на уступчивость, а Марія-Антуанетта не хотѣла уступить. Она подчинилась лишь настоятельнымъ уговорамъ окружающихъ, ожидавшихъ отъ этого шага спасенія для короля. Тогда королева рѣшилась сѣсть въ карету. Впереди кареты шествовала разъяренная, озвѣренная толпа, неся на пикахъ головы убитыхъ гардистовъ. «Я видѣлъ это ужасное шествіе,—пишетъ Бертранъ-де-Мольвилль въ своихъ мемуарахъ,—я видѣлъ королеву, которая сохраняла необычайное душевное спокойствіе, достоинство и невыразимую сановитость». Но она чувствовала, что уже выступила на путь страданія. «Мнѣ холодно,—сказала она принцессѣ Елизаветѣ на ея вопросъ, какъ она себя чувствуетъ,—точно я вошла въ склепъ». Но наружно она все-таки умѣла сохранить присутствіе духа.

Королевская семья, по прибытіи въ Парижъ, прежде всего, по желанію народа, отправилась въ ратушу, и Людовикъ XVI обратился къ несмѣтной толпѣ съ слѣдующими словами: «Я всегда

съ радостью и довѣріемъ нахожусь среди жителей моего любезнаго города Парижа». Байльи, членъ городского совѣта, долженъ былъ передать эти слова «народу», такъ какъ издали ихъ нельзя было разслышать. При этомъ Байльи пропустилъ слово «довѣріе». Марія-Антуанетта обратила его вниманіе на этотъ пропускъ и настояла на томъ, чтобы онъ повторилъ это важное слово. «Никогда еще королева не была болѣе королевой, чѣмъ теперь»,—по увѣренію Байльи,—«когда она съ такой спокойной и такой важной осанкой находилась среди этихъ бѣсноватыхъ».

Не смотря на тяжкія испытанія этихъ дней, королева не переставала заботиться о благополучіи несчастныхъ и бѣдныхъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Парижъ она раздала значительныя суммы денегъ бѣднымъ столицы, заботилась о сиротахъ, посѣтила съ дочерью пріютъ, положила основаніе одному монастырю. Но все это великодушіе не могло парализовать ненависть къ ней. Въ «Законодательномъ Собраніи» взяло верхъ теченіе, которое домогалось удаленія Маріи-Антуанетты, ея отправки въ Австрію. Людовикъ XVI объявилъ, что онъ никогда не пожертвуетъ королевой, но и она сама прибавила: «я не оставлю короля ни за что̀, я буду дѣлить съ нимъ судьбу».

И дѣйствительно, она одна охраняла короля. Ей принадлежалъ планъ оставленія королевской семьей страны, въ которой она узнала только неблагодарность. Король желалъ только оставить Парижъ и переселиться въ какой-нибудь пограничный городъ. Мирабо, которому королева внушила величайшее уваженіе къ силѣ души ея, былъ того мнѣнія, что это бѣгство равнялось отреченію отъ престола, ибо «король не убѣгаетъ отъ своего народа». Онъ предлагалъ королевской семьѣ переселиться въ Нормандію, которая оставалась вѣрна дѣлу королевства, и оттуда обратиться съ воззваніемъ къ своимъ подданнымъ. Къ несчастью, Мирабо умеръ какъ разъ въ то время, когда рѣшился свои дарованія представить къ услугамъ короля. Такимъ образомъ и состоялось бѣгство короля на востокъ. Извѣстно, какъ оно было устроено и не удалось. Въ эти дни королева сохраняла вполнѣ свое достоинство. Единственный разъ она попробовала просьбой спасти своихъ. Она попыталась обратиться къ женѣ Варенскаго прокурора, г-жѣ Соссъ, и подѣйствовать на ея сердце: «Вы — мать, вы должны быть доброй и чувствовать, какъ я страдаю; не королева говоритъ съ вами, а мать, со слезами вымаливающая у васъ свободу для своего мужа, жизнь для своихъ дѣтей. Не будьте безчувственны къ такой просьбѣ».

— Нація,—возразила г-жа Соссъ, — даетъ королю 24 милліона за его положеніе, и этого достаточно, чтобъ онъ умѣлъ сохранить свое мѣсто; впрочемъ, я не могу компрометировать своего мужа. Вы думаете о своемъ мужѣ, а я — о своемъ.

Обезкураженная Марія-Антуанетта не повторяла уже подобной попытки.

Людовикъ XVI.

Съ гравюры Ноэля-Ле-Миръ, исполненной по картинѣ Дю-Плесси.

VII.

Между тѣмъ изъ Парижа прибыли въ Варенъ депутаты и препроводили королевскую семью въ Парижъ. Затѣмъ послѣдовали неслыханныя бури 20 іюня и 10 августа. Королева обнаружила и въ эти ужасные дни необычайное величіе души. Парижъ находился въ открытомъ возстаніи. Опасность росла съ минуты на минуту. Тогда явился къ королю Редереръ, синдикъ палаты. «Государь, сказалъ онъ, Парижъ возсталъ, народъ неистовствуетъ, хотите слѣдовать за мной въ собраніе, тамъ ваше спасеніе».

Людовикъ XVI согласился сразу, а королева воспротивилась.

— Развѣ король въ опасности?—спросила она Редерера.

— Конечно, madame.

— И нѣтъ болѣе надежды?

— Никакой.

Послѣдовала минута глубочайшаго молчанія.

— Милостивый государь, принимаете ли вы на себя отвѣтственность за жизнь короля и моего сына?

— Madame, мы ручаемся за это съ готовностью умереть съ ними.

Затѣмъ послѣдовало переселеніе королевской семьи и ближайшей свиты въ salle du manège, мѣсто засѣданій французскаго національнаго собранія. Тамъ королевѣ пришлось услышать объ отреченіи Людовика XVI и дофина.

— Сердце мое закалилось, и не смотря на свое мужество, не смотря на всю мою любовь, я лишаюсь чувствъ! — воскликнула Марія-Антуанетта.—Сегодня я пережила сто лѣтъ,—сказала она обезсиленная, когда ее привели съ семьей въ монастырь «Feuillants».

На слѣдующій день рѣшено было короля и его близкихъ заключить въ Тампль въ качествѣ государственныхъ плѣнниковъ. Рѣшеніе исполнили безотлагательно. Королевѣ отвели самую жалкую комнату. Здѣсь сходились заключенные ежедневно. Печальную жизнь вели они. Но время не проходило безплодно. Королева занималась воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Король читалъ. Принцесса Елизавета шила и работала. Трогательны были заботы королевы о Людовикѣ XVI. Онъ совершенно ушелъ въ себя, едва произносилъ слова, а Маріи-Антуанеттѣ удавалось его ободрять и успокоивать. Неисчислимыя огорченія, доставлявшіяся ей отъ грубыхъ тюремщиковъ, она переносила покорно «ради бѣдныхъ дѣтей».

Настала зима. Безконечныя ночи сдѣлались невыносимыми вслѣдствіе сырости и холода въ Тамплѣ. Король обратился съ просьбой къ Конвенту о тепломъ платьѣ для своей семьи. Его заставили ждать. Тогда королева воспользовалась ночами, чтобъ нашить необходимой одежды для дофина и дочери. Отпускавшагося

имъ хлѣба не хватало, и она черезъ преданнаго Клери отослала женѣ пекаря свою мантилію съ цѣнными кружевами, и тогда оказалось достаточно хлѣба. Вскорѣ и возможность сношенія между заключенными была отнята, а черезъ нѣсколько дней ихъ лишили и самыхъ необходимыхъ принадлежностей туалета.

Но все это ничто въ сравненіи съ дальнѣйшими испытаніями. Вскорѣ короля и дофина заперли въ особую комнату. Королева могла видѣться съ ними только по утрамъ. «Это—счастливѣйшая минута въ моемъ существованіи»,—говорила она объ этомъ часѣ. Но эти счастливѣйшія минуты повторялись не долго. Конвентъ рѣшилъ совершенно изолировать короля отъ его семьи. Онъ не могъ навѣщать ее. Дофина опять передали матери.—«Мой страхъ происходитъ отъ зловѣщаго предчувствія; король будетъ судимъ и осужденъ!» — воскликнула она. Теперь ее оставили внѣ всякихъ сообщеній съ мужемъ, къ которому общее несчастіе привязало ее еще крѣпче. Только черезъ Клери она могла получать свѣдѣнія о королѣ. А когда короля осудили, онъ просилъ прислать ему священника для исповѣди и разрѣшить еще разъ увидѣть семью. То и другое ему позволили.

Была холодная январьская ночь. Марія-Антуанетта услыхала приближающіеся шаги. Тюремщики вошли въ ея камеру. Они пришли за плѣнной королевой. Подхвативъ дѣтей и золовку, она поспѣшила по ступенямъ башни внизъ. Внизу стоялъ король.

— Жена моя! дѣти мои! — воскликнулъ онъ, раскрывая имъ свои объятія.

Ни единаго звука не произнесла королева. Только рыданія и вздохи нарушали мертвую тишину, какъ потомъ разсказывали присутствовавшіе при этой сценѣ служащіе. Присутствіе ихъ стѣсняло королеву. Она увела Людовика XVI въ его камеру, гдѣ вдоволь отдалась своему горю. Дольше чѣмъ съ прочими король говорилъ съ своей женой. Они поцѣловались на прощанье. Приходилось разстаться.— «Нѣтъ, еще нѣтъ!»—вскрикнула королева. Но все-таки надо было распрощаться навсегда. Три четверти часа длилась борьба между необходимостью и чувствомъ. Наконецъ жена лишилась мужа, дѣти лишились отца, сестра — брата. «Мать моя, разсказывала дочь Маріи-Антуанетты, принцесса Тереза, и послѣ этого прощанія едва была въ силахъ раздѣть моего брата и уложить его въ постель; сама она одѣтой бросилась въ кровать, всю ночь мы слышали, какъ она дрожала отъ холода и горя».

На слѣдующее утро должно было произойти послѣднее прощаніе, но король пощадилъ и себя и своихъ, онъ болѣе не видѣлъ своей семьи.

VIII.

Марія-Антуанетта знала, что случилось. «Я буду оплакивать его до своей послѣдней минуты». Но она еще имѣла настолько силы, чтобъ изъ-за покойнаго не забывать о живыхъ. «Сынъ мой—король мой»,—объявила она. Она знакомила его съ жизнью Людовика IX, Генриха IV и Людовика XIV. Святость перваго, слава второго, величіе третьяго, должны ему служить образцами. Недолго, однако, она могла обучать своего сына.

Въ ночь съ 2-го на 3-е іюля 1793 г. дверь ея камеры распахнулась съ шумомъ.

— Гражданка Капетъ, — сказали ей, — намъ поручено увести твоего сына.

Такъ какъ королева не поняла этого, то тюремщики подняли свѣтильники и прочли ей приказъ о выдачѣ дофина. Шумъ разбудилъ дофина. Марія-Антуанетта отвѣтила:

— Вы хотите отнять у меня сына? Онъ принадлежитъ мнѣ, я охраняю его.

Съ этими словами она обняла его.

— Берите мою жизнь, а его оставьте жить,—воскликнула она въ отчаяніи.

— Однако, рѣшайся, мы ждемъ,—отвѣтили палачи.

Сперва она ничего не отвѣтила. Но вскорѣ вышла впередъ и сказала:

— Нѣтъ, я его не отдамъ.

— Если ты его не отдашь, мы его возьмемъ.

Что было дѣлать несчастной матери? Она его одѣла и сказала, напомнивъ ему о королѣ:

— Онъ желалъ, чтобы мы прощали, и ты простишь; не забывай твоего отца, молись за него, помни свою мать, которая тебя любитъ, будь уменъ, мягкосердеченъ и справедливъ.

И опять она обратилась къ тюремщикамъ:

— Онъ вѣдь принадлежитъ мнѣ, это мое дитя.

Она разстрогала смотрителя тюрьмы до слезъ. Ею уже овладѣла новая надежда, но тутъ башмачникъ Симонъ, предвидя подобную опасность, закричалъ:

— Отдай мнѣ твоего сына, если не хочешь, чтобъ я его самъ взялъ.

И Марія-Антуанетта не противилась. Въ послѣдній разъ она прижала его къ сердцу и крѣпко поцѣловала его...

3-го августа, въ 2 часа утра, ей прочли приказъ о переводѣ ея въ «Консьержери», и о привлеченіи ея къ суду. Спокойно, безъ волненія, она собрала свои мелкія вещи и дала обыскать свои карманы. Тамъ нашли волосы ея мужа, ея дѣтей, совершенно истре-

Принцесса Елизавета, сестра Людовика XVI.
Съ гравюры де-Буазо.

панную книгу, по которой Людовикъ XVII учился читать, ею самой составленную и написанную молитву и другія подобныя воспоминанія. Палачи все это взяли себѣ. Затѣмъ королева-мученица распрощалась съ дочерью и съ принцессой Елизаветой, которой поручила заботиться объ ея дѣтяхъ.

Королева Франціи была помѣщена въ самую скверную изъ камеръ «Консьержери», въ которой раньше былъ заключенъ генералъ Кюстинъ. У нея отобрали часы, чтобы продлить ея предсмертные дни. Ея физическое состояніе изо дня въ день ухудшалось все болѣе. Развязки она ждала съ нетерпѣніемъ. Она чувствовала себя счастливой, что случай послалъ ей аббата Эмери. Онъ, попавшій въ «Консьержери» въ качествѣ жертвы террора, узналъ о присутствіи тамъ королевы и рѣшился дать ей послѣднее отпущеніе. Ему удалось ночью, черезъ дверь камеры, принять отъ нея покаяніе и дать отпущеніе. Марія-Антуанетта теперь спокойно ожидала своего приговора. Въ жизни ея не было дѣла, которое могло бы назваться политическимъ преступленіемъ. Но ненависть неразборчива въ средствахъ. Облыжные обвинители, подкупленные свидѣтели и разъяренные судьи сошлись вмѣстѣ, чтобъ погубить королеву во что бы то ни стало. Озлобленіе дошло даже такъ далеко, что различными пытками домогались вынудить у дофина обвиненія противъ его матери.

Послѣ такихъ подготовленій, Конвентъ назначилъ судей трибунала, передъ которымъ должна была появиться королева французовъ. Обвинителемъ выступилъ Фукье-Тэнвилль, для характеристики котораго достаточно привести его собственное заявленіе, что «ему требуется по двѣ по три тысячи обвиненныхъ на каждую декаду». И, однакожъ, величественное достоинство Маріи-Антуанетты смущало его. По его словамъ, «она своей гордостью ставитъ меня въ затрудненіе».

Только въ интересахъ своихъ дѣтей королева отвѣчала на предлагавшіеся ей вопросы. Первый допросъ длился двадцать часовъ. Главные пункты обвиненія сводились къ національности королевы, ея политическимъ предательствамъ, ея преданности Австріи, ея ненависти къ французамъ, которыми она жертвовала для своего отечества.

— Мое отечество—отечество моего сына... Я все время исполняла мои обязанности и никому не измѣняла,—отвѣтила несчастная женщина на эти безосновательныя обвиненія.

Громкія рыданія присутствовавшихъ женщинъ сопровождали это заявленіе королевы.

— Подсудимая, что вы имѣете сказать въ свою защиту?—спросилъ ее предсѣдатель суда.

— За себя ничего, а для вашей совѣсти многое. Я была королевой, и вы лишили меня престола. Я была женой, и вы убили

моего мужа. Я была матерью, и вы отняли у меня ребенка. Мнѣ ничего не осталось, кромѣ моей крови, берите же и ее.

Судилище продолжалось и на слѣдующій день. Самоувѣренный тонъ королевы, а равно и энергическая защита ея Шово-Лагардомъ пробудили нѣкоторую надежду на оправданіе. Но то была напрасная надежда. Марію-Антуанетту приговорили къ смерти и исполненіе приговора было назначено на слѣдующій же день, 16-го октября.

Въ 3 часа утра королеву изъ суда отвели въ ея камеру. Усталая и съ спокойной совѣстью она скоро заснула. Ей дали проспать всего три четверти часа, а затѣмъ разбудили. По обыкновенію она помолилась и ея послѣднія строки были адресованы принцессѣ Елизаветѣ.

«Пишу вамъ, сестра моя, въ послѣдній разъ. Я осуждена не на позорную смерть—такая существуетъ только для преступныхъ—а на соединеніе съ вашимъ братомъ... Невинная, какъ и онъ, я надѣюсь сохранить такую же твердость, какъ и онъ въ свои послѣднія минуты. Я спокойна, какъ бываетъ всегда, когда совѣсть не испытываетъ никакихъ угрызеній... Съ глубокимъ горемъ я сознаю необходимость покинуть своихъ дѣтей. Вы знаете, что я жила только для нихъ и для васъ... Примите для нихъ мое благословеніе. Пусть они никогда не забываютъ того, чему я не переставала ихъ наставлять, что начало и конецъ ихъ обязанностей—первыя основы ихъ жизни... Пусть сынъ мой никогда не забываетъ послѣднихъ словъ своего отца, которыя я теперь повторяю ему, онъ никогда не долженъ пытаться мстить за нашу смерть... Я прощаю всѣмъ моимъ врагамъ».

Попросивъ передать это письмо принцессѣ, она отправилась на эшафотъ. Озвѣревшая толпа разразилась дикими возгласами противъ несчастной. Королева, однако, сохранила свое достоинство и встрѣтила эти возгласы съ презрѣніемъ. На страшныя угрозы, слышавшіяся противъ нея со всѣхъ сторонъ, она сдѣлала одно только замѣчаніе: «они не допустятъ меня до эшафота, не разорвавъ на клочки». И палачамъ, дѣйствительно, пришлось буквально охранять свою жертву.

Но вотъ колесница достигла мѣста казни. Марія-Антуанетта вышла изъ нея безъ посторонней помощи. Поднявъ взоры къ небу, она взошла на эшафотъ и крикнула палачу: «Поторопитесь!» Еще мгновеніе и Маріи-Антуанетты не стало.

Ѳ. Б.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Великій князь Георгій Михаиловичъ: „Монеты царствованій императора Павла I и императора Александра I“. Спб. 1891 [1]).

Выполненіе задуманнаго августѣйшимъ авторомъ обширнѣйшаго нумизматическаго изданія подвигается быстро впередъ. Не прошло и года со времени выхода въ свѣтъ второго тома, содержащаго описаніе и изображенія монетъ царствованія императора Николая I, какъ уже отпечатаны два новыхъ выпуска, соединенныхъ въ одну книгу. Авторъ, очевидно, не щадитъ ни труда, ни затратъ для скорѣйшаго окончанія своего важнаго не для однихъ нумизматовъ предпріятія. Съ внѣшней стороны вновь вышедшій томъ представляетъ такой же совершенный образецъ современной типографской техники, какъ и первые два, о которыхъ мы уже говорили [2]). Планъ изданія — остается прежнимъ: полному и точному описанію монетъ предпосланъ сборникъ документовъ для исторіи монетнаго дѣла въ Россіи. Какъ и раньше—въ этомъ сборникѣ узаконенія, извлеченныя изъ Перваго Полнаго Собранія Законовъ, пополнены разнообразными документами, почерпнутыми изъ Архива Министерства Финансовъ. Придавая большое значеніе такимъ дополненіямъ, которыя представляютъ большой интересъ не только для спеціалиста нумизмата, но и для каждаго историка, мы не можемъ не

---

[1]) Въ одномъ томѣ подъ общей обложкой заключены два выпуска: 1) «Монеты царствованія императора Павла I». С.-Петербургъ. 1890. gr. in. 4⁰, 2 листа заглавныхъ, 1 посвященія, V+47 стр., съ приложеніемъ портрета, исполненнаго геліогравюрою, фотогіалотипнаго заглавнаго листа и 7 такихъ же таблицъ съ снимками монетъ. 2) «Монеты царствованія императора Александра I» (С.-Петербургъ, 1891. gr. in 4⁰); 2 листа заглавныхъ, V+147 стр., портретъ императора Александра I (геліогравюра), фотогіалотипный заглавный листъ и 22 листа съ исполненными тѣмъ же способомъ таблицами изображеній монетъ.

[2]) См. «Историческій Вѣстникъ» за 1888 годъ мѣсяцъ іюнь и за 1890 годъ, мѣсяцъ августъ.

указать, что въ настоящемъ томѣ упущены изъ вида Архивы Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, которые содержатъ не мало документовъ и по исторіи монетнаго дѣла [1]). Извлеченія, сдѣланныя изъ архива министерства финансовъ (см. архивы монетнаго отдѣленія департамента Государственнаго Казначейства и Кредитной Канцеляріи), оказываются очень цѣнными, въ нихъ нерѣдко мы найдемъ мотивы узаконеній, объявленныхъ во всеобщее свѣдѣніе и впослѣдствіи занесенныхъ въ Полное Собраніе Законовъ. Изъ 173 документовъ, помѣщенныхъ августѣйшимъ авторомъ въ двухъ сборникахъ III тома, 82 акта являются доселѣ неизданными.

Кратковременное царствованіе императора Павла I, богатое реформами вообще, ознаменовалось перемѣнами и въ монетномъ дѣлѣ. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на измѣненіе пробы золотой и серебряной монеты. При императрицѣ Екатеринѣ II обычной пробой, чеканившихся въ ея царствованіе имперіаловъ и полуимперіаловъ, была 88-ая, только послѣдніе по времени червонцы были приготовлены одного вѣса и достоинства съ голландскими, то есть 94 пробы. Именной его величества указъ отъ 2-го декабря 1796, данный главному директору Ассигнаціоннаго Банка князю Куракину, повелѣваетъ чеканить золотую монету $94^2/_3$ пробы (документъ № 5=П. С. З., № 17603); 20-го января 1797 года манифестомъ объявлено было «во всенародное извѣстіе» о золотой монетѣ, что «вмѣсто бывшихъ имперіаловъ и полуимперіаловъ 88 пробы, бить червонцы $94^2/_3$ пробы» (документъ № 13=П. С. З., № 17748). Въ томъ же году манифестомъ отъ 3-го октября возстановленъ чеканъ полуимперіаловъ, но одинаковой съ червонцами высокой пробы (документъ № 26=П. С. З., № 18178).

Серебряная монета, дѣланная при Екатеринѣ II отъ 1762 по 1796 годъ включительно, была 72-ой пробы, въ рублевикѣ вѣсу было $5^5/_8$ золотниковъ, а чистаго серебра находилось 4 золотника 21 доля. Манифестомъ отъ 20-го января 1797 года было объявлено, что признано за благо «вмѣсто существующей до сего россійской серебряной монеты 72-ой пробы, содержащей въ рублѣ внутренняго достоинства $36^1/_2$ штиверовъ [2]), повелѣть бить монету

---

[1]) По Высочайшему повелѣнію (отъ 7-го марта 1863 года) поручено было Н. В. Калачову и И. А. Чистовичу приступить къ изданію систематическаго описанія Архива Государственнаго Совѣта. Трудами этихъ лицъ разработаны и выпущены въ свѣтъ восемь книгъ, составившихъ три тома «Архива Государственнаго Совѣта», а именно: въ 1869 году—томъ I, въ двухъ частяхъ, обнимающій эпоху съ 1768 по 1796 годъ и заключающій въ себѣ протоколы Совѣта, учрежденнаго при Высочайшемъ Дворѣ императрицею Екатериною II; въ 1874 г.—двѣ части тома IV,—журналы Государственнаго Совѣта по Департаменту Законовъ съ 1810 по 1825 годъ; въ 1878 г.—томъ III, въ двухъ частяхъ,—протоколы Совѣта съ 1801 по 1810 г. и, наконецъ, въ 1881 году—еще двѣ части тома IV,—журналы Государственнаго Совѣта по Департаменту Экономіи съ 1810 по 1825 г. Смерть сенатора Н. В. Калачова пріостановила изданіе, которое возобновилось лишь черезъ нѣсколько лѣтъ (по Высочайшему повелѣнію отъ 10-го декабря 1886 г.) подъ новой редакціей Г. Ѳ. Штендмана и П. М. фонъ-Кауфмана. Въ 1888 году вышелъ недостававшій II томъ изданія: «Совѣтъ (государственный) въ царствованіе императора Павла I (1796—1801 гг.)»; въ этомъ томѣ документы, касающіеся исторіи монетнаго дѣла занимаютъ стр. 19—61.

Въ томъ же 1888 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ изданія: «Журналы Комитета Министровъ», обнимающій время отъ 1802 по 1810 годъ.

[2]) Штиверъ=$^1/_{20}$ голландскаго гульдена (флорина).

превосходнѣйшую, и именно $83^{1}/_{3}$ пробы, содержащую въ рублѣ внутренняго достоинства 50 штиверовъ и съ долями, и соразмѣрно тому и прочія мелкія серебряныя деньги». Изъ лигатурнаго фунта серебра предполагалось дѣлать по 14 рублей, такъ чтобы лигатурный вѣсъ рублевика былъ 6 зол. $82^{4}/_{11}$ доли, а чистаго серебра въ немъ состояло $5^{20}/_{21}$ зол. Такая монета чеканилась очень недолго. Октябрьскій манифестъ (докум. № 26), оставивъ $83^{1}/_{3}$ пробу, измѣнилъ вѣсъ рублевиковъ, установивъ, что изъ лигатурнаго фунта будетъ выдѣлываться 19 руб. $75^{25}/_{81}$ коп. Содержаніе чистаго серебра по этому указу соотвѣтствуетъ количеству его въ рубляхъ Екатериненскаго царствованія. Чеканка полновѣсныхъ рублей оказалась операціей весьма неудачной. Статскій совѣтникъ Александръ Арсеньевъ, представившій 3-го апрѣля 1801 г. письмо на Высочайшее Имя съ приложеніемъ разсужденія—«начертаніе о монетахъ, курсѣ и ассигнаціяхъ» [1]), писалъ: «...Въ вящшее доказательство... вспомнить можно, сколько казна претерпѣла убытку, когда, при вступленіи на престолъ государя Павла I, рублевую серебряную монету стали чеканить разной доброты съ прежнею монетою, и оную пустили по равной цѣнѣ. Оная, являясь, исчезала и въ обращеніе не вошла: а казна, претерпѣвая явный убытокъ, перестала оную бить...». Хотя въ протоколѣ засѣданія Государственнаго Совѣта 10-го января 1797 года записано, что это «по волѣ Его Величества россійская ходячая серебряная монета въ царствованіе его будетъ дѣлаема превосходнѣйшаго предъ прежнею достоинства...», но, какъ кажется, идея объ уравненіи рубля съ ефимкомъ явилась не безъ вліянія генералъ-прокурора графа А. Н. Самойлова, который еще 10-го февраля 1793 года предлагалъ въ Государственномъ Совѣтѣ свои записки: «1) о передѣлкѣ серебра въ ефимки и 2) о дѣлѣ крупной и мелкой монеты, гдѣ по усматриваемой вящшей для казны прибыли отъ дѣланія ефимковъ, полагается дѣлать 3 части ефимковъ, а 4 части рублей...» (Арх. Госуд. Сов., т. I). Какъ видно изъ документа, помѣщеннаго въ сборникѣ Его Императорскаго Высочества подъ № 1, черезъ руки графа Самойлова проходили на Высочайшую аппробацію рисунки монетъ и именно имъ предложено было монетному департаменту приготовить рублевый штемпель съ Высочайшимъ портретомъ. Немногочисленные «абдруки», сдѣланные этимъ штемпелемъ (см. на табл. I, № 2) были представлены черезъ графа государю, но не удостоились Высочайшаго одобренія. Едва ли не графу Самойлову обязаны нумизматы и существованіемъ пробныхъ русскихъ «ефимковъ» 1798 г., изъ которыхъ два извѣстны по единственнымъ экземплярамъ, хранящимся въ Эрмитажѣ, а третій находится въ собраніи августѣйшаго автора и въ нѣкоторыхъ другихъ первоклассныхъ коллекціяхъ (см. на табл. II, №№ 3, 4 и 5).

Въ началѣ царствованія императора Павла совершена была финансовая операція по передѣлу мѣдной монеты, по существу своему возбуждавшая до сихъ поръ нѣкоторое недоумѣніе. 8-го мая 1796 года императрицею Екатериною II былъ учрежденъ особый комитетъ для разсмотрѣнія плана представленнаго княземъ Платономъ Александровичемъ Зубовымъ относительно улучшенія финансоваго положенія государства путемъ уравненія внутренняго достоинства мѣдной монеты съ торговою цѣною мѣди, какъ металла (Арх. Госуд. Сов., II, 21). Предложеніе это имѣло смыслъ, потому что цѣна мѣди, какъ товара, не соотвѣтствовала

---

[1]) Арх. Госуд. Сов., т. III, ст. 422—433.

стоимости мѣдной монеты, въ силу чего эта послѣдняя переплавлялась и съ большой выгодой сбывалась за границу. Съ начала царствованія Екатерины II опредѣлено было изъ пуда мѣди выдѣлывать 16 рублей; до 1786 г. рубль мѣдныхъ денегъ стоилъ и рубль серебромъ, но съ этого года, принявъ съ основаніемъ ассигнаціоннаго банка ассигнаціонный курсъ, мѣдная монета стала падать въ цѣнѣ сравнительно съ серебромъ и золотомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ пудъ мѣди въ монетѣ стоилъ попрежнему 16 рублей и на ассигнаціи, а пудъ мѣди, какъ металла, продавался на 50 — 60% дороже.

Вновь учрежденный комитетъ согласился съ проектомъ князя Зубова и постановилъ перечеканить старую монету въ 32-рублевое въ пудѣ достоинство, преобразованіемъ пятикопѣечниковъ въ гривенники, грошей въ четырекопѣечники, копѣекъ въ гроши, денежекъ въ копѣйки, а полушекъ въ денежки. Для ускоренія этой операціи повелѣно было учредить новые монетные дворы въ Нижнемъ-Новгородѣ, Херсонѣ, Полоцкѣ и Архангельскѣ, и, кромѣ того, снова привести въ дѣйствіе московскій монетный дворъ, а на с.-петербургскомъ открыть мѣдный передѣлъ. Несомнѣнно, что на петербургскомъ, московскомъ и нижегородскомъ дворахъ передѣлъ производился, остальные же дворы къ выдѣлкѣ монеты приступить не успѣли: указомъ отъ 10-го декабря 1796 г. императоръ Павелъ I упразднилъ вновь учрежденные монетные дворы, а начеканенную легковѣсную монету повелѣлъ обратить въ прежній видъ. Перебитая монета вновь перечеканивалась старыми штемпелями Екатериненскаго времени, при чемъ для пятаковъ вырѣзаны были даже новые штемпеля съ обычнымъ вензелемъ покойной государыни!

Эта поспѣшная и нѣсколько странная перечеканка старыми штемпелями съ вырѣзываніемъ и новыхъ по старому образцу, обыкновенно объяснялась личнымъ желаніемъ государя, въ первые же дни своего царствованія измѣнившаго многое въ распоряженіяхъ матери. Вновь изданные документы иначе освѣщаютъ все дѣло. Почти тотчасъ по вступленіи на престолъ, Высочайшимъ указомъ отъ 9-го ноября 1796 года, Павелъ Петровичъ вопросъ о передѣлѣ мѣдной монеты повелѣлъ разсмотрѣть Государственному Совѣту. Мнѣніе Совѣта его величество и «изволилъ принять за благо».

Мало того, относительно перебитія мѣдной монеты въ 32 рубля изъ пуда «соизволилъ его величество примѣтить, не удобнѣе ли бъ было привестъ передѣлываемый пудъ мѣди въ 25 рублей». Очевидно императоръ не имѣлъ ничего противъ перечеканки, но справедливо считалъ перемѣну въ достоинствѣ монеты сразу на 100% слишкомъ крутой. «Вице-канцлеръ»,—продолжаетъ протоколъ,—«по волѣ его величества изъяснялся съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ перваго класса графомъ Безбородкомъ, который находитъ, что, для лучшаго сбереженія кредита ассигнацій и нашего съ иностранными курса, нужно мѣдную монету оставить въ настоящемъ достоинствѣ, дѣлая изъ пуда 16, а не 25 или 24 рубля...» Доказательства графа Безбородко убѣдили государя и состоялось распоряженіе легковѣсную монету перетиснуть въ новую вензелемъ его величества, а такъ какъ государю было «угодно, чтобъ между мѣдными деньгами не было пятикопѣешной монеты», то легковѣсныя гривны и были перечеканены екатериненскими штемпелями.

Однако вопросъ о несоотвѣтствіи стоимости мѣди въ монетѣ и въ то-

варѣ—не заглохъ. Въ Государственный Совѣтъ неоднократно поступали на разсмотрѣніе поданные на Высочайшее имя проекты разныхъ лицъ относительно передѣла монеты. Въ 1800 году были такимъ образомъ разбираемы записки—золотыхъ дѣлъ мастера Карла Куста, адвоката Оверлаха (изъ 16 р. въ 26 р.) и пастора Бергмана (изъ 16 въ 32 р.). Необходимость измѣненія въ вѣсѣ мѣдной монеты сознавалась все яснѣе и яснѣе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ колебанія манифестами 1810 года была установлена чеканка по 24 рубля изъ пуда.

Къ документамъ по монетному дѣлу, какъ и въ прежнихъ выпускахъ, приложены вѣдомости о количествѣ монеты, отчеканенной въ томъ или другомъ году на разныхъ монетныхъ дворахъ. Эти офиціальныя вѣдомости, весьма важныя во многихъ отношеніяхъ, нерѣдко способны ввести нумизмата въ большое заблужденіе. Такъ, напримѣръ, по нимъ значится, что на екатеринбургскомъ монетномъ дворѣ полушки не чеканились совсѣмъ въ 1797, 1800 и 1801 годахъ, а въ 1799 году отчеканено ихъ на 28 р., тогда какъ по примѣчанію, сдѣланному августѣйшимъ издателемъ, полушки 1797 года «на самомъ дѣлѣ попадаются часто и не представляютъ рѣдкости, напротивъ того полушекъ 1799 года до сихъ поръ не было находимо; очень рѣдко встрѣчаются денежки и полушки 1800 года».

Въ настоящемъ изданіи описано всего 130 монетъ, относящихся къ царствованію императора Павла I. Число это само уже по себѣ указываетъ на значительное количество знаковъ, описаніе которыхъ еще не появлялось въ печати. Къ любопытнымъ новинкамъ относятся талеръ и полталера, битые въ Іеверѣ въ 1798 правительницей Фредерикой-Августой-Софіей, и причисляемые къ русской нумизматикѣ, какъ носящіе на себѣ изображеніе Россійскаго орла. Происхожденіе ихъ слѣдующее—они отчеканены съ особаго разрѣшенія императора Павла. Екатерина II наслѣдовала въ 1793 году отъ брата своего Фридриха-Августа права на княжество Іеверъ, управленіе которымъ и передала вдовѣ брата, принцессѣ Августѣ-Софіи. Новая правительница, управлявшая княжествомъ до тѣхъ поръ, пока Іеверъ не вошелъ въ 1818 году въ составъ Ольденбурга, отчеканила въ 1798 году цѣлый рядъ монетъ съ гербомъ Іевера, и двѣ съ изображеніемъ Россійскаго орла, на груди котораго находится щитъ съ коронованнымъ львомъ.

Нѣсколько таблицъ въ разбираемомъ нами томѣ содержатъ изображенія новодѣловъ, чеканенныхъ въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія при составленіи нумизматической коллекціи для герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго. Для нумизматовъ большой интересъ представятъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ новодѣльныхъ монетахъ такого офиціальнаго происхожденія, помѣщеніе каковыхъ обѣщано августѣйшимъ авторомъ въ выпускѣ, посвященномъ монетамъ императрицы Екатерины II.

При императорѣ Александрѣ для банковой золотой и серебряной монеты была оставлена проба предшествовавшаго царствованія. Кромѣ русской золотой монеты приготовлялись еще голландскіе червонцы, предназначавшіеся для заграничныхъ платежей. На с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ до сихъ поръ сохраняются штемпеля голландскихъ червонцевъ, съ годами 1800—1806 и 1818. Отмѣтимъ, что съ 1810 и по 1817 г. включительно выдѣлки золотой монеты совсѣмъ не производилось.

Страшное напряженіе, вынесенное Россіей въ Отечественную войну отразилось на русскихъ финансахъ. Курсъ ассигнацій падалъ съ зловѣщей

быстротой. Въ 1816 году серебряный рубль уже офиціально считался въ 4 рубля ассигнаціями (въ 1817=4 р., въ 1819=3 р. 60 к.).

Такое паденіе курса вліяло на стоимость мѣдной монеты, которая одна оставалась размѣнной. Цѣлый рядъ документовъ, собранныхъ августѣйшимъ авторомъ и находящихся при протоколахъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, указываетъ на заботы правительства относительно размѣнной и мѣдной монетъ. Еще въ 1801 году главный директоръ Ассигнаціоннаго Банка Петръ Свистуновъ подалъ государю записку о заведеніи низкопробной серебряной монеты 19-й и 2-й пробы! Въ виду безцѣльности подобныхъ металлическихъ ассигнацій записка не имѣла успѣха. Къ 1810 году цѣна мѣди достигла въ Петербургѣ 33 руб. за пудъ (А. Г. С., IV. 1, ст. 553, въ 1808 г. пудъ стоилъ 28 рублей, см. Ж. К. М. стр., 223). Необходимость повысить стоимость мѣдной монеты стала очевидной и манифестомъ отъ 20-го іюля 1810 года повелѣно было чеканить по 24 рубля изъ пуда мѣди. Для нѣкоторыхъ областей и эта перемѣна оказалась недостаточной. Къ 1823 году стоимость пуда мѣди въ Грузіи дошла до 57 руб. на ассигнаціи (А. Г. С., IV, 1, ст. 595) и Кавказъ пришлось снабжать монетою битою по 40 руб. изъ пуда, ибо русскія тяжеловѣсныя деньги переливались тамъ въ посуду. Какъ видимые результаты всякихъ предположеній и соображеній по поводу мѣднаго передѣла, до насъ дошли двѣ рѣдчайшія монеты, описанныя Его Высочествомъ подъ №№ 396 и 402. Первая изъ нихъ (находится въ Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ), мѣдный пятакъ съ надчеканкой клейма «10 копѣекъ. 1809», и вторая—грошъ Павла I съ надчеканкой клейма въ видѣ кружка съ цифрой 3 въ серединѣ (находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ). Двѣ указанныя монеты слѣдуетъ считать плодами неудачнаго предположенія повысить стоимость тяжеловѣсной шестнадцати рублеваго изъ пуда достоинства монеты безъ дорого стоющей перечеканки.

Дѣло чекана монетъ при Александрѣ I разсматривалось съ большою тщательностію: въ доклады и записки нерѣдко заносились историческія справки (наприм., док. № 95). Такъ въ 1801 году въ Государственный Совѣтъ внесена была подробная выписка изъ дѣлъ монетнаго департамента: «о дѣлѣ россійскихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ», авторъ которой впрочемъ нерѣдко высказываетъ и много ошибочнаго. Особенно курьезно начало выписки: «Дѣланіе монетъ въ Россіи, хотя изъ самыхъ древнѣйшихъ временъ производилось, но сего подлинными документами доказать весьма трудно; сколько жъ по сдѣланнымъ монетамъ, сохраненнымъ для любопытства и случайно, такъ же и по рукописнымъ сочиненіямъ, доказать можно, то начало оныхъ полагать возможно со временъ великаго князя Игоря [1]), который княжилъ съ 913 года, ибо нѣкоторые изъ таковыхъ монетъ дѣйствительно находятся... Со временъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича, сначала пятого надесять столѣтія, по приведеніи нѣкоторыхъ княжествъ подъ единое владѣніе, дѣланы уже монеты съ отличностью, такъ что въ послѣдующее время 16-го столѣтія крупная иностранная высокопробная монета употреблялась въ Россіи подъ клеймомъ московскаго герба и годоваго числа, а иногда и перепечатывалась россійскимъ штемпелемъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ владѣющаго государя, сѣдящаго на конѣ, а на другой герба россійскаго...» (А. Г. С., III, 439). [2]).

---

[1]) Многократно повторявшаяся ошибка въ чтеніи на монетахъ Ивана Грознаго словъ «игдрь» вмѣсто «и государь» собственнымъ именемъ «Игорь».

[2]) Докладъ директора департамента Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ министру

Нумизматы въ новомъ трудѣ августѣйшаго автора найдутъ исторію происхожденія нѣкоторыхъ монетъ и жетоновъ. Такъ, напримѣръ, извѣстные жетоны съ надписью «русское изобрѣтеніе» оказываются пробами печатной машины, изобрѣтенной Обергиттенфервалтеромъ Иваномъ Невѣдомскимъ (Док. № 73 и прим.). Рѣдкость этихъ пробныхъ кружковъ понятна, такъ какъ документально извѣстно, что на всѣ опыты по ихъ чеканкѣ Невѣдомскимъ употреблено было только 3 ф. 30 зол. мѣди. Къ сожалѣнію не нашлось документовъ, которые подробно бы освѣтили исторію пробныхъ рублей Александра I. Такихъ монетъ извѣстно много, большинство изъ нихъ съ портретами императора, что и понятно, такъ какъ среди русскихъ людей укоренилось убѣжденіе въ необходимости чеканить царскую монету съ изображеніемъ государя, дабы она была не только мѣновымъ знакомъ, но и государственнымъ памятникомъ, позволяющимъ каждому подданному видѣть черты лица своего монарха. Въ каждое царствованіе, начиная съ императора Павла, дѣлаются попытки возобновить чеканъ портретной монеты. Такъ было и при императорѣ Александрѣ I. 4-го апрѣля 1801 года государственный казначей представилъ разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта, «какимъ видомъ дѣлать золотую и серебряную монету въ нынѣшнее благополучное царствованіе Его Императорскаго Величества: съ портретомъ ли владѣющаго Государя, какъ было до 1797 года, или безъ портрета, примѣняясь къ монетѣ прошлаго правленія». «Совѣтъ призналъ нужнымъ испросить Высочайшее соизволеніе, чтобъ, при дѣлѣ новой монеты, удостоена оная была чеканомъ портрета Его Императорскаго Величества.» (А. Г. С., т. III, 1, стр. 403).

Среди пробныхъ рублей, описанныхъ въ разбираемомъ трудѣ, нѣкоторые становятся извѣстными впервые (таковы, наприм., №№ 3, 58, 59, 345—всѣ въ Эрмитажѣ), что не мало увеличиваетъ нумизматическій интересъ изданія. Отмѣтимъ еще полуимперіалъ 1803 года, находящійся въ коллекціи графа И. И. Толстого (№ 376. Табл. XX, 24). Такъ какъ по офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1803 году былъ отчеканенъ только одинъ полуимперіалъ, то возможно предположеніе, что этотъ экземпляръ и есть тотъ, о которомъ упоминаетъ вѣдомость.

Нельзя не сказать въ заключеніе, что вообще изданіе августѣйшаго автора представляетъ прекрасное украшеніе русской нумизматической литературы. Остается пожелать, чтобы удалось и монеты прошлаго вѣка описать съ такою же полнотою и тщательностію съ какой завершено въ настоящемъ выпускѣ описаніе нумизматическихъ памятниковъ Россіи XIX столѣтія.

Н. Лихачевъ.

Великій князь Георгій Михаиловичъ: „Русскія монеты 1881—1891“ (Спб. 1891. Gr. 4°, VIII семумер., 115 стр. и 6 фотогіалотипическихъ таблицъ съ изображеніями монетъ).

При нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ въ монетномъ дѣлѣ произведенъ цѣлый рядъ важныхъ реформъ. 17-го декабря 1885 года удостоился Высочайшаго утвержденія, разсмотрѣнный Государ-

---

Финансовъ отъ 7-го августа 1819 года начинается удивительной фразой: «Въ Россіи тисненіе мѣдной монеты началось съ 1735 года (sic!), т. е. со времени царствованія императрицы Анны Іоанновны».

ственнымъ Совѣтомъ новый Монетный Уставъ. Наиболѣе важныя измѣненія въ монетной системѣ, внесенныя новыми «правилами» заключаются въ: 1) Уменьшеніи содержанія чистаго золота въ полуимперіалѣ съ 1 золотника 39 долей до 1 золотника 34,68 долей, съ цѣлью уничтоженія, узаконеннаго до того, трехпроцентнаго лажа на золото и уравненія нашего полуимперіала съ золотой монетой Латинскаго союза и Австріи; 2) Установленіи пробирнаго разновѣса десятичнаго дѣленія, при чемъ проба золотой и серебряной монеты, вмѣсто 88/96 и 83 1/3/96, опредѣлена въ 900/1000, а серебряной размѣнной вмѣсто 48/96 въ 500/1000.

Съ 1886 года золотая и серебряная банковая монета чеканятся съ портретомъ Государя Императора. Документы, собранные и изданные августѣйшимъ авторомъ въ настоящемъ выпускѣ, имѣютъ большую цѣнность въ силу того, что многіе изъ нихъ не вошли и не войдутъ въ Полное Собраніе Законовъ. Изъ подобныхъ документовъ весьма интересны нѣсколько записокъ, поданныхъ разными дѣльцами, предлагавшими введеніе никкелевой монеты въ Россіи (см. Док. №№ 5, 12, 13, 22, 27, 57). Предложеніе съ виду были самыя выгодныя, такъ, напримѣръ, въ проектѣ графа Стенбока разсчитывалось, что «одинъ пудъ сплава можетъ дать монеты на 439 руб.; выключая изъ этого стоимость металла, работу и чеканку на 60 руб., остается отъ каждаго пуда никкелеваго сплава правительственной регаліи 379 руб.». По мнѣнію автора проекта правительство, изъявъ изъ обращенія нынѣ существующую серебряную монету и замѣнивъ ее никкелевою, сразу получило бы болѣе 30 милліоновъ чистой регаліи. Успѣшность такой операціи по соображеніямъ графа несомнѣнна: «народъ приметъ никкелевую монету, какъ новую мѣру правительства; для чего же мѣра эта предначертана, какъ и вообще о всякомъ распоряженіи, народъ русскій никогда не спрашиваетъ, а привыкъ вѣрить въ цѣлесообразность принимаемыхъ правительствомъ мѣръ; народъ окреститъ новую монету по своему и будетъ она безпрепятственно обращаться въ торговлѣ». Мы видимъ на какихъ оригинальныхъ основаніяхъ покоятся выводы записки, автору которой недоставало одного лишь знакомства съ исторіей монетнаго дѣла въ Россіи. Нельзя не признать вполнѣ справедливыми слова начальника монетнаго двора Н. П. Фоллендорфа по поводу докладныхъ записокъ и проектовъ о никкелевой монетѣ: «Если разсматривать это предложеніе, какъ выгодное предпріятіе для Государственнаго Казначейства, то собственно никкель тутъ не при чемъ. Единственнымъ факторомъ является въ этомъ случаѣ лишь фиктивная оцѣнка, мѣра весьма опасная, такъ какъ рано или поздно, но выпущенныя по высокой оцѣнкѣ деньги возвратятся въ казну съ оцѣнкою ничтожной» (стр. 75).

Въ 1885 году Государю Императору были представляемы нѣсколько пробныхъ рублей съ портретомъ его Величества для выбора лицевой стороны, рѣзанной медальерами Леопольдомъ Штейнманомъ и Абрамомъ Грилихесомъ. Высочайшаго одобренія удостоился одинъ изъ рублей работы Грилихеса, по каковому образцу и чеканится современная монета. По Высочайшему соизволенію пробные не одобренные рубли, переданы были въ нумизматическое собраніе великаго князя Георгія Михаиловича (док. № 48). Описаны эти рубли въ настоящемъ трудѣ августѣйшаго ихъ обладателя подъ №№ 84—89. Четыре экземпляра таковыхъ же рублей съ Высочайшаго разрѣшенія въ 1887 году поступили и въ коллекцію графа И. И. Толстого.

Рубль подъ № 84 существуетъ только въ двухъ экземплярахъ, ибо штемпель лицевой стороны его уже уничтоженъ. Однако не только этотъ, но и другіе пробные рубли едва ли будутъ украшать какіе-либо минцкабинеты, кромѣ двухъ вышеуказанныхъ, такъ какъ въ 1890 году состоялось повелѣніе, по которому чеканъ новодѣльныхъ монетъ безусловно воспрещенъ (док. №№ 73 и 74).

Показанія вѣдомостей о количествѣ отчеканенной монеты даютъ нѣсколько любопытныхъ для нумизматовъ указаній. Такіе факты, какъ чеканка въ 1882 году золотыхъ трехрублевыхъ червонцевъ всего лишь на 18 руб. или въ 1888 году пятиалтынныхъ серебряной размѣнной монеты только на 1 р. 5 к., еще не говорятъ о рѣдкости указанныхъ монетъ, большая часть которыхъ была уже отбита въ концѣ предшествующаго года. Другое дѣло общее количество полтинъ и четвертаковъ, которыхъ въ 1881—1885, 1889 и 1890 годахъ чеканено не болѣе, какъ по 500—2000 экз. на годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ эти монеты будутъ считаться рѣдкими [1]).

Отмѣтимъ еще для любителей нумизматики, описанную августѣйшимъ авторомъ, никкелевую монету въ 3 копѣйки цѣнностью (см. Табл. I, № 30). Украшенная двуглавымъ Россійскимъ орломъ она носитъ и надпись на русскомъ языкѣ: «мѣдная россіиска монета. 3 копѣики». Экземпляры этой никкелевой монеты были препровождены въ Россію при докладной запискѣ «о введеніи размѣнной никкелевой монеты въ Россіи», сочиненой графомъ Буйе-де-Леклюзъ. **Н. Лихачевъ.**

История Государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей, съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ. Рисунки профессора исторической живописи Императорской Академіи Художествъ В. П. Верещагина. Спб. 1891.

Подъ этимъ длиннымъ и пышнымъ заглавіемъ изданъ въ свѣтъ на прекрасной бумагѣ альбомъ, состоящій изъ 70 рисунковъ—надо сказать правду—очень слабыхъ, плохихъ въ художественномъ смыслѣ и еще болѣе плохихъ и слабыхъ въ отношеніи историческомъ. Плохому альбому предпослано г. профессоромъ исторической живописи довольно странное предисловіе, въ которомъ трудно доискаться даже простого логическаго смысла. Вотъ образчикъ того перваго граматическаго періода, въ которомъ г. профессоръ старается выяснить цѣль своего альбома. Приводимъ его цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій:

«Издавая «Ист. Гос. Рос. въ изобр. Державныхъ его правителей» въ видѣ альбома, состоящаго изъ 70 рисунковъ, считаю нужнымъ напомнить, что приступая къ выбору (изъ чего?) и составленію этихъ рисунковъ, я не задавался цѣлью захватить (?) и картинно изобразить всѣ (!) замѣчательныя событія болѣе чѣмъ тысячелѣтней жизни Россіи, а имѣлъ въ виду и намѣревался, изображая державныхъ правителей въ строгомъ

---

[1]) Мѣдныя монеты — въ 5 копѣекъ не чеканятся съ 1883 года и въ 3 копѣйки съ 1885 года. Необъясненнымъ остается какимъ штемпелемъ отбиты были въ 1888 году два пятака и два трехкопѣешника, о каковомъ фактѣ упоминаютъ офиціальныя вѣдомости.

хронологическомъ порядкѣ, начиная съ родоначальника князей русскихъ Рюрика и заключая благополучно царствующимъ и Богомъ хранимымъ Монархомъ, представить общую картину роста, развитія и постепеннаго возвышенія Россіи, указать главную артерію жизни ея и провести прямую линію хода русской исторіи отъ начала ея до настоящаго времени».

Въ этомъ необъятномъ періодѣ, такомъ необъятномъ, какъ тысячелѣтняя исторія Россіи, ничего понять нельзя. Оказывается, что г. профессоръ, даже и приступая уже «къ составленію рисунковъ, не намѣревался картинно изобразить событія тысячелѣтія жизни Россіи», а намѣревался все же «въ изображеніяхъ державныхъ правителей» представить картину роста Россіи», «указать артерію жизни Россіи» (?) и «провести прямую линію хода русской исторіи». Слѣдовательно, онъ сразу задался тремя несовсѣмъ удобоисполнимыми и, повидимому, для него самого не вполнѣ ясными цѣлями. Но этого показалось г. профессору мало: онъ прибавилъ къ тремъ цѣлямъ еще и четвертую, говоря, что его рисунки «могутъ быть разсматриваемы, какъ иллюстрированная хронологія».

При такомъ странномъ и далеко не ясномъ пониманіи своей задачи, г. профессоръ, весьма плохо знакомый съ русской исторіей, рѣшился еще дѣйствовать совершенно самостоятельно и даже не потрудился попросить кого-нибудь болѣе свѣдущаго составить ему осмысленный и разумный планъ для его альбома. Со смѣлостью, достойной полнѣйшаго порицанія, онъ рѣшился даже съ нѣкоторой критикой отнестись къ учебникамъ русской исторіи, которые бы ему не мѣшало знать потверже. «Оставаясь вѣрнымъ своей цѣли (неизвѣстно, которой изъ четырехъ вышеуказанныхъ?), я не находилъ ни возможнымъ, ни нужнымъ—говоритъ г. профессоръ—обходить рисункомъ какого-либо правителя вслѣдствіе кратковременности или незначительности его дѣятельности, подобно тому, какъ это допускается въ иныхъ учебникахъ, особенно при изложеніи удѣльнаго періода исторіи Россіи» (!)...

Г. профессоръ не находитъ ни возможнымъ, ни нужнымъ тотъ разумный выборъ, котораго онъ не имѣлъ возможности сдѣлать по недостаточности своей исторической подготовки. Это просто и ясно. При чемъ же тутъ «иные учебники?..» Что же касается знаній г. профессора въ исторіи Россіи, то онъ ихъ какъ нельзя лучше выказалъ въ томъ простомъ пояснительномъ текстѣ къ рисункамъ, который «присоединилъ къ рисункамъ, руководствуясь трудами Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и др.». Замѣтьте: «и другихъ историковъ!»—какъ будто для подписанія подъ рисункомъ трехъ строкъ текста необходимо «руководствоваться трудами Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и другихъ!» Посмотримъ на этотъ замѣчательный текстъ, извлеченный изъ «Карамзина, Соловьева и другихъ»:

«Великій князь Святославъ I. Сынъ Владиміра, Святополкъ, умертвилъ трехъ братьевъ своихъ и удаленный (?) отъ престола Ярославомъ Новгородскимъ, кончилъ жизнь въ скитаніи безумнымъ» (?)...

«Изяславъ I Ярославичъ... Первый изъ русскихъ правителей уничтожилъ смертную казнь, замѣнивъ ее денежною пенею». «Святополкъ Михаилъ... Въ княженіе Святополка благою мыслію Мономаха (при чемъ тутъ Святополкъ?) учреждены (?) на Руси съѣзды князей для рѣшенія дѣлъ полюбовно».

Подъ изображеніемъ Владиміра Мономаха сообщается о присылкѣ ему «вѣнца и бармъ Алексѣемъ Комненомъ».

О князѣ Игорѣ Ольговичѣ сообщается только, что онъ «былъ схваченъ (?) въ плѣнъ, увязнувъ въ трясинѣ».

О князѣ Юріи Долгорукомъ г. профессоръ знаетъ только, что «онъ строилъ храмы, пролагалъ пути сообщенія, но любовью народною не пользовался» (?).

Объ Андреѣ Боголюбскомъ ему извѣстно, что онъ «основалъ Боголюбовъ» (??) и «первый началъ борьбу съ пагубной удѣльной системой».

О Михаилѣ Юрьевичѣ (братѣ Боголюбскаго), княжившемъ всего два года, г. профессоръ находитъ возможнымъ сообщить, что «въ вѣкѣ суровомъ жестокостью онъ не запятналъ имени своего и любилъ спокойствіе народа болѣе власти».

Въ противоположность этому отзыву о добродѣтельномъ Михаилѣ, г. профессоръ такъ характеризуетъ князя Андрея Ярославича (1294—1304 г.): «Омрачилъ княженіе свое постоянными ссорами съ князьями и частыми призывами монголовъ ко вмѣшательству въ дѣла Руси».

И неужели г. профессоръ воображаетъ себѣ, что этотъ вздорный наборъ фразъ, не имѣющихъ притомъ никакой прочной исторической подкладки, можетъ дать кому-нибудь понятіе «о ростѣ Россіи», о «главной артеріи ея жизни» и «о прямой линіи хода русской исторіи!?»

Еще менѣе могутъ рисунки разбираемаго альбома ознакомить съ бытомъ древней Руси, съ древнерусскими одеждами и подробностями житейской обстановки XII и послѣдующихъ вѣковъ. Все изображенное на рисункахъ альбома скучно, однообразно, академично, натянуто и рѣшительно ничего не даетъ въ смыслѣ историческомъ. Костюмы ясно указываютъ на весьма ограниченное знакомство съ нашимъ древнерусскимъ бытомъ и съ вещественными древностями. Трудно даже представить себѣ, какъ можно быть профессоромъ исторической живописи при такомъ легкомъ багажѣ научныхъ свѣдѣній! Признаемся, для насъ остается загадкою: зачѣмъ, для кого и ради чьей пользы вздумалось г. профессору издать этотъ злосчастный альбомъ.

П. Полевой.

Россія и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Записки и замѣчанія графа Эрнста Миниха. Изданіе редакціи журнала «Русская Старина». Спб. 1891.

Записки графа Эрнста Миниха заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей, касающихся придворнаго быта во время царствованія императрицы Анны Ивановны, регентства Бирона и правленія Анны Леопольдовны. Принадлежа къ придворной сферѣ, авторъ былъ очевидцемъ почти всѣхъ, описываемыхъ имъ, событій и излагаетъ ихъ спокойно и безпристрастно. На этомъ основаніи, «Записки» Миниха составляютъ довольно цѣнный историческій матеріалъ, тѣмъ болѣе, что симпатичная личность автора, отличавшагося широкимъ образованіемъ, скромностью и неподкупной честностью, внушаетъ къ нему полное довѣріе. «Записки» Миниха были изданы въ первый разъ въ 1817 году и давно сдѣлались библіографической рѣдкостью. Редакція «Русской Старины» оказала услугу, занимающимся русской исторіей XVIII вѣка, вторично издавъ «Записки» и при томъ въ такой об-

становкѣ, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго. Къ «Запискамъ» присоединено другое сочиненіе Миниха, именно «Замѣчанія на записки Манштейна», за тѣмъ историко-критическое изслѣдованіе г. Юргенсона объ обоихъ названныхъ трудахъ Миниха, обстоятельный очеркъ жизни послѣдняго, родословіе его фамиліи и, наконецъ, описаніе и рисунокъ герба Миниховъ. Кромѣ того, къ книгѣ приложенъ прекрасный портретъ Миниха и алфавитный указатель собственныхъ именъ. Особенно цѣнно изслѣдованіе г. Юргенсона. Шагъ за шагомъ слѣдя за текстомъ «Записокъ» Миниха, г. Юргенсонъ указываетъ всякое, малѣйшее, противорѣчіе въ нихъ, сдѣланныя заимствованія и т. п. Изслѣдованіе г. Юргенсона даетъ возможность пользоваться этимъ матеріаломъ безошибочно, и избавляетъ занимающихся отъ многихъ провѣрокъ и кропотливыхъ справокъ. Мы убѣждены, что всѣ лица интересующіяся той эпохой, которую описываетъ Минихъ, искренно поблагодарятъ редакцію «Русской Старины», за такое прекрасное изданіе «Записокъ».

С. Ш.

Нижегородскій Сборникъ, издаваемый нижегородскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціею дѣйствительнаго члена и секретаря комитета А. С. Гацискаго. Т. Х. Нижній Новгородъ. 1891.

Выходящій въ свѣтъ десятый томъ «Нижегородскаго Сборника» заключаетъ въ себѣ не мало цѣнныхъ и интересныхъ статей по этнографіи и статистикѣ Нижегородской губерніи; укажемъ для примѣра, на полубеллетристическую статью самого редактора «На Сундовикѣ, въ Жарахъ, на Сити на рѣцѣ», на статью В. И. Снѣжневскаго «Изъ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и XIX вв.», не говоря уже о цѣломъ рядѣ изслѣдованій по кустарнымъ промысламъ Нижегородской губерніи. Не столько, однако, на этотъ разъ, привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе самое содержаніе настоящаго выпуска, сколько тотъ фактъ, о которомъ въ коротенькомъ предисловіи извѣщаетъ насъ редакція «Сборника», что дѣятельность ея «прекращается, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ для ея продолженія, на долго, быть можетъ—и всего вѣроятнѣе— навсегда». Нельзя не пожалѣть о прекращеніи этого, во всякомъ случаѣ, заслуживающаго уваженія изданія. Находились, правда, критики, не хотѣвшіе понять цѣли изданія А. С. Гацискаго, осмѣивавшіе это изданіе, какъ безтолковый, безсистемный сборъ сырыхъ матеріаловъ, ни кому не нужныхъ и ни для кого не интересныхъ, но всякій, кому извѣстно, какъ мало движенія еще въ умственной жизни нашихъ провинцій, согласится, что и подобныя изданія, хотя бы даже и содержали въ себѣ, по выраженію г. Гацискаго, одну «сушь» и сырой матеріалъ, тѣмъ не менѣе представляютъ отрадное явленіе среди подавляющей массы фактовъ, доказывающихъ полнѣйшее отсутствіе высшихъ духовныхъ интересовъ... Стоитъ оглянуться назадъ на «трудную повѣсть» болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго существованія «Нижегородскаго Сборника». Задумано было изданіе небольшимъ кружкомъ лицъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ пору розовыхъ мечтаній шестидесятыхъ годовъ, и предполагалось оно въ весьма широкихъ размѣрахъ и съ обширными цѣлями; объ этихъ неудавшихся планахъ въ предисловіи къ одному изъ прежнихъ выпусковъ «Сборника» съ добродушною ироніею разсказываетъ самъ редакторъ его.

Кружокъ, однако, отчасти по несогласіямъ между членами его, отчасти по внѣшнимъ причинамъ, скоро распался, на этотъ разъ изданіе не состоялось, и лишь годъ спустя А. С. Гацискій на свой страхъ рѣшился взяться за него, задавшись уже болѣе скромными цѣлями. Не многосложная программа «Сборника» теперь состояла въ одномъ лишь собираніи матеріаловъ для изученія Нижегородскаго Поволжья, безъ послѣдующихъ обобщеній ихъ, зачастую даже безъ систематизаціи. А. С. Гацискій мало распространяется о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми ему приходилось бороться въ самомъ началѣ изданія, но какъ онѣ были велики, можно судить хотя бы уже потому, что мѣстныя типографскія средства не давали ему возможности хотя сколько-нибудь сносно напечатать заготовленные матеріалы. Добываніе самыхъ матеріаловъ представляло для него также не мало трудностей; недостатокъ образованныхъ силъ давалъ себя ощутительно чувствовать, мало находилось людей, у которыхъ были бы и способности и желаніе послужить дѣлу изученія родного края. Благодаря этому, цѣнными пріобрѣтеніями для своего сборника г. Гацискій былъ обязанъ, главнымъ образомъ, мѣстному духовенству, бывшему, по выраженію его, чуть ли не единственнымъ двигателемъ литературно умственной жизни Нижегородской губерніи. Недостатокъ образованныхъ силъ, однако, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сталъ пополняться, матеріаловъ набиралось болѣе, чѣмъ редакція могла ожидать, но за то все яснѣе и яснѣе сталъ выступать наружу другой прискорбный фактъ, устранить который было уже рѣшительно невозможно, это — полнѣйшее отсутствіе необходимыхъ матеріальныхъ средствъ. Первые четыре выпуска еще вышли въ сравнительно короткихъ промежуткахъ времени другъ отъ друга, но уже при изданіи IV-го тома, когда далеко не весь накопившійся матеріалъ былъ напечатанъ, матеріальная нужда настолько обострилась, что редакція помышляла о пріостановкѣ изданія на неопредѣленный срокъ. До этого, однако, дѣло не дошло, такъ какъ благодаря вмѣшательству нижегородскаго вице-губернатора было постановлено, чтобы типографія губернскаго правленія взяла на себя безплатное печатаніе «Сборника». «Сборникъ» и сталъ печататься безплатно, но за то, какъ? За множествомъ другихъ «болѣе нужныхъ» работъ, дѣло затянулось на цѣлыхъ два года, и когда наконецъ началось печатаніе, то пошло оно медленно и съ большими перерывами, такъ что книга въ 33½ листа печаталась въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ лѣтъ. Печальная участь изданія вызвала въ это же время содѣйствіе нижегородскаго земства, ассигновавшаго на изданіе комитета 2,000 р. единовременно; это обезпечило на нѣкоторое время продолженіе «Сборника», хотя далеко не въ достаточной мѣрѣ: расходы на одинъ томъ даже при безплатномъ печатаніи обходились въ 700 р., а на то, что эти расходы когда-либо окупятся, нечего было и разсчитывать. Матеріаловъ между тѣмъ накоплялось цѣлыя груды: издавая VI томъ, черезъ полтора года послѣ выхода пятаго, редакція заявляла, что ихъ хватило бы на двадцать томовъ, а между тѣмъ пришлось опять прекратить изданіе на цѣлое десятилѣтіе, но теперь уже по инымъ причинамъ. Въ 1877 году были предприняты работы образовавшейся при министерствѣ финансовъ комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, организацію которыхъ въ Нижегородской губерніи взялъ на себя г. Гацискій. Нѣсколько лѣтъ продолжались эти изслѣдованія, расходы по которымъ сначала вела сама комиссія, а затѣмъ Нижегородское земство, ассигновавшее на окон-

чаніе начатыхъ въ губерніи работъ—2,500 р., и на печатаніе ихъ—2,000 р. Печатаніе этихъ трудовъ по кустарнымъ производствамъ и стало съ VII-го выпуска, вышедшаго въ 1887 г., почти исключительнымъ содержаніемъ всѣхъ послѣдовавшихъ томовъ «Нижегородскаго Сборника». Въ настоящемъ X томѣ, статьи по кустарнымъ производствамъ въ различныхъ уѣздахъ заканчиваются и кончается вмѣстѣ съ тѣмъ и самое изданіе по причинамъ намъ уже извѣстнымъ...

На грустныя размышленія наводитъ насъ эта длинная эпопея злоключеній «Нижегородскаго Сборника». Болѣе двадцати лѣтъ одинъ человѣкъ (о комитетѣ говорить нечего, весь онъ сосредоточивается въ одномъ С. А. Гацискомъ) безкорыстно отданъ одной цѣли, дѣлу изученія родного края, борется съ часто непреодолимыми трудностями, знаетъ при этомъ, что общество мало интересуется его трудами, не смѣетъ даже и надѣяться, что окупится болѣе $^2/_5$ всѣхъ издержекъ на изданіе, и подъ конецъ, не видя ниоткуда поддержки, онъ долженъ согласиться, что одному ему оно не подъ силу, что ему остается лишь махнуть рукой на излюбленный, привычный трудъ. Опять приходится убѣждаться въ томъ, какъ трудно сдѣлать у насъ многое частными средствами при отсутствіи поддержки со стороны общества, нисколько не интересующагося серьезными книгами и періодическими изданіями. При полномъ равнодушіи большей части нашего общества къ наукѣ, нечего и думать о томъ, чтобы у насъ могли расходиться журналы исключительно серьезные, научные, какъ на то надѣется одинъ изъ нашихъ выдающихся ученыхъ, редакторъ новаго спеціальнаго журнала. Нельзя ожидать ничего подобнаго въ обществѣ, еще до такой степени недоросшемъ до сознанія духовныхъ нуждъ, что весьма недавно представителями его въ одномъ изъ главныхъ провинціальныхъ центровъ былъ поднятъ вопросъ, не упразднить ли городскую публичную библіотеку, отъ которой-де пользы никакой нѣтъ, а лишь расходъ лишній. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, приходится сознаться, что не настало еще у насъ время, когда частными средствами можно рѣшиться на изданія въ родѣ настоящаго «безвременно погибшаго» «Нижегородскаго Сборника». Такіе труды могутъ у насъ существовать лишь при поддержкѣ со стороны правительства, которому одному лишь подъ силу взять на себя расходы по изданію, необходимому для полнаго ознакомленія съ народною жизнью нашего отечества, но въ то же время слишкомъ «сухому» и «скучному», чтобы разсчитывать на успѣхъ среди общества.

А. Л.

Д. Н. Анучинъ. Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ». Археолого-этнографическій этюдъ. Съ 14 рис. въ текстѣ. Москва. 1890.

Проф. Д. Н. Анучинъ, не безъ основанія считающійся лучшимъ представителемъ французскихъ антропологовъ и особенно направленія Брока [1]), издалъ недавно очень любопытное и интересное даже для неспеціалиста изслѣдованіе, заглавіе котораго мы привели выше. Въ основаніе своего изслѣдованія авторъ положилъ сказаніе «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй

---

[1]) Словарь Венгерова, т. I, стр. 975.

странѣ» (стр. 6—12), сказаніе очень древнее (XV—XVI вв.), заключающее въ себѣ первыя по времени русскія свѣдѣнія о сибирскихъ народахъ. Не смотря однако на интересъ тѣхъ данныхъ, которыя могъ бы найти въ этомъ сказаніи этнографъ, оно слишкомъ мало привлекало къ себѣ вниманіе изслѣдователя. Къ нему отнеслись слишкомъ поверхностно; ограничились только указаніемъ на баснословный и фантастическій характеръ заключающихся въ немъ извѣстій. Никто даже не думалъ искать реальной почвы, на которой возникли эти повидимому фантастическія басни. Проф. Д. Н. Анучину пришла счастливая мысль открыть эту реальную сторону сказанія и сдѣлать его такимъ образомъ важнымъ источникомъ для исторіи культуры Сибири. Для достиженія этой цѣли проф. Анучинъ прежде всего приводитъ подлинный текстъ сказанія по списку Соловецкой лѣтописи, указывая при этомъ на главнѣйшія разночтенія, а затѣмъ переходитъ къ самому изслѣдованію, составляющему такимъ образомъ какъ бы комментарій къ сказанію. Поступаетъ авторъ при этомъ слѣдующимъ образомъ. Сдѣлавъ общій обзоръ, въ которомъ постарался опредѣлить способы и возможность происхожденія такого рода сказаній, авторъ переходитъ къ частностямъ. Онъ беретъ по очереди каждое изъ свидѣтельствъ сказанія и всесторонe изслѣдуетъ его; сравниваетъ, подыскиваетъ аналогіи и въ концѣ концовъ приходитъ къ тому или другому выводу. Здѣсь нельзя не изумиться тому знакомству автора съ литературой своего вопроса, которое онъ обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ аналогіяхъ. Масса самыхъ разнообразныхъ ссылокъ, цитатъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ заставляютъ читателя вполнѣ довѣрчиво отнестись къ выводамъ, кажущимся на первый взглядъ самыми невозможными. Въ большинствѣ случаевъ эти выводы дѣйствительно имѣютъ реальную почву при всей ихъ кажущейся невѣроятности, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ этого и не бываетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя впрочемъ довольно рѣдкихъ, почтенный авторъ нѣсколько увлекается и, забывая основную цѣль своего труда приходитъ, напримѣръ, къ такого рода выводамъ· «это извѣстіе сказанія оказывается вѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, основаннымъ на дѣйствительно ходившихъ разсказахъ» (стр. 42). Большая разница между вѣрнымъ извѣстіемъ и только основаннымъ на дѣйствительно ходившихъ разсказахъ, особенно, если принять во вниманіе отписку енисейскаго воеводы князя К. О. Щербатаго въ Сибирскій Приказъ, приведенную авторомъ въ концѣ труда (стр. 86). Записка эта представляетъ собой любопытный примѣръ, того, какъ невѣрно понятые, хотя и дѣйствительно ходившіе разсказы могли давать поводъ къ возникновенію самыхъ невѣроятныхъ извѣстій. Пришелъ авторъ къ приведенному раньше выводу, разбирая извѣстіе о самоѣдахъ-юракахъ. Характеризуется этотъ народъ въ сказаніи такимъ образомъ: «а ядь ихъ мясо оленье, да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ; а гость къ нимъ откуда пріидетъ, и они дѣти свои закалаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ; а который гость у нихъ умретъ, и они того снѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ такожъ». Извѣстіе само по себѣ очень важное и знать, насколько оно реально, было бы очень интересно, а между тѣмъ проф. Анучинъ называетъ его съ одной стороны и главнымъ образомъ «вѣрнымъ», а съ другой стороны основаннымъ на дѣйствительно ходившихъ разсказахъ. Съ послѣднимъ согласиться можно, но съ первымъ—трудно. Тѣ факты, которые мы находимъ у Кушелевскаго и на основаніи которыхъ авторъ дѣлаетъ свой выводъ по своей малочисленности и странности содержанія неубѣдительны. Затѣмъ,

фактъ убіенія самоѣдами въ прежнее время дряхлыхъ стариковъ, даже если онъ встрѣчался у самоѣдовъ, не можетъ служить подтвержденіемъ для извѣстія сказанія, такъ какъ есть цѣлый рядъ древнихъ средневѣковыхъ и новѣйшихъ извѣстій, констатирующихъ существованіе этого обычая у множества другихъ народностей земнаго шара, какъ современныхъ дикарей, такъ и предковъ такъ называемыхъ «культурныхъ» или «историческихъ» народностей [1]). Не лучше ли всѣ такого рода сказанія и самое извѣстіе нашего памятника назвать миѳами, вызванными названіемъ этого народа [2]). Такимъ образомъ, приходится реальную основу этого извѣстія отвергнуть. Не понимаемъ также, почему проф. Анучинъ, объясняя извѣстіе о «самоѣди», умирающей на два мѣсяца отвергаетъ толкованіе Олеарія и даетъ свое собственное, конечно возможное, но нѣсколько натянутое (стр. 50 и сл.). Извѣстіе это такого рода: «Въ той же странѣ иная самоѣдь, якоже и прочіи человѣцы. Но зими умираютъ на два мѣсяца. Умираютъ же тако: какъ гдѣ котораго застанетъ въ тѣмъ мѣсяци, тотъ тамъ и сядетъ, а у него изъ носа вода изойдетъ, какъ отъ потока да примерьзнетъ къ земли; и кто человѣкъ иные земли невѣданіемъ потокъ той образитъ у него и сопхнетъ съ мѣста, и онъ умретъ, то уже не оживетъ, а не сопхнетъ съ мѣста, той оживетъ... А иные оживаютъ, какъ солнце на мѣсто вернется, тако на всякій годъ оживаютъ и умираютъ». Олеарій основу этого миѳа видитъ въ томъ, что самоѣды живутъ въ низкихъ жилищахъ, которыя зимой заносятся снѣгомъ на столько, что нельзя ни войти, ни выйти (стр. 51). Проф. Д. Н. Анучинъ склоненъ «полагать скорѣе, что возникновеніе такого представленія было вызвано видомъ человѣкообразныхъ идоловъ, которые, по многимъ стариннымъ извѣстіямъ, существовали въ самоѣдской землѣ» (стр. 53). По нашему мнѣнію, объясненіе Олеарія естественнѣе и правдоподобнѣе. Укажемъ еще на одно примѣчаніе, которымъ проф. Анучинъ заинтересовалъ, но любопытства нашего не удовлетворилъ. Примѣчаніе это находится на стр. 37-й (90 прим.). Здѣсь, говоря о построеніи и самомъ названіи города Мангазеи, авторъ между прочимъ только констатируетъ слѣдующій фактъ: «съ основаніемъ Мангазеи (города) названіе народа Молгонзѣи стало выходить изъ употребленія и смѣнилось названіемъ Юраки». Фактъ очень любопытный, такъ какъ обыкновенно происходитъ совершенно обратное явленіе.

Всѣ эти немногочисленныя и по своему характеру незначительныя замѣчанія, конечно, нисколько не могутъ измѣнить того, что мы высказали въ началѣ отзыва о крупныхъ достоинствахъ послѣдняго труда почтеннаго ученаго.

В. Б.

Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXV. Скандинавская и турецкая литература. Спб. 1891.

Г. Риккеръ, издатель этой «Всеобщей исторіи», испытываетъ долготерпѣніе русской публики, выпуская ежегодно по ливрезону сочиненія, начатаго двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, да и то еще читатели получаютъ не каждый годъ по ливрезону, а по временамъ, какъ въ 1887 году, и вовсе ни-

[1]) «Этнографич. Обозрѣніе», 1889 г., т. I, стр. 115.

[2]) Самое распространенное мнѣніе относительно слова «самоѣдъ» то, что это названіе финское и соотвѣтствуетъ лопарскому same — jedne, прилагаемому лопарями для обозначенія своей земли (стр. 39).

ѣего не получаютъ. Разбирая прежніе выпуски, мы не разъ обращались къ издателю съ вопросомъ, когда же онъ думаетъ кончить эту исторію и на которомъ выпускѣ остановиться? Вопросъ этотъ мы дѣлали отъ имени нѣкоторыхъ лицъ, начавшихъ выписывать книгу еще при покойномъ Коршѣ и теперь уже начинающихъ старѣться, не видя конца ея. А между тѣмъ вѣдь это трудъ не одного лица и, раздѣленный между многими спеціалистами, могъ бы быстро идти впередъ. Но г. Риккеръ ни въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ своего изданія не считаетъ даже нужнымъ сообщить своимъ читателямъ (есть же они у него все-таки), сколько еще лѣтъ и выпусковъ протянется его исторія, доведенная въ XXV выпускѣ до конца XVIII столѣтія? Не потребуетъ ли еще и нынѣшнее столѣтіе также десятки выпусковъ? Обо всемъ этомъ уже нѣсколько лѣтъ хранится упорное молчаніе и послѣдній выпускъ отличается отъ прежнихъ только тѣмъ, что въ немъ $14^1/_2$ листовъ вмѣсто десяти и стóитъ онъ полтора рубля вмѣсто одного; но въ немъ, по крайнѣй мѣрѣ, закончены исторіи обѣихъ литературъ, то есть доведены до XIX вѣка. Составлены онѣ отчетливо и добросовѣстно, какъ вообще всѣ статьи изданія, хотя являются, по необходимости, въ сжатомъ видѣ. Мы не знаемъ прежнихъ трудовъ г. Диллена, но въ его изслѣдованіи скандинавской литературы видно основательное знакомство съ своимъ предметомъ. Напрасно только, говоря о поэзіи скальдовъ, авторъ цитируетъ стихи ихъ безъ перевода на русскій языкъ. Всѣ эти «Haki, kraki hamdi, framdi» совершенно не понятны не только для насъ, но и для лицъ знакомыхъ съ европейской лингвистикой. Оставляетъ безъ перевода авторъ и народныя пѣсни, приводя ихъ въ непонятномъ для насъ подлинникѣ. Излишне также было приводить въ подлинникѣ англійскія и шотландскія пѣсни, схожія по содержанію съ датскими и шведскими. Приводимые авторомъ переводы Н. Берга имѣютъ литературное значеніе и переданы гладкимъ стихомъ, чего нельзя сказать о другихъ переводахъ М. К. Марченко, отличающихся тяжелымъ языкомъ. Хороша характеристика Гольберга, хотя нельзя вполнѣ согласиться, что онъ «обладалъ въ высшей степени тѣмъ, чтó Кантъ называетъ умомъ, скорѣе чѣмъ разумомъ». Эвальдъ, Баггесенъ, Далинъ, Торальдъ, также очерчены вѣрно и рельефно. Статья оканчивается оцѣнкою значенія Бельмана, высоко даровитаго поэта, но котораго все-таки нельзя сравнивать съ Анакреономъ и Гафизомъ, какъ это дѣлаетъ авторъ. Но Бельманъ умеръ въ 1795 году (почему г. Дилленъ не приводитъ годъ его смерти?) и послѣ него въ шведской и вообще въ скандинавской литературѣ было не мало замѣчательныхъ писателей. Почему же авторъ ничего не говоритъ объ нихъ?

О турецкой литературѣ немного свѣдѣній не только у насъ, но и вообще въ Европѣ, и г. Смирновъ справедливо замѣчаетъ, что названіе этой литературы, какъ и самое имя турокъ, очень широко и неопредѣленно. И татары всѣхъ видовъ, и башкиры, киргизы, туркмены и даже разные якуты и кумыки, все это турки или, правильнѣе, тюрки, родные братья смановъ, хотя послѣдніе пренебрегаютъ своимъ общеродовымъ названіемъ и употребляютъ его только въ историческихъ сочиненіяхъ да въ народныхъ пословицахъ, гдѣ это слово принимается въ значеніи «грубый», «мужикъ», «дикарь». «Турокъ будетъ ученымъ, но никогда не будетъ человѣкомъ», говоритъ одна такая поговорка. Орда Османа, получившая въ концѣ XIII вѣка гегемонію надъ сельджуками и другими тюркскими родами, дала имъ

свое имя и съ теченіемъ времени стала гораздо выше ихъ какъ вообще въ культурномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Поэтому г. Смирновъ посвящаетъ свой очеркъ только изслѣдованію литературы османскихъ турокъ. Познакомить насъ съ нею было всего ближе автору двухъ замѣчательныхъ сочиненій о крымскомъ ханствѣ подъ главенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII вѣка (1887 г.) и въ XVIII вѣкѣ (1888 г.). Авторъ относится къ своему предмету совершенно объективно и даже нѣсколько преувеличиваетъ, утверждая, что европейцы презрительно относятся ко всему турецкому и въ томъ числѣ къ литературѣ. Напротивъ, Европа, въ особенности Англія и Германія, питаютъ въ послѣднее время какое то нѣжное пристрастіе къ Турціи, всѣми силами охраняя ее отъ державы, съ помощью которой освободились отъ мусульманскаго ига христіанскія племена: греки, румыны, сербы, болгары. Что же касается до турецкой литературы, то г. Смирновъ и самъ сознается, что въ ней много такого, чему и мы можемъ сочувствовать. Онъ даже сравниваетъ ее съ нашей литературой во второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда у насъ господствовала періодическая и переводная печать, хотя «свобода слова находится въ Турціи даже въ болѣе ограниченныхъ условіяхъ, чѣмъ у насъ, и администрація научилась у своихъ европейскихъ посѣтителей только системѣ предостереженій запрещеній и т. п.». Авторъ начинаетъ свою статью также съ изслѣдованія народныхъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и произведеній, популярныхъ въ народѣ. Пѣсни переданы въ стихотворномъ переводѣ мѣстами весьма гладкомъ, даже риѳмованномъ. Затѣмъ приведенъ подробный разборъ героическаго эпоса: «Приключенія бойца за вѣру Сейида Батталя», оцѣнка поэтовъ мистическихъ, анакреонтическихъ, вольнодумцевъ, женщинъ-поэтовъ Съ XVII вѣка развивается литература научная и историческая. Политическимъ памфлетамъ и сатирѣ посвящена особая глава, также какъ этическимъ произведеніямъ и пародіямъ. Статья заканчивается обзоромъ книгопечатанія въ Турціи, возникновеніемъ въ ней новыхъ родовъ литературы: романа, драмы и др. подъ вліяніемъ европейскихъ образцовъ, очеркомъ выдающихся дѣятелей новѣйшаго времени и періодической литературы. Тутъ говорится, хотя и очень кратко, о произведеніяхъ и писателяхъ XIX вѣка и авторъ приходитъ къ печальному заключенію, что «исламъ несовмѣстимъ съ истинною наукою и просвѣщеніемъ». Это же мнѣніе высказалъ и Ренанъ, но только по отношенію къ научному прогресу, а не къ литературѣ. Мусульманская богословская доктрина дѣйствительно полна сумбура, но вѣдь литература можетъ развиваться и безъ теологическихъ бредней. Примѣровъ этому не мало въ исторіи всѣхъ народовъ. Достигли же арабы и мавры высокой культуры и при господствѣ ислама. Смѣшивать творческую фантазію съ богословскою также не слѣдуетъ, какъ стараться примирить науку, основанную на фактахъ, съ ученіемъ, основаннымъ на вѣрѣ. Между литературою и теологіей нѣтъ ничего общаго. Въ исламѣ и теперь уже проявляются прогресистскія вѣянія, какъ во многихъ доктринахъ, считавшихся навсегда утраченными и непоколебимыми. Политическое положеніе отоманской имперіи въ Европѣ дѣйствительно весьма непрочно, но у насъ въ другихъ частяхъ свѣта столько единовѣрцевъ, что обрекать ихъ на безотрадное будущее, какъ это дѣлаетъ г. Смирновъ, было бы несправедливо, особенно когда, по статьѣ его, заключающей въ себѣ столько новаго и оригинальнаго ознакомишься съ выдающимися писателями мусульманскаго міра.

В. З.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ третій. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1890.

Настоящій томъ Сборника распадается на два отдѣла. Первый заключаетъ въ себѣ 267 документовъ, вышедшихъ изъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи (стр. 1—171), 27 Высочайшихъ повелѣній, объявленныхъ черезъ графа Аракчеева (стр. 173—184) и, наконецъ, 37 подъ рубрикой «Исходящій журналъ графа Аракчеева къ разнымъ лицамъ» (стр. 185—208). Всѣ эти документы относятся къ 1813 году, представляютъ собой распоряженія относительно войскъ, ихъ содержанія, набора новыхъ рекрутъ, Высочайшія благодарности и награды. Такимъ образомъ, документы этого отдѣла имѣютъ чисто военный интересъ, могутъ быть полезны для военнаго историка этого времени,— но ничего не даютъ для исторіи современнаго состоянія общества.

Нѣсколько интереснѣе второй отдѣлъ, какъ по разнообразію заключающагося въ немъ архивнаго матеріала, такъ и по внутреннему содержанію этого матеріала. Отдѣлъ этотъ въ свою очередь распадается на четыре части: 1) Документы по управленію Тарнопольской областью, 1810 — 1811 гг. (стр. 213—228); 2) Документы по управленію Молдавіей и Валахіей, 1810—1812 гг (стр. 229—246); 3) Документы, относящіеся до войны съ Швеціей и до присоединенія Финляндіи, 1809—1815, извлеченные изъ бумагъ М. М. Сперанскаго (стр. 247—328); 4) Секретныя официальныя свѣдѣнія о положеніи нашихъ финансовъ въ 1813 г. и объ изысканіи средствъ къ продолженію военныхъ дѣйствій въ чужихъ краяхъ (стр. 329). Документы этого отдѣла, какъ мы сейчасъ замѣтили, почти всѣ въ высшей степени интересны. Такъ, напримѣръ, документы по управленію Молдавіей и Валахіей рисуютъ намъ какъ нельзя лучше бѣдственное положеніе края въ это время, когда «господари, будучи токмо временными владѣльцами княжествъ старались лишь, не теряя времени ихъ господарствованія, обогащаться всѣми тѣми средствами, какія токмо могли тому способствовать» (Донесеніе Красно-Милошевича 15 іюня 1810 г., № 352, стр. 231). Особенно интересна въ этомъ отношеніи записка митрополита и экзарха Гавріила, поданная 8-го февраля 1812 г. М. Сперанскому, въ которой онъ говоритъ «вкратцѣ только о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ, наиболѣе споспѣшествовавшихъ къ разоренію и растерзанію помянутаго края» (стр. 236), оговорившись, что объ этомъ можно бы «исписать цѣлую книгу», а также письмо его къ М. Сперанскому 6-го марта 1812 г. Въ этомъ письмѣ авторъ предлагаетъ «способы къ лучшему образованію управленія Молдавіи и Валахіи», для чего онъ счелъ необходимымъ сдѣлать историческую справку объ «образѣ управленія во время бытности господарей и состоянія управленія со времени ихъ удаленія» (№ 354). Что касается до третьей части второго отдѣла, заключающей въ себѣ документы о Финляндіи, то она ничего особенно новаго не даетъ для историка Финляндіи, хотя можно найти нѣсколько любопытныхъ частностей, разсѣянныхъ среди этихъ актовъ. Какъ, напримѣръ, можно указать на всеподданнѣйшую замѣтку о Финляндіи (très humble aperçu sur la Finlande. Стр. 274), рисующую намъ, какъ самый характеръ финляндца, такъ и его экономиче-

ское положеніе, живо нарисованное начиная съ того времени, «que l'agriculture, le commerce et l'industrie y étaient étrangers» (стр. 275). Записка эта, представленная графомъ Армфельтомъ, очень интересна по своему внутреннему содержанію, равно какъ и другія письма графа къ М. Сперанскому (стр. 294). Цифровыя данныя, заключающіяся въ четвертой части этого отдѣла даютъ довольно точное понятіе о томъ тяжеломъ экономическомъ состояніи, въ которомъ очутилась Россія послѣ 1812 года.

Въ концѣ книги приложенъ указатель собственныхъ именъ, упомянутыхъ въ текстѣ. Въ числѣ этихъ «собственныхъ именъ» мы находимъ, впрочемъ, только имена лицъ; что же касается до названій мѣстъ, то здѣсь ихъ нѣтъ, хотя помѣстить ихъ въ указателѣ было бы далеко не лишнимъ.

В. Б.

О покоѣ воскреснаго дня. Доцента Московской Духовной Академіи Александра Бѣляева. Харьковъ. 1891.

Вопросъ о праздничномъ отдыхѣ, въ смыслѣ обязательнаго прекращенія или, по крайней мѣрѣ, сокращенія торговли, фабричныхъ и другихъ работъ, составляетъ теперь злобу дня и у насъ, въ Россіи, и въ Западной Европѣ. Между тѣмъ, въ нашей литературѣ этотъ вопросъ не подвергался до сихъ поръ серьезной разработкѣ, и задача настоящей брошюры (представляющей переработку и распространеніе публичныхъ лекцій, читанныхъ г. Бѣляевымъ въ Москвѣ весной 1889 года) состоитъ въ томъ, «чтобы восполнить недостатокъ въ нашей литературѣ ученой постановки и разработки вопроса о покоѣ воскреснаго дня, ощутительный и вредный особенно въ настоящее время, и тѣмъ, хотя въ малой мѣрѣ, помочь дѣлу теоретическаго и практическаго рѣшенія этого вопроса».

Авторъ такъ резюмируетъ содержаніе своего очерка: «во-первыхъ, мы описали современное движеніе въ пользу болѣе строгаго соблюденія воскреснаго покоя, какъ за границей, такъ, въ особенности, у насъ въ Россіи; во-вторыхъ, старались разрѣшить недоумѣнія касательно соблюденія воскреснаго покоя и устранить и опровергнуть ходячія возраженія противъ него: въ-третьихъ, коснувшись существенныхъ недостатковъ, дѣйствующихъ у насъ гражданскихъ законовъ о покоѣ воскреснаго дня, мы указали путь и руководственныя начала для изданія новыхъ законовъ объ этомъ и намѣтили самые законы, конечно, въ общихъ чертахъ; въ-четвертыхъ, сдѣлали краткій историческій очеркъ гражданскаго и библейско-церковнаго законодательства о днѣ недѣльномъ, т. е. субботѣ у іудеевъ и о воскресеньи у христіанъ, и этимъ способомъ выяснили сущность истиннаго, христіанскаго празднованія воскреснаго дня и вмѣстѣ съ тѣмъ показали важное значеніе такого празднованія какъ для духовнаго, такъ и для матеріальнаго благосостоянія человѣка и цѣлыхъ народовъ и государствъ».

Хотя авторъ въ своемъ очеркѣ касается гигіенической, экономической и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ разсматриваемаго вопроса, но основная точка зрѣнія, настойчиво и послѣдовательно проводимая имъ, — религіозно-нравственная: воскресный и праздничный покой требуется четвертою заповѣдью. При этомъ онъ является горячимъ сторонникомъ государственнаго вмѣшательства въ религіозно-нравственную сферу общественной и индивидуальной жизни. Онъ предлагаетъ не только запрещеніе, законодательнымъ путемъ,

извѣстныхъ работъ, какъ нарушающихъ воскресный покой, но и подчиненіе административно-полицейской регламентаціи самого «освященія» праздничныхъ дней, рекомендуя, напримѣръ, абсолютное запрещеніе концертовъ и спектаклей во время всенощной и обѣдни, и не только на русскомъ, но даже и на иностранныхъ языкахъ, т. е. предназначенныхъ для лицъ, не принадлежащихъ къ господствующей церкви, и тѣхъ изъ православныхъ, которые знаютъ иностранные языки и предпочитаютъ идти на концертъ или спектакль, вмѣсто церкви. Что касается «описанія современнаго движенія въ пользу болѣе строгаго соблюденія воскреснаго покоя», то здѣсь нельзя не видѣть нѣсколько односторонняго подбора фактовъ, имѣющаго цѣлью преувеличеніе дѣятельности нашего духовенства въ дѣлѣ распространенія въ обществѣ здравыхъ и опредѣленныхъ понятій относительно воскреснаго отдыха. Напримѣръ, «близорукому и фальшивому радѣнію о частныхъ народныхъ и государственныхъ интересахъ»—г. Витте, бывшаго управляющаго Юго-Западными желѣзными дорогами, обратившагося въ сентябрѣ 1888 года къ нѣсколькимъ архіереямъ съ просьбою внушить населенію, чрез низшее духовенство, что въ праздникъ не грѣхъ заниматься нагрузкой и выгрузкой товаровъ,—такому «радѣнію» г-на Витте авторъ противопоставляетъ «рѣшительный и энергически выраженный, вполнѣ достойный православнаго архипастыря» отказъ покойнаго Никанора, архіепископа херсонскаго и одесскаго. Почему же авторъ не исчерпываетъ даннаго инцидента до конца? Мы помнимъ, что подобный же отказъ получилъ г. Витте и отъ свѣтскаго лица—кіевскаго губернатора, и напротивъ встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны кіевскаго митрополита, предписавшаго подчиненному ему духовенству, чтобы оно не воспрещало прихожанамъ работать на желѣзныхъ дорогахъ по праздникамъ, «благоразумно объяснивъ, что это можно дѣлать безъ грѣха» («Недѣля» 1888, № 45).

Не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ, по меньшей мѣрѣ, двусмысленныхъ выраженій автора: земледѣльцы «ведутъ образъ жизни естественный»; возвысить благосостояніе нѣмецкаго рабочаго можетъ «уменьшеніе потребностей» и т. п. **С.**

Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ. Біографическій очеркъ и рѣчи при погребеніи. Казань. 1891.

И. Я. Порфирьевъ, профессоръ Казанской духовной академіи, недавно умершій — авторъ извѣстной «Исторіи русской словесности», двадцать лѣтъ уже считающейся едва ли не лучшей книгой по этому предмету. Исторія русской литературы долгое время была въ самомъ печальномъ положеніи. Учебники Греча, Плаксина, Аскоченскаго, «Чтенія» Давыдова и друг. до 50-хъ годовъ были почти единственными пособіями—а кто не знаетъ, каковы они были? Трудъ Галахова, вышедшій позже, былъ слишкомъ сухъ и обширенъ, надо было книгу болѣе живую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чисто научную, примѣнительно къ новѣйшей разработкѣ древнихъ русскихъ памятниковъ, на которые долго такъ мало обращали вниманіе составители «учебныхъ книгъ». Такой книгой и явилась въ 1870 г. первая часть «Исторіи русской словесности» И. Я. Порфирьева. Насколько сильна была потребность въ подобномъ трудѣ, видно уже изъ того, что 1-я часть «Исторіи» выдержала

4 изданія и теперь печатается пятое. Въ 1881 году вышелъ первый, а въ 1884 г.—второй отдѣлъ второй части «Исторіи» (отъ Петра до Карамзина)— обоихъ было уже два изданія. Кромѣ того Порфирьевъ издалъ нѣсколько очень важныхъ памятниковъ древней русской литературы—«Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго въ «Православн. Собесѣдн.» 1855—57 гг., сочиненія Максима Грека (тамъ же 1859—62 гг.), Посланіе Филофея къ дьяку Мисюрю Мунехину и др. Интересно поэтому поближе познакомиться съ этимъ дѣятелемъ, чему и посвящена изданная въ Казани книжка, заглавіе которой приведено выше.

Самою любопытною и обширною въ этомъ сборникѣ является статья г. Знаменскаго, представляющая біографическій очеркъ Порфирьева; остальные 9 «словъ» и «рѣчей» имѣютъ обычный въ подобныхъ вещахъ характеръ и потому останавливаться на нихъ нѣтъ нужды. Пользуясь статьей г. Знаменскаго, попытаемся вкратцѣ обрисовать жизнь и нравственный образъ Порфирьева. «Подъ свѣжими впечатлѣніями послѣдняго прощанія, говоритъ г. Знаменскій, съ дорогимъ усопшимъ, хотѣлось бы записать и сохранить на этихъ страницахъ на память по крайней мѣрѣ хоть эскизный образъ этой симпатичной и многосторонне-развитой личности, этой идеально-благородной, какой-то эстетически-изящной, глубоко-человѣчной и любящей души, красоты которой не понималъ развѣ только онъ самъ, по своей всегдашней въ отношеніи къ себѣ мнительности» (стр. 3). А личность его была дѣйствительно замѣчательна...

И. Я. Порфирьевъ былъ сынъ сельскаго священника Вятской губерніи (род. 23 сентября 1823 г.) и обучался сначала въ вятской семинаріи, а потомъ былъ посланъ «какъ лучшій студентъ» на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію.

Когда профессоръ Протопоповъ, читавшій русскую словесность, постригся въ монашество, Порфирьевъ, только-что окончившій къ тому времени курсъ «вторымъ магистромъ II курса», былъ назначенъ ему въ пріемники и съ 1849 года началъ читать лекціи, сначала всецѣло подъ вліяніемъ своего учителя, а съ слѣдующаго года уже болѣе самостоятельно; измѣненія, впрочемъ, касались только внѣшней стороны чтеній — «большей естественности и стройности въ распредѣленіи его сложнаго матеріала, тщательнѣйшей обработки нѣкоторыхъ подробностей, большей точности въ опредѣленіяхъ и терминологіи» и пр. (стр. 12). Въ 50-хъ годахъ Порфирьевъ ввелъ въ свой курсъ новый, историческій элементъ и такимъ образомъ поставилъ свой предметъ въ академіи на совершенно новыхъ для нея, надлежащихъ началахъ.

«Нововведенія» Порфирьева не понравились его ближайшему начальству и ректоръ потребовалъ исправленій. Выручилъ Порфирьева его сослуживецъ Г. З. Елисеевъ, недавно умершій и предъ смертью напечатавшій свои воспоминанія о Порфирьевѣ («Вѣстн. Евр.» 1891 г. № 1); онъ предложилъ ему весьма остроумный совѣтъ: чтобъ угодить просвѣщенному начальству, онъ посовѣтывалъ «переписать нѣсколько листочковъ записокъ заново, ничего въ нихъ не измѣняя, и подать опять ректору».—«Ну вотъ теперь другое дѣло»,—замѣтилъ тотъ, вѣроятно, вполнѣ довольный сдѣланнымъ внушеніемъ

Кромѣ чисто научнаго, развивающаго, Порфирьевъ имѣлъ на студентовъ большое вліяніе нравственное, вслѣдствіе своей симпатичной личности, «постоянно серьезнаго, идеально-возвышеннаго, благороднаго тона его лекцій»

его «мягкаго, человѣчнаго отношенія къ молодежи и живого участія въ ея развитіи» (стр. 22).

Съ прибытіемъ въ Казань Соловецкой библіотеки въ 1855 г. Порфирьевъ началъ по первоисточникамъ изучать древнюю русскую словесность и тогда, мало-по-малу, восполнилъ свою прежнюю отвлеченную односторонность болѣе жизненными историческими началами. Эстетическія и историческія начала его сводились къ слѣдующимъ требованіямъ: «чтобы литература трактовалась не только, какъ одно выраженіе идеи изящнаго въ словѣ, удовлетворяющее извѣстнымъ началамъ эстетики и запросамъ эстетическаго вкуса, но и какъ художественное выраженіе идеаловъ извѣстнаго времени и мѣста, художественное воспроизведеніе дѣйствительной, исторической жизни, заставляющее читателя самого переживать эту жизнь, и съ этой стороны представляющее собою даже своего рода живой историческій матеріалъ» (стр. 27). Мы видимъ, какъ вѣрно и чутко понималъ Порфирьевъ свой предметъ, его положенія такъ сродны съ положеніями реальной критики Бѣлинскаго; но до тенденціознаго утилитаризма 60-хъ годовъ онъ никогда не спускался со своего историко-эстетическаго реализма. Широко проникъ въ его «Исторію» и народный элементъ, долго изгонявшійся до него нашими «историками литературы» — это, конечно, приносило огромную пользу его слушателямъ.

Матеріальное положеніе Порфирьева было не изъ завидныхъ: не говоря про различнаго рода мелкія «утѣсненія», ему много вредилъ недостатокъ денегъ, такъ какъ онъ долгое время (до 1864 г.) получалъ всего 358 рублей въ годъ за свои лекціи въ званіи баккалавра и потомъ экстраординарнаго профессора. Впрочемъ, его мало безпокоило это, онъ былъ очень неразчетливъ и добродушенъ. Не смотря на эту недостаточность, въ его маленькую, бѣдную квартирку очень часто собиралась «академическая братія» «и что за чудныя, что за живыя рѣчи велись тутъ и по всѣмъ квадратнымъ аршинамъ всего этого академическаго семейнаго дома!... Какъ-то жалко становится подчасъ этого прежняго времени нашей академической бѣдности и беззатѣйливой простоты жизни и взаимныхъ отношеній» (стр. 43).

Большой (77 стр.) очеркъ г. П. Знаменскаго, написанный по личнымъ воспоминаніямъ, займетъ видное мѣсто въ работѣ будущаго историка того времени; онъ полонъ живого интереса и прекрасно характеризуетъ свѣтлую личность И. Я. Порфирьева. **Ар. М.**

Исторія Эллинизма. Сочиненіе I. Г. Дройзена. Переводъ М. Шелгунова съ французскаго, дополненнаго авторомъ, изданія, подъ редакціей А. Буше-Леклерка. Томъ первый. Исторія Александра Великаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891.

Издательская фирма К. Т. Солдатенкова, обогатившая уже нашу литературу массой прекрасныхъ трудовъ по всѣмъ отраслямъ исторіи, выпустила въ настоящее время въ свѣтъ переводъ перваго тома классическаго труда Дройзена, который по справедливости долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ среди всѣхъ изслѣдованій по исторія эллинизма, т. е. того періода греческой жизни, когда она вышла за тѣсные предѣлы своей родины и могучимъ потокомъ разлилась во всему Востоку, смявъ и почти уничтоживъ туземныя культуры. Значеніе этого замѣчательнаго явленія настолько ве-

лико, что оно несомнѣнно требуетъ спеціальнаго труда, который выяснилъ бы его причины и слѣдствія и прослѣдилъ бы самый процессъ этой борьбы двухъ культуръ. Трудъ Дройзена вполнѣ удовлетворяетъ этимъ задачамъ, и, если мы присоединимъ къ этому еще то обстоятельство, что въ немъ данъ самый полный сводъ всѣхъ фактовъ, относящихся къ данной эпохѣ, то станетъ вполнѣ ясно, какую услугу оказала почтенная фирма этимъ изданіемъ русской публикѣ. Но, признавая всѣ достоинства «Исторіи Эллинизма» Дройзена, мы считаемъ нелишнимъ указать также и на нѣкоторые существеннные его недостатки, которые всегда нужно имѣть въ виду при чтеніи труда этого ученаго. Прежде всего укажемъ на нѣсколько пристрастное отношеніе Дройзена къ центральному лицу перваго тома, къ Александру Великому. Почтенный ученый, увлекшись титанической фигурой Македонскаго героя, сталъ на столько ей симпатизировать, что не желаетъ видѣть въ великомъ завоевателѣ ни одной несимпатичной черты и величіе его политической дѣятельности переноситъ на его личность, стремясь повсюду выставить сына Филиппова великодушнымъ, высоконравственнымъ, честнымъ, чуждымъ всякихъ нечистыхъ разсчетовъ—словомъ идельнымъ человѣкомъ. Но удовлетворяя такой свой склонности, Дройзенъ часто становится въ противорѣчіе съ документальными свидѣтельствами, дошедшими до насъ отъ того времени. Пояснимъ это примѣромъ. На страницахъ 364—366 русскаго перевода разсказывается про извѣстный указъ Александра о возвращеніи изгнанниковъ греческихъ въ ихъ родные города. Указавъ на бѣдственное и безвыходное положеніе, въ которомъ находились эти несчастные изгнанники, Дройзенъ видитъ въ поступкѣ Александра образчикъ удивительнаго великодушія, и «примѣненіе истинно царскаго права помилованія», такъ какъ царь, по словамъ Дройзена, позволилъ возвратиться на родину и лицамъ, изгнаннымъ за сопротивленіе Македонской гегемоніи и борьбу за самостоятельность Эллады. Но то-то и дѣло, что великодушный герой не простеръ своей милости на патріотовъ, которыхъ покаралъ или онъ самъ или его отецъ — на это ясно указываетъ приведенное у Діодора распоряженіе Полисперхонта, правившаго за малолѣтствомъ царя Филиппа Аридея, а также и нѣкоторыя надписи (см., напримѣръ, въ Sylloge Inscriptionum Graecarum edi dit Guilebnus Dittenbergэr Lipsiae. MDCCCLXXXIII. Fasciculusprior p. 199, titulus № 119). Непонятнымъ кажется намъ также и то сочувствіе, которое проявляетъ Дройзенъ къ Александру, разсказывая о столь несимпатичномъ его поступкѣ, какъ убіеніе Клита, и еще не понятнѣе тонъ заключительной фразы этого разсказа: «Онъ (т. е. Александръ) раскаялся въ убійствѣ (Клита) и принесъ жертву богамъ; что онъ долженъ былъ еще сдѣлать сверхъ того, объ этомъ осуждающіе его моралисты не говорятъ». (стр, 258). Неужели же почтенный ученый дѣйствительно возмущенъ «моралистами», которые думаютъ, что быка, закланнаго въ честь разгнѣваннаго Діониса, и нѣкотораго плача, не вполнѣ достаточно для того, чтобы смыть позорное пятно съ человѣка, могшаго въ пьяномъ видѣ убить своего лучшаго друга, спасшаго ему жизнь, и при томъ убить за его правдивость?!... Собственно говоря, мы полагаемъ, что внесеніе маральной точки зрѣнія въ исторію совершенно неумѣстно, что задачей историка вовсе не должно быть восхваленіе добродѣтелей и караніе пороковъ того или другого историческаго дѣятеля, но разъ ученый изслѣдователь сталъ на эту точку зрѣнія, онъ долженъ по меньшей мѣрѣ соблюдать близость къ истинѣ и не награждать своихъ героевъ, хотя-бы и

такихъ геніальныхъ, какъ Александръ Македонскій, тѣми добродѣтелями и совершенствами, коими они въ дѣйствительности не обладали.

Указавъ на этотъ общій недостатокъ почтеннаго труда, о которомъ мы говоримъ, позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя еще на одинъ взглядъ Дройзена, заключающій въ себѣ, по нашему мнѣнію, нѣкоторое преувеличеніе. Именно этотъ ученый утверждаетъ, что греки, разрушивъ колоссальную Персидскую монархію, создали на ея развалинахъ «новыя формы государственной и народной жизни». (стр. 1), Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что деспотическая форма правленія, установившаяся въ тѣхъ отдѣльныхъ государствахъ, на которыя распалась монархія Александра, по самому духу своему гораздо ближе къ разрушенному Персидскому царству, чѣмъ къ разрушившему его эллинскому народу, постоянно боровшемуся противъ тираннiи и считавшему единодержавіе чѣмъ-то унизительнымъ — слѣдовательно въ установленіи формъ государственной жизни было скорѣе заимствованіе грековъ у Восточныхъ народовъ, чѣмъ внесеніе свободолюбивыхъ эллинскихъ началъ въ одряхлѣвшую персидскую администрацію. Еще менѣе можно согласиться со внесеніемъ новыхъ началъ въ народную жизнь. Эллинская культура увлекла только высшіе слои общества въ новыхъ государствахъ, а народныя массы попрежнему оставались при своемъ міровоззрѣніи и при старой религіи, какъ мы можемъ это наблюдать у народовъ съ міросозерцаніемъ, вылившимся въ извѣстныя опредѣленныя формы — у египтянъ, евреевъ, персовъ.

Въ болѣе детальное разсмотрѣніе труда Дройзена мы входить не станемъ, такъ какъ мелкія погрѣшности, которыя можно было бы въ немъ отыскать, ничуть не унизили бы его великихъ достоинствъ, какъ не хотѣли этого слѣлать и мы своими предшествовавшими указаніями.

Въ заключеніе два слова о русскомъ переводѣ. Предпочтеніе, оказанное переводчикомъ французскому изданію передъ нѣмецкимъ, вполнѣ оправдывается тѣми довольно важными дополненіями, которыя имѣются въ первомъ, какъ въ самомъ текстѣ, такъ и въ приложеніяхъ—особенно въ послѣднихъ: нѣмецкій подлинникъ (Geschichte des Hellenismus. Von Ioh. Gust. Droysen.— Zweite Auflage.— Gotha 1877) даетъ только два приложенія, тогда какъ въ русскомъ переводѣ мы ихъ находимъ девять. Что касается до языка перевода, то въ общемъ онъ довольно удовлетворителенъ, хотя и попадаются въ немъ мѣстами неудачныя выраженія, въ родѣ «онъ обослался съ Ѳивами», т. е. обмѣнялся съ Ѳивами посольствами. Впрочемъ, такія выраженія сравнительно рѣдки.

С. А-въ.

Очерки современной умственной жизни. А. Бѣляева. Харьковъ. 1891.

Странная, пессимистическая брошюра... Г. Бѣляевъ ополчился противъ современной науки, литературы, школьнаго образованія и пр. Предупредивъ читателя, что онъ пишетъ «не всестороннее ученое изслѣдованіе объ этомъ предметѣ» (т. е. современной умственной жизни), а излагаетъ только «свои наблюденія и впечатлѣнія», дѣлаетъ «замѣтки»,—г. Бѣляевъ даетъ сначала краткую характеристику предмета, а потомъ по пунктамъ доказываетъ свои положенія на 86 страницахъ этой брошюры. «Характерныя особенности современной умственной жизни», по его мнѣнію, слѣдующія: «рас-

пространеніе грамотности и усиленіе потребности просвѣщенія въ массахъ; облегченіе условій и улучшеніе средствъ для распространенія просвѣщенія и пріобрѣтенія познаній, общедоступность образованія и широкое распространеніе просвѣщенія, отсюда—умноженіе людей съ поверхностнымъ многознаніемъ; чрезвычайное накопленіе въ наукахъ фактическаго малообработаннаго матеріала, недостатокъ организаціи его и потребныхъ для этого дѣла великихъ людей: господство реализма (въ другихъ мѣстахъ авторъ ставитъ здѣсь другое слово: эмпиризма) въ наукѣ, натурализма въ искусствахъ и литературѣ, преобладаніе опытныхъ (эмпирическихъ) наукъ и упадокъ умозрительныхъ... расширеніе научнаго горизонта и открытіе многихъ новыхъ областей для человѣческой любознательности: умноженіе числа наукъ и чрезмѣрное развѣтвленіе ихъ или дробленіе на «спеціальности» и т. д. и т. д. (стр. 3). Какъ видитъ читатель, затронуты самыя больныя стороны современной цивилизаціи, но, къ сожалѣнію, именно только затронуты. Ну, положимъ, что дѣйствительно появилось нынѣ много полуобразованныхъ людей, «многознаекъ», много «сочинителей» въ худшемъ смыслѣ слова, много худыхъ, тенденціозныхъ, рекламирующихъ себя книгъ, въ которыхъ трудно разобраться даже человѣку опытному,—но какой же выходъ изъ всего этого? Что-жъ?—жечь вредныя и ненужныя книги, запрещать писать безталаннымъ писателямъ, допускать къ образованію только способныхъ и умныхъ? А гдѣ критерій всего этого? Не показывая изъ всего этого выхода, брошюра превращается въ какой-то памфлетъ, не достаточно спокойный, серьезный, правдивый. Между тѣмъ, въ ней много такого, на что̀ нельзя не обратить вниманія, что невольно вызываетъ на размышленіе. Какъ, напр., не согласиться съ авторомъ въ его нападеніяхъ на спеціализацію современныхъ ученыхъ, доходящую до комизма? «Спеціалистъ—это знатокъ одной какой-либо науки (спеціальности), или, чаще, одной отрасли науки, даже одной части этой отрасли, маленькаго уголка науки; онъ изучаетъ и знаетъ только этотъ узкій уголокъ одной изъ неисчислимаго множества наукъ, но за то обязанъ знать его точно, во всѣхъ подробностяхъ. Имѣетъ ли г. спеціалистъ хотя бы элементарныя свѣдѣнія изъ другихъ, важныхъ, но далекихъ отъ его спеціальности, наукъ, объ этомъ не спрашиваютъ. Не ставятъ въ особую вину, если онъ не знаетъ даже и сродныхъ съ его спеціальностію наукъ. Иногда преклоненіе предъ спеціализаціей ученыхъ занятій доходитъ до крайности, до абсурда: напр., полагаютъ, что чѣмъ ужѐ кругъ ученыхъ занятій человѣка, тѣмъ большихъ результатовъ онъ можетъ достигнуть, а ученаго, пишущаго не по одной своей спеціальности, готовы упрекать за то, что онъ разбросался, не вѣренъ своему призванію, напророчать, что онъ не успѣетъ создать ничего важнаго и крупнаго въ своей спеціальности и т. п... Почти всѣ ученые набросились на изученіе частностей, заняты микроскопической работой, собираютъ и изслѣдуютъ отдѣльныя явленія и факты. Организація ихъ, научное творчество, стремленіе къ обобщеніямъ, построеніе теорій—все это отставлено на второй планъ, или даже совсѣмъ игнорируется и не существуетъ»... (стр. 29—30). Въ самомъ дѣлѣ, подобное направленіе современной науки грозитъ сдѣлаться очень вреднымъ: съ каждымъ годомъ накопляется огромная масса всевозможнаго балласта— и какъ подумаешь, что всю эту груду хлама придется разрабатывать будущимъ ученымъ, то только руками разведешь. Если ужъ теперь приходится писать изслѣдованія чуть не объ одномъ годѣ какого-нибудь столѣтія, то

что будетъ въ будущемъ, когда «матеріалы» увеличатся до милліоновъ книгъ, журналовъ, газетъ... Наши ученые часто забываютъ, что они созданы и для жизни, для своего народа; общечеловѣческіе интересы ихъ не занимаютъ; да и въ ихъ собственныхъ спеціальныхъ занятіяхъ, какъ совершенно справедливо говоритъ авторъ, «мало-по-малу развивается односторонность въ понятіяхъ и рутина въ сужденіяхъ, которая тѣмъ опаснѣе, что спеціалистъ слишкомъ привыкаетъ къ усвоеннымъ имъ понятіямъ, не можетъ замѣтить недостатка ихъ, пока остается въ кругѣ своихъ обычныхъ занятій, мало-по-малу пріобрѣтаетъ безразсудную увѣренность въ томъ, что онъ самъ есть наилучшій судья своихъ мнѣній и выводовъ, являются нетерпимость и недостатокъ уваженія къ чужимъ мнѣніямъ, кругозоръ суживается, мысль, пресмыкаясь въ прахѣ частностей, мельчаетъ и теряетъ способность къ широкому полету; о творческомъ вдохновеніи, посѣщающемъ человѣка только при созерцаніи великихъ идей, здѣсь не можетъ быть и рѣчи, спеціальныя занятія становятся какимъ-то ремесломъ, пріобрѣтаютъ характеръ машинности, ученое творчество дѣлается невозможнымъ» (стр. 32)

Съ этими и подобными разсужденіями вообще нельзя не согласиться, но можно пожалѣть, что авторъ говоритъ вездѣ какъ-то догматически, почти не приводя примѣровъ. И потомъ нельзя же сказать, хотя бы въ данномъ вопросѣ, чтобы ужъ такъ всѣ наши ученые только и занимались разработкой частностей, мелочей; мы видимъ, напротивъ, что являются труды, не оправдывающіе этого нападенія г. Бѣляева. Мелочная разработка фактовъ сама по себѣ не вредна, она даже необходима, лишь бы главная цѣль имѣла болѣе общее значеніе, интересъ.

Любопытна полемика г. Бѣляева съ г. Вл. Соловьевымъ по поводу статей послѣдняго «Россія и Европа»—здѣсь отстаивается способность русскихъ къ цивилизаціи и вѣра въ грядущее призваніе Россіи (стр. 66—86).

Книгѣ много вредитъ то, что авторъ часто повторяется и вообще выражается довольно безсвязно: вѣроятно, онъ не исполнилъ собственнаго своего совѣта молодымъ писателямъ—перечитать свое произведеніе девять разъ, прежде чѣмъ печатать... **Ар. М.**

Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицкаго-Сергіева монастыря (нынѣ Лавры). Историческое изслѣдованіе преподавателя Тверской духовной семинаріи Дмитрія Скворцова. Тверь. 1890.

Г. Скворцовъ написалъ обстоятельное изслѣдованіе объ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей начала XVII столѣтія—знаменитомъ архимандритѣ Діонисіи Зобниновскомъ (род. около 1571 г., ум. 1633 г.), имя котораго тѣсно связано съ исторіей смутнаго времени и съ дѣломъ исправленія богослужебныхъ книгъ. До сихъ поръ спеціально Діонисію была посвящена только одна статья свящ. Поспѣлова, подъ заглавіемъ: «Преподобный Діонисій, архимандритъ Троицкаго-Сергіева монастыря» («Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія», 1865 г. ч. II). Эпизодически о дѣятельности Діонисія трактуется въ курсахъ гражданской и церковной исторіи, въ сочиненіяхъ г. Кедрова «Авраамій Палицынъ», г. Смирнова о патріархѣ Филаретѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. Вообще, въ литературѣ болѣе обслѣдованъ вопросъ объ испра-

вленіи Діонисіемъ богослужебпыхъ книгъ, чѣмъ другіе вопросы, касающіеся его жизни и дѣятельности. Г. Скворцовъ поставилъ своею задачею пополнить существующіе пробѣлы и разсмотрѣть взгляды, высказанные прежними изслѣдователями даннаго предмета.

«Разъясняя историческое значеніе троицкаго архимандрита Діонисія,— говоритъ авторъ,—мы находимъ, что оно опредѣляется двумя сторонами его дѣятельности, или, лучше, дѣятельностію его въ двухъ различныхъ сферахъ: дѣятельностію государственною—въ смутное время и дѣятельностію церковною, проявившеюся въ исправленіи книгъ. Какъ въ исторіи смутнаго времени не можетъ быть забытъ Діонисій, такъ и въ исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ имя его должно занимать очень видное мѣсто. По двумъ же главнымъ сферамъ дѣятельности Діонисія, естественно, и изслѣдованіе о немъ должно распасться на двѣ части». Въ первой излагаются государственныя заслуги Діонисія, а во второй—его церковная дѣятельность. Кромѣ того, въ первую часть вошли біографическія свѣдѣнія о Діонисіи, а во вторую свѣдѣнія о немъ, какъ настоятелѣ монастыря, и о его смерти.

Главная государственная заслуга Діонисія — это разсылка патріотическихъ грамотъ, которыя въ значительной степени содѣйствовали народному движенію противъ поляковъ. Впрочемъ, вліяніе этихъ грамотъ вообще, и на нижегородское ополченіе въ частности, подвергнуто, въ нашей исторической литературѣ, сильному сомнѣнію; такъ, г. Забѣлинъ отвергаетъ всякое значеніе троицкой грамоты въ возбужденіи нижегородцевъ. Нашъ авторъ держится противоположнаго воззрѣнія (примыкаетъ къ Костомарову и Кедрову); хотя онъ и признаетъ, что нижегородцы и безъ этой грамоты были возбуждены противъ иноземцевъ, но придаетъ ей значеніе послѣдняго толчка. При этомъ онъ находитъ, что историки несправедливы, когда при описаніи дѣятельности Діонисія, проявившейся въ составленіи грамотъ, рядомъ съ нимъ ставятъ и Авраамія Палицына, «котораго считаютъ наравнѣ потрудившимся съ нимъ въ этомъ дѣлѣ». Не отрицая совершенно участія Палицына въ дѣлѣ писанія грамотъ, авторъ считаетъ его ничтожнымъ:— «составленіе и писаніе грамотъ принадлежитъ труду Діонисія, велось подъ его непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ—въ его кельѣ; участіе въ этомъ дѣлѣ Палицына было незначительно... Палицынъ, больше обращаясь съ начальниками ополченія, чаще бывая въ Москвѣ, могъ служить Діонисію въ писаніи грамотъ косвенно, сообщая ему о случившемся подъ Москвой». Дѣятельность Палицына отступаетъ на второй планъ и въ дѣлѣ призрѣнія монастыремъ больныхъ и раненыхъ и вообще потерпѣвшихъ отъ московскаго раззоренія и отъ казаковъ: иниціатива, главное руководство, постоянныя заботы и распоряженія принадлежали архимандриту, келарь же только исполнялъ его приказанія.

Только-что улеглась смута, какъ мы видимъ Діонисія за новымъ дѣломъ, которое оставило весьма замѣтный слѣдъ въ нашей церковной исторіи,—за исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Къ этой части своего труда авторъ отнесся «съ бо̀льшимъ вниманіемъ и расположеніемъ», съ одной стороны потому, что исправленіе книгъ—«самая видная дѣятельность» Діонисія, а съ другой—и по своей спеціальности. Онъ подробно излагаетъ исторію исправленія книгъ подъ руководствомъ Діонисія (при этомъ, кромѣ печатныхъ источниковъ, онъ пользовался и рукописными) и удовлетворительно освѣщаетъ эту «среднюю ступень въ исторіи исправленія

книгъ, которая началась съ Максима (Грека) и кончилась Никономъ». «Въ исторіи нашего просвѣщенія за первую половину XVII вѣка мы не найдемъ явленія болѣе характеристичнаго, болѣе рельефно обрисовывающаго собою направленіе умовъ нашихъ предковъ и опредѣляющаго степень ихъ умственнаго кругозора,—однимъ словомъ, не найдемъ явленія которое бы лучше оттѣняло интелектуальный обликъ тогдашняго русскаго человѣка,—какъ это дѣло преп. Діонисія... тутъ сказались и направленіе его ума, и степень развитости, и кругъ его идей. Мы прежде всего видимъ, что работа русскаго ума была тогда направлена главнымъ образомъ на охраненіе такъ или иначе сложившихся религіозныхъ воззрѣній—или точнѣе говоря—религіозной внѣшности. Тогда уже обнаружились всѣ признаки того направленія, результатомъ котораго было воззрѣніе русскихъ на все свое, какъ на исключительно-православное,—и потому неприкосновенное... Въ самомъ дѣлѣ, на кого тогда простерлись жестокія преслѣдованія властей? На человѣка, который недавно, стоя во главѣ всѣми уважаемой обители, своими патріотическими грамотами возбуждалъ народныя силы, который благословилъ Пожарскаго, который еще такъ недавно спасъ не одну сотню искалѣченныхъ москвичей отъ неминуемой смерти, который не пощадилъ для спасенія отечества драгоцѣнностей монастыря... И однако, лишь только москвичи узнали отъ кого-то, что Діонисій еретикъ, который хочетъ огонь истребить изъ міра, какъ они (особенно «рукодѣльницы и пищи строителіе»), не обращая вниманія на нелѣпость подобнаго слуха и позабывъ всѣ заслуги преподобнаго, съ дрекольями выходятъ на него... Мы видимъ, что тогда даже въ въ представленіи передовыхъ русскихъ людей считалось ересью измѣненіе словъ и буквъ, хотя и не измѣняющее смысла: люди эти боялись такого измѣненія, поелику (sic) неспособны были обсудить правильность или неправильность того или другого измѣненія, а потому предпочитали охранять уже разъ явившееся въ книгахъ». Къ сожалѣнію, авторъ не всегда стоитъ на строго научной почвѣ и иногда высказываетъ, по меньшей мѣрѣ, странныя сужденія, въ родѣ того, что обрядъ погруженія свѣчей въ воду (при освященіи воды) имѣлъ основу въ коренныхъ особенностяхъ народнаго духа (стр. 320).

Въ видѣ приложенія къ «изслѣдованію», напечатаны: 1) рѣчь архимандрита Діонисія; 2) рѣчь старца Арсенія Глухаго—по рукописи библіотеки Троице-Сергіевой лавры и 3) добавленіе къ печатному житію Діонисія, изданному въ 1834 году,—изъ рукописи Моск. Син. Библіотеки. **С.**

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Томъ III. Москва. 1891.

Исторія англійской литературы, написанная французомъ Тэномъ и испанской—сѣвероамериканцемъ Тикноромъ, считаются классическими произведеніями, хотя казалось бы, что лучшая исторія литературы всякаго народа должна принадлежать писателю, вышедшему изъ этого народа, сроднившемуся съ малолѣтства съ его духомъ, преданіями, культурой. У англичанъ, какъ у высокоразвитаго племени, есть курсы такой исторіи, неуступающіе глубиною выводовъ труду Тэна, но испанцамъ положительно приходится знакомиться съ своимъ литературнымъ развитіемъ по сочиненію, писанному на англійскомъ языкѣ. Даже лучшая современная исторія Испаніи принадлежитъ французу Густаву Губбарду (его мать была се-

вильянка) и выходила въ Парижѣ въ теченіе 15-ти лѣтъ (1869—1883 гг., шесть томовъ). Литература въ этомъ сочиненіи обработана довольно подробно, характеристика поэтовъ, какъ Галлего и Кинтана, ораторовъ, какъ Торено и Аргуэллесъ, публицистовъ, какъ Мартинесъ де-ла-Роза, Рибасъ, Эспронседо, Лана—очерчены рельефно и живо, но все-таки—съ французской точки зрѣнія, они не представляютъ общей картины умственнаго и творческаго движенія въ странѣ. Сочиненіе Тикнора гораздо полнѣе, систематичнѣе, серьезнѣе, но оно оканчивается царствованіемъ Фердинанда VII и первое изданіе его вышло 42 года тому назадъ. Въ нынѣшнемъ году можно было бы праздновать столѣтнюю годовщину рожденія автора. Многихъ лѣтъ труда стоили ему его изслѣдованія, но въ теченіе 27 лѣтъ, которыя онъ еще прожилъ по окончаніи своей исторіи, онъ сдѣлалъ къ ней очень мало дополненій и поправокъ. Этимъ занялись испанскіе переводчики книги и особенно нѣмцы, въ изданіяхъ Юліуса и Вольфа, внесшихъ въ свой переводъ обширное дополненіе. У насъ, не упоминая о слабомъ извлеченіи изъ Тикнора, сдѣланномъ П. Кулишомъ въ 1861 году, полный переводъ перваго тома явился въ 1883 году, второго—въ 1886-мъ. Отдавая отчетъ объ этомъ трудѣ, исполненномъ подъ редакціею московскаго профессора Н. И. Стороженко, съ болѣе полнаго четвертаго англійскаго изданія (см. «Историч. Вѣстникъ» 1887 г. Мартъ, стр. 695) журналъ нашъ отдалъ справедливость прекрасному труду и выразилъ нѣсколько скромныхъ желаній: видѣть на русскомъ языкѣ весьма цѣнныя дополненія и примѣчанія Ф. Вольфа и Юліуса, переводъ испанскихъ цитатъ, приводимыхъ въ примѣчаніяхъ, наконецъ, примѣчанія самой редакціи и библіографію русскихъ статей и переводовъ. Все это мы надѣялись найти хоть въ третьемъ, послѣднемъ томѣ изданія, появляющемся на русскомъ языкѣ черезъ девять лѣтъ послѣ его начала, но нашимъ надеждамъ и ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Въ вышедшемъ нынѣ томѣ нѣтъ никакихъ объясненій, дополненій, замѣчаній, все та же точная передача оригинала безъ всякихъ коментарій, нерѣдко совершенно необходимыхъ для русскаго читателя. Въ томѣ помѣщено окончаніе второго періода испанской литературы: лирическая поэзія, сатирическая, пастушеская, эпиграматическая, дидактическая, поэзія романсовъ, исторія романовъ и повѣстей; здѣсь особенно подробно и рельефно изложено происхожденіе и содержаніе повѣстей во вкусѣ picaresco, такъ какъ появленіе въ литературѣ героевъ-плутовъ (picaros) представляетъ любопытный фактъ. Затѣмъ послѣ краткаго обзора сочиненій по части краснорѣчія, исторіи и дидактики, слѣдуютъ общія замѣчанія объ этомъ періодѣ литературы въ царствованіе Карла V, Филипповъ II, III и IV и Карла II, когда въ странѣ явилось искаженіе религіознаго и монархическаго чувства, а въ литературѣ вырожденіе національнаго характера. Третій періодъ обнимаетъ собою XVIII столѣтіе и первые годы XIX-го. Здѣсь, какъ и въ предъидущемъ періодѣ, нѣтъ крупныхъ литературныхъ дѣятелей, но Тикноръ увѣренъ въ томъ, что они будутъ. Онъ не хочетъ вѣрить, чтобы «такой народъ, гордый и искренній, если не въ тѣхъ классахъ, которые блестятъ заимствованнымъ свѣтомъ своей прежней славы, то въ классахъ, болѣе обдѣленныхъ судьбою, не могъ создать себѣ литературы, въ которой отразится вполнѣ его высокопоэтическая натура». Авторъ убѣжденъ, что «старая кастильская раса имѣетъ передъ собою будущность, достойную ея прежняго благоденствія и древней славы, будущность, богатую матеріаломъ

для благородной исторіи и еще болѣе благородной поэзіи». Все это очень пріятныя надежды, но, высказывая ихъ, Тикноръ самъ сознается, что причиною упадка благосостоянія литературы въ Испаніи былъ ея религіозный фанатизмъ, что «слѣпое подчиненіе церковной власти болѣе всякаго другого (чего?) принижаетъ человѣка, подавляетъ и искажаетъ лучшія качества, потому что ядъ его глубже проникаетъ въ душу». Книга оканчивается утвержденіемъ, что если испанцы не съумѣютъ воспользоваться торжественнымъ урокомъ, всюду начертаннымъ на развалинахъ ихъ старинныхъ учрежденій, тогда ихъ блестящая исторія литературы и цивилизаціи закончена на вѣки. Но для того, чтобы эта раса могла измѣнить свой національный характеръ, ей надо переродиться не только въ лицѣ своихъ передовыхъ интелигентныхъ дѣятелей, но и въ народныхъ массахъ, а гдѣ же слѣды этого перерожденія?

Къ книгѣ своей Тикноръ сдѣлалъ нѣсколько весьма дѣльныхъ приложеній. Таковы изслѣдованія: о происхожденіи испанскаго языка, о сборникахъ народныхъ романсовъ (романсеро), о брошюрѣ Сервантеса «Бускапіе», о подражаніяхъ Донъ-Кихоту, о неизданныхъ памятникахъ испанской поэзіи. Въ концѣ помѣщенъ весьма отчетливо составленный указатель.

В—ъ.

Павелъ Строевъ. Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый-Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутьева-Боровскаго. Сообщилъ архимандритъ Леонидъ, съ предисловіемъ и указателемъ Николая Барсукова. Спб. 1891.

Описаніе рукописей, заключающихся въ библіотекахъ названныхъ въ заглавіи монастырей, составленное по порученію графа Н. П. Румянцева, Павломъ Михайловичемъ Строевымъ, сообщенное архимандритомъ Леонидомъ и снабженное предисловіемъ и указателемъ Н. П. Барсукова, является безъ сомнѣнія очень цѣннымъ и необходимымъ пособіемъ для занимающихся какъ русской исторіей, такъ и исторіей русской литературы. Это «Описаніе», изданное Обществомъ любителей древней письменности, составлено еще въ началѣ нашего вѣка и явилось результатомъ извѣстныхъ поѣздокъ П. Строева. Хотя большая часть рукописей, описанныхъ здѣсь и вывезена теперь изъ монастырскихъ архивовъ (такъ, напримѣръ, рукописи Волоколамскаго монастыря находятся теперь въ библіотекахъ московской духовной академіи и въ московской епархіальной) это, по замѣчанію В. М. Ундольскаго, «первое ученое описаніе, по современнымъ требованіямъ науки», нисколько не утратило своего первоначальнаго значенія. Что касается до перемѣщенія рукописей въ Москву, то, облегчая пользованіе матерьяломъ, оно имѣло громадное значеніе для сбереженія рукописей отъ того вандализма, съ которымъ часто относились къ архивамъ отцы настоятели. Какъ на образчикъ такого отношенія укажемъ на краснорѣчивый фактъ, сообщаемый П. Строевымъ. «Отецъ намѣстникъ сказывалъ мнѣ», писалъ онъ Малиновскому о библіотекѣ Новаго-Іерусалима, «что библіотека ихъ прежде сего лѣтъ за сорокъ была гораздо обильнѣе книгами; нѣкоторыя изъ нихъ взяты въ Сѵнодъ и остались у графа Муссина-Пушкина. Другія рукописи нарочно сожжены епископомъ Сильвестромъ, который почиталъ ихъ совсѣмъ ненужною дрянью». Невольно задумываешься надъ участью нашихъ монастыр-

скихъ архивовъ, которые до сихъ поръ еще никому неизвѣстны, быть можетъ, заключаютъ въ себѣ цѣнный матерьялъ и уничтожаются, хотя не такъ свирѣпо, какъ разсказываетъ Строевъ, но не менѣе систематически. Досадно, что все это происходитъ почти на глазахъ нашихъ архивныхъ комиссій, прямой обязанностью которыхъ было бы разобрать матерьялъ и составить ему описи и которыя между тѣмъ сплошь и рядомъ теряютъ и время и деньги на такія дѣла, какъ отыскиваніе и пріобрѣтеніе старыхъ изразцовыхъ печей, да выработку проектовъ празднованія 25-ти лѣтняго юбилея своего существованія, хотя юбилей этотъ наступитъ черезъ 20 и чуть ли даже не черезъ двадцать пять лѣтъ. **В. Б.**

Князь Л. Л. Голицынъ и С. С. Краснодубровскій. Укекъ. Доклады и изслѣдованія по археологіи и исторіи Укека. Саратовъ. 1891.

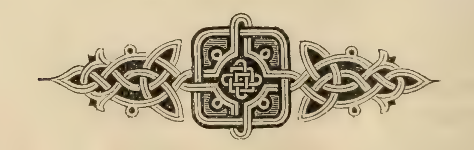
Содержаніе названной брошюры составляютъ два доклада Саратовской Ученой Архивной Комиссіи: 1) князя Л. Л. Голицына—31-го мая 1890 года и 2) князя Голицына и С. С. Краснодубровскаго—15-го октября 1890 года Въ первомъ своемъ докладѣ предсѣдатель комиссіи предложилъ своимъ сотрудникамъ принять мѣры къ изученію Укекскаго городища посредствомъ раскопокъ. Обсудивъ это предложеніе, комиссія постановила: «Просить предсѣдателя и правителя дѣлъ комиссіи составить докладъ о древностяхъ Укека и озаботиться относительно составленія плана занимаемыхъ имъ земель для представленія того и другого въ Императорскую Археологическую Комиссію вмѣстѣ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи Архивной Комиссіи раскопокъ Укека подъ руководствомъ, или—если представится возможнымъ—подъ непосредственнымъ наблюденіемъ лицъ, командированныхъ Археологическою Комиссіею». Какъ исполненіе этого порученія Комиссіи и явился второй докладъ, при составленіи котораго авторы такимъ образомъ распредѣлили свой трудъ: свѣдѣнія относительно предметовъ древности, найденныхъ на городищѣ Укека въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, собраны княземъ Л. Л. Голицынымъ; ему же принадлежитъ и описаніе городища въ его настоящемъ состояніи. Историческія же свѣдѣнія объ Укекѣ собраны и обработаны С. С. Краснодубровскимъ.

Три первыя главы второго доклада посвящены разсмотрѣнію историческихъ указаній относительно древнихъ обитателей Поволжья, ихъ городовъ и въ частности—Укека. По мнѣнію авторовъ, исторію Поволжья нужно начинать не съ Ибнъ-Фодлана, т. е. не съ X-го вѣка по Р. Х., какъ это дѣлалось до сихъ поръ, а гораздо ранѣе. Въ V вѣкѣ до Р. Х. Саратовская губернія была заселена гелонами, имѣвшими у себя городъ Г е л о н ъ, который находился на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время видимъ Укекское городище. Страбонъ гелоновъ называетъ аорсами, имя которыхъ сохранилось у Истахри, Ибнъ-Хакуля, Эль-Балхи, Эльдада га-Дани и у другихъ восточныхъ писателей въ Артѣ, или Арса-Эрзѣ, мордавскомъ племени. Страбонъ не говоритъ о городахъ въ Саратовской губерніи, но прямой смыслъ исторіи требуетъ ихъ признанія. Арабскіе писатели гелоновъ Геродота и арсовъ Страбона называютъ буртасами и указываютъ у нихъ на два города Буртасъ и Саванъ. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ находиться на мѣстѣ Укека. Въ періодъ владычества Золотой Орды Укекъ лежалъ на углу до-

рогъ отъ Булгара въ Сарай и Астрахань и отъ Волги въ Византію. Много данныхъ къ тому, что татарскіе ханы имѣли въ немъ улусное управленіе и что поэтому онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ административнымъ центромъ орды въ предѣлахъ вновь покоренныхъ татарами земель, хотя монетнаго двора, какъ это предполагалось до сихъ поръ, въ немъ не было, да и быть не могло, такъ какъ ханы въ немъ не жили. Несомнѣнно, Укекъ былъ однимъ изъ цвѣтущихъ городовъ Золотой Орды и по богатству стоялъ на ряду съ Сараемъ, Астраханью и Харезмомъ, уступая имъ въ величинѣ. Къ этимъ даннымъ въ IV главѣ присоединяются свидѣтельства уже не о городѣ Укекѣ, а о его городищѣ, оставленныя намъ путешественниками по Волгѣ, начиная съ XVI столѣтія, и разсматриваются нѣкоторыя научныя изслѣдованія о немъ.

Авторы не выдаютъ своихъ выводовъ за абсолютную истину: «Можетъ быть,—говорятъ они,—наши гипотезы и ошибочны, но во всякомъ случаѣ ихъ необходимо имѣть въ виду при производствѣ раскопокъ, такъ какъ онѣ основаны на документальныхъ историческихъ данныхъ». Но такъ какъ, съ другой стороны, эти данныя «недостаточны и крайне сбивчивы», то одна изъ неотложныхъ задачъ ученой комиссіи—приступить къ раскопкамъ: «Въ нашихъ рукахъ 74,000 квадратныхъ верстъ почвы Саратовской губерніи, которая хранитъ въ себѣ молчаливые остатки старины; въ ней и нужно искать отвѣтовъ на вопросы, касающіеся древнѣйшей исторіи края. Началомъ этихъ изысканій долженъ служить Укекъ, въ которомъ, по всему вѣроятію, какъ въ болѣе крупномъ центрѣ жизни, имѣли мѣсто важнѣйшія историческія событія края». Раскопки дожны познакомить насъ съ нѣсколькими культурными наслоеніями и особенно съ буртасскимъ и татарскимъ. По твердому убѣжденію авторовъ, вслѣдствіе раскопокъ, буртасы явятся «не дикарями, какъ ихъ рисуютъ намъ гг. Хвольсонъ, Шпилевскій и Чекалинъ, а можетъ быть такими же добросовѣстными работниками на исторической нивѣ, какъ булгары и хозары». Укекъ въ эпоху татарщины не менѣе интересенъ для насъ, чѣмъ Булгаръ, Сарай и др. татарскіе города: «Въ немъ, какъ въ центрѣ, въ которомъ Россія сталкивалась съ своими поработителями, мы вправѣ надѣяться розыскать остатки какъ татарской, такъ и русской жизни».

С.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Каролина Великобританская—жена Георга IV: развращенность Георга IV; его преслѣдованія королевы и устраненіе ея отъ коронаціи; бракоразводный процессъ противъ королевы.—Людовикъ XIV, Карлъ II и его французская метресса: подкупъ Карла II въ пользу Франціи; командировка Луизы де-Керуалль въ качествѣ его любовницы съ политическими цѣлями; подкупленные Франціей члены англійскаго парламента; пенсія Луизы де-Керуалль; переходъ въ католичество Карла II.—Маратъ, какъ ученый.

КАРОЛИНА Великобританская—жена Георга IV. Нынѣшнія событія въ Бѣлградѣ, завершившіяся высылкой королевы Наталіи, напоминаютъ аналогичные факты изъ исторіи другой королевы, именно Каролины Великобританской, несчастной супруги Георга IV. Судьба ея была не менѣе, если не болѣе, трагична. Каролину, дочь Фердинанда Брауншвейгскаго, родившуюся 17-го мая 1768 г., не спрашивая ея согласія, назначили въ жены принцу Уэльскому, который тогда именовался «первымъ джентльмэномъ Европы», а въ дѣйствительности былъ первымъ развратникомъ. Лордъ Гаррисъ, отправившійся сватомъ въ Брауншвейгъ, привезъ принцессу въ Англію. Со словъ этого свата сохранился разсказъ о первой встрѣчѣ жениха и невѣсты. Послѣдняя сдѣлала движеніе, чтобъ преклонить колѣни передъ женихомъ, принцъ почтительно поднялъ ее, обнялъ и обратился къ лорду съ слѣдующими словами:

— Гаррисъ, мнѣ дурно, пожалуйста, дайте мнѣ стаканъ водки!

— Не лучше ли дать стаканъ воды?—спросилъ лордъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ принцъ съ обычной ему руганью.

На свадьбѣ принцъ сильно шумѣлъ. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ. Чего можно было ожидать послѣ такого начала? Черезъ годъ послѣ свадьбы, едва у молодой четы родилась принцесса Шарлотта (впослѣдствіи жена бельгійскаго короля Леопольда I, умершая во время родовъ), супруги разошлись, и «первый джентльмэнъ Европы» никого такъ не ненавидѣлъ, какъ женщину которую онъ сдѣлалъ безконечно несчастной.

Принцъ началъ преслѣдовать свою жену съ того момента, какъ сдѣлался регентомъ Великобританіи вслѣдствіе слабоумія своего отца. Уже въ 1806 г. онъ открыто обвинялъ ее въ браконарушеніи и велѣлъ разслѣдовать ея частную жизнь. Это разслѣдованіе не обнаружило ничего позорнаго для чести. Только въ 1814 г. она получила разрѣшеніе уѣхать въ Европу, чтобы избавиться отъ стѣснительнаго узничества и контроля. Она путешествовала по югу Европы въ сопровожденіи своего секретаря, итальянца Бергами.

Но вотъ 29-го января 1820 года умеръ старикъ Георгъ III. «Первый джентльмэнъ Европы» сдѣлался королемъ подъ именемъ Георга IV. И первое, что онъ сдѣлалъ, онъ сталъ добиваться легальнаго уничтоженія брака съ Каролиной. Она должна была отказаться отъ титула и сана королевы и за это ей назначалась ежегодная пенсія въ 50,000 фунтовъ стерлинговъ. Условіе представлялось соблазнительнымъ, такъ какъ съ 1815 г. Каролина не брала ни одного шиллинга изъ «liste civile», надѣлала долговъ и оставалась безъ всякихъ средствъ. Но она была не изъ уступчивыхъ. «Скорѣе умереть, чѣмъ подчиниться!»—говорила она.—И поспѣшила въ Англію, 6-го іюня пріѣхала въ Лондонъ и остановилась въ меблированномъ отелѣ.

Въ Лондонѣ ее вездѣ встрѣчали съ восторгомъ. Теперь она стала добиваться своего права, чтобы съ ней обращались, какъ съ королевой, чтобъ ее короновали. Популярность королевы была неудобной для министровъ. Премьеръ лордъ Ливерпуль совѣтовалъ пойти на компромиссъ. Но король и слышать не хотѣлъ объ уступкахъ, и лордъ-канцлеръ лордъ Эльдонъ долженъ былъ сфабриковать декретъ, которымъ королева устранялась отъ коронованія. 19-го іюля 1820 г. примасъ возложилъ на главу Георга IV корону Эдуарда Исповѣдника, Альфреда Великаго, Ричарда—Львиное Сердце и Эдуарда III. Эта корона никогда еще не украшала менѣе достойную главу. Къ началу церемоніи королева пріѣхала въ наемной каретѣ въ Вестминстерское аббатство и потребовала, чтобъ ее впустили туда. По распоряженію министра, лорда Сидмоута, ее удалила оттуда полиція. Кажется, въ исторіи это единственный примѣръ того, чтобы королева пріѣзжала на коронацію на извозчикѣ и чтобъ королевѣ полицейскій запиралъ дверь передъ носомъ.

Немедленно послѣ коронаціи начался процессъ противъ королевы. Георгъ IV желалъ во что бы то ни стало отдѣлаться отъ жены. Та же процедура, при помощи которой Генрихъ VIII, «синяя борода» среди королей, съумѣлъ отдѣлаться отъ двухъ своихъ женъ, была пущена въ ходъ и теперь. Это «Bill of pains and penalties»—«билль о наказаніяхъ». При помощи его Генрихъ VIII возвелъ на эшафотъ красавицу Анну Болейнъ и гордую Екатерину Говардъ, а теперь при помощи такого же билля надѣялись уничтожить королевскій бракъ. Въ парламентъ—сперва въ палату лордовъ—былъ внесенъ билль, о расторженіи этого брака яко бы вслѣдствіе невѣрности королевы. Но тутъ дѣло пошло не такъ гладко, какъ разсчитывалъ король. Билль не могъ быть принятъ безъ того, чтобъ обвиняемая сторона не присутствовала лично или черезъ своихъ повѣренныхъ при всѣхъ трехъ чтеніяхъ билля. Обвиняемая сторона могла выставить своихъ свидѣтелей и потребовать перекрестнаго допроса ихъ и свидѣтелей со стороны обвиненія. Короче сказать, это—актъ законодательный, но такой, который совершается съ соблюденіемъ процессуальныхъ формъ, уникумъ своего рода, какъ и вся британская конституція.

Каролина воспользовалась своимъ правомъ, въ защитники себѣ избравъ

двухъ знаменитыхъ адвокатовъ Англіи, Генри Броугэма, впослѣдствіи лорда-канцлера и Томаса Денмана, впослѣдствіи лорда верховнаго судью. Оба тогда были въ цвѣтѣ лѣтъ и своего генія. Обвинительный матеріалъ противъ королевы — перехваченныя письма къ Бергами и т. п.—находился въ зеленомъ мѣшкѣ на столѣ верхней палаты, и въ теченіе мѣсяцевъ этотъ «зеленый карманъ» съ его содержимымъ служилъ предметомъ всеобщихъ толковъ. А когда вскрыли его въ публичномъ засѣданій и прочли эти письма, то всѣ разочаровались—доказательства были черезчуръ жалкія. Свидѣтели со стороны обвиненія также не нашлись предъявить что-либо компрометирующее королеву. Больше другихъ старался опозорить ее герцогъ Вильгельмъ Кларенсъ, братъ короля и его замѣститель подъ именемъ Вильгельма IV.

Авторитетъ Георга IV долженъ былъ пострадать сильно отъ этого процесса. Королева стала предметомъ величайшаго энтузіазма въ обществѣ. Огромныя массы народа конвоировали ее на засѣданія верхней палаты. Ея защитники удостоивались шумныхъ овацій. Лорды, говорившіе противъ нея во время засѣданій, оскорблялись публично. Длинная защитительная рѣчь Броугэма, длившаяся три засѣданія, взяла штурмомъ всю Англію. Не менѣе велики были и успѣхи Денмана. Онъ главнымъ образомъ разбиралъ показаніе наслѣдника престола, герцога Кларенса. Не называя его, онъ анализировалъ шагъ за шагомъ его доводы и затѣмъ громовымъ голосомъ воскликнулъ въ залѣ: «Кто же осмѣлится сказать это? Выходи, ты клеветникъ!» Министры, засѣдавшіе въ верхней палатѣ, премьеръ лордъ Ливерпуль, лордъ-канцлеръ лордъ Эльдонъ, затѣмъ Сидмоутъ, Лондондерри и др. не доросли до этихъ людей; всѣ либеральные перы приняли сторону несчастной королевы, и хотя твердое правительственное большинство сплотилось, но при рѣшительномъ голосованіи «большинство согласныхъ» (въ англійской палатѣ лордовъ голоса подаются не словами «да» или «нѣтъ», а «content» или «not content») имѣло на своей сторонѣ всего пять голосовъ.

Публика, узнавъ на улицѣ о принятіи билля, набросилась на экипажи нѣкоторыхъ перовъ, подававшихъ голоса въ пользу билля. Въ лорда Эльдона швыряли камнями, графу Винчельсея разбили карету и самъ онъ едва спасся. Нападавшіе были схвачены, отданы подъ судъ и оправданы. Тогда лордъ Ливерпуль объяснилъ королю, что невозможно идти дальше съ этимъ биллемъ, что палата общинъ не приметъ его. Министры, принадлежавшіе къ нижней палатѣ, Пиль и Пальмерстонъ, отказались поддерживать билль. Съ скрежетомъ зубовъ Георгъ IV долженъ былъ взять назадъ злополучный билль. Каролина осталась королевой Великобританіи и Ирландіи. «Royal Calendar» называлъ ее королевою и ея величествомъ. Во всемъ прочемъ тріумфъ Каролины ничего не измѣнилъ въ ея положеніи. Она была исключена изъ двора, безъ средствъ, пользовалась лишь помощью друзей. 7-го августа 1821 года она умерла. Похороны ея послужили новымъ поводомъ къ насильственнымъ уличнымъ демонстраціямъ въ Лондонѣ, къ столкновеніямъ между населеніемъ и полиціей. Достойный супругъ, получивъ вѣсть о смерти жены, воскликнулъ: «Наконецъ-то она умерла! Какъ измучила меня эта женщина!»

— Людовикъ XIV, Карлъ II и его французская метресса. Въ офиціальной исторіи Людовика XIV очень много говорится объ его блестящихъ походахъ противъ Нидерландовъ и въ Испанію, о достославныхъ по-

бѣдахъ Конде, Тюренея и т. д. Но только въ недавнее время изученіе архивныхъ документовъ раскрыло, кому собственно Франція была обязана обладаніемъ Фландріей и Франшъ-Конте. Оказывается, что тутъ совсѣмъ не при чемъ прославленный переходъ черезъ Рейнъ. Благодѣтельницей Франціи въ настоящемъ случаѣ, какъ доказано собранными покойнымъ Форнеромъ данными, явилась mademoiselle Луиза де-Керуалль, маленькая бретонка, бывшая фрейлина Генріетты Орлеанской, командированная Людовикомъ XIV ко двору англійскаго короля Карла II въ качествѣ его любовницы съ политической цѣлью.

Небезъизвѣстно, что этотъ король изъ Стюартовъ, при содѣйствіи своей сестры, Генріетты Орлеанской, заключилъ съ Франціей въ маѣ 1670 года Дуврскій договоръ, которымъ продалъ за деньги свою честь, свою вѣру и благо своей страны королю Франціи. За обязательство открыто перейти въ католичество, напасть вмѣстѣ съ Франціей на республику Нидерландовъ и во всемъ служить политикѣ Людовика XIV, этотъ Стюартъ получилъ 200,000 фунтовъ стерлинговъ чистоганомъ, а также обѣщаніе дальнѣйшихъ платъ и военной помощи въ случаѣ революціи въ Англіи, наконецъ, во все время войны противъ Нидерландовъ ежегодной субсидіи въ 800,000 фунтовъ. Но Людовикъ XIV хорошо зналъ, что для сластолюбиваго Карла II женская красота можетъ быть еще цѣннѣе денегъ и что недостаточно его подписи на договоръ, а надо еще поручить кому-нибудь наблюденіе за тѣмъ, чтобъ королевское слово держалось твердо и договоръ исполнялся въ точности. Для этой-то цѣли и была назначена молодая Луиза де-Керуалль. Генріетта Орлеанская свезла ее въ Лондонъ. Луиза съумѣла понравиться королевѣ Екатеринѣ, которая оставила ее у себя въ роли придворной дамы.

Къ величайшему огорченію французскихъ дипломатовъ, mademoiselle де-Керуалль привезла съ собой нѣкоторую долю настоящей добродѣтели или только прикидывалась, будто таковая ей не чужда, только французскій посолъ въ Лондонѣ подумывалъ уже пригрозить ей заключеніемъ въ монастырь, буде она слишкомъ долго протомитъ влюбленнаго короля, такъ какъ герцогиня Клэвлендская, царившая тогда любовница Карла, поддерживала испанскую партію. «Если бы потребовалось добиться чего-нибудь отъ герцога Іоркскаго (впослѣдствіи короля Іакова II), — пишетъ французскій посолъ министру иностранныхъ дѣлъ,—«въ такомъ случаѣ можно воспользоваться духовникомъ или метрессой, но для брата его примѣнимо лишь послѣднее средство, а маленькая бретонка все продолжаетъ жеманиться». Но она оказалась умнѣе сѣдобородыхъ дипломатовъ и знала, что чѣмъ долѣе сбережетъ свою добродѣтель, тѣмъ большаго достигнетъ ею.

Наконецъ, черезъ полтора года послѣ заключенія Дуврскаго договора, французскій посолъ отъ имени своего короля могъ выразить mademoiselle де-Керуалль удовольствіе по поводу хорошихъ ея отношеній съ королемъ Карломъ, и надежду, что они будутъ отличаться прочностью и á l'exclusion de toute autre. Это случилось въ концѣ октября 1671 года. Въ мартѣ 1672 г. Карлъ объявилъ войну Голландіи, а въ концѣ іюля Луиза подарила короля сыномъ. Сопоставленіе этихъ датъ вполнѣ характеризуетъ тактику подосланной любовницы.

Въ 1673 году Карлъ возвелъ ее въ герцогиню Портсмутскую, а вскорѣ послѣ того посредствомъ Lettres patentes, помѣченныхъ декабремъ 1673 года, Людовикъ XIV пожаловалъ ее владѣтельницей Aubigny-sur-Niére, въ про-

виnціи Берри, которая послѣ смерти ея долженствовала перейти одному изъ незаконныхъ сыновей Карла, по взаимному ихъ соглашенію. Въ теченіе дальнѣйшаго десятилѣтія король Карлъ добился отъ «любезнаго французскаго брата своего» возведенія d'Aubigny въ герцогство. Такимъ образомъ mademoiselle Луиза превратилась также и во французскую герцогиню и могла уже имѣть мѣсто при дворѣ. «Ma cousine» еще ранѣе титуловалъ ее король въ своихъ письмахъ.

И такъ, надежда французскаго короля на продолжительность ея господства осуществилась, хотя оно не было вполнѣ исключительнымъ. На ряду съ вышеупомянутой герцогиней Клэвлендской, конкурентками ея являлись также бывшая торговка апельсинами и актриса Нелли Гвиннъ; кромѣ того, опасною соперницею служила герцогиня Мазарини, племянница знаменитаго кардинала. Но бретонка умѣла удержать позицію за собой. Она закрывала глаза на безъимянныхъ красавицъ, которыхъ Чиффинкъ, довѣренный камердинеръ короля, проводилъ ему по чернымъ лѣстницамъ. За то по отношенію къ именитымъ соперницамъ она умѣла сохранить свое мѣсто за собою, отъ самой королевы требовала себѣ уваженія; голландскій посолъ, не въ мѣру распустившій свой языкъ на ея счетъ, долженъ былъ извиняться передъ нею.

Въ 1682 году, она ѣздила во Францію, гдѣ при дворѣ ее принимали, какъ королеву. Она посѣтила монастырь капуциновъ, наивные монахи выходили къ ней на встрѣчу съ крестомъ и святой водою. Подъ вліяніемъ этой mademoiselle король Карлъ оставался преданнымъ слугой французской политикѣ.

Но кромѣ ея вліянія, на Карла воздѣйствовала еще французская пенсія, регулярно доставлявшаяся ему, причемъ извѣстная часть ея опять-таки переходила въ карманы англо-французской герцогини. Каждую четверть года англійскій король акуратно расписывался въ полученіи «somme de cent mille escus, monnoie de France pour le quartier qui est escheu de dernier jour de... en déduction de quatre cens mille escus payables à la fin de l'année». Квитанціи эти понынѣ хранятся въ архивахъ Франціи. Иногда возникали и пререканія изъ-за курса при переводѣ французской монеты на англійскую.

По смерти Карла, французской пенсіей пользовался Іаковъ II. Но Людовикъ XIV не ограничивался однимъ подкупомъ королей англійскихъ, такъ какъ съ помощью французскихъ денегъ тѣ могли достигнуть слишкомъ большаго могущества и завести тогда самостоятельную политику, или же предъявить кошельку Людовика болѣе высокія требованія. И потому считалось необходимымъ имѣть надзоръ и контроль надъ ними, а въ случаѣ нужды, различными стѣсненіями, ограничивать свободу ихъ дѣйствій. Съ этой цѣлью старались привлечь на сторону Франціи любовницъ королей, министровъ и любовницъ министровъ. Съ этой же цѣлью подкупались министерскіе и оппозиціонные члены парламента. «Произвести отчужденіе парламента отъ короля, вооружить партіи одну противъ другой, сѣять сѣмена раздора»,—таковы были постоянныя инструкціи Людовика, дававшіяся представителямъ его въ Англіи. При этомъ являлась еще нѣкоторая экономія, ибо подкупъ депутатовъ обходился дешевле королевскаго. Всѣ имена ихъ сохранились въ архивныхъ документахъ во Франціи. Графъ Беркширскій получалъ 1000 фунтовъ стерлинговъ, Колеманнъ—360 для себя и 700 для раздачи другимъ членамъ Нижней Палаты парламента, Скоттъ — 200, нѣкоторые чиновники адмиралтейства и министерства иностранныхъ дѣлъ—

по 100. Отъ марта по сентябрь 1671 года король получилъ 40,526 фунтовъ стерлинговъ, а Нижняя Палата всего 3,400 фун. Въ 1680 году на жалованьѣ у Франціи состояли: Гербертъ, Габеръ, Герметрандъ, Беннетъ, Гикдоль, Фрэнклэндъ, Томитонъ, Гарвей, Сачеверель и др. Гампденъ получалъ 1000 фунтовъ, Альджернонъ Сидней, «величайшій патріотъ», каждую сессію имѣлъ 500 фунтовъ. Всего въ 1680 году на Нижнюю Палату было отпущено 180,000 франковъ, причемъ Ральфъ Монтегю, бывшій англійскій посланникъ во Франціи, захватилъ себѣ львиную долю въ 50,000 фр.

Ненасытнѣе и алчнѣе всѣхъ была герцогиня Портсмутская, алчность и расточительность которой пережили ея красоту и политическое вліяніе на цѣлые полвѣка. Въ 1685 г., по смерти Карла, она возвратилась во Францію. Къ своимъ владѣніямъ на родинѣ она присоединила еще ренту въ 130,000 франковъ, 250,000 наличными деньгами, на 50.000 драгоцѣнностей и мебели. Помимо того, сынокъ ея отъ Карла II получалъ еще ренту въ 50,000 франк.

Но уже пятнадцать лѣтъ спустя она объявила себя банкротомъ, чтобъ не платить своимъ кредиторамъ, и благодарный Людовикъ XIV издалъ указъ, по которому, подъ страхомъ утраты своихъ «правъ и денегъ», они обязывались не тревожить герцогиню въ теченіе одного года. Въ слѣдующемъ году отсрочная грамота возобновилась и такъ пошло изъ года въ годъ. Стоило герцогинѣ написать королю: «que l'état de ses affaires ne lui permet pas quant à prèsent de payer ses dettes», и указомъ его парализовалось воздѣйствіе судовъ. Только въ 1705 году нѣкоторымъ кредиторамъ, искавшимъ съ герцогини 130,000 франковъ, удалось добиться ассигнованія ежегодной уплаты 20,000 франковъ изъ доходовъ съ ея имѣній. Остальные кредиторы, по всей вѣроятности, не располагавшіе протекціей, остались не при чемъ. Отъ французскаго правительства, въ знакъ оказанныхъ ею услугъ, она пользовалась ежегодной пенсіей въ 8,000 ливровъ, которая, по смерти Людовика XIV, была возвышена до 20,000. И при всемъ томъ нищенскія письма ея безпрестанно посылались къ министрамъ. Съ своей ужасной ороографіей, проситъ она о «payeumant dais quinsse mille franc que le Roy ordonest que je touchasse à pressant»... Въ другой разъ письмо гласитъ: «vous savez la cruelle situatien de mais affaire, par sais deux que je eu l'houneur de vous proposer vous me proqurer un repaux esternel»... или: «je ne doute poingt que vostre intansion ne soyt de me faire resevoyr les neuf mille et fems de livre que vous m'avez fait la grasse de me promestre... je n'ê ossê tous se tems cy vous trop presser... car sait ce que jé visteré toujours (c'est ce que j'éviterai toujours») и т. д.

И въ большинствѣ случаевъ она достигала своей цѣли. Карлъ, Іаковъ, Анна Стюартъ, Вильгельмъ III и королева Марія давно покоились въ могилѣ. Въ Англіи готовился царствовать второй король изъ Ганноверскаго дома, а восьмидесятилѣтняя старуха все еще пользовалась вознагражденіемъ за грѣхи своей молодости. Въ 1726 году она получила 10,000 ливровъ, въ 1727 — 5,000, въ послѣдующіе года по 5,000 «en consideration des services importants, qu'elle a rendusautrefois à l'Etat et à cause de la perte qu'elle a fait de presque tout son bien dans le papier».

Повидиму, однако, и она-таки сознавала за собою кое-какіе грѣшки, которые слѣдовало замолить, такъ какъ основала монастырь монахинь и много потратила на украшеніе церквей. Въ октябрѣ 1734 года она пріѣхала снова въ Парижъ посовѣтоваться съ докторами и умерла тамъ 85-тилѣтней

старухой. На смертномъ одрѣ, быть можетъ, припоминалось ей иное смертное ложе, у котораго она стояла пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и въ томъ, что́ совершено было ею въ ту минуту, она могла найти успокоеніе для своей совѣсти.

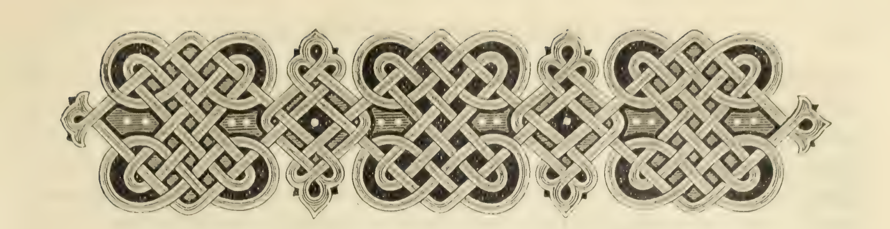
При заключеніи Дуврскаго договора, Карлъ обязался офиціально перейти въ католицизмъ. Еще за годъ до того, онъ объявилъ французскому послу, что убѣдился въ истинѣ этой вѣры и готовъ перейти въ нее. Но ему не доставало мужества сдѣлать это открыто. Англійскій народъ попускалъ многое своему легкомысленному королю, но его несокрушимая преданность протестантству была той скалой, о которую Карлъ боялся разбиться. Мудрая Луиза де-Керуалль хорошо это понимала, и потому не настаивала на этомъ пунктѣ договора. Во Франціи также смотрѣли на это снисходительно, во избѣжаніе постановки на карту только-что добытыхъ политическихъ выгодъ. Такимъ образомъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, царствовалъ Карлъ, считавшійся протестантомъ, въ душѣ католикъ, принимая участіе въ протестантскомъ богослуженіи, состоя главой протестантской церкви въ Англіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, ожидая лишь благопріятнаго момента, чтобы открыто объявить себя католикомъ. Въ часъ его кончины протестантскіе епископы поспѣшили къ его смертному ложу, братъ его, католикъ Іаковъ, заботился только о своихъ интересахъ. Королева громко рыдала. Но метресса его, герцогиня Портсмутская, хлопотала только о томъ, чтобы «спасти душу короля». Она обратилась къ французскому послу: «Я довѣрю вамъ тайну, которая можетъ стоить мнѣ головы, если она откроется. Король въ душѣ католикъ, а его окружаютъ протестантскіе епископы, и никто не разъясняетъ ему его опасности, никто не говоритъ ему о Богѣ. Я не могу войти въ комнату умирающаго, такъ какъ тамъ непрестанно находится королева. Герцогъ Іоркскій слишкомъ занятъ своими дѣлами и не думаетъ о спасеніи души короля. Умоляю васъ, поспѣшите, скажите ему, пусть онъ позаботится спасти душу короля, своего брата».

Посолъ спѣшитъ къ герцогу, къ королевѣ; католическая ревность ихъ пробуждается. Но гдѣ найти такъ скоро католическаго попа, который осмѣлился бы принять умирающаго короля въ лоно католической церкви, совершить поступокъ, за который по англійскимъ законамъ того времени пришлось бы понести тяжкое наказаніе. Наконецъ, нашелся такой монахъ, во время междоусобій спасшій жизнь королю, и который со времени реставраціи пользовался исключительной снисходительностью. Офиціально, конечно, и его нельзя было представить королю. Тутъ помогъ довѣренный камердинеръ Чиффинкъ, указавъ монаху ту самую потайную лѣстницу, по которой онъ водилъ къ королю столько легкомысленныхъ красавицъ. Протестантское духовенство и всѣ не безусловно довѣренныя лица были удалены изъ комнаты умирающаго. Карлъ исповѣдывался монаху и получилъ отъ него отпущеніе грѣховъ и послѣднее помазаніе. И это было дѣломъ легкомысленной француженки, коимъ она, конечно, полагала загладить многое.

— Маратъ, какъ ученый. Французскій докторъ Кабанесъ только-что издалъ книгу о Маратѣ, которая трактуетъ объ этомъ революціонерѣ, какъ объ ученомъ, получившемъ въ 1775 г. докторскую степень отъ шотландской академіи св. Андрея «за свое искусство во всѣхъ отрасляхъ медицины». Литературой Маратъ занимался въ Невшателѣ и Женевѣ, а наукой—«вездѣ понемногу», въ Тулузѣ, Бордо (гдѣ онъ былъ домашнимъ учителемъ), Дуб-

линѣ, Эдинбургѣ и Голландіи. Въ Лондонѣ онъ написалъ свое сочиненіе «L'homme, ou l'influence réciproque de l'âme sur le corps», а также «Les chaînes de l'esclavage». Сверхъ того, онъ составилъ цѣлый рядъ брошюръ по вопросамъ физики и физіологіи. Особенное вниманіе возбудили его работы объ электричествѣ. Въ Лондонѣ онъ читалъ лекціи въ связи съ опытами, и эти послѣднія были удачнѣе самаго изложенія. Марата не мало раздражало то, что французская академія не обращала достодолжнаго вниманія на его остроумные выводы, и это поселило въ немъ увѣренность, что его преслѣдуютъ систематически. Его негодованіе нерѣдко проявлялось весьма бурно. Возраженій онъ не переносилъ. Однажды физикъ Вольта, посѣщавшій его лекціи, заявилъ о своемъ несогласіи съ одною изъ его теорій, и Маратъ накинулся на него и осыпалъ упреками. Эта нетерпимость усилилась еще пуще, когда онъ вступилъ на почву политики. И однакожъ, этотъ безобразный, вздорный человѣкъ оказывалъ особаго рода вліяніе. У него были просто фанатическіе почитатели. Иначе едва ли можно объяснить себѣ почести, какія достались ему послѣ смерти. Тэнъ считаетъ Марата сумасшедшимъ. Докторъ Кабанесъ рѣшительно возстаетъ противъ такого приговора. Онъ объясняетъ дикую лихорадочную дѣятельность «Ami du peuple» его чрезмѣрной работой, его безсонницами и мучительной болѣзнью кожи, которую онъ могъ облегчать лишь частыми, почти непрерывными ваннами. Сидя въ ваннѣ, онъ принималъ многочисленныхъ посѣтителей и велъ свою обширную переписку, въ ваннѣ же его сразилъ и кинжалъ Шарлотты Кордэ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Моральныя идеи и Л. Н. Толстой.—Русскій писатель, какъ реклама французовъ и нѣмцевъ.—Историческіе романы Берты Сутнеръ.—Англійскія лекціи московскаго профессора.—Письмо 1702 года о Петрѣ Великомъ. — Завѣщаніе антисемита.—Императоръ Никифоръ Фока. — Два сочиненія о буддизмѣ.—Эмигранты при Наполеонѣ I. — Мемуары г-жи Гонто-Биронъ.

ВЪ ЕВРОПѢ гораздо больше пишутъ о Л. Н. Толстомъ, чѣмъ у насъ говорятъ. Эта дѣйствительно крупная личность настолько выдается между пищущими собратами, что невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Худо только, что коментаторы часто оцѣниваютъ его со своей собственной, узкой точки зрѣнія, а иные пользуются его популярностью, чтобы пристегнуть въ ней свои личныя, далеко не глубокія измышленія. Каждый считаетъ долгомъ высказать объ немъ свои сужденія, до которыхъ нѣтъ никакого дѣла здравой критикѣ. Къ такимъ толкователямъ нашего писателя принадлежитъ критикъ «Revue bleue», швейцарецъ Эдуардъ Родъ, очень нравственный, но зато очень сухой и скучный пуританинъ. Въ этюдахъ, названныхъ «Моральныя идеи настоящаго времени» (Les idées morales du temps présent. Le comte Tolstoï) разбираетъ онъ міровоззрѣніе графа, говоритъ очень много высокопарныхъ, даже восторженныхъ фразъ, старается блеснуть глубиною діалектики и не высказываетъ ничего новаго и опредѣленнаго. Онъ толкуетъ сначала о возрожденіи въ современной литературѣ спиритуализма, но находитъ, что произведенія пропагандирующихъ его русскихъ романистовъ потому имѣли успѣхъ, что нашли готовую уже для этого почву. Послѣднія произведенія Л. Н. Толстого возбудили, по словамъ критика, больше удивленія, чѣмъ восхищенія, но изъ нихъ развѣ только «Крейцерова соната» могла изумить своими неожиданными выводами, мистическій разсказъ изъ II вѣка не оставляетъ ровно никакого впечатлѣнія, а «Плоды просвѣщенія» оказались очень неважнымъ водевилемъ безъ куплетовъ. Родъ находитъ, что нельзя сомнѣваться въ здравой логикѣ писателя, вполнѣ

логичнаго во всемъ, что онъ говоритъ: онъ вовсе не эксцентрикъ и не мистикъ, въ сочиненіяхъ его нѣтъ и слѣдовъ метафизики, онъ предпочитаетъ жизни созерцательной жизнь дѣятельную, практическую и о послѣдней заботится больше чѣмъ о будущей. Онъ не болѣе какъ моралистъ, отчасти проповѣдникъ, отчасти обличитель людскихъ недостатковъ, изыскивающій средства ихъ уничтожить. Онъ конечно пессимистъ, но вѣдь оптимисты принадлежатъ къ разряду мечтателей. Все это можно признать, но находить, что «Позднышевъ сдѣлался убійцею своей жены именно потому, что душа въ немъ была менѣе испорчена и болѣе деликатна чѣмъ у другихъ» можно развѣ только съ точки зрѣнія французской морали. Какъ организаторъ новаго общества, Толстой требуетъ уничтоженія войны и всѣхъ нашихъ государственныхъ и частныхъ учрежденій, требуетъ умѣренности во всѣхъ желаніяхъ и чистоты нравовъ. Всѣ согласны въ томъ, что мы живемъ въ грѣхѣ и злѣ, что мы страдаемъ отъ этого. Но чуть дѣло коснется до выхода изъ этого ненормальнаго положенія, никто не хочетъ измѣнить своимъ привычкамъ, пожертвовать своими удобствами, отказаться отъ малѣйшей доли своихъ наслажденій. Родъ говоритъ, что всѣ мы бродимъ въ лѣсу и только видимъ свѣтъ истинный, ведущій насъ къ вѣрному пріюту, но дойти до него надо черезъ овраги, рѣки, горы, продираться сквозь колючіе кусты—и мы устаемъ въ дорогѣ, ослабѣваемъ, останавливаемся, отказываемся отъ надежнаго убѣжища, по слабости человѣческой натуры. Голоса, подкрѣпляющіе и ободряющіе насъ, какъ голосъ Толстого, указывающій намъ прямой путь, всегда полезны и все-таки дѣлаютъ людей лучше, если и не ведутъ ихъ къ желанной цѣли. Все это теоретически вѣрно, но на сколько дѣйствительно въ практической жизни?..

— Мы уже привыкли къ тому, что сочиненія Л. Н. Толстого, не имѣя возможности явиться въ русской печати, появляются во французскихъ и англійскихъ журналахъ, но литературная добросовѣстность требовала бы, чтобы помѣщая на своихъ столбцахъ произведенія русскаго писателя, журналы эти сообщали по крайней мѣрѣ публикѣ, откуда они берутъ эти статьи, новыя онѣ или старыя. Недавно иностранная печать обнародовала сильную, но далеко не логичную діатрибу противъ вина и табаку, въ которой авторъ бросая свои громы дальше цѣли, утверждалъ, что пьютъ и курятъ только люди безъ совѣсти. Русскія газеты перенесли эту гиперболическую выходку на свои страницы, не рѣшаясь замѣтить автору всю ея неосновательность, потому что можно быть даже пьяницей и нисколько не безсовѣстнымъ человѣкомъ, что и доказали многіе изъ пишущей братіи. Теперь, почти одновременно во французской и нѣмецкой журналистикѣ является другая, для Европы новая статья, но на русскомъ языкѣ явившаяся уже болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ: «По поводу городской переписи» (A propos de récensement. — Gedanken über die Volkszählung). Толстой написалъ эту статью въ то время, когда въ Москвѣ составлялась однодневная перепись населенія и предлагалъ соединить ее съ дѣломъ благотворительности, забывая что нельзя дѣлать въ одно и то же время два и еще такія важныя дѣла. Поэтому воззваніе его, написанное горячо и убѣдительно, не имѣло успѣха. Теперь кому-то вздумалось перевести эту статью и послать ее для напечатанія въ Парижъ и Берлинъ. Это пожалуй не лишнее, но отчего же было не сказать при этомъ хоть нѣсколько словъ о ея происхожденіи? Появленіе имени моднаго русскаго автора въ иностранной журна-

листикѣ теперь очень часто не болѣе какъ реклама. Такъ, журналъ «Freie Bühne fur modernes Leben» началъ печатать романъ «Декабристы» (Die Dekabristen), называя его совершенно неизвѣстнымъ, радуясь его открытію и причисляя это открытіе къ важнымъ литературнымъ событіямъ. А между тѣмъ этотъ небольшой отрывокъ давно извѣстенъ даже и въ нѣмецкомъ переводѣ и изданъ въ Лейпцигѣ Германомъ. Роскошнымъ въ его серіи «Русская карманная библіотека» (томъ 17). Развѣ это не реклама со стороны нѣмецкаго журналиста?

— Берта Сутнеръ, авторъ занимательнаго историческаго романа «Долой оружіе!» написала новый романъ «Шамиль» (Schamyl), который очень хвалитъ нѣмецкая критика въ то время, когда она почти совсѣмъ замолчала прежній романъ даровитой писательницы. Да оно и понятно «Die Waffen nieder!» представляетъ такія ужасныя картины войны за освобожденіе Италіи, прусско-австрійской съ франко-германской, что шовинистамъ патріотамъ становится неловко—хвалить произведеніе, совѣтующее бросить оружіе, покрытое такою славою офиціальными дѣятелями. Типъ стараго генерала, у котораго убиваютъ всѣхъ его сыновей, и онъ все-таки остается ревностнымъ защитникомъ войны до тѣхъ поръ, пока дѣлается ея ненавистникомъ, видя ея изнанку на поляхъ сраженій и въ госпиталяхъ—слишкомъ уже вѣренъ дѣйствительности, чтобы анализировать его правдивость. То ли дѣло Кавказъ, сцены сраженій съ полудикими, но вольнолюбивыми горцами, возставшими за свою независимость, военныя реляціи на романтической подкладкѣ, блестящіе подвиги среди величественныхъ картинъ горной природы. Полякъ Болховскій, принужденный служить въ русской арміи, влюбленъ въ грузинскую княжну Ирину, ее похищаютъ горцы и сынъ Шамиля хочетъ на ней жениться. Сколько нужно случайностей, похищеній, попытокъ къ бѣгству и всякихъ приключеній, чтобы соединить въ концѣ романа любящіяся сердца! Такія похожденія, смѣсь фантазіи съ исторіей всегда интересуютъ массу читателей, хотя на этотъ разъ авторъ не вложилъ въ свой романъ никакой философской, гуманной идеи.

— Почетное въ нашей литературѣ имя Ковалевскихъ явилось въ апрѣлѣ на серьезной англійской книгѣ, сборникѣ ильчестерскихъ лекцій профессора Максима Ковалевскаго, читанныхъ имъ въ Оксфордѣ: «Современные обычаи и древніе законы Россіи» («Modern customs and ancient laws of Russia: The Ilchester lectures for 1889—90. By Maxime Kovalevsky, ex-professor of jurisprudence in the university of Moscow»). Англійская критика съ особеннымъ уваженіемъ отзывается объ этихъ лекціяхъ въ Оксфордскомъ университетѣ бывшаго московскаго профессора законовѣдѣнія. Предметъ лекцій очень мало знакомъ англійской публикѣ и въ немъ г. Ковалевскій является полнымъ знатокомъ своего дѣла, какъ авторъ изслѣдованія «Общиннаго землевладѣнія» (Москва 1879), «Законъ и обычаи на Кавказѣ» (Москва, 1890) и другихъ замѣчательныхъ юридическихъ сочиненій. Лекціи посвящены памяти Генриха Сумнера Мэна (Maine), замѣчательнаго юриста, умершаго въ 1888 году, 66-ти лѣтъ, которому и варшавскій профессоръ Зигель посвятилъ свой послѣдній трудъ. Съ нашимъ общиннымъ правомъ познакомилъ англичанъ еще Мекензи Уоллесъ въ своей книгѣ о Россіи, но профессоръ сообщаетъ болѣе систематичныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ правѣ, выработанномъ славянскимъ міромъ. Г. Ковалевскій говоритъ и о полной свободѣ, какою пользовалась въ древнія вре-

мена славянская женщина. Это видно еще изъ былинъ терема, и затворничество—изобрѣтеніе восточное, а не славянское. «Домострой» пахнетъ вовсе не національнымъ духомъ, а татарщиной, неговоря уже о Котошихинѣ, хотя послѣдній писалъ и въ концѣ XVII вѣка, но нужны были петровскія реформы, чтобы уничтожить рабскіе обычаи, внесенные къ намъ татарскимъ игомъ. О нашемъ деревенскомъ «мірѣ» профессоръ не высокаго мнѣнія, указываетъ на его экономическія невыгоды и опровергаетъ мнѣніе славянофиловъ, будто это учрежденіе уничтожаетъ пауперизмъ. Учрежденіе вѣча и соборовъ доказываетъ способность русскихъ людей къ политической и парламентской жизни. Лекціи г. Ковалевскаго оканчиваются исторіею крѣпостничества и реформъ Александра II, незаконченныхъ вслѣдствіе его мученической кончины.

— Въ Британскій музей поступила колекція семейныхъ бумагъ и рукописей фамиліи Гэль (Hale). Между письмами есть одно, въ которомъ современникъ Петра I говоритъ объ этомъ монархѣ. Приводимъ это письмо, помѣщенное въ апрѣльскомъ № журнала «Атенеумъ», въ дословномъ переводѣ. Оно писано Ѳомою Гэль къ своему брату Бернарду, въ Гоульборнъ, изъ Архангельска отъ 20-го августа 1702 года: «Его величество и весь дворъ уѣхали отсюда въ послѣднее время моремъ, но Богъ знаетъ, куда они отправляются. Онъ вовсе не гордый человѣкъ, увѣряю васъ, потому что готовъ ѣсть и веселиться съ кѣмъ угодно. Онъ пріѣхалъ сюда, чтобы встрѣтить шведовъ, но они не явились. Онъ большой любитель такихъ грубыхъ людей, какъ матросы, приглашаетъ обѣдать съ нимъ этихъ непристойныхъ дегтярниковъ, и заставляетъ ихъ такъ напиваться, что одни засыпаютъ, другіе танцуютъ, иные дерутся и онъ между ними; и въ такой компаніи онъ находитъ большое удовольствіе. Онъ очень любитъ англійское мясо, бывшее 10 или 12 мѣсяцевъ въ соли и, если вѣрить его придворнымъ, считаетъ воду, привозимую кораблями изъ дальняго плаванія (когда она воняетъ), за минеральную воду и заставляетъ пить ее. Онъ посадилъ однажды 30 или 40 человѣкъ своего лучшаго дворянства, старыхъ и молодыхъ, въ глубокій прудъ, куда пустили двухъ живыхъ моржей, и самъ плавалъ и нырялъ вмѣстѣ съ ними; компанія была страшно испугана, но они никому не дѣлали вреда. Никто не можетъ жаловаться на его проказы, потому что онъ прежде всѣхъ самъ въ нихъ участвуетъ».

— Извѣстный юдофобъ Дрюмонъ написалъ новый памфлетъ противъ евреевъ, подъ названіемъ «Завѣщаніе антисемита» («Le testament d'un antisémite»). Онъ говоритъ, что этою книгою заканчивается рядъ его изслѣдованій о зловредномъ вліяніи жидовъ во Франціи. Въ томъ, что они захватили въ свои руки такую власть, онъ болѣе всего обвиняетъ католическое духовенство и правительство. Церковь ничего не предпринимаетъ противъ жидовства, хотя оно явно подкапывается подъ христіанство и всѣми средствами проповѣдуетъ всюду безвѣріе. Пособникомъ ему въ этомъ является правительство, отъ котораго вполнѣ зависятъ прелаты и патеры. Оно покровительствуетъ чиновникамъ, выдающимъ себя за свободомыслящихъ, но которые не болѣе какъ явные или тайные жиды. Вліяніе большихъ капиталовъ теперь преобладаетъ во Франціи, а такіе капиталы всѣ въ жидовскихъ рукахъ. Банкиры, биржевики, крупные торговцы и промышленники, если не жиды, то на жалованьи у жидовъ и, во всякомъ случаѣ, берутъ съ нихъ солидныя взятки подъ разными видами и предлогами.

Дрюмонъ энергично бичуетъ въ своей книгѣ не только жидовъ, но и всѣхъ, кто держитъ ихъ сторону.

— Французы усердно занимаются исторіею Византіи. Нумизматъ Шлумбергеръ, авторъ замѣчательной «Византійской сигиллографіи» (1884), перешелъ теперь къ исторіи и написалъ біографію Никифора Фоки («Un empereur byzantin au X siècle Nicіphore Phocas»). И это не единственный серьезный трудъ, появившійся въ послѣднее время во Франціи объ имперіи, которая такъ мало интересуетъ ея ближайшихъ сосѣдей и наслѣдниковъ. Вышли: исторія Ѳеодоры—Дебидура, четвертаго крестоваго похода—Тессье, византійскаго искусства—Байе, византійской монархіи—Гаске, византійскіе очерки—Морраста, Константинъ Порфирогенетъ—Рамбо, императоръ Ираклій—Драпейрона и др. Эпоха Никифора Фоки, выбранная Шлумбергеромъ, очень интересна, какъ попытка возрожденія изъ упадка къ силѣ и могуществу, эпоха борьбы съ Римомъ за преобладаніе и большихъ войнъ въ Малой Азіи, Сиріи, Критѣ, возвратившихъ Византіи ея територію, завоеванную арабами. На Дунаѣ вліяніе имперіи также одержало верхъ надъ усиліями болгаръ, славянъ и кочующихъ племенъ захватить Балканскія области. Внутренняя жизнь имперіи была не менѣе дѣятельна, чѣмъ военная и догматическая. Императоръ старался оградить мелкихъ собственниковъ отъ притязаній высшихъ сословій, отъ захватовъ имуществъ монастырями и духовенствомъ. Но въ тоже время происходили дворцовые перевороты, семейныя драмы: борьба хитрой и распутной императрицы съ простымъ и грубымъ императоромъ. Внутреннія неурядицы и были отчасти причиною распаденія имперіи, но Европѣ все-таки слѣдуетъ помнить, что Византія защищала ее отъ нападенія восточныхъ и дикихъ ордъ въ теченіе десяти столѣтій, въ V отъ гунновъ, въ VI отъ славянъ, въ VII отъ аваровъ, персовъ, арабовъ, въ VIII отъ болгаръ, въ IX отъ русскихъ, въ X отъ венгровъ, въ XI отъ куманъ и печенѣговъ, отъ XII до XIV—отъ турокъ, сельджукидовъ и отоманъ. И въ то время, когда въ глубинѣ германскихъ лѣсовъ только-что начинали возникать бурги, гнѣзда бароновъ-разбойниковъ, во Франціи феодалы, засѣвшіе въ за̀мкахъ, вели между собою непрерывную войну, въ Византіи, отбивавшейся отъ дикихъ полчищъ, были артисты и поэты, ученые и ораторы, спорившіе за партіи въ циркахъ, и выходившіе изъ своихъ дворцовъ, гдѣ царствовала утонченная мода, для того, чтобы отразить нападенія славянъ, распинавшихъ своихъ плѣнныхъ, или турокъ, сожавшихъ ихъ на колъ. И въ то же время Византія прививала всѣ блага культуры племенамъ, способнымъ къ цивилизаціи. Уничтожая орды аваръ, куманъ, печенѣговъ, она передавала сербамъ, болгарамъ, русскимъ, принципы государственнаго устройства, грамоту и религію черезъ такихъ миссіонеровъ какъ Кириллъ и Меѳодій, законы черезъ Юстиніана. Архитектура Византіи оставила свои слѣды отъ Равенны до Перигё, отъ Венеціи до Кіева и Новгорода. Византійскіе хронографы сохранили намъ исторію не только ихъ отечества, но и племенъ, приходившихъ съ ними въ соприкосновеніе. Эпоха во̀зрожденія въ Европѣ началась съ изученія греческихъ источниковъ. Въ книгѣ Шлумбергера болѣе 240 гравюръ, нѣсколько картъ и хромолитографій. Онъ взялъ много рисунковъ изъ византійскихъ, славянскихъ, арабскихъ рукописей. Это придаетъ еще больше значенія интересному во всѣхъ отношеніяхъ изданію.

— О модной религіи, культъ которой ея поклонники вводятъ усердно

даже въ Парижѣ, вышли два изслѣдованія, одно на нѣмецкомъ языкѣ: «Буддизмъ по древнимъ сочиненіямъ, на языкѣ пали» («Der Buddhismus nach älteren Pali-Werken dargestellt»), другое на французскомъ: «Японскій буддизмъ» («Le bouddhisme japonais»). Послѣднее написано японцемъ Ріауономъ Фуджишими, членомъ азіатскаго общества въ Парижѣ, первое принадлежитъ Эдмунду Гарди. Нѣмецкій докторъ систематически разсказываетъ о религіозномъ положеніи Индіи въ эпоху Будды, приводитъ его жизнь, основы первоначальнаго ученія, отношенія его къ другимъ сектамъ, исторію покровителя буддизма въ III вѣкѣ до Р. Х. царя Асоки, сравненіе буддизма съ христіанствомъ. Съ ученой точки зрѣнія сочиненіе безукоризненно. Авторъ не приводитъ ни одного мнѣнія, не подкрѣпивъ его доказательствами; къ книгѣ приложены документы, библіографія, указатель, цитаты изъ лучшихъ сочиненій по этой части. Но несмотря на этотъ ученый апаратъ, авторъ односторонне отнесся къ своему предмету, держась только источниковъ и книгъ на языкѣ пали. Буддизмъ раздѣляется на двѣ обширныя вѣтви: южный (Цейлонъ и Индо-Китай), основанный на каноническихъ сочиненіяхъ пали, и буддизмъ сѣверный (Непалъ, Китай, Японія и др.), каноническія книги котораго писаны санскритомъ. Оба ученія приписываютъ себѣ старшинство и вопросъ этотъ еще не рѣшенъ наукою. Теперь преобладаетъ южное ученіе, но когда сдѣлаются болѣе извѣстными китайскіе и санскритскіе источники, имъ можетъ быть отдано предпочтеніе. Да и въ настоящемъ необходимо было изслѣдовать и сѣверное ученіе, такъ какъ оно болѣе распространено и популярно. Вліяніе на массы имѣлъ буддизмъ сѣверный, южный — не болѣе, какъ секта, основанная на философскихъ теоріяхъ, въ ней первое мѣсто отведено человѣку, а не богу; жрецы этого ученія, живущіе въ своего рода фаланстерахъ, заботятся больше о внутреннемъ созерцаніи, чѣмъ о завоеваніи душъ. Но все-таки нельзя называть апостоловъ буддизма «вырвавшимися изъ дома умалишенныхъ», какъ говоритъ Гарди и совершенно унижать буддизмъ въ сравненіи съ господствующею религіею. Въ этомъ отношеніи ему отдаетъ предпочтеніе Фуджишима, ревностный буддистъ, который провелъ четыре года въ Европѣ, изучая наши философскія и религіозныя системы. Въ Японіи теперь 12 большихъ буддистскихъ сектъ, и авторъ приводитъ въ своей книгѣ основы ихъ ученій, взятыхъ прямо изъ санскрита. Только немногіе догматы имѣютъ китайское и мѣстное происхожденіе. Авторъ прославляетъ будистскую нравственность, объясняетъ доктрину нирваны, приводитъ много любопытныхъ и новыхъ данныхъ, выказываетъ полное знаніе своего предмета.

— Недавно умершій писатель Форнеронъ не успѣлъ окончить своего замѣчательнаго труда «Всеобщей исторіи эмигрантовъ» (Histoire générale des emigrés) и другъ его Ларокъ издалъ теперь послѣдній томъ добросовѣстнаго труда, рисующій положеніе французскихъ эмигрантовъ при Наполеонѣ I. Нелегко имъ было переживать эпоху революціи, да и во время имперіи жилось немногимъ лучше. Сенатъ въ 1802 году далъ имъ не амнистію, а только позволеніе вернуться на родину. Правда, многіе, увлеченные побѣдами корсиканца, поспѣшили вступить въ его армію, какъ Ламетъ, Сегюръ, Ноайль; штабъ Себастіани былъ весь составленъ изъ офицеровъ стараго режима. Нарбонъ, министръ 1792 года, этотъ пустой обожатель г-жи Сталь, сдѣлался адъютантомъ императора потому, что подалъ ему прошеніе, положивъ его на свою шляпу съ плюмажемъ. Но къ эмигран-

тамъ, остававшимся вѣрными Бурбонамъ, Наполеонъ былъ неумолимъ: онъ запретилъ своимъ газетамъ даже упоминать объ этой династіи и хлопоталъ, нельзя ли вычеркнуть ее изъ Готскаго альманаха. Онъ разстрѣлялъ герцога Энгіенскаго и Фротте, посадилъ въ тюрьму Моро и Пишегрю, и хотя не покушался отравить Людовика XVIII, какъ объ этомъ ходили слухи, но не позволялъ во Франціи произносить его имени. Наполеоновская полиція больше всего слѣдила за роялистами. Вейра всякій день черезъ камердинера Констана подавалъ императору рапорты, провѣрявшіе донесенія министра полиціи. Кромѣ того, у Дюрока и Монсея была своя полиція, не считая множества шпіоновъ-аматеровъ, служившихъ еще директоріи. Форнеронъ обнаруживаетъ всѣ тайны государственныхъ тюремъ, беззаконные аресты, негласные суды, тайныя убійства, безчеловѣчныя преслѣдованія. Двадцать тюремъ, какъ Тампль, Венсенъ, Бисетръ, Лафорсъ, Сент-Пелажи, Гамъ и др. были переполнены политическими преступниками. Между ними былъ особенный, весьма многочисленный разрядъ лицъ, оправданныхъ судами, но запертыхъ въ тюрьму потому, что они не нравились Наполеону, или какъ у насъ говорится «административнымъ порядкомъ». Гримодьеръ, оправданный по суду въ процессѣ Жоржа Кадудаля, былъ запертъ въ замокъ Ифъ 19-ти лѣтъ, а вышелъ изъ него 33-хъ лѣтъ. Кермабенъ тамъ же сошелъ съ ума. Мезьеръ былъ заключенъ въ Венсенской крѣпости въ 1803 году и выпущенъ въ 1814 безъ всякаго слѣдствія и не зная самъ, за что онъ сидѣлъ. Гризоль, найденный невиннымъ даже военнымъ судомъ, просидѣлъ все-таки въ Бисетрѣ семь лѣтъ. Такихъ примѣровъ въ книгѣ приведено множество. Были лица, заключенныя потому, что ихъ «осуждало общественное мнѣніе». Пербосъ посаженъ въ тюрьму за то, что былъ приговоренъ къ смерти во время террора, но его не успѣли казнить. Въ 1811 году въ государственныхъ тюрьмахъ было 2500 арестантовъ. Всѣ эти малоизвѣстные факты подтверждены авторомъ офиціальными документами. А сколько еще подобныхъ документовъ истреблены временемъ и не дошли до насъ! Правда, тамъ, гдѣ императоръ могъ, по собственному сознанію, «тратить» въ день по нѣскольку тысячъ войска, стоило ли вспоминать о сотняхъ ни въ чемъ неповинныхъ бѣдняковъ, умиравшихъ не отъ пуль и ядеръ, а отъ тюремной жизни.

— Неуспѣхъ мемуаровъ Талейрана не останавливаетъ появленія въ свѣтъ другихъ записокъ. Довольно любопытныя подробности встрѣчаются въ мемуарахъ воспитательницы герцога Бордосскаго, г-жи Гонто-Биронъ. (Mémoires de m-me de Gontaut-Biron). Хотя эта придворная дама мало вмѣшивалась въ политику, но не могла оставаться безучастною къ событіямъ, имѣвшимъ вліяніе на судьбу ея отечества. Въ началѣ своихъ записокъ она говоритъ и о революціи, но ея воспоминанія и сужденія объ этой эпохѣ очень слабы, такъ какъ она эпоху террора провела въ Англіи и вернулась во Францію уже при директоріи. Описанія придворной жизни при началѣ реставраціи также могутъ интересовать только царедворцевъ и роялистовъ, но о послѣднихъ дняхъ монархіи Карла X она передаетъ нѣсколько любопытныхъ случаевъ и анекдотовъ. Упрямство короля было такъ велико, что, задумавъ еще въ 1827 году уничтожить конституціонныя гарантіи и передать власть въ руки своего преданнѣйшаго слуги, посланника въ Лондонѣ Полиньяка, онъ не хотѣлъ слушать никакихъ убѣжденій и, незадолго до изданія своихъ знаменитыхъ ордонансовъ 1830 года, ѣздилъ нарочно въ

сент-омерскій лагерь, чтобы убѣдиться, что армія будетъ стоять за него и остался очень доволенъ, что его вездѣ встрѣчали съ криками восторга. «Чего не сдѣлаешь съ войсками, одушевленными такой преданностью къ престолу!» говорилъ онъ министру. Внучка короля, дочь герцога Беррійскаго, отличавшаяся всегда живостью характера и сказавшая при смерти Людовика XVIII: «теперь королемъ будетъ дѣдушка—это плохо!», спросила Карла X, когда онъ говорилъ, что скорѣе оставитъ тронъ, но не уступитъ: «А что же мы будемъ дѣлать потомъ?» Онъ не нашелся, что отвѣтить. На другой день подъ окнами королевскаго кабинета въ Тюльери собралась толпа народа, читавшаго объявленіе, наклеенное на стеклѣ: «отдается въ наемъ». Это была продѣлка все той же герцогини и король смѣялся ея находчивости, хотя черезъ нѣсколько дней квартира дѣйствительно оказалась вакантною. 26-го іюля появились въ «Монитерѣ» указы, уничтожающіе выборную систему, конституціонное правленіе, свободу печати и распускающіе палаты. Король, увѣренный въ успѣхѣ государственнаго переворота, уѣхалъ въ Рамбулье, не хотѣлъ никого ни видѣть, ни слышать, кромѣ Полиньяка, писавшаго ему: «что Парижъ не поднимется—отдаю вамъ свою голову». — Плохой подарокъ, замѣтила Гонто-Биронъ Карлу X. — Вы невыносимы, отвѣчалъ онъ, и сталъ играть въ вистъ, въ то время, когда на улицахъ Парижа, пересѣченныхъ баррикадами, гремѣлъ набатъ и изъ оконъ домовъ бросали фортепіано и богатую мебель на голову войскъ, штурмовавшихъ баррикады. 2-го августа Карлъ X подписалъ отреченіе отъ престола, «не успѣвъ, не смотря на свое желаніе сдѣлать счастіе Франціи», и назначилъ намѣстникомъ королевства герцога Орлеанскаго, а герцогиня, жена его, писала Гонто-Биронъ: «скажите королевской фамиліи, что мужъ мой—честный человѣкъ». А этотъ честный человѣкъ устроивалъ походъ на Рамбулье парижанъ, озлобленныхъ тремя днями кровавой борьбы. Четырнадцать дней король со своей семьей ѣхалъ отъ Рамбулье до Шербурга, гдѣ сѣлъ на корабль, отправляющійся въ Англію. 7-го августа на французскій престолъ взошелъ Луи-Филиппъ I, но еще въ 1837 году принцъ прусскій Вильгельмъ, будущій германскій императоръ, писалъ по случаю женитьбы молодого герцога Орлеанскаго на принцессѣ Еленѣ Мекленбургской: «Съ какой стороны ни смотрѣть на предметы, Луи-Филиппъ все-таки укралъ престолъ, и онъ и его наслѣдники будутъ незаконно носить корону». И Немезида исторіи приготовила ему такую же участь, какъ и Карлу X. Гонто-Биронъ послѣдовала за изгнанной семьей въ Голирудъ, Карлсбадъ, Теплицъ, Прагу, оставшись вѣрна Бурбонамъ до той минуты, когда въ награду за всякія услуги и жертвы—они выгнали ее. Интриги при дворѣ падшихъ властителей свирѣпствуютъ еще съ большею силою, чѣмъ въ царствующихъ династіяхъ. Гонто-Биронъ воспитала герцога Бордосскаго; съ наступленіемъ его совершеннолѣтія въ 1834 году, партія старыхъ царедворцевъ боялась потерять свое вліяніе у одряхлѣвшаго Карла X. Она выжила постепенно всѣхъ сколько-нибудь порядочныхъ легитимистовъ. Перехватили какое-то письмо Гонто-Биронъ къ герцогинѣ де-Роганъ, исказили въ немъ нѣкоторыя выраженія, поддѣлали другія и обвинили 64-лѣтнюю роялистку въ неуваженіи къ Карлу X. Выжившій изъ ума старикъ милостиво уволилъ отъ службы ту, которая воспитала его внука, посвятила всю свою жизнь неблагодарной династіи.

СМѢСЬ.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій. 17-го апрѣля 1866 года, въ присутствіи министра юстиціи, Д. Н. Замятнина, почетныхъ гостей и чиновъ новаго судебнаго вѣдомства, совершилось торжественное открытіе петербургскихъ судебныхъ установленій. За три дня передъ открытіемъ, 14-го апрѣля 1866 г., императоръ Александръ II, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича, великаго князя Константина Николаевича и принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, посѣтилъ вновь устроенное помѣщеніе для новыхъ судебныхъ учрежденій и послѣ внимательнаго его осмотра обратился къ сопровождавшему его вновь назначенному судебному персоналу съ слѣдующими словами: «Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и присяги, что, впрочемъ, одно и тоже. И такъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло». Нынче петербургскій окружной судъ въ полномъ составѣ праздновалъ первое двадцатипятилѣтіе своего существованія. Въ пріемной залѣ средняго этажа, на томъ мѣстѣ, гдѣ 25 лѣтъ назадъ прочитано высочайшее повелѣніе Александра II объ открытіи судебныхъ установленій, теперь въ воспоминаніе поставлена икона Спасителя. Икона вставлена въ громадный кіотъ въ видѣ часовни изъ сѣраго и бѣлаго мрамора. Внизу на мраморной doскѣ вырѣзана надпись: «Сооружена дѣятелями с.-петербургскихъ судебныхъ установленій перваго двадцатипятилѣтія ко дню 17-го апрѣля 1891 г.». Въ 2 часа дня длинное пріемное зало наполнилось публикой, среди которой находились: товарищъ министра юстиціи, старшій предсѣдатель пб. судебной палаты Н. И. Похвистневъ, оберъ-прокуроръ сената А. Ѳ. Кони, предсѣдатели и члены петербургскаго окружного суда, представители прокурорскаго надзора и адвокатуры, судебные слѣдователи и другіе служащіе по судебному вѣдомству. Н. И. Похвистневъ возложилъ на подножіе статуи Александра II серебряный вѣнокъ, увѣнчанный императорскою короною съ надписью на лентѣ: «17 апрѣля 1866—1891 гг.». Передъ иконой отслуженъ молебенъ, провозглашено многолѣтіе нынѣ царствующему Государю, вѣчная память Александру II и почившимъ дѣятелямъ судебныхъ установленій и многолѣтіе настоящимъ дѣятелямъ на судебномъ поприщѣ. Послѣ молебна почти всѣ присутствовавшіе поднялись на верхъ въ помѣщеніе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Здѣсь, въ тѣсномъ товарищескомъ

кругу современный персоналъ судебнаго міра посвятилъ нѣсколько часовъ воспоминаніямъ и подведенію итоговъ своей дѣятельности за истекшее двадцатипятилѣтіе. Все собраніе присяжныхъ повѣренныхъ громкими апплодисментами почтило старѣйшихъ представителей своей корпораціи. На это чествованіе К. К. Арсеньевъ отвѣтилъ рѣчью, въ которой нарисовалъ картину всей исторіи судебныхъ установленій. «Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, господа, говорилъ К. К. Арсеньевъ, мы съ радужными надеждами встрѣчали открытіе новыхъ судебныхъ установленій. Теперь быть можетъ нѣкоторые скажутъ, что надежды эти не оправдались. Въ самомъ дѣлѣ, великія реформы той эпохи, начатыя на самыхъ широкихъ началахъ, отчасти измѣнены были на первыхъ же шагахъ приложенія ихъ къ практикѣ. Такъ напримѣръ, первый оправдательный приговоръ по дѣлу печати вызвалъ изъятія изъ вѣдѣнія окружного суда дѣлъ о печати и передачу ихъ въ судебную палату. Такія же измѣненія были во многомъ другомъ и мы видимъ, что они касаются и другихъ реформъ. Они неизбѣжны, эти измѣненія, какъ неизбѣжны поправка и отдѣлка каждаго новаго зданія, въ которомъ видимы или кажутся видимы тѣ или другія шероховатости, тѣ или другія неровности. Тѣмъ не менѣе, измѣнены лишь детали, а самая сущность судебной реформы осталась все та же. Слѣдя за развитіемъ этой реформы, нельзя не признать той громадной пользы, которую принесла она обществу и государству. За истекшее двадцатипятилѣтіе мы видимъ на судебномъ поприщѣ такихъ дѣятелей обвиненія и защиты, которые составляютъ честь нашего суда. Мы видимъ такихъ обвинителей, которые понимаютъ обвиненіе не въ однихъ только узкихъ рамкахъ установленныхъ закономъ, а понимаютъ его широко и смѣло, дѣлая изъ него вопросъ общественной важности. Я не назову имени, но каждый пойметъ про кого я говорю, если я напомню вамъ одного обвинителя, который выступая въ одномъ бракоразводномъ дѣлѣ не ограничился однимъ сухимъ обвиненіемъ по закону, а представилъ намъ весь процессъ бракоразводныхъ дѣлъ въ консисторіи. Такое обвиненіе, господа, заслуга уже не передъ однимъ судомъ, а передъ обществомъ».

Продолжая далѣе свою рѣчь К. К. Арсеньевъ коснулся исторіи адвокатуры, отношеній ея къ суду и обществу и закончилъ такъ: «Во всякомъ случаѣ, не смотря на всѣ измѣненія и быть можетъ невзгоды въ нашемъ судебномъ дѣлѣ, я смотрю впередъ все-таки оптимистически. Теперь идетъ по Невѣ ладожскій ледъ, какъ шелъ онъ 25 лѣтъ тому назадъ; онъ несетъ съ собой холодъ и непогоду, но онъ пройдетъ, въ этомъ мы всѣ увѣрены и даже приблизительно можемъ назначить срокъ, когда настанетъ тепло. Сказать когда пройдетъ ладожскій ледъ въ нашемъ мірѣ мы съ такой увѣренностью не можемъ, но тѣмъ не менѣе онъ пройдетъ навѣрное. Вотъ почему мы смѣло можемъ надѣяться на дальнѣйшее прогресивное развитіе нашего дѣла на пользу общественную».

Рѣчь К. К. Арсеньева вызвала долго не прекращавшіяся рукоплесканія но еще большими рукоплесканіями была привѣтствуема рѣчь В. Д. Спасовича, посвященная исключительно разбору дѣятельности корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ.

Забытая историческая могила. Въ оградѣ Александро-Невской лавры, на такъ называемомъ Старомъ или Лазаревскомъ кладбищѣ находится не мало историческихъ могилъ извѣстныхъ въ свое время государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Однѣ изъ этихъ могилъ содержатся въ порядкѣ, за другими же ухаживать некому и онѣ въ печальномъ запустѣніи. На многихъ изъ нихъ плиты вросли въ землю и покачнулись. Въ такомъ положеніи находится могила автора «Недоросля» Д. И. Фонвизина. Въ будущемъ году этой могилѣ исполнится ровно сто лѣтъ и о ней не мѣшало бы вспомнить и привести ее хотя бы немного въ порядокъ. Могила эта находится немного лѣвѣе могилы Ломоносова, шагахъ въ двадцати отъ нея. Она лежитъ въ небольшой котловинѣ среди вросшихъ въ землю старыхъ плитъ. Отыскать

ее теперь довольно трудно. Небольшой гранитный четыреугольный камень на которомъ положена доска съ надписью, покачнулся и однимъ угломъ вошелъ въ землю. Отъ него вѣетъ сѣдою стариной; кругомъ въ щеляхъ выросъ мохъ, когда-то бѣлая мраморная доска съ надписью растрескалась и тоже поросла мохомъ. За могилою нѣтъ никакого ухода. Надпись еще можно разобрать почти безъ труда, но на ней лежитъ такой слой грязи, что передъ чтеніемъ нужно счистить ее. Въ дождливое время подходить къ могилѣ нельзя, потому что она лежитъ въ котловинѣ, осѣвшей за сто лѣтъ почвы и бываетъ окружена въ это время водою. При таяніи весною снѣга повторяется то же. И нерѣдко, когда ясные дни уже обсушили почву кругомъ, у самой могилы еще лежитъ сплошная грязь. Памятникъ Ломоносову возобновленъ давно. Слѣдовало бы сдѣлать то же и на могилѣ автора «Недоросля». Теперь же на плитѣ, между изображеніями креста вверху и адамовой головой внизу можно прочесть скромную надпись: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло статскаго совѣтника Дениса Ивановича Фонвизина. Родился въ 1745 году, апреля 3 дня. Преставился въ 1792 году декабря 1 дня. Жизнь его была 48 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 28 дней». Болѣе нѣтъ ни одной буквы. Сто лѣтъ тому назадъ, современники, написавъ на плитѣ только чинъ Фонвизина, быть можетъ, и были правы по своему, вѣроятно, не подозрѣвая, что ихъ потомки изъ поколѣнія въ поколѣніе будутъ учиться русской словесности по безсмертнымъ твореніямъ покойнаго. Нынѣ пора было бы уже намъ вспомнить о могилѣ нашего учителя, имя котораго извѣстно нашимъ дѣтямъ и по комедіямъ котораго будутъ учиться и наши внуки. Теперь на могилѣ лежитъ одинокій, давно уже испорченный погодою и временемъ металлическій вѣнокъ. На немъ нѣтъ никакихъ надписей; кѣмъ онъ положенъ—неизвѣстно и самая могила въ страшномъ запустѣніи. Будемъ надѣяться, что наступающее столѣтіе со дня смерти Фонвизина заставитъ насъ отнестись къ его могилѣ съ бо̀льшимъ почетомъ.

Кстати о могилѣ Ломоносова. У насъ существуетъ свой особый способъ выражать почтеніе памяти умершаго царапаніемъ своихъ фамилій на памятникахъ. Мраморная доска монумента Ломоносова вся обезображена именами разныхъ досужихъ посѣтителей. Тутъ пущенъ въ ходъ и карандашъ и перочинный ножъ и всякое царапающее орудіе, лишь бы увѣковѣчить свое никому неизвѣстнее имя на памятникѣ историческаго лица... Къ чему это нужно? Пора бы ужъ отвыкнуть отъ этого нелѣпаго варварства.

Въ Историческомъ Обществѣ, состоящемъ при университетѣ, 24-го апрѣля, происходило послѣднее передъ лѣтними каникулами засѣданіе. Профессоръ С. А. Бершадскій сдѣлалъ сообщеніе объ общественной организаціи крестьянъ въ началѣ XVI вѣка. Докладчикъ заявилъ, что онъ не согласенъ съ мнѣніями тѣхъ историковъ, которые въ своихъ трудахъ утверждаютъ, будто завоеваніе литовскими князьями русскихъ провинцій повлекло за собою феодализацію ихъ, которая и продержалась до половины XVI вѣка. Такъ думали прежде, но теперь уже почти никто изъ ученыхъ не признаетъ въ государственномъ и общественномъ быту того времени феодальнаго строя такого характера, какой былъ въ Западной Европѣ. Здѣсь никогда не бывало войны вассаловъ противъ сюзерена; здѣсь крестьяне состояли подъ властью великаго князя, а не вассаловъ. На Западѣ власть короля простиралась только на вассаловъ, а крестьянъ вѣдали уже вассалы; тамъ феодализація простиралась на всю землю государства. Въ Литвѣ же подати взимались со всѣхъ, и очень много земель, не считая пустырей и степей, принадлежало прямо великому князю. Это доказывается цѣлымъ рядомъ грамотъ и записей въ «замковыхъ книгахъ». Въ Литвѣ и высшіе класы, и крестьяне распоряжались и владѣли землею. Общиннаго землевладѣнія не было. Крестьяне владѣли землею въ качествѣ самостоятельныхъ общинниковъ; они могли, какъ собственники, завѣщать, закладывать, продавать и дѣлить свою землю. Вотчинными землями они владѣли на вотчинномъ правѣ. Тѣ

же крестьяне, которые жили на земляхъ великокняжескихъ, должны были нести извѣстную службу и платить установленную дань. Была ли община? Да, была, на это указываютъ такіе термины въ старинныхъ документахъ, какъ: волость, сотня, старцы, сотники и т. п. Общины несли цѣлый рядъ обязанностей—постройки казенныхъ зданій, ремонты королевскихъ замковъ, устройство дорогъ, охраненіе границъ и т. п., и, кромѣ того, на нихъ лежали обязанности по содержанію государственныхъ чиновниковъ. И такъ, община была, закончилъ докладчикъ, но связующимъ началомъ ея было начало не экономическое, а имѣвшее въ основѣ отношенія къ государственной власти. Докладъ былъ встрѣченъ всеобщими одобреніями.

Диспутъ въ университетѣ. 22-го апрѣля, въ XI аудиторіи Петербургскаго университета экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ классической филологіи В. К. Ернштедтъ защищалъ дисертацію, подъ заглавіемъ: «Порфиріевскіе отрывки изъ Аттической комедіи», представленную имъ въ историко-филологическій факультетъ для полученія степени доктора греческой словесности. Съ января 1877 г. В. К. по приглашенію факультета началъ читать въ качествѣ преподавателя лекціи въ Петербургскомъ университетѣ по каѳедрѣ греческой словесности. Весною 1880 г., по выдержаніи установленнаго испытанія и защитѣ диссертаціи, былъ утвержденъ въ степени магистра греческой словесности. Лѣтомъ того же года командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на 2 года за границу, въ Грецію, для занятій по археологіи вообще и эпиграфикѣ въ частности. Весною 1882 г. срокъ командировки былъ продолженъ на годъ для занятій преимущественно рукописями, хранящимися въ итальянскихъ библіотекахъ. Въ теченіе этого года диссертантъ работалъ въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренціи, Миланѣ и Венеціи. По возвращеніи въ Россію, въ 1883 г., онъ снова сталъ читать въ качествѣ приватъ-доцента лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Въ ноябрѣ 1884 г. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ. Лѣтомъ 1885 г. командированъ въ скандинавскія земли для ознакомленія съ хранящимися тамъ греческими рукописями, при этомъ посѣтилъ Стокгольмъ, Упсалу и Копенгагенъ. Съ ноября 1885 г. состоитъ секретаремъ историко-филологическаго факультета. Изъ печатныхъ работъ диссертанта заслуживаютъ вниманія слѣдующія: «Критическія замѣтки къ Светонію» 1876 г., «Саламинская битва» 1882 г.; «Къ Фукидиду»; къ «Электрѣ Еврипида»; «Греческая рукопись коптскаго письма»; изъ «Порфиріевской псалтыри» и многія другія, помѣщенныя въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Офиціальные опоненты, профессора: П. В. Никитинъ и Ѳ. Ф. Зелинскій съ большою похвалой отозвались о спеціальномъ трудѣ В. К. Ернштедта. Неофиціально опонировали приватъ-доценты: С. К. Буличъ и О. А. Шеборъ. По окончаніи диспута деканъ историко-филологическаго факультета И. В. Помяловскій объявилъ рѣшеніе факультета, единогласно признавшаго В. К. Ернштедта достойнымъ полученія степени доктора греческой словесности.

Общество любителей древней письменности. 23-го апрѣля, въ годовое засѣданіе, на которомъ присутствовали А. Ѳ. Бычковъ, Л. Н. Майковъ, много профессоровъ, академиковъ и любителей старины, собраніе было открыто рѣчью предсѣдателя, объ основаніи Общества (въ 1877 г.), о первой порѣ его существованія о началахъ, положенныхъ въ основу его устава и дѣятельности. Вслѣдъ затѣмъ почетный членъ А. Ѳ. Бычковъ, въ виду истекшаго трехлѣтія предсѣдательства гр. С. Д. Шереметева, предложилъ собранію избрать его же и на новое трехлѣтіе, что было встрѣчено всѣми единодушно. Далѣе секретарь сдѣлалъ краткій отчетъ о дѣятельности Общества за три послѣдніе года, изъ котораго видно, что наука обязана Обществу появленіемъ въ свѣтъ такихъ трудовъ, какъ «Докторъ Францискъ Скорина» П. В. Владимірова, «Физіологъ» А. Д. Карнѣева, «Житіе св. Саввы Освященнаго». «Описаніе рукописей монастырскихъ книгохранилищъ» П. М. Строева и проч. Послѣ чтенія розданъ былъ присутствовавшимъ денежный отчетъ Общества

за два послѣдніе года. Затѣмъ избраны были въ члены-корреспонденты проф. Казанскаго университета Д. Ѳ. Бѣляевъ и редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» К. К. Случевскій; въ члены комитета И. А. Бычковъ, И. В. Помяловскій, Д. Ѳ. Кобеко и П. И. Савваитовъ; въ члены ревизіонной комиссіи Г. Ѳ. Штендманъ и Д. А. Чаплинъ. Н. В. Султановымъ принесена въ даръ Обществу старинная икона, а И. Пл. Барсуковымъ его новый трудъ «Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій». Засѣданіе закончилось докладомъ И. А. Бычкова о неизвѣстномъ почти доселѣ «Путникѣ» Іоанна Максимовича, бывшаго сначала архіепископомъ черниговскимъ, извѣстнымъ, между прочимъ, переложеніемъ пѣсни «Богородице Дѣво радуйся» въ 23,000 стиховъ, а послѣ митрополитомъ тобольскимъ, умершимъ въ 1715 году. Дорожникъ Іоанна отъ Чернигова до Москвы и Тобольска писанъ стихами и представляетъ любопытный памятникъ быта Россіи въ петровское время.

Открытіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 5-го мая 1891 года въ С.-Петербургѣ состоялось общее собраніе членовъ-учредителей кассы взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ («Литературномъ Фондѣ») и избрано требуемое уставомъ кассы правленіе для завѣдыванія дѣлами этого учрежденія.

Въ составъ правленія вошли: И. Ф. Василевскій, Г. К. Градовскій, Д. Л. Мордовцевъ, О. К. Нотовичъ, А. И. Поповицкій, А. М. Скабичевскій, А. А. Тихоновъ (Луговой), А. К. Шеллеръ и С. Н. Шубинскій. Изъ нихъ избраны на 1891 годъ: предсѣдателемъ — Г. К. Градовскій, секретаремъ — А. А. Тихоновъ (Луговой) и казначеемъ—И. Ф. Василевскій.

Дѣйствія кассы открыты съ 5-го мая текущаго 1891 г., и съ того же дня вступаютъ въ силу какъ права, такъ и обязанности всѣхъ наличныхъ членовъ кассы, т. е. тѣхъ лицъ, которые занесены въ списокъ учредителей ея и уплатили хотя одну треть вступного взноса.

Члены кассы, не уплатившіе еще своего вступного взноса (въ тройномъ размѣрѣ избраннаго ими разряда платежей, § 3 устава), обязаны внести таковой полностью или частями, въ послѣднемъ случаѣ—не менѣе одной трети должно быть уплачено къ 1-му іюля, а остальныя двѣ трети не позже, какъ къ 1-му октября текущаго года.

Тѣ изъ членовъ кассы, которые полностью или вовсе не уплотятъ причитающихся съ нихъ вступныхъ взносовъ къ 1-му октября текущаго года, будутъ считаться выбывшими изъ числа участниковъ кассы, согласно § 23-го устава.

Находящіеся въ С.-Петербургѣ члены кассы могутъ производить причитающіеся съ нихъ денежные взносы въ конторахъ газетъ: «Новаго Времени» (Невскій пр., № 38) и «Новости» (Невскій, № 10). Для пріема этихъ взносовъ въ означенныхъ мѣстахъ будутъ находиться особыя, выданныя правленіемъ кассы книги. Иногородная же денежная корреспонденція, какъ и вообще всѣ письма и заявленія на имя кассы взаимопомощи, адресуются: въ Спб., предсѣдателю кассы взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ Г. К. Градовскому (Бассейная, 20, кв. 14). Для полученія, въ случаѣ желанія, квитанцій и отвѣтовъ гг. члены должны представлять и присылать въ кассу надлежащія гербовыя и почтовыя марки.

Гг. члены кассы приглашаются доставить въ правленіе требуемыя § 10 устава заявленія о томъ, кого они назначаютъ въ качествѣ получателей причитающихся имъ изъ кассы суммъ (Форма заявленій будетъ разослана гг. членамъ).

Пріемъ новыхъ членовъ производится согласно уставу, для чего лица, имѣющія право быть участниками кассы, должны присылать свои заявленія въ правленіе кассы. Въ заявленіяхъ этихъ, на основаніи § 20 устава, слѣдуетъ указать: данныя о литературной или ученой дѣятельности (буде таковыя не общеизвѣстны), возрастъ заявителя, разрядъ избираемыхъ имъ

платежей, порядокъ ихъ взноса и адресъ. Лица, желающія быть принятыми въ число членовъ кассы съ будущаго года, должны доставить свои заявленія не позже 1-го октября текущаго года.

† 6-го апрѣля старѣйшая камеръ-фрейлина графиня **Антонина Дмитріевна Блудова**, родилась въ 1812 г., въ Стокгольмѣ, гдѣ ея отецъ, графъ Д. Н. Блудовъ, служилъ совѣтникомъ въ русскомъ посольствѣ, мать была рожденная княжна Щербатова. Графиня получила блестящее домашнее воспитаніе Лучшіе профессора были ея преподавателями, а отецъ ея, впослѣдствіи извѣстный государственный дѣятель, самъ занимался съ нею русскою исторіею. По возвращеніи въ Россію, молодая графиня вращалась въ литературномъ кругу (Блудовъ былъ членъ арзамасскаго общества). Занятія литературою развили въ графинѣ литературный талантъ, съ которымъ и написаны ею интересныя воспоминанія въ журналахъ «Заря» и «Русскомъ Архивѣ» и дѣтскія повѣсти въ журналѣ «Семейные вечера». Свидѣтельница многихъ замѣчательныхъ историческихъ событій, она описывала тридцатые и сороковые года и многихъ замѣчательныхъ людей того времени (г-жа Сталь, Метернихъ, Каподистрія). Очень много ея статей помѣщено въ духовномъ журналѣ «Странникъ». Ею также издана книга для чтенія по русской исторіи. Графиня была очень религіозная женщина. Ей обязана Волынь устройствомъ тамъ православныхъ школъ и церквей, ею же тамъ устроено Острожское Кирилло-Меѳодіевское православное братство. Принадлежа къ высшему обществу, покойная молодою дѣвицею была сдѣлана фрейлиной, а 17-го апрѣля 1863 г. получила званіе камеръ-фрейлины.

† Апрѣля 12-го дня, послѣ продолжительной болѣзни, писатель **Николай Васильевичъ Шелгуновъ**, шестидесятишести лѣтъ. Въ литературѣ онъ работалъ болѣе тридцати лѣтъ и, какъ публицистъ и журналистъ, пользовался извѣстностью, хотя не обладалъ обширной ученостью или оригинальнымъ талантомъ. Родился онъ въ 1825 г., воспитывался въ Лѣсномъ Институтѣ, а затѣмъ, въ теченіе девяти лѣтъ состоялъ при Лѣсномъ Департаментѣ таксаторомъ, странствуя для лѣсоустройства и въ костромскихъ лѣсахъ, и по Волгѣ, и въ Бѣлоруссіи съ Литвой, проживая лѣтомъ по деревнямъ, а зимой въ Петербургѣ. Этотъ періодъ былъ для него хорошей школой, знакомя съ народомъ и страною. Въ это время, говоритъ о себѣ Шелгуновъ: «я началъ писать, но статьи по своей спеціальности, которыя однако находили себѣ мѣсто въ изданіяхъ чисто литературныхъ. Началъ я въ «Сынѣ Отечества» Масальскаго, затѣмъ въ 1845 г. я помѣстилъ рядъ статей по лѣсоводству въ «Библіотекѣ для чтенія» Дерикера». Въ 1849 г. Шелгуновъ былъ посланъ въ Симбирскую губернію для устройства одной изъ ея лѣсныхъ дачъ, а въ слѣдующемъ году—въ Самарскій край, гдѣ надлежало выселить калмыковъ въ степь, а земли ихъ взять въ казну. Тотчасъ послѣ севастопольской войны Шелгунову предложили профессорствовать въ Лисинскомъ училищѣ, но онъ не считалъ себя достаточно къ этому подготовленнымъ и выпросилъ командировку за границу. По возвращеніи изъ-за границы Шелгуновъ профессорствовалъ въ Лисинскомъ училищѣ, но не долго. Муравьевъ, принявшій въ свое управленіе Лѣсной Департаментъ, вызвалъ Шелгунова изъ Лисина къ себѣ въ Петербургъ и, предложилъ ему отправиться съ собою ревизовать Россію по тремъ вѣдомствамъ: государственныхъ имуществъ, удѣловъ и межевой части. Не смотря на повышенія по службѣ, (въ 1857 г. Шелгуновъ былъ уже начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ), онъ тяготился службою при Муравьевѣ и послѣдній это хорошо понималъ. Въ 1859 г. въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Русскаго Слова», Шелгуновъ помѣстилъ статью о русскомъ лѣсоводствѣ, подъ заглавіемъ: «Одна изъ административныхъ кастъ». Эта статья, говоритъ ея авторъ, была его лебединой пѣснею въ лѣсоводствѣ и первою статьей, съ которой онъ вступилъ въ общую журналистику. Но удаленію Николая Васильевича съ государственной службы наиболѣе способствовалъ Муравьевъ, поручивъ Шелгунову составить проектъ

измѣненій VIII тома лѣснаго устава и проектъ новаго устава. Когда послѣдній представилъ свою работу, то Муравьевъ велѣлъ разсматривать проекты «по частямъ» и вся работа Шелгунова оказалась погребенной въ долгомъ ящикѣ Лѣснаго Департамента. Чтобы найти нравственное удовлетвореніе за свой трудъ и извлечь его, такъ сказать, изъ секрета, Шелгуновъ просилъ А. А. Зеленаго разрѣшить ему напечатать объяснительную записку къ проекту. Получивъ разрѣшеніе и озаглавивъ статью «Матеріалы для лѣсного устава», онъ напечаталъ ее въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» Н. В. Калачова за 1861 г. и въ томъ же году напечаталъ другія статьи о лѣсныхъ законахъ въ Западной Европѣ. «Это, говоритъ г. Шелгуновъ,—было точкой, которую я поставилъ моей служебной дѣятельности, а въ мартѣ 1862 года я оставилъ и совсѣмъ правительственную службу». Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя всецѣло русской литературѣ, касаясь въ ней самыхъ разнообразныхъ вопросовъ русской и европейской жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ его интересовали и болѣе ученыя темы о томъ, какую роль играютъ въ прогрессѣ: знанія, чувства, политическія учрежденія, экономическіе факты, личности и массы и т. д. Положимъ, что въ рѣшеніи этихъ сложныхъ задачъ Н. В. былъ всегда доброжелателенъ къ людямъ; но ему ни хватало ни научныхъ свѣдѣній, ни тонкаго ума, ни блестящаго таланта, чтобы рѣшить какую-либо задачу за-ново, подвинуть вопросъ хоть на вершокъ впередъ или переработать его такъ, чтобы чужія мысли казались бы его собственными. Поэтому въ исторіи литературы онъ едва ли займетъ какое-либо мѣсто и сочиненія его, можетъ быть, будутъ уважать, но не читать... Какъ литературный критикъ онъ былъ еще болѣе слабъ, и его отзывы о Л. Н. Толстомъ (ст. «Философія застоя»), о Гончаровѣ («Талантливая безталанность»), о Писемскомъ, Лѣсковѣ и другихъ крупныхъ художникахъ, свидѣтельствуютъ о полномъ безвкусіи покойнаго критика. Но такъ какъ даже въ своихъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, Шелгуновъ былъ проникнутъ всегда чистыми намѣреніями, то эта нравственная сторона его литературной дѣятельности дѣлаетъ его весьма симпатичнымъ, и объясняетъ преувеличенное поклоненіе его памяти, преимущественно, въ молодомъ поколѣніи...

† 25-го апрѣля одинъ изъ видныхъ театральныхъ дѣятелей **Николай Ивановичъ Куликовъ** въ глубоко преклонномъ возрастѣ. Воспитанникъ театральнаго училища, онъ въ началѣ служилъ актеромъ, не выдаваясь сценическими способностями, но затѣмъ призванъ былъ на должность режиссера русской драматической труппы и много содѣйствовалъ успѣхамъ сцены въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Онъ хорошо владѣлъ стихомъ, писалъ много остроумныхъ пародій и эпиграммъ. Въ 1843 году издалъ съ Некрасовымъ «Статейки въ стихахъ», гдѣ помѣстилъ ѣдкое стихотвореніе о взяткахъ. Его передѣлка пушкинскихъ «Братьевъ разбойниковъ» въ поэму «Братья журналисты» (Гречъ и Булгаринъ) очень зла и остроумна. Въ его «Запискахъ» много дѣльныхъ замѣтокъ о театрѣ. Имъ написана масса пьесъ и въ стихахъ и въ прозѣ, какъ переводныхъ, заимствованныхъ, такъ и оригинальныхъ. Изъ заимствованныхъ выдается драма «Станціонный смотритель», изъ переводныхъ (стихами) комедія Ожье «Минутное заблужденіе», изъ оригинельныхъ драма «Актеръ Яковлевъ». Имъ написана и передѣлана цѣлая серія остроумныхъ водевилей, изъ которыхъ «Цыганка», «Которая изъ двухъ», «Осенній вечеръ въ деревнѣ» «Ворона въ павлиныхъ перьяхъ», «Скандалъ въ благородномъ семействѣ» и др. не сходятъ съ репертуара. Н. И. Куликовъ болѣлъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и не владѣлъ ногами болѣе сорока лѣтъ.

† 26-го апрѣля въ Лондонѣ **Елена Петровна Блаватская**, извѣстая въ литературѣ подъ псевдонимомъ «Радда-Бай». Е. П. была неутомимой путешественницей. Картинныя, богатыя красками описанія этихъ путешествій и создали ей извѣстность. Первыя путешествія совершены были ею въ пятидесятыхъ годахъ. Посѣщенія разныхъ странъ Европы, странствованія по

Турціи и Египту дали ей разнообразный матеріалъ. Въ семидесятыхъ годахъ покойная прожила довольно продолжительное время въ Америкѣ, сдѣлавшись большой поклонницей американскихъ нравовъ и привычекъ. Поддавшись ихъ вліянію, она сохранила затѣмъ отпечатокъ американской дѣловитости и энергіи на всю жизнь. Первый печатный трудъ г-жи Блаватской («Isis Unveiled») появился лѣтъ пятнадцать тому назадъ; вслѣдъ затѣмъ лѣтъ пять и года два назадъ появились два другихъ капитальныхъ труда на англійскомъ языкѣ. Е. П. скончалась шестидесяти лѣтъ, но до послѣднихъ дней жизни сохраняла почти юношескую энергію, всѣмъ интересовалась и работала съ увлеченіемъ. Жизнь ея сложившаяся совсѣмъ особеннымъ образомъ, была полна перемѣнъ. Уроженка юга Россіи (Е. П. родилась въ 1831 г. въ Екатеринославѣ), она по своей живой, увлекающейся натурѣ не могла довольствоваться спокойною жизнью; жажда новыхъ впечатлѣній, перемѣны мѣстъ, всегда волновала ее. Первымъ толчкомъ къ путешествіямъ было чтеніе Е. П. Блаватскою описаній Индіи. Эти описанія сильно увлекли тогда еще совсѣмъ молодую женщину. Во всѣхъ ея путешествіяхъ и въ особенности въ двухкратномъ путешествіи по Америкѣ сказывалась большая доза безстрашія. Этимъ же безстрашіемъ покойная возбудила большой интересъ къ своей, сопряженной съ рискомъ, поѣздкѣ въ Центральную Азію—въ область Тибета. Трудно перечислить всѣ экскурсіи покойной. Легче опредѣлить, гдѣ она не была въ теченіе своей сорокалѣтней дѣятельности, чѣмъ подвести итогъ массѣ ея путешествій. Западная Европа, Сѣверная Африка, Южная и Центральная Азія—вотъ страны, которыхъ въ большей или меньшей степени коснулись многочисленные маршруты покойной. Во время этихъ скитаній она счастливо избѣгала разныхъ бѣдъ и опасностей, которымъ не одинъ разъ подвергалась и на сушѣ, и на водѣ, испытавъ, между прочимъ, морскую аварію. Лѣтъ пятнадцать назадъ Е. П. Блаватская стала во главѣ основаннаго ею въ Америкѣ Общества теозофистовъ и издавала при этомъ Обществѣ спеціальный журналъ. Года четыре назадъ покойная перебралась на жительство въ Лондонъ. Хотя Е. П. Блаватская очень много писала на англійскомъ языкѣ, но участіе ея и въ русской журналистикѣ также значительно.

† 29-го апрѣля, въ Ригѣ професоръ **Лудольфъ Борисовичъ Дорнъ**, сынъ извѣстнаго оріенталиста. Онъ родился въ Петербургѣ, въ 1840 г., образованіе получилъ въ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра, откуда поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета. По окончаніи курса со степенью кандидата, отправленъ въ 1861 г. за границу для подготовленія къ професорской дѣятельности. Возвратившись изъ непродолжительнаго путешествія, въ качествѣ адъюнкта, началъ читать лекціи по каѳедрѣ римскаго права. Едва успѣлъ Л. Б. прочесть нѣсколько лекцій, какъ послѣдовало закрытіе университета (въ 1862 г.), и покойный одновременно съ Д. И. Мендѣлеевымъ, Н. Н. Соколовымъ и А. Н. Астафьевымъ былъ командированъ за границу для занятій римскимъ и французскимъ гражданскимъ правомъ въ Гейдельбергѣ и Парижѣ. Съ преобразованіемъ университета Дорнъ сталъ читать лекціи на вновь открытомъ юридическомъ факультетѣ сперва по исторіи римскаго права, затѣмъ о догматической части этого права. Въ своихъ лекціяхъ покойный ограничивался изложеніемъ такъ называемой внѣшней исторіи римскаго права и исторіей государственнаго устройства, а изъ внутренней исторіи частнаго права только отдѣломъ de juri personarum. Онъ постоянно доказывалъ своимъ слушателямъ, что римское право должно служить въ Россіи только исключительно для развитія юридическаго мышленія.

† Въ послѣднихъ числахъ апрѣля въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Дагестанской области, въ преклонныхъ лѣтахъ отставной штаб-лекарь **Иванъ Семеновичъ Костемеревскій**, кореспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» и другихъ газетъ изъ Прикаспійскаго края и сотрудникъ многихъ изданій Кавказскаго

края. Происходя изъ духовнаго званія, Костемеревскій родился 26-го сентября 1813 г. и по окончаніи курса въ семинаріи поступилъ въ московскую медико хирургическую академію, изъ которой выпущенъ лекаремъ и, какъ казеннокоштный воспитанникъ, назначенъ врачемъ въ Бѣлевскій егерскій полкъ въ 1840 г. Черезъ шесть лѣтъ онъ выдержалъ въ Московскомъ университетѣ экзаменъ на званіе штаб-лекаря и въ томъ же году зачисленъ въ отдѣленіе кавказскаго корпуса, а въ 1852 въ Дагестанскій ирегулярный полкъ. Съ этого времени онъ началъ изучать природу, климатъ и топографію разныхъ мѣстностей Кавказа и помѣщать свои статьи въ «Кавказѣ», «Сѣверной Пчелѣ», «Москвитянинѣ» и другихъ изданіяхъ. Онъ получилъ мѣсто старшаго врача Казикумухскаго округа въ 1867 г., а черезъ годъ вышелъ въ отставку. Съ конца шестидесятыхъ годовъ онъ сдѣлался усерднымъ кореспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ помѣстилъ много статей подъ общимъ заглавіемъ: «Съ береговъ Каспія» и цѣлый рядъ писемъ «О нашихъ дѣлахъ въ Средней Азіи», обратившихъ на себя въ то время большое вниманіе. Кромѣ того, онъ продолжалъ помѣщать обстоятельные этнографическіе очерки въ газетѣ «Кавказъ», а также печаталъ статьи по минералогіи и другія въ «Извѣстіяхъ кавказскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ портрету поэта К. Н. Батюшкова.

Прилагая къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» портретъ поэта Константина Николаевича Батюшкова, воспроизведенный въ гравюрѣ на деревѣ художникомъ В. В. Матэ и впервые появляющійся въ печати, считаемъ не лишнимъ сообщить свѣдѣнія объ оригиналѣ, доставленныя намъ М. И. Городецкимъ.

Оригиналъ воспроизводимаго портрета рисованъ акварелью въ Вологдѣ, года за два или за три до смерти поэта Батюшкова († 17-го іюля 1855 г.) неизвѣстнымъ художникомъ. Поэтъ изображенъ въ темно-синемъ жилетѣ и черномъ сюртукѣ, въ петлицѣ котораго вставлена незабудка; на креслѣ красная обивка; глаза у поэта строгіе, но осмысленные, а въ мускулахъ лица удержаны слѣды того душевнаго недуга, которому поэтъ былъ подверженъ нѣсколько лѣтъ и который свелъ его въ могилу. Портретъ былъ рисованъ съ дозволенія самого Батюшкова, но онъ согласился на то лишь при условіи, чтобы портретъ былъ снятъ съ цвѣткомъ въ бутоньеркѣ. Оригиналъ принадлежалъ сестрѣ поэта Варварѣ Николаевнѣ Соколовой; отъ нея онъ перешелъ къ племяннику ея Григорію Абрамовичу Гревеницу; послѣдній подарилъ его дядѣ своему, родному брату поэта, Помпею Николаевичу Батюшкову, у котораго онъ нынѣ находится.

Съ этого оригинала сдѣлана, нѣсколько въ увеличенномъ видѣ, живописная копія, также неизвѣстнымъ художникомъ. Копія эта принадлежитъ П. Н. Батюшкову.

О портретахъ К. Н. Батюшкова намъ доставлена К. Н. Макаровымъ слѣдующая замѣтка, дополненная и отчасти исправленная М. И. Городецкимъ.

Изъ числа портретовъ поэта К. Н. Батюшкова только нѣкоторые могутъ быть названы портретами въ строгомъ смыслѣ этого слова, остальные—лишь легкіе наброски, безъ тѣни, въ однихъ контурахъ.

1) Первый портретъ Батюшкова писанъ знаменитымъ художникомъ О. А. Кипренскимъ. О подлинникѣ свѣдѣній нѣтъ; но въ письмѣ къ сестрѣ, отъ 1-го мая 1812 года, поэтъ пишетъ:

«Я на сихъ дняхъ сдѣлалъ глупую издержку: ты никогда не угадаешь, на что я бросилъ сто рублей: на мой портретъ, нарисованный карандашемъ однимъ изъ лучшихъ здѣшнихъ художниковъ. Я тебѣ оный пришлю съ первой удобной оказіей. Онъ очень похожъ и очень хорошо нарисованъ. Это первая глупая издержка съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, и совѣсть мнѣ ее прощаетъ затѣмъ, что она для тебя сдѣлана». (Сочиненія изд. 4-е, 1886 г., III томъ, стр. 181).

Не объ этомъ ли изображеніи и идетъ рѣчь?

Снимки:

a) Гравюра И. Ческаго, вправо, въ овалѣ, по бокамъ котораго надписи: слѣва «рис. О. Кипренскій» и справа «грав. И. Ческій», а подъ портретомъ курсивомъ напечатано: «К. Н. Батюшковъ». Поэтъ здѣсь изображенъ съ лицомъ старымъ, расплывшимся и искаженнымъ. Гравюра эта составляетъ большую рѣдкость. Съ нея есть двѣ фототипическія копіи: въ первомъ томѣ «Подробнаго словаря русскихъ гравированныхъ портретовъ» Ровинскаго. Спб. 1887 г. и въ книгѣ Загарина «В. А. Жуковскій», М. 1883 г.

b) Гравюра Галактіонова, исполненная пунктиромъ, въ I томѣ сочиненій Батюшкова. Спб. 1834 г. Гравюра сдѣлана, вѣроятно, непосредственно съ оригинала, такъ какъ на ней лицо поэта поразительно похоже съ лучшимъ изъ портретомъ, съ № 2 (см. ниже). Батюшковъ одѣтъ въ черномъ сюртукѣ, съ двумя жилетами: бѣломъ крапинками и темномъ; шея обвязана галстукомъ. Лицо красивое, полное, съ курчавыми волосами; по бокамъ гравюры надписи: слѣва «рис. О. Кипренскій» и справа «грав. Галактіоновъ», подъ портретомъ печатными буквами «Константинъ Николаевичъ Батюшковъ»

c) Литографія съ гравюры Галактіонова во второмъ томѣ мюнстеровской галлереи, съ автографическою подписью; съ нея сняты фотографическія карточки фотографами: Александровскимъ (въ Москвѣ) и Везенбергомъ (въ Петербургѣ).

d) Гравюра-миніатюръ Л. А. Сѣрякова, помѣщенная въ книгѣ П. Н. Полевого «Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ», изд. 1 Спб. 1872, стр. 506.

e) Гравюра въ журналѣ «Нива» 1878 г., № 39.

f) Фотоцинкографія въ журналѣ «Звѣзда» 1887 г., № 20.

---

2) Второй портретъ, наиболѣе схожій, также работы Кипренскаго; онъ нарисованъ чернымъ карандашемъ въ 1815 году въ Петербургѣ. Оригиналъ принадлежалъ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой, урожденной баронессѣ Колокольцевой, супругѣ извѣстнаго Мих. Никит. Муравьева, который былъ роднымъ дядей поэту Батюшкову; отъ Муравьевой оригиналъ Кипренскаго перешелъ къ П. Н. Батюшкову, у котораго онъ нынѣ находится. На портретѣ Батюшковъ представленъ сидящимъ въ креслѣ, у стола, облокотясь на него лѣвой рукой. Лицо въ полупрофиль, влѣво, съ напущенными слегка вьющимися волосами и мягкимъ мечтательнымъ взглядомъ. На поэтѣ растегнутый военный сюртукъ.

Снимки:

a) Литографія пятидесятыхъ годовъ, кажется, никогда не бывшая въ продажѣ.

b) Гравюра на мѣди академика И. П. Пожалостина 1883 года, отпечатанная въ Парижѣ, приложена къ первому тому сочиненій Батюшкова. Спб. 1887 г., съ автогр. подписью «Константинъ Батюшковъ». На первыхъ оттискахъ портретъ-замѣтка Помпея Николаевича Батюшкова, въ шубѣ и шапкѣ.

c) Fac-simile этой гравюры, исполненное посредствомъ перевода на камень въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, приложено къ майской книжкѣ «Русской Старины» за 1887 годъ (томъ LIV), съ невѣрнымъ указаніемъ на оберткѣ книжки, что это—гравюра на мѣди.

d) Фототипія съ гравюры въ 14-мъ выпускѣ изданной г. Суворинымъ «Русской портретной галлереи» съ подписью.

e) Fac-simile гравюры Пожалостина въ № 21 «Всемірной Иллюстраціи» 1887 г. съ подписью.

f) Фототипія въ первомъ томѣ «Словаря» Ровинскаго. Спб. 1887 г. съ подписью.

h) Литографія Штадлера и Паттинота, приложенная къ пятому изданію сочиненій. Спб. 1887 г. съ подписью.

Батюшковъ очень часто изображалъ самъ себя посредствомъ зеркала и порою весьма удачно. Такихъ собственноручныхъ портретовъ-набросковъ извѣстно 5, но сдѣлано ихъ было, конечно, больше. Вотъ всѣ извѣстные рисунки:

3) Безъ тѣни, влѣво, съ кудрявыми волосами, былъ подаренъ въ 1823 г. уже больнымъ поэтомъ В. А. Жуковскому, который и записалъ на немъ послѣднее стихотвореніе угасавшаго разсудкомъ Батюшкова «Изреченіе Мельхиседека».

Самимъ поэтомъ написаны на портретѣ двѣ фразы вверху надъ головой: «Константинъ Николаевичъ Батюшковъ пріятный стихотворецъ и добрый человѣкъ» и упирающаяся въ правую щеку: «Посмотрите, въ двадцать лѣтъ блѣдность щеки покрываетъ».

Снимокъ съ наброска, исполненный геліогравюрой, во второмъ томѣ сочиненій изд. 1865 г., на одномъ листѣ съ нижеслѣдующимъ (№ 4). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

---

4) Влѣво, въ профиль по грудь былъ сдѣланъ для Е. Г. Пушкиной, нынѣ у П. И. Бартенева.

Снимки:

a) Геліогравюра на одномъ листѣ съ № 3, во второмъ томѣ сочиненій Спб. 1885 г.

b) Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1887 г. гравюра Матэ въ увеличенномъ размѣрѣ.

---

5) Рисованъ Батюшковымъ въ альбомъ С. Д. Пономаревой. Поэтъ представилъ себя въ шляпѣ, съ вьющимися волосами. Г-жа Пономарева находила этотъ портретъ мало сходнымъ. Никогда изданъ не былъ.

---

6) и 7) Набросаны поэтомъ въ письмахъ къ Гнѣдичу, безъ тѣни и крайне небрежно.

Первый (6-й) изображаетъ Батюшкова вправо, по поясъ, верхомъ на лошади; снимокъ въ третьемъ томѣ сочиненій. Спб. 1886 г. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

Второй (7-й) влѣво, въ ростъ, на костыляхъ, рисованъ по выраженію Батюшкова «вмѣсто подписи»; снимокъ также въ третьемъ томѣ. Оригиналъ у М. И. Семевскаго. Онъ повторенъ въ текстѣ стр. 431 пятаго общедоступнаго изданія сочиненій (1887 г.), но въ другую сторону.

---

8) и послѣдній портретъ изображаетъ поэта уже больнымъ, стоящимъ сзади, у окна. Это набросокъ Н. В. Берга, сдѣланный съ натуры въ 1847 году. Литографія съ него въ книгѣ С. П. Шевырева «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь». М. 1850 г.

Есть еще указанія на нѣсколько портретовъ, рисованныхъ Батюшковымъ:

Д. В. Дашковъ въ письмѣ къ неизвѣстному (Батюшковъ, первый томъ, стр. 333) пишетъ, что поэтъ «нарисовалъ нѣсколько собственныхъ своихъ портретовъ въ зеркало и одинъ весьма похожій, который теперь у сестры его».

Въ статьѣ «Чужое мое сокровище» въ замѣткѣ о себѣ поэтъ говоритъ, что «пишетъ свой портретъ перомъ по бумагѣ» (Батюшковъ, 2 т., стр. 350).

У М. П. Погодина находился фантастическій портретъ Батюшкова въ дѣтствѣ и съ темными волосами. Оригиналъ нынѣ принадлежитъ одному изъ сыновей Погодина.

Наконецъ, къ числу наиболѣе удачныхъ портретовъ Батюшкова слѣдуетъ отнести гипсовый бюстъ поэта, исполненный въ натуральную величину въ 1887 году академикомъ П. П. Забѣлло по заказу П. Н. Батюшкова, у котораго онъ и находится. Оригиналомъ для бюста послужилъ карандашный портретъ Кипренскаго.

Съ этого превосходнаго бюста въ томъ же году сдѣлана во Флоренціи скульпторомъ Челлаи (Cellai) точная копія изъ бѣлаго мрамора, заказанная П. Н. Батюшковымъ для Л. Н. Майкова, съ надписью на цоколѣ: «Моему біографу».

II.

По поводу стихотвореній Одынца.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатана статья члена Славянскаго Благотворительнаго Общества, М. И. Городецкаго, подъ заглавіемъ: «Русскія симпатіи въ польской поэзіи». Въ статьѣ этой приведены въ подлинникахъ четыре стихотворенія покойнаго дяди моего польскаго поэта А. Э. Одынца, которыя, по увѣренію автора статьи, до сихъ поръ нигдѣ въ печати не появлялись. Сообщеніе это не вѣрно. Стихотворенія: «Да пріидетъ царствіе Твое» (поэтическое привѣтствіе покойному императору Александру II, какъ будущему освободителю крестьянъ отъ крѣпостной зависимости), переводъ съ славянскаго великопостной молитвы св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего» и переводъ стихотворенія Жуковскаго «Минувшихъ дней очарованье» были напечатаны въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Вильнѣ въ отдѣльномъ, довольно объемистомъ сборникѣ небольшихъ стихотворныхъ произведеній моего дяди и сборникъ этотъ, какъ мнѣ хорошо извѣстно, находился въ продажѣ. Экземпляръ этого сборника подаренъ былъ мнѣ самимъ поэтомъ передъ отъѣздомъ моимъ на службу на Уралъ и до сихъ поръ сохраняется у меня на родинѣ. Если мнѣ не измѣняетъ память, въ томъ же сборникѣ помѣщено было и стихотвореніе, посвященное С. Н. Батюшковой, списанное г. Городецкимъ изъ собранія принадлежащихъ ей автографовъ.

Станиславъ Завадскій.

III.

Къ воспоминаніямъ о Полежаевѣ.

Въ статьѣ «Воспоминанія о Полежаевѣ», напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», при перечисленіи портретовъ поэта вкрались слѣдующія ошибки:

«Альбомъ русскихъ писателей» (Москва, 1860 г.) изданъ не Петромъ Ник. Полевымъ, а его братомъ Никтополіономъ Ник. Полевымъ. Два изданія стихотвореній Полежаева книгопродавца Улитина, а также портреты поэта въ «Звѣздѣ» и «Всемірной иллюстраціи» напечатаны не въ 1886 году, а въ 1888 году.

КНИЖНОЕ ДѢЛО

и

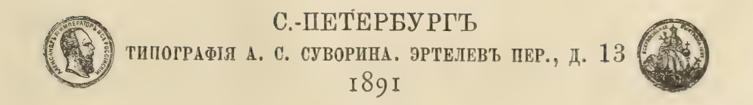
ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ

въ 1890 году

Л. Н. ПАВЛЕНКОВА

(ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1891

I.

Книжное дѣло въ Россіи въ 1890 году.

МЫ ПРИВОДИМЪ здѣсь массу цифръ, сгруппированныхъ въ извѣстной системѣ. Расположенныя по группамъ, цифры эти представляются не бездушною массою чиселъ, а статистическими данными, въ которыхъ можно найти жизненный смыслъ. Вникая же въ этотъ смыслъ и основываясь на немъ, мы получаемъ возможность дѣлать нѣкоторые общіе выводы и заключенія, и высказывать предположенія, будучи увѣренными въ томъ, что они, во всякомъ случаѣ, приблизительно вѣрны, не смотря на могущія быть частныя исключенія. Хотя разработанныя статистическія данныя и могутъ говорить сами за себя, но, все-таки, нѣкоторое поясненіе придаетъ имъ болѣе очевидности, еще болѣе оживляетъ и, такъ сказать, раскрываетъ ихъ внутреннее значеніе.

Этимъ небольшимъ вступленіемъ въ нашъ настоящій обзоръ книжнаго дѣла мы хотимъ только уяснить читателю тотъ взглядъ на наши выводы какъ здѣсь, такъ и въ предыдущихъ двухъ обзорахъ, котораго мы держимся сами и сказать, что онъ основывается исключительно на приведенныхъ данныхъ.

Въ теченіе минувшаго 1890 года вышло въ Россіи, безъ Финляндіи, 8.638 разнаго рода сочиненій, которыя были отпечатаны въ количествѣ 24.988,721 экземпляра; послѣднюю цифру однакожъ нельзя принимать за совершенно согласную съ дѣйствительною, такъ какъ мы не имѣемъ свѣдѣній о количествѣ экземпляровъ для нѣкоторыхъ духовныхъ и медицинскихъ сочиненій, изданныхъ въ Кіевѣ, Тифлисѣ и Харьковѣ.

Изъ общаго числа 8,638 сочиненій было: русскихъ—6,262, въ количествѣ 18.353,126 экземпляровъ и на языкахъ иностранныхъ и инородческихъ—2,376

сочиненій, въ количествѣ 6.635,595 экземляровъ. (Послѣднее число совершенно точное). При сравненіи этихъ данныхъ съ данными за 1889 годъ оказывается, что въ разсматриваемомъ году вышло сочиненій, вообще, менѣе на 61, но въ количествѣ на 208,298 экземпляровъ болѣе; уменьшеніе касается исключительно сочиненій русскихъ, а именно ихъ уменьшилось на 158 и 424,765 экземпляровъ, тогда какъ иностранныхъ увеличилось на 97 сочиненій и 633,063 экземпляра. Всѣ изданныя въ теченіе 1890 года сочиненія по времени выхода ихъ въ свѣтъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Мѣсяцы:	Наименованій.	Количество экземпляровъ.	Въ томъ числѣ не на русск. языкѣ. Наименов.	Экземпляровъ.
Январь	646	1.506,172	165	373,160
Февраль . . .	534	1.103,551	131	282,685
Мартъ	772	1.818,278	185	390,360
Апрѣль	641	1.564,117	178	366,619
Май	741	1.864,372	188	429,005
Іюнь	798	2.246,108	275	866,160
Іюль	625	2.652,772	166	650,910
Августъ . . .	597	2.188,275	177	755,768
Сентябрь . . .	666	2.479,143	164	596,663
Октябрь . . .	670	2.170,002	177	556,137
Ноябрь	764	2.247,283	226	616,320
Декабрь . . .	998	2.384,359	339	735,808

Изъ этой таблицы видно, что въ минувшемъ году хотя и сохранилась прежняя равномѣрность въ количествѣ издаваемыхъ каждый мѣсяцъ сочиненій, но усиленіе издательской дѣятельности началось двумя мѣсяцами ранѣе 1889 года, т. е. съ мая, достигнувъ наибольшаго развитія въ декабрѣ. Конечно обстоятельство это, какъ случайное и отмѣчаемое здѣсь только для полноты свѣдѣній, не имѣло существеннаго значенія для книжнаго рынка и ни мало не измѣнило всегда присущей ему характерности—появленія на немъ, въ опредѣленное время года, большаго или меньшаго количества какого-либо рода сочиненій уже указанныхъ нами въ прежнихъ обзорахъ.

Переходя отъ этихъ общихъ данныхъ къ частнымъ, прежде всего остановимся на сочиненіяхъ, изданныхъ на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ. Хотя группа этихъ изданій не имѣетъ для насъ такого большого интереса, какъ сочиненія на русскомъ языкѣ, тѣмъ не менѣе мы находимъ, что она также не лишена значенія и не только по отношенію къ книжному дѣлу, но и какъ мѣритель умственно-нравственнаго развитія и, пожалуй, политическаго направленія народностей, живущихъ въ нашемъ отечествѣ. Всѣ изданныя въ Россіи въ 1890 году сочиненія этой группы, распредѣляются, въ нисходящемъ порядкѣ, по языкамъ, на которыхъ они были напечатаны, слѣдующимъ образомъ:

	Число сочин.	Количество экземпляровъ.
На польскомъ языкѣ	791	2.081,456
» еврейскомъ »	451	1.124,985

	Число сочин.	Количество экземпляровъ.
» нѣмецкомъ »	341	634,529
» латышскомъ »	215	681,630
» эстонскомъ »	159	729,454
» армянскомъ »	102	167,818
» французскомъ »	76	45,005
» грузинскомъ »	68	113,608
» тюрскомъ »	53	214,340
» латинскомъ »	27	9,410
» арабскомъ »	23	337,100
» арабо-тюрскомъ »	21	380,700
» еврейско-русскомъ »	8	21,650
» польско-русскомъ »	8	12,850
» нѣмецко-русскомъ »	5	3,620
» турецкомъ »	4	7,900
» французско-русскомъ »	3	10,600
» персидскомъ »	3	6,900
» шведскомъ »	3	3,050
» латинско-русскомъ »	3	1,570
» финскомъ »	2	11,000
» французско-нѣмецк. »	1	12,000
» нѣмецко-франц.-русскомъ » . .	1	6,000
» армяно-русскомъ » . .	1	5,000
» греческомъ » . .	1	4,020
» эстонско-русскомъ » . .	1	3,000
» персидско-турецкомъ » . .	1	2,400
» осетинскомъ » . .	1	1,500
» татарскомъ » . .	1	1,200
» латышск-русскомъ » . .	1	1,000
» сартскомъ » . .	1	300
Всего	2,376	6.635,595

Эти данныя говорятъ намъ, во-первыхъ, что въ минувшемъ году, сравнительно съ 1889 годомъ, въ книжной дѣятельности участвовало значительно менѣе народностей, входящихъ въ составъ населенія Россіи и, во-вторыхъ, что хотя въ общемъ число изданныхъ на иностранныхъ языкахъ сочиненій и увеличилось, но это увеличеніе касается преимущественно польской литературы, тогда какъ изданій на другихъ языкахъ, напротивъ, уменьшилось.

Въ 1890 году на книжномъ рынкѣ въ первый разъ появляется книга напечатанная на осетинскомъ языкѣ и притомъ учебная; книга эта была издана въ городѣ Владикавказѣ.

Въ обзорѣ 1889 года мы указывали на значительное увеличеніе сочиненій на тюрскомъ языкѣ, причемъ замѣтили, что среди ихъ впервые появилось беллетристическое произведеніе. Встрѣчая въ 1890 году, у той же народности,

еще большее развитіе литературной дѣятельности, чѣмъ въ предыдущіе годы, можно допустить, что это уже не одна случайность, а скорѣе результатъ все болѣе и болѣе распространяющагося образованія среди тюрскаго населенія и что въ будущемъ, судя по началу, тюрская литература должна занять видное мѣсто. Въ виду этого и первые шаги ея получаютъ для насъ особый интересъ, такъ какъ по нимъ, отчасти, можно предугадывать и дальнѣйшее направленіе.

Сочиненія на тюрскомъ языкѣ печатаются у насъ преимущественно въ городѣ Казани и, какъ указано въ приведенномъ выше перечнѣ, вышло ихъ въ теченіе года 53 отдѣльныхъ изданій. Въ этомъ числѣ было: духовныхъ—21, въ количествѣ 118,400 экземпляровъ; беллетристическихъ—12, въ количествѣ 40 тысячъ экземпляровъ; народныхъ—5, въ количествѣ 16,800, ученыхъ и учебныхъ—9, въ числѣ 29,800 экземпляровъ и справочныхъ—6, въ числѣ 8,840 экземпляровъ. Въ беллетрическихъ сочиненіяхъ находимъ: романъ, повѣсти, разсказы и дѣтскія книги; въ ученыхъ и учебныхъ: медицинскія, юридическія, историко-біографическія (есть одно сочиненіе «Исторія Россіи»), сочиненія по георафіи и проч. Изъ приведенныхъ статистическихъ данныхъ хотя и видно, что, какъ по числу сочиненій, такъ и по количеству экземпляровъ, преимуществуютъ сочиненія доховнаго содержанія, но это не исключительная принадлежность тюрской народности—съ того же начинала литература и у всѣхъ другихъ народовъ, замѣчательно же то, что у тюрокъ она скоро перестала быть односторонней. Кромѣ этого, намъ кажется, что тюрскіе писатели намѣреваются въ такомъ же направленіи дѣйствовать и на литературу другихъ народностей, такъ въ 1890 году мы встрѣчаемъ беллетристическое сочиненіе изданное на арабо-тюрскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ на одномъ арабскомъ до настоящаго времени издаются только сочиненія духовнаго содержанія.

Переходя затѣмъ къ сочиненіямъ, изданнымъ, на языкахъ польскомъ, нѣмецкомъ, еврейскомъ и друг., скажемъ нѣсколько предварительныхъ словъ. Совершенно развившаяся литература, во всемъ своемъ объемѣ, непремѣнно должна носить на себѣ отпечатокъ національнаго характера, а потому въ ней ясно отражаются не только духовно-нравственныя, но и всякія, не исключая и политическихъ, воззренія того народа, которому она принадлежитъ. Это всѣмъ и каждому хорошо извѣстно, но вопросъ заключается въ томъ, можетъ ли цифра, т. е. статистическія данныя, болѣе или менѣе ясно указывать на все это? Мы увѣрены въ томъ, что можетъ, оно и понятно почему: книжный рынокъ долженъ жить и живетъ жизнью общества, онъ долженъ удовлетворять его обыденнымъ интересамъ, его желаніямъ и стремленіямъ въ области изученія, тѣмъ же условіямъ подчиняются и авторы изъ среды этого общества, хотя бы въ силу одного того, чтобы ихъ читали.

Изъ всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, самую крупную литературу имѣютъ поляки и нѣмцы. Что же интересуетъ эти двѣ народности, чѣмъ богата ихъ уже развившаяся литература? Если вы будете искать въ книжной статистикѣ отвѣта на этотъ вопросъ, то получите такой отвѣтъ: все и всѣмъ, кромѣ знакомства и изученія исторіи и жизни ихъ отечества Россіи. Въ самомъ дѣлѣ посмотрите, что говорятъ цифры этой статистики: въ числѣ 791 сочиненія, напечатанныхъ въ 1890 году на польскомъ языкѣ и изданныхъ въ милліонахъ эк-

земпляровъ, находится только одно изданіе, знакомящее съ русскою литературою,—переводъ Лермонтова, но и то отпечатано въ количествѣ 500 экземпляровъ; изъ 341 сочиненія, напечатанныхъ въ томъ же году на нѣмецкомъ языкѣ, только два изданія касаются нашей литературы—переводъ Хемницера, Дмитріева, Измайлова и друг. (вышло въ Петербургѣ въ количествѣ 1200 экземпляровъ) и исторія русской словесности (вышло въ Москвѣ въ числѣ 900 экземпляровъ). Болѣе нѣтъ и не было ранѣе, а между тѣмъ, какъ въ прежніе годы, такъ и въ 1890 году, находимъ на польскомъ языкѣ множество изданій для изученія нѣмецкаго и французскаго языковъ, особенно перваго, переводы беллетристическихъ произведеній съ тѣхъ же языковъ. Въ числѣ польскихъ изданій, касающихся изученія языковъ обращаютъ на себя вниманіе руководства къ изученію языка нѣмецкаго, которыхъ въ прошломъ году вышло 22 и притомъ по удивительно дешевой цѣнѣ—15 копѣекъ. Мы отмѣчаемъ это потому, что не умѣемъ объяснить себѣ, почему, вдругъ, у польскаго населенія появилось такое желаніе или потребность въ изученіи нѣмецкаго языка, такъ какъ поляки, благодаря близости границы и евреямъ, вообще достаточно знакомы съ этимъ языкомъ и если не всѣ говорятъ на немъ, то понимаютъ его? Не пропаганда ли это новыхъ колонизаторовъ нашей Польши?

На замѣчаніе наше о томъ, что польская и нѣмецкая литература совершенно игнорируютъ знакомство съ Россіей, намъ, пожалуй, могутъ возразить, что для этого нѣтъ особой надобности въ изданіи отдѣльныхъ сочиненій, такъ какъ и поляки и нѣмцы, живущіе у насъ, изучаютъ русскую исторію и литературу въ школѣ, а внутреннюю современную жизнь—знаютъ изъ своихъ повременныхъ изданій. Но мы думаемъ, что ни то, ни другое, не можетъ имѣть такого отрицательнаго вліянія на литературу вообще, а напротивъ, скорѣе должно было бы способствовать къ развитію ее въ иномъ, противуположномъ, направленіи, еслибы только существовала къ тому потребность внѣ школы, т. е. въ самомъ обществѣ.

Еврейская литература въ Россіи также значительна и почислу выходящихъ изданій стоитъ даже выше нѣмецкой. Издающіяся на этомъ языкѣ сочиненія касаются и научныхъ предметовъ, но ихъ, сравнительно съ другими, весьма не много, первое же мѣсто принадлежитъ сочиненіямъ духовнаго содержанія, такъ изъ общаго числа 451 сочиненія, вышедшихъ въ 1890 году, послѣднихъ было 236 сочиненій; на второмъ мѣстѣ стоятъ сочиненія беллетристическія—ихъ было 94; въ прошломъ году переведены на еврейскій языкъ басни Крылова, изданныя въ Варшавѣ въ количествѣ одной тысячи экземпляровъ. Что же касается литературной дѣятельности другихъ народностей, то изъ нихъ заслуживаютъ вниманія латыши, эсты, грузины и армяне.

Въ сочиненіяхъ на латышскомъ языкѣ встрѣчается много переводовъ съ русскихъ беллетристическихъ произведеній, а также посвященныхъ изученію русской исторіи и, особенно, русскаго языка. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя не указать на особое изданіе «Писемъ», выходящихъ въ городѣ Митавѣ. «Письма» эти мы встрѣчали въ 1889 году, въ минувшемъ же году вышло ихъ 31 выпускъ, въ числѣ 62,000 экземпляровъ, причемъ два выпуска явились 6-мъ и 8-мъ изданіемъ.

Города Ревель и Дерптъ представляютъ собою центры для изданія сочиненій на эстонскомъ языкѣ. Въ эстонскихъ сочиненіяхъ болѣе всего духовныхъ, беллетристическихъ и книгъ справочнаго содержанія, изданій же касающихся другихъ предметовъ очень мало. Эсты, также какъ и латыши, усердно знакомятся съ русскимъ языкомъ и его литературою. Въ изданіяхъ на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ то же встрѣчаются переводы съ русскихъ сочиненій, учебники для изученія русскаго языка и исторіи и сочиненія по разнымъ отраслямъ знаній, но какъ у армянъ, такъ и грузинъ особенно много изданій беллетристическихъ и особенно мало духовныхъ. Такъ въ 1890 году всѣхъ сочиненій изданныхъ на армянскомъ языкѣ было 102—изъ нихъ беллетристическихъ 56 и духовныхъ только 4, а на грузинскомъ—всѣхъ сочиненій 68 и изъ нихъ: первыхъ—31 и вторыхъ—7. Что же касается изданій на языкахъ восточныхъ народностей, то они пока исключительно духовнаго содержанія.

Въ заключеніе укажемъ еще на то, что въ 1890 году въ первый разъ появляется книга на осетинскомъ языкѣ и особенно увеличивается, сравнительно съ 1889 годомъ, число изданій на французскомъ языкѣ. Послѣднее обстоятельство объясняется устройствомъ тюремной выставки и международнымъ тюремнымъ конгрессомъ, бывшими въ Петербургѣ, такъ какъ большая часть изданій на французскомъ языкѣ посвящена именно этимъ двумъ предметамъ.

Теперь переходимъ къ сочиненіямъ изданнымъ на русскомъ языкѣ. Всѣхъ такихъ сочиненій, какъ мы уже сказали выше, въ 1890 году вышло 6,262, въ количествѣ 18.363,126 экземплярахъ, но не всѣ они появляются на книжномъ рынкѣ впервые, въ числѣ ихъ оказывается 883 сочиненія, выпускаемыхъ 2-мъ, 3-мъ и т. д. тисненіемъ. Если исключить это послѣднее число изъ общаго, то получится собственно новыхъ изданій—5,369, которыя были отпечатаны въ количествѣ 13.134,612 экземпляровъ. Строго говоря и послѣднее число нельзя признать за совершенно вѣрно опредѣляющее количество сочиненій, выходящихъ первымъ тисненіемъ, такъ какъ у насъ не только всѣ беллетристическія произведенія, но даже большинство ученыхъ трудовъ и изслѣдованій, сначала помѣщаются авторами ихъ въ большихъ періодическихъ журналахъ и затѣмъ уже издаются отдѣльными книгами. Такое извлеченіе изъ журналовъ на отдѣльныхъ книгахъ, какъ извѣстно, не обозначается и если встрѣчается, то очень рѣдко и притомъ только на небольшихъ статьяхъ-брошюркахъ; съ такою помѣткою мы насчитали въ 1890 году всего 264 изданія. Конечно порядокъ этотъ особаго значенія не имѣетъ, но вотъ обстоятельство, на которое мы обращаемъ вниманіе библіографовъ. Въ полныхъ біографіяхъ сочинителей или въ посмертныхъ изданіяхъ ихъ сочиненій, а также въ некрологахъ обыкновенно указывается, что вотъ-де такое-то сочиненіе издано въ такомъ-то году, а другое въ томъ-то, а между тѣмъ оказывается, что у насъ входитъ въ обыкновеніе выставлять на изданіи годъ не соотвѣтствующій выходу книги въ свѣтъ. Если бы такая погрѣшность допускалась только для изданій справочнаго характера, напр. календарей, то это было бы понятно, такъ какъ календарь печатающійся и выходящій, напримѣръ, въ 1890 году предназначенъ для 1891 года, но для чего нужно длить новизну изданій такихъ сочиненій какъ историческія, беллетристическія и т. п.—непонятно и тѣмъ болѣе, что интересъ ихъ не обусловливается извѣстнымъ временемъ. Вотъ числовыя данныя объ изданіяхъ 1890 года, помѣченныхъ 1891 годомъ:

Мѣсяцы когда сочиненіе вышло:	Число соч. помѣч. 1891 г.
Въ августѣ	6
» сентябрѣ	26
» октябрѣ	55
» ноябрѣ	103
» декабрѣ	184
Итого	376

Изъ этого общаго числа изданій принадлежало къ отдѣламъ: беллетристическому—79, учебному—61, справочному—22, медицинскому—18, военному—17, историческому—15, юридическому—13, техническому—7, словесности и педагогіи по 6, духовному, естествознанія и искусству по 4 и т. д.; замѣтимъ еще, что нѣкоторыя изъ сочиненій, имѣвшихъ помѣту 1891 года, выходили уже не первымъ изданіемъ. Мы не будемъ называть всѣхъ этихъ изданій, такъ какъ для того пришлось бы сдѣлать очень большой перечень, но для примѣра приводимъ лишь нѣсколько наименованій: «За чьи грѣхи?» Повѣсть изъ временъ бунта Разина. Д. Л. Мордовцева (вышла въ сентябрѣ), «Боевая страда», романъ Немировича-Данченко (вышелъ въ октябрѣ), «Замуравленная царица», романъ Д. Мордовцева, «Ея сіятельство», романъ Ольги Шапиръ, «Москвичка», романъ Вл. Михневича, «Гигіена старческаго возроста» Андре (переводъ), «Обученіе кавалеріи развѣдовательной и строевой службѣ», «Популяризація свода законовъ и счетнаго устава» Езерскаго, «Телефонъ и его примѣненіе» Мейера, «Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми» В. Острогорскаго, «Поиски цѣнныхъ минераловъ» Глубовскаго и проч. и проч.

Теперь распредѣлимъ всѣ изданія, вышедшія въ разсматриваемомъ году, на русскомъ языкѣ по содержанію и, поставивъ ихъ въ нисходящемъ порядкѣ числа сочиненій, получимъ слѣдующій выводъ:

	Число сочин.	Количество экземпляровъ.
Духовно-богословскихъ	881	3.474,842
Справочныхъ	600	2.876,460
Беллетристическихъ	508	1.687,718
Медицинскихъ	474	585,020
Учебныхъ	460	3.190,784
Смѣсь [1])	382	390,472
Драматическихъ	297	82,062
Историческихъ	288	228,477
Юридическихъ	259	332,170
Дѣтскихъ	193	1.423,375
Техническихъ	190	206,087
Военное дѣло	188	261,228
Сельско-хозяйственныхъ	182	289,752
Народныхъ дешевыхъ изданій . . .	158	945,880

[1]) Брошюры, отчеты, протоколы и т. п.

	Число сочин.	Количество экземпляровъ.
Естествознаніе	152	159,388
Политико-экономическихъ	135	63,079
Педагогическихъ	131	143,032
Словесность	100	110,347
Біографическихъ	98	271,268
Географія и путешествія	97	90,345
Языкознаніе	92	205,866
Лубочнымъ изданій	89	717,840
Исторія искусствъ	81	121,005
Философскихъ	43	40,400
Астрономическихъ	41	14,572
Счетоводство	39	56,869
Промышленно-торговыхъ	37	24,685
Математическихъ	34	33,650
Финансовыхъ	18	12,618
Политика и обществен. вопрос. . .	15	13,835
Всего . . .	6,262	18.353,126

При сравненіи данныхъ этой таблицы съ данными за 1889 годъ, окажется наибольшее увеличеніе для слѣдующихъ сочиненій: по естествознанію на 54, народныхъ, дешевыхъ изданій на 53, духовныхъ на 42, драматическихъ и военныхъ на 37 для каждаго, дѣтскихъ на 32, историческихъ и сельско-хозяйственныхъ на 20 сочиненій для каждаго и уменьшеніе для изданій: справочныхъ на 186, учебныхъ на 78, смѣси на 59, математическихъ на 46, по счетоводству на 41, беллетристическихъ на 33, политическихъ на 30 и педагогическихъ на 20.

Представить общую характеристику нашей печати за минувшій годъ, основывая ее на приведенныхъ выше данныхъ, хотя и было бы желательнымъ, но едвали бы она была правдивой. Печать и умственная жизнь общества идутъ рука объ руку, совмѣстно ростутъ и развиваются, первая руководитъ второй и отпечатлѣваетъ въ себѣ ея духовные интересы, но и вторая воздѣйствуетъ на первую. Вся эта внутренная работа конечно не проходитъ безслѣдно, она оставляетъ по себѣ тѣ штрихи, изъ которыхъ, впослѣдствіи возникаетъ совершенно опредѣленный образъ, то, что мы называемъ направленіемъ. Но штрихи эти въ каждый данный моментъ до того тонки и будутъ представляться настолько однообразными, что нуженъ слишкомъ глубокій анализъ, для того, чтобы подмѣтить между ними разницу, характеризировать ихъ и, затѣмъ, дать опредѣленную образность. Такой анализъ не входитъ въ программу нашего труда и при обзорѣ литературной дѣятельности во всемъ ея объемѣ за цѣлый годъ едва ли мыслимъ. Но для того, чтобы болѣе освѣтить тѣ общія статистическія данныя, которыя приводятся въ нашемъ годичномъ обзорѣ относительно изданій вышедшихъ на русскомъ языкѣ, и чтобы дать хотя не большой матеріалъ для желаемой характеристики,—мы остановимся на нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ рубрикахъ сочиненій, разсмотримъ ихъ нѣсколько подробнѣе и укажемъ, если будетъ возможно, на тѣ сочиненія и изданія, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Отдѣлъ духовно-богословскихъ сочиненій всегда занимаетъ первенствующее мѣсто и по числу изданій и по количеству экземпляровъ. Въ 1890 году, какъ показано выше, изданій этихъ было 881 и вышли они въ числѣ почти $3^1/_2$ милліоновъ экземпляровъ, при чемъ многія сочиненія были выпущены 4 и 5-мъ изданіемъ, а нѣкоторыя даже 23-мъ. Наибольшая часть сочиненій этого отдѣла, а именно 179, состоитъ изъ житія святыхъ, напечатанныхъ, преимущественно, въ Москвѣ и Петербургѣ; сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ богословское разсужденіе или духовную философію 158; затѣмъ слѣдуютъ: проповѣди и собесѣдованія—138, духовно-историческія изслѣдованія 113 и, наконецъ, молитвы—80 изданій. Остальное же число, вышедшихъ въ этомъ году, сочиненій заключаетъ въ себѣ описаніе святыхъ мѣстъ, очерки духовно-пастырской дѣятельности и т. п.

Указать въ этомъ отдѣлѣ особо выдающіеся труды мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности, но не можемъ пройти молчаніемъ тѣ изданія, которыя будучи направленными противъ поученій гр. Л. Н. Толстого, возбудили общій интересъ, а именно: «Необходимость внѣшняго богопочитанія»; «Гр. Л. Н. Толстой, его проповѣдь и мнимо-новая вѣра»; «О бракѣ и безбрачіи». Все три сочиненія А. Гусева и «Бесѣда о христіанскомъ супружествѣ противъ Л. Толстого» сочиненіе архіепископа Никанора.

Изданія справочнаго характера составляютъ вторую многочисленную группу; въ 1890 году вышло 600 такихъ изданій. Въ числѣ ихъ главнѣйшимъ образомъ фигурируютъ календари и разные каталоги, тогда какъ изданій болѣе серьезныхъ, имѣющихъ нетолько временное, но и постоянное значеніе, какъ напрмѣръ, энциклопедическій словарь, бываетъ вообще очень мало. Что же касается календарной конкуренціи, то она продолжаетъ рости: въ 1890 году было издано календарей на русскомъ языкѣ 191, въ числѣ 2.064,701 экземпляра, и 230 на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ, въ количествѣ 1.516,870 экземпляровъ, всего слѣдовательно 421 изданіе и 3.581,571 экземпляръ; сравнительно съ 1889 годомъ болѣе на 9 изданій.

Не смотря однако на такое изобиліе календарей, нѣкоторые издатели выпускаютъ ихъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, такъ «Всеобщій Русскій календарь» Сытина, издающійся въ Москвѣ, вышелъ въ 150 тысячахъ экземплярахъ, «Домашній иллюстрированный календарь» В. Губинскаго, въ Петербургѣ, въ 100 тысячахъ экземплярахъ. Въ прошломъ году, между прочимъ, оказалось и нововведеніе: въ Петербургѣ вышло 4 изданія календаря И. Ф. М., не имѣющаго особаго названія, съ приложеніемъ для каждаго изданія либрето оперъ: Риголетто, Травіата, Гугеноты и оперетки Красное солнышко.

Литературный отдѣлъ (романы, повѣсти, драмы, стихи и проч.) по числу вышедшихъ въ 1890 году изданій почти одинаковъ съ 1889 годомъ. Не отказывая этому отдѣлу въ обиліи оригинальныхъ произведеній, нельзя не замѣтить, что онъ также изобилуетъ и переводными сочиненіями, которыхъ въ 1890 году насчитывается болѣе 200 и не особенно щеголяетъ новизною. Въ минувшемъ году закончены изданія сочиненій: Салтыкова, Лѣскова (7600 экземпляровъ) и Григоровича. Вышли сочиненія: Некрасова (5-е изданіе 15,000 экземпляровъ), Одоевскаго (въ Петербургѣ—15,000 и въ Москвѣ—2,400 экземпляровъ), гр.

Ростопчиной (Петербургъ—2,400 экземпляровъ), Измайлова (Москва—5,400 экземпляровъ), Рѣшетникова (Петербургъ, 2 тома 16,000 экземпляровъ), гр. Соллогуба (Петербургъ, 2-е изданіе 15 т. экз.), Афанасьева (Чужбинскаго), разсказы Гнѣдича (Петербургъ 2 т. экз.), Успенскаго (Петербургъ 10 т. экз.), повѣсти Кохановской (Петербургъ, 2 изд., 10 т. экз.), соч. имп. Екатерины II-й (Петербургъ, дешев. изд.) и соч. Лермонтова (Петербургъ, 7-е изд., 32 т. экз.), Сборники стихотвореній: Фета (Москва, 600 экз.), Полонскаго (Петербургъ, 1,220 экз.) и Надсона (Петербургъ, 10-е изд. 6,012 экз.). Отдѣльно напечатаны: «Пошехонская старина» Салтыкова, «Боевая страда» Немировича-Данченко, «За чьи грѣхи» и «Замуревленная царица» Д. Мордовцева, «Ея сіятельство» О. Шапиръ и друг.

Какъ на новинку въ этомъ отдѣлѣ можно указать на появленіе нѣсколькихъ сочиненій на малороссійскомъ языкѣ (17-ть), которыя, исключая 3-хъ, были изданы въ Кіевѣ.

Отдѣлъ историческихъ сочиненій отличается не только обиліемъ оригинальныхъ произведеній, на 288 вышедшихъ въ прошломъ году всего 29 переводныхъ, но и многими интересными изслѣдованіями и изданіями. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: проф. Карѣева—«Польскія реформы XVIII вѣка», Любовича—«Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ», проф. Бильбасова «Исторія Екатерины Второй» (т. 1-й), Татищева—«Изъ прошлаго русской дипломатіи», Пузыревскаго—«Польско-русская война 1831 года», Семенова—«Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II-го», Щербатова—«Жизнь и дѣятельность генералъ-фельдмаршала кн. Паскевича» (т. 2-й), Н. Барсукова—«Жизнь и труды М. П. Погодина (т. 3-й), Лаппа-Данилевскаго—«Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованія», Якушкина—«Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вѣкахъ», Бобровскаго—«Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I-го», проф. Цвѣтаева—«Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія»; «Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина», великаго князя Георгія Михаиловича—«Монеты царствованія императора Николая I-го», Бореніуса—«Акты для выясненія политическаго положенія великаго княжества Финляндскаго», проф. Н. А. Панова—«Акты Московскаго государства» (т. 1-й), проф. Сергѣевича—«Русскія юридическія древности» (т. 1-й), Пыпина—«Исторія русской этнографіи»; «Архивъ кн. Куракина» (т. 1-й); «Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи», Титова—«Расходная книга Патріаршаго Приказа за 1698 и 1699 года»; «Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ (т. 1-й, 1742 и 1743 гг.); «Архивъ кн. Воронцова» (т. 36-й); «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества» (т. 70-й); Иловайскій—«Исторія Россіи» (т. 3-й); Соловьевъ «Исторія Россіи» (4-е изд.) и друг.

Медицинскихъ сочиненій вышло не многимъ болѣе противу 1889 года и въ числѣ ихъ мы насчитали: 74 докторскихъ дисертацій, 76 переводныхъ и 39 небольшихъ брошюрокъ, составляющихъ извлеченія изъ спеціальныхъ журналовъ и газетъ. Наша медицинская наука обогатилась многими трудами, изъ числа которыхъ приводимъ только нѣкоторыя: «Психологія вниманія» проф.

Рибо; «Общая физiологiя души» Герцена; «О псевдо-галлюцинацiяхъ» Кандинскаго; «Лекцiи по судебной психопатологiи» Чижа; «Объ умѣ и методѣ его воспитанiя» Зеленскаго, «О психическихъ разстройствахъ въ дѣтскомъ возростѣ» Эммингауза; «Учебникъ гистологiи и микроскопической анатомiи человѣка» Штера; «Объ излечимости гортанной чахотки» Геринга; «Основы исторiи медицины» Гезера; «Микробы или яды» Никольскаго и много еще другихъ. Кромѣ того, мы встрѣтили 2—3 изданiя посвященныхъ новому открытiю д-ра Коха и одно популярное, предназначенное для народа.

Что касается другихъ спецiальныхъ изданiй, какъ-то по отдѣламъ: педагогическому, техническому, естествознанiя, сельско-хозяйственному, математическому и т. п., то замѣтимъ только, что общее число ихъ, по каждой спецiальности въ отдѣльности, сравнительно съ 1889 годомъ значительно уменьшилось. Ниже мы указываемъ нѣсколько наиболѣе интересныхъ сочиненiй, относящихся къ этимъ отдѣламъ. Уменьшилось также число учебныхъ изданiй. Этотъ послѣднiй отдѣлъ останавливаетъ на себѣ вниманiе тѣмъ, что въ немъ болѣе чѣмъ въ другихъ изданiй старыхъ такъ, на 460 общаго числа вышедшихъ въ 1890 году—239, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, достигли весьма почтенной цифры, напр., «Родное Слово» вышло 86-мъ изданiемъ. Замѣтимъ еще, что въ 1890 году было очень мало учебниковъ, имѣющихъ предметомъ изученiе классическихъ языковъ.

Наша дѣтская литература не можетъ похвалиться ни оригинальностью, ни богатствомъ—она переполнена пустыми сказочками и особенно переводами. Въ числѣ послѣднихъ первенствуютъ занимательныя до увлекательности соч. Жюль Верна.

Сочиненiй этихъ въ теченiе 1890 года было сдѣлано 27 выпусковъ, отпечатанныхъ, въ общей сложности, въ количествѣ 675,000 экземпляровъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ выдержали уже отъ 12 до 26 изданiй.

Дешевыя и лубочныя изданiя. Соединяя здѣсь эти изданiя, мы не думаемъ, однакожъ, сказать тѣмъ, что они однородны и дѣлаемъ это только въ томъ убѣжденiи, что будущность ихъ тѣсно связана другъ съ другомъ. Первый благой починъ А. С. Суворина популяризировать нашихъ писателей посредствомъ дешевыхъ изданiй, дѣятельность фирмы «Посредникъ» и библiотеки школъ должны непремѣнно способствовать развитiю вкуса въ массѣ читателей и тѣмъ самымъ ослабить, пока еще значительную, дѣятельность лубочно-литературнаго московскаго рынка. Конечно, любители лубочной литературы всегда будутъ и никогда не переведутся, но число ихъ постепенно должно будетъ уменьшаться и достигнуть желаемаго минимума. Борьба эта, судя по статистическимъ даннымъ, начинаетъ чувствоваться, какъ намъ кажется, уже и теперь: число лубочныхъ изданiй за послѣднiй трехлѣтнiй перiодъ, съ 1888 по 1891 годъ, остается почти въ одной и той же нормѣ, тогда какъ число дешовыхъ-народныхъ изданiй увеличивается и особенно въ отношенiи количества печатаемыхъ экземпляровъ. Чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятiе о томъ, какого рода произведенiями надѣляетъ своихъ читателей книжный лубочный рынокъ, приводимъ нѣсколько, показавшихся намъ наиболѣе другихъ, интересныхъ названiй сочиненiй этой категорiи: «Невѣста-убiйца или отъ вѣнца въ кандалы. Историческая по-

вѣсть изъ временъ Екатерины II-й.(Можно себѣ представить, какая тамъ исторія!): «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ или приключеніе прекраснаго Іосифа»; «Чудесная сказка о славномъ, удаломъ и непобѣдимомъ богатырѣ Еруспанѣ Лазаровичѣ, супругѣ его прелестной Анастасіи Вахрамѣевнѣ и сынѣ ихъ прекрасномъ, храбромъ и могучемъ витязѣ Еруспанѣ Еруслановичѣ. Съ новыми болѣе достовѣрными и дополнительными приключеніями изъ ихъ жизни, на собраніе коихъ не щадилось ни средствъ, ни силъ» и еще С. Раденъ—«Магическій секретъ всѣхъ заставлять въ себя влюбляться. Для молодыхъ людей и дѣвушекъ. Изучилъ и провѣрилъ многолѣтнимъ опытомъ». Кажется, коментарій не требуется.

Не останавливаясь на прочихъ отдѣлахъ, укажемъ еще нѣсколько сочиненій достойныхъ вниманія, вышедшихъ въ минувшемъ году:

Сборники научнаго характера: «Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всѣми разницами въ отпечаткахъ»—Равинскаго; «Русскія древности» (вып. III-й)—Кандакова и гр. И. Толстого; «Бѣлорусскія древности»—Сементовскаго; «Византійскій альбомъ», собранный гр. Уваровымъ.

Общеобразовательныя, литературно-популярныя изданія: «Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства» (роскошное изданіе А. С. Суворина), «Наши художники» и «Альбомъ русской живописи»—всѣ три составлены Ѳ. Булгаковымъ и «Историческая портретная галлерея» изд. А. С. Суворина. По русской этнографіи: «Очерки изъ исторіи города Перми» и «Пермская старина»—Дмитріева; «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерній въ XVI—XVIII столѣтіяхъ» (2-й т.) — Багалѣя; «Народныя обычаи, обряды, суевѣрія и предразсудки крестьянъ Саратовской губерніи» — Минха; «Казаки, донцы, кубанцы и терцы» — Абаза. По естествознанію: «Естественная исторія насѣкомыхъ» — Холодковскаго; «Популярная зоологическая энциклопедія» — Брандта; «Изъ царства пернатыхъ» — Кайгородова; «Русскій лѣсъ»—Арнольда; «Ключъ къ опредѣленію растеній»—Маевскаго; «Руководство къ плодоводству для практиковъ»—Гоше и друг. По сельскому хозяйству—«О сельскомъ хозяйствѣ»—Кренке. По прикладнымъ знаніямъ: «Химическая технологія»—Вагнера; «Телефонъ и его практическія примѣненія»—соч. Мейера и Приса, переводъ Гилова; «Электрическіе звонки»—Ботонъ. По астрономіи, метеорологіи, физикѣ и химіи: «Звѣздный атласъ для небесныхъ наблюденій»—Мессера; «Предсказаніе погоды»—Даллэ; «Объ отношеніяхъ между свѣтомъ и электричествомъ»—Герца; «Геологическія изслѣдованія въ сѣверномъ Уралѣ»—Федорова и друг.

Заканчивая этимъ наши указанія на болѣе или менѣе достойныя вниманія отдѣльныя сочиненія и изданія, появившіяся въ 1890 году, и переходя затѣмъ къ статистическимъ даннымъ касающимся книжнаго дѣла вообще, мы должны сказать, что указанія эти далеко не полны, но продолжать ихъ мы не будемъ, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста.

Изъ вышеприведеннаго сравненія данныхъ о количествѣ вышедшихъ въ теченіе 1890 года сочиненій и экземпляровъ ихъ съ 1889 годомъ, мы видѣли, что въ минувшемъ году число сочиненій нѣсколько уменьшилось. Существеннаго вліянія на распредѣленіе и распространеніе книгопечатнаго дѣла по городамъ

это уменьшеніе, однакожъ, не имѣло, оно осталось почти такимъ, какимъ было въ 1889 году. Нижеслѣдующая группировка 141 города, въ которыхъ печатались вышедшія въ 1890 году книги, служитъ нагляднымъ подтвержденіемъ вышесказаннаго.

Издано сочиненій.				Число город.	Противъ 1889 г. (+, —)
Отъ	1	до	10	110	—8
»	11	—	20	13	+3
»	21	—	30	4	—3
»	41	—	50	1	—
»	91	—	100	2	—
»	121	—	130	1	—
»	151	—	160	1	—
»	241	—	250	1	—
»	251	—	260	1	—
»	281	—	290	1	—
»	291	—	300	1	—
»	331	—	340	1	—
»	371	—	380	1	—
Свыше		—	1000	1	—
Свыше		—	1700	1	—
Свыше		—	2900	1	—

Сравнительно съ 1889 годомъ число городовъ, въ которыхъ были напечатаны десятки изданій уменьшается и въ то же время увеличивается численность тѣхъ городовъ, гдѣ были изданы сотни разныхъ сочиненій. Но не смотря на то, участіе провинціи въ книжной дѣятельности, въ общемъ, все-таки остается весьма незначительнымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ сдѣлаемъ болѣе подробное распредѣленіе перваго вывода вышеприведенной таблички и тогда получимъ: 44 города, въ которыхъ вышло по одному изданію; 16 городовъ—по 2 изданія; 13 городовъ — по 3 изданія; 9 городовъ—по 4 изданія; 5 городовъ—по 5-ти изданій и т. д. Вслѣдствіе такого безучастія громаднаго большинства провинціальныхъ городовъ въ книжно-издательской дѣятельности и центры ея не многочисленны и не увеличиваются. Это подтверждаетъ намъ слѣдующій ниже выводъ, гдѣ поименованы тѣ 32 города, въ которыхъ было напечатано не менѣе десяти сочиненій; города эти располагаются въ нисходящемъ порядкѣ числа изданныхъ въ нихъ сочиненій.

Города.	Русск. соч.	Иностр. соч.	Всего соч.
Петербургъ	2,766	183	2,949
Москва	1,684	35	1,719
Варшава	56	952	1,008
Казань	278	102	380
Кіевъ	331	8	339
Рига	53	242	295
Одесса	246	40	286
Вильна	62	190	252

Города.	Русск. соч.	Иностр. соч.	Всего соч.
Тифлисъ	114	131	245
Дерптъ	12	141	153
Ревель	15	109	124
Харьковъ	98	—	98
Митава	8	86	94
Черниговъ	41	—	41
Бердичевъ	—	30	30
Новгородъ	28	—	28
Саратовъ	26	1	27
Либава	4	19	23
Петроковъ	2	17	19
Кишиневъ	12	5	17
Люблинъ	1	16	17
Тверь	16	—	16
Воронежъ	15	—	15
Вятка	15	—	15
Житоміръ	7	7	14
Ярославь	14	—	14
Кутаисъ	3	10	13
Ченстоховъ	5	8	13
Курскъ	12	—	12
Тамбовъ	12	—	12
Тула	12	—	12
Могилевъ на Днѣпрѣ . . .	10	—	10

Въ настоящемъ спискѣ встрѣчается нѣсколько городовъ, которыхъ не было въ 1889 году, въ немъ есть нѣкоторое измѣненіе въ порядкѣ слѣдованія одного города за другимъ по числу изданій, но все это, въ столь подвижномъ дѣлѣ какъ книжное, совершенно понятно и въ порядкѣ вещей. Приведенныя данныя, въ связи съ общимъ выводомъ объ участіи городовъ России въ книгопечатаніи, возбуждаютъ болѣе существенный вопросъ: почему производительность нашихъ губернскихъ городовъ въ этомъ отношеніи такъ ничтожна?

Можно, конечно, допустить, что авторъ будетъ скорѣе печатать свое произведеніе тамъ, гдѣ существуютъ болѣе льготныя для того условія, гдѣ это лучше и дешевле, т. е. въ столицахъ, а такъ какъ въ послѣднихъ, да еще въ университетскихъ городахъ, кромѣ того, сосредоточивается болѣе умственныхъ силъ, то остальные губернскіе города остаются какъ бы обездоленными и потому отъ нихъ трудно ожидать большей производительности, чѣмъ она есть. Обездоленными, но вѣдь каждый губернскій городъ ни какое же нибудь захолустье и въ немъ, какъ въ центрѣ извѣстнаго раіона, сосредоточена высшая мѣстная администрація, имѣется по нѣсколько среднихъ и другихъ учебныхъ заведеній, слѣдовательно должны быть и умственныя силы, да и самое типографское искусство въ послѣднее время поставлено на такую ногу, что провинціальныя изданія мало въ чемъ уступаютъ столичнымъ. Между тѣмъ мы видимъ, что даже и въ такомъ губернскомъ, университетскомъ, городѣ какъ Харьковъ число издающихся въ те-

ченіе года русскихъ сочиненій не достигаетъ и ста, въ другихъ же, не университетскихъ, названныхъ въ приведенной таблицѣ, не доходитъ и до половины этого числа, а въ гг. Вологдѣ, Калугѣ и Оренбургѣ вышло по 4 изданія въ каждомъ, въ Витебскѣ, Екатеринославлѣ, Орлѣ, Петрозаводскѣ и Самарѣ—по 3 изданія; въ Пензѣ, Смоленскѣ и Уфѣ—по 2 изданія; въ Каменецъ-Подольскѣ—одно и, наконецъ, въ 10-ти, внутреннихъ, губернскихъ городахъ—ни одного. Но чтобы яснѣе видѣть, какъ мало еще распространено у насъ книгопечатаніе, возьмемъ для этого большій раіонъ, губернію, и посмотримъ въ сколькихъ городахъ каждой изъ нихъ печатались въ 1890 году книги, причемъ не забудемъ, что почти всѣ наши губерніи имѣютъ по одиннадцати уѣздныхъ городовъ, не считая уѣзда губернскаго города, по нѣсколько заштатныхъ и безъуѣздныхъ городовъ и что нѣкоторые изъ этихъ городовъ принадлежатъ къ числу торговыхъ, а потому богатыхъ и благоустроенныхъ.

Вотъ какой выводъ получается при этомъ распредѣленіи:

Губерніи.	Число город. въ котор. печатались книги.	Губерніи.	Чсело город. въ котор. печатались книги.
Лифляндская	8	Ярославская	3
Таврическая	6	Бессарабская	2
Владимірская	5	Вологодская	2
Полтавская	5	Екатеринославская	2
С.-Петербургская	4	Ковенская	2
Саратовская	4	Курская	2
Тамбовская	4	Могилевская	2
Херсонская	4	Московская	2
Войско донское	3	Нижегородская	2
Волынская	3	Новгородская	2
Воронежская	3	Орловская	2
Кіевская	3	Пермская	2
Курляндская	3	Рязанская	2
Петроковская	3	Сувалкская	2
Подольская	3	Эстляндская	2

Затѣмъ въ губерніяхъ: Архангельской, Астраханской, Амурской обл., Варшавской, Виленской, Витебской, Вятской, Гродненской, Забайкальской обл., Иркутской, Казанской, Калишской, Калужской, Ломжинской, Люблинской, Минской, Олонецкой, Оренбургской, Пензенской, Плоцкой, Псковской, Самарской, Самаркандской обл., Смоленской, Симбирской, Сѣдлецкой, Сыръ-Дарьинской обл., Тверской, Тобольской, Томской, Тульской, Уфимской, Харьковской и Черниговской—по одному городу и, наконецъ, во всемъ Кавказскомъ краѣ 14 городовъ.

Такимъ образомъ первенствующей губерніей оказывается Лифляндская, но въ ея городахъ печатаются преимущественно нѣмецкія издадія, въ другихъ же губерніяхъ, даже и въ тѣхъ, гдѣ имѣются университеты, книжное дѣло очень слабо развито.

Распредѣляя напечатанныя въ 1890 году сочиненія на русскомъ языкѣ отдѣльно по городамъ мы видѣли, что наибольшее число ихъ было издано: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Одессѣ и Тифлисѣ, т. е. въ тѣхъ же городахъ, что и въ 1889 году. Теперь посмотримъ сколько и какого рода сочиненій далъ каждый изъ названныхъ городовъ.

Сочиненія.	Въ Петерб.	Въ Москвѣ.	Въ Кіевѣ.	Въ Одессѣ.	Въ Казани.	Въ Тифлис.
Духовныхъ	274	386	58	14	38	2
Справочныхъ	289	105	27	32	54	9
Беллетристическихъ	336	279	48	68	4	10
Медицинскихъ	217	92	31	14	32	9
Учебныхъ	183	145	19	14	8	14
Историческихъ	94	70	28	7	16	4
Юридическихъ	123	35	22	16	12	6
Дѣтскихъ	94	82	4	3	—	—
Техническихъ	118	27	3	7	4	11
Военныхъ	125	11	5	3	11	4
Сельско-хозяйственныхъ	89	50	12	7	5	—
Народно-дешевыхъ	66	67	5	3	5	—
Естествознанія	76	46	9	4	9	—
Политической экономіи	66	13	5	2	11	5
Педагогическихъ	55	29	6	1	12	2
Исторіи словесности	46	16	12	5	7	—
Біографическихъ	56	21	5	3	6	2
Географическихъ	53	17	—	1	6	7
Языкознанія	43	19	5	2	3	4
Лубочныхъ	18	67	4	—	—	—
Исторіи искусствъ	52	15	1	6	2	—
Философскихъ	16	12	5	1	4	—
Астрономическихъ	34	—	—	2	4	1
Счетоводство	28	2	—	1	2	—
Промышленныхъ	19	7	1	1	3	1
Математическихъ	10	8	4	—	3	—
Финансовыхъ	14	3	1	—	—	—
Смѣсь	169	54	10	29	15	23
Политика	3	6	1	—	2	—

Изъ данныхъ этой таблицы особеннаго вниманія заслуживаютъ сочиненія духовнаго содержанія, центромъ изданія которыхъ въ настоящее время является Москва. Такъ какъ то же самое наблюдалось нами и въ минувшіе годы, то мы полагаемъ, что это не случайное явленіе и что Кіевъ въ этомъ отношеніи начинаетъ мало-по-малу утрачивать свое прежнее значеніе; но не только Москва даже и, сравнительно юный, Петербургъ далеко оставилъ за собою, въ этомъ отношеніи, эту нашу старую духовно-просвятительную колыбель; въ Кіевѣ же

теперь печатаются, преимущественно, церковно-славянскія богослужебныя книги. Затѣмъ изъ сравненія данныхъ о числѣ лубочныхъ и народныхъ дешевыхъ изданій вышедшихъ въ Москвѣ въ 1890 и1889 годахъ видимъ, что послѣднія являются довольно серьезной конкуренціей для первыхъ—въ 1889 году число ихъ значительно превосходило народныя изданія, въ минувшемъ же году они уже сравнялись.

Дальнѣйшее сопоставленіе данныхъ 1890 и 1889 гг. показало бы намъ только незначительныя уклоненія въ сторону увеличенія или уменьшенія изданія разныхъ сочиненій, но такъ какъ это обстоятельство не имѣетъ особаго значенія, то мы, не вдаемся въ такую подробность,—скажемъ только, что Петербургъ какъ былъ, такъ, вѣроятно, и останется главнѣйшимъ поставщикомъ русскаго книжнаго рынка.

II.

Періодическая печать.

Разсматривая современное положеніе періодической печати въ Россіи и основываясь на статистическихъ о ней данныхъ, приходится сказать, что не наступило еще то время, когда она могла бы развернуть свою дѣятельность во всю ширь, что время такого развитія ея, быть можетъ, еще въ далекомъ будущемъ, когда образованіе пуститъ глубже свои корни, когда общество разовьется политически на столько, что «газета» станетъ для него ежедневною, насущною, потребностью.

Положимъ и въ настоящее время у насъ ежегодно возникаютъ новыя газеты и журналы съ литературными и литературно-политическими програмами и это обстоятельство казалось бы должно опровергать только-что выраженное мнѣніе, но мы, все-таки, думаемъ, что настящее стремленіе къ размноженію повременной прессы едва ли можно признать дѣйствительно отвѣчающимъ потребности времени.

Обращаясь къ ближайшимъ даннымъ, вы видите, напримѣръ, что въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, съ 1887 по 1891 годъ, у насъ возникло 162 новыхъ періодическихъ изданій, но, въ то же время, и въ тотъ же четырехлѣтній періодъ окончательно прекратилось ихъ 110, не считая тѣхъ, продолжительность существованія которыхъ была обусловлена при самомъ разрѣшеніи изданія; да притомъ еще вопросъ, всѣ ли объявившіяся въ это время изданія дѣйствительно вышли? Какова судьба еще существующихъ новыхъ журналовъ и газетъ мы достовѣрно того не знаемъ, но едва ли много ошибемся, если скажемъ, что нѣкоторые изъ нихъ остаются пока въ пріятномъ ожиданіи подписчиковъ, т. е. фактически не появлялись, другіе же, за весьма малыми и рѣдкими исключеніями, какъ, напримѣръ, журналъ «Учитель-Лингвистъ», вѣроятно влачатъ весьма жалкое существованіе и доживаютъ послѣдніе дни. Конечно, намъ могутъ замѣтить, что это только одно предположеніе, требующее подтвержденія. Такое подтвер-

жденіе, какъ мы думаемъ, даютъ статистическія данныя, касающіяся нѣкоторыхъ изъ тѣхъ 110 изданій, которые уже окончили свое существованіе,—вотъ что они показываютъ намъ:

Число прекрат. изданій.		Продолжительн. изданія.
11-ть		1 годъ
10-ть		2 года
6-ть		3 года
4-е		4 года
3-и		6 лѣтъ
1-но		8 лѣтъ
2-ва		10 лѣтъ
1-но		12 лѣтъ
1-но		13 лѣтъ
1-но		17 лѣтъ
1-но		18 лѣтъ
1-но		21 годъ

Итого 42 изданія; объ остальныхъ 68-ми наши источники не даютъ положительныхъ указаній, а потому мы ихъ опускаемъ. Допустивъ, что тѣ изъ указанныхъ въ перечнѣ одиннацати изданій, которые выходили около десяти и болѣе лѣтъ, прекратились по причинамъ совершенно не зависящимъ отъ спроса на нихъ, все-таки остается еще 31 изданіе, кратковременность существованія которыхъ даетъ полное право заключать, что требованіе на нихъ было настолько ничтожнымъ, что вести дѣло долѣе оказалось положительно невозможнымъ и излишнимъ. Между тѣмъ, казалось бы, какъ не найти читателей для такого числа изданій въ многомилліонномъ населеніи и притомъ еще для такихъ, которые своими программами отвѣчали требованіямъ, какъ людей вообще просвѣщенныхъ, такъ и посвятившихъ себя наукѣ и изученію разныхъ спеціальныхъ знаній?

Кромѣ этого, высказанное нами выше мнѣніе находитъ для себя подтвержденіе и еще въ одномъ обстоятельствѣ, невольно обращающемъ на себя вниманіе, и притомъ такомъ, которое въ дѣлѣ установившимся едва ли можно признать нормальнымъ,—а именно въ безконечной и чуть не ежедневной передачѣ издательскихъ правъ отъ одного лица другому. Издательское дѣло, во всякомъ случаѣ, дѣло чисто коммерческаго характера и потому за него берутся не только тѣ, кто чувствуетъ къ тому, такъ сказать, нравственное влеченіе, желаніе принести своимъ предпріятіемъ общую пользу, но и тѣ, кого влечетъ только пріятная перспектива барышей, все же другое—литературный интересъ, общественная польза и тому подобное,—представляется не понятнымъ, и, пожалуй, даже ненужнымъ. Въ Россіи одно періодическое изданіе приходится болѣе чѣмъ на 160,000 душъ населенія, а съ политическо-литературною программою — одно на 484,000 душъ. Чего же желать лучшаго?—при такихъ условіяхъ для издательской дѣятельности имѣется широкое поле и если бы въ обществѣ дѣйствительно существовала указанная нами потребность въ періодической печати, то были бы и подписчики и самое издательское дѣло не было бы предпріятіемъ на столько рискованнымъ, какъ

теперь, а издатели, кто бы они не были, не стали бы такъ часто и легко поступаться своими правами, какъ это дѣлается поднесь.

Такимъ образомъ, и послѣ сказаннаго, естественно долженъ возникнуть вопросъ: достаточно ли для насъ уже выходящихъ періодическихъ изданій, или же желательно и даже необходимо дальнѣйшее увеличеніе ихъ числа? Желательно— да, но чтобы было необходимо—едва ли.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, искать причину неудачи и кратковременности существованія весьма многихъ журналовъ и газетъ только и исключительно въ неталантливости, или въ неумѣніи редакціи сдѣлать свое изданіе интереснымъ для читателя, нужно поискать ее и въ другомъ мѣстѣ—въ средѣ не только грамотнаго, но и такъ называемаго интелигентнаго общества, интересы котораго періодическая пресса преимущественно и имѣемъ въ виду.

Въ послѣднемъ же отношеніи, оставляя совершенно въ сторонѣ людей только грамотныхъ, мы знаемъ, что и въ интелигентной средѣ существуетъ еще многое множество лицъ, которыхъ совершенно не интересуютъ ни общественные, ни политическія новости и какіе бы то ни было вопросы дня и потому они не имѣютъ никакой потребности въ «газетѣ»—для нихъ совершенно достаточно того, что когда-нибудь, при случаѣ, «скажутъ» другіе. Что же касается среды только грамотной, то искать въ ней большой интересъ къ газетѣ, кажется, еще преждевременно. Но, скажемъ и болѣе того: много ли вообще находится лицъ, посвятившихъ себя какой-нибудь извѣстной спеціальности живо ею интересующихся, слѣдящихъ за постояннымъ ея развитіемъ? Вѣроятно и такихъ не особенно много, такъ какъ въ противномъ случаѣ спеціальныя періодическія изданія, предпринимаемыя частными и притомъ компетентными лицами, нашли бы для себя настолько достаточное число читателей, что могли бы существовать ими, а не прекращать свою дѣятельность по прошествіи года или много двухъ-трехъ лѣтъ; у насъ живутъ только тѣ спеціальные журналы, издателями которыхъ являются или общества или правительственныя учрежденія, т. е. тѣ, существованіе которыхъ обезпечивается не одними подписчиками.

Обращаемся къ даннымъ о періодической печати въ Россіи за минувшій 1890 годъ. Въ теченіе этого года было разрѣшено 36 новыхъ періодическихъ изданій, изъ которыхъ 33 русскихъ, одно—на польскомъ языкѣ, одно—на русско-французскомъ и одно—на русско-польскомъ и другихъ европейскихъ языкахъ; кромѣ того, разрѣшенный въ 1889 году журналъ «Учитель-Лингвистъ» раздѣлился на двѣ самостоятельныя части. Причисляя одну часть этого журнала— «Курсъ второй» къ новымъ изданіямъ, получимъ ихъ 37. Слѣдуетъ замѣтить еще, что въ 1890 году, сравнительно съ предшествующими тремя годами, вышли исключительно изданія на русскомъ языкѣ, тогда какъ на языкахъ иностранныхъ, если не считать соединенныхъ съ русскимъ, было только одно. По программамъ новыя изданія распредѣляются такъ: литературныхъ и литературно-политическихъ—4; педагогическихъ, медицинскихъ, музыкальныхъ и другихъ спеціальностей—21; библіографическихъ—2; духовныхъ — 1; посвященныхъ мѣстной общественной жизни—4; иллюстрированныхъ—3 и справочныхъ—1. Это распредѣленіе по программамъ можно разсматривать какъ приблизительное, потому что программы нашихъ періодическихъ изданій не только отличаются

большимъ разнообразіемъ, но, иногда, даже непонятнымъ смѣшеніемъ, такъ приходится встрѣчать въ изданіяхъ посвященныхъ какому-либо спеціальному предмету, напримѣръ гигіенѣ, беллетристическій отдѣлъ. По времени выхода тѣ же изданія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: издающихся ежедневно—2; нѣсколько разъ въ недѣлю—1, еженедѣльныхъ—8; нѣсколько разъ въ мѣсяцъ—6, ежемѣсячно—13; нѣсколько разъ въ годъ—4 и выходящихъ неопредѣленно—2. По мѣсту изданія: выходящихъ въ С.-Петербургѣ—21; въ Москвѣ—4 и въ провинціальныхъ городахъ—11, а по условіямъ самаго изданія: выходящихъ съ разрѣшенія предварительной цензуры—32 и безъ церзуры—4.

Въ періодическихъ изданіяхъ прежнихъ лѣтъ въ теченіе 1890 года произошли слѣдующія перемѣны: измѣнили первоначальное названіе—13 изданій; расширили или отчасти измѣнили свою прежнюю программу—21 изданіе; получили право издавать особыя приложенія въ видѣ отдѣльныхъ прибавленій или выдавать преміи въ картинахъ—10; получили разрѣшеніе помѣщать рисунки—7 изданій; измѣнили срокъ выхода—13 изданій; измѣнили подписную цѣну—26 и получило разрѣшеніе заграничной подписки—одно изданіе; два журнала соединились въ одинъ; прекратили изданіе приложеній—1; перешло изъ провинціи въ Петербургъ и обратно по одному изданію (журналъ «Благовѣстъ» изъ г. Нѣжина въ Петербургъ и журналъ «По морю и сушѣ» изъ Петербурга въ Кіевъ); объявлены окончательно прекратившимися—30 изданій и, наконецъ, перемѣнились редакторы въ 34 изданіяхъ и издатели въ 42 журналахъ.

Относительно нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ мы дѣлаемъ ниже подробныя указанія.

Къ 1890 году въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, считалось 694 періодическихъ изданія, присоединяя же къ нимъ вновь разрѣшенныя и исключивъ окончательно прекратившіяся, получимъ къ 1-му января 1891 года—712 изданій, которыя выходили въ 109 городахъ.

Слѣдующія ниже данныя показываютъ распредѣленіе этихъ изданій отдѣльно по городамъ, причемъ первая цифра означаетъ общее число ихъ, т. е., правительственныхъ, общественныхъ учрежденій, ученыхъ обществъ и частныя, а вторая—только послѣдніе.

Города:	Общее число.	Частн. издан.	Города:	Общее число.	Частн. издан.
Аренсбургъ	2	2	Владикавказъ	1	—
Архангельскъ	2	—	Владиміръ	3	—
Астрахань	4	2	Вологда	2	—
Баку	3	2	Воронежъ	6	4
Бахчисарай	1	1	Вятка	2	—
Брянскъ	1	1	Гильдингенъ	1	1
Варшава	72	67	Гродно	1	—
Везенбергъ	1	1	Дерптъ	9	9
Верро	1	1	Екатеринбургъ	4	2
Вильна	4	1	Екатеринодаръ	1	—
Витебскъ	1	—	Екатеринославъ	3	1
Владивостокъ	2	—	Елисаветградъ	1	1

Города:	Общее число.	Частн. издан.
Житоміръ	2	1
Ирбитъ	1	1
Иркутскъ	5	1
Казань	10	5
Калишъ	2	1
Калуга	2	—
Каменецъ-Подольскъ	2	—
Карсъ	1	1
Керчъ	2	1
Кишиневъ	3	1
Кіевъ	22	14
Ковно	2	—
Кострома	3	1
Красноярскъ	3	1
Кременецъ	1	—
Кронштадтъ	1	—
Курскъ	4	2
Кутаисъ	3	1
Кѣльцы	2	1
Либава	3	3
Липецкъ	2	2
Лодзь	5	5
Ломжа	1	—
Люблинъ	2	1
Минскъ	3	1
Митава	7	6
Могилевъ	2	—
Москва	77	20
Нарва	1	1
Нахичивань на Д.	1	—
Н. Новгородъ	5	3
Николаевъ	1	1
Новгородъ	2	—
Одесса	21	13
Омскъ	1	—
Орелъ	3	1
Оренбургъ	4	1
Пенза	2	—
Пермь	3	—
Перновъ	1	1
Петрозаводскъ	1	—
Петроковъ	2	1
Плоцкъ	2	—
Полтава	2	—
Почаевъ	1	—
Псковъ	3	1
Пятигорскъ	1	1
Радомъ	2	1
Ревель	8	7
Рига	22	19
Ростовъ на Д.	4	3
Рязань	3	—
Самара	4	2
С.-Петербургъ	212	64
Саратовъ	11	9
Севастополь	1	1
Семипалатинскъ	1	—
Симбирскъ	3	—
Славянскъ	1	1
Смоленскъ	3	1
Ставрополь	3	1
Сувалки	1	—
Сызрань	2	2
Сѣдлецъ	1	—
Таганрогъ	1	1
Тамбовъ	3	—
Ташкентъ	2	1
Тверь	3	1
Тифлисъ	17	16
Тобольскъ	3	—
Томскъ	5	2
Тула	2	—
Уральскъ	1	—
Устюжна	1	1
Уфа	3	1
Феллинъ	3	3
Харьковъ	10	5
Херсонъ	2	—
Царицынъ	1	1
Ченстоховъ	1	1
Черниговъ	4	1
Чита	1	—
Эчміадзинъ	1	1
Ярославль	5	1
Итого	712	337

Разсматривая ближе эти данныя найдемъ, во-первыхъ, что изъ общаго числа періодическихъ изданій менѣе половины принадлежитъ частнымъ лицамъ, во-вторыхъ, что журналистика, также какъ и книгопечатаніе, преимущественно сосредоточивается у насъ въ столицахъ и отчасти въ университетскихъ городахъ и, въ 3-хъ, что большинство названныхъ городовъ далеко не богаты прессою и еще болѣе городовъ—совершенно не имѣющихъ ее; къ этой послѣдней группѣ могутъ быть причислены и тѣ 33 названныхъ здѣсь города, въ которыхъ кромѣ официальныхъ не существуетъ никакихъ другихъ изданій. Каково же собственно положеніе провинціальной прессы—это достаточно извѣстно: отсутствіе частной предпріимчивости изъ боязни ли не встрѣтить нужной поддержки въ обществѣ, или по другимъ причинамъ и жалкое существованіе официальныхъ изданій, не только не обезпеченныхъ въ достаточной степени матеріально, но, и это въ большинствѣ, лишенныхъ дѣятельныхъ руководителей. Все это, конечно, отражается самымъ неблагопріятнымъ образомъ на ея интересѣ и умаляетъ то значеніе, которое должно принадлежать ей по праву. Что же касается прессы столичной, то она, давая мѣсто на своихъ столбцахъ только болѣе крупнымъ событіямъ внутренной жизни, не можетъ совершенно пополнить этого пробѣла, вслѣдствіе чего многочисленныя, хотя и менѣе крупныя, явленія современной мѣстной жизни, ея настоящая обстановка и многое другое, что со временемъ представляло бы богатый историческій матеріалъ, а въ настоящемъ помогало бы самоизученію—исчезаетъ безслѣдно. Въ послѣднее время, правда, стали появляться изданія повременныхъ сборниковъ земскихъ и городскихъ учрежденій, въ которыхъ помѣщаются разнаго рода статистическія, этнографическія и тому подобныя свѣдѣнія, но изданія эти, такъ сказать, слишкомъ тяжелы для того, чтобы широко распространяться въ читающей средѣ, между тѣмъ какъ число провинціальныхъ ежедневныхъ газетъ или ежемѣсячныхъ журналовъ, гдѣ матеріалъ этотъ могъ бы обрабатываться, слишкомъ незначительно—отъ 100—150, считая въ томъ числѣ и губернскія вѣдомости.

Обращаясь къ статистическимъ даннымъ относящимся ко всѣмъ вообще періодическимъ изданіямъ, выходившимъ въ минувшемъ году, и распредѣляя ихъ по программамъ и языкамъ, на которыхъ они печатались, получаемъ слѣдующія выводы:

По программамъ:

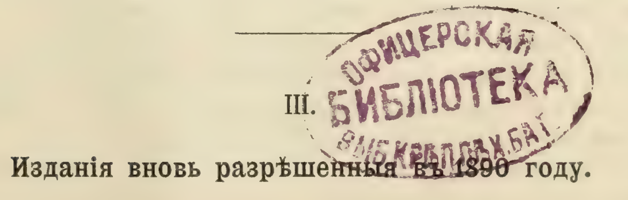
	Число журн.
Литературныхъ и литературно-политическихъ . . .	269
Разныхъ специальностей	231
Духовныхъ	83
Справочныхъ	48
Иллюстрированныхъ	29
Дѣтскихъ	15
Педагогическихъ	18
Юмористическихъ	8
Библіографическихъ	7
Историческихъ	4

По языкамъ, на которыхъ издавались:

	Число журн.
На русскомъ	542
» польскомъ	70
» французскомъ	10
» латышскомъ	8
» армянскомъ	6
» грузинскомъ	5
» еврейскомъ	3
» финскомъ	1
» нѣмецкомъ	47
» эстонскомъ	12
» русско-польскомъ	1
» русско-польско-францускомъ и др.	1
» русско-нѣмецко-латышскомъ	1
» русско-татарскомъ	1
» русско-нѣмецкомъ	1
» русско-французско-нѣмецко-англiйскомъ	2
» русско-французскомъ	1

Сопоставляя между собою эти данныя съ такими же данными за 1889 годъ видимъ, что въ минувшемъ году увеличилось число изданiй спецiальныхъ, иллюстрированныхъ, педагогическихъ и библiографическихъ; въ отношенiи же языковъ, на которыхъ изданiя должны были печататься, преимуществуетъ русскiй языкъ, тогда какъ на другихъ языкахъ, если не считать смѣшанныхъ съ русскимъ языкомъ, появляется только одинъ журналъ на польскомъ языкѣ. Хотя въ теченiе разсматриваемаго года и замѣчается нѣкоторое оживленiе въ провинцiальной журналистикѣ, но Петербургъ, какъ и ранѣе, остается первенствующимъ, только на этотъ разъ его охватываетъ какая-то особая страстность, въ немъ появляется 21 новое перiодическое изданiе. Впрочемъ, въ то же самое время въ немъ же оканчиваютъ свое существованiе 17 изданiй изъ 31 общаго числа прекратившихся.

Ниже слѣдуютъ подробныя свѣдѣнiя, касающiяся перiодическихъ изданiй какъ разрѣшенныхъ въ минувшемъ году, такъ и прежнихъ лѣтъ.

III.

Изданiя вновь разрѣшенныя въ 1890 году.

Приводя подробно программу этихъ изданiй, мы, тѣмъ самымъ, освобождаемъ себя отъ обязанности какъ въ отношенiи общей ихъ характеристики, такъ и критической оцѣнки каждаго изданiя въ отдѣльности,—то и другое при ознакомленiи съ программами сдѣлаетъ самъ читатель.

«Библiографическiй указатель россiйской медицинской литературы». Разрѣшенiе на изданiе этого журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 19-го октября. Журналъ специально библiографическiй на русскомъ, польскомъ, шведскомъ, нѣмецкомъ и другихъ языкахъ; цензурный, выходитъ 4 раза въ годъ; редакт.-изд. надв. сов. Казимiръ Iосифовичъ Змигродскiй. Программа: Заглавiя всѣхъ медицинскихъ книгъ, брошюръ и статей, помѣщенныхъ въ другихъ повременныхъ медицинскихъ изданiяхъ, въ протоколахъ и трудахъ медицинскихъ ученыхъ обществъ, по слѣдующимъ отдѣламъ медицины: анатомiя, гистологiя, физiологiя, физiологическая химiя, антропологiя, патологическая анатомiя и общая патологiя, фармакологiя, фармацiя, общая терапiя; рецептура, физическiе методы леченiя, дiэтическое леченiе, гидротерапiя и бальнеологiя, частная патологiя и терапiя внутреннихъ болѣзней, дiагностика, бактерiологiя и паразитологiя, эпидемiологiя, ларингоскопiя, риноскопiя, зубоврачебная техника, хирургiя, офтальмологiя, отiатрiя, болѣзни мочевыхъ и половыхъ органовъ, акушерство и гинекологiя, дѣтскiя болѣзни, физическое воспитанiе и уходъ за дѣтьми, психiатрiя и нервныя болѣзни, гипнотизмъ, сифилисъ и накожныя болѣзни, гигiена и дiэтетика, судебная медицина и таксикологiя, исторiя медицины и медицинскихъ учрежденiй, врачебный бытъ, земская медицина, медицинская статистика, военная и морская медицина, популярная медицина и ветеринарiя. Въ концѣ года поименный списокъ авторовъ и предметный алфавитный указатель всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ изданiи, а также прилагается французскiй переводъ всѣхъ изданiй. Краткiя рецензiи или рефераты о болѣе выдающихся научныхъ трудахъ.

«Больничная Газета Боткина». Разрѣшенiе на изданiе этой газеты въ Петербургѣ послѣдовало 20-го января. Газета специально-медицинская, еженедѣльная, безцензурная; редакторы-издатели: д. с. с. Владимiръ Iасановичъ Алышевскiй, д. с. с. Нилъ Ивановичъ Соколовъ, к. с. Александръ Аѳанасьевичъ Нечаевъ, н. с. Василiй Николаевичъ Сиротининъ, н. с. Николай Петровичъ Васильевъ и Сергѣй Сергѣевичъ Боткинъ. Программа: 1) Оригинальныя статьи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины по различнымъ отдѣламъ основныхъ медицинскихъ наукъ въ ихъ примѣненiи къ практической медицинѣ; 2) рецензiи книгъ, имѣющихъ прямое отношенiе къ программѣ газеты; 3) отчеты о засѣданiяхъ русскихъ и иностранныхъ медицинскихъ обществъ; 4) обозрѣнiе о выдающихся работахъ изъ русской и иностранной прессы; 5) краткiе отчеты о дѣятельности больницъ; 6) успѣхи терапiи, и 7) мелкiя извѣстiя.

«Ветеринарный Врачъ». Разрѣшенiе на изданiе этого журнала въ городѣ Дерптѣ послѣдовало 5-го марта. Журналъ специально научно-ветеринарный, еженедѣльный, цензурный; издательница жена ассистента Дерптскаго ветеринарнаго института Антонина Карловна Ткаченко, редакторъ Николай Николаевичъ Ткаченко. Программа: 1) Статьи по всѣмъ отраслямъ сравнительной патолiи; 2) статьи, посвященныя клинической ветеринарiи, ветеринарной казуистикѣ, судебно-ветеринарной медицинѣ и эпизоотологiи съ ветеринарной полицiей; 3) статьи по нормальной и патологической анатомiи и гистологiи, физiологiи, фармакологiи и вообще по всѣмъ вопросамъ неклиническихъ ветеринарно-медицинскихъ наукъ; 4) статьи по коннозаводству, скотоводству и

вопросамъ сельско-хозяйственной экономики вообще; 5) рефераты изъ русской и иностранной спеціальной печати; 6) критическія статьи и рецензіи о русскихъ и иностранныхъ книгахъ, касающихся программы журнала; 7) отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ; 8) статьи по бытовымъ вопросамъ врачебно-ветеринарной жизни, исторіи ветеринаріи (преимущественно русской), біографіи и некрологи ветеринарныхъ врачей, а равно выдающихся дѣятелей па поприщѣ медицины; 9) хроника явленій русской и иностранной жизни, имѣющихъ интересъ для ветеринарныхъ врачей, и 10) объявленія.

«Взаимное Страхованіе». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ, какъ самостоятельнаго приложенія къ журналу «Русскій Вѣстникъ Страхованія», послѣдовало 6-го марта. Журналъ посвященъ спеціально страховому дѣлу, ежемѣсячный, цензурный; редакторъ-издатель Владиміръ Лаврентьевъ. Программа: 1) Передовыя статьи по вопросамъ страхового дѣла вообще и обозрѣніе и разработка въ частности отдѣльныхъ его видовъ; 2) правительственныя извѣстія, распоряженія и узаконенія, преимущественно имѣющія соотношеніе съ дѣломъ страхованія; 3) личный составъ и его измѣненія въ представительствѣ страхового дѣла; 4) внутреннія извѣстія и корреспонденціи; 5) хроника. Полный обзоръ и отчеты обо всемъ, что происходитъ въ теченіе мѣсяца въ Россіи и за границей по страхованію отъ огня, страхованію жизни во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, какъ въ русскихъ обществахъ, такъ и въ Россіи, въ агентствахъ иностранныхъ обществъ, страхованіе отъ градобитія, отъ скотскаго падежа, страхованію зеркалъ и стеколъ, страхованію и транспортированію кладей и друг.; 6) народное здравіе, съ извѣстіями о эпидеміи и эпизоотіи и принятыхъ мѣрахъ; 7) статистика: статистистическія данныя касательно дѣла страхованія; 8) научный отдѣлъ: статьи научнаго содержанія, касающіяся дѣла страхованія; 9) иностранныя корреспонденціи; 10) судебный отдѣлъ: краткіе отчеты и резюме о процессахъ, касающихся дѣла страхованія; 11) библіографія: обзоръ страховой литературы; 12) разныя извѣстія; 13) литературный отдѣлъ: повѣсти, разсказы и фельетоны, имѣющіе соотношеніе къ страхованію; 14) за и противъ— отдѣлъ полемическій; 15) почтовый ящикъ, и 16) объявленія и отчеты страховыхъ обществъ.

Указанный выше срокъ выхода этого журнала былъ измѣненъ (съ 19-го марта): вмѣсто одного—два раза въ мѣсяцъ.

«Всемірная Библіотека. Сборникъ переводныхъ романовъ и повѣстей». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 6-го марта. Журналъ литературный, ежемѣсячный, цензурный; редакторъ-издатель дворянинъ Константинъ Михайловичъ Плавинскій. Программа: 1) Романы и повѣсти, исключительно переводные и 2) объявленія.

«Вѣдомости Нахичеванской на-Дону городской думы». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ гор. Нахичевани-на-Дону послѣдовало 5-го марта. Газета эта посвящается спеціально дѣятельности городского общественнаго управленія, еженедѣльная, цензурная; изданіе городской думы подъ редакціей городского головы. Программа: Законоположенія и распоряженія правительства изъ офиціальныхъ источниковъ. Узаконенія и распоряженія правительства, которыя тѣсно касаются обывателей города или имѣютъ близкую связь съ

городовымъ положеніемъ. Распоряженія и извѣщенія правительственныхъ учрежденій. Протоколы засѣданій городской думы и обязательныя для жителей города постановленія. Распоряженія и извѣщенія городской управы; санитарныя свѣдѣнія, извѣстія о мѣстныхъ пожарахъ, несчастныхъ случаяхъ и т. п. происшествіяхъ въ городѣ; свѣдѣнія о подвѣдомственныхъ городской думѣ учрежденіяхъ и мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

«Вѣстникъ Иностранной Литературы». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 16-го ноября. Журналъ беллетристическій, ежемѣсячный, цензурный; издатель купецъ Григорій Ѳомичъ Пантелѣевъ, редакторъ жена к. а. Анна Николаевна Энгельгардтъ. Программа: Иностранные романы, повѣсти и всякаго рода произведенія художественной литературы. Переводы историческихъ разсказовъ, біографій, мемуаровъ и всякаго рода очерковъ по исторіи культуры. Переводы путешествій и всякаго рода географическихъ и нравоописательныхъ очерковъ. Смѣсь, анекдоты, извѣстія, объявленія.

«Вѣстникъ Птицеводства». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 5-го февраля. Журналъ спеціальный, иллюстрированный, ежемѣсячный, цензурный; редакторъ-издатель г. с. Павелъ Николаевичъ Елагинъ. Программа: Оригинальныя и переводныя статьи по всѣмъ отдѣламъ птицеводства: куры, индѣйки, гуси, утки, голуби, цесарки, павлины, фазаны; комнатныя и пѣвчія, полевыя, лѣсныя и болотныя птицы. Очерки и разсказы изъ жизни птицъ. Корреспонденціи. Дѣятельность обществъ птицеводства русскихъ и иностранныхъ. Обозрѣніе литературы по птицеводству. Смѣсь. Торговыя извѣстія. Вопросы и отвѣты на нихъ редакціи и свѣдующихъ лицъ. Объявленія.

«Гигіэна. Охраненіе и возстановленіе здоровья гигіэною, климатомъ и водами». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 26-го ноября. Журналъ спеціально-медицинскій, цензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; издатель почет. гражд. Василій Сергѣевичъ Эттингеръ; редакторъ врачъ Павелъ Матвѣевичъ Ольхинъ. Программа: Мѣста для леченія водами, купаньемъ, климатомъ и вообще гигіеническими средствами. Спеціальныя лечебныя заведенія. Болѣзни, излечимыя и облегчаемыя водами, климатомъ и гигіэническими мѣрами и средствами. Частная гигіэна. Вліянія, вредныя для здоровья и мѣры къ ихъ устраненію и предупрежденію. Жилище и его окрестности. Домашній комфортъ. Образъ жизни и средства ея поддержанія. Естествовѣдѣніе и техника. Описаніе явленій, животныхъ, растеній и проч., вліяющихъ на здоровье. Приложеніе естествовѣдѣнія къ удовлетворенію практическихъ потребностей жизни. Путешествія. Маршруты. Разсказы, очерки и анекдоты, преимущественно знакомящіе съ жизнью въ мѣстностяхъ для леченія гигіэническими средствами. Разныя объявленія.

«Другъ Семьи». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 15-го августа. Журналъ научно-литературный, ежемѣсячный, цензурный; редакторъ-издатель д-ръ Александръ Леонтьевичъ Эберманъ. Программа: Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія (въ области искусства, изобрѣтеній, сельскаго хозяйства, земледѣлія, народной гигиены и популярной медицины; исторіи, географіи, лингвистики и друг. знаній, касающихся общежитія). Обученіе

играмъ для домашнихъ развлеченій и медицинской гимнастики съ рисунками для нагляднаго объясненія. Отзывы о новыхъ книгахъ. Романы, повѣсти и разсказы, преимущественно историческіе съ иллюстраціями. Ноты для фортепіано. Новѣйшія моды (оба послѣднихъ отдѣла, какъ приложенія). Объявленія.

«Женскій Вѣстникъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 8-го мая. Журналъ популярно-научный, педагогическій и литературный, ежемѣсячный, цензурный; редакторы-издательницы: жена капитана Анна Петровна Мейбаумъ и жена к. с. Анна Адріановна Браилко. Программа: Оригинальныя и переводныя статьи, посвященныя: а) гигіэнѣ, какъ женскаго, такъ и дѣтскаго организмовъ; б) статьи по воспитанію до-школьнаго періода; в) психологическія статьи и наблюденія надъ женской и дѣтской жизнью. Критико-историческія статьи. Литературная и педагогическая хроника. Беллетристика. Библіографія, объявленія и отвѣты редакціи. Прибавленіе: статьи о домоводствѣ и сельскомъ хозяйствѣ.

«Живая Старина». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 6-го октября. Журналъ ученый, безцензурный, выходитъ 4 раза въ годъ; издатель Этнографическое отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, редакторъ Владиміръ Ивановичъ Ламанскій. Программа: Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія. Небольшіе матеріалы съ примѣчаніями памятники языка и народной словесности, русскіе и историческіе. Критика и библіографія. Обзоръ этнографической литературы русской и иностранной. Смѣсь. Частныя замѣтки. Ученыя новости. Дѣйствія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею.

«Jezdziec i Mysliwy» (Ѣздокъ и Охотникъ). Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ гор. Варшавѣ послѣдовало 14-го декабря. Журналъ издается на польскомъ языкѣ и посвященъ спеціально коннозаводству и охотѣ, цензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; редакторъ-издатель Станиславъ Ѳеофиловичъ Витовскій. Программа: Статьи по коннозаводству и коневодству вообще. Дѣйствія и распоряженія правительства. Описаніе скаковыхъ и охотничьихъ происшествій, а также спортовые романы. Отчеты о скаковыхъ состязаніяхъ въ имперіи. Отчеты о заграничныхъ скачкахъ. Біографіи извѣстныхъ коннозаводчиковъ и спортсменовъ. Отчеты о гребныхъ гонкахъ и состязаніяхъ велосипедистовъ. Объявленія, отвѣты редакціи. Рисунки скачекъ, лошадей, охотъ, портреты коннозаводчиковъ. Во время скачекъ въ Варшавѣ журналъ этотъ выходитъ ежедневно въ видѣ прибавленій въ предѣлахъ программы.

«Липецкій Листокъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ гор. Липецкѣ послѣдовало 24-го іюня. Газета литературная и общественной жизни, цензурная, еженедѣльная, выходящая во время лечебнаго сезона (съ 15-го мая по 15-е сентября); издатель правленіе Липецкихъ минеральныхъ водъ, редакт. с. с. Александръ Николаевичъ Соловьевъ. Программа: Текущія городскія новости. Фельетонъ: очерки и извѣстія беллетристическаго, историческаго и описательнаго содержанія, по возможности отличающіяся мѣстнымъ интересомъ, стихотворенія. Мѣстныя справочныя свѣдѣнія и объявленія.

«Миссіонерскій Сборникъ». Разрѣшеніе на изданіе этого сборника послѣдовало въ 1890 году, но онъ долженъ былъ начать свой выходъ въ 1891 г.

Хотя сборникъ издается какъ прибавленіе къ «Рязанскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ», но, не смотря на это, его слѣдуетъ считать самостоятельнымъ изданіемъ. Програма: Отдѣлъ I офиціальный. Узаконенія и распоряженія гражданской, центрально-церковной и мѣстной епархіальной власти относительно миссіонерскаго дѣла, равно какъ относительно положенія сектантовъ, раскольниковъ и инородцевъ не христіанъ, тѣхъ, какіе встрѣчаются въ предѣлахъ рязанской епархіи. Офиціальные отчеты и извлеченія изъ нихъ, епархіальныхъ миссіонеровъ и миссіонерскихъ учрежденій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ миссіонерскому дѣлу. Отдѣлъ II. Епархіальныя извѣстія: свѣдѣнія о дѣятельности пастырей церкви, миссіонеровъ и общихъ миссіонерскихъ учрежденій рязанской епархіи въ борьбѣ съ расколомъ, сектантствомъ и магометанствомъ, объ открытіи миссіонерскихъ библіотекъ, о собесѣдованіяхъ, обращеніяхъ въ православіе и т. п. Свѣдѣнія о мѣстномъ сектантствѣ, расколѣ и инородческомъ нехристіанскомъ населеніи и о выдающихся дѣятеляхъ среди ихъ. Отдѣлъ III. Литературный: собесѣдованія и бесѣды съ сектантами и раскольниками, равно какъ слова и поученія, направленныя противъ нихъ. Научно-литературныя статьи и замѣтки по исторіи и обличенію сектантства и раскола. Библіографическія замѣтки о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ миссіонерскому дѣлу и полезныхъ для мѣстныхъ миссіонеровъ и пастырей церкви въ ихъ борьбѣ съ расколомъ, сектантствомъ и магометанствомъ. Списки рекомендуемыхъ для миссіонерскихъ библіотекъ книгъ и брошюръ. Неизданные матеріалы для исторіи сектантства и раскола, а также и полемики съ ними. Отдѣлъ IV. Иноепархіальныя извѣстія: распоряженія и дѣйствія въ иныхъ епархіяхъ по части противосектантской и противораскольнической миссіи, имѣющія практическій интересъ и полезныя для мѣстной рязанской миссіи. Сообщенія о выдающихся случаяхъ обращенія въ православіе изъ раскола, сектантства и магометанства (трудами миссіонеровъ или пастырей церкви) и о выдающихся событіяхъ въ жизни раскола и сектантства внѣ рязанской епархіи.

«Московская Иллюстрированная Газета». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ Москвѣ послѣдовало 19-го января. Газета литературная и политическая, цензурная, ежедневная; редакторъ-издатель Николай Никитичъ Соѣдовъ. Газета эта издается вмѣсто «Русскаго Сатирическаго Листка», тоже выходившаго въ Москвѣ. Програма: Святцы. Историческія сказанія о православныхъ святыняхъ. Виды замѣчательныхъ храмовъ и обителей. Торжественныя богослуженія. Историческій ежегодникъ, напоминающій выдающіяся событія русской и всеобщей исторіи. Календарныя и метеорологическія свѣдѣнія. Телеграммы телеграфныхъ агентствъ и собственныхъ корреспондентовъ. Московскій отдѣлъ: дѣятельность московской администраціи, городского общественнаго управленія и земства. Статистическія свѣдѣнія. Санитарное состояніе города. Иллюстрированные отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и художественныхъ обществъ. Иллюстрированный дневникъ происшествій. Вѣсти книжныхъ магазиновъ и типографій. Вѣсти съ биржи. Вѣсти изъ почтамта: наложенные платежи, недоставленныя письма и телеграммы. Свадьбы и похороны. «Старая и новая Москва»: рисунки, планы и описанія замѣчательныхъ зданій какъ уничтоженныхъ, такъ и возникающихъ, старые барскіе дома: домовые храмы, историческія коллекціи, портретныя гал-

лереи и проч. Заграничные паспорты, выдаваемые изъ канцеляріи генералъ-губернатора. Судебная хроника безъ обсужденія рѣшеній. Отдѣлъ пріѣзжихъ: прибывшіе въ Москву. Біографіи и портреты пріѣзжихъ знаменитостей. Постановленія обязательныя для обывателей. Время пріема у высокопоставленныхъ лицъ, докторовъ, адвокатовъ и въ редакціяхъ ежедневныхъ изданій. Достопримѣчательности города, музеи, картинныя галлереи, выставки, библіотеки, общественныя собранія, клубы, театры и увеселенія. Больницы и лечебницы. Почта и желѣзныя дороги. Таблицы для провѣрки часовъ по московскому времени. Лучшія гостинницы и магазины. Аукціоны. Фельетоны: научный, журнально-библіографическій, художественный, театрально-музыкальный и охотничій, беллетристика. Справочный отдѣлъ: лекарственные совѣты съ разрѣшенія московскаго врачебнаго управленія. Судебный указатель. Спектакли, концерты, гулянья и проч. Портреты, рисунки, ноты и иллюстраціи къ тексту по всѣмъ отдѣламъ программы. Афиши, рекламы и объявленія. Безплатныя приложенія литературныя и художественныя.

«Муза, музыкальный журналъ для семьи и школы». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 23-го октября. Журналъ спеціально-музыкальный, цензурный, ежемѣсячный; издатель купецъ Александръ Егоровичъ фонъ-Миллеръ, редакторъ учитель музыки Николай Тивольскій. Программа: Музыкальныя пьесы для фортепіано и разныхъ инструментовъ, а также и для пѣнія.

«Общество для распространенія коммерческихъ знаній». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 10-го октября. Журналъ справочнаго характера, цензурный, выходитъ неопредѣленно и только для членовъ общества; издатель общество, редакторъ кандидатъ коммерц. Анатолій Сѣмечкинъ. Программа: Извѣщенія о предстоящихъ собраніяхъ, докладахъ и бесѣдахъ. Извѣщенія объ открываемыхъ при обществѣ лекціяхъ, курсахъ и классахъ. Списокъ лицъ, предложенныхъ къ баллотировкѣ и выбаллотированныхъ частными собраніями въ члены общества. Каталогъ библіотеки общества. Сообщенія о поступившихъ въ пользу общества пожертвованіяхъ. Періодическія вѣдомости о движеніи суммъ общества. Извлеченіе изъ журналовъ засѣданій совѣтовъ. Постановленія общихъ, очередныхъ и экстренныхъ собраній членовъ. Краткое содержаніе читанныхъ докладовъ, происходившихъ бесѣдъ, состоящихся лекцій и чтеній. Извѣщенія о вакантныхъ мѣстахъ и о лицахъ, ищущихъ себѣ занятій, и объявленія.

«Пантобибліонъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 15-го декабря. Журналъ библіографическій, цензурный, ежемѣсячный; издатели т. с. Алоизій Кѣршъ и к. а. Владиміръ Орловскій, редакторъ А. Кѣршъ. Программа: Справочно-библіографическія указанія относительно текущей научной литературы какъ русской, такъ и иностранной. Новыя книги: содержаніе, названіе авторовъ, заглавіе, годъ и мѣсто изданія, форматъ и объемъ, имя издателя и цѣна книги. Краткія рецензіи о выдающихся произведеніяхъ какъ отечественной, такъ и заграничной научной литературы. Рецензіи печатаются на томъ языкѣ, на какомъ напечатана и обозрѣваемая книга. Объявленія на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

«Помощь Самообразованію». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ гор. Саратовѣ послѣдовало 6-го октября. Журналъ научно-литературный и иллюстрированный, цензурный, выходитъ 4 раза въ годъ; редакторъ-издатель н. с. Апполинарій Ѳедотовичъ Тельнихинъ. Программа: Публичныя лекціи и популярно-научныя статьи по естествознанію, исторіи, географіи, политической экономіи, гражданскому и уголовному праву, литературѣ, медицинѣ и другимъ отраслямъ наукъ. Біографіи ученыхъ. Классическія творенія великихъ писателей, какъ поясненія къ статьямъ по всеобщей исторіи и исторіи литературы. Прикладныя знанія: статьи о разныхъ техническихъ производствахъ, описанія машинъ и изобрѣтеній съ біографіями изобрѣтателей и другихъ дѣятелей въ области промышленности. Описаніе промысловъ и ремеслъ. Искусство. Исторія искусствъ, снимки съ художественныхъ произведеній, біографіи художниковъ, ноты лучшихъ музыкальныхъ произведеній, виды и планы театровъ, біографіи артистовъ. Отдѣлъ посредничества, въ которомъ будутъ помѣщаться подписчиками интересующіе ихъ вопросы и даваемые на нихъ другими подписчиками отвѣты. Описаніе путешествій, изображенія замѣчательныхъ мѣстностей и народовъ. Объявленія.

«Приволжскій Вѣстникъ Охоты». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ гор. Саратовѣ послѣдовало 18-го мая. Газета спеціальная, литературная и иллюстрированная, цензурная, еженедѣльная; издатели: капит. Корнелій Владиславовичъ Тхоржевскій, двор. Павелъ Ивановичъ Телепневъ и потом. почетн. гражд. Иванъ Парфеновичъ Горизонтовъ, редакторъ К. В. Тхоржевскій. Программа: Дѣйствія и распоряженія правительства, касающіяся всѣхъ отраслей охоты. Передовыя статьи по всѣмъ вопросамъ охоты. Хроника явленій изъ міра охоты какъ русской, такъ и заграничной. Корреспонденціи русскія и иностранныя по предмету охоты. Вопросы и отвѣты по предмету охоты. Смѣсь (извлеченіе изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ по предметамъ охоты). Фельетонъ (повѣсти, разсказы, очерки, сцены изъ охотничьей жизни). Статьи по отдѣламъ: ружейной и псовой охоты, рыболовства, лошадинаго спорта, сабаководства, птицеводства и оружія. Статьи по вопросамъ, касающимся военныхъ охотничьихъ командъ. Отчеты о бѣгахъ, садкахъ, гонкахъ и вообще по вопросамъ спорта. Рисунки и политипажи. Объявленія.

«Промышленная Россія. La Russie industrielle». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ Москвѣ послѣдовало 6-го іюня. Газета торгово-справочнаго характера, на русско-французскомъ языкѣ, цензурная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; редакторъ-издатель итальянскій подданный Альбертъ Христофоровичъ Бленджини графъ де-Торричелло. Программа: Статьи и извѣстія о минералогическихъ богатствахъ въ Сибири, на Кавказѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Россійской имперіи. Указатель новѣйшихъ изобрѣтеній, фабрикъ, заводовъ, земледѣльческихъ товариществъ, разведенія винограда, мануфактуры, общества желѣзныхъ дорогъ и пароходства, общества страхованій, банковъ, техническихъ бюро, общественныхъ работъ, морскихъ, грузовыхъ пароходовъ, таможенъ, биржъ, морскихъ и сухопутныхъ транспортовъ и библіографія по отдѣламъ, входящимъ въ програму изданія. Объявленія и рекламы.

«Професіональная Школа». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ Кіевѣ

послѣдовало 18-го сентября. Газета, посвященная изученію разнаго рода практическихъ знаній, цензурная, еженедѣльная; редакторъ-издательница домашняя учительница Олимпія Васильевна Кулицкая. Программа: Правительственныя распоряженія по учебному и профессіональному дѣлу. Руководящія статьи, касающіяся разныхъ отраслей домашняго хозяйства и промышленности, а также статьи выясняющія значеніе того или другого вида ручного труда и ремеслъ въ дѣлѣ профессіональнаго образованія. Отдѣлы спеціальные: домоводство, садоводство, огородничество, льноводство, шелководство, птицеводство, молочное хозяйство, пчеловодство, приготовленіе вареній изъ фруктовъ и овощей, консервовъ и соленій, кулинарное искусство въ связи съ элементарными знаніями домашней гигіены, прачечное дѣло, шитье ручное и машинное, кройка бѣлья и платьевъ дамскихъ и дѣтскихъ, модное мастерство, вышиванья, дѣланіе цвѣтовъ, изготовленіе дамскихъ шляпъ и головныхъ уборовъ, ткацкое мастерство, составленіе узоровъ для вышивокъ и кружевныхъ работъ, товаровѣдѣніе и счетоводство въ примѣненіи къ домашнему хозяйству и промышленности. Усовершенствованія въ области искусствъ ручного труда и ремеслъ. Краткія біографіи выдающихся людей въ области естественнаго хозяйства и промышленности. Наблюденія надъ жизнью дѣтей и вообще замѣтки изъ школьнаго міра. Святочные разсказы. Корреспонденціи, касающіяся ремеслъ и промысловъ, преимущественно кустарныхъ. Программы существующихъ профессіональныхъ и техническихъ школъ, а также школьные отчеты. Чертежи и рисунки, какъ поясненія, относящіеся къ ручному труду, ремесламъ и домашнему хозяйству. Отзывы о книгахъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, преимущественно же о пособіяхъ и учебникахъ, относящихся къ профессіональному обученію. Рецепты и совѣты по домашнему хозяйству и разнымъ отраслямъ образованія. Краткія свѣдѣнія, касающіяся сохраненія здоровья чрезъ опрятность въ обстановкѣ и умѣренность въ образѣ жизни. Отвѣты редакціи. Объявленія.

«Ревельскій Городской Листокъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ гор. Ревелѣ послѣдовало 5-го марта. Газета литературная и общественной жизни, цензурная, ежедневная; редакторъ-издатель Яковъ Кырву. Программа: Важнѣйшія правительственныя распоряженія. Служебныя назначенія и перемѣны въ личномъ составѣ присутственныхъ мѣстъ Эстляндской губерніи. Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ и интереснѣйшихъ судебныхъ разбирательствахъ. Хроника мѣстныхъ происшествій. Городской справочный указатель: извѣщеніе о спектакляхъ, концертахъ и другихъ общественныхъ увеселеніяхъ, списокъ дѣлъ, назначенныхъ для разбирательства въ судахъ окружномъ и мировомъ. Замѣтки, касающіяся экономическихъ и другихъ сторонъ мѣстной жизни. Базарныя цѣны на продукты и припасы. Биржевыя и торговыя извѣстія. Вѣдомость недоставленныхъ депешъ. Совѣты и рецепты для домашняго хозяйства. Обозрѣніе мѣстныхъ газетъ. Небольшіе разсказы и анекдоты. Частныя объявленія.

«Санитарное Дѣло. Органъ общественной и частной гигіены». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ Петербургѣ послѣдовало 8-го мая. Газета спеціально-медицинская, цензурная, еженедѣльная; редакт.-издат. д. с. с. д-ръ медицины Яковъ Марковичъ Шмулевичъ. Программа. Статьи оригинальныя и переводныя по вопросамъ общественной и частной гигіены. Засѣданія ученыхъ

обществъ: протоколы и рефераты по докладамъ гигіеническаго содержанія. Критика и библіографія. Анализъ сочиненій по гигіенѣ общественной и частной. Фельетонъ. Статьи и лекціи по вопросамъ общественной и частной гигіены въ общедоступномъ изложеніи. Вопросы и отвѣты. Абонентамъ и постороннимъ лицамъ предоставлено право обращаться въ редакцію съ вопросами по общественной и частной (семейной) гигіенѣ, которые будутъ печататься подъ текущими нумерами съ отвѣтомъ подъ тѣми нумерами. Здѣсь же будетъ помѣщаться вся корреспонденція редакціи. Хроника. Текущія событія, извѣстія изъ общей прессы, имѣющія гигіеническій интересъ или касающіяся общественныхъ условій врачей. Правительственныя распоряженія относительно общественныхъ гигіеническихъ мѣръ, повальныхъ болѣзней и вообще медицинской части и медицинскаго сословія. Движеніе врачей по службѣ.

«Саратовскій Санитарный Обзоръ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ гор. Саратовѣ послѣдовало 19-го іюля. Газета спеціально-медицинская, цензурная, выходитъ два разда въ мѣсяцъ, издается губернскою управою; редакторъ, врачъ Молесонъ. Программа: Регистрація свѣдѣній о заболѣваніяхъ и эпидеміологическихъ матеріаловъ. Регистрація движенія населенія (статистика смертности и рождаемости). Статьи и рефераты по медицинской статистикѣ, географіи и топографіи. Научные библіографическіе обзоры, извлеченія изъ засѣданій различныхъ врачебныхъ съѣздовъ и обществъ, извлеченія изъ докладовъ земскихъ и городскихъ управъ и постановленій земскихъ и думскихъ собраній, медицины касающихся. Статьи по земской и городской медицинѣ и общественной и частной гигіенѣ. Практическая дѣятельность земскихъ врачей во время эпидемій. Замѣтки изъ врачебной практити земскихъ врачей. Объявленія.

«Сборникъ Саратовскаго Земства». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ гор. Саратовѣ послѣдовало 19-го іюля. Журналъ этотъ посвященъ мѣстнымъ интересамъ, цензурный, выходитъ по мѣрѣ накопленія матеріала, а во время мѣстныхъ выставокъ ежедневно или, смотря по надобности, выпускается «Листокъ Саратовской Выставки»; издается губернскою земскою управою подъ редакціею предсѣдателя управы. Программа: Постановленія и распоряженія правительства. Земское и городское хозяйство, земскія извѣстія и обзоры дѣятельности земскихъ городскихъ учрежденій Саратовской губерніи. Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія по археологіи, исторіи, этнографіи, народному образованію, по физической географіи, метеорологіи, почвовѣдѣнію, экономическому быту, сельскому хозяйству, промышленности, торговлѣ, кредиту, медицинѣ, ветеринаріи и статистикѣ. Мѣстная хроника: сообщенія, отчеты и обзоры дѣятельности мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ. Справочныя извѣстія и объявленія.

«Сибирскій Листокъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ гор. Тобольскѣ послѣдовало 6-го октября. Газета торгово-промышленная, цензурная, выходитъ два раза въ недѣлю; редакторъ-издатель купецъ Александръ Адріановичъ Сыромятниковъ. Программа: Статьи и извѣстія по сельско-хозяйственнымъ и торгово-промышленнымъ вопросамъ. Вѣдомости о состояніи мѣстныхъ рынковъ, въ особенности хлѣбныхъ рынковъ. Котировка денежнаго курса и фонвъ. Тобольская городская хроника: городскія происшествія, по свѣдѣніямъ,

получаемымъ изъ полиціи. Распоряженія правительства и мѣстнаго начальства. Внутреннія извѣстія: мѣстныя извѣстія торгово-промышленнаго характера. Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства. Собственныя торговыя телеграммы. Отвѣты редакціи. Объявленія.

«Страховое Обозрѣніе». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 22-го января. Спеціальный журналъ, посвященный страховому дѣлу, цензурный, ежемѣсячный; редакторъ-издатель кол. рег. Алексѣй Михайловичъ Бунаковъ. Программа: Правительственныя постановленія и распоряженія, относящіяся до страховаго дѣла. Обсужденіе вопросовъ по страховому дѣлу. Внутреннія и иностранныя извѣстія, касающіяся страховаго дѣла. Хроника страховыхъ дѣйствій. Корреспонденція въ предѣлахъ программы. Юридическій, статистическій и техническій отдѣлы въ предѣлахъ программы. Оригинальныя и переводныя статьи по страховому дѣлу. Обзоръ страховой литературы. Отвѣты и разъясненія редакціи по предложеннымъ ей вопросамъ, касающимся страховаго дѣла. Справочный отдѣлъ. Отчеты и балансы страховыхъ обществъ. Объявленія.

«Труды Общества Русскихъ Врачей». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 23-го октября. Журналъ спеціально-медицинскій, безцензурный, выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюля, августа и сентября, издается обществомъ русскихъ врачей; редакт. д-ръ Михаилъ Владиміровичъ Яновскій. Программа: Научныя сообщенія, сдѣланныя въ обществѣ. Замѣчанія, возраженія и пренія по предметамъ сообщеній. Протоколы засѣданій. Приложенія, состоящія изъ ученыхъ трудовъ, издаваемыхъ на счетъ общества.

«Фельдшеръ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ последовало 23-го іюня. Журналъ спеціально-медицинскій, цензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; редакт.-издат. врачъ Борисъ Абрамовичъ Оксъ. Программа: Самостоятельныя и передовыя статьи медицинскаго содержанія, въ доступномъ пониманію фельдшеровъ изложеніи, о сущности, предупрежденіи и леченіи болѣзни, объ уходѣ за больными и о помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Общедоступныя статьи по общей и частной гигіенѣ и о простѣйшихъ способахъ распознаванія фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ. Статьи и корреспонденціи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и дѣятельности фельдшеровъ. Мелкія извѣстія, рефераты и рецензіи книгъ, въ предѣлахъ программы журнала. Отвѣты редакціи и объявленія.

«Художникъ. Иллюстрированный журналъ искусствъ и изящной литературы». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 24-го мая. Журналъ художественно-литературный, иллюстрированный, съ приложеніями, цензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, редакторъ-издатель д. с. с. Василій Григорьевичъ Авсѣенко. Программа: Изящная словесность: стихотворенія, романы, повѣсти, разсказы, очерки и драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя. Исторія, археологія, географія: очерки, мемуары, воспоминанія, путешествія. Обозрѣніе литературы и искусствъ: литературная, художественная и музыкальная критика и библіографія. Художественныя новости. Хроника. Обзоръ текущихъ событій, какъ поясненіе къ портретамъ и рисункамъ. Фельетонъ общественной и художественной жизни. Разныя извѣстія и

смѣсь. Рисунки въ текстѣ и приложеніяхъ: копіи съ картинъ, оригинальные рисунки, портреты, рисунки къ событіямъ текущей жизни.

«Художественный Сборникъ работъ русскихъ архитекторовъ и инженеровъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Москвѣ послѣдовало 3-го декабря. Журналъ спеціальный, иллюстрированный, цензурный, выходитъ отъ 3 до 6-ти разъ въ годъ; редакторъ-издатель архитекторъ Адольфъ Адольфовичъ Нетыкса. Программа: Отдѣлъ художественный: планы, разрѣзы, фасады, детальные чертежи различныхъ гражданскихъ построекъ и сооруженій, рисунки ткани, мебели, бронзы, иконостасовъ, церковной утвари, и все то, что такъ или иначе имѣетъ отношеніе къ постройкамъ зданій, ихъ внутреннимъ убранствамъ или удобствамъ. Отдѣлъ литературный: Объясненіе рисунковъ, помѣщаемыхъ въ сборникѣ. Практическія статьи по всѣмъ отраслямъ строительнаго искусства. Исторія развитія зотчества, живописи и ваянія вообще, а въ Россіи въ особенности. Этюды изъ области искусства древняго и современнаго въ видахъ приложенія или примѣненія къ новѣйшему искусству. Отчеты о выставочныхъ конкурсахъ, артистическихъ или научныхъ собраніяхъ. Хроника архитектурная. Корреспонденція. Критика исполнительной части построекъ, касающаяся ихъ хозяйственной стороны. Подробное объясненіе конкурсовъ и результатовъ послѣднихъ. Свѣдѣнія о цѣнахъ на различные матеріалы, имѣющіе отношеніе къ постройкамъ. Вопросы, отвѣты и совѣты. Обзоръ спеціальной иностранной періодической печати. Архитектурная и художественная библіографія. Біографіи художниковъ съ ихъ портретами. Рисунки и чертежи. Объявленія.

«Царь-Колоколъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Москвѣ послѣдовало 6-го іюня. Журналъ литературный, иллюстрированный, цензурный, еженедѣльный; издатель дворянинъ Эдуардъ Эдуардовичъ Гиппіусъ; редакторъ дворянинъ Константинъ Николаевичъ Цвѣтковъ. Программа: Литературный отдѣлъ: Оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, путешествія, стихотворенія. Историческій отдѣлъ: Статьи по отечествовѣдѣнію съ рисунками замѣчательныхъ мѣстностей Россіи, историческихъ зданій, церквей, монастырей, памятниковъ и т. п. Научный отдѣлъ: Научныя новости, открытія, изобрѣтенія и техническія усовершенствованія. Домашняя гигіена: содержаніе жилищъ, пища, одежда, первая помощь въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ; полезные совѣты матерямъ: уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Біографическій отдѣлъ: замѣчательные современники, русскіе и иностранные, пріобрѣвшіе извѣстность въ наукѣ, литературѣ, искусствахъ, государственные люди и военные дѣятели (съ портретами). Отдѣлъ искусствъ: живопись, ваяніе, музыка, театръ. Художество въ приложеніи къ промышленности и домашнему быту. Кустарныя издѣлія. Отдѣлъ хозяйственный: научныя новости въ примѣненіи къ хозяйству. Уходъ за домашними животными и птицами и ихъ леченіе. Фруктовый и цвѣточный садъ, огородъ, пчельникъ. Комнатная культура цвѣтовъ и растеній. Домоводство. Полезныя домашнія производства, заготовленіе продуктовъ въ прокъ и ихъ храненіе; домашнее хозяйство и кухня. Модный отдѣлъ: отдѣлка и убранство комнатъ. Общественная жизнь: ссудо-сберегательныя кассы; страхованіе жизни и имущества; противупожарныя мѣры, пожарныя общества; благотворительныя учрежденія, больницы, обширныя торговыя предпріятія и т. п. Смѣсь: мелочи, анекдоты, игры, задачи и т. п. Библіографическія замѣтки. Частныя объявленія.

«Шахматы». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 6-го февраля. Журналъ посвященъ шахматной игрѣ, цензурный, ежемѣсячный; редакторъ-издатель Николай Егоровичъ Митропольскій. Програма: Шахматныя партіи, задачи, анализы дебютовъ; статьи по теоріи и литературѣ шахматной игры; біографіи и портреты извѣстныхъ шахматистовъ; разсказы, очерки и анекдоты изъ жизни шахматныхъ игроковъ; извѣстія, относящіяся къ шахматной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границею и вообще статьи, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, имѣющія отношенія къ шахматной игрѣ. Отдѣлъ, посвященный шахматной игрѣ, въ коемъ будутъ помѣщаться шашечныя партіи, задачи, а также и статьи, относящіяся къ шахматной игрѣ.

«Шахматный Журналъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 6-го февраля. Журналъ посвящается спеціально шахматной игрѣ, цензурный, ежемѣсячный; редакторъ-издатель кол. секр. Александръ Константиновичъ Марковъ и редакторъ домашній учитель Эмануилъ Шифферсъ. Програма: Исторія и теорія шахматной игры, анализъ игранныхъ партій, задачи и извлеченія изъ иностранныхъ шахматныхъ журналовъ и вообще все, относящееся до шахматной игры.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1889 года дано было разрѣшеніе на изданіе въ Петербургѣ журнала «Учитель-Лингвистъ», который началъ выходить въ прошломъ 1890 г. и имѣлъ такой успѣхъ, что потребовалось второе изданіе; програма этого журнала была приведена нами въ обзорѣ періодическихъ изданій 1889 г. Въ прошломъ году, 6-го октября, послѣдовало разрѣшеніе на раздѣленіе этого журнала на двѣ совершенно самостоятельныя части и выпускать ихъ подъ названіемъ: «Учитель-Лингвистъ». Курсъ первый для незнающихъ и дѣтей и «Учитель-Лингвистъ»—Курсъ второй для нѣсколько знающихъ и взрослыхъ. Такимъ образомъ одна изъ частей этого журнала должна считаться какъ бы новымъ періодическимъ изданіемъ. Оба курса выходятъ подъ цензурой и ежемѣсячно и издаются по слѣдующимъ программамъ.

Програма 1-го курса: Отд. 1-й. Лингвистика и жизнь. Статьи и замѣтки по языкознанію, рецензіи и проч. Отд. 2-й. Французскій яз. Отд. 3-й. Нѣмецкій яз. Отд. 4-й. Англійскій яз. Отд. 5-й. Шведскій яз. Отд. 6-й. Итальянскій яз. (По каждому языку даются разсказы, сказки, повѣсти, анекдоты, стихотворенія, образцы писемъ, діалоги и проч., расположенные въ систематическомъ порядкѣ для изученія языка какъ практически, такъ и теоретически, посредствомъ самостоятельныхъ работъ, для которыхъ дано все необходимое, какъ-то: примѣчанія, слова, транскрипція, вопросы и для провѣрки работы «Ключъ»). Отд. 7-й. Объясненіе занятій, переводъ текста на русскій яз., отвѣты на данномъ языкѣ, переводъ ихъ на русскій и проч. Этотъ отдѣлъ предназначенъ также для иностранцевъ, желающихъ изучить русскій яз., причемъ ключемъ къ ихъ занятіямъ служатъ отдѣлы 2, 3, 4, 5 и 6-й. Отд. 8-й. Наша корреспонденція: отвѣты на вопросы подписчиковъ, указаніе способа занятій и подробное объясненіе всего затруднительнаго при изученіи языковъ. Указаніе учебниковъ, руководствъ, словарей и проч. пособій по языкознанію. Отд. 9-й. Объявленія.

Програма 2-го курса. Отд. 1-й. Научно-педагогическій. Статьи по методикѣ языкознанія. Новые вопросы лингвистики. Біографіи и другія свѣдѣнія

о замѣчательныхъ лингвистахъ, переводчикахъ и вообще дѣятеляхъ на поприщѣ языкознанія. Свѣдѣнія о съѣздахъ лингвистовъ, отчеты филологическихъ обществъ и т. п. Интересные факты изъ жизни великихъ людей-знатоковъ иностранныхъ языковъ. Анекдоты, сцены и факты изъ обыденной жизни, касающіеся языкознанія. Отд. 7-й. Новости лингвистики. Новыя сочиненія по языкознанію: научныя, учебныя, словари и друг. Игры и учебныя пособія для изученія иностранныхъ и родного языка. Рецензіи. Обзоръ филологическихъ журналовъ. Отд. 2-й. Французскій яз. Отд. 3-й. Нѣмецкій яз. Отд. 4-й. Англійскій яз. Отд. 5-й. Шведскій яз. Отд. 6-й. Итальянскій яз. (По каждому языку даются романы, разсказы, повѣсти, стихотворенія и проч., съ переводомъ всего затруднительнаго и необходимыми примѣчаніями. На языкахъ наиболѣе употребительныхъ въ коммерческихъ сношеніяхъ, даются образцы писемъ, телеграммъ, дѣловыхъ бумагъ, счетовъ и проч. съ переводомъ на русскій. Военные діалоги). Отд. 8-й. Наша корреспонденція. Отвѣты на вопросы подписчиковъ, указаніе способа занятій и подробное объясненіе всего затруднительнаго при изученіи иностранныхъ яз. Указаніе учебниковъ, руководствъ, словарей и другихъ пособій по языкознанію. Отд. 9-й. Объявленія.

Возобновленіе изданія.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1890 г. дано было право кн. С. П. Урусову издавать въ Москвѣ журналъ «Лошадь», но журналъ этотъ фактически не выходилъ и потому въ прошломъ году возобновлялось право на изданіе, причемъ самый журналъ получилъ другое названіе.

Измѣненіе въ программахъ журналовъ.

Въ теченіе 1890 г. измѣнена программа въ 17 періодическихъ изданіяхъ, но эти измѣненія, въ смыслѣ расширенія, не существенны и весьма незначительны за исключеніемъ двухъ журналовъ, программа которыхъ совершенно обновлена. Эти два послѣднихъ изданія: «Гомеопатическій Вѣстникъ» и «Справочный Листокъ»; вмѣстѣ съ перемѣною программы они измѣнили и свое первоначальное названіе: журналъ «Гомеопатическій Вѣстникъ» въ «Врачъ-Гомеопатъ», а газета «Справочный Листокъ», выходящая въ г. Казани, въ «Казанскія Извѣстія». Всѣ изданія измѣнившія свою программу поименованы ниже въ алфавитномъ порядкѣ и съ указаніемъ измѣненій. Журналъ «Артистъ, театральный, музыкальный и художественный журналъ»—дополненъ беллетристическимъ отдѣломъ; журналъ на польскомъ языкѣ «Ateneum»—отдѣломъ политическое обозрѣніе; газета «Бессарабскій Вѣстникъ»—коммерческимъ отдѣломъ; газета «Wesenberger Anzeiger»—отдѣломъ объявленій объ имѣющихъ быть судебныхъ засѣданіяхъ и разборахъ дѣлъ; журналъ «Гомеопатическій Вѣстникъ» (нынѣ «Врачъ-Гомеопатъ») издается по слѣдующей программѣ: Оригинальныя и переводныя статьи по всѣмъ отраслямъ медицины, связаннымъ какимъ бы то ни было общимъ интересомъ съ гомеопатіею. Терапевтическія замѣтки, практическія наблюденія, домашняя медицина. Физіологическое дѣйствіе лекарствъ на организмъ

человѣка и животныхъ (фармакодинамика). Рефераты изъ засѣданій гомеопатическаго общества. Новости въ медицинѣ вообще и въ гомеопатіи въ особенности. Библіографія. Некрологъ. Хроника событій въ гомеопатическомъ мірѣ и мелкія извѣстія изъ врачебнаго быта. Корреспонденція. Объявленія. Программа журнала «Вѣстникъ Воспитанія» расширена дозволеніемъ помѣщать: оригинальныя и переводныя статьи, критику и библіографію, мелкія сообщенія (рефераты), хронику, приложенія (литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. п.), объявленія; въ журналѣ «Вѣстникъ Моды. Иллюстрированный журналъ моды, хозяйства и литературы» — добавляется литературный отдѣлъ; газеты «Düna Zeitung» — помѣщеніемъ: судебныхъ отчетовъ, рефератовъ о судопроизводствѣ и судоустройствѣ и вообще свѣдѣніями по судебной части, но безъ права обсужденія судебныхъ рѣшеній; въ журналѣ «Женское Образованіе. Педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ» и т. д. (Названіе этого журнала теперь нѣсколько измѣнено) добавленіемъ отдѣловъ: Обозрѣніе педагогической журналистики и литературы въ Россіи, обозрѣніе иностранной педагогической журналистики и литературы, народная школа въ Россіи и за границей, смѣсь, мелкія извѣстія и факты изъ области воспитанія и обученія; въ журналѣ «Игрушечка—помѣщать разсказы для дѣтей на нѣмецкомъ языкѣ съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ; газета «Справочный Листокъ» (нынѣ «Казанскія Вѣсти») издается по слѣдующей новой программѣ: Дѣйствія правительства. Телеграммы. Церковныя вѣсти по казанской и другимъ приволжскимъ епархіямъ. Мѣстная хроника: отчеты о засѣданіяхъ земства, думы, ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, театральныя рецензіи, случаи и происшествія, дѣла въ судебныхъ учрежденіяхъ и разныя статьи и замѣтки, касающіяся мѣстныхъ интересовъ. Корреспонденціи. Фельетонъ: повѣсти, разсказы и проч. Хроника иностранной жизни по русскимъ газетамъ. Обзоръ печати и статьи по разнымъ вопросамъ русской жизни. Библіографія. Замѣтки по сельскому хозяйству, торговлѣ, промышленности и вопросамъ, имѣющимъ практическое значеніе въ частной жизни. Извѣстія о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ Казани, о приходѣ и отходѣ почтъ и пароходовъ. Биржевыя извѣстія. Календарныя и метеорологическія свѣдѣнія. Объявленія. Въ журналѣ «Книжный Вѣстникъ»—разрѣшено помѣщать краткое изложеніе содержанія книгъ; въ журналѣ «Книжки Недѣли» (приложеніе къ газетѣ «Недѣля») — помѣщать: путевые и біографическіе очерки, критическія статьи и, кромѣ того, открыть новый отдѣтъ «Литературная смѣсь», состоящій изъ отзывовъ о новыхъ художественныхъ произведеніяхъ, извлеченій изъ журналовъ и книгъ литературнаго содержанія и вообще всякаго рода литературныхъ свѣдѣній; въ газетѣ «Окраина»—открыты отдѣлы: рыболовство и охота въ Туркестанскомъ краѣ и Закаспійской области; внутреннія извѣстія, перепечатываемыя изъ газетъ; практическія свѣдѣнія и научные совѣты; журналъ «Развѣдчикъ»—издавать по слѣдующей программѣ: Свѣдѣнія, извѣстія, замѣтки, новости и проч., науки и литература; обзоръ и указатель вышедшихъ и выходящихъ изданій, съ отзывами о нихъ; вопросы, отвѣты и разъясненія въ предѣлахъ программы; фельетонъ: всякія статьи литературнаго содержанія; біографіи и некрологи; виньетки, портреты и рисунки

соотвѣтствующіе тексту; разныя объявленія. Программа газеты «Ревельскій Городской Листокъ»—расширена добавленіемъ отдѣловъ: хроника мѣстной жизни и происшествій; обозрѣніе статей столичныхъ газетъ, касающихся интересовъ Прибалтійскаго края: телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства; послѣднія извѣстія какъ о внутреннихъ, такъ и о внѣшнихъ событіяхъ, заимствуемыя изъ «Правительственнаго Вѣстника», «Journal de S.-Petersbourg», «Русскаго Инвалида», «С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей»; въ газетѣ «Рижскій Вѣстникъ»—введенъ отдѣлъ судебныхъ извѣстій и отчетовъ о засѣданіяхъ; рефераты о судопроизводствѣ и судоустройствѣ и вообще свѣдѣнія по судебной части; въ газетѣ «Русскій Справочный Листокъ» (нынѣ «Русскій Листокъ») добавлены отдѣлы; правительственныя распоряженія; романы, повѣсти, разсказы, сценки и стихотворенія, какъ оригинальные такъ и переводные, исключительно литературно-художественнаго содержанія и театральная хроника; наконецъ въ газетѣ «Санитарное Дѣло»—разрѣшено помѣщать объявленія.

Приложенія къ журналамъ.

Право выдавать особое приложеніе получили 8-мь изданій, но эти приложенія уже не носятъ названій художественныхъ премій, мода на которыя кажется миновала, и состоятъ въ большинствѣ изъ разныхъ книжекъ.

Въ журналѣ «Wszechswiat»—листъ объявленій; къ журналу «Вѣстникъ Воспитанія»—рисунки; къ журналу «Дѣтское Чтеніе»—книжки литературнаго содержанія; къ журналу «Коннозаводство и Коневодство»—описаніе конскихъ заводовъ подъ названіемъ «Рысистые заводы въ Россіи»; къ журналу «Музыкальный журналъ для семьи и школы»—музыкальныя сочиненія; къ журналу «Охотничья Газета»—книги и картины охотничьяго и зоологическаго содержанія; къ газетѣ «St.-Petersburger Herold»—газету подъ названіемъ «Mode und Haus. Gratis beilage des St.-Petersburger Herold». (Описаніе модъ и замѣтки по домашнему хозяйству съ иллюстраціями и объявленія) и къ журналу «Счетоводство»—сочиненія по счетоводству; къ иллюстрированному журналу «Лучъ»—12-ть книжекъ въ годъ литературнаго содержанія и журналъ «Иллюстрированный Міръ».

Относительно журнала «Лучъ» необходимо замѣтить, что въ 1890 году было разрѣшено издавать его безъ иллюстрацій и выпускать, по прежнему, еженедѣльно и прилагать къ нему безъ особой платы журналъ «Иллюстрированный Міръ», который такимъ образомъ потерялъ значеніе отдѣльнаго изданія.

Измѣнили названіе слѣдующія изданія.

«Взаимное Страхованіе»—въ «Страховыя Вѣдомости»; «Газета А. Гатцука», выходящая въ Москвѣ—въ «Заря»; «Гомеопатическій Вѣстникъ», выходящій въ Петербургѣ—въ «Врачъ-Гомеопатъ», причемъ для этого журнала утверждена новая программа, выходитъ же онъ ежемѣсячно и безъ цензуры; «Гусляръ», выходящій въ Москвѣ—въ «Заноза»; «Дешевая библіотека. Собраніе переводныхъ романовъ и повѣстей»; «Женское образованіе. Педагогическій листокъ

для родителей, наставницъ и наставниковъ, издаваемый при с.-петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ»—въ «Женское образованіе. Педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ»; «Zorza» (приложеніе къ журналу)—въ «Poradnik dla hadlujacych oraz dla gospodyn i mniejszych posiadoczy rolnych»; «Лошадь», журналъ выходящій въ Москвѣ—въ «Спортъ»; газета «Минута», выходящая въ Петербургѣ—въ «Русскую Жизнь»; журналъ «Развѣдчикъ», выходящій въ Петербургѣ—въ «Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный»; газета «Ревельскій Городской Листокъ», выходящій въ г. Ревелѣ—въ «Колывань»; газета «Русскій Справочный Листокъ»—въ «Русскій Листокъ»; газета «Справочный Листокъ», выходящая въ г. Казани—въ «Казанскія Вѣсти», причемъ газета эта издается по вновь утвержденной программѣ и журналъ «Труды Высочайше утвержденнаго русскаго общества охраненія народнаго здравія», выходящій въ Петербургѣ—въ «Журналъ русскаго общества охраненія народнаго здравія».

Изданія объявленныя окончательно прекратившимися.

Всѣхъ періодическихъ изданій, объявленныхъ въ 1890 году окончательно прекратившимися было 31. Мы уже привели выше данныя, изъ которыхъ видно, какъ недолговѣчны большинство нашихъ изданій, а изъ прекратившихся собственно въ прошломъ году только четыре изданія перешли за десятилѣтній періодъ, что же касается остальныхъ, то всѣ они, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ указаній, окончили свое существованіе слишкомъ скоро. Вотъ перечень прекратившихся изданій, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ.

«Всемірное Эхо» издавалось въ Петербургѣ и существовало два года; «Библіотека Вѣстника Моды», приложеніе къ журналу, выходило въ Петербургѣ, существовало два года; «Henkellinen Lehti» (Духовный Листокъ), издавался въ Петербургѣ, существовалъ два года; «Графическія искусства и бумагопромышленность», выходило въ Петербургѣ—4 года; «Biblioteka umijętności prawnych», издавалось въ гор. Варшавѣ, выходило 18 лѣтъ; «Желѣзнодорожный Листокъ Объявленій», выходилъ въ Петербургѣ, существовалъ 12 лѣтъ; «Земская Медицина», выходила въ Москвѣ, существовала 6 лѣтъ; «Korespondent Plocki» выходилъ въ гор. Плоцкѣ; «Листокъ русскаго винодѣлія» выходилъ въ Петербургѣ, существовалъ два года; «Листокъ о потеряхъ и находкахъ» выходилъ въ Петербургѣ, существовалъ два года; «Листокъ Объявленій» выходилъ въ Петербургѣ, существовалъ два года; «Дѣтскій Музыкальный Мірокъ» выходилъ въ Петербургѣ, существовалъ 4 года; «Музыкальное Обозрѣніе» выходило въ Петербургѣ, существовало два года; «Народная Школа» выходила въ Петербургѣ, существовала 21 годъ; «Новая Газета» выходила въ Москвѣ; «Nordische Rundschau» выходилъ въ гор. Ревелѣ, существовалъ 6 лѣтъ; «Охотникъ» выходилъ въ Москвѣ, существовалъ 3 года; «Pipifax-humoristische Mappe» выходилъ въ Петербургѣ, существовалъ 3 года; «Послѣднія новости. Дешевая иллюстрація» выходила въ Москвѣ, существовала 2 года; «Пчелка» выходила въ городѣ Одессѣ, существовала 10 лѣтъ; «Родной Край» выходилъ въ Москвѣ, существовалъ годъ; «Rigasche Zeitung» выходила въ гор. Ригѣ, существовала 4 года;

«Диллетантъ» выходилъ въ гор. Ростовѣ-на-Дону, существовалъ годъ; «Россія и Востокъ» выходила въ Петербургѣ, существовала 2 года; «Русскій Винодѣлъ» выходилъ въ Петербургѣ, существовалъ 3 года; «Сборникъ романовъ и повѣстей для юношества» выходилъ въ Москвѣ, существовалъ годъ; «Справочная книжка по общей физикѣ А. А. Ильина» выходила въ Петербургѣ, существовала 3 года; «Театральный Вѣстникъ» выходилъ въ Москвѣ, существовалъ годъ; «Техникъ и Техническій Обзоръ» выходилъ въ Москвѣ, существовалъ 8 лѣтъ; «Успѣхи винокуреннаго производства» выходилъ въ Петербургѣ, существовалъ 2 года и «Чтеніе для народа» выходило въ Петербургѣ, существовало 4 года.

Утверждены новыя лица редакторами или издателями:

Редакторами: Латышскихъ газетъ «Balss» и «Baltijas Westnesis» (2-мъ) губ. секр. Яковъ Кальнигъ; журнала «Благовѣстъ» над. сов., магистръ богосл. Өедоръ Васильевичъ Четыркинъ; журнала «Viadomoscie Farmaceutyczne» Владиславъ Ивановичъ Віорогурскій; газеты «Восточное Обозрѣніе» (2-мъ) штаб.-кап. Василій Александровичъ Ошурковъ; журнала «Вѣстникъ Взаимнаго Страхованія» тит. сов. Сергѣй Лукичъ Семко-Савойскій; газеты «Gazeta losowan papierow publuznych» (2-мъ) Осипъ Александровичъ Влоскевичъ; газеты »Journal de S.-Petersbourg politique, literaire commercial et industriel» швейц. гражд. Эмиль Августовичъ Трипе; журнала «Записки Московскаго Отдѣл. Императ. Русскаго Техническаго Общества» генералъ-маіоръ Владиміръ Георгіевичъ фонъ-Бооль; газеты «Казанскія Вѣсти» (бывш. «Справочный Листокъ») двор. Николай Алексѣевичъ Ильяшенко; газеты «Казанскій Биржевой Листокъ» купецъ Веніаминъ Ключниковъ; газеты «Kaliszonin» присяж. повѣр. Александръ Яворницкій; газ. «Курскій Листокъ» двор. Николай Федоровичъ Владиславскій-Падалко (это назначеніе состоялось 16-го октября), ранѣе же (18-го мая) кол. секр. Николай Даниловичъ Даниковскій; журналовъ «Коннозаводство и Коневодство» и «Листокъ Спортсмена» издатель ихъ Левъ Львовичъ Вильсонъ; газеты «Крымъ» кол. ас. Николай Николаевичъ Балабуха; газеты «Крымскій Вѣстникъ», надв. сов. гр. Владиміръ Валеріановичъ Люксембургъ; газеты «Минута» (нынѣ «Русская Жизнь») личн. двор. Дмитрій Алексѣевичъ Покровскій; газеты «Mitausche Zeitung» потом. почетн. гражд. Генрихъ-Исаакъ Штеффенгагенъ; газеты «Neue Dërptsche Zeitung» (2-мъ) Эмилія Маттисенъ, она же и изтельница этой газеты; газеты «Niwa» магистръ правъ Александръ Рембовскій; журнала «Нижегородскій Вѣстникъ пароходства и промышленности» стат. сов. Всеволодъ Васильевичъ Малининъ и (2-мъ) архитект. Николай Дмитріевичъ Григорьевъ; газеты «Одесскій Вѣстникъ» двор. Максимиліанъ Максимиліановичъ Арнольдъ; газеты «Одесскія Новости» (2-мъ) Алексѣй Петровичъ Старковъ; газеты «Правда» потом. почет. гражд. Павелъ Подлигайловъ; журнала «Przegląd Pedagogiczny» дѣйствит. студ. Иванъ Викентьевичъ Давидъ; журнала «Русскій Архивъ» (2-мъ) Юрій Петровичъ Бартеневъ; газеты «Русскія Вѣдомости» (2-мъ) ст. сов. Александръ Постниковъ; журнала «St.-Petesbourger Midicinische Wochenschrift» ордин. проф. стат. сов. Карлъ Дегіо и д-ръ Іоганъ Крангальсъ; газетъ «Свѣтъ» и «Звѣзда» (2-мъ) подполк. Петръ Августиновичъ Монтеверде; газеты

«Смоленскій Вѣстникъ» кол. сов. Василій Венедиктовичъ Гулевичъ; журнала «Сотрудникъ» (2-мъ) потом. почет. гражд. Владиміръ Николаевичъ Маракуевъ, онъ же и издатель; журнала «Сѣверный Вѣстникъ» тит. сов. Борисъ Глинскій и газеты «Таганрогскій Вѣстникъ» д. с. с. Михаилъ Ивановичъ Красновъ.

Издателями: Газеты «Бакинскій Торгово-Промышленный Листокъ» г-жа Елисавета Ивановна Болдырева; журнала «Biblioteka Warszawska» двор. Іосифъ Михайловичъ Вейсенгоффъ, онъ же и редакторъ; журнала «Благовѣстъ» потом. поч. гражд. Николай Николаевичъ Филипповъ, а потомъ жена ст. сов. Александра Васильевна Васильева; газеты «Wszechświat» наслѣдники Е. Ф. Древульскаго, а потомъ пріобрѣлъ съ публичнаго торга магистръ естеств. наукъ Антонъ Михайловичъ Слюгарскій; газеты «Волжскій Вѣстникъ» кол. секр. Николай Викторовичъ Рейнгардъ; «Gazeta Sądowa Warszawska» д. с. с. Владиславъ Осиповичъ Новаковскій; газеты «Düna Zeitung» датск. под. куп. Кундъ Горнеманъ; газеты «Дѣловой Корреспондентъ» жена надв. сов. Анна Петровна Савицкая; журнала «Кіевская Старина» двор. Ксенофонтъ Михайловичъ Гамалей; журнала «Колосья» куп. Федоръ Васильевичъ Трозинеръ; газеты «Крымъ» двор. Елеазаръ Артемьевичъ Муратовъ; газеты «Крымскій Вѣстникъ» куп. сынъ Семенъ Спиро; журнала «Лучъ» губ. секр. Станиславъ Станиславовичъ Окрейцъ; газеты «Медицина» д-ръ Степанъ Михайловичъ Васильевъ; журнала «Медицинская Бесѣда» ст. сов. Всеволодъ Иринеевичъ Миропольскій, кол. сов. Анатолій Христофоровичъ Сабининъ и женщина врачъ Екатерина Доримедонтовна Глотова; газеты «Минута» (нынѣ «Русская жизнь») куп. Сергѣй Емельяновичъ Добродѣевъ; журнала «Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland» паст. Ѳедоръ Таубе; журнала «Niwa» Александръ Клобуковскій; газеты «Odessaer Zeitung» соиздателемъ учит. Карлъ Яковлевичъ Гертеръ, онъ же и второй редакторъ; журнала «Пантеонъ Литературы» соиздат. куп. Ѳедоръ Васильевичъ Трозинеръ; журнала «Петербургская жизнь» кл. художн. Дмитрій Александровичъ Есиповъ, онъ же и редакторъ; журнала «По морю и сушѣ» кол. рег. Сергѣй Александровичъ Бердяевъ; газеты «Правда» пот. почетн. гражд. Павелъ Никитичъ Подлигайловъ; газеты «Прибалтійскій Край» кол. ас. Александръ Семеновичъ Петровъ, потомъ тит. сов. Михаилъ Ефстафьевичъ Виноградовъ; газеты «Приволжскій Вѣстникъ Охоты» выбылъ изъ издателей г. Горизонтовъ; журнала «Przegląd Pedagogiczny» ст. сов. Александръ Якентьевичъ Шумовскій; газеты «Ревельскій Городской Листокъ» кол. ас. Михаилъ Михайловичъ Лященко, онъ же и редакторъ; газеты «Revue Commerciale» греч. под. Николай Хрисогелосъ, онъ же и редакторъ; газеты «Rigasche Hausfrauen Zeitung» Вильгельмъ Шефферсъ; газеты «Rigasches Kirchenblatt» обр. паст. Вильгельмъ Келлеръ; журналовъ «Русскій Вѣстникъ Страхованія» и «Страховыя Вѣдомости» Софья Григорьевна Лаврентьева; журнала «Русскій Спортъ» соизд. кн. Сергѣй Петровичъ Урусовъ; журнала «Семейная Библіотека» соиздат. куп. Ѳедоръ Васильевичъ Трозинеръ; журнала «Семейные Вечера» почет. гражд. Эрнестъ Арнгольдъ; журнала «Сѣверный Вѣстникъ» тит. сов. Борисъ Борисовичъ Глинскій; газеты «Театральный Мірокъ» губ. секр. Владиміръ Людвиговичъ Черной; журнала «Tygodnik. Powszechny» дѣйств. студ. Станиславъ Нарутовичъ; газеты «Felliner Anzeiger» г-жа Вельгельмина фонъ-цуръ-Мюленъ, она же и редакторъ и газеты «Шутъ» прус. под. Филиппъ Тимофѣевичъ Эйлеръ.

Измѣненъ срокъ выхода журналовъ.

«Вѣстникъ Воспитанія» выпускать 8 разъ въ годъ, «Женское Образованіе. Педагогическій журналъ для родителей, наставницъ и наставниковъ» вмѣсто 10 разъ ежемѣсячно; «Листокъ Спортсмена» (приложеніе къ журналу «Коннозаводство») выпускать на конунѣ бѣговъ въ Петербургѣ и въ Царскомъ Селѣ; газету «Медицина» вмѣсто 8, четыре раза въ мѣсяцъ; газету «Орловскій Вѣстникъ» вмѣсто 3 разъ въ недѣлю—ежедневно; газету «Окраина» вмѣсто 7, три раза въ недѣлю; газету «Постимеесъ» (эстонская)—вмѣсто 3-хъ, шесть разъ въ недѣлю; журналъ «Пантеонъ Литературы»—вмѣсто 12-ти, четыре раза въ годъ; журналъ «Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный»—вмѣсто 12—24 разъ въ годъ, отъ 20 до 40 разъ; журналъ «Русская Школа»—вмѣсто 10-ти разъ въ годъ, ежемѣсячно; «Страховыя Вѣдомости» — вмѣсто одного, 2 раза въ мѣсяцъ и журналъ «Счетоводство»—вмѣсто еженедѣльно, ежемѣсячно.

Отмѣтимъ еще тѣ періодическія изданія, которымъ въ 1890 году было разрѣшено помѣщать рисунки въ текстѣ и давать ихъ отдѣльно. Изданія эти слѣдующія: «Gazeta Swiateczna», «Нижегородскій Биржевой Листокъ», «Przegląd Tyhodniowy», «Счетоводство», «Терджимакъ-Переводчикъ» и «Тэвія».

Въ теченіе минувшаго года, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, періодическія изданія были подвергнуты слѣдующимъ карательнымъ мѣрамъ: 24-го апрѣля объявлено «Московскимъ Вѣдомостямъ» первое предостереженіе за передовую статью въ № 102, «въ виду крайне дерзкаго отзыва о государственномъ дѣятелѣ (генералъ-губернаторѣ Финляндіи), поставленномъ во главѣ управленія областью»; въ этой статьѣ разсматривался новый проектъ уголовнаго уложенія княжества Финляндскаго. 9-го октября пріостановлено изданіе газеты «Восточное Обозрѣніе» на 4 мѣсяца; 24-го марта опредѣлено пріостановить изданіе газеты «Южанинъ» на 8 мѣсяцевъ, но 30-го мая это распоряженіе было отмѣнено и такимъ образомъ запрещеніе продолжалось только мѣсяцъ и шесть дней; 6-го іюня была запрещена на двѣ недѣли розничная продажа нумеровъ газеты «Гражданинъ»; 1-го іюня воспрещена розничная продажа «Биржевыхъ Вѣдомостей», а 14-го августа вновь допущена; 18-го іюля воспрещена розничная продажа газеты «Минута», а 12-го сентября вновь допущена; 26-го іюня опредѣлено было прекратить печатаніе частныхъ объявленій и воспретить розничную продажу «Московской Иллюстрированной Газеты», но послѣднее распоряженіе 14-го августа отмѣнено и 9-го октября воспрещена розничная продажа газеты «Восточное Обозрѣніе, а 16-го декабря послѣдовало распоряженіе о допущеніи продажи съ января мѣсяца настоящаго года.

Л. Павленковъ.

№ 8-й.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ВЪ МАѢ 1891 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Алексѣевъ, П. С., д-ръ. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого „Для чего люди одурманиваются". М. 1891 г. Ц. 1 р.

Апраксинъ, А. Д. Три повѣсти. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Апухтинъ, А. Н. Стихотворенія Изд. 2-е. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Астафьевъ, П. Е. Изъ итоговъ вѣка, съ приложеніемъ писемъ „Еврейство и Россія". М. 1891 г. Ц. 1 р.

Базарова, А. А. Руководство къ изученію кройки и шитья дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Базилевичъ, М. Е. Роль бѣлаго кровяного шарика въ развитіи злокачественныхъ новообразованій эпителіальнаго типа. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Баранцевичъ, К. С. Христосъ воскресъ. Разсказъ. Спб. Ц. 5 к.

Барсуковъ, И. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій. Матеріалы для біографіи. 2 т. М. 1891 г. Ц. за 2 т. 5 р. 50 к.

Батюшковъ, Н. Къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести подъемъ цѣнности кредитнаго рубля. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Бацевичъ, Ев., д-ръ, Причины септическихъ послѣродовыхъ заболѣваній. Изъ лекцій, прочитан. акушеркамъ. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Янъ Гусъ.—Демидовы. М. Е. Салтыковъ. — Хр. Колумбъ. Съ портретами. Спб. 1891 г. Ц. каждаго т. 25 к.

Бобровскій, П. О. Къ біографіи Антонія Юрьевича Сосновскаго. Вильна. 1891 г. Ц. 20 к.

Боголѣповъ, П. Сборникъ устныхъ и письменныхъ ариѳметическихъ задачъ. М. 1891 г. Ц. 40 к.

Брюль, Н. Л. Систематич. сборникъ дѣйствующихъ на русск. желѣзн. дорог. укакон. и распор. правительства. 2-й вып. дополненія къ 3-мъ частямъ по 1-е января 1891 г. Спб. Ц. 2 руб.

Бухъ, Л. Деньги. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Быкова, М. Первые разсказы изъ естественной исторіи. Изданіе 3-е. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Бѣловъ, А. Обзоръ производства маргариновыхъ продуктовъ. Спб. Ц. 25 к.

Вазили, графъ. Бездна. Романъ. Переводъ съ французск. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. XIII. М. 1891 г. Ц. 5 р. 50 к.

Wogdoloch, Ks. Чахотка. Новый взглядъ на ея происхожденіе, предупрежденіе къ заболѣванію ею и средства къ излеченію безъ Кохина. М. 1891 г. Ц. 75 к.

Вогюэ-де, Е. М. Черная Индія. Казань. 1891 г. Ц. 75 к.

Водовозова, Е. Н. Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста. Изд. 4-е, совершен. переработ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Географическій сборникъ кружка студентовъ-естественниковъ Харьковскаго университета. Подъ ред. проф. К. Н. Краснова. Харьковъ. 1891 г. Ц. 1 р.

Генералъ-отъ-кавалеріи, бар. И. П. Оффенбергъ 2-й и наша армейская кавалерія подъ его начальствомъ съ 1856—1862 г. Кіевъ. 1891 г. Ц. 60 к.

Говорова, В. Эстетика и символизмъ растительнаго царства. Казань. 1891 г. Ц. 20 к.

Горацій. Оды. Введеніе и примѣчанія

составилъ А. Горбатовъ. Казань. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гофманъ-Фонъ, Эд. Д-ръ. Учебникъ судебной медицины. 3-е русское изд. Спб. 1891 г. Ц. 4 р.

Гусевъ, А., проф. О клятвѣ и присягѣ. Противъ современныхъ отрицателей ея. Казань. 1891 г. Ц. 40 к.

Гуторъ, В. П. Въ ожиданіи реформы. Мысли о задачахъ музыкальнаго образованія. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Джаншіевъ, Гр. Основы судебной реформы (къ 25-ти-лѣтію новаго суда). Историко-юридическіе этюды. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Деревицкій, А. Н. О новомъ трактатѣ Аристотеля и его значеніи для исторіи аѳинской демократіи. Харьковъ. 1891 г. Ц. 25 к.

* **Диккенсъ, Ч.** Оливеръ Твистъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Изданіе 3-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. за 2 т. 50 к., въ папкѣ 58 к.

Добровольскій, В. Русская грамота. Букварь для народныхъ школъ. Издан. 19-е. Спб. 1891 г. Ц. 5 к.

Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса. Ч. I. М. 1891 г. Ц. 50 к.

Другъ молодости вообще и холостяковъ въ особенности. Изд. 2-е. М. 1891 г. Ц. 80 к.

Езерскій, Ѳ. В. Мѣры къ подъему финансовъ. Вып. II. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

— Маленькія мѣры къ большому подъему народнаго благосостоянія. Вып. II. Русская пресса. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Еленевъ, Ѳ. Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Елпатьевскій, К. Учебникъ русской исторіи. 2-е издан. исправл. и дополнен. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 30 к.

Епанчинъ, К. Календарь для садовниковъ, огородниковъ и сельскихъ хозяевъ на 1891 г. М. Ц. 50 к.

Ермоловъ, А. С. Современные сельскохозяйственные вопросы. Вып. I-й. М. 1891 г. Ц. 2 руб.

Жбанковъ, Д. Н. Бабья сторона. Статистико-этнографическій очеркъ. Кострома. 1891 г. Ц. 1 р.

«Живая старина». Періодическое изданіе. Отд. Этнограф. Имп. Русск. Географ. Общ., подъ редакц. В. И. Ламанскаго. Вып. III. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Подъ редакц. Ю. И. Юрлова. Т. VIII. Спб. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к.

Загоскинъ, Н. П. Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Казань. 1891 г. Ц. 50 к.

— Наука исторіи русскаго права. Казань. 1891 г. Ц. 3 р.

Зайцевъ, А. Курсъ органической химіи. Вып. II. Казань. 1891 г. Ц. 2 р.

Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества издан. подъ редакп. барона В. Р. Розена. Т. V, вып. II—IV. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Засодимскій, П. В. Аля. Изъ біографіи одной маленькой дѣвочки. Спб. 1891 г. Ц. 5 к.

— Изъ сказокъ жизни. Спб. 1891 г. Ц. 5 к.

Ибсенъ, Г. Нора или домашній очагъ куколки. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М. 1891 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, П., д-ръ. Теоретическія основанія тѣлесныхъ упражненій. Съ рисунками. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Извѣстія Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ. Т. IX, вып. 1-й. Казань. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Тоже т. IX, вып. 2-й. Казань 1891 г. Ц. 1 р. 75 к.

Icard S., d-r. Женщина въ періодъ менструаціи. Этюдъ по психопатологіи и судебной медицинѣ. Казань. 1891 г. Ц. 2 р.

Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Jussu ea imprensis Soc. Archaeol. Im. Rus. edidit Bas. Latyschev. Vol. II. Petrop. Mdcccxc. Ц. 10 р.

Іогель, М. К. Въ старомъ домѣ. Повѣсть. М. 1891 г. Ц. 75 к.

Исаченко, В. Л. Гражданскій процессъ. Практич. камментарій на 2-ю кн. устава гражд. судопроизводства. Т. I. Вып. 4-й Минскъ. 1891 г. Ц. 1 р. 20 к.

Каблуковъ. Ив. Современныя теоріи растворовъ (Фантъ-Гоффа и Арреніуса) въ связи съ ученіями о химическомъ равновѣсіи. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кавенъ-фонъ, А. Подпорныя стѣнки и каменныя одежды. Съ атласомъ чертежей. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Клейберъ, І. А. Опредѣленіе орбитъ метеорныхъ потоковъ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Лейнъ, А. Зубы, ихъ значеніе, заболѣванія и уходъ за ними. Искусственные зубы. Уфа. 1891 г. Ц. 1 р.

Лендеръ, Н. Волжскій спутникъ. Съ картою Поволжья. Изд. 2-е. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

Литературный сборникъ въ пользу бѣдныхъ. Вып. II. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Лукіанъ. Сочиненія. Съ греческаго пе-

ревелъ В. Алексѣевъ. Вып. III. Спб. 1891 г. Ц. 75.

Майнъ-Ридъ. Пропавшая сестра. Разсказъ для юношества. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Маракуевъ, В. Н. Практическое русское садоводство (плодовое и ягодное). М. 1891 г. Ц. 25 к.

Матеріалы къ познанію фауны и флоры Россійской имперіи. Отдѣлъ ботаническій. Вып. I. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мейеръ, Ак. д-ръ. Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса. 1891 г. Ц. 50 к.

Месковскій, Ал. Образцовый самоучитель французскаго языка. Вып. 7-й. Спб. 1891 г. П. 30 к.

Миклашевскій, С. Итоги полувѣковыхъ толковъ о помощи кустарю. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Мильтонъ, Дж. Потерянный и возвращенный рай. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Моженъ, Ж. и В. Мень. Скрипка. Альтъ, віолончель, контръ-басъ и гитара. Новое полное руководство къ устройству и изготовленію. Тверь. 1891 г. Ц. 1 р.

Нагуевскій, Д. И. Энеида Виргилія. Полное изданіе въ одномъ томѣ съ введеніемъ и комментаріемъ. Казань. 1891 г. Ц. 3 р. 60 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Изд. А. Гарбель и Комп. Вып. 13-й, 14-й и 16. М. 1891 г. Ц. вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Никитинъ, А. Н. Очерки городского благоустройства за границей. Путевыя замѣтки. Спб. 1891 т. Ц. 2 р.

Обнинскій, П. Н. Законъ и бытъ. Очерки и изслѣдованія въ области нашего реформируемаго права. Вып. 1-й. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Правила движенія по желѣзнымъ дорогамъ (паровознымъ) открытымъ для общественнаго пользованія, дополн. по 1-е января 1891 г. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Полотебновъ, А., свящ. Свѣтлая радость православнаго христіанина. Пасхальный сборникъ. М. 1891 г. Ц. 50 к.

Порфирьевъ, И. Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. Изд. 2-е. Казань. 1891 г. Ц. 1 р. 20 к.

— Исторія русской словесности. Ч. I. Древній періодъ. Изд. 5-е, пересм. и дополнен. Казань. 1891 г. Ц. 2 р.

Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидрологіи. Изд. 3-е, значительно дополненное и исправленное. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 40 к.

* **Пыляевъ, М. И.** Старая Москва. Разсказы изъ былой жизни первопрестольной столицы. Съ рисунками. Вып. V и VI. Спб. Ц. каждаго вып. 50 к.

Равита, Ф. На Красномъ дворѣ. Историческій романъ временъ княженія Изяслава въ Кіевѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Романовъ, Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Вып. 4-й. Сказки космогоническія и культурныя. Витебскъ. 1891 г. Ц. 1 р.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. VII. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Салтыковъ, М. Е. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Губернскіе очерки.—Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова. Съ портретомъ, факсимиле и могильнымъ памятникомъ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Самокишъ, Н. Маневры въ юго-западномъ краѣ въ 1890 г. Альбомъ рисунковъ. Вып. III. Спб. 50 к.

Сарматъ (К. Баранцевичъ). 80 разсказовъ (Юмористическій сборникъ). Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ и о таможенныхъ сборахъ за 1890 г. Ц. 50 к.

— О внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е марта 1891 г. Спб. Ц. 50 к.

Свѣтловъ, Вал. Новеллы. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., на велен. бум. 2 р.

Сельско-хозяйственное винокуреніе. Законъ 4-го іюня 1891 г. о мѣрахъ къ поощренію сельско-хозяйственнаго винокуренія. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Сибирь и трансъ-азіатскій желѣзный путь. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Скворцовъ. Ѳ. Охотникъ и рыболовъ. Записная справочная книжка для молодыхъ охотниковъ и рыболововъ. М. 1891 г. Ц. 50 к.

Смирновъ, И. Н. Задачи и значеніе мѣстной этнографіи. Казань. 1891 г. Ц. 25 к.

Слонимскій, Л. З. Охрана крестьянскаго землевладѣнія и необходимыя законодательныя реформы. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Снегиревъ, А. О богослужебной поэзіи древней греческой церкви до конца IV вѣка. Харьковъ. 1891 г. Ц. 50 к.

— О природѣ человѣческаго знанія и отношеніи его къ бытію объективному. Харьковъ. 1891 г. Ц. 70 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н А. Разсказы изъ жизни простыхъ людей. Спб. Ц. 5 к.

Соколовъ, А. Русскія имена и прозвища въ XVII вѣкѣ. Казань. 1891 г. Ц. 10 к.

— Черты нравовъ изъ русскаго быта въ XVII вѣкѣ. Ц. 20 к.

Соколовъ, Кор. д-ръ. Хирургія для фельдшеровъ. Т. I. Хирургія для фельдшеровъ. Т. I. Хирургія собственно. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 75 к.

Столыпинъ, Д. Ученіе Конта и примѣненіе его къ рѣшенію вопроса объ организаціи земельной собственности и пользованія землею. М. 1891 г. Ц. 75 к.

Струковъ, В. О закладѣ долговыхъ требованій (De pignore nominum). Изд. 2-е, дополн. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Судейкинъ, Вл. Государственный банкъ. Изслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Тиссадье, Гастонъ. Мученики науки. Съ гравюрами и портретами. Изд. 3-е Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Труды комиссіи по техническому образованію и отчетъ о школахъ для рабочихъ и ихъ дѣтей, учрежд. Имп. Техн. общ. 1889—1890 г. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Тургеневъ, И. С. Стихотворенія. Изд. 2-е, просмотр., исправ. и дополн. С. Н. Кривенко. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Туръ, Евгенія. Три разсказа для дѣтей. Изд. 2-е. М. 1891 г. Ц. 1.

Уставы и правила объ акцизныхъ сборахъ. 1-е дополн. къ ч. I. Уставъ о табачномъ сборѣ. Спб. Ц. 25 к.

Тоже. 1-е дополн. къ ч. II. Времен. правила объ акцизѣ съ сахара. Спб. 1891 г. Ц. 15 к.

Фетъ, Б. Эпиграммы М. В. Марціала. Переводъ и объясненія. 2 т. М. 1891 г. Ц. за 2 т. 4 р.

Филипповъ, А. О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою. М. 1891 г. Ц. 3 р.

Хартулари, К. Ф. Итоги прошлаго. 1866—1891 гг. (Очеркъ уголовныхъ процессовъ, и судебныя рѣчи). Посвящается двадцатипятилѣтію судебныхъ учрежденій. Спб. 1891 г. Ц. 4 р. 50 к.

Цвѣтаевъ, Дм. По поводу статьи проф. Д. И. Багалѣя объ историческомъ изслѣдованіи „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“. Варшава. 1891 г. Ц. 30 к.

Шапиро, Б. д-ръ. Старыя и новыя снотворныя. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Шаховъ, А. Гете и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шмельковъ, П. М. Рисунки и эскизы. Вып. II. М. 1891 г. Ц. 4 р.

Шостакъ, М. Гидравлическая разработка золотоносныхъ породъ въ примѣненіи къ сибирскимъ пріискамъ. Съ чертежами и таблицами. Спб. 1891 г. Ц. 5 р.

Шурыгинъ, Г. Г. Разсчетъ платы поденной, мѣсячной, годовой и др. и вычисленіе процентовъ. Пермь. 1891 г. Ц. 50 к.

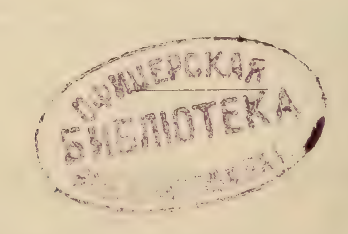
Этнографическое обозрѣніе. Изд. Этнограф. отд. Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр. № 1. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Якубовъ, К. Русскія рукописи Стокгольмскаго государственнаго архива. М. 1891 г. Ц. 60 к.

Японскія сказки. Съ японскими рисунками. Спб. Ц. 1. р.

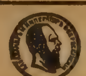
---

*) Изд. А. С. Суворина.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118012852